

Über dieses Buch

Dies ist ein digitales Exemplar eines Buches, das seit Generationen in den Regalen der Bibliotheken aufbewahrt wurde, bevor es von Google im Rahmen eines Projekts, mit dem die Bücher dieser Welt online verfügbar gemacht werden sollen, sorgfältig gescannt wurde.

Das Buch hat das Urheberrecht überdauert und kann nun öffentlich zugänglich gemacht werden. Ein öffentlich zugängliches Buch ist ein Buch, das niemals Urheberrechten unterlag oder bei dem die Schutzfrist des Urheberrechts abgelaufen ist. Ob ein Buch öffentlich zugänglich ist, kann von Land zu Land unterschiedlich sein. Öffentlich zugängliche Bücher sind unser Tor zur Vergangenheit und stellen ein geschichtliches, kulturelles und wissenschaftliches Vermögen dar, das häufig nur schwierig zu entdecken ist.

Gebrauchsspuren, Anmerkungen und andere Randbemerkungen, die im Originalband enthalten sind, finden sich auch in dieser Datei – eine Erinnerung an die lange Reise, die das Buch vom Verleger zu einer Bibliothek und weiter zu Ihnen hinter sich gebracht hat.

Nutzungsrichtlinien

Google ist stolz, mit Bibliotheken in partnerschaftlicher Zusammenarbeit öffentlich zugängliches Material zu digitalisieren und einer breiten Masse zugänglich zu machen. Öffentlich zugängliche Bücher gehören der Öffentlichkeit, und wir sind nur ihre Hüter. Nichtsdestotrotz ist diese Arbeit kostspielig. Um diese Ressource weiterhin zur Verfügung stellen zu können, haben wir Schritte unternommen, um den Missbrauch durch kommerzielle Parteien zu verhindern. Dazu gehören technische Einschränkungen für automatisierte Abfragen.

Wir bitten Sie um Einhaltung folgender Richtlinien:

- + *Nutzung der Dateien zu nichtkommerziellen Zwecken* Wir haben Google Buchsuche für Endanwender konzipiert und möchten, dass Sie diese Dateien nur für persönliche, nichtkommerzielle Zwecke verwenden.
- + *Keine automatisierten Abfragen* Senden Sie keine automatisierten Abfragen irgendwelcher Art an das Google-System. Wenn Sie Recherchen über maschinelle Übersetzung, optische Zeichenerkennung oder andere Bereiche durchführen, in denen der Zugang zu Text in großen Mengen nützlich ist, wenden Sie sich bitte an uns. Wir fördern die Nutzung des öffentlich zugänglichen Materials für diese Zwecke und können Ihnen unter Umständen helfen.
- + *Beibehaltung von Google-Markenelementen* Das "Wasserzeichen" von Google, das Sie in jeder Datei finden, ist wichtig zur Information über dieses Projekt und hilft den Anwendern weiteres Material über Google Buchsuche zu finden. Bitte entfernen Sie das Wasserzeichen nicht.
- + *Bewegen Sie sich innerhalb der Legalität* Unabhängig von Ihrem Verwendungszweck müssen Sie sich Ihrer Verantwortung bewusst sein, sicherzustellen, dass Ihre Nutzung legal ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass ein Buch, das nach unserem Dafürhalten für Nutzer in den USA öffentlich zugänglich ist, auch für Nutzer in anderen Ländern öffentlich zugänglich ist. Ob ein Buch noch dem Urheberrecht unterliegt, ist von Land zu Land verschieden. Wir können keine Beratung leisten, ob eine bestimmte Nutzung eines bestimmten Buches gesetzlich zulässig ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass das Erscheinen eines Buchs in Google Buchsuche bedeutet, dass es in jeder Form und überall auf der Welt verwendet werden kann. Eine Urheberrechtsverletzung kann schwerwiegende Folgen haben.

Über Google Buchsuche

Das Ziel von Google besteht darin, die weltweiten Informationen zu organisieren und allgemein nutzbar und zugänglich zu machen. Google Buchsuche hilft Lesern dabei, die Bücher dieser Welt zu entdecken, und unterstützt Autoren und Verleger dabei, neue Zielgruppen zu erreichen. Den gesamten Buchtext können Sie im Internet unter <http://books.google.com> durchsuchen.

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Per 278975 d. 80

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ
ЗАПИСКИ.

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

THE HISTORY OF THE

ROYAL SOCIETY OF LONDON

ОТЧЕТСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

АНДРЕЕМЪ КРАЕВСКИМЪ

НА 1842 ГОДЪ.

Beatæ plane aures, quæ non
vocem foris sonantem, sed intus
auscultant veritatem docentem.
Gersonius.

ТОМЪ XXIV.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ А. БОРОДИНА И КОМП.

1842.

ПЕЧАТАТЬ ПОВОЛЯЕТСЯ. С. Петербургъ, 31 августа 1842.

**Цензоры: А. Пикитенко.
С. Кутория.**

ОТЪЧЕСТВЕННЫЯ

ЗАПИСКИ.

I.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ЧЕЛОВѢКУ.

(Ода Гёте.)

Будь, человѣкъ, благороденъ!
Будь сострадательнъ, добръ!

Лишь возвышенное чувство,
Чувство чести и добра
Отличаетъ человѣка
Отъ другихъ земныхъ существъ!

Бессознательна природа!
Солнце всѣмъ равно сіяетъ,
Всѣмъ равно благотворитъ,
Мѣсяцъ, звѣзды — будь преступникъ,
Или правый — безъ разбору
Мѣсяцъ святить съ высоты.

Человѣку подобаетъ
Съ добродѣтелью святую
Справедливость сочетать!

Безотчетно и случайно
 Своенравная Фортуна
 Подвизается въ толпѣ —
 То младенца за голову,
 За кудрявую возьметъ,
 То за грѣшный, голый черепъ
 Схватитъ злаго старика.

Общитъ, непреложно-вѣчнымъ,
 Сущимъ искони законамъ
 Мы подвластны, мы должны,
 Какъ и все земное, чѣредъ
 Здышной жизни совершить.

Но на всемъ земномъ пространствѣ
 Невозможное возможно
 Человѣку одному!
 Онъ природу искушаетъ
 Въ ея тайнахъ въковыхъ,
 Нерѣшимое рѣшаетъ,
 Созидаетъ и снуетъ
 Время дѣить иль сокращаетъ
 И мгновенно жизнь даетъ.

Онъ только можетъ,
 Онъ только вправѣ
 Добраго миловать,
 Злаго наказывать,
 Божескимъ разумомъ
 Все несогласное
 Къ цѣли единой вести,
 И неразумію
 Иль заблужденію
 Руку спасенія,
 Связь и значеніе
 Истинной пользы давать!

Будь же ты добръ,
 Человѣкъ благородный!
 Къ благимъ начинаньямъ
 Всечасно готовъ, —
 Духомъ возвышенъ,
 Доблестенъ сердцемъ, —
 Бога подобіемъ
 Будь на землѣ!

А. СТРУГОВЩИКОВЪ.

11 іюля 1842.

ЖИВАЯ КАРТИНА.

(ОДИНЪ НЕМНОГО-СТРАННЫЙ СЛУЧАЙ.)

(А. Д. Галахову.)

ГЛАВА I.

Митя и Ганя.

Оба они, Митя и Ганя, вместе жили, вместе служили, и вообще были большіе пріатели, — именно пріатели, ни меньше, ни больше: друзьями они не могли быть и потому уже, что Ганя болѣе любилъ комедію, а Митя всему предпочиталъ трагедію; что Ганя болѣе нравился темныя, самыя темныя ночи, а Митя свободно дышалъ только въ лунныя; наконецъ и потому-что Ганя читалъ одну прозу, а Митя — Митя услаждалъ себя одними стихами. Вообще, это были два вовсе несходные характера, которые, однако, вопреки самимъ себѣ, легко уживались на одной квартирѣ, зли за однимъ столомъ и даже, въ дождливую погоду, ходили подъ однимъ зонтикомъ. Митя всегда нравилось особенно последнее обстоятельство.

Впрочемъ, повода къ враждѣ, къ неудовольствію, и не могло быть ни съ которой стороны. Тоненькій, худощавый Ганя, свободно повертывавшійся на одной ножкѣ, былъ такъ легокъ, что не могъ принимать къ сердцу лаконическія замѣчанія подъ-часъ капризнаго Мити; къ-тому же, онъ такъ не любилъ убивать время дома, что могъ вовсе не замѣчать ниаго серьёзнаго лица подлѣ себя; къ-тому же, наконецъ, онъ игралъ на гитарѣ. Игра его особенно нравилась женѣ стряпчаго, который жилъ съ ними въ одномъ домѣ, и квартальному поручику ихъ квартала, большому любителю музыки.

Правда, Митя подъ-часъ бывалъ капризенъ; это знала даже и Анна, которая завѣдывала у нихъ кухнею. Атрибуты, которыми обыкновенно сопровождались эти капризы, были даже довольно грозны: сморщенный лобъ, нависшія брови, немного надутыя губы

и — почти ни полслова на всѣ вопросы и доклады... Но кто зналъ короче Митю, тотъ никогда не вѣрилъ его капризамъ, такъ скоро они проходили и такъ всегда оканчивались ничѣмъ! Надобно было только оставить его на нѣсколько времени въ покоѣ, и все проходило само собою. Анна хорошо знала этотъ секретъ, и когда Митя начиналъ въ такомъ «несчастномъ» расположеніи духа одѣваться, она молча подавала ему — въ одной рукѣ сюртукъ, а въ другой—фракъ, такъ-что Митя, тоже не говоря ни слова, могъ выбрать себѣ платье, какое ему хотѣлось. Ганя очень удивлялся этой сметливости Анны.

Ганю знали во всемъ околѣдѣ какъ славнаго малаго, и когда онъ проходилъ домой изъ присутствія, въ окнахъ, по дорогѣ, всегда можно было поймать не одну головку, которая, замѣтивъ издали знакомый плащъ, говорила другой: «идеть, идеть». Митя не былъ такъ счастливъ. Его знали больше по слуху и часто составляли о немъ очень-странныя представленія. На-примѣръ, одинъ купецъ, жившій черезъ домъ, не иначе могъ представить себѣ Митю, какъ въ угрожающемъ положеніи, въ какомъ онъ видѣлъ когда-то одного актѣра въ «Жизни Игрока»; а одна очень-набожная вдова, тоже соседка, вслухъ увѣряла, что Митя, входя въ домъ, никогда не снимаетъ шляпы и даже садится въ ней за столъ. Ганя всегда смѣялся этимъ выдумкамъ на-счетъ его товарища, зная, какъ мало онъ приходилъ на правду.

Тутъ, однако, была своя часть истины. Митя былъ какъ-то суровъ по наружности и, какъ говорилъ Ганя своимъ знакомымъ, отъ природы наклоненъ къ меланхоліи. Выходили такіе дни, что Митя нѣсколько часовъ сряду не говорилъ ни слова: молча садился за столъ, молча вставалъ и просиживалъ цѣлый вечеръ у окна, сложивъ крестомъ руки и вперивъ неподвижный взоръ въ синюю даль. Въ такомъ случаѣ, Ганя обыкновенно самъ дѣлался молчаливъ на цѣлый вечеръ, чтобъ не мѣшать «мечтамъ» своего товарища, или, махнувъ рукою, уходилъ со двора. Бывали и такіе дни, что Митя, хотя также не говорилъ ни слова, но зато по нѣсколькимъ часамъ сряду ходилъ по комнатамъ и напѣвалъ разныя композиціи изъ пѣсень, арій, вальсовъ и кадрилией. Анна хорошо умѣла по-свѣдому различать оба эти состоянія духа, и о послѣднемъ очень-выразительно говорила: «на барина ходунъ нашелъ». Ганя долго боролся съ этою, какъ онъ говорилъ, «дурью» своего товарища, стараясь приучить его къ «пріятнымъ развлеченіямъ» въ жизни; все было напрасно: Митя упрямо оставался дома, и Ганя наконецъ отступился.

Всѣ, кто только зналъ Ганю, очень жалѣли объ Митѣ и положительно утверждали, что такая жизнь не приведетъ къ добру; нѣкоторые видѣли въ этомъ даже что-то подозрительное и совѣтовали Ганю—лучше разойтись съ такимъ страшнымъ человѣкомъ. Изъ люб-

ни къ Митѣ, Ганя горячо защищалъ его передъ всѣми своими знакомыми, объясняя его настоящее положеніе предъидущими обстоятельствами. Въ молодости, то-есть въ первыхъ лѣтахъ ея, Митя удивлялъ всѣхъ легкостію и живостію своего характера; его, говорятъ, любили именно за открытый нравъ и горячее сердце. Съ жаромъ учился онъ въ школѣ, непременно хотѣлъ идти далѣе, и прыгалъ какъ дитя, когда узналъ, что его приняли въ университетъ. Этотъ день былъ празднованъ блистательно и окончился удивительно-весело. Къ-несчастью, расходясь по домамъ, веселые гости дорогою гдѣ-то побуянили, были задержаны, съ-горяча впутали въ свое дѣло и Митю, и — черезъ нѣсколько дней новый студентъ былъ исключенъ изъ списка. Это его поразило; онъ потерялъ всю бодрость, все уваженіе къ себѣ, и не зналъ за что взяться. Между-тѣмъ, надобно было подумать и о средствахъ жизни; Митя вступилъ въ службу. Сначала ему повезло; Митю полюбили всѣ сослуживцы; у него всегда была лишняя копейка; наконецъ, у секретаря въ домъ онъ былъ совершенно какъ свой. Митя ожилъ; онъ по-прежнему вѣрилъ въ счастье и весело смотрѣлъ на жизнь, которая такъ привѣтливо сіяла ему въ голубыхъ глазахъ... Имъ повѣрялъ онъ всѣ свои мечты, всѣ радости; имъ на жертву несъ онъ всѣ привязанности, всѣ привычки и склонности; сердце давно было отдано — оставалось только предложить руку... Ему отвѣчали «краснорѣчивымъ молчаніемъ», а черезъ минуту послышалась изъ-за дверей и нескромная насмѣшка... голубые глаза были также въ разговоръ... Это оскорбило Митю, какъ икогда еще никто не оскорблялъ его; но онъ смолчалъ, онъ никому не сказалъ объ этой обидѣ, и друзья его узнали объ ней только по насмѣшкамъ, которыя преслѣдовали его и за порогъ дома... Съ этихъ поръ, говорятъ, Митя разучился смѣяться.

Ганя зналъ и еще что-то изъ жизни своего пріятеля, но никому не хотѣлъ говорить объ этомъ. Далѣе, онъ рассказывалъ только, какъ Митѣ, будто въ утѣшеніе, дали мѣсто столоначальника, какъ они сошлись между собою и какъ привязались другъ къ другу, такъ-что наконецъ, по словамъ Гани, не могутъ ужъ и разстаться... Вообще, все, что рассказывалъ Ганя далѣе, было вовсе-незанимательно и могло казаться совершенно истиннымъ развѣ только его крѣпкому убѣжденію.

Какъ бы то ни было, цѣлые четыре года добрый Ганя мѣшалъ такимъ образомъ ложь съ истиною. Время быстро летѣло надъ головами двухъ товарищей, неровно задѣвая ихъ своею сокрушительною рукою. Изворотливый Ганя едва-ли чувствовалъ когда даже прикосновеніе этой руки: черезъ четыре года онъ былъ столько же веселъ, живъ и беспеченъ, какъ и въ прежніе годы; словомъ, Ганя не старѣлся. Съ Митею, который и безъ того былъ старѣе годами,

случилось совсѣмъ-другое: рука времени погладила его не очень-снисходительно; онъ сталъ по виду еще угрюмѣе, на лбу его прибавилась новая морщина, волосы его рѣдѣли... Самъ онъ сначала не замѣтилъ этого, погруженный въ созерцаніе Богъ-знаетъ какихъ мыслей; но радужный пріятель, по какому-то странному усердію, такъ часто напоминалъ ему объ этомъ ощутительномъ ущербѣ прежней и безъ того незавидной красоты, что Митя наконецъ не шутя задумался... Онъ вдругъ какъ-будто спохватился, какъ-будто хотѣлъ что-то воротить и придумывалъ средства, сидя у окна и погрузивши свой помертвѣвшій взоръ въ туманную даль...

ГЛАВА II.

Странная мысль.

Ганя нисколько не удивился, когда засталъ своего пріятеля въ такомъ положеніи, и безъ всякаго смущенія вынесъ его холодный, безчувственный взглядъ. Но за то и Митя не показалъ никакого любопытства, когда Ганя, не смотря на несчастное расположеніе Митя, сверхъ обыкновенія, съ упорствомъ вертѣлся около его стула и явно хотѣлъ во что бы ни стало завязать разговоръ. Это, однако, бросалось въ глаза и могло скоро наскучить... Митя обернулся и еще разъ взглянулъ на Ганю: Ганя выкинулъ передъ нимъ блестящее антрша...

— Сегодня ты очень-веселъ, кажется какъ-будто противъ воли проговорилъ Митя, и опять отвернулся въ-сторону.

Но Ганя не хотѣлъ опускать случая; онъ радъ былъ ухватиться за что-нибудь, чтобы только высказаться.

— О, еслибъ ты зналъ, какъ веселъ!.. просто схожу съ ума... Ты, Митинька, многого кой-чего не знаешь... Ты, я вижу, и не подозреваешь ничего?.. Ужь развѣ сказать?..

Митя молчалъ.

— Вижу по глазамъ, что хочется знать... Да полно же думать тамъ Богъ-знаетъ объ чемъ, объ комъ; раздѣли со мною хоть на минуту мою радость... Знаешь ли, что случилось со мною нынѣшній вечеръ?..

— Что такое?

— Смотри: я обручился!.. Да, тебѣ, впрочемъ, все равно.

— Обручился... ты? что же это значить?

— Я женюсь...

— Странная мысль!

— Что жъ тутъ страннаго? я давно думалъ объ этомъ. Долго ли

гь-самогь-дѣль сидѣть какъ медвѣдю въ берлогѣ, да сосать свою лапу? Пусть же лучше буду я человѣкомъ; пусть же будетъ мнѣ съ кѣмъ поговорить, кого приласкать...

— Странная мысль!

— Вотъ опять странная мысль! Да что жь тутъ страннаго? Развѣ люди не женятся? развѣ женатые хуже насъ? Если бы ты хоть разъ взглянулъ, какъ живетъ, напримѣръ, Володя, двоюродный братъ, такъ и не подумалъ бы этого: славно, право! настоящіе голубочки, только-что не воркуютъ...

— Странная мысль!..

— Наладилъ — странная мысль, странная мысль... Чортъ-знаетъ что за негѣпный человѣкъ!.. Ну что жь, по-твоему, лучше вѣкъ кн-снуть у окна, да смотрѣть чортъ-знаетъ куда?.. Ужь послушалъ бы, чтѣ сосѣди-то говорятъ...

Наконецъ это было досадно. Ганя не могъ подавить въ себѣ сильнаго волненія, встрѣтивъ самое убійственное хладнокровіе тамъ, гдѣ онъ надѣялся найти по-крайней-мѣрѣ нѣкоторое участіе. Съ досады, онъ началъ мѣрять комнату большими шагами и долго ходилъ взадъ-и-впередъ. Но жестокій Митя былъ неумолимъ: онъ даже не видѣлъ сильнаго волненія Гани.

— Это ужь вовсе не попріятельски! началъ опять Ганя, нѣсколько поуспокоившись. — Да спроси хоть какъ зовутъ мою невѣсту...

— Какъ зовутъ твою невѣсту?

— Лиза, братецъ, Лиза... Ахъ, что за дѣвушка!.. Ну, помнишь—та, которая подарила мнѣ цвпочку, потомъ кошелекъ. Не можетъ быть, чтобъ ты забылъ?

— Не помню.

— Какой же досадный человѣкъ! Ну, такъ ты выдалъ ее у Володи, у Ивановыхъ, где-нибудь?.. Какъ же это? не-уже-ли ты вовсе не знаешь Лизы?

— Не знаю.

— Я не понимаю... Ну, положимъ, что ты не знаешь ея, никогда не видывалъ — не въ томъ дѣло. Представь же себѣ дѣвушку милую какъ ангелъ, съ чудесными голубыми глазами... Ты, кажется, когда-то знавалъ голубые глаза?.. Съ лицомъ, въ которомъ и кротость, и любезность, и простодушіе, и я не знаю что... и потомъ представь себѣ, что эта дѣвушка будетъ моею женою...

— Странная мысль...

— Опять!.. Да полно же, Митя, говорить глупости! Что тутъ кажется тебѣ страннаго?.. Если хочешь, даю тебѣ честное слово — отъ этого не будетъ рѣшительно никакихъ переменъ; только вработится одинъ лишній человѣкъ... Мы останемся, если хочешь, на этой же

квартиръ: я займу тѣ двѣ комнаты, а ты эти... У насъ будетъ общій столъ, общій чай... Что же тутъ страннаго?

Митя покачалъ головою.

— Ты думаешь, Лиза не согласится? Э, нѣтъ! я уговорю ее, она согласится на все. Тестъ также вѣрно не будетъ спорить со мною, и тогда-то мы заживемъ съ тобою, Митинька!

— Такъ это у тебя ужь рѣшено?..

— Что же долго думать? за чѣмъ откладывать счастье? Я сказалъ ей отцу и матери, они согласились, и дѣло кончено. Сегодня я съ тою цѣлю и шелъ къ нимъ; хотѣлъ-было прежде сказать тебѣ, да подумалъ: онъ не любитъ этихъ вещей, и промолчалъ. Завтра мы поведемъ съ тобою вмѣстѣ; ты будешь у меня «посажонымъ отцомъ»...

— Никогда!..

— Что за глупое упрямство, Митя! Я не понимаю, что съ тобою нынѣшній вечеръ... Хорошо, я согласенъ и на это: ты не будешь у меня посажонымъ отцомъ; но за вину ты долженъ обѣщать мнѣ, что каждый вечеръ будешь запросто вздять со мной къ моей невѣстѣ — не такъ ли, душа моя?.. Лиза будетъ очень рада.

— А если я не буду радъ?

— Это просто значить — ты не любишь меня...

— Что жъ! а она... любить тебя?..

— Кто? Лиза?... Боже мой! да почему жъ я и женюсь на ней? Развѣ ты думаешь, что я женился бы на дѣвушкѣ, которая меня не любитъ? Сохрани Богъ! — Но ты, Митя, не можешь имѣть понятія, что это за ангель... когда я поцаловалъ ее въ первый разъ, она вся вспыхнула какъ огонь... «Что это съ вами?» спросилъ я. — Вы такъ жмете руку, сказала она, опустивъ внизъ свою миленькую головку...

Правда, Митя уже не слушалъ болѣе, что напѣвалъ ему влюбленный пріятель, и искалъ своей шляпы. Онъ замѣтно былъ сильно встревоженъ и хотѣлъ скрыть отъ Гани свое волненіе. Было уже довольно поздно; темная ночь готова была накрыть землю своими тѣнями, но Митя какъ-будто не видѣлъ этого и, закутавшись въ шинель, спѣшилъ выйти изъ дому.

— Странно! сказалъ въ свою очередь Ганя, провожая глазами поспѣшно-уходившаго Митю.

ГЛАВА III.

Человѣкъ съ характеромъ.

Митя былъ человѣкъ съ характеромъ: онъ сдержалъ свое слово и не хотѣлъ быть ни посажонымъ отцомъ, ни ѣхать съ Ганею къ не-

мствъ. Что было у него на душѣ, этого никто не зналъ; но по-крайней-мѣрѣ, по наружности, онъ былъ совершенно-доволенъ своею рвительностію. Сначала, такое упрямство сильно огорчало добраго Ганю, который отъ всей души любилъ своего товарища; но скоро онъ привыкъ къ его капризамъ и наконецъ пересталъ даже звать его съ собою. «Ужь если на то пошло» думалъ про себя Ганя: «то я найду себѣ товарища.» Въ-самомъ-дѣлѣ, онъ только разъ пригласилъ съ собою Петрушу Чирикова, и Петруша Чириковъ являлся къ нему каждый вечеръ, чтобъ вхатъ вмѣстѣ къ невѣстѣ.

Митя, между-тѣмъ, оставался дома. Проводивъ Ганю, онъ осматривалъ глазами всю комнату, стѣны, потолокъ и даже самый полъ: занимательнаго ничего не было. Митя переносилъ свой взоръ за окно: тамъ было такъ много движенія, тамъ было такъ весело; но какъ-будто это самое и не нравилось Митѣ: онъ печально отворачивался отъ окна и снова искалъ на пустыхъ стѣнахъ своей комнаты какого-нибудь предмета, который бы занялъ его не праздную душу... Напрасно! паукъ, смиренно ткавшій въ углу свои тонкія сѣти, казался ему явленіемъ слишкомъ-обыкновеннымъ; чубукъ, стоявшій на другомъ окнѣ, былъ очень-простъ; цвѣты, разбросанные неловкою рукою самоучки-живописца по потолку, представлялись въ-сумеркахъ какими-то безобразными пятнами.

Тогда Митя бралъ въ руки гитару — не для того, чтобъ играть, потому-что, какъ извѣстно, Митя не умѣлъ играть на гитарѣ, а просто для того, чтобъ имѣть что-нибудь въ рукахъ. Онъ перебиралъ поодиначкѣ всѣ струны: каждая изъ нихъ издавала свойственный ей звукъ; потомъ Митя пробовалъ вдругъ ударять въ двѣ и три струны: гитара опять подавала голосъ, и опять ни въ головѣ, ни въ сердцѣ не было ни мысли, ни чувства... Черезъ нѣсколько минутъ, гитара возвращалась на прежнее мѣсто. Наконецъ, Митя хотѣлъ пѣть и уже начиналъ пробовать на разные тоны; но голосъ дрожалъ, перерывался, а на нѣкоторыхъ нотахъ и вовсе упрямился. Митѣ хотѣлось добиться отъ себя печальныхъ, раздирающихъ душу звуковъ, а выходила какая-то дичь. Съ горемъ видѣлъ Митя, что съ нимъ было что-то не просто, что виноватъ былъ не голосъ, а что-то другое, и молчалъ, молчалъ, молчалъ...

Положеніе Гани неволью приходило Митѣ на мысль; онъ думалъ о немъ, объ его невѣстѣ, о Петрушѣ Чириковѣ. Почему-то Митѣ казалось, что Лиза сидитъ по лѣвую сторону, а Петруша по правую; что они не говорятъ между собою ни слова и такъ пристально смотрятъ на полуотворенную дверь, какъ-будто ждутъ кого-то. Дверь вдругъ отворяется; входитъ онъ, Митя; всѣ такъ рады, такъ веселы. Митя старается разсмотрѣть лицо невѣсты, но никакъ не можетъ уловить ни одной черты. Тамъ, въ другой комнатѣ, нѣсколько голо-

съез начинают веселую пѣсню, въ которой такъ много говорится про него, про Митю; наконецъ, все подходит къ нему и окружаютъ его хорОВОдемъ; онъ старается вырваться — его удерживаютъ: Лиза и Ганя держатъ его за руку.

Скрипъ двери приводитъ Митю въ себя: онъ одинъ у себя дома. Сумерки; въ комнатѣ темно; Анна принесла вычищенное платье, положила на стулъ и, не говоря ни слова, опять вышла вонъ. Пустота, страшная пустота; ни въ одной комнатѣ нѣтъ живой души; не слышно ни шороха, ни шелеста шаговъ; скука, тоска... Когда бы хоть кто-нибудь зашелъ сюда съ человѣческимъ голосомъ и сказалъ нѣсколько пустѣйшихъ словъ!..

Дверь снова отворилась: вошелъ Саша Посошковъ; Анна подала огня. Саша Посошковъ былъ больше пріятель Гани, но по немъ онъ былъ знакомъ и съ Митею. Анна вышла, и Митя остался съ-глазана-глазъ съ Посошковымъ.

— Здравствуйте. Вы дома?

Посошковъ подалъ Митѣ руку и пристально смотрѣлъ ему въ глаза.

— Вы, стало-быть, не поѣхали съ Ганей?

— Не поѣхалъ.

— Отъ-чего же вы не поѣхали? Вы, стало-быть, лучше любите быть дома?

— Да, я люблю быть дома.

Посошковъ продолжалъ держать Митю за руку.

— А вы все сидѣли впотъмахъ?.. Онъ смотрѣлъ вокругъ себя.

— Да, впотъмахъ.

— А Ганя — онъ поѣхалъ къ своей невѣстѣ?

— Къ ней.

— А ее какъ зовутъ?.. Лизой?

— Лизой. Вы все стоите — садитесь.

— Я постою... Миѣ все равно... А ея отца какъ зовутъ?

— Иванъ Петровичъ.

— Знаю, знаю... А какъ... какъ зовутъ мать?

— Не знаю.

— Кажется, Варвара Васильевна — такъ?.. Я помню, онъ говорилъ миѣ на прошлой недѣлѣ; да я и прежде его зналъ; я съ ними давно знакомъ; они, кажется, еще родня намъ.

Митя молчалъ.

— А какъ... какъ зовутъ вашу кухарку? Анной?..

— Анной.

— Я знаю. Она проводила меня отъ собаки. У васъ какъ зовутъ собаку — шарикомъ?

— Нѣтъ, жучкой.

— А у насъ шарикомъ. — Вы... вы ужь не поведете къ ганичкиной невѣсть.

— Не повѣду. Не угодно ли вамъ трубку?

— А у васъ есть?

— Вотъ, на окнѣ. Потрудитесь взять сами.

— Нѣтъ, вѣдь я не курю. А вы развѣ курите?.. Вы сколько курите въ день?

— Пять фунтовъ.

— Какъ много! Мой братъ, кажется, меньше курить. Вы не видали нынѣ моего брата?

— Не видалъ.

— А вы не знаете, гдѣ онъ теперь?.. Я знаю, онъ дома. Прощайте, я пойду къ нему. Вы не пойдете со мной?

Въ другой разъ приходилъ Вася Судиславинскій, тоже пріятель Гани, впрочемъ съ большою пріязнью и къ Митѣ. Вася Судиславинскій особенно отличался необыкновенною живостію въ обращеніи; онъ со всѣми обходился безъ обиняковъ.

— Милѣйшій Дмитрій Григорьичъ! Вы дома? Ужь это вѣчно такъ! И чортъ-знаетъ, что вы все сидите дома? Добро бы вамъ за это деньги давали... Я, право, часто думаю объ васъ: что это человѣку за охота сидѣть на одномъ мѣстѣ? и никакъ не могу понять...

— Я думаю, вамъ и не нужно знать этого?..

— Вотъ прекрасно — не нужно знать!.. Если бъ я не любилъ васъ, милѣйшій мой Дмитрій Григорьичъ, развѣ самъ чортъ заставилъ бы меня по-напрасну ломать голову!.. Э, да вы, я вижу, задумываетесь? Это что еще за новость?.. Нѣтъ, ужь я не позволю этого...

— Для васъ, кажется, все равно.

— Покорно васъ благодарю, продолжалъ Вася Судиславинскій, дѣлая низкій поклонъ и особенно ударяя на слово «покорно»: — покорно васъ благодарю, другъ любезный! — Да нѣтъ, чортъ возьми, ужь я не позволю... Вотъ глупости затѣяли! Вставайте-ка, вставайте...

Вася въ-самомъ-дѣлѣ тащилъ Митю со стула; Митя упирался: ему очевидно это не нравилось.

— Да что жь вы въ-самомъ-дѣлѣ дурачитесь? Перестаньте, я вамъ говорю, продолжалъ Вася.

Митя молчалъ, однакожъ по глазамъ его видно было, что онъ въ душѣ проклиналъ неважаго гостя.

— И о чемъ задумываться? чортъ знаетъ!.. Все вѣдоръ, сударь, пустяки, не стѣитъ никакого вниманія... Ну, полноте же, давайте мнѣ вашу руку: вотъ я васъ потрясу немного.

Не смотря на сопротивленіе Мити, Вася дѣйствительно стаскивалъ его со стула и начиналъ съ такою быстротою таскать по всѣмъ ком-

натамъ, что въ домъ наконецъ становилось втрено. Можетъ-быть, Митя и бьсился внутренно, но не имѣлъ силъ вырваться, и какъ-будто увлекаемый судьбою, изъ всѣхъ ногъ мчался за своимъ утѣшителемъ. Исторія была престранная. Все дѣло оканчивалось тѣмъ, что измученный Вася бросалъ гдѣ-нибудь къ углу своего друга и съ торжествомъ убѣгалъ изъ комнаты. Легко представить себѣ состояніе бѣднаго Мити послѣ такого визита!

Наконецъ, возвращался и Ганя, чрезвычайно-нѣжный, веселый, восторженный. Онъ былъ безъ ума отъ своей невесты, отъ своей Лизы; онъ не могъ ни о чемъ думать, не хотѣлъ ни о чемъ говорить, какъ только о Лизѣ. Въ это время, Митя былъ для него человекъ совершенно-посторонній, который былъ нуженъ развѣ для того, чтобъ Ганя могъ излить передъ нимъ потокъ своихъ чувствованій и десять разъ пересказать ему происшествія послѣдняго вечера. Бѣдный Митя! упоенный своимъ счастіемъ, Ганя какъ-будто вовсе не замѣчалъ его даже въ ту минуту, какъ говорилъ съ нимъ, только въ-заключеніе бросалъ въ него горсть конфетъ, прибавляя: «это прислала тебѣ Лиза».

Высказавъ все, что было на душѣ, Ганя бросался на постель и скоро засыпалъ своимъ невиннаго младенца. Митя также хотѣлъ наконецъ успокоиться и во снѣ забыть свое одиночество; но его долго-долго мучила бессонница.

Разъ, наскучивъ странными посѣщеніями, которыя дѣлались во имя дружбы и пріятельской пріязни, а можетъ-быть и подстрекаемый любопытствомъ, Митя какъ-то рѣшился-было измѣнить, на нѣсколько времени, своей непоколебимой стойкости и согласился пожертвовать однимъ вечеромъ для своего товарища, то-есть, ѣхать съ нимъ къ невестѣ. Всего удивительнѣе въ этомъ случаѣ было то, что Митя самъ сдѣлалъ жениху такое предложеніе. Дѣло было тотчасъ слажено; оставалось только одѣться и ѣхать.

Ганя былъ радъ всей душою, что наконецъ можетъ представить своей невестѣ лучшаго изъ своихъ пріятелей, и въ порывѣ простодушной веселости, смѣясь, сказалъ не то вслухъ, не то про-себя: «вотъ медвѣдя-то привезу съ собой!». Митя не сдѣлалъ ни малѣйшаго замѣчанія на это изреченіе, но когда надобно было ѣхать, онъ не хотѣлъ вставать съ своего мѣста и очень-ясно и вразумительно сказалъ Ганѣ, что онъ раздумалъ. Это такъ огорчило чувствительнаго Ганю, что онъ и самъ не побѣхалъ къ своей Лизѣ.

Оставалось выдержать одно искушеніе. Назначена была свадьба; Ганя не хотѣлъ и слышать, чтобъ на его свадьбѣ не было лучшаго его друга, то-есть Мити, и божился, что не побѣдетъ вѣнчаться, если Митя и тутъ вздумаетъ капризничать. Митя молчалъ до времени, то-есть не говорилъ ни да, ни нѣтъ; но наканунѣ, когда Ганя сталъ

умолять его почти со слезами на глазахъ, онъ согласился на все. Однакожь на другой день, когда Ганя началъ собираться къ вѣнцу, Митю не могли нигдѣ найти: онъ еще съ утра ушелъ куда-то изъ дому.

ГЛАВА IV.

Хозяйка въ домъ.

Только на третій день пришелъ Митя къ родному пепелищу. Въ чувствахъ его, когда онъ подходилъ къ порогу своего дома, было много какой-то безотчетной вражды и ненависти; но, переступая за порогъ, онъ уже чувствовалъ въ себѣ болѣе тайной робости, нежели злобы: какъ школьникъ, нѣсколько дней бывшій въ бѣгахъ, смиренно и кротко вошелъ онъ въ свои комнаты, въ которыхъ прежде позволялъ себѣ стучать сколько было силъ въ ноги, и которыя теперь почему-то казались ему заповѣдными. Въ-самомъ-дѣлѣ, онъ нашелъ здѣсь нѣкоторыя перемѣны: его старинное дубовое кресло было куда-то вынесено, и въ комнату появилась новая мѣбель; на стѣнахъ висѣли новыя картинки; на столѣ, вмѣсто кипы бумагъ, красовалась прекрасная женская шляпка. Странное чувство овладѣло Митею при взглядѣ на всѣ эти орнаменты. Онъ пожалъ плечами и искалъ вокругъ себя кого бы спросить хоть объ этой шляпкѣ. Дверь въ другія комнаты была полуприворена, но Митя не посмѣлъ войти туда: онъ только воображалъ себѣ... Вдругъ передъ нимъ хорошенькая блондуристая головка, съ румянцемъ на одной щекѣ, съ вопросомъ въ глазахъ и съ полуулыбкою на лицѣ.

— Кого вамъ угодно?

Митя немного смутился.

— Извините... мнѣ... мнѣ бы нужно видѣть Ганю... на одну минуту, если можно...

А Ганя уже былъ тутъ и душилъ своего друга въ своихъ горячихъ объятіяхъ.

— Такъ-то дѣлаютъ по-дружески? Такъ-то, бѣглець, любишь ты своего Ганю? Злодѣй, злодѣй! Вотъ же тебѣ моя жена Лиза: за свою вину ты долженъ ее поцаловать.

Митя смутился еще болѣе; онъ смотрѣлъ въ глаза блондуристой головкѣ и не смѣлъ податься ни назадъ, ни впередъ.

А между-тѣмъ блондуристая головка смѣялась такъ весело, такъ непринужденно.

— Такъ это вы, Дмитрій Григорьичъ? Ахъ, Господи! какіе вы странные! Отъ-чего же вы не хотѣли пріѣхать къ намъ на свадьбу?

— Гдѣ ты былъ все это время? прибавилъ Ганя.

Митя совершенно потерялся; онъ не зналъ, что отвѣчать, и не

смѣлъ свести глазъ съ этой блѣдухой голови, которая такъ настоятельно требовала отъ него отвѣта.

— Хорошо; мы васъ простимъ, продолжала она, подавая ему маленькую бѣленькую руку: — мы васъ простимъ, но только съ уговоромъ, чтобъ вы впередъ не бѣгали отъ насъ. Согласны?

Еще Митя искалъ въ головѣ отвѣта, а ужъ бѣленькая ручка успѣла овладѣть его рукою и слегка сжать ее по-дружески. Ганя, съ своей стороны, еще разъ обнялъ стараго друга. У Мити какъ-будто что отлегло отъ сердца. Подали самоваръ; молодая хозяйка съла разливать чай. Митя искалъ себѣ мѣста нѣсколько-поодаль, но она указала ему мѣсто подлѣ себя. Ганя также очень-настойчиво требовалъ, чтобъ онъ садился ближе, какъ-можно-ближе. У Мити даже не достало духа, чтобъ сколько-нибудь поупрямиться. Вотъ они расположились всѣ трое около самовара; Митѣ пришлось сидѣть между Лизой и Ганей; къ Лизѣ онъ былъ лицомъ, къ Ганѣ стороною. Съ нимъ обходились, съ нимъ говорили, какъ съ милымъ, дорогимъ гостемъ. Ему наливалась первая чашка; ему подавалась она тою же бѣленькою ручкою. Во время чая, Митѣ сдѣлали еще нѣсколько упрековъ; но они были сказаны такъ кротко и нѣжно, за ними всегда слѣдовала такая добрая, свѣтлая улыбка, что, допивая третью чашку, Митя уже считалъ себя въ-самомъ-дѣлѣ виноватымъ передъ Ганею, передъ нею. А еще черезъ нѣсколько минутъ, онъ уже стыдился своего поступка и находилъ его очень-глупымъ.

Самоваръ еще не былъ снятъ со стола, какъ пришелъ Петруша Чириковъ, и началъ рассказывать разные городскія новости. Анекдотъ сыпался за анекдотомъ, острота за остротой. Петруша же вмѣлъ удивительный даръ сопровождать свой рассказъ приличными тѣлодвиженіями, такъ-что, смотря на него, часто невозможно было удержаться отъ смѣха. Лиза, особенно, смѣялась отъ всей души, и наконецъ даже начала просить, чтобъ Петруша замолчалъ: до такой степени все это было смѣшно, уморительно! Вечеръ пролетѣлъ удивительно скоро; всѣ были въ самомъ веселомъ расположеніи духа. Наконецъ, Петруша Чириковъ, этотъ «уморитель» людей, какъ называлъ его Ганя, отправился домой.

Вслѣдъ за нимъ Митя также началъ обнаруживать намѣреніе уйдти. Но ему прямо сказали, что это вовсе нивкуда не годится, и въ доказательство отняли у него шляпу. Митя не могъ ничего возразить. Въ-самомъ-дѣлѣ, странно было бы уйдти домой съ своей же квартиры! И такъ, Митя опять у себя дома; этого мало: онъ еще окруженъ друзьями, которые любятъ его такъ искренно! Но странно: не смотря на то, что онъ былъ теперь довольнѣе собою, нежели прежде, и что все это дѣло, которое его такъ тревожило, устроилось

какъ-жельза—лучше, сонъ долго не приходилъ сомкнуть его глазъ, и долго странныя грезы не давали ему забыться.

На другой день, дѣла задержали Митю долѣе обыкновеннаго; онъ пришелъ послѣ-обѣда, когда Ганя легъ уже отдыхать. Митя даже думалъ пройти обѣдать въ другое мѣсто, но что-то, можетъ-быть, утомленіе, усталость—заставляло его спѣшить домой. Лиза встрѣтила его съ тѣмъ же радушіемъ, съ которымъ она приняла его и въ первый разъ; но, на ней было другое платье: темное, съ самыми маленькими цвѣточками; оно такъ ловко обтягивало ей станъ и руки, и такъ хорошо отгнѣяло полузакрытыя плеча, шею. Митя очень понравилось это темное платье. Прическа была также другая: ея русые волосы такъ живописно падали на виски и потомъ такъ мило убѣгали за уши. Еще Митя дивился, про-себя, искусству женской руки, расположившей эти волосы, какъ столъ уже былъ накрытъ: Лиза сама пособляла собирать его и еще болѣе торопила Анну.

— Вы такъ устали, измучились, отвѣчала она на скромную просьбу Мити много не хлопотать о немъ: — цѣлый день сидѣли за дѣломъ, писали, трудились: какъ же ужъ намъ не похлопотать объ васъ? Хорошо намъ оставаться дома, да ходить изъ комнаты въ комнату; а каково вамъ?

Напрасно Митя возражалъ, что Анна и одна могла бы накрыть для него столъ: Лиза только смѣялась его возраженіямъ, находя ихъ очень-странными, и продолжала хлопотать по-прежнему. За столомъ, она сидѣла противъ Мити и старалась занимать его; какъ рѣдкаго гостя: то говорила сама, то спрашивала его. Митя особенно нравилось ея положеніе: она такъ непринужденно сидѣла на стулѣ, нѣсколько наклонивъ голову на одну сторону и спустивъ руки въ карманы. Ганя между-тѣмъ продолжалъ отдыхать.

Ганя вообще приходилъ домой нѣсколько-ранѣе, и на долю Мити, конечно за его трудъ, не разъ доставалось такое радужное угощеніе, такъ-что онъ наконецъ никогда уже не спѣшилъ домой къ обѣду. Обѣдать одному онъ находилъ гораздо-пріятнѣе, нежели вмѣстѣ. Радужіе же Лизы всегда было неизмѣнно-одинаково; иногда, она даже дѣлала маленькіе сюрпризы для Мити: только-что онъ думалъ окончить свой поздній обѣдъ, какъ-вдругъ на столѣ являлось какое-нибудь лакомое блюдо, въ родѣ десерта, и притомъ всегда любимое Митею. Эти любимыя блюда составляли у Мити родъ секрета, но Лиза умѣла вынытывать ихъ у Анны. Когда подавалось такое блюдо, на лицѣ Мити, вообще мало-подвижномъ, обыкновенно показывалось пріятное изумленіе, а на лицѣ Лизы—самая есторожная улыбка и наблюденіе.

Случилось разъ и то: Митя, отъ утомленія, или отъ простуды, по-

чувствовалъ себя нездоровымъ и воротился домой совершенно-большимъ. Онъ не хотѣлъ объ этомъ говорить никому, и старался принять на себя спокойный видъ: но внимательный глазъ тотчасъ угадалъ въ чемъ дѣло. Едва-только онъ вошелъ въ комнату, какъ Лиза прямо сказала ему: «вы больны!» И потомъ, когда онъ отказался отъ обѣда, уже никакія убѣжденія не могли разуверить ея въ этомъ мнѣніи. Напрасно Митя защищался всеми средствами, отставая свое здоровье: она не хотѣла ничего знать и рѣшительно требовала, чтобъ онъ лечился.

— Я право здоровъ, Лизавета Ивановна.

— Что жъ такое, что вы здоровы? отвѣчала Лизавета Ивановна очень-серьезнымъ тономъ, продолжая хлопотать.

— Но зачѣмъ же мнѣ лечиться?

— Какъ зачѣмъ? Развѣ вы сдѣлаетесь больны отъ лекарства?

— Но вѣдь я совершенно здоровъ.

— Кто же вамъ это сказалъ? Вы вѣрно еще не видали себя въ зеркало; посмотрите, посмотрите: на васъ просто лица нѣтъ!..

— Но это не больше, какъ усталость; къ вечеру все пройдетъ.

Лизавета Ивановна подошла, какъ-будто въ сомнѣніи, къ своему пациенту и приложила руку къ его головѣ. Митя нисколько не противился.

— Боже мой, и вы еще спорите! У васъ голова какъ въ огнѣ. Послушайте, если вы еще будете спорить, я разбужу мужа, и тогда вы не уйдете отъ насъ.

Противъ такой угрозы нечего было и говорить; и какъ она еще была закреплена очень-строгимъ взглядомъ, то Митя тотчасъ оставилъ всякую мысль о сопротивленіи. Вечеромъ, онъ уже лежалъ въ постели со всеми аппаратами больного человека; сильный жаръ стоялъ въ головѣ и во всемъ тѣлѣ, однако Митя ни на минуту не забывался, благодаря ли свойству самой болѣзни, или необыкновенному усердію милого куратора, который почти не отходилъ отъ больного и постоянно держалъ руку у него на вискахъ или на темени, — то чтобъ узнать степень жара, то чтобъ поправить примочки. Ганя также принимала большое участіе въ состояніи Мити; но это участіе было больше страдательное, нежели дѣятельное: Ганя только издала наблюдала за Митею, качая головою всякій разъ, какъ-только кураторъ подавалъ знакъ, что болѣзнь или жаръ усиливается. Между-тѣмъ, у Лизаветы Ивановны не было ни одной спокойной минуты: она сама дѣлала примочки, прикладывала ихъ къ головѣ, приготовляла больному питье. Аннѣ, не смотря на все ея усердіе, не оставалось ничего дѣлать.

Три дня продолжалось такое состояніе. Разумвется, больной ничего такъ не желалъ, какъ здоровья; но когда опасность совершенно

инновалась, Митя почти жалелъ, что онъ такъ скоро выздоравливаетъ; онъ находилъ, что иногда и хворать не неприятно, и часто, забывшись, приподнималъ голову, какъ-бы желая узнать, не лежитъ ли у него на вискахъ чья-нибудь рука. Но примочки уже были сняты, и ничья рана не касалась болѣе головы Мити.

Выздоровивалъ Митя, сверхъ чаянiя, очень-медленно. Это было тѣмъ болѣе удивительно, что Митя вовсе не былъ человекъ изнѣженный и не любилъ давать себѣ ни малѣйшей поблажки; между-тѣмъ, даже Лизавета Ивановна говорила, что ему совершенно можно выходить, а онъ все еще оставался дома. Ганя просто началъ смѣяться надъ Митею, говоря, что онъ лѣзнится, бѣгаетъ отъ дѣла. Митя терпѣливо, и болѣею частію молча, сносилъ всѣ нападки своего товарища и преспокойно игралъ по вечерамъ въ карты съ Ганею и Лизаветою Ивановною, или, если приходилъ Петруша Чыриковъ, то и съ нимъ. Въ старые годы, Митя считался хорошимъ игрокомъ въ бостонъ и вистъ: не разъ случалось, что онъ побивалъ даже самого регистратора, который обыгрывалъ самого протоколиста; но теперь, — теперь онъ какъ-будто и не знавалъ ни виста, ни бостона и преспокойно перекидывалъ не только въ мушку, но и въ мельники.

Впрочемъ, въ мельники играли болѣе для Лѣвушки Свекольниковца, троюроднаго племянника бабушки Лизаветы Ивановны, который обыкновенно хвастался своею ловкостію въ этой игрѣ и всегда приходилъ обыграть всѣхъ на-вѣрное. Ганя какъ-то любилъ Лѣвушку за его простодушный характеръ и всегда бралъ его сторону; а Лизавета Ивановна любила пресмѣяться надъ дялюшкой-Лѣвушкой и дѣйствовала за одно съ Митею. На-бѣду, Лѣвушка былъ не очень-сметливъ, а Ганя почти вовсе не зналъ игры, и почти всегда выходило, что они оставались, если не въ чистыхъ дуракахъ, то въ смельчачкахъ. Бывало, смѣшно и смотрѣть, какъ горячится Лѣвушка, проигрывая! Надобно замѣтить, что онъ никогда не молчалъ за картами и вслухъ то хвалилъ ихъ, то осыпалъ бранью.

— Кралечка пикъ, душечка, миленькая, не выдай! говорилъ онъ, бросая карту. — Радость моя, свѣтъ мой, я тебя люблю, обожаю, уважаю, почитаю; будь же мнѣ пріятельница! Ну же, кралечка, смотри, не мешай своему другу вѣрному.

Если же краля измѣняла, Лѣвушка сейчасъ перемѣнялъ тоиъ.

— Гадкая, скверная, никогда не буду тебя любить. Видишь, какая мерзкая рожа! У, у! а глаза-то, глаза—словно тарелки, а голова-то какъ у кошки... Фу, какъ гадко! Не хочъ и смотрѣть.

Оставшись дуракомъ, а это случалось очень-нерѣдко, Лѣвушка обыкновенно ударялъ себя кулакомъ въ лобъ, или этимъ же лбомъ, безъ всякой жалости и состраданiя къ себѣ, съ такою силою ударялъ объ столъ, что все, что на столѣ было, вскакивало чуть не на

вершокъ. Потомъ Лёвушка начиналъ притворно рюмить, приговаривая: «Ахъ, я ослиная голова—заячій разумъ! Бейте меня всѣ; Лиза, «Ганя, Дмитрій Григорычъ—бейте меня; выдерите мнѣ всѣ волосы, «оборвите всѣ уши—я дуракъ, дуракомъ родился, дуракомъ и умру... «Лёвка ты, Лёвка! не умѣя пойдти съ козырнаго туза».

Если же еще такая напасть случалась съ Лёвучкой три или четыре раза съ-ряду, то неистовству его не было и конца. Онъ, во-первыхъ, билъ себя по головѣ обоими кулаками, таскалъ себя за волосы, и потомъ начиналъ, какъ полоумный глотать все что ни попадось—скорлупы, яблочную шелуху, финиковыя и черносливныя косточки и даже цѣлые куски мѣлу... Лизавета Ивановна отъ ужаса закрывала руками лицо; Митя и Ганя съ трудомъ могли унимать его.

Въ этомъ проходили вечера; то же случалось иногда и днемъ, пока еще Ганя не приходилъ изъ «присутствія»... Но наконецъ Митя рѣшился выйдти изъ дому и, страхнувъ съ себя лѣнь, приняться за дѣло. Это было тѣмъ болѣе необходимо, что подступалъ день именинъ Лизаветы Ивановны, когда Ганя хотѣлъ звать къ себѣ секретаря и другихъ почетныхъ особъ. Митя уже не думалъ болѣе скрываться отъ людей и хотѣлъ вмѣстѣ съ другими повеселиться на праздникъ.

ГЛАВА V.

Непредвидѣнное обстоятельство.

Сверхъ ожиданія, на именинахъ Лизаветы Ивановны было даже довольно-весело. Особенно къ вечеру гости такъ порасходились, что почти всѣ до одного говорили, и никто никого не слушалъ. Самъ секретарь былъ не прочь отъ общаго веселья и, когда подали огня, первый затянулъ пѣсню: «Лишь только занялась заря». Всѣ гости дружно подняли его на второмъ же стихѣ — «И солнце взошло вверхъ горы» — и потомъ хоромъ продолжали пѣсню до самаго конца. Хоръ составилъ довольно-громогласный; тутъ былъ и Лёвушка Свекольниковъ съ своимъ сипучимъ баскомъ, и Петруша Чириковъ, пѣвшій втораго тенорка, и Вася Судиславинскій—очень-хорошій теноро-басъ, и даже Саша Посошковъ, участвовавшій въ пѣннѣ не столько самымъ голосомъ, сколько движеніемъ губъ и глазъ.

Дамы сначала очень-скромно слушали пѣніе; но вдругъ одна изъ нихъ, родная сестра Лёвучки, начала утверждать, что въ фанты совсѣмъ не надобно играть.

—Ахъ, какъ я рада, mesdames, говорила она двумъ молодымъ дѣвкамъ, которыя сидѣли съ нею рядомъ:—какъ я рада, что Лёвчикъ

сталъ пѣть! Вы думаете, онъ сталъ бы сдѣлать сложа руки, какъ мы съ вами? Нѣтъ, извините; не такой человекъ! Ужъ онъ бы непременно затѣялъ фанты; ужъ что вы хотите, а онъ бы затѣялъ... Отъ него бы ничѣмъ не отговорились; ужъ это я знаю, знаю. Только я съ своей стороны ни за что въ свѣтъ не стала бы играть въ фанты; никакимъ образомъ! Помилуйте, что это такое? все цаловаться съ мужчинами! Я совсѣмъ не люблю цаловаться, я терпѣть не могу цаловаться. Вы, mesdames, тоже не любите цаловаться?

Скромныя дѣвицы обвѣсивъ покачали головой, какъ-бы въ подтвержденіе словъ сестры Лѣвушки, однако тотчасъ встали съ мѣсть своихъ, и черезъ минуту же составились фанты, а хоръ разошелся. Сестра Лѣвушки была очень-довольна своею хитростію; но Митя, казалось, былъ еще довольнѣе: никогда угрюмое лицо его не было такъ свѣтло и ясно, какъ теперъ. Лизавета Ивановна безпрестанно шутила надъ нимъ и нарочно садилась съ нимъ рядомъ, чтобъ побольше посмѣяться. Подъ-конецъ она до того развеселилась, что разъ, совершенно-нечаянно, вдругъ ущипнула Митю... Митя, который все не ожидалъ такого умысла, вскрикнулъ и какъ-то странно выпрямился на стулѣ, сдѣлавъ самую неловкую гримасу. Въ то время Ганя хлопотала что-то по хозяйству и проходила этой комнатою: онъ вдругъ остановился и съ удивленіемъ посмотрѣлъ на Митю.

Когда Ганя случилось въ другой разъ проходить той же комнатою, Лизавета Ивановна разносила какіе-то плоды, какъ это водится въ фантахъ, и остановилась именно передъ Митею съ предложеніемъ своихъ услугъ. Митя что-то замѣшкался. Ганя вдругъ подвернулся было, чтобъ мимоходомъ сорвать законный поцалуй, и имѣлъ удовольствіе слышать только одинъ звукъ его, который раздавался надъ его ухомъ, когда онъ немного нагнулся, чтобъ быть ближе къ знакомымъ губкамъ. Всѣ засмѣялись; Ганя стало какъ-то стыдно: онъ не сталъ добиваться другаго поцалуя и тотчасъ ушелъ изъ этой комнаты.

Все это было въ понедѣльникъ (тяжелый день), а въ субботу случилось совсѣмъ другое. Наканунъ, Митя былъ на именинахъ у одного изъ близкихъ товарищей; завязалась бойкая игра, и продолжалась до самаго разсвѣта; Митя воротился только на другой день, т. е. въ субботу, около вечеренъ. Лизавета Ивановна была одна дома; разувается, Митя тотчасъ спросилъ, гдѣ же Ганя?

— Онъ на новой квартирѣ.

— То-есть, вы не хотите мнѣ сказать? Вы, можетъ-быть, сердитесь на меня, Лизавета Ивановна?

— Отъ-чего же? Нѣтъ. Развѣ вы не знаете? Мы переѣзжаемъ.

— Мы переѣзжаемъ?! Нѣтъ, я совсѣмъ не знаю.

— То-есть не вы, а мы... понимаете?

— Ничего не понимаю.

— Ахъ, какіе вы! Вотъ видите: мы переедемъ отсюда, а вы останетесь.

— Нѣтъ, и я перееду.

— Куда же вы переедете?

— Съ вами вмѣстѣ.

— Эхъ, нѣтъ; вы меня не понимаете. Мы переедемъ, потому-что намъ здѣсь тѣсно. Гаия говоритъ, что мы васъ совсѣмъ стѣснили; а вы останетесь: вамъ однимъ будетъ здѣсь просторно.

— Съ кѣмъ же я останусь здѣсь, Лизавета Ивановна?

— Какъ съ кѣмъ? Одни... Ну, съ Анной.

Митя потерялся: онъ уже не зналъ, садиться ему или нѣтъ, въ своемъ опъ домъ или чужомъ. Митя сталъ думать...

— Не-уже-ли же, продолжалъ онъ, какъ-бы опомнившись: — не-уже-ли же, Лизавета Ивановна, я васъ такъ стѣснилъ?— Кажется, мнѣ немного надобно мѣста; я могу, если хотите, помѣщаться въ одной передней...

— Зачѣмъ же? это совсѣмъ не нужно. Когда мы переедемъ, вамъ останутся всѣ комнаты.

Пришелъ Гаия; Митя хотѣлъ—было говорить съ нимъ съ прямою откровенностію и уже собирался сдѣлать ему хорошій дружескій упрекъ; но едва только Гаия явился, все исчезло: Митя смотрѣлъ уже на него, какъ на своего врага, и едва могъ принудить себя говорить съ нимъ. Гаия тоже чувствовалъ себя какъ-то неловко: онъ какъ-будто боялся Мити и старался не смотреть ему въ глаза.

— Ты, можетъ-быть, сердидься на насъ, Митя?.. сказалъ онъ наконецъ съ какою-то робостію.— Но, право, намъ показалось, что мы совершенно стѣснили тебя... не давали тебѣ ни мѣста, ни покоя... мѣшаемъ заниматься тебѣ. Ты сердидься, Митя?..

Митю волновала досада: ему бы хотѣлось говорить или одинъ грубости, или ничего не говорить; но тутъ была Лизавета Ивановна.

— Нѣтъ... отъ-чего же!.. отвѣчалъ онъ кивовъ зубы.

— Сначала мы не рѣшались оставить тебя одного; но потомъ подумали: что жъ! мы не навсегда разойдемся съ нимъ; онъ будетъ ходить къ намъ по вечерамъ, иногда мы сами вздумаемъ къ нему, и будемъ проводить время по-прежнему... Не такъ ли, Митя?..

— Ужъ конечно! Ты лучше знаешь.

— Мы же нашли такую хорошенькую квартиру... Лизъ очень нравится... Комнаты свѣтлыя, окна въ садъ; такъ вездѣ чисто... Нѣтъ, право, Митя! Ты не сердидься на насъ?

— Что жъ такое! я очень радъ...

Онъ говорилъ, что былъ радъ, а въ-самомъ-дѣлѣ его взяло горе. Вечеръ прошелъ у него безъ дѣла: цѣлые три часа сидѣлъ онъ на од-

номъ мѣстѣ, не спуская глазъ съ нагорѣвшей свѣтильни. На другой день, въ воскресенье, онъ ушелъ рано утромъ изъ дому, не сказавшись ни одному человеку, бродилъ Богъ-знаетъ гдѣ цѣлый день, и только къ вечеру рѣшился, отъ усталости, воротиться домой. У воротъ дома стоялъ большой возъ съ разнымъ домашнимъ скарбомъ; Анна хлопотала около него, стараясь привязать тутъ же нѣсколько картоновъ. Митя остолбенѣлъ...

— Не-уже-ли?.. Но за чѣмъ же они такъ спѣшать уѣхать, какъ выры?.. И нарочно безъ меня?..

Ганя стоялъ въ воротахъ съ узелкомъ въ рукѣ; ясно, что возъ былъ нагруженъ уже въ послѣдній разъ...

— Прощай, Митя; мы совсѣмъ, сказалъ Ганя будто въ-торопяхъ, будто присматривая за возомъ, будто онъ уходилъ только на одинъ вечеръ.

— Прощай! могъ сказать только Митя и торопливо вбѣжалъ въ комнату. Онъ надѣялся застать тамъ Лизавету Ивановну. Она въ-самомъ-дѣлѣ оставалась еще тутъ. Въ комнатахъ было такъ пусто, какъ не было и до женитьбы Гани; три или четыре стула, да небольшой столъ стояли въ первой комнатѣ, и тѣ далеко отъ стѣнъ, задомъ-напередъ; картины также исчезли; оставалась только одна, какъ-будто забытая, или оставленная съ какимъ-нибудь особеннымъ намѣреніемъ, на боковой стѣнкѣ; черная паутина хлопьями разлеталась по полу... Сердце замерло у Мити, когда онъ остановился среди такого опустошенія! Вдругъ передъ нимъ Лизавета Ивановна, въ своей маленькой шляпкѣ и легонькомъ салопѣ.

— Гдѣ это вы были? Я думала, вы и проститься не придете съ нами. Мы ужъ совсѣмъ готовы. Прощайте.

— Прощайте, прошепталъ Митя, устремивъ на нее помертвѣвшіе взоры.

— Чтѣ жъ вы такъ смотрите на меня?

— Оставайтесь хоть минуточку.

— Нельзя: вы видите, какъ спѣшить мужъ.—Смотрите же, не забывайте насъ; я съ тѣмъ только и переѣзжаю отсюда, что вы будете къ намъ ходить.

Митя покачалъ головою.

— Какъ? чтѣ это значитъ? Вы нѣ хотите и знать меня?

Въ это время голова Гани, какъ-бы желая вытребовать Лизавету Ивановну, показала въ полурастворенную дверь и тотчасъ скрылась опять. Митя далъ замѣтить это Лизаветѣ Ивановнѣ.

— Вотъ вздоръ, отвѣчала она очень свободно, не обращая на это никакого вниманія.—Вы не смѣйте и думать объ этихъ вздорахъ. Прощайте же. Тамъ, на стѣнѣ, я оставила вамъ на память одну мою любимую картину; смотрите же, берегите ее!

— И только?

— Только. Что жь вамъ еще?

Она подала ему руку.

— Еще разъ прощайте. Не правда ли: мы расстаемся съ вами друзьями?..

— Но зачѣмъ же вы увязаете?..

— Все Ганя...

И прежде, чѣмъ Митя успѣлъ что-нибудь сказать на это, она уже была за порогомъ. Митя бросился за нею.

— Лизавета Ивановна, Лизавета Ивановна!.. кричалъ онъ задыхающимся голосомъ ей вслѣдъ. Но она продолжала догонять своего мужа, который успѣлъ уже сажень на двадцать отойти отъ дома. Митя отбѣжалъ на нѣсколько шаговъ отъ воротъ, продолжая кричать и махать рукою... Богъ-знаетъ что хотѣлъ сказать онъ ей... Только разъ еще обернулась она назадъ и дружески кивнула ему головою, между-тѣмъ, какъ Ганя все продолжалъ идти впередъ, какъ-будто приколовъ глаза къ возу, который былъ у него впереди.

ГЛАВА VI.

Обстоятельство особеннаго рода.

Долго еще оставался Митя на улицѣ, смотря въ слѣдъ своимъ друзьямъ, которые мало-по-малу терлись въ отдаленіи. Онъ простоялъ бы тутъ до поздняго вечера, еслибы Анна не замѣтила ему, что все сосѣди отворили окна и указываютъ на него пальцами. Митя послушался. Вотъ онъ наконецъ у себя дома; теперь онъ полный хозяинъ, и можетъ располагаться, какъ ему угодно... Какой просторъ! какая тишина въ комнатахъ! ни голоса, ни стука, ни шороха шаговъ... Митя обошелъ все комнаты, осмотрѣлъ все углы: нигдѣ ни слѣда присутствія чело­вѣка; вездѣ безпорядокъ, пыль, соръ, пустота... Осталась только старая, полунизбитая мѣбель, отъ которой Митя такъ отвыкъ уже послѣ новой мѣбели Лизаветы Ивановны, да трехногая кушетка, какъ инвалидъ прислоненная къ стѣнѣ въ одномъ темномъ углу, за дверью. Митя никакъ не представлялъ, чтобы его движимое было такъ скудно! Послѣ того долго стоялъ онъ среди своихъ владѣній, погруженный въ мрачныя думы...

Накрывали сумерки. Митя вытащилъ изъ сѣней свое старое, заброшенное кресло, поставилъ его у стѣны въ передней комнатѣ, прямо противъ единственнаго оставшагося въ пей украшенія—картины Лизаветы Ивановны. До-сихъ-поръ. Митя какъ-то не обращалъ вниманія на эту картину, пока она висѣла вмѣстѣ съ прочими: онъ вѣрно даже не сказалъ бы, какой сюжетъ ея; но теперь, какъ во

всей комнатъ не оставалось другаго, сколько - нибудь отличнаго отъ ствнъ предмета, глаза невольно привязывались къ этой картинѣ. При томъ же, теперь это была не простая картина, а памятная. Нѣхота Митя взглянуть на нее.

Картина представляла женскую фигуру съ хорошенькою головкою и смѣющимся лицомъ. Подъ нею была французская подпись, которой Митя не могъ разобрать за отдаленностію и темнотою, продолжая дѣлать наблюденія съ дѣдовскихъ кресель. Головку дано было положеніе, которое не могло не нравиться: она такъ небрежно была наклонена на одно плечо и такъ плутовски улыбалась, какъ-будто сейчасъ хотѣла погрозить вамъ пальчикомъ... Митя особенно нравились ея глаза, живые, быстрые, которые какъ-будто говорили съ вами, будто смѣялись вамъ прямо въ лицо. Они смотрѣли на васъ такъ пристально, такъ откровенно, что вамъ какъ-то становилось стыдно за нихъ и въ то же время въ чемъ-то хотѣлось признаться имъ... Это были тѣ глаза, на которые если долго смотреть, то кажется, что вотъ уже вамъ протягиваютъ руку, и вы жмете ее, эту нѣжную, пуховую руку, а глазки будто выражаютъ вамъ за это свое удовольствіе...

Потомъ Митя смотрѣлъ на рамку, въ которую была вставлена картина, на красивый бордюръ ея, и потомъ опять на картину. Митя наконецъ не могъ не признаться, что эта головка ему очень нравилась; онъ даже очень удивлялся, какъ до-сихъ-поръ не замѣчалъ ея. Смотри на эти глаза, можно было, по-крайней-мѣрѣ на минуту, забытья, забыть свое одиночество, свои потери... Это отчасти могло замѣнить даже присутствіе живаго человѣка. Какое - то особенное, чудесное свойство, самая привлекательная игра... И все это въ сумерки, при самомъ сомнительномъ полусвѣтѣ!—Есть даже какъ-будто нѣкоторое, самое слабое сходство... Особенно если смотреть такъ, съ боку, то напоминаетъ что-то очень знакомое... Точно также и головка, немного по-дѣтски, отшатнулась къ лѣвому плечу, и также весело, ясно смотрятъ глаза... Боже мой, да это живая Лизавета Ивановна, особенно, когда она играетъ въ фанты...

Сдѣлавъ такое открытіе, Митя опять обошелъ всю комнату: ему показалось, что онъ слишкомъ-неосторожно выразилъ свою радость по случаю такого открытія, и что его могли подслушать; ему послышался даже шорохъ изъ другой комнаты. Но это была ошибка. Митя подошелъ къ самой картинѣ, чтобъ лучше всмотрѣться въ эту странную игру глазъ:—ничего особеннаго! Онъ простоялъ передъ нею нѣсколько минутъ, принималъ нѣсколько положеній—все безъ пользы: картина какъ картина! Наконецъ, Митя догадался: настоящая точка зрѣнія была именно съ кресель... Въ одну минуту онъ сидѣлъ уже въ креслахъ, устремивъ неподвижный взоръ въ картину и стараясь не дѣлать ни малѣйшаго движенія... Опять та же игра!.. Глаза го-

рять какъ-будто еще живѣе, улыбка выразительнѣе... Вотъ ужъ мракъ почти совершенно одолѣлъ послѣдніе, слабые лучи свѣта, а вдали все еще виднѣются эти воровскіе глаза, и головка какъ-будто выдалась впередъ изъ картины. Нѣсколько разъ Митя, не вѣря самъ своимъ глазамъ, хотѣлъ вскочить съ креселъ и подбѣжать къ карти- нѣ, и нѣсколько разъ останавливался, боясь разрушить эту странную игру... Головка все выдавалась впередъ. Митя не спускалъ съ нея глазъ...

Вдругъ хлопнула дверь: вошла Анна со свѣчою. Отъ испуга или досады, Митя проворно повернулся и такъ стукнулъ ногою о полъ, что зазвенѣли стекла... Анна едва не уронила свѣчи. Нѣсколько ми- нуть прошло въ совершенномъ молчаніи. Анна все стояла на одномъ мѣстѣ со свѣчою въ рукахъ, не спуская глазъ съ своего хозяина: нико- гда еще она не видала его въ такомъ волненіи...

— Прикажете поставить? наконецъ рѣшилась она спросить.

Митя указалъ ей на столъ. Анна тотчасъ поставила свѣчу и вы- шла въ большомъ недоумѣніи. Митя тотчасъ обратился къ прежнему занятію... Вотъ ужъ нѣсколько минутъ смотрѣлъ онъ на картину, но дѣйствія никакого не было. Митя переставилъ свѣчу сперва на одно мѣсто, потомъ на другое, наконецъ опустилъ на полъ: опять нѣтъ ничего! Досадно, страхъ-досадно... и все Анна!.. Митя погасилъ свѣ- чу; но темнота такъ ужъ усилилась, что невозможно было разсмо- трѣть не только головки, даже самой картины.

На другой день, около того же времени, Митя опять принялся за вчерашнее: пока еще было много свѣта, дѣйствія никакого не было; но едва опять накрыли сумерки, головка начала смотрѣть какъ жи- вая... Надобно было только не сходить съ креселъ. — Игра казалась такъ занимательна, что Митя забылъ даже о чаѣ. Анна, послѣ вче- ранняго пріема, не смѣла уже и входить въ комнату безъ зова; а Митя такъ занялся своимъ дѣломъ, что не видалъ какъ летѣло вре- мя. Наэтотъ разъ, головка была еще живѣе, развязнѣе; на этотъ разъ она не испугалась даже и огня и при свѣтѣ продолжала играть глаз- камн... Тутъ, правда, былъ одинъ секретъ, но, къ-счастію, Митя скоро открылъ его: надобно было дать нагорѣть свѣчѣ такъ, чтобъ въ комнатѣ стало едва-едва видно, — и чѣмъ становилось темнѣе, тѣмъ болѣе оживала головка.

Митя былъ очень-радъ этому открытію, и для большаго удобства въ наблюденіяхъ перетащилъ на мѣсто креселъ свою трехногую ку- шетку. Онъ ужъ расположился на ней, какъ слѣдуетъ — вдругъ зазве- нѣлъ колокольчикъ... Митя вскочилъ, чтобъ сказаться больнымъ; но Анна на этотъ разъ была такъ проворна, что Митя не успѣлъ дойти до двери, какъ дверь отворилась, и вошелъ Андрюша, съявъ тетушки Луши. Невозможно предъставить себѣ визита болѣе неумѣстнаго. Ми-

та тотчасъ опять расположился на кушеткѣ, не обращая никакого вниманія на гостя, котораго онъ особенно не жаловалъ за одно.

Андрюша, рослый парень, съ сонными глазами, вошелъ, утираясь платкомъ.

— Чортъ побери, какъ усталъ! Я, братъ Митя, пришелъ къ тебѣ.

— Вижу. А зачѣмъ это? грубо спросилъ хозяинъ гостя.

— Скучно стало, чортъ побери... Думаю себѣ дай пойду къ Митѣ, можетъ-быть, у него весело будетъ.

— Угадалъ! Я, братъ, и одинъ умѣю скучать.

— Одинъ?..—А гдѣ жъ ваши? спросилъ Андрюша, осматриваясь.

— Хватился! Ты видишь: съѣхали.

— Чортъ побери!

— Кого? съ досадою спросилъ Митя, который не любилъ Андрюшу именно за эту присловицу.

— Нѣтъ, я такъ... А Лизавета Ивановна тоже съѣхала?

— Нѣтъ, Лизавета Ивановна не съѣхала. Вотъ она, смотри.—Митя указалъ рукой на картину и повернулъ къ ней Андрюшу лицомъ.

— Эта картина?—Ты, братъ, Митя, все шутишь, чортъ побери.

— Ты слѣпъ, если не видишь.

Андрюша съ изумленіемъ посмотрѣлъ на Митю: такъ не привыкъ онъ видѣть его сердитымъ, въ себя.

—Постой, дай снять со всѣчи... Какъ она у тебя нагорѣла, чортъ побери.

— Не смѣй! громко закричалъ Митя, такъ-что Андрюша отскочилъ отъ стола.

— Такъ дай же, я возьму свѣчу...

— Ни съ мѣста... Смотри, вотъ тамъ.—Митя пригнулъ Андрюшу къ полу и держалъ его голову въ рукахъ. Видишь?..

— Теперь вижу... какая-то женщина... съ глазами...

— Это Лизавета Ивановна.

— Чортъ побери!.. съ удивленіемъ воскликнулъ Андрюша.

— Кого?.. сердито спросилъ Митя.

— Нѣтъ, я такъ... Какой ты нынче, братъ Митя, сердитый!..

— А ты сегодня глупѣ этого стула.

— Чортъ побери!.. Нѣтъ, я такъ... Если бы ты зналъ, братъ Митя, сколько у меня дѣла!

— Пора тебѣ за него приняться.

— Я и такъ спышу... Тебѣ не скучно будетъ одному?

— Надѣюсь.

— Прощай, братъ Митя. Минъ право нѣкогда.—Андрюша хотѣлъ идти.

— А что жъ ты?.. Кланяйся Лизаветѣ Ивановнѣ, сказалъ Митя, указывая на картину.

Андрюша не смѣлъ болѣе возражать.

— Прощайте, Лизавета Ивановна, проговорилъ онъ, смотря то на Митю, то на картину, и дѣлая довольно-низкій поклонъ. Митя также кланялся вмѣстѣ съ нимъ.

Митя хотѣлъ что-то еще сказать своему гостю, но тотъ проворно убѣжалъ изъ комнаты, какъ маленькій шалунишка, украдкою стащившій запрещенную игрушку. Только еще разъ послышалось «чортъ побери», сказанное уже на порогъ, и дверь за Андрюшей захлопнулась. Митя тотчасъ позвалъ Анну и тутъ же далъ ей самый строгій наказъ, впередъ въ это время не впускать ни души, хоть бы эта душа принадлежала самому Ганъ... Этотъ наказъ былъ сдѣланъ такъ опредѣленно и ясно, что Аннѣ оставалось только выслушать его и выйти вонъ. Болѣе ей ничего не оставалось здѣсь дѣлать, особенно смотря на это встревоженное, сердитое лицо, въ которомъ она едва узнавала своего барина.

Анна такъ и сдѣлала. Тогда Митя заперъ дверь на крючокъ и погрузился въ свое созерцаніе.

ГЛАВА VII.

Неожиданное посѣщеніе.

Былъ понедѣльникъ, вторникъ, или четверкъ—сказать опредѣленно нельзя, потому-что съ некотораго времени Митя не совсѣмъ-ясно различалъ одинъ день отъ другаго; и такъ, былъ понедѣльникъ, вторникъ, или четверкъ, и можетъ-быть уже не первый послѣ того, какъ началось созерцаніе, о которомъ я вамъ говорилъ въ концѣ предыдущей главы. Митя одинъ оставался въ своихъ комнатахъ; онъ сидѣлъ или лучше сказать лежалъ, по обыкновенію, на кушеткѣ; кто-то только-что было-толкнулся къ нимъ въ двери, но Анна, помня строгій наказъ, сказала, что барина нѣтъ дома. Свѣча давнымъ-давно нагорѣла, и лѣнивый огонѣкъ едва держался около свѣтильни; на пять шаговъ отъ свѣчи было еще столько свѣтло, что иной могъ бы читать книгу; но далѣе свѣтъ уже примѣтно начиналъ бороться съ тьмою, такъ-что противоположная стѣна, покрытая темною краской, почти совсѣмъ ускользала изъ вида, кромѣ одной картины, которая блѣднымъ своимъ фономъ рѣзко выдавалась впередъ изъ окружающаго ее сумрака... Положивъ голову на руку, которая уперлась въ подушку, Митя съ усиленнымъ вниманіемъ вглядывался въ картину.

Вся фигура такъ рѣзко отдѣлялась отъ картины, особенно лицо... Глаза были какъ двѣ свѣтлыя точки; всѣ черты такъ опредѣленны и выразительны. Разъ Митя какъ-будто замѣтилъ въ нихъ даже нѣ-

которое движеніе. Онъ только про-себя, втайнѣ, пожелалъ, чтобъ это была правда, какъ вся фигура дѣйствительно пришла въ сильное движеніе и будто выдвигалась впередъ. Не-уже-ли, подумалъ Митя, не-уже-ли она сойдетъ съ своего мѣста? Между-тѣмъ, онъ чувствовалъ, какъ кровь его приливала къ груди, дыханіе становилось чаще, и глаза застилало тьмою. Митя еще боролся съ этимъ нечаяннымъ волненіемъ, какъ фигура стояла уже передъ нимъ.

Это была она, она сама, въ своемъ бѣломъ, какъ снѣгъ, платьѣ, съ своею обыкновенною прическою и съ этимъ яснымъ, располагающимъ къ себѣ взоромъ, который съ перваго раза нитѣль на Митю такое чудесное вліяніе. Митя не вытерпѣлъ и быстро поднялся съ своего мѣста. Но едва-только сталъ онъ на ноги, какъ фигура, будто повинувшись давленію какой-нибудь скрытой пружины, въ одно мгновеніе очутилась на прежнемъ мѣстѣ, приняла прежній свой видъ, и долго надобно было ждать, пока она снова оставила раму и, какъ тѣнь, какъ легкій призракъ, опять рисовалась передъ глазами Мити, едва касаясь пола ногами и, какъ пухъ, зыблясь въ воздухъ... Митя притаилъ дыханіе.

Ей, кажется, это нравилось: она еще ближе подвинулась къ Митѣ и таинственно приложила палецъ къ губамъ. Тогда Митя еще глубже затаялъ въ себѣ дыханіе, какъ-бы опасаясь, чтобъ сильнымъ движеніемъ воздуха не слухъ этого легкаго видѣнія. И, чѣмъ больше тишины было въ комнатѣ, тѣмъ болѣе смѣлости, жизни въ положеніи фигуры. Въ ней было что-то враждебное всякому, даже малѣйшему шуму: булавка, нечаянно выпавшая изъ стѣны, привела ее въ электрическое сотрясеніе, отъ котораго смѣшались всѣ черты, и едва не разсыпалась, какъ дымъ, вся фигура. И наоборотъ, по мѣрѣ того, какъ прекращалось всякое малѣйшее движеніе, производившее шорохъ или легкій шумъ, фигура какъ-будто пріобрѣтала въ смѣлости, оживлялась, черты яснѣй и яснѣй отдавались одна отъ другой, глаза загорались огнемъ, лицо одушевлялось улыбкой, одна рука была поднята. Митя видѣлъ передъ собою живое существо.

Нѣсколько минутъ фигура оставалась передъ нимъ въ одномъ положеніи, но Митя твердо выдержалъ испытаніе; онъ оставался недвижимъ какъ камень. Тогда она вдругъ сълзала легкій пируэтъ и однимъ прыжкомъ очутилась на другомъ концѣ комнаты, потомъ снова на томъ же мѣстѣ, и потомъ опять отбѣжала къ дверямъ. Съ каждою минутою возрастала быстрота и смѣлость въ ея движеніяхъ; наконецъ она ни минуты не оставалась въ покоѣ и безпрестанно перелетала съ одной стороны на другую, прихлопывая руками, впрочемъ, не издавая никакого звука. Ей было такъ весело! Живая улыбка не сходила съ ея лица; казалось, она играла всеми своими движеніями, особенно когда смотрѣла прямо въ лицо Митѣ и вытанцы-

вала передъ нимъ свои неуловимыя па... Митя всегда удивлялся ловкости Лизаветы Ивановны; но теперь онъ рѣшительно не могъ понять, откуда она могла научиться всемъ этимъ чудеснымъ движеніямъ.

Между-тѣмъ, она продолжала рѣзвиться и нѣсколько разъ такъ близко подбѣгала къ Митѣ, что онъ могъ бы чувствовать у себя на лицѣ ея дыханіе, могъ бы охватить рукою легкій станъ ея. Разъ, когда она низко наклонилась къ его уху, онъ осмѣлился, но рука разсѣкала только воздухъ, между-тѣмъ, какъ фигура быстро терялась въ отдаленіи, наконецъ совершенно исчезла въ рамѣ картины. Остался только одинъ рисунокъ, очеркъ, едва различимый при тускломъ свѣтѣ свѣчи. Напрасно Митя кричалъ въ отчаяніи: «Лизавета Ивановна! Лизавета Ивановна!» Она явилась опять не прежде, какъ онъ совершенно успокоился и, затаивъ дыханіе, неподвижно лежалъ на одномъ мѣствѣ.

Лизавета Ивановна не произносила ни одного слова, ни одного звука. Митя тотчасъ догадался, что здѣсь есть тайна, что самое появленіе Лизаветы Ивановны въ его комнатахъ также навсегда должно остаться секретомъ, и что Лизавета Ивановна пришла сюда инкогнито звать его къ себѣ, также инкогнито. Въ-самомъ-дѣль, едва-только Митя подумалъ объ этомъ, какъ она стала въ дверяхъ и начала манить его къ себѣ, слегка поводя указательнымъ пальцемъ. Митя проворно всталъ; она еще быстрее отбѣжала къ послѣдней двери и продолжала манить. Митя болѣе не колебался; онъ тотчасъ накинулъ на себя шинель и бросился къ дверямъ съ тѣмъ, чтобъ отправиться къ Лизаветѣ Ивановнѣ. Фигура, между-тѣмъ, исчезла. Это однако не остановило Митю: онъ очень хорошо понималъ, что все это такъ и должно быть, и съ твердою рѣшимостію вышелъ изъ дома. Напрасно Анна, затворяя за нимъ дверь, говорила, чтобъ онъ взялъ съ собою зонтикъ: Митя какъ-будто и не слышалъ ея словъ.

А погода была самая несносная. Это былъ одинъ изъ тѣхъ ненастныхъ осеннихъ вечеровъ, когда и бѣдный человекъ съищитъ скорѣе затворить за собою дверь, чтобъ забыть все, что происходитъ на улицѣ. Мелкій, но частый дождь лилъ съ самаго утра, мѣшаясь иногда съ снѣгомъ; улицы сплошь были покрыты грязью; тускло свѣтились фонари сквозь густой туманъ, облежавшій ихъ со всехъ сторонъ. Изрѣдка попадался жалкій пѣшеходъ, нетерпѣливо выражавшій желаніе лучшей погоды, по-крайней-мѣрѣ болѣе-спокойной ходьбы. Однако Митя борзо шелъ впередъ, закутавшись въ свою непромокаемую шинель и не разбирая совершенно-ничего подъ ногами: онъ шелъ такъ же свободно, какъ бы по хорошо-углаженному бульвару, только изрѣдка бормоча про себя: «Лизавета Ивановна!» Вотъ наконецъ окна ихъ квартиры. Митя остановился, стараясь всмо-

трется во внутрь комнаты. Кажется, онъ не ошибся: въ комнату было одно, только одно лицо. Митя вошелъ; его встрѣтила Лизавета Ивановна. Она, примѣтно, была и рада и удивлена.

— Вы вѣрно видѣли, что я одна, сказала она послѣ перваго притѣвствія: — и хотѣли меня испугать?

Митя съ робостію осматривался вокругъ себя, какъ-бы не доверяя словамъ Лизаветы Ивановны.

— А! вы ищете мужа? продолжала Лизавета Ивановна.—Его нѣтъ дома. Представьте себѣ, какая досада: онъ только-что передъ вами вышелъ изъ дому. Еслибъ я знала, ни за-что не пустила бы его отъ себя.

Митя значительно улыбнулся, какъ улыбается всякій, когда видятъ въ словахъ другаго чистую иронию.

— Я понимаю, отвѣчалъ онъ, давая замѣтить, что въ словахъ Лизаветы Ивановны видятъ особенный смыслъ. — И вѣрно онъ придетъ не скоро?

— Я думаю. Но что жъ вамъ? Вы можете подождать его. Правда, я такъ рада вамъ. Скажите же, какъ вы къ намъ въ такую погоду?

Митя подвинулъ къ ней свой стулъ.

— А какъ вы? Вамъ, я думаю, труднѣе было идти по грязи въ нашихъ маленькихъ, тоненькихъ башмачкахъ и въ легкомъ бѣломъ платьѣ, да еще съ открытою головою. Однако вы не побоялись.

— Когда же? Я не понимаю, отвѣчала Лизавета Ивановна.—Нѣтъ, не шута, скажите, Дмитрій Григорьевичъ: вы къ намъ прямо изъ дому?

— Вслѣдъ за вами.

Митя еще разъ осмотрѣлся вокругъ себя.

— Какъ? Развѣ... развѣ Ганя былъ у васъ? Онъ только сейчасъ вышелъ изъ дому.

— А вы давно воротились?

Митя подвинулъ свой стулъ еще ближе къ Лизаветѣ Ивановнѣ.

— Откуда же? Я нигдѣ не была.

— Вы все шутите. Я говорю: вы давно воротились отъ меня?

Митя сдѣлалъ удареніе на послѣднемъ словѣ.

— Какъ отъ васъ? Кто же вамъ сказалъ, что я у васъ была?

Митя засмѣялся.

— Вы думали, я не узнаю васъ? Я васъ узналъ съ перваго раза.

Лизавета Ивановна посмотрѣла на Митю; въ глазахъ ея выразилось недоумѣніе.

— Вы такъ странно говорите, Дмитрій Григорьевичъ... Я, право, васъ не понимаю. Когда же я была у васъ? Мы съ мужемъ только собирались къ вамъ. Скажите же, когда, на-примѣръ, я у васъ была?

— Нынче, вчера, во вторникъ, въ среду.

— Странно! Съ кѣмъ же? Не-уже-ли одна?

Митя кивнулъ головою.

— И вы видѣли?

— Какъ теперъ: вы еще танцевали и потомъ стали звать меня къ себѣ... Понимаете?

Лизавета Ивановна еще разъ посмотрѣла на своего гостя, и какъ все это онъ говорилъ очень-серьёзно, то она, наконецъ, не могла удержаться отъ смѣха.

— Какіе вы стали проказники, Дмитрій Григорьевичъ! Ужъ чего не скажете!

Лизавета Ивановна продолжала отъ всей души смѣяться, а Митя смотрѣлъ на нее во весь глаза, какъ вдругъ дверь отворилась, и Ганя переступилъ черезъ порогъ, горько жалуясь на непогоду, которая заставила его воротиться домой. Еще въ передней его какъ-то странно поразилъ неумѣренный смѣхъ жены; но каково же было его изумленіе, когда онъ увидѣлъ подлѣ нея своего стараго друга, Митю, который какъ-будто не хотѣлъ и отвѣчать на его привѣтствіе и даже не вставалъ съ своего мѣста! Въ изумленіи, Ганя остановился у самыхъ дверей; Лизавета Ивановна продолжала смѣяться.

— Представь себѣ, сказала она наконецъ, стараясь удержаться отъ смѣха:—чтѣ за проказникъ сталъ у насъ Дмитрій Григорьевичъ! Говорить, что я была у него нынче вечеромъ, и безъ тебя.

—Ты была... у него? спросилъ Ганя, какъ-бы не вслушавшись въ ея слова.

— Ахъ, Боже мой, какъ-будто ты не слышишь! Да, онъ увѣряетъ меня, что я была у него одна нѣсколько дней сряду. Такъ ли я говорю, Дмитрій Григорьевичъ?

Дмитрій Григорьевичъ молчалъ. Ему, кажется, не нравилось ни то, что Ганя такъ скоро воротился домой, ни то, чтѣ говорила Лизавета Ивановна.

— Ты что-то ужъ заврался! сказалъ Ганя, значительно посмотрѣвъ на Митю. Но Митя продолжалъ молчать и отвѣчалъ ему только взглядомъ. Послѣ того Ганя отошелъ въ сторону, чтобъ сложить съ себя намокшее платье.

Лизавета Ивановна тотчасъ замѣтила неудовольствіе мужа и перестала смѣяться. Ганя, оправившись и отдохнувъ немного, началъ совсѣмъ другой разговоръ, который не имѣлъ ничего общаго съ прежнимъ. Митя однако продолжалъ показывать рѣзительное къ нему нерасположеніе; онъ съ готовностію отвѣчалъ Лизаветѣ Ивановнѣ, когда она обращалась къ нему со всеми вопросами, но Ганя онъ какъ-будто обещался говорить только «да» или «нѣтъ», а то не смотря ему въ лицо и какимъ-то недовольнымъ тономъ. Напрасно Ганя своимъ радушіемъ, своею веселостію, хотя нѣсколько и под-

дальною, старался поставить его опять на прежнюю, дружескую ногу: Митя не поддавался, и въ самомъ скоромъ времени, не смотря на всѣ убѣжденія Гани, отправился домой.

Послѣ того, какъ онъ ушелъ, Ганя и Лизавета Ивановна долго еще тихо разговаривали между собою о чемъ-то очень-немаловажномъ, при чемъ Ганя нѣсколько выходилъ изъ себя, и даже на лицѣ Лизаветы Ивановны замѣтно было нѣкоторое непріятное волненіе, какъ еслибъ ее въ чемъ упрекали... Митя, вышедши отъ нихъ, также долго еще стоялъ у воротъ, какъ-бы соображая весь ходъ дѣла; уже подумавши нѣсколько времени, онъ сказалъ вслухъ: «а, понимаю!» и пустился далѣе.

ГЛАВА VIII.

Обманутыя ожиданія и мщеніе.

Пріятели и знакомые Мити, всѣ принимавшіе сердечное участіе въ судьбѣ своего друга, съ нѣкотораго времени были очень обезпкоены страннымъ его поведеніемъ. Всѣ знали, что онъ не оставляетъ своей должности и постоянно занимается въ присутствіи, но никто, рѣшительно никто не могъ сказать, что дѣлается съ Митею послѣ того, какъ онъ выходитъ изъ присутствія, какъ онъ проводитъ время и чѣмъ занимается. Этотъ вопросъ былъ въ головѣ каждого, но никто не рѣшался предложить его самому Митѣ, зная странный нравъ его, и потому нѣкоторые, особенно-любопытные изъ товарищей по службѣ, условились слѣдить за Митею, когда онъ пойдетъ изъ присутствія. Они такъ и сдѣлали; но одни изъ нихъ случайно были увлечены совсѣмъ въ другую сторону случайно же попавшеюся горничною съ картономъ, а другіе, которые имѣли терпѣніе идти до конца, видѣли только, какъ Митя входилъ въ свою собственную квартиру, и потому, какъ и первые, также не умѣли рѣшить вопроса.

И страннымъ казалось особенно то, что Митю никогда нельзя было застать дома. Прежде, за недѣлю, также ко всѣмъ выходила Анна и, неохотно отворяя дверь, обыкновенно говорила, что «баринъ нѣтъ дома», но тогда по-крайней-мѣрѣ по свѣту въ окнахъ можно было догадываться, что «баринъ» дома, но не хотѣтъ принимать гостей. А теперь, вотъ уже нѣсколько дней, совсѣмъ-другое: почти въ продолженіе всего вечера являлись усердные посѣтители, и не только не находили хозяйна дома, но даже не видѣли никакого свѣта въ окнахъ. Анна же рѣшительно не могла дать никакого объясненія и только жаловалась, что баринъ ея не ѣстъ, не пьетъ и наконецъ даже не живетъ дома. Впрочемъ, по увѣренію нѣкоторыхъ, свѣтъ

показывался въ окнахъ около десятаго часа вечера и не пропадалъ до глубокой ночи.

Между знакомыми наконецъ стали ходить объ Митѣ разныя неправдоподобныя легенды. Иные рассказывали, будто Митя влюбился въ одну знатную даму и сгораеть безнадежною страстью къ ней; другіе напротивъ утверждали, что онъ попалъ въ какую-то политическую секту, которая имѣетъ цѣлю повсемѣстное разведеніе картофеля; наконецъ третьи, особенно Петруша Чириковъ, кричали на весь народъ, что у Мити въ комнатахъ завелся домовой, проказитъ на-пропалую и совершенно выживааетъ его изъ дому. Ко всеобщему удивленію говорили даже, будто одинъ разъ онъ нарядился въ женское платье и представился такимъ хорошенькимъ, что Митя никакъ не выдержалъ и предложилъ ему руку и сердце; а въ другой разъ будто загасилъ у Мити свѣчу, засыпалъ ему пескомъ глаза и всего залилъ чернилами, и проч. и проч.

Были и другіе разныя слухи въ этомъ же родѣ; какъ и всегда бываетъ, одни со страхомъ вѣрили имъ, другіе робко не вѣрили, но всѣ непременно хотѣли знать, гдѣ проводитъ Митя почти весь вечеръ; нѣкоторые даже готовы были предпринять оффиціальныя поиски. Однако, всѣ покушенія найдти это блаженное мѣсто были напрасны, потому-что искали совсѣмъ не тамъ, гдѣ слѣдовало искать: пока Митю искали по разнымъ домамъ, онъ преспокойно себя-стоялъ неподалеку отъ воротъ того дома, гдѣ была квартира Гани и Лизаветы Ивановны. Обыкновенно, вечеромъ, какъ-скоро становилось темно, не смотря на слякоть и холодный осенній дождь, Митя выходилъ изъ дому, приходилъ прямо къ этому мѣсту и становился у забора, оборачиваясь всякій разъ, какъ-только отворялась калитка, которую обыкновенно выходили со двора. Нахлобучивъ старый суконный картузь и завернувшись въ свою непромокаемую шинель, Митя въ резиновыхъ сапогахъ, казалось, смѣялся надъ всеми усиліями пронзительнаго холода и дождя и, какъ столпъ, стоялъ недвигаясь съ мѣста. Люди, проходившіе обыкновенно этою улицею, сначала косились на него и робко оглядывались; но потомъ мало-по-малу присмотрѣлась къ нему, привыкли, и наконецъ проходили около него такъ же равнодушно, какъ мимо всякаго фонарнаго столба.

Никто не могъ сказать именно, сколько вечеровъ провелъ Митя на этомъ мѣстѣ и съ какою цѣлю; достоверно было только то, что онъ кого-то поджидалъ здѣсь, и что эта экстраординарная служба началась у него вскорѣ послѣ того времени, какъ онъ сдѣлалъ первый, не совсѣмъ, впрочемъ, удавшійся визитъ своимъ друзьямъ— Ганѣ и Лизаветѣ Ивановнѣ. И такъ, онъ кого-то поджидалъ. Это былъ уже, можетъ-быть, восьмой или девятый вечеръ. Калитка нѣсколько разъ отворялась; нѣсколько разъ со двора сходили люди, и Митя по-

юрчивалъ свою голову, чтобъ всмотрѣться въ проходящихъ; но все это, конечно, были не ты, кого ему было надобно. Вотъ наконецъ кто-то вышелъ въ шинели и поспѣшно пошелъ въ противную сторону... Митя не успѣлъ всмотрѣться ему въ лицо, — притомъ же было такъ темно, — однако, казалось, узналъ его по походкѣ и по росту, и едва-только незнакомецъ скрылся изъ виду, какъ Митя бросился въ калитку, отворилъ настежь всѣ двери и въ одну минуту былъ въ той самой комнатѣ, гдѣ въ первый разъ приняла его Лизавета Ивановна.

Митя искалъ кого-то глазами, вовсе не замѣчая своего пріятеля, Гани, который также смотрѣлъ на него во всѣ глаза... Наконецъ, Ганя подошелъ къ нему такъ близко, что могъ чувствовать у себя на лицѣ его дыханіе.

— Помилуй, братъ Дмитрій, сказалъ онъ нетерпѣливо: — что съ тобой дѣлается? Ты ужъ наконецъ и своихъ не узнаешь.

Митя оторопѣлъ, увидѣвъ Ганю... Его, кажется, всего меньше думалъ онъ встрѣтить здѣсь въ эту минуту.

— Это ты, Ганя? проговорилъ онъ робко: — а гдѣ же...

Митя какъ-будто боялся кончить вопросъ и поводилъ глазами по комнатѣ. Ганя, однако, тотчасъ догадался, о комъ рѣчь.

— Жены нѣтъ дома: она у сестры. Я послалъ за ней Лѣвушку — можетъ-быть онъ не попался ли тебѣ — въ моей старой шинели. Садись — гость будешь.

Но Митя и не думалъ садиться: скорѣе онъ показывалъ намѣреніе уйти. Ганя показалось это очень-непріятно, однако онъ постарался скрыть свое неудовольствіе.

— Ты ужъ спишишь, Митя? сказалъ онъ довольно-спокойнымъ тономъ. — Какъ это жаль! А вѣрно ты съ какою-нибудь новостью къ Лизѣ!..

— Нѣтъ, коротко отвѣчалъ Митя.

— Такъ, можетъ-быть, что-нибудь ко мнѣ? продолжалъ тѣмъ же тономъ Ганя.

— Нѣтъ, отвѣчалъ опять Митя.

— Стало-быть, ты ни ко мнѣ, ни къ Лизаветѣ Ивановнѣ?.. Странно, очень странно! А я все думалъ, что ты къ Лизаветѣ Ивановнѣ... Говоря эти слова, Ганя отвернулся въ сторону, чтобъ скрыть невольную улыбку. Когда же онъ снова оборотился по прежнему направленію, гостя уже не было: онъ исчезъ такъ тихо, что не слышно было даже шелеста шаговъ.

Съ-тѣхъ-поръ, Митя не являлся болѣе, въ урочный часъ, на обыкновенный свой постъ и не пугалъ болѣе прохожихъ своею таинственною фигурою. Теперь онъ каждый вечеръ оставался дома, вѣлъгъ подавать себѣ огня и до глубокой ночи лежалъ на своей кушеткѣ, устремивъ глаза на знакомую картину... Во что бы то ни стало, Ми-

тя непременно хотѣлъ возобновить прежнюю игру. Сначала картина упрямилась, какъ-будто оскорбленная тѣмъ пренебреженіемъ, которое онъ показывалъ къ ней нѣсколько вечеровъ сряду; но Митя стоялъ на своемъ и не спускалъ съ нея глазъ... Скоро все стало по прежнему: нагарала свѣча, и отъ картины отдѣлялась маленькая фигура, которая съ каждымъ движеніемъ впередъ становилась больше и больше... Наконецъ она вытягивалась въ человѣческой ростъ и становилась среди комнаты — на полу или на воздухъ, опредѣлить было трудно; тогда всѣ члены ея приходили въ движеніе, и если при этомъ не происходило ни малѣйшаго шума, ни стука въ комнату, то она начинала какой-то воздушный танецъ, въ которомъ Митя едва успѣвалъ слѣдовать за нею глазами.

Всѣмъ этимъ, однако, Митя былъ еще недоволенъ: онъ хотѣлъ самага точнаго повторенія прежнихъ сценъ. И вотъ, въ-самомъ-дѣлѣ, въ одинъ вечеръ, когда и на дворѣ было особенно тихо, и свѣча нагорѣла болѣе обыкновеннаго, фигура была что-то очень-весела: она долго дѣлала передъ своимъ единственнымъ зрителемъ разные живописные туры, склоняясь то на ту, то на другую сторону, долго кружилась въ воздухъ съ чрезвычайною быстротою, и потомъ вдругъ однимъ неслышнымъ скачкомъ была уже у дверей комнаты и, таинственно кивая головою, давала Митѣ знакъ слѣдовать за нею... Онъ былъ готовъ, онъ ждалъ этого, и едва фигура исчезла за дверями, какъ онъ былъ уже на ногахъ, а черезъ двѣ или три минуты самымъ скорымъ шагомъ шелъ къ знакомому дому.

Лизавета Ивановна сидѣла за самоваромъ, когда Митя вошелъ въ комнату. Можно было подумать, что за нимъ гнались недобрые люди: такъ проворно вбѣжалъ онъ въ домъ и такъ задыхался отъ усталости! Лизавета Ивановна, кажется, вовсе не была приготовлена къ такому посѣщенію и въ испугъ едва удержала чашку, которая была у нея въ рукахъ.

— Что это? сказала она недовольнымъ видомъ, оправляясь отъ перваго испуга.—Знать вы уговорились пугать меня всякій разъ, какъ-только прійдете къ намъ? Можно ли такъ? Я наконецъ стану жаловаться на васъ, Дмитрій Григорьичъ!

Митя сталъ, какъ вкопанный. Его совершенно поразилъ этотъ недовольный тонъ, которымъ говорила Лизавета Ивановна. На лицѣ его изобразилась сильная тревога.

— И куда вы всегда такъ торопитесь? Развѣ нельзя было войти тихо? Что жъ вы молчите?

— Лизавета Ивановна!.. началъ Митя въ сильномъ безпокойствѣ — Я спѣшилъ, я хотѣлъ догнать васъ...

— Меня?.. Какъ, развѣ опять?..

Митя кивнулъ головою. Лизавета Ивановна поспѣшила скрыть

улыбку, которая уже навернулась у ней на губахъ, и старалась показывать видъ, будто охотно вѣрить его словамъ. Митя ничего не дозрѣвалъ.

— Скажите же вы мнѣ, Дмитрій Григорьичъ, продолжала она по-видимому очень-простоудушно: — зачѣмъ бы это я такъ нужна была вамъ?

Митя между-тѣмъ успѣлъ оправиться и съ увѣренностію подошелъ къ Лизаветѣ Ивановнѣ, стараясь улыбаться, хотя улыбка въ эту минуту вовсе не шла къ его лицу, все еще очень встревоженному.

— За вами долгъ — сказалъ онъ, взявъ правую руку Лизаветы Ивановны.

— Какъ долгъ? какой же это долгъ, Дмитрій Григорьичъ?

— А это кольцо? продолжалъ онъ, указывая на обручальное. Оно — мое.

— Давно ли же это? отвѣчала Лизаветы Ивановна, едва удерживаясь отъ смѣха.

— А помните... въ тотъ вечеръ?... отдайте же его мнѣ скорѣе, пока онъ не пришелъ.

— А если я не отдамъ?..

— Я отниму у васъ.

И Митя какъ-будто въ-самомъ-дѣлѣ хотѣлъ привести въ исполненіе свою угрозу. Одной рукою онъ взялъ Лизавету Ивановну за руку, а другою старался отогнуть палецъ, на которомъ было кольцо. Лизавета Ивановна продолжала смѣяться и конечно не стала бы долго противиться усиліямъ Мити, если бы печальный ударъ по плечу не остановилъ его и не заставилъ обернуться назадъ. Съ ужасомъ увидѣлъ Митя передъ собою Ганю, который все это время сидѣлъ въ другой комнатѣ, а теперь вышелъ — на помощь къ женѣ.

— Это однако съ твоей стороны очень-хорошо, прямо по-пріятельски, началъ Ганя, смотря въ глаза своему другу: — ходитъ къ Лизаветѣ Ивановнѣ поздно вечеромъ и отнимать у ней обручальныя кольца... А что, если я попрошу, послѣ этого, своего любезнаго друга...

Но Ганя не успѣлъ договорить своей просьбы: Митя бѣжалъ, бѣжалъ какъ мальчикъ, застигнутый на мѣстѣ своихъ шалостей, какъ воръ, едва ускользнувшій изъ рукъ правосудія, такъ-что Ганя поневоле долженъ былъ остановиться на половинѣ своего вопроса и, вместо продолженія его, затворить за бѣглецомъ всѣ двери...

Совершенно впѣ себя прибѣжалъ Митя домой. Даже Анна, которая привыкла уже ко всѣмъ его странностямъ, не знала что подумать о своемъ баринѣ: такъ онъ не походилъ самъ на себя! Она хотѣла войти вслѣдъ за нимъ въ комнату, но онъ вырвалъ у ней свѣчу и съ силою захлопнулъ за собою дверь. Однако Анна такъ была напугана страннымъ его видомъ, что тотчасъ вышла изъ сѣней

на дворъ, взгромоздилась на беченокъ и стала смотрѣть въ окна... У ней занималось дыханіе при одной мысли, что баринъ можетъ сдѣлать надъ собою что-нибудь недоброе... Къ-счастію, занавѣски не были опущены, и Анна съ своего возвышенія довольно-хорошо могла видѣть все, что происходило въ комнату.

Митя сбросилъ съ себя шинель, поставилъ свѣчу на столъ и подошелъ къ картинѣ. Нѣсколько мнуть стоялъ онъ передъ нею, качая головою, потомъ осмотрѣлся кругомъ, снялъ картину со стѣны, съ-розмаху бросилъ ее на полъ и долго топталъ ногами, приговаривая какія-то слова, которыхъ, впрочемъ, Анна не могла разобрать... Потомъ онъ погасилъ свѣчу и, какъ казалось, заснулъ, потому-что Анна не слыхала болѣе никакого стука. Только утромъ осмѣлилась она войти въ комнату, собрала кусочки стекла, разбитаго на-мелко, и выбросила ихъ вмѣстѣ съ соромъ.

ГЛАВА IX.

Последнія происшествія.

Дней черезъ пять послѣ этого страннаго происшествія, Ганя воротился изъ присутствія очень-встревоженный, чего прежде съ нимъ никогда не случалось. Долго ходилъ онъ по комнатѣ, ничего не говоря Лизаветѣ Ивановнѣ. Наконецъ, она замѣтила волненіе мужа и, поймавъ одинъ его взглядъ, который показывалъ, что онъ былъ въ большой перъшпательности, обратилась къ нему съ вопросомъ.

— Ты такъ разстроены! сказала она, положивъ иголку и съ нѣжностію смотря на него.

— Кто? я? отвѣчалъ онъ, стараясь принять бодрый видъ. — Нисколько. Это тебѣ такъ показалось.

— А можетъ-быть и не показалось... Что же такъ занимаетъ тебя, что ты не хочешь и говорить со мною?..

— Вадоръ, мелочи, не стоющія никакого вниманія.

— Конечно, потому-что я не должна знать объ нихъ?.. Если такъ, я не смѣю и спрашивать...

— Совсѣмъ нѣтъ, мой другъ. Я и не думалъ скрывать отъ тебя... Но, право, это совсѣмъ не такъ пріятно, чтобъ рассказывать. Впрочемъ, если ты хочешь...

— Мнѣ, право, все равно... Особенно, если это такой вадоръ...

— Сущій вадоръ, душа моя: нашъ чудакъ немного напроказничалъ, вотъ и всё; впрочемъ это совсѣмъ меня не беспокоитъ.

— Такъ о-чемъ же тебѣ и думать?

— Я думаю то же самое. Но вотъ видишь ли, въ чемъ дѣло, я расскажу тебѣ все: сегодня, во время присутствія, взялъ онъ нѣсколько

бывовыхъ бумагъ, которыя ужь были подписаны присутствующими, и на всѣхъ поставилъ большіе кресты, а на нѣкоторыхъ даже по два и по три...

— Что жь? я думаю, не тебѣ будетъ отвѣчать за него?

— Но выслушай, чѣмъ это кончилось: сказали секретарю; онъ тотчасъ къ Митѣ и спрашиваетъ его: «кто вамъ позволилъ это сдѣлать?» Митя сначала молчалъ и все посмѣивался; потомъ, когда секретарь сталъ больше и больше приступать къ нему, онъ всталъ на стулъ, потомъ на столъ, и закричалъ на всю канцелярію: «Лизавета Ивановна!»

— Не-ужь-то въ самомъ дѣлѣ?..

— Божусь тебѣ. И такъ громко, что даже слышно было въ присутствіи.

Лизавета Ивановна не могла болѣе удержаться отъ смѣха, смотря на лицо мужа, который рассказывалъ все это съ самою серьезною миною.

— Тутъ вовсе нѣтъ ничего смѣшнаго, сказалъ Ганя, нѣсколько оскорбившись веселостью Лизаветы Ивановны.— Вся канцелярія засмѣялась и чуть не захопала въ ладоши, когда онъ изволилъ отпустить эту глупость — каково это?..

— Это-то мнѣ и кажется смѣшно.

— А мнѣ такъ напротивъ. Не забудь, что онъ сказалъ не чье-нибудь другое, а *твое* имя...

Лизавета Ивановна скоро перестала смѣяться, однако разговоръ продолжался у нихъ цѣлый обѣдъ, и все объ одномъ и томъ же предметѣ. Ганя наконецъ такъ же гораздо-хладнокровнѣе, и такимъ образомъ, разсуждая съ полнымъ спокойствіемъ и умѣренностію, они успѣли дружелюбно устранить обоюдныя противорѣчія и такъ или иначе согласиться во всѣхъ пунктахъ относительно послѣдняго происшествія.

Но едва-водворившееся согласіе черезъ день снова было нарушено почти такимъ же образомъ: Ганя пришелъ ранѣе обыкновеннаго, и, опять сильно встревоженный, началъ ходить по комнатѣ, стараясь скрыть внутренне волненіе. Лизавета Ивановна тотчасъ угадала, въ чемъ дѣло.

— Не опять ли проказы? спросила она, впрочемъ безъ всякаго безпокойства.

— Нашъ Дмитрій просто никуда не годится—съ досадою отвѣчалъ Ганя.—Онъ только дурачить насъ... Представь себѣ: секретарь сегодня подходитъ къ нему и говоритъ, что онъ долженъ непременно извиниться передъ присутствующими въ своей глупости, иначе ему откажутъ отъ мѣста. Митя засмѣялся и потомъ говоритъ: «что жь, откажите! а я буду жаловаться.» — Какъ жаловаться? спросилъ се-

кретарь: — кому вы будете жаловаться? — Митя помолчалъ съ минутою и потомъ опять какъ закричить на всю канцелярію: «Лизавета Ивановнѣ!»

— Чтѣ жь такое? спокойно отвѣчала Лизавета Ивановна, какъ-будто дѣло вовсе не ея касалось. — Пусть его кричать, чтѣ хочеть. Для меня это вовсе ничего не значить.

— А для меня значить, и значить много, возразилъ Ганя. — И если этотъ гость вздумаетъ хоть разъ впередъ заглянуть ко мнѣ, я или запру передъ нимъ двери, или, если онъ какъ-нибудь проберет-ся сюда мимо меня, вытолкаю его въ шею изъ дому...

Ганя разгорячился; Лизавета Ивановна не хотѣла возражать ему въ такую невыгодную минуту и отвортилась къ окну, которое выходило на улицу. Картина, представившаяся ей, никакъ не могла назваться пріятною. Крупный дождь падалъ вѣсть съ хлопьями снѣга; топкая грязь закрывала всю мостовую, и жалкій пѣшеходъ не разъ останавливался среди улицы съ приподнятою ногою, не рѣшаясь погрузить ее въ страшную тину, которая заграждала ему дорогу. Только одинъ какой-то отчаянный путешественникъ шелъ впередъ самымъ ровнымъ шагомъ, не разбирая впереди себя ничего, какъ-будто передъ нимъ была ровнь и гладь. Вотъ онъ перешелъ улицу и сталъ подходить къ дому, гдѣ была квартира Гани. Лизавета Ивановна взглянула на него пристально и съ удивленіемъ узнала въ отчаянномъ путешественникъ своего стараго знакома—Митю.

— Это онъ, сказала она, отбѣжавъ отъ окна:—идеть къ намъ...

Ганя пріосамился.

— Милости просимъ!.. Мы готовы принять дорогаго гостя. Только пусть не прогнѣвается, прибавилъ онъ, потирая руки.

Лизавета Ивановна вдругъ приняла умоляющій видъ.

— Послушай, мой другъ, къ чему это?.. Не-ужь-то онъ сдѣлалъ тебѣ столько зла, что не заслуживаетъ другаго пріема?..

— Вотъ какая заступница! не прикажешь ли еще просить его къ себѣ?..

— Совсѣмъ нѣтъ, отвѣчала Лизавета Ивановна съ рѣдкимъ хладнокровіемъ. — Но сдѣлай мнѣ одоженіе, позволь ему войти сюда, хоть на одну минуту; послушаемъ, чтѣ будетъ онъ говорить...

— Слуга покорный! Я ужь и такъ наслушался его глупостей...

— Но ты, если хочешь, можешь не слушать... Уйди скорѣе въ эту комнату, продолжала она, взявъ его за руки и какъ-будто шутя подводя къ дверямъ:—а я останусь здѣсь одна... Пусть онъ подумаетъ, что тебя нѣтъ дома. Мнѣ страхъ-какъ хочется послушать, чтѣ онъ будетъ говорить теперъ...

Ганя едва сопротивлялся. Лизавета Ивановна продолжала выводить его изъ комнаты.

— Послушай, Лиза, сказалъ онъ, уже перешагнувъ за порогъ и еще придерживаясь за дверь: — если онъ позволить себѣ хоть одну глупость, я не ручаюсь за себя...

— Тамъ ужъ какъ знаешь, отвѣчала Лизавета Ивановна, притворяя за нимъ дверь.

По обыкновению, Митя вошелъ очень-смѣло, безъ всякихъ предварительныхъ вопросовъ, и широко растворяя всѣ двери. Впрочемъ, когда его встрѣтила Лизавета Ивановна, онъ старался принять самыя утѣвныя манеры и смотрѣлъ на нее съ необычайною нѣжностію. Лизавета Ивановна отвѣчала ему равною вѣжливостію и, какъ-будто ничего не зная, просила садиться. Митя съѣлъ послѣ нѣсколькихъ, самыхъ деликатныхъ извиненій, не оставляя впрочемъ своей разбухшей отъ дождя шляпы, съ которой вода текла ручьемъ.

— Ваше здоровье, Лизавета Ивановна? былъ первый его вопросъ, произнесенный имъ очень-тихо, съ самымъ нѣжнымъ выраженіемъ.

— Покорно васъ благодарю, отвѣчала Лизавета Ивановна.

— Какая странная погода! началъ опять Митя, нѣсколько помолчать.

— Да, очень-дурна, былъ короткій отвѣтъ.

Митя молчалъ и осматривался вокругъ себя, какъ-бы опасаясь свидѣтелей. Лизавета Ивановна замѣтила это.

— Вы къ намъ, конечно, изъ присутствія? спросила она.

— О, именно!.. отвѣчалъ Митя, съ какою-то особенною выразительностію.

— Вотъ вы какъ рано, продолжала Лизавета Ивановна: — а мужа моего нѣтъ и до-сихъ-поръ. Вѣрно его задержали дѣла?

— О, конечно задержали дѣла!

— Вотъ всегда такъ, сказала она съ притворною досадою: — никогда не прійдетъ въ свое время, и я должна одна обѣдать, одна пить чай. Ахъ, какъ это скучно!.. Не хотите ли вы обѣдать со мною?..

У Мити сверкали глаза отъ удовольствія. Онъ поставилъ на полъ свою шляпу и придвинулъ стулъ къ Лизаветѣ Ивановнѣ.

— Зачѣмъ обѣдать? Лучше мы съ вами раздѣлимъ время, сказалъ онъ довольно-тайнственно.

— То-есть, какъ же мы раздѣлимъ время? спросила Лизавета Ивановна.

Митя посмотрѣлъ ей въ глаза.

— Давайте играть въ фанты... сказалъ онъ, вынимая изъ кармана лѣз карты.

— Какъ? только вдвоемъ?.. спросила Лизавета Ивановна, какъ-будто не находя въ этомъ ничего особенно-страннаго.

— Впрочемъ—съ шляпою, отвѣчалъ Митя, придвигая шляпу къ

себя.—Я буду отвѣчать за нее. Какой вы будете цвѣтокъ?.. прибавилъ онъ, обращаясь къ Лизаветѣ Ивановнѣ.

— Я, право, не знаю... Какой хотите.

— Вы будете роза, розанчикъ; шляпа будетъ, положимъ, фиалка, а я—хоть... машаллах—фет—али—шахъ...

— Какъ это?.. я совсѣмъ не понимаю, что за цвѣтъ вы сказали.. Я даже никогда не слыхивала такого!..

— Машаллах—фет—али—шахъ — это одинъ иностранный цвѣтъ; онъ растетъ не здѣсь, а во Франціи... Извольте же начинать...

— Но, я право не разобрала, Дмитрій Григорьячъ. Какъ же я буду спрашивать? Этакъ сейчасъ можно ошибиться...

— А въ игрѣ это-то и нужно... ха, ха, ха... Извольте же говорить: «охъ, болитъ».

— Охъ, болитъ! смѣясь начала Лизавета Ивановна.

— Что болитъ?

— Сердце.

— Такъ, хорошо. По комъ?..

— По... мешал... хал... фат... Какъ хотите, а мнѣ ни за что не выговорить...

— Фантъ съ васъ, Лизавета Ивановна. Я положу за васъ эту карточку.

Онъ въ-самомъ-дѣлѣ положилъ одну карту въ шляпу, потомъ опять съ необыкновенною ловкостію выпрямился на стулѣ и обратился къ Лизаветѣ Ивановнѣ.

— Теперь извольте продолжать.

Лизавета Ивановна не противорѣчила и продолжала отвѣчать обыкновеннымъ порядкомъ, пока Митя не спросилъ: «по комъ?» Тутъ она снова запуталась въ мудрёномъ названіи, котораго никакъ не могла не только произнести, даже запомнить.

— Еще фантъ, сказалъ Митя, совершенно развеселившись. Теперь давайте разыгрывать...

— Такъ скоро?

— Пора; мнѣ надобно спѣшить. Видите, вашъ фантъ? прибавилъ онъ, съ торжествомъ показывая карту, которую только-что вынулъ изъ шляпы.

— Въ-самомъ-дѣлѣ? а я и не воображала! Что жъ теперь прикажете дѣлать?

— Вы сами знаете... отвѣчалъ Митя, съ значительною улыбкою, подвигаясь къ Лизаветѣ Ивановнѣ. — Я долженъ васъ поцаловать...

— Вотъ ужъ нѣтъ, сказала Лизавета Ивановна, вскакивая съ своего мѣста.—Этого я никакъ не позволю вамъ...

— Такъ не уйдете же вы отъ меня, продолжалъ Митя, схвативъ Лизавету Ивановну за руки и стараясь напечатлѣть на ея губахъ не-

законный поцалуѣ. Онъ былъ внѣ себя; лицо его страшно поблѣднѣло; голова тряслась какъ въ припадкѣ; глаза смотрѣли такъ ярко и мѣсть такъ дико. Между-тѣмъ, руки ему нѣмнѣли, такъ-что Лизавета Ивановна могла еще защищаться.

— Сумасшедшій! закричала она наконецъ въ наступленіи, чувствуя на себѣ прикосновеніе его холодныхъ губъ.

Митя уже одолѣвалъ, какъ вдругъ сильная рука схватила его за плечо и однимъ здоровымъ движеніемъ оторвала отъ беззащитной жертвы. Панической страхъ объялъ Митю, когда онъ, отброшенный въ сторону, оборотился и увидѣлъ почти надъ собою голову какого-то огромнаго человѣка, можетъ-быть дворника, в рядомъ съ нимъ Ганю, въ угрожающемъ положеніи. Схвативъ въ руки шинель, безъ шляпы, бросился онъ въ двери... Тамъ приняла его большая дворовая собака... Съ трудомъ выбрался Митя на улицу и опрометью бросился впередъ, куда глядѣли глаза. Огромный человѣкъ съ двумя или тремя мальчишками выскочилъ вслѣдъ за нимъ на улицу. Собака преслѣдовала его по пятамъ, съ визгомъ хватая зубами за шинель, которую онъ волочилъ за собою по грязи, какъ какую-нибудь негодную ветошку... Суровый осенній вѣтеръ дулъ прямо въ лицо бѣглецу, высоко вздымая его рѣдкіе волосы, ничѣмъ незащищенные отъ бурныхъ порывовъ, и мокрый снѣгъ падалъ ему на голову... Въ недоумѣніи останавливались прохожіе, не зная что подумать о такомъ странномъ обстоятельстве. Не смотря на холодъ, даже нѣкоторыя окна отворялись на улицу... А Митя все продолжалъ бѣжать въ одномъ направленіи, только изрѣдка отбиваясь отъ собаки, которая всякую минуту готова была схватить его за икры.

Ганя и Лизавета Ивановна также смотрѣли на него въ окно—она, блѣдная и дрожащая отъ испуга, а онъ, едва владея собою отъ сильнаго волненія. Оба они не отходили отъ окна до-тѣхъ-перѣ, пока Митя не исчезъ у нихъ изъ глазъ на поворотѣ улицы, и потомъ весь остатокъ дня не могли ни одного слова сказать другъ другу; только позднимъ вечеромъ, когда поутихла непогода и успокоилось встревоженное сердце, вздумали они навѣдаться о состояніи своего друга и послали къ нему на квартиру нарочнаго, чтобъ онъ потихоньку развѣдалъ, что было съ Митею по возвращеніи. Посланный принесъ отвѣтъ короткій: Митя не возвращался... На другой день, Лизавета Ивановна опять убѣдила Ганю послать развѣдать о Митѣ: отвѣтъ былъ тотъ же самый... Съ неприятымъ чувствомъ отправился Ганя въ судъ, но и тамъ узналъ только одно — что Митя исключенъ изъ службы.

А. Н.

Къ подъезду! Сильно за звонокъ рвануль я.
Что? дома?... Быстро я забѣжалъ наверхъ.
Уже ея я не видалъ лѣтъ десять.
Какъ хороша она была тогда!...
Вхожу. Но въ комнатѣ все дышетъ скукой,
И плющъ завилъ, и сторы спущены.
Вонъ, у окна безмолвно за газетой
Сидитъ какой-то толстый господинъ.
Мы поклонились. Это мужъ. Какъ дурень!
Широкое и глупое лицо...
Въ углу сидитъ на креслахъ длинныхъ кто-то,
Въ подушки утонувъ. Смотрю — не вѣрю!
Она? Вотъ эта тѣнь полу-живая?...
А есть еще прекрасныя черты!
Она мнѣ тихо машеть: «Подойдите!
• Садитесь! рада вамъ я, старый другъ.»
Рука какъ желтый воскъ, чуть внятенъ голосъ,
Взоръ мутенъ. Сердце сжалось у меня...
• Меня теперь вы вѣрно не узнали...
• Да! я больна. Но это все пройдетъ
• Весной повду непременно въ Ниццу.»
Что отвѣчать? Нельзя же показать,
Что слезы хлынули къ глазамъ отъ сердца;
А слово такъ и мрѣтъ на языкѣ.
Мужъ улыбнулся, что я такъ пеловокъ.
Какую-то пошлость ей сказалъ
И вышелъ. Трудно было оставаться.
Поѣхалъ. Мокрый снѣгъ мнѣ билъ въ лицо
И небо было тускло...

Н. ОГАРЕВЪ.

СТАНСЫ КЪ С-ЧУ.

(1840.)

Мы сожгли безъ сожалѣнья
Юность гордую до тла;
А надежду и волненья
Буря жизни унесла.

Прихоть бѣшеная страсти,
Злость людей, мечты обманъ —
Не имѣютъ больше власти
Нанести намъ новыхъ ранъ.

И звучить еще отрадой
Только прошлое одно...
Счастья новаго не надо!
Жизнь извѣдана давно.

Мы походимъ на солдата,
Что вдали, подъ тучей страгъ,
Подъ скалою Арарата —
Пѣсню съвера запѣлъ.

В. КРАСОВЪ.

Шумела полночная вьюга
Въ лѣсной и глухой сторонѣ;
Мы съѣли съ ней другъ подлѣ друга —
Валежникъ свисталъ на огнѣ.
И нашихъ двухъ тѣней громады
Лежали на красномъ полу:
А въ сердцахъ ни искры отрады,
И вѣчьмъ прогнать эту тьму!

Березы скрипятъ за стѣною,
Сухъ ели трещить смоляной...
О, другъ мой, скажи, что съ тобою?
Я знаю давно, что со мной!

А. Ф.

ОРАСЬ.

Романъ Жюльса Зюльда.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

и последняя.

—

Ъ

Марта давно уже встала, но Орась еще не просыпался. Было поздно. Орась спалъ хорошо; онъ былъ спокоенъ; онъ отдохнулъ — и мысли его просвѣтлѣли, когда онъ услышалъ щебетаніе воробьевъ, перекликавшихся на крышкѣ, гдѣ таялъ вчерашній снѣгъ при лучахъ зимняго солнца. — А-га! видно и тамъ холодно и голодно! сказалъ онъ. — Имъ еще хуже, нежели намъ; если у тебя нѣтъ хлѣба, бѣдная Марта, то гости твои не получаютъ сегодня ни крошки; они и будутъ на тебя жаловаться.

— Нѣтъ! отвѣчала Марта. — Я спрятала имъ остатки вчерашняго моего ужина — кусочекъ ржанаго хлѣба. Эти господа неприхотливы; они очень-хорошо позавтракали.

— Лучше нежели мы — не правда ли?

— Чтò жь за бѣда? сказала Марта. За то мы пріятнѣе пообедаемъ.

— Ты говоришь объ обѣдѣ? да! все-таки это нѣкоторое утѣшеніе для того, кому очень хотѣлось бы позавтракать... Ну чтò, ходила ты въ Mont-de Piété?

— Нѣтъ еще! вѣдь ты вчера запретилъ мнѣ идти туда. Я жду твоего позволенія.

— А я думалъ, что ужь ты воротилась, сказалъ Орась зѣвая.

Марта обрадовалась этой перемѣнѣ, приписывая ее благоразумному размышленію, хотя въ-самомъ-дѣлѣ эта перемѣна была только слѣдствіемъ усилившагося голода. Она проворно накинула себѣ на плеча старую пунцовую шаль свою, завернула новую въ большой листъ бѣлой бумаги; потомъ, боясь, чтобъ Орась не раздумалъ, поспѣшно вышла изъ комнаты, но черезъ нѣсколько минутъ возврати-

лась блѣдная, разстроенная. Г. Шеньяръ встрѣтилъ ее на лѣстницѣ и принудилъ воротиться, говоря довольно-неучтиво, что онъ не дозволитъ ничего выносить изъ дому до-тѣхъ-поръ, пока не будутъ заплачены ему деньги за квартиру. Орасъ, взбѣшенный этою дерзостію, бросился на лѣстницу, гдѣ стоялъ г. Шеньяръ, продолжая ругаться, и тутъ завязался между ними жестокой споръ. Шеньяръ кричалъ тѣмъ громче, что запасся свидѣтелями; предвидя бурю, онъ заблаговременно призвалъ къ себѣ на помощь дворника и другаго какого-то чело-вѣка, съ виду похожаго на полицейскаго. Оба эти спутника играли важныя роли: одинъ былъ оберегателемъ священной особы своего господина, другой примирителемъ, готовымъ, однакожь, въ случаѣ нужды составить обвинительный протоколъ. Орасъ понялъ, что право было не на его сторонѣ, и что ему надо будетъ уступать; но онъ не хотѣлъ отказаться отъ удовольствія осыпать блѣднаго Шеньяра обидными названіями, упрекая его въ корыстолюбіи самыми колкими и оскорбительными выраженіями, какія только могъ придумать. Остроуміе и жолчная энергія, которыя расточалъ онъ, пропали бы напрасно, еслибъ шумъ не привлекъ нѣкоторыхъ насмѣшливыхъ слушателей, которыхъ присутствіе удовлетворило его самолюбіе. Шеньяръ пыталъ, багровѣлъ, бѣсился; полицейскій, видя, что невозможно было придаться къ эпиграммамъ, которыя, по его мнѣнію, не входили въ разрядъ оскорбленій, выжидалъ со вниманіемъ какого-нибудь рѣшительнаго поступка, который походилъ бы на преступленіе, подпадающее законному наказанію. Дворникъ, не очень любившій своего хозяина, смѣялся исподтишка въ свою сѣдую включенную и грязную бороду рѣзкимъ отвѣтамъ Ораса,—между-тѣмъ, какъ нѣсколько молодыхъ студентовъ растворили двери комнатъ своихъ и наслаждались этою оригинальною сценою. Наконецъ одна изъ этихъ дверей распахнулась настежь; на порогъ ея явилась исполниская фигура, покрытая рыжею щетиною и закутанная въ изношенное одѣяло, изъ-подъ котораго выставлялись двѣ сухія, жилистыя и мохнатыя ноги. Это былъ знаменитый Жанъ Ларавиьеръ, президентъ бузэнготовъ; онъ наканунѣ нанялъ тутъ комнату за 15 франковъ въ мѣсяцъ и былъ очень-доволенъ своими палатами, въ которыхъ, по его словамъ, всякій разъ надобно было отворять дверь и окно, чтобъ протянуть руки, когда онъ надѣвалъ на себя сюртукъ.

— Чтò за шумъ подняли вы, почтеннѣйшій хозяинъ? сказалъ онъ запальчивому Шеньяру.—Берегитесь, любезнѣйшій; съ вами можетъ случиться апоплексическій ударъ; впрочемъ, это еще не большая бѣда: хуже всего то, что вы разбудили въ восемь часовъ утра одного изъ жильцовъ своихъ, который возвратился домой въ шесть.

— Не мѣшайте не въ свое дѣло! закричалъ внѣ себя Шеньяръ.

— А! такъ, вотъ какъ вы ведете себя! такъ вотъ ваши правила.

г. Шеньяръ! возразилъ Ларавиньеръ.—Хорошо же! вы не долго будете имѣть честь пользоваться присутствіемъ моимъ въ своемъ домѣ, не долго будете получать ту прибыль, которую оно приноситъ вамъ, если смѣете поступать такъ при мнѣ съ сынами отечества.

—Отечество требуетъ отъ сыновъ своихъ, чтобъ они платили долги! вскричалъ Шеньяръ.—Я поручикъ національной гвардіи...

— Знаю! отвѣчалъ хладнокровно Ларавиньеръ:—и потому прошу васъ успокоиться.

— Я знаю обязанности гражданина, продолжалъ Шеньяръ.

— Въ такомъ случаѣ, мы съ вами сговоримся, возразилъ Ларавиньеръ.—Я очень-хорошо знакомъ съ г. Орасомъ Дюмонтэ, и если вамъ нужна за него порука, охотно предлагаю себя.

Неизвѣстно, до какой степени ружательство Ларавиньера успокоило хозяина; но онъ искалъ только случая прекратить непріятную сцену, въ которой служилъ посмѣшищемъ для любопытныхъ. Наконецъ, буря утихла, и до новой тучи каждый возвратился въ свою комнату.

Черезъ четверть часа, Жанъ Ларавиньеръ, перемѣнивъ то, что называлъ онъ своимъ римскимъ костюмомъ, на одежду болѣе-новѣйшую и пристойную, постучался у дверей Ораса. Съ-тѣхъ-поръ какъ Орасъ жилъ подь одной кровлею съ Мартою, онъ мало-по-малу отдалялъ отъ себя всѣхъ своихъ знакомыхъ, выключая двухъ или трехъ пріятелей, которые не могли возбудить въ немъ ревности и оказывали ему почтительное удивленіе, обыкновенно возбуждаемое молодымъ остроумнымъ и рѣзко-самонадвигишимъ человекомъ въ товарищахъ болѣе-скромныхъ и простодушныхъ. Можно бѣ даже было замѣтить, что гордость большей части молодыхъ людей нашего времени преимущественно опирается на простосердечной и великодушной приверженности къ нимъ тѣхъ, которые ихъ окружаютъ. Но это разсужденіе здѣсь не-умѣста, потому-что Ларавиньеръ не былъ изъ числа поклонниковъ Ораса; онъ уважалъ только политическія способности, и если пришелъ къ нему, подь тѣмъ предлогомъ, чтобъ посмѣяться вмѣстѣ надъ хозяиномъ, то вѣроятно имѣлъ какія-нибудь особенныя причины возобновить съ нимъ знакомство, никогда недоходившее до короткости и съ нѣкотораго времени прекратившееся совершенно.

— Орасъ чувствовалъ всегда какое-то непреодолимое отвращеніе къ тѣмъ неотѣсаннымъ республиканцамъ (такъ онъ называлъ ихъ), которые оказывали явное презрѣніе къ искусствамъ, литературѣ и даже наукамъ, и, бывъ нѣсколько заражены бабувизмомъ, не отказались бы сломать всѣ великолѣпныя палаты, чтобъ на мѣстѣ ихъ построить хижины.

Такія грубыя средства не согласовались съ любовью Ораса къ ще-

голеватости, съ мечтами его о личном возвышеніи, и потому онъ смотрѣлъ на Ларавиньера, какъ на одно изъ тѣхъ орудій разрушенія, которыя республиканцы болѣе-осторожные охотно выставляютъ впередъ, но которымъ ни одинъ изъ нихъ не повѣрилъ бы своей личной будущности.

Какъ-бы то ни было, онъ принялъ Ларавиньера съ распростертыми объятіями, самъ не зная для чего. Орасъ былъ въ добромъ духѣ: онъ только-что пересказалъ подругѣ своей всѣ эпиграммы, которыми осыпалъ бѣднаго Шеньяра, и очень обрадовался, увидѣвъ передъ собою свидѣтеля своей побѣды. Кто изъ васъ, молодыхъ людей, немнѣющихъ прочнаго состоянія, не знаетъ по опыту, что въ нѣкоторыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ жизни дружеское посѣщеніе чѣбъ бы то ни было воскрешаетъ въ сердцѣ бодрость, или надежду, и располагаетъ къ снисхожденію?

Увидѣвъ Марту, Ларавиньеръ отступилъ-было назадъ и, казалось, хотѣлъ уйти; но Орасъ удержалъ его и подвелъ къ ней. Она протянула ему руку, вспомнивъ о ночной встрѣчѣ, въ которой онъ оказалъ ей уваженіе и покровительство, и улыбаясь просила его рассказать сцену съ г. Шеньяромъ.

Позабавившись насчетъ бѣднаго хозяина, Ларавиньеръ вызвалъ Ораса въ корридоръ и сказалъ ему: «Изъ всего, что произошло здѣсь полчаса назадъ, я заключаю, что вы находитесь въ одномъ изъ тѣхъ трудныхъ денежныхъ обстоятельствъ, которыя знакомы всѣмъ намъ. Я не предлагаю заплатить за васъ г. Шеньяру, потому-что не могу этого сдѣлать, да, сверхъ того, его можно проводить обѣщаніями до перваго удобнаго случая; но если у васъ нѣтъ нѣсколькихъ эку, которые никогда не бываютъ лишними, и которыхъ обыкновенно не находишь именно тогда, когда они нужны,—я охотно подѣлюсь съ вамъ пятью или шестью эку, оставшимися въ кошелькѣ моемъ.

Орасъ колебался. Нерѣдко онъ довольно-дурно отзывался о Ларавиньерѣ, говоря о немъ съ Мартою и со мною; но никогда не могъ онъ простить ему, что тотъ хвастался, будто-бы далъ у себя убѣжище бѣглецкѣ изъ кафѣ Пуассона; наконецъ, ему не хотѣлось принять какую-нибудь услугу отъ челоуька мало ему извѣстнаго. Но мысль о бѣдной Мартѣ, которая не завтракала, рѣшила всѣ его сомнѣнія, и онъ взялъ деньги съ самою искреннею признательностію.

— Это дѣло взаимное, и не стоить благодарности, отвѣчалъ Ларавиньеръ. — Переменная обстоятельствъ можетъ переменить наши роли. Каждому свой чередъ.

— Я иначе и не понимаю этого, возразилъ Орасъ, который, положивъ деньги въ карманъ, вдругъ почувствовалъ въ себѣ какую-то шеловкость и холодность къ Ларавиньеру.

И такъ, *Mont-de-Piété*, эта бѣдственная скала, угрожающая иждь конечною гибелью, была на этотъ разъ избѣгнута. Марта настояла однакожь на томъ, чтобъ ей позволено было искать работы, и Орасъ, взявъ съ нея клятву, что она не пойдетъ за работой къ Джани, оставилъ на ея волю все другія средства; долги исканія ея на нѣмъ успѣха; наконецъ, по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, она могла достать себѣ работы по-крайней-мѣрѣ на хлѣбъ насущный. Лавриеръ далъ нѣмъ еще взаимны нѣскольکو денегъ на остальные потребности, и Орасъ съ своей стороны принялъ твердое намѣреніе трудиться для уплаты долговъ.

Однакожь, не смотря на всѣ старанія, бѣдность, ежедневно возрастающая, скоро довела ихъ до крайности. Марта терпѣла ее съ какою-то грустною радостью. Обремененная работою, она гордилась тѣмъ, что существованіе Ораса зависѣло отъ нея. Иногда она вѣрила надъ нѣмъ столько власти, что могла склонять его къ нѣкоторымъ пожертвованіямъ, удовлетворявшимъ нетерпѣніе его заимодавцевъ. Впрочемъ, заимодавцы студента вообще гораздо-снисходительнѣе заимодавцевъ какого-нибудь денди. Они знаютъ, что на сынѣ ищанина деньги ихъ не пропадутъ, и что рано или поздно молодой провинціалъ, возвратясь въ нѣдра своего семейства, почтетъ священною обязанностію заплатить долги свои. Конечно, это дѣлается не скоро, но по-крайней-мѣрѣ въ этомъ классѣ не случается дѣйствительнаго банкротства, и разстройство въ немъ бываетъ только временно. Такимъ образомъ, Орасъ могъ еще найти кредитъ у мастеровыхъ, работавшихъ для него, могъ одѣваться съ нѣкоторою изысканностію. Но удивительное дѣло! Страсть его къ расточительности увеличивалась по мѣрѣ того, какъ увеличивались недостатокъ и безпокойства, причиняемые этою расточительностію. Въ людяхъ вѣтренаго и легкаго характера, препятствія и лишенія еще болѣе разстраиваютъ жажду къ наслажденіямъ и эту отчаянную неустрашимость, съ которою они отваживаются на все, чтобъ только удовлетворить свою страсть. Открывъ бояливой Мартѣ настоящее положеніе дѣлъ своихъ и показавъ письма своей матери, наполненныя нѣжностію, но справедливыми упреками, онъ не могъ уже обманывать ее, ни запретить ей работать и соблюдать въ расходахъ самую строгую и даже мелочную экономію. Поступивъ иначе, онъ навлекъ бы на себя негодованіе Марты, — а Орасъ хотѣлъ, чтобъ его столько же любили, сколько и удивлялись бы ему. Поневоля долженъ онъ былъ привыкать опять къ прежнему скромному образу жизни и играть перемартою роль стоика; но эта роль была для него тягостна; тихое домашнее убѣжище, которымъ онъ прежде такъ восхищался, перестало ему нравиться; скука взяла верхъ надъ равностію. Орасъ имѣлъ организацію французскихъ художниковъ, въ которыхъ самая востор-

женная любовь не можетъ устоять противъ прозаической существенности. Картина этого скромнаго и бѣднаго хозяйства была слишкомъ-печальна для его пылкаго воображенія. Въмѣсто того, чтобъ потерпѣть изъ примѣра Марты бодрость къ трудамъ, онъ съ каждымъ днемъ находилъ работу свою тягостнѣе и невозможнѣе. Ему было холодно въ этой худо-патошенной и тѣсной комнаткѣ; стужа, отъ которой нѣмѣли трудолюбивые пальцы Марты, сжимала мозгъ Ораса. Сверхъ-того, простой, но опрятный столъ, приготовленный руками Марты, не былъ ни столько сытенъ, ни такъ изобиленъ, чтобъ напитать здороваго двадцати-лѣтняго человѣка, привыкшаго ни въ чемъ себѣ не отказывать. Тогда онъ осыпалъ бѣдную Марту упреками, которыхъ грубость заставляла краснѣть его-самого и плакать черезъ нѣсколько минутъ отъ раскаянія; но на другой день опять начиналась та же самая исторія. Онъ укорялъ Марту въ скупости, и когда она со слезами на глазахъ отвѣчала ему, что получала на столъ только по двадцати су въ день, то онъ спрашивалъ иногда съ оскорбительною ѣдкостью, куда же дѣвала она тѣ сто франковъ, которые онъ отдалъ ей на прошедшей недѣлѣ. Онъ забылъ, что самъ же бралъ эти деньги по частямъ, безъ счету, и всѣ ихъ истратилъ на разныя бездѣлицы—билеты въ спектакли, мороженое, завтраки, или отдалъ взаймы пріятелямъ. Орасъ былъ удивительно-щедръ; онъ не любилъ платить долговъ, но любилъ давать взаймы, и между-тѣмъ, какъ забывалъ заплатить десять франковъ бѣдному ремесленнику, ходившему въ изорванныхъ сапогахъ, великодушничалъ передъ какимъ-нибудь повѣсою, просившимъ у него взаймы сорокъ франковъ для того, чтобъ угостить свою любовницу. Онъ бралъ ароматическія ванны и давалъ по сту су банщику, который теръ его; бросалъ золотую монету маленькому трубочисту, коверкавшемуся передъ нимъ и называвшему его княземъ; часто покупалъ Мартъ шолковую матерію на платье, тогда какъ у нея не было ситцоваго; нанималъ верховныхъ лошадей, чтобъ пародировать въ Булонскомъ Лѣсу, и такимъ образомъ истратывалъ въ три дня всѣ деньги, которыя присылались ему изъ провинціи г-жею Дюмонте, съ немовѣрнымъ трудомъ удержавшею ихъ отъ своихъ домашнихъ расходовъ, — и опять должно было возвратиться къ картофелю, уединенной жизни и грустной вѣ-
вотъ.

Между-тѣмъ, былъ справедливый и строгій свидѣтель той медленной пытки, которой подвергалась Марта — это былъ Жанъ Бузенротъ, котораго пребываніе въ домъ Шеньяра было не такъ случайно, какъ онъ уверялъ Ораса. Ларавиньеръ любилъ всюю душою одного человѣка, который, не имѣя возможности проникнуть въ грустное уединеніе, гдѣ томилась бѣдная Марта, предметъ его постояннаго страсти, хотѣлъ по-крайней-мѣрѣ втайнѣ покровительствовать ей;—этотъ

человѣкъ былъ Поля-Арсенъ. Послѣ перваго отчаянiя своего, онъ отыскалъ Ларавиньера, прильпился къ его партiи, и нашелъ въ немъ самаго искреннаго и ревностнаго себя друга.

II.

До-сихъ-поръ, Марта была для Поля-Арсена предметомъ упорной, непреодолимой страсти. Тысячу разъ проклиналъ онъ эту страсть, которая, казалось, еще болѣе усиливалась отъ всего, что должно было истребить ее; но такъ какъ она владѣла душою великою и владѣла тайно, почти не будучи понятною тому, кто ощущалъ ее, — то она внушала ему только благородныя намѣренiя, самоотверженiе безпримѣрное и безграничное. Зато, какую ужасную борьбу выдерживала эта гордая и правдивая душа сама съ собою! Какъ краснѣлъ Арсенъ при мысли, что былъ рабомъ чувства, которое не согласовалось съ суровыми правилами его нѣсколько-ограниченнаго воспитанiя. Ему, съ его чистыми нравами, любить и такъ изступленно, — прежнюю любовницу Пуассона, — теперь любовницу другаго человѣка!... Никогда не хотѣлъ бы онъ воспользоваться слабостiю и увлеченiемъ, которыя могъ провидѣть въ этомъ поведенiи Марты; никогда не хотѣлъ бы онъ тайно похитить у благодарности ея, у восторженной дружбы къ нему ту благосклонность, которую такъ пламенно желалъ бы прiобрѣсти отъ любви самой исключительной и постоянной; но, не смотря на безнадежность свою, онъ, вопреки самому-себѣ, желалъ бы, чтобъ связь ея съ Орасомъ разрушилась, и все мечталъ еще о бракѣ съ Мартою. Тутъ-то начали осаждать его прежнiе его предрасудки, порицанiе товарищей, негодованiе сестры его Луизы, горестъ Сюзанны, страхъ подвергнуться насмѣшкѣ, какой-то ложный стыдъ, который такъ сильно дѣйствуетъ иногда на характеры самые возвышенныя, именно отъ-того, что онъ внушается имъ общимъ мнѣнiемъ, какъ уваженiе къ самимъ-себѣ и къ другимъ. Въ эти минуты, Арсенъ пытался вырвать любовь изъ своего сердца, какъ стрѣлу, напитанную ядомъ, но природная кротость его противилась усиленiямъ, и онъ любилъ поневолю. Ненависть и презрѣнiе никакъ не могли совмѣститься въ этомъ сердцѣ, полномъ снисхожденiя, потому-что оно было полно справедливости.

Въ-теченiе зимы, проведенной имъ въ разлукѣ съ Мартою, онъ часто посѣщалъ меня. Замѣтивъ въ немъ непреодолимую страсть учиться, я поддерживалъ ее въ этой благородной натурѣ, — и Арсенъ, не смотря на занятiя свои по конторѣ, ревностно предавался изученiю природы и общества. Я удивился быстротѣ его успѣховъ, видя, какъ онъ каждую недѣлю все болѣе и болѣе уходилъ впередъ, и если онъ не могъ создать себя своей философiи изъ тѣхъ разнород-

ныхъ ученій, которымъ попеременно предавался и которыхъ теперь такое множество во Франціи, то, по-крайней-мѣрѣ, очистилъ свою душу, возвысилъ умъ и развилъ свое великое сердце удивительнымъ-образомъ. Послѣ многихъ стараній, я открылъ наконецъ его убѣжище, и, не смотря на сухой и грубый пріемъ старшей его сестры, заходилъ иногда къ нему по вечерамъ и всегда заставлялъ его въ размышленіи. Между-тѣмъ, какъ обѣ сестры работали, дѣлясь между собою самыми пошлыми идеями, самыми глупыми замѣчаніями, онъ сидѣлъ на другомъ концѣ стола. Подперши голову руками и держа книгу между локтями, онъ, съ полузакрытыми глазами, читалъ или размышлялъ при свѣтѣ лампы, который едва достигалъ до него. Взглянувъ на его желтое лицо, тусклые глаза и печальный видъ, всякій сказалъ бы, что этотъ человѣкъ былъ изнуренъ трудами и бѣдностью. Но лишь-только онъ начиналъ говорить, глаза его вдругъ оживлялись, взоръ воспламенялся, чело прояснялось, и вдохновенная рѣчь его обнаруживала въ немъ энергію души необыкновенной. Я почти-всегда уводилъ его гулять съ собою по набережной; тамъ, куря сигары, мы говорили на свободѣ о разныхъ вещахъ, и потомъ отъ общихъ идей обращались къ собственнымъ нашимъ чувствамъ. «Будущее принадлежитъ мнѣ» говорилъ онъ обыкновенно, когда заводилъ рѣчь о Мартѣ. «Царство Ораса не можетъ всегда продолжаться; бѣдный молодой человѣкъ не понимаетъ своего счастья; онъ имъ не наслаждается и не будетъ умѣть имъ воспользоваться. Повѣрьте мнѣ, Марта узнаетъ наконецъ, что такое истинная любовь, когда замѣтитъ недостатокъ искренности и благородства въ той, которую она внушаетъ теперь Орасу. Вы видите, другъ мой, какую побѣду одержалъ я надъ собою въ тотъ день, когда понялъ, что называемое нами въ женщинахъ дурнымъ поведеніемъ должно приписать не обществу, а порочнымъ наклонностямъ. Порочныя наклонности, слава Богу, рѣдки; онъ, можетъ-быть, составляютъ исключеніе; у Марты же только одинъ добрый наклонности, и если она предпочла мнѣ Ораса, это потому-что Орасъ казался ей достойнѣе меня. Отъ природы дикій и нерышительный, весь предавшись ей, я не умѣлъ ей говорить то, что ей пріятно было бы слышать. Воспоминаніе несчастій ея внушало мнѣ къ ней только сожалѣніе. Она чувствовала это, а хотѣла—уваженія. Орасъ умѣлъ объясняться съ энтузіазмомъ; онъ ослѣпилъ ее, и она невиновата въ этомъ. Теперь я сумѣлъ бы сказать ей то, что залечило бы ея пресквернѣя раны, успокоило бы ея совѣсть и внушило бы ей ко мнѣ довѣренность, которой прежде она не имѣла. Строгость моя пугала ее; она боялась моихъ упрековъ и оказывала мнѣ только холодное уваженіе, въ которомъ нельзя отказать честному и добродушному человѣку. Ей нужна была опора, нуженъ былъ спасатель, — человѣкъ,

«который посвятилъ бы ее въ жизнь новую, долную возвышенности и поэзіи. Орасъ съ своими прекрасными глазами, съ своимъ щегольскимъ краснорѣчіемъ, показался ей этимъ наставникомъ—и она пошла за нимъ. Во всемъ этомъ виноватъ я одинъ.»

Мнѣ казалось, что Арсенъ, отъ избытка великодушія, былъ несправедливъ къ самому-себѣ. Марту нельзя было называть совершенно-невинною, потому-что въ ослабленіи ея къ Орасу очень-много было суетности, тщеславія, которое въ женщинахъ развивается плохими воспитаніемъ и ложными понятіями о вещахъ. Въ Мартѣ же, особенно, все это происходило отъ совершеннаго недостатка образованія и здраваго сужденія въ той сферѣ идей, которыя такъ нужны и вообще такъ мало извѣстны женщинамъ всѣхъ классовъ общества.

Марта выучилась всему изъ однихъ только романовъ; конечно, это было лучше, нежели ничего; этого даже было много, потому-что такого рода книги развиваютъ, по-крайней-мѣрѣ, чувство поэзіи и облагораживаютъ слабости сердца. Но этого было недостаточно. Возбужденная картина страстей, драма новѣйшей жизни, такъ какъ мы понимаемъ ее, не объемлетъ причинъ и изображаетъ только дѣйствія, болѣе опасныя, нежели полезныя для умовъ, неполучившихъ никакого другаго образованія. Мнѣ всегда казалось, что хорошіе романы полезны только какъ отдохновеніе, но не какъ исключительная и всегдашняя пища ума.

Я сообщилъ это замѣчаніе Массавіо, и онъ заключилъ изъ этого, что Марта была тѣмъ невиннѣе, чѣмъ понятія ея въ некоторыхъ отношеніяхъ были ограниченнѣе. Онъ обѣщалъ открыть ей когда-нибудь, въ чемъ состоитъ истинное назначеніе женщины.

Я удивлялся чудной организаціи этого молодого человека, который съ воспримчивостію артиста соединялъ необыкновенную судательную способность.

Это былъ вмѣстѣ умъ аналитическій и синтетическій; когда онъ шолъ возлѣ меня въ своемъ изношенномъ платьѣ, въ толстыхъ башмакахъ, съ своею простодушною физіономіею и ухватками простолюдина, я спрашивалъ самого-себя, какъ анатомистъ-френологъ, въ тѣхъ роскошная одежда и всѣ преимущества богатой, утонченной жизни, украшаютъ вокругъ насъ столько людей обиженныхъ природою и носящихъ на челѣ своемъ неизгладимые признаки физической, умственной и нравственной слабости?

III.

Добрый Ларавиньеръ не былъ вовсе такимъ великимъ философомъ, какъ Поль-Арсенъ. Голова у него была болѣе длинна, нежели ши-

рока, и это значить, что онъ имѣлъ больше способности къ энтузіазму, нежели къ изслѣдованію; въ пламенномъ мозгу его могла возникнуть только одна какая-нибудь сильная и постоянная идея. Храбрый и страстно-увлекающійся, онъ возлагалъ все надежды будущаго на многочисленныхъ идоловъ, которымъ поклонялся. Кавеньянь, Каррель, Араго, Марра, Трелъ, Распайль, блистательный адвокат Дюпонъ и tutti quanti составляли верховное судилище его совѣсти; онъ не задавалъ себя вопросовъ о томъ, могутъ ли эти люди, — безъ сомнѣнія замѣчательные, но перъшительные и несовершенные, какъ идея текущей минуты, — согласно, дружно управлять жизнью новѣйшаго общества. Пылкій юноша не терпѣлъ мѣщанскаго могущества новой Франціи, и идеаль его состоялъ въ уничтоженіи этого могущества. Все принадлежавшее оппозиціи имѣло право на его уваженіе, на любовь его. Любимое его слово было: «дайте мнѣ работу!» Онъ очень полюбилъ Арсена — не потому, чтобъ понималъ всю глубину ума его, но потому-что въ Арсенѣ нашелъ онъ храбрость и самоотверженіе (о которыхъ онъ былъ въ состояніи судить), равныя его собственной храбрости и самоотверженію. Сначала, онъ удивлялся, что Арсенъ съ такимъ упорствомъ предается безнадёжной своей страсти, но потомъ съ дружескимъ снисхожденіемъ уступилъ тому, чтѣ называлъ дурачествомъ Арсена, нанялъ квартиру въ одномъ домѣ съ Мартою и вошелъ въ нѣкоторую короткость съ Орасомъ. Роль эта была довольно-щекотлива для человѣка съ такимъ откровеннымъ характеромъ, какъ Ларавиньеръ, но онъ разгрызалъ ее со всевозможною честностію и никогда не показывалъ Орасу дружбы, которой не чувствовалъ. Слѣдуя наставленіямъ Арсена, онъ былъ обходителенъ, услужливъ, веселъ съ Орасомъ, и только; но самолюбіе Ораса дополняло остальное; онъ вообразилъ себя, что и Ларавиньеръ, бывъ, подобно многимъ другимъ, очарованъ его остроуміемъ и любезностію, не могъ противиться невольному къ нему влеченію. Это могло быть, — однакожь это не было. Ларавиньеръ обходился съ нимъ какъ съ мужемъ, котораго не хотятъ обманывать, но котораго стараются расположить въ свою пользу, для того, чтобъ наслаждаться обществомъ жены его. Сверхъ-того, Ларавиньеръ, не имѣя никакихъ претензій на свой счетъ, объявилъ другу своему, что не намѣренъ дѣйствовать какъ измѣнникъ, и потому никогда не станетъ говорить Мартѣ ни противъ Ораса, ни за Арсена. Арсенъ и самъ такъ думалъ и хотѣлъ только ежедневно получать извѣстія о Мартѣ и быть заранѣе увѣдомляему о разрывѣ между ею и Орасомъ, разрывѣ, котораго онъ ожидалъ, питая въ сердцѣ своемъ тайную и утѣшительную надежду. Въ-слѣдствіе всѣхъ этихъ распоряженій, Ларавиньеръ видѣлъ Марту каждый день одну или въ присутствіи Ораса, который не удостоивалъ его ревности; потомъ

вчеромъ приходилъ къ Арсену и говорилъ съ нимъ съ четверть часа о Мартѣ.

Хотя Ларавиньеръ и не взялся присматривать за Орасомъ, однакожь ему невозможно было не замѣтить холодности его и грубаго обхожденія съ бѣдною Мартою; это бѣсило его. Онъ такъ же мало размышлялъ о природѣ и судьбѣ женщины, какъ и о другихъ основныхъ вопросахъ, касающихся общества; но всѣ внутреннія побужденія этого человѣка были такъ хороши, что размышленію ничего не оставалось бы поправлять въ нихъ. Онъ питалъ къ женщинамъ то великодушное уваженіе, которое чувствуютъ къ нимъ всѣ люди, одаренные силою и мужествомъ. Тиранство, ревность и насиліе всегда означаютъ слабость. Ларавиньеръ никогда не былъ любимъ: безобразіе лица заставляло его быть чрезвычайно-осторожнымъ въ обращеніи съ женщинами, которыхъ онъ считалъ достойными любви его; и хотя по грубости языка его и приемовъ ничто не подумалъ бы, чтобъ онъ былъ робокъ, однакожь застѣнчивость его доходила до такой степени, что онъ осмѣливался взглядывать на Марту только прѣдка и то украдкою. Такую чрезмѣрную недовѣрчивость къ себѣ скрывалъ онъ очень-искусно, подъ видомъ безпечности и равнодушія, и никогда не говорилъ о любви иначе, какъ съ какою-то сатирическою напыщенностію, которая нѣхотя заставляла смѣяться. Женщины вообще думали, что Ларавиньеръ былъ просто недюдимъ, и бѣдный Жанъ, услышавъ этотъ жестокій приговоръ, понялъ, что ему надобно было имѣть много бодрости и краснорѣчія, чтобъ уничтожить его. Онъ очень-хорошо чувствовалъ это; но потребность любить, которую скрывалъ онъ въ глубинѣ души своей, была такъ драгоценна, что онъ не хотѣлъ подвергать ее оскорбительнымъ насмѣшкамъ при первомъ объясненіи. Не видя возможности отказаться отъ принятой имъ роли и преодолѣть первое препятствіе, онъ долженъ былъ обратиться къ тѣмъ женщинамъ, которыя не могли призвать его, но съ которыми, однакожь, обходился онъ кротко и внимательно, къ чему онъ не привыкъ.

Это исторія многихъ людей. Гордость мѣшаетъ имъ показывать себя тѣмъ, чѣмъ они на-самомъ-дѣлѣ, — и цѣлую жизнь свою несутъ они казнь за невинное притворство, въ которомъ должны уже навсегда оставаться.

Но какъ природное чувство всегда прорывается наружу, вопреки намъ самимъ, то, не смотря на презрѣніе, оказываемое нашимъ бузенготомъ къ романтической восторженности, онъ никогда не терпѣлъ, чтобъ въ глазахъ его оскорбляли женщину, кто бы она ни была. Если онъ видалъ на улицѣ женщину, оскорбляемую кѣмъ-либо изъ тѣхъ подлыхъ людей, которые способны къ такимъ поступкамъ, онъ геройски вступался за нее и защищалъ ее иногда

съ опасностію своей жизни. Вше мѣше могъ онъ удержаться, когда видалъ, что женщина лучшаго сорта подвергается тѣмъ ударамъ, которые гораздо-жесточе для благороднаго сердца, нежели обыкновенные удары по плечамъ для существа униженнаго. Съ самыхъ первыхъ дней пребыванія своего въ домъ Шенъера, Ларавиньеръ замѣтилъ на блѣдномъ лицѣ Марты слѣды частыхъ слезъ; нерѣдко заставлялъ онъ Ораса въ припадкѣ запальчивости, которую тотъ съ трудомъ удерживалъ въ его присутствіи. Скоро Орасъ привыкъ мало-помалу считать его домашнимъ человѣкомъ, пересталъ передъ нимъ церемониться и Ларавиньеръ не могъ долго оставаться безстрастнымъ свидѣтелемъ его безразсудной пылкости. Однажды онъ пришелъ въ совершенное бѣшенство: Орасъ провелъ цѣлую ночь на балѣ Оперы; нервы его были разстроены, и онъ принялъ за чрезвычайную обиду со стороны Марты, за покушеніе на свободу его, за первую попытку къ самовластию—низкие выговоры, которые она осмѣлилась ему сдѣлать. Марта не была ревнива, или по-крайней-мѣрѣ никогда не смѣла обнаруживать ревность; но она не спала отъ безпокойства всю ночь, потому-что Орасъ обѣщалъ ей возвратиться къ двумъ часамъ—и не былъ до пяти. Она боялась какой-нибудь исторіи, какого-нибудь приключенія, можетъ-быть, даже невѣрности... боялась всего, но не говорила ему ни о чемъ, и выговаривала только за то, что онъ не предупредилъ ея; измѣнившееся лицо ея свидѣтельствовало о всѣхъ терзаніяхъ ея мучительной бессонницы.

— Каково тебѣ покажется, говорилъ Орасъ, обращаясь къ Ларавиньеру:—что меня считаютъ ребенкомъ, которому нуженъ присмотръ няньки, школьникомъ, который не смѣетъ ворохнуть безъ воли своего учителя? Я не могу ни выйти изъ дому, ни возвратиться домой когда хочу; на все долженъ я просить позволенія, и если немного забудусь, то срокъ отпуска моего является передо мною, какъ строгій приговоръ, какъ точная и ограниченная мѣра времени, въ которую мнѣ позволено немного разсѣяться. Нѣчего дѣлать! въ будущей разъ надобно будетъ достать формальный отпускъ за подписью моего начальника и съ вычетомъ времени по минутамъ!

— Полно! развѣ ты не видишь, какъ она страдаетъ? сказалъ ему въ-полголоса Ларавиньеръ.

— А я развѣ покоюсь на розахъ? отвѣчалъ громко Орасъ. — Ея страданія дѣтски-глухы, несправедливы и не заслуживаютъ никакого вниманія, но мои страданія ужасны, и они усилваются съ каждымъ днемъ.

— Такъ ты очень несчастливъ со мною, Орасъ? сказала Марта, поднявъ на него печально большіе темно-голубые глаза свои.—Клянусь, я не хотѣла сдѣлать тебя несчастнымъ.

— Да, ты дѣлаешь меня несчастнымъ! невыразимо-несчастливымъ!

Если хочешь, я скажу тебѣ при Ларавиньеръ: твоя вѣчная грусть съдѣлала мнѣ домъ мой несноснымъ, ненавистнымъ до такой степени, что я дышу свободно, оживаю тогда только, когда выхожу отсюда; но лишь только возвращаюсь, грудь моя опять стѣсняется, и я умираю. Любовь твоя, Марта, похожа на воздушный насосъ: она удашаетъ меня. Вотъ почему я такъ рѣдко бываю дома съ котораго времени.

— Мнѣ кажется, ты ошибаешься, отвѣчала Марта съ достоинствомъ оскорбленной гордости: — не безпрестанная грусть моя заставляетъ тебя уходить изъ дому, но безпрестанное твое отсутствіе заставляетъ меня грустить и плакать.

— Слышишь ли, Ларавиньеръ? сказалъ Ораць, которому нужно было найти извиненіе въ совѣсти другихъ и который, видя мрачную задумчивость Жана, боялся его строгости: — слышишь ли? За то, что я хожу со двора, что веду жизнь, приличную человѣку моихъ лѣтъ, что занимаюсь дѣлами своими и пользуюсь своею независимостью такъ какъ хочу, за все это я осужденъ видѣть, по возвращеніи домой, это отчаянное лицо, горькую улыбку, заплаканные глаза, сносить упреки, обвиненія, смертный приговоръ свой... Эго пытка, мученіе, которымъ нѣтъ ничего подобнаго въ мірѣ!

— Вижу, отвѣчалъ Ларавиньеръ вставая: — вы оба очень-печальны. Послушайте меня: разстаньтесь!

— Онъ только этого и хочетъ! вскричала Марта, закрывъ лицо руками.

— А ты... ты этого формально требуешь отъ меня черезъ Ларавиньера! возразилъ Ораць съ занальчивостію.

— Постойте! сказалъ Ларавиньеръ: — Не думайте, чтобъ я хотѣлъ играть здѣсь роль, которой никогда не принималъ на себя. Никто изъ васъ не жаловался мнѣ тихонько, и потому то, что я сейчасъ сказалъ вамъ, вырвалось у меня само-собою, какъ собственное мое мнѣніе. Вы не соответствуете другъ другу, и никогда не соответствовали; рано или поздно, любовь ваша обратится въ ненависть. По-моему, гораздо лучше разстаться заблаговременно мирно и дружески.

— Согласенъ, что этотъ монологъ есть вдохновенная импровизація Ларавиньера, сказалъ Ораць: — по-крайней-мѣрѣ, ты скажешь мнѣ, Марта, выражаетъ ли это вмѣстѣ съ тѣмъ и твое мнѣніе?

— Онъ легко могъ предполагать... даже, можетъ-быть, отгадать его, отвѣчала она съ достоинствомъ: — потому-что онъ слышалъ, какъ ты осуждалъ меня въ своемъ несчастіи.

Но Ораць не такъ понималъ дѣло. Онъ радъ былъ оставить Марту, но не хотѣлъ, чтобъ она его оставила. Твердость, которую обнаруживала она въ эту минуту, и которую внушило ей присутствіе третьяго лица, была невыносима для его самолюбія. Въ досадѣ и занальчивости вскочилъ онъ вдругъ съ мѣста, бросилъ объ полъ

стулъ, на которомъ сидѣлъ, и далъ полную волю изступленному бѣшенству своему. Воскресла прежняя ревность; ненавистное имя Пуссона было произнесено имъ въ отмщеніе; онъ готовъ былъ назвать имя Арсена, какъ вдругъ Ларавиньеръ, схвативъ Марту за руку, сказалъ ей:— Вы выбрали себя въ покровители безразсуднаго, малодушнаго ребенка; на вашемъ мѣстѣ я не остался бы ни одной минуты у этого жалкаго мальчишки.

— Ну, такъ уведите же ее къ себѣ, милостивый государь, сказалъ Орасъ съ обиднымъ презрѣніемъ: — съ удовольствіемъ уступаю ее вамъ, потому-что понимаю теперь, что происходитъ между вами.

— У меня, сударь, возразилъ хладнокровно Ларавиньеръ: — у меня она пользовалась бы уваженіемъ и спокойствіемъ; у васъ, она оскорблена и унижена. О, Боже мой! вскричалъ онъ:—еслибъ я былъ любимъ такою женщиною хоть одинъ день, я не забылъ бы этого счастья во всю жизнь свою...

Голосъ его прервался, какъ-будто все сердце его готово было вылиться въ одномъ словѣ. Въ голосъ его было столько истины, что внезапная или притворная ревность Ораса исчезла въ минуту; волненіе Ларавиньера имѣло на него симпатическое вліяніе, и, повинуясь тому противодѣйствію, въ которое часто впадаемъ мы послѣ неистоваго гнѣва, вдругъ залился слезами и, протянувъ руку Ларавиньеру, сказалъ ему:—ты правъ, Ларавиньеръ! Ты благороденъ и великодушенъ, а я низокъ и презрителенъ; проси за меня прошенія у этой несчастной женщины, которой я недостоинъ.

Это искреннее и благородное признаніе кончило ссору между любовниками и растрогало Жана. — Въ добрый часъ! сказалъ онъ, положивъ руку Марты въ руки Ораса: — ты лучше, Орасъ, нежели я думалъ. Надо сознавать свои заблужденія такъ же скоро и великодушно, какъ ты это сдѣлалъ. Конечно, Марта все забыла. — И онъ убѣжалъ къ себѣ въ комнату какъ для того, чтобъ не быть свидѣтелемъ радости Марты, такъ и для того, чтобъ скрыть порывъ чувствительности, которую онъ привыкъ уже таить отъ всѣхъ. Но, не смотря на прекрасную развязку, подобныя сцены скоро повторились и съ каждымъ днемъ возвращались чаще и чаще. Орасъ, совершенно предавшись разсыльности, не проводилъ ни одного вечера дома и не покидалъ партера Итальянскаго Театра и Оперы: тамъ ему не суждено было блистать, но зато онъ наслаждался хоть тѣмъ, что могъ смотрѣть на ложи, гдѣ тысячи прелестныхъ женщинъ ослѣпляютъ красотою своею и роскошью толпу молодыхъ людей, бѣдныхъ и неизвѣстныхъ, но страстно-любящихъ пышность, блескъ и удовольствія свѣта. Орасъ зналъ по именамъ всѣхъ модныхъ красавицъ, которыхъ титула, гордость и богатство полагали, казалось, непреодолимую преграду его желаніямъ. Ему извѣстны были ихъ ложи, эки-

пажи и даже связи. По окончаніи спектакля, онъ выбѣгалъ обыкновенно на подъездъ, чтобъ смотрѣть, какъ всѣ онъ длиннымъ рядомъ тихо проходили передъ нимъ, выставя бѣлыя плечики свои, несовсѣмъ прикрытыя дорогими соболями, которые, падая внизъ, дерзко смѣялись надъ смѣлостію его взглядовъ. Конечно, Жанъ-Жакъ Руссо ничего не сказалъ лишняго, говоря о безстыдствѣ велико-свѣтскихъ женщинъ; но по мнѣнію Ораса, это было не болѣе, какъ философская грубость, которую онъ никакъ не хотѣлъ раздѣлять съ женевскимъ мизантропомъ. Дерзкое самолюбіе его не оскорблялось также и тѣми холодными, надменными и вмѣстѣ ободрительными взглядами, которыми эти женщины, казалось, говорили каждому: «удивляйся, но не дотрогивайся». Наглый взглядъ Ораса какъ-будто отвѣчалъ: «Не вѣтъ вы скажете это!» Наконецъ, впечатлѣнія сцены, могущество музыки, громъ рукоплесканій, все, даже самая фантазмагорія декорацій и блескъ лампъ упоили этого молодого челоуька, котораго вся вина состояла въ томъ только, что онъ стремился къ наслажденіямъ, которыя общество то показываетъ бѣднымъ издали, то скрываетъ отъ нихъ опять, какъ воду отъ Тантала.

Когда онъ возвращался въ тѣсную свою комнатку на чердакъ и находилъ бѣдную и озябшую Марту, заснувшую отъ усталости передъ погасшимъ очагомъ, душа его стѣснялась какою-то неизъяснимою тоскою, въ которой досада и гнѣвъ боролись съ угрызениями совѣсти. Тогда при малѣйшемъ случаѣ подымалась буря, и несчастная Марта призывала смерть, которая одна могла исцѣлить ее отъ роковой страсти.

Если съ этихъ домашнихъ тайнъ хоть одинъ разъ поднимется завѣса, всегда чувствуется съ обѣихъ сторонъ необходимость прибѣгнуть къ вмѣшательству третьяго лица; его приглашаютъ то какъ повѣреннаго, то какъ судью. Сначала, Ларавиньеръ былъ только посредникомъ. Онъ съ неудовольствіемъ замѣтилъ, что начинаетъ принимать участіе въ этой ссорѣ, и признался Арсену, что не смотря на рѣшимость свою быть нейтральнымъ, онъ долженъ вступить съ Орасомъ въ нѣкотораго рода дружбу. Въ-самомъ-дѣлѣ, Орасъ оказывалъ ему довѣренность и обнаруживалъ великодушіе своего сердца, которое болѣе и болѣе обязывало Жана къ дружеству. Въ Орасѣ, вмѣстѣ съ недостатками, были и достоинства обольстительныя: онъ такъ же скоро укрощался, какъ и приходилъ въ бѣшенство. Мудрое слово всегда шло доступъ къ его разуму; эффектная фраза еще скорѣе находила себѣ дорогу къ его сердцу. Посреди разлива гордости и суетности, онъ тотчасъ возвращался къ раскаянію скромному и робкому. Это была смѣсь расположеній и врожденныхъ наклонностей самыхъ противорѣчивыхъ, и ссора, которую мы рассказали выше, можетъ

служить образчикомъ всѣхъ слѣдовавшихъ за тѣмъ ссоръ, которыя Ларавиньеру должно было прекратить наконецъ.

Однакожь, частое повтореніе этихъ ссоръ истребило мало-по-малу въ Ларавиньерѣ уваженіе къ Орасу. Многократное возвращеніе одной и той же вины утомляетъ наконецъ терпѣніе судьи самаго справедливаго и снисходительнаго. Ларавиньеру такъ наскучила легкость, съ которою Орасъ обвинялъ самого-себя и потомъ просилъ прощенія, что прежнее удивленіе его къ этой способности обратилось наконецъ въ какое-то презрѣніе, и онъ увидѣлъ теперь, что Орасъ былъ не болѣе, какъ сантиментальный хвастунъ; онъ не чувствовалъ къ нему влеченія, отъ котораго прежде не могъ защититься. Этотъ приговоръ былъ очень-строгъ, но неизбѣженъ со стороны такого характера, твердаго и ровнаго, какимъ отличался Жанъ. Однажды, когда Орасъ пришелъ къ нему съ обыкновенными своими объясненіями, Ларавиньеръ сказалъ хладнокровно: «Любезный другъ, я не хочу долѣе скрывать отъ тебя, что связь твоя съ Мартою не внушаетъ уже мнѣ никакого участія; мнѣ наскучило уже видѣть съ одной стороны безумство, съ другой неизлечимую слабость или, лучше сказать, съ обѣихъ сторонъ и безумство и слабость. Марта одержима мономаніею, если любить тебя такъ страстно и постоянно, а у тебя—жалкая слабость ко всѣмъ этимъ параднымъ сценамъ, которыми ты угощаешь насъ. Сначала я считалъ тебя эгоистомъ, потомъ думалъ, что ты добръ, теперь вижу, что ты ни золъ, ни добръ, ты просто холоденъ и любишь суетиться въ бурь притворныхъ страстей: ты актёр! Я увѣренъ, что когда мы смотримъ на тебя съ ужасомъ, какъ ты топашь ногами, кричишь, плачешь, — ты забавляешься на нашъ счетъ... О, пожалуйста, не сердись! Не верти глазами, какъ Бокажъ въ Бюриданъ, не сжимай кулаковъ... Я видалъ все это тысячу разъ и на все буду отвѣчать тебя: *stare sicut!* Меня не удивишь этимъ. Я привыкъ ко всякимъ представленіямъ и равнодушенъ, какъ человѣкъ, имѣющій безденежный входъ во всѣ театры. Не спорю, ты очень-искусенъ въ драмъ, но къ несчастію, вѣдь я ужъ знаю всѣ твои роли наизусть. Если хочешь, чтобъ я слушалъ тебя, перестань декламировать, брось трагическій книжалъ свой и скажи въ прозѣ, что ты не любишь больше Марты, что она тебѣ надоела, и потомъ уполномочь меня извѣстить ее объ этомъ съ должною осторожностью. На этомъ только условіи возвращу я тебѣ мое уваженіе и буду считать тебя честнымъ человѣкомъ.

— Хорошо! отвѣчалъ Орасъ, едва удерживая гнѣвъ свой. — Я согласенъ говорить холодно... очень-холодно, потому-что умѣю побѣждать себя, и начинаю тѣмъ, что серьёзно, спокойно попрошу у васъ удовлетворенія въ оскорбленіяхъ, которыя вы мнѣ сдѣлали...

— И прекрасно! Только вотъ ужъ, кажется, десятый разъ въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ ты вызываешь меня, и я надѣюсь оказать тебѣ услугу, поймавъ тебя на словъ. Но мнѣ надо сдѣлать другое употребленіе изъ моей крови, и я не стану отваживать ее противъ такого неловкаго дуэлиста, какъ ты. Вспомни, что всякій разъ, когда мы шута дрались съ тобою, я вышибалъ у тебя рапиру изъ рукъ, и потому извини, если откажусь отъ новаго твоего вызова.

— О, я принужу тебя принять его! вскричалъ Орастъ, блѣдный какъ смерть.

— То-есть, ударишь меня публично въ щеку, не правда ли? Но Боже тебя сохрани отъ такой подлости, Орастъ. Послушай, я тебя, конечно, не люблю, однакожь во мнѣ осталось еще къ тебѣ какое-то чувство, которое заставило бы меня скорѣе снести отъ тебя сумасбродное оскорбленіе, нежели отмстить за него. Молчи же, повторяю тебѣ; я не буду защищаться, и съ твоей стороны безчестно, низко было бы напасть на меня.

— Но кто жъ изъ насъ здѣсь на кого нападаетъ? Кто изъ насъ подлець, трижды подлець,—ты или я? Ты осыпаешь меня оскорбленіями, поступаешь со мной, какъ съ самымъ презрѣннымъ человекомъ, и отказываешься отъ удовлетворенія!.. А! въ эту минуту я принимаю поединки Малайцевъ, которые въ присутствіи враговъ своихъ перерывають себя горло.

— Вотъ славная фраза, Орастъ; но это все еще декламація, потому что я тебѣ не врагъ, и клянусь, что совсѣмъ не имѣлъ намѣренія оскорблять тебя. Я хотѣлъ дать тебѣ дружескій урокъ, который ты можешь теперь принять отъ меня, потому-что очень-часто приходилъ за нимъ самъ. Давно я уже тебѣ отказывалъ въ немъ и слышу съ твоей стороны извиненія, которыхъ я, кажется, никогда не употреблялъ во зло.

— Ты употребляешь ихъ во зло сію-минуту, заставляя меня краснѣть при мысли о благородной довѣренности, которую я имѣлъ къ тебѣ.

— Нѣтъ; и въ доказательство я не хочу, чтобъ ты опять унижался передо мною—запрещаю тебѣ ходить ко мнѣ.

— Боже мой! Боже мой! вскричалъ Орастъ со слезами и ломая съ досады руки: — что я сдѣлалъ, чтобъ со мной обходились такимъ образомъ?

— Что ты сдѣлалъ? Пожалуй, я сейчасъ скажу тебѣ, отвѣчалъ Ларавиньеръ.—Ты довелъ до отчаянія несчастную женщину, которая любитъ тебя страстно и которую ты даже не уважаешь.

— Я не уважаю Марты? какъ смѣешь ты говорить, что я не уважаю женщины, которой пожертвовалъ своею молодостію, сердцемъ, всю жизнью?

— Я что-то не очень вѣрю этой жертвѣ; но пусть это и такъ, я все-таки не сожалею о тебѣ.

— Это потому-что ты не понимаешь любви. Ты — существо холодное, незнающее страстей...

— Можетъ-быть, отвѣчалъ Жанъ съ горькою усмѣшкою: — но за то я и не силуюсь выказывать въ себя противное. Ну, растолкуй же теперь, на что ты такъ жалуешься.

— Жанъ! вскричалъ Орасъ: — ты не знаешь, что значить любить въ первый разъ и быть любиму во второй или третій!

— А! вотъ что! отвѣчалъ Ларавиньеръ, пожавъ плечами. — Только дѣвственная Діана достойна любви господина Ораса Дюмонте! *Стард штука*, братъ. Ты при мнѣ нѣсколько разъ повторялъ ее этой бѣдной Мартѣ. Но, видишь ли, говорить подобныя вещи, или даже только думать о нихъ—значить быть достойну по-крайней-мѣрѣ мамзель Луизы. Какъ ты суеуень, какъ жестоко заблуждаешься! Нѣкоторыя непорочныя женщины гораздо-лучше иныхъ непорочныхъ юношей...

— Ты грубъ, Жанъ, дерзокъ, несносно-дерзокъ.

— Можетъ-быть; но говорю правду. Есть сердца чистыя подъ замараннымъ платьемъ, и сердца развращенныя подъ великолѣпными жилетами.

Орасъ разорвалъ на себѣ бархатный жилетъ и бросилъ лоскутки его въ лицо Ларавиньеру. Жанъ проворно отвернулся и, оттолкнувъ лоскутки носкомъ сапога, сказалъ: — Прекрасно! Не-уже-ли ты еще мало долженъ портному?

— Я знаю, что долженъ вамъ, сударь! отвѣчалъ Орасъ. — Я не позабылъ этого и благодарю васъ за то, что напомнили.

— Очень радъ, что ты не забылъ! сказалъ безпечно Ларавиньеръ: — много бѣдныхъ, которымъ деньги эти пригодятся на сигарки... Полно молоть вздоръ-то; закури-ка сигарку, да поговоримъ по-пріятельски. Что ты виновать передъ Мартою, въ этомъ не можешь не сознаться; но зная, что ты избалованъ, одна-кожь уменъ, краснорѣчивъ, хорошъ собою, я нѣкоторымъ образомъ извиняю тебя, потому-что вообще красивенькіе мальчики, подобно хорошенькимъ женщинамъ, капризны. Не могу требовать, чтобъ ты былъ благоразуменъ, какъ я, на-примѣръ, потому-что я больше похожъ на кабана, чѣмъ на добраго христіанина; да и лицо у меня изрыто въ тотъ день, когда шелъ градъ алебардами. Но я не могу простить тебѣ удовольствія, которое ты находишь въ страданіяхъ другаго; не могу простить, что ты не разрываешь связи, которая надѣла тебѣ, что ты не откровененъ, однимъ словомъ, и не хочешь лечить то зло, которое самъ же надѣлалъ.

— Но я люблю ее, эту женщину, которую заставил страдать. Я не могу разстаться съ нею, никогда не привыкну жить безъ нея...

— Еслибъ это была и правда (въ чемъ, однакожь, я сомнѣваюсь, потому-что ты стараешься быть какъ-можно-меньше съ нею), обязанность твоя была бы побѣдить любовь, которая такъ мертвить ее.

— Но она ни за что не рѣшится на это, еслибъ я и захотѣлъ.

— Ты увѣренъ въ этомъ?

— Она убьетъ себя, если я покину ее.

— Если ты покинешь холодно и грубо—можетъ-быть: но если ты сдѣлаешь это по чувству справедливости, во имя чести, во имя даже любви своей...

— Никогда, никогда Марта не согласится разстаться со мною — я ужъ знаю.

— Это хвастовство. Поручи мнѣ поговорить съ нею такъ же откровенно, какъ теперь говорю съ тобою.

— Жанъ! ты имѣешь на нее виды!

— Кто, я? Для этого нужны были бы три вещи: 1) чтобъ въ цѣломъ мѣрѣ не было ни одного зеркала; 2) чтобъ Марта ослѣпла, и 3) чтобъ мы оба съ нею забыли о красотѣ моей.

— Но почему жъ ты такъ упорно хочешь разлучить насъ?

— Скажу тебѣ откровенно: я имѣю виды, но для другаго.

— Ты взялся соблазнить ее, похитить? Для какого же это германскаго герцога, или дон-Хуана парижскихъ кафеенъ?

— Для сына сапожника, для Поль-Арсена.

— Какъ, ты видишься съ нимъ?

— Каждый день.

— И ты скрываешь это?.. Странно!

— Напротивъ, очень-просто. Я зналъ, что ты не любишь его, и мнѣ не хотѣлось, чтобъ ты при мнѣ дурно говорилъ о немъ, потому-что я люблю его.

— Такъ ты Меркурій этого Юпитера, который уже превратился въ копеечный дождь, чтобъ выжить меня?

— Тройное оскорбленіе — *ему, ей и мнѣ*. Покорно благодарю! Это также входило въ твою ролю? Ты очень-хорошо продекламировалъ. Еслибъ я былъ клакѣръ, я разорвалъ бы перчатки, хлопая тебѣ.

— Однакожь, Ларавиньеръ, ты ставишь меня въ дураки: дѣйствуешь противъ меня, предаешь меня, говоришь въ пользу другаго, — а я такъ ввѣрлся тебя!..

— Вы совершенно правы, милостивый государь. Никогда не проносилъ я имени Арсена при Мартѣ. Что же касается до того, чтобъ поссорить тебя съ нею, я всегда дѣлалъ противное. Но нынѣ откажусь мирить васъ: сердце мое и совѣсть запрещаютъ это. Или сегодня же я переѣду отсюда, чтобъ не видать ни тебя, ни Марты,

или возьмусь, съ твоего дозволенія, разорвать ту связь, которая тѣготитъ тебя, а се убиваетъ.

Побѣжденный грубою откровенностью и неумолимою твердостью Ларавиньера, Орасъ не зналъ, что дѣлать и какъ возвратить себѣ уваженіе этого человѣка, котораго мнѣнія боялся.

Онъ просилъ сроку на нѣсколько дней, чтобъ рѣшиться; но время проходило, и онъ все еще ни на что не рѣшался.

IV.

Онъ не лгалъ, говоря, что Марта ему необходима: онъ боялся одиночества и нуждался въ попеченіяхъ другаго, — двѣ вещи, дѣлавшія для него Марту еще дороже, нежели онъ смѣлъ сказать Ларавиньеру, потому что Ларавиньеръ уже не былъ расположенъ обманываться на его счетъ, и еслибъ отгадалъ настоящую причину его настойчивости, назвалъ бы ее эгоизмомъ и своекорыстіемъ. Марту легче было обмануть или удовлетворить. Достаточно было вымолвить Орасу слово страха или сожалѣнія при мысли о разлукѣ, чтобъ она горючески встрѣчала все страданія, сопровождавшія ихъ несчастную связь. — Я нужнѣе ему, чѣмъ думаютъ, говорила она: — здоровье его не такъ крѣдко, какъ кажется съ-виду. Онъ часто хворааетъ отъ раздражительности нервовъ, которая заставляетъ меня иногда опасаться если не за жизнь его, то по-крайней-мѣрѣ за разсудокъ. При малѣйшемъ огорченіи, онъ раздражается ужаснымъ образомъ. Сверхъ-того, онъ разсѣянъ, безпеченъ, не умѣетъ хлопотать о себѣ: не будь меня, онъ въ своихъ мечтаньяхъ и раздумьяхъ забывалъ бы сонъ и пищу. Ничего и говорить, что у него никогда бы не достало предосторожности откладывать двадцать су на обѣдъ. Да онъ меня и любить, не смотря на все его капризы. Въ минуты вѣжности и раскаянія, когда человѣкъ точно бываетъ самимъ-собою, онъ мнѣ сто разъ говаривалъ, что лучше хотѣлъ бы въ тысячу разъ болѣе страдать отъ любви, чѣмъ исцѣлиться, переставъ любить.

Такъ говорила Марта Ларавиньеру, который, видя, что Орасъ ни на что не рѣшается, обратился прямо къ Мартѣ, увѣдомивъ напередъ должнымъ образомъ Ораса о томъ, что намѣренъ дѣлать. Орасъ, получивъ истинное къ нему отвращеніе за горькую критику и предвидя, что пришлось бы дойти до серьезной ссоры, чтобъ удалить его, предложилъ ироническій вызовъ похитить у него сердце Марты и уполномочилъ его на доступъ къ ней. Обижаясь презрительною увѣренностью, съ какою Жанъ открыто дѣйствовалъ противъ него, онъ однакожь не боялся его. Онъ зналъ его несловность, робость, мнительность и мягкость больше, нежели тотъ хотѣлъ показать все это, и твердо былъ увѣренъ, что одно его слово разрушитъ въ умъ его

списходительной подруги все дѣйствіе наивозможно-длинной рѣчи Ларавиньера. Съ такимъ расположеніемъ старался онъ воротить свою власть надъ Мартою, какъ-будто дѣло шло о выигрышѣ заклада. Сколько несчастныхъ любовныхъ связей продолжалось такимъ образомъ и какъ-бы оживало насильно въ сердцахъ усталыхъ или остывшихъ, изъ одного страха уступить торжество тѣмъ, кто предсказывалъ ихъ близкій конецъ! Раскаяніе и прощеніе въ такихъ случаяхъ не всегда бывають безкорыстны, и потребно больше, чѣмъ думаютъ, чувства справедливости, чтобъ рѣшиться на униженіе разрыва, сдѣлавшагося необходимымъ.

Итакъ, Ларавиньеръ хлопоталъ совершенно-безплодно. Когда онъ рѣшился спасти Марту, она больше чѣмъ когда-нибудь была врагомъ собственнаго своего блага. Скоро увидѣлъ онъ, что вмѣсто согласія на предпріятое имъ намѣреніе, онъ только укрѣпляетъ ее въ намѣреніи противоположномъ. Онъ признался Арсену, что вмѣсто услуги, онъ только сдѣлалъ худшимъ его положеніе и принялъ снова свой нейтралитетъ, утѣшаясь мыслию, что, вѣроятно, Марта не такъ несчастна, какъ ему казалось.

Вдругъ въ Парижѣ открылась холера и грустнымъ образомъ отвлекла толпу отъ политическихъ вопросовъ.

Я былъ тогда при походной больницѣ. Завернувшись плащомъ, въ одну изъ тѣхъ холодныхъ весеннихъ ночей, которыя, казалось, усиливали повѣтріе, и нашедши время заснуть кое-какъ съ четверть часа, я ждалъ, пока позовутъ къ новому больному, и вдругъ почувствовалъ чью-то руку у себя на плечѣ. Я быстро проснулся, и, вскочивъ по привычкѣ, собрался идти за звавшимъ меня человекомъ, не раскрывъ еще хорошенько глазъ, отяжелѣвшихъ отъ усталости. Только проходя мимо краснаго фонаря, висѣвшаго у входа въ больницу, узналъ я приглашавшую меня женщину, не смотря на происшедшую въ пей перемену.— Марта! воскликнулъ я: — такъ это вы? Къ кому вы зовете меня, скажите ради Бога!

— Къ кому же больше? сказала она, сплеснувъ руками.— О, пойдите, пойдите скорѣе!

Я уже шелъ съ нею.— Сильно онъ боленъ? спросилъ я дорогою.

— Не знаю, отвѣчала она: — но онъ очень страдаетъ; умъ его пораженъ до такой степени, что я всего опасаюсь. Ужь нѣсколько дней безпокоили его предчувствія, а нынче онъ нѣсколько разъ говорилъ, что ему не прожить долго. Впрочемъ, онъ порядочно обѣдалъ, былъ въ театрѣ и ужиналъ, воротясь домой.

— Какіе же съ нимъ припадки?

— Никакихъ нѣтъ; но онъ страдаетъ, онъ съ такимъ усміемъ велѣлъ мнѣ поскорѣе бѣжать въ больницу, что мною вдругъ овладѣлъ ужасъ; я едва держусь на ногахъ.

— Въ-самомъ-дѣлѣ, Марта, вы дрожите; у васъ ознобъ. Обопритесь на мою руку.

— Нѣтъ, нѣтъ; такъ мы опоздаемъ; пойдете!

— Бѣдная Марта! какъ вы похудѣли, сказалъ я ей, проворно и не смотря, при тускломъ свѣтѣ фонарей, на опавшія ея щеки, которыхъ худоба еще увеличивалась тѣнью ея черныхъ волосъ, развѣваемыхъ холоднымъ вѣтромъ.

— Нѣтъ, я здорова, отвѣчала она съ озабоченнымъ видомъ. Потомъ тотчасъ быстро прибавила: — скажите лучше, здорова ли Эженіи.

— Слава Богу, сказалъ я: — она страдаетъ только отъ-того, что лишилась вашей дружбы.

— Ахъ, не говорите этого! отвѣчала она раздирающимъ душу голосомъ. Пощадите меня! Богъ знаетъ, какъ мало я заслуживаю вашихъ упреки! Скажите, что она не совсѣмъ еще разлюбила меня!

— Она все по-прежнему васъ любитъ, милая Марта.

— А вы все еще любите Ораса? возразила Марта, забывая вслѣдствіе до нея касавшееся, и бѣгомъ таща меня за руку.

Я побѣжалъ, и скоро мы очутились возлѣ него. Онъ громко вскричалъ, увидѣвъ меня, и кинувшись мнѣ на шею, воскликнулъ съ жаромъ:—Ну, теперь я могу умереть; я снова нашелъ друга!—И опять упалъ на кресла, блѣдный и слабый, будто готовясь испустить духъ.

Я очень испугался этого ослабленія. Пощупалъ пульсъ,—пульсъ былъ едва слышенъ. Я осмотрѣлъ его, уложилъ, распросилъ внимательно, и рѣшился провести возлѣ него ночь.

Дѣйствительно, онъ былъ боленъ. Мозгъ его находился въ болѣзненнымъ раздраженіи, всѣ нервы взволнованы; у него былъ родъ сумасшествія. Онъ говорилъ о смерти, о междоусобной войнѣ, о хилерѣ, объ эшафотѣ, и перемеживая въ бреду разныя занимавшія его идеи, то принималъ меня за *scoque-mort*, который кидалъ его въ рвовую яму, то за палача, ведшаго его на казнь. За этими минутами изступленія слѣдовали обмороки. Приходя въ память, онъ узнавалъ меня, горячо жалъ мнѣ руки, и умолялъ не покидать его, не давая ему умереть. Я не имѣлъ къ тому ни малѣйшаго желанія, и задавалъ себя настоящую пытку, стараясь угадать болѣзнь его; но какъ ни прилагалъ я вниманіе, не могъ въ ней увидать ничего, кромѣ невѣстнаго раздраженія, причиненнаго нравственнымъ волненіемъ. Не было ни малѣйшаго признака ни холеры, ни лихорадки, ни отравленія, ни опредѣленнаго страданія. Марта хлопотала около него съ усердіемъ, котораго онъ, казалось, не примѣчалъ, и, взглянувъ на нее, я былъ такъ пораженъ ея истощеннымъ и измученнымъ видомъ, что просилъ пойти лечь въ постель. Убѣжденія мои были напрасны. Однакомъ, когда на разсвѣтъ Орасъ успокоился и заснулъ, онъ

въ свою очередь задремала на креслахъ въ ногахъ кровати. Я сидѣлъ у изголовья насупротивъ ея, и не могъ удержаться отъ сравненія наружности Ораса, исполненной силы и здоровья, съ наружностью этой женщины, которую недавно видѣлъ столь прекрасною, и которая теперь была настоящею тѣнью.

Я также сталъ засыпать, какъ вошелъ на-цыпочкахъ, никого не разбудивъ, Ларавиньеръ и сѣлъ возлѣ меня. Онъ самъ провелъ ночь подлѣ одного изъ своихъ пріятелей, заболѣвшаго холерою, и, воротясь домой услышалъ, что Марта ходила въ больницу для Ораса. — Чтѣ съ нимъ? спросилъ онъ меня, наклонясь къ нему и осматривая. Когда я признался, что не нашелъ ничего опаснаго, и что однакожь онъ занималъ и беспокоилъ меня цѣлую ночь, Жанъ пожалъ плечами. — Сказать тебѣ, чтѣ это такое? произнесъ онъ, еще больше называя гонимъ; — паническій испугъ, страхъ, и только. Вотъ ужъ онъ въ другой или въ третій разъ повторяетъ намъ подобныя сценны; и будь я дома вчерашній вечеръ, Марта не пошла бы тебя тревожить по-напрасну. Бѣдняжка! она больше его...

— И мнѣ кажется. Но едва ли ты не слишкомъ-строгъ къ бѣдному Орасу?

— Нѣтъ, я говорю правду. Вѣдь я не утверждаю, будто Орасъ тѣ, чтѣ называется подлець; я даже увѣренъ, что онъ смѣлый малой, и рѣшительно пошелъ бы въ огонь сраженія, или на дуэль. Но въ немъ есть родъ подлости, общей всемъ людямъ, которые нѣсколько чертѣ-чуръ любятъ самихъ-себя; онъ боится болѣзни, страданія, медленной, томительной смерти въ постели. Онъ тѣ, чтѣ мы называемъ лѣжечка. Разъ я видѣлъ, какъ онъ на улицѣ не струсилъ людей подозрительнаго вида, которые хотѣли-было напасть на него, по которымъ его твердость заставила удалиться; но видѣлъ также, какъ онъ упалъ въ обморокъ отъ легонькаго обрѣза, который сдѣлалъ себѣ на кончикъ пальца, очинивъ перо. У него женская патура, не смотря на бороду Юпитера олимпійскаго. Онъ въ состояннн возвыситься до героизма, а не можетъ вынести пустой ребячьей боли.

— Любезный Жанъ, отвѣчалъ я, каждый день вижу я людей въ полной силѣ лѣтъ и воли, которые сльвуть твердыми и мудрыми, и которыхъ мысль о холерѣ (и даже гораздо-меньшихъ болѣзняхъ) дѣлаетъ трусливыми до чрезвычайности. Не думай, чтобъ Орасъ былъ исключеніемъ. Люди, составляющіе исключеніе, стоически встрѣчаютъ болѣзнь лицомъ-къ-лицу.

— Не виню я твоего пріятеля, возразилъ онъ:—но мнѣ хотѣлось бы, чтобъ эта бѣдная Марта привыкла къ его манерамъ, и не тревожилась всякій разъ, когда ему прійдетъ въ голову считать себя больнымъ при-смерти.

— Развѣ это, спросилъ я: — причина ея страданія?

— Нѣтъ, это только одна изъ причинъ! Впрочемъ, что я за доносчикъ! До-сихъ-поръ я крѣпился и не говорилъ тебѣ, что тутъ дѣлалось. Теперь ты опять съ ними сталъ видаться, и скоро самъ все узнаешь.

v.

Въ-самомъ-дѣлѣ, пришедъ на другой день увѣриться въ совершенномъ здоровьѣ Ораса, я, безъ всякихъ особенныхъ домогательствъ, получилъ отъ него признаше въ тяготившихъ его неудовольствіяхъ. — Да, сказалъ онъ мнѣ въ отвѣтъ на одно мое замѣчаніе: — да, я недоволенъ своею судьбой, недоволенъ жизнью, даже, — почемужъ не сказать этого! — усталъ жить. Упалъ еще одна капля жолчи въ мой кубокъ, я перерѣжу себѣ горло.

— Однакожъ, вчера, воображая себя большимъ холерою, ты сильно просилъ меня не дать тебѣ умереть. Надѣюсь, ты преувеличиваешь сегодняшній свой сплинъ.

— Это значило, что мозгъ мой былъ вчера разстроенъ, что я былъ сумасшедшій, трепеталъ за жизнь по животному инстинкту; сегодня же, пришедъ въ разумъ, опять чувствую скуку, отвращеніе и омерзѣніе къ жизни.

Я попробовалъ заговорить съ нимъ о Мартѣ, которой онъ былъ единственною опорой, и которая, можетъ-быть, не пережила бъ его, еслибъ онъ самъ посягнулъ на жизнь свою. Онъ сдѣлалъ движеніе нетерпѣливое, какъ человекъ, раздосадованный чуть не до бѣшенства; заглянувъ въ соседнюю комнату, и увѣрившись, что Марта еще не воротилась съ своего утренняго выхода, вскричалъ: — Марта! гм! такъ и быть! самъ ты назвалъ — бичъ мой, мое мученіе, мой адъ! Послѣ всѣхъ предсказаній, которыя ты дѣлалъ на этотъ счетъ, я почиталъ дѣломъ чести скрывать отъ тебя, до какой степени они оправдались... Ну, такъ и быть! я не заражонъ глупою гордостью, и не знаю почему, нашедъ снова моего лучшаго, единственнаго друга, не открылъ ему того, что происходитъ во мнѣ. Узнай же истину, Теофиль: я люблю Марту, и вмѣстѣ съ тѣмъ ненавижу ее; обожаю, и въ то же время презираю; не могу съ нею разстаться, а только тогда и живу, когда ея не вижу. Объясни это мнѣ ты, который все умѣешь объяснять, который приведишь любовь въ теорію и стараешься подчинить ея правиламъ наравнѣ съ прочими болѣзнями.

— Любезный Орасъ, отвѣчалъ я: — мнѣ кажется, легко опредѣлить состояніе души твоей. Ты любишь Марту, я въ этомъ увѣренъ; но тебѣ хотѣлось бы любить ее больше, а этого ты не можешь сдѣлать.

— Именно такъ! воскликнулъ онъ. — Я домогаюсь любви высшей, а чувствую одну низкую любовь. Я желалъ бы обнимать идеалъ, а нахожу одну жалкую дѣйствительность.

— Другими словами, возразилъ я, стараясь ласковымъ тономъ смягчить то, что могло быть жестоко въ моемъ отвѣтъ:—тебѣ хотѣлось бы любить ее больше, нежели ты любишь самого-себя, и ты не можешь любить ее даже столько, какъ себя.

Онъ замѣтилъ, что я толкую его горе нѣсколько-грубѣе, нежели какъ онъ желалъ бы; но все, что ни говорилъ онъ, чтобъ измѣнить мое мнѣніе, которое, какъ ему казалось, не равнялось его страданію, — все это послужило только къ утверженію меня въ моемъ мнѣніи. Марта воротилась, и Орасъ, которому также надобно было идти со двора, оставилъ меня съ нею. То, что мнѣ удалось узнать изъ ихъ взаимнаго другъ къ другу расположенія, почти отнимало у меня всякую надежду быть имъ полезнымъ. Однакожь, я не хотѣлъ ихъ оставить, не увѣрившись положительно, что не могу ничѣмъ помочь имъ.

Я нашелъ, что Марта столь же мало расположена была открыть свое сердце, сколько Орасъ готовъ былъ открыть свое. Этого и надо было ожидать: она была обижена, имѣла справедливый поводъ къ жалобамъ на Ораса, и благородное великодушіе осуждало ее на молчаніе. Желая разсѣять ея сомнѣнія, я сказалъ ей, что Орасъ обвинялъ себя передо мною, и признался мнѣ во всѣхъ своихъ проступкахъ: это и въ-самомъ-дѣлѣ такъ было. Орасъ не щадилъ себя: онъ открылъ мнѣ всѣ свои ошибки, отвергая только эгонистическую причину, которую я имъ приписывалъ. Но это ободреніе ни мало не перемѣнило намѣренія, принятаго, по-видимому, Мартою; я замѣтилъ въ ней родъ мрачной рѣшимости и нѣмого отчаянія, которыя показались бы мнѣ несомнѣнными съ энтузіастическою подвижностью и чрезвѣрной чувствительностью ея характера, сколько онъ былъ мнѣ извѣстенъ. Она оправдывала Ораса и отказалась разсуждать о будущемъ, говоря въ общихъ выраженіяхъ о самопожертвованіи; не приняла также моего предложенія привести къ ней Эженіи, сказавъ, что это сближеніе скоро опять разрушилось бы теми же причинами, какія прежде повлекли разрывъ; и выражая глубокую привязанность къ моей подругѣ, закликала однако меня не говорить ничего объ ней. Единственною, постоянно-занимавшею ее мыслью, къ которой она нѣсколько разъ возвращалась, была, по-видимому, мысль о какомъ-то таинственномъ долгѣ, который не хотѣла она опредѣлить точнѣе.

Внимательно слѣдя за ея положеніемъ и движеніями, я замѣтилъ, что она беременна: она такъ мало была расположена къ откровенности, что я не осмѣлился сдѣлать ни одного вопроса на этотъ счетъ, и рѣшился выждать удобнѣйшаго времени.

Оставивъ ее съ сердцемъ глубоко-огорченнымъ, я случайно проходилъ мимо кафе, куда Орасъ обыкновенно хаживалъ читать журналы, и какъ онъ въ эту минуту былъ тамъ, то позвалъ меня и принудилъ съѣсть возлѣ него. Ему хотѣлось знать, что говорила мнѣ Марта; а я началъ съ того, что спросилъ, не беременна ли она... Невозможно выразить перемены, происшедшей въ его лицѣ при этомъ словѣ. — Беременна! воскликнулъ онъ:—что ты говоришь?.. Боже мой! Такъ ты полагаешь, что она беременна? Она тебѣ сказала это?.. Только этого не доставало!

— Что же ужаснаго въ такой новости? сказалъ я ему. — Еслибъ Эженіи объявила мнѣ подобную вѣсть, я считалъ бы себя очень-счастливымъ!

Онъ ударилъ кулакомъ по столу такъ сильно, что вся посуда, бывшая въ залѣ, задрожала. — Ты можешь объ этомъ очень-покойно разсуждать, сказалъ онъ: — потому, во-первыхъ, что ты философъ, во-вторыхъ, имѣешь три тысячи ливровъ доходу и можешь свободно располагать собою. А я... что я стану дѣлать съ ребенкомъ? въ мои лѣта, съ моею бѣдностью, долгами и родителями, которыхъ это разсердить! Чѣмъ мнѣ кормить его? на что воспитывать?.. О, Боже мой! ты напомнилъ мнѣ, что она ужъ двѣ недѣли чистаетъ Эмиля, не выпуская его изъ рукъ! Такъ и есть: она сама хочетъ кормить ребенка! она намѣрена воспитывать его по жан-жаковски въ шести-футовой коморкѣ! Не доставало мнѣ только одного — быть отцомъ! Теперь я пропалъ!

Отчаяніе его было такъ забавно, что я не могъ удержаться отъ смѣха. Я думалъ, что это была одна изъ безразсудныхъ выходокъ, въ какія Орасъ любилъ пускаться, даже на-счетъ самыхъ серьезныхъ предметовъ, только такъ, чтобъ дать немножко воли своему уму, какъ горячей лошади дадутъ поскакать прежде, чѣмъ заставить ее идти мѣрной поступью. Я имѣлъ доброе мнѣніе о его сердцѣ, и боялся обидѣть его, серьезно указывая на обязанности, которыя возлагало на него званіе отца. Притомъ же, я могъ ошибиться. Еслибъ точно Марта была въ такомъ положеніи, въ какомъ я предполагалъ ее, какъ же бы не знать о томъ Орасу? Мы разстались: я все продолжалъ шутить надъ его саркастическимъ отвращеніемъ къ дѣтямъ, а онъ все декламировалъ противъ нихъ съ неистощимымъ жаромъ.

Воротясь домой, я нашелъ у себя цѣлый списокъ больныхъ, къ которымъ меня приглашали. Я былъ медикомъ съ прошлой осени, и началъ свое поприще зловѣщимъ и горькимъ опытомъ надъ холерою. По милости холеры, вдругъ у меня оказалась практика многочисленнѣе, нежели я могъ желать, и нѣсколько дней былъ я до того обремененъ ею, что увидѣлся съ Орасомъ только черезъ двѣ недѣли.

и то подъ вліяніемъ страннаго происшествія, которое разомъ положило конецъ всѣмъ его горькимъ шуткамъ надъ ребятишками.

Однажды утромъ, онъ вошелъ ко мнѣ блѣдный и встревоженный. — Она здѣсь? было его первое слово.

— Кто? Эжені? сказалъ я: — разумъется; она у себя въ комнатѣ.

— Марта! вскричалъ онъ въ безпокойствѣ. — Я говорю тебѣ объ Мартѣ: ея нѣтъ дома; она пропала. Теофиль! я не даромъ говорилъ тебѣ, что мнѣ придется бѣжать со свѣта... Марта меня покинула, бросила; Марта убѣжала съ отчаяніемъ въ душѣ, можетъ-быть, съ мыслью о самоубійствѣ...

Онъ кинулся на стулъ; испугъ и отчаяніе его не имѣли на этотъ разъ ничего поддѣльнаго. Мы бросились къ Арсену. Я полагалъ, что этотъ вѣрный другъ Марты могъ быть увѣдомленъ ею о ея намѣреніяхъ. Нашли мы дома только сестеръ Арсена, которыхъ удивленіе тотчасъ доказало намъ, что онъ ничего не знали и даже не догадывались о причинѣ посѣщенія Ораса. Выходя отъ нихъ, мы встрѣтили Арсена, возвращавшагося домой. Орасъ бросился ему на встрѣчу, и, упавъ въ его объятія по одному изъ тѣхъ произвольныхъ порывовъ, которые въ-мигъ заглаживали всѣ его неправости, вскричалъ въ избыткѣ чувства: — Другъ мой, братъ, любезный Арсенъ! скажите, гдѣ она? Вы знаете, вы должны знать. О, не наказывайте меня за мои преступленія безжалостнымъ молчаніемъ! Разуверьте меня; скажите, что она жива, что она ввѣрилась вамъ. Не думайте, Арсенъ, чтобъ я ревновалъ. Нѣтъ! въ эту минуту, клянусь Богомъ, я чувствую къ вамъ только уваженіе и любовь. Я на все согласенъ, всему покорюсь! Будьте ея опорой, спасителемъ, любовникомъ. Я отдаю вамъ ее, ввѣряю ее вамъ; благословляю васъ, если вы можете, если вы должны сдѣлать ее счастливою; но скажите только, что она не умерла, скажите, что я не палачъ ея, не убійца!

Хоть имя Марты не было произнесено Орасомъ, но какъ на свѣтѣ одна она могла интересовать Арсена, то онъ тотчасъ понялъ, о комъ рѣчь, и стоялъ будто пораженный громомъ. Нѣсколько минутъ не могъ онъ вымолвить ни слова. Зубы его стучали; онъ глядѣлъ бессмысленно на Ораса, держа въ своей холодной, судорожно-сжатой рукѣ руку, которую тотъ протянулъ ему. Онъ ничего не зналъ, ничего не мыслилъ. Смѣщеніе ужаса и отчаянія повергало его въ какое-то дикое безуміе. Онъ пустился бѣжать съ нами. Мы отправились въ la Morgue: Орасу уже приходило-было въ голову пойти туда же; но у него не достало духа. Мы вошли безъ него; онъ оставался подъ портикомъ и оперся на рѣшетку, чтобъ не упасть, не смѣя обратить взоры на страшное зрѣлище, котораго бы онъ не вынесъ, елибѣ оно представило ему въ числѣ жертвъ страстей и нищеты — Марту. Мы прошли въ залу, гдѣ трупы, лежавшіе на ро-

ковыхъ столахъ, представляли очамъ отвратительнѣйшую общественную язву, насильственную смерть во всемъ ея ужасѣ — доказательство и послѣдствіе самозабвенія, преступленія, или отчаянія. Подростъ Арсена возвратилась, казалось, съ упадкомъ бодрости Ораса: онъ подошелъ къ женщинѣ, которая лежала тутъ съ трупомъ ребенка у груди; твердою рукою приподнялъ онъ волосы, свѣянные вѣтромъ на лицо умершей, и какъ-будто густое облако помутило его зрѣніе; онъ наклонился къ этой бездушнѣйшей массѣ, посмотрѣлъ на нее съ минуту, и выпуская изъ руки волосы съ равнодушіемъ, явно для него непривычнымъ: — Нѣтъ! произнесъ онъ твердымъ голосомъ, и увлекъ меня поскорѣе повторить Орасу это *плѣтъ*, которое облегчило бы его хоть на минуту.

Ступивъ нѣсколько шаговъ, Арсенъ остановился. — Покажите-ко еще разъ, сказалъ онъ:—письмо, которое она вамъ оставила.

Орасъ показывалъ намъ это письмо. Снова подавъ онъ его Полю, который внимательно его перечелъ. Вотъ оно:

• Успокойтесь, любезный Орасъ, я обманулась. Вы не будете нести тяжесть и скуку обязанностей отца; но изъ всего, что вы сказали мнѣ двѣ недѣли назадъ, я поняла, что наша свѣзь не можетъ длиться безъ несчастія для васъ и позора для меня. Давно должно было бы намъ приготовить другъ друга къ этой разлукѣ, которая васъ огорчитъ, я увѣрена, но которую вы перенесете, вспомнивъ, что мы были другъ другу обязаны этимъ подвигомъ твердости и разсудка. Прощайте навсегда. Не ищите меня — это бесполезно. Не беспокойтесь обо мнѣ, я теперь тверда и покойна. Я оставляю Парижъ; возвращусь, можетъ-быть, на родину. Я ни въ чемъ не нуждаюсь, ни за что васъ не упрекаю. Не поминайте меня зломъ. Я удаляюсь, призывая на васъ благословеніе неба. •

Письмо не показывало роковыхъ намѣреній, однакожь ни мало насъ не успокоило. Я особенно, я недавно видѣлъ въ Мартѣ всѣ признаки безутѣшнаго отчаянія и такую энергію, которая рѣшаетъ человѣка на крайнія мѣры. — Надобно тебѣ, сказалъ я Орасу:—слѣзлатъ еще большое усиліе надъ собою и разсказать намъ подробно, что такое было у васъ за двѣ недѣли; по этому разсказу станемъ мы судить и о важности нашихъ опасеній. Можетъ-быть, боязнь твоя слишкомъ-преувеличена. Невозможно, чтобъ ты поступалъ съ Мартою такъ жестоко, что могъ довести ее до безумія. Это душа религіозная, характеръ болѣе, можетъ-быть, сильный, нежели ты думаешь. Говори, Орасъ; мы столько сожалѣемъ о тебѣ, что не будемъ упрекать тебя ни въ чемъ, что бъ ты не сказалъ намъ.

— Исповѣдываться передъ нимъ? отвѣчалъ Орасъ, смотря на Арсена. — Жестокое мученіе! Но я заслужилъ его, и готовъ ему подвергнуться. Я зналъ, что онъ любилъ ее, что его любовь была больше достойна ея, нежели моя. Гордость во мнѣ страдала при мысли, что кто-нибудь другой могъ дать ей счастье, котораго не видала она отъ меня.

— Да простить васъ Богъ! сказалъ Арсенъ:—но продолжайте. За-
чѣмъ вы дѣлали ее такъ несчастною? Не-уже-ли изъ-за меня? Вѣдь
вы знали, что она не любила меня!

— Да, я зналъ это! произнесъ Орасъ съ гордостью и эгоистиче-
скимъ торжествомъ; но глаза его тотчасъ же стали влажны и голосъ
задрожалъ. — Я зналъ это, продолжалъ онъ:—но мнѣ не хотѣлось,
чтобъ она и уважала тебя, благородный Арсенъ. Сравненіе, какое
могла она дѣлать въ глубинѣ души своей между мной и тобою, было
для меня смертельною обидою... Видите, друзья: въ моемъ тщесла-
віи были упреки совѣсти и стыдъ.

— Но вѣдь, возразилъ Арсенъ: — она не столько жалѣла меня, не
столько думала обо мнѣ, чтобъ ей стѣдяло труда забыть меня совер-
шенно.

— Она долго васъ защищала, отвѣчалъ Орасъ:—съ жаромъ, при-
водившимъ меня въ бѣшенство. Потомъ вдругъ перестала говорить
о васъ, и рѣшилась на это съ такимъ спокойствіемъ, что казалось,
будто она внутренно презираетъ меня. Въ это-то время бѣдность
принудила меня позволить ей взяться опять за работу, и хоть по на-
ружности я преодолевалъ свою ревность, однакожь безъ мучительнаго
подозрѣнія не могъ видѣть ее выходящею одну изъ дома. Но я бо-
ролся съ этимъ подозрѣніемъ, Арсенъ, боролся, и клянусь, мнѣ
очень-рѣдко случалось его выказывать. Иногда только, въ сер-
дцахъ, вырывалось у меня слово, одно слово, даже иногда непрямое
слово, которое, казалось, оскорбляло и уязвляло ее смертельно. Она
немогла выносить подозрѣнія во-лжи, въ притворствѣ, какъ ни мгно-
венно бывало во мнѣ такое подозрѣніе. Гордость ея возмущалась
противъ меня ежедневно въ такой прогрессіи, что я началъ бояться
перемѣны съ ея стороны, или бѣгства. Нѣсколько недѣль я больше
владѣлъ собою, и, какъ была она несправедлива! она сочла мою до-
брѣтель за равнодушіе. Вдругъ несчастное обстоятельство разбу-
дило бурю. Я узналъ, что Марта беременна; Теофиль подалъ мнѣ
эту мысль, которая жестоко поразила меня... Избавьте меня отъ
униженія сказывать вамъ до какой степени было не развито во мнѣ
чувство отца. Да и въ такихъ ли я лѣтахъ, когда этотъ инстинктъ
пробуждается въ душѣ человѣка? Притомъ, страшная бѣдность не
обращаетъ ли въ мученіе того, что въ другихъ обстоятельствахъ мо-
гло бы быть счастьемъ? Словомъ, назадъ тому двѣ недѣли, я опро-
метью кинулся домой, оставивъ Теофиля, и допрашивалъ Марту, при-
знаюсь, больше съ ужасомъ, чѣмъ съ надеждою. Она не отвѣчала
ничего рѣшительнаго; а потомъ, раздраженная моими опасеніями,
сказала, что еслибъ и имѣла счастье сдѣлаться матерью, то не
стала бы вымаливать для своего дитяти помощи отца, такъ мало по-

нимающаго родительскую обязанность, какъ то водится у людей моего сословія. Я чувствовалъ намекъ на васъ, разгорячился; она обошлась со мною невыносимо-презрительно. Съ-тъхъ-поръ, жизнь наша была непрерывною бурей, и я не могъ прояснить мучительнаго сомнѣнія, послужившаго къ тому поводомъ. То говорила она, что беременна уже шесть мѣсяцевъ, то, что не беременна, и сказала наконецъ, что еслибъ это и точно была правда, то скрыла бъ отъ меня это и ушла бы воспитывать свое дитя далеко отъ меня. Я былъ жестокъ въ этихъ ссорахъ, — признаюсь въ томъ, проливая кровавыя слезы. Когда она отрицала свою беременность, я выманывалъ признаніе притворною нѣжностью, а когда она признавалась, я сокрушалъ ея сердце своимъ уныніемъ, проклятіями, и, — почему не сказать всего?—обидными сомнѣніями въ вѣрности, горькими насмѣшками надъ ожидаемымъ ею счастіемъ дать наследника моимъ долгамъ, моей лѣности и моему отчаянію. Бывали однакожь минуты энтузіазма и раскаянія, когда я смотрѣлъ на эту будущность съ твердостью и съ какою-то лихорадочною отвагою; но скоро опять впадалъ въ противоположную крайность, и тогда Марта, съ ледянымъ презрѣніемъ, говорила мнѣ: «Успокойтесь; я васъ обманула, чтобъ посмотреть каковы вы. Теперь, когда я знаю степень вашей любви и твердости, могу сказать вамъ, что я не беременна, и повторить, что еслибъ точно была беременна, не захотѣла бы сдѣлать васъ участникомъ того, что почитала бы единственнымъ для себя счастіемъ жизни»... Что вамъ сказать еще? Каждый день рана растревлялась болѣе и болѣе. Третьяго-дня, неудовольствіе между нами было сильнѣе, чѣмъ наканунѣ, и наконецъ вчера достигло такой степени, что, казалось, привело бы насъ къ отчаянной катастрофѣ, еслибъ мы оба не были такъ изнурены горемъ. Въ полночь, послѣ ссоры, длившейся два смертельные часа, меня такъ испугала ея блѣдность и страдальческій видъ, что я залился слезами. Я бросился къ ногамъ ея, обнималъ колѣни. Она отвѣчала только горькою улыбкой, подняла глаза къ небу, и нѣсколько минутъ сидѣла въ какомъ-то восторженномъ состояніи; потомъ обняла меня и долго прижимала къ моему лбу свои губы, засохшія отъ изнурительной лихорадки. «Перестанемъ говорить объ этомъ, сказала она наконецъ, вставая:—чего ты столько боишься, того не случится. Вѣрно ты очень усталъ, ложись; мнѣ еще нужно кое-что поработать. Спи съ Богомъ; ты видишь, я покойна»... Въ-самомъ-дѣлѣ, она была очень-покойна! А я, безтолковый, грубый въ своей довѣренности, не понялъ, что это было спокойствіе смерти, распростиравшееся на мою жизнь. Я заснулъ утомленный, и проснулся поздно утромъ. Первымъ движеніемъ моимъ было пойти къ Мартѣ, и на колѣняхъ благодарить ее за милосердіе; но вмѣсто ея, вдругъ нахожу эту роковую записку. Въ комнатѣ ничто не

показывало поспѣшнаго ухода. Все было въ обыкновенномъ порядкѣ; только коммодъ, гдѣ лежало ея бѣдное платье, былъ пустъ. Постель непомята: она не ложилась спать! Въ три часа поутру дворника разбудилъ звонокъ. Онъ машинально дернулъ шнурокъ, какъ дѣлаетъ въ теперешнее холерное время, когда ежечасно люди выходятъ со двора или просить себѣ помощи, или подавать ее другимъ. Никого выходящаго онъ не видалъ, но слышалъ, какъ опять заперлась дверь. А я ничего не слыхалъ! Я лежалъ, растянувшись какъ мертвый, между-тѣмъ, какъ она совершала свое бѣгство, вырывала у меня сердце изъ груди, оставляя ее навсегда порожнею отъ любви и счастья.

Послѣ горестнаго молчанія, въ какое погрузилъ насъ этотъ рассказъ, мы пустились въ различныя догадки. Орасъ былъ убѣжденъ, что Марта не могла пережить ихъ разлуки, и что если она унесла съ собою платье, то для того только, чтобъ придать своему уходу видъ отъѣзда и лучше скрыть намѣреніе умертвить себя. Я не разделялъ его страха. Во всѣхъ поступкахъ Марты видѣлъ я чувство долга и истиннѣе материнской любви, который долженъ былъ успокоить насъ на ея счетъ. Что касается до Арсена, то, проведши день въ побѣгахъ и поискахъ столь же мелочныхъ, сколько и бесполезныхъ, онъ простился съ Орасомъ, пожавъ ему руку съ видомъ принужденнымъ, но торжественнымъ. Орасъ былъ въ отчаяніи. — Надобно, сказалъ ему Арсенъ:—имѣть больше надежды на Бога. Въ глубинѣ души что-то говоритъ мнѣ, что Господь не покинулъ свое созданіе, что Онъ печется о немъ.

Орасъ умолялъ меня не оставлять его одного. Будучи обязанъ навѣщать жертвы эпидеміи, я могъ провести съ нимъ только часть ночи. Ларавиньеръ съ своей стороны также бѣгалъ цѣлый день, ища какихъ-нибудь слѣдовъ Марты. Мы нетерпѣливо ждали его возвращенія. Онъ пришелъ домой въ часъ поутру, не бывъ счастливей насъ; но онъ нашелъ у себя нѣсколько строкъ отъ Марты, доставленныхъ вечернею почтою.

«Вы столько показали мнѣ участія и дружбы, писала она:— что я не хочу разстаться съ вами, не простившись. Прошу у васъ послѣдней услуги: разувѣрьте Ораса на счетъ меня; поклонитесь ему, что мое положеніе ни съ физической, ни съ нравственной стороны не должно причинять ему безпокойства. Я вѣрую въ Бога, этого довольно. Скажите то же и *брату моему* Полю. Онъ пойметъ это.»

Эта записка, возвративъ Орасу нѣкоторое спокойствіе, встревожила его снова въ другомъ отношеніи. Ревность опять овладѣла имъ. Въ послѣднихъ словахъ Марты онъ нашелъ увѣдомленіе, какъ-бы косвенное обѣщаніе Полю-Арсену. — Сходясь со мною, говорилъ

онъ: — она имѣла про себя еще мысль, которую всегда таила и которая всякій разъ приходила ей въ голову при нашихъ неудовольствіяхъ. Эта-то мысль дала ей силу покинуть меня. Повѣрьте, она надѣется на Поля! Еще она сохраняетъ къ нашей связи нѣкоторое уваженіе, которое не позволитъ ей тотчасъ предаться другому. Однакожь надѣюсь, что Поль не игралъ нынче со мною комедіи, и помогая мнѣ искать Марту даже въ la Morgue, не имѣлъ въ глубинѣ сердца своего эгоистической радости знать, что она жива и предана ему.

— Можешь ли ты въ этомъ сомнѣваться? отвѣчалъ я съ живостью: — Арсенъ страдалъ ужасно, и я сейчасъ же мимоходомъ покажу ему эту записку, чтобъ онъ уснулъ хоть часъ или два покойно.

— Я самъ пойду къ нему, сказалъ Ларавиньеръ: — потому-что его печаль занимаетъ меня больше всего прочаго. И не обращая вниманія на гнѣвные взгляды Ораса, онъ взялъ у него изъ рукъ записку и вышелъ.

— Теперь видишь ты, что всѣ они согласились играть мною! вскричалъ Орасъ въ бѣшенствѣ. — Жанъ задушевный пріятель Поля и сентиментальный посредникъ этой целомудренной связи. Поль отправится куда-нибудь въ назначенное напередъ мѣсто, гдѣ найдетъ ее, либо станетъ препокійно спать, зная, что черезъ два-три дня слезъ, которыми она считаетъ себя мнѣ обязанною, гордая измѣнница пріиметъ его утѣшенія. Все это очень ясно для меня, хоть и довольно искусно придумано. Давно ужъ искали случая отъ меня отдѣлаться; надо было сдѣлать меня виноватымъ. Нужно было имѣть возможность обвинить меня передъ друзьями и обезопасить себя отъ упрековъ совѣсти. Наконецъ этого добились, раскинули мнѣ сѣти притворствомъ, то-есть притворясь, будто притворяются въ беременности. Ты былъ безвинно участникомъ этой прекрасной хитрости; они знали мою слабость; знали, что сбыточность этого случая всегда приводила меня въ трепетъ. Мнѣ дали поводъ быть подлымъ, неблагодарнымъ, преступнымъ... И успѣвъ сдѣлать меня ненавистнымъ самому себѣ и другимъ, меня покидаютъ съ видомъ прощающей жертвы! Право, замысловато! Только меня-то именно и не проведутъ; вѣдь я помню, какъ оставили *минотавра*, и какъ прятались, чтобъ дать пройти первому взрыву гнѣва и огорченія. Онъ также, бѣдный глупецъ, бѣгалъ въ полицію и въ la Morgue! Онъ также, разумѣется, нашелъ у себя прощальное письмо и прекрасныя фразы прощенья послѣ измѣны, условленной съ Полемъ-Арсеномъ! Полагаю, что письмо было такое жъ, какъ и мое; его вѣрно всегда употребляютъ въ подобныхъ обстоятельствахъ!...

Орасъ долго говорилъ этимъ тономъ съ неслыханною язвительностью. Онъ показался мнѣ въ эту минуту такъ безразсуденъ и

несправедливъ, что, не имѣя духа открыто осуждать его, но отнюдь не раздѣляя его подозрѣній, я молчалъ. Сверхъ того, какъ я принужденъ былъ до слѣдующаго дня предоставить его самому-себѣ, то охотнѣе видѣлъ его оживленнымъ этою язвительною настроенностью духа, нежели убитымъ невыносимыми безпокойствами дня. Я разстался съ нимъ, не сказавъ ничего, что могло бы перемѣнить его мнѣніе.

VI.

На другой день, пришедъ повидаться съ нимъ послѣ-обѣда, я нашелъ его въ постели съ легкою лихорадкою и сильнымъ нервическимъ волненіемъ. Я старался успокоить его довольно-строгими увѣщаніями; но скоро пересталъ, замѣтивъ, что ему только и нужно слышать отъ кого-нибудь противорѣчіе, чтобъ излить всю свою досаду. Я упрекнулъ его, что въ немъ больше досады, нежели горести; онъ началъ увѣрять, что онъ въ отчаяніи, и говоря о своей печали, вдругъ почувствовалъ жестокіе припадки ея; гнѣвъ уступилъ мѣсто вздохамъ. Въ эту минуту вошелъ Арсенъ. Благородный юноша, забывая обидныя подозрѣнія Ораса, которыхъ Ларавиньеръ не скрылъ отъ него, пришелъ сколько-нибудь помочь ему, разсѣять эти подозрѣнія. Онъ сдѣлалъ это съ такимъ великодушіемъ и достоинствомъ, что Орасъ кинулся ему на шею, благодарилъ его съ жаромъ, и, переходя отъ самой ребяческой ненависти къ самой напыщенной нѣжвости, просилъ быть *его братомъ, утѣшителемъ, лучшимъ другомъ, врачомъ его больной души и разстроенной головы.*

Очень чувствуя, что во всемъ этомъ было много преувеличенія, мы съ Арсеномъ были растроганы краснорѣчивыми словами, которыми Орасъ старался возбудить въ насъ состраданіе къ своему несчастію, и рѣшились провести съ нимъ остатокъ дня. Какъ лихорадка уже миновалась, а наканунѣ онъ ничего не ѣлъ, то я пригласилъ его встать съ постели и повелъ съ Арсеномъ обѣдать къ доброму Пенсону. Дорогою попался намъ Ларавиньеръ; я пригласилъ и его. Сначала, нашъ обѣдъ былъ молчаливъ и грустенъ, какъ прилично обстоятельствомъ; но мало-по-малу Орасъ одушевился. Я принудилъ его выпить немного вина, чтобъ освѣжить силы и возстановить равновѣсіе между сангвиническимъ и нервическимъ началами. Будучи обыкновенно умѣренъ въ питъѣ, онъ скорѣе, чѣмъ я думалъ, испыталъ слѣдствіе двухъ или трехъ рюмокъ бордо, и сталъ откровененъ и полонъ энергій. Дружба его ко всемъ намъ удвоилась; сначала принимали мы ея изъявленія съ симпатіею, но скорѣе они стали нѣсколько не нравиться Арсену, и очень не понравились Ларавиньеру. Орасъ этого не замѣчалъ, и продолжалъ энтузіастичать, превозносить ихъ

одного передъ другимъ, самъ хорошенько не зная за что. Воспоминаніе о Мартѣ нечувствительно вмѣшалось въ его сердечныя изліянія; онъ изъявилъ надежду отыскать ее, хвалился, что успокоитъ ее, сдѣлаетъ счастливою, и, чтобъ заставить насъ раздѣлять его увѣренность, началъ намъ рассказывать о страсти, какую умѣлъ внушить ей, описывалъ пламенность и силу этой страсти, съ гордостью несомнѣнно приличною. Арсенъ нѣсколько разъ блѣднѣлъ, слыша, какъ онъ говорилъ о красотѣ и прелестяхъ Марты слогомъ романа, съ жаромъ, исполненнымъ тщеславія. Дѣло въ томъ, что Орасъ, не выдавъ дотолѣ отъ насъ одобренія своей связи съ Мартою, принужденъ былъ наслаждаться ею въ молчаніи; теперь, когда общій интересъ случайно навелъ насъ на открытый съ нимъ разговоръ, когда мы стали его спрашивать, выслушивать и рассуждать съ нимъ объ этомъ щекотливомъ предметѣ, когда онъ увидѣлъ все уваженіе и любовь, какія питали мы къ той, которую онъ столь худо оцѣнилъ, онъ нашелъ пріятное удовлетвореніе своему самолюбію говорить о ней, и припоминать себѣ цѣну сокровища, которое потерялъ. Это было для него предлогомъ хвалить ее передъ нами безъ предосудительнаго хвастовства; онъ замѣтно на-половину утѣшался въ своей не-згодѣ правомъ напоминать о своемъ счастіи. Какую пытку ни терпѣлъ Арсенъ, но слушалъ его, даже помогалъ ему въ этомъ безразсудномъ хвастовствѣ съ странною твердостью; хотя кровь ежеминутно бросалась ему въ лицо, онъ по-видимому рѣшился изучить Марту въ орасовомъ воображеніи, какъ въ зеркаль, показывавшемъ ее съ новой стороны. Ему хотѣлось постигнуть тайну этой любви, которую имѣлъ счастье вдохнуть его соперникъ. Онъ зналъ, какъ тотъ потерялъ ее, ибо зналъ серьезную сторону характера Марты; но онъ анализировалъ эту романтическую сторону, подавленную страсти безумца, и объяснялъ ее себѣ, слушая, какъ описывалъ ее этотъ самый безумецъ. Нѣсколько разъ жалъ онъ Ларавиньеру руку, чтобъ тотъ не прерывалъ Ораса, и узнавъ все, что хотѣлъ узнать, простился съ нимъ безъ горечи, безъ презрѣнія, хотя вѣрно такое легкомысліе и неумѣстное хвастовство внушало ему тайную жалость.

Едва оставилъ онъ насъ, какъ Ларавиньеръ, уступивъ долго-подавляемому негодованію, сдѣлалъ Орасу кое-какія замѣчанія съ нѣсколько-жосткою прямою. Орасъ, какъ говорится, плотно усялся на своего конька. Онъ пилъ кофе съ ромомъ, какъ я ни жаловался на это усердіе переступать мои предписанія. Съ удивленіемъ поднималъ онъ голову, когда нѣмое вниманіе Ларавиньера перемѣнилось на довольно-сухія замѣчанія. Но онъ не могъ уже смиренно выносить упрека; припадокъ раскаянія и скромности миновался; суетности взяла верхъ. На холодное презрѣніе Ларавиньера отвѣчалъ онъ горь-

кни сарказмами надъ смѣшною и безразсудною любовью, какую предполагалъ въ немъ къ Мартѣ; остроуміемъ онъ не былъ обдѣленъ, и покончилъ тѣмъ, что совершенно увлекся жаромъ своихъ отвѣтовъ и нападеній. Онъ сталъ язвительнѣе, сердился, усиливаясь смѣяться и унижать. Обѣдъ нашъ кончился бы очень-плохо, еслибъ я не пресѣкъ разомъ одной изъ самыхъ раздраженныхъ схватокъ. — Ты правъ, сказалъ мнѣ Ларавиньеръ, вставая съ мѣста: — я забылъ, что говорю съ сумасшедшимъ, и пожавъ мнѣ руку, вышелъ вонъ. Я проводилъ Ораса домой: онъ былъ совершенно-разстроены: раздраженіе нервовъ было сильнѣе прежняго. Лихорадка возобновилась, и какъ я принужденъ былъ еще идти къ своимъ больнымъ, то побоялся оставить его одного. Я сошелъ къ Ларавиньеру, который также воротился домой, и попросилъ его войти посидѣть съ Орасомъ. — Хорошо, сказалъ онъ: — дѣлаю это для тебя, да еще для Марты, которая просила бы меня объ этомъ же, если бъ узнала, что онъ сколько-нибудь болѣнъ. А что до него лично, признаюсь, онъ не внушаетъ мнѣ ни малѣйшаго участія. Это хвостунъ, который драпируется своимъ горемъ, горюетъ безконечно меньше, нежели мы съ тобою.

Какъ-скоро я вышелъ, Жанъ помѣстился у постели своего больного, и минутъ съ десять внимательно смотрѣлъ на него. Орасъ плакалъ, кричалъ, вздыхалъ, приподнимался, декламировалъ, звалъ Марту то съ вѣжностью, то съ бѣшенствомъ. Онъ ломалъ себѣ руки, раздиравъ одѣяла, почти рвалъ волосы. Жанъ все глядѣлъ на него, не говоря ни слова и не шевелясь, готовый остановить дѣйствія настоящаго помѣшательства, но рѣшившись не даваться въ обманъ одной изъ этихъ драматическихъ сценъ, которыя тотъ, по его мнѣнію, имѣлъ способность хладнокровно играть среди самыхъ существенныхъ своихъ несчастій. Въ моихъ глазахъ (а кажется, я зналъ его какъ только можно знать лучше), Орасъ не былъ холоднымъ эгоистомъ, какимъ считалъ его Жанъ. Правда, онъ былъ холоденъ; но былъ также и страстенъ. Правда, не былъ онъ чуждымъ эгоизма; но въ то же время имѣлъ потребность въ дружбѣ, въ участіи и симпатіи, обличавшихъ любовь къ подобнымъ себѣ. Потребность эта была въ немъ такъ сильна, что онъ доходилъ до дѣтской безпомощности, до болѣзненной воспримчивости, до ревниваго господства. Эгоистъ живетъ одинъ; Орасъ не могъ четверти часа прожить безъ общества. Онъ былъ самолюбивъ, что очень-отлично отъ эгоизма. Онъ любилъ другихъ по отношенію къ себѣ, но любилъ, — это не подлежитъ сомнѣнію, и безъ всякаго софизма можно сказать, что, не могши привыкнуть къ уединенію, онъ предпочелъ бы бесѣду перваго встрѣчнаго своимъ собственнымъ мыслямъ, и что, слѣдо-

вательно, въ нѣкоторомъ смыслѣ предпочиталъ другихъ самому-себѣ.

Когда Орасъ бывалъ огорченъ, у него было одно только средство выхода, средство равно-хорошее и для примиренія съ тѣмъ, кого онъ уязвилъ, и для разогнанія собственнаго страданія: онъ истощался. Это странное истощеніе, одинаково-дѣйствовавшее и на нравственную и на физическую сторону, состояло въ томъ, чтобъ давать своей печали насильственный внѣшній выходъ словами, слезами, воплями, рыданьями, даже конвульсіями и сумасшествіемъ. То не была комедія, какъ полагалъ Ларавиньеръ; то былъ истинно-жестокій и болѣзненный припадокъ, которому онъ добровольно подвергался. Нельзя сказать, чтобъ также добровольно и освобождался онъ отъ него. Припадокъ длился иногда гораздо-долѣе той минуты, когда онъ чувствовалъ смѣшнымъ свое истощеніе; но какого-нибудь бездѣльнаго внѣшняго случая достаточно было, чтобъ его прекратить. Жестокій упрекъ, угроза отъ человека, котораго онъ принималъ за утѣшителя или за жертву, внезапное предложеніе разсѣянія, какая-нибудь нечаянность, легкій ушибъ или маленькая царапина, которые получалъ онъ ломаясь, или падая,—этого довольно было, чтобъ возвратить его изъ самаго жестокаго волненія къ самой покорной тишости, и все это для меня служило лучшимъ доказательствомъ, что волненія его были непритворны; ибо еслибъ и предположить, что онъ точно былъ такой актёръ, какъ думалъ Жанъ, то онъ искусно выполнялъ бы переходъ отъ притворства къ дѣйствительности. Ларавиньеръ былъ съ нимъ безжалостенъ, какъ бываютъ люди, владѣющіе собою, съ людьми легко-увлекающимися. Если бъ онъ отправлялъ должность медика или смотрителя за больными, онъ скоро узналъ бы, что между дѣтьми и помѣшанными стоитъ еще множество людей въ одно и то же время пылкихъ и слабыхъ, раздражительныхъ и покорныхъ, энергическихъ и бездѣйственныхъ, притворныхъ и простодушныхъ, словомъ, холодныхъ и страстныхъ вмѣстѣ, какъ я уже сказалъ и какъ повторяю еще, чтобы утвердить фактъ, котораго наблюденіе ни чуть не рѣдко, хотя вообще и считаютъ его невѣроятнымъ. Такіе люди часто бываютъ посредственными, а иногда обладаютъ умомъ высокимъ. Обыкновенно нервическая и нѣжная организація артистовъ представляетъ больше или меньше эти явленія. Изнемогая при этомъ частомъ злоупотребленіи своихъ счастливыхъ дарованій, они однакожь съ какою-то роковою жадностью ищутъ всевозможныхъ средствъ къ волненію, добровольно вызываютъ эти бури, въ которыхъ къ-несчастью слишкомъ много истинной жестокости. Орасъ прибѣгалъ къ помѣшательству и отчаянію точно такъ же, какъ другіе прибѣгаютъ къ опіуму и крепкимъ напиткамъ.—Ему стѣбитъ только встряхнуться, говорилъ Жанъ:

—бѣшенство тотчасъ является будто волшебствомъ, подумаете, что его мучать тысяча страстей и десять тысячъ чертей. Но погрозитесь оставить его, и увидите, что онъ вдругъ присмирѣетъ какъ ребенокъ, котораго нянька общала оставить въ потьмахъ. Жанъ не зналъ, что есть въ Бисетрѣ неистовые сумасшедшіе, которые умертвили бы себя, если бѣ дать имъ волю; погрозитесь поцѣлить на голову имъ немного холодной воды — они вдругъ сдѣлаются боязливыми и тихими. — Но, говорилъ онъ, Орасъ поднимаетъ весь этотъ шумъ за тѣмъ, чтобъ его слышали; а если этимъ никто не растревожится, онъ заснетъ; либо пойдетъ гулять.

Къ-несчастію, это было правда, и въ этомъ отношеніи бѣдный мальчикъ былъ неизвинимъ. Припадки дѣлали ему добро; они привлекали къ нему участіе, попеченія, преданность другихъ; люди, близкіе къ нему, дѣлали тысячи усилій, изобрѣтали тысячи средствъ развлечь его и утѣшить. Одинъ лѣстилъ ему, и черезъ то успокаивалъ его оскорбленную гордость; другой жалѣлъ о немъ и дѣлалъ его интереснымъ въ собственныхъ глазахъ; третій насильно велъ его въ театръ, и забавами, которыя доставлялъ ему, исцѣлялъ его скуку. Наконецъ, онъ любилъ быть болѣнъ, какъ дѣлають школьники, чтобъ уйти въ больницу отдохнуть и полакомиться, и подобно конскрипту, который увѣчитъ себя, чтобъ не йдти въ армію, готовъ былъ надѣлать себѣ болѣзни, чтобъ избавиться отъ непріятной обязанности.

По несчастію для него, эту ночь имѣлъ онъ дѣло съ самымъ строгимъ изъ своихъ сторожей. Онъ зналъ это, но надѣялся побѣдить его большимъ обнаруженіемъ страданія. Добровольно усилилъ онъ лихорадку и сдѣлаася сколько-можно-болѣнше. Ларавиньеръ былъ непреклоненъ.

— Послушайте, сказалъ онъ ему холоднымъ тономъ: — мнѣ васъ нисколько не жаль. Вы заслужили страданіе, и не страдаете столько, сколько стѣдите. Я осуждаю все ваше поведеніе, и презираю запоздалые упреки совѣсти. Знаю, у васъ есть льстецы, поклонники; но знаю также, что еслибъ они видѣли васъ столько жъ, какъ я взблизн, то, вмѣсто того, чтобъ, по-моѣму, сидѣть надъ вами цѣлую ночь, они ушли бы хохотать надъ вами. Я осуждаю васъ, а все-таки храню тайну вашихъ несчастій; я оказываю вамъ больше услуги, нежели всѣ эти глупцы, которые васъ губятъ своимъ удивленіемъ. Выслушайте же, чѣмъ это кончится. Эти люди, узнавъ васъ короче, станутъ васъ презирать, и вы будете предметомъ ихъ шутокъ, если не поспѣшите сдѣлаться мужчиною и вести себя прилично; потому-что мужчинъ не йдетъ плакать и надрывать о томъ, что его оставила женщина. У васъ есть другое дѣло, а вы о немъ и не думаете. Во Франціи готовятся преобразованія, и если точно вамъ наскучило

жить, то есть очень-простое средство умереть съ честью и съ пользою для другихъ. Спросите-ко себя, чего вы лучше хотите: задохнуться отъ слезъ, какъ какая-нибудь гризетка, или сражаться.

Это были единственныя утѣшенія, какія получалъ Орасъ отъ президента бузенготовъ; надо было принять ихъ. Слишкомъ-поздно было отвергать ихъ логику и выгодность; ибо еще до бѣгства Марты, до этого жестокаго отчаянія, онъ, по самолюбію ли, со скуки ли, или изъ честолюбія, обязался участвовать въ первомъ дѣлѣ. По словамъ Жана, этотъ случай не замедлил бы представиться. Орасъ припомнилъ свой обѣтъ, и Жанъ, имѣвшій слабость все прощать, если возьмутъ ружье за очистительное средство, тотчасъ возвратилъ ему свое уваженіе, довѣренность и преданность. Онъ согласился нѣсколько дней ухаживать за нимъ, развлекать его, ободрять приготовленіями къ дѣлу, которое каждый день обѣщалъ назавтра, и Орасъ, занявшись мыслью о своей смерти, пересталъ оплакивать Марту, и уже не поминалъ объ ней.

Прошелъ мѣсяцъ со времени пропажи этой женщины. Никто изъ насъ не узналъ ничего на ея счетъ, и такое глубокое молчаніе съ ея стороны, изъ котораго Эженъ и Арсенъ особливо надѣялись-было быть изъяты, повергло насъ въ мрачныя опасенія. Я началъ думать, что она вдали отъ Парижа скрыла тяжкую болѣзнь, горькую кончину, и не смѣлъ пускаться передъ друзьями въ объясненія, которыя внутренно дѣлалъ себѣ. Кажется, то же уныніе овладѣло и прочими. Арсена я почти не видалъ. Орасъ уже не поминалъ имени несчастной, и питалъ, казалось, пагубныя намѣренія, о которыхъ проговаривалъ мнѣ съ видомъ трагическимъ и мрачнымъ. Эженъ часто плакала украдкою. Ларавиньера всего поглотила политика.

Въ это время, графиня Шальи-мать написала ко мнѣ, что холера вторглась въ маленькій городокъ, съ которымъ граничили наши помѣстья. Она трепетала не за себя (о себѣ она и не думала), а за друзей, за семейство, за крестьянъ, и просила меня самымъ настоятельнымъ и убѣдительнымъ образомъ пріѣхать прожить съ ними это печальное время. Медика въ нашихъ деревняхъ не было; въ Парижѣ холера кончилась. Мнѣ предстояла возможность исполнить въ одно время долгъ челоуѣколюбія и дружбы, ибо опасность грозила всѣмъ стариннымъ друзьямъ моего отца. Я собрался ѣхать и взялъ съ собою Эженъ.

Орасъ нѣсколько разъ приходилъ со мною прощаться. Онъ поздравлялъ меня съ возможностью покинуть *страшный Вавилонъ*, завидовалъ моей участи во всѣхъ отношеніяхъ, сожалѣлъ, что не можетъ удалиться со мною.

На слѣдующее утро я собрался выѣхать. Безпокоясь, чтобъ Орасъ не рѣшился на что-нибудь опасное, я отправился къ нему вечеромъ,

но не нашелъ его, и мосѣ Шеньяръ сказалъ мнѣ съ самымъ въжливъ-нымъ видомъ: — Г. Дюмонтѣ уѣхалъ изъ города. Онъ получилъ письмо отъ родителей; матушка его при-смерти. Бѣдный молодой человекъ отправился ужасно-разстроенный. Половину вещей оставилъ онъ мнѣ въ залогъ. Вѣрно черезъ нѣсколько дней воротится.

Я зашелъ къ Ларавиньеру. — Видѣлъ ты Ораса? спросилъ я у него.

— Нѣтъ, сказалъ онъ: — а Лувѣ видѣлъ, какъ онъ садился въ дилижансъ съ такимъ веселымъ видомъ, какъ-будто вѣхалъ получать наследство послѣ дяди, а не хоронить мать.

— Право, ты его слишкомъ не любишь, воскликнулъ я: — ты къ нему жестокъ. Орасъ добрый сынъ; онъ безъ памяти любитъ мать.

— Мать! отвѣчалъ Жанъ, пожимая плечами: — да она столько же больна, какъ мы съ тобой.

Болѣе объясняться онъ не хотѣлъ.

VI.

Холера надѣлала много опустошенія въ сосѣднемъ съ нашими деревнями городкѣ; но за рѣку не перешла, и жители лѣваго берега, въ числѣ которыхъ были мы, сохранились отъ ея нашествія. Въ ожиданіи этого нашествія, все еще возможнаго, я оставался въ своемъ маленькомъ помѣстьѣ, ежедневно видясь съ семействомъ графа де-Шальи, котораго замокъ находился въ четверти лѣѣ отъ меня, и усердно заботясь объ моей старой пріятельницѣ графинѣ и ея внучкахъ, которыми она занималась гораздо-больше, нежели мать ихъ, ливная виконтесса Леонія. Виконтесса, хотя очень благосклонная въ обхожденіи со мною, все больше и больше мнѣ не нравилась. Не-то, чтобъ у ней не доставало ума или характера. Она имѣла нѣкоторыя блестящія по-наружности качества, равно привлекавшія къ ней людей очень-изъисканныхъ и людей очень-простыхъ: послѣдніе отъ-души принимали ее за женщину высшую, какою она и хотѣла казаться; первые, посредствомъ молчаливой сдѣлки съ нею, удовлетворяли собственнымъ претензіямъ казаться людьми высшими. Какъ и въ Парижѣ, въ Шальи былъ у нея свой дворикъ довольно-смѣшной, даже смѣшнѣе, чѣмъ въ Парижѣ, потому-что она набирала его обыкновенно изъ деревенскихъ дворянъ, приторныхъ любезниковъ, надъ которыми жестоко смѣялась съ любезниками лучшаго сорта, выписанными изъ Парижа. Бѣдные провинціальныя юноши топорщились стать въ уровень съ ея остроуміемъ, и дѣлались еще пошлѣе, но вѣсть съ ней катались верхомъ, провожали ее на окоть, жужжали по ея слѣду, или порхали около ея стремени, не замѣчая, что приня-

ты только для увеличенія свиты, да для того, чтобъ провинціальныя дамы говорили съ досадою, что виконтесса скупила всѣхъ мужчинъ въ департаментъ.

Графиня, привыкшая къ высокой терпимости хорошаго общества, вела въ замкѣ уединенную жизнь. Она завѣдывала дѣтьми, учителями и гувернантами, сельскими работами и порядкомъ въ домѣ. Бодрая и дѣятельная, не смотря на свои преклонныя лѣта, она была такъ необходима безпечной Леоніи, что пользовалась отъ нея уваженіемъ и ласками, въ которыхъ, впрочемъ, отнюдь не участвовала привязанность. Виконтъ, сынъ ея, былъ человекъ пустой, снисходительный по нерадивости и очень-расположенный позволять женѣ все, лишь бы она ему ни въ чемъ не мѣшала. Богатый и ограниченный, онъ занимался больше расточеніемъ своего имѣнія съ оперными красавицами, нежели его устройствомъ съ матерью. Онъ почти всегда былъ въ Парижѣ, и чтобъ сдѣлать извинительными свои нѣсколько-двусмысленныя отлучки, очень-исправно выполнялъ многочисленныя порученія виконтессы на-счетъ покупокъ для ея туалета. Въ этомъ заключалась ихъ истинная супружеская связь и тайна ихъ добраго согласія. Бѣднякъ любилъ инстинктивно дѣтей, любилъ мать въ-жизнѣ, чѣмъ кого-либо; но не понималъ ея, и былъ неспособенъ дать дѣтямъ должное направленіе. По наружности, все въ этомъ семействѣ дышало союзомъ и гармоніей, хотя на дѣлѣ это было не семейство и хотя безъ неограниченнаго и неутомимаго самоотверженія старухи, всѣ прочіе не прожили бы и сутокъ подъ одною кровлею.

Я почти только-что пріѣхалъ въ деревню, какъ получилъ отъ Ораса письмо изъ его городка. «Матушка выздоровѣла» писалъ онъ ко мнѣ. «На будущей недѣлѣ я возвращаюсь въ Парижъ; буду прозѣжать въ двадцати лѣтъ отъ твоего помѣстья. Если ты еще тамъ, я смогу захватить и побесѣдовать съ тобою подъ липами, которыя видѣли твое рожденіе. Напиши слово, и я, согласно этому, расположусь «маршрутъ свой.»

Эженіи немножко поморщилась, когда я сказалъ ей, что отвѣчалъ на это письмо убѣдительнымъ приглашеніемъ; но когда Орасъ пріѣхалъ, она все-таки приняла его въ нашемъ скромномъ жилищѣ съ простымъ и милымъ радушіемъ, отъ котораго не въ силахъ была отрѣшиться.

Г-жа Дюмонтѣ не была такъ отчаянно больна, какъ мужъ ея писалъ къ Орасу подъ вліяніемъ перваго безпокойства. Холера туда не доходила, и Орасъ нашелъ мать почти-совсѣмъ здоровою, но не могъ вырваться изъ объятій родительскихъ, и еслибъ согласился на ихъ убѣжденія, провелъ бы съ ними остатокъ лѣта.

— Но жизнь въ городишкѣ стала мнѣ невыносима, говорили онъ: —и во сто кратъ живѣе почувствовалъ я, что покончилъ на-чисто съ

бѣдной моею родиной. Что за бытъ, другъ мой, что за грязное хозяйство, подъ сънію котораго тамъ прозябаютъ люди, безъ чести, безъ наслажденія и безъ пользы! Что за люди эти провинціалы, завистливые, невѣжественные, закоснѣлые, тщеславные! Будь я принужденъ прожить между ними цѣлые три мѣсяца, право, я размножилъ бы себѣ голову!

Дѣло въ томъ, что скромныя привычки, нѣсколько-грязноватый духъ расчетливости и принужденная безвѣстность маленькихъ городковъ были непримиримы съ наклонностями и потребностями, порожденными въ Орась воспитаніемъ. Его добрые родители употребили все средства, чтобъ сдѣлать его такимъ, и сами простодушно изумились результату своего тщеславія. Они не могли никакъ понять огромныхъ издержекъ молодаго человека, въ которомъ видѣли столько мудрости и даже столько пренебреженія къ забавамъ ихъ городка, публичному балу, кафѣ, странствующимъ актриссамъ, охотѣ, и проч. Ихъ огорчала смертельная скука, которая одолевала его съ ними, и которой онъ не въ силахъ былъ скрыть отъ нихъ. Нетерпимость его къ благоразумію въ политическихъ дѣлахъ, его горькое презрѣніе къ ихъ старымъ друзьямъ, отвращеніе отъ ласкъ и угожденій деревенской родни, задумчивость безъ видимой причины, его выходки противъ денежнаго вѣка (при такой надобности въ деньгахъ), иррациональное и неровное расположеніе духа, таинственное умалчиваніе, когда рѣчь заходила о женщинахъ, любви и бракѣ, — все это было для нихъ предметомъ глубокихъ огорченій и мучительнаго безпокойства, особливо для бѣдной матери, которая предполагала причиною тому какое-нибудь особенное, неслыханное съ нимъ несчастіе, и которая не слыхала, чтобъ другія дѣти въ ихъ провинціи, воспитанныя какъ онъ, проклинали, подобно ему, свою участь.

Нѣсколько часовъ бесѣды съ Орасомъ показали мнѣ все безпокойство его семьи, всю скуку, какую наводило на него это безпокойство, и все его ошибки, хоть онъ признавался мнѣ въ нихъ не иначе, какъ представляя ихъ неизбѣжными слѣдствіями своего положенія. Его мучили безотвязные вопросы отца объ ученъи и будущихъ видахъ. Его терзали совѣты и настоянія матери, касательно труда и бережливости. Наконецъ, пороптавши, подекламировавши, поплакавъ отъ бышенства и нѣжности, когда описывалъ мнѣ слѣпую и неразумную любовь дорогихъ и несносныхъ виновниковъ его дней, онъ заключилъ замѣчаніемъ, что чувствуетъ чрезвычайную потребность въ разсѣянїи, чтобъ отдохнуть отъ всѣхъ своихъ неудовольствій, и просидѣвъ сvezти его въ Шальи, гдѣ, слышалъ онъ, готовилась прекрасная поѣздка на охоту.

Черезъ часъ, его пригласила сама графиня, зашедшая ко мнѣ съ прогулки отдохнуть минуту, какъ часто дѣлывала. Она съ перваго

взгляда поняла Эжені, и почувствовала къ ней дружескую симпатію. Ораса поразила пріятельская короткость, съ какою знатная дама съла подлѣ простой лѣвшушки, любовницы фельдшера, разговаривая съ нею просто и нѣжно. Онъ замѣтилъ также умъ и достоинство, съ какими Эжені вела этотъ разговоръ съ графинею. Съ-тѣхъ-пооѣ, онъ имѣлъ къ ней уваженіе, и отрекся почти отъ всѣхъ своихъ прежнихъ предубѣжденій.

Появленіе Ораса въ замкъ было настоящимъ кладомъ для виконтессы, уже начинавшей скучать своимъ кружкомъ, и помнившей, что нашла умъ и оригинальность въ этомъ молодомъ человѣкѣ. Она наговорила ему множество пріятныхъ упрековъ за пренебреженіе ею въ Парижѣ. — Вамъ показался скученъ нашъ домъ, сказала она тономъ, гдѣ дествъ такъ тѣсно граничить съ насмѣшкою, что всегда трудно распознать, которая изъ нихъ перевѣшиваетъ:—можетъ-быть, здѣсь мы будемъ не такъ скучны, да притомъ въ деревнѣ бываютъ снисходительнѣе.

— Эта-то мысль и дала мнѣ смѣлость явиться къ вамъ, отвѣчалъ Орасъ съ незастигивымъ смиреніемъ, которое приняли не худо.

Истинный умъ виконтесса такъ же мало могла понимать, какъ и истинное достоинство. Ей нужна была въ мужчинѣ одна способность—умнѣе расточаться въ похвалахъ и лести передъ женщиною. Съ перваго взгляда она отгадывала, какое впечатлѣніе производила на умъ новичка, и если не видѣла побѣды надъ этимъ умомъ, то покидала бесплодный трудъ, и тотчасъ обходилась съ нимъ, какъ съ непріателемъ. Въ этомъ заключался весь тактъ ея. Она не ронила себя ни передъ кѣмъ и не отступала ни передъ какою враждою. Она умѣла набрать себѣ столько приверженцевъ, что могла не бояться противниковъ. Для сужденія о людяхъ былъ у нея одинъ вѣсъ и одна мѣра. Кто ея не оцѣнялъ, тотъ безвозвратно и неумолимо попадалъ въ невѣжды, педанты или дураки. Кто замѣчалъ ее и старался быть ею замѣченъ, тотъ заранѣе былъ вносимъ въ списокъ ея любимцевъ и кліентовъ. Робкія манеры, волненіе молодого обожателя ей нравились; но дерзость отважнаго безумца нравилась еще болѣе. Холодная и болѣзненная, она не могла блистать совершенною любезностью; но была кокетлива и вольна по-свѣдому, и подавала мнимыя права на свое сердце, всякаго рода надежды и мелкія благосклонности вдругъ нѣсколькимъ человѣкамъ, умѣя увѣрить каждаго, что онъ былъ первый и послѣдній, кого она любила и могла любить. Нѣтъ такого дурнаго характера, который не имѣлъ бы, какъ говорится, достоинствъ въ своихъ недостаткахъ, и въ похвалу ей можно сказать, что она не лицемерила со свѣтомъ, и не разыгрывала правилъ, которыхъ не имѣла. Она показывала большую независимость въ мысляхъ и большую вольность въ пове-

деніи. Она не върила ни въ одну добродѣтель; но, не оуждая ни одного порока, отзывалась о другихъ женщинахъ справедливѣе, нежели обыкновенно отзываюся свѣтскія женщины. Она дѣлала это безъ снисхожденія и безъ злости, не щеголяя ни стыдливостью на этотъ счетъ, ни страстью.

Орасъ и не подумалъ усомниться въ этомъ женскомъ превосходствѣ, требовавшемъ его поклоненія. Онъ тотчасъ принялъ подданство, не только потому—что виконтесса была богата, знатна, любезна и блестяща, и что все это было пово для него и увлекательно, но и потому еще, что самъ точно также судилъ о людяхъ и, подобно ей, начиналъ ихъ любить или ненавидѣть, смотря потому, встрѣчалъ ли къ себѣ отъ нихъ вниманіе, или пренебреженіе. Съ первой минуты, какъ взглядъ виконтессы обмѣнялся съ его взглядомъ, обнаружилась эта обоюдная потребность въ удивленіи, овладѣвшая ими. Ихъ взаимное тщеславіе сошлось рука съ рукою, не довѣряя другъ другу и привлекая другъ друга, какъ два бойца, жадные помѣряться силами и повеличаться одинъ на-счетъ другаго.

Виконтесса всю ночь продумала о трехъ завтрашнихъ туалетахъ. Сперва, утромъ, явилась она на крыльцо въ пеньюаръ столъ бѣлымъ, тонкомъ, волнистомъ, что напоминала собою Дездемону, поющую «Иву». Потомъ, пока сѣдлали лошадей, она одѣлась въ амазонку времени Лудовика XIII, приткнувъ къ шляпкѣ черное перо, которое нигде не годилось бы въ Булоньскомъ-Лѣсу, но было очень-поразительно и граціозно въ глубинѣ лѣсовъ Шальи. По возвращеніи съ охоты, она надѣла деревенское платье особаго вкуса, и до того напрыскалась духами, что у Ораса едва не заболѣла голова.

Что касается до него-самого, онъ всталъ до разсвѣта, чтобъ снарядиться, какъ прилично охотнику, и, благодаря моему гардеробу, прибралъ себѣ костюмъ, не слишкомъ-отзывавшійся парижскимъ приказнымъ. Я предупредилъ его, что моя лошадь нѣсколько горяча, и совѣтовалъ обходиться съ нею осторожнѣе. Они отправились въ довольно-добромъ согласіи; но когда всадникъ очутился подъ огнемъ взглядовъ владѣлицы замка, онъ забылъ мои предостереженія, и припомъ въ жестокой разладъ съ конемъ своимъ. Зрители замѣтили, что онъ не умѣетъ править лошадыю. — Вы ѣдите на-пропалую, мой милый, кричалъ ему за-просто графъ Мельерѣ, главный обожатель виконтессы:—она васъ размножитъ объ стѣну.

Орасъ нашелъ замѣчаніе невѣжливимъ, и чтобъ доказать, что презираетъ его, заставилъ лошадь бѣшено подыматься на-дыбы. Онъ былъ смѣлъ и крѣпокъ на сѣдлѣ, хоть и мало учился верховой ѣздѣ; хорошо зная, что не можетъ тягаться въ искусствѣ и знаніи съ опытными и педантичными ѣздоками, окружавшими виконтессу, онъ хотѣлъ по-крайней-мѣрѣ затмить ихъ отвагою. Онъ успѣлъ на-

пугать даму своихъ мыслей до того, что она, поблѣдивъ, умоляла его быть благоразумнѣе. Эффектъ произведенъ, и торжество Ораса надъ всеми соперниками было упрочено. Женщины цѣнятъ бодрость больше ловкости. Мужчины говорили, что это гадко, что ни одинъ изъ нихъ не далъ бы своей лошади такому полоумному; но виконтесса сказала имъ, что никто изъ нихъ не отважился бы дѣлать подобныя глупости и такъ беззаботно рисковать жизнію. Видя, что все это сумасбродство Орасъ дѣлалъ въ честь ея, она была ему безконечно-благодарна, и занималась имъ однимъ во все время охоты. Орасъ превосходно помогалъ ей въ томъ, почти не покидая ея, и выказывая все свое равнодушіе къ охотѣ. Охотиться умѣлъ онъ такъ же плохо, какъ ѣздить верхомъ, и, зная, что надѣлалъ бы однихъ промаховъ, притворился, будто пѣтаетъ глубокое презрѣніе къ этой грубой страсти. — Зачѣмъ же вы повхали? сказала ему виконтесса де-Шальи, желавшая льстиваго отвѣта. — Повхалъ, чтобъ быть подлѣ васъ, отвѣчалъ онъ непринужденно.

Такъ многого ужъ и не ожидала-было виконтесса. Но обстоятельства удачно служили Орасу; это рѣзкое признаніе, которое, при большей свѣтскости, онъ выразилъ бы въ жливіе, показалось той, которая его получила, слѣдствіемъ страсти сильной и готовой на все отважиться. Эта женщина спорной красоты и загадочнаго сердца никогда не бывала любима. За ней ухаживали и гонялись изъ любопытства или изъ самолюбія. Никогда не желали ея, и сама она ничего столько не желала, какъ внушить отчаянную любовь, хотя бы любовь эта стѣяла ей репутаціи деликатной, свѣтской и гордой женщины, какую старалась она себѣ составить. Можетъ-быть, находила она, что такая любовь пробудила бы въ ней ощущенія восторга, котораго она не знавала. Несомнѣнно, что ея воображеніе было удовлетворено во всѣхъ другихъ отношеніяхъ; ея тщеславіе было пресыщено триумфами ума и кокетства, и она никогда не испытала восторговъ, которые воспламеняются красотою, а поддерживаются страстью. Она устала отъ лести, отъ услугъ и безвкусныхъ похвалъ. Ей хотѣлось, чтобъ для нея дѣлали дурачества; хотѣлось уже не возбужденія, а упоенія, и Орасъ казался какъ-нельзя-больше склоненъ къ роли неистоваго и безразсуднаго любовника, котораго новость должна прекратить безцвѣтность и скуку любви обыкновенной.

Впрочемъ, у этой бѣдной женщины былъ въ жизни другъ, и она сохранила его. То былъ маркизь де-Вернъ, бывшій на пятидесятомъ году жизни первымъ ея любовникомъ. Прошло ужъ лѣтъ двадцать, и свѣтъ не зналъ о томъ, или не зналъ никогда навѣрное. Будучи другомъ дома, этотъ ловкій развратникъ воспользовался первыми неудовольствіями, къ какимъ невѣрность виконта Шальи подала поводъ женѣ. Онъ былъ повѣреннымъ горя Леоніа, и воспользовался

ить, чтобъ соблазнить неопытное дитя, которое смотрѣло на него какъ на отца и довѣрялось ему. До-тѣхъ—поръ несчастная виновна была въ одномъ тщеславіи; этотъ жестокой шагъ въ жизни съ старымъ распутникомъ развилъ пороки въ ея сердце и умъ. Она ужаснулась своего паденія, почувствовала себя униженною, почла себя пропавшею на-вѣкъ, если, помощью умѣнья и кокетства, не удасться ей возстать. Маркизь помогъ ей въ этомъ—не потому, чтобъ онъ былъ доступенъ упрекамъ совѣсти, но потому—что въ той морали, какую составилъ онъ себѣ изъ своихъ пороковъ, считалъ дѣломъ чести не пятнать женщины въ глазахъ свѣта и въ ея собственныхъ. Это былъ человекъ странный, таинственный, глубокой знатокъ въ коварствѣ, холодный лицемеръ, въ притворствѣ котораго господствовала какая-то законность. Рожденный для дипломатіи, но удалившись отъ этого поприща приключеніями своей жизни, онъ обратилъ свое тайное могущество на службу страстямъ, не безъ тщеславія, но по-крайней—мѣръ безъ спора. На-примѣръ, ему нравилось слыть тѣмъ, что свѣтскія женщины называютъ *сърнымъ человекомъ*; и хотя по приторно-циническому взгляду, по вѣжливо-безстыднымъ рѣчамъ, по хитро-догматическому тону въ дѣлѣ волокитства, видѣнь въ немъ былъ превосходный развратникъ, никогда однакожь имя какой-нибудь его любовницы, хотя бы она умерла сорокъ лѣтъ назадъ невинною, не вырывалось изъ устъ его; никогда ни одна женщина не была имъ ославлена. На отказы онъ никогда не жаловался; за измѣны никогда не мстилъ. Такимъ образомъ, число побѣдъ его было баснословно, хотя онъ всегда былъ очень-дурень собою. Не любя сердцемъ, и зная, что обязанъ успѣхами только хитрости, онъ никогда не былъ любимъ, но всюду сдѣлалъ себя необходимымъ и сохранялъ свои права далѣе. чѣмъ люди, которыхъ любятъ и которые вредятъ репутаціи и спокойствію. Пока искалъ, онъ былъ опаснѣйшимъ преслѣдователемъ, и ослѣплялъ настойчивою и ледяною дерзостью. Сдѣлавшись обладателемъ, онъ снова становился не только кротокъ, но еще полезенъ и незамѣнимъ. Онъ велъ себя великодушно, отличался дѣлами самой нѣжной преданности, заботился объ устройствѣ жизни женщины, которую опорочилъ, словомъ, поведеніемъ своимъ, рѣчами и поступками, возстановлялъ въ свѣтъ репутацію женщины, которую погубилъ втайнѣ. Все это дѣлалъ онъ хладнокровно, систематически, подводя всѣ свои интриги подъ три весьма-различныя дѣйствія: обмануть, покорить и сохранить. Въ первомъ дѣйствиіи, онъ внушалъ къ себѣ довѣренность и дружбу, во второмъ—стыдъ и опасеніе, въ третьемъ—признательность и даже родъ уваженія: странный результатъ любви въ одно и то же время самой беззаконной и самой рыцарской, какая только приходила на умъ человеку.

Виконтесса Леонія была одною изъ послѣднихъ жертвъ маркиза. Теперь она была женщина, которой онъ показывалъ себя наиболѣе преданнымъ. Нечистая драма обольщенія была также съ нею серьезнѣе для него, чѣмъ съ болышею частію другихъ женщинъ. Онъ не нашелъ въ ней ни малѣйшаго увлеченія, и принужденъ былъ напасть на тщеславіе, льстить ему, замысловатѣе и терпеливѣе, можетъ-быть, чѣмъ льстилъ когда-нибудь въ жизни. Его мрачная побѣда возбудила въ Леоніи глубокое отвращеніе, горькое сожалѣніе, близкое къ ненависти. Она грозила открыть его поведеніе семейству, требовать мщенія у мужа, мстить даже сама кинжаломъ. Это сильное сопротивленіе не было въ ней дѣйствіемъ оскорбленной добродѣтели, но плодомъ уязвленнаго и униженнаго тщеславія. Ей, столь надменной, столь занятой собою, принадлежать человѣку пожилому, дурному и холодному! Она готова была умереть, и это составляло величайшее горе ея жизни. Никогда — не пугавшійся маркизъ былъ напуганъ; онъ старался успокоить ее и возстановить ее въ собственныхъ ея глазахъ съ усердіемъ и ревностью, превосходившими все предъидущія его чудеса въ этомъ родѣ. Ни за что въ свѣтъ не согласился бы онъ оставить ненавистное воспоминаніе въ душѣ столь презрительной и столь мстительной. Онъ даже сталъ разыгрывать упреки совѣсти, отчаяніе, страсть, — и дѣлалъ это такъ искусно, что виконтесса подумала, будто она была первою любовью этого пресыщеннаго старика. Главной заботою его было найдти ей любовника, который утѣшалъ бы ея самолюбіе, и онъ достигъ этого, такъ что этотъ челоуѣкъ и не подозрѣвалъ его плана, не замѣчалъ соперничества. Леонія не знала, что маркизъ поступалъ такъ со всеми женщинами, которымъ хотѣлъ остаться другомъ; притомъ же, онъ сдѣлалъ для нея ту разницу, что съ прочими онъ говорилъ языкомъ философа восемнадцатаго вѣка, а съ нею языкомъ героя девятнадцатаго столѣтія. Онъ притворился, что жертвуетъ собою, терзаетъ сердце, давая себѣ соперника; и какъ она охотно почитала себя способною вдохнуть возвышенное чувство, то приняла новую роль, которую онъ ей создалъ. Съ своей стороны, онъ наслаждался удовольствіемъ внушить ей восторженную къ нему признательность; и они за одно играли эту комедію во всю остальную жизнь свою. Онъ былъ покорнымъ повѣреннымъ всѣхъ ея капризовъ, и сантиментальнымъ посредникомъ всѣхъ интригъ. Слишкомъ-устарѣлый для притязаній на раздѣлъ, онъ утѣшался, видя себя превосносимымъ и открыто-ласкаемымъ женщиною, которая постыдилась бы признаться въ происхожденіи ихъ дружбы, но которая объявляла его замѣчательнѣйшимъ челоуѣкомъ, величайшимъ умомъ и превосходнѣйшимъ характеромъ, какой только знавала въ жизни. Женщины второй и третьей молодости, которыя, ко вреду своему, знали маркиза, не обманывались этой дочерней пріязнью, но не тщеславились раз-

гладкою ея причины, и когда случалось которой-нибудь изъ нихъ выслушивать похвалы, расточаемыя Леонією маркизу, то довольно любопытно было видѣть цѣломудренную и спокойную наружность этихъ двухъ женщинъ, надѣявшихся взаимно обмануть другъ друга, и очень-хорошо знавшихъ горькую тайну одна другой.

Одного дня довольно было маркизу, чтобъ отгадать склонность виконтессы къ Орасу. Какъ, съ точки благоразумія, которое составляетъ всю свѣтскую нравственность, онъ всегда давалъ ей только добрые совѣты, то сначала непріязненно смотрѣлъ на эту склонность. Онъ не могъ ѣхать за ними на охоту; но на лицѣ молодаго *homme du bien*, когда онъ, воротившись, помогалъ виконтессѣ сойти съ лошади, маркизь прочелъ, что надежды его скакали во весь галопъ. Онъ отправился въ комнаты Леоніи, между-тѣмъ, какъ ей убирала голову одна изъ тѣхъ горничныхъ, какихъ ужъ нынче немного и при которыхъ не затрудняются разговоромъ. Присутствовать при дамскомъ туалетѣ была привилегія старинной жизни, на которую лѣта маркиза еще давали ему право.

— Да, дѣтя мое, сказалъ онъ Леоніи: — надѣюсь, что если вы убираете голову для этого красиваго брюнета, который упалъ къ намъ съ облаковъ, то по-крайней-мѣрѣ не допустите его вскружить вамъ голову. Мальчикъ онъ пригожій и говоритъ недурно, согласенъ; но для васъ не годится.

— Я привыкла къ вашимъ шуткамъ, и не защищаюсь, отвѣчала со смѣхомъ виконтесса: — но скажите, почему бѣ онъ для меня не годился?

— Вы сами это знаете, вы, догадливѣйшая и проницательнѣйшая изъ всѣхъ женщинъ.

— Моя проницательность ничего мнѣ не сказала, потому-что я не обратила на этого молодаго челоуѣка ни малѣйшаго вниманія.

— Въ такомъ случаѣ, я вамъ скажу, возразилъ маркизь, котораго ложь Леоніи отнюдь не обманула: — этотъ господинъ — челоуѣкъ ничтожный, такъ, дрянца.

— Я этого не понимаю, любезный другъ, сказала виконтесса: — вы все забываете, что моя мнѣнія и идеи ведутъ начало съ революціи.

— Мои постарѣе; однакожь предразсудковъ у меня не больше вашего, любезная виконтесса; есть факты, и я ихъ вижу. Люди извѣстнаго класса могутъ имѣть достоинства, которыхъ нѣтъ у насъ; но имѣютъ и недостатки, которыхъ тоже у насъ нѣтъ. Не отнимаю у нихъ ни таланта, ни образованности, ни энергіи; но положительно отнимаю умъ и жить.

— Развѣ этотъ мальчикъ ошибается въ умъ и жить? сказала виконтесса съ разсѣяннымъ видомъ: — я не замѣтила.

— Покамѣсть еще не ошибается, и не будет ошибаться, до-тѣхъ-порь, пока дѣло идетъ о пребываніи его въ числѣ вашихъ покорнѣйшихъ слугъ. Въ этомъ положеніи онъ можетъ иногда ошибаться противъ свѣтскихъ обычаевъ, а вы знаете, что я не придаю важности такимъ мелочамъ; но если вы взведете его на высоту, для которой онъ не созданъ, скоро увидите, что онъ, какъ и всѣ ему подобныя въ такихъ случаяхъ, не имѣетъ такта, скромности, вкуса, и вамъ скоро прійдется краснѣть за него.

— Полноте! вскричала виконтесса съ принужденнымъ смѣхомъ: — вы говорите объ этомъ какъ о дѣлѣ мною рѣшенномъ; а я ни разу и не подумала взглянуть каковъ у него носъ.

Орасъ имѣлъ въ маркизѣ опаснаго противника, и еслибъ подозрѣвалъ это, навѣрное еще больше вооружилъ бы его своей надменностію и выходками. Но бѣдный ребенокъ былъ такъ невиненъ, что не могъ подозрѣвать власть, какую старый развратникъ имѣлъ надъ умомъ его прекрасной виконтессы. Онъ такъ мало остерегался его, что поддался благосклонному удивленію, которое внушали ему знатные люди. Не смотря на весь свой республиканизмъ, Орасъ былъ аристократъ въ душѣ. Къ нему можно было примѣнить изреченіе Мизантропа: *«знатность сводитъ его съ ума»*. Онъ чувствовалъ къ этому міру живое и дѣтское любопытство, непобѣлимое влеченіе, безпредѣльную политическую терпимость, природную симпатію. Какъ было видѣть ему преступленіе въ обычаяхъ знатности и величія, ему, котораго пожирала потребность этихъ вещей, который чувствовалъ себя созданнымъ въ нихъ участвовать! Онъ удивлялся знатному кругу, не уважая его; желалъ сравняться съ нимъ манерами, и пускался на это въ полной увѣренности очень-скоро успѣть въ томъ. Его легкость преобразаться, отсутствіе упругости и боязни, въ-самомъ-дѣлѣ придавали ему большую прелесть. Онъ дѣлалъ дюжины неловкостей, и ни одна изъ нихъ не оскорбляла, потому-что онъ самъ первый замѣчалъ ее и смѣялся надъ нею отъ души, не извѣщая своего незнанія въ томъ, чему его не учили, объявляя всѣмъ кому угодно, что онъ не видывалъ свѣта, и не показывая ни ложнаго стыда, ни глупой гордости. Вольность деревенской жизни помогала ему. Виконтесса старалась вести эту развязность какъ-можно-дальше и поправлять неловкость его шутокъ. Она отъ всего сердца смѣялась надъ промахами новичка, которые сама вызывала; но смѣялась этому только съ нимъ и передъ нимъ, а онъ съ своей стороны держалъ себя съ такимъ простодушіемъ и откровенностью, что не-смотря на всѣ предубѣжденія кружка, въ одинъ день снискалъ себѣ расположеніе всѣхъ, даже графа Мельерѣ, который не подозрѣвалъ въ немъ соперника, увѣренный въ превосходствѣ своихъ изящныхъ манеръ. Къ-несчастію, графъ приписывалъ этимъ манерамъ важность,

которую виконтесса уже полусутки не ставила ни во что, Орасъ былъ во сто разъ любезнѣе, съ своей отчаянной и развязною осанкой, чѣмъ графъ съ своимъ дендизмомъ и разгильдяйствомъ. Это последнее слово употребила она, толкуя Орасу, наивно-спросившему, что буквально значить «дендизмъ».

Не смотря на дневную усталость, въ гостиной сидѣли долго; въ полночь пили чай, а въ два часа утра еще разговаривали одушевленно вокругъ стола, уставленнаго плодами и лакомствами, на которыя Орасъ нападалъ безъ церемоніи. Графъ Мельерѣ, знавшій до какой степени Леонія была предана романтизму (такъ что говорила, будто Байронъ, котораго она никогда не видывала, былъ единственный человѣкъ, котораго бѣ она полюбила), радовался, видя въ такомъ прозаическомъ положеніи того, кто беспокоилъ его утромъ. Онъ начинялъ его пирожными и конфетами, восхищаясь, какъ виконтесса хотѣла этой школьнической обжорливости, и исполненный дружеской признательности къ Орасу, который такъ охотно бралъ на себя роль человѣка ничтожнаго. Но виконтесса первый разъ въ жизни смѣялась безъ ироніи; она понимала, что Орасъ жертвовалъ собою для ея забавы, чтобъ добиться, во что бы ни стало, ея благосклонности. Она слышала его говорящимъ лучше всѣхъ тѣхъ, которымъ онъ позволялъ теперь шутить надъ собою; видѣла, какъ онъ на охотѣ перескакивалъ рвы и заборы, передъ которыми всѣ останавливались, потому-что дѣйствительно было десять вѣроятностей противъ одной сломить себѣ шею. И такъ она знала, что онъ выше ихъ умомъ и отвагою. Съ этими-то преимуществами принять на себя послѣднюю роль для того, чтобъ ей доставить удовольствіе, — было, по ея мнѣнію, дѣломъ удивительной преданности и доказательствомъ любви безграницной.

VII.

Послѣ нея, больше всѣхъ поддался наружному простодушію Ораса его отъявленный противникъ, старый маркизъ де-Веривъ. Съ нимъ Орасъ не притворялся; онъ тотчасъ обольстился этимъ характеромъ знатнаго господина, этимъ повелительнымъ невѣжествомъ, этой смѣлой и блестящей наглостью, которыя придавали старнику отгѣнокъ былыхъ нравовъ. Для того, кто видалъ старинныхъ маркизовъ только на сценѣ, увидѣть въ дѣйствительной жизни образчикъ этой погубшей породы — истинный кладъ. Не рассуждая, что придворные прежней монархіи столько же выродились, какъ и рыцари феодализма, Орасъ думалъ видѣть какого-нибудь Лозѣна или Креки въ маркизѣ де-Веривъ. Немногаго не доставало, чтобъ видѣть въ немъ и н)

гда герцога Сен-Симона. Несомненно, что онъ почувствовалъ къ нему уваженіе и удивленіе, выразившіяся въ желаніи уподобиться ему и подражать по-возможности. Орасъ былъ ума до такой степени подвижнаго, до того воспріимчивъ на впечатлѣнія, что не могъ отказать отъ подражанія. Не прошло трехъ дней, какъ онъ началъ посѣщать замокъ, и ужь старался при насъ сморщивать губы, подобно маркизу, и заклиналъ меня дать ему одну изъ батюшкныхъ табакерокъ, изъ которой пробовалъ изящно сорить табакъ себѣ на рубашку, копируя граціозную небрежность маркиза такъ вѣрно, какъ могъ это сдѣлать второгодичный студентъ, то-есть, уморительнѣйшимъ образомъ. Эженъ замѣтила это ему и жестоко его уязвила; онъ забылъ, что образецъ очень-близокъ къ намъ и можетъ отнять у копія всякій видъ оригинальности. Но тѣмъ не менѣе онъ рѣшился корчить маркиза передъ всѣми, кто не могъ, подобно намъ, дѣлать сравненія между учителемъ и ученикомъ.

Благодаря многочисленнымъ аномаліямъ своего характера, дѣлая насъ свидѣтелями попытокъ въ подражательномъ родѣ,—за четверть лѣтъ отъ насъ, передъ виконтессою, расточалъ онъ всѣ прелести простоты. Кому бы могло прійти въ голову, что и это было притворство, все то же стремленіе къ эффектамъ? Правда, Орасъ дѣйствительно владѣлъ простотою обращенія, но пользовался ею или удалялся отъ нея, смотря по обстоятельствамъ. Если она ему доставляла успѣхъ, онъ предавался ей, и былъ *самимъ-собою*, то-есть, очаровательнымъ. Если жь она вредила, онъ входилъ въ какую-попало роль съ непостижимою легкостью, и овладѣвалъ ею вполне, если только она была ему подъ-силу. Такая игра была бы очень-опасна съ старымъ маркизомъ, который зналъ ее больше, чѣмъ онъ; еще опаснѣе была бы она съ виконтессою, ученицею стараго развратника, способною бороться не безъ успѣха съ самимъ своимъ наставникомъ. Такимъ-образомъ, Орасъ, рѣшась быть естественнымъ, плѣнилъ ихъ обоихъ. Маркизъ не любилъ молодыхъ людей, хотя въ обществѣ женщинъ, которымъ посвятилъ себя, и былъ принужденъ жить безпрестанно между ними; но Орасъ показывалъ такъ много расположенія къ нему, слушалъ его такъ жадно, такъ отъ-души тѣшился его старыми анекдотами, дѣлалъ ему столько вопросовъ, просилъ столько совѣтовъ, словомъ, такъ сѣпно принялъ его себѣ за руководителя и судью, что старикъ, еще больше тщеславный, чѣмъ недовѣрчивый, обольстился имъ въ свою очередь, и даже объявилъ виконтессѣ, что онъ самый любезный, самый умный, самый лучший молодой человекъ изъ всего новаго поколѣнія.

Орасъ, видя такое одобреніе, предался маркизу совершенно. Онъ сдѣлалъ маркиза своимъ повѣреннымъ и заклиналъ научить его, какъ понравится виконтессѣ. Тогда въ умъ учителя произошло нѣчто до-

вольно странное: онъ сталъ задумчивъ, серьезенъ, чуть не грустенъ. Ударивъ ученика по плечу, онъ сказалъ: «Молодой человекъ, вы ставите меня въ довольно-щекотливое положеніе. Дайте мнѣ нѣсколько часовъ подумать, — вечеромъ я вамъ буду отвѣчать.» Торжественный тонъ маркиза поджегъ любопытство Ораса. Отъ-чего этотъ человекъ, который въ ихъ насмѣшливыхъ бесѣдахъ такъ мало цѣнилъ всякую нравственность, вдругъ принимаетъ важный видъ, когда дѣло идетъ о Леоніи? Стало-быть, она женщина особаго рода, даже въ глазахъ этого маркиза, презирающаго всякій стыдъ чelовѣческой? Дотола казалась она ему свободною отъ предразсудковъ (предразсудками она называла то, что другіе зовутъ правилами), и Орасу, у котораго также не было предразсудковъ въ дѣлѣ любви, очень нравился такой взглядъ на вещи. Но изъ того, что она не налагала никакой узды на свои склонности, слѣдовало ли заключить, что она имѣла склонности столько рѣшительныя, что могла отличить новичка среди фаланги искателей гораздо-знатнѣе его? Не сдѣлала ли она выбора между этими искателями? Не былъ ли графъ Мельерѣ ея любовникомъ? Можно ли его вытѣснить, и все эти ласки, которыя, по-видимому, ему оказывали, не были ль съѣями, которыя разставлялись ему, чтобъ принудить его какъ-можно-скорѣе записаться въ отставные любовники?

Между-тѣмъ, какъ Орасъ вопрошалъ такимъ образомъ судьбу свою, маркизъ также раздумывалъ о томъ, какой образъ поведенія онъ долженъ предписать молодому своему пріятелю. На эту минуту старшій дипломатъ былъ вполне проведенъ ученикомъ своимъ. Онъ воображалъ его такимъ невиннымъ, страстнымъ, великодушнымъ, что испугался послѣдствій его любви къ женщинѣ столь хитрой, столь холодной, столь себялюбивой, какъ виконтесса. Онъ боялся бурь, которыя уже не въ силахъ будетъ остановить; и какъ вся тактика, преподаваемая имъ Леоніи, состояла во всегдашнемъ предохраненіи себя отъ огласки, то онъ не зналъ, какъ примирить родъ привязанности, какую дѣйствительно имѣлъ къ ней, съ живою пріязнью, которую польщенное самолюбіе внушило ему къ Орасу.

Можетъ-быть, въ первый разъ въ жизни рѣшился онъ быть чистосердеченъ, какъ-будто откровенность Ораса оказывала на него такое же магнетическое вліяніе, какое безпутство его производило на этого юношу.—Послушайте, сказалъ онъ ему, идучи при лунномъ свѣтѣ по пустымъ аллеямъ англійскаго сада:—будемте говорить откровенно. Вѣрю отъ всей души, что вы любите виконтессу; не пахожу невозможнымъ, чтобъ она васъ выслушала. Но если, не смотря на ваши воленія и надежды, которыя очень угадываю, вы еще способны слушаться добраго совѣта, то вѣрно откажетесь пускать стрѣлу въ это сердце.

— Откажусь, если приведете на то основательныя причины, отвѣчайте Орасъ:—а вы вѣрно ихъ имѣете, господинъ-маркизь, потому что обдумывали цѣлый день.

— Такъ вы не хотите вѣрить мнѣ на слово, и воздержаться для того, чтобъ въ-послѣдствіи времени самому разгадать мои причины?

— Можете ли вы требовать отъ меня этого, вы, такъ хорошо знающій сердце человѣческое? Исполненный вѣры къ вамъ, я напрасно общалъ бы то, чего не могу выполнить.

— Хорошо, постараюсь убѣдить васъ. Любили ль вы когда-нибудь?

— Любилъ.

— Какого рода женщину?

— Женщину простую какъ и я, но прекрасную, умную, вполне-преданную.

— Вѣрна вамъ была она?

— Кажется.

— Ревновали вы?

— Какъ сумасшедшій, или, лучше, какъ дуракъ.

— Какъ вы съ нею разстались?

— Не спрашивайте объ этомъ; не знаю, смѣшонъ былъ я, или ненавистенъ.

— Но вы покончили съ нею?

— Вы принуждаете меня сказать то, воспоминаніе чего мучитъ меня, и чему вы вѣрно не посоветуете мнѣ смѣяться: она умертвила себя...

— А! вотъ это хорошо, очень-хорошо! сказалъ маркизь серьезнымъ тономъ:—поздравляю васъ. Со мной этого не случилось. Да это чудо, мой милый, для вашихъ лѣтъ. Пусть-ка объ этомъ узнаютъ, да тогда всѣ женщины—ваши. О! васъ ждетъ завидная карьера!.. Теперь совѣтую вамъ не торопиться и выбирать. Скажите: какъ вы приняли эту смерть? сильно оно васъ поразило?

— Маркизь, сказалъ Орасъ:—это уже переходитъ за предѣлы шутки. Не понимаю, какъ вы можете спрашивать меня о такомъ щекотливомъ предметѣ; но хотя бы вы презрѣли меня за слабость, я все-таки скажу, что готовъ былъ разможить себѣ голову отъ этого несчастія. Теперь смѣйтесь, если угодно.

— Однакожь вы этого не сдѣлали? продолжалъ маркизь, ведя свой допросъ съ величайшимъ хладнокровіемъ.—Вы не взяли въ руки пистолетовъ? не ранили себя? Ну, скажите же: вѣдь вы не сдѣлали подобнаго дурачества?

Орасъ остался смущенный, колеблясь между негодованіемъ, какое внушило ему циническое спокойствіе его наставника, и потребностью

видѣть извиненіе собственному малодушію. Маркизь по-прежнему хладнокровно продолжалъ: — Такъ вы были сильно влюблены?

— Напротивъ, отвѣчалъ Орасъ:—я былъ не довольно-влюбленъ. Она была женщина слишкомъ-совершенная; я умиралъ съ нею отъ скуки.

— И она уморила себя, для того, чтобъ привязать васъ къ жизни? Это прекрасно съ ея стороны. А что? потребуете ли вы впередъ, чтобъ изъ-за васъ женщины умирали?

Орасъ, сдѣлавшій это преувеличенное признаніе о самоубійствѣ Марты только изъ тщеславія, увидѣлъ, что сдѣлалъ глупость; маркизь давалъ ему это замѣтить своими насмѣшками. Смущенный и взбѣшенный, онъ перемогался нѣсколько минутъ молча. Наконецъ, не могши больше удерживаться, сказалъ:—Маркизь, я ждалъ-было лучшаго отъ васъ. Чтò за слава величаться передъ бѣднякомъ знатному барину, передъ ребенкомъ челоуьку съ сѣдыми волосами? Вы находите безумными и смѣшными всѣ мои виды на виконтессу. Пусть такъ! Если вамъ дано право шутить надо мною...

— Чтò жь бы вы сдѣлали въ такомъ случаѣ? сказалъ маркизь живо.

— Чтò же бы мнѣ сдѣлать противъ женщины и...

— И старика? сказалъ маркизь, спокойно договоривъ орасову фразу.—Хорошо, посмотримъ! вы отступили бы со стыдомъ?

— Можеть-быть и нѣтъ, маркизь, отвѣчалъ Орасъ съ энергією:—можеть-быть, я принялъ бы вызовъ, хотъ съ тѣмъ, чтобъ остаться побѣжденнымъ, но по-крайней-мѣрѣ не уступилъ бы безъ боя.

— Въ добрый часъ, сказалъ маркизь, протягивая ему руку.—Люблю, когда такъ говорятъ. Теперь выслушайте меня. Я не шучу, я люблю васъ; мнѣ васъ жалко; вы еще такъ мечтательны и пылки, что легко можете сыграть на свой счетъ комедію или, какъ говорить, «страстную драму». Вы еще неопытны, другъ мой.

— Знаю; потому - то я и просилъ у васъ совѣта.

— Хорошо! совѣтую же вамъ еще лѣтъ пять-шесть держаться женщинъ энтузіастокъ и сумасбродокъ, которыя умираютъ отъ любви или отъ досады. Истребивши съ дюжину ихъ, вы созрѣете для великаго предпріятія, безразсудно вами задуманнаго, — напасть на свѣтскую женщину.

— Это урокъ вашъ? принимаю его; но пусть онъ будетъ полнѣе и серіознѣе, чтобъ я могъ имъ воспользоваться. Ну, безъ презрѣнія, безъ колкости, маркизь! Такъ свѣтская женщина слишкомъ-тверда, слишкомъ-непобѣдима для челоуька не принадлежащаго свѣту?

— Напротивъ. Ничего нѣтъ легче побѣды надъ самою твердою изъ этихъ женщинъ. Видите, я говорю съ вами безъ презрѣнія, не колко.

— Въ такомъ случаѣ... докончите, скажите все.

Т. XXIV.—Отд. I.

— Вы хотите этого? Знайте же, что легко восторжесствованъ надъ желаніями и любонитствомъ женщины. Это еще ничего. Этого достигаютъ ежедневно люди безъ молодости, безъ красоты, съ небольшимъ только умомъ. Но не быть назавтра сброшену этимъ непокорнымъ скакуномъ, котораго зовутъ *размышленіемъ*, — вотъ что дано не всякому, вотъ что требуетъ нѣкотораго искусства. Вы могли бы нынче же ночью печаянно получить то, что зовется побѣдою; но также легко могли бы все потерять завтра вечеромъ, а послѣ — завтра вы встрѣтите свою плѣнницу, и она даже не отвѣтитъ вамъ на поклонъ.

— Это развѣ случается? онъ обыкновенно такъ поступаютъ?

— Ужъ таковы права ихъ. Что вы скажете противъ этого? Мы овладѣваемъ ими; мы насилуемъ ихъ мысли, воображеніе, совѣсть; при помощи хитрости и дерзости, вырываемъ у нихъ согласіе, — а имъ бы еще не одумываться въ то время, когда наше желаніе теряетъ свою напряженность и силу, не быть въ состояніи мстить за то, что были игрушками, не оплачивать при первой возможности! Помилуйте! что жъ мы за мусульмане, чтобъ отнимать у нихъ разсудокъ и свободу?

— Ваша правда, я начинаю понимать. Но что это за таинственная наука, безъ которой нельзя имъ нравиться дольше дня?

— А! Это наука никогда не нравиться! Великая наука, повѣрьте...

— Откройте жъ мнѣ; я хочу узнать ее, сказалъ Орасъ.

Старый маркизъ, съ тайнымъ самодовольствомъ и педантизмомъ тщеславія, насыщеннаго унижительными жертвами и ребяческими интригами полулѣтковаго волокитства, началъ широковъщательно излагать свои планы и ученіе Орасу. Онъ дѣлалъ это съ такою же торжественностью, какъ еслибъ дѣло шло о передачѣ юному адепту знанія глубокаго, тайны важной для будущности человѣчества. Орасъ слушалъ его съ изумленіемъ, и воротился такъ взволнованный и пораженный всѣмъ слышаннымъ, что прохворалъ цѣлую ночь. Онъ упорствовалъ въ своемъ удивленіи къ маркизу; но, противъ воли, имъ овладѣло такое отвращеніе къ описанію этихъ профанаций любви, къ идеѣ этихъ холодныхъ хитростей, что онъ не могъ рѣшиться идти на другой день въ замокъ. Трое сутокъ пробылъ онъ подъ убійственнымъ вліяніемъ этихъ открытій, не вѣря больше ни во что, горько раскаяваясь въ своихъ мученіяхъ, краснѣя то свѣта, въ который бросился такъ пылко, то самого-себя, чувствуя себя стою слабымъ въ искусствѣ лжи, и уже не думая о виконтессѣ, на которую смотрѣлъ теперь съвозъ сухіе, отвратительные анализы маркиза, какъ на безобразный трунъ, вышедшій изъ-подъ ножа анатомиста.

Это отсутствіе много облетчило ему путь къ сердцу виконтессы.

Она спела въ своей головѣ романъ , котораго не хотѣла оставлять на первой главѣ. Въ телескопъ, поставленный на высокомъ крыльцѣ замка, она ясно видѣла нашъ домикъ и окрестныя дуга. Она разглядѣла Ораса, прогуливавшагося въ нѣкоторомъ разстояніи, на открытомъ мѣстѣ, примыкавшемъ къ краю парка Шальи. Виконтесса отправилась туда гулять будто случайно, встрѣтила его, долго ходила съ нимъ, расточала передъ нимъ всѣ очарованія своего ума, и однакожь не довела его до объясненія. Орасъ былъ такъ пораженъ наставленіями маркиза , такъ испуганъ знаніемъ , которое тотъ сообщалъ ему, что, не смотря на упоеніе тщеславія , въ какое погружали его сантиментальныя упрежденія Леонн, чувствовалъ въ себѣ силу противиться ей. Онъ поддерживалъ въ себѣ эту силу очень долго, то-есть недѣли три:—срокъ необъятный для двухъ существъ, желающихъ сблизиться другъ съ другомъ и неудерживаемыхъ никакимъ нравственнымъ раздумьемъ. Можетъ-быть, твердость молодого человѣка оскорбила и оттолкнула бы отъ него виконтессу, еслибъ онъ упорствовалъ долѣе. Но маркизъ де-Вернь , боявшійся юлеры, какъ ни старался показываться покойнымъ, услышавъ, что оказался больной на дѣвомъ берегу рѣки, нашелъ предлогъ въ письмѣ своего банкира, будто бы принуждавшаго его возвратиться въ Парижъ, и уѣхалъ въ тотъ же день. Безъ ментора, Орасъ потерялъ всю свою твердость. Виконтесса, задѣтая за-живое, видя себя любимую, и не могли постичь, откуда неопытный ребенокъ почерпнулъ твердость остановить исканія сначала столь живыя, рѣшилась побѣдить его, и каждый день выдумывала новыя соблазны. Сто разъ видѣла она его готовымъ преклониться передъ нею ; но вдругъ онъ вырывался, встревоженный , разстроенный , не промолвивъ ни слова о любви. Дѣло не шло дальше симпатіи, дружбы. Виконтесса, среди самой прелестной забывчивости , умѣла во-время принимать видъ глупокровія и выпутываться изъ ошибки, на которую отваживалась, съ удивительнымъ присутвіемъ духа. Орасъ ясно видѣлъ, что, бросаясь ему даже на шею, она сохраняла всѣ свои преимущества. Напрасно ждалъ онъ, что для нея настаетъ наконецъ невозможность мгновенно приходить въ разсудокъ; что онъ ни дѣлалъ, послѣ трехъ недѣль отчаяннаго кокетства, она не сказала ему ни слова, котораго не могла бы воротить и перетолковать въ противную сторону, при первомъ капризѣ , который пришелъ бы ей въ голову. Эта жалкая борьба страшно мучила его, и однакожь онъ не имѣлъ силы отъ нея освободиться. Онъ забывалъ все: не думалъ уже о возвращеніи въ Парижъ, не смѣлъ извѣстить родителей, что, покинувъ ихъ, оставившись на полдорогѣ , и не желая огорчать ихъ такимъ знакомъ равнодушія, оставилъ ихъ въ жертву безпокойству, не писалъ къ нимъ, и они не знали, что съ нимъ сталося.

Марта, казалось, никогда не существовала для него. Поглощенный одною мыслию, стончески играя роль беззаботнаго въ кружкѣ виконтессы, облекаясь мрачною и странною тайною въ уединенныхъ бесѣдахъ съ нею, и возвращаясь по вечерамъ къ намъ, грустный и молчаливый, онъ былъ терзаемъ тысячею фурій, и продолжалъ, постепенно слабѣя, ученье развратника, на которое осудилъ самъ себя, чтобъ быть похожимъ на маркиза де-Верна.

Долго искавъ слабую сторону въ этой дивной бронѣ, виконтесса нашла наконецъ ее: то было литературное самолюбіе. Она добилась отъ него признанія, что онъ поэтъ, и просила показать ей свои опыты. Орасъ, никогда неписавшій ничего полнаго, очень затруднился было удовлетворить ея требованіе; но она обнаружила такой энтузіазмъ къ литературному таланту, что онъ живо пожелалъ отвѣдать ядра этого новаго рода лести, и принялся за дѣло. Мѣсяца съ три не обмакивалъ онъ пера въ чернила, чтобъ склеить пару фразъ, или пару стиховъ. Копаясь въ изгибахъ своего мозга, нашелъ онъ только одно сколько-нибудь живое и полное впечатлѣніе: пропажу Марты и предполагаемое самоубійство. Не надо забывать, что это предположеніе перешло въ несомнѣнность у Ораса, съ-тѣхъ-поръ, какъ онъ произвелъ эффектъ на двухъ или трехъ человекъ, повѣривъ имъ трагическую тайну, будто-бы сокрушившую его душу и разочаровавшую для него жизнь. Предметъ былъ драматиченъ; онъ удачно имъ вдохновился, написалъ довольно-хорошіе стихи и прочелъ ихъ мнѣ съ чувствомъ, придавшимъ имъ нѣкоторую цѣну. Я самъ былъ очень тронутъ. Я не зналъ, что это еще въ первый разъ по прошествіи шести недѣль думалъ онъ о Мартѣ; сердечныхъ дѣлъ своихъ съ виконтессою онъ мнѣ не доверялъ; словомъ, я никакъ не подозревалъ, что слезы, текшія у него при этой элегіи, были только репетиція сцены, какую готовилъ онъ себѣ съ Леоніею.

На слѣдующій день совершилось его литературное торжество и — паденіе передъ виконтессою. Онъ прочелъ ей стихи, о которыхъ говорилъ, что они написаны за два года назадъ (не мѣшаетъ замѣтить, что онъ прибавилъ себѣ нѣсколько лѣтъ, чтобъ не показаться слишкомъ-молодымъ въ свѣтъ; къ-тому же, эта передвинутая двумя годами назадъ горестъ придавала ему болѣе-байроновскій видъ). Онъ декламировалъ съ еще большимъ искусствомъ, нежели передо мною; рыданія прервали голосъ его на послѣднемъ полустиниш. Виконтесса едва не упала въ обморокъ — такъ усиливалась она заплакать. Наконецъ, къ чести ея, ей удалось побѣдить уперную свою натуру, и она пролила слезы... настоящія слезы. Увы, да! отъ подальшаго волненія такъ же плачутъ, какъ и отъ истиннаго. Это бываетъ ежедневно, — и вотъ новое физиологически-психологическое открытіе, приобрѣтенное наукою въ девятнадцатомъ вѣкѣ, — открытіе, которому

я долго не вѣрилъ, но которому видѣлъ доказательства явныя, неоспоримыя, поразительныя.

Всего страннѣе въ людяхъ, одаренныхъ этою способностью, что они легко вдаются въ обманъ. встрѣчая подобныя себѣ природы. Орасъ очень-хорошо зналъ, что плачетъ о Мартѣ, не жалья о ней, но не видалъ, что заставилъ плакать виконтессу, не разтрогавъ ея. Когда онъ увидѣлъ эффектъ, на нее произведенный, голова у него закружилась: онъ забылъ всѣ свои намѣренія, всѣ уроки маркиза. Онъ кинулся къ ногамъ Леоніи, и высказалъ ей свою страсть съ величайшимъ краснорѣчіемъ, потому-что былъ въ восторгѣ: всѣ пружины ума его были натянуты. Глаза его были уже влажны, голосъ прерывистъ, волосы растрепаны, губы блѣдны. Виконтесса сочла себя обожаемою, и радость торжества сдѣлала ее прекрасною и молодою на нѣсколько минутъ. Но она была не такая женщина, которая уступила бы хотя днемъ раньше. Употребивъ столько труда, чтобъ вынудить нападеніе, она хотѣла дать почувствовать цѣну своему мнимому пораженію, и продлить величайшее удовольствіе, какое только извѣстно кокеткамъ,—удовольствіе быть умоляемою.

Казалось, вдругъ она сдѣлала надъ собою жестокое успіе, и, вырвавшись изъ объятій Ораса со всею мимикою ужаса, удивленія и стыда, оставила его простертаго въ будуарѣ, гдѣ разыгралась эта сцена, и поспѣшно заперлась въ своей комнатѣ.

Можетъ быть, она думала, что Орасъ вломится къ ней въ дверь; но у него не доставало ни столько ума, ни столько глупости. Онъ покинулъ замокъ, смертельно уязвленный, полагая себя одураченнымъ, оскорбленнымъ, пожираемый бѣшенствомъ. Виконтесса не приняла этой раздражительности за неловкость. Она видѣла въ ней свидѣтельство чрезвычайной гордости, и не ошиблась. Она поздравляла себя съ открытіемъ, хорошо видя, что надобно было мало-помалу разбить эту гордость, если не хочетъ сама подвергаться тяжкимъ испытаніямъ.

Эта эгоистическая и недобросовѣстная игра длилась еще нѣсколько дней. Орасъ утратилъ всѣ свои выгоды. Онъ не шелъ, его приводилъ—все именемъ дружбы. Соглашались выслушать его, принудивъ говорить. Его заставляли молчать, когда онъ сказалъ то, что желали услышать. Его подчивали отказами и надеждами. Разыгрывали цѣломудріе братской дружбы, пораженное внезапною и разстроенное удивленіемъ, безпокойство, нѣжное состраданіе, великодушное и робкое желаніе закрыть рану, по-видимому, неволью нанесенную. Леонія восхищалась; но, запутавшись въ собственныхъ сѣтяхъ, такъ же смѣшно была обманута, какъ вѣроломно лицемѣрила. Она воображала, что борется съ серьезною любовью, сражается съ угрызеніемъ совѣсти. еще свѣжимъ, кровавымъ, торжествуетъ

надъ ужаснымъ прошедшимъ. Бѣдная Марта служила ставкою въ этой игрѣ. Виконтесса думала изгладить ея память, и не подозрѣвала, что все это была выдумка, чтобъ заманить ее въ сѣти. Кто былъ обмануть, Орасъ или Леонія? Оба они обманывались; и когда пали одинъ передъ другимъ, любовь ихъ, если только они чувствовали пламя, достойное этого прекраснаго имени, была уже истощена утомленіемъ и скукою борьбы.

VIII.

Этотъ день *счастія*, столь памятный и роковой въ жизни Ораса, запечатлѣнъ былъ инымъ образомъ въ памяти Парижапъ. 5 іюня 1832 года разыгралась другая драма на улицахъ Парижа. Ларавиньеръ и Арсенъ участвовали въ ней. Не знаю какъ собственно попалъ туда Ларавиньеръ, предвидѣлъ ли онъ эти происшествія, или бросился въ нихъ случайно, увлеченный общимъ безпорядкомъ; какъ бы то ни было, но могла ли не увлечь его борьба, происходившая передъ его глазами? Арсенъ желалъ смерти, и, видя, что его любезный Жанъ искалъ ее за баррикадами, послѣдовалъ за нимъ и раздѣлилъ съ инсургентами мрачное упоеніе отваги. Когда войска овладѣли Монастыремъ Сен-Мери, Ларавиньеръ, уже израненный, палъ пораженный пулею. — «Я умираю» сказалъ онъ Арсену: «но ты еще можешь спастись; бѣги!» — Никогда, сказалъ Арсенъ, обнимая умирающаго друга: — они убьютъ меня на твоемъ трупѣ. — «А Марта!» отвѣчалъ Ларавиньеръ: «Марта, можетъ-быть, жива еще; у нея ты одинъ на свѣтѣ! Последняя воля умирающаго священна. Завѣщаю тебя Мартѣ, и приказываю спасти жизнь свою для нея. Бѣги!»

Черезъ двѣ минуты, безстрашный Жанъ испустилъ последнее дыханіе на рукахъ Арсена. Домъ, послѣднее убѣжище инсургантовъ, былъ захваченъ. Арсенъ былъ одинъ изъ спасшихся на кровлѣ какимъ-то чудомъ. Нѣсколько разъ таясь въ трубахъ, въ слуховыхъ окнахъ, нѣсколько разъ замѣченный и преслѣдуемый, и всякій разъ избавляясь чудеснымъ образомъ, Арсенъ, покрытый ранами, разбитый ушибами при паденіи хъ, чувствуя истощеніе силъ и бодрости, испыталъ послѣднее усиліе спасти жизнь, къ которой едва привязывала его слабая надежда. Надобно было перепрыгнуть съ одной крыши на другую, чтобъ войти на чердакъ черезъ наклоненное окно, которое видѣлъ онъ въ нѣсколькихъ футахъ разстоянія. Нуженъ былъ одинъ шагъ, одна минута рѣшимости и хладнокровія но Арсенъ былъ едва живъ; голова у него кружилась, сознание терялось; однакожь инстинктъ самосохраненія еще говорилъ въ немъ — Боже мой! думалъ онъ, приближаясь къ раздѣлицѣ между двумя кровлями: — если жизнь моя еще нужна къ чему-нибудь, сохрани ее

если нѣтъ, позволю угаснуть ей скорбѣ! И наклонясь впередъ тѣломъ, онъ скорбѣ упалъ, чѣмъ прыгнулъ на край противоположной крыши. Потомъ, ползя на колѣняхъ и на локтяхъ, — ноги и руки уже отказались ему служить, — добрался онъ до окна, проломилъ его уперевшись въ стекла обоими колѣнами, и, равнодушно предавшись великодушію того, кого пугалъ своимъ внезапнымъ появленіемъ въ этомъ бѣдномъ жилищѣ, покотился безъ памяти на полъ коморки. Паденіе заставило его опаматоваться на нѣсколько секундъ. Глаза его видѣли предметы, умъ едва понималъ ихъ, но сердце испытало какое-то радостное бѣненіе, освѣтившее его лицо въ ту минуту, когда онъ снова лишился чувствъ.

Что жъ такое увидѣлъ онъ на этомъ чердакѣ? — Женщину блѣдную, худую, убого-одѣтую, сидящую на кровати, съ поворожденнымъ ребенкомъ на рукахъ, котораго пугливо спрятала она за себя при видѣ челоуѣка, упавшаго съ кровли къ ногамъ ея. Арсенъ узналъ эту женщину. Въ теченіи мгновенія, быстро какъ молнія, но полнаго какъ вѣчность въ его мысли, онъ смотрѣлъ на нее, и, забывая все, что вытерпѣлъ, равно какъ и все, что потерялъ, ощутилъ въ себѣ блаженство, котораго двадцать вѣковъ страданія не могли бы изгладить. Такъ выражалъ онъ въ-послѣдствіи это чудное мгновеніе въ своей жизни.

Марта не узнала его. Сокрушенная страданіемъ, нищетою и горестію, она не могла поддержаться лихорадочнымъ восторгомъ, который вдругъ одушевилъ бы ее и пролилъ бы радость въ отчаянную грудь. Сначала она испугалась, но не долго искала объясненія столь страннаго визита. Весь день, всю прошлую ночь, весь вечеръ накануне прислушиваясь къ злоуѣщему шуму, котораго театръ былъ близъ ея квартиры, она имѣла одну только мысль: «Орасъ тамъ» говорила она сама себѣ, «и каждый изъ этихъ выстрѣловъ, которые я слышу, можетъ-быть, направленъ въ его грудь». Орасъ часто намекалъ ей, что кинется въ первую битву; она считала его способнымъ рѣшиться на это. Думала она также о Ларавиньерѣ, котораго пылкость и готовность ко всякой борьбѣ была ей известна; но она столько разъ слышала отъ Арсена отвращеніе къ трагическимъ воспоминаніямъ 1830 года, что никакъ не предполагала его участникомъ въ теперешнемъ возстаніи. Увидѣвъ упавшаго къ ней умирающаго челоуѣка, она поняла, что это бѣглець, побѣжденный; какой-бы партиа онъ ни былъ, она рѣшилась помочь ему. Только поднесла лампу къ этому лицу, закопченному порохомъ и замаранному кровію, подумала она объ Арсенѣ, но не повѣрила глазамъ своимъ. Она взяла фартукъ, чтобъ унять кровь и обтереть порохъ, безъ страха и безъ отвращенія: несчастные недоступны такимъ слабостямъ! Она склонилась надъ этой головою помертвѣлой и обезображенной, которую

положила къ себѣ на дрожащія колѣни, и только тогда увѣрилась, что то былъ ея преданный братъ, ея лучший другъ. Она почла его мертвымъ, и припавъ лицомъ къ этому желтому лицу, которое еще улыбалось ей сжатымъ ртомъ и закрытыми глазами, нѣсколько разъ цаловала его, и съла, не выронивъ ни одной слезы, не испустивъ ни одного стона, погруженная въ нѣмое отчаяніе, близкое къ безчувственности.

Пришедъ нѣсколько въ себя, она искала въ біеніи артерій Арсена какого-нибудь признака жизни. Ей показалось, будто пульсъ его бился; но собственный пульсъ ея былъ такъ напряженъ, что она не могла хорошенько разобрать и увѣриться въ истинъ. Она пошла-было къ двери кликнуть на помощь кого-нибудь изъ сосѣдей; но вспомнивъ тотчасъ, что изъ этихъ людей, съ которыми еще не была знакома, какой-нибудь злодѣй или трусъ могъ выдать бѣглеца, заперла дверь, воротилась къ Арсену, сложила руки, и громко просила Бога, своего единого судію, наставить ее, что дѣлать. Потомъ, повинуясь внезапному влеченію, попыталась она приподнять бездыханное тѣло. Дважды падала она подлѣ него, не могши сдвинуть его съ мѣста; потомъ вдругъ, исполненная сверхъестественной силы, подняла его, какъ подняла бы дитя, и положила на свою веревочную постель, подлѣ другаго несчастнаго, настоящаго дитяти, который спалъ тутъ, еще нечувствительный къ страхамъ и терзаніямъ матери.

— Вотъ, сынъ мой, сказала она ему въ помѣшательствѣ: — вотъ какъ начинается твоя жизнь. Вотъ кровь тебѣ вмѣсто крещенія, и трупъ вмѣсто подушки.—Потомъ она разорвала пеленки, чтобъ отереть и перевязать раны Арсена, омыла кровь, запекающуюся на его волосахъ, сжимала пальцами разорванныя жилы, грѣла ему руки своимъ дыханіемъ и горячо молилась Богу изъ глубины скорбной души своей. Больше ничего у ней не было; она не могла ничего больше сдѣлать.

Богъ видалъ ея молитву — Арсенъ пришелъ въ память. Онъ сдѣлалъ жестокое усиліе, чтобъ говорить. — Не безпокойся такъ, сказалъ онъ ей:—если раны мои смертельны, бесполезно о нихъ заботиться; если жъ не смертельны, что нужды, что я получу помощь нѣсколько позже. Я не чувствую боли; сядь, поди сюда, дай мнѣ только испить немного воды, да оставь мнѣ этотъ платокъ: я самъ остановлю кровь, которая течетъ изъ груди. Положи руку мнѣ на високъ,—другой помощи мнѣ не нужно. Скажи, что я не брежу, потому-что я счастливъ!... Счастливъ? примолвилъ онъ съ ужасомъ, одумываясь, ибо воспоминаніе о Ларавиньерѣ проснулось въ немъ. Но разсудивъ, что Марта и такъ довольно страдаетъ, онъ скрылъ отъ нея ужасъ этой мысли, и замолчалъ. Онъ пилъ воду съ жадностью,

которую тотчас подавилъ въ себя. Возьми у меня стаманъ, сказалъ онъ ей: — когда раненные напьются, они тотчас умираютъ. Я не хочу умереть, Марта; для тебя, мнѣ кажется, я не долженъ умереть.

Однако въ-теченіе всей этой ночи онъ былъ между жизнью и смертью. Мучимый страшной жаждою, онъ имѣлъ твердость воздерживаться. Мартъ удалось унять кровь. Раны, хоть были и глубоки, однакожь не грозили большою опасностью; но восторгъ, печаль и утомленіе произвели въ немъ горячку; онъ чувствовалъ огонь, пробѣгавшій по жиламъ его. Еслибъ онъ поддался овладевавшему имъ жару, непременно умеръ бы, ибо чувствовалъ, что жажда разрушенія, владѣвшая имъ двое сутокъ, обращалась теперь на него самого. Въ этомъ насильственномъ состояніи, онъ сохранялъ однако столько силы, что могъ бороться съ своимъ недугомъ. Душа его не была порабощена. Эта мощная душа, борясь съ разстройствомъ физической жизни, терпѣла жестокое волненіе, но противостояла собственнымъ скорбямъ, и усиліями почти сверхчеловѣческими подавляла горячечные призраки и внушенія отчаянія. Двадцать разъ приподнимался онъ, чтобъ растерзать свои раны, оттолкнуть Марту, которую уже не узнавалъ по временамъ и принималъ за врага, измѣнить тайнѣ своего убѣжища криками ярости, разбить себя головою объ стѣну. Тогда-то совершались въ немъ чудеса могучей воли. Духъ его, глубоко-религіозный, сохранялъ даже въ помѣшательствѣ инстинктъ молитвы и надежды, и онъ, сплеснувъ руками, восклицалъ: — Боже мой, что это? гдѣ я? Что происходитъ во мнѣ и внѣ меня? Не-уже-ли ты покинешь меня, Боже? Не-уже-ли не дашь мнѣ по-крайней-мѣрѣ кончины благочестивой и мирной? — То, обращаясь къ Мартѣ, онъ говорилъ: — Я человѣкъ, не правда ли? Я не убійца, я не проливалъ невинной крови съ намѣреніемъ! Я не отвергалъ Бога, не потерялъ права призывать Его! Скажи мнѣ, что это точно ты тамъ, Марта! Скажи, что ты надѣнешься, что вѣруешь! Молись, Марта, молись за меня и со мною, чтобъ я былъ живъ или чтобъ умеръ какъ человѣкъ, а не какъ собака.

То онъ кидался лицомъ въ изголовье, чтобъ задушить рвавшіеся изъ груди вопли; кусалъ подушки, чтобъ не дать зубамъ раздробиться другъ о друга; и когда предметы принимали въ его глазахъ хищерическіе образы, тогда Марта преображалась его фантазією въ страшныя видѣнія, онъ закрывалъ глаза, собирался съ мыслями; принуждалъ грезы уступить разсудку, и, отгоняя рукою призраки, заклиналъ ихъ именемъ вѣры и любви удалиться.

Страшная борьба эта длилась часовъ двѣнадцать. Марта взяла на руки дитя свое, и когда Поль терялъ твердость и прискорбно восклицалъ: «Боже мой, Боже мой, опять ты оставила меня» она протяги-

вала къ Арсену это невинное созданіе, котораго видъ внушалъ ему, казалось, какое-то боязливое почтеніе. Арсенъ не обнаружилъ еще никакой мысли на-счетъ этого ребенка. Онъ видѣлъ его, смотрѣлъ на него покойно, ни о чемъ не спрашивалъ. Но какъ-скоро, противъ воли, вырывался у него стонъ или вздохъ, онъ проворно вскакивалъ посмотрѣть, не разбудилъ ли его. Разъ, послѣ долгаго молчанія и неподвижности, походившихъ на припадокъ, онъ вдругъ сказалъ:— Разъ онъ умеръ?—Кто? спросила Марта.— *Ребенокъ*, отвѣчалъ онъ:— ребенокъ, который ужь не кричитъ? Надо спрятать ребенка, разбойники торжествуютъ: они убьютъ его. Дай мнѣ ребенка; я спасу его: унесу его на крышу, тамъ они его не найдутъ. Спасемъ ребенка! Все прочее ничто, выдашь ты; но ребенокъ вещь святая... Такимъ образомъ, въ припадкѣ безумія, въ которомъ идея долга и преданности не покидала его, повторялъ онъ безпрестанно:— *Ребенокъ*, ребенокъ спасенъ, не правда ли?.. О! не безпокойся о немъ! ужь мы спасемъ его. — Приходя въ память, онъ глядѣлъ на него, и ничего не говорилъ. Наконецъ, волненіе утихло и онъ уснулъ на часъ. Марта, истощенная усталостью, опять положила дитя на постель, подлѣ умирающаго. Сидя на стулѣ, одной рукой обнимала она сына, чтобъ онъ не упалъ, другой поддерживала голову Поля; ея собственная голова лежала на той же подушкѣ, и такимъ образомъ отдыхали эти трое несчастныхъ предъ лицомъ Бога, ихъ единаго приближища, отдаленные отъ остальнаго человечества опасностью, нищетою и смертельнымъ страданіемъ.

Но скоро ихъ разбудилъ глухой шумъ, происходившій вкругъ ихъ. Марта слышала незнакомые голоса, тяжелые и торопливые шаги, отъ которыхъ кровь застыла въ ея жилахъ. Полицейскіе агенты осматривали чердаки, ища бѣглецовъ. Подходили къ ея коморкѣ. Она набросила одѣяло на Арсена, сровняла постель съ платьемъ, которое накрыла простынями, и, положивъ ребенка на самаго Арсена, пошла отворять дверь съ рѣшительностью и твердостью, какія придаетъ крайняя опасность. Обломки рамы ея окошка спрятаны были въ уголъ комнаты; разбитое стекло завѣсила она фартукомъ, чтобъ скрыть поврежденіе. Сострадательная сосѣдка, у которой кончили осмотръ, проводила полицейскихъ до порога Марты.

— Здѣсь, господа, сказала она имъ:— нѣтъ никого, кромѣ бѣдной женщины, только-что оправившейся отъ родовъ, и еще очень-больной. Не пугайте ея, господа; она можетъ умереть со страху. — Эта просьба не тронула бы безжалостныхъ людей, къ которымъ она обращалась; но хладнокровіе, съ какимъ встрѣтила ихъ Марта, отняло у нихъ всякое подозрѣніе. Взглядъ, брошенный въ ея комнату, столь тѣсную и пустую, что въ ней нѣгдѣ было утаить спрятаннаго, убѣдилъ ихъ въ бесполезности точнѣйшаго осмотра. Они ушли, неза-

мѣтивъ худо-стертыхъ слѣдовъ крови на полу; это было новое чудо къ избавленію Арсена. Старая сосѣдка была добрая и великодушная женщина, помогавшая Мартѣ въ родахъ. Она пособила ей укрыть бѣглеца, взялась приносить ему пищи и кое-какихъ лекарствъ; но не зная ни одного медика, на скромность котораго можно было бы положиться, ограничилась маловажными пособіями, какія могла сама доставить. Марта не смѣла ступить шагу изъ комнаты, боясь, чтобъ не стали опять безъ нея осматривать. Притомъ же, Арсенъ сдѣлался такъ тихъ, что безпокойство прошло, и она надѣялась на скорое его выздоровленіе.

Ожиданіе не сбылось. Слабость продолжалась до того, что въ-теченіи слишкомъ мѣсяца Арсенъ не могъ встать съ постели. Марта все это время спала на связкѣ соломы, которую достала себѣ подъ тѣмъ предлогомъ, что хотѣла дѣлать тюфякъ. Но ей нѣ на что было купить обшивки. Старая сосѣдка жила въ крайней нищетѣ. Состояніе больного и собственная слабость не позволяли Мартѣ работать, еще меньше выходить со двора за работою. Два мѣсяца съ-тѣхъ-поръ, какъ она разсталась съ Орасомъ, рѣшась нѣ быть никому въ тягость, сдѣлавшись матерью, жила она деньгами, выручаемыми съ продажи или залога послѣднихъ вещей; а какъ оправленіе отъ родовъ было продолжительнѣе и болѣзненнѣе, чѣмъ она ожидала, то этотъ слабый источникъ такимъ образомъ изсякъ, и она очутилась въ совершенной нищетѣ. Арсенъ не былъ счастливѣе. Предвидя безпокойства въ Парижѣ, и желая быть свободенъ, онъ отдалъ всѣ небольшія скопленныя деньги сестрамъ, которыхъ отослалъ назадъ въ провинцію. Думая только о смерти, онъ не оставилъ себѣ ничего. Такимъ образомъ, положеніе этихъ двухъ покинутыхъ существъ было ужасно. Оба больны, оба сокрушены горемъ; одинъ прикованъ къ одру болѣзни; другая кормитъ грудью ребенка, питаясь только хлѣбомъ и засыпая на солому, незащищенная даже отъ вѣтра на этомъ чердакѣ, котораго окна не смѣла починить, потому-что смертная тайна связана была съ его поврежденіемъ, и сверхъ-того, не имѣла силъ ступить шагу. Прибавьте къ этимъ препятствіямъ родъ апатіи и нравственнаго безсилія, произведеннаго лишеніями, истощеніемъ, гордымъ характеромъ, одиночествомъ, убивающимъ всѣ способности, и вы поймете, какимъ образомъ, могли прибѣгнуть къ Эженѣ и ко мнѣ съ нѣкоторою осторожностью и нѣсколько-меньшею гордостью, они въ-теченіи многихъ недѣль допускали себя гибнуть въ неизвѣстности.

Только ребенокъ не слишкомъ страдалъ отъ этой крайности. У матери его было мало молока; но сосѣдка отдѣляла ему молоко отъ своего завтрака, и каждый день выносила его гулять на солнечную сторону набережной aux Fleurs. Парижскому ребенку боль-

ше не нужно, чтобъ росги, какъ растенію хилому, но живучему, среди этихъ влажныхъ стѣнъ, гдѣ жизнь развивается вопреки всему, болѣзненнѣе, нѣжнѣе, и, однакожь, напряженнѣе, чѣмъ на чистомъ воздухѣ полей.

Въ-продолженіе этого жестокаго испытанія, терпѣніе Арсена не измѣнилось ни на минуту; онъ не произнесъ ни одной жалобы, хотя сильно страдалъ—не отъ ранъ, которыя уже не растревались и закрывались мало-по-малу безъ опасныхъ признаковъ, но отъ жестокаго раздраженія мозга, которое безпрестанно возобновлялось и причиняло глубокое ослабленіе. Между напряженіемъ и обезсиленіемъ, ему мало было промежутковъ на разговоры съ Мартою. Въ жару, онъ налагалъ на себя рѣшительное молчаніе, и тогда Марта не знала, до какой степени былъ онъ болѣнъ. Въ спокойномъ состояніи онъ умышленно берегъ силы, чтобъ быть въ состояніи бороться съ возобновленіемъ припадка. Слѣдствіемъ этой стоической рѣшимости было выздоровленіе, которое удивляло своею медленностью Марту, потому-что она не понимала жестокости болѣзни, но показалось неизъяснимо-быстрымъ мнѣ, когда въ-послѣдствіи услышалъ я отъ Арсена подробности того, что онъ вытерпѣлъ. Бывали минуты, что, не смотря на довѣренность, которую онъ умѣлъ внушать къ себѣ, Марта пугалась равнодушія, съ какимъ, казалось, ожидалъ онъ своего выздоровленія, не желая его. Она думала, что его умственные способности потерпѣли жестокое пораженіе, и боялась, что полное ихъ употребленіе никогда ему не возвратится. Но между-тѣмъ, какъ она предавалась этой зловѣщей догадкѣ, Арсентъ, полный твердости и рѣшительности, считалъ дни и часы, и, чувствуя медленное ослабленіе припадковъ болѣзни, основательно заключилъ, что ему грозитъ тяжкій возвратъ недуга, по-крайней-мѣрѣ если онъ хоть на время опуститъ бразды своей воли. Поэтому, онъ старался воздерживаться отъ всякаго сильнаго движенія, отъ всякаго дѣтскаго унынія, и какъ-будто не видалъ ужаса положенія, которое дѣлила съ нимъ Марта.

Разъ, лежа съ закрытыми глазами, будто уснувшій, слышитъ онъ, что старая сосѣдка выражаетъ Мартѣ свое участіе по степени своего образованія и чувствованій, добрыхъ, конечно, и человѣческихъ, но ограниченныхъ и грубоватыхъ.— Знаете ли, душа моя, говорила она:—какое несчастіе для васъ быть принужденною принять къ себѣ этого человѣка? Вы и безъ того уже очень прожились, а тутъ принуждены дѣлить съ нимъ бѣдный кусокъ насущнаго хлѣба, который далъ бы вамъ молока для дитяти!

— Какъ-будто я, въ-самомъ-дѣлѣ, не могу подѣлиться, мой добрый другъ! отвѣчала Марта съ горькою усмѣшкою:—но онъ не съѣдаетъ въ день крошки хлѣба съ супомъ. И что за супъ! Капля молока на чашку воды; не понимаю, какъ еще онъ живъ этимъ.

— Такъ эта болѣзнь, пожалуй, вѣкъ не кончится! отвѣчала старуха:—онъ никогда не оправится на этакой дѣтъ. Напрасно вы дѣлаете; вы себя замучите, а его не спасете.

— Скорѣе соглашусь умереть съ нимъ, чѣмъ оставить его, сказала Марта.

— А если уморите ребенка? замѣтила старуха.

— Богъ этого не попуститъ! вскричала испуганная Марта.

— Я не говорю, что это будетъ, отвѣчала старуха ласково: — не говорю и того, что ваше самоотверженіе для этого бѣглеца зашло слишкомъ-далеко. Знаю, чѣмъ мы обязаны ближнему; но ему-то надо бы понять, что онъ избавляется отъ эшафота только за тѣмъ, чтобъ васъ потащить съ собою въ больницу. Бѣдный молодой человекъ не знаетъ, сколько онъ вамъ вредитъ. Онъ не видитъ, что если вы будете спать на солому, какъ вы спите, съ открытымъ окномъ назади—то васъ станетъ не на долго. Болѣзнь отнимаетъ у него разсудокъ, это очень понятно; но, еслибъ вы позволили ему поговорить съ нимъ, увѣрю васъ, онъ въ тотъ же бы день рѣшился выбраться вонъ, какъ бы могъ. Послушайте-ка, вѣдь насъ двое, мы можемъ довести его въ больницу; тамъ было бъ ему лучше, чѣмъ здѣсь.

— Въ больницу! вскричала поблѣдивъ Марта.—Развѣ вы не слышали, развѣ не сказывали мнѣ сами, что медикамъ вѣрно выдавать раненныхъ, которые попросятъ ихъ помощи, и что всякій больной, принятый въ больницу, выдается на осмотръ полиціи доскою, выставленною надъ его постелью? Доносъ поставленъ въ обязанность людямъ, которыхъ дѣло только помогать страждущимъ, а вы хотите, чтобъ я покинула этого несчастнаго? Нѣтъ, нѣтъ, если свѣтъ сталъ безжалостенъ, то, по-крайней-мѣрѣ, въ сердца бѣдныхъ женщинъ, подъ крышами нашихъ чердаковъ, еще остается капля состраданія и человѣколюбія,—не правда ли, добрая сосѣдка?

— Быть такъ! отвѣчала сосѣдка, утирая слезы угломъ своего фартука: — вы изъ меня дѣлаете, что хотите. Не знаю, откуда вы берете то, что говорите, дитя мое; но вы говорите по Божьей заповѣди и по моему сердцу. Пойду принесу немножко молока съ сахаромъ вашему больному, да и этому драгоценному сокровищу, прибавила она, поцаловавъ ребенка, висѣвшаго у груди матери.

— Итъ, добрый другъ, сказала Марта: — не отнимайте у себя для насъ; вы и то ужъ довольно дѣлали. Несправедливо будетъ въ ваши лѣта осуждать себя на лишенія. Мы молоды, у насъ достанетъ силы немного отказать себѣ.

— А если я хочу себѣ отказывать, хочу терпѣть! воскликнула добрая женщина, всныхнувъ отъ гнѣва: — развѣ вы считаете меня за безжалостную, за скушую? Имѣете ли вы право отвергать меня,

особливо, когда дѣло идетъ о такомъ ангельчикъ-ребенкѣ, какъ вашъ, и о несчастномъ, котораго поручилъ Господь вашимъ попеченіямъ?

— Хорошо, хорошо, принимаю, отвѣчала Марта, протягивая свои исхудалыя и покрытыя лохмотьями руки, чтобъ обнять старуху. — Принимаю съ радостью. Прійдетъ время — можетъ-быть, оно уже близко, — когда мы заплатимъ вамъ за все добро, которое вы намъ теперь дѣлаете; вѣдь и намъ Богъ возвратитъ силу и свободу!

— Ты правду говоришь, Марта, сказалъ Арсень слабымъ голосомъ, съ разстановкою, когда ушла сосѣдка. — Свобода намъ возвратится, и сила прійдетъ опять. Твое состраданіе спасаетъ меня, — настанетъ и моя очередь. Да, Марта, береги свою твердость, какъ я берегу свою въ молчаньи и покорности. Мнѣ нужно ея больше, чѣмъ тебѣ, чтобъ видѣть тебя страдающею, и думать безъ содроганія, что не только не могу тебѣ помочь, но еще увеличиваю нищету твою. Въ первые дни, я часто задавалъ себѣ вопросъ, не лучше ли мнѣ выбраться опять на крыши, и пойдти умереть гдѣ-нибудь въ сточной трубѣ, какъ умираетъ бѣдная птица, которой подстрѣляютъ крыло; но я чувствовалъ, по любви къ тебѣ, что перенесу эту болѣзнь, что, желая жить, останусь живъ, и принимая твою помощь, обезпечу этимъ тебѣ свою помощь на будущее время. Видишь ли, Марта, Богъ знаетъ, что дѣлаетъ! Въ гордости ты удалялась и скрывалась отъ меня. Ты лучше хотѣла провести жизнь въ одиночествѣ, въ горѣ, въ нуждѣ, нежели принять мои услуги. Теперь, когда судьба послала меня сюда пользоваться твоими услугами, ты уже будешь не въ состояннн отвергать меня, не будешь въ правѣ отказываться отъ моей помощи. Не предлагаю тебѣ, Марта, ничего, кромѣ сердца и рукъ, потому-что у меня нѣтъ ни золота, ни серебра, ни платья, ни убѣжища, ни покровительства; но сердце мое любитъ тебя, руки мои смогутъ прокормить тебя и это «драгоценное сокровище», какъ зоветъ его сосѣдка.

Говоря это, Поль взялъ дитя и поцаловалъ; это была первая его ласка. До-тѣхъ-поръ, онъ часто держалъ ребенка и укачивалъ на колѣняхъ, чтобъ успокоить мать; каждую ночь нѣсколько разъ убаюкивалъ его на своихъ рукахъ, согрѣвалъ у своей груди; но, ухаживая за нимъ такимъ образомъ, никогда не ласкалъ его. Въ эту минуту слеза нѣжности выкатилась изъ глазъ его на лицо ребенка, и Марта отерла ее своими устами. — Поль! братъ мой! воскликнула она: — если бъ ты могъ любить его, это драгоценное, горькое сокровище!

— Молчи, Марта, не станемъ объ этомъ говорить, отвѣчалъ онъ, отдавая ей сына. — Я еще слишкомъ-слабъ; еще ни слова не сказалъ я тебѣ на-счетъ его. Мы объ этомъ поговоримъ, и надѣюсь, ты будешь мною довольна. Покаместъ, потерпимъ еще, если такова воля Божія. Вижу, что ты постишься; вижу, что ты спишь на полу съ

лукомъ соломы подъ головою, и не смѣю даже сказать тебѣ: возьми свою постель, и пусти меня валяться на солому, потому-что при этой мысли ты возмущаешься, и обременяешь меня добротою, которая дѣлаетъ мнѣ много зла и много добра. Я долженъ оставаться тутъ, видѣть твои тягости, быть покоенъ и говорить: *все благо!* Господи! дай мнѣ до конца эту побѣду!

— Смотри жь, Марта, говорилъ онъ въ другую спокойную минуту, на слѣдующій день: — не забудь, что ты дѣлала для меня, и не скажи когда-нибудь, когда я напомню тебѣ про это, что ты сохвѣтъ не терпѣла столько, сколько я тебѣ приписываю! Вѣдь я тебя знаю, Марта: ты способна къ такому вѣроломству.

Слабая улыбка освѣтила ихъ уста, и Марта, наклонясь къ нему, напечатлѣла чистый поцалуй на чель друга. То была первая ласка, какую она осмѣлилась оказать ему въ-теченіи пяти недѣль, проведенныхъ вмѣстѣ безвыходно. Въ-продолженіи всего этого времени, каждый разъ какъ-только Марта, въ припадкѣ горести и опасенія за его жизнь, подходила поцаловать его будто на прощанье, онъ всегда проворно отталкивалъ ее, говоря съ нѣкоторою досадою: «Оставь меня. Тебѣ хочется меня убить!» Это были единственныя минуты, когда воспоминаніе страсти, казалось, пробуждалось въ немъ. Кромѣ этихъ быстрыхъ и рѣдкихъ движеній, которыя Марта уже научилась не вызывать своимъ братскимъ безпокойствомъ, они не промолвили между собою ни слова, которое намекало бы на ихъ прежнія несчастія. Можно было подумать, что отъ мирной дружбы ихъ дѣтства до дня кровавыхъ сценъ при Монастырѣ Сен-Меріи ничего не произошло: — столько у одного было деликатности, чтобъ избѣгать воспоминанія о случившемся въ этотъ промежутокъ времени, столько стыда и тоски чувствовала другая, что не могла заговаривать объ этомъ предметѣ. Только въ этотъ день оба они безъ смущенія подумали о немъ, и оба поняли, что этой мысли пора перестать быть горькою. Поль, не отвергая поцалуя Марты, возвратилъ его ребенку съ еще-большею нѣжностью, чѣмъ наканунѣ, и примолвилъ съ какою-то меланхолическою веселостію: — Знаешь ли, Марта, вѣдь ребенокъ-то прелестный! Говорятъ, будто малютки безобразны въ этомъ возрастѣ; но кто говоритъ это, тотъ вѣрно никогда ни на одного ребенка не глядѣлъ глазами отца!..

IX.

Съ первыхъ дней прилежнаго посвщенія замка Шальи намекалъ намъ Ораць о своихъ видахъ на виконтессу и о полученныхъ имъ надеждахъ. Женѣ шутила надъ его легковѣріемъ; а я, не находя успѣха несбыточнымъ, не поздравлялъ однакожъ его съ этимъ пред-

пріятіємъ. Мало того: я прямо высказалъ ему свое невыгодное мнѣніе о характерѣ Леоніи. Наша манера принимать его довѣренность не понравилась ему, и онъ давно уже не говорилъ съ нами откровенно, какъ вдругъ насталъ день его побѣды, премошлнвшій его гордостью, которой не могъ онъ скрыть. Ужинная въ этотъ день съ нами, онъ не могъ удержаться, чтобъ не толковать въ разговорѣ кстати и некстати о величавыхъ прелестяхъ, высокомъ умѣ, отборномъ тактѣ, о всѣхъ очарованіяхъ, какимъ хотѣлъ насъ заставить удивляться въ виконтессѣ. Эженіи, которая на нее шила и видала съизнанки красоту ея, изящныя манеры и великій умъ, упорно отказывалась раздѣлять такой энтузіазмъ, и объявляла эту женщину надменною въ дружбѣ, сухою и язвительною въ покровительствѣ. Воспоминаніе о Мартѣ, негодованіе, которое втайнѣ чувствовала Эженіи, видя ее такъ легко забытою, придали нѣсколько горечи этимъ противорѣчіямъ. Орасъ увлекся и началъ обходиться съ нею, какъ съ болтуней, забывающей почтеніе, какимъ обязана виконтессѣ де-Шальи. Онъ даже сказалъ ей, что она не можетъ понимать прелестей женщины такого состоянія и такихъ достоинствъ.— Любезный Орасъ, отвѣчала ему Эженіи съ величайшею кротостью: — не сержусь за то, что вы говорите. Я никогда и не думала состязаться съ кѣмъ бы то ни было о вашемъ добромъ мнѣніи. Если, откровенно высказывая вамъ свое мнѣніе, я васъ оскорбила, пусть извинитъ меня участіе, которое беру въ васъ и опасеніе видѣть васъ мучимымъ и унижаемымъ этой прекрасною дамою, которая проводила много людей столько жъ какъ и вы образованныхъ, и которая даже хвалится этимъ передъ своими швеями; это, по-мѣду, нехорошо и неприлично.

Орасъ выходилъ изъ себя. Я старался успокоить его, подтверждая истину словъ Эженіи, и прося его въ послѣдній разъ хорошенько подумать, прежде чѣмъ онъ подвергнется насмѣшкамъ виконтессы. Тогда-то, увлеченный этой мыслью, и не могши долго воздерживаться, онъ принудилъ насъ замолчать, объявивъ въ очень-ясныхъ выраженіяхъ, что уже не рискуеть быть со стыдомъ отвергнуть, и что если виконтессѣ вздумалось бы считать его въ числѣ жертвъ своихъ, то онъ также могъ бы надѣть ея цвѣтъ на пуговицы своего платья.

— Вы бы этого не сдѣлали, хладнокровно возразила Эженіи:— честный человекъ не хвастается своими любовными успѣхами.

Орасъ закусилъ губы; потомъ, подумавъ съ минуту, сказалъ:

— Честный человекъ не хвастается своими успѣхами, если можетъ ими гордиться; но иногда обвиняетъ себя, когда бываетъ принужденъ за нихъ краснѣть. Это я сдѣлалъ бы, будьте увѣрены, съ женщиною, которая довела бъ меня до крайности.

— Не такова система друга вашего, маркиза де-Верна, отвечалъ я.

— Система маркиза (а это человекъ, который разумѣетъ больше насъ съ вами въ подобныхъ дѣлахъ) состоитъ въ томъ, чтобъ не допускать никогда шутить собою. Употребляя тѣ же средства, я все не хочу дѣлаться его подражателемъ. У всякаго свои средства.

— Не знаю, что думаетъ на этотъ счетъ маркизъ де-Вернъ, сказала Эженн:—но что касается до меня, я очень увѣрена въ томъ, что подумали бѣ вы въ подобномъ случаѣ.

— Что жъ это такое? спросилъ Орасть.

— Вотъ что, отвечала она.—Вы взвѣсили бы, въ духъ разсудка и справедливости, тѣ непріятности, какія вамъ сдѣланы, и тѣ, какія вы хотѣли бы сдѣлать. Вы сравнили бы обиду, какую можетъ нанести вамъ женщина, хвастаясь, что васъ отвергла, и обиду, какую неминуемо нанесли бѣ ей вы, хвастаясь побѣдою надъ ней; и вы увидѣли бы, что это значить мстить оскорбленіемъ за... много-много смѣшную роль. Свѣтъ—да, я увѣрена, большой свѣтъ такъ же, какъ и народное мнѣніе, уважаетъ женщину, уважаемую своимъ любовникомъ, и презираетъ ту, которую любовникъ презираетъ. Ей ставить въ преступленіе ошибочный выборъ, и, надо признаться, въ этомъ отношеніи женщины очень-жалки, потому-что самыя ловкія изъ нихъ подвержены еще опасности быть опозоренными мужчиною, который наканунѣ умолялъ ихъ. Не правда ли, Орасть? Полноте улыбаться и отвечатьте. Чтобъ быть выслушану даже самую виконтессою, которая едва-ли очень жестока, развѣ не были вы обязаны нѣсколько времени быть внимательными, покорными? Развѣ не должны вы были показывать любовь хоть притворную? Признайтесь!

— Эженн, милая, возразилъ Орасть, полу-смущенный, полу-довольный тѣмъ, что принималъ онъ за косвенное вывѣдываніе:—вы дѣлаете очень-нескромные вопросы; я не обязанъ вамъ отдавать отчетъ въ томъ, что могло или могло бы происходить между нами съ виконтессою.

— Я предлагаю вамъ только такіе вопросы, на которые вы можете отвечать, не компрометируя никого; дѣло идетъ только о правилахъ. Вѣдь вы не стали бы ухаживать за женщиною, которая отдавалась бы вамъ безъ сопротивленія?

— Разумѣется; я не понимаю, какъ можно волочитья за другими женщинами, кромѣ тѣхъ, которыя защищаются, и которыхъ завоеваніе бываетъ опасно и трудно.

— Знаю вашу гордость на этотъ счетъ, и говорю, что въ такомъ случаѣ вы никогда не имѣете права взмѣнить ни одной женщннѣ, потому-что не овладѣете ни одной, которой вы не клялись бы ува-

женіемъ, преданностью и скромностью. Оставить ее послѣ этого было бы низостью и вѣроломствомъ.

— Милая моя, возразилъ Орасъ:—знаю, что вы учились преіямъ въ залѣ Тебѣ; знаю, следовательно, что все ваши заключенія будутъ всегда въ пользу женскихъ правъ. Но какъ бы ни были уточнены ваши доказательства, я вамъ отвѣчу, что никогда не соглашусь на это владычество, которое должны присвоивать себѣ женщины, по вашему мнѣнію. Я не нахожу справедливымъ, чтобъ вы имѣли право ославлять насъ дураками, безумцами или рабами, а мы не могли бы и требовать равенства. Какъ это можно! кокетка привлекла бы меня къ своимъ ногамъ, дразнила бы меня цѣлыя недѣли, восторжествовала бы надъ моимъ благоразуміемъ, наконецъ, въ замѣтъ своей побѣды дала бы мнѣ надъ собою власть мужа и любовника; а потомъ, на другой день, начала бы ту же исторію съ другимъ, и отдѣлалась бы отъ меня, говоря моему преемнику, своимъ пріятелямъ, своимъ горничнымъ: «Видите ли этого болвана? онъ наделъ мнѣ «своею любовью; но я указала ему его мѣсто, унизила его самолюбіе.» Это было бы какъ-то жестоко, и, право, я не расположенъ позволять такъ играть собою. Я нахожу, что смѣшная роль такъ же тяжела, какъ и всякій другой позоръ. Во Франціи теперь это даже хуже всего; и женщина, которая наложитъ на меня этотъ позоръ, должна быть готова къ отмщенію, котораго всю жизнь не забудетъ. Въдъ въ такихъ кодексахъ господствуетъ право возмездія.

— Если вы считаете это право справедливымъ и человѣчнымъ, отвѣчала Эжені: — мнѣ нѣчего больше говорить. Значитъ, вы одобряете все варварскіе обычаи, которыми, я полагаю, сердце ваше гнушается. По-крайней-мѣрѣ, вы утверждали это, какъ я слышала, и думала-было, что въ дѣйствіяхъ личнаго поведенія, гдѣ все мы можемъ поправлять неразумность и жестокость принятыхъ правилъ, въ отношеніяхъ вашихъ къ мнѣнію, наипрѣмѣ, вы поступали бы великодушнѣе и благороднѣе, нежели какъ теперь хотите поступать. Но, прибавила она, вставая изъ-за стола: — надѣюсь, что все это только слова, и что на дѣлѣ ваши поступки будутъ лучше словъ.

Не смотря на упрямство Ораса, благородныя чувствованія Эжені сдѣлали на него сильное впечатлѣніе. Когда она вышла, онъ сказалъ мнѣ съ великодушнымъ порывомъ:

— Твоя Эжені превосходное созданіе, и кажется, если у ней нѣтъ столько ума, за то больше идей, чѣмъ у моей виконтессы.

— Такъ она рѣшительно твоя, мой бѣдный Орасъ? сказалъ я, взявъ его за руку.—Ну! признаюсь, это меня не-на-шутку огорчаетъ.

— Почему жь огорчаетъ? воскликнулъ онъ съ гордою усмѣшкою.

—Право, ты и Эжені удивительные люди съ вашими сострадатель-

ными комплиментами! Чего добраго! Скажутъ, пожалуй, что я несчастнѣйшій человѣкъ въ свѣтъ, отъ того-что владѣю прелестнѣйшею женщиной. Не знаю, совершенная ль она героиня романа въ вашемъ вкусѣ; но для меня, котораго требованія скромнѣе, это завоеваніе прекрасное, любовница восхитительная.

— Ты любишь ее? спросилъ я.

— Богъ-знаетъ, отвѣчалъ онъ вѣтрено. — Ты спрашиваешь меня слишкомъ-обстоятельно. Я любилъ, и, кажется, любилъ первый въ послѣдній разъ въ жизни. Теперь, я могу искать въ женщинахъ только развлеченія отъ скуки, пробужденія сердцу навсегда потухшему. Я пускаюсь въ любовь, какъ пускаются на войну, съ очень-малымъ чувствомъ человѣколюбія, безъ всякой идеи добродѣтели, съ большимъ честолюбіемъ и значительнымъ количествомъ самолюбія. Признаюсь, эта побѣда льститъ моему тщеславію, потому-что стоила мнѣ много времени и труда. Чтѣ ты находишь тутъ дурнаго? Чтѣ за педанство? Или ты забылъ, что мнѣ двадцать лѣтъ и что, если чувства мои умерли, то страсти еще въ полной силѣ?

— То дурнаго, что все это кажется мнѣ ложнымъ и придуманнымъ, отвѣчалъ я. — Говорю тебѣ отъ чистаго сердца, Орасъ, безъ всякой пощады для тщеславія, къ которому ты прибѣгаешь, и которое кажется мнѣ чувствомъ слишкомъ для тебя мелкимъ. Нѣтъ, высокое чувство любви не умерло въ груди твоей. Думаю даже, что оно еще и не развивалось, что ты не любилъ еще до-сихъ-поръ. Думаю, что благородныя страсти, долго подавляемыя невѣдѣніемъ и самолюбіемъ, кипятъ въ тебѣ и сдѣлаются твоимъ мученіемъ, если не будутъ твоимъ счастіемъ. Любезный Орасъ, ты не былъ и быть не можешь Дон-Хуаномъ, котораго описываетъ Гофманъ, еще меньше байроновскимъ героемъ. Эти поэтическія созданія слишкомъ-много занимаютъ твою голову, и ты насилуешь себя, желая осуществить ихъ въ своей жизни. Но ты юнѣе и могучѣе этихъ призраковъ. Ты не сокрушенъ потерей первой любви,—она была только несчастный опытъ. Берегись, чтобъ вторая, на зло вѣтренности, съ какою ты въ нее пускаешься, не была серъзною и роковою въ твоей жизни.

— Чтѣ жъ, если и такъ? отвѣчалъ Орасъ, котораго гордости понравились мои предположенія:—очень радъ! Леонія можетъ внушить истинную страсть, потому-что сама ее чувствуетъ, — въ этомъ я не могу сомнѣваться. Да, Теофиль, я люблю пламенно, и эта женщина готова для меня на величайшія пожертвованія, на величайшія безумства. Можетъ-быть, любовь ея пробудитъ мою, и мы вмѣстѣ будемъ наслаждаться страстными днями. Только этого требую я отъ судьбы, чтобъ выйдти изъ ненавистнаго оцѣпенія, въ которое недавно погруженъ былъ.

— Орасъ! воскликнулъ я:—она тебя не любитъ. Она никогда ни-

чего не любила, и никогда не будет никого любить; она не любит собственныхъ дѣтей своихъ.

— Чтѣ за нелѣзости, чтѣ за педагогія! отвѣчалъ онъ съ досадою. — Очень радъ, что она ничего не любитъ, и отдастъ мнѣ сердце еще дѣвственное. Это больше, чѣмъ я надѣялся, и слова твои приводятъ меня въ восторгъ вмѣсто того, чтобъ охладить. Да Боже мой! ты принимаешь меня за ребенка. Не-уже-ли ты думаешь, что я могу обманывать себя ею, что я не чувствовалъ сегодня ея восторговъ? О! какъ ея упоеніе было отлично отъ тихой забывчивости Марты! Но Леонія! это женщина, это демонъ!

— Просто комедіантка, возразилъ я печально. — Горе тебѣ, когда ты воротиться съ нею за кулисы!

Еслибъ виконтесса имѣла въ эту минуту подлѣ себя истиннаго друга, онъ сказалъ бы ей то же самое объ Орасѣ, чтѣ я говорилъ о ней Орасу; но, предавшись неодолимому желанію быть любимой со всѣмъ романтическимъ бѣшенствомъ, какое находила она въ книгахъ и какого еще не обнаруживалъ ни одинъ мужчина ея касты, она приняла бы добрый совѣтъ не лучше того, какъ Орасъ принималъ мои увѣщанія. Она отдалась ему, думая внушить къ себѣ сильную страсть, и увлекаясь только тщеславіемъ и любопытствомъ.

Я, съ своей стороны, никогда не понималъ, какимъ образомъ женщина столь проникательная, рано наученная уроками маркиза де-Верна коварствовать съ мужчинами и быть прозорливою, могла обмануться на-счетъ Ораса, какъ обманулась виконтесса. Она льстилась найти въ немъ романтическую преданность, которой не могло бы ничто поколебать, удивленіе, которое не разсматривало бы слишкомъ-вблизи, скромность, которая всегда считала бы за честь обладаніе такою, какъ она, женщиною. Она очень обманывалась; Орасъ, упоенный на нѣсколько дней, скоро долженъ былъ, руководимый въ своей неопытности выгодами самолюбія, вступить въ борьбу съ самолюбіемъ Леоніи. Не могу объяснить себѣ ошибки этой женщины иначе, какъ только вспоминая, что она пустилась въ область совершенно ей незнакомую, выбирая себѣ предметъ любви въ мѣщанскомъ классѣ. Аристократическіе предразсудки были ей чужды. Она составила себѣ идеалъ умственного превосходства и воображала его въ незнатномъ состояніи, чтобъ придать ему больше странности, таинственности, поэзіи. Не надо забывать, что воображеніе было у ней столько же живо, сколько холодно сердце. Наскучивъ всѣмъ, чтѣ было ей извѣстно, и зная впередъ навзгустъ всѣ фразы, которыхъ первые склады лепетали ея благородные обожатели, она нашла въ оригинальной дикости Ораса новость, которой жаждала. Но, угадывая достоинство челоуѣка незнатнаго, она не предвидѣла недостатокъ челоуѣка несвѣтскаго, лишеннаго *умльня жить*, какъ очень

ярно выражался старый маркизь. Въ обществѣ, чуждомъ нравственныхъ началъ, честь, замѣняющая ихъ, и воспитаніе, заставляющее хоть притворяться нравственнымъ, суть выгоды больше дѣйствительныя, нежели обыкновенно думаютъ.

Орасъ чувствовалъ превосходство такъ-называемаго хорошаго общества. Страстно любя все, что могло его возвышать и отличать, онъ захотѣлъ привить это себѣ. Но если и успѣвалъ въ мелочахъ, то не имѣлъ никакой удачи въ вещахъ поважнѣе. Природа и привычка побѣждали тамъ, гдѣ этикетъ требовалъ однихъ легкихъ пожертвованій; гдѣ же предписывалъ жертвовать тщеславіемъ, тамъ былъ безсилезъ; и грубоватое самолюбіе, не совсѣмъ умѣстная увѣренность, нѣсколько-жесткая личность *разночицца* брали верхъ. Виконтесса желала-было совершенно-противнаго. Ей нравилась умная и граціозная неловкость Ораса; она увидѣла, что онъ теряетъ ее слишкомъ-скоро. Она надѣялась съ его стороны великаго самоотверженія, любовнаго героизма, но не нашла ни малѣйшихъ къ тому порывовъ.

Впрочемъ, какъ сердце молодого человѣка только заблуждалось, то въ первые дни онъ чувствовалъ истинную признательность къ виконтессѣ. Онъ краснорѣчиво выразилъ ей свои чувства, и она сочла себя наконецъ обожаемою. Было уже нѣчто спокойное въ томъ, какъ принялъ Орасъ прошлую жизнь своей новой любовницы: безъ недоувѣрчивости, безъ любопытства, безъ волненія. Она говорила ему, что онъ первый мужчина, котораго она любила, и говорила правду, въ томъ смыслѣ, что онъ былъ первый мужчина, котораго любила она такимъ образомъ. Орасъ не поколебался повѣрить ей на-слово. Онъ безъ труда допустилъ мысль, что ни одинъ мужчина не могъ заслужить такую любовь, какую онъ внушалъ; что же касается до небольшихъ погрѣшностей, которыхъ жизнь Леоніи, какъ было ему извѣстно, не чужда была, онъ такъ мало объ нихъ заботился, что не сдѣлалъ ей на этотъ счетъ ни одного нескромнаго вопроса. Съ ней онъ не зналъ ревности за прошедшее,—чувства, обратившаго въ ужасную муку любовь его къ Мартѣ. Съ одной стороны, его понятія о достоинствѣ женщинъ много измѣнились въ обществѣ виконтессы и въ школѣ стараго маркиза. Онъ искалъ уже не мѣщанской невинности, которая долго была его идеаломъ, а ловкой и любезной простоты модной женщины. Съ другой стороны, его не унижали предшественники его у виконтессы, тогда какъ въ сердцѣ Марты наслѣдовалъ онъ Пуассону, содержателю кафе, и, по его догадкамъ, Полю-Арсену, слугѣ кофейнаго дома. У Леоніи предшественники его были, разумѣется, знатные господа, герцоги, князья, можетъ-быть; а такой блестящій авангардъ казался ему свитой, которой нѣчего было краснѣть. Бѣдная Марта была мучима подозрительною гордостью Ораса за то, что припала съ крото-

стью и раскаяніемъ упрекъ въ одномъ заблужденіи: великолѣпная виконтесса, готовая похвастаться длинною цѣпью проступковъ, была уважаема, благодаря той же гордости.

Будучи спрашиваема, подобно Мартъ, виконтесса не удостоила бы его отвѣтовъ; если же бы отвѣчала, то не скрываетъ ни одного изъ своихъ дѣлъ. Она не была лицемеркою по системѣ; напротивъ, даже отличалась въ этомъ отношеніи какимъ-то вольтеровскимъ цинизмомъ, который явно противорѣчилъ ея лицемерству по чувству. Она не имѣла претензіи быть добродѣтельною женщиною: она хотѣла быть юною, пламенною, открытою страстямъ, которыя бы умѣли ей внушить кто-нибудь. Она какъ-бы предлагала себя всѣмъ желаніямъ, заставляя себя уважать словами: «я не могу любить»; позволяя на себя нападать другими словами, которыя прибавляла нѣкоторымъ мужчинамъ: «я хотѣла бы любить».

Когда Орасъ сдѣлался ея любовникомъ, онъ и она были почти одни въ замкѣ де-Шальи. Графъ Мельерѣ уѣхалъ. Привычные поклонники разсѣялись. Однихъ холера напугала, другимъ она же принесла драгоценныя наслѣдства, или чувствительныя потери. Впрочемъ, эпидемія удалялась изъ нашихъ краевъ, а виконтесса не съезжала къ себѣ двора своего. Поглощенная новою любовью и, можетъ-быть, затрудняясь возможностью скрыть ее отъ пріятелей, она избѣгала всякихъ посѣщеній, отвѣчая на всѣ письма, что собирается воротиться въ Парижъ. Однако проходили недѣли, и Орасъ тайно (даже для него ужъ слишкомъ-тайно) торжествовалъ надъ отсутствіемъ соперниковъ.

Не смотря на видимую обыкновенную непринужденность свою, виконтесса требовала отъ Ораса глубочайшей тайны относительно свекрови и дѣтей. Благодаря искусству Леоніи хранить тайну, еще больше, чѣмъ принятымъ предосторожностямъ, секретъ этой связи не обнаружился. Правъ Леоніи, рѣчи ея, требованія, умалчиванія, ведеговорки, вся эта смѣсь прямоты и лживости, сдѣлали изъ ея жизни, по наружности, нѣчто загадочное, что счастливые любовники обыкновенно старались открывать, для усиленія своей славы, а любовники отверженные уважали, чтобъ смягчить стыдъ своего положенія. Орасъ прослылъ за лишняго короткаго человека, за одного изъ тѣхъ частыхъ посѣтителей, о которыхъ говорили: «Всѣ они счастливы», то-есть ни одинъ не несчастливъ; «всѣ равно въ милости», то-есть держатся на приличномъ разстояніи. Орасъ не такъ установилъ бы свою роль, еслибъ дали ему на выборъ; главнымъ чувствомъ его въ связи съ Леоніею было желаніе подавить всѣхъ соперниковъ хоть по виду, если не на дѣлъ, и заставить говорить о себѣ: «вотъ ея любимецъ; никого другаго она не хочетъ слушать». Поэтому, онъ скоро сталъ страдать отъ безвѣстности своего счастья и не-

достаточной гласности своей победы. Онъ утѣшался въ этомъ, по-вѣряя за тайну свою победу не только мнѣ, но и другимъ людямъ, съ которыми небылъ такъ знакомъ, чтобъ могъ говорить съ ними откровенно, и которые, считая его хвастуномъ, не вѣрили его успѣху.

Эта нескромность обратилась къ стыду Ораса и къ возвеличенію виконтессы, которая узнала ее и опровергла, сказавъ съ удивительнымъ хладнокровіемъ и ангельскою кротостью, что это невозможно, потому-что Орасъ благородный человѣкъ, неспособный выдумывать и разглашать ложь. Но, увидѣвшись наединѣ съ нимъ, она дала ему почувствовать ошибку съ такою безжалостною пощадюю, съ такою язвительною добротою, что онъ принужденъ былъ, задыхаясь отъ бѣшенства, пуститься передъ нею въ заперательства и ложь, чтобъ возвратитъ довѣренность къ себѣ и уваженіе. Но и довѣренность и уваженіе были уже навсегда потеряны. Любопытство Леоніи было удовлетворено; тщеславіе ея насытилось напыщенными похвалами, какія расточалъ ей Орасъ, вмѣсто восторга въ своихъ объясненіяхъ, вмѣсто страсти въ своихъ посланіяхъ стихотворныхъ и прозаическихъ. Онъ исчерпалъ для нея весь свой оглушительный словарь модной любви; пресытилъ ее горячечными эпитетами; письма его перестрѣли восклицательными знаками. Леонія была удовлетворена. Какъ умной женщиной, ей скоро надоѣла вся эта поэтическая безвкусица. Проницательная дипломатка, она скоро догадалась, что эта любовь только выраженіемъ отлична была отъ той, какую она знала уже, и что не стоило труда выставить себя свѣту предметомъ смѣшныхъ замѣчаній на-счетъ любви, но меньше смѣшной. Черезъ мѣсяць такого испытанія, становясь съ каждымъ днемъ холоднѣе и печальнѣе, Леонія рѣшилась постепенно развязаться съ этой интригою, чтобъ, въ ожиданіи лучшаго, возвратиться къ графу Мельерѣ, человѣку отличнаго тона.

Виконтесса, нестыдившаяся своихъ ошибокъ, очень часто стыдилась тѣхъ, кто вовлекалъ ее въ ошибки; и отъ-того, исповѣдуясь иногда очень-чистосердечно, никогда не промолвливалась ни однимъ словомъ. Этотъ стыдъ начала она питать съ-тѣхъ-поръ, какъ сдѣлалась добычею стараго маркиза. Она удержала съ нимъ только дочернія отношенія, но не нашла въ другихъ своихъ связяхъ ничего, чѣмъ можно было бы столько гордиться, чтобъ изгладить эту язву и смыть это пятно въ собственныхъ глазахъ. Она хранила ненависть и глубокое презрѣніе къ мужчинамъ, которыхъ не любила, или перестала любить; даже къ тѣмъ, кого любила, питала постоянную недоувѣрчивость. Никогда не подтверждала она ихъ власти надъ собою признаніями друзьямъ своимъ (исключая маркиза, которому почти все сказывала), еще меньше рѣзкими поступками. Вообще, ей благопріятствовала деликатность ихъ поступковъ и холодность разрыва, по-

тому-что они были свѣтскіе люди, равно неспособные ни къ сожалѣнію, ни къ мщенію. Орасъ, для котораго ей должно было измѣнить своему благоразумію, Орасъ, котораго почитала она столь чистымъ, столь страстнымъ, столь наивнымъ, Орасъ, котораго она не остерегалась,—показался ей презрѣннѣйшимъ изъ всѣхъ, когда онъ захотѣлъ прослать ея любовникомъ въ глазахъ другихъ. Это до такой степени возмутило ее, что она поклялась не только отдѣлаться какъ-можно-скорѣе, но еще отмстить, не оставивъ за собою никакихъ слѣдовъ своей къ нему снисходительности. «Ты будешь наказанъ тѣмъ же, чѣмъ согрѣшилъ» говорила она въ уязвленной душѣ: «ты хотѣлъ прослать меня любовникомъ, а я при первомъ слухѣ выдамъ тебя за моего шута. Твое хвастовство падетъ тебѣ же на голову; и тамъ, гдѣ ты свѣдѣлъ тщеславіе, соберешь только стыдъ и позоръ.»

Орасъ предчувствовалъ это мщеніе, и между ними завязалась новая борьба уже не о взаимномъ господствѣ, а о взаимномъ уничтоженіи.

Х.

Между-тѣмъ, мы совершенно ничего не знали о судьбѣ трехъ особъ, внушавшихъ намъ наиболѣе участія: Марты, которую мы уже привыкли считать всегда для насъ потерянною; Ларавиньера, котораго друзья искали и не могли нигдѣ найти, и Арсена, который общался къ намъ писать и о которомъ мы также не имѣли извѣстій, какъ и о двухъ первыхъ. Жанъ рѣшительно пропалъ. Полагали, что онъ убитъ при Монастырѣ Сен-Мері. Отважнѣйшіе изъ бузенготовъ слѣдовали за нимъ весь день 5-го іюня; но ночью разошлись искать оружія, запасовъ и подкрѣпленія. Утромъ 6-го іюня имъ было нельзя соединиться съ инсургентами, которыхъ солдаты осадили въ ихъ послѣднемъ убжищѣ. Не стану утверждать, упорно ли они добивались этого соединенія; но знаю, что многіе на него покушались, и что, по взятіи дома, гдѣ заперся—было ихъ начальникъ, они воспользовались смятеніемъ и искали его, чтобъ помочь его бѣгству, или по-крайней-мѣрѣ поднять его трупъ. Но и въ этомъ не успѣли. Лувѣ нашелъ только его шанку, по которой нельзя было рѣшить, находится ли онъ въ числѣ пленныхъ. Учрежденіе суда надъ захваченными также не дало никакого извѣстія: имени Ларавиньера не поминалось въ спискѣ подсудимыхъ. Товарищи оплакивали его, и собрались почтить его память рѣчами и погребальными пѣснями, которыя одинъ изъ нихъ сочинилъ, а другой положилъ на музыку.

Они писали при этомъ случаѣ ко мнѣ, спрашивая, не слыжалъ ли я чего о Поль-Арсенѣ, и такимъ-то образомъ узналъ я, что и онъ ис-

честь. Я написалъ къ его сестрамъ, которыя знали не больше моего. Луиза отвѣчала намъ плачевнымъ письмомъ, гдѣ довольно-замысловато выражала свою небезкорыстную любовь къ брату. Она оканчивала словами: «Мы лишились нашей единственной опоры, и теперь «принуждены работать безъ отдыха, чтобъ не дойти до нищеты.»

Но пока мы предавались этимъ безпокойствамъ, въ которыхъ Орасъ почти не думалъ принимать участія, хотъ и изъявлялъ искреннее сожалѣніе о Жанъ и Поль, когда ему о нихъ напоминали, Поль выздоравливалъ на безвѣстномъ чердакѣ бѣдной Марты. Она уже начала выходить, и увѣрилась, что тишина водворилась наконецъ въ кварталъ. Хотя сосѣди ея по коморкамъ и подозрѣвали скрывавшагося у нея бѣглеца, тайна была однакожь свято хранима, и полиція не наблюдала за ея поступками. Впрочемъ, Арсену необходимо было, какъ-скоро будетъ въ силахъ выходить, перемѣнить квартиру и удалиться изъ мѣста, гдѣ лицо его навѣрное было замѣчено за баррикадами и въ осажденномъ домѣ. Ему нельзя было трехъ разъ сряду показаться въ сосѣднихъ улицахъ, чтобъ не подвергнуться замѣчаніямъ, прозносимымъ вслухъ недоброжелательными или недогадливыми свидѣтелями, которыхъ могла подслушать полиція. Потому онъ рѣшился поселиться на другомъ краю Парижа. Затрудненіе состояло не въ выходѣ изъ убѣжища: онъ началъ уже ходить, и, осторожно сошедши вечеромъ, легко могъ бы пробраться, не будучи замѣченъ. Но онъ не смѣлъ оставить Марту въ нищету, на жертву хозяину дома, которому нѣчемъ было платить ей, и который, осматривая квартиры, навѣрное замѣтилъ бы разломанное окошко: раздраженный кредиторъ предалъ бы, можетъ-быть, Марту преслѣдованіямъ полиціи. Но какъ, оставшись сложа-руки, Поль не отвратилъ бы опасности, то онъ рѣшился выйдти изъ дому до наступленія срока платежа, и вѣрнулся Лувѣ, который тотчасъ посадилъ его въ фіакръ, помѣстилъ въ Белльвилъ и отнесъ старой сосѣдкѣ деньги, сколько нужно было, чтобъ вывести Марту изъ затруднительнаго положенія. Потомъ отыскали мастераго, на скромность котораго можно было полагаться; велѣли ему тихонько починить окно; и Лувѣ привелъ Марту съ ребенкомъ и сосѣдку, нехотѣвшую уже съ ними разставаться, въ бѣдную квартиру, гдѣ помѣстилъ Арсена подъ своимъ именемъ, давъ ему собственный паспортъ. Поль тужилъ, что не могъ отслужить ему за одолженія, которыя тотъ дѣлалъ съ такою готовностью, но принужденъ былъ принимать ихъ для Марты. Лувѣ не далъ ему времени просить о нихъ; дорѣгою обещалъ онъ сохранить все въ тайнѣ, и соблюлъ тайну такъ свято, что эта перемѣна положенія оставила меня въ прежней неизвѣстности на-счетъ Марты и Арсена.

Едва успѣвъ поселиться въ Белльвилъ, Поль сталъ искать работы;

но былъ еще такъ слабъ, что не могъ переносить усталости, и получилъ отказъ. Онъ отдохнулъ два-три дня, ободрился, и нанялся въ работники къ одному мостовщику. Арсену некогда было терять времени, нѣчего было выбирать. Средства пропитанія готовы были пресѣхся. Онъ ничего не смыслилъ въ работъ, которую ему дали, и опять получилъ отказъ. Попеременно былъ онъ прислужникомъ вино-торговца, разбивальщикомъ гипса, комиссіонеромъ, машинистомъ на бельвилльскомъ театрѣ, сапожникомъ, землекопомъ, пивоваромъ, хлѣбникомъ и Богъ-знаетъ чѣмъ еще. Онъ предлагалъ трудъ свой всюду, гдѣ можно было заработать кусокъ хлѣба. Нигдѣ не могъ онъ остаться, потому-что здоровье его еще не возстановилось, и, не смотря на усердіе, онъ дѣлалъ меньше всякаго. Нищета съ каждымъ днемъ становилась ужаснѣе. Платья обращались въ лоскутки. Напрасно трудилась надъ вязаньемъ сосѣдка: она почти ничего не работывала. Марта не могла найти работы; ея бѣдность, лохмотья, ребенокъ, котораго кормила она, — всюду ей мѣшали. Она ходила хозяйничать по утрамъ за шесть франковъ въ мѣсяцъ. Сверхъ того успѣвала быть швеею на фигурантокъ бельвилльскаго театра, и какъ эти дамы часто ей не платили за работу, то она рѣшилась хлопотать въ театрѣ о мѣстѣ придверницы въ ложахъ. Ей доказали, что она желаетъ слишкомъ-многого, что это мѣсто важное; но изъ жалости дали мѣсто одѣвальнойницы, и *les grandes coquettes* были довольны ея ловкостью и расторопностью.

Тогда-то Поль-Арсенъ, который, бывъ короткое время машинистомъ, слушалъ пьесы и внимательно вглядывался въ актѣровъ, вздумалъ испытать себя на сценѣ. Память у него была удивительная. Ему дозволено было прослушать двѣ репетиціи, чтобъ знать всѣ роли наизусть. Его проэкзаменовали: нашли, что онъ не безъ способностей къ серьезнымъ ролямъ; но всѣ такія мѣста были разобраны, и вакантнымъ осталось только одно комическое ампуа, гдѣ онъ дебютировалъ въ роль мошенника-слуги. Арсенъ потащился на подмостки, съ мѣкою въ сердцѣ, съ кольнами дрожащими отъ стыда и отвращенія, съ отошалымъ желудкомъ, зубами стиснутыми отъ гнѣва, лихорадки и волненія. Онъ игралъ скучно, холодно, и былъ позорно-освистанъ. Онъ перенесъ этотъ позоръ съ стоическимъ равнодушіемъ. Онъ явился передъ публику не удовлетворять глупое самолюбіе: это была отчаянная попытка, подобная двадцати другимъ, прежнимъ — найти пропитаніе женѣ и ребенку (ибо онъ обручился съ Мартою въ душѣ и усыновилъ орасова ребенка). Директоръ, какъ человѣкъ привыкшій къ такому роду несчастій, посмѣялся надъ неудачею своего дебютанта и совѣтовалъ ему не отваживаться больше; однакожь замѣтилъ хладнокровіе и присутствіе духа, которыя тотъ выказывалъ въ своей неудачѣ, чистое призна-

шеніе, выразительный голосъ, неизбѣнную память, и умъ въ разговорѣ. Это подало ему надежды касательно будущности новаго актёра, и чтобъ доставить ему средства образоваться, не раздражая белльвильской публики, онъ опредѣлилъ его въ должность суфлёра, которую тотъ и началъ выполнять отлично. Скоро Арсенъ показалъ, что смыслить также и въ костюмахъ и декораціяхъ, хорошо и проворно рисуетъ, имѣетъ вкусъ и свѣдѣнія. Видѣнное и списыванное имъ у г. Сомерара послужило ему въ пользу. Скромность его требованій, честность, дѣятельность, духъ порядка и распорядительности, прибавили ему еще больше цѣны, и наконецъ, послѣ многихъ мѣсяцевъ отчаянія, крайности, страданій и неудачъ, онъ сдѣлался чѣмъ-то въ родѣ управителя при театрѣ, съ вѣрнымъ жалованьемъ въ нѣсколько сотъ франковъ.

Марта, съ своей стороны, продолжая одѣвать актриссъ и присутствовать за кулисами при представленіяхъ, ознакомилась со сценою. Живой умъ ея схватилъ слабыя и сильныя стороны сценическаго искусства. Она какъ-бы противъ воли запоминала цѣлыя сцены и, воротясь на свой чердакъ, толковала о нихъ съ Арсеномъ, превосходно разбирала пьесу, основательно критиковала выполненіе, и, насмѣшливо передразнивъ дурную манеру актриссъ, говорила ихъ роли какъ сама ихъ понимала, съ естественностью, съ искусствомъ и трогательнымъ движеніемъ, которое нѣсколько разъ вызывало слезы на рѣсницы Арсена и заставляло рыдать старую сосѣдку, между-тѣмъ, какъ ребенокъ, испуганный жестами и переливами голоса матери, бросался съ крикомъ на грудь старой Олимпіи. Разъ Арсенъ вскричалъ:—Марта! еслибъ ты захотѣла, ты была бы великою актриссою.—«Я попыталась бы», отвѣчала она: «еслибъ была увѣрена, что сохраню твое уваженіе».—А почему жъ бы тебѣ потерять его? отвѣчалъ онъ:—развѣ самъ я не былъ плохимъ актёромъ?

Марта, покровительствуемая одною изъ *grandes coquettes*, которая хотѣла досадить какой-то *ingénue*, своей соперницѣ и непріятельницѣ, дебютировала въ первой роли, и одержала блестящій успѣхъ. Черезъ двѣ недѣли была она принята въ труппу, съ 500 франковъ жалованья, не считая костюмовъ и трехъ мѣсяцевъ отпуска. Это было великимъ счастіемъ; довольство и обезпеченность настали для бѣдной семьи. Старуха Олимпія сдѣлалась участницею этого благосостоянія, и, гордая блестящимъ положеніемъ своихъ молодыхъ друзей, она гуляла съ ребенкомъ по живописнымъ белльвильскимъ улицамъ, съ торжествующимъ видомъ, ища кому бы могла сказать, приподнявъ ребенка:—Это сыночекъ мадамъ-Арсенъ!

Нося имя своего друга, живя подъ одною съ нимъ кровлею, показывая окружающимъ, что она соединена съ нимъ, Марта не была однакожъ ни женою, ни любовницею Поля-Арсена. Бываютъ поло-

женія, въ которыхъ подобная ложь—дѣло безстыдства или лицемерія. Въ положеніи Марты, это было дѣломъ благоразумія и достоинства, безъ котораго она не избѣгла бы злыхъ розысковъ и обидныхъ догадокъ. Скромная и смиренная чета признала свою невозможность содержать себя въ суровомъ, но почтенномъ классѣ работниковъ. Ни тому, ни другому изъ нихъ не было тяжело остаться на стезь, съ трудомъ пробитой его родителями; ни тотъ, ни другой, по любви или по тщеславію, не чувствовалъ охоты къ скитальческой жизни странствующаго артиста; но не было сомнѣнія, что только въ области искусства могли они найти опору своему матеріальному существованію, среду для развитія своей умственной жизни. Въ общественной іерархіи еще всѣ состоянія приобрѣтаются по праву наслѣдства. Состоянія, присвоенныя по праву завоеванія,—исключенія. Въ простолюдетвѣ, какъ и въ другихъ классахъ, они требуютъ извѣстныхъ особыхъ талантовъ, которыхъ Арсенъ не имѣлъ и не могъ имѣть. Забывая собственную будущность, занятый только доставленіемъ какого-нибудь благосостоянія существамъ любимымъ, онъ не думалъ совершенствоваться въ какомъ-нибудь спеціальному дѣлѣ. Онъ охотно осудилъ бы себя на суровое и терпѣливое ученичество въ томъ или другомъ родѣ, еслибъ былъ одинокъ на свѣтѣ; но, обремененный семействомъ, онъ принужденъ былъ браться за всякую работу, лишь бы она была столько прибыльна, чтобъ доставляла ему возможность достигнуть благородной цѣли, какую онъ предположилъ себѣ. Въ довершеніе несчастія, ему не доставало физической силы именно тогда, когда она была всего нужнѣе. И такъ, онъ долженъ былъ увеличивать собою и безъ того уже огромное число пасынковъ нашей эгонистической цивилизаціи, которая забыла приготовить мѣсто для болѣзненныхъ и даровитыхъ бѣдняковъ. Такимъ людямъ театръ, литература, искусства, со всеми своими блестящими или жалкими мелочами, представляютъ по-крайней-мѣрѣ поприще, куда, къ несчастію, многіе кидаются по изнѣженности, по тщеславію или по любви къ беспорядку, но гдѣ, вообще, талантъ и усердіе могутъ чего-нибудь надѣяться. Арсенъ имѣлъ способность и даже можно сказать геній ко всему. Но все было ему недоступно, потому-что онъ не имѣлъ ни денегъ, ни кредита. Чтобъ быть живописцемъ, потребно было долгое изученіе, а онъ не могъ ему посвятить себя. Чтобъ служить, нужна была протекція, а у него ея не было. На малѣйшее канцелярское мѣсто есть пятьдесятъ искателей. Тотъ, который получалъ его, не будетъ этимъ обязанъ ни уваженію къ его достоинствамъ, ни участію въ его нуждахъ, а покровительству милостивцевъ. Поэтому, Арсенъ могъ стучаться только въ одну ту дверь, отъ которой ключи находятся у случайности и прихоти, и которая отворяется передъ талантомъ и смѣлостью,—въ дверь театра. Иногда это

бываетъ убжищемъ для того, что было бы самаго великаго въ обществѣ, еслибъ общество не принуждало его быть тѣмъ, что въ немъ есть самаго низкаго. Туда идутъ прекраснѣйшія и даровитѣйшія женщины; туда идутъ мужчины, которые, можетъ-быть, получили свыше даръ художественскій. Но мужчина, который могъ бы, въ вѣкъ вѣры, творить чудеса слова; женщина, которая, въ поэтическомъ обществѣ, была бы жрицею и посвятительницею, — нисходя до роли комедіантовъ, забавляя слушателей часто грубыхъ и несправедливыхъ, иногда нечестивыхъ и развратныхъ, — какое могутъ имѣть велчіе, какую сознательность, какую высоту чувствъ и мыслей? Они сбиты съ своей стези, съ природнаго стремленія. И однакожь, по мѣрѣ того, какъ предразсудокъ исчезаетъ и уже не усиливается уныніемъ, противорѣчіемъ и одиночествомъ могущественныя причины нравственной порчи, мы на множествѣ примѣровъ видимъ, что если честь и достоинство не легки, по-крайней-мѣрѣ возможны въ этомъ классѣ артистовъ. Не говорю о знаменитостяхъ, людяхъ, достигшихъ вершины на общественной лѣстницѣ; но между самыми незнатными и безвѣстными, есть тамъ люди честные, трудолюбивые и почтенные.

Примѣръ Марты служитъ новымъ тому доказательствомъ. Нѣжная тѣломъ и душою, наклонная къ энтузіазму, одаренная умомъ болѣе постигающимъ, нежели творящимъ, мало-образованная, и потому немогущая извлекать произведенія искусства изъ собственной глубины, но способная понимать и выражать самыя высокія чувства, съ прекрасною наружностью, исполненной прелести и врожденнаго достоинства, — она не могла, не страдая, скрывать въ себя всѣ эти способности, уничтожать всю эту силу. Живучи въ свѣтѣ, она дѣлала однакожь это безъ горести и сожалѣнія, не знала даже причины своего внезапнаго изнеможенія, своихъ восторговъ, этого глубокаго унынія и безпрестанной потребности въ энтузіазмѣ и удивленіи, какую чувствовала. Любовь ея къ Орасу была слѣдствіемъ этихъ наклонностей, возбужденныхъ, но неудовлетворенныхъ чтеніемъ и мечтами. Театръ открылъ ей поприще изученія послѣдовательнаго, волненій животворныхъ. Арсенъ понялъ, что этой нѣжной и тревожной душѣ нужна была пища, и ободрилъ ея попытки. Онъ не скрывалъ отъ себя нѣкоторыхъ опасностей и не боялся ихъ. Онъ чувствовалъ, что великое спокойствіе низшло въ сердце Марты, и великая сила одушевила его собственное сердце, съ-тѣхъ-поръ, какъ оба они имѣли опредѣленные цѣли. Цѣлью Марты было доставить своимъ трудомъ воспитаніе сыну; цѣль Арсена — помогать ей въ осуществленіи этого желанія, не нарушая ея независимости и не вредя ея достоинству. До-тѣхъ-поръ, дѣйствительно, достоинство Марты страдало отъ положенія, въ которомъ она должна обязываться дру-

гимъ и искать покровительства,—положенія, которое большую часть женщины дѣлаетъ какъ-бы подчиненными ихъ мужьямъ или любовникамъ. Съ-тѣхъ-поръ, какъ, вмѣсто того, чтобъ искать пособія отъ другихъ, она увидѣла себя матерью и въ свою очередь дѣятельною покровительницею существа слабѣйшаго,—почувствовала она сладостную гордость и приподняла голову, долго-склонявшуюся униженную подъ владычествомъ мужчины. Новое благосостояніе удалило прискорбную для нея, въ началѣ соединенія съ Арсенемъ, мысль подлежать снова чужому покровительству. Она привыкла уже не пугаться его привязанности и принимать ее безъ упрековъ совѣсти теперь, когда могла обойтись безъ нея. Она уже не видѣла въ немъ мужа, съ которымъ должна была жить для содержанія ребенка, любовника, котораго должна была выслушивать, чтобъ платить долгъ признательности: Арсенъ былъ въ глазахъ ея братъ, принимавшій участіе въ судьбѣ ея и сына, чисто по любви, а ужь не изъ великодушнаго состраданія. Она поняла, что это не благодѣтель, который прощалъ ей прошлое, а другъ, который, какъ милости, просилъ счастья жить подлѣ нея. Такая перемѣна положенія облегчила ея робкое сердце, и удовлетворила ея справедливую гордость. Она чувствовала это тѣмъ больше, что Арсенъ не промолвилъ ни слова о любви, со времени ихъ чудесной встрѣчи 6-го іюня. Каждый день со страхомъ ждала она взрыва этой долго-подавляемой любви; но Арсенъ, вмѣсто того, чтобъ ей поддаться, казалось, побуждалъ ее, потому-что былъ спокоенъ, почтителенъ въ своей короткости, веселъ въ своей меланхоліи. Между ними не было инаго объясненія, кромѣ повторяемой Арсенемъ просьбы не удалять его отъ себя во время несчастныхъ дней. Когда положеніе того и другаго поправилось и обезпечилось, Арсенъ заговорилъ наконецъ, но съ такимъ благородствомъ, силою и простотою, что, вмѣсто всякаго отвѣта, Марта кинулась въ его объятія, воскликнувъ:—Твоя, твоя! вся твоя и навсегда! Я давно на это рѣшилась, но боялась, чтобъ ты не отказался. — Боже мой, наконецъ ты сжалился надо мною! сказалъ растроганный Арсенъ, воздѣвъ руки къ небу.—А дитя мое? прибавила Марта, припавъ къ колыбели сына:—вспомни, Арсенъ, что надо любить мое дитя какъ меня.—Дитя твое и ты одно для меня, отвѣчалъ Арсенъ.—Могли раздѣлять васъ въ моемъ сердцѣ и мысляхъ?.. Кстати ужь, послушай, Марта, у меня есть къ тебѣ важный вопросъ. Надобно рѣшиться произнести имя, которое давно не бывало на устахъ нашихъ. Теперь, когда ты моя, а я твой, это дитя должно принадлежать однимъ намъ, и никто другой не долженъ имѣть правъ на то, что будетъ у насъ драгоценнѣйшаго въ свѣтъ. Съ-тѣхъ-поръ, какъ ты разсталась съ Орасомъ, имѣла ли ты съ нимъ какія-нибудь сношенія?—Никакихъ, отвѣчала Марта: —я не слыхала ни гдѣ онъ, ни что онъ дѣлаетъ. Ино-

гда хотѣла это знать, признаюсь тебѣ; и, хоть не чувствую уже къ нему никакой любви, однако, вопреки самой-себѣ, чувствовала по временамъ жалость и участіе. Однакожь я всегда подавляла эти ощущенія и противилась желанію спросить хоть однажды тебя о немъ.

— Что-же ты намѣрена дѣлать?

— Я ни на что не рѣшилась еще. Хотѣла бы никогда съ нимъ больше не видаться; надвюсь, что это и сбудется.

— А если онъ когда-нибудь потребуешь своего ребенка, что бы ты стала отвѣчать?

— Своего ребенка! своего ребенка! вскричала встревоженная Марта.— Ребенка, котораго онъ не знаетъ, о существованіи котораго не слыхалъ даже? Ребенка, котораго онъ не желалъ, котораго зачалъ противъ воли, и котораго ожиданіе проклиналъ во мнѣ? Ребенка, которымъ онъ меня обвинялъ, будто зачатымъ отъ другаго, и котораго раждать на свѣтъ запретилъ бы мнѣ, если бъ это было въ его власти? Нѣтъ, это не его ребенокъ, и не будетъ никогда его! О, Поль! такъ ты не понялъ, что я могла простить Орасу свое униженіе, огорченія, ненависть ко мнѣ; но ненависть къ ребенку, проклятіе его къ моей утробѣ никогда ему не простится... Нѣтъ! этотъ ребенокъ, Арсенъ, нашъ, а не орасовъ. Любовь, привязанность, попеченія условливаютъ настоящее родительское право. Въ этомъ жестокомъ свѣтѣ, гдѣ позволено мужчинамъ покидать плодъ своей любви и не слыть чудовищемъ, узы крови ничего не значать. Я съ своей стороны воспользовалась тутъ правомъ, которое даетъ мнѣ законъ, чтобы совершенно рѣзорвать нить, могшую связывать моего сына съ Орасомъ. Старуха Олимпія носила его записывать подъ моимъ именемъ, и на мѣсто имени его отца, поставила имя *неизвѣстнаго*. Вотъ все мое мщеніе Орасу: жестоко было бы оно, если бъ онъ умѣлъ его почувствовать!

— Другъ мой, возразилъ Арсенъ:—поговоримъ безъ горечи и досады о человѣкѣ больше-слабомъ, нежели зломъ, и больше-несчастномъ, нежели виновномъ. Мщеніе твое было очень-жестоко, и ты можешь раскаяться въ-послѣдствіи. Орасъ просто мальчикъ, и будетъ мальчикомъ, можетъ-быть, еще много лѣтъ; но наконецъ сдѣлается же онъ мужчиною, и можетъ-быть проклянетъ заблужденія своего ума и сердца. Онъ раскается въ злѣ, которое дѣлалъ, не понимая его, и ты будешь однимъ изъ горькихъ упрековъ въ его жизни. Если онъ когда-нибудь увидитъ это прекрасное дитя, которое, благодаря тебѣ, навѣрное будетъ очаровательно, и если ты откажешь ему въ правѣ прижать его къ сердцу...

— Арсенъ, твое великодушіе обманываетъ тебя, прервала Марта съ горькою энергіей:—Орасъ никогда не будетъ любить свое дитя. Онъ не чувствовалъ этой любви въ тѣхъ лѣтахъ, когда сердце

всего могущественнѣе: откуда жь возьметъ онъ ее въ лѣта эгоизма и личной заботы? Если бь сынъ могъ чѣмъ-нибудь польстить его тщеславію, онъ утѣшался бы имъ, можетъ-быть, нѣсколько дней, но, повѣрь, не далъ бы ему правилъ и примѣровъ по моему сердцу. Не хочу же, чтобъ онъ принадлежалъ ему—никогда! ни подъ какимъ видомъ!

— Твердо рѣшилась ты на это? сказалъ Арсенъ:—и никогда не раскаешься въ своемъ рѣшеніи?

— Нѣтъ, отвѣчала Марта.

— Въ такомъ случаѣ, возразилъ онъ:—есть очень-простое средство. Ребенокъ слыветъ моимъ сыномъ, потому-что никто изъ окружающихъ насъ теперь не знаетъ ни прошедшихъ, ни настоящихъ нашихъ отношеній. Насъ считаютъ супругами, или любовниками. Не въ театральныхъ нравахъ требовать отъ мужчины и женщины законнаго доказательства ихъ связи. Мы дали составиться этому мнѣнію, почли его нужнымъ для своей безопасности. Одна только старуха Олимпія можетъ сказать, что дитя не наше, а она такъ скромна, что не измѣнитъ намъ. До-сихъ-поръ нѣтъ ничего проще: все дѣло въ томъ, чтобъ только не разрушать уже-утвердишагося мнѣнія. Но когда мы сойдемся съ старыми друзьями (потому-что, даже хотъ и станемъ избѣгать ихъ, непременно встрѣтимся съ которыми-нибудь изъ нихъ; рано или поздно это должно случиться),—подумай, Марта, что мы скажемъ имъ?

Марта, смущенная и какъ-бы огорченная, подумала съ минуту; потомъ, оправясь, отвѣчала очень-твердо:—Скажемъ то, что сказали другимъ, что этотъ ребенокъ—твой.

— Подумала ль ты о слѣдствіяхъ этой лжи, бѣдная Марта? Вспомни, что ревность Ораса была хорошо-извѣстна его пріятелямъ: никто не зналъ тебя столько, чтобъ вѣрить ея неосновательности... Подумаютъ, что ты его обманывала, и ложное обвиненіе, котораго ты не могла переносить, слыша его отъ Ораса, будетъ произноситься всеми, даже друзьями, которые никогда въ тебѣ не сомнѣвались, какъ напр. Теофиль, Эженъ, и другіе!

Марта поблѣднѣла.—Это сильно огорчаетъ меня, отвѣчала она.—Я была такъ горда! я такъ негодовала на подозрѣнія... Теперь подумаютъ, что я была безстыдна, лгала безсовѣстно. Но впрочемъ что за дѣло? Меня могутъ обвинить только въ глупости и тщеславіи; они будутъ знать, что я не предоставила Орасу ребенка, какъ его собственнаго сына, и что удалась отъ него, готовясь сдѣлаться матерью.

— Скажутъ, что онъ тебя прогналъ, что ты хотѣла-было его обмануть, но что онъ замѣтилъ твою неувѣрность; и онъ будетъ совершенно оправданъ въ глазахъ другихъ и своихъ собственныхъ.

— Въ своихъ собственныхъ! воскликнула Марта, пораженная мыслью, которая еще не приходила ей въ голову.—О, правда! это значило бы забавлять его отъ наказанія, посылаемаго ему небеснымъ правосудіемъ! Это значило бы снимать съ него позоръ, который онъ долженъ чувствовать, видя, какъ ты, вмѣсто его, исполнилъ обязанности, имъ пренебреженныя. Нѣтъ! пусть же знаютъ твоё великодушіе и чистоту любви твоей! Пусть онъ будетъ униженъ въ глубинѣ собственной души своей, пусть онъ принужденъ будетъ сказать самому себѣ: Марта имѣла право искать убѣжища на груди Арсена!

— Это бездѣлица, возразилъ Арсенъ: — а для меня важно то, чтобъ этотъ слѣпой и дерзкій человекъ не присвоилъ себѣ права презирать тебя и кричать твоимъ истиннымъ друзьямъ: «Видите, я былъ правъ, не въря Мартъ! Она была любовницею Арсена въ то же время, какъ и моею. Ребенокъ, котораго она хотѣла дать мнѣ, имѣлъ двухъ отцовъ, и я не знаю, которому онъ принадлежитъ».

— Ты правъ, отвѣчала Марта.—Хорошо! мы не станемъ лгать нашимъ старымъ друзьямъ; и если мнѣ когда-нибудь доведется несчастіе встрѣтить Ораса, у меня достанетъ духа сказать ему въ лицо: «Вы отказались отъ своего дитяти; другой съ радостью взялъ его себѣ, и черезъ то заслужилъ быть на-вѣкъ моимъ супругомъ, моимъ любовникомъ, моимъ братомъ».

Сказавъ это, Марта кинулась въ объятія Арсена и покрыла его лицо поцалуйми и слезами; потомъ вынула дитя изъ колыбели, и торжественно вручила ему. Поль взялъ его на руки, призвалъ Бога въ свидѣтели, и совершилъ усыновленіе передъ лицомъ неба.

XL

Въ концѣ лѣта, виконтесса начала торопиться отъѣздомъ изъ деревни, подъ предлогомъ нужныхъ дѣлъ; въ самомъ же дѣлѣ для того, чтобъ бѣжать отъ Ораса, котораго уже не любила и даже начинала ненавидѣть. Желая отдѣлаться отъ этого опаснаго любовника, она писала къ своему старому другу, маркизу де-Верну, и просила у него совѣта, какъ обыкновенно дѣлывала, когда имѣла въ немъ нужду. Она признавалась ему въ своей склонности къ Орасу и слѣдовавшему за нею охлажденію, не скрывала презрѣнія и досады, причиненныхъ ей его нескромностью, говорила о своемъ опасеніи, чтобъ тотъ не сдѣлалъ новой нескромности; рассказывала, какъ, попробовавъ обходиться съ нимъ нѣсколько-гордо, чтобъ приучить его къ почтенію, она не успѣла въ своемъ намѣреніи: Орасъ хотѣлъ выка-

зять свои права, и чтобъ внушить страхъ, не внушая ненависти къ себѣ, говорилъ о ревности и мщеніи, какъ герой Кальдерона. Встретившая Леонія умоляла маркиза помочь ей избавиться отъ этого бѣшеннаго человѣка.

Маркизь отвѣчалъ:

«Я предвидалъ, что случится. Этотъ молодой человѣкъ поправился нѣмъ, а вамъ еще больше. Онъ имѣетъ достоинства человѣка талантливаго и недостатки человѣка, вышедшаго изъ ничтожества (*homme de rien*). Онъ любитъ васъ, а скоро станетъ васъ ненавидѣть, потому что вы не можете ни любить его, ни ненавидѣть, сколько ему того хочется. И ненависть его и любовь одинаково будутъ вамъ пагубны. Есть одно средство предохранить себя отъ нихъ: стараться сдѣлать его равнодушнымъ. Для этого, вы должны остерегаться показывать ему равнодушіе. Иначе вы оживили бѣ его желанія, пробудили досаду, и довели бы его до крайностей. Будьте напрогивъ страстны; перещеголяйте его въ ревности, въ подозрѣніяхъ, въ угрозахъ. Напугайте его, утомите его волненіями. Постарайтесь ему наскучить требовательностью. Притворитесь въ свою очередь влюбленною Испанкой, сдѣлайте его столько несчастнымъ, чтобъ онъ пожедалъ васъ осавить. Пусть онъ сдѣлаетъ первый шагъ къ разрыву, и сдѣлаетъ насмѣдственно. Тогда вы спасены. Онъ первый начнетъ ссору. Ваша поспѣшность воспользоваться ею и разстаться съ нимъ будетъ законною гордостью, достоинствомъ сильнаго характера, неутомимымъ гнѣвомъ пылкой любви. За остальное я ручаюсь. Я овладѣю имъ, когда наступитъ время, выслушаю его жалобы, докажу ему, что онъ одинъ виноватъ, и при всей къ вамъ ненависти, онъ принужденъ будетъ уважать васъ. Можетъ-быть, онъ станетъ надѣяться на васъ, будетъ дѣлать дурачества, чтобъ васъ тронуть — будьте непреклонны. Можетъ-быть, онъ размножитъ себѣ голову — только слегка: онъ такъ уменъ, что не откажется отъ прекрасныхъ романовъ, которыми чревата его будущность. Тогда вся сумасбродства, какія будутъ онъ дѣлать для васъ, вместо безчестія вамъ, обратятся въ торжество вашей гордости. Вся узнаютъ, можетъ-быть, что этотъ молодой человѣкъ влюбленъ въ васъ, но узнаютъ также, что вы доводите его до отчаянія, и если ему въ сердцахъ случится похвалиться прошлымъ, его почтутъ хвастуномъ или сумасшедшимъ. Изъ всего этого, моя прекрасная виконтесса, послѣдуетъ приращеніе вашей славы. Женщины больше чѣмъ когда-нибудь станутъ завидовать вашему могуществу, а мужчины будутъ соотнами падать къ ногамъ вашимъ».

Виконтесса въ-точности послѣдовала совѣту своего ментора. Она такъ удачно разыграла страстную роль свою, что Орасъ испугался. Замѣтивъ его отступленіе, она пошла дальше, и не побоялась потребовать отъ него, чтобъ онъ ее похитилъ. Эта мысль сначала пошла Орасу, когда онъ подумалъ о шумѣ, какой надѣлало бы подобное приключеніе, и о чести, какую привлекла бы ему въ провинціи и даже въ свѣтъ безумная страсть такой знатной и такой умной женщины. Виконтесса трепетала, видя его нерѣшимость; но черезъ сутки Орасъ испугался мысли жить съ такою ревнивою и повелительной любовницею. Онъ вообразилъ себѣ неприятность, какую будетъ чувствовать, когда любопытные, бѣгая за нимъ по слѣ-

дать, чтобы взглянуть на него проходящаго съ своимъ завоеваніемъ, скажутъ: «зі такъ она не лучше вторго?» или: «да она ужъ не молодѣ!» И, поразмысливъ хорошенько обо всемъ, онъ отказался отъ предлагаемой ею жертвы, говоря, что онъ бѣденъ, и что никогда не рѣшится заставить раздѣлять свою нищету женщину, подобно ей измѣляющую въ богатствѣ. Предлогъ былъ сверхъ-того и довольно основателенъ. Виконтесса притворилась, что не смотритъ на это, ни во что не ставитъ богатство и не дорожитъ мнѣніемъ свѣта, который будтобы ненавидитъ и презираетъ. Но, убѣдившись въ искреннемъ отъращеніи Ораса отъ этого намѣренія, она начала жаловаться, что онъ не любитъ ея, притворилась, будто ревнуетъ его къ Эженіи, выдумала какіе-то нелѣпые поводы къ подозрѣнію и досадѣ. Она даже заплакала, и вырвала у себя изъ головы нѣсколько поддѣльныхъ волосъ. Потомъ вдругъ прогнала Ораса изъ будуара, приготовилась къ отъезду, отказалась принять его извиненія, не хотѣла проститься съ нимъ, и воротилась въ Парижъ, порядочно-утомленная сцѣною драмою, но очень-довольная, что наконецъ избавилась отъ предмета своихъ опасеній.

Съ этой минуты побѣда ея была рѣшена, какъ предсказывалъ маркизь; и Орасъ, жалѣя о ея мнимой горести, радуясь, что самъ уже не подверженъ припадкамъ этой горести, почувствовалъ себя слабѣйшимъ, потому-что былъ равнодушнѣйшимъ.

Молодые дворяне того края, составлявшіе обычный дворъ Леоніи, остались въ своихъ замкахъ, чтобы предаться охотѣ осенью; одинъ изъ нихъ, полюбившій Ораса, и не-шутя считавшій его за великаго человека, пригласилъ его къ себѣ гостить до зимы. Орасъ съ удовольствіемъ принялъ предложеніе. Хозяинъ былъ человекъ богатый и холостой. У него было мало ума, доброе сердце и хорошія манеры, но не было никакихъ свѣдѣній. Это былъ человекъ, котораго Орасъ могъ ослѣплять своею ученостію и очаровывать блескомъ своего ума, находя въ себѣ съ тѣмъ возможность научиться въ его обществѣ аристократическимъ манерамъ, которыя теперь больше чѣмъ когда-либо кружили ему голову.

Первою потребностію его было забыть недѣлю тягостнаго волненія, которое онъ перенесъ, и домъ Луи Мерана былъ для него мѣстомъ наслажденій. Имѣть прекрасныхъ верховыхъ лошадей, и тальбюри въ своемъ распоряженіи, отличное оружіе и превосходныхъ собакъ для охоты, хорошій столъ, веселыхъ собесѣдниковъ, даже кой-какія другія развлеченія, которыми онъ мѣ уже не хвѣтался послѣ высказаннаго имъ презрѣнія къ этому роду удовольствій, но которыми онъ предавался, видя, что его образцы, денди, тщеславились распутствомъ: этого достаточно было, чтобы оглушить и уподобить его до наступленія зимы. Будучи дѣйствительно выше

умомъ всѣхъ своихъ новыхъ пріятелей, онъ дарованіями искапалъ недостатокъ знатнаго происхожденія, богатства и свѣтскости; что, впрочемъ, поставили бѣ ему въ порокъ развѣ тогда только, когда бы онъ сталъ этимъ величаться; но онъ держалъ себя осторожно. Онъ такъ боялся, чтобъ гордость этихъ молодыхъ людей не превзошла его гордости, что увѣрилъ ихъ, будто онъ хорошей фамиліи и имѣетъ порядочное состояніе. Уютность его чемодана обличала это хвастовство; но онъ путешествовалъ, остался случайно въ ихъ краю, куда онъ захватилъ было только на нѣсколько дней, и чтобъ оправдать въ глазахъ Луи Мерана слишкомъ замѣтную худобу кошелька своего, много разъ притворялся будто хочетъ вхатъ, чтобы по-крайней-мѣрѣ, говорилъ онъ, взять у *своего банкира* денегъ, которыя у него вышли.

— Что за бѣда! сказалъ хозяинъ, который имѣлъ несчастіе скупать, когда оставался одинъ въ замкѣ, и для котораго Орасъ былъ пріятнымъ собесѣдникомъ: — мой кошелекъ къ вашимъ услугамъ. Сколько вамъ надобно? лудировъ сто, что ли? — «Мнѣ нужно не больше ста франковъ» — воскликнулъ Орасъ, котораго такое богатое предложеніе заставило вытаращить глаза, и который дотолъ безпокоился только, какъ ему будетъ подарить *на-водку* слугамъ при отъѣздѣ. — Вы забыли, сказалъ пріятель: — вѣдь у насъ будетъ большое сборище молодежи, по случаю деревенскаго праздника, на который всѣ мы ѣдимъ, и гдѣ проводимъ иногда по недѣль. Тамъ играютъ на пропалюю. Вамъ надобно быть въ состояніи кинуть нѣсколько горстей золота на столъ, если вы не хотите прослыть здѣсь за *une espèce*.

Хотя Орасъ твердо зналъ, что никогда не будетъ въ силахъ заплатить эти деньги, развѣ если ему посчастливится въ игрѣ, однако слѣпо довѣрлся случаю и принялъ предложеніе пріятеля. Ни разу въ жизни онъ не игрывалъ, потому-что никогда не имѣлъ на то средствъ, и не зналъ ни одной игры, кромѣ билльярда, на которомъ игралъ отлично, что и заслужило ему уваженіе многихъ знатныхъ господъ, въ среду которыхъ онъ пустился. Онъ скоро выучился бульйоттъ, глядя какъ они въ нее играли, и во время праздника горячо дебютировалъ на этомъ новомъ поприщѣ ощущеній и опасностей. Къ будущему своему несчастію, онъ имѣлъ этотъ день безумную удачу. Съ сотнею лудировъ выигралъ онъ тысячу, и поспѣшно заплатилъ одну сотню Луи Мерану, пятьсотъ лудировъ отложилъ, а съ остальными четырьмя стами продолжалъ играть каждый день. Проигрывалъ, опять выигрывалъ, и, послѣ нѣсколькихъ колебаній фортуны, воротился наконецъ въ замокъ Меранъ съ 17,000 франками золотомъ и банковыми билетами въ чемоданѣ. Для молодаго человека, который очень нуждался въ деньгахъ и всегда имѣлъ ихъ мало, это было уже богатствомъ. Онъ едва не сошелъ съ ума

отъ радости, и, кажется, действительно съ-тѣхъ-поръ немного по-мѣшался. Онъ прїѣхалъ къ намъ похвастаться своимъ счастьемъ, и не заботился объ уплатѣ полутораста лудоровъ, которые былъ мнѣ долженъ. Я не имѣлъ духа напомнить ему, хотя самъ былъ въ довольно-затруднительномъ положеніи; мнѣ казалось невозможнымъ, чтобъ онъ забылъ долгъ свой. Однакожь онъ никогда не вспомнилъ о немъ, и я прощаю ему отъ чистаго сердца, увѣренный, что воля его отнюдь тутъ не участвовала. Послѣдностью, съ какою пришло у него объявить мнѣ о своемъ богатствѣ—лучшее тому доказательство. Первою заботою его было отправить сто лудоровъ матери; но онъ не смѣлъ сказать ей, что это были выигранныя деньги: добрая женщина скорѣе бы испугалась, чѣмъ обрадовалась имъ. Онъ написалъ, что получилъ эти деньги за свои литературные труды, которымъ онъ предавался въ моей пустынѣ, и которые посылалъ въ Парижъ къ издателю.—Хочу, сказалъ онъ мнѣ смѣясь:—помирить ее съ ремесломъ литератора, на которое она смотритъ съ такой боязнью за меня, и которое станетъ теперь считать очень-почѣтнымъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ пошлю ей еще тысячу франковъ, и буду такимъ образомъ постепенно пересылать, пока станетъ денегъ. За чѣмъ и не въ состояніи отправить ей сейчасъ же всю сумму! Какъ счастливъ былъ бы я, если бъ могъ вдругъ заплатить ей за всѣ пожертванія, какія она дѣлала для меня съ самаго рожденія! Но она не поняла бы, что у меня за дѣла, и потребовала бы невозможныхъ объясненій; а мои землякы, столько же догадливые какъ и добрые, увидѣвъ, что старушка Дюмонтѣ обновила себѣ столовую посуду и купила платьевъ дочери, навѣрное заключили бы изъ того, что для доставленія моею семьѣ такого богатства, я непременно убилъ кого-нибудь. Правда, добрый батюшка, который немного прихвастываетъ своимъ вкусомъ въ литературѣ, захочетъ читать мою печатную прозу. Я скажу ему, что пишу подъ вымышленнымъ именемъ, вырѣжу изъ какаго-нибудь вновь-переведеннаго нѣмецкаго мистическаго поэта сотню страницъ, и пошлю за свое сочиненіе. Онъ увидитъ тамъ оди-застыки, и станетъ показывать ихъ всѣмъ умнымъ головамъ своего городка, которые, не понявъ ни крошки, согласятся наконецъ, что я человекъ необыкновенный.

Говоря эти глупости, Орскъ, который иногда охотно шучивалъ надъ самими собою, помиралъ со смѣху. Правда, онъ отослалъ бы матери всѣ свои деньги, если бъ могъ это сдѣлать тогда же, не испугавъ ея. Сердце его было благородно; и если онъ до такой степени радовался своему богатству, то не столько потому—что обладалъ этимъ богатствомъ, сколько потому—что одержалъ нѣкоторую побѣду надъ своею, какъ онъ говорилъ, злою судьбою. Къ-несчастью, на другой день онъ уже забывалъ о своихъ намѣреніяхъ. Мать не получа-

ла отъ него ничего больше, и всѣ парижскіе замодницы также были забыты. Отъ этой минутной антиутилитической преданности въ немъ уцѣлѣла только какая-то безразсудная и странная гордость, въ-сѣдствіе которой онъ вѣрилъ въ свою звѣзду касательно денежныхъ успѣховъ, какъ вѣрилъ въ свою звѣзду Наполеонъ въ военномъ дѣлѣ. Эта недѣлая вѣра въ какую-то судьбу, благопріятствующая его прихотямъ, въ какихъ-то боговъ, помогавшихъ всѣмъ его предпріятіямъ, сдѣлала его тщеславнымъ и безразсуднымъ. Онъ зажилъ молодымъ человекомъ, для котораго цѣтнадцать тысячъ франковъ были только полугодовымъ жалованьемъ. Онъ купилъ лошадь, сорилъ золотыя монеты всѣмъ слугамъ своего хозяина, написалъ своему портному въ Парижъ, что получилъ наследство, и велѣлъ выслать себѣ самое модное платье. Черезъ двѣ недѣли, явился онъ одѣтый уморительнѣйшимъ образомъ. Пріатели шутили надъ его безвкусицей нарядомъ и совѣтовали перемѣнить портнаго изъ Латинскаго Квартала на какую-нибудь фешёнебельную знаменитость. Онъ тотчасъ роздалъ свой новый гардеробъ охотницамъ этихъ господъ, и заказалъ себѣ другой Гуманну, одѣвавшему Луи Мерана. Рекомендованный такимъ франтомъ и богачомъ, онъ имѣлъ у этого царя портныхъ открытій кредитъ, о которомъ не заботился, и который рылся подъ нимъ незримою пропастью.

Веселые товарищи, его окружавшіе, замѣтивъ его безумную расчужительность и видя его одѣтымъ въ костюмъ денди, который чрезвычайно-удачно скрывалъ его плебейское происхожденіе, приняли его совершенно въ свой кругъ и стали имъ очень дорожить. Великій учитель уже не время, а деньги. Орастъ, неупорядочиваемый и непечалимый больше бѣдностью, предался всѣмъ порывамъ своей блестящей веселости и снѣлаго воображенія. Деньги сдѣлали въ немъ чудеса: вмѣстѣ съ увѣренностью въ будущемъ и наслажденіями настоящаго, возвратили онъ ему способность къ труду, которую онъ, казалось, навсегда потерялъ. Онъ воспринялъ всѣ свои дарованія, подавленные непріятностями и заботами прошлой зимы. Нравъ его опять сталъ ровенъ и веселъ. Идеи его, не сдѣлавшись справедливые, сдѣлались стройнѣе и обширнѣе. Слогъ вдругъ образовался. Онъ написалъ очень-замѣчательный небольшой романъ, котораго героинею была Марта, а содержаніемъ—его любовь. Онъ придалъ въ немъ себѣ гораздо-лучшую роль, чѣмъ какую имѣлъ въ дѣйствительности; но очень-искуснымъ образомъ развилъ и одиозировалъ свои заблужденія. Если бъ книга его надѣлала больше шума, то была бъ одною изъ самыхъ вредныхъ книгъ романтической эпохи. Это была не только апологія, но и апотеоза эгоизма. Конечно, Орастъ былъ лучше своей книги; но онъ употребилъ столько таланта, что могъ придать этому сочиненію существенную цѣну. Будучи тогда богатъ,

онъ легко шагнулъ надателя, и романъ, запечатанный на его счетъ, вышедшій вскорѣ послѣ его возвращенія въ Парижъ, имѣлъ нѣкоторый успѣхъ, особливо въ высшемъ кругу публки.

Такая роскошная жизнь, съ примѣсью умственного труда и физической дѣятельности, была идеаломъ и настоящею стихіей Ораса. Я замѣтилъ, что его рѣчь и манеры, прежде смѣшныя, когда онъ хотѣлъ преобразить ихъ изъ нѣщанскихъ въ аристократическія, стали изящны и приличны, когда, сильный собственнымъ достоинствомъ и богатый собственными деньгами, онъ не подражалъ уже никому, преобразовывая себя. Въ Парижъ новые пріятели представили его въ разные богатые и знатные дома, гдѣ онъ нашелъ прежнее хорошее общество и новый большой свѣтъ. Онъ увидѣлъ праздники бакировъ-Жидовъ и менѣе-пышныя, но болѣе-утонченныя вечера нѣкоторыхъ герцогинь. Онъ входилъ всюду смѣло, уверенный, что нигдѣ не будетъ не на своемъ мѣстѣ, побывавъ любовникомъ и ученикомъ виконтессы де-Шальи. Черезъ два мѣсяца такой жизни, Орасъ преобразился совершенно. Онъ пріѣхалъ навѣстать насъ въ своемъ тильбурѣ, съ своимъ грумомъ, который держалъ его прекрасную лошадь. Онъ прошелъ наши пять этажей, какъ-будто и не дѣлывалъ отъ роду ничего другаго, — имѣлъ въжливостъ не показаться задохшимся. Платье его было безукоризненно; дикая прическа усмирена наконецъ искусствомъ Бушрѣ, преемника Мишалова. Руки у него были бѣлы какъ у женщины, ногти красиво обстрижены, сапоги лакированы, трость отъ Вердье. Но всего удивительнѣе было, что онъ принялъ тонъ совершенно-натуральный, и нельзя было угадать, что все это плодъ изученія. Единственнымъ признакомъ, обличившимъ недавнее его превращеніе, была какая-то торжествующая радость, которая aureoleмъ сіяла на челѣ его. Эженіи, у которой онъ при входѣ въ комнату поцаловалъ руку (въ первый разъ въ жизни), сначала едва могла удержаться отъ смѣха, а потомъ не меньше него дѣвилась легкости, съ какою этотъ молодой мотылекъ сбросилъ свою прежнюю личинку. Онъ былъ въ такой хорошей школѣ, что выучился не только ловко держаться, но и ловко вести разговоръ. Онъ уже не говорилъ о себѣ, спрашивалъ насъ обо всемъ, что могло интересоватъ насъ лично, и показывалъ, будто самъ этимъ интересуется. Мы видѣли его первыя усилія достигнуть идеала, которымъ онъ теперь овладѣлъ наконецъ, и удивлялись, что онъ уже потерялъ надутость и дерзость выскочки. — Да скажи мнѣ что-нибудь о себѣ, говорилъ я ему. — Твои дѣла, кажется, процвѣтаютъ. Надѣюсь, что твое новое состояніе не основано на однихъ картахъ, или на литературѣ, въ которой ты дебютировалъ такъ удачно. — Выигранныя деньги выходятъ, отвѣчалъ онъ непринужденно. — Надѣюсь возобновлять ихъ, черпая изъ того же источника, и до-сихъ-поръ мон опы-

ты не были несчастливцы; но какъ надо быть готову на проигрышъ, то я думалъ о литературѣ, какъ о доходѣ болѣе-прочномъ. Мой издатель высыпалъ мнѣ на дняхъ 3,000 франковъ за небольшой томъ, который напишу ему недѣли въ двѣ; и если публика прійметъ эту книгу такъ же снисходительно, какъ приняла первую, то, надѣюсь, не буду больше нуждаться въ деньгахъ. 3,000 франковъ за небольшимъ томъ, думалъ я, дорогонько; но все зависитъ отъ сдѣлокъ?

— Романъ, сказалъ я, который ты недавно издалъ...

— О! сдѣлай милость, не говори мнѣ объ немъ. Это такая дрянь, что мнѣ не хочется и вспоминать.

— Ни чуть не дрянь, возразилъ я:—можно даже сказать, что это очень-замѣчательная парафраза «Адольфа», мастерскаго литературнаго произведенія Бенжамена-Констана, котораго ты, кажется, взялъ себя за образецъ.

Этотъ комплиментъ не слишкомъ понравился Орасу; лицо его вдругъ перемѣнилось.

— Такъ ты находишь, сказалъ онъ, стараясь сохранить свой равнодушный видъ:—что моя книга сколокъ? Очень можетъ быть; но я этого не думалъ, тѣмъ больше, что я никогда не читалъ «Адольфа».

— Я тебѣ давалъ его однако прошлаго года.

— Въ-самомъ-дѣлѣ?

— Точно.

— Не помню. Такъ моя книга не болѣе какъ воспоминаніе?

— Не возможно, возразилъ я:—чтобъ первое произведеніе двадцатилѣтняго автора было чѣмъ-нибудь болше; но твой романъ удачно обставленъ, хорошо написанъ, занимателенъ, никто на это не жалуется. Впрочемъ, рискуя быть педантомъ, я хочу тебя пожуричь за цѣль его. Ты, мнѣ кажется, оправдываешь эгонзмъ...

— Э! мой милый, оставимъ это, пожалуйста! сказалъ Орасъ нѣсколько иронически:—ты говоришь какъ журналистъ. Я вижу, къ чему ты ведешь дѣло. Ты хочешь сказать, что *моя книга* — *дурной поступокъ*. Я въ этомъ мѣсяцѣ читалъ, по-крайней-мѣрѣ, пятьдесятъ фельетоновъ, заключавшихся тѣмъ же.

Я настаивалъ на своемъ, поспорилъ съ нимъ нѣсколько; опровергалъ его теорію «искусства для искусства» съ нѣкоторымъ упрямствомъ, которое считалъ долгомъ дружбы къ нему, но котораго не выдержала долго позолота шуточной скромности, приданная ему знаніемъ приличій. Онъ разгорячился, защищался съ досадою, нападалъ на меня съ горечью, и теряя мало-по-малу все заимствованное равнодушіе и возвращаясь къ стариннымъ своимъ декламациямъ, возгласамъ, театральнымъ жестамъ, даже къ нѣкоторымъ изъ своихъ трактирныхъ поговорокъ Латинскаго Квартала, выпустилъ прежняго Ораса изъ худо-запертой гробницы, куда заперъ-было его.

Замѣтить, что съ нимъ случилось, онъ такъ былъ пристыженъ и раздраженъ этимъ, что вдругъ сдѣлался мраченъ и молчаливъ. Но это было для насъ такъ же не ново, какъ и его шумный гнѣвъ: мы такъ часто видали въ немъ переходы отъ декламации къ досадѣ! — Послушайте, Орасъ, сказала Эженн, дружески положивъ ему руки на плеча:—какъ ни любезны вы были въ началѣ вашего визита, и какъ ни угрюмы теперь, а мнѣ пріятнѣе видѣть васъ такимъ, какии вы на самомъ дѣлѣ. По-крайней-мѣрѣ, это вы сами, со всеми вашими недостатками, которые мы знаемъ наизусть, и которые не ишають намъ любить васъ, между-тѣмъ, какъ, когда вы стараетесь быть свѣтскимъ человѣкомъ, мы васъ уже не узнаемъ и не знаемъ что думать.

— Очень вамъ благодаренъ, моя прекрасная, сказалъ Орасъ, хотѣвъ-было поцаловать ее въ наказаніе за дерзость. Но она не позволила ему, грозя опарачать лицо булавкою, что помѣшало бы ему ѣхать въ общество вечеромъ, и онъ остерегся. Онъ старался снова принять свой непринужденный видъ и отличныя манеры прежде, чѣмъ разстанется съ нами, но не успѣлъ, и чувствуя себя неловкимъ и принужденнымъ, сократилъ визитъ.

— Боюсь, мы его разсердили, и не скоро дождемся опять, сказалъ я Эженн, когда онъ уѣхалъ.

— Увидимъ опять, когда онъ еще выиграетъ деньги, и заведетъ карету, которую пріѣдетъ намъ показать, отвѣчала она.

— Я думалъ-было, что онъ исправился отъ всѣхъ своихъ недостатковъ, примолвилъ я:—и радовался...

— А я такъ огорчаюсь, сказала Эженн: — мнѣ казалось, что онъ дошелъ до безстыдства, которое хуже всѣхъ пороковъ. Къ-счастію, онъ никогда не перестанетъ быть смѣшонъ, потому-что, вопреки всѣмъ натяжкамъ, въ характерѣ его много наивности, которая увлекаетъ его.

Въ тотъ же день, мы были пріятно удивлены и взволнованы другамъ визитомъ. Слѣдя еще глазами съ балкона быстрое тильбюри Ораса, мы увидѣли, что, при поворотѣ на мостъ, онъ едва не задавилъ мужчинъ съ женщиною, которые шли ему на встрѣчу, и разговаривали смотря внизъ и не обращая вниманія на то, что вокругъ ихъ происходило. Орасъ закричалъ: «посторонитесь!» такъ громко, что голосъ долетѣлъ до насъ сквозь весь уличный шумъ, и мы видѣли, какъ онъ стегая свою горячую лошадь нарочно съ намѣреніемъ испугать невѣжливыхъ людей, принудившихъ его на секунду остановиться. Глаза наши невольно слѣдовали за этой скромной парой, которая подходила все ближе къ намъ, и не замѣчала, казалось, ни леди, ни его экипажа. Они шли подъ-руку, опираясь другъ на друга

и медленнее всѣкъ озабоченныхъ людей, спѣшившикъ по тротуару.

— Замѣчалъ ли ты когда-нибудь, сказала Эжені:— что по выходѣ двухъ человѣкъ равнаго пола, идущихъ подъ-руку, можно отгадать чувства ихъ другъ къ другу? Вотъ эта пара любитъ безъ-памяти другъ друга, хотъ объ закладъ побиться! Оба они молоды, вижу это по ихъ талии и походивъ. Женщина должна быть красавица, по-крайней-мѣрѣ станъ у ней прелестный; а по манерѣ, какъ она опирается на руку этого молодого мужа или любовника, видно, что она имъ очень-счастлива.

— Вотъ и цѣлый романъ, котораго эти прокожіе и не подозреваютъ въ себѣ, отвѣчалъ я.— Но посмотри-ко, Эжені! чѣмъ ближе подходитъ этотъ человѣкъ, тѣмъ больше онъ мнѣ кажется знакомымъ. Онъ сдѣлалъ жестъ какъ Арсенъ, поднимаетъ голову на нашъ балконъ... Боже мой! ужь не онъ ли это?

— Нельзя разглядѣть отсюда, сказала Эжені:— но кто же эта женщина съ нимъ? Это навѣрное не Сюзанна и не Луиза.

— Это Марта! воскликнулъ я.— У меня зоркіе глаза; она глядитъ на насъ, входитъ сюда... Да, Эжені, это Марта съ Поль-Арсеномъ.

— Полно! сказала встревоженная Эжені, уходя съ балкона.— Ты хочешь обрадовать меня...

Я такъ былъ увѣренъ въ своемъ открытіи, что бросился на лестницу на встрѣчу нашимъ воскресшимъ друзьямъ, которые черезъ минуту сжимали Эжені въ своихъ объятіяхъ. Эжені, считавшая ихъ обоихъ умершими и горько ихъ оплакивавшая, едва не упала въ обморокъ, когда увидѣла ихъ опять и обнимала, обливая слезами. Такой пріемъ живо тронулъ ихъ, и они провели у насъ нѣсколько часовъ, въ-продолженіи которыхъ терпѣливо рассказали малѣйшія подробности своей исторіи и настоящей жизни. Услышавъ, что ея подруга актрисса, Эжені посмотрѣла на нее съ удивленіемъ, и сказала мнѣ, указывая на нее: «Посмотри, какъ она все та же! Она похорошѣла, одѣта больше со вкусомъ; но голосъ, тонъ, манеры, ничто не перемѣнилось. Все это такъ же просто, такъ же истинно, такъ же мило, какъ бывало прежде. Это не то, что... Она остановилась, чтобъ не произнести имени, которое Марта въ своемъ рассказѣ повторяла однако много разъ безъ тягостнаго чувства. Но, глядя на Поля съ Мартою, и внутренне продолжая сравненіе ихъ съ Орасомъ, Эжені не могла удержаться, чтобъ не восклицать каждую минуту: «Это они, они! Они не измѣнились. Кажется, будтомы вчера только разстались.» Марта спросила объясненія этихъ недомолвокъ, и я разсудилъ, что лучше говорить ей открыто и просто объ Орасѣ, чѣмъ принуждать ее спрашивать насъ о немъ. Я разсказалъ ей о его

посещеніи, и обо всемъ, чѣмъ объяснялось это внезапное богатство; разсказалъ даже объ отношеніяхъ его къ виконтессѣ де-Шаллі. Я считалъ долгомъ сдѣлать это, чтобъ окончательно испугать спасенную. Она улыбулась съ сожалѣніемъ, слегка затрепетала, и кидаясь на грудь супруга, сказала ему съ кроткой и печальной усмѣшкою: — Видишь, какъ хорошо я знала Ораса!

Въ четыре часа мы принуждены были разстаться. Марта играла въ этотъ вечеръ. Мы пошли смотреть ее, и воротились растроганные и пораженные ея талантомъ, плача отъ радости, что опять нашли два любимыя существа, соединенныя наконецъ другъ съ другомъ и вполне-счастливыя.

ХІІ.

Появись въ свѣтъ съ красивою наружностью, довкою осанкою, смѣлымъ умомъ для разговора, началомъ литературной извѣстности, признаками хорошаго состоянія, съ именемъ, которое писалось дю-Монтѣ, Орасъ не могъ остаться незамѣченнымъ; и было время, когда, безъ всякаго самообольщенія, онъ могъ надѣяться величайшихъ успѣховъ у тѣхъ прекрасныхъ салонныхъ куколъ, которыхъ зовутъ модными дамами. Двѣ или три отцвѣтшія кокетки пустили бы его въ ходъ, еслибъ онъ захотѣлъ черезъ нихъ прославиться; но онъ не тѣлъ выше, и это погубило его. Онъ забралъ себя въ голову, что такія мимолетныя связи слишкомъ-легки, что онъ можетъ надѣяться на блестящую партію. Отвѣдавъ богатства, онъ началъ думать, что на свѣтъ только и есть существеннаго и хорошаго, что богатство. На талантъ и на славу смотрѣлъ онъ уже только какъ на средство къ обогащенію, и разсчитывалъ на дары, полученные имъ отъ природы, чтобъ плѣнить сердце какой-нибудь богатой наслѣдницы. Съ ловкостью, временемъ и благоразуміемъ, кто знаетъ, не осуществился ли бы и мечты его! Но онъ не умѣлъ распорядиться средствами своего положенія, и лишняя самонадѣянность сбила его съ дороги. Способный обманываться касательно внушаемыхъ имъ чувствованій, онъ завелъ интригу съ дочерью банкира, романическою пансіонеркою, которая отвѣчала на его письма, назначала ему свиданія, соглашадась на бѣгство съ нимъ и бракъ въ Гретна-Гринъ. Къ-несчастью, у Ораса не доставало денегъ на эту поѣздку. Двѣ или три тысячи франковъ за второй романъ были истрачены впередъ, и въ игрѣ началъ онъ становиться столько же несчастливъ, сколько воображалъ себя счастливымъ въ любви. Онъ погорячился дѣломъ, потребовалъ дѣвушку у родителей довольно-повелительнымъ тономъ, хвастался передъ ними страстью, которую она къ нему имѣла, и да-

же пашекнулъ, что отказывать уже поздно. Этотъ послѣдній пунктъ была любовная хитрость, въ которой онъ надѣялся сдѣлать дѣвушку участницею, потому-что на дѣлѣ онъ былъ добросовѣстнѣе, нежели хотѣлъ казаться. Онъ уважалъ честь безразсудной героньки своего романа, и самыя отношенія ихъ были такъ невинны, что она не боялась съ нимъ никакой опасности. Родители, люди тонкіе и благо-разумные, какъ всѣ; сами себѣ нажившіе состояніе, скоро проникли истину. Они покорили дочь кротостью, представили ей Ораса хвастуномъ, человѣкомъ безъ сердца, готовымъ ее обезчестить, чтобъ разбогатѣть женившись на ней. Завели переговоры, прекратили переписку и тайныя свиданія, продлили время, соглашались отдать руку, но удержать приданое, и въ нѣсколько дней умѣли до такой степени охолодить другъ къ другу любовниковъ, что Орасъ отступилъ въ бѣшенствѣ на свою возлюбленную, которая съ своей стороны отвергла его съ презрѣніемъ и негодованіемъ. Это печальное приключеніе осталось втайнѣ: ни съ той ни съ другой стороны имъ не хвастались; и Орасъ, въ гнѣвѣ, тотчасъ обратился къ одной вдовѣ хорошей фамиліи, которая имѣла тысячъ двадцать ливровъ годоваго дохода и была еще молода и прекрасна.

Видя ея сентиментальность и кокетливость, онъ вообразилъ, что она не согласится принадлежать ему иначе, какъ по браку, и ошибся. Хотѣла ль вдовушка сдѣлать изъ него только рыцаря добра и чести, или она была не такъ щекотлива и хотѣла любить не теряя своей независимости, только онъ былъ принятъ ласково, приманиваемъ искусно, и почувствовалъ себя влюбленнымъ, не зная еще, куда повести дѣло. Съ молодостью, которую онъ прикрывалъ своей густой бородою, съ простонароднымъ именемъ, которое передѣлывалъ на визитныхъ карточкахъ, и съ бѣдностью, которую могъ еще скрывать нѣсколько времени подъ новымъ платьемъ, не знаю, удовлетворилъ ли бы онъ въ себѣ любви и честолюбію. Надежда быть нѣкогда политическимъ человѣкомъ возвращалась къ нему вмѣстѣ съ надеждою сдѣлаться «избирателемъ» по брачному контракту. Онъ питалъ въ себѣ самыя лестныя надежды, и, чтобъ открыть настоящее свое положеніе, ждалъ только, когда внушитъ побольше страсти; но у него былъ врагъ, долженствовавшій преградить ему путь: — виконтесса де-Шальи.

Давно уже переставъ любить Ораса, она надѣялась, что онъ будетъ пресмыкаться передъ нею, согласно предсказаніямъ маркиза де-Верна, какъ-скоро она оставитъ его; но маркизь, почитая Ораса гордымъ въ любви, ошибался. Орасъ былъ только тщеславенъ, и непостоянство, вмѣстѣ съ природной добротою, препятствовало ему чувствовать серьезно сожалѣніе. Онъ увидѣлъ, что виконтесса возвратилась къ графу Меллерѣ; но какъ она принимала его съ наружною

благосклонностью и доуекала въ число друзей своихъ, то считъ себя удовлетвореннымъ, и продолжалъ видаться съ нею безъ сътований, безъ притязаній. Для обоихъ это было бы лучшимъ положеніемъ дѣль; но Орасъ не могъ прожить недѣли безъ какой-нибудь тяжелой ошибки. Онъ любилъ попировать, заглушая тѣмъ, можетъ-быть, нѣкоторые тайные упреки совѣсти. За завтракомъ въ Кафѣ-де-Пармъ онъ напился, сдѣлался откровененъ, болтливъ, и выболталъ о своихъ успѣхахъ передъ виконтессою. Одинъ изъ людей, вѣроломно помогавшихъ этой исповѣди, ненавидѣлъ Леонію и былъ коротокъ съ графомъ де-Мельерѣ. На другой же день графъ узналъ о невѣрности виконтессы. Онъ не оскорбилъ ея рассказомъ, не столько ее любя, чтобъ увлечься, но надѣлалъ колкихъ упрековъ, которые ее глубоко уязвили. Съ-тѣхъ-поръ, Орасъ былъ для нея предметомъ неумиримой ненависти. Она довольно-коротко знала вдову, за которой онъ ухаживалъ, и уже замѣтила оборотъ, какой принимала эта связь. Она стала показывать ей дружбу, снискала ея довѣренность, и охладила ее къ Орасу, сказавъ одно слово: «Этотъ человекъ умѣетъ говорить»... Орасъ былъ немедленно отвергнутъ. Онъ вступилъ въ борьбу, которая только позорнѣе довершила его пораженіе.

Такая смертная обида не могла случиться въ алѣйшую минуту. Вышелъ его второй романъ, и былъ нехорошъ. Орасъ истощилъ въ первомъ небольшой запасъ таланта, потому-что растратилъ небольшое число нажитыхъ ощущеній. Для произведенія новаго творенія, внутренней жизни его надобно было обновиться быстро, чтобъ разогрѣть его и вдохновить вторично. Онъ принудилъ голову къ преждевременнымъ родамъ. Стараясь изобразить Леонію и свою любовь къ ней, онъ былъ холоденъ и ложенъ, какъ Леонія и какъ его собственное чувство. По-крайней-мѣрѣ, онъ могъ бы имѣть въ известномъ кругу нѣкоторый успѣхъ этимъ плохимъ романомъ, еслибъ явно предалъ виконтессу злорѣчію гостиныхъ и еслибъ полакомилъ вкусъ своей свѣтской публики небольшимъ позоромъ женщины. Но Орасъ былъ такъ благороденъ, что не могъ искать подобнаго успѣха. Онъ такъ опоэтизировалъ свою героиню, что она перестала быть истинною, и никто не могъ узнать ее. Неспособный сохранить секретъ любви, онъ былъ равно неспособенъ огласить его хладнокровно и изъ мести.

Въ тотъ же день, какъ получилъ отставку у осторожной вдовы, онъ проигралъ послѣдніе лудоры и воротился домой въ довольно-трагическомъ расположеніи духа: на камнѣ у себя нашелъ онъ письмо отъ книгопродавца, въ отвѣтъ на записку, которую посылалъ къ нему наканунѣ, прося опять впередъ денегъ и обѣщая новый романъ. «Проклятое ремесло!» кричалъ онъ, распечатывая письмо: «надобно все писать и писать, каково бы ни было расположеніе ду-

«шл! быть легкимъ въ слогъ; когда голова утомлена, въживчатъ, когда душа горитъ отъ гнива, сыпать съвѣжя и цвѣтушія метафоры, «когда воображеніе подавлено тоскою!» — Судорожно сломилъ онъ печать, и, къ великому удивленію, прочелъ чистый отказъ недовольнаго издателя, который потерялъ только деньги на второй романъ его. Въ теченіи двухъ недель съ выхода его романа, не было раскуплено и тридцати экземпляровъ. Къ-тому же, онъ былъ такъ коротокъ! Томъ вышелъ плоскій, книгопродавцы не брали этой *лепешки* иначе, какъ съ уступкою. Еслибъ Орасъ послушалъ его, онъ продлил бы развязку. Будь листами двумя больше, и книга выигрывала бы по 50 сантимовъ на экземпляръ. Да и заглавіе было не довольно *громо*, идея не моральна, было *слишкомъ-много разсужденій*, и тысяча другихъ причинъ неуспѣха, которыя заставили вспрыгнуть до потолка бѣднаго автора, разбѣшеннаго и приведеннаго въ отчаяніе.

Когда, вмѣсто всякаго состоянія, есть только красивыя слова, худыя сапоги и изношенное платье, тогда не унижаютъ отъ отказа издателя; тогда пускаются въ походъ, и, переходя отъ отказа къ отъязу, кончаютъ тѣмъ, что находятъ издателя доверчивѣе и богаче прежняго. Но развѣзжать въ тильбюри съ своимъ грузомъ, отъ дверей къ дверямъ, просить милостыни—не такъ легко. Орасъ однако рѣшился попытаться съ слѣдующаго же дня. Вездѣ принимали его очень-въжливо, но съ улыбкою недоверчивости къ его литературной будущности. Первый его романъ имѣлъ успѣхъ больше въ отзывать, чѣмъ въ распродажѣ. Второй рѣшительно свѣлъ на мель. Иной требовалъ у него предисловія Эжена Сю, другой рекомендательнаго письма отъ москѣ Ламартина, третій хотѣлъ напередъ обезпечить себя фѣльетономъ Жюль-Жанена. Всѣ согласны были въ томъ, что безразсудно тратиться на изданіе, и ни одинъ не рѣшался дать ни малѣйшаго задатка. Орасъ проклялъ ихъ всѣхъ, отъ мала до велика, и воротился домой съ отчаяньемъ въ душѣ.

На другой день онъ продалъ лошадь, чтобъ разсчитать и отпустить слугу; на третій продалъ часы, чтобъ имѣть нѣсколько золотыхъ монетъ и еще разъ разыграть роль богача. Онъ пошелъ къ Луи Мерану, котораго засталъ за вистомъ съ пріятелями. Орасъ выигралъ нѣсколько лудировъ, проигралъ ихъ, снова выигралъ, и ушелъ въ три часа утра, задолжавъ 500 франковъ, которые, по законамъ этого кружка, долженъ былъ заплатить въ три дня одному изъ лучшихъ своихъ пріятелей, чловѣку тысячами съ тридцатью ливровъ годоваго дохода, впадъ страхомъ подвергнуться презрѣнію и прослыть нищимъ. Надорвавшись попусту хлопотами; чтобъ достать эти деньги у какого-нибудь издателя, вечеромъ на третій день онъ рѣшился занять ихъ у Луи Мерана, не безъ сердечнаго трепета, ибо зналъ, что, кромѣ новаго счастья въ игрѣ, не имѣетъ средствъ от-

дать ихъ; прежняя беззаботность замѣнилась недоувѣрчивостію и страхомъ, послѣ того, какъ онъ извѣдалъ замѣчательныя наслажденія богатства и горькія заботы внезапнаго обѣднѣнія. Это страданіе было тѣмъ больше, что ему показалось, будто во взглядѣ и во всей наружности пріятеля есть что-то холодное и принужденное, непохожее на обыкновенную его услужливость и довѣріе. До-тѣхъ-поръ, этотъ молодой человѣкъ, давая ему взаймы, казалось, больше одолажался, чѣмъ одолажалъ, а Орасъ, правда, до-тѣхъ-поръ платилъ ему аккуратно. Распустивъ о себѣ мнѣніе, какъ о человѣкѣ богатомъ, онъ платилъ исправно — не прежніе долги, а тѣ, которые набиралъ у новыхъ своихъ знакомыхъ. Въ этотъ день ему показалось, что Луи Меранъ дѣлалъ одолженіе съ неудовольствіемъ, скрываемымъ изъ вѣжливости. Не-уже-ли онъ угадалъ, что нынче въ первый разъ Орасъ не имѣлъ средствъ расплатиться? Но какъ онъ могъ это угадать? Орасъ уничтожилъ свой экипажъ и съѣхалъ съ прекрасной мебелированной квартиры, которую занималъ, подлѣ предлогомъ близкаго путешествія въ Италію, объявленнаго съ давнихъ поръ: — пріятія, для котораго онъ отказывалъ себѣ въ покупкѣ мебели и обзаведенія,сообразномъ съ его мнѣшимъ состояніемъ. Онъ притворялся, будто задержанъ еще на нѣсколько дней непредвидѣнными дѣлами, надѣясь, что въ это короткое время фортуна игры, и даже любовное счастье, переменятся въ его пользу, и позволятъ отсрочить на неопредѣленное время поѣздку.

Какъ бы то ни было, а холодное лицо знатнаго пріятеля и родъ принужденности, какую онъ замѣчалъ въ немъ по отказу ѣхать вѣсть въ Оперу, причинили ему сильное безпокойство. Онъ боялся, не навлекутъ ли на себя подозрѣнія въ жалкомъ положеніи озабоченнымъ видомъ, какой имѣлъ нѣсколько дней, и рѣшился истребить эти сомнѣнія, явившись вечеромъ въ общество съ своимъ обычнымъ лондонизмомъ. Онъ отыскалъ въ глубинѣ Ситѣ мѣстечко, съ которымъ некогда имѣлъ дѣло, продалъ ему съ большимъ убыткомъ свою бриллантовую булавку, за то положилъ сотню франковъ въ карманъ, нанялъ карету, надѣлъ лучшее остававшееся у него платье, заткнулъ великолѣпную розу за пуговицы, и помѣстился на аван-сценѣ Оперы, въ одной изъ тѣхъ видныхъ ложъ, которыя нынче называются, кажется, *льскими клятками*. Въ то время, франты Кафѣ-де-Шармъ еще не носили страннаго названія «львовъ»; полагаю, это былъ тотъ же родъ денди, съ небольшою разницею. Орасъ записался въ исключеніе человѣческаго рода, и усердно показывалъ это. У него былъ входъ въ эту ложу, гдѣ Луи Меранъ платилъ за часть помѣщенія и возилъ туда его разъ или два въ недѣлю. Прочіе наемщики всегда принимали его съ радостью, потому-что онъ былъ любимъ всеми и ушъ его оживлялъ эвваную и сучливую группу. Но въ

этотъ вечеръ едва повернули голову, когда онъ вошелъ, и никто не посторонился дать ему мѣсто. Правда, Нурри пѣлъ съ мадамъ Даморё дуэтъ изъ «Вильгельма Телля»:

«О Матильда, идолъ жизни моея и проч.

Вѣроятно, въ эту минуту слушали его съ большимъ вниманіемъ. Орасъ, сначала испугавшійся, ободрился и скоро принялъ всю свою осанку, когда, по окончаніи дѣйствія, одинъ изъ этихъ господъ пригласилъ его къ себѣ ужинать, вмѣстѣ съ прочими, послѣ спектакля. Онъ усиливался быть забавнымъ, и въ-самомъ-дѣлѣ сталъ остроуменъ до чрезвычайности. Однакожь, время-отъ-времени, казалось ему, будто вокругъ него летаютъ презрительныя улыбки. Тогда глаза у него мутились, въ ухахъ звенѣло, онъ уже не слышалъ оркестра, не видалъ въ залѣ ничего, кромѣ летающаго стада призраковъ, которые глядѣли на него, указывали пальцами, жестоко насмѣхались, — и женскихъ привидѣній, которыя говорили другъ другу странныя слова изъ-за опухалъ: *бродяга, жвастунъ, фанфаронъ, разночинецъ, homme de rien*. Онъ готовъ былъ упасть въ обморокъ, и когда, опомнившись, увѣрлся, что это только обманъ воображенія, то дѣлалъ жестокия усилія скрыть свою муку. Одинъ изъ товарищей спросилъ его, отъ-чего онъ такъ блѣденъ. Орасъ, смутившись еще больше этимъ замѣчаніемъ, отвѣчалъ, что болѣнъ. *Не голодны ли вы?* сказалъ другой. Орасъ совершенно растерялся. Въ этомъ незначительномъ словѣ ему слышалась жестокая эпиграмма. Онъ думалъ уйдти, скрытись, не показываться никогда. Потомъ рассудилъ, что такъ не слѣдуетъ оставлять дѣла, что должно добиться объясненія, открыто принять нападеніе, чтобъ защищаться смѣло, узнать во что бы ни стало, былъ ли онъ жертвою тайнаго преслѣдованія, или видѣлъ дурной сонъ. Онъ послѣдовалъ за веселой шайкою къ амфитріону этой ночи, попеременно то убиваемый, то оживляемый холоднымъ или ласковымъ видомъ товарищей.

Хозяйка амфитріона была очень красива, очень умна, насмѣшлива и язвительна до крайности. Орасъ всегда ненавидѣлъ ее и боялся, хоть она и оказывала ему благосклонность. Въ этотъ вечеръ, на ней было красное атласное платье; блѣокурые волосы ея распущены по плечамъ, во взглядъ свѣтилось что-то болѣе обыкновеннаго дерзкое. Глаза сіяли дьявольскимъ блескомъ: это была настоящая дочь Люцифера. Она приняла Ораса съ кошечьею ласкою, посадила подлѣ себя за столомъ, и наливала ему своей прекрасной ручкою самыя крѣпкія рейнскія вина. Много веселились, обращались съ Орасомъ по-прежнему, просили его читать стихи, аплодировали, наливали рюмки при каждой строфѣ, ободряли его, льстили, и наконецъ успѣли его опьянить если

не до потери разсудка, то по-крайней-мѣрѣ до возвращенія самоува-
ренности.

Тогда одинъ изъ собесѣдниковъ сказалъ ему: — Кстати о женщи-
нахъ; объясните намъ, мой милый, отъ-чего виконтесса де-Шальи такъ
жестоко васъ преслѣдуетъ? Правда ли, что за завтракомъ въ Кафѣ-
де-Пари съ Б*** и А*** вы компрометтировали ее?

— Не помню, отвѣчалъ Орасть:—кажется, нѣтъ.

— Такъ вамъ надобно бы оправдаться передъ нею; потому-что ей
сказали, будто вы хвастались тѣмъ, чѣмъ честные люди никогда не
хвастаются....

— На-тощакъ! подхватилъ другой. — Но вѣдь *in vino veritas*, не
такъ ли, Орасть?

— Въ такомъ случаѣ, отвѣчалъ Орасть:—какъ бы ни былъ я пьянъ,
мнѣ не должно бы ни чѣмъ хвастаться.

— Онъ хочетъ сказать, замѣтила Прозерпина (такъ прозвалъ
Орасть въ этотъ вечеръ любовницу хозяина): — что ему нѣтъ бы
хвастаться, и я согласна съ нимъ. Ваша виконтесса суха, лоснится,
и угловата какъ раковина.

— Она очень-умна, перервалъ кто-то.—Признайтесь, Орасть, вѣдь
вы были влюблены въ нее?

— Почему жъ не такъ? Но если и былъ когда-нибудь влюбленъ,
то ужъ не помню объ этомъ.

— А говорятъ, будто вы такъ вспомнили, что рассказывали стран-
ныя вещи о вашемъ житье-бытьѣ въ деревнѣ прошлымъ лѣтомъ?

— Чтò значать всѣ эти вопросы? сказалъ Орасть, поднявъ голову.
— Развѣ я въ судѣ присяжныхъ?

— Э, пѣтъ! сказала Прозерпина: — много-что развѣ въ исправи-
тельной полиціи. Ну, любезный поэтъ, откройтесь намъ по-дружески.
Виконтесса не стала бы васъ такъ сильно ненавидѣть, еслибъ преж-
де не любила сильно.

— А давно ли я имѣю честь быть у ней въ ненависти?

— Съ-тѣхъ-поръ, какъ стали ей невѣрны, прекрасный вѣтре-
никъ!

— Если я былъ невѣрешъ, въ этомъ вы виноваты, жестокая
красавица, отвѣчалъ Орасть такимъ же шуточнымъ тономъ.

— Такъ вы признаѣтесь, подхватила она: — что клялись обожать
ее до гроба?

— Долго ли будутъ продолжаться эти допросы? сказалъ смѣясь
Орасть.

— Нѣтъ сомнѣнія, сказалъ кто-то:—что виконтесса очень-сердита
на васъ, и говорить о васъ много дурнаго.

— Чтò же дурнаго можетъ она говорить обо мнѣ, скажите, пожа-
луйста?

— Вамъ угодно знать?

— Очень...

— Извольте. Она говоритъ, будто вы бѣднякъ, а хотите слыть богачомъ; будто вы мальчикъ, а выдаете себя за мужчину; будто всѣ женщины смѣются надъ вами, а вы играете роль побѣдителя.

— Наконецъ-то, подумалъ Орасъ, пришла минута выдержать бурю. — Если виконтесса угодно разглашать подобныя нелѣпости, отвѣчалъ онъ твердо: — то, какъ я не знаю средства мстить женщины, ограничусь тѣмъ, что скажу: она ошибается; но если бы мужчина повторилъ это мнѣ съ малѣйшимъ сомнѣніемъ въ моей добросовѣстности, я отвѣчалъ бы ему, что онъ лжетъ.

Человѣкъ, къ которому обращенъ былъ этотъ отвѣтъ, сдѣлалъ гнѣвное движеніе. Сосѣдъ остановилъ его, и поспѣшилъ сказать довольно-двусмысленнымъ тономъ:

— Никто здѣсь не сомнѣвается въ вашей добросовѣстности. Если вы измѣнили секрету вашей любви съ женщиною, въ состояніи нетрезвости, когда въ-самомъ-дѣлѣ истина вырывается безъ нашего вѣдома, то виконтесса простираетъ ищеніе слишкомъ-далеко, клеветая на васъ. Но если вы ее оклеветали? еслибъ, досадуя на отказъ, вы солгали, надобно бы извинить плату тою же монетою.

— Но вы сами, кажется, сомнѣваетесь, милостивый государь? сказала Орасъ. — Желательно было бы знать ваше мнѣніе на мой счетъ.

— Мое мнѣніе таково, что вы были ея любовникомъ, что сказали объ этомъ кому-нибудь, разгоряченные шампанскимъ, и поступили очень-непохвально.

— Какъ вамъ это кажется? сказала Прозерпина, наливая Орасу рюмку: — рѣшайте, господа-судья!

— Это стѣить двухъ дней секретнаго заключенія въ молельнѣ надамъ ***. Тутъ назвали прекрасную вдову, на которой Орасъ надѣялся жениться.

— Э! развѣ есть еще обвинительный актъ и за нее? сказала Прозерпина, посмотрѣвъ на Ораса съ такимъ укоризненнымъ видомъ, что у него голова закружилась отъ тщеславія.

Хотя Орасъ немного опьянѣлъ, однако повялъ, что имѣеть нужду во всей головѣ своей, и воздержался опорожнить рюмку. По взглядамъ собесѣдниковъ старался онъ угадать, была ль эта перепадка коварными тенетами, или пріятельскою шуткою. Ему показалось, что тутъ не было ничего злонамѣреннаго, и онъ шутливо выдерживалъ всѣ допросы. Все, что ему говорили, объясняло таинственный для него дотолѣ пунктъ, — что виконтесса повредила ему у вдовы. Сверхъ-того, онъ видѣлъ, что виконтесса старалась очернить его въ мнѣніи пріятелей; и манера, какъ представляли всѣ эти вещи, давала поводъ думать, что такая ожесточенная война была слѣдствіемъ

оскорбленной любви. Ему казалось, что вся расположена судить такъ и освободить его отъ обидныхъ подозрѣній, изведенныхъ на него раздраженною и ревнивою женщиною. Онъ не могъ оправдаться иначе, какъ признавшись въ короткости съ нею; но не могъ признаться, не подвергаясь упреку въ непристойномъ хвастовствѣ, которое отрицалъ съ четверть часа. Оставалось одно: напиться совершенно пьянымъ, и онъ пустился пить сколько могъ больше, чтобъ имѣть право говорить будто противъ воли. Но по одной изъ странностей человѣческаго разсудка, который покидаетъ насъ, когда мы хотимъ его удержать, и который упорно остается намъ вѣренъ, когда хотимъ его прогнать, чѣмъ больше пилъ онъ, тѣмъ меньше чувствовалъ себя пьянымъ. Голова у него заболѣла, вѣки отяжелѣли, языкъ сталъ прилипать, а мозгъ никогда еще не бывалъ такъ ясенъ. Однакожь, надо было заговариваться, и Ораць началъ заговариваться. Онъ признался мнѣ въ этомъ послѣ, вынужденный строгими разспросами: онъ притворялся пьянымъ не будучи пьянъ, и притворяясь потерявшимъ разсудокъ, очень разборчиво представлялъ неопровержимыя доказательства истинны. Онъ дѣлалъ это съ нѣкоторымъ наслажденіемъ злобы на коварную женщину, хотѣвшую его обезславить, и думалъ, что насытилъ роковое удовольствіе мщенія, ибо видѣлъ слушателей готовыхъ рукоплескать его признаніямъ, и отмѣчать ихъ какъ-бы для того, чтобъ обличить хитрость его непріятельницы.

Но вдругъ ховяинъ всталъ, и, прощаясь съ увѣжавшими гостями, сказалъ ему съ презрительной холодною сльдующія циническія слова: «Ступайте спать, Ораць, потому-что хоть вы одурманены не больше моего, однакожь вы...»

Ораць не разслушалъ послѣдняго слова, а я не стану повторять его. Онъ какъ-будто ослѣпъ; ноги его подгибались, языкъ не могъ пролепетать ни слова; его увезли и скорѣе выкинули, чѣмъ высадили у дверей Луи Мерана, у котораго, давъ свою квартиру, онъ жилъ покаместъ. То, что онъ вытерпѣлъ, очутившись одинъ, могутъ понять только тѣ, кому доводилось упрекать себя въ такихъ же заблужденіяхъ. Мучимый страшною физическою болью, не въ силахъ будучи дотащиться до постели, онъ провелъ остатокъ ночи на креслахъ, измѣряя ужасъ своего положенія, потому-что, на бѣду его, разсудокъ его былъ совершенно-свѣжъ, и онъ уже не обманывалъ себя на-счетъ презрѣнія, какое внушалъ этимъ людямъ, которыхъ хотѣлъ-было ослѣпить и обмануть, и которые, не смотря на превосходство его ума, завалили его въ грубыя сѣти. Теперь онъ понималъ испытаніе, которому его подвергали, и поведеніе, какое долженъ былъ бы соблюсти, чтобъ оправдаться. Еслибъ онъ твердо выслушалъ клеветы Леоніи, не нарушая тайны ея слабости, и допустилъ подозрѣніе, вместе того, чтобъ отворачивать его посредствомъ нѣзкаго мщенія, то, хоть

судьи его не были ни слишком-образованы, ни слишком-деликатны на такіе предметы, у нихъ достало быоднакожь великодушнаго инстинкта въ душѣ простить ему все. Осуждая тщеславіе характера, они уважили бы благородство и доброту его сердца. Эти вѣтренные молодые люди, бывшіе не лучше его во многихъ отношеніяхъ, получили по-крайней-мѣрѣ отъ большаго свѣта какія-то рыцарскія понятія, которыя сдѣлали бы ихъ великодушными, еслибъ Орасъ умѣлъ подать имъ примѣръ великодушія. Схватившись за роль свысока, онъ упалъ ниже, чѣмъ заслуживалъ.

Сомнѣваться на этотъ счетъ онъ уже не могъ. Везя его въ каретѣ, четверо или пятеро изъ этой молодежи притворились, будто считаютъ его спящимъ, какъ онъ и самъ притворялся, и наговорили много страшныхъ словъ, выразившихъ холодность и иронію. Онъ осужденъ былъ не вступаться за эти слова, потому-что осудилъ себя казаться неслышавшимъ ихъ. Ему хотѣлось кричать; неистовыя конвульсіи пробѣгали по всемъ его членамъ, и первый разъ отъ роду, вмѣсто того, чтобъ дать волю своему нервическому раздраженію, онъ имѣлъ силу подавлять его, ибо видѣлъ, что ему не повѣрятъ и не пощадятъ его безумства. Въ-самомъ-дѣлѣ, это было слишкомъ-суровое наказаніе для молодаго человека, который былъ только тщеславенъ, вѣтренъ и неопытенъ.

Поздно поутру, Луи Меранъ вошелъ къ нему въ комнату съ такимъ строгимъ лицомъ, что Орасъ, не могши выдержать, закрылъ руками глаза, чтобъ скрыть слезы. Луи, тронутый его горестію, подвинулъ стулъ, сѣлъ подлѣ него, и, взявъ его за руку съ серьезною ласкою, заговорилъ съ нимъ гораздо-умнѣе и возвышеннѣе, чѣмъ, казалось, можно было бы ожидать отъ него. Это былъ молодой человекъ довольно-неученый, воспитанный баловнемъ, но добрый въ душѣ, а нѣжность сердца возвышаетъ умъ, когда нужно. — Орасъ! сказалъ онъ ему:—я знаю все, что происходило нынѣшнею ночью за ужиномъ, на которомъ я не хотѣлъ быть, чтобъ не быть свидѣтелемъ униженія, какое вамъ тамъ готовилось. Я невольно вступился бы за васъ, и принужденъ бы былъ поссориться съ людьми, которыхъ, по праву старинной дружбы, долженъ предпочесть вамъ. Я употреблялъ все возможное, чтобъ заставить васъ остаться вчера дома: вы не хотѣли понять меня. Наконецъ вы поддались, и сдѣлали свое положеніе хуже прежняго. Вы надѣлали ошибокъ; передъ судомъ своей совѣсти я нахожу ихъ довольно-простительными, но за нихъ не найдете вы пощады въ этомъ надменномъ и холодномъ свѣтѣ, съ которымъ хотѣли бороться, не зная его. У васъ есть неумолимая неприятельница, которой вы можете платить раною за рану, обидой за обиду. Это злая женщина, которой остерегаться научился я горькимъ опытомъ. Она принадлежитъ свѣту, а вы нѣтъ. Насмѣшники

будутъ на вашей, люди съ вліяніемъ на ея сторонѣ. Она станетъ вытѣснять васъ отовсюду, какъ вытѣснила отъ мадамъ ***. Послушайте меня, оставьте Парижъ, увѣжайте, дайте забыть о себѣ; и если непременно хотите когда-нибудь опять явиться въ то, что очень-произвольно, разумѣется, зовутъ хорошимъ обществомъ, не возвращайтесь иначе, какъ съ обеспеченнымъ состояніемъ и почетнымъ именемъ въ литературѣ. Вы сдѣлали большую ошибку, желая насъ обманывать. Зачѣмъ это? Никто изъ насъ никогда не вмѣнилъ бы вамъ въ преступленіе бѣдности и незнатности. Съ вашимъ умомъ и достоинствами, вы вошли бы въ нашъ кружокъ, не такъ скоро, можетъ-быть, за то прочіе. Начавъ съ невѣрнаго положенія, вы захотѣли вдругъ наслаждаться выгодами богатства и уваженія, которыя только трудъ и поведеніе гордое и скромное съ нами могли вамъ доставить. Еслибъ я зналъ, что вы сынъ неважнаго провинціального чиновника, а не внукъ совѣтника Парламента, я отвратилъ бы васъ отъ ребяческой мысли перемѣнять имя. Наконецъ, еслибъ я зналъ, что у васъ рѣшительно нѣтъ никакого состоянія, я не допустилъ бы васъ до образа жизни, въ которомъ вы могли только запятнать честь свою. Но ошибка сдѣлана. Поправить ее предоставьте времени, которое заглушаетъ пересуды, и моей дружбѣ, которая останется вамъ вѣрною. У васъ есть талантъ и свѣдѣнія. Вы можете, при хорошемъ поведеніи, пойти когда-нибудь рядомъ съ этими блестящими лицами, которыхъ непринужденный видъ соблазнилъ васъ, и на которыхъ, можетъ-быть, станете смотреть тогда съ сожалѣніемъ. Общайтесь мнѣ, что вы увидите, и притомъ не стараясь никакой опрометчивостью отмстить за подозрѣнія на свой счетъ. У васъ былъ бы десятокъ дуэлей, которыя не доказали бы истины вашихъ словъ, и только дали бы вашему приключенію гласность, которой оно еще не имѣетъ. Вамъ нужны деньги на путешествіе; извольте, вотъ онъ—слишкомъ небольшія конечно, чтобъ жить за границею знатнымъ человекомъ, но достаточныя, чтобъ скромно ожидать плодовъ своего труда. Вы отдайте ихъ мнѣ, когда будете въ силахъ. Не совѣститесь принять это одолженіе; у меня есть состояніе, и я даю вамъ слово, Орасъ, что никогда не обязывалъ васъ съ такимъ удовольствіемъ, какъ теперь.

Орасъ, проникнутый раскаяніемъ и признательностью, крѣпко пожалъ руку Луи, упрямо отказался отъ бумажника, который тотъ предлагалъ ему, очень-ласково поблагодарилъ его за добрые совѣты, обещалъ имъ послѣдовать, и поспѣшно оставилъ домъ. Луи Меранъ тотчасъ написалъ ко мнѣ, увѣдомляя обо всѣхъ этихъ происшествіяхъ, и прося принудить Ораса взять отъ моего имени пособіе, котораго онъ не хотѣлъ принять отъ него, и которое было ему необходимо для путешествія.

Къ-несчастію, обязательность этого отличнаго молодого человека не

могла быть приведена въ исполненіе такъ скоро, какъ онъ желалъ того. Орасть не являлся ко мнѣ, и я искалъ его нѣсколько дней, не могши открыть его убожища.

ХІІ.

Трое или четверо сутокъ провелъ онъ въ затворничествѣ, терзаясь стыдомъ и нищетою, не зная, куда бѣжать отъ одного, и какъ устранить другую. Душа его потеряла самое жестокое пораженіе, какое только способна была чувствовать. Страданія любви, угрызенія совѣсти, самыя заботы бѣдности никогда не потрясали его серьезно; но глубокой ранѣ, нанесенной его тщеславію, было слишкомъ-много для наказанія, хоть и недостаточно для исправленія. Орасть не имѣлъ ни силы, ни бодрости противостать поразившему его приговору. Запершись на чердакъ, одиноко бродя ночью по улицамъ, онъ ломалъ себя руки и плакалъ какъ дитя. И такъ свѣтъ, то - есть пышная и разсвѣянная жизнь, этотъ элизей его мечтаний, это убожище отъ всѣхъ упрековъ совѣсти, былъ навсегда затворенъ для него! Утѣшенія, какія представлялъ ему Луи Меранъ, казались ему обманчивыми. Онъ зналъ, что люди, живущіе претензіями, по ихъ понятію законными, безжалостны къ неосновательнымъ претензіямъ другаго. Онъ былъ столько гордъ, что не хотѣлъ воротить къ себѣ милости, стараясь оправдать свое поведеніе; и даже тогда, когда былъ бы увѣренъ, что выйдетъ въ глазахъ свѣта побѣдителемъ изъ борьбы съ виконтессою, одна мысль подвергнуться униженіямъ, похожимъ на тѣ, которыя онъ испыталъ уже, заставляла его содрогаться отъ горечи и негодованія.

Онъ столько нахвасталъ своимъ кратковременнымъ богатствомъ, какъ передъ прежними друзьями, такъ и въ перепискѣ съ родителями, что уже не смѣлъ, въ крайности, ни къ кому прибѣгнуть. И, говоря правду, онъ не смѣлъ остановиться ни на одномъ планѣ. Онъ чувствовалъ, что самымъ удобоисполнимымъ, самымъ благоразумнымъ планомъ было бы воротиться на родину и работать тамъ надъ новымъ литературнымъ произведеніемъ, чтобъ уплатить послѣдніе долги и копить деньги, съ которыми можно бѣ было пуститься пѣшкомъ въ Италію; но для этого не ставало у него духа. Онъ зналъ, что родители, обманутые на-счетъ его литературныхъ успѣховъ, разгласили о нихъ водъ всякою кровлею своего городка, и боялся, чтобъ когда-нибудь злословіе, случайно собранное вдалекѣ, не замѣнило презрѣніемъ извѣстность, которую онъ тамъ себѣ сдѣлалъ. Полугодомъ раньше, онъ весело и безопасно занималъ бы по лундору въ ведѣлю у разныхъ школьныхъ своихъ товарищей. Въ этомъ мірѣ никто

не краснѣетъ своей бѣдности, и со смѣхомъ разсказываютъ другъ другу, что накаунъ не объдали, за немѣнѣемъ девяти су, чтобъ заплатить свою долю у Руссо. Но когда посѣщаешь салоны, запертые для нуждающихся, когда обрызгиваешь грязью своего экипажа пріятелей, идушихъ пѣшкомъ, тогда скрываешь свою бѣдность, какъ порокъ, и голодъ свой, какъ безчестіе.

Однакожь, какъ-то вечеромъ, Орасъ рѣшился прійти ко мнѣ, предварительно возвращаясь разъ по-крайней-мѣрѣ десять назадъ. Видъ его былъ грустенъ: лицо поблекло, щеки ввали, глаза потускли. Непричесанные волосы носили еще слѣды завивки, и, стремясь принять свое естественное положеніе, торчали жесткими, скрученными клоками вокругъ лба. У него не доставало духа скрывать свою бѣдность подъ усиленіемъ опрятности. Во всей его небрежной наружности виднѣлось глубокое уныніе, въ какое впалъ онъ. Рубашка, тонкая и отлично-сшитая, была запачкана и измята. На платьѣ превосходнаго покроя было много оторванныхъ или надломленныхъ пуговицъ, и замѣтно, что его давно не чистили. Сапоги покрыты сухой грязью. Онъ былъ безъ перчатокъ, и держалъ въ рукахъ, вмѣсто трости, толстую свинчатую палку, какъ-будто безпрестанно былъ на сторожѣ отъ какой-нибудь засады.

Къ-счастію, мы съ Эжені были предупреждены, и не показали никакого удивленія, увидѣвъ его въ такомъ преобразеніи. Мы притворились, будто не замѣчаемъ этого, и, не спрашивая его, тотчасъ пригласили объдать. Впрочемъ, мы уже отобѣдали; но Эжені меньше чѣмъ въ четверть часа приготовила новый обѣдъ, который мы показывали будто ѣдимъ, и въ которомъ Орасъ такъ нуждался, что не могъ замѣтить хитрость. Онъ очень отощалъ, по чувствовалъ чрезвычайную тягость какъ-скоро навѣлся, и заснулъ на стулѣ прежде, чѣмъ успѣли снять скатерть. Комнатка, которую занимала Марта, рядомъ съ нашею, стояла случайно порожняя. Мы внесли туда наскоро веревочную кровать и нѣсколько стульевъ; потомъ, подошедъ ласково къ Орасу, Эжені сказала ему: — Вы очень-нездоровы, любезный Орасъ, и хорошо бы съѣлали, легши на постель, на которой у насъ спалъ въ послѣднее время одинъ пріятель, и которая стоитъ еще тамъ. Пользуйтесь ею, пока почувствуете себя лучше.

— Въ-самомъ-дѣлѣ, я большѣхонекъ, отвѣчалъ Орасъ:— и если это васъ не обезпокоитъ, принимаю ваше гостепріимство до завтра. Онъ пошелъ въ комнату Марты, и не казался пораженъ, входя туда, никакимъ прискорбнымъ воспоминаніемъ. Онъ какъ-то очерствѣлъ, и это состояніе, столь невохожее на его обычную живость, имѣло въ себѣ нѣчто ужасающее.

На другой день утромъ онъ еще спалъ, когда Поль - Арсенъ пришелъ къ намъ съ ребенкомъ Марты на рукахъ. — Принесъ вамъ вашеръ-

го крестника, сказалъ онъ Эжені, которая полюбила этого подлаго мальчика и дала ему имя Эжена.—Мать завалена сегодня работою; стало-быть и я тоже. Она дебютируетъ нынѣшній вечеръ въ Гуппаяе, куда я опредѣлился кассиромъ, какъ вамъ извѣстно. Старуха Олимпія немощно-больна, да и слаба становится головою. Мы боимся, что за нашимъ сокровищемъ пѣкому будетъ присмотрѣть. Помогите вы намъ и продержите его весь день у себя, если можете это сдѣлать безъ особенной себѣ помѣхи.

— Подайте мнѣ скорѣе сокровище! воскликнула Эжені, схвативъ съ радостью младенца, котораго Арсенъ, въ своей наивной и сильной пѣжности, уже не называлъ иначе.

— Сокровище прекрасно, сказалъ я ей: — но подумали ль вы о встрѣчѣ, которая неизбежна сейчасъ?..

— Арсенъ, сказала Эжені:—соберитесь хорошенько съ твердостью и хладнокровіемъ: здѣсь Орасъ.

Арсенъ поблѣднѣлъ.—Нужды нѣтъ, сказалъ онъ:—послѣ того, что вы мнѣ открыли, я долженъ былъ ожидать встрѣтиться съ нимъ у васъ на-дняхъ. Имя ребенка не написано на лбу; притомъ же, по его милости, наше сокровище анонимъ. Бѣдный малютка! промолвилъ онъ, поцаловавъ дитя:—поручаю его вамъ, Эжені; не отдавайте его законному владѣльцу.

— Онъ и не требуетъ, будьте покойны! отвѣчала она со вздохомъ.—А вы, уведомяте вашу жену, чтобъ она не ходила сюда нѣсколько дней. Орасу нельзя оставаться въ Парижѣ, и встрѣчи легко можно будетъ избѣжать.

— Очень желаю этого, сказалъ Арсенъ:—мнѣ кажется, этотъ человѣкъ не можетъ даже взглянуть на нее, не сдѣлавъ ей вреда. Впрочемъ, если она захочетъ видѣть его, да будетъ ея воля! До-сихъ-поръ говорила она, что не хочетъ. Прощайте. Вечеромъ я приѣду за моимъ дитятей.

— А! у васъ есть дитя? сказалъ равнодушно Орасъ, вошедъ къ намъ заѣзтракать часовъ въ десять.

— Да, у насъ есть дитя, отвѣчала Эжені съ тайнымъ чувствомъ злости.—Какъ вы его находите?

Орасъ посмотрѣлъ на него.—Онъ на васъ не похожъ, сказалъ онъ также равнодушно.—Правда, эти куколки непохожи ни на что, или, лучше сказать, всѣ похожи другъ на друга. Я никогда не понималъ, какъ можно отличить маленькаго ребенка отъ другаго ребенка того же возраста. Сколько этому отъ-роду? мѣсяць или два?

— Сейчасъ замѣтно, что вы никогда ни къ одному изъ нихъ не приглядывались! сказала Эжені. — Ему восемь мѣсяцевъ, и онъ безподобенъ для своего возраста. Не находите ли вы, что это прекрасный ребенокъ?

— Я въ нихъ не знаю толку. Готовъ найти его *изумительнымъ*, если это вамъ пріятно... Однакожь, позвольте; не можетъ быть, чтобъ онъ былъ вашъ. Я васъ видѣлъ восемь мѣсяцевъ назадъ... Признайтесь, вѣдь это не вашъ ребенокъ?

— Нѣтъ, сказала Эженій отрывисто.—Я надъ вами пошутила; это ребенокъ нашего дворника, мой крестникъ.

— И вамъ весело носить его на рукахъ, занимаясь хозяйствомъ?

— Не поддержите ль его немножко, сказала она, подавая ему:— пока я готовлю завтракъ?

— Если это нѣсколько ускорить нашъ завтракъ, извольте; но увѣрю васъ, что я не знаю, какъ обходиться съ *этой вещью*, и если ему вздумается кричать, я не съумѣю ничего сдѣлать, какъ только положить его на полъ. Фи! Такъ какъ вы не мать ему, признаюсь вамъ, Эженій, онъ очень-гадокъ съ своими толстыми щеками и круглыми глазами!

— Онъ красивѣе васъ, вскричала Эженій съ непритворнымъ сердцемъ:—вы не стоите того, чтобъ дотрогиваться до него.

— Ну, вотъ онъ и заплылъ! сказалъ Орасъ:—позвольте отнести его въ комнатку его любезныхъ родителей.

Ребенокъ, испугавшись большой черной бороды Ораса, кинулся съ крикомъ на грудь Эженій.—А я, сказала она, лаская его, чтобъ унять:—я была бы радѣхонька, еслибъ имѣла такое дитя, какъ ты, мое бѣдное сокровище!

Орасъ презрительно усмѣхнулся, и, погружаясь въ кресла, задумался. Казалось, прошедшее проснулось наконецъ въ его памяти, и онъ грустно сказалъ мнѣ, когда Эженій, положивъ ребенка ко мнѣ на колѣни, вышла въ другую комнату:—Эженій никогда мнѣ не проститъ непониманія отеческихъ радостей: право, женщины несправедливы и безжалостны. Я объ этомъ много раздумывалъ послѣ *моего несчастья*; напрасно искалъ я, какъ семейныя удовольствія могутъ годиться двадцати-лѣтнему человеку,—ничего не нашель. Еслибъ ребенокъ могъ родиться на свѣтъ въ десяти-лѣтнемъ возрастѣ, въ развитіи красоты и смысла (предполагая конечно, что онъ не былъ бы ни безобразенъ, ни рыжъ, ни горбатъ, ни идіотъ), я еще понялъ бы до нѣкоторой степени, что можно имъ интересоваться. Но ухаживать за этимъ маленькимъ существомъ неоправданнымъ, сморщеннымъ, бессмысленнымъ, а между-тѣмъ деспотическимъ,—дѣло женщинъ, и Богъ далъ имъ для этого внутренность, отличную отъ нашей.

— Это справедливо только до нѣкоторой степени, отвѣчалъ я. — Женщины любятъ ихъ нѣжиѣ нашего и лучше умѣютъ ихъ воспитывать въ первые годы; но я не понимаю, чтобъ передъ этимъ слабымъ и таинственнымъ существомъ, которое заключаетъ въ себѣ невѣдомое прошедшее и будущее, можно было ощущать что-ни-

будь, кромѣ отвращенія. Простолюдины лучше насъ, Орасъ. Они любятъ своихъ малютокъ съ удивительной чистотою. Не-ужь-то вы никогда не чувствовали почтенія и умиленія при видѣ грубаго работника, выходящаго вечеромъ за дверь съ младенцемъ на голыхъ, еще почернѣлыхъ отъ работы рукахъ, чтобъ утѣшить и облегчить его мать?

— Это добродѣтели несовѣстимыя съ опрятностью, отвѣчалъ Орасъ презрительно-насмѣшливымъ тономъ, забывая, что въ эту минуту самъ былъ очень-неопрятенъ; потомъ, проведши рукою по лбу, какъ-будто для того, чтобъ собраться съ мыслями, сказалъ:—благодарю тебя за пріютъ на нынѣшнюю ночь; но ужь не для того ли, чтобъ пробудить во мнѣ благотворные упрёки совѣсти, помѣстилъ ты меня въ этой несчастной комнатѣ? Мнѣ снились тамъ ужасные сны и, какъ ты теперь видишь меня рѣшительно въ самомъ пасмурномъ расположеніи духа, то позволь сдѣлать тебѣ тягостный и щекотливый вопросъ. Довѣдался ли ты, Теофиль, что случилось съ несчастною, которой сердце разбилъ я по-истинѣ страннымъ преступленіемъ—тѣмъ, что не восхитился мыслью быть отцомъ въ двадцать лѣтъ, когда сверхъ-того былъ въ нуждѣ?..

— Орасъ, сказалъ я ему:— предлагаешь ли ты мнѣ этотъ вопросъ съ тѣмъ чувствомъ, которое у тебя на лицѣ въ сію минуту, то-есть съ довольно-равнодушнымъ любопытствомъ, или съ тѣмъ, которое должно быть у тебя въ сердцѣ?

— Лицо мое окаменѣло, любезный Теофиль, отвѣчалъ онъ съ выраженіемъ, переходившимъ мало-по-малу въ декламацию:—не знаю, могу ли я теперь еще плакать или смѣяться когда-нибудь. Не спрашивай причины; это моя тайна. Что касается до моего сердца, ему, видно, суждено быть непризнаннымъ; но ты, который былъ всегда ко мнѣ добръе и снисходительнѣе другихъ, можешь ли ты такъ оскорблять его, сомнѣваясь, что оно вѣчно будетъ страдать этой ранюю? Еслибъ я узналъ, что Марта жива, что она утѣшилась,—съ меня сегодня бы, можетъ-быть, спала одна изъ горь, гнетущихъ всю прошедшую жизнь мою, всю мою будущность, можетъ-быть!

— Если такъ, сказалъ я:— объявлю тебѣ истину: Марта не умерла; Марта не несчастна, и ты можешь забыть ее.

Орасъ услышалъ это извѣстіе не съ тѣмъ чувствомъ, какого я ожидалъ-было. Онъ скорѣе имѣлъ видъ чловѣка, который переводитъ духъ, сбросивъ съ себя бремя, нежелѣ грѣшника, примиряющагося съ небомъ.—Слава Богу! промзнесъ онъ, и снова впалъ въ задумчивость, не прибавивъ ни одного вопроса.

Однако, спустя нѣсколько времени, воротился на этотъ предметъ и спросилъ, гдѣ и какъ она живетъ.—Я не уполномоченъ давать тебѣ никакого объясненія на этотъ счетъ, отвѣчалъ я:— да и совѣ-

тую, для твоего и для ея спокойствія, не разѣскивать; слишкомъ-поздно было бы поправлять тебя свои ошибки: довольно съ тебя узнать, что онъ не нуждаются въ поправленіи.

Орасъ отвѣчалъ мнѣ съ горечью: — Съ той минуты, какъ Марта покинула меня безъ сожалѣній, безъ плановъ на самоубійство, которыхъ я боялся; съ той минуты, какъ она, не будучи несчастною, сбросила свою любовь отъ утомленія или непостоянства, я вижу, что мои заблужденія были отнюдь не такъ тяжки, что ни она, ни другой кто, не имѣетъ права мнѣ напоминать объ нихъ.

— Оставимъ это, сказалъ я.—Теперешняя минута очень-неудобна для объясненія.

Онъ разсердился и ушелъ; однакожь воротился къ обѣденной порѣ. Эженіи не смѣла его приглашать, боясь обнаружить, что знаетъ его положеніе. Я не хотѣлъ сказать, что мнѣ оно извѣстно, и ждалъ его собственнаго признанія. Онъ по-видимому былъ еще не расположенъ его дѣлать, и выходя сказалъ мнѣ: —Я опять къ тебѣ; мы простились довольно-холодно, Теофиль, а съ тобою я не могу такъ разстаться. Онъ протянулъ мнѣ руку. — Хорошо, сказалъ я:—но въ доказательство, что ты на меня не сердитъ, отобѣдай съ нами. — Пожалуй, отвѣчалъ онъ: — если только это нужно для того, чтобъ заглядить мою вину... Мы сѣли за столъ, и не вышли еще изъ-за него, какъ старушка Олимпія пришла за ребенкомъ.

Среди усиленныхъ занятій этого дня, Арсенъ и Марта забыли, что добрая женщина можетъ встрѣтить у насъ Ораса и промолвиться передъ нимъ. Къ-несчастью, она была охотница поболтать. Она любила своихъ молодыхъ друзей, какъ сама говорила, безъ памяти; въ этотъ же день, больше обыкновеннаго восхищенная блескомъ ихъ новаго положенія на громкомъ театрѣ, она чувствовала неодолимую нужду поговорить объ нихъ. Эженіи дѣлала напрасныя усилія отослать ее поскорѣе съ ея *сокровищемъ*, увести ее въ кухню, заставить понизить голосъ; старуха, не понимая предостереженій, выражала свою радость и умиленіе въ длинныхъ рѣчахъ, звонкихъ восклицаніяхъ, и много разъ помывала г-на и г-жу Арсенъ, до того, что Орасъ, который сперва, считая ее за дворницу, не удостоивалъ вниманія, посмотрѣлъ на нее, слушалъ пристально, и началъ насъ допрашивать тотчасъ по ея уходѣ. О какомъ Арсенъ она говорила? Неужели Массачіо супругъ и отецъ? Мнимый дворниковъ ребенокъ былъ, значитъ, его? Почему жъ не сказать мнѣ этого тотчасъ же? Впрочемъ, я долженъ бы самъ угадать, прибавилъ онъ:—его малютка ужъ такой же гадкій и курносый, какъ онъ.

Все это надменное униженіе волновало Эженію до негодованія. Она разбила двѣ тарелки, и, кажется, что, не смотря на свою кротость и привычное достоинство, ей очень хотѣлось пустить третью Орасу

въ голову. Я чрезвычайно облегчилъ ее, рѣшившись немедленно сказать Орасу истину. Такъ-какъ рано или поздно долженъ же онъ былъ узнать, то лучше ему было узнать все отъ насъ и въ такую минуту, когда мы могли надзирать за ея дѣйствиємъ на него. Арсенъ нѣсколько дней назадъ уполномочилъ меня, и съ своей и съ мартиновой стороны, дѣйствовать какъ мнѣ заблагоразсудится въ этомъ обстоятельствѣ.

— Статочное ли дѣло, Орасъ, сказалъ я: — чтобы ты уже не угадалъ, что жена Поля-Арсена особа очень-знакомая тебѣ, и чрезвычайно-дорогая для насъ?

Онъ задумался на минуту, глядя на насъ попеременно то на одного, то на другаго смущенными глазами. Потомъ, принявъ вдругъ небрежный тонъ, наподобіе маркиза де-Верна, сказалъ: — Въ-самомъ-дѣлѣ, это не можетъ быть никто, кромѣ ея, и я очень-глупъ, не понимая, почему вы такъ встревожились сейчасъ передъ старой коргою, которая приходила за ребенкомъ... Но ребенокъ?.. Да! ребенокъ!.. такъ и есть! старуха очень-ясно сказала *его отца*, говоря объ Арсенѣ... ребенокъ восьми мѣсяцевъ... вѣдь ему восемь мѣсяцевъ, сказали вы мнѣ сегодня по утру, Эженъ?.. Марта меня оставила назадъ тому десять мѣсяцевъ, если припомню... Боже великій! вотъ превосходная развязка, на которую я не попалъ въ моемъ романѣ! Тутъ Орасъ опрокинулся на стулъ, захохотавъ такимъ принужденнымъ, такимъ насильственнымъ смѣхомъ, что намъ стало страшно, какъ отъ предсмертнаго хрипѣнія умирающаго. — Э! полноте смѣяться! вскричала Эженъ, вставая съ раздраженнымъ видомъ, который дѣлалъ ее истинно-прекрасною и величавою: — этотъ ребенокъ, котораго Поль-Арсенъ воспитываетъ и любитъ какъ собственное дитя, — вашъ, если ужъ вамъ угодно знать. Вамъ показался онъ гадокомъ, потому-что, по вашимъ словамъ, похожъ на него; а ему кажется прекрасенъ, хоть невинный бѣдняжка и походить на человека самаго себялюбиваго и самаго неблагодарнаго, какой только есть въ мірѣ.

Этотъ порывъ негодованія истощилъ Эженъ; задыхаясь и въ слезахъ она упала на стулъ. Орасъ, раздраженный этимъ какъ-бы проклятіемъ, изринутымъ на него съ такою силою, также всталъ-было, но также снова упалъ на стулъ, какъ ошеломленный воплемъ совѣсти, и закрылъ лицо руками.

Такъ оставался онъ больше часа. Эженъ, осушивъ слезы, опять принялась за хозяйственные труды; а я въ молчаніи ждалъ, чѣмъ кончится борьба, которая происходила въ сердцѣ Ораса между гордостью, сомнѣніемъ, раскаяніемъ и стыдомъ.

Наконецъ, онъ вышелъ изъ этого бурнаго раздумья, всталъ и на-

чалъ ходить по комнатамъ большими шагами и съ большими жестами.

— Эжені, Теофиль! воскликнулъ онъ, схвативъ насъ обонхъ за руки и пристально глядя на насъ: — не шутите надо мною! Въ вашихъ рукахъ теперь рѣшительный переломъ моей жизни, моя гибель, или спасеніе. Дѣло идетъ о томъ, самый ли я смѣшный или самый низкій изъ людей. Мнѣ хотѣлось бы лучше быть самымъ смѣшнымъ, утворю васъ честью.

— Очень вѣрю! отвѣчала Эжені съ презрѣніемъ.

— Эжені, сказалъ я моей гордой подружкѣ: — будь списходительна и кротка съ Орасомъ, умоляю тебя. Онъ очень-жалокъ, потому-что очень-виновенъ. Ты поддалась пылкости своего сердца, обременивъ его сейчасъ тяжкимъ упрекомъ. Но не такъ должно обходиться съ душевными слабостями. Позволь мнѣ говорить съ нимъ, и положись на мою любовь и уваженіе къ твоимъ отсутствующимъ друзьямъ.

— Любовь, уваженіе, подхватилъ Орасъ: — только-то?.. Этого мало; не можешь ли приискать какого-нибудь обожательнаго слова, болѣе-приличнаго великому, божественному Поль-Арсену? Я, съ своей стороны, готовъ сказать «аминь» на твои славословія; но не прежде, какъ ты мнѣ неоспоримымъ образомъ докажешь, что я точно отецъ, — слышишь ли? *единственный отецъ* этого ребенка, котораго хотятъ навязать мнѣ теперь на шею.

— Совсѣмъ не того хотятъ, сказалъ я ему съ холодной строгостью. — Хотятъ, чтобъ ты никогда не думалъ о своемъ сынѣ; никогда тебѣ не выдавали его за твоего сына; никогда про него не говорили; и еслибъ тебѣ пришло въ голову когда-нибудь потребовать его къ себѣ, то какъ законъ не даетъ тебѣ на него никакого права, его избавили бы отъ запоздалаго и непрощенаго покровительства. Не ругайся же надъ благородствомъ и привязанностью, которой понять не можешь. Это значило бы унижить себя въ глазахъ всѣхъ, даже въ своихъ собственныхъ, когда спадетъ густая завѣса, ихъ покрывающая. Впрочемъ, въ теперешнюю минуту рѣшительнаго перелома, какъ ты справедливо его называешь, все дѣло въ томъ только, чтобъ стряхнуть эту роковую завѣсу. Ты долженъ одержать побѣду надъ чувствованіями тебя недостойными, и глубоко раскаяться, долженъ выйти отсюда, исполненный почтенія къ матери твоего сына и признательности къ его названому отцу, — слышишь ли? Долженъ сказать мнѣ, что поступалъ какъ дитя, какъ полоумный, или навсегда унести мою антипатію и отвращеніе къ твоему характеру.

— Понимаю, отвѣчалъ Орасъ, усиливаясь еще бороться противъ моего приговора: — я долженъ изъявить торжественную признательность за то, что меня сдѣлали отцомъ ребенка, о которомъ я не слыживалъ, и который, какъ оказывается, долженъ быть моимъ! Какую испытанію долженъ я подвергнуться, чтобъ показать великость

моего раскаянія? какое публичное покаяніе долженъ принести, чтобъ омыть себя отъ преступленія?

— Никакого! Все это дѣло—секретъ четверыхъ особъ, да тебя пятаго. Если же у тебя достанетъ безразсудства оглашать его, рассказывать на свой ладъ, тогда я принужденъ буду сказать истину и объявить всѣмъ твоимъ знакомымъ, что ты лжешь. Ты требуешь матеріальныхъ доказательствъ, которыя были бы неопровержимы? Какъ-будто ихъ можно найдти! какъ-будто на это есть другія доказательства, кромѣ нравственныхъ! Это все равно, еслибъ ты сказалъ, что умъ твой такъ-тупъ и душа такъ-невозвышенна, что ты не можешь повѣрить чему-нибудь, кромѣ непосредственнаго свидѣтельства твоихъ чувствъ. Будь это такъ, на землѣ не было бы человѣка, который не могъ бы не признать и отвергнуть своихъ дѣтей, ссылаясь на то, что вѣдь не былъ свидѣтелемъ всѣхъ минутъ жизни жены своей.

— Чего же ты отъ меня требуешь? возразилъ онъ съ подавляемымъ бѣшенствомъ. — Чтобъ я объявилъ свою тайну всѣмъ и подтвердилъ добродѣтель Марты на-счетъ моей собственной чести? Да ты мнѣ предлагаешь смертную дуэль между репутаціею этой женщины и моею!

— Ничего не бывало, Орасъ; мы теперь не въ томъ свѣтъ, который ты недавно оставилъ. Двадцать салоновъ не заглядываютъ въ тайну твоей домашней жизни, и честь Марты не нуждается, какъ честь какой-нибудь виконтессы, въ твоемъ безславіи. Среда, въ которой совершились эти событія, очень-ограничена и негрѣмка. Много-что четверо или пятеро старинныхъ пріятелей спросятъ у тебя о любви къ ней. Если ты имъ отвѣтишь, что она была любовница безъ чести и достоинства, слухъ этотъ можетъ распространиться и дойти до нея теперь, когда она готовится вступить въ состояніе виднѣйшее и лучшее. Но ты можешь сохранить свое и ея достоинство, несколько тутъ непротиворѣчащія другъ другу. Если самъ не знаешь, какъ долженъ поступать въ этомъ обстоятельствѣ, я пожалуй скажу тебѣ. Не входи ни въ какія объясненія; не поминай никогда о ребенкѣ, котораго Арсенъ признаетъ и выдаетъ за своего, изъ благочестивой лжи; скажи тономъ твердымъ и короткимъ, какой приличенъ серьезному человѣку, что ты пытаешь къ Мартѣ заслуженное уваженіе и почтеніе, и, повѣрь мнѣ, такое признаніе сдѣлаетъ тебѣ честь даже въ глазахъ тѣхъ, кто подозрѣвалъ бы истину. Одно лишь это можетъ заставить ихъ извинить и забыть твои заблужденія... Еслибъ ты поступилъ такъ даже съ другою женщиною, которая не столько этого достойна, ты былъ бы теперь, можетъ-быть, оправданъ въ мнѣніи судей, болѣе-привязчивыхъ и болѣе-требовательныхъ, нежели какими будутъ твои прежніе товарищи.

Это увѣщаніе подадо поводъ къ другому объясненію, и Орасъ вы-

слушалъ мой проповѣди съ молчаніемъ побѣжденнаго. Но на-счетъ Марты, онъ долго защищался, и въ-теченіи двухъ часовъ мнѣ надлежало бороться не съ невѣріемъ его, — оно было притворное, — но съ его упрямствомъ и досадою. Не смотря на сопротивленіе, я однакожь видѣлъ, что онъ колебался и что побѣда была на моей сторонѣ. Въ девять часовъ вечера онъ ушелъ, сказавъ, что ему нужно побыть одному, подышать воздухомъ и подумать ходя.

— Я ворочусь къ полночи, сказалъ онъ мнѣ:—и откровенно исповѣдую тебѣ рѣшеніе моей совѣсти. Мы еще потолкуемъ объ этомъ, если я не надобѣлъ тебѣ до-смерти.

Онъ возвратился въ часъ утра, съ лицомъ оживленнымъ, хотъ еще очень блѣднымъ, съ манерами ласковыми и мягкими.

— Ну, что? сказалъ я ему, пожавъ руку, которую онъ мнѣ подалъ.

— Ну! отвѣчалъ онъ: — я побѣдилъ, или лучше сказать, Марта и ты побѣдили меня, и теперь можешь сдѣлать изъ меня все, что хочешь. Я былъ безумецъ, несчастный, терзаемый тысячью ядовитыхъ сомнѣній; а вы, вы люди твердые, спокойные и мудрые. Вы помогаете мнѣ открывать лицо истины, когда оно заволакается тучами моего воображенія. Послушай, что со мною случилось; расскажу тебѣ все. Разставшись съ тобою, я былъ въ Gymnase; мнѣ хотѣлось увидѣть Марту, переодѣтую въ комедіантку, на этой дрянной сценѣ, выламывающую сантиментальныя неглѣпости нашихъ мѣщанскихъ драмочекъ. Да, я хотѣлъ увидѣть ее такою, чтобъ навсегда исцѣлиться отъ горечи, какую она оставила по себѣ въ моей душѣ, чтобъ внутренно презрѣть ее, и презрѣть самого-себя за любовь къ ней. Не просидѣлъ я пяти минутъ, какъ вижу ангела красоты, слышу голосъ чистый и трогательный, какъ у мамзель Марсъ. Правда, это были красота и голосъ моей бѣдной Марты; но какъ опозитизированы, обидеализированы обработкою ума и серьезной науки оболъщенія! Я говаривалъ тебѣ, что жепщина, которая не занимается прежде всего искусствомъ правиться, не женщина; и въ то время въ Мартѣ, на-зло всѣмъ природнымъ дарамъ, была какая-то неподвижная грусть, унылое смиреніе, по которому она долго теряла всѣ свои преимущества. Но, Боже мой! что за превращеніе въ ней сдѣлалось! Какая роскошь красоты, какое изящество приемовъ, какая превосходная дикція, какая осанка, какая грація! и все это безъ потери того простаго, чистаго и кроткаго вида, который, бывало, заставлялъ меня опоминиваться и падать на колѣни среди моихъ подозрѣній и порывовъ. Она шѣла въ этотъ вечеръ, увѣряю тебя, успѣхъ не блестящій, но существенный и заслуженный. Ея роль была негодная, ложная, даже смѣшная; она ушѣла ее сдѣлать истинною, благородною, увлекательною, безъ сильныхъ эффектовъ, безъ положенныхъ средствъ. Мало апплодировали; не говорили: «это чудо, это

изумительно»; но каждый взглядывалъ на сосѣда и говорилъ: «вотъ хорошо; какъ это хорошо!» Да, *хорошо* тутъ приличное слово. Въ свѣтъ, гдѣ среди множества дурнаго можно научиться кое-чему доброму, я узналъ, что хорошаго труднѣе достигъ, нежели прекраснаго, или лучше сказать, хорошее есть видъ прекраснаго утонченнѣйшій, правильнѣйшій изъ всѣхъ прочихъ. Право! какъ бы я былъ радъ, еслибъ эти безстыдныя вертушки, которыхъ зовутъ свѣтскими женщинами, увидѣли, какъ бѣдная гризетка умѣетъ ходить, садиться, держать свой букетъ, разговаривать, улыбаться, гораздо-пристойнѣе и граціознѣе всѣхъ ихъ! Но гдѣ же Марта выучилась всему этому?.. Что за быстрая, пронзительная сила — умъ! Я и не подозрѣвалъ, чтобъ у Марты было его столько; она открыла мнѣ глаза. До какой степени я не понималъ ея! говорилъ я себѣ, смотря на нее. Я такъ часто считалъ ее ограниченной, либо сумасбродною,—а вотъ она уличаетъ меня въ ошибку, и какъ-будто мститъ за ложное о себѣ мнѣніе, являясь совершенною и торжествующею передъ всей этой публикой, передъ всѣмъ Парижемъ! потому-что скоро весь Парижъ заговоритъ объ ней, станетъ спорить за удовольствіе видѣть ее и рукоплескать ей! Признаюсь, я краснѣлъ за себя; и едва пьеса, въ которой она играла, кончилась, я бросился къ актерской двери, пробился сквозь всѣ преграды, перебѣсилъ всѣхъ придверниковъ и всѣхъ стражей этого святилища, искалъ, нашелъ ея комнату, постучавшись началъ толкаться въ дверь и, не дожидаясь обычныхъ переговоровъ, осмѣлился проникнуть до нея. Она была еще въ своемъ изящномъ костюмѣ, но уже стерла бѣлила; волосы, съ которыхъ она сияла цвѣты, падали длиннѣе, чернѣе и прекраснѣе, чѣмъ когда-нибудь, на ея царственныя плечи. Она была еще прекраснѣе, нежели на сценѣ, и я кинулся къ ногамъ ея; я прижималъ къ груди ея колѣни, къ великому смущенію горничной, которая показала мнѣ крестьянкою, слишкомъ-наивною для театраль-ной одѣвальнойщицы. Я зналъ, что не найду съ нею Арсена; я помнилъ, что онъ кассиръ, что онъ занятъ въ конторѣ, пока жена переодѣвается... Друзья мои! говорите что хотите: она за-мужемъ, привязана къ мужу, уважаетъ его, почитаетъ; все это такъ,—но она меня любить! да, Марта еще любить меня, любить до-сихъ-поръ, и, хоть она сказала мнѣ совершенно противное, я въ этомъ увѣренъ. Она поблѣднѣла какъ смерть, увидѣвъ меня, зашаталась, упала бы въ обморокъ, еслибъ я не поддержалъ ея руками и не посадилъ на софу. Минутъ съ пять не могла она вымолвить слова, и какъ-бы растерялась; потомъ, когда заговорила со мною, выхваляя свое счастье, спокойствіе, супружество, ея влажные глаза и волнующаяся грудь говорили мнѣ совершенно-другое; и я, лишь неясно слыша слова устъ ея, всѣмъ существомъ своимъ понималъ голосъ ея сердца, говори-

вншій гораздо-громче и краснорѣчивѣе. Она хотѣла-было, чтобъ я дождался прихода Арсена; кажется, она боялась его подозрѣній, принимая меня будто украдкою отъ него. Но г. Арсенъ безпокоилъ и мучилъ меня цѣлый годъ, и я не усомнился заплатить ему тѣмъ же одинъ вечеръ. Сверхъ-того, я нисколько не былъ расположенъ видѣть, какъ это пошлое и прозаическое существо стало бы обнимать, ласкать и уводить ту, на которую я не могу вдругъ отвыкнуть смотрѣть какъ на свою любовницу и подругу. Я уклонился, общаясь въ другой разъ видѣть ее когда и при комъ ей угодно. Но по меньшей мѣрѣ съ четверть часа былъ я встревоженъ, взволнованъ, и, чтобъ сказать все, влюбленъ, какъ давно не бывалъ. Я двадцать разъ говаривалъ тебѣ это среди всѣхъ своихъ безумствъ, помнишь, Теофиль: я никогда не любилъ никого кромѣ Марты, и чувствую, что не буду любить никого, кромѣ ея, вопреки всему, вопреки ей и самому-себѣ. Зачѣмъ же ты морщишь брови? Зачѣмъ Эженъ пожимаетъ плечами съ досаднымъ и безпокойнымъ видомъ? Я честный человѣкъ; а такъ какъ Марта женщина гордая и прямая, какъ она вѣрно захочетъ со мною видѣться только въ-присутствіи мужа; какъ согласіе на это мужа будетъ для меня безмолвнымъ обязательствомъ уважать его довѣренность и честь, то тебѣ нечего, кажется, бояться, чтобъ я возмутилъ спокойствіе этой семьи. О! не безпокойся, пожалуйста; я не имѣю ни малѣйшаго желанія похитить у него жену, хоть онъ и похитилъ у меня любовницу. Онъ превосходно поступилъ въ-отношеніи къ ней и къ моему сыну... потому-что это мой сынъ! Марта не поминала ни слова о ребенкѣ, и я тоже, какъ ты легко можешь себя представить... Какъ бы то ни было, но нѣтъ сомнѣній, что священная, неразрывная связь соединяетъ меня съ нею, и что если я когда-нибудь наживу состояніе, то не забуду, что у меня есть наследникъ. Такимъ образомъ я косвенно вознагражу Арсена за оказанныя ему попеченія, и такъ какъ они хотятъ лишить меня отцовскихъ правъ, то я стану оказывать свое родительское вліяніе только таинственнымъ и такъ-сказать промыслительнымъ образомъ. Вы видите, друзья мои, что я не намѣренъ быть ни столь низокъ, ни столь развратенъ, какъ вы думали сегодня утромъ; что, отнюдь не думая быть врагомъ и клеветникомъ Марты, я напротивъ остаюсь ея поклонникомъ, слугою, другомъ. Не думаю, чтобъ Арсенъ осудилъ меня за это: соединяясь съ женщиною, которая мнѣ принадлежала, онъ долженъ былъ предвидѣть, что ни я не могъ для нея умереть, ни она для меня; онъ человѣкъ благоразумный и хладнокровный: онъ не станетъ ее терзать, потому-что любить ее, и не будетъ ко мнѣ недовѣрчивъ, потому-что знаетъ меня. А я, я ободренъ, утѣшенъ, воскрешенъ происшествіями нынѣшняго дня. Утромъ я былъ недѣлцъ и несносенъ: Забудь это, и смотри на меня

теперь какъ на прежняго Ораса, котораго ты любилъ, уважалъ, и котораго свѣтъ не могъ ни унижить, ни развратить. Позволь тебѣ сказать, что я люблю теперь Марту больше чѣмъ любилъ когда-нибудь, что буду ее любить всю жизнь; ручаюсь тебѣ, что ей уже ничего будетъ трепетать и страдать отъ моей любви, точно такъ же, какъ тебѣ ничего будетъ упрекать и осуждать въ моемъ поведеніи съ нею.

Между-тѣмъ, какъ Орасъ, среди тысячи самохвальствъ, тысячи проектовъ и тысячи надеждъ, давалъ намъ самые смѣлые обѣты добродѣтели и разсудительности, Марта, воротясь съ мужемъ домой, рассказывала ему очень-откровенно о свиданіи съ Орасомъ. Арсенъ почувствовалъ страхъ и тоску при этомъ извѣстіи, но ничего не обнаружилъ, и напередъ одобрилъ все, что заблагоразсудить съдѣлать жена. — Такъ ты полагаешь, сказала она: — что я должна съ нимъ еще увидѣться и обойтись по-дружески?—Этого я не думаю, Марта, отвѣчалъ онъ: — ты ему ничѣмъ не обязана; но, если рѣшишься его видѣть, ты должна обращаться съ нимъ ласково и дружески. Во-первыхъ, у тебя, можетъ-быть, не достало бы силы быть съ нимъ холодною и строгою; а еслибъ и достало, для чего жъ ее обнаруживать, если только онъ не принудитъ тебя къ тому новыми претензіями? Ты говоришь, что онъ ихъ не имѣетъ, не можетъ уже имѣть, что онъ проситъ у тебя только прощенія за прошедшее и великодушнаго сожалѣнія къ его раскаянію; если ты довольна его сегодняшнимъ поведеніемъ съ тобою, и не имѣешь причинъ ничего отъ него опасаться впередъ...—Поль! сказала Марта, прервавъ его: —пока ты мнѣ это говоришь, лицо твое блѣдно и голосъ дрожитъ: ты встревоженъ въ глубинѣ души?—Арсенъ помѣшкалъ съ минуту, и отвѣчалъ: — Клянусь Богомъ, другъ мой, если ты сама не встревожена, если чувствуешь себя столько жъ спокойною и счастливою, какъ дѣвчѣ утромъ, то и я счастливъ и покоенъ. — Поль! воскликнула она:—не тебѣ, котораго люблю больше всего на свѣтѣ, стану я лгать. Я не чувствую себя въ такомъ какъ дѣвчѣ расположеніи. Я тѣмъ больше чувствую себя счастливою, принадлежа тебѣ, что увидѣла вновь человѣка, который нанесъ мнѣ много зла; но въ присутствіи его я не была спокойна, и теперь еще встревожена и разстроена, какъ-будто видѣла громовой ударъ подлѣ себя.

Арсенъ еще нѣсколько минутъ хранилъ молчаніе, и, собравшись съ силами, попросилъ Марту ничего не скрывать отъ него и объяснить родъ волненія, какое она чувствуетъ, не опасаясь его огорчить или встревожить. — Не могу никакъ тебѣ опредѣлить его, отвѣчала она: — потому-что уже съ часъ напрасно стараюсь понять его сама. Кажется мнѣ, это—чувство болѣзненнаго ужаса, содроганія, подобнаго тому, какое ощущаешь, смотря на орудія претерзанной

пытки. Могу сказать тебѣ навѣрно только то, что все въ этомъ чувствѣ тягостно, даже ужасно; сюда примѣшивается стыдъ и сожалѣнія, что я долго не оцѣнила тебя надлежащимъ образомъ; раскаяніе, что столько пострадала для такого пустаго человѣка; какое-то отвращеніе и ненависть къ самой-себѣ. Наконѣцъ, это мучить меня, нисколько не удовлетворяя и не смягчая; все, что ни говоритъ этотъ человѣкъ, кажется мнѣ поддальнымъ, тщеславнымъ и живымъ. Онъ пробуждаетъ во мнѣ сожалѣніе; но что за горькое и унижительное для обоихъ насъ сожалѣніе! Мнѣ кажется, если ты увидишь его теперешняго, щеголеватого и неопрятнаго, смиреннаго и требовательнаго, постарѣвшаго ребенка, ты никакъ не удержишься отъ презрѣнія ко мнѣ за то, что я предпочла тебѣ этого комедіанта, худшаго, увѣ! всѣхъ твоихъ, съ которыми имѣла я несчастіе играть любовныя сцены на белльвильскомъ театрѣ.

Марта чистосердечно говорила, что думала, и нисколько не старалась притворствомъ успокоить мужа. Однакожь она не спала ночь. Волненіе, произведенное дебютомъ, присовокуплялось къ волненію, какое произвелъ въ ней Орасъ. Она видѣла томительные сны, въ которыхъ ей нѣсколько разъ казалось, будто она снова подпала его пагубной власти, и въ которыхъ жестокія сцены прошедшаго представлялись ей воображенію еще хуже и ужаснѣе, чѣмъ были въ дѣйствительности. Она нѣсколько разъ кидалась на грудь Арсена, съ заглушенными воплями, какъ-будто ища на ней убѣжища отъ своего врага, и Арсенъ, успокаивая ее и благословляя за этотъ инстинктъ довѣренности и любви, чувствовалъ себя гораздо несчастливѣе, чѣмъ еслибъ нашелъ ее равнодушною къ памяти Ораса.

Когда, вставъ по-утру съ постели, Марта взяла на руки ребенка, чтобъ забыть, лаская его, всѣ мученія ночи, старуха Олимпія пода-ла ей письмо, за сочиненіемъ котораго Орасъ просидѣлъ ту же ночь.

Онъ показывалъ мнѣ его еще до отсылки. Дѣйствительно, это было образцовое произведеніе не только по слогу и краснорѣчію, но и по чувствамъ и по идеямъ. Никогда онъ не выражался такъ вдохновенно, никогда не казался исполненъ такими благородными, та-кими чистыми, нѣжными и великодушными побужденіями. Нельзя было не увлечься величіемъ его чувства, не повѣрить истинѣ его обитовъ. Онъ пламенно просилъ прощенія, дружбы, довѣренности Марты и Поля. Онъ обвинялъ себя съ полнымъ чистосердечіемъ, говорилъ объ Арсенѣ съ неподдальнымъ энтузіазмомъ. Онъ вымаливалъ, какъ милости, позволенія видѣть сына въ ихъ присутствіи и са-мому передать его, покорно и твердо, въ руки того, кто его усыновилъ, и кто былъ больше его достоинъ быть отцомъ.

Поля засталъ жену читающую это письмо съ слезами на глазахъ.

— Возьми, сказала она, подавая ему: — это письмо Ораса; ты вы-

дишь, оно заставило меня плакать. И однакожь, что-то говорить мнѣ, что и это только одни слова, на которыя онъ такой мастеръ.

Арсенъ внимательно прочелъ письмо, и, возвращая его женѣ, сказалъ:—Не можетъ быть, чтобъ оно не было выраженіемъ истиннаго чувства и великодушной рѣшимости. Письмо это прекрасно, человекъ этотъ добръ, не смотря на свои пороки. Не могу не считать его лучше, нежели показываетъ онъ своимъ поведеніемъ. Безъ чувства такъ не говорятъ. Онъ плакалъ, пиша къ тебѣ. Повѣрь, тебѣ нѣчего краснѣть, что считала его тверже и благоразумнѣе, чѣмъ онъ есть: у него были всѣ склонности къ добродѣтелямъ, которыхъ не было. Ты не должна отказывать ему въ прощеніи и дружбѣ, которыхъ онъ проситъ; совѣтуя противное, я давалъ бы тебѣ совѣтъ своекорыстный и низкій.

—Хорошо! я увижусь съ нимъ,—но въ твоёмъ присутствіи, отвѣчала Марта. — Меня только огорчаетъ мысль, что онъ увидитъ Эжена, станетъ его цаловать при насъ, называть сыномъ, и будетъ видѣть во мнѣ мать своего ребенка. Нѣтъ, не хотѣлось бы мнѣ будить такимъ-образомъ прошлое. Я привыкла смотрѣть на этого ребенка, какъ на твоего. Рѣдко, очень-рѣдко вспоминала я, что онъ не твой; а теперь, его какъ-будто отнять у насъ, похитивъ у насъ одну изъ его ласокъ!

—Эта мысль для меня мучительнѣе, нежели для тебя, бѣдная моя Марта, возразилъ Арсенъ:—но это долгъ, которому надо покориться. Я всю ночь объ этомъ раздумывалъ, и сказалъ себѣ одну очень-серьёзную вещь, вотъ каковую. Свыше нашихъ желаній, нашего выбора и воли, есть цѣль, избраніе и воля Божія. Богъ не дѣлаетъ ничего, что не было бы необходимо, и Его таинственныя изволенія должны намъ быть священны. Ему было угодно, чтобъ Орасъ сталъ отцомъ, хотя Орасъ отвергалъ семейныя наслажденія и тягости. Ему угодно, чтобъ Орасъ вновь тебя увидѣлъ и почувствовалъ желаніе обнять сына, хотя до-сихъ-поръ отрекался отъ родительскихъ удовольствій и обязанностей. Одинъ Богъ знаетъ, какое тайное и могучее вліяніе можетъ имѣть это дитя на будущность Ораса. Въдъ эта связь между небомъ и имъ, которую никто не въ правѣ разрывать. Покушаться на то было бы нечестіемъ, преступленіемъ. Отнимать у него возможность знать и любить сына, хотя бъ онъ сталъ слабо его знать и любить, было бы родъ похищенія, и, такъ-сказать, несправимое поврежденіе, которое мы причинили бы его нравственному существу. И такъ, вмѣсто того, чтобъ зарывать отъ него наше *сокровище*, мы должны ему дать имъ насладиться, потому-что Богъ призвалъ его пользоваться этимъ благодѣніемъ. Не могу повѣрить, чтобъ видъ этого дитяти не сдѣлалъ его лучше и не произвелъ дѣйствительной перемены въ душѣ его.

Марта уступила такимъ высокимъ религиознымъ разсужденіямъ, а уваженіе ея къ Арсену усилило ихъ. Условленъ былъ завтракъ у меня для этой встрѣчи. Марта съ Арсеномъ принесли ребенка, и на эту пору Орасъ, снова сдѣлавшійся нѣжнымъ, наивнымъ и чувствительнымъ, былъ во всѣхъ отношеніяхъ превосходенъ въ обращеніи съ нимъ, съ его матерью и особливо съ Арсеномъ, котораго благородная и ясная наружность расположила его къ почтенію и умиле- нію. То былъ прекраснѣйшій день орасовой жизни.

Надо сознаться, одно лишь тщеславіе развернуло въ душѣ его это прекрасное движеніе. Оскорбленный и поруганный людьми большаго свѣта, униженный и уязвленный нами, онъ почувствовалъ себя наконецъ падшимъ и очерненнымъ въ собственныхъ глазахъ. Онъ сильно ощутилъ потребность выйдти изъ этого униженія и восстано- вить себя передъ нами и передъ самимъ-собою, пока въ-послѣдствіи можетъ омытъ себя въ глазахъ свѣта. Онъ не хотѣлъ выйдти изъ этого положенія вполонину и удовольствоваться тѣмъ только, чтобъ показать себя добрымъ и кающимся: онъ хотѣлъ показаться великимъ и переимѣнить нашу жалость на удивленіе. На цѣлый день удалось ему это; и величанье имѣло для него хоть ту выгоду, что познакомило его съ наслажденіями самолюбія, которыхъ онъ еще не зналъ, и кото- рые нашелъ выше мелкихъ удовольствій тщеславія. Съ того дня вступилъ онъ въ фазу гордости; существо его, не измѣнивъ свойствъ своихъ, возрасло по-крайней-мѣрѣ на назначенномъ ему пути.

На другой день, онъ проснулся нѣсколько-утомленный новыми ощущеніями и великимъ переворотомъ, происшедшимъ въ немъ довольно-быстро. Онъ думалъ о Мартѣ побольше, чѣмъ объ Арсенѣ; а о самомъ-себѣ побольше, чѣмъ о сынѣ. Энтузіастическая дру- жба его къ Мартѣ приняла характеръ проснувшейся страсти, ко- торая не вдругъ разстается съ химерическими и преступными наде- ждами. Наконецъ, по выраженію Эжені, которая помнила нѣсколь- ко блестящихъ фразъ, звезда его начала убывать въ блескъ. Пора было Орасу уѣхать и не имѣть случая отступить отъ своихъ благород- ныхъ рѣшеній. Я нѣкоторымъ образомъ понудилъ его къ тому, не безъ труда и борьбы, потому-что, какъ ни прельщала его мысль пу- тешествіи, онъ все-таки хотѣлъ выиграть нѣсколько дней. Но я го- ворилъ чрезвычайно-твердо, очень зная, что отъ его поведенія съ Мартою въ этомъ обстоятельствѣ зависѣла вся его нравственная бу- дущность. Я заставилъ его принять, будто отъ меня, сумму, при- сланную мнѣ для него Луи Мераномъ, и назначилъ день его отъѣзда въ Италію, не позволивъ ни съ кѣмъ проститься.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Радость Ораса, когда онъ увидѣлъ себя опять обладателемъ небольшого состоянія, когда осуществился наконецъ одинъ изъ самыхъ желанныхъ его плановъ, до такой степени упоила его въ послѣдніе дни, что я испугался бышенаго расположенія духа, съ которымъ онъ готовился къ путешествію. На все составлялъ онъ себя обольщенія, заставлявшія опасаться сильныхъ безразсудствъ, либо горькихъ разочарованій. За недѣлю глубокаго унынія и сплина, причиненныхъ паденіемъ въ большомъ свѣтъ, слѣдовала недѣля энтузіазма, сумасшедшаго восторга и гордости. Вся эта движенія надорвали его тѣло, ослабленное разсыянною жизнью, которую велъ онъ въ продолженіи всей зимы; я видѣлъ его пожираемаго лихорадкою, тѣмъ больше дѣйствительною, что онъ на нее не жаловался и незамѣчалъ ее. Боясь, чтобъ онъ не заболѣлъ дорогою, я рѣшился проводить его до Ліона, чтобъ тамъ остановиться и пользоваться его, если первые дни дороги, вмѣсто счастливаго отвода, ускорятъ нашествіе болѣзни.

Мы вмѣстѣ приготовились къ отъѣзду, и я держалъ его на глазахъ, чтобъ онъ не нарушилъ нашихъ плановъ какимъ-нибудь нечаяннымъ сумасбродствомъ. Я предчувствовалъ близкій припадокъ, видѣлъ безпорядокъ въ его идеяхъ, странныя предубѣжденія въ малѣйшихъ его дѣйствіяхъ, и на лицѣ что-то неопредѣленное и дикое, что очень поражало Эжені. — Не знаю, отъ-чего я уже не могу смотреть на него, говорила она мнѣ:—не воображая, что ему суждено умереть сумасшедшимъ. Даже высокія чувствованія, которыя онъ сталъ обнаруживать, происходятъ, кажется мнѣ, отъ тайнаго разстройства во всемъ его существѣ, потому-что вѣдь чувствованія эти ужъ не притворныя, это видно, — однако въ немъ они неестественны, да и не отстаютъ люди такъ въ одинъ день отъ привычекъ цѣлой жизни.

Я выговаривалъ Эжені за такое сомнѣніе въ божественномъ дѣйствіи любви на человѣческую душу, но въ глубинѣ собственной души самъ готовъ былъ раздѣлять ея опасенія.

Дѣло въ томъ, что Орасъ, въ первый и послѣдній разъ въ жизни, не владелъ самъ-собою. Онъ не отдавалъ себя отчета въ стремительныхъ движеніяхъ, которыя дотолъ производилъ въ себѣ и будто лелѣялъ съ любовію. Позоръ, понесенный въ свѣтъ, оставилъ въ немъ тайную, но жгучую боль; разсѣвать и прогонять ее успѣвалъ онъ, возвышаясь въ собственныхъ глазахъ на новомъ поприщѣ. Но эта стѣнь преслѣдовала его, и заставляла блѣднѣть даже среди самыхъ невинныхъ радостей. Чѣмъ больше думалъ онъ торжествовать, борясь съ этимъ горькимъ воспоминаніемъ и стараясь возвеличиваться въ собственныхъ глазахъ внутренними декламаціями, тѣмъ

меньше достигалъ того стоическаго спокойствія, того презрѣнія низкихъ нападокъ и глупыхъ пересудовъ, какими хвастался. Чтобъ изобразить его и опредѣлить въ послѣдній разъ, готовясь заключить разсказъ объ этомъ переходѣ его жизни, скажу, что это была голова очень-хорошо организованная, очень-умная, и очень-крѣпкая, которая могла однако смутиться и испортиться въ минуту, какъ прекрасная машина, у которой сломался бы главный рычагъ. Великая пружина орасовой головы была та способность, которую Шпурцгеймъ, основатель новаго психологическаго языка, называлъ *аппробативно-стью*; а аппробативность Ораса потерпѣла страшный ударъ за ужинкомъ у *Прозерпины*. Не смотря на перевязку, которую сладкая откровенность завтрака у меня положила на эту рану, въ глубинѣ орасовыхъ мыслей царствовало смятеніе и разстройство.

Утромъ 25 мая 1833 года (мѣсто въ дилижансѣ взяли мы у Лаофитта и Кальяра на тотъ же вечеръ), Орасъ, видя все сборы оконченными, и почувствовавъ выходъ изъ-подъ моего надзора, хитре ускользнулъ отъ меня и побѣжалъ къ Мартѣ. Онъ чувствовалъ неодолимое желаніе увидѣться съ нею наединѣ и прѣститься. Можеть-быть, ея спокойная и ласковая манера при прощаньи съ нимъ на послѣдней встрѣчѣ у насъ оставила въ немъ тайное неудовольствіе. Онъ готовъ былъ ее покинуть и навсегда отъ нея отказаться по великодушному усилію надъ собою, но думалъ, что дѣлаетъ этимъ чрезвычайное пожертвованіе своихъ правъ и власти надъ душою этой женщины; между-тѣмъ, какъ она, понимая его роль иначе, думала, что, позволяя жать себѣ руку и целовать своего сына, даетъ ему родъ религіознаго отпущенія.

Какъ бы то ни было, а Орасъ, принявъ такое положеніе, стоялъ не очень-высоко во мнѣніи Марты, въ которой хотѣлъ оставить о себѣ сожалѣніе, — во мнѣніи Арсена, которому хотѣлъ внушить признательность, — и въ нашемъ, желая насъ ослѣпить всеми способами. Во время завтрака, не думаю, чтобъ у него была какая-нибудь подобная мысль; но она была на другой день, и, увидѣвъ въ насъ твердое рѣшеніе не возобновлять этой щекотливой сцены, онъ былъ недоволенъ всеми нами и положеніемъ, какое принужденъ былъ наблюдать относительно насъ. Словомъ, онъ хотѣлъ увести нѣсколько поцалуевъ и слезинокъ Марты, чтобы вступить въ Италію великодушнымъ побѣдителемъ одной женщины, а не жертвою невѣрности трехъ или четырехъ. Поспѣвшимъ замѣтить, для нѣкотораго ему извиненія, что эти мысли не были правильно рассчитаны въ его умѣ, и что взять свое надъ Мартою искалъ не холодный ученикъ маркиза де-Верна, а настоящій Орасъ, взволнованный лихорадкою оскорбленнаго тщеславія, идущій, будто неволью и безъ всякаго опредѣ-

леннаго плана, искать какого-нибудь облегченія (хотя бѣ то былъ одинъ взглядъ или одно слово) своему невыносимому страданію.

Онъ зашелъ въ кафѣ, дома черезъ три отъ квартиры Марты, неподалеку отъ Gumpase. Тамъ написалъ онъ карандашомъ нѣсколько безсвязныхъ строкъ, которыя послалъ съ мальчикомъ. Черезъ четверть часа мальчикъ воротился съ слѣдующимъ отвѣтомъ: «Ничего такъ не желаю, какъ сказать вамъ последнее прости: Арсенъ и я, съ Эженомъ на рукахъ, пойдемъ въ контору дилижансовъ проводить васъ. Теперь же принять васъ не могу.»

Орасъ горько усмѣхнулся, скомкалъ въ рукахъ записку, кинулъ ее на полъ, поднялъ, перечелъ, спрашивалъ нѣсколько разъ кофю, чтобы прояснить свои мысли, больше и больше мѣшавшіяся, и наконецъ остановился на слѣдующей догадкѣ: либо она сидитъ съ новымъ любовникомъ, и стало-быть она презрѣннѣйшая изъ женщинъ; либо мужа нѣтъ дома, а она не смѣетъ оставаться со мной одна, и въ такомъ случаѣ она прелестнѣйшая изъ любовницъ и добродѣтельнѣйшая изъ женъ. И такъ, я — или прижму ее къ сердцу въ послѣдній разъ, или увѣрюсь въ ея безсовѣстности, чтобы навсегда освободиться отъ воспоминанія объ ней.

Онъ положилъ записку въ карманъ, подошелъ къ зеркалу, поправилъ волосы и увидѣлъ себя такъ блѣднымъ, что спросилъ полынной воды, думая возстановить силу разсудка этимъ возбуждательнымъ средствомъ, оказывавшимъ надъ нимъ совершенно противное дѣйствіе.

Наконецъ онъ переступаетъ порогъ этого незнакомаго дома, поднимается на пятый этажъ, звонитъ, притворяется будто не слышитъ положительнаго отказа старой Олимпіи, смѣло отталкиваетъ ее, пробѣгаетъ двѣ маленькія комнатки, входитъ въ будуаръ, одинъ изъ самыхъ простыхъ и цѣломудренныхъ будуаровъ, и застаетъ Марту одну, твердящую роль, съ ребенкомъ уснувшимъ подъ нея на софѣ. Увидѣвъ его, Марта вскрикнула, и страхъ изобразился во всѣхъ чертахъ ея. Она встала, и сухимъ, хотя дрожащимъ голосомъ жаловалась на дерзость Ораса. Но онъ кинулся къ ногамъ ея, плакалъ, описывалъ ей свою безумную любовь со всѣмъ жаромъ природнаго краснорѣчія. Марта приняла сначала этотъ языкъ съ горькою холодною; потомъ старалась, ласковыми убѣжденіями, насквозь проiakнутыми добротою, которую умѣлъ внушить ей Арсенъ, возвратитъ Ораса къ благороднымъ чувствованіямъ, какія онъ ей недавно обнаруживалъ.

Но чѣмъ больше являлась она возвышенною, твердою, полною доброты и разума, тѣмъ больше чувствовалъ Орасъ цѣну сокровища, которое потерялъ по собственной винѣ; и какое-то отчаяніе, мрачная и мучительная гордость, будто въ-слѣдствіе настоящей любви, овла-

дали имъ. Онъ предался отчаянію съ необыкновенною энергіей; и испуганная Марта хотѣла-было кликнуть Олимпію, чтобъ послать въ театръ за мужемъ, какъ Орасъ, выхвативъ изъ-за пазухи очень-красивый книжалъ, погрозилъ заколоть ее, если она не выслушаетъ его до конца. Тогда онъ началъ ей на свой ладъ разсказъ объ одинокой и ужасной жизни, которую велъ безъ нея, о неистовыхъ усиліяхъ заглушить ея память въ объятіяхъ другихъ женщинъ, о блестящихъ побѣдахъ, которыя онъ одерживалъ, и изъ которыхъ ни одна не могла заставить его забытья хотъ на минуту. Онъ объявилъ ей, что уважаетъ въ Римъ съ намѣреніемъ кинуться въ Тибръ, если не исполнится отъ любви своей, и послѣ долгихъ тирадъ, такихъ прекрасныхъ, что ему лучше бы побережъ ихъ для своего издателя, сдѣлалъ ей самыя безумныя предложенія: просилъ ее бѣжать съ нимъ, или лишитъ себя жизни вмѣстѣ съ нимъ.

Марта слушала его съ тѣмъ рѣшительнымъ невѣріемъ, какое пріобрѣтается въ любви горькимъ опытомъ. Она находила его поведеніе нелѣпнымъ, а намѣренія преступными и низкими. Однакожъ, хотя сердце ея было для него невозвратно затворено, съ ужасомъ почувствовала она, что прежній магнетизмъ этого человека готовъ воскреснуть, и что таинственное, какое-то сатанинское вліяніе, котораго она страшилась, начинало проникать въ ея жилы какъ холодъ смерти. Сердце ея сжималось, судорожное трепетаніе колебало ея руки, которыя Орасъ насильно держалъ въ своихъ рукахъ, и когда онъ упалъ на колѣни передъ спящимъ сыномъ, когда именемъ этого невиннаго созданія, навѣкъ соединявшаго ихъ другъ съ другомъ вопреки судьбъ и людямъ, выпрашивалъ у ней каплю состраданія, она чувствовала къ тому, кто сдѣлалъ ее матерью, пробужденіе какой-то роковой нѣжности, смѣшанной съ жалостью, презрѣніемъ и безпокойствомъ. Орасъ увидѣлъ ея полныя слезъ глаза, волнующуюся отъ вздоховъ грудь; онъ пламенно обнялъ ее, воскликнувъ: — Ты любишь меня, о! ты меня любишь, я — вижу это, знаю!—Но она вырвалась изъ его объятій съ необыкновенною силою; и вдругъ принявъ отчаянное рѣшеніе, чтобъ навсегда избавиться отъ своего злобнаго генія, сказала: — Орасъ, страсть ваша неумѣстна; вамъ должно излечиться отъ нея какъ можно скорѣе. Я не хочу долѣше удерживать ваше уваженіе ко мнѣ цѣною вашего спокойствія и достоинства. Я не стою похвалъ, которыя вы мнѣ расточаете: я была невѣрна вамъ; ваши подозрѣнія были очень-справедливы; этотъ ребенокъ не вашъ. Онъ точно сынъ Поля-Арсена, котораго я была любовницею въ то же время какъ и вашу.

Пронизоя эту ложь, Марта совершала истинно-фанатическій подвигъ. Это было похоже на заклинаніе *изгонять демоновъ во имя князя демоновъ*. Орасъ былъ такъ дикъ, что и не подумалъ о невѣроятно-

сти такого признанія послѣ поведенія Арсена съ нею. Онъ не колебался обвинить этого добродѣтельнаго человѣка въ уговоръ съ безсовѣстною женщиною навязать ему рожденіе ребенка. Онъ забылъ, что у него не было ни имени, ни богатства, ни положенія въ свѣтъ, и что, слѣдственно, Арсену не было никакой выгоды такъ грубо его обманывать. Онъ повѣрилъ только этому раскаянію, которое разыграла Марта, чтобъ отдѣлаться отъ него и, увлеченный внезапнымъ бѣшенствомъ, въ порывѣ настоящаго безумія, кинулся на нее, воскликнувъ: — Такъ умри же, распутница, и съ сыномъ вмѣстѣ и со мною!

Кинжалъ былъ у него въ рукѣ, и хоть очевидно онъ не имѣлъ другаго намѣренія, какъ только пострадать ее, она получила, заслотивъ собою сына, не смертельный ударъ, а, увы!—приходится ужъ сказать, не смотря на плоскую развязку единственной сколько-нибудь серьезной трагедіи, какую имѣлъ Орасъ въ жизни, — легкую царапину...

При видѣ капли крови, обагрившей прекрасную руку Марты, Орасъ, убѣжденный, что закололъ ее, хотѣлъ-было заколоть самъ себя. Не знаю, простерлось ли бы до такой степени его отчаяніе; но едва дотронулся онъ до своего жилета, какъ человѣкъ или лучше сказать мертвецъ показался изъ-за стѣны, бросился на него, обезоружилъ и, обернувъ его за плеча, вытолкнулъ съ лѣстницы, крича въ ему съ горькой насмѣшкою: — Ступай, любезный Орестъ, ломаться съ канатными плясунами, а всего лучше повѣсься тамъ.

Орасъ зашатался, полетѣлъ вдоль стѣлы, вскарабкался ползкомъ, и, услышавъ шаги Арсена, всходящаго по лѣстницѣ ему на-встрѣчу, бросился бѣжать, потупивъ голову, надвинувъ на брови шляпу, и думая самъ себѣ: — Точно, я помѣшался; все, что случилось, — мечта, призракъ, особливо это видѣніе Жана Ларавиньера, убитаго въ прошломъ году подъ Сенъ-Мері, въ глазахъ и на рукахъ Поля Арсена.

Онъ кинулся въ первый попавшійся кабріолетъ, велѣлъ себя везти, какъ-только могла кляча бѣжать скорѣе, въ Бур-ла-Рень, гдѣ воспользовался проѣздомъ перваго дилижанса, воображая себя преслѣдуемымъ за убійство, и какъ можно торопясь бѣжать изъ Парижа. Напрасно ждалъ я его весь вечеръ; я терялъ задатокъ, заплаченный за мѣсто, но никакъ не думалъ, чтобъ онъ уѣхалъ безъ меня, не взявъ ни вещей, ни денегъ. Увидѣвъ отъѣздъ кареты, въ которой мы должны были ѣхать, я пошелъ къ Мартѣ и тамъ узналъ въ двухъ словахъ происшедшее.—Онъ не убилъ бы меня, сказала Марта съ презрительною улыбкою: но сдѣлалось бы можетъ-быть что-нибудь дурное, если бъ меня не избавилъ мертвецъ.— Что это значитъ? спросилъ я:—не помѣшались ли и вы, любез-

ная Марта?—Постарайтесь сами не помѣшаться, отвѣчала она:— потому-что въ самомъ-дѣлѣ есть отъ чего помѣшаться съ радости и удивленія. Посмотримъ, готовы ль вы къ самому неожиданному и самому счастливому событію, какое могло съ нами случиться?

— Чтò за длинныя предисловія! сказалъ Жанъ, выходя изъ будуара Марты: — я хотѣлъ дать ей срокъ приготовить тебя обнять мертвцаго, но не могу удержаться отъ нетерпѣнія обнять поскорѣе любимыхъ живыхъ.

Дѣйствительно, я принялъ въ объятія самого президента бузенготовъ во плоти и крови. Брошенный между мертвыми въ церкви Сен-Мери, въ день убійства, онъ почувствовалъ въ себѣ еще каплю жизни; ползая по окровавленнымъ плитамъ, дотащился до исповѣдальни, гдѣ одинъ добрый священникъ нашелъ его на другой день и подалъ ему помощь. Сострадательный человекъ скрывалъ и лечилъ его у себя нѣсколько мѣсяцевъ, которые онъ пролежалъ въ борьбѣ между жизнью и смертію. Но какъ священникъ былъ человекъ робкій и мнительный, то слишкомъ преувеличилъ ему результатъ преслѣдованій противъ жертвъ 6 іюня, и не позволилъ дать знать о своей участи друзьямъ, увѣряя, что этого невозможно сдѣлать, не навлекая на нихъ подозрѣній и не выдавая самого-себя строгости правосудія.

— Я тогда такъ ослабѣлъ душою и тѣломъ, сказалъ Ларавиньеръ, повѣствуя намъ свою исторію:—что дадъ волю управлять собою моему благодѣтелю; а страхъ этого человека, впрочемъ превосходнаго, былъ такъ великъ, что онъ не дождался, пока я немножко поправлюсь, чтобъ перевезти меня въ свою деревню. Онъ оставилъ меня тамъ у овернскихъ крестьянъ, своего отца съ матерью, которые до-сей-поры скрывали меня въ глубинѣ своихъ горъ, ухаживая за мною какъ могли лучше, кормя очень-плохо, и муча меня своими убѣжденіями исповѣдаться, потому-что они очень-набожны, а мое болѣзненное состояніе каждый день заставляло ихъ думать, что мнѣ пришелъ конецъ. Правда, онъ недалекъ; нѣчего васъ обманывать, друзья мои, хоть вы видите меня на ногахъ и еще столько сильнымъ, чтобъ прогнать мосѣ Ораса Дюмонтé. Я совсѣмъ добитъ. У меня двѣ пули въ груди, да двадцать другихъ тумачковъ, съ которыми даромъ не раздѣляются. Но мнѣ захотѣлось умереть подъ небомъ моего возлюбленнаго Парижа, на рукахъ моихъ друзей, моей сестры Марты. Я очень-доволенъ, привыкъ страдать, рѣшился больше не лечиться, и спокоенъ за короткое время, какое остается мнѣ прожить, потому-что въ обвинительномъ актѣ на іюньскихъ патріотовъ не упомянуто объ моей харѣ. А! кстати! я вѣдь не похорошѣлъ, милая Марта, и вамъ нѣчего ужъ бояться влюбиться въ Жана, котораго вы знали такимъ красавцемъ, съ такимъ отличнымъ цвѣтомъ лица, съ такою густою бородою и большими черными глазами!

Жанъ шутилъ такимъ образомъ цѣлый вечеръ, и когда Арсенъ, который его уже видѣлъ (но отъ котораго скрыли выходку Ораса), воротился домой, мы съѣли вмѣстѣ ужинать, и героическая веселость *мертвеца* не измѣнилась ни на минуту. Видя его такимъ счастливымъ и шутливымъ, Марта не могла увѣрить себя, что онъ неизлечимъ. Самъ я, смотря на остатокъ силы и бодрости въ этомъ истощенномъ тѣлѣ, не отказывался отъ надежды. Но, боясь обмануться, я подвергъ его долгому и подробному осмотру. Какова же была моя радость, когда я нашелъ нетронутыми органы, которые Ларавиньеръ считалъ поврежденными, и когда убѣдился въ возможности успешнаго леченія! Нѣсколько мѣсяцовъ это было важнѣйшимъ моимъ занатіемъ, и, благодаря здоровому сложенію и удивительной терпливости больнаго, мы скоро увидѣли его оживающимъ и оправляющимся. Нѣжныя попеченія Марты и Арсена также не мало этому содѣйствовали. Онъ поселился жить у молодой четы, на счастливый и благородный союзъ которой смотрѣлъ съ радостью.—Видишь ли, говорилъ онъ мнѣ однажды:—я когда-то воображалъ себя, будто влюбленъ въ эту женщину, когда видѣлъ ее несчастною съ Орасомъ: то былъ обманъ горячей дружбы, какую я къ ней питаю. Когда же она поправилась и вознаграждена другимъ, я, къ искренней моей радости, чувствую, что люблю ее какъ сестру, и отнюдь не иначе.

Не стану вамъ досказывать исторію Ларавиньера. Жизнь его представила бы еще много случаевъ и повела бы къ размышленіямъ, которыя слѣдовало бы развивать отдѣльно и постепенно. Могу о немъ сказать только, что, упорствуя въ своемъ неисправимомъ и дикомъ героизмѣ, онъ погибъ...

Отъ Ораса, чрезъ нѣсколько дней послѣ его внезапнаго отъѣзда, получилъ я письмо, писанное изъ Иссудена, гдѣ онъ признавался мнѣ въ истинѣ, изъявлялъ свой стыдъ и раскаяніе, просилъ выслать къ нему деньги и чемоданъ. Меня тронула его горестъ и живо огорчило жалкое положеніе, въ какое онъ себя привелъ, тогда-какъ легко могъ бы быть въ очень-хорошемъ положеніи. Я нѣсколько опасался за него, и думалъ-было поѣхать къ нему уговаривать его и утѣшать, провожая до границы; но какъ письмо его написано было очень разсудительно, то я ограничился высылкою вещей и денегъ, общая ему отъ Марты и отъ всѣхъ насъ прощеніе, забвеніе и тайну.

Авторъ этой исторіи проситъ у читателей такого же обѣщанія, тѣмъ больше, что послѣдній припадокъ безумства Ораса нисколько не нарушилъ счастія Марты, и что самъ Орасъ сдѣлался прекраснымъ молодымъ человѣкомъ, порядочнымъ, прилежнымъ, скромнымъ, немного покамѣстъ еще напыщеннымъ въ разговорѣ и слогѣ, но благоразумнымъ и осторожнымъ въ поведеніи. Онъ побывалъ въ Италіи, присылалъ въ газеты и журналы очень-замѣчательныя и

очень-поэтическія описанія, на которыя никто не обратилъ вниманія: нынче вѣдь талантъ обыкновененъ. Онъ былъ учителемъ у одного богатаго неаполитанскаго дворянина, и оставилъ мѣсто, не докончивъ воспитанія своихъ учениковъ, кажется, потому-что волочился за ихъ матерью. Потомъ сочинилъ онъ огнедыщающую драму, которую освистали въ Амбигю; написалъ три романа на любовь съ Мартою, и два на любовь съ виконтессою. Помѣщалъ довольно-благоразумныя статьи во многихъ оппозиціонныхъ журналахъ; наконецъ, имѣя меньше литературныхъ успѣховъ, чѣмъ таланта и нуждъ, бодро рѣшился докончить свой юридическій курсъ, и теперь трудится надъ наборомъ себѣ кліентовъ въ своей провинціи, гдѣ, я увѣренъ, онъ скоро будетъ самымъ блестящимъ адвокатомъ.

ДОРОГА.

Тускло мѣсяць дальній
Свѣтитъ сквозь туманы
И лежитъ печально
Снѣжная поляна.

Бѣлыя съ мороза
Вдоль пути рядами
Тянутся берѣзы
Съ голыми сучками.

Тройка мчится лихо,
Колокольчикъ звонокъ,
Напѣваетъ тихо
Мой ящикъ съ-просовокъ.

Я въ вѣбитъ валкой
Вду да тоскую:
Скучно мнѣ да жалко
Сторону родную.

Н. ОГАРЕВЪ.

ВЪ АЛЬБОМЪ АВТОРУ «КУРДЮКОВОЙ».

На нашихъ дамъ морозныхъ
Съ досадою я смотрю,
Угрюмыхъ и серьезныхъ
Фигуръ ихъ не терплю.
Вотъ дама Курдюкова,
Ея разговоръ такъ милъ,
Я отъ слова до слова
Его бы ватвердилъ.
Мой умъ скакалъ за нею, —
И часто былъ готовъ
Я броситься на шею
Къ Madame де-Курдюковъ.

М. ЛЕРМОНТОВЪ.

И С П О В Ъ Д Ъ .

Мой другъ, тебѣ хотѣлъ бы я
Сказать, что душу мучить:
Я знаю, исповѣдь моя
Тебѣ вѣдь не наскучить.
Да только лишь сказать хочу,
Какъ вдругъ въ лицѣ я вспыхну,
Займется духъ, и я молчу,
И головой поникну.

А все бы я сказалъ тебѣ:
Люблю или ненавижу,
Какъ я не вѣрую судьба,
Какъ мало въ жизни вижу...
Да стыдно жаловаться мнѣ;
А въ томъ, что какъ-то чудно
Живеть въ душевной глубинѣ,
Мнѣ высказаться трудно.

Н. ОГАРЕВЪ.

* * *

Внимаю ль я порой словамъ любви
Такъ искренно лющимся изъ сердца,
Какой-то духъ мнѣ говоритъ: « Не вѣрь,
Не вѣрь, — во всемъ обманъ жестокий.
Ты придалъ самъ мнѣ милое значенье,
Вокругъ себя самъ розлилъ чудный блескъ,
Довѣрчивой душой и пылкимъ чувствомъ
Ты чувство далъ тому, въ чемъ вѣтъ его. —
Прочь, адскій духъ, оставь меня въ покоѣ,
Оставь мой сонъ; пройдетъ его волшебство,
И я, сказавъ: все въ мѣрѣ суета,
Его порой оплачу и скажу:
Какъ я любилъ разрушенный обманъ,
Горячихъ чувствъ волшебное безумье!...

А. МАЙКОВЪ.

КОЛЕСО ФОРТУНЫ.

(Повесть Оюста Аржу.)

1.

Встрѣча.

Прекрасный день въ августъ мѣсяцъ 1825 склонился къ вечеру. Солнце, начинавшее уже спускаться съ горизонта, проливало еще свѣтъ свой на голыя вершины горъ Божолѣ. Никакая свѣжесть не прохладяла душной атмосферы; ни малѣйшее дыханіе вѣтерка не потрисало раскаленного и тяжелаго воздуха. Кое-гдѣ нѣсколько поблекшихъ и полюбнаженныхъ деревьевъ рисовалось въ зѣирѣ неподвижными силуетами: вездѣ царствовала глубокая тишина, и только рѣзкій крикъ стрекозы, жужжаніе насѣкомыхъ, играющихъ по-вечерамъ въ золотой пыли солнечныхъ лучей, или шелестъ сухихъ травъ, уклоняющихся отъ прикосновенія ящерицъ, испуганныхъ ихъ колебаніемъ, нарушали молчаніе. Вдругъ мертвая тишина этихъ пустынь прервалась громомъ ружейнаго выстрѣла, повторившагося въ ущелинахъ скалъ; на выстрѣлъ отвѣчалъ собачій лай, но очень вдали и въ самой высокой части горъ. Почти въ ту же минуту огромная датская собака съ налитыми кровью глазами, поднявъ рыло вверхъ, бросилась стремглавъ на узкую тропинку, проложенную между пропастью слѣва и стѣною скалъ, стоявшихъ по правой сторонѣ. Но черезъ нѣсколько секундъ громкій свистъ, раздавшійся за кустомъ терновника, принудилъ ее воротиться, по-видимому, нѣхота, потому что по-временамъ оборачивала она голову назадъ, задушая въ страшныхъ челюстяхъ своихъ сердитое ворчанье. Наконецъ она скрылась, и все смолкло по-прежнему.

Прошло съ четверть часа; вдругъ на нижней части дороги явился какой-то молодой человѣкъ, съ охотничьимъ ружьемъ и дорожною котомкою за плечами.

Хотя ноша его была легка, и онъ по росту и тѣлосложенію своему казался довольно-силенъ, однакожь шелъ медленно, пробираясь съ трудомъ по тропинкѣ, усыянной мелкими камнями, катившимися изъ-подъ ногъ его. Наконецъ онъ остановился и, заслонивъ отъ солнца глаза рукою, смотрѣлъ вокругъ себя, какъ человѣкъ, который страется не сбиться съ пути.

— Это должно быть Тизи, проговорилъ онъ, увидѣвъ вдали нѣсколько домовъ и колокольню маленькаго городка, пріютившагося какъ орлиное гнѣздо на самой вершинѣ горы. — Вотъ, продолжалъ онъ: — первое человѣческое жилище, встрѣтившееся мнѣ съ-тѣхъ поръ, какъ я оставилъ Кюблизъ.

Онъ повторилъ припѣвъ пѣсни, которая служила ему спутникомъ и которую дорогою пѣлъ для разнообразія то въ-полголоса, то съ всею силою своихъ легкихъ. Теперь онъ довольствовался только тихимъ напѣвомъ, и, благодаря этой умѣренности, вокализациа его не была на этотъ разъ прервана неожиданнымъ и грознымъ появленіемъ собаки. Взоръ его обратился влѣво: — стѣна скалъ, на которую за нѣсколько минутъ до того падали лучи солнца, постепенно опустились и, сравнившись съ землею, открыла одну изъ самыхъ удивительныхъ и вмѣстѣ неизвѣстныхъ перспективъ въ цѣломъ свѣтѣ. Ни одинъ изъ этихъ выспренныхъ умовъ, которыхъ называютъ поэтами или художниками, и которые творятъ новые міры, пользуясь правомъ раздавать попроизволу славу и знаменитость, ни одинъ изъ нихъ не искалъ еще вдохновеній на этихъ величественныхъ скалахъ Божолé. Геній промышленности и спекуляціи, начинающій уже распространять тамъ свое владычество, проложитъ изъ нихъ широкія дороги, уравниетъ вершины, срубитъ лѣса, и, рома въ недрахъ, вырветъ изъ нихъ сокровища минеральныя, скопившіяся тамъ въкамнѣ, — прежде, нежели слово или кисть вздумаютъ прославить чудныя формы ихъ и живописныя окрестности.

Молодой человѣкъ забылъ на минуту усталость: подъ ногами его разверзлись пропасти; скалы разнообразной и странной формы, покрытыя отчасти черною и скудною землею, на которой росъ только розовый кустарникъ и дикія скабьёзы, спускались крутыми прерывавшимися ступенями до самой границы, гдѣ вдругъ разветывалась по отлогостямъ горъ широкая лента виноградныхъ лозъ. Тамъ возвышались огромныя деревья, которыхъ верхи сіяли отблескомъ зари, раскидывались долины уже покрытыя ночьюю тѣнью усыянныхъ домиками, гдѣ поочереды зажигались огни, между-тѣмъ какъ крыши ихъ дымились въ зелени высокихъ каштановыхъ деревьевъ; далѣе, по берегу Саовы, разстилались богатые поля, а на другомъ берегу рѣчки низкія и глубокія равнины Брессы, еще утопавшія въ дневномъ свѣтѣ; потомъ, на самой крайней точкѣ горизонта, тамъ

гдѣ даль застигала всѣ предметы, стояли Горы Савойскія, а противъ ихъ Монбланъ, на снѣжныхъ вершинахъ котораго отражались лучи заходящаго солнца, и эти величавыя вершины, окрашиваясь фантастическими оттѣнками, казались массою неподвижныхъ облаковъ, собравшихся на горизонтъ. Не смотря на великолѣпнѣ зрѣлища, путешественникъ нашъ любовался имъ недолго, потому-что былъ по природѣ не очень способенъ къ продолжительнымъ восторгамъ, хотя впрочемъ съ живостію впечатлѣній, которая всѣмъ намъ свойственна въ двадцать лѣтъ, соединялъ весь огонь энтузіазма и той любви, которая еще желаетъ и надѣется. Жизнь положительная, избранная имъ по склонности, предохраняла его отъ всѣхъ излишнихъ порывовъ воображенія. Великія явленія природы трогали его только поверхностно, только своею матеріальною стороною, производя въ душѣ лишь минутное впечатлѣніе или желаніе стремиться далѣе того образа, который представлялся глазамъ его. Онъ удивлялся ему только до-тѣхъ-поръ, пока видѣлъ его, но не уносилъ его въ своемъ воспоминаніи для того, чтобъ сдѣлать его предметомъ внутренняго своего созерцанія. Повторивъ раза два восклицаніе: «Боже мой, какъ это прекрасно!» или «это чудесно!», онъ не говорилъ больше ни слова, и энтузіазмъ его потухалъ такъ же, какъ возгарался—тихо и спокойно. Въ этомъ отношеніи, онъ похожъ былъ на многихъ людей, которые, принимая безпечность ума за размышленіе, удивляются отъ нечего-дѣлать или отъ лѣни до-тѣхъ-поръ, пока зѣвота не увѣдомитъ ихъ, что время уже обратить глаза въ другую сторону и дать новую пищу тому, что называютъ они своею мечтательностію.

— Это чудесно! *c'est superbe!* вскричалъ Фредерикъ, и вдругъ, перешедъ отъ этого любимаго слова своего къ порядку идей совершенно-противоположныхъ, пошелъ впередъ, запѣвъ во весь голосъ:

*Oui, vous avez des droits superbes,
Comme seigneur de ce canton;
Vous avez les premières...*

Но онъ не могъ кончить третьяго стиха, и рифма остановилась у него въ горлѣ, потому-что страшная собака, услышавъ его голосъ, бросилась ему на встрѣчу и готовилась оспаривать дорогу. Фредерикъ хотѣлъ-было отогнать ее угрозами, но онъ только раздражилъ непріятеля. Шагахъ въ сорокъ отъ дороги какой-то человекъ, сидѣя подъ кустомъ, смотрѣлъ на эту сшибку, и Фредерикъ, боясь, чтобъ она не сдѣлалась настоящею борьбою, закричалъ ему:

— Кликните вашу собаку, или я убью ее!

Въ ту же самую минуту онъ зарядилъ ружье и прицѣлился въ собаку. Незнакомецъ свиснулъ, и собака неохотно начала пятиться назадъ, скаля зубы и готовясь возобновить сраженіе.

— Люди, находящіе удовольствіе въ обществѣ животныхъ страстныхъ и злыхъ, какъ эта собака, должны бы, по-крайней-мѣрѣ, держать ихъ на цѣпи и не травить ими прохожихъ, сказалъ Фредерикъ.

По приближеніи молодаго человека, незнакомецъ вдругъ вскочилъ; яркая краска покрыла блѣдное и сухошавое лицо его; онъ устремилъ на Фредерика такой любопытствующій взоръ, какъ-будто-бы появленіе молодаго человека возбудило въ немъ какое-то тяжкое воспоминаніе, или фizioномія его представляла какое-то сходство еще невѣрное и неопредѣленное, въ которомъ онъ старался дать самому-себѣ отчетъ. Однакожь, оказалось, что они видѣлись въ первый разъ въ жизни, и послѣ этого невольнаго движенія незнакомецъ принялъ на себя прежній холодный видъ свой и отвѣчалъ съ презрительною усмѣшкой:

— Вы, кажется, принимаете меня за какого-нибудь промышленника большихъ дорогъ, который скрывается по-вечерамъ съ товарищами въ засаду, чтобъ грабить прохожихъ? Позвольте же и мнѣ въ свою очередь выразить нѣкоторое сомнѣніе, видя передъ собою вооруженнаго человека, и спросить васъ, надъ какимъ живымъ существомъ испытывали вы сію минуту вѣрность своего глаза, потому что, безъ сомнѣнія, это вы выстрѣлили изъ ружья подъ горою?

Разстояніе помѣшало сначала Фредерику разслышать слова незнакомца, и въ первомъ движеніи запальчивости онъ шелъ-было къ нему съ бранью, думая, что имѣлъ дѣло съ какимъ-нибудь грубымъ крестьяниномъ; но, подошедъ ближе, онъ очень удивился, увидѣвъ передъ собою человека почтенной наружности, съ фizioномією, выражавшею какое-то холодное и гордое благородство.

— Точно такъ, отвѣчалъ онъ: — я выстрѣлилъ въ двухъ дупелей, которыхъ видѣлъ въ виноградникъ, и далъ промахъ. Однакожь я могъ бы застрѣлить дичь крупнѣе этой. Хорошо, что вы кликнули вашу собаку, а то бы ей не миновать смерти.

— Страхъ заставилъ васъ думать, что вамъ предстояла истинная опасность. Я научилъ свою собаку защищать меня, а не нападать на прохожихъ... Лежать, Бугъ! смирно!

Приказаніе было сопровождено ударомъ по отвислымъ челюстямъ собаки, которая легла къ ногамъ своего господина, положила морду на переднія лапы, протанутыя къ нему, и смотря на Фредерика безпкойными и сердитыми глазами.

— Я, право, былъ бы въ отчаяніи, сказалъ Фредерикъ: — еслибы вышелъ изъ терзнія и лишилъ васъ вѣрнаго товарища, можетъ-быть, друга.

— Друга! возразилъ незнакомецъ. — Нѣтъ, сударь, меня никто не любитъ, и я никого не люблю.

— Вы очень откровенны, и никто не скажетъ, чтобъ въ эгоизмѣ

вашемъ было лицемеріе. Каждый волеяъ понимать жизнь какъ ему кажется лучше.

— Да, но не въ ваши лѣта; въ мои—другое дѣло: въ мои лѣта по-неволю затверживаются уроки опытности. Вы вѣрите въ дружбу, но правда ли? вѣрите въ доброту сердца, приверженность, въ безкорыстіе? Все это сказки! Знаете ли вы, что такое вѣрный слуга, искренній другъ? Слуга—это Бугъ мой, который лежитъ теперь у ногъ моихъ, лижетъ ихъ, и повинуется мнѣ изъ страха; однакожь, еслибъ вы, котораго онъ готовъ растерзать теперь во одному моему знаку, встрѣтили его завтра потерявшаго меня изъ виду, бѣгущаго по слѣдамъ моимъ, умирающаго отъ усталости и голода, то повѣрьте, за небольшой кусокъ хлѣба онъ тотчасъ присталъ бы къ вамъ и послѣдовалъ за вами всюду. Изъ всѣхъ слугъ нашихъ, этого рода слуги еще лучшіе, потому—что у нихъ нѣтъ ни разсудка, ни смысла: ими управляетъ только инстинктъ грубой природы; повинувъ одному побужденію голода, они ищутъ всѣхъ средствъ удовлетворить его; полный или вустой желудокъ дѣлаетъ ихъ признательными къ господамъ, или заставляетъ бунтоваться. Искренній другъ вашъ — тотъ, который болѣе всѣхъ другихъ вашихъ знакомыхъ желаетъ вамъ зла, который громче всѣхъ сожалеетъ о васъ, когда вы страдаете, но въ сердцѣ своемъ радуется несчастію вашему гораздо-больше, нежели другіе; другъ вашъ—тотъ, кто, сидя съ вами, безпрестанно думаетъ о томъ, чтобъ какъ-нибудь обмануть васъ, и выведываетъ тайны ваши для того, чтобъ измѣнить вамъ; это позаренный, который васъ обкрадываетъ, убійца, который, обнимая васъ, ищетъ на груди вашей мѣста гдѣ бы вѣрнѣе вонзить кинжалъ. Вы улыбаетесь съ видомъ сожалѣнія и недо-вѣрчивости; слова мои кажутся вамъ бредомъ горячки, восторженною выходкою безумца, или глуною декламациею поданта, которая не имѣетъ даже достоинства новости. Да, конечно, все, что я говорю вамъ, было уже сказано тысячу разъ; это одна изъ тѣхъ печальныхъ пошлостей, которыя таскаются по всѣмъ книгамъ; но моя ли вина, что люди вездѣ и во всѣ времена тѣ же развратные подлцы и безчестные мошенники? Увѣряю васъ, когда вы поживете на свѣтѣ по-дольше и короче познакомитесь съ ними, сами будете ненавидѣть и презирать ихъ.

Въ началѣ этой злой сатиры, произнесенной на открытомъ воздухѣ, Фредерикъ едва могъ удержаться, чтобъ не захохотать во все горло, но мало-по-малу сдѣлался внимательнѣе. Все, что въ другомъ казалось бы чрезвычайно-смѣшнымъ, имѣло въ этомъ странномъ ораторѣ какое-то достоинство, въ которомъ не было ничего поддѣльнаго, ничего изысканнаго. Онъ говорилъ безъ всякой напыщенности въ голосъ, безъ театральныхъ жестовъ, — въ словахъ его отзы-

вадось глубокое внутреннее убѣжденіе: Фредерикъ слушалъ его съ какимъ-то невольнымъ увлеченіемъ, въ которомъ самъ не могъ дать себѣ отчета и которое заставляло его стоять неподвижно передъ этимъ человѣкомъ, несводившимъ съ него глазъ ни на минуту. Онъ думалъ даже, что встрѣтился съ однимъ изъ тѣхъ несчастныхъ, въ которыхъ безуміе скрывается иногда подъ рѣчами довольно-разсудительными, и которые, при всемъ разстройствѣ своего мозга, сохраняютъ въ разговорѣ наружность здраваго разсудка.

— Я понимаю, что слова мои должны казаться вамъ по-крайней-мѣрѣ странными, продолжалъ этотъ человѣкъ послѣ довольно-долгого молчанія.—Однакожь, въ томъ, что я сказалъ вамъ, есть нѣчто вамъ неизвѣстное.

— Что же такое? прервалъ Фредерикъ.

— Если оно точно существуетъ, въ чемъ я еще неуверенъ, то я не скажу вамъ этого.

— Какъ вамъ угодно. Но начинаетъ смеркаться, и я долженъ продолжать путь свой, какъ ни пріятно было бы мнѣ разговаривать съ вами. Добрый вечеръ!

— Не покажется ли вамъ нескромнымъ, если я спрошу, гдѣ вы намѣрены провести ночь?

— Въ Тизи.

— Но вы еще не тамъ.

— Да развѣ не первые дома его видны отсюда, вонъ тамъ на горѣ!

— Да. Но глаза ваши ошибаются на счетъ разстоянія; это оптический обманъ. Съ той точки, гдѣ мы стоимъ, однѣ птицы могутъ достигнуть туда по прямой линіи. Въ трехстахъ шагахъ отсюда, дорога на скалѣ поворачиваетъ влѣво. Слышите ли въ этомъ направленіи и почти позади насъ звукъ колокольчиковъ? Это идутъ лошади фабрикантовъ нашего городка, которые теперь отправляются въ дорогу для того, чтобъ завтра поутру поспѣть съ холстомъ своимъ на рынокъ Вильфранша.

— Что жъ изъ этого слѣдуетъ? спросилъ Фредерикъ.

— То, что большая дорога идетъ тамъ, гдѣ вы слышите звонъ колокольчиковъ; то-есть, что вамъ остается еще около трехъ четвертей мили до Тизи.

— Это новость очень-непріятная. Я вышелъ сегодня поутру пешкомъ изъ городка, о которомъ вы говорите, изъ Вильфранша, и отдохнувъ только какихъ-нибудь четверть часа въ бѣдномъ кабацѣ, шелъ цѣлый день до-тѣхъ-поръ, пока остановился здѣсь; но эта минутная остановка, кажется, повредила мнѣ, потому-что, чувствую, ноги мои онѣмѣли, и вся усталость перешла въ пятки. Впрочемъ, это заставляетъ меня еще болѣе спѣшить въ путь. И такъ, еще разъ прощайте!

— Когда вы дойдете до поворота въ горъ, то смотрите, не отдайтесь отъ скалъ, стоящихъ влѣво, идите возлѣ нихъ какъ-можно-ближе, безпрестанно придерживаясь за нихъ рукою. Земля по другую сторону отвисла, и обвалъ земли, случившійся въ прошломъ мѣсяцъ послѣ сильной бури, оставилъ очень-узенькую тропинку; надобно знать ее очень-хорошо и ступать съ большою осторожностью, чтобъ пройти безопасно.

— Покорно благодарю за предостереженія, сказалъ Фредерикъ раскланиваясь.

— Не хотите ли, чтобъ я былъ вашимъ проводникомъ?

— О, очень! Отъ такого предложенія никто бы не отказался.

— Зачѣмъ же вы сами не просили меня объ этомъ?

— Признаюсь, послѣ разговора нашего, судя по тѣмъ чувствамъ, которыя вы обнаружили, я никогда не думалъ бы, чтобъ вы захотѣли сдѣлать услугу человѣку вамъ совершенно-неизвѣстному.

— Можно ненавидѣть людей вообще, не желая, однакожь, чтобъ тѣ, которые не сдѣлали намъ никакого вреда, сломали себѣ шею. Пойдемте.

Отошедши шаговъ съ двадцать, незнакомецъ сказалъ Фредерику:

— Вы устали. Снимите съ себя котомку. Бугъ! сюда!

Онъ снялъ съ него суму и, привязавъ къ ней ремень, положилъ въ зубы собаки. — Теперь, продолжалъ онъ: — чтобъ вамъ легче было идти, возьмите мою трость и отдайте мнѣ свое ружье.

Молодой человѣкъ принялъ это предложеніе съ видомъ недоувѣрчивости. Товарищъ угадалъ его мысли.

— Ахъ, Боже мой! да, мнѣ кажется, вы считаете меня способнымъ употребить ружье ваше противъ васъ. Какъ угодно; пожалуй, оставьте его у себя; но я, конечно, не возьму на тебя труда оправдываться въ намѣреніи убить васъ.

— Дѣйствительно, это было бы бесполезно. Прошу васъ простить мнѣ первое движеніе, которому я не могъ противиться. Охотно принимаю ваше предложеніе.

— Ну, слава Богу! Теперь увѣрьтесь, что ружье ваше будетъ въ рукахъ моихъ такъ же безопасно, какъ суковатая трость, которую вы держите.

И онъ выстрѣлилъ на воздухъ.

Въ эту минуту звукъ колокольчиковъ раздался громче прежняго.

— Слышите ли? сказалъ онъ Фредерику: — лошадки поскакали, испугавшись выстрѣла. Страхъ придалъ имъ прыти, чего, вѣрно, не сдѣлали бы удары кнута.

«Ого-го-го!», кричали еще вдали два рѣзкіе голоса. Потомъ вдругъ блеснулъ свѣтъ, и нѣсколько лошадей, навьюченныхъ тюками холста, пронеслись рысью; вслѣдъ за тѣмъ показались въ концѣ дороги

два человека, которые, догоняя лошадей, бежали опрометью; один из них держал в руке фонарь; приближаясь къ Фредерику и его товарищу, они умѣрили бѣгъ свой.

— Чтobъ вамъ чортъ сломилъ шею! кричалъ одинъ изъ нихъ. — Какую тутъ дичь стрѣляете вы теперь?

— Бѣлыхъ дроздовъ! отвѣчалъ молодой человекъ, обидѣвшись.

— А вотъ я научу тебя смѣяться надъ нами, кто бы вы ни были, ты и товарищъ твой.

— Полно, Пьеръ! поди сюда; чтo съ ними ссориться! сказалъ отводя его съ собою человекъ, несшій фонарь. — Развѣ ты не узналъ старшаго изъ нихъ? Вѣдь это господинъ...

Фредерикъ не слышалъ имени, которое произнесъ крестьянинъ, понизивъ голосъ; онъ оборотился къ товарищу и при послѣднихъ лучахъ удалявшагося фонаря, увидѣлъ, что товарищъ его шелъ опустивъ голову, какъ-будто углубясь въ размышленіе и не обращая никакого вниманія на то, чтo произошло.

— Извините, если я перерву думу вашу, сказалъ онъ. — Надѣюсь, вопросъ мой не покажется вамъ нескромнымъ; вы меня обя-зали, слѣдовательно мнѣ очень-естественно желать узнать ваше имя.

— Вы похожи на всѣхъ людей; вамъ непременно нужно знать имя, чтobъ оцѣнить услугу. Но какую важность можетъ имѣть для васъ имя человека, встрѣтившагося съ вами нечаянно, человека, котораго, вѣроятно, вы никогда ужъ больше не увидите? Оно для васъ менѣе важно, нежели ярыкъ на мѣшкѣ или стклянкѣ; буквы, его составляющія, сами собою не представляютъ никакой идеи, не объявляютъ вамъ, чтo заключаетъ въ себѣ голова или сердце того, кому принадлежитъ это имя. Впрочемъ, если вамъ угодно знать его, то я называюсь д'Аржелъ... Дайте мнѣ руку: передъ нами въ десяти шагахъ пропасть.

Они поворотили влѣво; помощь, предложенная Фредерику, была не бесполезна, потому-что дорога шла неровно, пересѣкаясь скалами, которыя по-мѣстамъ выходили изъ земли; быстро спускаясь внизъ, она углублялась потомъ въ круглую ущелину, похожую на огромную воронку; мракъ былъ такъ густъ, что молодой человекъ не могъ видѣть своего товарища, съ которымъ шелъ плечо-съ-плечомъ. Единственный свѣтъ, освѣщавшій ихъ въ эту минуту, происходилъ отъ нѣсколькихъ звѣздъ, сіявшихъ на небѣ; но, блистая вверху, этотъ свѣтъ не проникалъ во внутренность мрака, сгустившагося подъ ногами путешественниковъ.

— Романистъ не могъ бы избрать лучшаго мѣста для разбойничьей сцены или для призыванія страшныхъ привидѣній, сказалъ Фредерикъ: — и скалы, и ущелья, и пропасти — чего хочешь

того просишь, и я ежеминутно ожидаю, что какая-нибудь невидимая рука схватит меня за воротъ.

— У насъ не известны ночныя нападенія, выключая развѣ тѣхъ, которыя дѣлаются изъ мѣста, отвѣчалъ д'Аржелъ. — Вы вѣроятно здѣсь въ первый разъ?

— Въ первый. Мнѣ вздумалось посѣтить пѣшикомъ эту часть горъ Божолё, которая была мнѣ неизвѣстна; вчера только я вышелъ изъ Ліона.

— Вы живете постоянно въ Ліонѣ?

— Да, я живу въ Ліонѣ года четыре.

— Ваше семейство поселилось тамъ?

— Почему вы знаете, что у меня есть семейство?

— Могу предполагать это. Вы еще такъ молоды, что родители ваши не могли умереть отъ старости.

— Но у меня ужъ нѣтъ матери.

Потомъ, по нѣкоторомъ молчаніи, Фредерикъ прибавилъ съ легкою ироніею:

— Однакожь мнѣ кажется, что, порицая нескромность въ другихъ...

— Я самъ довольно-любопытенъ, хотите вы сказать, не правда ли? Признаюсь, я и самъ не знаю, для чего сдѣлалъ вамъ этотъ вопросъ.

Если бъ Фредерикъ могъ въ эту минуту видѣть лицо д'Аржеля, то конечно не повѣрилъ бы его равнодушію. Дѣйствительно, съ той минуты, какъ онъ началъ спрашивать этого молодого человека, д'Аржелъ слушалъ каждый отвѣтъ его съ увеличивавшимся безпокойствомъ и говорилъ съ разстановкою для того, чтобъ скрыть смущеніе, отъ котораго голосъ его дрожалъ.

— Я только пошутилъ, но охотно буду отвѣчать вамъ, сказалъ Фредерикъ.—Отецъ мой, который женился въ другой разъ нѣсколько лѣтъ назадъ,—негоціантъ въ Марсели. Онъ называется Ремонъ.

При этомъ имени, д'Аржелъ вздрогнулъ; изъ груди его невольно вырвался глухой крикъ, который онъ задушилъ въ ту жь минуту.

— Чтѣ съ вами? спросилъ молодой человекъ, остановясь.

— Ничего... ничего... У меня сильно забилося сердце, стѣснилось дыханіе... я подверженъ этимъ припадкамъ; они иногда поражаютъ меня вдругъ какъ громовой ударъ... Но вотъ ужъ и прошло... Пойдемте.

Они стояли на самомъ опасномъ мѣстѣ горы; но, не смотря на трудность дороги и припадокъ, отъ котораго другой бы ослабѣлъ, д'Аржелъ сильно потащилъ съ собою Фредерика. Наконецъ, черезъ нѣсколько минутъ, мракъ сталъ рѣдѣть, и скоро показалось нѣсколько хижинъ, потомъ цѣлая группа домиковъ.

— Мы въ Тизи, сказалъ д'Аржелъ:—теперь надобно похлопотать вамъ о ночлегѣ.

— Развѣ здѣсь нѣтъ трактира?

— Есть, но очень-дурной и съ прескверными постелями. Я даже сомнѣваюсь, чтобъ вы могли найти тамъ какой-нибудь ужинъ. Да не угодно ли вамъ переночевать у меня?

— Я боюсь васъ обезпокоить.

— Если вы не имѣете другихъ причинъ отказать отъ моего приглашенія, то я считаю его принятымъ. Милости прошу... Ну, Бугъ! прибавилъ онъ, вынувъ изъ зубовъ его котомку Фредерика: — бѣги домой, и объяви тамъ о нашемъ приходѣ.

Собака бросилась къ одному уединенному домику и, подбѣжавъ къ воротамъ, стала громко лаять. Дверь отворилась, и молодой путешественникъ увидѣлъ при свѣтѣ фонаря вышедшую на встрѣчу служанку, которая, взглянувъ на него, отступила отъ удивленія назадъ.

— Войдите, прошу покорно, сказалъ д'Аржелъ Фредерику.

II.

В ы з о в ъ .

Въ другихъ обстоятельствахъ, Фредерикъ, конечно, поколебался бы принять приглашеніе д'Аржеля. Можетъ-быть, осторожность не дозволила бы ему вѣрится на цѣлую ночь человеку ему неизвѣстному, ночевать въ домѣ почти пустомъ и отдаленномъ отъ всѣхъ другихъ; но взаимная довѣренность рождается обыкновенно гораздо скорѣе между людьми, встрѣтившимися нечаянно и только на нѣсколько часовъ, нежели въ знакомствахъ, требующихъ частыхъ сношеній. Въ последнемъ случаѣ, взаимныя выгоды и тысячи необходимыхъ потребностей заставляють людей быть осторожными; прежде нежели обяжутся они къ чему-нибудь, тщательно изучаютъ другъ друга, потому-что поле, на которомъ они встрѣтились, есть нѣкоторый родъ арены, безпрестанно открытой для совмѣстничества. Напротивъ, при нечаянной встрѣчѣ, все ограничивается наружными изъясненіями расположенія и услужливости, искренними или ложными, но которыя не должны продолжаться долѣе нѣсколькихъ минутъ. Притомъ же, обхожденіе и разговоръ д'Аржеля возбудили въ Фредерикѣ сильное желаніе узнать, что было причиною этой мрачной мизантропіи, и онъ надѣялся вывѣдать у незнакомца тайну; сверхъ этихъ побужденій, болѣе или менѣе опредѣленныхъ, еще одна важная причина рѣшила молодаго путешественника: это былъ сильный голодъ, который чрезвычайно былъ встревоженъ предсказаніемъ о

дурномъ и скудномъ ужинѣ въ трактирѣ.—Наконецъ онъ вошелъ въ комнату и служанка, которая всё еще не выходила изъ своего остоу-бенствія, смотрѣла попеременно то на господина своего, то на Фредерика, какъ-будто не вѣря еще самой-себѣ, что чужой человекъ могъ переступить черезъ порогъ ихъ жилища. Лѣта и еще больше наруж-ность этой женщины не внушали Фредерику никакихъ двусмыслен-ныхъ предположеній на счетъ нравственности д'Аржеля, и онъ ясно видѣлъ, что ненависть его не простиралась на *прекраснѣйшую поло-вину рода человеческого*, которой одинъ изъ самыхъ дурныхъ обра-зчиковъ находился въ его домѣ.

— Пресвятая Богородица! что́ это такое? сказала она наконецъ, чуть-чуть не сдѣлавъ крестнаго знаменія.

Д'Аржель, казалось, не слыхалъ этого восклицанія, но, сказавъ ей на ухо нѣсколько словъ, прибавилъ въ-слухъ:

— Жозефина! приготовь этому господину ужинать, да поскорѣе.

— Какъ, для меня одного? сказалъ Фредерикъ.—Я думалъ, что вы приглашали меня ужинать вмѣстѣ съ собою... развѣ вы не голодны?

— Нѣтъ.

— Вы нездоровы?

— Нѣтъ. Войдите сюда.

Они вошли въ комнату нижняго этажа; д'Аржель, указавъ Фредерику на стулъ, сѣлъ самъ у стола, на который поставилъ свѣчу, и, не обращая болѣе вниманія на присутствіе молодого человека, от-крылъ книгу. Самымъ главнымъ или лучше сказать единственнымъ украшеніемъ этой комнаты были чрезвычайная чистота и опрятность. Надъ высокимъ и широкимъ каминомъ висѣли крестообразно два охотничьи ружья; а по одну сторону его, ближе къ рукъ, пара пи-столетовъ и кинжалъ, имѣвшій форму ножа. Два стола, буфетъ и четыре стула ореховаго дерева составляли всю мѣбель. Пока Жозе-фина разстилала скатерть, ставила тарелки, суежилась и, ходя по комнатѣ, поглядывала изподлобья на Фредерика, котораго посѣще-ніе было для нея, привыкшей къ совершенному уединенію, таин-ственной и необъяснимою загадкою, молодой Ремонъ имѣлъ время рассмотреть д'Аржеля ближе и лучше прежняго. Видно было, что чтеніе служило ему только предлогомъ, но мысли и вся душа его были заняты совѣтъ-другимъ; иногда пальцы его, трепетавшіе нер-вическимъ содраганіемъ, такъ часто перевертывали листы, что онъ едва-ли могъ прочесть что-нибудь; иногда книга оставалась от-крытою на одной страницѣ нѣсколько минутъ сряду. Словомъ, не трудно было угадать, что какаѣ-то ужасная скорбь или какое-то глубокое разочарованіе потрясли всю жизнь этого несчастнаго чело-вѣка и разорвали всѣ связи его съ обществомъ.

Говорилъ онъ или молчалъ — всегда было въ немъ что-то такое,

что невольно привлекало къ нему вниманіе; онъ носилъ на челѣ своемъ таинственный знакъ, отличающій тѣ существа, которыхъ жизнь была или отмѣчена какимъ-нибудь необыкновеннымъ событіемъ, или взволнована страстями. Черты лица его были правильны и прекрасны; волосы поблѣднѣли совершенно и представляли странную противоположность съ его черными какъ смоль бровями. Четвероугольная форма подбородка и ширина нижней части щекъ обнаруживали чрезвычайную энергію и рѣшительность, которыя въ некоторыхъ случаяхъ могли доходить до восторженности или превращаться въ отчаянную жестокость. Округленный лобъ его доказывалъ также, что умъ его имѣетъ болѣе твердости и силы, нежели легкости и гибкости. Это былъ одинъ изъ тѣхъ умовъ, которыя понимаютъ не всегда скоро, но въ которыхъ мысль, однажды посвященная и взросшая, оставляетъ глубокія и вѣчные корни. Главнѣйшею же характеристическою чертою этой фizioноміи была тусклость глазъ; взглядъ безъ всякаго блеска не высказывалъ никакого движенія души; онъ холодно падалъ на предметы и казалось примерзалъ къ нимъ. Это отсутствіе выраженія, эта неподвижность, отдавая всякую мысль о переменчивости, довершали непреклонную строгость этого необыкновеннаго лица, котораго мускулы, сильно обрисованные, придавали ему нѣкоторое сходство съ медалью.

Жозефина, накрывъ на столъ, принесла ужинъ, состоявшій изъ холоднаго мяса и плодовъ, и, по знаку своего господина, тотчасъ вышла изъ комнаты. Фредерикъ было очень-неловко началъ разговоръ съ д'Аржелемъ, который, продолжая погружаться въ чтеніе, или, лучше, въ мысли свои, казалось, не имѣлъ ни малѣйшей охоты разговаривать. Не зная съ чего начать, молодой человекъ рѣшился прежде всего удовлетворить свой голодъ и жажду, а потомъ уже приступить къ разговору.

— Вы видите, сказалъ онъ наконецъ:—я поступаю безъ церемоній и пользуюсь гостепріимствомъ вашимъ не жеманясь; однакожъ мнѣ совѣстно, что я обезпечилъ васъ.

— Ни мало. Иначе я не пригласилъ бы васъ.

— Надѣюсь однакожъ, что вы не откажетесь налить эту рюмку и чокнутья со мною, продолжалъ Фредерикъ.

— Я не пью ни за чье здоровье.

— Извините! возразилъ Фредерикъ:—я забылъ, что вы не имѣете и не хотѣли имѣть друзей. — Дѣйствительно, слишкомъ-много было бы тщеславія съ моей стороны, еслибъ я надѣялся восторжествовать въ такое короткое время надъ правилами, которыя, по-видимому, давно и рѣшительно приняты вами и вѣроятно внушены вамъ горькою опытностію.

— Будьте откровенны, сказалъ д'Аржелъ.—Признайтесь, вамъ хо-

тлось только заговорить со мною, чтобъ узнать, для чего я убѣгаю съѣта и людей и избралъ такую уединенную, дикую жизньъ.

— Если вы угадали, мнѣ нѣчего заператься. Но не принимайте любовнытства моего за нескромность. Можетъ-быть, воображеніе мое увеличиваетъ странность обстоятельствъ, насъ соединившихъ; но до сихъ-поръ жизнь моя была такъ спокойна, такъ однообразна, мое завтра такъ походило на вчера, что самая простая встрѣча, самый обыкновенный случай, нарушающій этотъ порядокъ, должны казаться мнѣ важными! Мнѣ двадцать-три года; въ эти лѣта вы имѣли уже безъ сомнѣнія тяжкія испытанія.

— Нѣтъ! отвѣчалъ д'Аржелъ:—но что заставляетъ васъ такъ думать?

— И самъ не знаю; но мнѣ кажется, что исторія вашей жизни...

— Очень-похожа на исторію всѣхъ. Вы мало встрѣтите такихъ людей, которыхъ жизнь выходила бы изъ ряда обыкновенности. Всѣ мы по-большой-части бываемъ игроушкомъ совершающихся вокругъ насъ событій, которыя увлекаютъ насъ вопреки нашей воли, желаній и разсчетовъ и часто ввергаютъ въ бездну несчастій. Въ молодости, мы избираемъ себѣ цѣль для дѣятельности, въ намѣреніяхъ своихъ бываемъ осторожны и настойчивы, чѣмъ и приготавлиемъ себѣ успѣхъ; отважность, свойственная молодости, утверждаетъ его. Но въ день, предназначенный судьбою, земля, скрывающая невидимые подкопы, вдругъ обрушается подъ ногами нашими и мы падаемъ въ пропасть вмѣстѣ съ обломками предпріятій и надеждъ своихъ,—одни съ высоты эшафота, другіе въ изгнаніи или въ какомъ-нибудь неизвѣстномъ уголку отечества. Тогда на всѣхъ насъ, живыхъ и мертвыхъ, немедленно распространяется покровъ забвенія и скрываетъ насъ на-вѣки отъ свѣта и людей.

(—Безъ сомнѣнія, это какой-нибудь заговорщикъ, удалившійся отъ свѣта, подумалъ Фредерикъ.)

— Потомъ, продолжалъ д'Аржелъ:—приходятъ другіе и заступаютъ мѣсто прежнихъ жертвъ. Человѣкъ, обманувшійся въ надеждахъ своихъ, обыкновенно предается уединенію и неизвѣстности. Тогда мало-по-малу утихаетъ въ немъ буря страстей и желаній, и по мѣрѣ того, какъ члены его слабѣютъ въ бездѣйствіи, мечты воображенія становятся мало-по-малу не такъ пламенными и постепенно остываютъ. Наконецъ, мѣсто прежнихъ волненій, пылкости, восторженности заступаетъ совершенная тишина, и вы видите передъ собою какое-то жалкое, страдательное существо, утомленное самимъ-собою, бесполезное для другихъ, не имѣющее ни радостей въ прошедшемъ и настоящемъ, ни отраднаго упованія на будущее.

— Если это точно жизнь ваша, сказалъ Фредерикъ:—то отъ всего сердца сожалею о васъ. Однакомъ, позвольте мнѣ говорить откры-

венно. Мнѣ кажется, вы несчастны не отъ-того только, что имѣли неудачу, но и отъ-того, что не можете забыть претерпѣнное вами пораженіе.

— Это правда, отвѣчалъ д'Аржелъ иррачными голосомъ. Сказавъ это, онъ отошелъ отъ Фредерика, противъ котораго стоялъ, и началъ ходить большими шагами по комнатѣ.

— Это правда, молодой человекъ! продолжалъ онъ.—Вы не знаете еще что такое пытка воспоминаній. Нѣтъ спокойствія для того, кто помнить прошедшее, кто прощать не умѣетъ и не хочетъ. Тщетно обрекъ онъ самъ-себя на жертву; тщетно отдалъ судьбѣ жизнь свою на посрамленіе, тѣло на муки, слезы на утоленіе ея личной жажды; всего этого недовольно; ему надобно другая, отличительная жертва; въ душѣ его живетъ одна мысль, въ сердцѣ пылаетъ одно желаніе, грудь его поражена одною ужасною надеждою — и онъ говоритъ самоубійству: иди, оставь, не искушай меня! ты конецъ всему; но я хочу еще наслаждаться своимъ несчастіемъ; хочу заставить проливать слезы, слышать стоны, рыданія; хочу въ свою очередь отвергнуть безполезныя мольбы. Минута—одна только минута можетъ изгладить для меня годы страданій! Это минута, въ которую я могу сказать: «Я отмстилъ».

Удивленіе Фредерика достигло высочайшей степени; но къ этому удивленію присоединялся еще какой-то тайный, непонятный страхъ. Не смотря на жаръ, съ которымъ говорилъ д'Аржелъ, онъ былъ ужасно блѣденъ; взглядъ его, минутно оживившійся быстрою молніею, принялъ опять свою прежнюю страшную неподвижность; онъ тихо подошелъ къ столу.

— Я сумасшедшій, сказалъ онъ, садясь опять противъ Фредерика.—Вы, конечно, удивились моею запальчивости и не поняли моихъ бредней. Но вотъ я успокоился, и хотъ отказался отъ предложенія вашего выпить рюмку вина, однакожъ, если вы на меня не осердились, то прошу васъ позволить мнѣ выпить за здоровье ваше и пожелать вамъ исполненія всѣхъ вашихъ желаній.

— Съ величайшею охотою, отвѣчалъ Фредерикъ.—Пожелайте же мнѣ быть счастливу, какъ я желаю вамъ, чтобъ всѣ горести ваша, какъ бы жестоки онѣ ни были, миновались.

— Желаю вамъ счастья, богатства и успѣха въ любви.

— Покорно благодарю! Какъ жаль, прибавилъ мысленно Фредерикъ, какъ жаль, что эта сильная душа иногда ослабѣваетъ, что разсудокъ иногда затмѣвается въ этомъ человекѣ, отъ природы добромъ и снисходительномъ!

— Я отвѣчалъ на вопросы ваши, сказалъ д'Аржелъ, по нѣкоторомъ молчаніи: — теперъ поговоримъ о васъ. Вы мнѣ сказали, что отецъ вашъ живетъ въ Марсели.

— Да.

— Что у васъ нѣтъ уже матери?

— Я былъ еще очень-малъ и въ разлукѣ съ ней, когда она скончалась, и потому никогда почти не пользовался ни ласками ея, ни попеченіями; но память ея будетъ мнѣ всегда священна. Тѣ, которые знавали ее, выхваляли ея кроткія достоинства; жизнь ея была чиста и безпорочна, и никто не смѣлъ оскорбить ея чести даже тѣнью подозрѣнія. Однакожъ я знаю, что между ею и отцомъ моимъ никогда не было любви. Это было одно изъ тѣхъ супружествъ, въ которыхъ сердце не участвуетъ. Спустя нѣсколько лѣтъ, оба они разсудили разстаться другъ-съ-другомъ; не приступая къ явному разводу, они жили розно по взаимному согласію и, не имѣя случаевъ ссориться, сохраняли всегда другъ къ другу искреннее уваженіе.

— Слѣдовательно, вы съ самаго младенчества жили всегда съ отцомъ своимъ, и никогда съ нимъ не разставались?

— Я лишился и этого счастья. Дѣла препятствовали отцу моему заниматься моимъ воспитаніемъ; онъ отослалъ меня въ коллегію, гдѣ я провелъ нѣсколько лѣтъ не выдавшись съ нимъ.

— И тогда... извините, если я покажусь вамъ слишкомъ нескромнымъ... Тогда, видя себя нѣкоторымъ образомъ оставленнымъ, вы, вѣроятно, не имѣли уже къ нему прежней горячности...

— Вы могли бы подумать это, прервалъ Фредерикъ: — но очень бы ошиблись; я почитаю и люблю отца всѣмъ сердцемъ. Онъ рѣдко бралъ меня къ себѣ, но я знаю и увѣренъ, что онъ любитъ меня.

— Не повредила ли вамъ въ его мнѣніи женщина, на которой онъ женился? вы знаете, что матрхи очень-часто не терпятъ своихъ пасынковъ?

— Я могъ бояться этого сначала, потому-что, когда отецъ мой женился на ней, она была молода, чрезвычайно-хороша собою и любила имъ страстно.

— А она любила ли его?

— Конечно; по-крайней-мѣрѣ она добровольно отдала ему руку свою, и какъ я понялъ изъ нѣкоторыхъ ея словъ, предпочла его жениху, которому дала прежде слово, вѣроятно по принужденію.

Д'Аржелъ закрылъ на минуту глаза; правая рука его, которая съ перваго вопроса Фредерика лежала у него на груди, какъ-будто бѣ онъ хотѣлъ остановить ея біеніе своего сердца, вдругъ судорожно сжалась и царапала ему грудь, но онъ по-видимому не чувствовалъ боли.

— Но, продолжалъ Ремонъ:—всѣ опасенія мои исчезли, лишь-только я увидѣлъ и узналъ вторую мать свою. Она приняла меня съ неизъяснимою добротою, когда, чрезъ нѣсколько мѣсяцовъ послѣ свадьбы отца я пріѣхалъ въ Марсель. Я видѣлъ, что буду имѣть въ

ней друга и покровительницу, вмѣсто хитрой и злобной мачихи. Нѣтъ, сударь, я не думаю, чтобъ можно было найти въ другой женщинѣ болѣе кротости, болѣе красоты, болѣе скромныхъ и семейныхъ добродѣтелей. Чтѣ вамъ сказать еще? Я готовъ защищать ее отъ клеветы и злословія, такъ-какъ сынъ защитилъ бы мать свою, потому-что невозможно знать ее и не любить, видѣть ее и не привязаться къ ней всѣмъ сердцемъ; она влечетъ къ себѣ какою-то непостижимою силою; душа ея еще прекраснѣе прелестнаго лица...

— Вы говорите о ней съ большимъ энтузіазмомъ, сказалъ д'Аржелъ, который, не смотря на всѣ старанія владѣть собою, не могъ скрыть въ голосѣ горькой ироніи, къ-счастью незамѣченной Фредерикомъ. — Я долженъ вамъ вѣрить, продолжалъ онъ: — что портретъ этотъ сходенъ и не прикрашенъ; въ такомъ случаѣ, вы не имѣете права жаловаться на судьбу свою. Чтѣ же касается до вашего отца, о которомъ говорите вы съ такою любовью и почтеніемъ, я думаю, онъ также достоинъ чувствъ вашихъ, представляя собою образецъ честности, великодушія и благородства. Вы очень-счастливы, г. Ремонъ, что нашли въ тѣсномъ кругу своего семейства два исключенія изъ общаго разврата человѣческаго. Не знаете ли вы еще третьяго примѣра?

— Думаю, что знаю, отвѣчалъ Фредерикъ съ улыбкою. — Можетъ быть, небу угодно было сдѣлать чудеса для меня: я встрѣтилъ молодую дѣвушку, за честь и добродѣтель которой отвѣчаю жизнию! Это именно та, которую я люблю и которую скоро надѣюсь назвать своею женою.

— Говоря о ней съ такимъ жаромъ, вы не имѣли нужды прибавлять, что любите ее и намѣрены на ней жениться. Но... знаете ли, что вещь самая ненадежная, самая хрупкая изъ всѣхъ вещей въ мірѣ та, которая легче соломѣ и на которой каждый изъ насъ основываетъ все спокойствіе и блаженство своей жизни, есть... добродѣтель любимой женщины?

— Милостивый государь, я не могу сомнѣваться, отвѣчалъ Фредерикъ, выведенный наконецъ изъ терпѣнія такою упорною настойчивостью видѣть во всемъ зло. — Вотъ три года, какъ я знаю эту дѣвушку, о которой говорю вамъ, три года люблю ее, и, получивъ согласіе отца на бракъ съ нею, скоро отправляюсь въ Руанъ, гдѣ живетъ она, чтобъ назначить день нашей свадьбы. Мнѣ было бы прискорбно выговорить передъ вами такія слова, которыя выразили бы что-нибудь, кромѣ искренней благодарности за гостепріимство. Прошу васъ беречь про себя мнѣнія, которыхъ я не оспаривалъ, и дозволить мнѣ вѣрить въ существованіе добродѣтели.

— Какія же доказательства имѣете вы на это?

— Я могъ бы не отвѣчать вамъ, потому-что вы напередъ отвер-

гаете всѣ доказательства; не соглашаюсь сказать, что довѣренность моя основывается на святости слова, данного мнѣ добровольно, и на искренности признанія, которое получилъ я, не смѣя его требовать. Этѣхъ доказательствъ мнѣ достаточно для опроверженія намековъ вашихъ, которые, однакожь, сдѣлаются наконецъ оскорбительными, если вы станете продолжать ихъ.

— Знаю я эти доказательства!.. Увидѣвъ васъ, она смутилась, не правда ли? взглянула на васъ нѣжно, пожала тихо руку вашу своею дрожащею рукою? О! это вѣрные и несомнѣнные признаки любви!..

— Милостивый государь!..

Д'Аржелъ злобно захохоталъ. — А! такъ вотъ какія у васъ доказательства! Молодая дѣвушка сказала вамъ, что она любитъ васъ — и, конечно! какъ ей не повѣрить? развѣ женщины лгутъ когда-нибудь?

— Прошу васъ не заставить меня забыть, что я въ домѣ вашемъ.

— И вы такъ полагаетесь на любовь ея, что живете въ разлукѣ съ нею и не боитесь отсутствія. Славно, молодой человекъ, славно! Позжайте жъ къ ней скорѣе, требуйте подтвержденія данного ею слова, и вы увидите ту же нѣжную улыбку, тотъ же страстный взглядъ, услышите тѣ же клятвы... Но постарайтесь прочитатъ въ сердцѣ ея, подымите эту маску невинности и...

Фредерикъ вскочилъ со стула.

— Ни слова больше! закричалъ онъ:— или я найду въ словахъ вашихъ не жалкій бредъ сумасшедшаго, а умышленное оскорбленіе и вызовъ!

Д'Аржелъ также всталъ съ мѣста и схватилъ Ремона за руку съ такою силою, что принудилъ его стоять неподвижно. Потомъ, прислоня лицо свое къ его лицу, сказалъ голосомъ человека, рѣшившагося вывести противника своего изъ теренія и принудить къ явной ссорѣ:

— Не я сумасшедшій, а ты! Скажи мнѣ имя той, которую ты любишь, поведи меня къ ней завтра, представь семейству ея какъ друга своего, и я, котораго она никогда не видала, который уже старъ, грустенъ, угрюмъ, отвратителенъ, — я обольщу эту женщину; я заставлю ее забыть и скромность, и стыдливость; скажу ей шопотомъ слова, которыя найдутъ отголосокъ въ ея сердцѣ. Чтобъ осквернить дѣломудріе этого сокровища, чтобъ затмить это чистое зеркало, въ которомъ ты видишь образъ твой, мнѣ стѣдуетъ только пробудить въ ней перочныя склонности природы, если онъ спятъ еще, и вдунуть въ ухо ея гнусные совѣты и искушенія разврата, которыя заставляютъ трепетать ея члены; словомъ, я уговорю ее измѣнить тебѣ для меня, твоего друга, и это священное имя придастъ въ глазахъ ея новую прелесть ея ввроломѣтву. Испытай, говорю тебѣ; послѣ этого опыта, мнѣ, если хочешь, будемъ съ тобою рваться; впрочемъ,

она бросается между вами съ крикомъ и рыданіями, говоря, что любить меня одного, и чтобъ я щадилъ жизнь свою!..

— Послушайте, милостивый государь, сказалъ Фредерикъ, выхвативъ руку свою, на которой отъ желѣзнаго нагуса осталось сѣрое пятно.—Я могъ бы зажать вамъ ротъ рукою, которую вы теперь оставили на свободѣ; но я ждалъ, чтобъ мѣра оскорбленій вашихъ исполнилась прежде, нежели я потребую отъ васъ удовлетворенія. Что осталось вамъ прибавить еще? Какая клевета, какая новая дерзость забыта вами? Вспомните поскорѣе... Недавно еще считалъ я васъ безумцемъ, и вы возбуждали во мнѣ сожалѣніе; теперь я возвращаю вамъ разсудокъ и презираю васъ... Еслибъ я не былъ у васъ въ домъ...

— Забудьте, что вы у меня! Развѣ я просилъ помнить это? Если надобно избавить васъ отъ благодарности, чтобъ придать вамъ духу, я избавляю васъ отъ нея.

—Довольно! Завтра мы увидимъ, у кого изъ насъ не достанетъ смѣлости. Но каково бы ни было сльдствіе нашего поединка, Богъ свидѣтель, не я искалъ его!

— Вотъ ваша комната! сказалъ д'Аржелъ, указывая ему на дверь.

— Развѣ я долженъ ночевать у васъ?

— Да, чтобъ я зналъ завтра, гдѣ найдти васъ. Конечно, вамъ, можетъ-быть, пріятнѣе было бы уйти отсюда на честномъ словѣ; но...

— Довольно, сударь, довольно! Хотя вы дали мнѣ все право не полагаться на васъ, но я остаюсь. И такъ, до завтра.

— До завтра.

Фредерикъ бросился совсѣмъ-одѣтый на постель, приготовленную ему Жозефиной; но неожиданная развязка его встрѣчи такъ сильно волновало его мысли, что онъ не могъ уснуть. Поступки д'Аржела были для него неизъяснимы. Этотъ человѣкъ, котораго страшныя рѣчи и восторженныя мысли сначала возбудили участіе его и любопытство, съ намѣреніемъ ли оставилъ его у себя, чтобъ вовлечь его въ свои сѣти? Фредерикъ вспомнилъ, съ какими вниманіемъ д'Аржелъ рассматривалъ его, хотя лицо его было ему вовсе незнакомо, и былъ увѣренъ даже, что имя д'Аржела никогда не было произнесено въ его присутствіи! стало-быть, онъ, по какому-то таинственному и роковому опредѣленію судьбы, встрѣтился съ этимъ безумнымъ мизантропомъ, раздраженнымъ отъ продолжительнаго уединенія, который, задыхаясь отъ желчи, чувствовалъ нужду вылить ее на кого ни попало и завелъ ссору, чтобъ дать кровавое упражненіе своей ярости. Фредерикъ не поколебался ни минуты, чтобъ объявить себя обиженнымъ, какъ-скоро увидалъ, что увѣренность его была бесполезна и что намеки д'Аржела обращались въ дерзкія личности. Былъ оскорбленъ въ самыхъ важныхъ чувствахъ своихъ,

онъ нисколько не раскаивался въ той твердости, съ которою отвѣчалъ на обиду, и съ терпѣніемъ покорился жестокой крайности, до которой былъ доведенъ; но въ то же самое время онъ спрашивалъ у самого себя, точно ли позволяла ему честь подвергнуть опасности жизнь свою противъ полоумнаго человека, который невольно увлекался идеею, мнѣ преобладавшею, и былъ не въ состояніи понимать собственныхъ словъ своихъ. «Можетъ-быть, ночь» думалъ онъ: «укротить раздраженный умъ его; можетъ-быть, несчастный прійдетъ наконецъ въ себя и почувствуетъ вину свою.» Это были послѣднія мысли въ смущенной душѣ Фредерика; скоро усталость восторжествовала надъ волненіемъ души, и онъ заснулъ кривкимъ сномъ.

Прошло съ часъ времени съ-тѣхъ-поръ, какъ взошло солнце; утро было тихо и прекрасно. Оставивъ Фредерика, д'Аржелъ остался въ нижнемъ этажѣ у окна, обращеннаго въ поле. Звѣзды затмѣвались при первыхъ лучахъ рождавшейся зари; гора мало-по-малу освѣщалась розовыми оттѣнками утра; но д'Аржелъ не видалъ ничего; по-временамъ, брови его хмурились, и можно было бы подумать, что какой-то нервышность или позднее раскаяніе изображались на лицѣ его; наконецъ онъ всталъ и, какъ-будто отбросивъ отъ себя какое-то тяжкое сомнѣніе, вскричалъ:

— Рѣшено! Я знаю, что онъ ни въ чемъ не виноватъ перодо мною. Но, при взглядѣ на него, кровь моя закипѣла; вся ненависть вспыхнула при видѣ этого роковаго сходства, и я тщетно желалъ бы имѣть сожалѣніе къ его молодости.

Въ эту минуту послышался чей-то голосъ, произнесшій его имя, и онъ увидѣлъ двухъ человекъ, остановившихся противъ окна. Одинъ изъ нихъ былъ ему неизвѣстенъ, но въ другомъ узналъ онъ трактирщика изъ городка Тизи.

— Вотъ тотъ, кого вы искали, сказалъ трактирщикъ своему товарищу.

Незнакомецъ подалъ д'Аржелю письмо.

Прочитавъ письмо послѣ довольно-жаркаго разговора съ этимъ человекомъ, д'Аржелъ наскоро осѣдлалъ лошадь и тотчасъ выѣхалъ тихонько изъ дому.

III.

НЕВѢРНОСТЬ ЛЮБОВНИКА.

Тяжелый сонъ, овладѣвшій Фредерикомъ, еще продолжался, когда хозяинъ его скакалъ во весь опоръ по большой дорогѣ къ Роаннѣ, гдѣ хотѣлъ взять почтовую коляску. Но мы оставимъ молодого Ре-

мона спать, хотя не столько лѣтъ, сколько проспала сказочная героиня, однакожь все то время, которое потребно намъ для разсказа о происшествіяхъ, случившихся до этой эпохи.

Теперь мы попросимъ читателя возвратиться съ нами къ осени 1817 года.

Въ площадкѣ парка, примыкавшаго къ дому, который стоялъ въ одномъ изъ южныхъ кварталовъ Монпелье, сидѣли двѣ женщины различныхъ лѣтъ у входа въ маленькую бесѣдку, которая, по неважности архитектуры своей, непринадлежавшей ни къ какому стилю, конечно не заслужила бы вниманія даже самаго ревностнаго литературнаго описателя дверей и окошекъ. Это была просто шалашъ для отдохновенія гуляющихъ, или лучше, хижина, выстроенная изъ камня въ самой уединенной части лѣса, для того, чтобъ служить убѣжищемъ отъ внезапной непогоды. Съ мѣста, гдѣ стояла она, видны были, налѣво, тонкія деревья молодой рощицы и стѣна, окружавшая паркъ, а направо, за зеленою лужайкой, около которой извивался свѣтлый ручей, или, говоря правильнѣе, каналъ, гдѣ вода, проведенная изъ сосѣдняго источника, почти высохла отъ лѣтнихъ жаровъ, возвышался довольно-большой домъ.

Разстояніе, которое оттуда до этого дома казалось съ перваго взгляда невелико, умножалось невозможностію дойти до него по прямой линіи. Сверхъ того, полусгнившій деревянный мостъ, ведшій прежде черезъ каналъ въ паркъ, недавно обрушился, и потому надобно было проходить длинною извиристою аллеєю, которая, обвиваясь разъ двадцать вокругъ самыхъ густыхъ чащей лѣса, выводила къ большому огороду, примыкавшему къ цвѣтникамъ.

Разговоръ, начавшійся между двумя женщинами, былъ прерванъ шумомъ и призывами къ оружію, раздавшимися въ паркѣ. Въ эту эпоху, когда бѣшенство народныхъ страстей недавно еще взволновало всю южную часть Франціи, подобныя изъявленія буйства были страшны, потому-что могли сдѣлаться поводомъ къ междоусобной войнѣ. Сдѣланы были нѣкоторые домовые обыски, и по городу разбѣжжали патрули; народъ былъ чрезвычайно смущенъ этимъ, хотя никто не зналъ еще, какая опасность угрожала общему спокойствію, и что было причиною этихъ строгихъ мѣръ, остававшихся тайною правительства и его исполнителей.

Младшая изъ двухъ женщинъ, о которыхъ мы говорили, была красоты необыкновенной; но глубокая меланхолія помрачила блескъ глазъ ея, и томная блѣдность лица высказывала тѣ тайныя и жестокія страданія души, для которыхъ нѣтъ утѣшенія. Безпрестанно терзаясь печальными предчувствіями, она во всемъ видѣла предзнаменованіе несчастій, и каждый крикъ, малѣйшая тревога въ народѣ отдавались въ ея сердце. Подруга ея, казавшаяся съ виду лѣтъ

пятидесяти, не имѣла въ фязіономіи своей ничего особеннаго; но всѣ пріемы ея показывали женщину, привыкшую жить если не въ роскоши, то по-крайней-мѣрѣ въ довольствѣ и между людьми высшаго общества. Когда умолкъ наконецъ голосъ офицера, командовавшаго патрулемъ, который проходилъ подъ стѣною парка, вниманіе ихъ обратилось на подошедшую къ нимъ старушку — кормилицу дѣвцы Эмилиіи Ришомъ.

— Что тебѣ нужно, Марта? спросила госпожа Дерси: — ты насъ искала? вѣрно принесла какія-нибудь новыя вѣсти?

— Нѣтъ, сударыня, отвѣчала Марта: — я даже не знала, что вы здѣсь, и пришла сюда совсѣмъ-печалинно. Говоря это, она бросила изподтиска на Эмилию значительный взглядъ; молодая дѣвушка хотя и замѣтила его, но не обратила особеннаго вниманія ни на него, ни на другія миганья и знаки старой няни. Марта никогда не разлучалась съ Эмилиєю; она знала всѣ ея тайны и была нѣкоторымъ образомъ единственнымъ ея другомъ; но какъ жизнь Эмилиіи была съ нѣкотораго времени чрезвычайно-однообразна, и сердце ея изнывало уже цѣлый годъ все одною грустію, то въ нетерпѣніи старушки говорить съ нею наединѣ она видѣла только желаніе повторить ей всегдашнія свои жалобы; она объяснила ей жестомъ, что теперь невозможно было оставить тетку. Съ своей стороны, госпожа Дерси сказала Мартѣ голосомъ, требовавшимъ немедленнаго повиновенія:

— Оставь насъ.

Бѣдная няня удалилась съ видимою досадою, и Эмилиія долго слѣдовала за нею глазами, не понимая, что бы такое могла она сказать ей; но какъ ни важно было бы извѣстіе, принесенное Мартою, однакожь разговоръ, который боялась она имѣть съ теткою, такъ сильно занималъ ее въ эту минуту, что никакое другое обстоятельство не могло разсвѣять ея мысли.

— Мы живемъ въ грустные времена, начала г-жа Дерси, когда онѣ остались однѣ: — и тѣ, которые безразсуднымъ неповиновеніемъ своимъ причиняютъ эти ужасныя безпорядки, достойны жестокаго наказанія.

— Я такъ же, какъ и вы, не знаю, что причиною этого новаго возмущенія, отвѣчала Эмилиія, стараясь казаться равнодушною. — Но можетъ-быть мы тревожимся напрасно; говорятъ, будто не проходитъ недѣли, чтобъ мы не были подвержены какой-нибудь ужасной опасности, но я начинаю привыкать къ этому положенію; оно не пугаетъ меня такъ, какъ пугало прежде; думаю, обвинъ намъ нѣчего уже опасаться подозрѣній, и вы должны бы послѣдовать моему примѣру, быть спокойными.

— Но точно ли ты спокойна, Эмилиія?

— Конечно.

— Когда такъ, то ты можешь выслушать то, что я должна сказать тебѣ.

— Говорите же, тетушка, отвѣчала Эмилиа, опустя глаза въ землю.

— Думала ли ты хорошенько о предложеніи, сдѣланномъ тебѣ мною на этихъ дняхъ?

— Думала.

— Что жъ ты будешь отвѣчать мнѣ?

Эмилиа молчала.

— Это значить, что ты все-таки отвергаешь руку г-на Ремона.

— Я должна отвергнуть ее.

— Развѣ ты его ненавидишь?

— Я ни къ кому не имѣю ненависти.

— Не лучше ли признаться, что ты любишь другаго?

— Мнѣ нѣ въ чемъ ни признаваться, ни заператься, тетушка. — Мысли мои для васъ не тайна.

— Но ты поступаешь такъ, какъ бы не зависѣла ни отъ кого въ свѣтѣ и забываешь свое положеніе.

— Ахъ, тетушка! слово это жестоко. Я увѣрена, что вы произнесли его не спросивъ своего сердца. Не сомнѣвайтесь въ моей благодарности; я никогда не забуду, что я осталась бѣдною сиротою, не имѣя ничего, кромѣ имени отца моего, и что вы, давъ мнѣ убѣжище въ домѣ своемъ, укрыли отъ нищеты дочь сестры своей. Вы были для меня до-сихъ-поръ такъ добры и великодушны, за чѣмъ же принуждаете меня теперь отдать руку свою г-ну Ремону? О! позвольте мнѣ остаться съ вами, чтобъ имѣть о васъ тѣ попеченія, которыми нѣжная дочь окружаетъ мать свою!

— Чувства твои трогаютъ меня; но лучшимъ доказательствомъ твоей привязанности ко мнѣ было бы согласіе твое выйти за г. Ремона.

— Никогда! вскричала Эмилиа.

— Никогда, говоришь ты? Но я прощаю тебѣ этотъ невольный порывъ неповиновенія, которымъ ты какъ-будто вызываешь меня на ссору. Скажу больше: я согласна сложить съ себя власть и хочу говорить съ тобою какъ другъ. Предлагая тебѣ только совѣты, я буду стараться вывести тебя изъ заблужденія. Въ чемъ можешь ты упрекнуть г. Ремона? Онъ не принималъ дѣятельнаго участія въ возмущеніяхъ, обagrившихъ кровью отечество наше, но принадлежитъ къ господствующей партіи по родству и связямъ своимъ. Онъ въ близкомъ родствѣ съ нашимъ префектомъ. Имя его доставляетъ безопасность; ты знаешь это, потому-что покровительство его избавило уже насъ отъ бѣды. Ты дочь полковника, умершаго въ службѣ Наполеона; я вдова человека, который былъ преданъ ему до фанатизма; мы оба должны страшиться новаго правительства, преслѣ-

дующаго всѣхъ кто былъ въ какой-нибудь связи съ приверженцами имперіи. Бракъ твой съ г. Ремономъ отдалитъ отъ насъ всякую опасность. Женщины не могутъ жить безъ покровительства. Г. Ремонъ богатъ и повергаетъ къ ногамъ твоимъ все свое имѣніе. Конечно, онъ гордъ, въ характеръ его есть что-то мрачное; но любовь его къ тебѣ смягчитъ эту суровость и для меня непонятно, почему ты отвергаешь его предложеніе... Или нѣтъ, я знаю давно настоящую причину твоего отказа; но надѣялась, что время и разсудокъ восторжествуютъ надъ твоею преступною страстью.

Тутъ Эмилія вздрогнула и хотѣла-было говорить, но жестъ тетки заставилъ ее молчать.

— Да, преступною! продолжала она: — потому-что предметъ ея — врагъ своего отечества, бѣглець, котораго голова оцѣнена уже.

— Но прежде, нежели судъ приговорилъ его къ смерти, я клялась ему никогда не принадлежать другому, и вы сами одобрили тогда мой выборъ.

— Правда; но съ-тѣхъ-поръ...

— Съ-тѣхъ-поръ, онъ долженъ былъ спастись бѣгствомъ; но отъ-того, что онъ несчастливъ, вы хотите, чтобъ я забыла свои клятвы? О, нѣтъ, нѣтъ! скиталась въ чужой землѣ безъ хлѣба, безъ друзей, безъ пристанища, онъ не имѣетъ ничего, кромѣ любви моею, и сердце мое говоритъ, что одна эта любовь заставляетъ его переносить жизнь со всеми ея мученіями. Въ свѣтъ нѣтъ вѣчной ненависти; люди, можетъ-быть, устанутъ современемъ преслѣдовать его, и если онъ когда-нибудь возвратится, если прійдетъ ко мнѣ требовать исполненія клятвъ своихъ, если принесетъ мнѣ сердце, оставшееся вѣрнымъ не смотря на всѣ претерпѣнные имъ бѣдствія, какъ снесу и взглядъ его, упреки, отчаяніе, если я, незнавшая другихъ страданій, кромѣ разлуки, другихъ опасностей, кромѣ увлеченія вътреной любви, предстану передъ него женою другаго?

— Теперь я понимаю, что защищаетъ г. Вернона въ сердце твоемъ отъ забвенія! это рыцарскій характеръ, который ты ему приписываешь. Онъ придаетъ силу любви твоей, потому-что ты воображаешь, будто г. Вернонъ укрылъ голову свою отъ казни для того только, что надѣялся со-временемъ посвятить тебѣ жизнь свою... Но разлука твоя съ нимъ не временная, а вѣчная.

— Боже, что вы говорите! вскричала Эмилія, испугавшись и этого полу-объявленія и торжественнаго голоса, съ которымъ г-жа Дерси произнесла его.

— Богъ свидѣтель, я не хотѣла огорчить тебя. Не смотря на всю дружбу свою къ г. Ремону и желаніе, чтобъ ты отдала ему свою руку, я никогда не рѣшилась бы принудить тебя выйти за него противъ воли. Вѣрь мнѣ, дитя мое, я люблю тебя и отъ всей души

желаю только твоего счастья. Съ этого дня смотри на меня какъ на друга... Ты открыла мнѣ сердце свое... и я должна растерзать его. Жестокая необходимость требуетъ сказать тебѣ всю истину!...

— Боже мой! какое еще новое несчастье хотите вы объявить мнѣ, говорите, ради Бога, говорите скорѣе, не мучьте меня...

Но, не смотря на всѣ усилія свои казаться твердою, бѣдная дѣвушка почувствовала смертельную дрожь, которая проникла въ сердце и, казалось, остановила въ немъ и движеніе и жизнь. Глаза ея, въ которыхъ сначала было нѣсколько слезъ, вдругъ сдѣлались сухи и неподвижны, и оцѣмѣвшія уста остались отверстыми. Наконецъ, она бросилась къ ногамъ г-жи Дерси, и проговорила умирающимъ голосомъ:

— Онъ умеръ?

Эмилиа Ришомъ, живъ еще у отца своего въ эпоху перваго возстановленія Бурбоновъ, познакомилась съ молодымъ человѣкомъ, который назывался Шарлемъ Вернономъ и служилъ унтер-офицеромъ въ императорской гвардіи. Съ самаго перваго свиданія своего, они почувствовали другъ къ другу взаимное влеченіе. Красота Эмилиа, прелести образованнаго ума ея, тихость характера воспламенили въ Вернонѣ одну изъ тѣхъ сильныхъ страстей, которыя могутъ потухнуть только съ жизнію. Съ своей стороны, молодая дѣвушка, которой молодые люди старались нравиться, почувствовала, что взоръ ея встрѣтилъ наконецъ человѣка, котораго она должна была любить; Вернонъ прельстилъ ее не одною наружностію, хотя и отличался прекрасными мужественными чертами лица и благородною осанкою, но еслибъ онъ имѣлъ самое обыкновенное и даже дурное лицо, и тогда могъ бы производить непреодолимое впечатлѣніе. Это былъ одинъ изъ тѣхъ людей, въ которыхъ благородство чувствъ и возвышенность души безпрестанно проливаютъ свѣтъ на наружность. Довольно было взглянуть на него, чтобъ угадать въ немъ характеръ отъ природы честный, откровенный, сильный, назначенный господствовать надъ другими безъ присвоенія себѣ власти и служить опорой слабости, вселяя въ нее невольное къ себѣ влеченіе. Любя страстно Эмилию, Вернонъ не думалъ, однакожь, чтобъ любовь была единственною цѣлью его жизни, и не жертвовалъ ей ни честолюбіемъ своимъ, ни желаніемъ славы, ни патриотизмомъ, ни надеждою мщенія на поляхъ битвы. Побѣжденный, но непокорившійся, онъ повиновался правительству, учрежденному чужеземцами. Онъ съ энтузіазмомъ вступилъ опять въ службу во время ста-дней и бывъ тяжело раненъ при Ватерлоо, узналъ, только спустя два мѣсяца, что полковникъ Ришомъ убитъ, и что Эмилию взяла къ себѣ тетка ея. Вернонъ былъ бѣденъ подобно Эмилиа. Онъ жилъ небольшою пенсією, которую давалъ ему отецъ, приставшій къ ультра-роялист-

ской партіи и согласившійся уступить ему часть своего имѣнія только въ такомъ случаѣ, когда онъ отречется отъ клятвы мстить Бурбонамъ. Бывъ увѣрены другъ въ другъ, молодые любовники рѣшились ждать переменныя обстоятельства, и Вернонъ, ходя въ домъ г-жи Дерси, пользовался дозволеніемъ видѣть племянницу ея съ чрезвычайною скромностію, остерегаясь, чтобъ поступки его не повредили Эмилиі даже въ мнѣніи самыхъ искреннихъ друзей ея. Но оба они были молоды, любили другъ друга страстно; Вернонъ чувствовалъ, что добродѣтель его начинала колебаться; онъ видѣлъ, что испытаніе было свыше силъ его; однакожь строгость правилъ повелѣвала ему уважать молодую дѣвушку, долженствовавшую быть нѣкогда его супругою, и чѣмъ обольщеніе казалось легче, тѣмъ болѣе хотѣлъ онъ, чтобъ непорочность ея была такъ же чиста въ собственныхъ глазахъ его, какъ и въ глазахъ свѣта. Невозможно было ему обладать Эмилиєю, и надобно было найти какую-нибудь пищу для дѣятельности души; онъ тайно возобновилъ политическія свои связи, искалъ разсѣянія въ нихъ и, оставаясь вѣрнымъ клятвѣ, данной Эмилиі, произнесъ другую клятву, свлзавшую и волю и жизнь его. Бывъ принужденъ въ теченіи шести мѣсяцевъ часто отлучаться изъ Монпелье, онъ выдумывалъ разные предлоги, чтобъ обмануть Эмилию и особенно тетку ея, которыя безпрестанно опасались преслѣдованій. Въ это время Франціи угрожалъ переворотъ: недоразумѣніе и нетерпѣливая ревность нѣкоторыхъ демагоговъ ускорили минуту исполненія. Тщетно Вернонъ хотѣлъ замедлить ее, тщетно представлялъ имъ, что время еще не наступило, что, слѣдовательно, успѣхъ былъ невѣренъ: ропотъ недовѣрчивости прервалъ слова его. — Ну, такъ подайте же сигналъ, сказалъ онъ товарищамъ: — и я иду первый! — Предсказаніе его сбылось. Заговоръ вспыхнулъ вдругъ, какъ дѣйствіе безъ причины, какъ отчаянная попытка, предпринятая нѣсколькими безумцами, непринадлежавшими ни къ какой партіи, и былъ затушенъ, уничтоженъ въ самомъ своемъ началѣ. Вернонъ возвратился бѣглецомъ въ Монпелье, увидѣлъ Эмилию, объявилъ ей о разрушеніи надеждъ своихъ и о необходимости оставить тайно Францію для спасенія своей жизни. Въ этомъ короткомъ свиданіи они вторично поклялись быть другъ другу вѣрными, какъ бы ни была продолжительна ихъ разлука. Вернону удалось достигнуть Марсели, гдѣ онъ имѣлъ сообщниковъ и откуда отправился моремъ въ Испанію. Онъ былъ приговоренъ къ смерти, но преступленіе его не было доказано.

Прошелъ годъ послѣ всехъ этихъ происшествій, но, нѣсколько времени спустя по отъѣздѣ Вернона, г-жа Дерси познакомилась съ Полемъ Ремонотъ, пріѣхавшимъ по дѣламъ въ Монпелье. Объ онъ были тогда подъ надзоромъ полиціи, навлекая на себя подозрѣніе

тѣмъ, что имѣли нѣкогда сношенія съ явнымъ врагомъ правительства. Ремонъ оказалъ имъ покровительство, и эта важная услуга доставила ему признательность и уваженіе г-жи Дерси. Эмилія была бы не менѣе ему благодарна, еслибъ считала усердіе его безкорыстнымъ, но, къ-несчастью, она отгадала любовь его прежде, нежели онъ осмѣлился въ ней открыться. Сирота и безъ пристанища, она понимала, что такое супружество представляло ей чрезвычайныя выгоды и превзошло бы все ожиданія г-жи Дерси, которая хоть и не тяготилась ею, однакожь, безъ сомнѣнія обрадовалась бы случаю избавити отъ трудной обязанности, принятой ею въ первомъ движеніи великодушія и состраданія, безъ размысленія объ ответственности. Ремонъ былъ богатъ, имѣлъ отъ роду не болѣе 40 лѣтъ, и если не обладалъ привлекательною наружностью, пѣвняущею женщинъ съ перваго взгляда, однакожь и не имѣлъ въ себѣ ничего отвратительнаго. Эмилія не была уже властна въ своемъ сердцѣ; съ тайнымъ страхомъ замѣтила она, что этотъ человекъ, не имѣя надежды быть любимымъ, не переставалъ терзать ее объясненіемъ своей страсти, нѣмой, печальной и мрачной, какъ угрызеніе совѣсти, и замѣчалъ стараніе нравиться неутомимымъ преслѣдованіемъ. Никогда не слыхала она отъ него жалобъ, никогда не требовалъ онъ отъ нея ласковаго слова, или взгляда менѣе-равнодушнаго; но, сидѣвъ надъ нею въ глубокой задумчивости, онъ наблюдалъ холодное молчаніе, какъ тѣнь слѣдовалъ всюду за нею и, казалось, терпѣливо ожидалъ отъ времени или обстоятельствъ успѣха въ своихъ намѣреніяхъ. Каждый прошедшій день уносилъ у бѣдной Эмиліи какую-нибудь надежду и ослаблялъ бодрость ея. Каждый день чувствовала она, что роковой кругъ, очерченный около нея, все болѣе и болѣе стѣснялся, и что она приближалась къ той минутѣ, когда ея сопротивленіе будетъ бесполезно и покажется дерзкимъ возмущеніемъ противъ власти ея благодѣтельницацы. Она не ожидала помощи ни отъ кого и не имѣла извѣстія о Вернонѣ. Такимъ образомъ, очень понятенъ крикъ испуга, вырвавшійся у нея въ минуту отчаянія, понятенъ безпрестанный страхъ, который ежеминутно тревожилъ ея воображеніе, разгоряченное мрачными размысленіями и всегда готовое видѣть во всемъ несчастіе и гибель.

— Онъ умеръ? повторила она.

— Встань, Эмилія, и выслушай меня, сказала г-жа Дерси. — Ты, вѣрно, помнишь о немъ и приписываешь ему постоянство, которое существуетъ только въ твоемъ сердцѣ. Вспомни, что ты жила все это время въ уединеніи, занятая однимъ предметомъ, одною мыслию, безъ разсвѣнія, безъ удовольствій; не забудь, что годъ разлуки и новостъ предметовъ производятъ тысячу переменъ въ нашихъ склонностяхъ. Ты была еще очень-молода и неопытна, когда еще не

жила со мною: очень-естественно, милый другъ, ты ошиблась въ томъ, кого предпочла всѣмъ другимъ; заблужденіе твое прѣстительно:—но какъ извинить неблагодарнаго, который за всю любовь твою отплатилъ взроломствомъ?

— Онъ обманулъ меня?.. Нѣтъ, этого быть не можетъ... Это неправда... но-крайней-мѣръ вы не имѣете доказательствъ...

— Читай! сказала г-жа Дерси, подавая ей открытое письмо. — Вотъ что получила я вчера изъ Мериды. Тебѣ известно, что Вернонъ въ Испаніи... письмо писано ко мнѣ одною дамою... Но... ты блѣднѣешь?..

Эмилиа взяла письмо и прочла слѣдующее:

• Милостивая государыня!

• Та, которая обращается къ вамъ не зная васъ, не имѣетъ никакихъ другихъ правъ на ваше вниманіе, кромѣ того, что она женщина и мать. Она проситъ васъ отвѣчать на вопросы ея, съ тою же искренностію, съ которою бы сама она въ подобномъ случаѣ отвѣчала вамъ. Съ полгода назадъ, одинъ молодой Французъ, отставной офицеръ гвардіи, по имени Шарль Вернонъ, пріѣхалъ въ нашъ городъ и, къ несчастію моему, познакомился со мною. Его обращеніе, разговоры и выказываемое имъ благородство чувствъ внушили мнѣ довѣренность, въ которой я горестно раскаяваюсь; но можно ли было думать, чтобъ всѣ эти прекрасныя качества сердца и ума были въ немъ только блестящею маскою, скрывавшею развратъ и взроломство?.. Что еще остается мнѣ сказать вамъ?.. Вы знаете уже, что къ вамъ пишетъ обманутая и горестная мать! •

При этихъ словахъ, голосъ Эмилиа стихъ; густое облако помрачило глаза ея, и письмо упало на землю; но г-жа Дерси подняла его и продолжала читать вслухъ:

• Дочь моя послѣдовала за своимъ обольстителемъ. Долго всѣ поиски оставались тщетными; но недѣли двѣ назадъ, узнала я, что будто-бы онъ возвратился во Францію. Я вспомнила, что въ первое время знакомства нашего, онъ часто произносилъ имя г-жи Дерси, которая живетъ въ Монпелье. Именно дѣтей вашихъ, если вамъ небо дало ихъ, имененъ всего, что почтено и свято на землѣ, заклинаю васъ объявить мнѣ, видѣли ли вы его, слышали ли о немъ, знаете ли его убѣжище. Я не требую назадъ своей дочери, которая должна будетъ оплакивать свою слабость въ стѣнахъ монастыря; но хочу, чтобъ соблазнитель возвратилъ ей честь, давъ ей свое имя, и прошу ему тогда только, когда удовлетвореніе и раскаяніе заглядятъ въ глазахъ монъхъ вину его. •

• Поручаю эту тайну чести и благородству души вашей, потому-что, доставляя вамъ случай успокоить меня, я, въ то же самое время, даю вамъ средство разслабить стыдъ цѣлаго семейства, подписывая здѣсь имя

Эстеллы Мендочы.

— Это обманъ, безчестный, гнусный обманъ! вскричала Эмилиа. — Онъ бѣглецъ? Онъ изгнанникъ? Еслибъ онъ оставилъ Испанію, то ужь, конечно, не возвратился бы сюда, гдѣ голова его принадлежитъ палачу!

— Но развѣ ты забыла, Эмилиа, что возвращеніе его во Францію только невѣрный слухъ? Притомъ же, Вернонъ даже и въ чужой землѣ долженъ для безопасности своей скрывать, что онъ государственный преступникъ, осужденный на смертную казнь. Если онъ точно похитилъ дочь г-жи Мендоче, то не могъ придумать лучшаго средства, для прекращенія всѣхъ поисковъ, какъ распустить эту вѣсть, заставивъ преслѣдовать себя въ той землѣ, куда онъ не смѣетъ показаться.

Долгое молчаніе слѣдовало за этимъ убійственнымъ доказательствомъ. Эмилиа лучше всѣхъ могла оцѣнить благородство Вернона, потому-что борьба, выдержанная ею съ самой-собою, показала ей всю мѣру той силы характера, которую надобно было имѣть ему, чтобъ восторжествовать надъ искушеніемъ; но то, что, казалось, должно бы успокоить ее, увеличивало ея недоумѣніе, и чувство, дотоле ей неизвѣстное—ревность наполнила душу ея мрачными предчувствіями. Кто знаетъ, думала она:—Вернонъ, по-видимому столь благородный, столь великодушный, Вернонъ, щадя честь мою, имѣлъ можетъ-быть только сожалѣніе къ моей слабости; но когда другая женщина внушила ему истинную страсть, строгая добродѣтель его, можетъ-быть, дозволила побѣдить себя...

— Ну, что жъ, Эмилиа, что скажешь ты противъ этого? спросила г-жа Дерси.

— Ничего, тетушка, по - крайней - мѣрѣ ничего такого, что могла бы я доказать; въ совѣсти каждаго изъ насъ есть тайны, которыя извѣстны только одному Богу. Но противъ этого письма, которое обвиняетъ его совершенно, я могу только представить его клятвы, мои воспоминанія и убѣжденіе, которое теперь колеблется между обманомъ и истиною. До-сихъ - поръ я не вѣрила злу, — и вотъ вѣроломство сразило меня; я все еще надѣялась, но чтобъ разрушить всѣ мои надежды, довольно было одного слова... можетъ-быть, клеветы...

— Клеветы, говоришь ты? Надѣюсь, по-крайней-мѣрѣ, что подозрѣнія твои не падаютъ на меня!

— Избави меня Боже отъ этой мысли! Но если, для погубленія этого несчастнаго, обманываютъ и васъ и меня? если это письмо ложно?..

— Эмилиа! я краснѣю за тебя! сказала г-жа Дерси: — кто жъ его написалъ? Назови мнѣ его!

— Нѣтъ, я не назову его, но сдѣлаю лучше, вскричала Эмилиа, какъ-будто уступая какому-то внезапному вдохновенію, и увидѣвъ какого-то человѣка, вышедшаго изъ аллеи и приблизившагося къ нимъ. — Скажите мнѣ откровенно, продолжала она:—знаетъ ли объ этомъ письмѣ кто-нибудь кромѣ васъ?

— Нѣтъ.

— Вы клянетесь въ этомъ?

— Клянусь.

— Дайте мнѣ его.

— На что?

— Дайте и оставьте меня одну съ тѣмъ, кто идетъ сюда. Я имѣю право испытывать, когда дѣло касается счастья всей моей жизни. Но ради Бога ни слова, ни знака, который бы могъ заставить его догадаться!—онъ долженъ прочесть это письмо при мнѣ, и во время чтенія я надвюсь подмѣтить на лицѣ его тайну его сердца. Я хочу, чтобъ онъ смѣшался и измѣнилъ самому-себѣ, если точно онъ виновать... О! не говорите, что я оскорбляю его своимъ подозрѣніемъ, приписывая ему столько низости!.. Онъ любитъ меня, но я не люблю его; онъ долженъ быть ревнивъ. Съ той самой минуты, какъ открылись глаза мои, я вижу то, чего прежде никогда не видала, принимаю тысячи вещей, которыхъ не постигала, и сердце мое, открывшись сомнѣнію, потеряло уже свою невинность... Письмо!.. дайте мнѣ письмо!

Г-жа Дерси не могла противиться настойчивости своей племянницы, или, можетъ-быть, не боялась этого опыта для Ремона; она отдала письмо Эмилиі, которая судорожно смяла его въ рукъ и потомъ, принявъ спокойный видъ, поклонилась Ремону.

—Что такое случилось, другъ мой? сказала г-жа Дерси.—Сейчасъ останавливался подъ стѣною сада нашего патруль. Не опасаются ли возмущенія?

—Не знаю! отвѣчалъ Ремонъ.—Мнѣ неизвѣстна тайна мѣръ, принятыхъ правительствомъ; но я поручилъ сегодня Бернару, слугѣ преданному и мнѣ и вамъ, узнать, что дѣлается въ городѣ.

— Мы теперь больше, нежели когда-нибудь, полагаемся на ваше покровительство, г. Ремонъ, сказала Эмилиа.

Ремонъ взглянулъ на нее съ удивленіемъ. Еще въ первый разъ со времени ихъ знакомства она заговорила съ нимъ сама, не вынужденная къ отвѣту. Для объясненія себѣ этой странной перемѣны, незамѣтной можетъ-быть для всѣхъ другихъ, кромѣ любовника, онъ обратился къ г-жѣ Дерси; но та, исполняя желаніе племянницы, притворилась будто не поняла цѣлаго вопроса его, и сказала уходя:

— Я оставляю васъ съ Эмилией, потому-что мнѣ нужно пойдти на минуту домой отдать нѣкоторыя приказанія; однакожь не прощаюсь съ вами.

Лишь только успѣла она оставить ихъ, какъ Эмилиа замѣтила подъ деревомъ Марту, которая, казалось, выжидала ухода г-жи Дерси. Но увидѣвъ Ремона, старая няня не могла удержаться отъ нетерпѣнія

и тотчасъ удалилась, показывая знаками Эмилиі, что будетъ ждать пока Ремонъ уйдетъ, чтобъ поговорить съ нею наединѣ.

Эмилиа вспомнила, что Марта явилась уже не въ первый разъ, и думала, что дѣйствительно она хотѣла сообщить ей что-нибудь очень-важное. Ей пришло даже на умъ, не узнала ли она чего-нибудь отъ болтливаго Бернара, котораго она береглась какъ врага, и не открылъ ли онъ ей заговора, который она подозрѣвала.—Надобно рѣшиться, сказала она самой себѣ:—это моя послѣдняя надежда, я ставлю все счастье жизни моей на одинъ взглядъ, на одно невольное движеніе, какъ отчаянный игрокъ ставитъ на карту все свое достояніе.

Ремонъ подошелъ къ ней.

— Позвольте ли вы мнѣ, сударыня, остаться съ вами?

Эмилиа стала противъ него и, подавая ему открытое письмо, сказала:

— Читайте.

IV.

Изгнанникъ.

Ремонъ взялъ письмо изъ рукъ Эмилиі и прочиталъ его медленно.

— Увы! думала она: — онъ нисколько не смѣшался; стало-быть, это письмо не подлогъ. Вернонъ обманулъ меня!

Она упала на стулъ, на которомъ сидѣла прежде ея тетка, и была нѣсколько минутъ почти въ безпамятствѣ. Сидя противъ нея, Ремонъ смотрѣлъ молча и хотѣ имѣть все право быть оскорбленъ опытомъ, которому она подвергала его, однакожъ фizioномія его выражала только участіе и глубокое сожалѣніе.

— Вы надѣялись, сказалъ онъ:—что при видѣ этого письма я измѣню самъ-себѣ невольнымъ смущеніемъ? Не довольствуясь сомнѣніемъ въ истинѣ этихъ обвиненій, вы хотѣли еще смутить клеветника. Не правда ли?

— Я заслуживаю упреки ваши, проговорила Эмилиа, запинаясь:— и выслушаю ихъ безъ ропота, потому-что чувствую, какъ жестоко оскорбила васъ.

— Нѣтъ, возразилъ Ремонъ:—я такъ хорошо знаю страданія любви, что не могу не прощать ея заблужденій. Долгъ мой покориться и ждать, пока вы перемѣните обо мнѣ свое мнѣніе.

— Вы великодушны. На этомъ опытѣ основывалась послѣдняя моя надежда; но теперь все кончено, и я не сомнѣваюсь больше...

— Позвольте мнѣ молчать объ этомъ. Я навлекъ бы на себя подозрѣніе ваше, еслибъ повѣрилъ истинѣ; но съ другой стороны, вы ус-

нигиловъ бы въ моеѣ нескрепности, еслибъ я пытался открыть тутъ ложь.

— Я не этого ожидаю отъ васъ; мнѣ не нужно удостовѣреній.

— Что жъ вамъ угодно будетъ приказать мнѣ?

— Сегодня поутру тетушка уговаривала меня принять руку вашу. Я не соглашалась, какъ и въ первый разъ, потому что, принявъ ее, я обманула бы васъ; языкъ мой сказалъ бы вамъ то, чего не говорило бы сердце, и я съѣла бы и свое и ваше несчастіе. Но теперь г. Вернонъ разорвалъ связи, насъ соединявшія, — я должна разорвать ихъ въ свою очередь... Но... я любила его... я все-еще люблю его, не смотря на его вѣроломство... Простите мнѣ это признаніе. Въ моемъ положеніи, гораздо-лучше не таить отъ васъ ничего и научившись читать въ сердце вашемъ, открыть вамъ свое совершенно. Да, я любила Вернона страстно и не могу еще быть равнодушной. Не знаю, что ожидаетъ меня въ будущемъ; можетъ-быть, мнѣ никогда невозможно будетъ забыть его. И однажъ вы всегда будете здѣсь возлѣ меня, грустный, ищущій одного моего взгляда, одного слова... Я не имѣю уже права сказать вамъ теперь: «оставьте меня, я принадлежу другому, которому дала клятву и который поклялся мнѣ въ свою очередь». Но я всегда имѣю право быть чистою въ собственныхъ глазахъ своихъ; предпочесть бесполезныя слезы и горестъ, въ которой никому не обязана отчетомъ, мыслямъ, въ которыхъ не смѣла бы признаться, и чувствамъ, которыя возмутили бы ваше спокойствіе... Ни о чемъ не спрашивайте меня до-тѣхъ-поръ, пока я буду молчать! Когда же стану говорить, тогда не сомнѣвайтесь въ истинѣ словъ моихъ.

— Буду ждать, отвѣчалъ съ покорностію Ремонъ.

— Вы сдѣлаете больше, продолжала она. — Вернонъ скитается въ изгнаніи; онъ приговоренъ къ смерти и нарушилъ данную мнѣ клятву; ничто не можетъ привести его сюда, гдѣ ожидаетъ его казнъ; но еслибъ по какому-нибудь случаю онъ былъ такъ неостороженъ, что явился бы во Францію, еслибъ жизнь его была въ опасности... то... вы пользуетесь довѣренностію, вліяніемъ... вы можете спасти того, кто былъ вашимъ соперникомъ... О, ради Бога, увѣрьте меня, что жизнь его будетъ спасена!

— Дай Богъ, чтобъ онъ не возвратился... отвѣчалъ Ремонъ. — Но обещаю вамъ спасти его.

— Благодарю васъ, благодарю отъ всего моего сердца, сказала Эмили, протянувъ ему руку.

— Что остается вамъ приказать мнѣ еще? продолжалъ Ремонъ. — Становится темно; не угодно ли вамъ, чтобъ я проводилъ васъ къ тетушкѣ?

— Подите къ ней и оставьте меня здѣсь; если встрѣтите Марту,

потрудитесь прислать ее ко мнѣ: я приѣду съ нею. Голова моя горитъ; вечерній воздухъ освѣжить ее.

Ремонъ поклонился и ушелъ.

— Я чуть-было не измѣнилъ себя, когда она показала мнѣ это письмо, размышляя о немъ дорогою. — Но теперь тайна моя принадлежитъ мнѣ; нѣтъ другаго судьи дѣлъ моихъ, кромѣ совѣсти, и Эмилиа будетъ моя.

Оставшись одна, Эмилиа предалась отчаянію; сначала слезы облегчили ее, но потомъ она впала въ какое-то нравственное и физическое изнеможеніе — обыкновенно слѣдующее за сильнымъ припадкомъ горести. Черезъ нѣсколько минутъ она сняла съ груди своей жемчужное ожерелье и долго смотрѣла на него неподвижными глазами.

— Вотъ! сказала она наконецъ: — вотъ послѣдній подарокъ его; вотъ драгоценное ожерелье, принадлежавшее его матери, которое онъ далъ мнѣ въ тотъ день, когда долженъ былъ бѣжать изъ Франціи! — «Береги его» говорилъ онъ «въ память несчастнаго, котораго ты, можетъ-быть, никогда болѣе не увидишь, но который будетъ вѣчно любить тебя; этотъ талисманъ не предохранилъ ни жизни отца, ни судьбы сына, но я отдаю его супругѣ, избранной мною предъ лицомъ Бога, не для того, чтобъ онъ спасъ ее отъ несчастія, но чтобъ напомнилъ ей о любви и клятвахъ моихъ.» — И я, легковѣрная, доверчивая, какъ его бѣдная мать — видѣла въ этомъ ожерельѣ залогъ счастливой будущности, приписывала ему таинственный языкъ, спрашивала его, какъ другія спрашиваютъ цвѣтокъ, ощипывая листочки. Зачѣмъ же обмануло оно меня? зачѣмъ отвѣчало, что онъ любитъ меня?.. Я должна бы отбросить его далеко отъ своего сердца, на которомъ оно покоилось; но ни руки, ни глаза мои не могутъ разстаться съ нимъ, и я, краснѣя отъ стыда, невольно прижимала его къ устамъ своимъ. Прійми же послѣдній поцалуй мой, и съ этой минуты не напоминай мнѣ больше ни о чемъ, кромѣ его измѣны!

Въ это время послышались вблизи шаги. Эмилиа вскочила, почувствовавъ, что чья-то рука дотронулась до ея руки.

— Не бойтесь, сударыня, это я, сказала Марта.

— Ахъ это ты, няня? вскрикнула Эмилиа. — Дай мнѣ руку, пойдемъ скорѣе домой. Ужъ очень-темно.

— Для этого именно и надобно остаться здѣсь. Я давно выжидала минуты поговорить съ вами на-единѣ; тетушка ваша дома; г. Ремонъ, побродя по парку, встрѣтилъ Вернара и, слава Богу, ушелъ съ нимъ. — Знаете ли, сударыня, сегодня цѣлой день полиція искала бѣглеца преступника...

— Боже!.. что ты, Марта?..

— Но въ то время, какъ съящики бѣгали по городу и по полямъ, онъ, благодаря мнѣ, былъ въ безопасности. Бѣдняжка пришелъ сю-

да на разсвѣтъ, и я спрятала его въ одномъ изъ пустыхъ строеній старой фермы. Я давно хотѣла вамъ сказать объ этомъ, но вы знаете, что это было невозможно.

— Да кто же этотъ бѣглецъ, Марта?

Развѣ сердце ваше не отгадало его? вскричалъ, бросаясь къ ногамъ Эмилии, какой-то человекъ, пришедшій вслѣдъ за Мартою.

— Вернонъ!

— Да, Вернонъ!

— Вернонъ! повторила Эмилиа голосомъ, выражавшимъ вмѣстѣ радость, страхъ и недоумѣнiе; но не смотря на его усилiя удержать ее, она оттолкнула его отъ себя обѣими руками, какъ-будто не вѣря еще собственному слуху и глазамъ своимъ.

— Ты сомнѣваешься?

Онъ всталъ, схватилъ ее и удержалъ въ своихъ объятiяхъ. Эмилиа опустила голову на его плечо и проговорила слабымъ голосомъ:

— Это слишкомъ... я умираю!..

— Теперь я пойду и буду караулить, чтобъ кто-нибудь не зашелъ сюда, сказала няня.—Смотрите жъ, будьте осторожны, говорите тише. Я скоро приѣду назадъ.

Эмилиа была въ обморокѣ; Вернонъ, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, наткнулся на дерновую скамейку, и положивъ на нее молодую дѣвушку, свѣлъ возлѣ. Онъ обхватилъ Эмилию одною рукою, чтобъ она не упала, другою сжималъ и старался согрѣть оледенѣвшiя ея руки. Но Эмилиа лежала недвижимо, и только короткое, тяжелое дыханiе обнаруживало въ ней слабый признакъ жизни.

— Эмилиа! шепталъ Вернонъ:—приѣди въ себя. Съ тобою говорить другъ твой, презрѣвшiй все опасности, чтобъ только увидѣть тебя и бѣжать съ тобою... Эмилиа, мнѣ много надобно говорить съ тобою! Ахъ, если радость при возвращенiи моемъ—свыше силъ твоихъ, то сколько ты должна была страдать въ разлукѣ! Бѣдное дитя! какъ часто, скитаясь далеко отъ тебя, не имѣя о тебѣ никакого вѣстiя, боялся я, чтобъ ты не забыла меня, и сегодня поутру, переѣзжая черезъ эти стѣны, я не столько боялся быть пойманнымъ, сколько страшился найти тебя невѣрною.—О, какъ я былъ несправедливъ! Нѣтъ, любовь моя не можетъ равняться съ твоею! Я былъ для тебя все,—а въ душѣ моей тѣснились другiя желанiя; жизнь моя дѣлилась между любовью и мечтами о славѣ... Теперь я принадлежу одной тебѣ — Францiя для меня уже не существуетъ. Съ-тѣхъ-поръ, какъ мы не можемъ жить въ ней, отечество мое въ той странѣ изгнанiя, гдѣ я назову тебя моею супругою. Эмилиа! промолви одно слово—скажи, что ты слышишь меня... Я свѣлъ на пути моемъ золото, чтобъ достигнуть до тебя; цѣною золота купилъ я даже тѣхъ, которые обѣщались выдать мою голову... Въ эту ночь... скоро... два

Моловка, самые жестокие мнѣ жонки пресѣловатой, дождяному самымъ преданнымъ драгомъ мнѣмъ.—будутъ ждать меня и вернутъ парка и проводить до пристани... Скажи мнѣ только, что ты согласна бѣжать со мною... Все то же молчаніе!.. О, Господи! вонми половину души моей и оживи ее! Сердце ея бьется подъ рукою, дыханіе касается моего лица... но я напрасно говорю съ нею, — она не слышитъ меня. Эмилія! ты была для меня священна и тогда, когда горячка страсти, зажженная взоромъ твоимъ, палила кровь мою; ты принадлежишь мнѣ всемъ, что свято на землѣ — любовью и несласіемъ. Пробудись къ жизни отъ поцѣлуя супруга, Кданусь, если небо судило намъ разстаться на вѣки, — никогда уста мои не прикоснутся къ устамъ другой женщины!

Онъ наклонился къ ней, и въ этомъ пыломъ удрученномъ, но страстномъ объятіи Эмилія очнулась, открыла глаза и, приложивъ руку ко лбу, какъ будто для того, чтобъ удержать на мѣстѣ мысли еще смутныя и неопредѣленныя, проговорила едва-слышимымъ голосомъ:

— Верношь? Я видѣла его!..

— Онъ у ногъ твоихъ, Эмилія!

— О, если это только сонъ — не будите меня!

— Нѣтъ, это не мечта; это я, позабывшій все свои страданія, всю пытку долгой разлуки! Если въ эту мрачную ночь, которая намъ покровительствуетъ, ты не можешь разсмотрѣть лица моего, по крайней-мѣрѣ узнай меня по моимъ восторгамъ, по слезамъ радости, которыя каплютъ на твои руки; но мнѣ не нуженъ дневной свѣтъ, чтобъ видѣть тебя, читать на лицѣ твоемъ выраженіе радости и любви и эту милую улыбку, которая мелькаетъ опять на устахъ твоихъ, какъ тогда, когда мы были счастливы. Я смотрю на тебя очами души моей. Чтѣбъ видѣть тебя, блѣдную отъ горести, печальную, но все прелестную какъ прежде, еще болѣе прелестную, чѣмъ когда-нибудь, мнѣ стѣбитъ только взглянуть въ свое сердце... Да, говори же, Эмилія: Поюаму ты не хочешь отказать мнѣ?

— Верношь! всадбъ ты зналъ... Разсудокъ мой не въ силахъ вынести столько душевныхъ потрясеній... Несчастный! если найдутъ тебя вѣдь...

— Если ты меня любишь, не бойся ничего.

— Если я люблю тебя... и ты это спрашиваешь?

— О, прости, если я оскорбилъ тебя минутнымъ сомнѣніемъ! Выслушай. Время дорого; черезъ часъ я приѣду сюда за тобою, черезъ часъ мы убѣжимъ отсюда...

— Убѣжимъ? какъ? вскричала она.

— Какъ ядъ опасно кажется тебѣ, это дамъреніе, но все уже готово; успѣшь несомнѣненно. Ты знаешь, что можешь полагаться на честность; знаешь, что я дохочаю до любовницы, но судящую свою предъ

Богомъ и людьми. Черезъ невѣдѣніе мое, мы будемъ въ чужихъ краяхъ, гдѣ церковь благословитъ союзъ нашъ. Не бойся со мною бѣдности: я предлагаю тебѣ руку изгнанника; но этотъ изгнанникъ не будетъ принужденъ просить милостыню. Дядя мой, свалившись надъ моимъ несчастіемъ, прислалъ мнѣ большую сумму денегъ, которой будетъ для насъ достаточно, чтобъ жить уединенно въ какомъ-нибудь неизвѣстномъ уголкѣ земнаго шара. Но послѣ, когда я буду владѣть имѣніемъ отца моего, я возвращу эти деньги доброму родственнику... Ты молчишь, Эмилиа? Но вспомни, что когда мы разставались, ты сказала мнѣ: «Верношь, въ какой-бы странѣ свѣта судьба ни опредѣлила жить тебѣ, я риздано жизнь мою съ тобою, какъ скоро жизнь твоя будетъ въ безопасности»... Ты забыла слова свои!

— Нѣтъ; но тогда...

— Тогда ты любила меня, хочешь ты сказать! Верношь перешедъ вдругъ отъ одного мужа къ другому:—но теперь не любишь. Хорошо пусть такъ; я возвращаю тебѣ свободу, не спрашиваю даже имени того, для кого ты забыла меня. Я хотѣлъ быть черезъ часъ сюда; но, вмѣсто того, черезъ часъ пойду отдать голову врагамъ своимъ. Прощай!

— Верношь, сказала она, удерживая епо:—ты же оставишь меня! Какъ можешь ты говорить такъ, когда не ты, а я имѣю все право обвинять тебя въ изрожденствѣ! Письмо, которое я читала, это письмо, присланное изъ Испаніи...

— Письмо, говоришь ты?

— Молодая дѣвица, которую ты похитилъ...

— Я? что это значить? Это казалъ-нибудь кавеса, выдуманная чан рочно, чтобъ погубить меня... Кто писалъ это письмо, кто тебѣ его далъ его?

— Говорите тише, сказала подошедшая Марта:—васъ слышатъ на концѣ аллеи. Тетушка спрашивала васъ, сударыня; я сказала, что вы пошли въ свою комнату. Она можетъ спросить васъ оцѣ, войдети къ вамъ, и если не найдетъ васъ... Ради Бога, пойдите скорее домой!

— Эмилиа! одинъ только вопросъ... Все оправданіе мое въ одномъ словѣ моемъ, которому ты нѣкогда вѣрила: скажи, вѣдешь ли въ глазахъ твоихъ, имѣишь ли? Я презрѣлъ смерть, чтобъ владѣть тебѣ, пришелъ съ опасностію жизни для того, чтобъ найти свое сопрвище и похитить его изъ тѣхъ, которые полагали кавещуть на меня; когда я не могу обвинить ихъ мотыстицы за себя. Довольно ли этого доказательства, чтобъ увѣрить тебя въ любви моей?.. Если довольно, то черезъ часъ свѣча на твоемъ окошкѣ скажетъ мнѣ, чтобъ я былъ здѣсь.

— Черезъ часъ, Марта, пойдешь!

И онъ пошелъ такъ скоро, какъ позволяла имъ темнота. Вернонъ отомлъ несколько минутъ, склоня голову въ ту сторону, въ которую онъ удалялся, и когда шорохъ шаговъ ихъ затихъ, онъ направился къ воротамъ парка, чтобъ увериться, тамъ ли были люди, долженствовавшие способствовать побѣгу его.

Дошедъ до конца длинной крытой аллеи и увидявъ наконецъ небо, на которомъ кое-гдѣ блистали звѣзды, Эмилиа остановилась, чтобъ перевести духъ.

— Вы можете, если хотите, отдохнуть здѣсь несколько минутъ, сказала Марта. — Г-жа Дерси, кажется, отложила намъреніе говорить съ вами сегодня вечеромъ. Я думаю даже, что ужъ она легла спать, потому-что въ комнатахъ не видно огня и только въ окна спальни ея сквозь занавѣску мелькаетъ свѣтъ лампы. Да еслибъ она и узнала, что вы въ саду со мною, то не сказала бы ничего; но еслибъ она нашла васъ тамъ... Отдохни здѣсь, дитя мое!

— Хорошо, добрая Марта; я ужасно устала; мнѣ надобно поберечь силы свои.

— Надѣюсь, однако, милая моя Лили, продолжала няня съ волюностію, которую дѣвица Ришонъ, въ уваженіе лѣтъ ея, попеченія о ея дѣтствѣ и привязанности къ ней, позволяла, когда онъ бывали одни: — надѣюсь, что ты мнѣ очень-благодарна. Признаться, я поступила не совсѣмъ хорошо; мнѣ бы должно было спросить прежде священника, не грѣхъ ли помогать любовникамъ; но еслибъ я не согласилась укрыть этого бѣдняжку и сказать тебѣ, что онъ здѣсь, то вѣдь Господь знаетъ, что бы могло случиться. Ну слава Богу! теперь вы видѣлись, это васъ немного успокоитъ... Однакожъ я не пущу тебя къ нему сегодня.

— Мнѣ непременно нужно видѣть его, няня. Развѣ онъ ничего не сказалъ тебѣ?

— Когда мнѣ было съ нимъ разговаривать? Я такъ боялась, чтобъ его не увидѣла!.. Я не сказала ему ни слова объ этомъ хитромъ лукавцѣ, господинѣ Ремонѣ; къ-чему было печалить бѣднаго молодого человѣка? Притомъ же, онъ такой вспыльчивый, что, пожалуй, затѣвалъ бы еще съ нами ссору. Ты, надѣюсь, также не говорила ему о немъ, Лили?

— Нѣтъ... я узнала безъ чувствъ ему на руки и опомнилась тогда только, когда ты подошла къ намъ. О! какой день! добрая, милая Марта! Когда онъ явился передо мною, я воображала, что онъ избѣжалъ мнѣ, потому-что передъ тѣмъ тетушка показала мнѣ одно цѣлѣе, которое... Но я не смѣю думать, чтобъ она употребила такое средство... Она принуждаетъ меня выйти за Редона. Я еще противлюсь ей, и всегда буду противиться; но наконецъ навлеку на себя гнѣвъ ея, и она, можетъ-быть, выгонитъ меня изъ своего дома.

Тогда что будетъ со мною?.. Но мнѣ остается только одно средство предупредить это несчастіе — ухватъ сегодня вечеромъ съ Вернономъ...

— Ухватъ!

— Да, няня, непременно ухватъ. Онъ мнѣ предложилъ это и приготовилъ все для нашего побѣга; его обвиняли передо мною; одну минуту я повѣрила его обвинителямъ, но теперь вѣрваю ему судьбу свою. Онъ провиль мнѣ выдать себя правительству, и съдѣлалъ бы это, еслибъ я не согласилась бѣжать съ нимъ. Кромѣ тебя, никто не знаетъ, сколько я люблю и какъ чиста любовь моя; я оставляю по себѣ дурную славу, и меня назовутъ порочной женщиной... Я не прошу тебя защищать меня, но прошу помнить обо мнѣ, и простить, что я оставляю тебя... Ты не отвѣчаешь?.. Ты плачешь, Марта?

— Да, плачу... Ты покидаешь меня.

— Ты, можетъ-быть, серднишься, но не смѣешь сказать этого.

— Богъ съ тобою, дитя мое! мнѣ ли имѣть надъ тобою власть? Я не больше, какъ бѣдная старуха. Я выросла въ домѣ твоихъ родителей, ѣла хлѣбъ ихъ и надвѣдалась служить тебѣ до самой смерти. Еслибъ я могла ѣхать съ тобою, я просила бы тебя взять меня.

— Ты единственная повѣренная моя, и послѣ него я люблю тебя больше всего въ мірѣ. Ты знаешь Вернона такъ же хорошо, какъ и я; ты знаешь, что я могу положиться на его честность. Черезъ нѣсколько дней я буду его женою. Я не согласилась бы ухватъ съ нимъ безъ этой увѣренности. Но прежде нежели уйду, я нуждаюсь въ ласковомъ словѣ, которое ободрило бы меня! Прошу его у тебя, добрая Марта...

— Что вы дѣлаете, сударыня! вскричала Марта, увидѣвъ Эмилию у ногъ свѣицы: — встаньте, ради Бога, встаньте!

— Нѣтъ, Марта; ты была мнѣ второю матерью, и должна замѣнить теперь ту, которую Богу угодно было отнять у меня. Благослови же дочь твою; скажи ей, что она невинна въ глазахъ твоихъ.

— Да будетъ надъ тобою мое благословеніе, милое дитя мое! Будь счастлива, и если ты дѣлаешь дурно, то пусть я одна буду отвѣчать за вину твою, потому-что я отпускаяю тебя.

Эмилія встала, и со слезами бросилась въ объятія няни, потомъ сказала послѣ минутнаго молчанія:

— Совѣсть на въ чемъ не упрекаетъ меня; я спасаю себя отъ несчастія, котораго боялась такъ долго; но мнѣ надобно было бы имѣть больше бодрости... Я невольно грущу и чего-то боюсь. Нѣтъ, я не смѣю войти теперь въ домъ, который скоро должна оставить.

— Не бойся! Тетушка твоя ничего не подозреваетъ; я изъ предосторожности не заперла двери. Поди въ свою комнату; тебѣ надобно одѣться по дорожному.

Сходи туда, Марта, принеси сюда платье мое и все, что нужно. Я

подожду тебя здесь, и прошусь съ тобою въ послѣдній разъ. Поставь свѣчу на мое окно—это сигналъ.

— Все сдѣлаю, дѣтя мое.

— Молчи! шепнула Эмилія, вдругъ схвативъ ее за руку въ ту минуту, какъ она хотѣла уже идти. Послушай, продолжала она наклонясь къ уху яни:— мнѣ кажется, за нами сейчасъ говорятъ.

— Я ничего не слышала.

Дѣйствительно, все вокругъ нихъ было тихо, и Марта пошла въ домъ.

Эмилія однакожь не обманулась: она точно слышала разговоръ двухъ человекъ: Ремонъ, сдустя нѣсколько времени послѣ того, какъ оставилъ ее, встрѣтилъ, возвращаясь домой, Бернара, того самого слугу, который былъ ему преданъ и зналъ все его тайны. Поговора между собою, оба они прошли въ паркъ стороною дорогою и, не бывъ никѣмъ замѣчены, перелѣзли черезъ плетень, ограждавшій его съ этой стороны: Эмилія вслушалась неясно въ одно только слово, въ отрывокъ фразы, произнесенной шопотомъ; но Ремонъ и слуга его не знали, что она была такъ близка къ и подслушала на ее.

У.

Два дѣтла.

— Ну, теперь все слажено! сказалъ Бернаръ Ремону въ ту минуту, какъ, пройдя осторожно сквозь часть лѣса, и притѣмъ ступая какъ можно тише, они остановились въ кругу противъ маленькой бесѣдки. — Если вѣсти, полученныя мною, справедливы, онъ долженъ быть здѣсь. Я всегда подозревалъ эту старую колдунью, бывшую кормилицу Эмиліи: она очень не жалуется васъ. Намъ нельзя было никакимъ образомъ приваечъ ее на свою сторону. Она уже не въ тѣхъ лѣтахъ, когда женщины дозволяютъ за собой волочиться и высказываютъ тайну левкому любовнику. Самая прочная добродѣтель есть, какъ говорятъ, та, къ которой невозможно сдѣлать приступа. Вы тутъ оставили дѣвицу Ришомъ?

— Да. Но, кажется, она ничего не знала, потому что неспособна къ такому искусному притворству. Мы говорили только о письмѣ, полученномъ изъ Испаніи; кажется, мы ждемъ понапрасну... Однакожь если нужно, я останусь здѣсь до развѣта.

— Вы не будете долго дожидаться, потому что въ этой сторонѣ явлен кто-то идетъ.

— Оставь меня.

Бернаръ отошелъ за павильонъ; шумъ приближался, и происходило отъ шаговъ какого-то человека, который шелъ тихо и ошупью.

Наконецъ, минуты черезъ двѣ, этотъ человекъ установился прямо противъ Ремона.

Ремонъ узналъ его, и, не смотря на всѣ усилія протезнотъ овладѣвшее имъ смущеніе, нервическій треморъ пробуждалъ во всемъ его членамъ, чтобъ не ушатъ, онъ долженъ былъ протануть руку и удержаться за растворенную дверь библіотеки; какъ ни слабо было это движеніе, Вернонъ слышалъ его, и началъ тихо осматриваться вокругъ; но густота мрака не дозволяла ему различить что-либо. Насколько минутъ оба они стояли неподвижно, занятые одною мыслию: разсмотрѣть гдѣ стоялъ невидимый врагъ—предупредить его и бростись на него первому. Но Вернонъ, не зная, на какомъ мѣстѣ былъ его противникъ, медлялъ отъ того только, что боялся потерять удары свои въ воздухъ; между тѣмъ, какъ Ремонъ, невольна содрогаясь при мысли объ убійствѣ, чувствовалъ, что рѣшимость его ослабѣвала съ каждою минутою. Наконецъ сонъ взяла верхъ, и онъ сказалъ громко, не стараясь изменить своего голоса:

— Кто здѣсь?

Ему не отвѣчали. Онъ повторилъ вопросъ, прибавя: — Кто бы вы ни были, отвѣчайте: что дѣлаете вы здѣсь въ этотъ часъ ночи?

— Поля! вскричалъ Вернонъ. — Это голосъ Поля Ремона!

— Вернонъ! сказалъ въ свою очередь Ремонъ, какъ будто ушатъ его только по этому восклицанію.

— Сюда, Поля, въ мои объятія!

И они обняли другъ друга—однѣ съ доверчивою радостію, другою съ замѣчательствомъ. Но Ремонъ уже такъ далеко зашелъ, что не могъ не измѣнить до конца дружбу, потухшей въ его сердцѣ. Дѣйствительно, они были некогда друзьями, но страсть равно сильная въ душѣ каждаго разорвала теперь связь ихъ. Обищая Вернону имѣть въ его отсутствіи попеченіе о Эмилии, которую онъ не зналъ тогда, Ремонъ долго боролся съ чувствомъ, внушеннымъ ему дѣвцею Ришомъ, двадцать разъ говорилъ себѣ, что поведение его было безчестно, что онъ безсовѣстно нарушаетъ самыя священные обязанности: не достигнувъ уже тѣхъ лѣтъ, когда страсти приобретаютъ непреодолимую власть, онъ, краснѣя самого себя, уступилъ мало-помалу влеченію любви и наконецъ, забывъ дѣла, призывавшія его обратно въ Марсель, остался въ Монпелье. Порученіе, возложенное на него Вернономъ, требовало большой осторожности, и ему должно было выдумать какой-нибудь предлогъ, чтобъ войти въ домъ г-жи Дарси и сблизиться съ Эмилией. Судьба ему благоприятствовала и онъ не говоря ни слова о Вернонѣ, употребилъ въ собственную пользу ту услугу, которую связи его и кредитъ дозволяли оказать дѣвцѣ Ришомъ и ея тетѣ.

Мало-помалу онъ привыкъ къ вероломству. Всѣ способности ума

его, твердаго и упорнаго, сосредоточились въ одну мысль: во что бы то ни стало овладѣть Эмилиєю. Неожиданное возвращеніе Вернона въ ту самую минуту, какъ онъ только-что оклеветалъ его передъ нею, было громовымъ ударомъ, готовымъ разрушить всю громаду коварства и лжи, и онъ тотчасъ рѣшился исполнить свое намѣреніе. Но, въ томъ положеніи, въ которомъ былъ тогда Ремонъ относительно Вернона, ему должно было дозволять спрашивать себя, и соразмѣрять отвѣты свои по вопросамъ его, или упрекамъ, и наконецъ, если можно, продолжать его обманывать, чтобъ не погубить совершенно. Вотъ жестокая крайность, которая страшилась Ремона, но на которую онъ, можетъ-быть, и отважился бы.

— Наконецъ я нашелъ тебя! сказалъ Вернонъ:—я думалъ, что ты забылъ меня, и эта мысль увеличивала страданія мои на чужбинѣ. Я писалъ къ тебѣ нѣсколько разъ, но ты никогда не отвѣчалъ.

— Письма твои не доходили до меня.

— По какому случаю ты здѣсь? развѣ ты зналъ, что я во Франціи, развѣ искалъ меня?

— Да. Отъ полиціи объявлено, что ты здѣсь.

— Полиція не ищетъ меня! Но я все расскажу тебѣ, у меня нѣтъ отъ тебя тайнъ. Присутствіе твое здѣсь ясно доказываетъ, что дружба твоя не измѣнилась; ты берегъ сокровище, которое я тебѣ ввѣрилъ. Благодарю, другъ, благодарю отъ всего сердца.

И онъ крѣпко сжалъ его руку, которую Ремонъ освободилъ, оттолкнувъ его тихонько отъ себя. Прикосновеніе Вернона жгло его.

— Ты для меня вкрался въ милость къ г-жѣ Дерси, продолжалъ Вернонъ: — однакожь Эмилиа ничего не говорила о тебѣ.

— Какъ! ты развѣ видѣлъ ее?

— Сію минуту.

— Что жъ она говорила?

— Что любить меня, и согласна бѣжать со мною.

— Бѣжать? когда?

— Въ эту же ночь. Я жду ее.

— Несчастный! вскричалъ Ремонъ какимъ-то страннымъ голосомъ, отъ котораго Вернонъ вадрогнулъ.

— Несчастный, говоришь ты? Да, я былъ несчастенъ разнѣ съ Эмилиєю, но теперь... отъ-чего жалѣешь ты обо мнѣ?

— Не спрашивай.

— Говори! Я требую этого. Эмилиа ничего не могла сказать мнѣ; увидѣвъ меня, она лишилась чувствъ въ моихъ объятіяхъ. Пришедъ въ себя, она все твердила о какомъ-то письмѣ... о какой-то дѣвушкѣ мною обольщенной... словомъ, я понялъ, что меня оклеветали; но мнѣ довольно было одного слова, чтобъ совершенно оправдаться передъ нею. Потомъ пришла ея мать, и мы должны были разстаться... Но ты

взротно знаешь объ этомъ письмѣ... можетъ-быть, ты еще прежде защитилъ и оправдалъ меня... Что жъ ты говорилъ? что сдѣлалъ? Узналъ ли, кто выдумалъ эту ложь? кого ты подозреваешь въ ней? Правда ли, что Эмилиа повѣрила этому письму? Ты молчишь? что это значитъ?

— То, что я долженъ сказать тебѣ наконецъ всю правду. Вернонь, повѣрь мнѣ—спасайся, пока еще есть время; бѣги невдавшись съ нею; не ищи мщенія.

— Мщенія?.. но противъ кого?

— Тебя обманываютъ.

— Кто?

Ремонъ молчалъ.

— Она?.. Это неправда.

— Эмилиа помолвлена за другаго... Ты дрожишь, Вернонь!

— Но я говорю тебѣ, что она согласна уйдти со мною!

— А я тебѣ говорю, что она съ тобою не уйдетъ! вскричалъ Ремонъ, схвативъ его за руку; но, боясь этою запальчивостію измѣнить самому-себѣ, сказалъ вдругъ самымъ печальнымъ, но спокойнымъ голосомъ:

— Если ты непременно хочешь, чтобъ я говорилъ, такъ слушай. Когда бъ я получалъ твои письма, и зналъ гдѣ ты, то немедленно написалъ бы тебѣ, и ты конечно не возвратился бы во Францію съ опасностію потерять жизнь. Спустя два мѣсяца послѣ твоего отъѣзда, я пріѣхалъ въ Монпелье, и прежде нежели произнесъ твое имя, искалъ, какъ мы съ тобою условились, приобрести довѣренность г-жи Дерси. Скоро, однакожь, я долженъ былъ возвратиться въ Марсель; но, пріѣхавъ сюда во второй разъ, увидѣлъ, что было уже поздно напоминать о тебѣ Эмилиа: она начинала заниматься другимъ.

Вернонь хотѣлъ прервать его.

— Дай мнѣ кончить! продолжалъ Ремонъ. Дружескіе совѣты мои были приняты холодно. Да хотя бъ Эмилиа и не отвергла ихъ, — тетка ея, которая явно ко мнѣ не благоволила, безъ сомнѣнія предупредила бы Эмилию противъ нихъ. Наконецъ, рѣшась испытать последнее средство, я пріѣхалъ на-дняхъ сюда и узналъ, что свадьба дѣвицы Ришомъ уже объявлена.

— И такъ, сказалъ Вернонь: этотъ обморокъ сдѣлался ей не отъ радости, а отъ страха, отъ стыда? Это письмо, меня обвиняющее, можетъ-быть, никогда не существовало... Взротно, она выдумала этотъ предлогъ для того, чтобъ отдалить меня... Кто можетъ промолчать во всѣ эти тайны! Они пѣлый годъ приготовляли сѣти обмана, въ которыя завлекли меня тогда, какъ у меня только одинъ часъ, одна минута, чтобъ защититься отъ измѣны и отмстить врагамъ своимъ. Но если правда, что она меня обманула, если точно это сердце, нѣ-

когда стель чистов, сдѣлалось коварнымъ, то небо по-крайней-мѣрѣ сохранило мнѣ друга. Ты конечно знаешь того, для кого она забыла меня! Скажи мнѣ его имя.

— На что тебѣ?

— Нѣтъ, имя его!.. Я требую...

— Ты погубишь себя.

— Ну, имя?!

— Берегись! Любовь его къ Эмилии такъ же сильна, какъ твоя.

— Она любитъ его—не правда ли?

— Я повторяю тебѣ, что онъ любитъ ее.

— Онъ здѣсь?

— Да.

— Ты знаешь его?

— Да.

— Не нужно много времени, чтобъ оскорбить чеповъ и драться съ нимъ на смерть. Проводи меня къ нему.

— Вернонь!

— Я хочу его видѣть.

— Вернонь! послушайся въ послѣдній разъ моего совѣта... Онъ поклялся, что она будетъ принадлежать ему... я... его знаю... Для нея онъ готовъ жертвовать всѣмъ: дружбою, родствомъ, состояніемъ... Не отваживай жизни своей противъ безумца, которому не останется терять ничего, если онъ потеряетъ Эмилию!

— Темъ лучше. Я хочу, чтобъ онъ былъ безумцемъ, бывшимъ подобно мнѣ... Поидемъ.

— Нѣтъ! прошу тебя, заклинаю на кодынахъ, какъ старый другъ твой, какъ братъ, не заставь меня раскаиваться въ томъ, что я могъ избавить тебя отъ смерти и выдать тебя врагамъ! Нѣтъ! Я спасу тебя отъ тебя-самого. Я вырву тебя отсюда... Безразсудный! Чего ты надѣешься еще, когда она обманула тебя?

— Не говори этого, Поль!.. Перестань! Или я скажу тебѣ, что ты лжешь. Смотри! смотри! Видишь ли ты эту связь на окошкѣ?

— Ну, что жъ?

— Это сигналъ, въ которомъ мы условились. Она сейчасъ придетъ сюда. О! ее принудили дать слово другому. Она любитъ меня, бѣднато изгнанника. Она хочетъ быть со мною, а я еще обвинялъ ее. О! прости, прости меня, Эмилиа!

— Все пропало! подумалъ Ремонъ.

— Слава Богу! сказалъ Бернаръ, вышедъ изъ бесѣдки, — Слава Богу; я подоспѣлъ во-время! Бѣгите; господинь-Вернонь! Спасайтесь!

— Кто это? спросилъ Вернонь.

— Ремонъ, не понимая еще, какое неожиданное обстоятельство избавило его отъ невдачи, былъ не въ состояніи отвѣчать.

— Не бойтесь ничего, продолжалъ Бернаръ; — я слуга господина Ремона, который поставилъ меня здѣсь на караулъ. Васъ ищутъ, господинъ Вернонъ. Офицеръ съ двумя полицейскими служителями пошелъ сию минуту къ г-нѣ Дерси. Они обыскиваютъ домъ съ и скоро прійдутъ сюда; но вы можете еще выѣзжать въ эту каютку парка.

Ремонъ, прищелъ въ себя и, понявъ знакъ Бернара, сказалъ:

— Бѣги скорѣе къ дѣвицѣ Рицонъ, и скажи ей, чтобъ она не боялась, что Вернонъ въ безопасности.

— Уйди безъ нея! вскричалъ Вернонъ.

— Это необходимо! отвѣчалъ Ремонъ. — Развѣ ты хочешь, чтобъ тебя схватили, чтобъ Эмилія умерла отъ горести? Спаси себя, по крайней мѣрѣ, если ты увѣряя тебѣ, что она любитъ тебя.

— Но я оставлю ее съ соперникомъ, который уже осмѣлился оспаривать ее у меня.

— Безумецъ! можешь ли ты отнять ее у него, стоя на эшафотѣ? Но гдѣ же ты намѣренъ былъ искать убѣжища?

— На морскомъ берегу, въ хижинѣ рыбака, по имени Симона.

— Запомни это имя, Бернаръ; а ты, продолжалъ онъ, обратясь къ Вернону: — сѣдши въ свое убѣжище. Завтра, или чрезъ нѣсколько дней, когда прекратятся поиски, которые мы съ Бернарромъ будемъ направлять, куда хотимъ, а тайно приведу къ тебѣ Эмилію. Ну, пойдемъ же!

Вернонъ сдѣлалъ было слабое сопротивленіе, но наконецъ уступилъ, и Ремонъ увлекъ его съ собою.

— А я, сказалъ Бернаръ: — пойду туда, чтобъ какъ-нибудь узнать полицейскихъ и дать вамъ время уйдти, то-есть, прибавилъ онъ шепотомъ: — я пойду за вами. Они могутъ прійти теперь; намъ нужны свидѣтели для того, что остается дѣлать.

И онъ вышелъ изъ парка, по той дорогѣ, по которой вошелъ въ него съ Ремономъ.

Между-тѣмъ, никто не являлся въ садъ; только одна Марта тихонько сошла туда, и принесла Эмилію шляпу, вуаль и манталью, которыя заставила ее надѣть.

— Лиди, сказала она ей: — прошу, у тебя одного обѣщанія,

— Какого, добрая няня?

— Отписать ко мнѣ, какъ-скоро ты будешь замужемъ. Ты напишешь, на правда ли?

— Конечно; можешь ли ты думать, чтобъ я забыла тебя?

— О, нѣтъ! Но ты напишешь мнѣ, чтобъ я пріѣхала жить съ тобою. Гдѣ бы ты ни была, я найду средство отыскать тебя; ты попросишь своего мужа, чтобъ онъ взялъ меня къ себѣ и кормилъ меня. Конечно, еще нѣсколько годовъ, и я сдѣлаюсь негодна ни на

что; но все-таки я буду любить тебя столько же, сколько и теперь... Я не отпустила бы тебя ни за что въ свѣтъ, милое дитя мое, еслибъ не надвѣялась скоро увидѣться съ тобою опять. Скажи господину Вернону, что ты не можешь безъ меня обойтись. Вѣдь онъ знаетъ, что я тебя вырастила, что люблю тебя всей душою. Скажи ему также, что ты стала на колѣни передъ своею старою нянею, какъ передъ родною матерью, что я благословила тебя. Ты сдѣлала хорошо, Лили, и это для меня дороже всякаго богатства. Теперь я не хочу служить другимъ, не хочу ѣсть ничего хлѣба, кромѣ твоего, и когда стану умирать, мнѣ должна будетъ закрыть глаза дочь моя.

— Будь спокойна, добрая Марта! отвѣчала Эмилиа. — Я сперва напишу къ тетускѣ, чтобъ поблагодарить ее за всѣ ея милости, попрошу ее не считать меня неблагоюдарною и простить вину мою. Потомъ напишу особое секретное письмо къ тебѣ, и послѣ того мы, надѣюсь, скоро соединимся опять... Но время идетъ: намъ пора разстаться. Прости, милая, добрая няня; обними меня...

Онъ долго стояли обнявшись и плакали.

Марта тихо побрела домой.

Увидѣвъ свѣтъ на окнѣ своей комнаты, Эмилиа въ послѣдній разъ взглянула на этотъ домъ, гдѣ столько различныхъ чувствованій блаженства и горести, страха и надежды волновали ея душу. Простаясь съ убѣжищемъ, покидаемымъ ею для будущности столь невѣрной и неизвѣстной, она пошла къ знакомой намъ площадкѣ. Во всякомъ другомъ случаѣ, Эмилиа не могла бы идти одна по этой длинной и темной аллеѣ, гдѣ довольно было бы одного шума шаговъ ея, чтобъ испугать ее; но теперь она должна была покориться всѣмъ случайностямъ рѣшительнаго и чрезвычайнаго предпріятія, тѣмъ болѣе, что этотъ уединенный путь во мракѣ ночи представлялъ ей только первую и самую мелкую опасность изъ всѣхъ тѣхъ, которыми она подвергалась. Она шла скоро и по-временамъ останавливалась, прислушиваясь, не слѣдовалъ ли кто за нею; но по мѣрѣ приближенія своего къ мѣсту, гдѣ ожидалъ ее Вернонъ, она становилась бодрѣе, и наконецъ достигла павильона.

Вокругъ нея все было тихо и спокойно. Сначала это глубокое молчаніе удивило ее; но потомъ она подумала, что Вернонъ или не узналъ шаговъ ея, или, можетъ-быть, молчалъ изъ предосторожности.

— Шарль! сказала она тихо. — Шарль!

Вѣтеръ глухо завывалъ въ чащѣ деревь, какъ жалобный стонъ страдальца, отвѣчающій на слова утѣшенія. Эмилиа позвала Вернона въ другой разъ и услышала тотъ же ропотъ. Но она стояла на условленномъ мѣстѣ: почему же Вернонъ тамъ не дожидался ея? Вдали мелькалъ еще свѣтъ, возвѣстившій приходъ ея, но гдѣ же тотъ, для кого знакъ этотъ долженъ бы быть вѣстникомъ радости? Эми-

лія не знала, обвинять его или тронуть за него; она хотѣла-было уже воротиться назадъ; но страхъ приковалъ ее къ землѣ и голова ея закружилась; этотъ далекій неподвижный свѣтъ, отъ котораго не могла она отвести глазъ своихъ, показался ей вдругъ какимъ-то отверстымъ пламеняющимъ окномъ, смотрѣвшимъ на нее и страшно свидетельствовавшимъ о ея побѣгѣ. Потомъ долетали до нея какіе-то смѣшанные звуки и сверкали какіе-то двигавшіеся огни, которые то потухая, то засвѣчалась опять, кое-гдѣ проникали сквозь мракъ лѣса. Шумъ мало-по-малу опять сталъ приближаться, огни свѣтались лютвеннѣе, говоръ слышнѣе. Наконецъ Эмилія поняла, что этотъ странный гулъ, слышанный ею, происходилъ отъ голосовъ человеческихъ, перебивавшихся по лѣсу; эти таинственные огни были не что иное, какъ факелы и фонари въ рукахъ людей, рассыпавшихся по всѣмъ направлѣніямъ парка.

— Я погибла! вскричала она, и бросилась въ павильонъ. Но лишь-только она вошла туда, какъ человекъ двадцать солдатъ, сопровождаемые полицейскими служителями и толпою простаго народа, высыпали со всѣхъ сторонъ на круглую площадку — одинъ изъ аллен, другіе изъ лѣсу, и тотчасъ выстроились, между-тѣмъ, какъ зрители раздѣлились на группы, посреди которыхъ стоялъ Бернаръ, говорившій что-то на ухо какому-то человеку.

Мы никого не нашли, г. поручикъ, сказалъ капралъ молодому офицеру, приведшему отрядъ.

— Видно насъ навѣстали слишкомъ поздно, возразилъ офицеръ. — Мы пришли сюда въ безпорядкѣ, на-скоро, съ одной только стороны, — и вѣроятно не заслужимъ большой благодарности за нашу экспедицію.

Эмилія вздохнула свободно; хотя не произнесено было ни чьего имени, однакожь ей легко было догадаться, кого искали. Но ослабѣ она и сохранила еще какое-нибудь сомнѣніе, оно исчезло бы въ ту минуту, какъ офицеръ, взявъ изъ рукъ полицейскаго какую-то бумагу, прочелъ громко при свѣтѣ факела призывъ Шарля Вернона, отставнаго поручика императорской гвардіи, осужденнаго на смерть за участіе въ заговорѣ противъ правительства.

— Г. офицеръ, сказалъ капралъ, указывая на часть аллен, противоположную той, которая вела къ дому. — Не прикажете ли разставить въ этой сторонѣ нѣсколько карауловъ, пока мы опять будемъ ходить по лѣсу?

Предложеніе было принято. Бернаръ толкнулъ локтемъ человека, съ которымъ шептался и который тотчасъ подошелъ къ павильону и, преодолевъ слабое сопротивленіе Эмиліи, растворилъ дверь.

— Здѣсь дама! вскричалъ онъ, и, схвативъ ее за руку, хотѣлъ подвѣсти покрывало; но Эмилія оттолкнула его отъ себя.

— Вудите учтивы! оказалъ ему офицеръ, подходя къ Эмилии. — Я надюсь, продолжалъ онъ, что эта господа добровольно скажетъ намъ, для чего она здѣсь въ такую позднюю пору.

Эмилиа молчала, и всѣ окружили ее.

— Мнѣ кажется, это не трудно угадать, оказалъ тотъ же человекъ.

— Тутъ было назначено свиданіе.

— Свиданіе? вскричалъ Бернаръ, подошедъ съ почтительнымъ видомъ: — еслибъ не уваженіе мое къ г. офицеру, то я порядкомъ проучилъ бы тебя, мезвжа, за твои дерзкія догадки. Развѣ ты не узналъ племянницы г-жи Дерси, дѣвицы Эмилии Ричмонъ?

— Извините, сударыня, оказалъ престыжливый, съ видомъ того притворнаго простодушія, который обыкновенно принимаютъ на себя престолюданы, когда надъ ними-нибудь издѣваются: — извините. Теперь, какъ я вижу, что это вы, то можно не скажу ничего; мнѣ право очень скаль, что вы нашель васъ въ этой каморкѣ.

— Сударыня, оказалъ офицеръ: — сопротивленіе ваше было бы бесполезно. Не угодно ли вамъ поднять покрывало и отвѣчать на мои вопросы. Во всякое другое время, я, конечно, не имѣлъ бы никакого права спрашивать васъ; но теперь должность обязываетъ меня узнать отъ васъ, для чего вы пришли въ эту бесѣдку.

— Мнѣ кажется, сударь, что здѣсь, въ саду моей тети, а не обя-зана вамъ никакавъ отчетомъ въ мои поступкахъ.

— Берегитесь! Вы не знаете, чему вы подвергаетесь. Впрочемъ, если вамъ не угодно отвѣчать мнѣ, то вотъ идетъ сюда особа, которая можетъ быть объяснить намъ все.

— Что такое? что случилось? спросила г-жа Дерси, которую разбудилъ шумъ въ саду и свѣтъ факеловъ, и которая пришла съ Мартою; испуганною больше нежели она. — Что вамъ угодно?.. Какъ, сударыня, и вы здѣсь?

— О! что дѣлать! что сказать!.. ропзала Эмилиа.

— Одинъ молодой человекъ, никогда входивъ въ домъ вашъ, сударыня, оказалъ офицеръ: — г. Шарль Вернонъ, вошелъ, какъ ска-зываютъ, нынѣшнюю ночь, сюда безъ вашего вѣдома.. Мы ищемъ его и нашли въ этой бесѣдкѣ племянницу вашу, которая не хочетъ объявить причины своего здѣсь пребыванія.

Въ эту минуту два человека, отдѣлясь отъ группы, выступили впе-редъ, и одинъ изъ нихъ сказалъ: — Г. офицеръ, пошлите-ка въ эту сторону; калитка парка отворена; онъ вѣроятно выбѣжалъ въ нее, когда услышалъ, что вы пришли сюда.

— Маршъ-маршъ! закричалъ офицеръ солдатамъ.

Но вдругъ явился Поль Ремонъ и остановилъ ихъ.

— Не въ этой сторонѣ надобно искать его, оказалъ онъ: — калитку отворилъ я; съ лавидею Ричмонъ былъ здѣсь также я.

— Вы?!

— Да, я. Съ согласія ея тетюшки и по собственному ея выбору, я долженъ черезъ нѣсколько дней получить ея руку.— Не правда ли, сударыня? продолжалъ онъ, обратясь къ г-жѣ Дерси. — Не правда ли? вы сами позволили мнѣ остаться здѣсь съ вашею племянницею?

— Правда, сударь.

— Вы понимаете теперь, сказалъ твердымъ голосомъ Ремонъ, обратясь къ толпѣ: — что каждый изъ васъ долженъ молчать е всемъ, чѣмъ здѣсь случилось. Дѣвица Ришонъ не должна краснѣть ни передъ кѣмъ, потому-что тотъ, кто скоро будетъ ея супругомъ, не можетъ ни въ чемъ упрекнуть ее.

— Великодушный другъ! сказала г-жа Дерси, пожавъ ему руку. Эмилія бросила на него робкій, вопрошающій взглядъ.

— Осмотрѣли ли вы строенія старой фермы, господѣ? спросилъ Ремонъ.

— Нѣтъ.

— Въ такомъ случаѣ, Бернаръ васъ проводитъ туда. Тамъ очень легко укрыться, и если Вернонъ точно въ Монпелье, то вы вѣрно найдете его на фермѣ.

Между-тѣмъ, какъ она готовилась послѣдовать его совѣту, Эмилія сказала ему:

— Вы его видѣли?

— Да.

— Что жъ вы сдѣлали, сударь?

— Я обѣщалъ вамъ спасти его, и онъ спасенъ. Ему остается двадцать минутъ, кромѣ четверти часа, которые я заставилъ ихъ потерять на фермѣ. Подите домой съ Мартою. Я скоро принесу вамъ добрыя вѣсти. — Потомъ онъ прибавилъ про себя: — Попробуй, Вернонъ, теперь отнять ее у меня.

Изгнанникъ имѣлъ время достигнуть морскаго берега; но тѣ два человека, которые выпустили его изъ парка, испугавшись понесковъ, которыхъ онъ сдѣлался предметомъ, и зная, что еслибъ ихъ схватили, то, конечно, имъ нельзя было бы ожидать помилованія, хотѣли сначала принудить его сѣсть на корабль и требовали, чтобъ онъ взялъ ихъ съ собою. Онъ не соглашался; но къ срединѣ ночи опасность увеличилась: отряды солдатъ явились на поляхъ и съ каждою минутою могли проникнуть въ его убѣжище. Товарищи силою увлекли его съ собою, и небольшое судно, ожидавшее ихъ у берега, тотчасъ понеслось съ ними по волнамъ. Поднявшаяся буря скоро вынесла ихъ къ берегамъ Прованса; оттуда они могли пробраться въ Италію и разстались съ Вернономъ. Молодой человекъ, терзаясь отчаяніемъ, почти безъ денегъ, удалился наконецъ въ Швейцарію и

написалъ оттуда къ дядѣ своему. Находясь въ Женевѣ, узнавъ онъ три мѣсяца послѣ своего вторичнаго побѣга, что дѣвица Римою вышла за Мюля Ремона. При этомъ ужасномъ извѣстїи, доказавъ наконецъ, что Эмилія дѣйствовала за-одно съ карломинимъ другомъ, Вернонъ едва не лишился разсудка и умиралъ медленною смертію отъ печали, которой причину не открывалъ никому. Тѣ, которымъ неизвѣстна была его исторія, сомнѣвались о немъ какъ о человѣкѣ, одержимомъ неизлечимымъ сумасшествїемъ. Однакожь, мало-по-малу крѣпость его сложенія и сила души все торжествовали надъ этою великою и справедливою горестію; Вернонъ устыдился слезъ, пролитыхъ имъ въ минуты перваго отчаянїя и ограничилъ себя, если не забвенїемъ прошедшаго, то по крайней мѣрѣ гордимъ и безмолвнымъ презрѣнїемъ. Проговоръ, осуждавшій его на смерть, былъ пронесенъ безъ доказательствъ, и потому, въ 1823 году, когда уже не осталось въ Южной Франціи никакихъ слѣдовъ прежнихъ политическихъ волненій, друзья Вернона пользовавшіеся кредитомъ у некоторыхъ правительственныхъ лицъ, выхлопотали, чтобъ дѣло его было пересмотрѣно, и наконецъ Вернонъ получилъ позволеніе возвратиться тайно во Францію, съ условїемъ жить въ неизвѣстности въ одной, нѣтъ отдаленнѣйшій провинціи. Онъ избралъ убожищемъ своимъ горы Божолѣ, и хотѣ имѣть все право требовать у Ремона отчета въ его поступкѣ, однакожь былъ такъ гордъ, что не искалъ свиданія съ врагомъ, котораго презиралъ внутренно. Но продолжительная борьба съ самимъ собою, уединенное и безпрестанное размышленіе о своемъ несчастїи и торжествѣ соперника мало-по-малу измѣнили прекрасныя качества души его: гордость отвергала, какъ новое униженіе, мѣсть слабую и несовершенную; ему надобно было мщеніе равное оскорбленію, и случайная встрѣча съ Фредерикомъ, котораго узналъ онъ по чрезвычайному сходству съ отцомъ, вдругъ пробудила въ его сердцѣ всю дремавшую ненависть. Вернонъ хотѣлъ всеми средствами вынудить изъ терпѣнія бѣднаго молодого человека, и вынудивъ у него мщенїе, убить его на поединкѣ безъ всякаго угрѣзенія совѣсти. Чтобъ совершить половину мщенія, ему непременно было нужно покрыть себя кровью сына и потомъ уже обратитъ ярость свою на отца. И судьба готовила Вернону радость, которой онъ не ожидалъ; узнавъ наконецъ преслѣдовать его, она выдала ему самого Ремона и оный, несчастный изгнанникъ, обманутый любовникъ, шлалъ наконецъ во власти своей смертельнаго врага своего и ту женщину, которая была причиною всѣхъ его страданій.

Боясь, впрочемъ понапрасну, чтобъ настоящее имя его не возбудило въ Фредерикѣ подозрѣнїя; тогда какъ онъ хотѣлъ завлечь его къ себѣ, Вернонъ навѣлся д'Аржелемъ; но молодой человекъ нескѣ

завидно удивился, когда на другой день поутру онъ, вмѣсто противника своего, увидѣлъ на столѣ съдвинувшую записку:

«Я оставляю домъ свой, чтобъ, можетъ-быть, никогда въ него не возвратиться. Не смѣйте обвинять меня въ трусости. Судьба ваша повелѣваетъ мнѣ скоро увидѣться опять, и тогда, я думаю, вы получите отъ меня обещанное удовлетвореніе и узнаете почему я оскорбилъ васъ, и для чего скрылъ отъ васъ настоящее свое имя. Забудьте д'Аржела и помните.

ВЕРНОНЪ.»

Записка эта была для Фредерика новою загадкою. Онъ повхалъ въ Роанну, куда черезъ нѣсколько времени дошли до него слухи, хотя не положительныя, но возбудившіе въ немъ смертельное безпокойство на-счетъ отца его, и онъ поспѣшилъ возвратиться въ Марсель. По той же дорогѣ направлялся и Шарль Вернонъ, оставившій уединенное жилище свое въ Тизи.

VI.

Спусти восемь лѣтъ антракта.

Ремонъ сидѣлъ у стола, заваленнаго кучею разбросанныхъ бумагъ и приставленнаго къ бюро, котораго все ящики были пусты и выдвинуты. Комната, гдѣ онъ провелъ цѣлую ночь за письмомъ, была въ первомъ жилѣ большаго дома, находившагося возлѣ марсельской гавани, на холмѣ, возвышавшемся надъ самымъ моремъ. Ремонъ жилъ въ немъ обыкновенно только лѣтомъ; зимою же поручалъ его надзору Бернара. Близость отъ города, живописность мѣстоположенія и прелесть видовъ, открывавшихся изъ него со всѣхъ сторонъ, дѣлали его самымъ приятнымъ и вмѣстѣ удобнымъ загороднымъ домомъ, гдѣ часто давались блестящіе праздники, привлекавшіе къ себѣ все избранное общество Марсели. Съ годъ, однакожъ, это веселое жилище если не совсемъ опустыло, то стало, по-крайней-мѣрѣ, унылымъ и мрачнымъ, и хотя сохраняло еще остатки недавняго великолѣпія, но великолѣпіе это существовало теперь только въ цѣломъ, начиная блекнуть и пропадать въ деталяхъ. Огромныя комнаты представляли собою какую-то нерышительную средину между уявланію пышности и близкимъ разрушеніемъ, какое-то постепенное распространеніе беспорядка, о которомъ, казалось, никто не заботился. Тамъ драгоценныя бездѣлки были большею частію перебиты или изломаны; пыль слоями лежала на штофной драпировкѣ и атласѣ, покрывавшемъ дорогую мебель; на потолкахъ, украшенныхъ живою работою, змѣнились трещины, какъ морщины на лицѣ уста-

рѣдой кокетки, которая, пробываясь сквозь искусственный румянецъ ея, дѣлаются съ каждымъ днемъ глубже и замѣтнѣе. Словомъ, все въ этомъ плачевномъ домѣ представляло остатки минувшей роскоши; но сырость и холодъ, выходящіе изъ стѣнъ его, доказывали, что тутъ уже не бьме жизни. Ремонъ сидѣлъ, не замѣчая, что солнце давно уже взошло на горизонтъ и не видалъ Бернара, который вошелъ въ комнату, остановился въ нѣсколькихъ шагахъ отъ своего господина и нѣсколько разъ кашлялъ, чтобъ извѣстить его о своемъ присутствіи. Наконецъ Ремонъ обернулся,

— А! это ты, Бернаръ!.. Я думалъ, что я одинъ... Ахъ, Боже мой, да ужъ день!.. Не говорилъ ли я самъ съ собою?.. не слышалъ ли ты чего-нибудь?

— Нѣтъ, сударь. Но вы грустны, какъ всегда, и мнѣ не нужно было слышать словъ вашихъ, чтобъ знать, о чемъ вы думали. Сказать ли вамъ правду, сударь... если я упрекаю себя въ чемъ-нибудь, такъ это въ томъ, что помогъ вамъ жениться.

— Почему же?

— Вы несчастливы въ супружествѣ.

— Молчи, Бернаръ, и что бъ ни случилось, берегись обидныхъ подозрѣній на-счетъ жены моей. Грусть моя имѣетъ совсѣмъ-другую причину, которую ты скоро узнаешь. Былъ ли ты вечеромъ въ городъ?

— Былъ, сударь.

— Есть ли письма ко мнѣ? письма изъ Тулона?

— Нѣтъ, ни изъ Тулона, ни изъ другихъ мѣстъ.

— Жестокая неизвѣстность! прошепталъ Ремонъ. — Возьми это письмо и сейчасъ отнеси его на почту; но прежде спроси у госпожи Ремонъ, можетъ ли она принять меня, или не угодно ли ей прійти сюда? Я думаю, она ужъ встала.

— Встала, сударь. Вотъ ужъ съ часъ, какъ какой-то господинъ велѣлъ доложить ей о себѣ; онъ называется Жербье, но я никогда не видалъ его у васъ... Изволите ли вы знать его, сударь?

— Нѣтъ.

— Я сказалъ ему, что у насъ такъ рано никого не принимаютъ, но онъ отвѣчалъ: скажите мое имя, и г-жа Ремонъ прійметъ меня. Дѣйствительно, она тотчасъ приказала впустить его. Это очень-странно, сударь!..

— Г-жа Ремонъ вольна дѣлать что ей угодно... Довольно, Бернаръ; никогда не осмѣливайся, по-крайней-мѣрѣ въ моемъ присутствіи, судить о поступкахъ г-жи Ремонъ... Чтобъ это было въ послѣдній разъ, слышешь ли? Поди, исполни мое приказаніе, и возвратись съ почты, пройди опять ко мнѣ; можетъ-быть, письмо изъ Тулона прійдетъ вечеромъ.

Бернаръ поклонился и вышелъ.

— Я увѣренъ, что все это кончится худо... думалъ онъ дорогою: — еслибъ Марта была жива, то сказала бы, что Богъ наказываетъ г—на Ремона за то, что онъ жрецисд обманомъ на ея «дочери», какъ называла она госпожу свою. О! она все знала, эта хитрая колдунья, и выдала бы меня, еслибъ могла, обѣими руками на вислицу... Что жъ до меня, — я безъ дальняго умничанья говорю просто: тутъ не быть добру, потому что мужъ ревнивъ, а жена не любитъ его.

Ремонъ, оставшись одинъ, погружался въ задумчивость. — Кто этотъ человекъ? какія тайныя сношенія у нея съ нимъ?.. Но зачѣмъ предаваться подозрѣннмъ? зачѣмъ оскорблять ими Эмилию, теперь, когда черезъ минуту я долженъ сдѣлать ей признаніе, котораго уже невозможно долѣе откладывать? Впрочемъ, чего мнѣ бояться? Я обладаю всѣмъ, чтѣ принадлежитъ мнѣ. Предметъ, за которымъ я тщетно гоняюсь — призракъ, тѣнь, которая вѣчно удаляется отъ меня; врагъ мой не имѣетъ вещественности, за которую бы можно было ухватиться; все несчастіе мое, все наказаніе, мною заслуженное, только въ томъ, что я во всемъ сомнѣваюсь, вижу вездѣ притворство и обманъ.

Ремонъ опять задумался, но былъ прерванъ нѣжнымъ, женскимъ голосомъ, спросившимъ:

— Ты меня звалъ, мой другъ?

Это была Эмилиа, позванная къ мужу Бернаромъ.

— Мнѣ нужно говорить съ тобою, Эмилиа, сказалъ онъ. — Садись; разговоръ нашъ будетъ дологъ. Что это такое? спросилъ онъ, увидѣвъ въ рукахъ ея какой-то ящичекъ.

— Узнаешь послѣ... Ты всю ночь писалъ?

— Кто тебѣ это сказалъ!

Она печально улыбнулась и указала на двѣ почти совсѣмъ догорѣвшія свѣчи.

— Еслибъ даже не было этихъ двухъ свидѣтелей, сказала она: — и тогда я угадала бы это по блѣдности лица твоего и усталости глазъ. О чемъ ты хочешь говорить со мной? Я готова тебя слушать.

Эмилиа села въ кресла, поставивъ ящичекъ къ себѣ на колѣни. Ремонъ молчалъ, какъ человекъ, собиравшійся съ мыслями.

— Вотъ ужъ восемь лѣтъ, какъ мы вмѣстѣ, началъ онъ тихимъ и важнымъ голосомъ. — Всю любовь, которая только можетъ существовать въ сердцѣ человека, я имѣлъ тогда къ тебѣ, Эмилиа. Но въ эти восемь лѣтъ я узналъ душу твою; лучше прежняго понимаю почему люблю тебя и однакожъ люблю не болѣе, какъ въ первый день. Всякая другая привязанность исчезла во мнѣ при этой вѣчной любви, долженствовавшей наполнить всю жизнь мою, и еслибъ сынъ мой былъ для тебя предметомъ безпокойства или ревно-

сти, я запретилъ бы ему являться на глаза... Но я долженъ все открыть тебѣ, Эмилія... Признаюсь, мнѣ легче было бы сносить холодность твою къ нему, нежели ту ласку, съ которой ты приняла его. Да; я, кажется, благодарилъ бы тебя за ненависть къ нему, благодарилъ бы за то, что ты не терпишь раздѣла и хочешь обладать сердцемъ моимъ одна... Но, — продолжалъ онъ, устремивъ на нее проницательный взглядъ и говоря голосомъ чловѣка, который не высказываетъ всей мысли своей: — но, къ счастью твоему, Эмилія, ты не знаешь страстей сильныхъ, страстей божьеныхъ, которые быты; ты безъ ревности увидѣла сына другой женщины, не спрашивая меня, сохранилъ ли я еще въ душѣ своей воспоминаніе о его матери.

— Ты сказалъ мнѣ, что никогда не любилъ ея, и я поверила тебѣ.

— Ты права: довѣренность есть добродѣтель душъ чистыхъ; сомнѣніе оскорбляетъ тѣхъ, кого мы любимъ. Женясь на тебѣ, я постигъ всю великость той обязанности, которую возложилъ на себя. Мнѣ не довольно было любви моей, я хотѣлъ еще, чтобы любовь моя составила твоё счастье...

— Развѣ я когда-нибудь жаловалась, другъ мой?

— Не прерывай меня. Я хотѣлъ имѣть одинъ попеченіе о твоей будущности и увезъ тебя отъ твоей тетки. Какимъ бы ни были желанія твоей молодости, какія бы мечты ни наполняли книгу твоего воображенія, долгъ мой былъ исполнять ихъ. Будучи богаты, я во семь лѣтъ сряду окружалъ тебя удовольствіями, роскошью, праздниками. Но теперь... теперь я предлагаю тебѣ совсемъ иную жизнь... Долго и отчаянно боролся я съ обстоятельствами; наконецъ, наступила минута, когда я долженъ открыть тебѣ истину! Эмилія! я не имѣю уже ничего... я разорился!..

— Я это знала, отвѣчала спокойно Эмилія.

— Знала! вскричалъ Ремонъ. — Знала?.. отъ кого?..

— Отъ тебя самого. Развѣ я не замѣчала, что съ годъ тому назадъ ты сдѣлался печаленъ и задумчивъ? развѣ не видала я, что расхо́ды наши уменьшились, что пріатели твои начали мало-по-малу удаляться отъ насъ? Но я не спрашивала тебя ни о чемъ, полагая, что, вѣроятно, обстоятельства твои скоро должны будутъ перемениться, и ты не хочешь огорчить меня понапрасну. Наконецъ, видя, что уныніе твое и скрытность продолжаются, я боялась умножить страданія твои нескромными вопросами и сдѣлаться докучливою. Лучше хотѣла притворяться, будто ничего не знаю.

Ремонъ хотѣлъ было продолжать.

— Натъ! теперь выслушай меня въ свою очередь, сказала она, протянувъ ему руки, которыхъ онъ сжалъ въ своихъ рукахъ. — Ты часто, продолжала Эмилія: — лишаемъ спокойствіе отъ того только,

что даешь себя волю увлекаться пустыми мечтами и предполагать в других чувства, которых не существуют. Но цеварь, сердце человеческое не имеет ни одной тайны, какъ бы глубоко она ни скрывалась, которую бы оно могло хранить вечно, и которая бы рано или поздно не обнаружилась въ лицѣ, взглядѣ, голосѣ... Ты, надеюсь, понимаешь меня?

— Понимаю, отвечалъ Ремонъ.

— Тысячи признаковъ открыли мнѣ тайну, которая глезада тебѣ. Я каждую минуту ожидала твоего признанія и давно къ нему приготовилась. Вчера собрала я все брилльянты, которыми ты дарилъ меня, и сегодня поутру г. Жербю, первый марсельскій ювелиръ, опшнвъ ихъ, далъ мнѣ за нихъ сумму, которую я заперла въ яху шкатулку. Возьми ее, другъ мой — она тебѣ принадлежать, Конечно, этого недостаточно, чтобъ совершенно поправить дѣла твои, но все-таки пятнадцать тысячъ франковъ могутъ доставить тебѣ средство снова испытать счастье. Возьми; я упрекаю тебя только дѣ трѣ, что ты не имѣлъ довѣренности къ женѣ своей.

— Эмилія! ты ангелъ! Я недостойнъ тебя!

Закрывъ лицо руками, Ремонъ молчалъ нѣсколько минутъ, потомъ вдругъ поднявъ голову, сказалъ:

— Такъ ты любишь меня, Эмилія? Въ первый разъ еще въ цѣлые восемь лѣтъ осмѣливаюсь я наконецъ вѣрять моему счастью, осмѣливаюсь сдѣлать тебѣ этотъ вопросъ, который я такъ часто обращалъ къ самому-себѣ... Эмилія! между нами носился призракъ, никогда не покидавшій насъ; жгло воспоминаніе, которое меня убивало. Видя тебя печальною, задумчивою, я думалъ:—она груститъ о томъ, кого любила! Теперь, когда я узналъ наконецъ, что сердце твое принадлежитъ одному изъ насъ; теперь, въ замѣнъ этой безцѣнной увѣренности, предлагаю тебѣ бѣдность и униженіе!.. Но ты молода еще, ты прекрасна, а я уже старъ, старъ не столько лѣтами, сколько горестію, сохранивъ отъ молодости моей только пламенную и безумную страсть... Эмилія, искренны ли были слова твои? или ты произнесла ихъ только въ состраданіе къ несчастному, котораго пожиралъ жгучее сомнѣніе? Скажи, точно ли забыла ты Вернона?

— Ропотъ, отвечала она: — не будемъ никогда говорить о прошломъ, забудемъ его такъ, какъ-будто оно никогда не существовало для насъ, — обратимся къ будущему. Не скрывай отъ меня ничего, скажи, какимъ-образомъ разорился ты до такой степени; что осталось у тебя...

— Ничего! Ты знаешь, что богатствомъ, котораго мы лишились, я былъ обязанъ только самому-себѣ. Долго судьба благопріятствовала мнѣ во всемъ, и не было предпріятія, котораго бы я не совершилъ съ успѣхомъ. Первые потери мои относятся къ тому вре-

мени, которое прожилъ я для тебя въ Монпелье. Сохрани междъ Боже, чтобъ я хотѣлъ этимъ упрекнуть тебя; но въ это время начало преслѣдовать меня какое-то особенное несчастье, которое тщетно старался я отвратить. Съ тѣхъ самыхъ поръ все, къ чему я только прикасался, исчезало подъ рукою моею. Мысли мои, которыя нѣкогда превращались для меня въ золото, сдѣлались безплодными, и всѣ сѣмена, обѣщавшія обильную жатву, производили только одинъ пепелъ. Ты не знаешь, Эмилія, сколько душевныхъ силъ истратилъ я въ этой ежедневно-возобновлявшейся борьбѣ противъ судьбы и людей! — Въ глазахъ моихъ погибали одна за другою всѣ надежды, но я по наружности оставался спокойнымъ; видѣлъ пропасть, открывшуюся подъ ногами, чувствовалъ, что какая-то неопостижимая сила влекла меня туда — и съ невѣроятною бодростію хватался за все, что хоть на минуту могло замедлить мое паденіе. Сколько разъ, чувствуя, что голова моя горѣла, умъ терялся къ мечтахъ и сердце изнывало ревностію, улыбался я посреди шумныхъ празднествъ, которыми окружалъ тебя, скрывая подъ новою роскошью новое разореніе. Но мнѣ надобно было, — по-крайней-мѣрѣ я такъ думалъ, — мнѣ надобно было предупреждать всѣ твои желанія, чтобъ разсвѣвать твои мысли и не давать тебѣ времени вспоминать прошедшее и грустить о немъ... Собирая обломки моихъ предпріятій, я принимался опять за тяжкую свою работу, не съ надеждою, которая поддерживаетъ другихъ людей, облегчая для нихъ бремя трудовъ и заботы, но съ внутреннимъ сознаніемъ неизбежной гибели — какъ отверженникъ, довершающій свою гибель. Чѣмъ ужаснѣе было угрожавшее мнѣ несчастье, тѣмъ болѣе воспламенялась моя пагубная неустрашимость. Я истощалъ всѣ исчисленія и выкладки, соображалъ всѣ возможности; только одна изъ нихъ была противъ меня, но именно та, которая обманывала всякое предусмотрѣніе и которую неумолимая судьба моя готовила мнѣ въ каждомъ происшествіи, выходящемъ изъ предѣловъ воли человѣческой — въ вихрь, бунтующемъ за нѣсколько миль; въ бурю, воздымающую волны морскія; словомъ, въ какомъ-нибудь изъ тѣхъ внезапныхъ случаевъ, которые заключаютъ въ себя цѣлую будущность. Въ прошедшемъ году, удовлетворивъ послѣднимъ пожертвованіемъ кредиторовъ моихъ, грозившихъ уже моею свободою, я занялъ еще большую сумму подъ залогъ городскаго моего дома, чтобъ поставить се на послѣднюю карту, и нагрузивъ корабль дорогими товарами, отправилъ въ чужіе края. Скоро получилъ я извѣстіе, что онъ достигъ своего назначенія, что товары были всѣ распроданы; но, восторжествовавъ надъ людьми, я не могъ побѣдить судьбы своей! Корабль мой, полный золота, возвращался уже къ берегамъ Франціи, какъ вдругъ на океанѣ поднялась буря и поглотила все мое имущество. Теперь не

осталось у меня ничего, кромѣ нѣсколькихъ червонцевъ, найденныхъ мною въ этихъ ящикахъ, — не осталось даже свободы: она принадлежитъ моимъ заимодавцамъ, которые сейчасъ прійдутъ сюда. Думая, что ты не любишь меня, Эмилиа, я не хотѣлъ прибѣгнуть къ ихъ состраданію и — рѣшился умереть.

— Умереть! вскричала она.

— Да... Но теперь я желалъ бы жить.

— Ремонъ, клянись мнѣ не покушаться на жизнь свою. Не мнѣ совѣтовать тебѣ быть благоразумнымъ и твердымъ; я могу только удивляться тебѣ и молчать. Еслибъ точно я когда-нибудь страдала, что были бы все мои страданія въ сравненіи съ твоими? — Ты могъ сомнѣваться въ чувствахъ моихъ тогда, когда, благодаря тебѣ, я была еще богата и счастлива, но не теперь, когда бѣдность ожидаетъ меня. Ты прежде боролся съ нею одинъ, но съ этого дня будешь бороться, опираясь на меня. Какъ великъ долгъ, за который требуютъ у тебя свободы? Кто тѣ люди, которыхъ ты сегодня ожидаешь? Я брошусь къ ногамъ ихъ, и просьбы, слезы женщины, можетъ-быть, смягчатъ ихъ. Не бойся униженія: я не заражена ложною гордостью — она неприлична въ теперешнемъ нашемъ положеніи! Употреблю все, чтобъ спасти тебя, буду умолять ихъ всѣхъ...

— Нѣтъ! нѣтъ! не всѣхъ, вскричалъ онъ трепещущимъ голосомъ.

— Что съ тобою? спросила Эмилиа, удивленная восклицаніемъ его и смущеніемъ, котораго онъ не могъ скрыть. Отъ-чего ты поблѣднѣлъ?

Не отвѣчая на вопросъ, Ремонъ продолжалъ:

— Еслибъ послѣдняя спекуляція удалась мнѣ, я могъ бы зацѣпить этотъ долгъ; но я отдалъ срокъ платежа и не могу просить отсрочки. Если сегодня поутру я не заплачу двадцати-пяти тысячъ франковъ, тюрьма скроетъ меня отъ свѣта на многіе годы, потому-что черезъ нѣсколько дней потребуютъ съ меня десять тысячъ, черезъ недѣлю восемь, и наконецъ тридцатаго числа двѣнадцать тысячъ франковъ. А для удовлетворенія всѣхъ этихъ требованій у меня есть только та сумма, которую ты даешь мнѣ.

— Но развѣ ты не обращался ни къ которому изъ друзей твоихъ? сказала Эмилиа.

— Друзей, говоришь ты? Я нашелъ только заимодавцевъ, которые ссужали меня деньгами, пока думали, что я могу отдать ихъ. Не говори мнѣ о друзьяхъ! Нѣтъ, никогда не соглашусь я подвергнуться отказу друга! лучше терпѣливо покорюсь моей участи, отдавъ себя въ руки тѣхъ, которые, не обвѣщавъ мнѣ ничего, имѣютъ право во всемъ отказать.

— Но сынъ твой... не-ужь-ли ты стыдился бы прибѣгнуть къ его помощи?

— Фредерикъ ничего не знаетъ.

— Какъ? ты скрылъ отъ него свое положеніе?

— Да. Онъ честенъ, благороденъ и съ радостію готовъ бы былъ пожертвовать мнѣ всѣмъ: я въ этомъ увѣренъ. Но у него нѣтъ ничего, кромѣ какого-нибудь маленькаго капитала, скопленнаго имъ отъ небольшого дохода. Какое право имѣю отнять его у Фредерика? не мнѣ смущать жизнь его... Нѣтъ, Эмилиа, я сужу самъ себя справедливо и не хочу требовать отъ него исполненія сыновняго долга, тогда какъ самъ я не выполнилъ въ-отношеніи къ нему долга отцовскаго. Сначала онъ будетъ сожалѣть обо мнѣ, потомъ забудетъ меня,—вотъ все чего я ожидаю, что заслужилъ отъ него. На-дняхъ я писалъ ему, что согласенъ на его женитьбу, но даже не знаю, кто его увидалъ. Фредерикъ считаетъ меня богатымъ, но я предупредилъ его, чтобъ онъ на меня не полагался. Въ жизнь свою имѣлъ я только одну глубокою привязанность, одну любовь—ту, которую внушила мнѣ ты, и которая одна наполняетъ собою всю мою душу. Кромѣ этой любви ничто меня не трогаетъ, ничто не доходитъ до сердца; я холоденъ ко всему, что не касается до тебя, и хотя не переставалъ страдать съ самаго того дня, какъ увидѣлъ тебя въ первый разъ, но мнѣ кажется, я существую только съ той минуты, какъ полюбилъ тебя.

—Такъ я одна и должна спасти тебя... Сумма, которую я принесла тебѣ, конечно, недостаточна; но предложи ее своимъ заимодавцамъ; между-тѣмъ, мы можемъ найти какое-нибудь средство, которое теперь не прійдетъ на умъ. Я ничего не разумѣю въ дѣлахъ, не знаю до какой степени золото можетъ сдѣлать человека жестокимъ; но во всякомъ случаѣ прежнее поведеніе твое можетъ быть имъ порукою за будущее: ты ничего не сберегъ отъ своего имѣнія. Сколько ты долженъ? пятьдесятъ тысячъ франковъ? Ну, что жъ? трудъ и немного старія скоро доставятъ тебѣ средства освободиться отъ этого долга!

— Нѣтъ, Эмилиа; ты не знаешь еще всего моего несчастія; но я обязанъ открыть тебѣ все. У меня есть другой кредиторъ, которому одному долженъ я втрое болѣе, нежели всѣмъ остальнымъ, и если онъ явится, то все кончено—я погибъ!

—Если онъ явится, говоришь ты? Но кто же этотъ человекъ, котораго ты такъ боишься? Его, можетъ-быть, нѣтъ здѣсь? Можетъ-быть онъ никогда не возвратится?..

— Дай Богъ, чтобъ не возвратился! вскричалъ Ремонъ: — потому что если бъ даже мнѣ стоило сказать одно слово для обезоруженія его, — я не сказалъ бы этого слова: Скорѣе согласился бы и погубить тебя вмѣстѣ съ собою—тебя, которой одну слезу готовъ бы

былъ выкупить всею своею кровиною? Не думай, что я говорю какъ безумецъ, что страхъ поколебалъ мой разумъ, что я жертвую твоею вступленію. Небу неугодно было, чтобъ несчастіе мое осталось неполнымъ и этотъ послѣдній ударъ долженъ довершить его. Въ прошломъ году мнѣ нужны были значительные капиталы; но гдѣ было найти ихъ? Мнѣ уже многіе отказали, и я былъ въ самомъ критическомъ положеніи, какъ вдругъ одинъ посредникъ, не подозревая какую бѣдственную помощь доставлялъ мнѣ, предложилъ въ займы полтора ста тысячъ франковъ. Долго я отговаривался, но искушѣніе было сильно, и въ первый разъ въ жизни я забылъ осторожность, итѣ только въ виду счастливыя оборотъ дѣлъ моихъ. Мнѣ оставался еще двѣдцать годъ, и все по видимому благоприятствовало предпріятію; но я уже сказалъ тебѣ, что корабль, везшій золото, потопленъ бурей. Человекъ, который далъ мнѣ въ займы 150 тыс. франковъ и который, можетъ-быть, сжался бы теперь надъ моимъ положеніемъ, умеръ, и оставилъ все свое имѣніе законному и единственному своему наследнику. Онъ назывался Жоржъ Дюрозе... ты, я думаю, знаешь имя его племянника?

Эмилія опустила голову на грудь, и оба замолчали. Наконецъ, чрезъ нѣсколько минутъ, она взглянула спокойно на мужа и сказала тихимъ голосомъ:

— Благодарю тебя за то, что ты ничего не скрылъ отъ меня. Да, конечно, мы очень несчастны! И еслибъ онъ явился сюда, я не могла бы предложить тебѣ ни совѣтовъ, ни утѣшеній; долгъ мой былъ бы молчать и ждать. Но нѣтъ, онъ не прійдетъ, и самое имя его не будетъ проносимо здѣсь; утаимъ его другъ отъ друга, но будь увѣренъ, что, забывъ прошедшее, я думаю только теперь о настоящемъ и будущемъ. Гдѣ онъ—не знаю, и клянусь тебѣ, никогда не желала знать о томъ.

— Не знаешь и того, что судъ оправдалъ его, что онъ давно уже могъ возвратиться во Францію?

— Въ первый разъ я слышу объ этомъ.

— Я писалъ въ Тулонъ къ нотаріусу, у котораго лежитъ духовная его дяди, и который, послѣ многихъ безуспѣшныхъ справокъ, получилъ наконецъ нѣкоторыя невѣрныя свѣдѣнія. Съ часу-на-часъ дожидишься отъ него письма, которое рѣшитъ мою участь.

— Будемъ надѣяться, сказала Эмилія, вставъ съ кресла: — но... въ свѣихъ, кажется, говорятъ...

— А! это мои кредиторы!

— Оставляю тебя съ ними... Брось неумысленную гордость, Ремонъ! Намъ надобно смириться. Вспомни, что я прошу тебя спасти свою свободу. Прощай, другъ мой. Когда они уйдутъ, прійди ко мнѣ.

Прощай! У меня есть предчувствіе, что судьба перестанет наконецъ насъ преслѣдовать.

Она поспѣшно вышла не оборачиваясь на него. Ремонъ слѣдовалъ за нею глазами, и когда остался одинъ, погрузился въ размышленіе.

— Сердце женщины, думалъ онъ, непостижимая загадка! Безумецъ тотъ, кто любить!.. Съ минуту назадъ я върился, но теперь сомнѣваюсь... Что она дѣлаетъ? думаетъ обо мнѣ, или... Зачѣмъ сказалъ я ей объ этомъ человѣкѣ?.. Однакожь, продолжалъ онъ, взглянувъ на открытую шкатулку, стоящую на столѣ: — еслибъ она говорила нескромно, то для чего предупредила бы мое признаніе, для чего лишила бы себя добровольно этихъ денегъ и отдала ихъ мнѣ? «Брось неумѣстную гордость» сказала она... Хорошо, пусть такъ... я сдѣлаю послѣдній опытъ... Но силы мои истощились; я желалъ бы даже, чтобъ онъ былъ здѣсь; это возбуждало бы во мнѣ энергію...

Бернаръ вошелъ съ докладомъ о пріѣздѣ гг. Привзака, Ромля, Марешала, Томасена и Мореля.

— Здравствуйте, госнода, прошу садиться! сказалъ Ремонъ.

Всѣ пятеро съели, принявъ на себя холодную и вытѣмнутую мнуну, съ которою обыкновенно ожидаютъ дурной вѣсти.

— Чѣмъ бы ни кончилось свиданіе наше, сказалъ Ремонъ:— я желаю оставить вамъ выгодное мнѣніе о себѣ и заставить васъ отдать полную справедливость моей честности. Конечно, я ничего не могъ бы скрыть передъ судомъ; но здѣсь, передъ вами, ничто не препятствовало бы мнѣ утаить отъ васъ многое; однакожь, не смотря на то, я ничего не скрою отъ васъ. Главнаго кредитора моего нѣтъ здѣсь.

— Какъ! вскричали вмѣстѣ Привзакъ и Марешалъ. Другіе помѣнялись между собою безпокойными взглядами.

— Почему жъ вы его не пригласили?

— Его нѣтъ въ Марсели, но вы можете рѣшиться и безъ него. Теперь слушайте. Сумма, которую я долженъ вамъ, не болѣе 55 тысячъ франковъ. Не стану напоминать вамъ о своихъ несчастіяхъ; не скажу, что, не смотря на мою осторожность, судьба разстроила всѣ мои предпріятія; не буду также оправдываться передъ вами въ нѣкоторыхъ издержкахъ, казавшихся вамъ чрезвычными: если вы порицали ихъ, то для чего не давали мнѣ чувствовать порицанія вашихъ средствами, которыя краснорѣчивѣе словъ? Прошу избавить меня отъ упрековъ прежде, нежели рѣшите мою участь. Объявляю вамъ, что для заплаты 55 тысячъ франковъ у меня есть только пятнадцать тысячъ.

Воскликанія неудовольствія и сомнѣнія раздались со всѣхъ сторонъ.

— Пятнадцать тысячъ, продолжалъ онъ: — которыми одолженъ я

великодушнiю г-жи Ремонъ. Она продала бриллыянты свои, чтобъ доставить мнѣ сумму, которую я вамъ предлагаю.

— Сколько же должны вы тому, котораго здѣсь нѣтъ?

— Втрое больше того, что я долженъ вамъ.

— Это совершенное банкротство. Вы даже не можете дать по се-
ня съ половиною за сто?

— Я даю все, что имѣю.

— Хорошо платежъ!

— Вы разорились въ-конецъ!

— Да, если вы будете неумолимы. Послушайте, господь; мнѣ нѣтъ еще пятидесяти лѣтъ, и я доказалъ, что имѣю расторопность и знанiе въ дѣлахъ. Дайте мнѣ сроку только на десять лѣтъ... У меня ниче-
го не было, когда я началъ наживать состоянiе: разбогатѣть вторич-
но такъ же легко какъ и въ первый разъ; я готовъ, если хотите, на-
чать карьеру мою снiзнова. Между вами есть негоцианты: кто изъ
васъ хочетъ взять меня въ прикащики?

— Но кто же за васъ порукою? спросилъ Томасенъ.

— Слово мое. Если жъ его недовольно, ницте вѣрнѣйшей поруки
въ тюрьмѣ. Оставляю васъ совѣтоваться между собою о моемъ пред-
ложенiи и возвращусь узнать ваше рѣшенiе.

— Что жъ намъ дѣлать? спрашивали другъ у друга кредиторы,
оставшись одни.

— Остается ли у него что-нибудь? Есть ли какая-нибудь надежда?

— Кажется, у него есть родственникъ, отставной префектъ.

— Они ужъ поссорились; съ этой стороны нечего надѣяться. Но
вотъ нѣбелъ, которая имѣетъ еще нѣкоторую цѣну.

— Извините, господь, извините, сказалъ Томасенъ: — онъ мнѣ дол-
женъ 15,000 франковъ. Этотъ домъ, изъ котораго я имѣю право вы-
гнать его, принадлежитъ мнѣ, и я не уступавамъ здѣсь ни гвоздика.

— Помните ли, какъ безразсудно моталъ этотъ человекъ въ пер-
вое время своей женитьбы, — и все для жены!.. Какiе давалъ ей
праздники!

— О, чудесные! я бывалъ на нихъ.

— И я также.

— Вотъ до чего довели они!

— Еслибъ онъ послушался меня...

— Онъ самъ виноватъ во всемъ.

— Если у него ничего нѣтъ, какая намъ польза посадить его въ
тюрьму? Не лучше ли взять эти 15,000 франковъ и раздѣлить ихъ
между собою?

— Не хочу ни одной копейки и ни на что не соглашаюсь, воз-
разилъ Томасенъ.

Въ это время дверь отворилась и какой-то человекъ, никому изъ нихъ незнакомый, вошелъ въ комнату.

— Позвольте спросить васъ, господа, зачѣмъ вы здѣсь? сказалъ онъ, холодно но учтиво поклонясь имъ. — Я вижу, продолжалъ онъ, что вопросъ мой удивляетъ васъ; но у меня, можетъ-быть, есть важная причина знать, зачѣмъ вы въ этомъ домѣ. Вы говорили о деньгахъ: у васъ въ рукахъ бумаги, векселя... Не кредиторы ли вы г-на Ремона?

— Точно такъ, сказалъ Привзакъ: — а вы конечно изъ нашихъ товарищей?

— Что же? Подъ Ремонъ банкротъ, или нѣтъ? онъ сдѣлалъ вамъ какія-нибудь предложенія?

— Очень-сомнительныя.

— И вы ихъ приняли?

— Нѣтъ, я не принималъ! вскричалъ Томасенъ. Незнакомецъ поспѣшно обратился къ нему и улыбнулся презрительно, взглянувъ на узкій и короткій лобъ, подлую и безсмысленную физиономію этого человека, рожденнаго не ощущать никакой другой страсти, кромѣ жадности къ деньгамъ.

— Къ чему послужили бы намъ крайнія мѣры? сказалъ Привзакъ.

— Къ тому, чтобъ помѣшать ему обманывать и плутовать.

— Вы говорите правду, отвѣчалъ незнакомецъ, бросая другой презрительный взглядъ на Томасена:—но отъ-чего друзья г. Ремона не хотятъ помочь ему?

— У него, кажется, нѣтъ друзей.

— У него были друзья... По-крайней-мѣрѣ, жена его...

— У нея была старая тетка, которая умерла въ бѣдности, отъ-того что ввѣрила капиталъ свой г. Ремону: Жена его также во многомъ виновата. Если онъ дѣлалъ безразсудныя издержки, все это для нея же.

— Позвольте мнѣ посмотреть векселя ваши. Я пришелъ въ Марсель именно за этимъ.

— Вотъ вексель въ десять тысячъ франковъ; срокъ—завтра.

— А вашъ?

— Въ восемь тысячъ; срокъ тотъ же.

— Вашъ?

— Въ 15,000, сказалъ Томасенъ — и я имѣю право послѣдовать въ тюрьму.

— Стало-быть, всего-на-все пятьдесятъ-пять тысячъ.

— Только сорочъ; потому-что г. Ремонъ предлагаетъ заплатить намъ пятнадцать тысячъ, которыя лежатъ въ этой шкатулкѣ.

— Господа, вотъ векселя на здѣшнихъ банкировъ; посмотрите подписи. Какъ вы находите ихъ?

— Какъ-нельзя-надежныѣ.

— Такъ пойдемте же со мною. Но прежде напишите г. Ремону, что вы съ своей стороны отказываетесь отъ всякаго преслѣдованія, и что передали векселя свои...

— Кому, гоеударь мой? какое имя должно написать?

— Оставьте пустое мѣсто, я самъ его напишу, потому-что скоро возвращусь сюда. Мнѣ пріятно будетъ обрадовать его неожиданно...

VII.

ПОДАРОКЪ.

Не прошло десяти минутъ по уходѣ ихъ, какъ Ремонъ, который, сидя у жены, дожидался конца ихъ совѣщанія, и вида, что они за нимъ не посылали, рѣшился самъ войти въ комнату и былъ чрезвычайно удивленъ, найдя ее пустою. Бернаръ, занятый въ саду, не зналъ, что гости вдругъ исчезли, и не могъ сказать, куда они дѣвались. Ремонъ подошелъ къ столу, на которомъ оставалась шкапулка и глаза его остановились на бумагѣ за пятью подписями кредиторовъ его; онъ прочелъ, не понимая, что могло заставить ихъ отказатьсь письменно отъ ихъ требованій, но скоро не увидѣвъ уже ничего больше, кромѣ благаго мѣста, таинственно-раздѣляющаго подписи. Онъ вивъ и трепеща отъ страха, который безпрестанно увеличивался, онъ смотрѣлъ на эту бумагу и въ тревожномъ воображеніи его одна за другой являлись буквы, представлявшія вмѣстѣ неопытное и грозное имя.

— Ну что, какой отвѣтъ? сказала Эмилиа, тихо отворивъ дверь.

Ремонъ смялъ бумагу и, превозмогая свое смущеніе, сказалъ:

— Они на все согласны.

— Ну, вотъ видишь, я не напрасно надѣялась.

— Да. Предчувствіяя не нельзя не вѣрять; они никогда не обманывали меня.

И, произнеси эти слова, онъ отвернулся.

— Однакомъ, возразила Эмилиа: — ты теперь, кажется, еще боишься смущенъ, нежели тогда, какъ не зналъ еще, что они скажутъ. Они согласились, можетъ-быть, на какихъ-нибудь тяжкихъ условіяхъ. Можетъ-быть, оскорбили тебя обидными упреками. О! я знаю, вслѣдствіе все это касалось до тебя одного, ты не снесъ бы этихъ оскорбленій; но ты думалъ обо мнѣ, ты для меня только казался покорнымъ...

— Не благодарь меня, Эмилиа! прервалъ Ремонъ съ горестью. — Они простерли великодушіе свое даже до того, что избавили меня отъ этого труда. Ты приписываешь мнѣ доброе свойство, котораго нѣтъ у меня.

— Что нужды! У тебя есть въ глазахъ моихъ другіа безцѣпныя достоинства. Ты боишься, чтобъ бѣдность не испугала меня? Ошибаешься, другъ мой; я давно приготовилась къ ней и теперь смотрю на нее безъ страха: она шла медленно, шагъ-за-шагомъ, и потому не испугала меня. Мы теперь должны жить тихо, скромно, не давая праздниковъ, не бѣгая за удовольствіями, но за то будемъ наслаждаться взаимною нашею довѣренностію, не имѣя ничего скрытнаго другъ-отъ-друга. Несчастіе имѣетъ ту выгодную сторону, что обнаруживаетъ чувства преданности, которымъ не вѣрятъ въ счастіи... Но перестанемъ терять время въ бесполезныхъ сѣтованіяхъ. Скажи, что ты намѣренъ дѣлать? могу ли я быть тебѣ чѣмъ-нибудь полезною? Я не должна ограничивать себя терпѣливымъ ожиданіемъ минуты, когда ты возвратишь мнѣ прежнія удовольствія, богатство и роскошь. Я никогда не желала ихъ и оставляю безъ сожалѣнія; но намъ остается драгоценнѣйшее изъ всѣхъ сокровищъ—твоя свобода...

— До-тѣхъ-поръ, пока явится этотъ человѣкъ.

— Зачѣмъ думать безпрестанно о немъ? онъ не возвратится... Кто знаетъ, что могло съ нимъ случиться въ эти восемь лѣтъ.

Чьи-то скорые шаги громко раздались по лѣстницѣ, и Фредерикъ, вбѣжавъ въ комнату, бросился въ объятія отца.

— Фредерикъ! вскричалъ Ремонъ, остолбенѣвъ отъ этого неожиданнаго явленія, и не бывъ въ-состояніи произнести ни одного слова, прижалъ сына къ груди своей. Не смотря на недоувѣрчивость и суровость своего характера, этотъ несчастный, который только однажды уступилъ заблужденію непреодолимой страсти, вдругъ почувствовалъ, что душа его открылась нѣжными впечатлѣніямъ. Кротость Эмилии, любовь и покорность сына, смягчили наконецъ это желѣзное сердце. Ремонъ любилъ теперь какъ мужъ, какъ отецъ, безъ подозрѣнія, безъ скрытности. — Фредерикъ, сказалъ онъ, отирая слезу: — Фредерикъ! Эмилиа! я до-сихъ-поръ не зналъ еще васъ. О, зачѣмъ блаженство, которое вы доставляете мнѣ, должно быть мгновеннымъ? Въ какую несчастную минуту возвратился ты, другъ мой. Я не хотѣлъ увѣдомить тебя о своемъ положеніи, но теперь не могу уже таить его отъ тебя ни минуты...

— Мнѣ все извѣстно! сказалъ молодой человѣкъ. — Слухи, хотя невѣрные, дошли ко мнѣ, въ Роанну, и я тотчасъ поспѣшилъ къ вамъ. Теперь я вижу, что вы разорились; несчастіе ваше больше еще, нежели вы воображаете.

— Ты пугаешь меня, Фредерикъ, вскричала Эмилиа. — Говори правду.

При этомъ полу-открытіи, физіономія Ремона приняла страшное выраженіе. Онъ сдѣлался недвижимъ и стоялъ сложа руки на-крестъ.

какъ челоуѣкъ, который готовъ на все, и котораго не можетъ уже удивить никакое несчастіе.

— Простите, сказалъ Фредерикъ: — если осмѣлюсь сдѣлать вамъ одинъ вопросъ. Я воспитанъ далеко отъ васъ, но любовь моя къ вамъ никогда не ослабѣвала. Обстоятельства, и ваша воля, которой я покорялся, находя ее, впрочемъ, слишкомъ жестокою, всегда почти разлучали насъ, и я ничего не зналъ о происшествіяхъ, возмутившихъ жизнь вашу; но теперь, что бѣ вы ни отвѣчали мнѣ, я не позволю себѣ судить поступки ваши. О, нѣтъ! Еслибъ даже правый свѣтъ объявлялъ васъ преступникомъ, и тогда вы остались бы менины въ глазахъ вашего сына. Позвольте же мнѣ спросить васъ, живъ ли челоуѣкъ, который имѣлъ бы никогда справедливую или несправедливую причину на васъ жаловаться? челоуѣкъ, имѣющій право обвинять васъ, говорить, что вы обманули его и... называвъ васъ безчестнымъ?

— Что тебѣ до этого? спросилъ Ремонъ.

— Я уже предупредилъ васъ, что не осмѣлюсь судить васъ, и говорю это въ отсутствіи госпожи Ремонъ, замѣнившей мнѣ мать — потому что она любитъ и почитаетъ васъ, какъ я, и что она также имѣетъ свою долю въ этомъ обвиненіи.

— Я?.. спросила Эмилиа, занималась.

— Да; по словамъ его, вы оба, съ общаго согласія, поступили съ нимъ безчестно, нарушивъ данное слово и употребивъ во зло его доверенность... Повторяю вамъ, я презираю эти дерзкія слова, но вы знаете, что существуетъ челоуѣкъ, который можетъ обвинить васъ?!

— Да, отвѣчалъ Ремонъ дрожащимъ голосомъ: — мы знаемъ его!

— И челоуѣкъ этотъ въ полномъ разсудкѣ? онъ не изъ тѣхъ несчастныхъ, у которыхъ нельзя требовать отвѣта въ клеветѣ, промѣнчившей въ сумасшествіи? не правда ли, можно безъ угрызенія совѣсти обвинять противъ него лгаву, или прицѣпиться пистолетомъ въ грудь его?

— Какъ? онъ соглашается на соединеніи! вскричалъ Ремонъ: — онъ ищетъ только этого мненія... Слава Богу!

— Остальное до меня не касается, отвѣчалъ Фредерикъ. — Близкишла, обвиняйте меня еще; черезъ часъ у васъ уже не будетъ сына, и тогда вы останетесь въ рукахъ этого челоуѣка, или черезъ насъ я васъ избавлю отъ него.

— Фредерикъ! я запрещаю тебѣ подвергать жизнь свою опасности.

— Власть ваша теряетъ свою силу тамъ, гдѣ говоритъ честь моя; онъ звалъ меня къ себѣ; но вмѣсто искреннаго и дружескаго гостеприимства, осыпалъ меня ругательствами, оскорбилъ во всемъ, что для меня священно; осмѣлился порочить ту, которую я люблю и которую вы позволили мнѣ назвать своею женою. Я отвѣчалъ на

вотъ бѣшеный порывъ; какъ приказанная мѣра чести, назначенная на завтра, назначенъ былъ въ слѣдующее утро, но въ это утро онъ вдругъ пошелъ, оставивъ мнѣ письмо, въ которомъ открылъ истиннѣе свое имя и увѣрилъ меня, что мы скоро встрѣтимся опять. Я видѣлъ его сейчасъ: онъ шельмъ съ шибко короткое объясненіе, въ которомъ онъ сказалъ, что узналъ меня не сходству съ вами, и, не имея средствъ отплатить вамъ самимъ, вознамѣрился обратить вниманіе свое на вашего сына; назвался д'Аржелемъ, для того, чтобъ истинное имя его не возбудило во мнѣ подозрѣній и осторожности. Онъ сію-минуту только вышалъ отсюда, невидавшись съ вами, но долженъ скоро возвратиться, чтобъ дѣйствовать противъ васъ съ всюю жестокостію злодѣя. Бѣгите же, батюшка, бѣгите вѣстеръ съ своимъ сумракомъ отъ этого непримиримаго врага, котораго ни просьбы, ни слезы ни умнѣнны не въ-силлахъ. Я хотѣлъ было идти къ нему; но предупредивъ васъ, но перемѣнилъ намѣреніе и рѣшаюсь ждаль его-адѣсь. Свобода моя отъ него безопасна; надлѣднѣя Жоржа Дюросе дѣлженъ закатить сперва долгъ чести, облыбавующій Шарля Веррона).

Съ самой той минуты, какъ Фредерикъ началъ говорить, Эмиліа ожидала услышать имя Веррона; но когда оно было произнесено, никакое новое смущеніе не обнаружилось на лицѣ ея, и душа ея осталась по-прежнему закрытою книгою для Веррона.

Фредерикъ продолжалъ:

— Не отчаивайтесь; вамъ надобно принять скрывать и радительная мѣры; потеряю, онъ будетъ неумолима, и вамъ-же стѣно бѣшенъ отъ него. Пріѣхавъ сегодня ноутру въ Марсеиллю, началъ не узнавъ, что черезъ два дня отпрѣдѣлетъ корабль въ Америку; на немъ есть еще мѣсто для нѣсколькихъ пассажировъ. Уважайте! Прощу, поклонно васъ, уважайте!

— Ужата? сказалъ Ремонъ. — Но знаешь ли ты, что мнѣ-то останется даже и этого послѣдняго средства?.. Да, и не достаточно идти продать хлѣба насущнаго въ чужой земль. Несчастіе пришло сюда, а здѣсь и оставило для только на выборъ сторуку или сапоубійство. Взгляни... продолжалъ онъ, надежда Фредерика къ бѣре: — вотъ все мое состояніе!

— Одинокожь, сынъ твой говоритъ приду, сказала Эмиліа. — ни должны необходимо бѣжать отъ этого чалодѣя, избѣгнеть его мнѣніа... О! я съ радостію послѣдую вездѣ за тобою... Ты въ этомъ не сомнѣваешься, Ремонъ, не правда ли? Позволяю мнѣ дѣйствовать.

— Что ты хочешь дѣлать?

— Обычай мнѣ только не показываться ему на глаза; прося гдѣ-нибудь убѣжища, въ которомъ, наконецъ, никто тебя не откажетъ, скройся въ какомъ-нибудь домѣ, на пристани, куда я приду къ тебѣ съ Фредерикомъ.

Потомъ, обращаясь къ молодому человеку, она сказала:

— Подите сюда; мнѣ нужно поговорить съ вами.

Въ голосѣ, во взорѣ, въ движеніи ея была какая-то дѣстерженность, которую Ремонъ прежде не замѣчалъ въ ней. Она хотѣла бы что говорить, но она заставила его молчать.

— Не дѣлай мнѣ никакихъ вопросовъ, сказала она: — я не буду отвѣчать на нихъ. Цѣлыя восемь лѣтъ я была номорна и тренетами твоей власти. Но теперь хочу повелевать въ свою очередь; хочу спасти тебя — и спасу. Но ты не узнаешь, тяжела или легка будетъ для меня эта послѣдняя жертва, которую я принесу тебѣ. Завтра Эмилиа сдѣлается опять рабою твоею; но сегодня ты долженъ повиноваться ей. Бѣги! я этого требую. Черезъ два часа буду съ тобою, но теперь бѣги, или, прибавила она шепотомъ: — я все разскажу твоему сыну. Я знаю, сударь, что сдѣлано было некогда; знаю кто писалъ письмо, приведшее изъ Испаніи; знаю, что Вернонъ былъ вашимъ другомъ. Тетка моя, дѣйствовавшая заодно съ вами, перады смертию открыла мнѣ все, прося у меня прощенія въ томъ, что была вашимъ сообщницею. Бѣгите же, судари! Пусть свѣтъ говоритъ, что жена ваша не покинула васъ, потому что вы сдѣлали ее несчастливою.

Въ первый еще разъ въ жизни Ремонъ уступилъ; онъ склонилъ голову предъ этою волею, такъ долго молчавшею, но проявившеюся вдругъ съ такою силою, съ такимъ упорствомъ. Онъ вышелъ, не сказавъ ни слова. Эмилиа увидѣла въ окно, какъ онъ, пройдя садъ, направилъ шаги свои сторонней дорогою къ пристани.

— Подите за мною, сказала она Фредерикку.

Оба они вошли въ комнату, занимаемую ею на противоположномъ концѣ дома:

Минуту черезъ двадцать послѣ этой сцены, молодой человекъ пробѣжалъ черезъ гостиную и былъ въ передней остановленъ Ремонемъ.

— О чемъ она говорила съ тобою? спросилъ онъ. — Я хочу знать..

Она на меня жаловалась, не правда ли?

— Вы къ ней несправедливы, батюшка, отвѣчалъ Фредерикъ. —

Она васъ любитъ. Я оставилъ ее одну; она заверилась и не отпереть двери до-тѣхъ-поръ, пока я не прийду за нею, чтобъ проводить къ вамъ... Но зачѣмъ же вы еще здѣсь? Этотъ человекъ можетъ прийти сію минуту.

— Что она сказала тебѣ? Чего требовала отъ тебя? повторилъ Ремонъ.

— Общанія, которое я далъ ей въ надеждѣ, что оно заставитъ насъ удалиться. Она хочетъ, чтобъ, разставшись со мною, вы не боились за жизнь свою. Не упрекайте меня въ трусости, не думайте, чтобъ я не умѣлъ чувствовать оскорбленій, нанесенныхъ вамъ и мнѣ, — но я общалъ ей не драться съ Вернономъ потому только, что это,

как говорить ей, одно средство склонить васъ къ побѣгу. Я сдержу свое слово, если вы этого пожелаете.

— Не дерись съ ней, Фредерикъ! Она хорошо сдѣлала, что пришла и просила тебя... Онъ убилъ бы тебя... онъ счастливъ во всемъ, счастливъ всегда! Одинъ я не живу ни въ чемъ удачи... Но буду я жить или пить, во всякомъ случаѣ заклинаю тебя оставить мщеніе. Ты не знаешь, что такое ненависть, другъ мой... Наконецъ, если вы оба того хотите, скажи, какія средства предлагаетъ она для побѣга... Отвѣдай же. Я вижу, что и это тайна; но ты мнѣ долженъ отгнать ее, или я остаюсь.

— Вы увидите ее, батюшка. — Госпожа Ремонъ полагала, что вистъ здѣсь нѣтъ и не требовала отъ меня молчанія; впрочемъ то, что она дѣлаетъ, не имѣетъ нужды въ открытости; я сказалъ уже, что черезъ часъ мы должны были прійти къ вамъ; тогда она, безъ сомнѣнія, сама сказала бы вамъ, откуда взяла деньги, которые мы хотѣли вамъ доставить. Отдавъ вамъ 15,000, вырученные за бриллы, она поручила мнѣ отнести къ знакомому ей ювелиру оставшееся у нея богатое жемчужное ожерелье, чтобъ...

— Жемчужное ожерелье?

— Да, вотъ оно, въ этомъ футлярѣ.

— Я не дарилъ ее этимъ ожерельемъ! вскричалъ Ремонъ, вытаскивая футляръ изъ рукъ сына.

— Знаю, отвѣчалъ Фредерикъ. — Она сказала мнѣ, что получила его въ наследство отъ матери и, разставаясь съ нимъ, плакала.

Ремонъ разсматривалъ ожерелье, которое видѣлъ въ первый разъ; вдругъ глаза его на минуту закрылись и правая рука крѣпко прижалась къ груди, какъ-бы стараясь удержать въ ней сильное біеніе сердца... Несчастный разглядывалъ вензель, вырванный на формулярѣ.

— Хорошо... сказалъ онъ. — Дѣйствительно, я вспомнилъ теперь... Да, эта жертва должна дорого стоить ей; я понимаю, почему она хотѣла сдѣлать последнее... Пить! вскричалъ онъ, бросаясь въ кресла. — Этого уже слишкомъ много... Я побужденъ!

— Побужденъ мною, сказалъ вдругъ вонзидшій Вернонь.

Ремонъ вскочилъ, спряталъ на груди своей ожерелье и бросился къ нему.

— А! наконецъ ты здѣсь! Сынъ мой! продолжалъ онъ, говоря Фредерику. — возвратись къ г-жѣ Ремонъ, скажи ей, что ты оставилъ меня съ смертельнымъ врагомъ моимъ. Я заочно прощаюсь съ нею, потому что вѣроятно болѣе не увижу ея. Больше я ничего не могу сказать ей. Она знаетъ, что для нея лучше — удалиться, или остаться здѣсь.

И, проводивъ его до дверей, онъ прибавилъ ему на-ухо:

— Уведи ее отсюда волею или неволею.

Онъ затворилъ дверь за Фредерикомъ и подошелъ къ Вернону; оба несколько минутъ стояли молча, смотря другъ на друга — одинъ съ отчаяніемъ и яростію, другой холодно, прерывающе, немолочно, какъ судьба. Вернонъ первый заговорилъ:

— Ты ждалъ меня, не правда ли?

— Да.

— Ты знаешь, что ты въ рукахъ моихъ?

— Да.

— Что я, въ свою очередь, могу уничтожить все твои радости?

— Послушай, Вернонъ; оставь пустыя слова, оставь оскорбленія и угрозы. Вражда наша такова, что въ ней сближается обидчикъ съ обиженнымъ. Будемъ врагами, но не станемъ напоминать другъ другу о причинѣ вражды. Вспомни только, что въ одинъ вечеръ, въ тотъ, когда мы видѣлись съ тобою въ послѣдній разъ, ты просилъ меня наказать тебя твоего соперника и проводить тебя къ нему; вспомни, что ты хотѣлъ сразиться съ нимъ на смерть, почитая всякое другое мщеніе для себя недостаточнымъ. Этотъ несчастливый соперникъ передъ тобою; для чего жъ ты не вызываешь его? Развѣ ненависть твоя ослабла, или въ тебѣ нѣтъ уже прежней храбрости?

— Безумецъ! отвѣчалъ Вернонъ. — Тебѣ ненужно вспоминать прошлаго; ты самъ забываешь, что судьба наша различна! Я, изгнавъ, обманутый тобою и той, которую любилъ болѣе всего въ мірѣ, всѣми горестями своими я обязанъ тебѣ. Я оспаривалъ голову слона у палача, жизнь свою у страданій, и если еще существую, то потому только, что имѣлъ довольно воли, чтобъ не умереть. Когда же возвратился я во Францію, мнѣ было уже все известно. Я стерпѣлъ стыдъ и согласился оставить тебя наслаждаться спокойно, можетъ быть, безъ угрызеній совѣсти, плодами твоего вѣродомства. Но однажды люди, посвѣтившіе меня въ моемъ уединеніи, сказали мнѣ: «Вернонъ, ты разбогатѣлъ; повѣжай въ Марсель; тамъ ожидаетъ тебя огромное наследство.» Я улыбнулся этой жалкой вѣсти. «Нѣтъ, это не шутка, Вернонъ: дядя твой, г. Дюрозэ, умеръ и оставилъ тебѣ все свое имѣніе.» — Не повѣду, отвѣчалъ я. — «Домы, капиталы, корабли съ грузомъ.» — Не повѣду. — «Ваксаль, подающій до взысканію на одного обанкротившагося негоціанта, Поля Ремона...» — Поля Ремона?.. О, эду! вскричалъ я, съѣвъ въ почтовую коляску и поскакавъ въ Марсель. Понимаешь ли теперь, что съ моей стороны было бы большое безразсудство, еслибъ я бѣжалъ за нечестнымъ мщеніемъ тогда, когда небо сберегало для меня вѣрное мщеніе, которое не можетъ миновать рукъ моихъ? Сперва мнѣ надобно расчитаться съ тобою, а послѣ уже съ сыномъ твоимъ. Не думай, чтобъ я еще страдалъ, Ремонъ, нѣтъ; но я ненавижу тебя за все мое страданіе; я держу тебя подъ ногою моею, и еслибъ даже позволилъ тебѣ

встать, еслибъ рука твоя въ ту же самую секунду опустилась на шее моей пятно безчестія, то и тогда я остался бы кладокровникомъ я, презирая это новое оскорбленіе, оказалъ бы, какъ говоритъ теперь: «Законъ отдалъ мнѣ свободу этого человѣка; приступите къ исполненію закона.»

— Ты торжествуешь, Вернонъ; но не смотря на мое униженіе, я знаю куда нанести тебя ударъ. Будь неумолимъ, не щади меня, — я также не буду имѣть къ тебѣ состраданія. Ты хвастаешься неустойчивостію, которая, будто-бы, тебѣ неизвестна. Ты ужъ не страдаешь, говоришь ты? Ты лжешь! Я знаю въ какихъ неслыханныхъ признакахъ обнаруживаются страсти, и какія страсти вырываютъ на лицѣ глубокія морщины. Отъ-чего волосы на головѣ твоей побѣлѣли такъ рано? Отъ-чего глаза твои померкли? Развѣ я не вижу, что любовь еще не совсѣмъ потухла; желаніе, безпрестанно возраждающееся, состарѣло тебя прежде времени? Тебѣ забыть ее? О! никогда не забудешь ты ея! И если мстишь мнѣ, то за то только, что она любитъ меня. Съ какою радостію ты промѣнялъ бы все богатство свое на то сокровище, которымъ я обладаю! Не ты, Вернонъ, а я счастливъ, я богатъ — въ тысячу разъ богаче тебя, потому что не могу выключить ничего изъ воспоминаній моихъ, не изъю дня, котораго бы хотѣлъ вырвать изъ своей жизни. Всѣ дары любви моей были мнѣ возвращены, всѣ тѣ, которые получены мною принадлежать мнѣ навѣки; и я могу показать ихъ моему отверженному сопернику. Но, еслибъ я хотѣлъ выкупить свободу свою, — у тебя не стало бы всего твоего золота, чтобъ заплатить мнѣ... Узнаешь ли ты это ожерелье?

— Оно мое! вскричалъ Вернонъ. — Боже! она сохранила его!

— Не говорилъ ли ты сейчасъ, что ужъ не любишь ея? Отъ-чего пустая, безразсудная надежда привела тебя въ такое смущеніе, что заставила высказать тайну сердца? Ты мнѣ завидуешь, не правда ли?

— Отдай мнѣ его!..

— Прочь! кричалъ Ромонъ, оттолкнувъ его отъ себя. — Никогда силы наши были равны, но и теперь руки наши переломились бы въ схваткѣ прежде, нежели удержали бы или уступили это сокровище. Сауваф. Я не покидалъ его у Эмили; — ты не найдешь на этомъ ожерельѣ ни знаковъ ея поцалуевъ, ни слѣдовъ слезъ ея. Въ самый день свадьбы, она отдала его мнѣ; она рассталась съ нимъ добровольно и съ-тѣхъ-поръ позабыла совершенно и о немъ, и о томъ, кто ей подарилъ его. Что жъ, хочешь ли еще, чтобъ я уступилъ его тебѣ?

— Да.

— За эти векселя?

— Я разорву ихъ.

— И я буду свободенъ?

— Свободенъ.

— Ты бржуешь, если думаешь искупить меня! Развѣ я не сказала тебѣ, что буду такъ неумолимъ? Мнѣ уступилъ тебе злотъ, подарилъ, а проворни я не зналъ, что онъ получилъ отъ лаба! Но развѣ ты не понимаешь, что еслибъ она любила тебя, то сохранила бы его у себя. Она отдава мнѣ его какъ честная и добродѣтельная женщина. Я осквернилъ бы его, еслибъ искупилъ имъ свою свободу; былъ бы недостойнъ любви ея. Она забыла тебя для меня, для меня измѣнила тебя. О возвращеніи твоёмъ въ Монпелье я узналъ отъ нея. И злотъ сигналъ, котораго ты дожидался, эта свѣча на окнѣ ея, была поставлена для того только, чтобъ удержать тебя въ саду и дать мнѣ время возвратиться, удалить тебя.

— Ты лжешь!

— Я говорю правду; и пусть эта правда будетъ жестокою, смертельною обидою, которую я бросаю тебѣ въ лицо.

Въ эту минуту вошелъ Бернаръ.

— Госпожа Ремонъ, сказалъ онъ: — сейчасъ увидела съ господиномъ Фредерикомъ.

Лучъ радости мелькнулъ на лицѣ Ремона.

— Бернонъ! вскричалъ онъ: — ты слышалъ, что я предоставилъ на ея волю удалиться или остаться здѣсь? Ты надѣялся увидѣть все по твоему и въ нечего уже выключать ее правды тебѣ; я оставилъ тебѣ.

УНІ.

Мелкая голъ.

Последній слеза Ремона поразила Вернона, такъ-сказать, посреди торжества его. Не продолжая болѣе безцѣльной борьбы, Ремонъ отдался добровольно въ руки людей, пришедшихъ съ послѣдникомъ Жоржемъ Даррелъ, и Бернаръ продолжалъ адъ господиномъ своимъ, имѣя предъ глазами его приказанія. Оставилъ одинъ въ этомъ опустѣвшемъ домѣ, Вернонъ ходилъ по комнатамъ его и уединеннымъ делалъ садъ, несколько разъ намаревался удалиться; но какаго-то неосторожия сила привлекла его къ этому печальному жилищу. То углы, то возвращалась опять; онъ искалъ безпокойнымъ вѣтромъ каждаго шороха; олдѣлъ недавняго присутствія той, которую любилъ такъ пламенно, и спрашивалъ все предметы, какъ-будто ожидалъ, чтобъ эти немые и безчувственные свидетели оудивились и сказали ему. Скоро наступила ночь, и Вернонъ въ чрезвычайномъ

смущеніи сошелъ на морской берегъ. Спокойствіе и тишина природы противорѣчили волненію души его. Онъ желалъ бы, чтобъ затла небесныя померкла, чтобъ вдругъ завылъ буря и зарывали во мракъ разъяренныя волны. Но небо было ясно; томный свѣтъ луны дробилъ на волнѣхъ темныя берега, и легкое дуновеніе вѣтерка едва колебало серебряную поверхность моря.

Долго стоялъ онъ, погруженный въ размышленія, прислонясь къ скалѣ, которая уединенно возвышалась посреди берега; но вдругъ поднялъ голову, услышавъ бой часовъ, раздавшійся въ отдаленіи; и сказалъ съ глубокимъ вздохомъ:

Этотъ колоколъ звучитъ въ тишинѣ ночи въ тотъ самый вечеръ, когда я бѣжалъ отъ моихъ преслѣдователей. Онъ раздавался на морскомъ берегу, отъ котораго люди, бывшіе со мною, не могли оторвать меня. Я прислушивался къ нему, какъ къ послѣднему прощанію милаго существа, какъ къ дежному голосу, додевающиму до меня свѣтъ пространства эира и повелѣвавшему надѣяться. Безумецъ! Развѣ сердце мое не забилося отъ радости, когда я увидѣлъ, наконецъ, сигналъ, котораго ожидалъ! Но теперь—что мнѣ дужды который часъ возвышаетъ этотъ колоколъ? Онъ промчится такъ же, какъ и тотъ, котораго смѣяется, и я не увижу болѣе до мрака отдаленнаго свѣта!

Онъ возвратился къ дому, гдѣ у одного изъ открытыя оконъ горѣла свѣча. Вернонъ вскрикнулъ отъ удивленія. Почти упавъ на камень, служившій ему опорой, онъ еще сомнѣвался, не смотритъ ли свѣдѣтельство глазъ своихъ, и спрашивалъ самого-себя, не былъ ли это обманъ его воображенія. Кто могъ прійти туда послѣ него? Неужь-ли, полагаясь на его отсутствіе, кто-нибудь укрывся въ этомъ домѣ, который онъ считалъ пустымъ? По какому странному случаю свѣча эта зажглась въ самую ту минуту, какъ онъ, увлекаясь воспоминаніями, мысленно перенесся въ прошедшее?—Такъ размышлялъ онъ нѣсколько времени, и долго не могъ выйти изъ оцѣпенѣнія, которое овладѣло всеми членами и приковывало его къ одному мѣсту. Наконецъ, ему показалось, будто какая-то тѣнь, приближаясь къ окну, стала между глазами его и лампою. Онъ помыкнулся ближе; но тѣнь, все неподвижная, росла не мѣръ его приближенія и стала гаснѣть постепенно на свѣтлой атмосферѣ, напоминавшей туману. Болѣе на каждомъ шагѣ, чтобъ это видѣніе не исчезло, Вернонъ почти прошепталъ берегъ, вбѣжалъ на тропинку, проложенную между скалами; окружавшими пристань, и въ нѣсколько секундъ перешелъ пространство, отдѣлявшее его отъ дома. Свѣча продолжала еще горѣть; но тѣнь уже скрылась. Онъ остановился, чтобъ перевести духъ, занявшійся въ немъ отъ сильнаго бѣшенія сердца, потому приближалъ

опять, бросая на лестницу, толчком растворилъ предъ собою всѣ двери и вошелъ въ одну изъ внутреннихъ комнатъ.

Тамъ сидѣла какая-то женщина.

— Эралия! вскричалъ Вернонъ.

Она встала тихо и движеніемъ руки запретила ему подходить ближе; но запрещеніе это было напрасно: Вернонъ стоялъ какъ окаменѣлый, потерявъ голосъ, едва дыша и устремивъ глаза на одно мѣсто, какъ человекъ, который борется подъ вліяніемъ какого-то страшнаго сна.

— Несчастный! произнесла она шепотомъ: — несчастный! сколько страдалъ онъ!.. Потомъ продолжала, обратясь къ Вернону: — Я васъ ждала, сударь. Зная, что послѣ нашего отъѣзда вы остались въ этомъ домѣ; я пришла сюда одна, чтобъ видѣть васъ и просить сжалиться надъ нами; но васъ здѣсь не было; я хотѣла уже уйти, какъ вдругъ, при свѣтѣ луны, увидѣла изъ этого окна кого-то, прохаживающагося по берегу. Какое-то тайное предчувствіе сказало мнѣ, что это вы, и я старалась дать вамъ себя замѣтить. Теперь отвѣчайте; прервите это молчаніе, которое пугаетъ меня... Отъ-чего вы трепещете? Не вамъ, а мнѣ должно трепетать передъ вами и въ смиреніи преклонить голову.

— Вы ошибаетесь, отвѣчалъ Вернонъ, стыдясь, что обнаружилъ свое смущеніе. — Вы ошибаетесь. Если ямя, которое я не долженъ было проносить; вырвалось изъ устъ моихъ, вы не имѣете нужды напоминать мнѣ о различіи нашего положенія, потому что смущеніе мое, которое тамъ увидѣло васъ, произошло совсѣмъ отъ другой причины... Вы желали со мною говорить? Что вамъ угодно? чего вы отъ меня ожидаете?

— Свободы моего мужа.

— Вамъ извѣстно, что мнѣ съ нимъ видѣться; онъ самъ не просилъ меня о томъ.

— Онъ не долженъ былъ просить васъ; но жена его была бы преступна, еслибы оставила его.

— Если вы этого требуете, то я, какъ кредиторъ, согласенъ для слушать ваши предложенія. Впрочемъ, онъ присладеъ васъ сюда?

— Нѣтъ, сударь; и какъ бы ни былъ отвѣтъ вамъ, онъ нигде не узнаеть, что я просила васъ за него. Я пришла изъ того убѣжденія, куда удалилась съ Фредерикомъ. Никто не слѣдовалъ за мною, и для исполненія своего долга я укрылась въ темнотѣ ночи, какъ другіе скрываютъ въ ней порочныя поступки свои. Свиданіе наше остается между нами и мною тайной, которую вѣрнѣю я ранией держу. Надѣюсь, что вы обещаете мнѣ свято сохранить ее?

— Обещаю, сударыня; до-сихъ-поръ я не далъ еще никому права сомнѣваться въ моемъ словѣ.

— Знаю, и ж просила вашего слова для того, что мойши клятвы вамъ священна.

— Это правда, сударыня. Я исполню все, въ чемъ пожелаете; оставая вѣроломство другимъ. Я клялся не нѣять никакого сожалѣнія и быть почувствительнымъ къ просьбамъ и словамъ. Но такъ, забудьте себя отъ мнѣ, не простирайте ко мнѣ руки, не уможайте колѣнь, не унижайтесь передо мною. Вы видите: передъ вами теоринъ не тотъ человекъ, котораго знавали вы некогда легковѣрнымъ и доверчивымъ; въ эти восемь лѣтъ сердце мое измѣнилось такъ, какъ черты лица; волосы мои побѣлѣли, а душа высохла, какъ у старика. Я сталъ богатъ и недоступенъ для бедныхъ.

— Не вѣрю, сказала она: — вы не могли сдѣлаться жестокии до такой степени; вы были прежде такъ добры и великодушны.

— Испытайте, сударыня, отвѣчалъ Вернонъ голосомъ, исполненнымъ презрѣнія и насмѣшки, который вдругъ охладилъ ея. После нѣкотораго молчанія, онъ повторилъ опять эти жестокиа слова; на которыа Эмилиа не могла уже найти отвѣта.

— Объявите мнѣ ваши предложенія, продолжалъ онъ. — Вы просите свободы своему мужу и, какъ говорите, выполняете обязанности супруги. Я готовъ слушать васъ; но надѣюсь, что вы не прашали сюда для того, чтобы вспомнить прошедшее и закннуть мнѣ мои слезами. Дайте мнѣ золота, и мужъ вашъ свободенъ.

— Золота? О, еслибъ оно было у меня, онъ, конечно, далъ бы его вамъ, и я не была бы здѣсь.

— Но рубль вашъ не остался ничего отъ роскоши, которая окружила васъ?

— Ничего.

— Даже накихъ-нибудь галантерейныхъ вещей?

— Она отвѣчала, опустивъ глаза въ землю:

— Я продала все, что имѣла.

— Конечно, ихъ было бы недостаточно, продолжалъ онъ, жестопенно разгораясь: — но эти лишеныа заставили бы меня, можетъ быть, сдѣлать надлежащимъ образомъ ваши перемѣненія. Кто знаетъ, не заплатилъ ли бы я очень дорого за некоторый запасъ любимыхъ вами сохрненнй? Возвратитесь къ себѣ, сударыня, и прѣисните мнѣ ту жемчужную ожерелье, съ которымъ вы некогда обмѣнялись мнѣ некогда не расставаться. Оно принадлежало моей матери, которая была небожна и свято хранила клятвы свои: Она жила и умерла какъ праведница, и не прибѣгала ни къ чему сожалѣнному; поэтому что въ жизнь свою не оскорбила и не обманула никого. Одайте это наследство матери моей; и буду клать его здѣсь.

— У меня ужъ нѣтъ его; я продала его въ надеждѣ избавить мужа моего отъ тюрьмы.

— Я видѣлъ его въ рукахъ вашего мужа...

— Онъ не зналъ, кто мнѣ подарилъ его.

— Но вы его отдали ему въ день вашей свадьбы,

— Это неправда.

— Это правда, сударыня, — такъ же правда, какъ и то, что вы открыли любовнику нашему тайну моего возвращенія въ Монпелье.

— И?!

— Да. Правда и то, что вы были съ нимъ въ заговоръ, что свадьба ваша была уже рѣшена, когда вы соглашались на побѣгъ со мною; что свѣча на оношкѣ нашемъ была только обманъ, чтобъ удержать меня въ саду, гдѣ были спрятаны солдаты. О! вы знали все, вы во всемъ участвовали противъ меня!..

— Это ложь, это гнусная ложь, клянусь вамъ!

— Не клянитесь; онъ самъ разсказалъ мнѣ все.

— Онъ? Ремонъ?

— Да; тотъ, за кого вы пришли просить меня, — меня, котораго вы оба обманули!.. Что вы скажете теперь, сударыня? Не то ли, что онъ способствовалъ моему побѣгу, тогда-какъ могъ выдать мою голову, и вы имѣли столько великодушія, чтобъ не обременить совѣсти своей моею смертью? Благодарю васъ, благодарю отъ всего сердца. Но жизнь, которую вы сохранили мнѣ, такъ горестна, что я не могу быть за нее признательнымъ.

— Вернонъ, выслушайте меня.

— Молчите, сударыня! вспомните, что вы передъ судьбою своимъ! Не вамъ слѣдуетъ говорить, а мнѣ: я долженъ потребовать отъ васъ отчета въ моемъ погибшемъ счастьи и въ этихъ восьми годахъ, проведенныхъ мною въ стыдѣ и отчаяннн. Можетъ-быть, я вспомнилъ бы, что былъ некогда другомъ мужа вашего и забылъ бы его зрѣломство, хорошо зная, что не любить васъ невозможно; но вы, вы должны были отвергнуть любовь его, вы были супругою моею передъ Богомъ... О! я ненавижу и презираю васъ!

— Боже! вскричала она, упавъ на колѣни: — Тебѣ известно, что я страдала безъ ропота и переносила съ покорностію судьбу мою; заслуживаю ли я, чтобъ онъ презиралъ меня? Я хотѣла молчать, скрывая тайну сердца; я пришла сюда вооружась терпѣніемъ и силой, рѣшаясь обвинить самое-себя, чтобъ спасти того, кто оскорбляетъ меня... Но если добродѣтель супруги бесполезна, если самоотверженіе ея представляютъ измѣною, то мнѣ должно говорить истину! Шарль! я любила только тебя, онъ знаетъ это, онъ, хвастающійся, что обладаетъ сердцемъ, которое никогда не принадлежало ему. Возврати ему свободу и богатство, Шарль, и онъ отдастъ бы и свободу и богатство, и самую жизнь свою, со всемъ ея блаженствомъ и удовольствіемъ — за это одно слово: «я люблю одного тебя!»

— Эмилія! что говоришь ты? О, нѣтъ! это невозможно... Говора со мною, ты думаешь о немъ... Выгляни: передъ тобою Вернонь!.. Вы ошибаетесь, сударыня... вы хотите опять обмануть меня.

— Да, тебя одного! продолжала она вставая.—Залогъ любви, который ты требовалъ отъ меня, еще сегодня утромъ былъ на груди моей. Ремонъ не зналъ, что ты подарилъ мнѣ это ожерелье; но когда, по несчастному случаю, оно попало ему въ руки, онъ, конечно, увидѣлъ на немъ слѣды слезъ моихъ. Изъ всѣхъ пожертвованій, которыя мнѣ угодно было возложить на меня, это было самое жестокое! но мнѣ должно было выполнить послѣдній священный долгъ; я сдѣлала изъ ожерелья такое пожертваніе, какое сдѣлала бы изъ него покойная мать твоя. И ты повѣрилъ словамъ Ремона! Когда этотъ человекъ обвинилъ тебя въ невѣрности, мнѣ довольно было одного слова твоего, чтобъ забыть все и быть готовой бѣжать съ тобою. Въ условный часъ я пришла на мѣсто свиданія, звала тебя, ожидала съ нетерпѣніемъ, плакала, но въ это самое время онъ увлекалъ тебя изъ парка! Пришли солдаты, которые искали тебя по лѣсу, застали меня одну въ поздній часъ ночи, и одинъ изъ нихъ говорилъ даже, что нашелъ меня въ бесѣдкѣ съ мужчиною. Изумленіе, стыдъ, страхъ за свое доброе имя, за тебя, Шарль, особенно за тебя! все это смутило меня такъ, что я остолбенѣла, и не знала, что сказать. Меня спрашивали, но отвѣчать значило бы назвать тебя, и я молчала. Наконецъ явился Ремонъ и объявилъ, что былъ со мною, имѣя на то право, какъ женихъ мой. Могла ли я опровергать слова его? Привязанность его ко мнѣ извѣстна была цѣлому городу; я обезславилась бы себя навѣки, еслибъ отказалась отъ руки его! Тебя не было со мною, чтобъ внушить мнѣ смѣлость снести позоръ; но я не знала еще тогда, кто написалъ письмо, въ которомъ тебя оклеветали, не знала, что Ремонъ былъ тебѣ другомъ; мнѣ извѣстно было только, что онъ помогъ тебѣ уйти и обмануть людей, посланныхъ искать тебя. О! не упрекай меня въ слабости, не завидуй Ремону въ его счастьи; скажи, въришь ли ты словамъ моимъ?

— Вѣрю, Эмилія, но долженъ бы умереть, не видавъ тебя. Ты любивъ меня и принадлежишь другому... зачѣмъ открыла ты мнѣ истину? зачѣмъ не молчала и не оставила меня въ моемъ горькомъ заблужденіи? Много ночей провелъ я безъ сна, осыпая тебя проклятіями; много насчиталъ дней мрачныхъ и горестныхъ, но по-крайней-мѣрѣ тогда адская злоба наполняла глубокую пустоту сердца моего, а теперь, когда ты возвратила мнѣ любовь свою, мнѣ должно потерять тебя во второй разъ; это невыносимо! Нѣтъ, я не уступлю тебѣ опять. Теперь ты опять моя и будешь принадлежать мнѣ вѣчно... Эмилія, продолжалъ онъ:—мы любимъ другъ-друга какъ прежде... жилище это пусто и уединенно, садъ мраченъ, какъ аллея

парка, изъ котораго ты хотѣла уйти со мною, ночь темна, какъ-та, въ которую ты лежала безъ чувствъ въ моихъ объятіяхъ; я видѣлъ на окнѣ твоёмъ прежній сигналъ нашъ; вотъ море, вотъ корабль, корабль, который унесетъ насъ далеко отсюда... бѣги со мной, Эмили! Я уже не изгнанникъ, я свободенъ, богатъ, люблю тебя... ты принадлежишь мнѣ прежде его, я хочу овладѣть опять моимъ сокровищемъ, котораго никто уже не отниметъ у меня. Пойдемъ, пойдемъ!

— О, не говори такъ, Вернонъ!

— Пойдемъ! цѣлый міръ открытъ для насъ. Тамъ, за моремъ, которое не оставитъ на себѣ слѣдовъ нашихъ, найдемъ мы убѣжище, гдѣ скроемъ любовь свою... Эмили! отвѣчай мнѣ! скажи, что ты любишь меня. Зачѣмъ же ты хотѣла видѣть меня, если не хочешь бѣжать со мною?

— Я пришла потому-что ты все тотъ же Шарль, какъ прежде; потому-что ты уважаешь супругу, какъ уважалъ неопытную молодую дѣвушку... я пришла, чтобъ подать тебѣ примѣръ прощенья.

— Я прошу? никогда! Ты не знаешь, что я перенесъ въ эти восемь лѣтъ!

— А развѣ ты думаешь, что я меньше страдала?.. Но ты могъ открыть сердце свое другу, а я... я должна была глотать свои слезы и носить на лицѣ вѣчную маску притворства; улыбаться, чтобъ успокоивать его, утѣшать его, когда онъ бывалъ мраченъ и унылъ, и безпрестанно обманывать и его и самое-себя. Вотъ жизнь моя въ теченіи восьми лѣтъ! ты говоришь, что проводилъ ночи безъ сна! а я развѣ смыкала глаза? развѣ не искала уединенія? не молилась за тебя, выливая душу мою передъ Богомъ, когда одинъ Богъ слышалъ мои стenanія? Но я все простила. Ремонъ—супругъ мой; прости ему также! пощади его!

— Нѣтъ.

— Онъ несчастенъ: онъ любитъ меня, а я не люблю его...

— Оставь меня!

— Прости его!

— Развѣ онъ можетъ принять отъ меня прощенье? Я на его мѣстѣ не принялъ бы.

— Онъ никогда не узнаетъ, что мы видѣлись; но развѣ ты не былъ другомъ его, развѣ не можешь забыть обиды? Ты сядешь за этотъ столъ противъ меня, напишешь приказаніе возвратитъ ему свободу. И завтра поутру эта бумага будетъ отдана его сыну. Пусть вся честь этого великодушнаго поступка принадлежитъ одному тебѣ: я не хочу раздѣлять ее съ тобою. Но послѣ того, Вернонъ, ты долженъ удалиться изъ Марсели; ты знаешь, что намъ нельзя жить такъ близко другъ отъ друга.

— Эмили!

— Я замучу тебя и люблю тебя! Каждый годъ, въ это самое время, въ эти самые часы ночи буду я открывать окно мое, искать тебя глазами на томъ мѣстѣ, гдѣ видѣла въ этотъ вечеръ, говорить: «Шарль! я люблю одного тебя». И этотъ чистый, таинственный бракъ душъ женщинъ соединить насъ навѣки!

Онъ бѣгъ сопротивленія подошелъ съ нею къ столу.

— Иди!

— Не могу!

— Милый другъ, попытайся простить! Прощеніе — добродѣтель душъ слабыхъ, какъ моя. Прости, Шарль, прости!

Онъ написалъ нѣсколько строкъ и подалъ ей. Прочитавъ ихъ, она сказала:

— Теперь долгъ мой выполненъ. Прощай, Вернонь!

— Навсегда?

— Навсегда!

— Эмили! одну минуту...

— Иди, иди! не слѣдуй за мной. Вспомни, что мы не видались, что любовь наша — тайна между нами и небомъ. Прощай. Я люблю тебя!

И она вышла поспѣшно изъ комнаты. Вернонь не старался удержать ее, не сказалъ ей даже ни слова. На разсвѣтѣ вышелъ онъ изъ дому и отиракълся къ пристани.

Позутру Ремонъ возвратился домой съ женою и Бернаромъ, который объявлялъ приказаніе Вернона освободить его изъ тюрьмы, потому что Фредерикъ отлучился изъ города. Просидѣвъ нѣсколько времени одинъ, Ремонъ позвалъ Эмилию, которая ужаснулась его странной близости. Онъ всталъ и позвалъ ее къ окну:

— Видишь ли ты, сказалъ онъ: — корабль, который смыкается съ якоря? На немъ отъезжаетъ Вернонь, оставляя навсегда Францію. Онъ мнѣ писалъ сегодня позутру... онъ хотѣлъ доверить свое великодушіе... и навсегда избавилъ меня отъ мученій ревности... Сматри, Эмили! корабль отплываетъ отъ берега... Теперь я могу сказать, что онъ увидитъ тебя... теперь я могу умереть...

— Умереть! вскричала Эмили: — но ты шатаешься; гонимъ твой слабеть... Ремонъ! мнѣ страшно спросить тебя...

— Фредерикъ!.. говорилъ Ремонъ: — Фредерикъ!.. гдѣ мой сынъ? я желаю бы обнять сына!

— Несчастный, что ты сдѣлалъ! Помогите, помогите!

— Не зови никого, Эмили!.. теперь... ужъ поздно... иди...

— Боже!

— Корабль... исчезъ... Прости, Вернонь, прости!.. я осердывалъ у тебя эту женщину до послѣдняго издыханія, и возвращаю ей свободу, когда она не можетъ уже быть твоею!

— Ремонтъ!

— Онъ собралъ все свои силы и, вставъ противъ нея, сказалъ страшнымъ голосомъ:

— Я велѣлъ Бернару присматривать за тобою; онъ вошелъ сюда вчера по слѣдамъ твоимъ, спрятался въ этой комнатѣ, видѣлъ и слышалъ все и пересказалъ мнѣ... Я не хотѣлъ жить за эту цѣну... Фредерикъ! сынъ мой!.. гдѣ ты?

— Вы звали меня, 'батьюшка'? вскричалъ молодой человекъ, вошедшій въ эту минуту въ комнату.

— Это ты, Фредерикъ?

— Не здѣсь думалъ я найдти васъ. Не зналъ, что надъ вами наконецъ сжалились, я дрался.

— Дрался?

— Да!.. не понимаю, для чего онъ не сказалъ мнѣ, что освободилъ васъ.

— О комъ говоришь ты!

— О Вернонѣ.

— Но онъ увѣхалъ.

— О, нѣтъ! я искалъ его, нашелъ, наговорилъ ему о его обѣщаніи, и мы дрались. Онъ упалъ, тяжело-раненый въ трудъ и, можетъ-быть, уже умеръ.

— Умеръ!.. Фредерикъ! сынъ мой! ты отступилъ за отца!.. я умираю... отъ этого человека...

Ремонтъ страшно закричалъ, вбѣсая ногтями на голову его, глаза остановились; онъ выскользнулъ изъ рукъ сына и упалъ бездыханный на полъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого происшествія, о которомъ узналъ весь городъ, госпожа Ремонтъ получила письмо, заключающее въ себя слѣдующія строки, написанная драматическою рукою:

«Жизнь безъ тебя была мнѣ невыносима; я согласился на поединокъ, отъ котораго могъ бы отказаться, и ни сколько не обороняясь, получилъ тяжелую рану, отъ которой бы умеръ, еслибъ не былъ спасенъ какими-то чудомъ. Знай! ты увидишь меня черезъ годъ.»

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПОВѢСТИ.

I.

Въ концѣ аллеи павильонъ
Видѣлся ярко освѣщенъ,
И въ немъ мазурка раздавалась;
Толпа гостей туда стекалась,
Привычными ухомъ уловить
Ея плѣнительный мотивъ.

Тамъ весь увѣшанъ орденами
Старикъ почтенный и сѣдой
Сидѣлъ въ одеждѣ парижской
На краснѣ бархатномъ съ гербами.
Блестящимъ сонмомъ окружонъ
Знатнѣйшихъ пановъ и вельможей,
Съ улыбкой ласковою онъ
Смотрѣлъ на танцы молодѣжи.
Къ нему приближилась женщина; —
Съ любовью дѣтскою она
Къ его плечу лицомъ склонилась;
Онъ что-то тихо ей сказалъ,
Ее въ чело поцаловалъ;
И вотъ она оборотилась,
На руку графа оперлась
И съ нимъ въ мазурку понеслась.

Резвивый шопотъ удивленья
И громкой лести и похвалъ
Ихъ каждый шагъ сопровождалъ:
«Графъ Станиславъ обвороженъ!»
«Какъ хороша и какъ жива!»
Повсюду слышались слова.

Богатство, знатность Станислава,
Красивый станъ, веселость нрава —

Все панпанъ нравился въ немъ;
 Но, ограниченный умомъ,
 Завосчивъ, гордъ, непостояненъ,
 Храбрецъ лишь только на словахъ,
 Теперь въ Людвигиныхъ глазахъ
 Онъ былъ и мелочень и стравенъ;
 И въ чувство новое княжна
 Была душой погружена...

Ея цвѣтуція ланиты,
 Ея могущественный взглядъ,
 Властннй праздничный нарядъ,
 И пышный локопъ, вдругъ обвитый
 Восточнымъ крупнымъ жемчугомъ,
 И тюникъ шитый серебромъ —
 Все въ ней о счастье говорило;
 И ей ничто не напѣнило:
 Ни скорбь во взорѣ, ни порывъ
 Тоски, любви, негодованья.
 Она таятъ свои терзанья,
 Ихъ твердой волѣ покоривъ...

II.

Письмо Людвиги къ Розѣ.

... Давно разстались мы съ тобой;
 Въ бесѣдѣ искренней, живой,
 Давно я чувства не назвала,
 И съ милой Розой потеряла
 Участь слово, дружбы взоръ.
 — Какъ съ нами въ Вильнѣ ты простилась,
 Тебѣ известно, что съ-тѣхъ-поръ
 Съ твоей Людвигой случилось:
 Невѣста я. — Твой приговоръ
 Пристрастенъ дружбы не смягчал,
 Скажи — безумная была я:
 Безъ размышленій, безъ страстей,
 Такъ необдуманно, невольно,
 Дала объѣтъ я добровольный.
 Явилася графъ, — въ немного дней
 Его узнать я не старалась;
 Привзаться ль? — Я и не боялась
 Въ немъ ошибиться; и душой
 Свободная, не постигая,
 Какъ много чувствовать могла я,
 Гордилась сердца тишиной...

Теперь же, Роза, ангелъ милый!
 Прийди сюда на краткій мигъ;
 Твоя душа волшебной силой
 Утонетъ въ звукахъ неземныхъ.

Въ небесномъ, сладкомъ упоеньи,
 Какъ я, въ безмолвномъ наступленьи,
 Прийди — и слушай здѣсь со мной;
 И если сердце съ быстротой
 Въ твоей груди не разобьѣтся,
 И чувство лавой огневой
 Въ потокахъ слезъ не изольѣтся,
 И ты не будешь съ новымъ днѣмъ
 Жить ускореннымъ бытїемъ,
 Дышать удвоеннымъ дыханїемъ,
 И жертвой тайнаго страданья
 Въ тоскѣ любви изнемогать,
 Рѣва, какъ прежде и спокойна, —
 Нѣтъ, Роза, нѣтъ, ты недостойна
 Ни жить, ни мыслить, ни дышать.

. . . О небѣ томъ, о той странѣ,
 Когда-то въ дѣтствѣ снился мнѣ;
 Но чаще я объ ней мечтала,
 Вступая въ свѣтъ. Чуждалась я
 Того, что встрѣтила; меня
 Здѣсь все неволью удивляло:
 Какъ часто лепеть нѣжныхъ словъ,
 Любви нескромныя признанья,
 Восторги, клятвы, обожанья —
 Здѣсь жатва балыжныхъ вечеровъ!
 Здѣсь мысль всеобщая шугаетъ,
 А кто безсуетной душой
 Вознесся смѣло надъ толпой,
 Тѣхъ свѣтъ и гонить и истреблять.

И въ этой безднѣ пустоты
 Терялись думы и мечты;
 Но что давно душа таяла
 О чемъ страдала, что любила —
 Все пѣснь Италїи моей
 Завѣтно высказала ей...

А оя? Но что языкъ нашъ бданный,
 Что я могу о мамѣ сказать? —
 Перо безсильно, краски блѣдны..
 О, Роза! мой удалъ страдать
 Безмолвно... жаркими слезами
 Все смыто здѣсь... Но ты прочтешь...
 Ты сердца исковыль поймешь
 Съ ея несвязными рѣчами...

Н. ТЕПЛОВА.

22 июля 1849 года.
Серпуховъ.

ОХЪ, ФРАНЦУЗЫ!

НАБОРНАЯ ПОВѢСТЬ ИЗЪ БЫЛЕЙ,

ПО-РУССКИ ПИСАННАЯ.

Примѣчаніе. Авторъ этой повѣсти—*графъ Федоръ Васильевичъ Растопчинъ*—одно изъ самыхъ замѣчательныхъ историческихъ лицъ въ народной войнѣ 1812 года. Шестнадцать лѣтъ прошло съ кончины его, и до сихъ поръ еще мы не имѣемъ полной его біографіи. А между-тѣмъ, графъ Растопчинъ вполне заслуживаетъ почетное мѣсто въ ряду героевъ незабвенной эпохи. Современники помнятъ, какое живое участіе принималъ онъ въ освобожденіи Москвы и какъ могущественно дѣйствовалъ вліяніемъ своимъ на народъ, вооружая его противъ враговъ иноплеменныхъ. Въ виду самыхъ непріятелей, онъ хладнокровно распорядился въѣренно ему столицю. Наполеонъ былъ уже на Поклонной-Горѣ, а въ многолюдной Москвѣ царствовали тишина и безопасность, строгомыя ея градоначальникомъ. Растопчинъ ободрялъ дворянство, наблюдалъ за чернью, посѣщалъ раненныхъ, пека о спокойствіи каждаго и о безопасности всѣхъ. Неустойчивая дѣятельность и истинно-русская сметливость Растопчина тотчасъ были замѣчены Благословеннымъ вождемъ священной брани. Императоръ Александръ, довольный жѣрами, принятыми Растопчиннымъ къ поддержанію порядка и вполне полагаясь на твердость его въ столь смутное время, пожаловалъ ему эполеты съ своимъ шифромъ, сказавъ: «Я самъ теперь у тебя на плечахъ». И дѣйствительно, твердость, опытность и благоразуміе Растопчина спасли Москву не только отъ матажа, во вредъ славы ея, но и отъ малѣйшаго безпорядка. Во все время пребыванія Наполеона въ Москвѣ, Растопчинъ вслѣдствіи затрудненій продовольствіе войска французскихъ, отрѣзывая имъ подвозъ провіанта. Обладая необыкновеннымъ даромъ говорить всякому языкомъ наиболѣе-понятнымъ, онъ особенно умѣлъ объясняться съ русскими мужичками; печатныя афиши его, написанныя языкомъ простымъ, но сильнымъ, убѣдительно, приводили въ сильное движеніе подмосковныхъ крестьянъ, которые прятали жейъ, дѣтей и имущество свое въ глубины лѣсовъ и зарывали въ землю, а сами, вооружаясь какъ могли и чѣмъ-нипопало, убивали исподу не только мародѣровъ, но даже цѣлыя непріятельскіе отряды. По достовернымъ свѣдѣніямъ извѣстно, что около 30,000 Французовъ

было побито въ самой Москвѣ и въ окрестностяхъ ея въ теченіе шести недѣль одними поселянами и обывателями, которые возбуждены были противъ враговъ прокламаціями Растопчина. Этого мало: подкрѣпши убѣжденія приѣзромъ, Растопчинъ самъ зажегъ великолѣпный домъ свой въ селѣ Вороновъ, который Наполеономъ былъ избранъ для главной квартиры. Известна французская надпись, прибитая нѣкъ къ воротамъ, когда онъ выѣхалъ изъ объятаго пламенемъ дома: «Восемь лѣтъ украшалъ я это село; восемь лѣтъ въ нѣдрахъ семейства моего жилъ я счастливо подъ покровомъ отеческаго правленія Императора Александра. Поселеніе этой деревни удалится отъ васъ, а я зажигаю мой домъ, чтобы онъ не осквернился вашимъ присутствіемъ. Въ Москвѣ оставилъ я вамъ въ добычу два дома съ ниществомъ въ нихъ на полмилліона; здѣсь найдете вы одинъ пепелъ!» Надпись эта переведена была на всѣ языки и въ цѣлой Европѣ читалась тогда съ восхищеніемъ. Наконецъ, самый пожаръ Москвы, — теперь можно уже говорить объ этомъ не съ боязнью стыда, но съ гордостью, — самый пожаръ Москвы, въ которомъ погасла звезда наполеонова, былъ бессмертнымъ дѣломъ Растопчина. Конечно, будучи въ Парижѣ, графъ Растопчинъ выдалъ брошюру подъ заглавіемъ: «La vérité sur l'incendie de Moscou», въ которой онъ уклонился отъ славы, будто-бы имъ незаслуженной, приписывая пожаръ Москвы Французамъ. Не станемъ разѣскивать истины, но на такое отреченіе можно сказать только, что во время изданія брошюры еще не зажили раны, нанесенныя Москвѣ этимъ достославнымъ пожаромъ, и что если мужественная рѣшимость въ бѣдственныхъ обстоятельствахъ можетъ доставить славу, то еще славнѣе уклоняться отъ похвалъ. — Пожаръ московскій положилъ начало освобожденію Москвы и Россіи. Растопчинъ, тотчасъ по выступленіи непріятелей изъ столицы, явился въ подорванномъ Кремлѣ и, окруженный еще дымящимися развалинами, принялся за восстановленіе Москвы. Въ короткое время все приняло въ ней совершенно-другой видъ: церкви вновь освятились, погорѣлыя получили пристанища, бѣдные пишу, раненые надворъ, больные пользованіе; городъ очистился отъ безчисленнаго множества мертвыхъ тѣлъ и лошадей, наполнявшихъ улицы, повалы и колодези; присутственные мѣста, почты и всѣ части государственнаго управленія приведены въ прежнее устройство; отовсюду стекались обозы со всѣми жизненными потребностями; словомъ, Москва быстро начала возникать изъ своего цѣпа... Въ 1814-мъ году Растопчинъ дожидъ до счастья — получить вѣсть о вступленіи Русскихъ въ Парижъ и праздновалъ это событіе торжествомъ великолѣпнымъ и оригинальнымъ. Въ 1815 году, по разстроенному здоровью онъ вышелъ въ отставку и, осыпанный милостями Императора Александра, уѣхалъ въ чужіе края, гдѣ имя его давно уже было громко. Приемы, сдѣланные ему королями прусскимъ и англійскимъ, доказывали то уваженіе, которымъ онъ пользовался у союзниковъ своего монарха. Пробывъ восемь лѣтъ за границею, онъ, въ 1823 году, возвратился въ Москву, и умеръ тамъ 18 января 1826 года, на 61-мъ году своей жизни, не проживъ и двухъ мѣсяцевъ по кончинѣ своего государя и благодѣтеля.

Графъ Растопчинъ, коротко-знакомый съ произведеніями литературы англійской, итальянской, нѣмецкой, и преимущественно французской, принадлежитъ къ числу образованнѣйшихъ людей своего времени. Онъ самъ писалъ очень-много и преимущественно комедіи, исполненныя, говорятъ, острою, юмора и оригинальности; но, по прочтеніи этихъ комедій

дѣй въ небольшомъ избранномъ своемъ обществѣ, онъ тотчасъ сжигалъ ихъ; одна комедія «Живой Мертвецъ» была представлена на театрѣ. Въ печати извѣстны только его «Мысли вслухъ на Красномъ Крыльцѣ», афиши 1812 года и «Правда о Пожарѣ Московскомъ». Послѣ него осталось нѣсколько рукописей, и между прочими равныя «Записки», касающіяся до него лично, или до другихъ важныхъ происшествій, которыхъ онъ былъ очевиднымъ свидѣтелемъ. Эти записки, разумеется, не могутъ еще быть переданы печати.

Предлагаемая здѣсь повѣсть, нигдѣ доселѣ ненапечатанная, найдена также между бумагами графа Ф. В. Ростопчина и доставлена намъ его наследникомъ. Она вся писана рукою покойнаго графа, но не извѣстно гдѣ — въ Россіи, или во время пребыванія его за границею. Повѣсть эта отъ начала до конца пронизана оригинальнымъ характеромъ ея славнаго автора. Каждая страница запечатлѣна тѣмъ же умомъ тонкимъ, острымъ, опытнымъ; вездѣ тотъ же язвительный сарказмъ, дышущій ненавистью къ Французамъ, — плодомъ глубокаго убѣжденія, что мы были бы лучше и не навлекли бы на себя бѣды, еслибъ болѣе чуждались всего иноземнаго: — убѣжденіе, понятное въ чужбѣ, видѣвшемъ своими глазами бѣдствія, наносимыя игомъ иноплемennымъ, и долженствующее, по благородному патріотическому увлеченію, бороться съ утѣснителями; наконецъ, тотъ же неподражаемый, своеобразный, но въ высшей степени выразительный языкъ, которымъ умѣлъ такъ сильно владѣть только Ростопчинъ, — все то же въ этой повѣсти, что восхищало современниковъ и въ «Мысляхъ вслухъ на Красномъ Крыльцѣ», и въ незабвенныхъ «афишахъ».

Время, исцѣляющее раны, потушаетъ и ненависть народную. Тридцать лѣтъ ужъ прошло съ той эпохи, когда мы видѣли въ иноземцахъ только губителей нашей свободы и спокойствія, и за этимъ образомъ не хотѣли видѣть ничего болѣе. Тридцать лѣтъ мира и тишины переменили отношенія, сблизили новыя поколѣнія въ интересахъ науки, искусства, блага общественнаго, заставивъ позабыть старинную вражду и причиненныя ею бѣдствія. Мы уже не тѣ, что были въ 1812 году. Мы уже видѣли могилу того, кого такъ ненавидѣли въ то время; мы уже вѣруемъ съ поэтомъ, что надъ этой великолѣпной могилой горитъ лучъ безсмертія и признаемъ въ немъ великаго исполнителя судебъ Божіихъ; мы позабыли непріязнь и къ народу его, теперь намъ дружественному, тогда столь враждебному... Все измѣнилось, — но тѣмъ не менѣе мы съ особеннымъ любопытствомъ читаемъ эту повѣсть, такъ резко запечатлѣнную «духомъ той великой эпохи. Это голосъ Россіи 1812 года, звучащій намъ въ устахъ одного изъ знаменитѣйшихъ ея представителей. *Ред.*

Глава I. — Поднесеніе.

Сочинитель просто одѣтый, съ кроткимъ видомъ, съ книжкою въ рукѣ, подходитъ къ лицу, или къ особѣ, и говоритъ: «Позвольте, ваше сіятельство, — или ваше превосходительство, — или просто сударь, или сударыня, — поднести вамъ мое сочиненіе. Вы Русскіе, я Русскій. Многіе лекаря лечатъ не учась отъ всѣхъ больней. Ну, и

я сдѣлался главнымъ лекаремъ. Хочу снимать катаракты, и если не вылечу, то по-крайней-мѣрѣ не ослѣплю никого.»

За симъ привѣтствіемъ, сочинитель два поклона, потомъ изъ одной горницы въ другую, изъ передней въ сѣни, изъ сѣней на улицу, да и былъ таковъ.

Кто онъ?—никто не знаетъ. Гдѣ живетъ?—Господь вѣдаетъ
Ну, чортъ съ нимъ!

Г л а в а II. — В о з р а ж е н і е .

Зачѣмъ сочинителю таскаться по домамъ и подносить всѣмъ безъ разбора книгу, которую не всѣ читать будутъ, отъ которой пользы мало, за которую станутъ ругать, которая больше браня, чѣмъ поученіе, и о которой вотъ что заговорятъ:

- Какой вздоръ написанъ!
- Дурное подражаніе Тристрама Шанди.
- Авторъ видно стряпчій за бороды.
- Какой-нибудь бродяга!
- Либо голодный студентъ!
- Кто жь его послушаетъ?
- Вѣрно сердить, за то, что самъ не ученъ по-французски.
- Либо нѣ на что нанять учителя.
- Выскачка! плетью обука не перебьешь.
- Собака лаетъ, вѣтеръ носитъ.
- C'est un fou!
- Un enragé!
- Un démoniaque!
- Un barbare!
- Un pédant ridicule!
- Un homme à jeter par les fenêtres.

Ну, да если послѣ всѣхъ этихъ восклицаній, брани, пословицъ, французскихъ пустыхъ словъ, послѣ того, что меня въ многъ домъ не пустятъ, въ другомъ насмѣются, въ третьемъ обидятъ холопы, въ четвертомъ оболъютъ горячимъ, въ пятомъ потравятъ собаками, въ шестомъ, въ седьмомъ сочтутъ за сумасшедшаго, — ну, да если наконецъ хоть одинъ отецъ, хоть одна мать, сберегутъ дѣтей отъ разврата, то я и доволенъ и счастливъ. Сяду въ креслы, посмотрю съ удовольствіемъ на свою чернильницу, потру лобъ, и скажу: «Доброе дѣло! Велика милость Господня!»

Г л а в а III. — К о м у п о д н о с и т с я к н и г а .

Всѣмъ стѣпамъ, матерямъ, вдовымъ и вдовамъ, коихъ Богъ благословилъ дѣтьми.

Всѣмъ женатымъ и за-мужемъ безъ дѣтей, не старѣ сорока лѣтъ.

Всѣмъ холостымъ мужчинамъ до пятидесяти-пяти лѣтъ.

Всѣмъ дѣвушкамъ до тридцати лѣтъ.

Разумѣется, благороднымъ, по той причинѣ, что сіе почтенное сословіе есть подпора престола, защита отечества, и должно предпочтительно быть предохранено. Купцы же и крестьяне хотя подвержены всѣмъ известнымъ болѣзнямъ кромѣ нервовъ, и меланхоліи, но еще отъ иноземства кой-какъ отбиваются, и сія летучая зараза къ нимъ не пристаётъ. Они и до-сихъ-поръ Французовъ называютъ Нѣмцами, вино ихъ—церковнымъ.

Одинъ ученый и умный духовный, разговаривая со мною о богатствѣ и силѣ російскаго слова, сказалъ: «Нашъ языкъ такъ изобилуетъ и столь краснорѣчивъ, что мало его хорошо знаютъ и отъ сего мало хорошо говорятъ, а еще меньше хорошо пишутъ.»

Сущая истина!

А все-таки пишутъ да пишутъ, говорятъ да говорятъ: всякъ пляшетъ, да не какъ скоморохъ, и я пляшу, и мы пляшемъ, и они пляшутъ.

Глава IV.—Что за названіе?

Да вѣдь надобно какъ-нибудь назвать книгу! Если кто ее читать станетъ со вниманіемъ, тотъ вѣрно до конца нѣсколько разъ вздохнувъ скажетъ: о, Французы! а кто пробѣжитъ на-скоро, тотъ на конецъ увидитъ; о, Французы! И моя книга съ головы до ногъ одинакова.

Но если вамъ хочется правильнаго доказательства по грамматикѣ, извольте! Вотъ задача:

Склоняйте Французовъ:

Имелительный. Французы—много зла надѣлали.

Родительный. Отъ Французовъ—много зла вышло.

Дательный. Французамъ—ничего святаго нѣтъ.

Винительный. Французы—на все готовы.

Восклицательный. О, Французы!

Вотъ и названіе книги! Оно, право, не меньше прилично, чѣмъ минутное заблужденіе, тысяча и одна глупость, несчастное ослѣпленіе, пагубный предрасудокъ, и проч. Если жъ названіе моей книги все-таки вамъ не нравится, я переименую. Только прочтите ее, и подумайте, пожалуйста.

Глава V.—Откуда берется.

Когда стали перебирать Французовъ, и думали, что ихъ вышлютъ всѣхъ за границу, тогда я у одного богатаго русскаго купца въ бордѣ, который держитъ все посты, ходитъ по субботамъ въ торго-

вую баню, и вышиваешь по три самовара въ день чаю, боишься смертнаго часа, бывъ истиннымъ христіаниномъ, спросилъ: радъ ли, что Французы въѣзжаютъ? А онъ отвѣчалъ: да какъ не радоваться! и клопы иное-мѣсто одолѣють, такъ не знаешь что дѣлать, не только что Французы.

Г л а в а VI.—Н е в з ы щ и т е !

Можетъ-быть, въ этой книжкѣ кто-нибудь изъ читателей и найдетъ что-нибудь на себя похожее, или приключеніе, или имя, или рѣчь, съ натуры списанное, то я при началѣ всѣхъ прошу на свой счетъ ничего не принимать, и увѣряю честнымъ словомъ, что я не живописецъ, не ругатель, не вѣстовщикъ, не трещотка, и сору изъ угловъ не выношу, хотя до чистоты охотникъ. Но мало ли чего похожего на свѣтъ? Кажется, всѣ люди на одинъ покрой; но сила не въ томъ, что носъ покороче, или подлиннѣй, ростомъ выше, или ниже, тяжеле или легче. Это наружность, а внутренность, кажется, у всѣхъ одна, сердце на лѣвомъ боку, легкое на правомъ, желудокъ по-середкѣ, и хотъ кажется все на мѣствъ, и все въ порядкѣ, — ну, а какъ станетъ мозгъ дѣйствовать, то и толку не найдешь! Великъ ли человекъ, а что въ немъ помѣщается? Невѣроятно! полкъ страстей, корпусъ слабостей, армія вадора, в мѣста нѣтъ добродѣтелямъ. Сидятъ голубушки въ уголку, да стонуть, совсѣмъ въ загонъ; дѣла не дѣлаютъ, а отъ дѣла не бѣгаютъ, точно какъ при герольдіи.

Г л а в а VII.—Д ѣ н ь .

Вотъ ужъ дестъ бумаги измаралъ, а исторіи еще начала нѣтъ. Знаю, что писать надобно, и время есть, и фасада и расположеніе, и входы, и выходы, и проходы, все готово. Что жъ не начинаю? Отъ батюшки, матушки! вить я человекъ, — дѣнь. Пожалуйста, не браните; ей-Богу напишу исторію. Хороша ли будетъ, или нѣтъ, самъ не знаю—это ваше дѣло судить. Но въ моей исторіи все есть: изобиліе и богатство рѣдкое, людей куча, и Москва и Петербургъ, вся почти Европа, и крестины, слѣдственно и родины. Приключенія, диковинки, свадьбы, побѣги, похищенія, смерти; только нѣтъ погребеній. Но если кто изъ охотниковъ потребуеть, то я тотчасъ чорный листъ привяжу къ книгѣ. Пусть самъ распоряжаетъ церемоніей. Трудно на землѣ управляться съ живыми людьми, а въ землю ихъ прятать бездѣльца. Чѣмъ знатнѣй, тѣмъ скорѣй. Порядокъ одинъ: напередѣ пѣвчіе поютъ, тамъ духовенство идетъ, потомъ тѣло везутъ за нимъ родня въ маскахъ, постарѣе пѣшками, помоложе въ

карогахъ; холоин, пьяные въ слезахъ, трезвые только-что не пляшутъ; а наконецъ народъ, сперва кланяется покойнику, потомъ говорить «смотреть нечего», а тамъ бранить, а все смотреть: на то глаза!

Но рѣдко кто, видя мертваго, о смерти своей самъ подумаетъ, и хоть старѣе и слабѣе тащимаго покойника, но мнить, что самъ безсмертный, отъ-того что умереть никому не хочется. Сколькихъ захватила смерть безъ покаянія, въ развратъ, въ тяжкихъ грѣхахъ, и туго, вмѣсто того, чтобъ употребить послѣдніе дни, часы, минуты на полезное, подумать о душѣ, о ближнихъ, все мы почти сѣтуемъ, все говоримъ: ахъ, кабы зналъ! можно ли было ожидать! батюшки, по-па! отцы мои, доктора! голубчики, бумаги! сударики, спасите! пустите кровь! пропустите шалфейцу! припустите пивокъ! впустите ромашки! трите бокъ! виски! ноги! ай! ай! ай! плохо! ой! ой! ой! беда , ,

. , , ,
 ! ! ? ? ?
 ! , ? , ! , ? ? ? ? , , , ! ! !

Но, часъ ударить! смерть махнетъ, — и всему конецъ.

Иной умираетъ безъ исповѣди, другой въ долгу, третій въ ссорѣ, четвертый въ развратъ. Рѣдкій заслужилъ живой хорошее имя, едва изъ тысячи одинъ оставитъ добрую память...

Страшно!

Умереть не хочется, а книгу писать надобно.

Такъ и быть!

Глава VIII. — Необходимо.

Всегда, когда рассказываютъ въ обществѣ примѣчательное о комъ-нибудь, то мы, если тотъ, о комъ рѣчь, намъ неизвѣстенъ, спрашиваемъ обыкновенно меньше о нравственности, о дарованіяхъ и о дѣлахъ его, чѣмъ о примѣтахъ, и такъ подробно, какъ-будто-бы въ полиціи заявить надобно о побѣгѣ: великъ ли ростомъ? каковъ лицомъ? какое платье? и, по мѣрѣ красоты, лѣтъ и росту, усиливается или ослабѣваетъ участіе, радость, вниманіе и сожалѣніе. Беда старикамъ и старухамъ, хромымъ, кривымъ, горбатымъ, заикамъ или безобразнымъ! Пропали они! ужъ никто не пожалуетъ. А у всѣхъ на языкъ: туда ему и дорога. Всему есть время и предѣлъ; но добродѣтель, великія дѣла, отличныя дарованія и важныя заслуги, должны бы по справедливости оставлять память вѣчную. Да память-то на доброе у людей коротка, и большая часть, зная, что объ нихъ самихъ помнить нечего, не хотятъ и сами помнить о тѣхъ, кои переживаютъ смерть, доставъ себѣ мѣсто въ исторіи, въ почтенномъ

кругу, въ честной семьѣ; для этого—то я и опишу подробно своихъ актёровъ, изъ коихъ два человека рѣдкіе, нѣсколько изрядныхъ, а прочіе дрянъ; однако жъ, они въ дѣйстви. Иначе нельзя. Пѣроки для добродѣтелей столько же нужны, какъ тѣнь для живописи, или черная фольга для брильянта. Если бъ дурныхъ людей не было, то бы не замѣчали и хорошихъ; однихъ больше, другихъ меньше. Ну, да и свѣтъ великъ! всѣмъ есть мѣсто, и дѣло. Вездѣ люди, и на землѣ, и въ землѣ, и на водахъ, даже и по воздуху летаютъ... Вотъ куда за- деться! по просту—заврался.

Не въ первый разъ и не въ послѣдній, было бы извѣстно.

Глава IX. — Позвольте представить: это Лука Андреичъ Кремневъ.

Сей почтенный человекъ, отецъ, мужъ, Россіянинъ рѣдкій, родился въ 1739 году, въ одной изъ тѣхъ изобильныхъ губерній, гдѣ круглый годъ никто ни въ чемъ не знаетъ нужды. Родители его, старинные дворяне, были люди богатые и въ большемъ уваженіи. Воспитаніе дали дѣтямъ хорошее, укрѣпили тѣло, поселили въ душу страхъ Божій, любовь къ отечеству, почтеніе къ государю, уваженіе къ начальству и состраданіе къ ближнему. Отецъ Луки Андреича, Андрей Богдановичъ, жилъ 82 года и умеръ горячкою, простудясь зимою на пожарѣ въ чужой деревнѣ. Его тутъ уговаривали, чтобъ себя поберегъ, но онъ отвѣчалъ: «чего себя беречь, когда люди погибаютъ».

Глава X.—Приказанія отца при смерти.

Когда Андрей Богдановичъ почувствовалъ, что трудно боленъ, то исполнилъ долгъ христіанскій, съ смиреннымъ сердцемъ, съ добрымъ духомъ, въ чистой памяти и съ незагрѣнною совѣстію. Лекарства принимать не хотѣлъ, говоря: «умирать время, а лечиться поздно». Призвалъ сыновей, и говорилъ большому: «Слушай, другъ мой, Николай! Тебѣ двадцать-шесть лѣтъ и ты своимъ умомъ жить можешь, а братъ еще молодъ; мать ваша не долго съ вами останется: она за мною въ гробъ пойдетъ,—такъ будь ты брату отцомъ, поставь его на ноги, правь имѣніемъ и не плошай. Я вамъ оставляю имя честное и кусокъ хлѣба. Что мнѣ больше вамъ приказывать? Молитесь Богу и наблюдайте заповѣди Его. Жизнь ваша будетъ честна и конецъ христіанскій.» Потомъ благословилъ дѣтей, каждого образомъ, обнялъ вздохнувъ жену, простился съ людьми, попросилъ священника, чтобъ читалъ отходную, и отошелъ къ подателю всѣхъ благъ. Домъ, село наполнились воплемъ и слышны были одни слова: «не стало отца нашего Андрея Богдановича.»

Вотъ его надгробная!

ГЛАВА XI. — НАСТАСЬЯ МАТЪВЪВНА.

Сія достойная жена предостойнаго мужа, жила съ нимъ въ союзъ, то-есть въ счастье, пятьдесятъ-два года. Любила мужа, дѣтей и молилась за нихъ Богу. Она была барыня, мать, жена, другъ, совѣтникъ, наставникъ, хозяйка, няня, мама и сушая христіанка. Видя опасность мужа, испугалась, упала духомъ и, истощивъ силы, не давая себѣ ни днемъ, ни ночью покоя, должна была лечь, и легла въ одной горнице съ умирающимъ мужемъ. Когда же онъ скончался, то она приказала снять съ него золотой крестъ съ мощами, надѣла на себя и стада сама готовиться къ смерти. Ни слезы дѣтей, ни родныхъ, ни людей, ни увѣщанія умнаго и почтеннаго священника, ничто не могло влить каплю отрады въ душу ея, погруженную въ тяжкую печаль. Она не вдыхала, не стонала и не плакала, но гасла три дни; занималась дѣтьми, учила ихъ доброму, приказывала чтить память отца, и, отдавъ большому сыну обручальное свое кольцо, сказала: «Когда Богъ сочтаетъ васъ, вотъ мое кольцо на счастье, да будетъ благословеніе мое надъ вами и надъ дѣтьми вашими. Простите. Богъ съ вами. Онъ милосердіе свое являетъ надо мною грѣшною и не оставляетъ меня одну въ міръ». За симъ, она посмотрѣла мѣжно на сыновей своихъ, положила имъ руку на голову, ввела взглядъ къ небу, произнесла «Вѣрую во единаго», но силъ не стало, свѣтъ помутился въ глазахъ ея, и она заснула вѣчнымъ сномъ.

Дѣти стояли на колыняхъ подъ рукою матері, наконецъ взглянули и увидѣли, что они сироты.

Черезъ два дня, одніе дроги отвезли оба гроба въ церковь; въ одно время погребены мужъ и жена единоподушныя; одна могила сокрыла тѣла ихъ. Вѣчная вамъ память, благословенная чета!

ГЛАВА XII. — НИКОЛАЙ АНДРЕИЧЪ —

во увѣщанію отца, заступилъ его мѣсто и хранилъ свято волю его. Недраманнымъ окомъ смотрѣлъ за братомъ и за имѣніемъ, записалъ его въ службу, снабжалъ всѣмъ, и когда, послѣ полученной раны, братъ принужденъ былъ оставить службу, то онъ уговаривалъ его жениться, имѣнія дѣлить не хотѣлъ, говоря: «Я нездоровъ, умру холостымъ, все достанется тебѣ, или дѣтямъ твоимъ. У насъ все общее, а ты управителя лучше и честнѣй меня не найдешь». Для сего, послѣ кончины родителей, пошелъ въ отставку. Но случась на Волгѣ въ своихъ деревняхъ, во время разбѣговъ Пугачева, остановился въ одномъ маленькомъ городкѣ, гдѣ не было начальника и все было въ тревогѣ. Онъ пришелъ на площадь и сказалъ народу: «Здравій идетъ васъ грабить и губить. У васъ и ружья, и порохъ, и руки

ость, а пѣтъ командира. Я майоръ, радъ служить и умереть съ вами». — Намъ то и надо! закричала чернь. Николай Андреичъ сколько могъ и успѣлъ, учредилъ все. Черезъ два дня пришелъ Пугачевъ, сталъ брать городъ. Защищать нѣкому. Смѣлые бросились въ окопъ съ храбрымъ начальникомъ, разстрѣляли весь порохъ, большая часть легла на мѣсть, остальные сдались, а Николая Андреича смертельно раненаго привели къ злодюю. Онъ ему предложилъ присягу, или смерть, и вотъ какой получилъ отвѣтъ отъ достойнаго сына Андрея Богданыча: «Я дворянинъ Кремневъ, майоръ, и присягалъ въ вѣрности Великой Екатеринѣ. Какъ ты злодѣй смѣешь думать, чтобъ я осрамилъ себя и весь родъ мой измѣною? Конецъ—минута, пѣсоръ—вѣчность. Спѣши казнить, или я умру своею смертію».

Злодѣй в толпа, его окружающая, разъяренная сею рѣчью, кои они постигать не могли, но слышали, бросились на него и изрубилъ его въ мелкія части. Палъ герой! Злодѣй пролилъ кровь драгоцѣнную, но она подъ нимъ текла рѣками.

Глава XIII. — Смѣшной вопросъ.

Полно правда ли? не-ужь-ли въ-самомъ-дѣлѣ былъ майоръ Кремневъ съ такимъ большимъ духомъ?

Вотъ тутъ меня и бросить въ жаръ: одна щека покраснѣетъ, другая поблѣднѣетъ, губы затрясутся, глаза заморгаютъ, руки сведетъ въ кулаки, и я, заикаясь, стану проповѣдывать.

Развѣ я виноватъ, что вы ничего не знаете и знать о своей землѣ не хотите; что говорятъ о ней того не слышите, а что услышите, то забудете. Стыдно! непростительно! Да вы въ состояніи иные и тому дивиться, что Николай Андреичъ такъ говорилъ и такъ умеръ, а что онъ былъ? Дворянинъ, майоръ и сынъ Андрея Богданыча. Отцы ваши, дѣды и прадѣды этому бы не дивились; отцы бы сказали «спасибо», дѣды: «не диковина», прадѣды: «нашего поля ягода».

А вы говорите: «полно правда ли?» Да полно слышали ли вы, что сдѣлалъ..... (*) при Дмитріи Самозванцѣ. Исповѣдался, причастился и пришелъ ему доказывать при всѣхъ, что онъ не царь, а Гришка разстрига. Тутъ его и изрубилъ.

А бомбардиръ, который попался къ Пугачеву и наречно привелъ разбойниковъ ночью на батарею, закричалъ своимъ: «стрѣляйте, ребята, вотъ измѣнники!» и былъ убитъ съ ними?

Знайте, что геройству, вѣрности, государю и отечеству, великодушію и безкорыстію Русскихъ нѣтъ конца, и для того врежде смѣя никто не хвасталъ, что было не въ диковину. Гдѣ былъ Ножарскій, Мининъ и Еропкины?

(*) Пропускъ въ рукописи графа Ф. В. Растопчина.

Еще вотъ новая бѣда: тѣ, кои мало знаютъ, или вовсе не знаютъ знаменитыхъ своихъ соотичей, а наизусть вытвердили анекдоты французской монархіи отъ Фарамонда до Людовика XVI-го, тѣ вѣрно все помнятъ исторію сержанта Жилета и капитана д'Ассаса, для того, что они Французы, что учителя про нихъ твердили, и что ихъ портреты вездѣ. Жилетовъ и я помню видѣлъ въ Зимогорьѣ и въ Кременчугѣ въ трактирахъ. Цѣна имъ я думаю 10 копеекъ, да и дѣло бездѣльное. Жилетъ, инвалидный сержантъ, шелъ податъ дѣсу, кричать разбой, онъ на шумъ—видитъ двухъ воровъ, дѣвку привязанную къ дереву. Жилетъ одного вора ранилъ, другой ушелъ, дѣвку отвязалъ, отвелъ домой, исторію огласилъ, портретъ списали, награвировали, собрали денегъ, въ театрѣ надѣли лавровый вѣнокъ и, вмѣсто Жилета-просто, стали звать—храбрый Жилетъ: А д'Ассасъ, въ семилѣтнюю войну, пошелъ ночью дозоромъ по дѣсу, шелъ впередъ. Его остановили прусскіе гренадеры и сказали: «Молчи, или смерть!» Д'Ассасъ вскрикнулъ: «Ко мнѣ, овернскіе! вотъ непріятель!» (à moi d'Auvergne! voilà les ennemis!), и д'Ассаса награвировали, но онъ дорожъ и въ трактирахъ его нѣтъ, а находится въ домахъ, гдѣ жалуютъ эстампы.

Къ стыду общему, у насъ, можетъ-быть, есть и не одинъ такой, который, смотря на д'Ассаса и на Жилета, воспламеняется духомъ, завидуетъ Французамъ и не въ первый разъ жалуетъ, что и самъ не Французъ. Закричи: «А moi mes amis!» онъ радъ въ окно выпрыгнуть. Заревни: «нашихъ бьютъ!» онъ спроситъ: «чьихъ?»

Отецъ ихъ не отворачивайся, мать не прячь лица. Я дождусь какъ выйдутъ дѣти и скажу вамъ: «Жаль васъ, жаль время, жаль дѣтой: васъ—что вамъ въ старости не будетъ утѣшенья; время—что напрасно пропало; дѣтей—что они ни то, ни сѣ, ни рыба, ни мясо.»

Глава XIV. — Артельщикъ.

Шелъ я, гуляя, по Фонтанкѣ, въ ноябрь, въ то самое время, какъ рѣка только лишь стала; увидѣлъ толпу людей и посреди дѣвку въ дурномъ платьѣ, которая хотѣла-было утопиться; видъ у ней былъ и странный и развратный. Всѣ ее бранили, всѣ упрекали и давали не въ время поученія. Я спросилъ, кто ее вытащилъ, и одинъ изъ толпы сказалъ: «а вѣнь въ синемъ-то». Тогда, подошедъ къ этому челоуку, который, дрожа отъ холоду, выжималъ кулаки, я началъ съ нимъ слѣдующій разговоръ:

Я.—Ты, братъ, вытащилъ дѣвку-то изъ воды?

Синій.—Я-съ; мнѣ Богъ помогъ.

Я.—Да отъ-чего это она хотѣла утопиться?

Синій.—А Господь ее знаетъ; видно блажь нашла. Я вотъ шелъ

отъ хозяина съ письмомъ, — иду, а она, дурища, прибѣжала на ту сторону, посмотрѣла, знашь, черезъ перила-то, да и бултыхъ; а я перекрестился, да туда же за ней.

Я. — И не раздѣвшись?

Синій. — Куда раздѣваться! Ужь тутъ нѣчего кафтана жалеть: какъ-нибудь бы да душу-то спасти.

Я. — И скоро ты ее схватилъ?

Синій. — Схватилъ-то скоро, да долго бился. Знашь, ледъ; онъ, правда, хоть и тонокъ, да плыть-то несподручно, а подсобить нѣ кому, вотъ што! Она же меня схватила за руку, да и замерла, видно отъ испуга; такая пострѣлъ, топиться-то топилась, а на дно не хочется.

Я. — Въдь и ты могъ бы съ нею утонуть? А ужь ей безъ тебя не быть бы въ живыхъ.

Синій. — А почему жь такъ? Народу много ходитъ; ну, не я, такъ другой бы вытащилъ. Пожалуй, не диковинка; ну, да вотъ вишь спасъ обвхъ.

Я. — Доброе дѣло ты сдѣлалъ; въдь не смотрѣть на нее. Вотъ братъ, тебѣ двадцать-пять рублей: ты прозябъ; выпей да согрѣйся.

Синій. — Да я-съ и вина-то сроду не пью, а озябать намъ не привыкать. Деньги-то лучше, баринъ, дай этой дѣвкѣ; не диви, она отъ бѣдности и руки-то на себя наложила.

Я. — Скажи же, другъ сердечный, откуда ты?

Синій. — А вотъ недалеко, отъ Вологды; я артельщикъ, служу на конторѣ. Прощайте, баринъ; доброе вамъ здоровье. Пойдти выпить сбитню съ перечкомъ.

Сказавъ сіе, синій другъ человѣчества пошелъ по Фонтанкѣ такъ, какъ-бы онъ не дѣлалъ славнаго дѣла, не подвергалъ жизнь свою опасности, и пристыдилъ меня отказомъ. Я вошелъ опять въ толпу; дѣвку узнали, что она Чухонка, не знала говорить. Чему дивить! и утонуть-то не умѣла. Я отъ ней хотѣлъ узнать, что ее принудило къ самоубійству; но она ни говорить, ни смотрѣть не хотѣла. «Вишь кака рыжая! эка чертовка!» Народъ разошелся, дѣвку взяли на съезжую сушить, спрашивать и увѣщевать; а у меня остался навсегда въ памяти артельщикъ. Я его какъ теперь вижу: мужикъ лѣтъ тридцати, невеликъ, бородка черная и взглядъ свой, то-есть честный. Онъ, вѣрно, тотчасъ забудеть, что спасъ челоуѣка, и вспомнить развѣ иногда зимою, когда прозябнетъ.

Вотъ вы слышали о Чухонкѣ и о синемъ кафтанѣ; прошу сказать, каковъ вологодскій мужикъ? Взглянулъ, увидѣлъ опасность, забылъ себя, спасъ челоуѣка, встряхнулся и пошелъ!.. Вотъ д'Ассасъ! вотъ Жилеть! Вотъ работа для живописца, для стихотворца; вотъ цѣна для сердца и души, но не для всякой...

Глава XV. — Рожденіе и крестины Луки Андренича.

Лука Андреничъ родился въ сель у отца, 1-го октября, то-есть въ самый Покровъ, и въ память сего происшествія обрадованные его родители, по обещанію, обложили мѣстный образъ въ богатую ковванную ризу. Радость ихъ была отъ-того велика, что Настасья Матвѣвна (матушка Луки Андренича) шестнадцать лѣтъ не рожада послѣ родинъ перваго сына, такъ-что Андрей Богданычъ ужъ отчаявался имѣть еще дѣтей. Иногда, сидя съ женою, говаривали они такъ:

Мужъ.—Настасья Матвѣвна, надобно бѣ еще дѣтей!

Жена.—Гдѣ жъ взять, другъ мой? Богъ не даетъ, что дѣлать!

Мужъ.—Ну, какъ что дѣлать? Молиться Богу. Николай малой хоть куда, да что-то слабъ; воля твоя, а не худо бы еще намъ ребеночка-другаго.

Жена.—Что жъ? мы люди не совсѣмъ старые; можетъ-быть, Богъ въ немочи намъ и поможетъ...

Мужъ.—Вотъ ты тутъ всегда немочь-то и примъшаешь. Эхъ, съ тобой чѣмъ-то говорить нельзя!

Жена.—Ну, какъ тебѣ угодно; да съ тобой все невпопадъ.

Андрей Богданычъ, послѣ этихъ разговоровъ, бывалъ иногда сердитъ по нѣскольку часовъ, отговаривался въ-сердцахъ верхомъ садиться и на лѣстницу идти, повторялъ, придираясь ко всему: «Да гдѣ мнѣ? я ужъ изъ силъ выбился. Гдѣ мнѣ силы взять? Мы люди старые, не наше дѣло; только смѣху надълаешь.» И когда тутъ случалась жена, то она ему говаривала: «Вотъ ты, мой другъ, ко всему придерешься; у тебя всякое лыко въ строку.» Андрей Богданычъ будто не ей, всегда, бывало, сквозь слезъ проворчить: «Да коли нѣтъ ремешка, такъ и лычку обрадуешься».

Послѣ родинъ втораго сына, когда разговоръ обращался на старость, слабость, и проч., тогда Андрей Богданычъ болѣе уже не серживался, а вмѣсто отвѣта всегда засвиститъ и велитъ малому сказать мамѣ, чтобъ принесла или привела Лукашу, и, приласкавъ дитя, посмотреть лукаво на жену и всегда, бывало, ей скажетъ: «Настасья Матвѣвна! это не наше дѣло», а она ему:—И, мой другъ, что за шутка? Пожалуйста, полно. — А онъ ей: «Что дѣлать, матушка! люблю извѣщать дѣло съ бездѣльемъ.» — И такъ, родился Лука Андреничъ; а когда точно, это можно отыскать въ метрическихъ книгахъ и въ святцахъ (если цѣлы) Андрея Богданыча, въ которыхъ онъ своею рукою записалъ: «1739 года 1 октября, по власти Божіей, родился у насъ сынъ Лука, коего крестилъ воевода Сидоръ Евстафьевичъ Поборовъ съ Пульхеріей Евстигнеевной Каспиловой.» Чему жъ вѣрить, какъ не этому?

Глава XVI. — Примѣта.

Мы думаемъ, что все знаемъ, а выходитъ ничего, или очень-мало. Иной заявляетъ, что ничему не вѣрять, а ни въ чемъ не сомнѣвается; другой надъ всѣмъ смѣется, а все уважаетъ; третій ничего не боится, а отъ всего дрожить. Разсудокъ запрещаетъ вѣрять снамъ, предчувствіямъ, примѣтамъ; но многіе примѣры заставляютъ колебаться въ отверженіи существа многихъ вещей, совсѣмъ уму человѣческому непонятныхъ. Сны больше всего занимаютъ, радуютъ и печалятъ многихъ людей. Доктора доказываютъ, что сонъ есть произведеніе обремененнаго слабого желудка, раздраженныхъ нервовъ, паровъ, кои, поднимаясь въ голову, тѣснятъ мозгъ, приводятъ въ дѣйствіе воображеніе и разстроиваютъ сонъ, определенный всякому животному, для возстановленія истощенныхъ бдѣніемъ силъ,— все это хорошо; однакожь, это все пустословіе, потому—что до-сихъ-поръ ни одинъ докторъ не знаетъ причины дѣйствія нервовъ, отъ-того, что анатомы тѣла мертвыя, въ конхъ жизненнаго движенія уже нѣтъ. Три вѣка анатомія была главный предметъ медицинской науки и служила ей фундаментомъ; думали всѣ, что она доведена до совершенства; но вдругъ какой-то Галль открылъ первый, что мозгъ въ черепѣ сложенъ какъ салфетка, и что его можно развертывать. Следственно, судить по неодушевленному тѣлу о дѣйствіи моральномъ живаго человѣка все равно, что узнавать людей по домамъ, въ которыхъ они нѣкогда живали; но зато вареніе желудка въ точности доказано, надобно думать отъ-того, что безъ воображенія, безъ дѣятельности, безъ пылкости и безъ ума жить легко можно, а безъ ума никакъ; да она же главный предметъ эскулаповъ въ практикѣ; отъ ней они сыты сами и отъ нихъ аптекари, столяры, каменщики, рычички, даже и мелкіе стихотворцы, потому—что стихи на смерть знатнаго или богатаго столь же по благопристойности необходимы, какъ плѣрезы, черная фланель, мавзолей и вызовъ должниковъ.

Наканунъ рожденія Луки Андреевича, отецъ его видѣлъ во снѣ, будто пришелъ къ нему въ домъ человѣкъ маленькій, сухой, блѣдный и убилъ сына; что онъ бросился на него, но маленькій человѣкъ обратился въ вѣтеръ и исчезъ, сказавъ: «не перваго и не послѣдняго». Андрей Богдановичъ проснулся, перекрестился, плюнулъ, перевернулся на другой бокъ и заснулъ; а на другой дець въ-шутку разсказывалъ сосѣдямъ свой сонъ, заключая: «вѣрь, пожалуй, снамъ! такой вздоръ иногда лѣзетъ въ глаза, что и не сообразишь.»

Послѣ родинъ, бабушка повивальная хотѣла ребенку выпустить въ ротъ капельку бѣлаго вина, но ошибкой ей подали французской водки, и дитя чуть не захлебнулся—по счастью не проглотилъ. Корнилицъ сдѣлали изъ французскаго штофа тѣлогрѣю; но ребенокъ, ко-

гда она въ праздничные дни бывала въ нарядѣ, ни подѣ какимъ видомъ не бралъ груди, до-тѣхъ-поръ, пока кормилица переодѣнется.

Изъ всего этого Андрей Богданычъ и сдѣлалъ заключеніе, что сынъ его новорожденный Французовъ любить не будетъ. «Смотри-ка» говаривалъ онъ Настасьѣ Матвѣевнѣ: «вѣдь это не даромъ Лукаша-то штофной тѣлогрѣи не любитъ; видно водкой-то его такъ отбаловали, что душа его ничего французскаго не принимаетъ.»

Настасья Матвѣвна. — И, другъ мой, захотѣлъ ты ума отъ ребенка! онъ блажить такъ; будто онъ знаетъ, что такое водка и штофъ французскій! Да за что ему Французовъ не любить?

Андрей Богданычъ. — Ну, да и любить-то не за что; народъ пустой и люди сумасбродные, все гѣеры. Я хоть мало ихъ видѣлъ, да довольно съ меня; они мнѣ совсѣмъ не по натурѣ.

Настасья Матвѣвна. — Да они, сказываютъ, такіе люди утѣвые.

Андрей Богданычъ. — Я этого-то и не люблю. Коли человекъ все кланяется: либо нищій, либо плутъ,—право такъ!

Настасья Матвѣвна. — Вотъ ты и готовъ бранить.

Андрей Богданычъ. — Да хоть и побить.

Настасья Матвѣвна. — Помилуй! За что же?

Андрей Богданычъ. — Да такъ. Все-таки лучше дать острастку.

Прошу не забыть сонъ отцовъ, водку бабушки и тѣлогрѣю кормилицы. Следствіе покажетъ, что это все не даромъ.

Глава XVII. — Воспитаніе.

Кормилицу выбралъ самъ Андрей Богданычъ, молодую и здоровую бабу, разспросивъ подробно и провѣдавъ всячески о ея нравственности и поведеніи. Много при семъ случая было искательства и провсковъ: о иной бабѣ просилъ прикащикъ, о другой ловчій, о третьей казначей; но просьбы остались втунѣ, и до родинѣ баринѣ отговаривался однимъ словомъ: «посмотримъ»; а какъ родился дитя, то послалъ за назначенной имъ бабей, и она была приведена, объявлена кормилицей новорожденного и введена безъ присяги въ должность, получа слѣдующее поученіе отъ господина: «Смотри жь, Анисья! береги ребенка, какъ глаза, твое счастье въ томъ: коли выкормишь порядочно, то тебѣ 20 рублей, и мужъ и ты въ отставку; а коли не то, такъ въ зашеи прогоню, да и на глаза ко мнѣ не показывайся! Слышишь? Было бъ тебѣ сказано.»

Анисья поклонилась въ поясъ и отвѣчала: «вѣстимо дѣло», и обратилась въ холмогорскую корову. Въ то же время опредѣлена къ ребенку и мама. Она хаживала нѣкогда за барыней, а послѣ за клю-

чами, была умная и честная женщина. Андрей Богданыч за то ее любилъ, что мужъ ея утонулъ въ Окъ, бросившись спасать его въ одно время, какъ онъ перевозжая весною, провалился на льду, и когда рѣчь доходила до опасности, до вѣрности и до хорошихъ слугъ, то Андрей Богданычъ всегда со вздохомъ говаривалъ: «Много людей, а другаго Филиппа врядъ ли najити! Сердечный! вѣчная ему память!»

Эта мама была при дитяти до 9-ти лѣтъ, сыпала въ одной съ няней горниці, и поселила по-своему въ него страхъ Божій и любовь къ родителямъ, приучила къ чистотѣ и опрятности, и столь умѣла довести ребенка себя любить и почитать, что когда она умерла, то онъ съ недѣлю былъ неутѣшенъ.

Физическое воспитаніе, надобно думать, было хорошо, потому что Лукаша 10-ти мѣсяцевъ сталъ ходить; въ три года Герасимовна (имя мамы) не могла его догнать; въ шесть лѣтъ ужъ онъ хаживалъ версты за пять въ поле ловить перепеловъ, а въ 9-ть могъ по цѣлому утру ѣздить на иноходцѣ съ собаками.

По-русски его училъ священникъ, ариметикъ самъ отецъ, а послѣ смерти его — по-нѣмецки, геометріи и на скрипкѣ играть Юганъ Христофоровичъ фон-Бутергаузенъ, оставной инженерный штык-юнкеръ. И не мудрено! онъ не зналъ простуды и неваренія желудка, — пылъ и ѣлъ чего сколько душа хотѣла, по субботамъ хаживалъ въ геенну, т. е. въ баню, сыпалъ равно на сквозномъ вѣтрѣ и на лежанкѣ; въ горниці сиживалъ въ тулупъ, а на дворѣ въ морозъ бѣгивалъ въ халатъ, квасъ пылъ на молоко, чай па рѣпу, познакомился съ 3-хъ лѣтъ съ лѣнливыми щами, съ ботвиньемъ, съ няней, съ рубцами, съ блинами, съ киселями, кашами, чинеными желудками; и когда спѣшилъ ѣсть, то отецъ улыбаясь говаривалъ: «Э, какъ Лукаша уписываетъ! за ушми пицить!..»

Глава XVІІІ. — Няня.

Помѣстя въ числѣ кушаньевъ ниню, намѣренъ тѣмъ, кои не знаютъ, что это за блюдо, — его описать. Няня составляется изъ телячьей головы, изъ гречневыхъ крупъ и свѣжаго коровьяго масла; все кладется въ горшокъ, замазывается тѣстомъ и становится на сутки въ печь; потомъ изъ горшка выходитъ кушанье, въ коемъ мудрено рѣшить: что вкуснѣй — каша или мясо? Почему же такое смѣшное названіе? А почему же оно смѣшнѣе котлетовъ въ бумажкахъ (en papillotes), котлетовъ съ жабами (à la sarcraudine), и ста другихъ блюдъ имѣющихъ смѣшныя и незначашія названія? Что нужды до имени, когда знаешь вещь; желудку надобна пища, а не слова; няня же, ей-Богу, здоровѣй, питательнѣй и вкуснѣй, чѣмъ бир-сунъ, габер-сунъ,

клубки, луковый супъ (soupe à la Poignon), макарони и пудинги съ изюмомъ.

Можетъ-быть, я напрасно выдаю эту главу; но хотѣлъ остеречь тѣхъ, кои, плохо зная русское, могутъ подумать, что дитя былъ людоѣдъ и кушалъ нянюшку; сѣдственно, это просто объясненіе въ непросвѣщеніи, да и куда мнѣ учить ученыхъ! я не философъ, а Русскій, живу по-русски, думаю по-русски, и еслибъ не родился Русскимъ, то сокрушался бы, что не Русскій.

Глава XIX. — Должно вы —

найти другое слово для означенія воспитанія нравственнаго, потому-что слово «воспитаніе» больше относится къ тѣлесному, происходя отъ глагола питать, выкармливать; въ-старину въ этомъ нужды не было, потому-что нравственность и наука заключались въ наученіи закону Божію и въ присягѣ; но тогда молодые люди, по примѣру родителей, знали священное писаніе наизусть, и лучъ святой истины въ юномъ еще возрастѣ проникалъ въ глубину души и просвѣщалъ умы, неподверженные умствованіямъ и незараженные вольнодумствомъ. Люби Бога, государя, отечество, честь; стой и умирай за нихъ,—вотъ поученія, приказанія отцовъ и матерей... Они тогда умѣли любить, умѣли и наказывать дѣтей. Тогда косою взглядъ отца или матери былъ поразителенъ, даже для сѣдаго сына или дочери. Почтеніе и повиновеніе столько же тогда были свойственны дѣтямъ, какъ нынче вѣтреность и неуваженіе.

Такъ-какъ старики были люди умные, то они и знали всю цѣну здоровью; безъ него нѣтъ счастья, нѣтъ пользы, нѣтъ утѣхи... Мнѣ возражатъ: много было и есть людей съ слабымъ здоровьемъ, но съ отличными дарованіями? Я не спорю, но и со мной спорить не можно въ томъ, что эти же самые люди, съ крѣпкимъ сложеніемъ, имѣли бы еще гораздо больше и ума и знаній, и, занимаясь меньше сохраненіемъ слабаго здоровья, больше бъ могли быть полезны. Какъ сильно работать головою и быть дѣятельну, когда нѣтъ надежды довести къ концу начатое, когда должно дѣлать время между болѣзнями и докторами! Какъ думать свободно о чемъ-нибудь, когда должно поминутно быть занату собою... пять мѣсяцевъ бояться воздуха, а семь—сидѣть въ-заперти!.. Повѣрьте, что безъ хорошаго желудка человекъ и себѣ и другимъ въ тягость. Всѣ тѣ, которые произвели великія дѣла, были крѣпкаго сложенія и варили пищу хорошо. Посмотрите, что произошло отъ дурныхъ желудковъ! сколько прибавилось докторовъ, аптекарей, карликовъ, дураковъ и проч... Праотцы наши съ трудомъ наѣдались, а мы всего объѣдаемся; доказательство тому, что почиталось за обиду, когда почетный гость от-

кажеть кушанье или вино, уговаривали словомъ: «за что же такая немилость? не обидьте насъ»... Ну, да если желудка испортились, на что же вздѣть по званымъ обѣдамъ? а гдѣ жь почваняться, какъ не у подчиненнаго, у челобитчика, у купца, у приверженнаго? Они зовуть изъ чина, изъ дѣла, изъ подряда, изъ хвастовства, чтобъ сказать: «его сѣятельство, или высокопревосходительство, изволилъ, по милости своей, у насъ кушать», — и спасибо за такой обѣденный столъ никто не скажеть хозяйну; изъ пяти четыре, объѣвшись, его же бранятъ, приговаривая: «окормилъ, чортъ его поберн». Чортъ у людей всегда въ чести и главный повѣренный во всѣхъ дѣлахъ.

Глава XX. — Мамы.

Хоть мамы эти, кои хаживали за дѣтьми и были простыя барскіа-барыни, безъ просвѣщенія, въ набойчатыхъ или ситцевыхъ кофтахъ, съ повязаннымъ на головѣ платкомъ; но онѣ отнюдь у дѣтей ни умовъ, ни сердце не портили; хотя и пугали ихъ волками, мертвецами и смертью-курноской, но не говаривали, что отецъ дуракъ, мать зла, что все послѣ дѣтямъ достанется. И чѣмъ жены англійскаго конюха, швейцарскаго пастуха и нѣмецкаго солдата должны быть лучше, умнѣй и добронравнѣй женъ нашихъ прикащиковъ, дворецкихъ и конюшнихъ? Но это мамы, а тѣ *bonnes* — все для того, чтобъ ребенокъ первыя нужныя слова, которыя послѣ и забудеть, выговаривалъ не по-русски; однакожь изъ него сдѣлають не сѣраго попугая, скворца, сороку; эти говорятъ: «*veux tu déjeuner Jacquot?*», «попъ у воротъ», «сорокъ каши», а дѣти: «*bonjour, papa*», «тенкъ ю (*thank you*)», «гутъ моргенъ (*gut morgen*)». Тутъ мнѣ скажутъ: да какъ нынче маму выпустить? сынъ мой не Митрофанушка. Ну! берите иноземокъ!.. Да и барскихъ-барынь нынче ужь мало, а все дѣвушки, которыя днемъ и вечеромъ подъ окномъ, днемъ въ домъ, а ночью на улицѣ, и онѣ больше знаютъ воспитательный домъ, чѣмъ приходскую церковь.

Глава XXI. — Послужный списокъ Луки Андревича.

Въ 1755 году записанъ въ преображенскій полкъ солдатомъ и въ томъ же году пожалованъ капраломъ. Въ 1756 въ фурьеры, въ 1757 въ подпрапорщики. Въ 1758 выпущенъ по именному указу въ поручики, бывъ въ Царскомъ Селѣ на ординарцахъ при полученіи извѣстія о побѣдѣ надъ Пруссакими, и определенъ въ санктпетербургскій полкъ. Въ 1759 пожалованъ въ капитаны за взятіе въ плѣнъ роты съ офицерами. Въ 1760, за отличіе, въ секунд-майоры, отбивъ у непріятеля 8 пушекъ. Въ 1762, при производствѣ по арміи, произве-

день въ премьер-майоры. Въ 1766, въ полковники, въ 1771 въ полковники, за храбрость, при взятіи штурмомъ Бендеръ. Въ 1773 раненъ и отпущенъ до излеченія, пожалованъ кавалеромъ военнаго ордена. Въ 1774 отставленъ бригадиромъ. Въ 1776 женился.

Глава XXII.— Помилуй, батюшка!

Зачѣмъ изволилъ помѣстить женитьбу въ послужной списокъ? Это, право, ни къ селу, ни къ городу!—Извольте выслушать, а тамъ поведите подъ военный артикулъ. Благословенъ и многосчастливъ тотъ человекъ, котораго Богъ надѣлитъ женой честной, умной, благо- нравной и великодушной. Въ ней супругъ имѣетъ любовницу, жену, друга, совѣтника для себя, наставника, попечителя и примѣръ для дѣтей. Ею удвоится счастье самаго благополучнаго человека, умножаются забавы, спокойствіе, утѣшеніе и отрада въ жизни. Разстава- ясь со свѣтомъ, мужъ сей жены сокрушается больше о пей, чѣмъ о самомъ-себѣ. Полвѣка счастья кажется ему минутою; онъ не видитъ въ предстоящемъ ни разврата, ни невѣжества, ни напастей для дѣ- тей своихъ, представляя ихъ въ глазахъ и подъ покровомъ добродѣ- тельной матери, и умирая, проситъ у Бога единой милости — чтобъ продлилъ жизнь жены его... Вотъ союзъ, гдѣ все дни ознаменованы взаимнымъ счастьемъ, единодушною молитвою благодарности къ Творцу міра!.. Союзъ завидный, примѣрный, — но рѣдкій, и очень- рѣдкій; однакожь, у насъ есть, — и я его описалъ, не выходя изъ сво- его дома. А тамъ далѣе—обыкновенно по тому, что мы знаемъ, что видимъ, что слышимъ, счастье часто, кажется, будто женится на люб- ви, или дружба на добродѣтели, —ничего не бывало: бѣда на прока- зѣ, или скука на дурнотѣ... Отъ-чего же это? Отъ-того, что женятся большая часть по страсти слишкомъ-молоды; тутъ ни разсудка, ни глазъ, ни ушей быть не можетъ; а тамъ и найдутъ причины, и вотъ въ какомъ порядкѣ: 1) страсть, 2) богатство, 3) знатность, 4) чины, 5) покровительство, 6) подлость, 7) скука, 8) огорченіе, 9) стран- ность, 10) свычка, 11) скотство, 12) страхъ, 13) такъ. Какъ же, вы- нувъ изъ этой лотереи два нумера, то-есть, мужичка съ бабочкой, не найдти картину военной службы въ неудачной женитьбѣ: сперва служба легкой кавалеріи и коной артиллеріи, потомъ тяжелой ка- валеріи, осадной артиллеріи, гарнизонная, инвалидная... Мужъ съ женой въ войнѣ — рѣдко въ перемиріи, сшибки частыя, жена въ разбѣздахъ, мужъ на часахъ ходитъ дозоромъ, всѣхъ окликаетъ, ловить курьеровъ, шпионовъ, языковъ. Жена, какъ открытый го- родъ, или крѣпость съ проломомъ, сдается—кто ни подступитъ, и бер- утъ ее подкопомъ, переговоромъ или обманомъ, изнуренную форси- рованными маршами и трудами, приведя все въ безпорядокъ и затопя

окрестности. Когда мужъ появляется, непріятель отступаетъ, а онъ исправляетъ все испорченное, осушаетъ залитое, засыпаетъ ворота. Часть гарнизона гоняетъ шпиритутенами, нѣсколькихъ, для страшнаго примѣра, отсылаетъ въ каторжную работу и сидитъ вооруженный у подъемнаго моста, увѣчиваетъ, напоминаетъ любовь, законъ, присягу; но только-лишь вонъ изъ крытаго пути и вышелъ въ форштатъ, то другой непріятель, или тотъ же опять, занимаетъ его мѣсто, и крѣпостца, по превратности вещей въ міръ семъ, ежедневно переходитъ изъ-рукъ-въ-руки; нѣтъ въ ней ни дня ни ночи покою, только и видно, что и свои и чужіе взадъ и впередъ входятъ и выходятъ. Теперь, прошу сказать, можно или нѣтъ помѣстить въ послужный списокъ ту женитьбу, въ которой мужъ попадаетъ въ крѣпость? Можно и должно!!!..

Глава XXIII. — Дополненіе къ русскимъ мамамъ.

Спорилъ, одинъ разъ, я до слезъ съ пріятелемъ, который, пріуча себя терпѣть Французовъ, читавъ много ихъ книги, проводя много время въ ихъ землѣ, сдѣлался нѣсколько къ нимъ пристрастенъ и несправедливъ на-счетъ своей земли. Онъ нападалъ слегка на многіе русскіе обычаи, охуляя ихъ, а я защищалъ все грудью, приводя примѣры подобный или похожій на наши въ чужихъ краяхъ. Главное преніе было о воспитаніи, и онъ ополчился крѣпко противъ мамъ и нянь русскихъ. «Что это за дрянн!» кричалъ онъ: «чему отъ дуръ научиться? онъ прививаютъ глупость дѣтямъ, продолжаютъ ихъ невежество, населяютъ въ нихъ предрасудки, удаляютъ просвѣщеніе и закалываютъ ихъ головы.» — А французскія няни, или, по-вашему, *bonnes* (добрыя), не врутъ при дѣтяхъ? — «Совсѣмъ нѣтъ, или меньше, онъ сказываютъ басенки, исторійки, поютъ пѣсенки, и во всемъ есть что-нибудь поучительное, занимательное и нравственное.» — Поздравляю! прошу выслушать: я видалъ много и русскихъ мамъ и нянь и чужестранныхъ; вспомню, что тѣ и другія говорятъ и станемъ сравнивать. До четырехъ лѣтъ дѣтей забавляютъ, унимаютъ отъ слезъ или ищашаютъ плакать; обыкновенно держитъ няня ребенка на рукахъ или на колыняхъ и сказываетъ ему, что знаетъ, а все одно.

Англичанки говорятъ:

See, saw,
Margery Daw
Lord her bed
And laid upon straw.
Was not she
A nasty slut
To sell her bed
And lay in the dirt?

Переводъ:

Си са
Маржере да
Продала постелю
И легла на солому.
Не была ли она
Замараная потаскушка,
Что постелю продала
И въ грязь легла?

To market goes the gentleman
 So do we, so do we.
 There goes a lady
 An amble, an amble:
 There goes a Mylord
 A trot, a trot.
 There goes a footman
 A galop, a galop.

Французенки:

Oeil oeillet
 Jone brulée
 Joue rotie,
 Menton bis,
 Bouche d'argent,
 Nez cancan,
 Craque, Margotte!

Вдѣтъ на торгъ господишь,
 Такъ и мы, такъ и мы;
 Тамъ вдѣтъ барыня,
 Иноходью, иноходью;
 Тамъ вдѣтъ мплордъ,
 Въ рысь, въ рысь.
 Тамъ вдѣтъ лакей,
 Въ скокъ, въ скокъ.

Переводъ:

Глазъ гвоздика,
 Жлоная щека,
 Жареная щека,
 Черный подбородокъ,
 Серебряный ротъ,
 Прямой носъ,
 Хватай, Маргота!

Русскія:

Сорока, сорока,
 Кашу варила,
 На порогъ поскакнвала,
 Гостей посматривала.
 Вотъ этому дала
 И этому дала,
 А этому не дала,
 Овъ оплошала.
 Тутъ пень,
 Тутъ колодезь,
 Тутъ тепленькая водица.

И въ эту минуту сперва щекотать ребенка на ладонь, тамъ на сгибъ рукъ, а наконецъ подъ мышкой — какъ смѣется! А отъ 4 до 7 лѣтъ обыкновенная исторія по-французски:

De la Barbe Bleu,
 Du petit Poucet
 Du prince Riquet.

Синяя борода,
 Мальчикъ съ пальчикъ,
 Принцъ Рикеть.

Пѣсни:

Compère, dors-tu?
 Et si je ne dormais pas que me usch tu?
 Prêtes-moi ton âne pour aller à Pegon.
 Ah! compère, je dors.

— Кумъ! спишь ты?
 — А если не сплю, что тебѣ надо?
 — Суди своимъ осломъ съзидать въ го-
 родъ.
 — Ахъ, кумъ! я сплю.

Что за поученіе — обманывать? притвориться соннымъ и отказать грубымъ и глупымъ голосомъ ола куму?..

J'ai du bon tabac dans ma tabatière
 J'ai du bon tabac, tu n'en auras pas.

У меня есть славный табакъ въ табакеркѣ,
 У меня есть славный табакъ, да не для
 тебя.

J'en ai du fin
 Et du rappé,
 Mais ce n'est pas pour ton vilain nez.

Есть хорошиі
 И стертый,
 Но не для сквернаго твоего носа.

Что тут хорошаго: дразнить табакомъ и упрекать сквернымъ носомъ?..

Давно ужъ я привыкъ, какъ пріятно быть горбатымъ.

Это что за непристойность? и какъ пріучать ребенка насмѣхаться надъ безобразіемъ, отъ коего не въ нашей волѣ избавиться?.. Наши сказки о Бовѣ Королевичъ, о Евдонѣ и Берѣѣ, о Ерусланѣ Лазаревичѣ, о Ильѣ Муромцѣ, заключаютъ нѣчто рыцарское, и ничего неблагопристойнаго въ нихъ нѣтъ.

ГЛАВА XXIV.—ПОВЕДЕНІЕ.

Когда Луку Андреича братъ записалъ въ гвардію, то оставилъ жить въ домѣ у капитана той роты, который былъ внучатный дядя недорослю, человекъ старый, расположенный умереть въ гвардію, отказавъ полковничій чинъ въ армію; онъ жилъ дома по-старинѣ, былъ хлѣбосоль, командиръ и наставникъ добрый. При Лукѣ Андреичѣ оставленъ былъ его дядька — Анисимычъ, у коего и деньги были на рукахъ, и онъ неохотно ихъ давая молодому своему барину, пріучалъ его нечувствительно къ бережливости, а чтобъ лучше отдѣлаться въ случаѣ требованій, имѣлъ всегда готовый отвѣтъ: «деньги не мои; пожалуй, извольте брать, да вѣдь я братцу отдамъ отчетъ, тогда не мнѣ стыдно будетъ, хоть я за васъ и дурное слово прійму»... Да, въ тогдашнее время и слуги подобные бывали и прісмотрѣть другой. Недовольно родные, да и знакомые, или сослуживцы старикамъ заступали ихъ мѣсто у дѣтей. Трактировъ не знали; и если не можно никакъ было помѣстить у себя въ домѣ, то заставляли молодыхъ людей жить по близости себя, чтобъ имѣть всегда подъ глазами. Бѣда, когда день не побываетъ — залѣнился на службу, или замотался: тотчасъ поученіе и наказаніе. Отъ этого самаго молодые люди сохраняли нравственность, здоровье, честь, почтеніе къ старикамъ и уваженіе къ начальству. Долгъ этотъ обращался въ привычку; имъ въ голову не приходило, чтобъ должность ихъ, законами предписанная, и старый или заслуженный человекъ могли быть смѣшны; и, проводя молодость въ семь честномъ житіи, въ совершенныхъ лѣтахъ они сами содѣлывались примѣрами, а въ старости наставниками, возвращали внучатамъ правила, переданныя имъ дѣдами,—и вотъ этотъ-то долгъ красенъ былъ платежомъ. И такъ Лука Андреичъ ходилъ до смерти по стопамъ добродѣтели, молодымъ былъ замѣченъ по службѣ исправностію, поведеніемъ, ревностію и отличной храбростію начальниками, былъ учтивъ, но не искателенъ, съ подчиненными ласковъ, строгъ, всю жизнь веселъ, шутливъ, хлѣбосоль, защитникъ притѣсненныхъ, благодѣтель бѣдныхъ, утѣшитель несчастныхъ. Офицеры, солдаты, слуги

его и крестьяне называли отцомъ; и онъ точно былъ нѣжный отецъ для всѣхъ тѣхъ, кои отъ него зависѣли. Чтò же счастливѣе могло быть. Подождите, онъ еще живъ.

ГЛАВА XXV. — ПОРТРЕТЪ.

Росту онъ былъ 2 арш. 10 вершковъ съ четвертью, широкоплечъ, прямъ, по-русски богатырь, по-заморски Геркулесъ, черноглазъ и черноволосъ. Хотя черты его лица были нѣсколько и грубы; но глаза, въ коихъ была его душа, имѣли силу привлекательную: взглядъ его подзывалъ всѣхъ, никому не говорилъ: «не подходи». Сила была чрезвычайная, и онъ съ прусской войны заклѣлся никого изъ своихъ рукъ не бить, ударивъ разъ по щекъ Жида, укравшаго артельныя деньги; но Евреи живущи, и плутъ Исаакъ, полежаваъ за-мертво часовъ съ шесть, въ госпиталѣ съ мѣсяцъ и поплеваваъ кровью съ годъ, оправился и пересталъ красть, чтò почти невѣроятно. Послѣ раны Лука Андреичъ потерялъ съ силою часть здоровья и подстарость имѣлъ препотенный видъ; сохранилъ до конца жизни волосы и зубы, и всегда и вездѣ въ немъ видѣнъ былъ воинъ, баринъ и молодець. Одвѣвался по лѣтамъ безъ всякой странности и всегда въ георгиевскомъ крестѣ, говоря: «это мой грудной аттестатъ и паспортъ». Портретовъ его не осталось, хотя два раза писали: одинъ не полюбился за то, что живописецъ, желая дать ему видъ геройскій, далъ видъ злой; а другой написалъ его съ книжкою, и онъ говорилъ мнѣ: «въ портретахъ неудача: на одномъ представили мизантропомъ, а на другомъ философомъ съ адресъ-календаремъ».

ГЛАВА XXVI. — АНЕКДОТЫ.

Когда онъ былъ раненъ, то вылечившему его фельдмаршалову доктору офицеры подарили, собравъ между собою, 1000 рублей. — Подъ Хотиннымъ сказали въ лагерь, что Лука Андреичъ убитъ, весь полкъ прибѣжалъ въ отчаяннiи; увидя его невредима, солдаты стали креститься и, узнавъ, что убитъ майоръ фонъ Газенхиропъ, иные сказали: «ну, туда и дорога!» Лука Андреичъ ихъ за это сталъ было бранить; но гренадеры отвѣчали: «майоровъ много, можно и нажаловать, а тебя, отца нашего, Богъ одного создалъ». — Во время мирнаго торжества, когда онъ былъ съ почтениемъ у кагульскаго побѣдителя, то сей ему сказалъ: «Знаете? мнѣ жаль васъ видѣть въ отставку, служба объ васъ всегда жалѣть будетъ; вѣдь я вамъ говорю это истину; я съ вами служилъ и васъ знаю, да кто же васъ и не знаетъ?»..

Когда сынъ его представленъ въ армiи былъ непобѣдимому Суво-

рову, то сей герой, спрося, и узнавъ, что онъ сынъ Луки Андреича, сказалъ: «Батюшка твой отличный человекъ, хребрый офицеръ, христіанинъ, патриотъ; коли ты въ него, то далеко пойдешь, помилуй Богъ; пожалуйста, будь въ отца, лучше быть нельзя; попы започють «Тебе Бога хвалимъ».—Во всей губерніи при спорахъ всъ говаривали: да, я правъ, хоть сейчасъ на судъ къ Лукъ Андреичу. Въ домъ, когда онъ сыпалъ, то ни одинъ человекъ громко не говаривалъ и всъ ходили на-ципочкахъ, передавая другъ другу: «баринъ изволить почивать; ему покой дать надо; не шумите, братцы». — Если въ разговорахъ кто въ привѣтствіе или въ похвалу напоминалъ сбъ этихъ местныхъ случаяхъ и просилъ подтвержденія у самого Луки Андреича, то онъ изъ скромности перебивалъ разговоръ двумя рѣчьми: «мало ли чего было, не все припомнишь!» Какъ хочется обнять Луку Андреича! А я бъ у него и руку поцаловалъ...

Глава XXVII.—Свой языкъ.

Лука Андреичъ любилъ пошутить, но никогда въ обиду; многимъ вещамъ у него были собственные названія, коимъ здѣсь предлагается списокъ:

- Анломанъ — клеперкъ.
- Французоманъ — стригунъ.
- Нѣмцоманъ — моренкопѣ.
- Щеголь — Леандръ.
- Романическая женщина — лунатикъ.
- Гордецъ — волынка.
- Игрокъ банкиръ — лихой Татаринъ.
- Банкъ или фараонъ — застынокъ.
- Игрокъ-поверть — малолѣтний.
- коммерческій — сидень.
- Влюбленный — астрономъ.
- Путешественникъ — микроскопъ.
- Человекъ совершенный — фениксъ.
- дурной — прописной.
- плутъ — уголовный.
- Болтунъ — мельникъ.
- Привѣтственникъ — колмогоръ.
- Потакатель — виолончель.
- Грубяниъ — дубника.
- Лгунъ — газетчикъ.
- Женщина маленькая — капелъка.
- Красавица — жемчужина.
- Дурная лицомъ — держи право.
- Распутная — лоханка.
- Худая — лучника.
- Жирная — маканая.
- Ханжа — земляная.
- Человекъ подлый — туфля.
- гибкій — поклонный.
- Пьяница — кубикъ,
- Попрошайка — насосъ.

Красавица — душа.
 Горбузь — киса.
 Хромой — кавылюкъ.
 Справедливый человекъ — солнечные часы.
 Смерть — ковенискація.
 Занка — скрипуль.
 Ученый — кладовая.
 Философъ — землекопъ.
 Скучный — могильный.
 Вольнодумецъ — римскій шуть.
 Добродѣтельная жена — даръ Божій.
 Винокуръ — полугарный.
 Знатный баринъ — Юпитерь.
 Дама-сплетница — кружевница.
 — модная — шармантъ.
 Модный молодой человекъ — дезертиръ.

Г л а в а XXVIII. — Г о т о в и т с я .

Лука Андреечъ, раненый бригадиръ въ отставку, прекрасный мужчина, известный богачъ—если бы и не хотѣлъ жениться, то бѣ на немъ женились. Привыкнувъ съ малолѣтства заниматься службою, принимать или давать приказанія, онъ почувствовалъ въ одиночествѣ скуку и часто бывалъ задумчивъ. Обѣхалъ свои деревни, но не могъ въ нихъ долго остаться. Въ елецкихъ не было дома, въ саратовскихъ кончина брата сильно дѣйствовала надъ его чувствами. Въ Рязани, гдѣ было отцовское пребываніе, картина малолѣтства его, вмѣсто пріятныхъ и живыхъ напоминовеній, представляла всегда любовь и кончину почтенныхъ родителей; тамъ все было дѣло рукъ и трудовъ ихъ: палаты, церкви, садъ, заведенія. Хотя прошло 25 лѣтъ послѣ смерти; но благодѣянія ихъ живы еще были въ памяти у всѣхъ, и въ селѣ старый и малой, проходя мимо кладбища, кланялись праху благотворительныхъ господъ. Многопочтительный сынъ пролилъ слезы надъ родительскою могилою, и, неутѣшно оплакивая потерю ихъ, утѣшался тѣмъ, что походилъ на нихъ сердцемъ и душою. Поехалъ въ Москву и нечувствительно рѣшился посягнуть на бракъ, о чемъ слѣдуютъ пункты:

Г л а в а XXIX.—Н е в ѣ с т а .

Княжна Глафира Юрьевна Мишурская осталась десяти лѣтъ послѣ своихъ родителей; отецъ ея былъ человекъ простой, но надутый своимъ родомъ; не умѣя ни служить, ни жить порядочно, женился на прекрасной избалованной дѣвушкѣ, потянулся за богатствомъ—и лопнулъ. Имѣнія часть описали въ казну, другую продали съ публичнаго торга,—и мужъ съ женой, упрекая взаимно другъ друга въ разореніи, не имѣли ни довольно твердости, ни закону, чтобъ пе-

ренеть великодушно бѣдность, и отъ раскаянія, а больше отъ стыда, оставили миръ сей, въ коемъ будто отжили благородно по глупости и по вольности дворянства. Дочь взяла къ себѣ тѣтка — старая дѣвушка, и сберегла ей 200 душъ подѣ Москвою, записавъ за себя по закладной. Деревня эта оброчная была мерзкая, мужики бѣдные отъ пьянства, стриженный сухой садъ, прудъ серпцемъ — съ карасями, и домъ безъ половъ, безъ оконъ и съ течью; а какъ тетка была сама довольно богата и жила въ Москвѣ, то и дала, что называется, отличное воспитаніе племянницъ, т. е. выучила болтать по-французски, по-итальянски, пѣть и танцовать; хотя она читала всякій вздоръ и жила единственно для забавъ и похвалы, но веселье и разсыянность не развратили ея сердца: оно съ природы было доброе, и сѣмя добродѣтели въ немъ не завядало. Лицомъ она была очень хороша, стройна, умна и правила удивительно парю прекрасныхъ глазъ. Жениховъ за нее много сваталось, но ни одинъ ей не нравился, и она просила тетку ее не неволить. Старушка ей все одно твердила: «Мнѣ хочется твоего счастья, чтобъ при себѣ пристроить къ мѣсту; тебѣ ужъ 20 лѣтъ, ждать нечего, лучше не будетъ; чтобъ не завсть молодости.» Племянница жъ, въ удовольствіе тѣтки, замѣчала, что она и сама не была за-мужемъ, а жила счастливо, и получала въ отвѣтъ: «Да вѣдь мало ли что кажется?.. Я конечно ужъ свой вѣкъ отживаю, да что за жизнь? все одна, да одна, а Богъ не на то человѣка создалъ.» Племянница нѣсколько разъ принималась думать, отъ-чего тетка такъ скучала, бывъ старою дѣвушкою, — и нашла, что она не любила молодыхъ мужчинъ, дѣтей, свадебныхъ баловъ, весны и проч., но отгадать загадки не могла — и это дѣлаетъ обвѣимъ честь: племянницъ, что не все знала, а тѣтъ, что не хотѣла узнать.

Г л а в а XXX.—О т х о л к а л и.

Въ псовой охотѣ, всякъ тотъ, кто затравить русака или зайца, долженъ дать о семъ знать голосомъ, котораго на ноту никакъ положить нельзя; а онъ походить на ржаніе лошади, и это называется по-охотничьи: отхолкать. Ужъ близъ года какъ травятъ Луку Андренча, но онъ силенъ, отъ всѣхъ отдѣлывается и отъ псовыхъ, и отъ хортовыхъ, и отъ тѣхъ, что въ завиткахъ. Иногда угонять вкрутъ, но онъ ушелъ назадъ, или завидитъ — и былъ таковъ; но не все увиливать, звѣрь бѣжитъ на ловца — отхолкаютъ!

Г л а в а XXXI.—Н а ч а л о.

Лука Андренчъ увидѣлъ Глафиру Юрьевну въ одной изъ тѣхъ церквей, куда, подѣ предлогомъ пѣвчихъ, съѣзжаются изъ всего го-

рода къ объѣднѣ, и, вмѣсто молитвы о старыхъ грѣхахъ, запасаются съѣжими. Видъ дѣвушки привлекъ его вниманіе, голосъ ея тронулъ, а взглядъ поразилъ. Онъ распросилъ на паперти: кто и что она. Черезъ три дня съѣхался съ нею на ужинъ, игралъ съ теткою въ ломберъ, а племянница, сидя подлѣ нея, въ-продолженіе игры вмѣшалась въ разговоръ, а подлѣ конецъ разсуждала съ Лукою Андреемъ, помѣщая кстати пустыя рѣчи, составляющія часть занятій хорошаго общества, то-есть: «вы бѣ могли вскрыть!»—«просить позволенія», «напрасно не козыряли», «тѣтушка! какъ вамъ пассовать?» Лука Андреечъ изъ всѣхъ силъ любезничалъ и Леандромъ рѣзвился, нарочно проигрался, но остался въ выигрышѣ тѣмъ, что видѣлъ княжну и почти влюбился; а она и тѣтка въ каретѣ объ одной матеріи лишь разговаривали, то-есть о Лукѣ Андреечѣ; тѣтка говорила: «вотъ человекъ-то! и молодецъ, и богатъ, и съ репутаціей, когда бѣ да посватаеся»... А племянница свое говорила; «что жъ! не просить его, спѣшить нечего, надобно покорооче узнать; да онъ можетъ-быть обо мнѣ и не думаетъ». Но тѣтка и племянница шептали про себя: «дай Богъ».—Не знаю, искалъ или пѣтъ Лука Андреечъ, но про него было разговору часа два. Ужинали они на Воронцовскомъ Полѣ, а жили на Остоженкѣ, и отъ тягости кареты, старости лошадей и лишняго пьянства кучера, едва къ подъѣзду притащились и стали на якорь во второмъ часу. Ихъ выгрузили благополучно. Племянница пошла спать, а тетка стала на молитву, и часто повторяла со вздохомъ: «О, Господи! утѣшь меня хоть на старости», что слыша дѣвка Машка, сказала: «живой о живомъ и думаетъ».

Глава XXXII. — Продолженіе.

Тетка съ племянницей искали Луку Андрееча, а онъ ихъ. Следственно, часто и сходились вмѣстѣ. Онъ и княжна старались всякими благоспристойными способами понравиться другъ-другу; а какъ у нихъ на умъ было одно, то они скоро другъ-друга безъ объясненія поняли. Лука Андреечъ для гулянья пѣшкомъ и верхомъ и въ каретѣ лучше улицы не находилъ Остоженки, и нѣсколько разъ жизнь его была въ опасности отъ кареты, дрожекъ и скотины. Всякая лошадь и человекъ могли его толкать и въ грудь и въ спину. Занятой княжкою, онъ спѣшилъ или ее видѣть или опять на нее взглянуть. Рѣшился открыть свою любовь при первомъ свиданіи, но языкъ не говорилъ, и онъ до того ужъ влюбился, что даже помѣшался и сталъ всего бояться. Племянница слѣзалась ангеломъ, а тѣтка чортомъ, и онъ, забывъ себя, не смѣлъ уже и думать, что можетъ успѣть въ женитьбѣ. По ночамъ собирался скрывать отъ всѣхъ свою несчастную

страсть. Но городъ весь былъ въ тайнѣ. Большая часть матерей, тѣтокъ и дѣвушекъ занялись разбивать свадьбу и отнять у Глафиры Юрьевны завиднаго жениха. Стали шептать, кричать, клеветать, ругать и хоть безъ успѣха, но до дня свадьбы у зависти и сплетней надежда не исчезала; барыни и барышни, бывшія въ заговоръ противъ княжны, одобряли себя словами: «мы на своемъ поставимъ».

Стали смѣяться надъ княжною, и злословить ее Лукъ Андренчу, описывая дурной нравъ, кокетство, сплетая тысячу преглупыхъ исторій, и съ видомъ кротости, добродушія, живаго участія и жалости, помѣщали и кстати и некстати слѣдующее: «Остерегайтесь, Лука Андренчъ. Вы человекъ здѣсь новый, чтобъ послѣ не тужить; ужъ будетъ поздно; поразвѣдайте, когда мнѣ не вѣрите. Что за находка? кокетка ли счастье? много она бѣдняжка въ свой вѣкъ терпѣла отъ мужичинъ; пора ей отдохнуть, гонявшись за всеми! Вѣдь я знаю давно: похвалить нѣ за что, и писать мастерица: переписочекъ десять ужъ и побольше. Никто ея въ публикѣ терпѣть не можетъ; жениться на ней всякому можно, а жить съ ней — не знаю; эта штука хоть куда загадка коза-рара». Это говорили Лукъ Андренчу о тѣткѣ и княжнѣ.—«Не погубите, матушка, Глафиру Юрьевну: онъ мотъ; самый вѣрный человекъ меня увѣрялъ, что пьетъ по ночамъ. Сказываютъ, что женатъ на Молдаванкѣ: ужъ она и просьбу подала. Домъ у него настоящій сераль турецкій; варваръ съ людьми; долгъ неплатный, едва ли и вылечится, — чтобъ не идти по-міру; заѣсть вѣкъ ни за что, ни про что; головорѣзь.»

А вотъ дѣйствіе, какое производили всѣ эти злыя сплетни. Лука Андренчъ, по твердости духа, здравому разсудку, презиралъ все, что ему ни говорили про княжну. Любовь и добродѣтель его были ея ходатаи.

Тѣтка стояла упорно въ своемъ мнѣніи, и только лишь все время качала головой, приговаривая: «Мудрѣнъ свѣтъ. Кто на него угодить! Когда бъ я и сама меньше вздору въ молодости слышала, то бъ понапрасну не сохла.» Племянница все слушала, но ничему не вѣрила. Она умѣла разобрать всѣ достоинства Луки Андренча, отгадала качества души его, и заключила въ ней свое благополучіе; надеялась, что злость останется безъ успѣха. Но боялась дѣйствія клеветы, и неудача свадьбы была бы ей приговоръ смертный.

Желающія же Луки Андренча въ зятя, племянники, мужья, мерзкія гончія собаки, разбойницы союзовъ, виля дурной успѣхъ клеветы, не прежде, какъ въ день свадьбы опредѣлили между собой, что женихъ дуракъ, невѣста дура, тѣтка дурища, и онъ сами дуры, что хотѣли имъ добра.

ГЛАВА XXXIII. — УГОНОВОЕ ПРІСТУПЛЕНІЕ.

Законы и государи наказываютъ всѣ преступленія и вины, нарушающія спокойствіе общее, благосостояніе каждаго. Для всякой вины есть соразмѣрное наказаніе, и строгость закона укрощается лишь властію царствующаго, которому отъ Бога вручены съ судьбою подданныхъ и въсы правосудія, и даръ отирать слезы несчастныхъ милостію, надеждою, великодушіемъ.

Но сколь много жизнь, собственность и права людей покровительствуемы правленіями, столь мало и слабо защищена и ограждена честь. И это первое украшеніе рода человѣческаго, пріобрѣтаемое трудною и непорочною жизнію, угнетаемо повсюду злостію, завистію, корыстію, клеветою и коварствами. Наука вреда отъ времени до времени и употребленія дошла до совершенства. Нападая вездѣ на добродѣтель, гонить до крайности, и упорствомъ въ своихъ предпріятіяхъ часто доводитъ драгоценную честь до униженія—просить себя у порока помилованія отъ гоненій и спасенія отъ позора.

Сколько великихъ и достойныхъ, честныхъ и добродѣтельныхъ людей обоого пола стали несчастною жертвою вооруженной противъ нихъ толпы, скаредовъ, одушевленныхъ одними лишь гнусными страстями! Законъ требуетъ доказательствъ; но какія можетъ представить оклеветанный тысячами людей, изъ которыхъ всѣ виноваты тѣмъ, что пересказывали и утверждали выдуманное однимъ? Къ стыду общества, клевета въ немъ принята съ большимъ удовольствіемъ. Слова ея ловятся на-подхватъ, передаются съ прибавленіями и съ поспѣшностію, и когда новая ложь замѣнитъ другую, тогда эта помѣщается въ памяти въ статью неоспоримой истины.

Но пусть у мужчины есть много способовъ перемѣнить сбитое съ пути мнѣніе, защитить свою честь, изобличить, опозорить посягнувшихъ на нее: но что можетъ наградить и утѣшить оклеветанную, тихую, скромную и добродѣтельную женщину? Преступленія ея въ глазахъ порока суть дары небесные: цѣломудріе, нравственность, содрогательное сердце, благородная душа, дарованія, красота. Уваженіе общества, любовь родни, мужа, исканія жениховъ вооружаютъ противъ нея зависть, злобу и мщеніе. Они кидаютъ ядъ на добродѣтель, помрачаютъ блескъ ея, отравливаютъ бытіе и наконецъ, преобразя невинность въ порокъ, для безразсудной и повторяющей толпы не престають гнать до-тѣхъ-поръ, пока грусть, скука и страданіе вырѣжутъ, вычертятъ на лицѣ глубокіе слѣды свои, или смерть дастъ убѣжище во гробъ. О, зависть! сколь ты гнусна, опасна и вредна. Свѣтъ тебя старѣе 129 лишь годами. Ты оросила землю первую человѣческую кровью, ты подняла руку кайнову на брата. Неразлучная съ огорченіемъ, злобою и негодованіемъ, ты вселяешься въ

сердце человеческое, убиваешь чувства, оглушаешь состраданіе, человеколюбіе и раскаяніе, раждаешь ненависть къ ближнему, дышешь злобою на все живущее, ищешь гибели добродѣтели и посягаешь на благоденствіе, тишину и успѣхи каждаго.

Ликургъ, въ наказаніе клеветникамъ, прикалывалъ имъ языкъ; Солонъ предавалъ ихъ народному поруганію. Въ Англіи сажаютъ на площади въ кѣтку, у насъ берутъ съ нихъ по чину безчестіе. Но клевету должно бы помѣстить въ числѣ преступленій надъ смертоубійствомъ, и имена виновниковъ оглася всеобщно, ихъ самихъ ссылатъ въ монастыри на покаяніе и позволять имъ употреблять дары слова единственно на исповѣди.

Легковѣріе, дерзость, склонность къ дурному, презрѣніе къ людямъ, желаніе смѣшнить, занимать общество, дѣлаютъ насъ неразборчивыми на счетъ разговоровъ. Злословіе, которое любезные Французы называютъ душою бесѣды, есть предшественникъ клеветы. Нѣтъ вздора, глупости, нелѣпости и мерзости, которыя бы не были приняты съ жадностію. Чѣмъ выдуманное невѣроятнѣй, вреднѣй, и предметъ злости уваженія достойнѣй, или извѣстнѣй, тѣмъ скорѣй ложь утверждается, находятъ подтвердителей, защитниковъ, свидѣтелей, ревностныхъ рабовъ, громкихъ трубачей и неутомимыхъ гонцовъ: въ самомъ большомъ городѣ чрезъ сутки всѣ повторяютъ слышанное, вѣрятъ чему угодно. Новость столь же легко пустить въ свѣтъ, какъ сигналъ въ лагерь: пріймись бранить — тотчасъ сойдутся, зачни хвалить — всѣ по мѣстамъ, или перебѣютъ рвчь. Всѣ злословятъ больше или меньше, но никто не думаетъ, что трогаетъ честь, губить человѣка; иные злословятъ по привычкѣ, другіе акомпанируютъ, третьи — чтобъ не сочли ихъ нѣмыми; но никто не подумаетъ, что, употребляя орудіе клеветы, подвергается самъ ея ударамъ. Всѣ мы хотимъ занимать другихъ собою и отличатся въ мгновенную жизнь нашу. Но и Эростратъ и Робеспьеръ спасали свое имя отъ забвенія. Еслибъ Діогенъ вздумалъ искать въ нашихъ обществахъ подобныхъ сему сумасшедшему зажигателю, то бѣ началъ всѣ комнаты, задувая поминутно въ фонарь свѣчу.

Глава XXXIV. — Не въ силахъ.

Лука Андренчъ и очень познакомился съ тетужкою и племянницей. Старая дѣвушка уже давала ему нѣкоторыя препорученія, допускала сводить себя съ дѣстницъ, шутила надъ его нервышностію жениться, просила, если, паче чаянія, когда вздумается, чтобъ ей препоручилъ его сватать. Всѣ эти старыя внушенія препровождаемы были увѣреніями о его изящныхъ качествахъ, о счастіи будущей жены, о благодарности ея и пр. Чего же бы лучше, какъ при этомъ

случай Лука Андренчу объясниться безъ затѣй, и сказать тётушкѣ, что душа желаетъ племянницы? но нѣтъ; онъ до третьяго часа ходилъ себя по горницѣ, говорилъ въ наступленіи: «Какая и скотина! люблю, и не смѣю сказать; нищу счастья и боюсь отказа; былъ молодецъ, теперь сталъ баба. Ходилъ на штурмъ, билъ Пруссаковъ, Турокъ, Поляковъ, заслужилъ георгіевскій крестъ. Еслибъ не было во мнѣ страха Божія и почтенія къ родителямъ, то бы наложилъ на себя руки.» Полно, Лука Андренчъ; ложись-ка, батюшка, спать; утро вечера мудренѣй, возьмишь и эту крѣпость. Впередъ, да впередъ; колн и кричи «ура!»

Желаніе нравиться довело княжну даже до угожденія. Примѣтя, что Лука Андренчъ не охотникъ до танцованья и до румянъ, перестала почти-совсѣмъ танцовать и румяниться; удѣляла большую часть утра на чтеніе исторіи, географіи и познаніе Россіи. Она всегда боролась съ любовью, скромностью и надеждой, и слыша одинъ разъ, что ея возлюбленный намѣревался чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ объѣзжать родину по деревнямъ, не могла преодолѣть дѣйствія пораженнаго воображенія, и изъ обоихъ глазъ покатались ручьи слезъ. Лука Андренчъ взглянулъ, увидѣлъ и поблѣднѣлъ, не зная, что думать и что дѣлать. Тётка, отъ привычки и опытности, тотчасъ нашла и стала будто бы съ сердцемъ выговаривать племянницѣ, что она не бережется и не лечитъ насморка. Лука Андренчъ съ радостію сему повѣрилъ и присталъ тутъ же пенять княжнѣ въ большомъ замышательствѣ, что она не бережетъ своего здоровья, не думаетъ о здоровьи и хочетъ быть нездоровой. Княжна принуждена была остальное время утирать по-минутно носикъ, закрывать ротикъ платкомъ, будто отъ простуды и увхать, для лучшаго успѣха въ обманъ, ранѣе обыкновеннаго домой. Въ каретѣ начались не въ время упреки, увѣщанія, утѣшенія, поученія. Тётка бранила и ворчала, племянница плакала и рыдала. Наконецъ, подъѣзжая къ дому, тетка сказала: «Да полно, сударыня, плакать-то; уймись; вѣдь все люди узнаютъ, что плакала.» Ответъ былъ: «Какая мнѣ нужда! я вижу, что я погибаю, что мое счастье въ смерти!» Вышли изъ кареты и простились сухо; тетка не подаловала и не перекрестила племянницы, а та не чмокнула въ костяныя руки. Жалѣя о княжнѣ, но не хотя по старости сама себя признаться, что она всему была причиною, повторяла часто, лежа на спинѣ: «Господи, ужли я на то создана, чтобъ все хотѣть безъ успѣха? увижу ли я когда-нибудь конецъ? мало ли страдала за себя и теперь еще больна за другихъ.» Долго она не могла заснуть отъ неизвѣстности, жалости, старости, духоты въ комнатѣ, мухъ, блохъ и клоповъ.

Племянница не могла затворить глазъ отъ любви, отчаянія и сильнаго воображенія.

На другой день объ явились — одна въ видѣ флюса, другая рожи, и не хотя прижаться въ настоящей причинѣ безсонницы, обвиняли другъ передъ другомъ, племянница — гнѣвъ тѣтушкинъ, а старуха — лишнее ядвію разварной мазины.

ГЛАВА XXXV. — СЧАСТІЕ ОТЪ КАРЕТЫ.

Насморкъ прошелъ, но ничто еще не рѣшено: влюбленные все въ прежнемъ подоженіи. др-естъ въ любви, въ безпокойствѣ и въ отчаяніи. Лука Андрейчъ чрезмѣрно хотѣлъ ѣздить въ домъ къ тѣткѣ, но не умѣлъ этого сдѣлать, думалъ, думалъ и ничего не придумалъ; наконецъ рѣшилъ его судьбу дикій камень, называемый голышъ, выбитый изъ мостовой, котораго съ недѣлю все бранили, проклинали, но оставляли посреди улицы. Это странно; но точно правда. Все знаютъ, читали и слышали, что отъ малыхъ причинъ рождаются большія происшествія. Камень родилъ толчокъ, а отъ толчка и вычислить нельзя что произойти можетъ.

Подъ-Донскимъ было гулянье и достаточный поводъ городу ѣхать туда, ѣздить взадъ и впередъ, людей смѣтрѣть, себя показать, ломать у лошадей ноги, у каретъ колеса, и глотать пыль, которая ничѣмъ не хуже парижской грязи. Лука Андрейчъ, въ прекрасномъ визави, на сѣромъ кургузомъ пугѣ, съ страшнымъ усатымъ кучеромъ, съ скороходомъ, егеремъ и лакеемъ богато-одѣтыми, проѣхавъ раза два и не видя той, для которой онъ ходилъ, ѣздилъ и жилъ, приказалъ везти себя на Остоженку, перешелъ Москву-Рѣку на Крымскомъ Броду, слышитъ «стой!», смотритъ и видитъ толпу народа, запрудившую всю улицу; посылаетъ спросить, что такое, и получаетъ въ отвѣтъ, что сломалась карета. — «Кто въ ней?» — «Тѣтка и племянница». Выскакиваетъ изъ визави, бѣжитъ какъ сумасшедшій, кричитъ: «ахъ, Боже мой! владыко мой!», толкаетъ встрѣчнаго и поперечнаго; все валится, все раздается, и княжна у ногъ его, и точно у ногъ — вотъ какъ:

Карета тетушки была на пассахъ, наѣхала на вышеозначенный камень, толкнулась, пассы обрушились — и кузовъ палъ на мостовую; тѣтка, племянница, Калмычка, моська, бронетка и болонская собака венерка, остались на своихъ мѣстахъ, ничѣмъ невредимы, но выйти на свѣтъ никакъ не могли, потому-что кузовъ спустился между дрогъ и сталъ на пути недвижимъ, презирая всѣ силы рода человеческого. Лука Андрейчъ занялся изведеніемъ заключенныхъ въ сеѣ темницъ, давалъ деньги, помогалъ самъ, но все напрасно, народъ прибавлялся: иной подсоблялъ, другой мѣшалъ, нѣкоторая часть звала сложа руки, а большая насмѣхалась, говоря громко между собою: «Смотритка, какая бѣда! Не диво, что тутъ ночуютъ! Бѣда экой рыдванъ! Да что въ него и напихали-то! Словно какъ ковчегъ. Нѣтъ,

уж не куда вхаты; тут и сиди! Небось, лошади-то рады, что ей до-нецъ. Словно какъ въ садкѣ! И собаки-то тутъ... Вишь, вишь, вонь Калмычка. Ужъ куда господа-то охотники до всего! Ужъ затѣйливы-то, затѣйливы! Посидать, посидать, да и голодъ пройметъ! Жаль, что барышня-то тутъ попалась, сердечная! Безъ вины виновата. Смотри, чтобъ собаки-то ихъ еще не съѣли! Чего добраго, пожалуй! Да и Калмычка-то пособить: вить они охотники до сырова мяса.» — «Вотъ, дурачина, захотѣлъ мяса у старухи; видишь, кожа да кости.»

Эта шутка полюбилась; смѣхъ сдѣлался электрическимъ, и во всю улицу нѣсколько тысячъ человекъ принялись хохотать, не зная чему, и спрашивая: «что такое, что такое?»

Луку Андреича это взбѣсило; да какъ и вытерпѣть, чтобъ кто могъ смѣяться надъ кузовомъ, гдѣ княжна? Тутъ подоспѣлъ полицейскій офицеръ, и, въ силу своей инструкціи, по коей сборище черни нетерпимо, погналъ бездѣльниковъ прочь. Народъ потекъ, какъ вода, съ неудовольствіемъ говоря про себя: «вѣдь мы худаго не дѣлаемъ; вѣдь карета не наша! Пожалуй, гнать не диковина, на это у всякаго ума станетъ. Все бѣда нашему брату; смѣяться не даютъ, а бьютъ,—плакать не велать. Да вѣдь и завсегда такъ бывало; намъ не привыкать стать.» Но тѣтка, племянница и находящіеся при нихъ, всѣ сидятъ въ кузовъ, теряютъ терпѣніе и надежду. Тѣтка сердится, княжна стыдится, Калмычка плачетъ, моська рычитъ, венерка ла-еть, а Лука Андреичъ бѣсится, не зная, что дѣлать. Наконецъ, выходитъ изъ воротъ въ синемъ камзолѣ и въ кушакѣ человекъ въ-полпьяна, подходит и говоритъ: «Баринъ, что же? вѣдь матушкѣ-то вашей, да сестрицѣ не жить на улицѣ. Дѣло къ ночи; развѣ караулъ къ нимъ приставить, чтобъ, помилуй Богъ, чего не сдѣлалось. Всяко бывать! Обѣ каретѣ ужъ думать нѣчего,—провались она; да ей ужъ и конецъ: она свой терминъ отъѣздила; вѣдь людьми ее не осилить, только сердечушки надрываются. Коли прикажете распилить дроги, такъ вотъ будетъ и порядокъ, спасибо скажете. Этой манерой все съ-маху въ резонтъ приведу. Я каретникъ, не хуже Нѣмца инаго. Мое дѣло сторона...» Голосъ его принять, тотчасъ дано приказаніе; камзолъ явился съ пилой, принялся за работу, завелъ—было споръ съ сбѣтенщикомъ, что дроги буковыя, а не дубовыя, хотѣлъ доказы-вать, но окрикомъ Луки Андреича сталъ паки дѣйствовать. Дроги затращали, задокъ отдернули, и осужденныя вѣчно на кузовное за-точеніе получили свободу. Онъ съѣлъ въ карету, а вышли изъ порт-шеза.

Лука Андреичъ говорилъ: «Боже мой, какъ я радъ!»

Тѣтка. — Я въ вѣкъ этого одолженія не забуду.

Княжна. — Какое счастье, что вы тутъ случились!

Полицейскій офицеръ. — Имѣю честь поздравить; не прикажете ли, матушка, дрожки, до квартиры дохватъ?

Каретникъ. — Ужь я охулки на руку не положу; кабы дали, я и кузовъ-то на мелкія части расколю; намъ не учиться...

Лука Андреичъ предложилъ тѣткѣ свой экипажъ, который и принять; самъ взялся проводить Калмычку и псовую охоту, отдавъ ее на руки скороходу. Каретнику выдано достаточно жить мѣсяцъ, и тѣмъ кончилось достопамятное разрушеніе пассовъ и паденіе кузова.

Княжна въ каретѣ сказала тѣткѣ: «Ужь-ли, тетушка, вы Луку Андреича не позовете къ себѣ?» Ответъ былъ: «Пожалуйста, Глафирушка, не учи; я, право, тебя не глупый. Я изъ деликатности это сдѣлаю». И вслѣдъ за симъ, только-лишь появился у дома влюбленный нашъ герой съ собаками, то къ нему вышелъ тѣткинъ человекъ и сказалъ: «Степанида Кузьминшна приказала васъ просить; ужь-ли вы-дескать, батюшка, не зайдете къ намъ, выпить чашку горячева?»

Лука Андреичъ нашъ влетѣлъ, и поселился. Рѣчь была о происшествіи, и чрезъ часъ весь домъ наполнился однолѣтками хозяйки, которыя, изъ благопристойности, узнавъ чрезъ разосланныхъ отъ племянницы, пріѣхали навѣстять убиенныхъ и привезли съ собою всѣ болѣзни, удручающія страждущее челоувѣчество въ старости; пошли толки о пассахъ, о каретахъ, о подобныхъ приключеніяхъ, похвала Лукъ Андреичу, удивленіе о присутствіи ума каретника въ сѣнемъ камзолѣ, брань полиціи за мостовую, а потомъ доказательства, что въ-старину все было лучше. Но ни одна старуха не замѣтила, что вѣчнаго ничего нѣтъ, что карета была однихъ съ ними лѣтъ, и что и ей должно было кончитъ когда-нибудь свое трясучее бытіе.

Съли играть въ карты—тѣтка съ тремя подругами въ кадриль, племянница съ Лукою Андреичемъ и съ глухою старою бабушкою въ ломберъ. Влюбленные занимались собою и смотрѣли больше друга-на-друга, чѣмъ на карты, а бабка между-тѣмъ стирала свои ремизы, писала лишніе на нихъ, прикупала по два раза, брала вдвое за игры, крада матадоры, фишки, и имѣла безстыдство хвастаться счастьемъ. Княжна напомнила Лукъ Андреичу, что каретникъ принялъ ее за его сестру; любовникъ неосторожно вскрикнулъ: «о, помилуй Богъ!» и оба покраснѣли—княжна, отгадавъ мысль, а онъ, проговорясь. Но игра все успокоила; влюбленный сказалъ «позвольте», влюбленная: «я вскрою», и бабка: «сампрандеръ». Пока играли, то всѣ домашнія дѣвушки и женщины, растворя немного дверь, смотрѣли на Луку Андреича, и всѣ въ одинъ голосъ говорили: «То-то молодецъ! то-то красавецъ! Дай Богъ княжнѣ быть за нимъ! Ужь этотъ за себя постоитъ.»

Дѣвки знали отъ людей, а люди отъ себя, что барыня, барышня и Лука Андреичъ затѣяли сватьбу. Отъ людей у господъ не можетъ

быть тайны: нѣтъ барина, который бы утаился отъ ближняго человека, и нѣтъ слуги, который бы не проникнулъ господина. Узнаеть одинъ—узнають и всѣ, и для этого нѣтъ никогда тайны на свѣтъ.

Наконецъ, день кончился, всѣ разѣхались; влюбленный приглашенъ ѣздить когда ему угодно, и уѣхалъ доволенъ своею судьбою и тѣмъ, что проговорился; но къ успѣху у него ничего не прибавлялось, а у тѣтки убавилась карета.

Глава XXXVI. — Жизнь покойной кареты.

Карета сдѣлаетъ въ жизни Луки Андренча столько же важное происшествіе, какъ въ древней исторіи похищеніе златаго руна, троянскій конь и походы Александра-Македонскаго. Она имѣла на свѣтъ семь подобную участь общихъ красавицъ, которыя въ молодости даютъ въ мѣръ законы и моды, въ совершенныхъ лѣтахъ идутъ на мѣръ, а въ старости ходятъ по-миру. Она произведена была на свѣтъ въ 1725 году, въ городѣ Брюссель, славнымъ каретникомъ Симономъ, на заказъ одному духовному курфирсту, по случаю коронаціи римскаго императора въ Франкфуртъ. Тамъ была въ употребленіи у его святости; сынъ каретника передъ отпускомъ ее объѣздила и умала; потомъ переходить стала изъ-рукъ-въ-руки къ обер-гофмаршалу, къ шталмейстеру, къ президенту, къ профессору, къ тремъ нѣмецкимъ баронамъ, къ содержателю наемныхъ каретъ, къ прусскому майору, къ саксонскому камергеру, къ бременскому сенатору, къ гамбургскому бургомистру, къ любекскому синдикю, къ калмыцкому князьку, къ русскому воеводѣ, къ архимандриту, къ Степанидѣ Кузьминичнѣ, и наконецъ, каретнику въ синемъ камзолѣ, который, вынувъ изъ нея все годное, ободравъ до-чиста, опредѣлилъ ей быть садкомъ для куръ-насълокъ.

Въ послѣдствіе сихъ переходовъ, удивительно покажется лишь то, какъ она попала въ руки къ калмыцкому князьку; но сіе объясняется занятіемъ въ 1759 году нашими войсками Берлина, при чемъ были и Калмыки. Нѣтъ нужды сказывать, что сія дѣйствительно-изъясненная карета множество разъ была передана и въ починкъ, сколько разъ ее перекрашивали, лакировали снаружи, набивали, обивали внутри, оковывали, перемѣняли ходъ, дышла, мазь, и первые ея хозяева тысячу разъ ее бѣ увидѣли, но никакъ не могли бѣ подумать, что и они сами въ ней ѣзжали.

Сравняйте съ каретою одну изъ тѣхъ красавицъ, кои изъ прелестей своихъ дѣлаютъ открытый домъ и подвижной магазейнъ: и согласитесь, что съ каретою много сходства: она переходитъ также изъ-рукъ-въ-руки, перекрашивается, чинится, клеится и продается за но-

вую; только не къ чему примѣнить дышла и мази,—можнобъ да не должно: охотники до вольныхъ художествъ отгадають.

Глава XXXV II.—Неприятное донесеніе.

Сколь мы быть должны благодарны Провидѣнію, что оно сокрыло отъ насъ предстоящее! Забывая легко прошедшее, мы спѣшимъ жить въ настоящемъ, ни мало не думаемъ, что съ нами случиться можетъ чрезъ минуту; а если когда попущенное воображеніе покушается проникнуть въ будущее, найти въ немъ, сходственно съ желаніемъ бѣды или утѣхи, тогда неизвѣстность останавливаетъ чловѣка въ его забытіи, принуждая признаться, что онъ перешелъ предѣлы дарованныхъ ему чувствъ. Тотъ смѣется за минуту жестокой напасти; другой хвастается счастьемъ предъ совершенною гибелью, третій полонъ затѣй и предпріятій на 50 лѣтъ, а чрезъ пять минутъ не будетъ въ живыхъ; всѣ думаютъ, придумываютъ, обдумываютъ, но не вздумаютъ о косѣ смертной, коей удары съ большою точностію и вѣрностію разбѣрены и распредѣлены какъ зубцы на колесахъ у самыхъ лучшихъ брегетовскихъ часовъ. Но еслибъ мы знали часъ смертный такъ, какъ день рожденія, то бѣ, вмѣсто, чтобъ наслаждаться жизнію, занимались бы единственно и безпрестанно концомъ ея; тогда бѣ суеты суетъ обратились въ печаль печали.

На другой день послѣ паденія кареты, тѣтка и племянница все утро занимались пріятнымъ разговоромъ о надеждѣ, что общее желаніе ихъ увѣнчано скоро будетъ успѣхомъ. Устроивали ходъ сватанья, сговора, свадьбы и счастливой потомъ жизни; говоря о всемъ утвердительно, довели себя до того, что совершенно увѣрились въ непремѣнномъ исполненіи своего намѣренія. Тетка уже уговорила, чтобъ Лука Андреечъ заплатилъ за нее небольшой долгъ, а племянница общала. Но это восхитительное расположеніе было въ горницѣ; а что стояло за дверью и явилось—чудо!

У Степаниды Кузминишны правилъ домошъ и назывался дворецкимъ крѣпостной ея чловѣкъ, Сафронъ Феклистовъ, коего она, для отличія, называла Феклистычемъ. Онъ былъ нѣкогда женскимъ портнымъ, спился—было до того, что кричалъ на барыню: «словомъ дѣло», но послѣ какъ-то установился и, бывъ женатъ на любезной свѣной дѣвушкѣ, долгою жизнію сخورоня всѣхъ по лучше себя людей, дошелъ до высшей степени почестей въ дворянскомъ домѣ, то—есть, до дворецкихъ. Онъ мужикъ былъ толстый и глупый, и грубый, и хотя изъ зависти и изъ мѣста много разъ были на него доносы въ воровствѣ и въ упущеніи господскаго интереса, но онъ во всемъ себя очистилъ и получилъ полное удовольствіе приказаніемъ наказать

на тѣхъ доносчиковъ. На улицъ его все знали, да какъ и не знать увидя одинъ разъ? Лучшее его упражненіе было сидѣть съ колпакомъ и въ халатѣ на лавочкѣ у воротъ и заставлятъ мальчишковъ, для своей забавы, играть въ бабки. Но теперь, — въ синемъ застегнутомъ предлинномъ сюртукѣ, въ башмакахъ; на шеѣ черная табуная веревка, недѣлю не бритая борода и съ кудрявою, хохлатою головою, въ коей отъ сѣдины не видѣнъ былъ пухъ, Феклистычъ входитъ и начинается съ барынею разговоръ:

Барыня. — Что, батюшка, зачѣмъ? вѣрно денегъ просить? или Абашку на съезжую опять взяли?

Феклистычъ. — Нѣтъ, сударыня, деньги еще не все вышли, а Абашку я изъ стула не выпускалъ. Я пришелъ милости вашей доложить, неравно вздумаете со двора вѣхать, такъ кареты вѣдь нѣтъ.

Барыня. — Что ты мнѣ это сказываешь? Вѣдь ты дуракъ, а я, благодаря Бога, съ ума не сошла. Развѣ ты продалъ, или украли желтую и мордаре карету?

Феклистычъ. — Нѣтъ, сударыня. Пропажи въ вашемъ домѣ нѣтъ, — что жъ, грѣхъ сказать! — а кареты эти двѣ хотя и стоятъ въ сараѣ, да въ нихъ вѣздить опасно очень: того и смотри, что разсыплются; а мнѣ вѣдь ваше здоровье пуше всего на свѣтѣ. Долгія вамъ лѣта; а послѣ васъ куда мы годимся!

Барыня. — Да развѣ я тебя, старый чортъ, не приказывала еще на первой недѣлѣ починить мордарееву-то карету? ты забылъ? Былъ глупъ, а теперь еще глупѣе сталъ.

Феклистычъ. — Воля ваша, сударыня, въ мой лѣта люди не глушеютъ. Я все въ одной порѣ. Да эти кареты и чинить нечего: до нихъ дотронуться нельзя. Вотъ я и пытался отдавать, да никто не беретъ. Здышній же каретникъ, Обросимъ, причятаетъ на васъ 13 рублей съ полтиной прежнихъ. Что жъ мнѣ дѣлать? Вѣдь не связать его.

Барыня. — Тебя слушать, такъ и конца не будетъ. Вотъ вчерашнюю-то карету еслибъ ты осмотрѣлъ, такъ бы сраму не было со мною на улицѣ.

Феклистычъ. — Матушка, да ужъ ее чинили-чинили, да и вѣпень стали, и рукъ-то марасть никому не хочется; а на леченой кобылкѣ не долго вѣздить.

Барыня. — Врешь, дуракъ, врешь. Вотъ я пошлю Крисанфовну осмотрѣть.

Феклистычъ. — Да хоть сами изволите пойдти, а все то же будетъ. Я вамъ точно докладываю.

Барыня тотчасъ закричала дѣвку. Дѣвка вошла, вышла, и явилась потомъ Крисанфовна, которой барыня приказала такъ: «Поди, пожалуйста, голубушка, въ каретный сарай; посмотри, что тамъ съ каретами дѣлается. Этотъ старый чортъ все у меня поломалъ и ни за

тѣмъ не смотрѣтъ». Барская барыня сказала: «слушаю, матушка, сей же часъ вамъ обо всемъ представлю», отправилась съ симъ важнымъ препорученіемъ и съ полною довѣренностію. Не прошло десяти минутъ, какъ раздался крикъ, вопль, и влетѣла въ комнату стрѣглавъ Крисанфовна простоволосая, безъ косынки, и съ разодранной юбкой, отъ-чего сдѣлался у ней шлейфъ. За нею, по пятамъ, всѣ двѣки, люди: «Что такое, что съ тобой? Опомнись! перекрестись!» Но едва чрезъ полчаса могли получить отвѣтъ и реляцію отъ Крисанфовны.

«Охъ, мать моя! Охъ, государыня ты наша, сударыня, Степанида Кузьминичина! Ахъ злодѣй! что онъ со мною сдѣлалъ! обругалъ, проклятыи! Это дьявольское навожденіе. Охъ, матушка, прикажи дать денегъ; языкъ во рту не воротится. Ну, дошла была до року! Окогда бы безъ сожалѣнія! Поди бы вамъ служить!»

Тутъ дали ей выщипъ стаканъ кислыхъ щей. Дѣвки оправили на ней, смѣются и отворачиваясь, косынку и платокъ; и Крисанфовна, держа свой шлейфъ въ рукѣ, начала сарайную повѣсть, окая вещь, гдѣ зацѣпанъ.

«Вотъ, матушка, какъ вы мнѣ изволили приказать сдѣлать осмотръ каретамъ-то, я и пошла прямо въ сарай; пришла, а онъ запертъ. Я звала Петра, рыжева кучера, говорю ему: «Петръ, отвори сарай!» Онъ мнѣ: — да тебѣ какое, де-сказать, дѣло? «Отвори», я говорю: «варъ! Барыня изволила приказать». Онъ и отперъ, — точно такъ было, хотъ сейчасъ съ мѣста не сойдти, — и говоритъ: Ну, Крисанфовна, поди же ты сама смотри, чтобъ послѣ не кричать караулъ. Я его тутъ выбранила, — что жъ! согрѣшила, нечего сказать, — да и въ сарай; подошла къ жолтой каретѣ, отворила дверцы, — какъ запрыгаютъ крысы, и видимо-невидимо! одна вскочила подъ платье, а я за хвостъ да объ земь — вѣдь я человекъ не робкій! Да что и за крысы: иная съ кошку, такія круциныя. Какъ я заглянула въ карету-то, и тамъ живого мѣста нѣтъ — все съѣдено, все источено, а гдѣ сидень-то, тамъ гнѣзда съ крысѣтами, и духъ такой, что способу нѣтъ; а въ шипцахъ-то на верху воробьи гнѣзда натаскали. Ну, хорошъ присмотръ! ужъ асть за что сказать спасибо Феклистычу! Да все это ничево, все бѣ дѣло плѣвое. Я, ни думая, ни гадая, только чтобъ вамъ, матушка, сдѣлать угодное, осмотра жолтенькую-то карету, да и пошла къ малиновой; только лишь я за дверцы, — вотъ не лгу, Богъ свидѣтель! — анъ какъ выскочить, какъ вопьется въ меня, что же, сударыня? Собакища съ медвѣдя: хамъ-хамъ, да и на меня. Тутъ я ужъ свѣту не видѣла, такъ и бухнула на землю; а собака-то и ну меня, то туда, то сюда, облапила да и сидитъ. Я ни жива ни мертва, кричу во все горло, а она пуше сердчаетъ, то тутъ рванетъ, то въ другомъ мѣстѣ; ужъ какъ глаза уцѣлѣди, диковинка! Ну ужъ я кое-какъ выкарабкалась

да бижать; а собачица схватила за юбку, да и ну драть! Охъ, матушка, видѣла страху, благодаря Феклистычу! Счастливъ онъ, воръ, что не попался мнѣ, а то бы я его не хуже собаки-то приняла. Вотъ онъ, матушка, какъ вамъ служить вѣрой и правдой, тавлинецъ проклятый! Небось, вы не изволите знать, что и въ той каретѣ, что сломать-то изволили, дѣлалось по ночамъ... Да при княжнѣ говорить-то будто непригоже».

Должно знать, что Феклистычъ и эта Крисанфовна были злодѣи непримиримые, и вражда между ими столько же была сильна, какъ въ родѣ Атридовъ, Монтеки и Капулетовъ, Турковъ и христіанъ. Крисанфовна въ молодости желала за Феклистыча замужъ, а онъ желалъ выйдти изъ сомнѣнія на счетъ ея добродѣтели, какъ-то слишкомъ повѣрялъ и слишкомъ углубился въ открытія, — а вышло ничего, и онъ женился на другой. У нихъ частыя бывали сшибки, и Феклистычъ два раза ее невинно подвелъ подъ гнѣвъ: одинъ разъ сказавъ, будто она на салоу прожгла утюгомъ дыру, а въ другой взвелъ, будто она разбила банку медоваго варенья, отпуская повару на сладкій слоевой пирогъ. — Тѣтка запылала справедливымъ и законнымъ гнѣвомъ на глупаго раба своего. «Позови Феклистыча сюда! подай его сюда! Вотъ я его бестію! Нѣтъ, ужъ терпѣнія не достааетъ!»

Дворецкій встрѣченъ былъ бранью и вопросомъ: «Зачѣмъ развѣ я тебѣ, шельму, пою и кормлю, чтобъ ты травилъ крысами и собаками Крисанфовну и перегноилъ мои кареты?»

Феклистычъ. — Помилуйте, сударыня, да чѣмъ я тутъ виноватъ? Вѣдь крысы меня не послушаютъ; ужъ мы не знаемъ, какъ отъ нихъ отбиться: на погребѣ держать ничего нельзя, то-и дѣло битую живность кидаемъ въ сосѣдскій колодезь. Вонъ на святой, у лакея Зиновья пукли прочь такъ и отъѣли, не успѣвъ прилечь, сердечушка, отдохнуть на лавку. Денегъ на мышьякъ не жалуете: чтò жъ мнѣ дѣлать? Вѣдь въ каретѣ этой вздять нельзя: чтò жъ ей понапрасну пустой стоять?

Барыня. — О, скотина! о, лошадь безмозглая! а въ другой каретѣ то зачѣмъ зашла собака? Чтò это, псарня, что ли?

Феклистычъ. — Да извольте прежде спросить, чтò за собака; это дворникова нашего дворная сука. Время пришло, вскочила въ карету да и оценилась. Ее и чортъ оттуда не выживетъ, ништо сама выйдеть.

Барыня. — Хорошо. Ты было меня отправилъ самою въ каретный-то сарай! Ну, да если бы я пошла, а собака-то на меня бросилась, вѣдь я бы умерла отъ страху.

Феклистычъ. — Съ вами бѣ этого, сударыня, не случилось: всѣ собаки знаютъ. Какъ она смѣетъ?.. А что Крисанфовна говоритъ про ту карету, что сломалась, такъ вѣдь это ея дѣло за дѣвками смотрѣть. На

миѣ, сами изволите знать, весь домъ лежитъ. День великъ, умѣешь-ся. Радъ какъ бы довалиться; уже ничто на умъ не ѣдетъ. Только смеркнется, дѣвки и пошли ѣрзать, словно какъ чортъ на нихъ поѣдетъ, — сущій содомъ! Воля ваша съ ними, а что имъ потачка большая!

За снмъ словомъ съ великимъ сердцемъ, послабою рукою Степанида Кудьминишна вѣщица Феклистычу двѣ пощечины, выгнала вонъ, и запретила являться дондеже не проститъ.

Пдемьяница, стыдясь за тѣтку, давала ей чувствовать, что драться непристойно, и получила нравственный отвѣтъ: «Да ты, сударыня, рада за насъ стоять! Поживи-ка съ мое, такъ и узнаешь каково домою править! Дай имъ хоть немного воли, да они верхомъ поѣдутъ. Ужъ что я выношу! Не понимаю, какъ упѣляла. Вить съ нами одинъ манеръ; что побьешь, то свѣтъ и увидишь». — Изорванной въ клочки Крисанфовнѣ приказала укушенные мѣста натереть рижскимъ бальзамомъ, отъ-чего ехидная старуха на стѣны дѣзла.

А Феклистычъ пришелъ домой, разбудилъ всегда-спящую свою жену и бранилъ: «А тебѣ все равно хоть свѣту будь преставленье, ты все дрыхнешь, старая хрычовка, смерти на тебя нѣтъ!» Жена, зѣвая и потягиваясь, спросила перекрестясь: «Аль на тебя барыня изволила гнѣваться?»

— То-то гнѣвалась, да и задѣла въ-барышахъ. А тебѣ все рассказывай! Ты рада слушать! Меньше знаешь, больше спишь. Дай халатъ да колпакъ.

Одѣлся въ обыкновенное свое дезабилье, и пошелъ на улицу сидѣть на лавкѣ, пока позоветъ на тду.

Сидя, что жъ онъ дѣлалъ? размышлялъ или думалъ? Нѣтъ, онъ думать не умѣлъ, и съ роду не размышлялъ, а сидѣлъ и смѣрталъ. И гусь, и кротъ, и сова, и свинья не думаютъ, а живутъ. И Феклистычъ также жилъ, и многие люди такъ живутъ.

Оно покойно, нехлопотно, здорово и никому невредно.

Глава XXXVIII. — Непростительный поступокъ.

Хотя послѣ всѣхъ сихъ важныхъ происшествій на другой день другаго слѣда не было, какъ на грѣшномъ тѣлѣ Крисанфовны, и все осталось по прежнему, то-есть Феклистычъ дворецкимъ, крысы въ желтой каретѣ, сука съ дѣтьми въ мордаре, а барыня дома; но она сбила людей съ ногъ въ одинъ день, посылая къ своимъ знакомымъ съ письмами, и хотя и употребляла все ласковыя слова для состава убѣдительнаго слога, повторяя «жизнь моя, милая, душа, голубчикъ, сударчикъ, одолжи, не откажи» и проч., но по-напрасну: всѣ тѣ, у коихъ она просила на нѣсколько дней кареты, ей отказали справед-

ливыми, а больше ложными отговорками; да и просьба была основана на лжи: тётка не хотѣла написать изъ чванства и отъ стыда, что вздѣтъ нѣ въ чемъ и кареты купить нѣ на что, припутала тутъ каретниковъ, мастеровыхъ, и составила изъ всѣхъ цѣховъ одинъ цѣхъ—обманщиковъ для ея одной.

Княжна очень бы желала сидѣть дома, бывъ увѣрена видѣть всякій день Луку Андренча и разговаривать съ нимъ безъ всѣхъ помѣшательствъ, кои неизбежны въ многочисленной бѣздѣ; но тѣтъ жить дома было невозможно: она любила людскость, карты, вѣду, горячее, и новости, кои она, точно какъ на Кяхтѣ товаръ, размышляла съ прочими городскими вѣстовщицами. Дома же ей сидѣть одной за большимъ пасьянсомъ, съ мелодой и проч. Къ ней никто почти не ѣзжалъ, отъ-того, что кушанье у ней было дурное, и все почти изъ годоваго домашняго запаса; чай и кофе жидкіе, молоко заурядъ сливками; питье: горькія кислыя щи и клюковный морсъ съ увѣреніемъ, что очень-здоровъ, а ко всему этому кресла и стулья часто подламывались и подвергали явной опасности съдоковъ.

Что же дѣлать? какъ быть? денегъ нѣтъ, въ займы никто не даетъ.

Но нужда рождаеть умъ. Онъ явился и внушилъ тѣтъ дурную мысль.

Обо-дворѣ съ ней жилъ Сидоръ Абрамычъ Оплотовъ, который неотмѣнно всякій годъ уѣзжалъ изъ Москвы на саняхъ, по грязи на пятой недѣлѣ великаго поста въ медынскую деревню, откуда привѣзжалъ въ Филиповки обратно для переписки закладныхъ и векселей, и продажи хлѣба и мясовъ. Въ отсутствіе, его домишка поручался въ смотрѣніе дворнику съ женой; а въ немъ ничего не оставалось, кромѣ въ сараѣ кареты, а въ кладовой оловяннаго сержиза и двухъ людскихъ винчуръ. За всѣ сіи сокровища отвѣчала дворничиха; мужъ ея дѣлилъ время между полицейской должности и табаку, который теръ безпрестанно въ горшкѣ оглоблю, сидя у будки, нѣшая воли на-половикъ и отпускаая на деньги мѣрочкой не свыше копейки и не ниже полушки. Расходъ былъ великъ, потому-что Маську Губана (имя будочника) всѣ знали: онъ балагуръ и кричалъ какъ соловей съ раскатами:

Чокъ чокъ!
 Табачокъ —
 Ахтырскій,
 Богатырскій,
 Изъ рожка,
 Съ соколка,
 Въ ватраску,
 На закуску,
 Красичочъ,

Каблучокъ,
Пучокъ,
Смърчанъ,
Дъзь въ горшокъ,
Ахъ, табачокъ!

Степанида Кузьминишна, преодолевъ безъ большаго насилія отвращеніе къ неизволительному, отправила того же Феклистыча къ сосѣду на дворъ, и онъ въ одну конференцію заключилъ съ дворничихой слѣдующій свободный трактатъ:

1) Степанида Кузьминишна обязуется платить дворничихъ по 50 коп. за всякій разъ, что возьметъ карету.

2) Дворничиха обязуется давать Степанидѣ Кузьминишнѣ карету всякій разъ, какъ она потребуеть.

3) Деньги платить всякій разъ напередъ и отдавать въ руки.

4) Починку всякую дѣлать Степанидѣ Кузьминишнѣ на свой счетъ не отговариваясь.

5) Если карета сгоритъ въ ѣздѣ или утонетъ, или развалится, то Степанидѣ Кузьминишнѣ дворничиху защитить, чтобъ ей не пострадать отъ барина.

6) Степанида Кузьминишна выдаетъ для разныхъ потребностей, чтобъ пустить карету въ ходъ, дворничихъ денегъ впередъ 2 рубля, кои послѣ и зачтутся.

А какъ никогда трактатовъ не бываетъ безъ сепаратныхъ и секретныхъ артикуловъ, то и въ этомъ прибавленъ одинъ таковаго содержания:

А дабы Степанидѣ Кузьминишнѣ не быть безъ кареты, а дворничихъ безъ пропитанія, то онѣ взаимно общаются наблюдать свято и ненарушимо, дабы днемъ въ вышеозначенной г-ня Ошлотова каретѣ по городу не ѣздить, а ѣздить ночной порой, до вторыхъ патуховъ.

Вотъ дѣло и съ концомъ безъ ратификацій; Степанида Кузьминишна съ каретой, а дворничиха съ деньгами. Я знаю напередъ, что многіе мелочные и привязанные къ формамъ и посядательскіе въ истолкованіи смысла каждаго слова дипломаты, профессеры логики и метафизики найдутъ упущенія, ошибки и вредныя быть могущія сѣдствія въ семъ договорѣ. Но къ чему придраться нельзя? Я самъ вижу, что много есть тутъ непредвидѣннаго темнаго, необъясненнаго и ненужнаго, на-пр.: въ 1-мъ артикулѣ сказано, что Степанида Кузьминишна платить будетъ по 50 коп. за всякій разъ, что возьметъ карету: могло бы случиться, что она, взявъ карету, не раскудила бы ѣхать, и изъ сего долженъ выйти споръ, чего бъ не случилось, еслибъ сказано было «возьметъ карету и поѣдетъ въ ней», или «возьметъ карету, хоть поѣдетъ, хоть не поѣдетъ въ ней».

2-й арт. основанъ совершенно на взаимной доброй вѣрѣ.

3-й арт. объясненъ совершенно и основанъ на познаніи сердца человеческого такъ, что нѣтъ мѣста ни спору, ни лишнему требованію, ни сомнѣнію.

4-й арт. немного-вѣтрено написанъ и могъ бы родить тѣмъ затрудненій; отъ того, что не означены поименно и порознь всѣ части, составляющія повозку подъ именемъ кареты, подверженной во всѣхъ частяхъ равно поврежденію.

5-й арт. съ начала до конца вопреки здравому смыслу, чести и закону. Карета могла бѣ сгорѣть и утонуть съ сидящею въ ней Степанидою Кузьминишною: тогда кто очистилъ бы статью сію? а оставшись въ живыхъ по истребленіи кареты стихіями, какъ защищать измѣнницу, не боясь себя и ея соучастниковъ? Лучше бѣ написать: «въ такомъ случаѣ дворничиха получить отъ Степаниды Кузьминишны такое-то число денегъ, что откупится отъ слѣдуемаго наказанія», или «Степанида Кузьминишна дастъ дворничихѣ убѣжище и приличное содержаніе по смерти, или на такое-то время».

6-й арт. основанъ на предосторожности, хотя не въ пользу Степаниды Кузьминишны, потому-что при расчетѣ дворничиха могла бѣ и утратить эти два рубля.

Сепаратный артикулъ весь во вредъ дворничихи, и Степанида Кузьминишна могла бы всякій разъ до свѣту держать карету, вина въ ошибокъ времени пѣтуховъ, сонъ, или глухоту людей. Притомъ всѣмъ извѣстно, что пѣтухи въ теплое время и въ дурную погоду поютъ ранѣе обыкновеннаго, а для сохраненія кареты, тайны измѣны и наблюденія времени, можно бы написать тако: «а дабы Степанида Кузьминишна во время выѣзжала и возвращалась домой, то вышеупомянутой дворничихѣ быть завсегда при ней и совѣтамъ ея слѣдовать безпрекословно, согласуясь съ обстоятельствами и съ мѣстнымъ положеніемъ».

Вотъ теперъ всякій и увидить, что нѣтъ вздорнаго дѣла, которое бы лучше не можно было сдѣлать; но скорость, нетерпѣніе и самолюбіе суть большія препоны усовершенствованія. Со всеми упущеніями и погрѣшностями и неосторожностію, трактатъ состоялся до конца, и безъ спора: видно въ доброй часъ заключенъ.

Княжна, въ первый разъ какъ поѣхала въ подкупной каретѣ, выговаривала тѣткѣ съ жаромъ, чувствуя всю гнусность подобнаго поступка. Но тѣтка отдѣлалась словомъ: «а кто жъ узнаеть?» — После этого и говорить нѣчего, не только выговаривать.

Это слово «а кто жъ узнаеть?» — сынъ гордаго ослѣпленія точно такъ, какъ слово «живётъ» — сынъ лѣни. Отъ сего выходятъ не дѣланная и дурная работа, а отъ «кто жъ узнаеть?» большая часть мерзостей въ обществѣ, и дурные люди думаютъ себя закрыть и оправдать однимъ «не дѣ!», а тамъ какъ выйдець дѣло ихъ головы,

рукъ, языка, то всё прибѣгаютъ къ заипрательству, и къ обвиненію другихъ, и къ безстыдству, кое до того простирается, что извѣстные многіе воры, плуты кричатъ: «на меня воры и плуты нападаютъ». Но этихъ слушать не надобно, а схвата за что попало, тащить къ суду. Можетъ-быть, судья и хорошо посудить, узнать нельзя: правосудіе вѣдь съ закрытыми глазами; да жаль, что много портить ошущью!

Глава XXXIX. — К стати.

Разрушеніе кареты, ставя важною эпохою въ жизни Лука Андреича, я стану считать впредь отъ нея, точно такъ, какъ магометане считаютъ отъ эгиры, или побѣга магометова. И такъ, въ седьмой день посѣтя тѣтку, она нашла случай, будто къ рѣчи, завести разговоръ о каретахъ, выхваляя всѣ, въ коихъ ѣздила Лука Андреичъ, обратила вниманіе на себя, описывая затрудненіе съискать въ Москвѣ и хорошую и крѣпкую и недорогую и годъ съ починкою карету; боялась, что ее обмануть, да гдѣ ей ѣхать, да кто для ней поѣдетъ, — и говорила бы до упаду, еслибъ Лука Андреичъ не предложилъ ей избавить его отъ четверомѣстной кареты, въ которой онъ разъ только ѣздилъ и будто не могъ терпѣть за то, что на ней вердепомовый цвѣтъ, и что онъ ее отдаетъ съ уступкою за 250 рублей. Тѣтка безъ обиняковъ приняла щедрое предложеніе влюбленнаго вѣ княжну и попросила подождать до Покрова денегъ, бывъ рѣшительно намѣрена въ душѣ никогда ему ихъ не платить. Княжна блѣднѣла и краснѣла за тѣтку. Но та будто не примѣчала и расподлагалась забирать по возможности и впредь. Она ужъ стояла рублей съ триста жениху бездѣлицами и плодами. Но въ такихъ случаяхъ угожденіе есть первый предметъ въ любви. Лука Андреичъ тотчасъ прислалъ карету, и Степанида Кузьминишна такъ сей находкѣ обрадовалась, что съѣла въ нее на дворъ и обратила въ присутственное мѣсто, разбирая просьбу мужиковъ на старосту, и кушая, будто отвѣдывая, дблони и коврижки вяземскія, принесенныя въ кулькѣ ей на поклонъ; наконецъ изволила выйти и устанавливала карету въ сарай, забывъ всѣ случившіяся странныя происшествія съ Крисанфовной во время войны съ крысами и собакою. Пришедъ въ комнату, расподвала княжну, и не въ силахъ даже была хвалить Луку Андреича, а только повторяла съ мокрыми отъ радости глазами: «вотъ человекъ! вотъ то-то человекъ! ну ужъ человекъ!»

Княжна, бывъ сердита, сказала: «я право не знаю, что онъ о васъ подумаетъ послѣ этой кареты?» — И, другъ мой! въ мои лѣта не осудить: что на мнѣ въискать? я его люблю какъ душу, и все пріищу. Вотъ онъ мнѣ подарилъ въ чемъ ѣздить, а ты послѣ свадьбы —

на чемъ: эти сѣрыя лошади показались мнѣ бѣшены; помилуй Богъ, что съ тобою сдѣлается! — Княжна, вышедъ изъ терпѣнія, сказала, что еще не замужемъ. «Да если бы это и случилось, то какое право вижу дарить лошадей? И если онъ для меня бѣшены, то для васъ и еще опаснѣе». Затѣмъ она пошла къ себѣ, а тѣтка въ слѣдъ говорила: «Да меня хоть убьютъ, такъ ничего; мнѣ и безъ того не долго на свѣтъ биться; а ты, плутовка, все выпросишь, только проси: въ своей семьѣ какой расчетъ!» Вотъ до чего набожная и цѣломудренная Степанида Кузьминишна забылась и говорила племянницѣ неприличное, а все отъ-того, что много зла коврижекъ, въ которыхъ много кладутъ гвоздики, корицы, инбирю; взяла даромъ карету — захотѣла и пугъ сѣрыхъ жеребцовъ... Трудно желаніе удовольствоваться, и она тѣмъ была виновнѣе, что у всѣхъ просила, а у ней никто ничего; такъ къ сему привыкла, что это сдѣлалось второй ея натурой.

Глава XL. — Нельзя не поворожить.

Въ-продолженіе нерѣшимости Луки Андреича, тѣтка, погруженная въ тяжкое сомнѣніе, соблазнилась словами короткой своей знакомой, Маремьяны Бобровны Набатовой, которая вървала въ одну славную кофейницу, точно какъ древнія въ сибиллѣ или оракула Апполона Дельфійскаго, перевозносила до небесъ чухонскую колдунью и тысячу примѣрами поколебавъ духъ Степаниды Кузьминишны, взялась привести кофейницу, и хотя и увѣряла, что та для нея все сдѣлаетъ, бывъ ея задушевнымъ другомъ, но не прежде трехъ дней по общанію погла съ нею явиться: такъ много было охотницъ открывать въ гущѣ судьбу.

Кофейница была родомъ изъ Выборга и получила въ наследство отъ матери даръ брать пошлину съ легковѣрія и глупости; въ Ригѣ и Ревелѣ она едва могла достать нужное пропитаніе и известна тамъ была подъ именемъ *медхенъ Минхенъ*, то-есть дѣвка Мина; но пріѣхавъ въ Москву изъ Риги съ обозомъ сельдей, анчоусовъ и прочей гнили, которую, за негодностію, изъ портовъ отправляютъ въ Москву ежегодно, принялась за свою профессію, чрезъ мѣсяцъ перестала вѣдать на дрожкахъ, а въ присылаемыхъ каретахъ; чрезъ два же года купала на Моросейкѣ домикъ, и зажила своимъ домомъ; содержаніе ей ничего не стоило, потому-что у насъ съѣстное для людей и скота ни за что считаютъ; за колдовство брала у-себя по 5 р., на сторонѣ по 10 р. Гардеробъ ея ежедневно умножался и хотя былъ не самый модный и не новый, но весь почти шолковый. И скверная эта чухонка вѣдитъ въ каретѣ, живеть въ своемъ домѣ, изъ Минхенъ превращается въ Мину Карловну мадамъ Шнапгельдъ, упадаетъ

ся на ночь англійскимъ пивомъ, утѣшаетъ, огорчаетъ по своей волѣ въ Москвѣ.

Обида вамъ, ворожен, Цыганки, колдуньи! Но вы сами виноваты за чѣмъ вы родились на Руси, говорите по-русски, шатаетесь пѣшкомъ по подоконью и по кабакамъ въ замаранномъ платьѣ. Дѣлать нечего, видно такъ вамъ на роду написано; а ужъ этой записки никто не переправитъ и не подскоблитъ. Наука Мины Карловны состояла, смотря въ чашку выполосканную кофеемъ, врать вздоръ, описывая будто видимое. Говоря полчаса обо всемъ томъ, что въ жизни каждаго легко случиться можетъ, должно что-нибудь непременно и случиться. Деньги, чины, почести, любовь, дружба, отъездъ, пріездъ, печальныя и пріятныя вѣсти, мужъ, женихъ, обожатель, смерть, родины, ссора, миръ,—вотъ загадка и отгадка науки Мины Карловны, начинка жизни нашей.

Миша Карловна, за недѣлю увидя въ чашкѣ, что одна знатная барыня 76 лѣтъ должна долго-долго еще жить, получила въ подарокъ за прибавленіе къ долголѣтію желтый гарнитуровый робронтъ, шитый дома въ пальцахъ разводами. Барыня умерла чрезъ два дня отъ паралича, а робронтъ остался, и это въ порядкѣ вещей. Въ семь-то нарядѣ съ Маремьяною Бобровною удостоила посвященіемъ тѣтушку выборгская волшебница. Отъ короткости въ домахъ, чрезъ разпросы дѣвокъ и людей, чрезъ свою догадку она знала почти напередъ, что могло быть пріятно въ тѣхъ домахъ, гдѣ она хозяйевъ дурачила, и исторія Луки Андреича давно дошла до ея обширнаго свѣдѣнія.

Должно при семь случаевъ отдать справедливость княжизъ, что она не хотѣла быть свидѣтельницею ворожбы и просидѣла все время въ своей комнатѣ.

Кофе поданъ, поставленъ на столѣ, люди высланы, двери затворены, и Миша Карловна, при слабомъ свѣтѣ двухъ сальныхъ коптившихся вологодскихъ свѣчъ, завладѣвъ вниманіемъ Степаниды Кузьминичны и Маремьяны Бобровны, начала съ разстановкою во всѣхъ мѣстахъ рѣчи, гдѣ ставятся знаки правописанія:

«Много, сударыня, тутъ хорошаго. Вотъ тутъ прекрасная дѣвица что-то сидитъ задумавшись. Она думаетъ о кавалерѣ, и этотъ кавалеръ большаго роста и большой баринъ; онъ самъ очень, очень влюбленъ, но не знаю, что-то ему мѣшаетъ открыться, какія-то дамы и нѣсколько кавалеровъ. Вотъ эта дѣвушка будто и плачетъ; а одна дама, такая почтенная, уговариваетъ ее и обнимаетъ, а она все плачетъ; да и кавалеръ этотъ неспокоенъ: онъ все ходитъ будто въ отчаяніи; не знаю, тутъ что-то карета съѣзжала. Вотъ всѣ благодарятъ, а ужъ кавалеръ-отъ такъ и подлетаетъ, такъ и таетъ. Много тутъ еще будетъ препятствій и слѣзокъ. Посмотримъ, что въ другой чашкѣ».

Поболтала другую чашку и продолжала :

«Постойте! постойте! Вотъ, кажется, и конецъ. Церковь; идетъ священникъ; поздравляю: вотъ и свадьба. Женихъ какъ герой. Девушка очень-довольна, но ей тошно, — дурнота; вотъ ей даютъ въ руки скляночку. Ахъ мейнъ готъ! какое богатство въ домъ-то! Все золото да позументы; ну, нечего сказать, все какъ во дворецъ. Какой веселый балъ! А вотъ тутъ эта другая сидитъ дама: какъ важна, какіе ей подарки, и вся ее такъ благодарить. Ну, ужъ теперь нечего больше сказать; все кажется благополучно и какъ быть должно».

Въ-продолженіи этого пустословія, Набатова была въ восхищеніи такъ какъ ступающей по долговременномъ отсутствіи странникъ на землю родины, — другъ узнавающей что его другъ живъ, — невъзвѣдый мужъ, обрѣтающей жену и дѣтей, или отецъ, видящей при рекрутскомъ наборѣ, что сынъ его не входитъ въ мѣру, — и при всякомъ открытіи восклицала «каково? какво?» — а Степанида Кузьминщица, обратясь вся во вниманіе, не смѣла и дыхнуть, чтобы не прервать нить счастливой своей судьбы въ устахъ чухонской парки, изъяснила выразительно свое вступленіе обоими глазами, изъ коихъ одинъ говорилъ «удивительно!», а другой кричалъ «непонятно!», смотрѣла сама въ чашки; но такъ какъ и Мина Карловна ничего въ нихъ не видала, уваженіе къ кофейницѣ преобразилось въ глубочайшее почтеніе: она не знала, гдѣ ее посадить, какъ угостить и чѣмъ возблагодарить за радость, которой она ее облила съ ногъ до головы.

— Жаль! сказала лукаво Набатова: — что княжны здѣсь не было; ее бы кофей-то занялъ. Да гдѣ она, мать моя?

— Все утро жаловалась головою: вѣдь у ней мигрень очень-часто бываетъ. Пойду ее бѣдвяжку посмотрю.

Тѣтка вбѣжала къ племянницѣ точно такъ же скоро, какъ Крисанфовна изъ сарая, и бросилась цаловать и въ щеки, и въ губы, и въ лобъ. «Ну, Глафирушка! благодари Бога. Знаешь ли, Мина Карловна все узнала, все отгадала, и—свадьба, мой другъ, свадьба. Подъ вѣнецъ дурочку! Скажешь мнѣ спасибо. Велика милость Господня!» Княжна объявленіе приняла съ насмѣшкою; потомъ, желая будто узнать, что врала кофейница, выслушала все со вниманіемъ и отъ-того не объяснила своихъ мыслей, что вдругъ хотѣлось сказать «не бываетъ» и «будетъ». Тѣтка предложила ей подарить что-нибудь чухонскъ; племянница отвѣчала, «я право не знаю, посмотрю», посмотрѣла — нашла, и послала прекрасное платье, на коемъ одно лишь было пятнушко.

Не вините, пожалуйста, сей добронравной княжны; вы знаете, что она влюблена; а кто изъ влюбленныхъ пользуется разсудкомъ? Онъ всегда въ отпуску, пока бродитъ голова и болтаютъ чувства, а является въ то время, какъ все устоится и любовь отсядетъ на дно.

Тѣтка хотѣла-было сохранить чашки, замѣтя номерами, какъ дѣт.

даютъ въ кровопусканіи; но не знаю, что-то помѣшало, и я сего не слѣдовать не могъ.

Глава XLI. — Два случая.

Докторъ осуждаетъ подъ шинперъ больнаго и предписываетъ лекарство облегчить его выпускомъ нѣсколькихъ фунтовъ чистой крови.

Приговоръ чрезъ нѣсколько часовъ исполняется безъ отсрочки по той причинѣ, что эти сентенціи всегда подтверждаетъ смерть. Больнаго сажаютъ на стулъ, не велѣтъ смотрѣть, колютъ, рѣжутъ ноги, руки и достаютъ крови сколько лекарю угодно, и для занятія и чтобъ скорѣй она бѣжала фонтаномъ, а не ручьемъ, даютъ въ руки блѣдному страдалцу трость, а больше шотку и велѣтъ ее шевелить, и если въ семь трогательномъ положеніи встѣгаетъ обморокъ, то оживляютъ спиртомъ, или уксуомъ четырехъ разбойниковъ, кромѣ лекаря.

А съ простымъ народомъ меньше затѣй: кровь ему не пускаютъ, а кидаютъ до обморока: это мѣра, — и неоспоримымъ доказательствомъ сему служатъ всѣ вывѣски на цирюльняхъ, гдѣ обоего пола особы пишутся съ свислою головою и въ обморокъ; въ руки имъ даютъ кочергу или помело, оживляютъ спрыскомъ холодной воды, и вездѣ видно, что человекъ обезьяна, и перенимаетъ у людей. Операція та же, но цѣны разныя: лекарю у господъ обыкновенно въ чашки кладутъ бумажки съ нумерами по мѣрѣ какъ онѣ наполняются, и если докторъ охотникъ до крови и уваженъ лекаремъ, или лекаръ умничаешь, или о другомъ думаетъ, то нумеровъ выходитъ до 10. Чашки берегутъ до пріѣзда доктора, который ихъ осматриваетъ, изъясняетъ свое мнѣніе разстройкою лица, качаніемъ головы, или чмоканіемъ языка, предписывая или опять наполненіе чашекъ остальною кровью, или даетъ покой — часто вѣчный.

Не мнѣ судить должно, такъ или нѣтъ. Къ-чему этотъ инспекторскій смотръ чашекъ? Но вотъ что со мною случилось.

Мнѣ было 19 лѣтъ; я занемогъ жабою, впалъ въ бредъ и опомнился безъ шести чашекъ крови, кои стояли вокругъ меня, какъ трофеи вокругъ славнаго полководца. Докторъ пріѣхалъ, осмотрѣлъ, хвалилъ мою кровь и сказалъ: «теперь довольно; увидимъ, что даль», и всѣ увидѣли меня здороваго черезъ четыре дня. Но вѣдь кровь онъ смотрѣлъ не мою, и никто не знаетъ чью: слуга, который выносилъ чашки, упалъ съ подносомъ и все пролилъ; но чтобъ исправить, взялъ шесть чашекъ, побѣжалъ напротивъ дома въ цирюльню и за пять копеекъ нацѣдилъ крови изъ перваго челоука, который явился къ фельдшеру подъ шинперъ. Сію-то смотрѣлъ докторъ, по ней судилъ обо мнѣ, и ею спасена моя жизнь; а дѣло сіе вышло послѣ чрезъ упрѣ-

ки двухъ людей: они побранились, подрались и пришли доказывать другъ на друга всякаго рода мараости за три года.

Глава XLII. — Закусилъ.

Когда г. Вейсманъ посланъ былъ для поиску Турокъ, найдя визира съ большою арміею, разбилъ его и овладѣвъ цѣлымъ лагеремъ, тогда лучшая лошадь съ богатымъ приборомъ подарена была отъ начальника Лука Андренчу; не знаю, арабской или барбарской породы былъ этотъ жеребецъ, но статей удивительныхъ, вороной какъ уголь, роста большаго, огненный какъ Везувій, легокъ какъ пухъ, быстръ какъ вихорь, гибокъ какъ зызя, проворенъ какъ Жидъ, гордъ какъ временщикъ, посвятивъ какъ лягавая собака; имя ему было визирь, — и на семь-то дивномъ конѣ Лука Андренчъ въ шитомъ мундирѣ, окруженный друзьями и пріятелями, въ послѣдствіи толпы своихъ людей на прекрасныхъ лошадяхъ, явился на-Прѣснѣ въ день гулянья на Трехъ-Горахъ. Онъ былъ задокъ и хватъ; визирь гордился, вертѣлся какъ бѣсъ, успѣвалъ всякому себя показывать спереди, справа и слева, леталъ какъ ласточка, прыгалъ какъ блоха, изъ ноздрей искры металъ какъ изъ трубы, а изо рта пѣну, какъ изъ моря. Въ окнахъ всѣ дивились, народъ останавливался и одно говорилъ: «ахъ, лошадь! ахъ молодецъ! ну ужъ нечего сказать! зна! зна!» Лука Андренчъ, зная домъ, въ которомъ тѣтка съ княжкой сидѣли подъ окошкомъ, подѣзжая, прибрагъ поводья и захотѣлъ себя показать во всей верховой славы; но визирь, отъ-того ли, что долго былъ неѣзженъ, или былъ слышкомъ разгоряченъ, въ одно мгновеніе ока сбѣжалъ два прѣстрашные скачка, закусилъ, полетѣлъ и исчезъ. Все это произошло въ глазахъ княжны; она смотрѣла на приближеніе Луки Андренча со страхомъ, съ самолюбіемъ и съ восторгомъ; но какъ лошадь его понесла, то она оцѣпенѣла, закрыла глаза и, услыша «бѣеть! бѣеть!», обмерла и упала съ окна на полъ поумертвая.

Ее вынесли въ другую комнату, стали расшуровывать, тереть, прыскать, заставлятъ чихать, и едва чрезъ часъ довели до того, что она открыла глаза и, не опомнясь еще совсѣмъ, залилась слезами, спрашивая довольно-громко: «гдѣ онъ? Боже мой, что со мною будетъ!» Дали ей выпить стаканъ простой воды съ колонскою, нанесли всякихъ сильныхъ снадобьевъ, всѣ углы платковъ завязали узлами и отправили съ тѣтушкой домой. Вотъ и гулянье.

Луку Андренча визирь несъ и билъ версты три, но не сбилъ, и нашъ Александръ Македонскій укрѣтилъ своего буцефала, но ѣхать далѣе не могъ, разодравъ сапоги и оцарапавъ ногу о каретное колесо; поскакалъ къ себѣ переодѣться, но, узнавъ, что княжну боль-

ную привезли домой, въ первомъ движеніи бросился-было самъ провъдывать, но отъ застычивости отправилъ скорохода спросить о здоровьѣ и сказать, что съ нимъ случилось, и все это было не кстати.

Пока лошадь была Луку Андренча, то на улицъ сдѣлалась суматоха престрашная; въ домахъ кричали: «ахъ! ахъ! что такое? кто такой?»; а народъ дѣйствительно съ усердіемъ вопилъ «держи! держи! ахъ Мати Божія! вѣдь это бѣда! убьетъ сердечушку! а молодецъ-отъ, молодецъ!» И изъ сего можно заключить, что красота дѣйствуетъ сильно надъ чувствами: народъ принимаетъ живое участие въ опасности Луки Андренча, отъ-того, что онъ великъ, строень, молодецъ, и лошадь подъ нимъ богатырская; но выпустите сквернаго парнишку, или важнаго карлика, или спѣсиваго горбунка, — пусть его повесетъ по улицъ и при народъ клеперокъ съ стриженою гривой, или сухой кургузый англійскій пострѣлъ, то другаго не услышите, какъ хохотъ и «Смотри, смотри, какъ трепаетъ! экой срамъ! ну, комедія! и бить-то нечего, и охъ сказать не по чемъ. Ужь штука, братъ! Ахъ, ты уродина! туда жъ за людьми. Ну, спрашивай ума!» А если кто остановитъ и спасетъ этого горбуна или человѣчка, того пріймутся бранить: «Что тебѣ жаль его что ль стало? Ну, туда и дорога; не вѣди; зачѣмъ, дурачина, останавливалъ. Да этой потѣхи и не нажить!»

Глава XLIII. — Ядовитыя змѣи!

Въ томъ домѣ, гдѣ сидѣла подъ окномъ княгиня Глафира Юрьевна, много было гостей, и всѣ барыни подъ видомъ сожалѣнія пошли ее оттирать, слѣдственно слышали слова: «гдѣ онъ, Боже мой, что со мною будетъ!», и какъ-скоро она съ теткою уѣхала, то и пошли толки: «Жаль княжны бѣдненькой: она что-то не по себѣ и прѣхала». «Этого однакожь не примѣтно было». «Да она ужъ давно какъ въ воду опущена». «Какъ не испугаться, — есть отъ-чего!» «И конечно на это равнодушно смотреть нельзя, особливо ей. Ужь право, дай Богъ поскорѣе конецъ».

— Да-съ, эта свадьба что-то идетъ въ длинный ящикъ.

— Не простиительно Лукъ Андренчу ѣздить на такой лошади; она же, сказываютъ, и турецкая.

— Матушки, какой страхъ! всѣхъ перепугала до смерти.

— Да вѣдь онъ и о себѣ не думаетъ, не токмо что о другихъ. Это видно по его поведенію съ княжною.

— Ну, въ этомъ больше тѣтка виновата: она Богу дастъ отчетъ.

— Мудрено разобрать, кто причиною, а и княжну похвалить грѣ-

шно. Да что она такое въ немъ нашла? мужикъ съ гайдука; я право его боюсь; того и смотри, что убьетъ.

— Да у гайдука-то, матушка, 5,000 душъ, и все хлѣбныя деревни, одна другой лучше; ну да и бригадиръ: цугомъ-то поравняется со всякимъ.

— Вотъ то-то, все до случая; кабы не запрыгала лошадка, такъ бы княжна не облабетилась.

— Да она не помнила, что говорила; такъ безъ памяти.

— Ахъ, мать моя! да у ней памяти никто не отбивалъ.

— Да Лука-то Андренчъ ее убилъ.

— А мнѣ такъ тѣтушка-то мила: точно какъ сушеный черный грибъ; готовить племянницу заступитъ свое мѣсто. Хорошее дѣло—воспитаніе! Ахъ, избави Богъ дѣтямъ оставаться безъ отцовъ и матерей, пропадшія бѣдняжки.

— Да, сударыня, примѣръ этотъ мы сейчасъ видимъ. Чтобъ княжна-то не умерла отъ испугу. Долго ли до бѣды! Что же? Дѣвичій отъ нея не далеко; тамъ мѣста еще много.

— И, полно, матушка; все пройдетъ, позволите увидѣть. Что за болѣзнь! тошнота маленькая.

— Можетъ-быть разстроенъ желудокъ.

— Да, можетъ-быть; я такъ не то думаю.

— А что же такое? не-уже-ли?.. И, нѣтъ! ужъ этому никакъ не повѣрю, воля твоя.

— Ну, не вѣрь, мать моя; Богъ дастъ доживемъ, — увидимъ либо услышимъ; вѣдь девять мѣсяцевъ не вѣкъ...

— Вообразите! Ахъ, Боже мой! вотъ до чего дожили!

— Я надѣюсь, что съ ней это будетъ въ послѣдній.

— И, полно, матушка! развѣ тебѣ жизнь надоѣла, хочешь свѣту преставленія!

— И дай Богъ ему здоровья; мы-то чѣмъ же виноваты?

— Ну натурально!

И пошло тутъ толкованье, шептанье, сообщенія, замѣчанія, лжи, клеветы, и изъ сего дома въ полночь выѣхало фурій съ дюжину, навьюченныхъ ядомъ клеветы, которая въ сутки поднялась, разрослась и разнеслась, какъ въ одно лѣто бабья, качанъ капусты и прахъ земной.

Проклятыя злодѣйки, чортовы посланники, адскіе почталійоны, звѣри ехидные! достойно бы вамъ родиться слѣпыми, глухими и нѣмыми. Что предъ вами убійца? Того законы отдаляютъ навсегда отъ общества людей; а вы настоящіе душегубцы. О, какъ жаль, что на васъ не привязываютъ почтовыхъ колокольчиковъ! Тогда бы звукъ ихъ при первомъ движеніи вашемъ предохранялъ родъ человѣчскій отъ остраго жала вашего, такъ-какъ шумящій хвостъ эмви съ коло-

кольчиками извѣщаетъ людей о приближеніи сей ядовитой пресмыкающей.

Глава XLIV. — Посольство.

Двоюродный дядя по матери Луки Андрюча, человекъ старого вѣка, честныхъ правилъ и при грубой наружности внутренно чувствительный, узнавъ на другой день приключеніе племянника на улицѣ и княжны въ домъ. Навѣстивъ разстроеннаго любовію Луку Андрюча, рассказалъ ему все происшедшее, представилъ всѣ пагубныя слѣдствія, молву городскую и, разсердясь, заключилъ вопросомъ: «Что жъ ты думаешь, жениться или нѣтъ? Если хочешь, такъ напрасно откладывать. Ступай перекрестясь; у тебя люди, лошади и кареты, благодаря Бога, есть, не занимать-стать; не давай на поруганіе будущей своей жены, не губи честной дѣвушки. Если не хочешь жениться, такъ запрягай лошадей, да убирайся куда глаза глядятъ. Полно срамиться! зачѣмъ лѣзъ какъ сомъ въ вершу? Подумай, братъ племянникъ, вѣдь это дѣло не шутка. Да, нынче все не такъ, какъ въ наше время; тогда была смерть копейка, а нынче честь полушка. Ужели надвѣшься на то, что сирота тебя досталась? Ты думаешь, что не знаю всѣхъ твоихъ шашней. Нѣтъ, братъ Лука, я самъ у себя. Подойди-ка къ зеркалу, да посмотрись: вѣдь краше въ гробъ кладутъ; а она, моя милая, была какъ розовый цвѣтъ, а теперь въ чемъ душа держится. Только и разговоры, что о ней, да о тебѣ; куда не завернешь, вездѣ въ набатъ бьютъ. Ну, что это такое? Если бъ съ моею дочерью этакъ кто пошутилъ, да я бъ ему, собачьему сыну, и руки и ноги переломалъ—воля государева со мною. Я отецъ; дѣтей въ обиду не дамъ ни подъ какимъ видомъ. Нѣтъ, ты не въ батюшку. И изволь знать, если ты не побѣдешь свататься, то тебя прошу ко мнѣ въ домъ не ѣздить. Хотя и родной племянникъ и сынъ сестры, моей благодѣтельницы, но я тебѣ въ вѣкъ этого не прошу.»

Хотя Лукъ Андрючу было 36 лѣтъ, но дядя точно такъ ему говорилъ, потому-что права были его родственныя и честныя; онъ его не обидѣлъ словами, а растрогалъ упрекомъ памяти отцовской. Племянникъ обнялъ дядю и расцаловалъ у него руки, рассказалъ исторію своей страсти, настоящаго положенія, желаніе и страхъ, что откажутъ. Дядя опять заговорилъ: «Ну, да если ты онышнѣ и поглупѣлъ, такъ чего тебѣ лучше: изволь, я ѣду; скажи только словотѣтка мнѣ человекъ знакомый: она въ чуму у меня въ карантинѣ въ Королевцѣ сидѣла, и до-сихъ-поръ хлѣбъ-соль помнить. Мы съ ней въ трехъ словахъ дѣло сладимъ—и по рукамъ; а вы тамъ остальное сами додѣлывайте.»

Опять принялся племянникъ дядю цаловать и упрашивать, чтобъ вхалъ тотчасъ; но дядя отговорился, что ему надо идти домой, что у него званые гости, что надо соснуть, одѣться, и заключилъ пословницей «поспѣшимъ да людей насмѣшимъ».

И въ-самомъ-дѣлѣ, ему надобно было прибратъ: онъ ходилъ прѣшкомъ къ обвднѣ, а оттуда къ Троицъ-подъ-Гору; его забрызгали грязью; онъ былъ въ сюртукъ и безъ камзола, во уваженіе жаркаго время.

Глава XLV.—Сватанье.

Луку Андренчу показалось, будто княжна съ нимъ перемѣнилась отъ-того, что она отъ любви, отъ неизвѣстности и отъ разглашеній на ея счетъ по городу създаема была печалью и лишилась своего веселаго права; а отъ сей мечты продозрѣніе, ревность и гнѣвъ стали постоемъ въ душѣ его, и если бѣ визирь не закусилъ удилъ на Прѣснѣ, то бѣ нельзя и предвидѣть, чѣмъ бы кончилось это любовное похождение. Но нѣтъ худа безъ добра; иногда все идетъ къ лучшему, иногда къ худшему, и это сладстіе общаго движенія въ мѣръ.

Дядя, напѣвшись, напѣвшись до-сыта, прилегъ на старое канапе и всхрапнулъ ровно часъ съ четвертью; сна его ничто тревожить не могло: шумъ—отъ-того, что человекъ надъ нимъ читалъ третій томъ «Тысячи Одной Ночи»; мухи—ихъ сгонялъ мальчикъ полотенцемъ.

Проснулся, засвисталъ, выпилъ пять чашекъ чаю, съѣлъ дыню, напудрилъ бѣлую голову, надѣлъ кирасирскій мундиръ, сырсаковый камзолъ, препоясалъ мечъ и отправился говорить за племянника къ Степанидѣ Кузьминичнѣ.

Онъ ее засталъ дома; княжна еще не совсѣмъ-здоровая, сидѣла тутъ же въ комнатѣ. Посла приняли со всею надлежащею почестію, посадили въ большое мѣсто. Тѣтка спросила, каковъ Лука Андренчъ; а дядя отвѣчалъ: «все охаеетъ, да крѣпкую думу думаетъ», спросилъ самъ у княжны: «а ваше сіятельство что такъ печальны? въ ваши бѣ лѣта и грустить не объ чемъ! право такъ». За отвѣтомъ: «я не очень здорова и не могу избавиться отъ боли въ головѣ», почувствовала, что слезы хотѣли бѣжать изъ глазъ, успѣла встать, и пошла къ себѣ въ комнату.

Лишь она за двери, то посолъ и приступилъ къ трактованію о союзу.

— Послушай, матушка Степанида Кузьминична; мы съ тобой люди немолодые, давно уже въ свѣтъ толкаемся. Что пустяки понапрасну калякать? Изволь-ка милостиво выслушать. У тебя племянница невѣста, а у меня есть женихъ; ты его знаешь довольно; мнѣ хва-

дять его не годится, ибо онъ мнѣ родной племянникъ; отъ роду ему тридцать—шесть лѣтъ, бригадиръ и кавалеръ; имя его Лука, по отчеству Андрейчъ, а фамилія Кремневъ; имѣнія за нимъ пять тысячъ душъ, ума палата, сущій христіанинъ и человекъ много-честный. Такого молодца поискать со свѣчкою: чего же думать? Помолился Богу, да и по рукамъ: намъ же будетъ любо на нихъ смотреть; право такъ!

Хотя душа и сердце Степаниды Кузминшны готовы были повергнуть тѣло ея къ личнымъ сапогамъ свата, но умъ сохранилъ равновѣсіе, далъ видъ важный, съ прибавкою спѣси, и внушилъ сѣдующій отвѣтъ:

— Я, конечно, благодарна вамъ за сдѣланную честь моей племянницѣ, что желаете ее имѣть въ своемъ семействѣ, и знаю достоинства Луки Андрейча, слышавъ много объ немъ добраго. Но она еще молода. Я хоть увѣрена, что она изъ воли моей не выйдетъ, но принуждать ее не намѣрена, и выборъ жениха предоставляю собственно ея расположенію. И такъ, вы не обидьтесь отерочкою и позвольте мнѣ подумать хорошенько и узнать мысли племянницы. Я же вамъ чистосердечно признаюсь, что съ моей стороны желала бы очень, чтобъ расположеніе ея могло быть согласно съ вашей пропозиціей. Бракъ есть вещь столь важная, что... немудрено... если я... и она... вы знаете...

Отвѣта она не кончила отъ радости, отъ непривычки говорить рѣчи и отъ нетерпѣнія сообщить сіе неожиданное извѣстіе княжнѣ; а посоль, подхватя послѣднее слово, продолжалъ:

— Да я знаю, что княжна непрочъ отъ моего племянника. Чтò тутъ за церемоніи! А для соблюденія канцелярскаго порядка, отправляйся, любезная сватья, къ невестѣ, да пришли ко мнѣ записочку, изволишь ли слышать? Чтò мучить понапрасно молодѣжь? Я теперь пойду къ моему, а ты пробирайся къ своей. Прощай, милая; дай ручку. Вотъ такъ.

Засимъ онъ повхалъ прямо къ племяннику, рассказалъ слово-дослова все, и описаніемъ отвѣта и удаленія княжны изъ комнаты конференціи привелъ его сперва въ задумчивость, потомъ въ отчаяніе. Тщетно добрый старикъ принимался утѣшать жениха, доказывая, что княжнѣ неприлично было тутъ оставаться; но онъ, ходя по комнатѣ какъ сумасшедшій, то билъ, то теръ лобъ и говорилъ съ перерывкой: «Такъ... вотъ хорошо... я это зналъ... Ахъ, Боже мой!.. Съ чего я вздумалъ?.. Вотъ чего боялся!.. Отказъ и смерть...»

Пока дядя пошелъ, а племянникъ бѣсновался, тѣтка полетѣла въ горницу къ племянницѣ и, обнимая ее со слезами при каждомъ словѣ, едва могла пересказать разговоръ съ дядею Луки Андрейча. Княжна перекрестилась, протянула руки къ тѣткѣ, произнесла: «что жъ

мих двать?» и упала въ обморокъ. Опять пошло оттиранье, бьганье, нюханье. На этотъ разъ, обморокъ скоро прошелъ, такъ какъ и радость проходитъ, — а она была его причиною; тётка же, смотря на племянницу, думала: «Куда-какъ молодые люди нынѣ хилы! Все въ нихъ слабости: лошадь убьеть—обморокъ, не сватается—обморокъ, сватается — обморокъ. А я, бывало, бьюсь часть объ стѣну, а все въ памяти; да въѣдъ за меня и никто не сватался. Богъ не далъ этой утѣхи за то, что я, грѣшная, очень замужь хотѣла. Что правда, то правда!»

По возвращеніи чувствъ, княжна, воображая отчаяніе Луки Андренча и судя по себѣ, просила тётку убѣдительно, чтобъ она отправила къ дядѣ письмо, или записочку собственной ея руки, писанную безъ правописанія, кривыми строками и буквами, сложенную на-уголокъ и запечатанную рѣзной печатью. Вотъ содержаніе сего посланія:

«Батюшка Юма Егорычъ! Мне кажется что племянница неимѣетъ отвращенія. Благодаря Бога, по мне хотя и зговоръ когда разсудите. Глафирушка слаба; пожалуйста заэтра: аба всемъ переговоримъ и паложимъ. Милава Луку Андренча съ племянницею желаю видѣть щасливыхъ. А я погробъ ваша гатовая къ слугамъ»

Сте. Повзновол.»

Письмо вручено дядѣ, передано имъ племяннику и произвело перерожденіе. Горестъ исчезла и явилась радость: онъ бросился въ слезахъ передъ образомъ на колѣни, потомъ къ ногамъ дяди, и они, обнимаясь, съ восторгомъ повторяли: «ахъ, дядюшка!», «ахъ, другъ мой!»

Разведемъ всѣхъ ихъ по кроватамъ: надобно отдохнуть и собраться съ силами. Много успѣли сдѣлать, но дѣло еще все впереди.

Глава XLVI. — Печатка —

та, которой Степанида Кузьминична печатала всѣ свои письма, была у нея лѣтъ двадцать: она ее вымѣняла на бирюзу у Французской мадамы, которая образовала воспитаніе двѣицъ въ одномъ благородномъ домѣ. Печать была оправлена въ золотъ и вырѣзана на яшмѣ; но отъ времени и частаго тисненія нижняя часть стерлась, остался одинъ пѣтухъ, и такъ, что нельзя было видѣть на чемъ онъ сидитъ; внизу подпись *Gratis*; ее только два раза и толковали Французъ и Итальянецъ; но такъ-какъ они были не сильны въ натуральной исторіи, еще меньше въ художествахъ, то и не могли проникнуть и утвердительно положить, что подъ пѣтухомъ было, и подпись истолкована двойко: Французъ утверждалъ, что *Gratis*, то-есть «даромъ», значило, что пѣтухъ можетъ ѣсть безъ заплаты, и потому вѣроятно,

что онъ сидѣлъ на мѣшкѣ, или кулькѣ; а Итальянецъ, принимая литеру *e* за *i*, доказывалъ, что надпись значитъ *Grates*, то-есть «скребеть», и, по его мнѣнію, подъ пѣтухомъ должна была быть иика *intaglio*.

Глава XLVII. — Сговоръ.

Собралась родня; священникъ прочелъ молитвы и, обруча влюбленную чету, вручалъ ей вмѣстѣ съ кольцами блаженство, утѣху и надежду всего міра. Начались поздравленія, поѣхали во всѣ заставы по почтѣ извѣстительныя и препоручительныя письма ко всей роднѣ до пятого колѣна; сговоренные не наговаривались, не насматривались другъ на друга; свѣтъ весь заключался въ томъ углу, гдѣ они сидѣли; весь родъ человѣческой въ нихъ-самихъ, верхъ счастья въ каждомъ словѣ, взглядѣ, усмѣшкѣ; но каждый, однакожъ, съ своей стороны заботился о свадьбѣ, и главная причина сему была грусть разлуки, ибо хотя они съ утра и до вечера были вмѣстѣ и совершенно при людяхъ и безъ людей одни, но хотя поздно, а должно было всякій день жениху вѣхать, а невѣстѣ идти спать. Это главная неприятность въ сговорномъ положеніи.

Сговоръ для свадьбы то, что введеніе для исторіи, паперть для храма, сѣни для палатъ и рожденіе для жизни.

Глава XLVIII. — Влюбленные —

точно какъ дѣти, коихъ еще водятъ на помочахъ: всего просятъ, всего хотятъ, радуются, когда выпрашиваютъ, плачутъ, когда имъ отказываютъ. Точно какъ сумасшедшіе, на одномъ пунктѣ приходятъ иногда въ память, но скоро опять впадаютъ въ безумство; со всѣмъ тѣмъ всѣ почти выздоравливаютъ и возвращаются въ первобытное состояніе. Точно какъ нищіе, слѣпая братія, просятъ милостыню Христа ради; но поводырь ихъ съ завязанными глазами и заводитъ самъ не знаетъ куда.

Отъ 15 до 25 лѣтъ	влюбленные жалки,
— 25 — 30 —	— терпимы,
— 30 — 35 —	— сносны,
— 35 — 40 —	— смѣшны,
— 40 — 50 —	— страшны,
— 50 — 60 —	— отвратительны,
— 60 — смерти	— гадки.

Глава XLIX. — Невлагодѣйственность.

Между многими странностями въ нашей землѣ, должно помѣстить въ заглавіе сговоренныхъ: они кидаются въ глаза, колятъ ихъ и заставляютъ часто закрывать.

Что на свѣтъ боязливѣе влюбленнаго? что скромнѣе влюбленной? Какой предметъ для мужчины почтеннѣе женщины, въ коей онъ полагаетъ найти дружбу, любовь и счастье, дѣлить печали и утѣхи цѣлой жизни, и которая, преисполненная вѣжною страстію, жертвуетъ настоящимъ благоденствіемъ неизвѣстному, надѣясь его найти въ томъ, съ коимъ она соединяетъ судьбу свою навѣкъ, преображаясь добровольно изъ властителя въ невольницу? Но сколь влюбленные тихи, робки и почтительны во все время исканія, столь напротивъ дѣлаются смѣлы, дерзки и предприимчивы въ минуту сговора: женихъ тотчасъ хочетъ пользоваться многими правами мужа, а молодая, прекрасная и часто невинная невеста, ободряясь присутствіемъ своихъ ближнихъ, снисходитъ на вольности будущаго своего супруга, не находитъ въ страсти своей причины, а въ любви силы къ отказу, сперва не хотя огорчать его, а потомъ себя приучаетъ дѣлить съ нимъ упоеніе чувствъ, и, вмѣсто зрѣлища счастья, женихъ и невеста выставляютъ часто картины неблагопріистойности.

Понимаю, что влюбленные могутъ забываться: они всегда, какъ Адамъ и Ева, въ раю; но мудрено, какъ матери и отцы терпятъ подобныя вольности! При нихъ, при большомъ обществѣ, при собраніи цѣлаго города, сговоренные обнимаются, цалуются, вздыхаютъ, губами раздуваютъ другъ въ другъ жаръ, раждають въ зрителяхъ или зависть, или отвращеніе, и сею страстною горячкой отнимають заранѣе всю силу у любви, у воображенія, освобождаются сими задатками изъ плѣну, и опускаются ко дню свадьбы на точку замерзанія.

Я хотѣлъ бы, если уже нельзя перемѣнить сего безпорядка вещей и вѣтерпѣнія, чтобъ сговоренные при людяхъ не показывались, чтобъ ихъ заставляли ширмами, или завѣшивали покрывалами, а всего лучше, чтобъ надѣвали на нихъ маски съ длинными носами.

Возраженіе идетъ на молодыхъ и взаимно влюбленныхъ, коихъ страсть подводитъ подъ вѣнецъ брачный; но отнюдь не касается до тѣхъ сговоренныхъ, кои другъ въ другъ видятъ большую дорогу, любовное мѣсто, духовную, деньги, и кои, вмѣсто легкой цѣпи цвѣтовъ, сплетенной рукою счастья и любви, попадаютъ въ желѣза и на канатъ преступниковъ.

А и эти цалуются, но точно такъ, какъ на святой недѣль со всѣми и на похоронахъ съ покойникомъ. Вообще, большая часть влюбленныхъ цалуются, цалуются, — а потомъ кусаются.

Глава L. — МѢРКА.

Только сговорятъ—и явится барская-барыня безъ рѣчи, точно какъ нѣмой изъ серала, съ тесемкою смѣрить діаметръ шеи жениховой.

Это для шитья сорочекъ, — будто онъ ходилъ прежде нагой; но такъ должно.

Прежде сего шивали бѣлье по домамъ русскія швен, и тогда полтна не жалѣли, даже и голландскаго; а нынче подрядомъ берутъ шить магазейныя мадамы, и, вмѣсто рубашекъ, будто ошибся мѣркой, дѣлаютъ жилеты съ рукавами. Иноземцы сперва намъ обрѣзали бороды, потомъ волосы; тамъ укоротили чувства, раздѣли; а нынче принимаютъ драть кожу; но все это такъ нѣжно, легко и мило, что мы радуемся и утѣшаемся тѣмъ, что можемъ благодарить ихъ на ихъ языкѣ.

Глава LI. — СВАДЬБА.

Наконецъ, насталъ день, въ который бракъ соединилъ два сердца въ одно, двѣ души въ одну, два рока въ одинъ. Домъ былъ снова весь прибранъ, люди богато одѣты, въ окнахъ пирамиды, на улицѣ площадки, столъ удивительный, музыка огромная, и, въ одно слово, и дворянство и народъ согласились, что свадьба Луки Андрейча Богатырева (*) была свадьба великолѣпная и знатная. Въ восемь часовъ пополудни въ приходской церкви обвѣнчались два истинно-влюбленные. Они молились Богу отъ чистаго сердца о взаимномъ благополучіи каждаго и просили Его, чтобъ умереть прежде другаго. Въ девять часовъ, возвратились домой—Лука Андрейчъ мужемъ, а княжна Глафира Юрьевна женой. Въ десять, обрядъ и нетерпѣніе освободили новобрачныхъ отъ свидѣтелей и передали ихъ будто сну. Но Морфей, сдавъ ихъ тотчасъ съ-рукъ-на-руки сыну паеосской богини, удалился, пожелавъ доброй ночи.

А въ десять часовъ съ четвертью у Глафиры Юрьевны осталось лишь право писать на гербовой бумагѣ и на визитныхъ билетахъ: «урожденная княжна Мишурская».

Ничего, Глафира Юрьевна!

Славно, Лука Андрейчъ!

(*) Вѣроятно, Кремлева? Ред.

ГЛАВА LII.—НА ПРАСНО.

На что церемонія въ день свадьбы? не лучше ли имѣть свидѣтелями оной съ обвѣхъ сторонъ самую лишь ближнюю родню, обвѣчаться утромъ, отобѣдать въ домѣ, откуда невѣста; потомъ кончить день у новобрачнаго, и избѣжать тысячу непріятностей, безпокойствъ, тягостей въ самый важный, единственный и рѣшительный день жизни нашей.

Но какъ не выставить придагаго, изъ котораго три части никуда послѣ не годятся—отъ перемѣнъ въ модѣ и отъ сырости кладовой?

Какъ его не везти по улицамъ на чужихъ лошадахъ и какъ не занять цѣлыя дроги и осанистаго цугу перевозомъ между прочимъ необходимой утвари, изъ коей, кромѣ дурнаго запаха, ничего выйдти не можетъ.

А-ай! я слышу старухъ, кои въ одинъ голосъ всѣ крикнули: «Ахъ, злодѣй! чего хочеть! прилично ли молодой бѣгать на низъ и на дворъ? ей смѣть должно!»

Извольте. Честъ ей и мѣсто.

ГЛАВА LIII.—КУРИЦУ ЯИЦЫ УЧАТЬ.

Тревожить духъ, приводить въ трепеть юность, преобразовать милого человѣка въ злодѣя, заставлять краснѣть цѣломудріе, отравлять самую счастливую минуту любовной жизни, и обращать неизвѣстность и стыдъ въ страхъ и въ любопытство, а иногда въ нетерпѣніе и обиду,—вотъ что дѣлается. Какая нужда учить той одной наукѣ, въ коей ученики превосходятъ учителей?

Но это обычай.

А обычай почитать должно; однако не запрещено надъ ними и смѣяться; а смѣшная вещь можетъ иногда выйдти наконецъ изъ употребленія.

Желаю, чтобъ всѣ смѣялись со мною, — кромѣ молодыхъ дѣвушекъ.

ГЛАВА LIV.—ДЯДЯ.

Тотъ самый Ома Егорычъ, который ѣздилъ къ Степанидѣ Кузьминшицѣ сватомъ, былъ у Луки Андренча, въ качествѣ роднаго дяди, посажоннымъ отцомъ. За исключеніемъ нѣкоторыхъ волиныхъ

словъ, непристойныхъ шутокъ и двусмысленныхъ привѣтствій по случаю свадебнаго пира, велъ себя очень-хорошо до тѣхъ самыхъ поръ, какъ всѣ развѣхались, молодые пошли спать, а онъ, приглася своихъ короткихъ, истребовалъ шампанскаго вина и, выдумывая разные здоровья, но не по примѣру Англичанъ, такъ упился, что люди племянника, опасаясь положить его въ карету, положили на канапе, гдѣ онъ сномъ и временемъ пересталъ быть пьянымъ и проснулся опять трезвымъ. Тутъ въ пьянствѣ онъ доказалъ, что пословица «языкъ мой врагъ мой» справедлива; хотя онъ и любилъ чистосердечно племянника и безъ памяти радъ былъ его свадьбѣ, приписывая оную своему краснорѣчію и искусству, но, пивъ здравіе новобрачныхъ, примолвилъ: «дай Богъ и впредь у племянника на свадьбѣ повеселиться». Ахъ, закричитъ всякой: — экой негодяй! хорошъ дядюшка! не успѣлъ племянникъ обвѣнчаться и ужъ женъ его жагаетъ смерти!

Извините Оому Егорыча: онъ самъ не помнилъ что говорилъ; онъ былъ пьянъ, совралъ ненарочно; сколько и трезвыхъ врутъ—и какъ долго, иной пока живъ; а если хорошенько разобрать, то умные еще больше врутъ, чѣмъ дураки, отъ-того, что на этихъ надъются — и правду сказать, есть на кого.

Г л а в а LV.—ТѢТКА.

Сколь ни довольна она была предстоящимъ счастіемъ племянницы, сколь много ни видала она пріятностей и выгодъ для себя самой, но минута разлуки съ ней была тяжела—не отъ любви, не отъ привязанности, не отъ чувствительности, а просто отъ привычки и отъ любви къ себѣ. Она выражала сіе двумя рѣчьми: «Она со мною жила 9 лѣтъ; съ кѣмъ я останусь?» Но посреди слезъ, вздоховъ, укусовъ и спиртовъ, должна была отпустить племянницу въ церковь вѣнчаться. Она ей сдѣлала пристойное наставленіе касательно обязанностей жены, госпожи, матери, и заставила на-единѣ выслушать на первый разъ сокращенный курсъ, который преподала одна коротко-знакомая тѣтка, бывшая три раза за-мужемъ и два раза у разбойниковъ на Волгѣ.

Тѣтка, благословя образомъ племянницу, просила ее неотступно, чтобы она ступила прежде жениха на подножіе. Но должно отдать справедливость княжнѣ, что она презрѣла сей совѣтъ, — и хорошо сдѣлала, а дурно то, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ въ разговорѣ сказала о семъ мужу.

Этотъ предрасудекъ происходитъ вѣрно отъ принятаго правила, что все зависитъ отъ перваго шага; но спотыкаются послѣ; а всего лучше, чтобъ мужъ и жена ходили въ одну ногу.

Глава LVІ.—Бѣлая горячка.

Что за вздоръ! что за чудо! на другой день свадьбы, въ новой каретѣ везутъ замкнутую шкатулку, и она для родни невесты сущій ящикъ Пандоры, въ коемъ оставалась единая надежда.

Что это?

Тюшика Юлія Кесаря, коей Маркъ-Антоній хотѣлъ вооружить чернъ римскую и подвигнуть ее на отомщеніе убитаго, который былъ слишкомъ-затѣйливъ?

О, честь, честь! вездѣ ты сокрыта, закрыта и прятана! Одно мгновеніе ока тебя истребляетъ на взъи; подобная ночнымъ птицамъ, ты убѣгаешь свѣта дневнаго и прячешься отъ глазъ людскихъ, обыкшихъ въ тѣсномъ мѣстѣ твоего скрытаго пребыванія находить иногда, вивсто тебя, слѣды гнуснаго порока!

Глава LVІІ.—Продолженіе бреда.

Зачѣмъ, выведя обвинчанную, представить ее опять предъ лицомъ всѣхъ созданныхъ въ легкомъ ночномъ платьѣ, — допустить, чтобы всѣ съ нею прощались и большая часть говорила глупыя привѣтствія, завсегда обидныя или непонятныя истинной добродѣтели?

Отъ нихъ краснѣетъ невинность отъ стыда и замѣшательства, а порокъ отъ нетерпѣнія и сладострастія.

Все сіе происходитъ у подножія брачнаго ложа...

Глава LVІІІ.—Колпаки.

Высокіе и смѣшные колпаки надѣваютъ на домашнихъ, на дураковъ, на лѣнливыхъ учениковъ, и на обветшалыхъ жениховъ.

Лука Андреичъ отъ колпака не ушелъ: надѣли на него; но онъ не будетъ домашнимъ дуракомъ; онъ не ученикъ и не лѣнливъ. Какая жь нужда представлять супругъ супруга, въ первый день брака, въ смѣшномъ видѣ испанскаго дона Лимнордаса, итальянскаго опернаго шута, или нѣмецкаго профессора?

Глава LІХ.—Просьба.

Помилуйте, отцы мои, матушки! сжальтесь надъ сиротою, дайте духъ перевести. Я измучился, на человека не похожу. Мало ли тру-

довъ было? Родителей и брата Луки Андрейча пограбь, его воссн-
талъ, записалъ въ службу, вывелъ къ люди, въ отставку женилъ и
спать положилъ. Сколько хвалилъ, сколько бранилъ... Ну, позвол-
те и мнѣ отдохнуть.

Если узнаю, что хоть одинъ глазъ прослезился, и одинъ ротъ раз-
смѣялся, то опять примусь за перо; зачну чертить новыя исторіи.
Если же несчастный книгопродавецъ сей книги пойдетъ по міру, то
не взыщите, — я уже тогда самъ заплачу и засмѣюсь: заплачу—что
погубилъ человека, засмѣюсь—что надумаю быть цензоромъ Като-
номъ, и писать ужь больше не буду, какъ къ своимъ роднымъ и къ
прикащикамъ. Сколько сберегу бумаги, перьевъ, зрѣнія и покоя!...
Но судьба Луки Андрейча, дѣтей его и моя въ вашихъ рукахъ. Нѣ-
сколько васъ, составляющихъ общество, нѣсколько обществъ публи-
ку, а публика — вещь безсмертная, премудрая, внутренняя, орден-
ская дума, уголовная палата, Титъ, Неронъ, мать и мачиха...
Впрочемъ, имѣю честь пребыть съ истиннымъ почтеніемъ и предан-
ностію,

милостивая государыня, публика,
вашъ покорнѣйшій слуга

ГРАФЪ СЕДОРЪ РАСТОПЧИНЪ.

ЖИВАЯ ВОДА.

Пѣсня.

Скорѣй, други, воду живую
Въ стаканы большіе нальѣмъ!
Про эту же воду, злѣдѣйку лихую,
Мы пѣсню споймъ;

Вино, даръ небесный, безцѣнный,
Ты въ жизнь отворяешь намъ дверь!
Въ томъ праотецъ нашъ, первый мужъ благовѣрный,
Намъ первый примѣръ.

Къ чему наша мудрость людская?
Надъ чѣмъ все коптять мудрецы?..
Моль міра!.. А слава? — Дымъ слава мірская,
Твердили отцы.

Вино же не дымъ мимолетный,
Оно дымомъ ставитъ судьбу;
Ему честь и слава! вновь кубокъ заветный,
Тостъ новый вино!

Съ нимъ пышетъ огонь вдохновенья,
Играя, бунтуя въ груди;
Оно сожигаетъ, приводитъ въ забвенье
Тревоги души.

Ну, снова жъ, бокалъ, наполняйся
И горькимъ и сладкимъ виномъ!
И снова и больше душа наслаждайся
Отраднымъ питьемъ!

Вновь полны стаканы живою водою,
Вновь радостно сердце звучитъ,
И такъ, годъ за годомъ, своей чередою
Пусть глупое время летитъ!..

БАРОНЪ ШТРАЛЬ.

Казань.

М. П. СОЛОМЬЕРСКОЙ.

Надъ бездной адскою блуждая,
Душа преступная порой
Читаетъ на воротахъ рай
Узоры надписи святой.

И часто тайную отраду
Находитъ мукъ неземной,
За непреклонную ограду
Стремясь завистливой мечтой.

Такъ, разбирая въ заточеньи
Досель мнѣ чуждыя черты,
Я былъ свободенъ на мгновенье
Могучей волею мечты.

Залогомъ вольности желанной
Лучомъ надежды въ моръ бѣдъ
Мнѣ сталъ тогда вашъ безъмянный
Но вѣчно-памятный привѣтъ.

М. ЛЕРМОНТОВЪ.

II.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

ПОЛЬСКАЯ КОНФЕДЕРАЦИОННАЯ ВОЙНА.

1768 — 1772.

Статья вторая и послѣдняя.

Дѣйствія Дюмурье. — Его операционный планъ. — Причины его неудачи. — Первоначальные успѣхи конфедератовъ. — Появленіе Суворова. — Гибель Савы. — Сраженіе при Ландскронѣ. — Развитіе Пулавскаго. — Суворовъ оправдывается предъ Дюмурье. — Его дѣятельность. — Походъ Коссаковскаго въ Литву. — Огнскій объявляетъ войну Русскимъ. — Суворовъ идетъ на него, поражаетъ при Саловичахъ и успокоиваетъ Литву. — Письмо его къ Бявикову. — Графъ Вѣсмений заступаетъ мѣсто Дюмурье. — Взятіе Французами Краковской цитадели. — Суворовъ спѣшитъ туда и осаждастъ замокъ. — Приступъ. — Пораженіе Коссаковскаго. — Сдача замка. — Первый раздѣлъ Польши. — Нѣкоторые изъ писемъ Суворова къ Бявикову. — Суворова посылаютъ въ Финляндію. — Постоянное стремленіе Суворова къ одной цѣли. — Путешествіе его въ Финляндію.

Вниманіе Дюмурье устремлено было преимущественно на устройство хорошей пѣхоты. Чтобы достигнуть этой цѣли, онъ разослалъ на границы французскихъ и нѣмецкихъ офицеровъ, поручивъ имъ вербовать австрійскихъ и прусскихъ дезертеровъ (мѣра эта дала ему около 2000 человекъ). Сверхъ того, Краковское и Сендомиржское Воеводства должны были поставить 25,000 милиціи; но польскіе дворяне, боявшіеся дать оружіе въ руки мужиковъ своихъ, не охотно приступали къ дѣлу. Наконецъ, принцъ Карлъ саксонскій, котораго Бировъ съ помощію Русскихъ вытѣснилъ изъ Курляндіи, обещалъ прислать 4000 саксонской пѣхоты. Въ Венгріи и Силезіи были куплены ружья, которыхъ значительный транспортъ ожидался, сверхъ

Т. X XIV. — Отд. II.

того, изъ Баваріи. Такимъ образомъ надѣялся Дюмурѣ имѣть скоро въ своемъ распоряженіи порядочную пѣхоту; но занимаясь образованіемъ ея, онъ не забывалъ и квалеріи. Полкъ коронныхъ драгунъ перешолъ въ Краковъ къ конфедератамъ; кромѣ того, Дюмурѣ имѣлъ въ виду 1000 человекъ саксонской конницы, которые, вмѣстѣ съ эскадронами Мюнчинскаго, Валевскаго, Оржевскаго и другихъ, составляли около 8000 отличной квалеріи, предводительствуемой искусными начальниками.

Такимъ образомъ, новая жизнь, новая дѣятельность закипѣла въ станѣ Поляковъ, и во всѣхъ дѣйствіяхъ ихъ стало обнаруживаться вліяніе сильнаго, гениальнаго ума. *Одинъ человекъ* измѣнилъ все и далъ дѣлу ихъ совершенно новый и благоприятнѣйшій оборотъ.

Создавъ такую значительную силу, Дюмурѣ хотѣлъ употребить ее съ пользою и составилъ на этотъ конецъ весьма искусный планъ.

Все пространство Польши было занято русскимъ корпусомъ, непревышавшимъ 12,000 человекъ (въ томъ числѣ одна треть казаковъ), которые были раздѣлены на малые отряды, преслѣдовавшіе Поляковъ «какъ коршуны голубей» (*). Сильнѣйшимъ изъ этихъ отрядовъ (около 4000 человекъ) начальствовалъ Суворовъ. — Генералъ Эссенъ съ двумя пѣхотными и четырьмя квалерійскими полками занималъ Кіевъ, Украйну и Подолію, и составлялъ такимъ образомъ арьергардъ арміи Румянцова, расположенной въ Молдавіи. — По расчету Дюмурѣ, генералъ Веймарнъ, бывшій въ Варшавѣ, не долженъ былъ выпускать изъ вида двухъ обстоятельствъ: безопасность этой столицы, гдѣ находился король, и оборону магазиновъ, учрежденныхъ въ Подоліи. Но не имѣя возможности прикрыть въ одно время и то и другое малымъ числомъ войска, бывшимъ въ его распоряженіи, онъ долженъ былъ оставить безъ защиты или городъ, или магазины, черезъ что конфедераты получали значительный перевѣсъ.

Для приведенія въ исполненіе предположеннаго плана, Заремба и Самъ должны были, съ отрядомъ въ 1,000 человекъ, выйти изъ Познани, явиться предъ Варшавою и тревожить Русскихъ; Пулавскому, усиленному до 8,000, было назначено дѣйствовать на границахъ Подоліи, гдѣ находились всѣ запасные магазины непріятеля; наконецъ Огинскій, коронный великій маршалъ, долженъ былъ гласно объявить себя врагомъ Русскихъ и съ восьмидесятысячнымъ корпусомъ регулярныхъ войскъ, взявъ направленіе къ Смоленску, пройти Россію и угрожать Москвѣ. Дюмурѣ, съ своей стороны, имѣя армію въ 20,000 пѣхоты и 8,000 квалеріи, овладѣвъ Краковомъ, долженъ былъ идти на Сендомиржъ, чтобъ дѣйствовать тамъ сообразно обстоятельствамъ. Въ случаѣ, еслибъ Веймарнъ собралъ свои силы въ Варшавѣ, чтобъ удержать за собою этотъ городъ и защитить короля, то Дюмурѣ потянулся бы къ Подоліи и разорилъ тамошніе магазины; еслибъ же, напротивъ, Веймарнъ рѣшился спасти магазины, то Дюмурѣ пошелъ бы на Варшаву и учредилъ тамъ главный совѣтъ конфедераціи.

Тогда все приняло бы совершенно-другой видъ. Верховный совѣтъ слѣдался бы властителемъ всей Польши; Огинскій внесъ бы войну въ Россію,

(*) Слова Дюмурѣ.

гда было мало войска; театр войны измѣнился бы совершенно, и Руминцовъ, тревожимый съ тыла, былъ бы принужденъ оставить Молдавію, при чемъ Турки стали бы неминуемо его преслѣдовать. Такимъ образомъ, возгорѣлась бы всеобщая война, каковую желалъ Шуазель, и Дюмурѣ съ точностью исполнилъ бы данное ему порученіе.

Хотя планъ этотъ былъ составленъ съ большимъ благоразуміемъ и хотя успѣхъ его казался несомнѣннымъ, онъ принялъ однакожъ совершенно-неожиданный оборотъ; такъ почти всегда бываетъ съ человѣческими предположеніями, которыя часто отъ самаго ничтожнаго обстоятельства разстроиваются, и, вмѣсто пользы, приносятъ вредъ.

Первый ударъ былъ нанесенъ этому плану паденіемъ Шуазеля (24 декабря 1770 года) и совершеннымъ измѣненіемъ политики французскаго двора. Преемникъ Шуазеля, герцогъ д'Эгильйонъ, во всемъ ему непріязненный, сталъ преслѣдовать то, что поддерживалъ его противникъ, и поддерживать то, что онъ преслѣдовалъ. Такая перемена въ политикѣ Франціи сыгралась скоро ощутительною и для Польши, хотя дѣло конфедератовъ не было оставляемо вовсе безъ вниманія и хоть она высылала имъ попрежнему деньги (по 6,000 червонцевъ въ мѣсяцъ) и офицеровъ.

Вторымъ препятствіемъ къ благопріятному успѣху замысловъ Дюмурѣ было честолюбіе отдѣльныхъ предводителей партій: чего хотѣлъ одинъ, то отвергалъ другой; младшій отклонялся отъ повиновенія старшему, для того, чтобъ, какъ прежде, воевать по собственной своей волѣ; главные начальники не хотѣли зависѣть ни отъ кого, тѣмъ менѣе отъ чужеземца, невзвѣшавшаго никакого значительнаго званія, которое могло бы придать ему вѣсъ. Пулавскій, любившій независимость, былъ явнымъ противникомъ системы правильной войны, потому-что, будучи незнатнымъ дворяниномъ, онъ былъ бы принужденъ служить подъ начальствомъ Сапѣги и Потоцкихъ, которыхъ ненавидѣлъ. Точно также думали Заремба, Миончакскій, Валевскій и другіе; однакожъ обещаніе оставить имъ главное начальство надъ партіями и даже усилить ихъ, заставило ихъ дѣйствовать въ общемъ духѣ. Что же касается до Огавскаго, то никто не сомнѣвался въ готовности его содѣйствовать успѣху принятаго плана.

Но главнѣйшею причиною неуспѣха этого плана была дѣятельность Русскихъ и въ-особенности Суворова. Сначала, все, казалось, соответствовало какъ-вѣлья-лучше надеждамъ Поляковъ; 31 марта (11 апрѣля) 1771 года всѣ начальники и предводители конфедератовъ собрались въ Біалѣ, на силезской границѣ, гдѣ имъ былъ сообщенъ операціонный планъ; всѣ обещали строго слѣдовать ему и, полныя увѣренности, надеждъ и мужества, съшли приступать къ новой кампаніи, которая, казалось, предзнаменовала самый счастливый успѣхъ.

Русскіе, занимавшіе Краковское Воеводство, съ корпусомъ въ 4,000 человекъ, растянулись отъ силезской границы до Донаеча, на пространствѣ 70-ти верстъ, заняли всѣ главные пункты, какъ-то: Бобрекъ, Освиенци, Шатеръ, Калварію, Сквинну, и учредили между отдѣльными постами разѣзды изъ казаковъ и драгунъ. Хорошій выборъ ихъ квартиръ сдѣлалъ то, что Поляки оставались въ горахъ какъ въ блокадѣ.

Итакъ, прежде всего необходимо было сбить Русскихъ съ занимаемыхъ

ими пунктовъ и отбросить за Вислу. Для достиженія этого, Заремба долженъ былъ идти изъ Познани на Раву, встревожить Варшаву и потомъ вдругъ своротить на Радомъ. Между-тѣмъ, Пулавскій изъ Ченстохова, а Валевскій изъ Біалы, должны были явиться на главномъ пунктѣ, переправиться черезъ Вислу близъ Бобрэка (тамъ, гдѣ рѣка эта вытекаетъ изъ горъ) и овладѣть имъ. Полковнику Шютцу, отличному кавалерійскому офицеру, незадолго предъ тѣмъ перешедшему къ Полякамъ, было поручено выступить изъ Кента и занять Освиенцы; наконецъ, Мюнчинскому, изъ Ланскроны, было вмѣнено въ обязанность пробиться чрезъ Калварію, отбросить русскіе пѣсты перёдъ Краковомъ и очистить отъ нихъ всю равнину.

Быстрота, точность въ движеніяхъ и глубочайшая скрытность были необходимы для приведенія въ исполненіе этихъ предположеній, — все это было соблюдено; Русскихъ надобно было обмануть и утомить. Успѣхъ увѣчалъ предпріятіе. На пространства 16 верстъ при всѣхъ выходахъ собратные мужики должны были зажигать ночью большіе огни, между-тѣмъ, какъ малочисленные отдѣльные отряды, производя фальшивую тревогу, дѣлали видъ, будто нацѣривались спуститься въ равнину. Въ первый ночи, Русскіе были чрезвычайно-бдительны: лошади ихъ не разсѣдывались, вѣхота стояла подъ-ружьемъ; они проникали даже въ дефиле и гнали прѣдъ собою конфедератовъ. Наконецъ, однакоже, эти безпрестанно-повторяемы ночныя вылазки и тревоги, утомивъ ихъ, ослабили ихъ бдительность.

Только этого и ожидали Поляки. Дюмурѣ, извѣщенный чрезъ Жидовъ, что ¹⁶/₂₉ апрѣля будетъ данъ въ Краковъ большой балъ, и предполагая, что главнѣйшіе русскіе начальники и офицеры не прѣймутъ посѣтить его, назначилъ эту ночь для всеобщей атаки. Совершенный успѣхъ увѣчалъ ее: Русскіе, атакованные значительными силами на всѣхъ пунктахъ, принуждены были отретироваться за Вислу, и на другой день вся равнина была во власти конфедератовъ.

Послѣ этого важнаго успѣха, первымъ стараніемъ Дюмурѣ было укрѣпиться на завоеванномъ имъ пространствѣ и привести въ оборонительное положеніе нѣкоторые изъ важнѣйшихъ пунктовъ, которые Русскіе, не имѣя тяжелой артиллеріи, не могли подвергнуть осадѣ. замокъ Бобрэкъ, на Вислѣ, и монастырь Тиницъ, въ 4-хъ верстахъ отъ Кракова, по укрѣпленіи ихъ, были снабжены гарнизономъ, первый въ 200 человекъ, при 4-хъ орудіяхъ, а второй въ 400 чел., при 6 орудіяхъ; крѣпость Ланскрона была уже прежде во власти Поляковъ. Такимъ образомъ, въ нѣскольکو дней вѣхота конфедератовъ была размѣщена по разнымъ хорошо-укрѣпленнымъ пунктамъ, снабженнымъ артиллерією, достаточною для удержанія Русскихъ. Защита Донаеча была поручена Пулавскому, Ланскроны—Мюнчинскому, а Бобрэка и Освиенць—Валевскому; самъ же Дюмурѣ отправился въ Біалу къ верховному совету, для ускоренія сбора рекрутъ. Но время бѣдствій снова настало для Поляковъ.

Успѣхи, одержанные конфедератами, произвели въ нихъ самонадѣянности и были причиною тысячи глупостей. Они разорвали города, били мужиковъ, грабили Жидовъ и смотрѣли на Русскихъ съ гордостью и презрѣніемъ. Начальники затѣяли снова старинныя споры; дворяне не хотѣли ходить въ караулъ, офицеры разѣхались по сѣдлымъ замкамъ, волочились

тамъ за дамами, танцовали, или играли въ карты; словомъ, несчастіе сдѣлало ихъ кроткими и смиренными, а счастье возвратило имъ прежнюю ихъ надменность.

Весь май мѣсяць и начало іюня были проведены Поляками въ бездѣйствіи или въ спорахъ между собою и съ Дюмурье, отъ котораго они требовали непремѣнно выдачи денегъ, бывшихъ у него въ рукахъ и определенныхъ на необходимыя и полезныя расходы. Между-тѣмъ, Суворовъ приближался.

Суворовъ не оставался въ бездѣйствіи, но былъ занятъ на другихъ пунктахъ. Сава появился еще въ мартъ мѣсяца въ окрестностяхъ Люблина, гдѣ нашолъ Суворова, который разбилъ его въ сраженіи подъ Урцевловомъ и Краснякомъ. Савѣ удалось, однакоже, отретироваться, но для того только, чтобъ быть совершенно-уничтоженнымъ на другомъ краю Польши. Неумоимо-преслѣдуемый Русскими, былъ онъ настигнутъ ими 21 апрѣля (1 мая) близъ Шренска (на прусской границѣ не въ дальнемъ разстояніи отъ Млавы); тамъ Суворовъ атаковалъ его, разбилъ, и Сава, равненный, достался въ руки побѣдителей. Хотя Русскіе обращались съ нимъ человѣколюбиво и хотя генералъ Веймарнъ прислалъ къ нему своего доктора, однакоже онъ вскорѣ умеръ отъ ранъ, которыя отъ безпокойства и горя сдѣлались смертельными (*).

Суворовъ, между-тѣмъ, потянувшись къ Владиміру, разбилъ тамъ полковника Новицкаго и очистилъ отъ непріятельскихъ партій всю окрестную страну. Возвратясь къ Люблину, получилъ онъ отъ генерала Веймарна извѣстіе объ усиліяхъ конфедератовъ подъ Краковомъ и приказаніе немедленно идти туда, чтобъ опять возстановить тамъ перевѣсъ Русскихъ. Онъ слышалъ это и долженъ былъ отнынѣ сражаться не съ неустроенными партіями конфедератовъ, но съ регулярными войсками, предводительствуемыми такимъ искуснымъ офицеромъ, каковъ былъ Дюмурье.

Имѣя около 1600 человекъ (2 батальона, 5 эскадроновъ и 8 казаковъ) и 8 полевыхъ орудій, двинулся онъ отъ Люблина сначала къ Саву, гдѣ разстѣлалъ многія партіи конфедератовъ, потомъ къ Доваечу, гдѣ Пулавскій долженъ былъ защищать переправу. Подъ огнемъ непріятельскимъ переправился онъ черезъ эту рѣку и пошелъ на Краковъ. Здѣсь нашелъ онъ полковника Древица, съ отрядомъ изъ 2000 пѣхоты и казаковъ. Сосдвнясь съ нимъ, пошелъ онъ безъ промедленія на Тинницъ; попытка взять это мѣстечко холоднымъ оружіемъ не удалась, потому что оно было сильно укрѣплено и хорошо защищено. Суворовъ, чтобъ

(*) Рюльеръ, которому ложь не стоитъ ничего, описывая пораженіе Сава, прибавляетъ: «Впрочемъ, увѣряютъ, будто бы онъ израненный былъ умерщвленъ русскими солдатами, получившими на то приказаніе Суворова» (Т. IV. стр. 214). Кто говорилъ объ этомъ? — Никто въ цѣлой Польшѣ не могъ сказать подобной лезвосты, тѣмъ болѣе, что Суворовъ былъ въ то время за нѣсколько сотъ верстъ. Только какой-нибудь Рюльеръ, въ слѣпой ненависти своей къ Русскимъ могъ выдумать такую клевету. Ферондъ, которому въ-послѣдствіи были переданы бумаги Рюльера, признается добросовѣстно, что онъ не нашолъ въ нихъ никакихъ данныхъ, на которыхъ можно было бы основать подобное предположеніе.

не потерять даромъ времени, пошолъ назадъ къ Ландскронъ, гдѣ собрались главныя силы конфедератовъ. Дюмурьё, получивъ извѣстіе о выступленіи Суворова изъ Сандомиржа, поручилъ Пулавскому защиту Донаеча и назначилъ Скавину сборнымъ мѣстомъ всѣхъ остальныхъ войскъ. Но $\frac{2}{19}$ іюня узналъ онъ, что Суворовъ прошелъ уже Донаечь, приближался къ Кракову форсированными маршами, и что Пулавскій отступилъ къ горамъ, для того, какъ онъ доносилъ, чтобъ атаковать Русскихъ съ тыла. Дюмурьё послалъ умолять его присоединиться къ нему и видя, что это не помогало, сталъ требовать угрожающимъ тономъ, чтобъ онъ исполнилъ его волю. Пулавскій, оскорбленный этимъ, отвѣчалъ, что «не считаетъ себя обязаннымъ исполнять приказанія чужеземца и будетъ вести войну по-своему; что идти на Замостье, куда Дюмурьё, если ему угодно, можетъ послѣдовать за нимъ» (*).

Дюмурьё, потерявшій всякую надежду на содѣйствіе Пулавскаго, собралъ $\frac{11}{22}$ іюня при Ландскронъ всѣ остальные партіи конфедератовъ, бывшія подъ начальствомъ Шютца, Мюнчинскаго, Оржевскаго, Валевскаго и составлявшія всего около 3000 человекъ почти одной кавалеріи. Ландскрона лежатъ на вершинѣ холма, выходящаго около 1500 шаговъ длины и 500 шаговъ ширины. Передняя и лѣвая его сторона довольно-круты и покрыты хвойнымъ кустарникомъ, а задняя примыкаетъ къ лѣсу, простирающемуся до самой Суши (Sucha). Здѣсь-то Дюмурьё избралъ свою позицію. Лѣвый флангъ его примыкалъ къ крѣпости, защищаемой 600 человеками гарнизона и 30 пушками; правый, къ еловому лѣсу, который былъ занятъ 20 пушками и 100 егерями подъ начальствомъ французскихъ офицеровъ; 100 другихъ егерей были введены въ кустарникъ, лежавшій предъ самымъ фронтомъ.

Этою позиціею командовала другая ей параллельная, но лежавшая ниже, которую занялъ Суворовъ, не заставившій себя долго дожидаться. Обозрѣвъ непріятельскую позицію, приказалъ онъ немедленно одному казацкому полку, подкрѣпленному эскадрономъ карабинеровъ, очистить кустарникъ отъ непріятельскихъ егерей. Казаки разсылаютъ стрѣлковъ и взбираются на высоту, занятую непріятелемъ. Дюмурьё, видя ихъ приближающихся въ розсыпную, безъ всякаго порядка, съ радостью возвѣщаетъ своимъ побѣду и приказываетъ атаковать казаковъ прежде, чѣмъ успѣютъ выстроиться. Поляки обѣщаютъ сдѣлать чудеса.

Казаки, подкрѣпленные карабинерами, являютъ на высоту и выстраиваются быстро. Дюмурьё и юный Сапѣга намѣреваются съ Литовцами Оржевскаго встрѣтить ихъ; но Литовцы обращаются въ бѣгство при первой атакъ Русскихъ и убиваютъ Сапѣгу, который хотѣлъ остановить ихъ.

(*) Исторія конфедератовъ напоминаетъ собою весьма-часто исторію новыхъ Грековъ, отличительными чертами которой былъ тотъ же духъ распри между начальниками, та же ненависть къ правительственной, систематической войнѣ, та же страсть дѣйствовать по своему произволу. Несчастье соединило ихъ и дѣлало послушными, счастье снова ихъ разлучало и возвращало имъ всѣ ихъ пороки. При такихъ обстоятельствахъ, необходимъ человекъ съ возвышеннымъ гениемъ, который могъ бы сосредоточить вокругъ себя всѣхъ другихъ, направить ихъ къ одной цѣли и дѣйствовать сообразно съ нею. Такого-то человека не доставало Польшѣ и новой Греціи.

Оржевскій в нѣсколько храбрыхъ, сдѣлюющихъ за нимвъ, падаютъ подъ казачьи пики. Дюмурѣ спѣшитъ къ гусарамъ Шютца, но они, вмѣсто того, чтобъ броситься въ сабли на непріятеля, разряжаютъ свои карабины и обращаются въ бѣгство. Только одинъ Міончинскій, предводительствуя своею храброю партією, бросается съ рывательностію на Русскихъ, но, будучи раненъ, падаетъ съ лошади и подвергается плѣну. Валевскій, начальствовавшій лѣвымъ крыломъ, отступаетъ въ порядкѣ за Ландскрону; всѣ остальные разсыпаются по разнымъ сторонамъ. Казаки преслѣдуютъ бѣгущихъ около двухъ верстъ, поражаютъ ихъ и, потерявъ только нѣсколько человекъ, берутъ въ плѣнъ около 100 Поляковъ. Все дѣло было конечно не болѣе, какъ въ полчаса.

Пораженіе и бѣгство конфедератовъ было такъ быстро, что другія войска, долженствовавшія подкрѣпить казаковъ, не приняли въ дѣлѣ никакого участія. Кромѣ Сапѣги и Оржевскаго, потеряли Поляки 500 убитыми и 200 плѣнными, въ числѣ которыхъ были Міончинскій (*) и маршалъ Лессоцкій; два орудія достались также въ руки побѣдителей.

Дюмурѣ, огорченный малодушіемъ конфедератовъ, отступаетъ съ небольшою толпою Французовъ къ лѣсу и достигаетъ безъ преслѣдованія около полудня Суши, куда собираются также и разбѣжавшіеся гусары Шютца. Французскіе стрѣлки, занимавшіе лѣсъ, укрываются въ Ландскрону.

Но еще оставался Пулавскій, который съ 2000 партією потянулся отъ Донаеча, гдѣ онъ успѣлъ укрыться отъ Суворова, къ Замостью. Крѣпость эта отворила ему ворота. Отсюда угрожалъ онъ Люблину и Лембергу; ко Суворовъ спѣшилъ ужѣ остановить его успѣхи. Пулавскій выступаетъ къ нему на встрѣчу изъ Замостья, но Суворовъ атакуетъ его на половинѣ дороги, и принуждаетъ, послѣ кратковременнаго сопротивленія, обратиться въ бѣгство. Пулавскій лишается своихъ пушекъ, большей части своихъ людей и спасаетъ остальныхъ только искуснымъ отступленіемъ (заслужившимъ даже похвалу самого Суворова), сначала черезъ горы къ венгерской границѣ, а оттуда черезъ Кенте и Бобрекъ къ Ченстохову. Съ-этихъ-поръ, Суворовъ отзывался о немъ не иначе, какъ съ уваженіемъ, и послалъ къ нему какъ доказательство своего расположенія и въ знакъ памяти, небольшую фарфоровую табакерку.

Дюмурѣ, пристыженный неудачею всѣхъ своихъ плановъ, увѣрялъ въ послѣдствіи, что распоряженія Суворова при Ландскронѣ неминуемо должны были сдѣлаться причиною его собственной гибели. Замѣчаніе это было бы, можетъ-быть, справедливо, еслибъ дѣло шло объ обыкновенномъ военачальникѣ и обыкновенныхъ войскахъ; но Суворовъ, знавшій совершенно своихъ противниковъ, рассчитывалъ на нравственное превосходство своихъ воиновъ. Если онъ атаковалъ конфедератовъ въ ихъ крѣпкой позиціи казаками, то это было сдѣлано (даже не принимая во вниманіе

(*) Этотъ Міончинскій, вѣрный другъ Дюмурѣ, перешелъ въ-послѣдствіи во французскую службу въ качествѣ генерала и послѣ бѣгства Дюмурѣ отъ Якобница, былъ галльотинированъ.

дѣйствія, какое должна была произвести эта совершенно-неожиданная атака), потому-что онъ заранее предвидѣлъ бѣгство Поляковъ и хотѣлъ имѣть подъ рукою для ихъ преслѣдованія свою легкую кавалерію. Но еслибъ даже конфедераты не обратились въ бѣгство, то время, употребленное ими на отпоръ казакамъ, было бы достаточно для приближенія вѣхоты, которая неминуемо рѣшила бы дѣло. Употребивъ же сначала сію послѣднюю, Суворовъ, при медленности ея движеній и при сильномъ непріятельскомъ огнѣ, потерялъ бы много людей и непріятель, состоявшій болѣею частью изъ кавалеріи, могъ бы легко уйти отъ него. Только посредственный военачальникъ придерживается всегда буквальному смыслу правилъ, гениальный же умѣетъ примѣнять эти правила къ обстоятельствамъ, основываясь на вѣрномъ познаніи характера своихъ противниковъ. Впрочемъ, Суворовъ самъ часто смѣялся надъ учеными выводами, которыми ему старались доказать, что онъ долженъ бы былъ подвергнуться поражению тамъ, гдѣ онъ оставался побѣдителемъ. «Да, да» говаривалъ онъ тогда съ усмѣшкою: «у насъ нѣтъ ни тактики, ни практики, а мы все-таки бьемъ непріятеля.»

Такимъ образомъ разрушились вдругъ всѣ надежды конфедератовъ; лучшіе ихъ предводители были взяты въ плѣнъ, ихъ войска разбиты, разсыяны, уничтожены, и раздоры и несогласія снова начались между ихъ начальниками. Одинъ упрекалъ другаго, какъ это всегда бываетъ послѣ несчастныхъ событій, въ слабости и измѣнѣ, тогда какъ въ-самомъ-дѣлѣ ни одинъ изъ нихъ не былъ, можетъ-быть, совершенно-правъ.

Дюмурѣ, обманутый въ своихъ расчетахъ, огорченный и недовольный, рѣшился бросить конфедератовъ на волю судьбы и съ досадою въ сердцѣ возвратился во Францію.

Всѣми успѣхами, одержанными надъ Поляками, были обязаны Русскіе въ-особенности неувѣроятной дѣятельности Суворова. Съ удивительною быстротою являлся онъ на всѣхъ пунктахъ, гдѣ только показывался непріятель, и разбивалъ или разсывалъ его повсюду; не давая отдыха ни себѣ, ни солдатамъ своимъ, дѣлалъ онъ въ 17 дней по 100 миль, сражаясь между тѣмъ безпрестанно, такъ что не проходило 48 часовъ, чтобъ не было какой нибудь стычки (*). Этою быстротою удвоивалъ онъ свои силы и поселялъ страхъ въ сердцахъ непріятелей. Тѣмъ, которые удивлялись этой быстротѣ движеній отвѣчалъ онъ: — «это еще ничего; Римляне далеко пре-восходили насъ въ быстротѣ (**); прочтите-ка Цезаря.»

Такимъ образомъ, дѣло конфедератовъ было почти-совершенно уничтожено, и только какое-нибудь особенное-счастливое обстоятельство могло придать ему новую жизнь. Въ такомъ положеніи обратили они взоры на Огюстскаго и старались возбудить его и Литовцевъ къ явному возстанію противъ Русскихъ. Чтобъ привести его къ этому, было поручено юному Коссаковскому (доказывавшему уже не разъ высокій умъ свой и распорядитель-

(*) Даже Рюльеръ, котораго ненависть къ русскимъ не хотѣла видѣть въ нихъ ничего хорошаго, принужденъ противъ воли отдать Суворову въ этомъ случаѣ должную справедливость.

(**) Врядъ ли!

ность) съ отрядомъ изъ 400 смѣльчаковъ выступить изъ Ченстохова и пробраться оттуда до Литвы, гдѣ онъ долженъ былъ произвести тотъ переворотъ, отъ котораго ожидали такъ много. Коссаковский исполнилъ это порученіе съ большимъ искусствомъ. Въмѣсто того, чтобъ взять прямую дорогу, на которой неминуемо встрѣтилъ бы большія опасности, потянулся онъ первоначально къ прусской границѣ, своротилъ оттуда вправо къ сѣвернымъ провинціямъ, гдѣ было мало войска, и поспѣшилъ форсированными маршами въ Литву, куда прибылъ въ началѣ августа. Чтобъ затруднить путь своимъ преслѣдователямъ, онъ разрушалъ все оставшіяся за нимъ мосты; когда же и это средство не помогало, то углублялся въ лѣса и появлялся опять на такихъ пунктахъ, гдѣ его меньше всего ожидали. Быстротою своихъ движеній сбивалъ онъ все разсчеты противниковъ и въ теченіи нѣсколькихъ дней появился на такомъ множествѣ различныхъ мѣстъ, что Русскіе не знали наконецъ гдѣ искать его.

Повсюду на пути своемъ предъявлялъ онъ актъ, по которому начальники Барской Конфедерации объявляли престолъ польскій упрядненнымъ, и раздавалъ множество прокламацій, призывавшихъ дворянство къ возстанію.

Солдаты его отряда были одѣты въ черное платье, въ знакъ траура по бѣлствующей отчизнѣ; вездѣ проповѣдовалъ онъ единодушіе, вѣрность и возбуждалъ всѣхъ на защиту отечества. Вліяніе его на умы было такъ сильно, что Русскіе страшились всеобщаго возстанія и ожидали, что вся Польша возьмется за оружіе.

Сверхъ всѣхъ этихъ мѣръ, не было улущено ни одного средства къ склоненію великаго короннаго маршала Огинскаго объявить себя рѣшительно въ пользу конфедератовъ. Графъ Огинскій пользовался въ своей провинціи большимъ вліяніемъ; какъ коронный маршалъ, содержалъ онъ при себѣ нѣсколько тысячъ человекъ и имѣлъ главное начальство надъ всеми войсками, расположенными въ Литвѣ. До-сихъ-поръ онъ казался равнодушнымъ и къ той и къ другой сторонѣ, но внутренно былъ совершенно преданъ дѣлу конфедератовъ и ждалъ только благопріятной минуты объявить себя въ ихъ пользу. Онъ слишкомъ-хорошо зналъ всю опасности, сопряженныя съ такимъ важнымъ шагомъ, и не хотѣлъ сдѣлать его опрометчиво. Король предостерегалъ его: «Вы погубите и себя и меня» писалъ онъ къ нему, желая остановить его; и Огинскій, всегда отличавшійся слабымъ, нерѣшительнымъ характеромъ, казался, былъ готовъ послѣдовать совѣту. Между-тѣмъ, подобно прежнему коронному маршалу въ Бѣлостокъ, графу Браницкому, поддерживалъ онъ тайно разными способами конфедератовъ, не объявляя себя явно ихъ союзникомъ. Однакоже, въ то время, когда дѣло союзниковъ отъ распоряженій Дюмурѣ начало принимать такой счастливый оборотъ, и когда содѣйствіе Огинскаго было предметомъ всеобщаго желанія, все стали уговаривать его не колебаться больше. Старикъ Браницкій склонялъ его, конфедераты умоляли, французскій агентъ, кавалеръ де-Муринѣ прибылъ для того нарочно изъ Данцига въ Бѣлостокъ, и говорили даже, будто австрійскій посланникъ подъ-рукою также старался на него дѣйствовать. Наконецъ, русскій посланникъ Садернъ, обратился къ Огинскому съ вопросомъ: «за кого,

или противъ кого содержитъ онъ въ готовности свои войска?» — Получивъ извѣстіе о нѣкоторыхъ движеніяхъ, предпринятыхъ Русскими, Огинскій рѣшился предупредить ихъ; онъ внезапно оставилъ лагерь свой полъ Телешанами (недалеко отъ Пинска), обнаружилъ въ Пинскѣ актъ присоединенія своего къ конфедератамъ, пошелъ на Ръшицу, гдѣ 26 августа (6 сентября) настигнувъ батальионъ Русскихъ подъ начальствомъ полковника Албутчева, взялъ большую часть онаго въ плѣнъ, разсѣялъ и разбилъ нѣкоторыя другія партіи и манифестомъ объявилъ себя союзникомъ Барской Конфедераціи. Событіе это преисполнило радостью конфедератовъ, внушило имъ новыя надежды, новыя планы и заставило ихъ вѣрить возможности присоединить къ себѣ вскорѣ западныя русскія провинціи, въ которыхъ не было русскихъ войскъ. Небольшая армія Огинскаго съ каждымъ днемъ увеличивалась; противопоставленные ей русскіе военачальники, генералъ Кашкинъ, полковники Тюрингъ и Древицъ, не предпринимая ничего рѣшительнаго, ограничивались только наблюденіемъ за непріателемъ. Все заставляло опасаться, что Огинскій, не останавливаемый ничѣмъ, увеличитъ свои силы и успеетъ наконецъ совершенно вытѣснить Русскихъ изъ Литвы. Онъ писалъ уже къ Коссаковскому, чтобъ тотъ присоединился къ нему съ своею партіею, и одержалъ близъ Несвижа значительный верхъ надъ полковникомъ Тюрингомъ. Но вдругъ всѣ эти успѣхи были остановлены, и несчастье поразило его внезапно и неожиданно, какъ ударъ грома среди яснаго, безоблачнаго дня.

Суворовъ, окончивъ дѣйствія свои противъ Савы, Дюмурь и Пулавскаго, возвратился въ Дублинъ; тамъ узналъ онъ о безпокойствахъ въ Литвѣ, о походѣ Коссаковскаго, о волненіи умовъ и наконецъ о явномъ возстаніи Огинскаго. Въ одну минуту представились его быстрому, пронизательному уму всѣ пагубныя слѣдствія, какія могъ имѣть такой важный шагъ, если вредъ не будетъ остановленъ въ самомъ началѣ. Съ нетерпѣніемъ ожидавъ онъ извѣстій объ операціяхъ офицеровъ, дѣйствовавшихъ противъ Огинскаго; вдругъ узнавъ онъ о пораженіи Албутчева, объ отступленіи Тюринга и о бездѣйствіи другихъ. Все это сильно взволновало его и, не смотря на рѣшительное запрещеніе генерала Веймарна предпринимать что-нибудь противъ Огинскаго безъ особеннаго приказанія, рѣшился онъ на это полъ своею личною отвѣтственностью. «Спасемъ прежде нашихъ, сказалъ онъ, а потомъ пусть возьмутъ мою голову»; въ лаконическомъ рапортѣ, къ которымъ онъ прибѣгалъ иногда въ запутанныхъ обстоятельствахъ, донесъ онъ объ этомъ генералу Веймарну, и выступилъ съ 4 ротами пѣхоты и однимъ эскадрпомъ кавалеріи, черезъ Коцкъ на Біалу, гдѣ, присоединивъ къ себѣ еще двѣ роты, два эскадрона и нѣсколько казаковъ, продолжалъ путь свой форсированнымъ маршемъ къ Бресту. Онъ шелъ такъ скоро, что изъ 1000 человекъ, слѣдовавшихъ за нимъ, болѣе 150 отстало на дорогѣ. Къ вечеру четвертаго дня, былъ онъ въ Слонимѣ, сдѣлавъ болѣе 200 верстъ (30 миль). Здѣсь узнавъ онъ, что Огинскій съ своею небольшою арміею отъ 3 до 4000 человекъ, стоялъ верстахъ въ 50 оттуда въ прекрасной позиціи. Давъ своему отряду часа два отдыха, Суворовъ снова отправился въ путь и на слѣдующій день (11/22 сентября) за два часа до полуночи прибылъ къ Сталовичамъ.

Ночь была темна, небо покрыто тучами. Тихо, безъ барабаннаго боя, сталъ приближаться небольшой отрядъ къ мѣстечку; свѣтъ, зажженный на одной изъ башенъ монастыря, бывшаго недалеко оттуда, служилъ ему маякомъ; 4 улана, схваченные внезапно, сообщили свѣдѣнiя о положенiи непрiятеля и принуждены были служить проводниками. Такимъ образомъ достигли Русскiе Сталовичей, гдѣ больше-открытая мѣстность позволила Суворову выстроить въ тишинѣ свой небольшой отрядъ. Въ первую линiю поставилъ онъ четыре роты, помѣстивъ между ними двѣ пушки, за которыми стала еще одна рота; 3 эскадрона вытянулись во второй линiи, а 1 рота, 2 взвода конницы и казаки составили резервъ. Въ этомъ боевомъ порядкѣ, двинулся онъ впередъ къ мѣстечку, направляя путь свой по огнямъ непрiятельскимъ, но былъ вдругъ задержанъ болотомъ, чрезъ которое шаговъ на 200 тянулась узкая гать. Пѣхота, послѣ минутнаго промедленiя, двинулась съ рѣшимостью впередъ; кавалерiя послѣдовала за нею; офицеръ, бывший при орудiяхъ, желая перебраться скорее, попытался перевести ихъ чрезъ болото; но пушки увязли. Русскiе были уже предъ самымъ мѣстечкомъ, какъ вдругъ непрiятельскiй пикетъ, завидя ихъ, произвелъ тревогу «Къ оружию! непрiятель!» раздалось со всѣхъ сторонъ и началась палба. Русскiе съ громкимъ «ура» бросаются въ мѣстечко: страхъ овладѣваетъ Литовцами; всѣ разсыпаются по сторонамъ; нѣкоторые стрѣляютъ изъ оконъ, другiе силятся защищаться на улицахъ; вездѣ кипитъ бой; но Русскiе дѣйствуютъ штыками — кавалерiя поддерживаетъ пѣхоту и рубитъ противящихся; въ страшномъ безпорядкѣ стараются Поляки выбраться въ поле, гдѣ была расположена наибольшая часть ихъ войска. Самъ Огинскiй едва успѣваетъ броситься на лошадь и спастись бѣгствомъ, истощивъ всѣ усилiя собрать своихъ солдатъ. Только 300 его лейб-янычаровъ защищаются упорно въ нѣкоторыхъ домахъ на рынкѣ; почти всѣ они падаютъ подъ штыками Русскихъ. Русскiе пльзныи, взятые при Рѣшицѣ и запертые въ ономъ большомъ домѣ, не имѣя возможности выбраться въ двери, выпрыгиваютъ изъ оконъ и присоединяются къ своимъ избавителямъ.

Темнота усилила еще болѣе ужасъ этой ночи; къ утру Сталовичи были во власти Русскихъ; но бой не былъ еще конченъ; настоящая позицiя Поляковъ была за городомъ и тамъ-то пытались они удержаться. Суворовъ поспѣшно собралъ своихъ солдатъ и устремился на непрiятеля; кавалерiя его, скакавшая впереди, завязала уже бой. Такъ-какъ непрiятельская линiя была несравненно-болѣе его линiи, то онъ потянулся влево и бросился потомъ стремительно на правое крыло. Литовцы храбро защищались и гренадеры ихъ мужественно дѣйствовали штыками противъ штыковъ Русскихъ, но были наконецъ принуждены уступить. Побѣда склонялась уже на сторону Русскихъ, какъ вдругъ генералъ Бьеланъ, стоявшiй въ получасъ пути отъ мѣста сраженiя, прислалъ съ двумя уланскими полками, состоявшими изъ 1,000 человекъ каждый, и окружилъ три эскадрона Русскихъ. Тогда завязался страшный рукопашный бой; Русскiе нѣсколько разъ прорубались сквозь ряды непрiятельскiе, въ особенности отличались храбростiю казаки; наконецъ, послѣ необыкновенныхъ усилiй, Поляки были опрокинуты и отбиты.

Нѣсколько сотенъ непріятельскихъ тѣлъ покрывали поле сраженія; число пленныхъ превышало число побѣдителей. Обозъ, маршальскіи жезлы Огинскаго, денежная казна (болѣе 50,000 червонцевъ), знамена, разное оружіе, двѣнадцать пушекъ и множество драгунскихъ лошадей достались въ руки Русскихъ. При этомъ случаѣ, нельзя умолчать, что каждый изъ подчиненныхъ Суворова содѣйствовалъ въ этотъ день къ одержанію столь славной побѣды; изъ 900 человекъ, составлявшихъ его отрядъ, сто была убиты и большая половина переранена; офицеры же почти всѣ были ранены.

По окончаніи сраженія, Суворовъ далъ своимъ часъ отдыха и пошелъ назадъ на Слоинимъ. Отрядъ его растянулся вочти на цѣлыя полмили по причинѣ множества захваченныхъ повозокъ, орудій, раненныхъ и пленныхъ. Еслибъ ужасъ побѣжденныхъ былъ не такъ великъ, или еслибъ имъ начальствовалъ хорошій офицеръ, то имъ предстояло здѣсь самый благопріятный случай склонить счастье снова на свою сторону. Но пораженный Огинскій, растерявшись совершенно, помышлялъ только о своемъ спасеніи и тогда только считалъ себя въ безопасности, когда достигъ наконецъ Кеннигсберга.

Суворовъ охотно прибѣгалъ къ нечаяннымъ нападеніямъ и въ войнѣ съ конфедератами болѣею частью такъ дѣйствовалъ. «Хорошо-исполненное нечаянное нападеніе, говаривалъ онъ, удастся всегда; солдаты, разбуженный внезапно ночью, рѣдко противопоставляютъ сильное сопротивленіе; чѣмъ неожиданнѣе бываетъ опасность, тѣмъ болѣе представляется она ему, и первая мысль атакованнаго такимъ образомъ непріятеля есть не сопротивленіе, а спасеніе и бѣгство».

Такъ кончилось это предпріятіе, въ которомъ русскій военачальникъ обнаружилъ необыкновенную дѣятельность; не болѣе какъ въ-продолженіи 14 дней, видѣлъ себя Огинскій на вершинѣ счастья, и потомъ низвергнутый въ пучину бѣдствія и скитающійся, какъ изгнанникъ, на чужой землѣ. Въ послѣднихъ числахъ августа съ гордостью поднималъ онъ оружіе; ¹³/₁₅ сентября скитался онъ уже въ Пруссіи, отыскивая какого-нибудь мѣста, гдѣ бы могъ преклонить голову. Но съ этого дня также слава Суворова, котораго имя сдѣлалось уже извѣстно Европѣ, возрастая безпрестанно, достигла наконецъ послѣднею и наиблизательнѣйшею изъ его кампаній наивысочайшей степени.

Не останавливаясь въ Слоинимъ, оставилъ онъ тамъ при небольшомъ отрядѣ взятое имъ оружіе и пленныхъ, и пошелъ къ Пинску, какъ къ центральному пункту дѣйствій Огинскаго, для того, чтобы совершенно уничтожить остатки его арміи и усвоить страну. На пути представился ему случай доказать свое безкорыстіе. Одинъ непріятельскій офицеръ съ значительною суммою полковыхъ денегъ попался въ его руки; не желая воспользоваться несчастіемъ этого офицера, приказалъ онъ выдать ему паспортъ, чтобы доставить ему чрезъ то средство достигнуть безпрепятственно мѣста его назначенія. Въ Пинскѣ находился штабъ Огинскаго. Устроивъ здѣсь все къ совершенному покоренію и успокоенію Литвы и отобравъ у жителей оружіе, возвратился онъ чрезъ Брестъ и Біалу въ Люблинъ. На-

и большая часть приверженцев Огинского разошлись по домам; Коссаковский присоединил остальных къ себѣ и проселочными дорогами поспѣшилъ къ сilesской границѣ. Литва была опять спокойна, и опасность, угрожавшая Русскимъ, счастливо отвращена.

Надъ головою Суворова собиралась однакоже сильная гроза. Генералъ Веймарнъ, раздраженный его самовольнымъ походомъ на Огинского, и можетъ быть также завидуя его возрастающей славѣ, жаловался въ Петербургъ на противныя субординаціи поступки его, и требовалъ, чтобъ онъ былъ отставленъ и преданъ военному суду. Но императрица, предвидѣвшая въ Суворовѣ будущую и вѣрнѣйшую опору своего трона, оставила это дѣло безъ вниманія и даже наградила Суворова орденомъ св. Александра Невскаго. Веймарнъ и безъ того бывшій въ ссорѣ съ властолюбивымъ Саллерномъ, былъ отозванъ и замѣненъ кроткимъ Бибиковымъ, который сталъ изъискивать всѣ средства поправить вредъ, нанесенной странѣ войною.

Суворовъ во время бездѣйствія, которому былъ обреченъ, пока дѣло его не было кончено, писалъ къ генералу Бибикову слѣдующее письмо, которое мы приводимъ здѣсь, какъ одно изъ первыхъ, сдѣлавшихся известными. Люди замѣчательные лучше всего познаются изъ собственныхъ ихъ словъ, которыя объясняютъ настоящій смыслъ ихъ дѣйствій.

• Крейцбургъ, 25-го ноября 1771 (*).

«Животное, говорю я, намъ подобное, привыкнувъ къ заботамъ, сопряженнымъ съ неизбежными неудобствами, за недостаткомъ ихъ, почтываетъ себя безсмысленнымъ: продолжительный отдыхъ его усыпляетъ. «Какъ сладостно вспоминать прошедшіе труды! Ограничиваясь обязанностями службы моей государыни, я стремился только къ благу отечества моего, не причиняя особеннаго вреда народу, среди котораго я находился. Неудачи другихъ воспламеняли меня надеждою. Доброе имя есть при-

(*) Письмо это писано на французскомъ языкѣ. Вотъ оно въ подлинникѣ:

Le 25 Novembre 1771. Kreizbourg.

Un animal, dis-je, de nôtre espèce, accoutumé aux soucis malgré les inconvénions incômodités, se croit être une bête quand il en manqueroit, et les trop longs délassemens casuels l'assoupissent. Que ces fatigues passées me sont douces! Je ne visois qu'au bien patriotique enclavé dans mon devoir du service de mon Auguste Impératrice, sans faire un tort particulier à la nation où je me trouvais, et les revers mêmes occasionnés par quiconque, ne faisoient que m'encourager. La réputation est le partage de tout homme de bien; mais je fondais cette réputation dans la gloire de ma patrie, dont les succès n'étoient que pour sa prospérité. Jamais un amour propre, le plus souvent occasionné par un instinct passager, n'étoit maître de mes actions, et je m'oubliais s'il y alloit du patriotisme. Une éducation farouche dans le commerce du monde, mais des moeurs innocentes de ma nature et une générosité de coutume m'applanissoient les travaux; mes sentimens étoient libres et je ne succombais pas. Dieu! me trouverais-je bientôt dans ces cas pareils! A présent je languis dans une vie oisive, propre à ces âmes basses, qui ne vivent que pour elles et qui cherchent le souverain bien dans cette lassitude, et de voluptés en voluptés courent dans les amertumes. Une misanthropie couvre déjà mon front, et je crois prévoir dans la suite une plus grande détresse: une âme laborieuse doit être toujours nourrie dans son métier, et les fréquens exercices lui sont aussi mains comme les exercices ordinaires du corps.

«надлежность каждаго честнаго человека; но я заключалъ доброе мое имя въ славу моего отечества, и вся успѣхи относилъ къ его благоденствію. «Никогда самолюбіе, часто производимое мгновеннымъ порывомъ, не управляло моими дѣяніями. Я забывалъ себя тамъ, гдѣ надлежало мыслить о пользѣ общей. Суровое воспитаніе въ святскомъ обхожденіи, что справы невинныи и естественное великодушіе облегчало мои труды; чувствія мои были свободны, и я не изнемогалъ. Боже! скоро ли возвратятся такіа обстоятельство! Теперь я увязну въ празднои жизни, своей естественной тѣмъ низкимъ душамъ, которыя живутъ только для себя, ищутъ еверховаго блага въ истомленіи, и, переходя отъ утѣхъ къ утѣхамъ, до- стигають тягостной скуки. Уже мрачность изображается на челѣ моемъ; въ будущемъ предвижу еще болѣе скорби. Трудолюбивая душа должна всегда заниматься своимъ ремесломъ: частое упражненіе ее такъ же оживотворяетъ, какъ обыкновенныя движенія укрѣпляютъ тѣло.»

Суворовъ не долженъ былъ, однакоже, оставаться долго въ такомъ тягостномъ для него бездѣйствіи. Слово императрицы оправдало его, и ему скоро представился случай снова обнаружить во всей силѣ свою неутомимую дѣятельность.

Дюмурѣ, хотѣвшій повелѣвать конфедератами вмѣсто того, чтобъ служить имъ совѣтникомъ, былъ замѣненъ графомъ Вѣмениемъ, который своимъ кроткимъ и уклончивымъ характеромъ могъ восстановить опять потерянное единодушіе. Хотя онъ, съ самаго начала, видѣлъ, что дѣло конфедератовъ не представляло большихъ надеждъ, однакоже рѣшился употребить всѣ средства замедлить, какъ-можно-далѣе, ихъ совершенное паденіе.

Первымъ стараніемъ его было собрать ихъ разсыяныя партіи; офицеры, прибывшіе съ нимъ, должны были осмотрѣть значительнѣйшіе пункты, находившіеся еще во власти Поляковъ и привести ихъ въ лучшее оборонительное положеніе; мѣра эта казалась ему тѣмъ болѣе необходимою, что по свидѣніямъ, полученнымъ изъ Варшавы, было рѣшено въ чрезвычайномъ военномъ совѣтѣ у русскаго посланника привести изъ Россіи подкрѣпленія, съ помощью осадной артиллеріи, обѣщанной королемъ прусскимъ, отнять всѣ бывшіе еще въ рукахъ конфедератовъ крѣпости и укрѣпленные пункты, усилить армию до 12,000 человекъ и раздѣлить ее на три корпуса — одинъ для открытыхъ дѣйствій, а два остальные для блокады и осадныхъ работъ; во избѣжаніе потери людей, не брать крѣпости штурмомъ, а принуждать ихъ голодомъ къ сдачѣ; начать съ Тинида и Данискроны и кончить Ченстоховомъ, какъ самымъ крѣпкимъ пунктомъ. Королевско-польскія войска, подъ начальствомъ генерала Браницкаго, должны были содѣйствовать во всемъ Русскимъ.

Вѣмениль надѣялся, что успѣетъ воспрепятствовать завоеванію этихъ крѣпостей до ближайшей весны, и намѣревался самъ начать тогда наступательныя дѣйствія. «Русскіе» писалъ онъ въ первыхъ числахъ января 1772 года: «при нападеніи на эти маленькія крѣпости, встрѣтятъ такое сопротивление, какого не ожидаютъ. Они дали намъ время послать туда хоро-

«стихъ офицеровъ, снабдить ихъ запасами и исправить укрѣпленія. Въ отчаянномъ положеніи конфедератовъ только какой-нибудь блистательный подвигъ можетъ возратить имъ бодрость и мужество. Я заботливо «стараюсь приготовить къ тому вся нужные способы.» Двѣнадцать дней послѣ письма, блистательный подвигъ этотъ былъ совершенъ, и горсть Французовъ овладѣла краковскимъ замкомъ. Предпріятіе это, сопряженное съ большими трудностями, приписитъ величайшую честь мужеству французскихъ офицеровъ, совершившихъ его.

Для приведенія въ исполненіе этого предпріятія, было придумано въ-сколько плановъ: то хотѣли овладѣть замкомъ съ той стороны, гдѣ стѣна его не имѣла карауловъ; то предполагали проникнуть въ него посредствомъ подземнаго хода; то намѣревались воспользоваться проточною трубою, которая служила для выбрасыванія въ Вислу всякъ нечистоты изъ замка, но по которой можно было влѣзть не иначе, какъ на четверенькахъ. Наконецъ, было рѣшено слѣзть опытъ всеми этими тремя путями.

Ночь на 23 января (3 февраля) была назначена къ приведенію въ исполненіе задуманнаго предпріятія. Во весь день шелъ сильный снѣгъ; вся окрестныя поля были покрыты имъ, и небольшой отрядъ, назначенный для овладѣнія крѣпостью, надѣлъ, сверхъ платья, бѣлыя рубашки, для того, чтобъ приближеніе его не было замѣчено. Принявъ эту предосторожность, отрядъ двинулся отъ Тивница. Въ самомъ Краковѣ, съ которымъ конфедераты имѣли сообщеніе, были приняты всевозможныя мѣры для счастливаго окончанія предпринятаго дѣла. Полковникъ Штакельбергъ съ частью суздальскаго полка занималъ этотъ городъ; онъ былъ офицеръ храбрый, но по характеру слабый, и одна знатная польская дама успѣла просьбами своими и кокетствомъ склонить его снять часовыхъ съ такихъ пунктовъ, гдѣ они были необходимы, увѣрая, что ночная переключка мѣшаетъ ей спать. Сверхъ того, въ городѣ вообще не была соблюдена должная осторожность, не смотря на близость конфедератовъ, которые казались неопасными. Даже въ самомъ замкѣ, гдѣ находились четыре орудія и весь полковой обозъ, было, кромѣ 100 безоружныхъ работниковъ, всего только 30 человекъ караула, при одномъ офицерѣ. Остальныя войска занимали городъ. Такая безразсудная безпечность должна была стоить Русскимъ дорого. Небольшой отрядъ Французовъ уже приближался; начальники его, Вѣмениль, племянникъ генерала, и Сельянь, каждый съ 60 человекъ отборныхъ солдатъ, должны были попытаться проникнуть въ замокъ по одной изъ вышеназванныхъ дорогъ (Сельянь чрезъ подземный ходъ, а Вѣмениль чрезъ проточную трубу), отворить ворота и пустить бригадира Шуази, который дождался по близости съ 500 рейтарами.

Мужественно вступилъ Сельянь въ подземный ходъ, который скоро слѣдался такъ узокъ, что едва одинъ человекъ могъ подвигаться впередъ, и потому Сельяну показалось слишкомъ-опаснымъ пускаться въ такое мѣсто съ столь малымъ числомъ людей, и онъ предпочелъ лучше обойти кругомъ замка, надѣясь, что случай представитъ ему какое нибудь другое средство проникнуть во внутренность крѣпости. Вѣмениль, напротивъ, достигнувъ проточной трубы, остановился-было сначала, но потомъ, обо-

дрясь, предался совершенно на произвол судьбы, и съ обнаженною въ рукахъ шпагой мужественно влезъ въ трубу. «За мною, ребята! Въ насколько минутъ будемъ мы наверху» закричалъ онъ своимъ солдатамъ — и всѣ последовали за нимъ безъ малѣйшей нерѣшимости. Въ ту минуту, когда послѣдніе изъ солдатъ Въёменнля начали влезать въ трубу, подошелъ Сельяно съ своимъ отрядомъ; узнавъ по бѣлымъ рубашкамъ, былъ онъ приглашенъ следовать тѣмъ же путемъ, и тутъ же рѣшился на это.

Между-тѣмъ, Шуази напрасно бродилъ около города, стараясь найти какой-нибудь входъ; вездѣ видѣлъ онъ передъ собою только высокія стѣны, съ которыхъ ему не подавали никакого знака. Лѣстницъ у него не было, и день начиналъ уже вечереть. Обманутый въ своихъ надеждахъ, рѣшился онъ наконецъ возвратиться, но не хотѣлъ сдѣлать этого, не соединясь съ Въёменнлемъ и Сельяномъ. Долго и тщетно поджидалъ онъ ихъ: въ замкѣ все было тихо; ни малѣйшій шумъ не раздавался за его стѣнами; медлить долѣе значило бы подвергнуть себя опасности быть отряженнымъ отъ Тиница. Съ сокрушеннымъ сердцемъ пустился онъ въ обратный путь, опечаленный мыслию, что долженъ былъ оставить на вѣрную гибель двухъ лучшихъ своихъ офицеровъ съ ихъ солдатами. Онъ отошелъ уже 2 версты, какъ вдругъ услышалъ, со стороны Кракова, сильную перестрѣлку; полный надежды и боязни, посылаетъ онъ, для развѣданія, одного польскаго офицера, который, возвратясь, доноситъ, что замокъ во власти тѣхъ, которыхъ онъ считалъ погибшими. Шуази, съ крикомъ радости, возвращается въ ту же минуту назадъ, на помощь къ своимъ.

Въёменнль первый выбрался изъ трубы и убилъ полусоннаго часового, который окликнулъ его; такая же участь постигла и другаго, а между-тѣмъ люди его также выбрались. Свѣтъ, горѣвшій на гауптвахтѣ, привелъ ихъ туда, и они, напавъ внезапно на караулъ, скоро овладѣли имъ; только 11 солдатъ успѣли выскочить въ окно и, бросясь бѣжать, произвели тревогу. Тогда на смѣльчаковъ было сдѣлано нападеніе со всѣхъ сторонъ. Штабельбергъ пытался опять овладѣть замкомъ; но Французамъ удалось въ несколько времени держаться противъ отдѣльныхъ атакъ, вѣнчавшихъ дружнаго натиска. Видя, однакожъ, что ожидаемое подкрѣпленіе не явилось, рѣшились они пробиться съ оружіемъ въ рукахъ. Еще не всѣ выходы были заперты для нихъ; еще можно было надѣяться, что они выберутся благополучно, какъ вдругъ шумъ, раздавшійся извнѣ, возвѣщаетъ имъ помощь. Они не ошиблись: то былъ Шуази, который успѣлъ проложить себѣ дорогу къ замку черезъ форштатъ.

Теперь можно было надѣяться удержать замокъ, тѣмъ болѣе, что въ этотъ же самый день подошелъ еще новый отрядъ подъ начальствомъ Голабера, который хотя и потерялъ большую потерю на пути своемъ, однакоже составлялъ собою значительное подкрѣпленіе.

Суворовъ располагалъ предпринять походъ въ Литву, когда получилъ извѣстіе объ этомъ событіи. Не медля ни минуты, обратился онъ къ Кракову, куда прибылъ на слѣдующій день 24 января (4 февр.) вечеромъ. Въ это самое время Французы, желая овладѣть городомъ, сдѣлали сильную вылазку, но упорное сопротивленіе Русскихъ принудило ихъ скоро къ отступленію.

Трудный подвигъ предстоялъ теперь Русскимъ: не имѣя осадной ар-

тиллерии они должны были снова овладеть столь крѣпкимъ замкомъ. Замокъ этотъ, окруженный стѣною въ 7 футъ толщины и 30 футъ вышины, стоялъ на возвышеніи, командующемъ городомъ и у подножія котораго съ другой стороны протекаетъ Висла. Прекрасная церковь, полуразрушенный королевскій дворецъ и около 30 домовъ составляли весь его строеніа. Гарнизонъ его, усиленный разными прибывшими партіями, состоялъ изъ 400 человекъ пѣхоты и 500 кавалеріи (въ этомъ числѣ были Французы, Саксонцы и Поляки — но все они были старые и хорошо-обученные солдаты), и имѣлъ значительный запасъ всякаго продовольствія.

Суворовъ и Браницкій, начальствовавшій королевскими войсками и прибывшій съ 5 польско-уланскими полками, заняли окрестности, прилегающія къ замку. Браницкій принялъ на себя защиту всѣхъ пунктовъ по ту сторону Вислы, противъ разныхъ партій конфедератовъ, показывавшихся тамъ; Суворовъ занялся собственно осадой; мостъ, устроенный черезъ Вислу, служилъ имъ для сообщенія другъ съ другомъ.

Сначала, Французы дѣлали сильныя вылазки; скоро однакоже они удостоверились, что вылазки эти служили имъ только во вредъ; они терали только людей, не выигрывая ничего.

Для осаждающихъ главное затрудненіе состояло въ обстрѣливаніи замка, лежавшаго такъ высоко. Съ невероятнымъ трудомъ успѣлъ Суворовъ поставить нѣсколько пушекъ на нѣкоторые изъ самыхъ высокихъ домовъ; въ то же время дѣлательно занимался онъ рытіемъ двухъ мнѣвъ, и наконецъ 18/20 февраля въ 2 часа утра послѣдовалъ всеобщій приступъ. Между-тѣмъ, какъ сильный картечный и ружейный огонь, поддерживаемый съ верхушки домовъ, тревожилъ осажденныхъ на стѣнахъ, 2 колонны подошли къ нимъ съ лѣстницами. Одна изъ этихъ колоннъ достигла воротъ, бросила туда петарду, но безъ успѣха, и такъ какъ ей не доставало смѣлаго предводителя, то она ограничилась ружейною перестрѣлкою, въ которой выгода осталась на ея сторонѣ. Другая колонна дѣйствовала рѣшительнѣе: она подступила подъ самыя стѣны, поставила свои лѣстницы и пошла на приступъ съ такимъ мужествомъ и твердостью, что возбуждала даже изумленіе непріателя; но и этотъ подвигъ остался безуспѣшнымъ.

Потерявъ около 150 человекъ убитыми и ранеными и не выигравъ рѣшительно ничего, Суворовъ принужденъ былъ ударить отбой и прекратить штурмъ, тѣмъ болѣе, что храброе сопротивленіе Французовъ не давало никакой надежды на успѣхъ.

Тогда было рѣшено подвергнуть замоку самой тѣсной блокадѣ, и это, казалось, тѣмъ болѣе обѣщало вѣрный успѣхъ, что по словамъ одного пѣннаго, осажденные начинали уже терпѣть недостатокъ въ нѣкоторыхъ съѣстныхъ припасахъ, особенно же въ мясѣ, такъ, что были принуждены питаться конявой.

Около этого времени, Коссаковский съ партією, состоявшею изъ нѣсколькихъ сотенъ отборнѣйшихъ черныхъ всадниковъ, пытался снабдить осажденныхъ подкрѣпленіемъ. Онъ успѣлъ уже принудить къ отступленію два уланскіе полка, которые хотѣли загородить ему дорогу, какъ вдругъ Суворовъ съ двумя эскадронами и нѣсколькими казаками бросился на него и послѣ жаркаго боя прогналъ его назадъ, подвергнувшись однакоже самъ

великой опасности. Одинъ молодой, храбрый кавалеристъ (Лиондецъ, по имени Рейхъ), выстрѣливъ изъ обѣихъ пистолетовъ, бросился на него съ саблею. Съ трудомъ защищался противъ него Суворовъ до-тѣхъ-поръ, пока одинъ кирасиръ, приспавшій къ нему на помощь, выстрѣломъ изъ карабина не повергъ нападавшаго мертвымъ. После большой потери, испытанной Коссаковскимъ, исчезъ онъ съ своими черными всадниками; 20 лѣтъ спустя найдемъ мы его одатъ, но только съ взмѣнившимся образомъ мыслей, противоборствующаго тому, за что онъ воевалъ, и увидимъ его умирающимъ насильственною смертію отъ рукъ собственныхъ людей его.

Недостатокъ продовольствія въ замкѣ усиливался съ каждымъ днемъ, и скоро у осажденныхъ не было рѣшительно никакихъ запасовъ: тогда Суворовъ потребовалъ сдачи. Апрѣля $\frac{8}{19}$ явился бригадиръ Ганиберъ для переговоровъ. Желая задобрить своего противника, онъ прибѣгнулъ къ лести; но Суворовъ, не обративъ на это никакого вниманія, съ величайшею холодною просилъ его сѣсть къ письменному столу, чтобъ не терять даромъ время и продиктовалъ ему условія сдачи, которыя были столь выгодны, что самъ Ганиберъ не могъ бы никогда желать ничего лучшаго. Отвѣтъ долженъ былъ последовать на другой день; Ганиберъ возвратился, но съ новыми условіями: Суворовъ, раздраженный этимъ, предложилъ другія гораздо-строжайшія и объявилъ, что если они не будутъ приняты въ 24 часа, то требованія его сдаются еще строже. Однакожъ они были приняты въ тотъ же вечеръ. Главный пунктъ состоялъ въ томъ, что гарнизонъ долженъ былъ сложить оружіе и признать себя пленнымъ, но не *военно-пленнымъ*, какъ того желали Французы. Требованіе это не могло быть принято (какъ объявлялъ Суворовъ), потому что Франція не находилась въ войнѣ съ Россією. Сдача замка была назначена $\frac{16}{26}$ апрѣля, въ первый день пасхи.

Когда гарнизонъ, состоявшій еще изъ 800 человекъ, сложилъ свое оружіе, Вѣменья и прочіе французскіе офицеры въ свою очередь подали Суворову свои шпаги. «Сохрани меня Богъ отнимать шпаги у храбрыхъ офицеровъ, состоящихъ въ службѣ государя, который въ дружескихъ отношеніяхъ съ моею монархиней», сказалъ Суворовъ и обнялъ всѣхъ Французовъ одного за другимъ. Веселая тропеза соединила за однимъ столомъ тѣхъ, которые еще недавно были врагами; въ вечеру, Французы подъ сильнымъ прикрытіемъ были отправлены въ Люблинъ, а оттуда пошла во-внутрь Россіи. Суворовъ же остался въ Краковѣ, до совершеннаго окончанія войны.

Оттуда предпринимаютъ онъ осаду Тинница, сильно укрѣпленнаго конфедератами и окруженнаго многими редутами; былъ, однакожъ, скоро сбитъ Австрійцами, получившими въ свое владычество всю эту страну. Участь Польши была рѣшена: Австрія, Пруссія и Россія, опираясь на древнія права, опредѣлили, раздѣливъ Польшу на части, присоединить ее къ своимъ владѣніямъ.

Укрѣпленные замки Ландскрона, Тинницъ и Ченстохово были взяты; партіи конфедератовъ разсыланы; предводители ихъ бѣжали или взяли подкорность; со всѣхъ сторонъ вступали въ Польшу австрійскія, дру-

скія и російскія войска; кто не оставлялъ оружій, были объявлены разбойникомъ и строго преслѣдуемы; конфедерация была уничтожена.

Августа 5-го 1772 года, были подписаны трактаты, въ силу котораго три монархія присоединили къ своимъ владѣнιάмъ разныя части Польши; трактатъ этотъ былъ представленъ 26-го сентября королю въ Варшавѣ, и въ слѣдующемъ году, послѣ снѣжныхъ вѣтровъ и преній, утверждёнъ наконецъ на обществѣ сеймѣ.

Такимъ образомъ было положено начало къ исключенію Польши изъ ряда европейскихъ государствъ; но начало бываетъ всегда дѣломъ самымъ труднымъ: совершенный и полный разрывъ былъ уже съ-тѣхъ-поръ неизбежнымъ, и его легко можно было предвидѣть.

Злоупотребленія, вкрадывавшіяся постепенно въ правленіе, достигли наконецъ такой силы, что Польша не могла уже существовать въ своемъ настоящемъ видѣ; она должна была или обновиться внутренними революціями, или слѣзаться добычею своихъ сосѣдей.

Государства, подобно людямъ, умираютъ, или отъ старости или отъ болѣзней, одно ранѣе, другое позже. Внутренній червь долго точилъ жизнь Польши; со временъ великаго короля Стефана Баторія, приближалась она быстрыми шагами къ своему паденію, въ той же мѣрѣ, въ какой Россія, особенно съ восшествія на престолъ дома Романовыхъ, давшая ей такъ много великихъ государей, стремилась съ мужествомъ къ своему вышешію. Предавшись совершенному разстройству, Польша должна была погибнуть, для того, чтобъ въ послѣдствіи, по-крайней-мѣрѣ частію: возвратиться въ новомъ, лучшемъ образѣ, въ братскихъ объятіяхъ Россіи.

Приведемъ еще нѣсколько писемъ, писанныхъ Суворовымъ въ это время къ генералу Бибикову въ Варшаву о тогдашнихъ событіяхъ. Они выказываютъ его взглядъ и образъ мыслей дучше, чѣмъ могли бы это сдѣлать описанія.

Безъ числа (вроятно въ февралѣ 1772).

«Теперь вашему высокопревосходительству донести должны о причинѣ невѣроятнаго происшествія въ замкѣ. Полковникъ Штацельбергъ... по прибытіи моемъ сюда, я истинно отъ него никакого вознагражденія добиться не могъ: и 1-ое, онъ изъ числа избалованныхъ Иванъ Ивановичемъ Веймаромъ, переписками съ нимъ на иностранныхъ языкахъ, и для того онъ съ принятія его полку никогда шпаги не вынималъ; 2-ое, здѣсь, какъ въ знакомомъ ему мѣстѣ, ксендзы и бабы голову ему весьма повередили. Онъ вѣсто *благодѣтельнаго* человека былъ *человѣкъ дѣбрый* и на тогъ онъ спылъ. Не имѣя я удовольствія ловить даваемыхъ мнѣ иногда о семъ послѣ удовольствія. Опасяюся, чтобъ ксендзовъ и бабъ никогда не тронуть, разрывая онъ и руками, да и по просьбамъ ихъ сводилъ часовыхъ, а того часового действительно свелъ, который былъ у скажипны. гдѣ Французъ велли; Коренныхъ плацныхъ бунтовщиковъ; на вѣрарна: мое при...

назавіе изъ Кракова къ Любавну не отпращивъ. Я думалъ дѣйствительно, что для увольненія ихъ отъ нашего высокопревосходительства на то позволеніе ималъ, въ числѣ которыхъ одинъ изъ выпущенныхъ изъ замка застрѣлилъ нашего офицера. Къ нимъ вся ходила, кто хотѣлъ; а отъ утрени, когда канонники ходятъ въ замокъ съ двухъ часовъ пополуночи, в ворота замковыя отворемы были. *Каковъ пошь, таковъ и приходъ.* Сіе я говорю о ближнемъ полковникъ Штапельбергъ, исключая изъ того весьма-достоинныхъ офицеровъ, которые ему о томъ въ свое время представляли; но онъ бывъ обремененъ ксендазами и бабами, ихъ не слушалъ. Однако, милостивый государь, все сіе въ точности утверждать не можно до будущаго разбирательства, но имѣя нынѣ на то достаточно времени.

«Французы, пользовавшись симъ добрымъ человѣкомъ и трактирщикомъ, предпріали то дерзновеннѣйшее дѣло; поелику то видно изъ трактирщикова допроса. Прочее по Французской *релиции* рѣдко что не правда, кромѣ гдѣ излишнее хвастовство. Поправленіе же горшкаго должно приписать подполковнику Елагину».

Послѣ неудачнаго прѣступа къ замку, Суворовъ писалъ:

«Быть такъ! неудачное наше *штурмованіе* доказало, правда, весьма храбрость, но купно въ тѣхъ работахъ и не искусство наше, превозвышающее «невозможность. Безъ *Вобана* и *Колорна* учиться было намъ лучше прежде «тому на петербургской сторонѣ. Согласіе пезло. А ежели патыть на одну «осады, то дѣйствительно конца не будетъ. Пока одну крѣпостцу беремъ, «укрѣпляться могутъ въ другой: а у нихъ протавъ истраченнаго будетъ, «безъ сомнѣнія, прибавка. Трехъ крѣпостей въ годъ не отобрать. Въ го- «рахъ сіе тяжело, а къ сторонѣ Ченстохова легко. Выжмать ихъ оттуда «можно и уповать на удачу, хотя съ перваго взгляда покажется дерзнов- «венно.»

Во время переговоровъ съ союзными комиссарами писалъ онъ къ Бибикову:

«Да дайте мнѣ, м. г., такое философское мѣсто (какъ кончится съ Ченстоховомъ и расписаніе дѣлать изволите), чтобъ никому не было завидно. «Здѣсь около четырехъ лѣтъ, часто думается бѣжать... Грѣхъ отъ вѣсь... «Я нагрубилъ, и мнѣ злодѣйствуютъ... меня сбоятъ... Я человѣкъ доб- «рый, и отпору дать не умѣю: здѣсь боюсь и сосѣдей *езуитовъ*; всѣ тѣ же «д'Алтоны. Простите мнѣ... Пора бы мнѣ на покой въ Люблинъ. Честный «человѣкъ со срѣтенцева дня не разуваля: что в у тебя, батюшка, сталъ «за полетикъ? Пожалуй пришелъ другаго; чортъ ли съ нимъ сговорить?»

Суворовъ, вслѣдъ за тѣмъ, въ сентябрѣ 1772 года, былъ переведенъ въ корпусъ генерала Эльмпта, который долженъ былъ идти въ Финляндію. Около этого времени, произошла въ Швеціи извѣстная революція, посредствомъ которой Густавъ III, при помощи Франціи, уничтожилъ аристократическую партію и присвоилъ себѣ почти самодержавную власть. Дальнѣйшія его намѣренія были неизвѣстны; слѣдствіемъ внушенія французскаго

кабинета и пользуюсь тогдашними обстоятельствами, онъ могъ тревожить Россію со стороны Финляндіи. Для этого были на всякій случай придвинуты туда войска.

Около этого времени писалъ Суворовъ къ Бибикову:

«Вильна, 21 октября 1772 года.

«Теперь я въ своей тарелкѣ. Слѣдуя моему предопредѣленію, я приближаюсь къ отечеству и оставляю страну, гдѣ желалъ дѣлать добро или, по крайней мѣрѣ, всегда стремился къ тому. Сердце мое не затруднилось въ этомъ, а долгъ не препятствовалъ тому. Откровенный въ своихъ поступкахъ, я остерегаюсь только нравственнаго зла, и зло физическое уничтожалось само-собою. Свободный отъ упрековъ совѣсти, я радуюсь одобренію, которое заслужили мои поступки. Здѣсь пользуюсь я только нѣкоторою извѣстностью, потому-что пребываніе мое въ этомъ краю было «ведомговременно; по-крайней-мѣрѣ, чувствую, что не былъ ему столько полезенъ, сколько бы могъ. Чистосердечная признательность рождаетъ во мнѣ любовь къ этой странѣ, гдѣ мнѣ желаютъ добра; я покидаю ее съ сожалѣніемъ.

«Но когда я посмотрю на Д... Р... и Алш..., этихъ несправедливыхъ оскорбителей моей невинности, то начинаю дышать свободнѣе. Я оказываю здѣсь мое поприще, какъ человекъ благородный, и освобождаюсь отъ нихъ; напрасныя мои жалобы уславивали только мою грусть, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда я хотѣлъ преувеличивать свои обязанности. Я не ненавижу ихъ, презирать же не могъ никогда; и зная ихъ свойства, можно ли было надѣяться, чтобъ козни ихъ измѣнились.

«Правда, я мало обращался съ женщинами, но когда бывалъ съ ними, то никогда не забывалъ къ нимъ уваженія. У меня не доставало времени заниматься ими и я боялся ихъ. Онѣ управляютъ страной здѣсь какъ и «возле; я не чувствовалъ въ себѣ столько твердости, чтобъ защищаться отъ ихъ прелестей» (*).

(* Письмо это писано на французскомъ языкѣ; у г. Шмидта приведено оно не вполнѣ.

Lettre à l'Angloise, Wilna le 21 Octobre 1772.

«Voilà dans mon assiette au possible. Je suis mon destin qui m'approche de ma patrie et me tire d'un pays où je n'ai voulu faire que du bien, au moins l'ai-je taché toujours. Mon cœur ne s'y embarrassait pas et mon devoir n'y mettait jamais d'obstacles. Sincère dans mes actions, je ne me gardais que du mal moral et le mal phisique déperissait par lui-même. Ma vertu sans remords est fort contente de la satisfaction qu'on témoigne de ma conduite; ici on ne me connaît que du côté de quelque reputation, puisque je ne m'y étais arrêté que peu, ou du moins je ne me sens pas avoir assez servi cette contrée. La reconnaissance naive engendre dans moi un amour pour ce pays où on ne me veut que du bien; je le quitte à regret.

«Mais si j'envisage les D... les R... les Alt... ministres iniques de mon innocence, je commence à respirer; je finis ici ma carrière en honnête homme, je me débarrasse d'eux; mes plaintes fragiles augmentoient mon chagrin, là principalement où je voulais outrer dans mon devoir. Je ne les haïssais pas, je ne les pouvais jamais mépriser; et quel changement à espérer de leurs embuches, connoissant leurs qualités?

«Il est vrai, je n'entrais pas trop dans le commerce des femmes, mais quand je m'y amu-

Суворовъ есть живой примѣръ того, что можетъ совершить человекъ, проникнутый одною мыслию, однимъ желаніемъ. Все, что привлекаетъ другихъ людей, или что отстраняетъ ихъ отъ предполагаемой цѣли, было не для него; наслажденія богатства, женская любовь, удовольствія общества, тихая радость семейной жизни, — все это было ему чуждо; онъ жилъ только благороднымъ стремленіемъ къ славы и любовью къ отечеству. Эти два чувства были постояннымъ предметомъ его мыслей, разговоровъ, надеждъ и желаній; они слились въ немъ въ одно нераздѣльное цѣлое и онъ старался однимъ поддерживать другое. Все, до чего можетъ только достигнуть частный человекъ въ государствѣ монархическомъ, было достигнуто имъ; но за то онъ и совершилъ все, что только въ состояніи совершить частный человекъ. Онъ, смотря по обстоятельствамъ, былъ или крѣпкій щитъ, или грозный мечъ, который противопоставлялся врагамъ его родины.

Въ юности своей онъ уже говаривалъ: «*Я хочу быть фельдмаршаломъ*», и никогда не выпускалъ изъ вида этой цѣли. Съ твердостью и постоянствомъ, свойственными только немногимъ, стремился онъ къ этой цѣли и достигнуть ея. Чего не можетъ совершить воля человека, если только воля эта непоколебима! Вотъ письмо Суворова изъ Успога, отъ 27 октября 1772 года:

«Нѣтъ ли какихъ новостей, касающихся до меня? Ваше превосходительство, въ отдаленіи отъ меня не пишете мнѣ ничего. Я скучаю въ бездѣйствіи въ злышнихъ пустыняхъ. Не-ужели я долженъ разстаться съ вами... или есть еще надежда? Должно ли будетъ сражаться посреди льдовъ? Я иду туда какъ солдатъ; если будетъ время, то пойду назадъ и ворочусь еще скорее, чѣмъ шелъ туда на авось... Тотлебенъ... влетѣть туда же, куда я, и если во мнѣ будетъ нужда, то явлюсь туда въ двѣ пельви (*)».

Корпусъ русскихъ войскъ выступилъ изъ Помыпи осенью, двинулся медленными маршами къ Петербургу, куда прибылъ зимою, и былъ немедленно отправленъ далѣе. Суворовъ остался самъ въ столицѣ. Въ февралѣ 1773 года получилъ онъ повелѣніе осмотрѣть финляндскую границу въ военномъ отношеніи и въ-особенности узнать, какого образа мыслей были жители на счетъ перемѣны правленія, происшедшей въ Стокгольмѣ. Онъ отправился чрезъ Выборгъ, Кексгольмъ, Нейшлотъ къ шведской границѣ, прожилъ тамъ нѣсколько времени тайно, собиралъ свѣдѣнія, удосто-

sais, le respect n'y manquait jamais. Le temps me manquait de les pratiquer et je les craignais; ce sont elles qui gouvernent le pays ici comme partout ailleurs; je ne me sentais pas assez fort pour me défendre contre leurs charmes.

(*) Письмо это писано также на французскомъ языкѣ:

Usspat le 26 Octobre.

Et quelles nouvelles y-a-t-il en ce qui me concerne? Votre Excellence éloignée de moi ne me mande rien. Je m'ennuye ici des solitudes sans faire rien du tout. Dois-je donc vous quitter tout de bon, ou... ai-je encore des espérances? Faudra-t-il se battre dans les glaces? j'y vais en soldat; reste-t-il du temps, je rebrousse chemin et je serai de retour plutôt que je ne marchais en avant à l'aventure. Tottleben... va là où je vais; et s'il y faudra de moi, je suis là dans 15 jours.

взрился въ общемъ неудовольствіи дворянства, духовенства и крестьянъ и возвратился съ довесеніемъ обратно въ Санктпетербургъ.

Недолго оставался онъ здѣсь; отношенія къ Швеціи измѣнились, и онъ, по собственной его просьбѣ, былъ переведенъ къ графу Румянцову въ молдавскую армію, куда отправился съ радостью, надѣясь найти случай къ новой дѣятельности. Покой былъ для него тагостенъ, и только тревожная жизнь солдата могла доставить ему счастье.

Съ нѣмцц! Н. Ш—ТЬ.

ШЕКСПИРЪ, КАКЪ ЧЕЛОВѢКЪ И ЛИРИКЪ.

His life was gentle; and the elements
So mix'd in him, that nature might stand up
And say to all the world: This was a man.

(Жизнь его была кротка, и стихіи такъ соединились въ немъ, что природа могла бы встать и сказать цѣлому міру: «вотъ былъ человекъ!»)

Шекспиръ, въ «Юліи Цезарь».

Все глубочайшее и величайшее духа человеческого исходитъ изъ вѣдръ таинства, такъ же, какъ и физическое существованіе духа; особенно бѣласть замѣчательно, что во вѣншей жизни людей истинно-великихъ, не смотря на жадныя изслѣдованія, остается столько неразгаданнаго, столько пробѣловъ. Такъ и съ Шекспиромъ. Мы едва въ силахъ уловить въ вѣдрахъ таинствъ, гдѣ скрыта его личность, лишь однѣ отрывочныя, улѣтучивающіяся черты ея, а многія стороны его духа, его человѣческая индивидуальность, остаются для насъ загадкою. И дѣйствительно, созданія его дивной творческой силы предостоятъ словно замураванныя въ сталь исполнинскіе замки, въ которыхъ самое достовѣрнѣйшее свидѣтельство ихъ дѣйствительнаго существованія нисколько не ослабляетъ вѣры въ ихъ баснословное происхожденіе. Не отраженіе міра, — эти созданія сами суть объективные міры, обращающіеся на своихъ собственныхъ осяхъ; а духъ, сотворившій ихъ, забывая себя въ своемъ преображеніи, весь преданный своему творчеству, кротко, блаженно взираетъ на безконечно-разнообразную жизнь своихъ созданій. Слыханное ли дѣло: столько поэтическихъ произведеній, обнаруживающихъ такую самостоятельную, неимовѣрную силу, заключающихъ въ самихъ-себѣ великіе законы своего движенія, и — такъ совершенно отрѣшенные отъ личности творца своего! Кромѣ гомерическихъ пѣсней и пибслунговъ, въ литературѣ всѣхъ народовъ нѣтъ ни одного примѣра въ этомъ родѣ. Но тѣ поэмы требуютъ совсѣмъ иного взгляда: принадлежа младенческой эпохѣ человѣческаго развитія, онѣ болѣе относятся къ духу цѣлаго народа, нежели къ поэтическому гению одного человека. Кромѣ ихъ нельзя указать ни на одно произведеніе, при которомъ бы можно было забыть творца его. Есть родъ критики, какъ у Французовъ, которая сличаетъ личность поэта съ его произведеніями, и въ исторіи его жизни находитъ тотъ или другой мотивъ его поэтическаго творчества. Въ такой критикѣ есть, можетъ-быть, своя хорошая сторона,

потому-что въ ближайшемъ знаніи собственныхъ обстоятельствъ и положеній поэта, какъ человека, лежитъ часто особенная привлекательность, иногда причинность и тайный или явный источникъ его творчества. Но драмы Шекспира предстоятъ цѣлымъ, отдѣльнымъ міромъ, за самостоятельно-могущею жизнію котораго творецъ совершенно отрицаетъ личность свою.

Мы особенно рады предпріятію г. Кетчера, — огромному предпріятію — перевести *все* Шекспира. Переводъ міроваго поэта является у насъ въ такое время, когда литература наша находится въ такомъ хаотическомъ броженіи, при самомъ неопредѣленномъ направленіи вкусовъ, понятій, сужденій и, главное, при совершенномъ отсутствіи образованія, основаннаго на наукѣ, или на изученіи великихъ явленій поэзіи и жизни. У насъ ужъ даже есть и такъ-называемые учёные, которые, подобны совамъ, безслышнымъ выносятъ дневной свѣтъ — принялись кричать, что Западъ гниётъ, что въ немъ родился антихристъ, что намъ уже нѣ чему учиться у Запада, что намъ надо выдумать свою философію. Въ этихъ людяхъ *мракобѣсіе* (впрочемъ, понятное) дошло до того, что имъ уже ничего не стоить говорить о томъ, чего они не понимаютъ и даже не предчувствуютъ, клеветать на цѣлую философскую систему, о которой они узнали изъ чужой брошюрки, написанной въ духъ мистической инквизиціи. Но отворотимся отъ этихъ нечистыхъ явленій и порадуемся, надѣясь, что созерцаніе духовно-прозрачныхъ, исполненныхъ всей роскоши природы твореній британскаго поэта, можетъ-быть, приведетъ нашу читающую публику въ сознаніе того, что такое истинная поэзія, истинное искусство.

Для того, чтобъ приблизиться къ личности Шекспира и его индивидуальности, необходимо узнать его лирическія стихотворенія, не теряя однакожъ изъ вида и драматическихъ его произведеній. И въ нихъ, какъ мы уже сказали, заключается его личность; хотя замкнутая и скрытая, она тѣмъ не менѣе пребываетъ въ нихъ. Изъ каждаго созданія звучитъ особенная настроенность духа, подобно органу изъ замкнутаго храма, въ которомъ тихо заключилась субъективность поэта.

Скромная оболочка его тѣснаго гражданскаго быта скрывала страстно-подвижную, пламенно-бурную душу. Шекспиръ не былъ тою робкою письменною душою, какимъ представляетъ его Тикъ въ своей «Жизни Поэтовъ», для-того, чтобъ ярче выставить, въ противоположности, демонскую одиначность поэтическихъ натуръ, какія онъ мастерски изобразилъ въ Гринѣ и Марловѣ. Эта безграничная жадность Грина къ чувственнымъ наслажденіямъ, и дошедшая до демонской искаженности страстность мрачнаго Марлова, — ихъ было не меньше и въ груди Шекспира; но надъ всѣмъ этимъ вѣялъ духъ кротости и мира. Да, побѣждены имъ, но и глубоко прочувствованы были отчаяніе, безуміе, смерть, — роковыя вѣтви, которыми судьба опутываетъ всегда поэтическія природы; онъ были вырваны имъ у мрачныхъ богинь, и онъ сталъ властелиномъ всего, что есть ужаснаго въ темной сторонѣ жизни человѣческой. Источникъ страшныхъ волкановъ страстей, раскрывающихся въ его драматическихъ образахъ, былъ въ немъ-самомъ; не одна только кроткая нѣжность, сладостная тишина, увлекательная веселость, — но и жалкая сторона жизни, мрачно-свержающая въ

картинахъ его, были пережиты его собственною душою. Можно почти утвердительно сказать, что поэтъ, въ творимыхъ имъ объективныхъ образахъ, не глубже и не выше того прозираетъ въ мiръ действительности, сколько даетъ ему его духовное ясновидѣнiе и собственный внутреннiй опытъ.

Но могущество воспроизводить сокровенныя мiры души человеческой исходить къ нему не изъ мрачныхъ тучъ страстей человеческихъ, не изъ мукъ, въ которую онъ самъ погруженъ. Это могущество возможно только при той тишинѣ духа, какую единственно даетъ побѣда надъ мрачными силами жизни.

Вся внутреннiя страданiя, надъ которыми восторжествовалъ великiй поэтъ, не выступаютъ бурно изъ него вмѣстѣ съ его личностью, что видимъ у большей части поэтовъ: онъ сдержалъ въ самомъ-себѣ ихъ громадныя массы и остался наружно тѣмъ же такимъ человѣкомъ простой гражданской жизни. Никто не видалъ безсонныхъ ночей, которыя пронесались надъ его одинокою головою; ужасъ, которымъ фуриа жребiя человеческого напблвила душу его, эту неимовѣрную силу духа, закаленного въ борьбѣ съ титанами, это торжество побѣды и роскошное ликованiе души, какое ниспосылали ему боги, какъ своему избранному, — кто могъ предчувствовать вся эти сокровища подъ кроткимъ образомъ тихаго Вилльама, котораго внѣшняя жизнь была такъ же проста и спокойна, какъ жизнь самыхъ обыкновенныхъ дѣтей привычки и ежедневности? Нельзя приписать случайности, что именно изъ лучшаго времени всей полноты его жизни, изъ его лѣтъ мужества, не осталось никакихъ слѣдовъ его внѣшней жизни: онъ действительно былъ простымъ товарищемъ актѣровъ, который въ безпечной юности своей, по причинѣ разныхъ продѣлокъ, бѣжалъ изъ Стратфорда, присталъ въ Лондонъ къ странствующей труппѣ, долгое время дѣлилъ съ нею горькую жизнь, и въ шумъ столицы, гдѣ кружилось передъ нимъ и великое и ничтожное, оставался незамѣтнымъ, размышляющимъ созерцателемъ. Въ такомъ положенiи нечего было фантазировать о достиженiи какой-нибудь суетной цѣли, нечего было побуждать въ себѣ стремленiя къ блестящему поприщу, которое стѣснило бы свободу духовнаго развитiя. Почти мальчикомъ вырвался онъ изъ-подъ тяжелаго гнѣта тѣсной семейной жизни маленькаго городка, и возмужалъ среди самаго сердца своего народа, въ томъ центрѣ, гдѣ смыкались вся нервы его духовнаго организма. Носимый потокомъ живо движущейся современности, онъ приобрѣлъ свою мудрость жизни, и именно потому-что былъ самый открытый духъ и самое простое, свѣжее сердце, — сталъ онъ мудрѣйшимъ человѣкомъ своего народа, хотя Бей-Джонсонъ, среди всей славы его, и осмивалъ его публично со сцены, какъ нѣуча. Противъ нападокъ такого рода, Шекспиръ былъ тихъ и молчаливъ: духъ его уже переступилъ за грань легкомыслия и узкой колеи жизни и внутреннiе сосредоточивался, углубляясь въ себя и наслаждаясь видѣнiемъ духовъ, которыми втайнѣ обладала душа его. Лучшiя сокровища свои держалъ онъ скрытыми подъ простою, скромною наружностью, подобно тому, кто глубоко наслаждается въ тихомъ уединенiи. Духъ раскрылся въ немъ въ тысячахъ дивныхъ

цвѣтовъ, а онъ, по прежнему, оставался во вѣншности, совершенно-простымъ, тихимъ, обыкновеннымъ человекомъ, не себя приписывая величіе свое, но міру, изъ котораго онъ все бралъ, и которому все его принадлежить. На этомъ, по вѣншности ничтожномъ, въ самомъ-себѣ замкнутомъ образѣ Вилльяма, лежитъ какое-то умирительное, трогательное очарованіе!

Все величіе драматической изобразительной силы Шекспира заключается въ томъ, что онъ глубокомысленную жизнь души своей и индивидуальность свою сдерживаетъ позади явленій дѣйствительнаго міра и даетъ имъ говорить самимъ за себя. Страстный Байронъ не больше Шекспира видѣлъ тьмы, но мы чувствуемъ въ немъ, какъ ужасъ часовъ душевнаго мрака протекаетъ по нервамъ его: въ пламенной воспріимлемости рисуетъ онъ страсть, его потрясающую, льетъ ее лирическимъ потокомъ и рисуетъ только ночь потому-что не даетъ взойти надъ нею утру. Шекспиръ, напротивъ, является отрѣшеннымъ отъ того, что изображаетъ, даже тамъ, гдѣ его собственная душа кажется въ опасности потеряться въ безконечныхъ подробностяхъ мрачныхъ и бездонныхъ страстей. И если въ созданіяхъ его мрачное, всесожигающее бѣдствіе увлекаетъ въ своемъ бурномъ потокѣ даже и важныя звѣзды кроткаго міра (какъ Корделія), тогда буря стихаетъ, мрачный жребій, истощенный самъ-въ-себѣ, закрываетъ страшную пасть свою и снова водворяется миръ. Въ Байронѣ безпрестанно слышно клокотаніе ада, его демонъ ненасытимъ; въ Шекспирѣ же онъ видѣтъ лишь въ пылу борьбы; борьба совершилась—и снова чувствуешь кроткое вѣяніе міра, чувствуешь его даже на могилахъ, вырытыхъ страстями и преступленіемъ. Въ этомъ заключается различіе между картинами великихъ лирическихъ и великихъ драматическихъ поэтовъ.

Можно сказать утвердительно, что большая часть шекспировскихъ драмъ провѣяна унылою меланхоліею души. Эта черта всего больше можетъ раскрыть намъ настроенность духа Шекспира. Драмъ эти, созданія венсчерпаемаго глубокомыслия, разоблачающаго міръ явленій до костей его, все принадлежатъ тому періоду его жизни, когда поэтъ приближался къ своимъ сороковымъ годамъ и давно уже былъ во всемъ могуществѣ силъ своихъ. Этотъ основной характеръ преобладающаго помраченія міра явленій лежитъ на всехъ драмахъ, сочиненныхъ между 1603, когда написалъ онъ своего «Гамлета», котораго въ-послѣдствіи пересоздалъ, и 1614, или 1615 годами, которымъ заключилось его поэтическое творчество. Къ этому же послѣднему году, по всей вѣроятности, принадлежитъ и послѣдній трудъ поэта, его «Цимбелинъ», чудесное созданіе, которое въ своемъ цвѣтистомъ сліяніи исторіи и вымысла, комедіи и трагедіи, предстаетъ какъ-бы заключительною гармоніею всехъ его родовъ.

Равнымъ образомъ, къ обозначенному нами періоду, обнаруживающему совершенно-особенную настроенность души поэта, принадлежатъ и Сонеты его (*). Они дополняютъ то, что относительно внутренней настроенности

(*) Дрэкъ (Drake) относитъ сонеты къ промежутку между 1592 и 1609 годами, между 28 и 45 годами жизни Шекспира. Но здѣсь невозможно точное опредѣленіе времени. По настроенности и содержанію многихъ сонетовъ почти съ достоверностію

Шекспира, невозможно удовлетворительно узнать из его драмы, объективно, как-бы из себя самих создающихся. Мы разуйдемъ адсь стихотворенія его къ графу Соутгэнтону, тьсно соединенному съ нмь дружбою. Въ нихъ говорить онъ о чувствъ приближающей старости, о зрелости жизни, лишенной свьжей прелести юношескаго стремленія, объ однообразной, одинокой тишинь своей жизни, о недовольствъ своимъ положеніемъ въ актёрскомъ быту, жалуется на разстояніе, полагаемое рожденіемъ между нмь и графомъ. «Если читатель хочетъ истинно понять эти советы, говорить въ предисловіи ихъ нѣмецкій переводчикъ (*), то «не долженъ читать ихъ отрывочно, но въ томъ порядкѣ, въ какомъ они «напечатаны, съ начала до конца. Одно уже первое чтеніе покажетъ, что «не случайность управляла ихъ послѣдовательностію». Въ нихъ видна не та легкая, игривая, беззаботная фантазія, для которой одно благоуханіе замъняло цвѣтокъ, а какая-то унылая, тяжелая дума сомнѣнія. Но то, что въ лирическихъ изліаніяхъ уже чрезъ одно сообщеніе дружескому сердцу принимало кроткій, примиряющій колоритъ, — все это тяготеетъ страшными массама въ цѣломъ міросозерданіи, которое обнаруживается въ драмахъ послѣдняго періода. Здсь, въ мрачныхъ картинахъ, какія развертываютъ предъ нами міръ въ своемъ шествіи, подавляетъ насъ необычайное величіе духа, постепенно-завоеванная сила души, которая в самому ужаснѣйшему даетъ совершаться, какъ сообразному съ естественнымъ ходомъ вещей, и среди всеобщаго разрушенія лишь въ самой-себѣ находитъ ручательство своего непоколебимаго существованія. Послѣ пересозданія «Гамлета» рько уже являются лирическія стихотворенія: сжатая форма сонета становится слишкомъ-тъсною для созерцательнаго глубокомыслія Шекспира. Одолаваемый потребностію выговорить свое субъективное чувство во внѣшнемъ образѣ, онъ болѣе прежняго передаетъ великимъ лицамъ своихъ трагедій то, что наполняетъ и потрясаетъ его собственную душу въ сокровенныхъ глубинахъ ея. Въ «Гамлетѣ», «Лирѣ», «Королѣ Іоаннѣ» и «Тимонѣ», выговариваетъ онъ тяжкіе вопросы своей души. «Гамлетъ» болѣе всѣхъ пропитанъ сердечною кровію самого поэта; это его субъективное лицо. Онъ отрѣшается отъ него неохотно, какъ-бы съ грустію, для которой тяжело прощаніе съ милымъ, роднымъ образомъ (**). То, что здсь является тончайшею остротою мысли, подвергающей своему меланхолическому анализу все, что существуетъ во времени и пространствѣ, въ «Лирѣ» (по времени тотчасъ слѣдующемъ за «Гамлетомъ») выступаетъ, какъ горестное заблужденіе. Въ «Лирѣ» олицетворена случайная, часто возмутительная сторона историческаго духа, и поэтъ мститъ ему въ образѣ низверженнаго величества. Подъ добродушною остротою бѣднаго дурака скрывается самъ поэтъ и сверкаетъ изъ этой

можно отнести ихъ къ тому времени, когда Шекспиръ написалъ «Гамлета»; но нѣкоторые изъ нихъ принадлежатъ и прежнему періоду его жизни.

(*) W. Shakespears Sämmtliche Gedichte, im Versmaasse des Originals übersetzt von Emil Wagner. Königab. 1840.

(**) «Гамлетъ» въ первомъ своемъ видѣ, принадлежитъ къ прежнему періоду; въ слѣдствіе своихъ видъ, въ которомъ рефлексія Гамлета простираетъ нестойкими потопомъ, драма стала въ полномъ дѣйствіи.

твеной, жалкой оболочки то утѣшительнымъ словомъ, то молниеносными, потрясающими мыслями. Три римскія трагедіи (написанныя одна за другою), по содержанію своему, представляютъ одну общую картину. Въ нихъ чувствуешь меньше собственной, сердечной крови поэта. Здѣсь онъ перенесся въ отдаленный древній міръ, котораго болѣе-прохладная температура сама-по-себѣ сдерживала страстные разрывы души. Въ «Юліи Цезаря», великій человекъ, облеченный всею граціею величія, становится жертвою стараго времени; но и главѣ этого движенія не суждено жребій возстановить разрушающійся міръ. Брутъ погибаетъ, человекъ, испровергающій порядокъ новой жизни, безсмысленный при возстановленіи старой. Въ «Коріоляна» гибнетъ человекъ воинственнаго эгоизма, самолюбивая субъективность, которая думаетъ передѣлать пребывающій порядокъ по своимъ эгоистическимъ понятіямъ; падаетъ въ борьбѣ съ субстанціальными силами государства, отъ собственной, благороднѣйшей слабости души, — нѣжнаго узла человѣческой природы, недопускающей его стать, можетъ-быть, великимъ историческимъ дѣятелемъ. Въ римскихъ трагедіяхъ Шекспира лежитъ не меньше грустнаго чувства, чѣмъ въ «Гамлетѣ», но здѣсь оно воплощается въ духъ поэта, какъ непобѣдимая сила характера, взирающая въ спокойствіи, которое можно принять за холодность, на совершающіеся предъ нею міровые процессы. Лишь въ величайшихъ геніяхъ войны, какъ Наполеонъ, можно видѣть такую неколебимость духа, кака я обнаруживается здѣсь въ поэтической натурѣ, высочайшей во всѣхъ вѣкахъ. Во время созданія этихъ драмъ (съ 1607 по 1610) ни одного лирическаго вздоха не слѣзаетъ съ устъ его: скорбь о жребіи человѣческомъ кристаллизовалась лишь въ тѣхъ великихъ картинахъ. Въ «Король Іоаннъ» она заговорила горькимъ сарказмомъ: устами незаконнорожденнаго Фолькенбріджа говоритъ самъ поэтъ. Въ «Тимонъ» слова грозятъ субъективностью поэта, какъ въ «Гамлетѣ», разорвать не столь-внѣшнюю оболочку. Глубокомысленная ипохондрія самовластно царствуетъ здѣсь, и на всѣ свѣтлые элементы жизни, которыми съ такою радостію любилъ играть поэтъ, набрасываетъ ядовитую тѣнь бездонной, унылой меланхоліи. Нѣтъ здѣсь ни одного взмаха къ свѣтлому полету въ ясную сферу; вся полнота жизни виветъ подъ этимъ грустнымъ созерцаніемъ. Эта скорбная драма души, опустошенной въ самой-себѣ, есть мрачная ночь, изрѣдка прорываемая молніею. Ипохондрія субъективной болѣзненности, раскрывая свою горькую рану, возвышается здѣсь до трагическаго величія, и такое необъятное страданіе поэтъ могъ отряхнуть отъ своей личности! Въ «Генрихъ VIII» отдалъ Шекспиръ народу и двору Елизаветы послѣднюю радость своего національнаго одушевленія: духъ его уже стремился за предѣлы отечества, къ міровому созерцанію. Въ созданіяхъ его третьей эпохи, которая началась пересозданіемъ «Гамлета», вслѣдъ проблескиваютъ уже сатирическія черты противъ англійской національности.

Трудно въ точности опредѣлить, какою степенью поэтической значительности, между современными драматическими писателями, пользовался Шекспиръ въ царствованіе Елизаветы, хотя достоверно извѣстно, что онъ не нуждался въ деньгахъ, такъ, что плата, которую получалъ онъ за пьесы

свои, дала ему наконецъ возможность удалиться въ тихую своего Стратфорда (*). Вообще, съ смертію Елизаветы, уменьшилась любовь къ театру, а вмѣстѣ съ тѣмъ и число театровъ. Король Яковъ любилъ театральное искусство лишь изъ тщеславія; онъ гораздо больше любилъ процессы въдьмъ и колдуній, и магію, о которой, какъ извѣстно, самъ написалъ книгу. И хотя роскошь театровъ увеличилась, но съ возрастаніемъ роскоши словно исчезалъ интересъ къ чистой поэзіи. Французскія актриссы смѣнили простоту прежнихъ представленій; съ другой стороны, вмѣстѣ съ искаженіемъ истиннаго вкуса, пробуждался фанатизмъ англиканскаго духовенства. Распространявшійся духъ сухаго, прозаическаго пуританизма долженствовалъ постепенно разрушать свободный цвѣтъ авглійскаго искусства. Но поэтъ, возростившій этотъ цвѣтъ до его высочайшей красоты, не дожидъ до совершеннаго увяданія его, хотя еще во время его поэтической дѣятельности уже пробудился духъ стасненія. Такъ въ 1606 году издано было строгое повелѣніе не употреблять на сценѣ нѣкоторые предметы религіозныхъ. Французскій пославникъ жалуется на нѣкоторыхъ актёровъ за то, что они вывели на сцену исторію герцога Бирона. Въ 1617 году, лордъ-мэръ и алдерманы воспротивились открытію одного новаго театра. Лондонскіе мастера во вторникъ на страстной недѣлѣ пытались разломать театръ Фениксъ: — въ этотъ день они имѣли привилегію ломать подозрительныя дома, и уже на театры распространяли ревность свою. Въ 1619 лордъ-мэръ и алдерманы старались вовсе уничтожить Блэкфрайерскій Театръ, а уже въ 1642 послѣдовалъ парламентскій актъ объ уничтоженіи всѣхъ вообще публичныхъ драматическихъ представленій.

Замѣчательная надпись, которую поэтъ велѣлъ вырвать на могилѣ своей, достаточно свидѣтельствуетъ о томъ, какими мрачными взорами смотрѣлъ этотъ великій духъ на угрожавшую будущность. Если кому изъ читателей случится быть въ Англій, пресимъ его побывать въ Стратфордѣ: это только день вѣды отъ Лондона. Тамъ ключарь поведетъ васъ по густой липовой аллеѣ на пригорокъ: влѣво журчитъ серебристый Эвонъ, на холмѣ стоятъ церкви, — вокругъ тихо. Вошедъ въ церковь, пройдите къ алтарю: тамъ покоятся кости Шекспира, и вы съ удивле-

(*) Графъ Бодисенъ (Baudissin), которому въ шлегелевскомъ переводѣ Шекспира принадлежатъ переводы «Отелло», «Лира», «Мѣра за Мѣру» и «Много шума изъ пустаго» (Шлегель, кажется, отступилъ передъ безчисленными трудностями, какія представляютъ эти пьесы для перевода, или, можетъ-быть, потерялъ уже первую ревность), велѣнно издалъ книгу: *Ben Jonson und seine Schule, dargestellt und erläutert durch Wolf Grafen von Baudissin*, 2 части. Сочиненіе чрезвычайно интересное для знакомства съ англійскимъ театромъ. Въ его хронологическомъ обзорѣ исторіи англійскаго театра, находимъ, между прочимъ, что сборы Блэкфрайерскаго Театра (въ 1613) прострлялись до 660 фунтовъ стерлинговъ и раздѣлялись на 20 частей, каждая въ 33 фунта стерлинговъ. Изъ этого въ томъ году вышли: Барбоджъ (великій актёръ того времени) 4, Флетчеръ 3, Шекспиръ 4, Гемингъ 2, Конель 2, Тэйлоръ и Лодви (оба знаменитые актёры, игравшие Гамлета) вмѣстѣ 3, и 2 остальные — другіе. Если положить доходы театра Глоубъ въ такомъ же количествѣ, и прибавить къ нимъ плату за дѣй или за три новыя пьесы въ годъ (отъ 10 до 25 фунтовъ стерлинговъ), то выходитъ, что доходы Шекспира прострлялись ежегодно до 300 фунтовъ стерлинговъ, или, по пересчитанному счету, составили до 7,800 руб. ассъ.

нѣмъ прочтете надпись: «Добрый другъ, ради Христа—не тронь праха, здѣсь положеннаго. Благословенъ тотъ, кто пощадитъ этотъ камень; проклятъ тотъ, кто потревожитъ мои кости». Известно, что пуритане, разрушавшіе всѣ подобныя памятники въ церквахъ, равно-какъ и всѣ славы, оставленныя искусствомъ, отступали назадъ предъ симъ заклятіемъ. Но все же для этого не менше нужно было какъ проклятіе, и великій поэтъ, отходя на вѣчный покой, боялся, что кости его не уцѣлуютъ отъ разлива набожнаго варварства.

Говоря объ этомъ послѣднемъ періодѣ его поэтической дѣятельности, въ которомъ жизнь откинула предъ нимъ покрывало съ таинственнаго лица своего, казалось намъ особенно важнымъ отдалить все то, что французская беллетристика и нѣмецкая сентиментальность придали этому великому духу. Изнѣженная любовь къ тиши и миру, увеселяющая себя различными мильными фантазіями, обнаруживающаяся въ характерѣ Ньмцевъ и въ ихъ дѣйствіяхъ,—по британскому масштабу есть прямая противоположность всякому величію духа. Никогда-неуспокоивающійся духъ есть духъ глубочайшій; тотъ, кто чувствуетъ дисгармонію жизни и страдаетъ этимъ чувствомъ, — еслибъ даже онъ пребывалъ и внѣ просвѣтленія и примиренія,—благословенъ того, кто старается трусливою рукою какъ-нибудь прикрыть или замазать многія стороны и диссонансы жизни и успокоивается въ мелкихъ, самодовольныхъ піетистическихъ мечтаніяхъ.

Къ третьему же періоду принадлежатъ «Макбетъ» и «Отелло»—врачныя картины страсти, удашающей самую-себя. Въ «Макбетъ», великое сердце дичаетъ отъ обаянія демонскихъ силъ, которыя потому только являютъ ему на-яву, что въ глубинахъ его собственной природы находится гнездо ихъ. Въ «Отелло» гибнетъ глубокій, роскошно-благородный духъ чрезъ коварную игру, въ которой все, что мы называемъ случаемъ, тайною, неуловимую злобою, совокупляется въ личность одного человека. Въ Яго представлялъ Шекспиръ то, что мы равнодушно зовемъ судьбою. Предъ величіемъ шекспировскихъ мыслей нѣтъ спасенія: мы изнемогаемъ отъ нихъ такъ же, какъ изнемогаемъ и отъ тяжкихъ трагедій міровой исторіи. Въ «Отелло» нѣтъ никакого примиренія, даже нѣтъ успокоенія; нѣтъ и того юмора, который въ прежнихъ драмахъ его шелъ рядомъ съ разрывающимися процессами страшныхъ силъ, озаряя позорище гора своимъ краткимъ мерцаніемъ, прохладя его горячія рапы. Здѣсь, можетъ-быть, необходимо общее созерцаніе созданія Шекспира, чтобъ въ духовной личности поэта найдти допущеніе, котораго не достаетъ въ самой драмѣ. Послѣ «Отелло» написалъ Шекспиръ «Зимнюю Сказку». Здѣсь тѣмъ же ревностъ, но уже не чувствуешь демонскаго присутствія въ страсти. Миръ любви разрушенъ, и Герміона должна, въ наказаніе за легкомысленное небреженіе своимъ милымъ существомъ, умереть для людей. Но она отнята у нихъ лишь на-время, и снова потомъ вступаетъ въ раскаляющуюся среду ихъ, подобно примиренной и примиряющей Дездемонѣ, чтобъ возстановить разрушенное. Такъ примиряетъ здѣсь вымыслъ то, въ чемъ погрѣшила исторія, но это уже не та игривая веселость комедіи, въ какой обнаруживалась прежде святая настроенность шекспировскаго духа: надъ міромъ, лишь фантастиче-

ски-приниженныя, разстилается эстетическая грусть, сообщающая меланхолическій колоритъ свой обоимъ послѣднимъ актамъ этой пьесы.

Замѣчательно, что Шекспиръ, во все продолженіе этого третьяго періода, не написалъ ни одной комедіи по свободному влеченію собственнаго желанія. «Виндзорскія Проказницы» были первоначально написаны еще прежде 1603 года, хотя Мелонъ и относитъ ихъ къ этому году, а передачу ихъ еще къ позднѣйшему времени. Достоверно, что, въ первоначальномъ своемъ видѣ, эта пьеса была представлена въ 1599 или въ 1600 году. Taming of the shrew Тикъ относитъ къ 1606 или 1607 годамъ. Эта пьеса въ такомъ легкомъ тонѣ, что даже можно усомниться въ подлинности ея шекспировскаго происхожденія. «Троилусъ и Крессида», по остроумному предположенію Тика, есть не болѣе, какъ пьеса, написанная къ-случаю, для домашняго театра короля Іакова или для кого-нибудь изъ знатныхъ придворныхъ. Глубоко-занятый древнею живою (съ 1607 по 1609 годъ), поэтъ очень-легко могъ выполнить желаніе — представить въ пародіи тотъ героическій міръ древности, который изобразилъ онъ въ его трагическомъ разрушеніи. Эта пьеса, съ каррикатурнымъ лицомъ Фертита, вѣроятно, была истиннымъ объядѣніемъ для тучнаго Джона-Буля старой Англіи; но ей не достаетъ, вмѣстѣ съ граціею его прежнихъ комедій, и самодовольной веселости юмора. «Буря» также была написана къ-случаю, и была представлена вскорѣ послѣ бракосочетанія дочери Іакова съ курфирстомъ Фридрихомъ пфальцскимъ, и исполнена намековъ на этотъ бракъ. Индивидуальный колоритъ этого чуднаго созданія дышетъ такою пѣжною, зѣвряю чувствительностію, что чувствуешь, какъ она каждую минуту готова перейти въ меланхолію. «Мъра за Мъру» по своему упругому языку и глубоко-мысленной тяжести содержанія, почти-совершенно выходитъ изъ сферы комедій.

Теперь постараемся раскрыть первый и второй періоды его поэтическаго творчества. Для этого мы должны обратиться къ его лирическимъ стихотвореніямъ, которые служатъ для насъ единственною нитью въ этомъ совершенномъ отсутствіи всякихъ свидѣній о личной настроенности поэта. Прежде всего представимъ его себя двадцатилѣтнимъ юношей, какииъ онъ вступилъ въ Лондонъ; кромѣ этого, намъ должно сообразить его индивидуальный характеръ, потому-что съ нимъ необходимо соединены в моты его созданій. На времяя его пребыванія въ Стратфордѣ лежитъ много темноты; достоверно, что онъ занимался скромнымъ ремесломъ своего семейства: — внутренній гевій его долго велъ лишь одну растительную жизнь. Легко-возбуждавшаяся чувственность вышла сладствіемъ своимъ проступокъ, а проступокъ этотъ — слишкомъ-равною женитьбу на Аннѣ Гэтэуэ (Hathaway), которая была старше его восемью годами. Въ два года было уже у него трое дѣтей. Но бракъ этотъ былъ безъ всякаго благословенія сердца, безъ всякаго духовнаго оплодотворенія. Вильямъ не имѣлъ никакой способности ни къ ремесленной дѣятельности, ни къ почтеннѣйшему апатическому супружеству, и чтобъ пайти какое-нибудь развлеченіе отъ этого двойнаго горя, онъ связался съ обществомъ праздныхъ и буйныхъ гулякъ. Какъ онъ, въ-послѣдствіи, съ увлекательною веселостію изобразилъ любимца своего принца Генриха въ обществѣ разгульной сволочи—Фаль-

става, Полиса, Бардольфа и имъ подобныхъ, такъ самъ онъ въ то время жилъ съ отчаянною ватагою, которая, между прочимъ, и пострѣливала дичь въ близъ-лежавшемъ паркѣ почтеннаго сэра Томаса Люси. Сэръ Томасъ былъ шерифомъ высшаго суда графства и членомъ парламента; такой человѣкъ не могъ равнодушно смотреть на продѣлки буйной ватаги. Молодой Вилльямъ, обданный въ воровствѣ дичи, былъ войманъ и отданъ подъ судъ. Тутъ, въ первый разъ, посѣтилъ его рифмъ: онъ написалъ балладу, въ которой осмѣялъ почтеннаго господина Томаса, какъ скареднаго, длинноухаго осла. Послѣ этого, процессъ, который кончился бы пустымъ штрафомъ, принялъ совсѣмъ другой оборотъ. Сэръ Люси повелъ дѣло по всей строгости законовъ, и Вилльямъ, давно уже скучавшій своимъ душнымъ жребіемъ, измученный бранчивостью и гадкимъ характеромъ жены, можетъ-быть также тѣснимый долгами — вдругъ исчезъ, и очутился въ Лондонѣ. Онъ пришелъ туда, совершенно безъ всякихъ духовныхъ интересовъ, безъ свѣдѣній, но зато и безъ скатаго школьнаго образованія, лишь съ одною острою, всеиспытующею силою духа, съ взглядомъ, провидѣвшимъ самыя излучистыя движенія страстей человѣческихъ: такимъ вступилъ онъ въ столицу Англій, гдѣ развѣртывались тогда величайшія силы жизни человѣческой. Съ удивленіемъ увидѣлъ онъ, что міръ идетъ инымъ шагомъ; для него было ново видѣть, что опорю жизни служили глубокія идеи и интересы. Могучій воинственный духъ, блестящая королева на упроченномъ долгими тревогами престола, знаменитости, ее окружавшія, сила и энергія характеровъ, блестяція празднества, тревожная, подвижная толпа, вѣчно-занятая, важная и полная интересовъ, — все это охватило его съ необычайной силой и сдѣлалось моментомъ его новаго рожденія. Здѣсь, при созерцаніи этого міра, зажегся свѣтильникъ его духа. Ему надобно было почувствовать совершающееся предъ нимъ, потому-что передъ нимъ было все: отечество, полное могучихъ силъ и величайшей будущности, блистательный тронъ, — словомъ, колоссальная жизнь націи, разливавшаяся до отдаленныхъ странъ міра — и слитая воедино, въ одно тѣло, въ одну душу. Вдохновенное чувство созерцающаго юноши стремилось воспроизвести весь этотъ блескъ національной жизни (*).

Когда Шекспиръ пришелъ въ Лондонъ (въ 1586 году, если не ранѣе), англійскій театръ былъ уже въ полномъ цвѣтѣ. Декретами королевы даны были привилегіи некоторымъ театрамъ; четырнадцать лордовъ имѣли свои собственныя труппы; жалобы пуританъ на возрастающее множество актеровъ и ихъ лязчество оставались безъ успѣха; историческія представленія и комедіи вытѣснили со сцены филистерскую моральность. Джорджъ Пилъ сдѣланъ былъ поэтомъ города Лондона и написалъ своего «Давида и Батсебу»; Робертъ Гринъ написалъ «Бэкона», Марлоу «Massacre of Paris» и скоро послѣ «Мальтійскихъ Жидовъ» и «Дидону». На Блэк-Фрайерскомъ Театрѣ играли его «Тамерлана». Первые пьесы Шекспира явились на Театрахъ Соутверскомъ и Ньюнгтонскомъ, — «Король Ю-

(*). Впрочемъ, слишкомъ-увлеченный національнымъ чувствомъ, Шекспиръ такъ чудовищно искажилъ лицо Іоанни д'Аркъ: — единственный упрекъ, который можно сдѣлать его историческому изсловіданію.

аннъ», въ своемъ первомъ видѣ, три части «Генриха VI», — старый «Гамлетъ», «Титъ Андроникъ», «Ричардъ III» и «Король Лиръ», въ своемъ прежнемъ грубомъ видѣ. Поэтъ уже началъ входить въ славу (1592). Его привѣтствуютъ, какъ «новаго феномена»; и между-тѣмъ, какъ Спенсеръ въ своихъ «Слезяхъ Музъ» сифется надъ его неученостью, а Робертъ Гринъ ругаетъ его горлою вороною, которая важничаетъ воображая себя only Schake—scen in a country—національное чувство, торжествовавшее паденіе СтUARTовъ и гибель армады, привѣтствуетъ поэта, видя праздноство свое въ его одушевленіи. Но лично онъ тогда оставался незамѣтымъ; сначала занимая должность callboy, состоявшую въ томъ, чтобъ называть зрителямъ дѣйствующія лица, выходившія на сцену, потомъ самъ сталъ играть нѣкоторые незначительныя роли, и въ-послѣдствіи сдѣлался акціонеромъ въ труппѣ лорда Чамберлена.

Этими драмами положенъ былъ широкій фундаментъ его національной поэзіи; талантъ его явился здѣсь какъ-бы носителемъ великихъ интересовъ своего народа, которые господствовали надъ его субъективными порывами: отсюда ясно, почему этотъ первый періодъ его поэтической дѣятельности чуждъ лирики, которая лишь въ личномъ, субъективномъ чувствѣ находитъ свое содержаніе. На этой прочной основѣ началъ уже самъ въ себя сооружаться геній его. Рязкую определенность исторической характеристики растворилъ онъ вѣчно-мечтательною, стремящеюся любовію, и все, что только вымыслъ лепечетъ въ поэтическомъ предчувствіи, что музыка говорить не выговаривая, что въ процессахъ дѣйствительности, въ каждомъ движеніи духа времени, тихо раскрывается, какъ вѣчная тайна, и снова опускаетъ мистическую завѣсу свою, — все это звучитъ и льется сквозь вся созданія поэта, то тихимъ, нѣжнымъ шопотомъ, то потокомъ безграничной страсти. Въ «Ромео и Юліи» раскрывается міръ собственной души его, и быстро одна за другою слѣдуютъ до 1600 года его романтическія комедіи и историческія пьесы. Это самый ясный періодъ его художественнаго творчества. Фантазія и юморъ играютъ всеми роскошнѣйшими цвѣтами своими; граціи и геній свѣтлой и вѣчно-радостной жизни словно спорятъ со всѣмъ, что онъ являетъ здѣсь великаго и возвышеннаго; грандіозность мыслей переполнена роскошествомъ чувства: — ясношдѣць и пророкъ въ поэтѣ даютъ чело свое обвивать гроздіями и упоеннымъ благоуханіемъ любви, созерцаютъ свои великія видѣнія. Здѣсь нельзя узрѣть ни на отдѣльныя лица, въ которыхъ отзывалась бы субъективность поэта; здѣсь юморъ не та будущая молвіеносная иронія, которая заставляетъ содрогаться сердце, — здѣсь онъ летитъ шалая и играя со всѣмъ въ мірѣ; всюду-разлитая ясность показываетъ, что душа поэта совершенно обнаружилась въ его созданіяхъ.

Въ этой свѣтлой, лучезарной сферѣ созданы «Венеціанскій Купецъ», «Сонъ въ Лѣтнюю Ночь», «Двѣнадцатая Ночь, или Что Угодно». Если въ которой-нибудь изъ этихъ пьесъ и является серьезное лицо, какъ, напримеръ, мелапхолическій Жакъ (и какое лицо!), оно тотчасъ же сглаживается всеобщими волнами пѣнящейся веселости; даже такое трагическое лицо, какъ Шейлокъ, который въ послѣдующемъ періодѣ поэта поставленъ былъ бы на первомъ планѣ трагедіи, здѣсь нисколько не разрываетъ ра-

дужной ткани комедіи; веселость сглаживаетъ даже и его, упоенная игрою мечты и жизни.

Въ этотъ періодъ и личность Шекспира праздновала скромное торжество свое: эту свѣтлую игру его фантазій нельзя допустить безъ сладостнаго довольства всего человѣка. Мы ничего не знаемъ въ немъ о счастливой склонности къ какому-либо женскому существу, въ которой обыкновенно сосредоточивается все личное счастье человѣка. Жену свою онъ совершенно оставилъ: мы не знаемъ, видѣла ли даже Анна Гэтэуэ когда своего супруга въ Лондонѣ. Изъ отношеній этого несчастнаго брака можно объяснить многое, что въ пьесахъ его вырывается, какъ нападки на счастье супружеской жизни. Конечно, поэтиса и безъ этого никогда не любила восхвалять блаженство супружеской жизни: — она любитъ лишь чудеса цвѣтущей, а не результаты, увы! часто очень-прозаическіе, оплодотворенной любви; и прочное счастье, въ которомъ было отказано Шекспиру, какъ человѣку, не могло же требовать отъ него безусловнаго обожанія, какъ отъ поэта. Достоверно, что жена его и въ послѣдствіи времени не поѣхала за нимъ въ Лондонъ. Возвратясь за нѣсколько лѣтъ до смерти своей въ Стратфордъ, жилъ онъ тамъ съ любимицей своей, старшей дочерью Сусанной, бывшею замужемъ за медикомъ. Въ духовномъ завѣщаніи, оставленномъ имъ, все имущество, которое было очень-небѣдно, отказалъ онъ двумъ дочерямъ своимъ; женѣ же завѣщалъ только ихъ старую, брачную постель — и больше ничего. Горькая иронія! Но причина этому заключалась не столько въ добродушномъ остроуміи Шекспира, сколько въ жестокости и сварливости характера Анны. Равнымъ образомъ и включенное въ завѣщаніе желаніе, чтобъ она по кончинѣ положена была возлѣ него, надобно принять на за что другое, какъ за иронію надъ жребіемъ, имъ же самимъ себѣ выбраннымъ. Вѣдь должно же было терпѣть гробовыхъ червей: почему же было не потерпѣть возлѣ себя и жены!

Предметомъ склонности его, которую не столько можно назвать дружбою, сколько самою искреннею, глубочайшею любовію, былъ графъ Генрихъ Соутгэмптонъ. Если въ этомъ сплетеніи двухъ жизней, въ этомъ обменѣ двухъ душъ, изъ которыхъ каждая терлется, оставленная въ одиночествѣ, заключается собственно вся прелесть любви, то Шекспиръ любилъ этого Соутгэмптона и чувствовалъ къ нему такую склонность, какая только условливается очарованіемъ различія половъ. Вышнюю причиною ихъ сближенія, какъ рассказываетъ Дрэкъ въ написанной имъ «Жизни Шекспира», было то, что отчимъ графа занималъ должность государственнаго казначея, которая поставила его въ частыя сношенія съ актѣрами и театральными поетами.

Шекспиръ былъ тогда незамѣтнымъ, тихимъ человѣкомъ; изъ скромности, онъ не выставлялъ еще имени на своихъ пьесахъ, игралъ небольшія роли, и конечно, по своимъ прежнимъ обстоятельствамъ, имѣлъ привычку къ жизни скромной и незамѣтной. При одушевленіи графа (который былъ девятью годами моложе его) къ національной поэзій, при энтузіазмѣ его къ романтикѣ и всякаго рода величію, пробудилась къ нему склонность поэта, обратившаяся скоро въ искреннѣйшую взаимную дружбу, которая лишь увеличивалась съ духовнымъ развитіемъ юноши. Соутгэмп-

тонъ действительно былъ образцомъ рыцарства: герой въ битвѣ и любви, счастливый самъ, и умѣвшій счастливить другихъ, исполненный мужественной гордости и женственной кротости. Онъ былъ осуществленіемъ всего, что лежало въ натурѣ Шекспира, но не могло вполне развиться въ его личности, при тѣснотѣ его скромной, ограниченной жизни, и что обнаруживалось лишь въ созерцаніяхъ его творческаго духа. Соутгэмптовъ былъ блестящимъ вышнимъ отраженіемъ духовнаго образа и сущности самаго поэта; и если справедливо, что въ любви мы ощущаемъ лишь идею и просвѣтленіе нашей собственной натуры, то поэтъ наслаждался безсознательно въ Соутгэмптовѣ вышнимъ отраженіемъ самого-себя, которое было украшено всею роскошью блестящихъ и быстро-проходящихъ даровъ свѣта. Въ сонетахъ своихъ онъ не нарадуется на этотъ весенній цвѣтокъ своего духа, потому-что въ этомъ цвѣткѣ раскрылось то, что было замкнуто въ его внутреннемъ гениі, вся его внутренняя красота и полнота жизни. Потому-то онъ такъ элегически и груститъ о быстромъ увяданіи этого цвѣтка, а безпрестанно повторяетъ себя въ утѣшеніе, что стихъ его долженъ быть кузнецомъ и сковать безсмертіе этому Соутгэмптову.

Въ «Венерѣ и Адонисѣ», эпическомъ стихотвореніи, Шекспиръ, еще робкій и несомнѣн-сблизившійся съ графомъ, принесъ первый открытый даръ любви своему любимцу. Въ посвященіи «Тарквинія и Лукреціи» виднѣнъ уже тонъ болѣе короткій. Венера Шекспира есть не болѣе, какъ чувственная, соблазнительная дама того времени, и мы совершенно-согласны съ мнѣніемъ нѣмецкаго переводчика этой поэмы. «Венера и Адонисъ» говоритъ онъ, «принадлежитъ къ самымъ первымъ произведеніямъ юности Шекспира, и носитъ на себѣ печать жосткой, матеріальной чувственности. Это нидерландская, превосходнаго колорита, картина, на которой рожденная изъ пѣны богиня представлена съ роскошно-цвѣтущимъ тѣломъ и «непреодолимо-сладострастными формами. Это просто милое рококо, навѣсный анахронизмъ, который является почти-вездѣ въ искусствѣ того времени. Въ немъ на Олимпѣ такъ же живутъ, какъ въ «старой веселой Англіи». Боги любезничаютъ и волочатся точно франты двора Елизаветы. «Венера и Адонисъ» есть не болѣе, какъ шалость высокаго гениа. Тотъ, кто съ такою ненасытимою чувственностію могъ представить борьбу пламеньюющей, дышащей сладострастіемъ богини съ холоднымъ, неопытнымъ «Адонисомъ», онъ же въ-послѣдствіи раскрылъ предъ нами и святые мистеріи любви въ ея идеальномъ просвѣтленіи, и вмѣстѣ въ такомъ простомъ «человѣческомъ видѣ.» Впрочемъ, легко можно предположить, что въ неопытномъ, холодномъ Адонисѣ поэтъ хотѣлъ представить своего друга, действительно бывшаго въ подобномъ положеніи. Это было, кажется, единственнымъ обстоятельствомъ такого рода въ жизни Соутгэмптова, послѣ котораго онъ сдѣлался ненавистникомъ женщинъ, и первые семнадцать сонетовъ Шекспира оплакиваютъ жизнь друга, лишенную любви и ея радостей. Тонъ и языкъ этихъ стихотвореній нѣсколько гармонируютъ съ «Венерою и Адонисомъ», отличаясь иногда отъ этой поэмы любящимъ, нѣжно-грустнымъ колоритомъ; сладостный, чарующій лепетъ, какимъ облиты рѣчи Ромео и Юлія, льется въ языкъ этихъ сонетовъ. Слѣдующая-поръ началась между ними самая искренняя дружба, и поэтъ, без-

престанно то ободряя, то предостерегая своего друга, въ самомъ-себѣ переживалъ вся тревоженія его жизни и судьбы, перестрадалъ ихъ, какъ своя собственныя. Вскорѣ послѣ Соутгэмптонъ почувствовалъ сильную и глубокую склонность къ Елизаветѣ Варнонъ, кузинѣ графа Эссекса, сблизился съ нею, и съ-тѣхъ-поръ дѣлилъ переменчивость судьбы его. Будучи начальникомъ корабля, послѣдовалъ онъ, волонтеромъ, за генераломъ своимъ на Азорскіе Острова. Любовь къ битвѣ увлекла его въ горячую схватку, въ которой онъ потопилъ испанскій фрегатъ, за что Эссексъ возвелъ его въ кавалеры. Но это не могло отвратить нерасположенія королевы отъ геройскаго юности: дуэли, непріятности и разнаго рода шалости, которыя надѣлалъ онъ, будучи еще при дворѣ, были, кажется, причиною этого нерасположенія. Въ парламентъ онъ былъ замѣчательнымъ ораторомъ и горячимъ защитникомъ интересовъ народа; между-тѣмъ велъ съ друзьями разгульную жизнь, собиралъ около себя поэтовъ и художниковъ, и, женивъ тайно на миссъ Варнонъ, почти насмѣялся надъ волею королевы, которая и слышать не хотѣла объ этомъ бракѣ. Съ государственнымъ секретаремъ Цецилемъ пробылъ онъ потомъ некоторое время въ Парижѣ, послѣ поѣхалъ въ Ирландію за графомъ Эссексомъ, который самъ назначилъ его начальникомъ кавалеріи. Декретъ королевы лишилъ его этого начальства, и онъ, воротясь въ Лондонъ, велъ прежнюю веселую, художническую жизнь, пока, вмѣстѣ съ Эссексомъ, не былъ обвиненъ какъ соучастникъ въ возмутительныхъ его намѣреніяхъ. Эссексъ, какъ извѣстно, былъ обезглавленъ, а Соутгэмптонъ заключенъ въ Тоуэръ. Ходатайство паровъ и Цециля спасло его отъ участи Эссекса. Онъ былъ освобожденъ лишь по смерти королевы.

Трудно объяснить, почему шекспировы стихотворенія къ другу не были напечатаны въ царствованіе Елизаветы, а ходили лишь въ рукописи въ кругахъ высшаго общества, и вѣроятно многія изъ нихъ затерялись. До насъ дошло, кромѣ упомянутыхъ 17, всего 171, считая въ томъ числѣ и его сонеты «Страстнаго Странника» (the Passionate Pilgrim). Мотивы большей части ихъ взяты изъ жизни Соутгэмптона. Поэтъ предостерегаетъ, утѣшаетъ, ободряетъ, совѣтуетъ, и во всемъ, даже въ словахъ упрека, вѣетъ у него дыханіе самой нѣжной любви. Часто къ горю друга пріютится и его собственная скорбь, и душевное разстройство, которое въ нѣныя часы глубоко волнуетъ великія души, выливается вмѣстѣ въ грустную элегію. Поэтъ чувствуетъ, что онъ приросъ къ этому Соутгэмптону, а другъ, въ шумъ и бурь жизни, безпрестанно исчезаетъ изъ объятій его; Шекспиръ ропщетъ на него, груститъ, и наконецъ умолкаетъ въ печали. Тогда Соутгэмптонъ снова бросается къ нему, и его упрекъ, что Вилльямъ ужъ не любитъ его, зажигаетъ любовь двойнымъ пламенемъ. Такъ раскрывается здѣсь вся сладостная мука непреодолимой, глубочайшей любви; и, все, что въ «Ромео и Юлія» выговорено нѣжнаго и искреннаго, что въ комедіяхъ его вѣетъ чарующею граціею и полнотою внутренняго чувства, что въ нихъ блестятъ эпиграмматическою тонкостію ироніи и раскрывается колоссальнаго, облеченнаго въ форму младенческаго игранія, все это переливается радужными цвѣтами въ сонетахъ.

Съ недоумѣніемъ останавливаемся мы передъ 28 советами къ женскому существу. О многихъ изъ нихъ можно допустить мнѣніе некоторыхъ англійскихъ критиковъ, что Шекспиръ писалъ ихъ по просьбѣ другихъ, какъ между-прочимъ советъ 130, отличающійся тяжеловѣстностію и принужденностію; но въ большей части ихъ разлито столько трепетнаго, искреннаго чувства, что поэтъ не иначе могъ написать ихъ, какъ отъ самого себя. Неизвѣстно, кто была эта женщина; впрочемъ, разысканіе не представляетъ особеннаго интереса, тѣмъ болѣе, что любовь поэта является здѣсь вовсе не чистымъ, возвышеннымъ пламенемъ, а предметъ склонности его во многихъ отношеніяхъ весьма-подозрительной нравственности. Мы предоставляемъ добродушнымъ моралистамъ доказывать, что подобная склонность и ея выраженіе недостойны великаго поэта, и сожалѣть о свободно-страстной натурѣ его. Въ первомъ изъ этихъ 28 советовъ (127 отъ начала), воспѣваетъ онъ сверкающіе глаза, смуглую грудь, черныя кудри и благоухающее дыханіе своей милой; 128-й и особенно 129-й проникнуты всею нѣжностію стремленія самаго искреннаго чувства; меланхолическій тонъ еще болѣе увеличиваетъ прелесть его. Въ послѣдующихъ примѣшивается и жажда чувственныхъ наслажденій; 133-й советъ заставляетъ думать, что другъ его Соутгэмптонъ самъ находится въ подобномъ положеніи; 143-й показываетъ его милую весьма-подозрительною красотою:

I have sworn thee fair, and thought thee bright,
Who art as black as hell, as dark as night.

Въ 145-мъ видно глубоко-тревожное состояніе духа; пробуждаются демонскія силы и вась охватываетъ тяжелая тоска, которая въѣдается въ сердце, еще ядовитое отъ раздражительной остроты поэта, и хотя въ 147-мъ слова «любовь такъ молода, что не можетъ знать, что такое совѣсть» (Love is too young to know what conscience is) на-минуту, какъ-бы вьютъ успокоеніемъ, но безсильны снова возвратить насъ къ кроткому ощущенію. Чувства поэта сильнѣе и сильнѣе кружатся въ пламенныхъ переливахъ, въ которыхъ горитъ не столько любви, сколько сладострастной ненависти. Изъ 137-го и 140-го ясно видно, что сознаніе не покидаетъ души поэта; но не смотря на это, разорванная неопредѣленность выраженія, обнаруживающаяся въ большей части советовъ, принадлежащихъ къ этой категоріи, доказываетъ мрачную запутанность чувствъ. Это, какъ кажется, была связь безъ опредѣленности въ чувствахъ, безъ спокойствія въ наслажденіи, безъ гармоніи въ тѣлесныхъ и духовныхъ желаніяхъ. Въ 140-мъ внутренняя дисгармонія доходитъ до какого-то мрачнаго паэоса:

Two loves I have of comfort and despair,
Which like two spirits do suggest me still;
The better angel is a man right fair,
The worse spirit a woman, colour'd ill.
To win me soon to hell, my female evil
Tempteth my better angel from my side,
And would corrupt my saint to be a devil,
Wooing his purity with her foul pride.

And whether that my angel be furr'd fiend,
 Suspect J may, yet not directly tell;
 But being both from me, both to each friend,
 J guess one angel in another's hell.

Yet this shall J ne'er know, but live in doubt,
 Till by bad angel fire my good one out.

Чтобъ не оставить въ душѣ читателей никакого тяжелого чувства, мы заключимъ взглядъ на личность Шекспира однимъ изъ советовъ его къ Соутгэмптону; въ переводѣ мы не въ силахъ передать и самаго блѣднаго отраженія всей сердечной, меланхолической простоты подлинника:

• Когда меня не будетъ, пусть печаль твоя ко мнѣ продолжится не долге улыбаго звука похороннаго колокола, который возвѣститъ свѣту, что я отошелъ отъ этого пошлаго свѣта къ червямъ. И если ты когда-нибудь прочтешь эти строки, не вспоминай о рукѣ, написавшей ихъ: я такъ люблю тебя, что хочу лучше, чтобъ ты вовсе забылъ меня, нежели чтобъ воспоминаніе обо мнѣ тебя печалило. О, если взглянешь ты на эти строки, — когда я, можетъ-быть, уже смѣшаюсь съ прахомъ, — пусть онѣ даже не припоминаютъ тебѣ моего имени, — и пусть вмѣстѣ съ моею жизнію исчезнетъ любовь твоя; не то, умный свѣтъ увидитъ твои слезы и насмется надъ тобою, — а меня уже не будетъ! »

Мы считали это изложеніе жизни и индивидуальности Шекспира не лишнимъ для читателей, потому-что, предполагая, по возможности, посвящать отдѣльный разборъ произведеніямъ Шекспира, какъ они вполне появятся въ переводѣ г. Кетчера, мы желали первоначально ввести читателей нашихъ въ общее созерцаніе этого мірообъемлющаго поэта. При разсматриваніи же его созданій мы отрѣшимся отъ его личности, и должны совершенно измѣнить точку воззрѣнія. Здѣсь занималъ насъ Шекспиръ, какъ человѣкъ, его взглядъ на міръ, внутренняя настроенность души его, его судьба и такъ-сказать разысканіе его личности въ его созданіяхъ. Вступивъ же въ сферу самихъ созданій, мы должны совершенно отрѣшиться отъ такой психологической точки, ибо каждое шекспировское созданіе—есть отдѣльный, замкнутый въ себя міръ, живущій своею идеею, лежащею въ глубинѣ его, которая имѣетъ оправданіе и доказательство въ самой-себѣ, а не въ личности и обстоятельствахъ поэта. Въ сферѣ критики не въ томъ дѣло, что было причиною того, или другаго произведенія, но въ томъ, чтобъ произведеніе было истинно въ самомъ себѣ, въ идеѣ, и формѣ этой идеи, и раскрывало бы собою въ частномъ явленіи общечеловѣческое. И тѣмъ значителнѣе, прочнѣе дѣйствіе художественнаго произведенія, чѣмъ болѣе оно, въ определенномъ, временномъ или историческомъ событіи, раскрываетъ дѣйствіе вѣчныхъ законовъ, на которыхъ зиждется міръ. Въ индивидуальной определенности характеровъ, въ представленіи какого-либо дѣйствія или событія, оно обнаруживаетъ вмѣстѣ великій глаголь общей, всеобъемлющей истины. И если мы, не мудрствуя лукаво, съ чистымъ, искреннимъ чувствомъ углубимся въ художественное созданіе, то всегда почувствуемъ въ немъ нравственную идею, которая подкрѣпляетъ насъ въ противорѣчіяхъ жизни, указуя на высшее примиреніе. Но чѣмъ ближе задача поэта подходитъ къ нравственному ученію, и соединяется съ нимъ, чѣмъ болѣе хочетъ онъ *научить* уважать

нравственность, тѣмъ дальше отходитъ его произведеніе отъ искусства, которое пребываетъ само въ себя и для себя, не заботясь объ улучшеніи людей, и, какъ цвѣтокъ, хочетъ радовать ихъ только самими собою, своимъ душевнымъ образомъ. Истинно-художественныя созданія хотя и принадлежатъ извѣстному вѣку и народу, какъ на-прим., творенія Шекспира, но вмѣстѣ съ тѣмъ они пребываютъ внѣ извѣстной цивилизаціи, какъ-бы уничтожаютъ собою время, принадлежа всѣмъ вѣкамъ и призывая равно всѣхъ людей къ вѣчному наслажденію собою. Такія произведенія абсолютно вышолняютъ собою требованія, налагаемыя идеєю искусства, являя собою образы, въ которыхъ безконечная мысль приняла чувственную форму. Созерцая ихъ, критика должна не разбирать отдѣльныя мѣста похвалая, или порицая, а открыть и понять идею въ нихъ присутствующую и обнаружившуюся въ чувственное, тождественное себѣ явленіе.

Но такая критика принадлежитъ къ философіи искусства и требуетъ, кромѣ глубочайшаго изученія даннаго художественнаго произведенія, предварительнаго обширшаго философскаго образованія. Въ самой Германіи (во Франціи еще не понимаютъ ея) она явилась лишь въ недавнее время и до-сихъ-поръ представляетъ немного именъ. По глубокой проникаемости, превосходному изложенію и возвышенности созерцанія, первое мѣсто изъ нихъ занимаетъ Рётшеръ, котораго одушевленную философскую критику «Короля Лира», Шекспира, можетъ-быть, прочтутъ читатели «Отечественныхъ Записокъ» въ этомъ журналѣ.

В. В-ТЕ-НЪ.

ПАМЯТИ КАРАМЗИНА.

(Опроверженіе нѣкоторыхъ обвиненій, вводимыхъ на мнѣніе Карамзина о Ляпуновѣ.)

Потомство безпристрастно — гласъ утѣшительный для труженниковъ! Но умели, и за пределами гроба, должна преобладать ихъ неблагодарность современниковъ? Ужели современники, свидѣтели бесмертныхъ подвиговъ, должны непременно основывать славу свою на отзывахъ несправедливыхъ, или, слыша эти отзывы, молчать, какъ-будто соглашались, вводя въ заблужденіе умы доверчивые, нежелающіе пожертвовать нѣсколькими часами, чтобъ раскрыть, на чьей сторонѣ справедливость?

Такъ мыслятъ я, читая сужденія г. Полеваго о Карамзинѣ (см. «Русскую Бесѣду», изд. 1842 г., т. III, стр. 2—38). Намъ, Русскимъ, извѣстны важныя услуги, оказанныя словесности нашей незабвеннымъ исторіографомъ: онъ образовалъ, очистилъ слогъ нашъ и послѣднимъ трудомъ, сократившимъ жизнь его, къ-сожалѣнію, неоконченнымъ, увѣковѣчилъ имя свое, не только въ любезномъ отечествѣ, но и въ Европѣ, хотя иностранцы не могутъ судить, по переводу, о красотѣ, силѣ слога Карамзина. Еще при жизни, зависть старалась увязлять чувствительное сердце его: онъ отзывалъ молчаніемъ, принимая съ благодарностію замѣчанія безпристрастныхъ, пользуюсь благонамѣренною критикою и не присвоивая себя ни-какой сторонникъ. Такъ критика всегда должна быть безпристрастна; открывая ошибки и опровергая ихъ лаными доказательствами, она приноситъ существенную пользу, ибо кто изъ смертныхъ не ошибался? Но должно ли, нападая несправедливо на знаменитаго писателя, котораго важность оковала молчаніемъ, оскорблять память его неумеренными выраженіями, называть его: историческимъ софистомъ, тщеславнымъ и краснорѣчивымъ лжеумствователемъ (стр. 24); постыдно изоображавшимъ хитрости краснорѣчія для оправданія дѣлъ Ляпунова (стр. 31), этого отератительнаго (какъ отзывается объ немъ г. Полевой) сборища преступнаго честолюбія, клеветопреступлений, отроломства, неблагодарности, гордости (стр. 30), произвольно и непонятно пристрастнымъ (стр. 37); создавшимъ славу

героя человеку того недостойному (стр. 37); спавшимъ въ грубую ошибку, которой г. Полевой не можетъ простить Карамзину (стр. 37)? Следуетъ ли основывать критическія изслѣдованія на словахъ: *вѣроятно* (стр. 10); *вѣроятно* (стр. 12); *вѣроятно* (стр. 13); *вѣроятно* (стр. 15); *вѣроятно* (стр. 15); *можетъ быть* (стр. 16); *можетъ быть* (стр. 17); *едва-ли* (стр. 19); *можетъ быть* (стр. 37)? И не самъ ли г. Полевой оканчиваетъ историческія свои изслѣдованія словами: «Судъ человѣческой судить только то, что было, но не то, что могло быть»?

Теперь рассмотримъ, справедливо ли г. Полевой, руководствующійся, какъ говоритъ (стр. 37), историческою совѣстью, опровергаетъ произвольное и пристрастное будто-бы мнѣніе Карамзина о Ляпуновѣ.

Г. Полевой винитъ исторіографа (стр. 26), что онъ, пропуская измѣну Ляпунова при Басмановѣ, приветствуетъ его, при первомъ появленіи къ шайкѣ Болотникова, именемъ мужа, *дотолъ неизвѣстнаго*, отсюда знаменитаго, созданнаго быть вождемъ и повелителемъ людей въ безначаліи, въ мятежахъ и буряхъ.

Исторіографъ началъ свое повѣствованіе о Ляпуновѣ (т. XII, стр. 33) съ того времени, какъ послѣдній явился на поприщѣ отечественной исторіи отдѣльнымъ вождемъ. Онъ писалъ *Исторію Государства Россійскаго*, а не *біографію Ляпунова*, который, при Годуновѣ, не имѣлъ никакого значенія; но, входя во всѣ подробности жизни Басманова, упомянулъ (въ XI томѣ, изд. 1824, стр. 192), что между взмѣнниками отличались ревностію *болгарскія дѣти* городовъ Рязани, Тулы, Кашеры, Алексина, и, въ примѣченіи 321-мъ, наименовалъ *Ляпуновыхъ*, следовательно, не умолчалъ объ взмѣнѣ Прокофія, еще тогда (какъ изъяснился Карамзинъ въ XII томѣ, стр. 33) *неизвѣстнаго*, умножавшаго, только, собою, толпу мятежниковъ.

Г. Полевой, на стр. 31, повторяетъ вышеприведенныя слова исторіографа: «Мужъ знаменитый, созданный быть вождемъ людей въ безначаліи, мятежахъ и буряхъ» — и говоритъ: но гдѣ же показанъ *сѣмъ дарованіи* Ляпуновъ? Въ нахвѣ съ Басмановымъ? Въ приходѣ подъ Москву съ Болотниковымъ? Въ предложеніи престола Скопину, низведеніи Василія? Въ крамолѣ потомъ подъ Москвою, гдѣ вовсе не умѣлъ управлять умами и погибъ жертвою грубой клеветы?

Исторіографъ не упоминаетъ (въ XII томѣ, стр. 33) ни о какихъ *дарованіяхъ* Ляпунова, противъ которыхъ возстаетъ г. Полевой (на стр. 31); но, по всей справедливости, даетъ Ляпунову наименованіе *знаменитаго*, и этой знаменитости, г. Полевой, со всею историческою своею совѣстью (стр. 37) не лишилъ Ляпунова, сначала мятежнаго, потомъ варнаго сына отечества, а не *крамольнаго*, до послѣдней минуты жизни, безстрашнаго, твердаго среди убійць, подъ ножами.

Когда продолжаетъ г. Полевой (стр. 26): «Ляпуновъ *продаетъ* Шуйскому товарищю бунта, сообщникъ его Истома Пашковъ получаетъ (отъ исторіографа) названіе *сителя* и *вѣрнаго слуги царскаго*».

Исторіографъ, описывая событія тѣхъ временъ, на слова не говоритъ о *продажѣ* Ляпуновымъ Шуйскому мятежниковъ, но повѣствуетъ (т. XII,

стр. 40): «что Ляпуновъ, удостовѣрившись въ обманъ, первый явился въ «столицу съ повинною; а за нимъ и вся Рязанцы.» Тайныя сношенія его съ царемъ *неизвѣстны*: онъ могъ просить у Василія помилованія, могъ оправдываться передъ нимъ, ходатайствовать за товарищей, но *не продавалъ* ихъ. Это заключеніе не подвержено никакому сомнѣнію, ибо царь *простилъ* и Ляпунова, которому далъ санъ думнаго дворянина, и всѣхъ *Рязанцевъ* (т. XII, стр. 40).

Разсмотримъ другую статью обвиненія: *Истома Пашковъ*, бунтовавшій вмѣстѣ съ Болотниковымъ и Ляпуновымъ противъ Василія, передался къ воеводамъ его съ значною частію войска (т. XII, стр. 41), и, вслѣдъ за тѣмъ, когда Болотниковъ разогналъ многочисленную рать царскую, когда всѣ обратили тылъ, только юный князь Скопинъ-Шуйскій, повѣствуетъ Карамзину (стр. 54) «и *всплылъ* Истома Пашковъ, уже вѣрный слуга царскій, упорно сражались.»—Ляпуновъ и Пашковъ принесли *повинную* въ 1606 году; битва съ Болотниковымъ, въ которой отличился Пашковъ, явивъ примѣры храбрости и вѣрности, произошла въ 1607 году: за годъ передъ тѣмъ, онъ былъ бунтовщикомъ, каковымъ Карамзинъ называетъ его (т. XII, стр. 33 и 38, — тогда заслужилъ именованія *всплыла и вѣрнаго* слуги царскаго.

•Первый удостовѣрился въ обманѣ. повторилъ (стр. 31) г. Полевой слова Карамзина, прибавляя: «Но не-уже-ли до того Ляпуновъ не зналъ обмана, онъ, *знавши*, что первый самозванецъ былъ обманщикъ?»

Это обвиненіе такъ *смѣшно*, что мы, при всемъ уваженіи къ таланту знаменитаго исторіографа, не можемъ ничего сказать въ защиту его. Г. Полевой *рѣшительно* объявляетъ, что Ляпуновъ *зналъ* перваго самозванца, какъ *обманщика!* Ему извѣстны *мысли* челоука, жившаго за двѣсти-тридцать-семь лѣтъ передъ симъ: ибо онъ ни откуда не могъ почерпнуть этого *вѣрнаго* свидѣнія о *неизвѣстномъ*, въ то время (1605 г.), дворянинъ Ляпуновъ. Самъ г. Полевой (выше, на стр. 7) протаворчнитъ себя, говоря: «что Русскіе возстали *единодушно* противъ Федора Годунова и перешли къ Самозванцу, *обольщенные тѣмъ*, что онъ *законный наследникъ Иоанна*»; и, потомъ, *изъ всѣхъ Русскихъ* включаетъ только Ляпунова, *вѣроятно*, или *можетъ-быть* (ибо нѣтъ доказательствъ), не съ тою ли цѣлю, чтобъ опровергать слова Карамзина?

•Устыдился быть союзникомъ бродягъ, холопей, разбойниковъ, безъ всякой государственной, благородной цѣли (Ист. Госуд. Рос., т. XII, стр. 39 и 40). — «Но развѣ, *восхищается* г. Полевой (стр. 32): *государственная, благородная* цѣль могла оправдать гнусное дѣло Ляпунова?»

Исторіографъ повѣствуетъ (стр. 39 и 40): «Ляпуновъ первый удостовѣрился въ обманѣ, и стыдился быть союзникомъ бродягъ, холопей, разбойниковъ, *безъ всякой государственной, благородной цѣли*, первый явился въ столицу съ повинною.»—*Государственною, благородною цѣлю* Карамзинъ, справедливо, разуметь возстаніе въ пользу вѣщеносца законнаго, каковымъ почитали тогда втораго Самозванца (Ист. Госуд. Рос., т. XII, стр. 34).

«Когда Ляпуновъ» продолжаетъ г. Полевой (стр. 26): «предлагаетъ Скопину престолъ, какъ представляетъ историографъ (т. XII, стр. 173), сіе своевольное въроломство, равно пагубное и при согласіи и при отказѣ юноши, котораго обольщалъ хитрый крамольникъ? Человѣкъ, сильный духомъ, дерзнулъ всенародно изъявить оную (мысль о новомъ царѣ).» — Человѣкъ сильный духомъ повторяетъ г. Полевой, на стр. 32: «иди и когда?»

Тогда, то есть въ 1609 году, человѣкъ, слабый духомъ, безхарактерный не рѣшился бы, именемъ Россіи, предложить, чрезъ пословъ своихъ, царство Скопину. Но историографъ не оправдываетъ своевольнаго поступка Ляпунова; говоритъ (т. XII, стр. 172): «Князь Михаилъ (Скопинъ) слушалъ царю и царству во закону и совѣсти, безъ всякихъ намѣреній властолюбія, въ невинной, смиренной душѣ едва ли плытаясь и славою» — и, вслѣдъ за тѣмъ, приступая къ описанію въроломства Ляпунова, продолжаетъ: «не такъ мыслили за него другіе, уже съ блѣдственными навыками къ перемѣнамъ, низверженіямъ и беззаконіямъ.»

«Тотъ, кто господствомъ ума своего рѣшилъ судьбу перваго бунта» — и, приведя эти слова Карамзина (т. XII, стр. 173), г. Полевой вопрошаетъ (стр. 32): «Кще равъ: когда и иди?»

Подъ Москвою — отвѣчаю: въ 1606 году, когда Ляпуновъ первый, удостоившись въ обманъ, явился въ столицу съ повинною, а за нимъ и съ Рязанцы и многіе сподвижники бунта; когда, съ прекращеніемъ страха и печали, все ожило въ Москвѣ и завидяло ревностію противъ остальныхъ мятежниковъ (Ист. Госуд. Рос., т. XII, стр. 40). Въ это время Ляпуновъ получилъ санъ думнаго дворянина.

Упомянувъ о томъ, г. Полевой говоритъ (стр. 14): что чинъ думнаго дворянина — отличіе мелкихъ дворянъ и безродныхъ гражданъ.

И здѣсь г. Полевой удалился отъ строгой справедливости: не одни мелкіе дворяне носили это званіе почетное, ибо оно давало имъ право засѣдать въ государственной думѣ, вмѣстѣ съ боярами и окольничими. Мы встрѣчаемъ въ спискѣ думныхъ дворянъ (до назначенія Ляпунова) многія древнія фамиліи: Воейкова, Татищевыхъ, Ржевскаго, князей Буйносовыхъ-Ростовскихъ, Пушкинскихъ, Измайлова, Стрешневыхъ. (См. Древнюю Рос. Вивлюевку, изд. 1791, ч. XX).

«Что дѣлалъ тогда Ляпуновъ?» продолжаетъ г. Полевой (стр. 32). «Съ толпою злодѣевъ шелъ, какъ шли Пашковъ, Сунбуловъ и другіе, къ Москвѣ; какъ они, продавалъ Болотникова, который и послѣ того принудилъ, однакожъ, самаго Шуйскаго идти въ битвы, и только, утѣшая въ названной Тушѣ, положилъ къ его ногамъ мечъ свой, удивляя мужествомъ злодѣйства? Гдѣ же господство ума — и рѣшеніе Ляпуновымъ судьбы перваго бунта?»

Ляпуновъ, какъ мы сказали выше, никого не продавалъ царю: онъ первый явился къ нему съ повинною, удостоившись въ обманъ Болотникова; не могъ продать послѣдняго, потому что продаваемый выдается, а Болотниковъ продолжалъ еще злодѣйствовать; но Ляпуновъ, примѣромъ своимъ и господствомъ ума, усилилъ многими мятежниками войско Василія и далъ ему возможность рѣшить судьбу перваго бунта; «способствовалъ успѣхамъ «и гибели опаснаго Болотникова» (Ист. Госуд. Росс., т. XII, стр. 173.)

На стр. 82-й «Беседы», т. III, г. Полевой, приводит слова историографа, что Ляпуновъ, «взвививъ Василю, загладилъ измѣну важными заслугами» (т. XII, стр. 173), вопрошаетъ: *какими?* «Не присталъ ко второму самозванцу.» — *Какъ не присталъ, и это уже называютъ: «важная услуга!»* — «Не далъ ему Рязани.» — *Ничего не понимаемъ, продолжаетъ г. Полевой: — могъ ли Ляпуновъ дать и не дать Рязань, когда онъ былъ только помощникомъ старшихъ воеводъ, сначала Лыкова, потомъ Хованскаго? И тутъ, что они дѣлали? Отбили самозванца отъ Каширы; но льтописи, хвала подаетъ Лыкова, ни слова не говорятъ о Ляпуновѣ. Еще было дѣло подъ Пронскомъ, и въ ранили Ляпунова, а пѣлаю брата его разбилъ Лисовскій. Что же послѣ сею значать слова: «не далъ Рязани»? И за то Ляпунову воздѣтъ титулъ «важнейшаго слуги отечества»!*

Историографъ, приступая къ описанію вѣроломнаго поступка Ляпунова, который дерзнулъ предложить престолъ Скопину, говоритъ (т. XII, стр. 173): «Тотъ, кто господствомъ ума своего рѣшилъ судьбу перваго бунта, «способствовалъ успѣхамъ и гибели опаснаго Болотникова, измѣнилъ Василю и загладилъ измѣну важными услугами, — не только не присталъ ко второму Лжедмитрію, но и не далъ ему Рязани. Думный дворянинъ Ляпуновъ, и проч.» — «*Какими важными услугами*» вопрошаетъ г. Полевой: «загладилъ Ляпуновъ измѣну Василю?» — Отвѣчаю словами историографа: способствовалъ успѣхамъ и гибели опаснаго Болотникова; не приставъ ко второму Лжедмитрію, когда многіе воеводы: князя Катыревъ, Трубецкій, Троекуровъ измѣнили царю, городъ за городомъ славался самозванцу и самыя войны толпами бѣжали къ нему. Въ это бѣдственное для Василя время, Ляпуновъ сразился съ мятежниками на берегахъ рѣчки Восми (въ Каширскомъ Уѣздѣ), обратилъ ихъ въ бѣгство; отбросилъ вмѣстѣ съ Булгаковымъ за тридцать верстъ; устлалъ дорогу трупами убитыхъ; взялъ многихъ въ плѣнъ (см. Примѣч. 132, т. XII, Ист. Гос. Росс.); намѣревался, съ княземъ Хованскимъ, выгнать измѣнниковъ изъ Пронска; овладѣлъ вѣшными укрѣпленіями, вломился въ городъ, но былъ тяжело раненъ въ ногу, и тогда князь Хованскій отступилъ подъ стѣны Зарайска, гдѣ Лисовскій на-голову разбилъ его (Ист. Гос. Росс. т. XII, стр. 78). Г. Полевой вопрошаетъ: «*могъ ли Ляпуновъ дать и не дать Рязань, когда онъ былъ только помощникомъ старшихъ воеводъ, сначала Лыкова, потомъ Хованскаго?*» Отвѣчаю: могъ такъ, какъ и за три года передъ тѣмъ (1606 г.), и вотъ еще доказательства: князь Хованскій, потерпѣвшій поражение, въ 1607 году, подъ Михайловымъ, былъ смѣненъ княземъ Лыковымъ, которому оставленъ товарищемъ Ляпуновъ (Примѣч. 114 къ XII т. Ист. Гос. Росс.). Лыковъ покрылъ себя славою на берегахъ Восми (т. XII, стр. 56); но, въ 1608 году, Хованскій получилъ прежнее мѣсто и, снова, былъ разбитъ мятежниками подъ Пронскомъ. Ляпунова, раненаго, отвезли въ Рязань. Тогда начальство въ этомъ городѣ перешло къ нему, и онъ остался вѣрнымъ Василю: «Въ 1609 году, изъ городовъ російскихъ, только Коломна, Переяславль-Рязанскій (нынѣшняя Рязань), Смоленскъ, Новгородъ, Нижній, Саратовъ, Казань и Сибирь не пристали къ Самозванцу» (Ист. Госуд. Росс. т. XII, стр. 128). Во второй части «Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ» (стр. 385) также упоминаютъ о военныхъ подвигахъ Ляпунова: «А на Резане Прокоеей Ляпуновъ съ товарищи Зараской

«городъ и Провескъ и Михайловъ и иные города (въ 1609 году) отъ во-
«ровъ очистилъ». Кажется, довольно заслугъ для *знаменитости*, которую
оспориваетъ у Ляпунова г. Полевой, поставляя ему въ вину и разбитіе Ля-
совскимъ пьянаго его брата!

«Безъ отвращенія описываетъ исторіографъ новый бунтъ Ляпунова, *щадитъ*
ею, когда уже оправдать не можетъ, щедрый на бранчивыя прилагательныя
другимъ, называетъ его *только*: явный злодѣй Царя, сильный духомъ болѣе,
нежели знатностію сана» («Бесѣда», стр. 27).

«Первая страшная вѣсть» повѣствуетъ исторіографъ (т. XII, стр. 215):
«пришла въ Москву изъ Рязани, гдѣ Ляпуновъ, явный злодѣй царя, силь-
«ный духомъ болѣе, нежели знатностію сана, *не обольститъ* Михаила (Ско-
«пина) *властолюбіемъ беззаконнымъ* и предвидя для себя опалу въ случаѣ
«рѣшительнаго торжества Василіева, вмѣнемъ героя върности *дерзнулъ на*
«бунтъ и междоусобіе.» Далѣе (стр. 216): «Чего хотѣлъ сей *мятежникъ?*
«Свергнуть Василія, изгнать Россію отъ Лжедмитрія, отъ Ляховъ, и быть
«государемъ ея, какъ утверждаетъ одинъ историкъ (*Беръ*); другіе пишутъ
«взрыватье, что Ляпуновъ желалъ единственно гибели Шуйскихъ, ины
«тайныя сношенія съ знатнѣйшимъ крамольникомъ бояриномъ княземъ
«Василіемъ Голицынымъ въ Москвѣ, и даже съ Самозванцемъ въ Калугѣ,
«но не долго: онъ презрѣлъ бродягу какъ орудіе срамное, вида и безъ то-
«го легкое исполненіе желаемаго имъ и многими иными *вратами Царя не-*
«счастливаго.»—*Злодѣй, обольстителъ, властолюбецъ беззаконный, дерзнув-*
шій на бунтъ и междоусобіе, мтежникъ, врагъ царя несчастнаго,—кажет-
ся, довольно прилагательныхъ! Гдѣ же *пощада*, которую винитъ исторіо-
графа г. Полевой?

«Но какія же слова найдетъ исторіографъ, когда Ляпуновъ станетъ за вра-
ное дѣло? Здѣсь Ляпуновъ первый среди всѣхъ, и когда Пожарскій едва удо-
стоивается *упомятѣніемъ*, когда подвиги Авраамія Палицына, Шенна, Филарета
остаются почти незамѣтны, Ляпуновъ является чѣмъ-то въ родѣ *мнѣнческихъ*
героевъ — все прощено ему, все причтено ему въ заслугу, даже бой Пожарска-
го въ Москвѣ (когда современники *ничего не юворятъ* о посылкѣ Пожарскаго
Ляпуновымъ) причтается въ заслугу ему, и два только лица являются побор-
никами правды: *Гермогенъ*, святой страдалецъ православія и отчизны, и ря-
домъ съ нимъ *Ляпуновъ* и — никто болѣе!» («Бесѣда», стр. 27 и 28).

Какъ! исторіографъ *едва удостоилъ упоминаніемъ* Пожарскаго? *Остатки*
почти незамѣтными подвиги Авраамія Палицына, Шенна и Филарета?
И объ этомъ утверждаетъ г. Полевой, руководствующійся *историческою*
истиною? Раскроемъ XII-й томъ «Исторіи Государства Россійскаго»: на
стр. 138, исторіографъ описываетъ побѣду, одержанную, въ 1608 году,
Пожарскимъ въ селѣ Высоцкомъ, въ 30 верстахъ отъ Коломны, надъ Ля-
товцами и нашими измѣнниками; на стр. 175: оказавшую имъ услугу вѣ-
стребленіемъ, въ 1609 году, на берегахъ Пехорки, шайки разбойниковъ;
на стр. 215 и 216: върность его царю Василію въ 1610 году; на стр. 224:
усмиреніе Зарайска; на стр. 282: военные подвиги въ Пронскѣ и у Зарай-
ска, въ 1611 году; на стр. 287: мужество Пожарскаго въ Москвѣ, въ про-

вооруженной битвѣ съ Ляхами, котарилъ оны столяилъ въ *Китай*; на стр. 291: самоотверженіе его въ новой битвѣ, на которой онъ не берегъ себя отъ мучъ и мечей, ивнеломъ отъ ранъ и палъ на землю. «Вѣрные сподвижники» говорить исторіографъ: «взвѣли и спасли будущаго спасителя Россіи: отвезли въ Лавру.»—Объ Аврамій Палицынъ: на стр. 113, исторіографъ описалъ, какъ этотъ мужъ, исполненный любви къ алощастному отечеству и къ истиннъ, склонялъ царя Василія спасти Троицкую Лавру отъ осады Поляковъ и ивмѣнниковъ; на стр. 124 — 127 помѣстилъ любовитное повѣствованіе Палицына объ ужасномъ состояніи, въ которомъ находилась тогда Россія; на стр. 147, передалъ намъ, какъ Аврамій, въ 1608 году, во время голода, отворилъ московскія житницы Троицкой Обители; на стр. 249: участіе его въ посольствѣ къ Сигизмунду; на стр. 274: причину возвращенія «единственно для того, чтобы огласить въ столицѣ и въ Россіи вѣроломство Сигизмундово», и, наконецъ, на стр. 294: какъ Аврамій, въ 1611 году, оживлялъ, подъ Москвою, сердца воиновъ, укрѣплялъ мужество ихъ. — О Шеннъ: на стр. 177 и 178, описалъ осаду Смоленска Сигизмундомъ, въ 1609 году; вѣрность, мужество, разумъ Шенна; на стр. 199: непоколебимость его во время пятимѣсячной осады; на стр. 336: непреклонность; на стр. 264: неудачные приступы Лхонъ, въ 1610 году; на стр. 277: твердость характера Шенна, дѣлвашаго время въ переговорахъ и готоваго на славную гибель; на стр. 281: упрямоте, котаримъ укорялъ его Сигизмундъ; на стр. 301: новые приступы короля къ Смоленску снова неудачные, въ 1611 году; бѣдственное положеніе осажденных; истинное героство Шенна и, на стр. 303, взятіе Смоленска.— О Филаретъ: описалъ, на стр. 120, 121, 128, 187 и 204, пльнъ его и претерпѣнныя бѣдствія при Самозванцѣ (Тушинскомъ), оказанное имъ мужество; на стр. 248, 249, 253—260, 263 и 264: посольство его къ Сигизмунду; произнесенный имъ обѣтъ передъ отъездомъ: умереть отъ ранимъ; твердость въ неволя, и, на стр. 309, упомянулъ, что Филаретъ девять лѣтъ томился внѣ отечества, вмѣстѣ съ Шеннымъ: «дожилъ, къ счастью, до свободы; дожилъ и знаменитый Шеннъ (казненный потомъ въ 1635 году за потерю сраженія подъ Смоленскомъ) къ несчастью своему и къ горести Россіи!» Смерть воспрепятствовала исторіографу описать достопамятную эпоху освобожденія Россіи и новой жизни, которую она получила подъ скипетромъ благословеннаго дома Романовыхъ; но г. Полевой и въ этомъ винить исторіографа словами: «Лапуновъ первый среди всѣхъ!» Не самъ ли г. Полевой (стр. 19 «Бесѣды») отзывался, что «Лапуновъ едва-ли не первый заговорилъ о защитѣ отчизны и православія», хотя и съ прибавленіемъ: подобно другимъ? А на стр. 33 «Бесѣды» тотъ же г. Полевой повѣствуетъ, что ежели кому обязана была Россія первымъ возстаніемъ, то, безспорно, Гермогену, защитникамъ Смоленска, Филарету, Аврамію Палицыну и архимандриту Діонисію; что ихъ вопли, ихъ грамматы подвѣли всю Русь православную; — о Лапуновъ говорить, что онъ не остался отъ другихъ, писалъ грамматы, шелъ въ походъ, когда и другіе писали грамматы и возставали. Явное противорѣчіе! Первый и не оставалъ отъ другихъ! — Что Лапуновъ (стр. 36 «Бесѣды») не былъ страшнѣе врагамъ, только храбростію, прибавляетъ г. Полевой: — героизмъ своего времени, главою

возстанія, животворящъ государственнѣй. — Не былъ страшенъ врагамъ и былъ страшенъ хитростію! Не былъ ласкою возстанія, а едва-ли не былъ перемыль! (стр. 19 «Бесѣды»). Г. Полевой винитъ историографа, что онъ даже бой Пожарскаго въ Москвѣ причитаетъ въ заслугу Ляпунову. О Пожарскомъ историографъ повѣствуетъ (т. XII, стр. 287): «звѣсивъ вѣтку ознаменованной, отраженный ли впередъ Ляпуновымъ, или собственною ревностію приведенный одушевить Москву»; следовательно, не причитаетъ *утвердительно* Ляпунову отважный подвигъ Пожарскаго. Мы опровергли досель несправедливую критику г. Полеваго; но чинитъ г. Полевой опровергнуть слова короля польскаго Сигизмунда III, который въ грамматѣ къ московскимъ боярамъ (см. «Собраніе Государственныхъ Грамотъ», Ч. 2, стр. 540) выставилъ *рядомъ* съ Эрмогеномъ Ляпунова, обвиняя ихъ *сбыть*?

«Едва Ляпуновъ далъ клятву не избирать *самоугодно* царя» пишетъ г. Полевой: «какъ ужъ и нарушилъ ее, призывая шведскаго принца? Избраніе Ляпунова въ число главныхъ вождей *ничего не доказываетъ*. Тутъ видимъ вліаніе трехъ партій: *олигархической* (ибо въ войскѣ были и князья: Трубецкаго, Масальскій, Ковловскій, Буйносовъ, Волконскій), избравшей боярина князя Трубецкаго; *казацкой сволочи*, которая уперлась на Заруцкаго; *всѣ друія званія* обратились къ Ляпунову, которому *можно не вѣрить*, но который былъ храбръ и краснорѣчивъ.» («Бесѣда», стр. 34).

О причинахъ, побудившихъ Ляпунова предложить вѣнецъ шведскому королевичу, объяснимъ ниже сего. Здѣсь рассмотримъ, справедливъ ли отзывъ г. Полеваго о выборѣ Ляпунова въ число триумвировъ. Онъ говоритъ (стр. 34), что избраніе Ляпунова въ число трехъ главныхъ вождей *ничего не доказываетъ*; что Трубецкаго выбрали *олигархи* (упомянутая о несколькихъ князьяхъ); Заруцкаго — *казацкая сволочь*; Ляпунова — *всѣ друія званія*. Какъ повѣствуетъ о томъ Карамзинъ? (Т. XII, стр. 296): «Върши выбрали Ляпунова; *чиновные мятешники тушинскіе* Князя Дмитрія Трубецкаго; *работели* казаки атамана Заруцкаго, тайно преданнаго Ляхамъ» (759 Примѣч. къ XII тому). И объ этомъ выборѣ г. Полевой отзывается: *что онъ ничего не доказываетъ!* Что Ляпунова выбрали *въ число трехъ главныхъ вождей* *всѣ друія званія* (исключая олигарховъ и казаковъ), хотя могли и не вѣрить ему. Не понимаемъ! *Досърали* Ляпунову, которому *не вѣрили*? *Всѣ сословія* выбрали Ляпунова, и это избраніе *ничего не доказываетъ!*

«Прочтите опредѣленіе триумвировъ о временномъ управленіи государствомъ» продолжаетъ г. Полевой на стр. 35 *Бесѣды*, «названное историографомъ важною, уставною грамотою, ознаменованною духомъ умѣренности, любви къ общему государственному благу и свѣдѣнія къ несчастнымъ обстоятельствамъ времени». Ничего не найдете въ сей грамотѣ, *кроме* *таинственно* *малкаго зюкма* и *ничтожнаго корытолюбія*.

«Ляпуновъ сдѣлалъ» — пишетъ Карамзинъ (въ XII томѣ, стр. 310), ссылаясь на *Льтописъ о мятешахъ* и на *Никоновскую Льтописъ*, — «къ досадѣ Заруцкаго и, даже, Трубецкаго, что *всѣ* дворяне, *дѣти* боярскія и до-

«ди служивые написали челобитную къ триумвирамъ» (отъ имени двадцати-пяти городовъ): «о собраніи Думы Земской, требуя уставовъ для благо-«устройства и казни для преступниковъ». Г. Полевой, опровергая мнѣніе историографа объ уставной грамматѣ, *умолчалъ* о томъ, что Ляпуновъ былъ виновникомъ составленія оной и утверждать, на той же 35 страницѣ, что Ляпуновъ *не умѣлъ пріобрѣсть первенства въ совьѣтахъ!* Разсмотримъ, справедливо ли заключеніе его о грамматѣ: «Она—повѣствуетъ историографъ (т. XII, стр. 311—313)—«утвердила власть триумвировъ, но «предписала имъ нравная, уставила: 1) взять помѣстья у людей сѣвѣныхъ, «которые завладѣли ими въ мятежныя времена безъ земскаго приговора, «раздать скуднымъ дѣтямъ боярскимъ или употребить доходы оныхъ на «содержаніе войска; взять также все данное княземъ Владислава или Си- «гизмунда, *сверхъ старыхъ оладовъ*, боярамъ и дворянамъ, оставшимся «въ Москвѣ съ Литвою; взять помѣстья у всѣхъ худыхъ Россіянъ, не хо- «тящихъ въ годину чрезвычайныхъ опасностей, ѣхать на службу отече- «ства или самовольно уязвляющихъ изъ московскаго стана; взять въ казну «все доходы питейные и таможенные, незаконно присвоенные себѣ въ «которыхъ *воеводами* (вроятно *Заруцкими*, упоминаетъ историографъ); «2) снова учредить вѣдомство помѣстное, казенное и дворцовое для сбо- «рровъ хлѣбныхъ и денежныхъ; 3) уравнивъ, землями и жалованьемъ, «всѣхъ сановниковъ *безъ разбора, идѣ кто служилъ*: въ Москвѣ ли, *въ Ту- «шинѣ* или *въ Калугѣ*, смотря по ихъ достоинству и чину; 4) не касаться «имѣнія добрыхъ Россіянъ, убитыхъ или плѣненныхъ Литвою, но отдать «его ихъ семействамъ или соблюсти до возвращенія плѣнниковъ; не ка- «саться также имѣнія церквей, монастырей и патриаршаго; не касаться «ничего, даннаго царемъ Василиемъ въ награду *сподвижникамъ князя Ми- «хайла Скопина-Шуйскаго* и другимъ воинамъ за верную службу; 5) на- «значить жалованье и доходы сановникамъ и дѣтямъ боярскимъ, которыхъ «помѣстья заняты или опустошены Литвою, и которые состоятъ нынѣ *со «всею землею* противъ изменниковъ и враговъ; 6) для посылокъ въ го- «рода употреблять единственно дворянъ раненыхъ и неспособныхъ къ «бою, а всѣмъ здоровымъ возвратиться къ знаменамъ; 7) кто вынѣ умретъ «за отечество, или будетъ изувѣченъ въ битвахъ, тѣхъ имена да внесут- «ся въ разрядныя книги вмѣстѣ съ неложнымъ описаніемъ всѣхъ дѣлъ «знаменитыхъ на память вѣкамъ; 8) атаманамъ и казакамъ строго запрѣ- «тить всякіе разъѣзды и насилія; а *дѣлъ корюговъ* посылать только *дворянъ «добрыхъ* съ дѣтymi боярскими. Кто же изъ людей воинскихъ дерзнетъ «грабить въ селеніяхъ и на дорогахъ, тѣхъ казнить безъ милосердія: для «чего возстановится старый Московскій *Приказъ Разбойный* или Земскій; «9) управлять войскомъ и землею тремъ избраннымъ властителемъ, *но не «казнить никою смертію и не ссылатъ безъ торжественнаго земскаго при- «говора*, безъ суда и вины законной; кто же убьетъ человека самовольно, «того лишитъ жизни, какъ злодѣя, и 10) а если избранные властители не «сбудутъ радѣть вседушно о благѣ земли и слѣдовать уставленнымъ здѣсь «сравнѣямъ, или воеводы не будутъ слушаться ихъ безпрекословно: то «сны вольны *всею землею* перемѣнить властителей и воеводъ, и выбрать «лучшихъ, способныхъ къ бою и дѣлу земскому». И въ этой грамматѣ, по

словамъ г. Полеваго, *ничего не можно найти, кроме осаднаго млыно знозма и ничтожнаго корыстолюбія!*

• А вестерпная гордость Ляпунова,—пишетъ г. Полевой, на стр. 35,—отвращавшая отъ него сердца всѣхъ и показывавшая чего должно было ожидать отъ него дазье? Исторіографъ и здѣсь напелъ *извиненіе*, если не *похвалу* своему мвному герою.

Посмотримъ, какъ *измилаетъ* исторіографъ, какъ *хвалитъ* онъ гордость Ляпунова: «Однѣ Россіянинъ былъ душою всего и залъ, казалось, за «гробъ отечества. Врагамъ иноплемечнымъ неважствый, еще *везавистый* измѣнникамъ и злодѣямъ россійскимъ, тотъ, на кого атаманъ «разбойниковъ, извергъ Заруцкій, скрежеталъ зубами—Ляпуновъ дѣйство«валъ подь ножами. Уважаемый, но *мало любимый за свою гордость*, онъ «не имлъ, по крайней мѣрѣ, *смиренія Михалова (Скопина)*; зналъ цану «себя и другимъ; *снисходилъ рѣдко, презиралъ лепо*; жилъ въ избѣ, какъ «во дворцѣ *недоступномъ*, и самыя знатныя чиновники, самыя работливые «установка въ ожиданіи его выхода какъ бы *царскаяю.*» (Истор. Государ. Россійскаго, т. XII, стр. 325 и 326.)

• Слава Богу! восклицаетъ г. Полевой (стр. 36 «Бесѣды»), Ляпуновъ и не пал на *гробъ отечества*. Боле добліе мужи явились на его мѣсто, такъ, какъ и не тамъ, гдѣ «искалъ онъ лучшаго царя для одушевленія Россіи, иноземца державнаго племени, безъ связей наслѣдственныхъ и личныя, родственниковъ «и клеветовъ, враговъ и завистниковъ между подданными», не тамъ готовило его Россія провидѣніе, но ближе: въ плъну польскомъ, въ Кремлѣ, котораго не умѣлъ добыть Ляпуновъ, тамъ будущій царь Русскій, на котораго давно уже указывалъ Гермогенъ, котораго не тронули мечи враговъ, невинный юноша, залогъ благоденствія и славы Россіи, сынъ ея и страдалецъ за нее! («Бесѣда», стр. 37).

Здѣсь г. Полевой повторяетъ слова исторіографа, съ пропускомъ только одного: *казалось*, и тѣмъ даетъ имъ превратное значеніе! Какимъ краснорѣчивымъ, образцовымъ слогомъ старается онъ убѣдить читателей: «Боле добліе мужи! Такъ, какъ и не тамъ, гдѣ! Въ Кремлѣ, *котораго не умѣлъ добыть* Ляпуновъ, тамъ будущій царь Русскій, на котораго «давно уже указывалъ Гермогенъ, *котораго не тронули мечи враговъ*, не «винный юноша». Какъ! мастытій патріархъ Эрмогенъ—*невинный юноша*? Его не *тронули* мечи враговъ? Да развѣ мечи могутъ сама-собою *тропатъ* кого-либо? *Не понимаемъ!*

• Это ли подвиги поборника правды, дѣла мужа государственнаго! «вопросаетъ г. Полевой, возставая (стр. 35) противъ гордости Ляпунова.—Ляпуновъ умѣлъ только смѣло погибнуть.

Исторіографъ описалъ бурную жизнь Ляпунова въ настоящемъ видѣ, безпристрастно: отдавалъ добро отъ ала, обнаружилъ преступленія, далъ вѣсь настоящимъ заслугамъ. Сначала, мы видимъ въ этомъ необыкновенномъ чловѣкѣ *млыжника неблагодарнаго*: онъ измѣнилъ царю Феодору Годунову, въ 1605 году (Примѣч. 321, т. XI, Истор. Государ. Рос.);

измѣнилъ, въ 1606 году, царю Василю Шуйскому въ пользу втораго Димитрія: отправилъ въ Путиваль, на смерть: рязанскаго наместника, боярина князя Черкаскаго, воеводъ: князя Тростенскаго, Вердеревскаго, князя Каркадинова, Измайлова (т. XII, стр. 34); участвовалъ въ опустошеніи Коломны и окрестностей Москвы; въ мятежныхъ обнародованіяхъ противъ Василя (т. XII, стр. 38); но, тщетно ожидая мнимаго Димитрія, убѣжденный грамматами патріарха и святителейъ, удостоверился въ обманъ, оставилъ Болотникова и *первый* явился въ столицу съ повинною; а за нимъ и всѣ Рязанцы, Сумбуловъ и другіе (стр. 39 и 40). Василій простилъ ихъ и далъ Ляпунову санъ думнаго дворянина. Онъ содѣйствовалъ потомъ (1607 г.), князю Лыкову въ пораженіи мятежниковъ на берегахъ Восми (примѣч. 132 къ XII тому); намѣревался (въ 1608 г.) выгнать ихъ изъ Пронска: овладѣлъ высшими укрѣпленіями, вломился въ городъ, но былъ тяжело раненъ въ ногу (т. XII, стр. 78); снова измѣнилъ Василю (котораго самъ г. Полевой называетъ, на стр. 8, *робкимъ и слабодумнымъ*), желая Россіи царя лучшаго и, чрезъ пословъ своихъ, предложилъ (въ 1609 году) вѣнецъ герою Скопину. Василій, во второй разъ, простилъ Ляпунова (т. XII, стр. 173); но послѣдній, неблагодарный, клятвопреступный, *предвидя* — какъ говоритъ историографъ на стр. 215 — *неминуемую для себя тѣлу въ случаѣ рѣшительнаго торжества Василюва*: объявилъ (въ 1610 году) всенародно царя: убійцею и отравителемъ Скопина; возстановилъ противъ Василя Княжество Рязанское, кромѣ Зарайска, гдѣ находился вѣрный князь Пожарскій (т. XII, стр. 215); сносился съ измѣнниками и съ Самозванцемъ (стр. 216); возмущалъ другіе города, крамольствуя и въ столицѣ, волнуемой отчаяніемъ (стр. 223); отсталъ отъ Самозванца и, чрезъ брата своего, склонялъ Москвитянъ: *оставить Василя, избрать новаго царя и ополчиться противъ Лявовъ, обнадѣживая, что Лжедимитрій будетъ выданъ* (стр. 226). Приговоромъ Думы, Василій былъ лишенъ престола (стр. 228 и 229). Въ это смутное время взялъ верхъ надъ Ляпуновымъ князь Фѣдоръ Мстиславскій, *чуждый* — какъ изъясняется историографъ, на стр. 233 — *властолюбилъ и лозней*: онъ торжественно объявилъ боярамъ, духовенству, всѣмъ чинамъ и гражданамъ, что, для спасенія царства, должно вручить скипетръ... Владиславу. Гетманъ Жолкъвскій стоялъ подъ Москвою; Самозванецъ спѣшилъ къ столицѣ, расположился уже станомъ въ селѣ Коломенскомъ; Жолкъвскій могъ забыть Москву отъ злодѣевъ; каждый часъ былъ дорогъ — и большинство голосовъ въ думѣ, на самомъ лобномъ мѣстѣ, рѣшило: «принять советъ Мстиславскаго!» (стр. 234—236). Гетманъ подписалъ условія въ пользу вѣры, древнихъ обычаевъ, законовъ русскихъ (стр. 237 — 241); присягнулъ въ вѣрномъ соблюденіи ихъ, за короля и королевича, Республику Польскую и Великое Княжество Литовское, за себя и за войско (т. XII, стр. 242). Бояре и сановники, дворянство и купечество, воины и граждане, числомъ не менѣе трехъ сотъ тысячъ, также присягнули (стр. 243). Оставленный Сапѣгою, Самозванецъ обратился въ бѣгство въ Калугу (стр. 246). Къ Сигизмунду отправлено великое посольство съ хартією Владиславова избранія и съ утварью царскою для Владислава (стр. 248). Въ свитѣ представителей народа, находился *Захарій Ляпуновъ*, братъ Прокозія, дерзнувшій поднять руку на Василя,

великій ростомъ, силы необычайной, дерзкій и лудавый (стр. 229 и 273). Отъ посланъ Ирокофіемъ, ревностнымъ противникомъ Владислава царствовавша, чтобъ наблюдать, выведывать и тайно взвѣщать обо всемъ (стр. 273). Поляки, между-тѣмъ, заняли Москву (стр. 250); несчастный Василій находился въ рукахъ ихъ, какъ-бы заложникомъ (стр. 251). Вскорѣ великіе послы, долженствовавшіе возвратиться въ Москву съ Владиславомъ и склонить его къ принятію греческой вѣры, уезжали подъ Смоленскомъ, отъ вельможъ королевскихъ, «что Владиславъ малолѣтній не можетъ утронить Царства омагеннаго; что Сигизмундъ долженъ прежде угадывать оное: и занять Смоленскъ, будто бы преклонный къ Лжедмитрію; «что не слѣдуетъ разделять отца съ сыномъ; что Смоленскъ долженъ принадлежать имъ обоимъ» (стр. 255 и 256). Наконецъ, послѣ многихъ переговоровъ, объявлено посламъ: «что король *осалуетъ* сына на престолъ московскій, но не прежде, какъ занявъ Смоленскъ, *мстребивъ Лжедмитрія и совершенно умиривъ Россію...*» (стр. 259). Честолюбивый Жолкъвскій сдалъ начальство Госьевскому и отправился къ королю, для личнаго объясненія, взявъ съ собою несчастнаго Василя (стр. 260 и 261): тщетно старался гетманъ склонить Сигизмунда на свою сторону — Сигизмундъ, желая самъ быть царемъ, не соглашался утвердить его договора (стр. 262); возобновилъ неудачные приступы къ Смоленску (стр. 264); отъ *собственной* имени давалъ указы Думѣ о вознагражденіи бояръ и сановниковъ, въ яму усердныхъ: Салтыковыхъ, Мосальскаго, Хворостянина, Мещерскаго, Долгорукаго, Молчанова, печатника Грамотина и другихъ; жаловалъ чины и мѣста, земли и деньги; однимъ словомъ, уже дѣйствовалъ какъ властелинъ Россіи, не имѣя ни тѣни права, — и Дума уважала его волю, какъ-будто-бы верзальную съ волею царя малолѣтнаго!.. (стр. 267). Въ столицѣ господствовали Ляхи и въ ней только они вели себя благородно; но въ другихъ городахъ, грабили, жгли, мучили, убивали Россіянъ. Шведскій генералъ Делагарди занялъ Ладогу, осадилъ Кексгольмъ, торжественно предлагалъ, безъ вѣдома своего короля, одного изъ шведскихъ принцевъ въ государи, вмѣсто Владислава. Въ Псковѣ, именемъ Лжедмитрія, злодѣйствовалъ Лисовскій (стр. 268). Великія-Луки, заняты измѣнникомъ Просовецкимъ, Яма, Иванъгородъ, Копорье, Орѣшекъ также упорствовали въ вѣрности Самозванцу, отъ ненависти къ Ляхамъ. Казань пристала къ нему (стр. 269). Самозванецъ угрожалъ, изъ Калуги, Москвѣ и Сигизмунду, мучилъ Ляховъ, захватываемыхъ его шайками въ раззѣдахъ (стр. 270) и скорѣй умерщвленъ княземъ Нагѣйскимъ, Арасланомъ Урусовымъ (стр. 271). Тогда — повѣствуетъ Карамзинъ — два мужа, избранные Провидніемъ начать великое дѣло... и быть жертвою оного, бодрствовали за Россію: одинъ старецъ ветхій, но адамантъ церкви и государства — патриархъ Ермогенъ; другой, кривій мышцею и духомъ, *стремительный на пути закона и беззаконія* — Ляпуновъ Рязанскій. Первому надлежало увнчать свою добродѣтель: второму *примириться съ добродѣтелью*. Ляпуновъ *враждовалъ*, Ермогенъ усердствовалъ *несчастному Шуйскому*: новыя бѣдствія отечества согласили ихъ. Оба, уступивъ силѣ, признали Владислава, не съ условіемъ — и не безмолствовали, когда, нарушил договоръ, гетманъ овладалъ столицю. Ляпуновъ зналъ все, что дѣлалось

въ королевскомъ станѣ, гдѣ братъ его, въ личинѣ немѣнника, пировалъ съ вельможными панами, грубо смѣялся надъ посланцами нашими, винилъ ихъ въ упрямствѣ и обманывалъ Ляховъ (Т. XII, стр. 272 и 273). Ериогень, въ искреннихъ бесѣдахъ съ людьми надежными, Ляпуновъ въ перепискѣ съ духовенствомъ и чиновниками областей (Ляпуновъ склонилъ на свою сторону не только всѣхъ Рязанцевъ, но и жителей городовъ: Тулы, Владиміра, Суздаля, Калуги, Ярославля, Нижняго, Костромы, Вологды, областей низовыхъ, степныхъ, восточныхъ и северныхъ до пустынь сибирскихъ. *Примѣч.* 678 къ XII Тому и стр. 276 и 280 того жъ тома, убѣждали ихъ не терпѣть насилія иноплеменниковъ (стр. 274). Патріархъ объявилъ торжественно, что Владиславу не царствовать, *если не крестится въ нашу вѣру* и не вышлетъ всѣхъ Ляховъ изъ Державы Московской (стр. 275). Боярская Дума донесла Сигизмунду на Ляпунова, какъ на мятежника, требуя казни его брата и единомышленника, Захарія; велѣла послать, Филарету и Голицыну, уважать Сигизмундову волю и вѣхать въ Литву къ Владиславу, если такъ будетъ угодно королю. Но Филаретъ и Голицынъ уже все знали и благопріятствовали великому начинанію Ляпунова; замѣтили, что грамота боярская не скрѣплена патріархомъ, и не хотѣли повиноваться (стр. 276 и 277). Въ это время войско союзныхъ городовъ близъ Владиміра встрѣтило и разбило Куракина. Сильнѣе междуусобнымъ кровопролитіемъ рухнула государственная власть Думы (въ 1611 году). Ляпуновъ остановилъ всѣ доходы казенные и не велѣвъ пускать хлѣба въ столицу, всенародно объявилъ вельможъ сыновята богоотступниками, *преданными славы міра и враждебному Замаду, не пастырями, а губителями христіанскою стада* (Т. XII, Истор. Госуд. Рос., стр. 277 и Собран. Госуд. Грам., Ч. 2, стр. 497). Тщетно Михайло Салтыковъ требовалъ, чтобъ Ериогень не велѣлъ ополчаться Ляпунову. *Не вѣлю* — отвѣтствовала патріархъ—*если увижу крещеннаго Владислава въ Москвѣ и Ляховъ выходящихъ изъ Россіи; вѣлю, если не будетъ того, и разрышаю всѣхъ отъ данной королевичу приелии* (Т. XII, стр. 279). Ляпуновъ, имѣя еще мало рати; выгналъ толпы непріятельскія изъ Пронска, но чрезъ нѣсколько дней былъ осажденъ ими въ семь городъ, и спасенъ княземъ Дмитріемъ Пожарскимъ, уже ревностнымъ его сподвижникомъ (Т. XII, стр. 282). Рать Ляпунова и другихъ областныхъ начальниковъ была странною смѣсью людей воинскихъ и мирныхъ, гражданъ съ бродягами и хищниками, которые искали единственно добычи подъ знаменами силы, законной или незаконной: къ нему присоединились потомъ: атаманъ Просовецкій, съ шестью тысячами казаковъ; князь Дмитрій Трубецкой, атаманъ Заруцкій и вся осталая дружина тушинская (Т. XII, стр. 283). Около трехъ мѣсяцевъ готовилась—и, наконецъ, въ мартѣ (1611 г.) выступила къ Москвѣ: Ляпуновъ изъ Рязани, князь Дмитрій Трубецкой изъ Калуги, Заруцкій изъ Тулы, князь Литвиновъ-Мосальскій и Артемій Измайловъ изъ Владиміра, Просовецкій изъ Суздаля, князь Федоръ Волковскій изъ Костромы, Иванъ Вольинскій изъ Ярославля, князь Козловскій изъ Романова, съ дворянами; дѣтьми боярскими, стрельцами, гражданами, земледѣльцами, Татарамъ и казаками; шли бодро, но тихо—и сія, вѣроятно *невольная*, неминуемая по обстоятельствамъ *медленность* (войскъ не устроенныхъ и чуждыхъ взаим-

ней доваренности) имела для Москвы ужасное следствие (Т. XII, стр. 284): 19 и 20 марта произошло кровопролитие въ столицѣ между Ляхами и Россіянами, ознаменованное мужествомъ князя Дмитрія Пожарскаго, отчаянною обороною Госьянскаго, который, съ семью тысячами воиновъ, сражался противъ двухъ сотъ или трехъ сотъ тысячъ жителей (Т. XII, стр. 286 и 287) и сильнѣмъ пожаромъ, превратившимъ Москву въ *тромаду зои* — какъ въясняется историографъ (стр. 291). Прибывшій отъ Ляпунова воевода Иванъ Плещеевъ, съ легкою дружиною, обращенъ былъ въ бѣгство королевскимъ полковникомъ Струсомъ (Т. XII, стр. 290); неустрашимый Пожарскій взнемогъ отъ ранъ и палъ на землю (стр. 291); Патріархъ Ермогенъ, твердый, непреклонный, томился въ тѣсномъ заключеніи; жители разсыпались по дорогѣ къ Лаврѣ, Владимиру, Коломнѣ, Тулѣ; ревностные иноки Троицкой Лавры умилительными грамматами заклинали областныхъ воеводъ угасить дымящійся пепелъ Москвы кровію измѣнниковъ и Ляховъ: воеводы уже не медлили. 25 марта атаманъ казаковъ Просоветскій сразился, на владимірской дорогѣ, съ Ляхами; но побѣда осталась на сторонѣ послѣднихъ. 26-го пришелъ Ляпуновъ отъ Коломны, Заруцкій отъ Тулы; соединившись съ другими воеводами близъ обителей Угрюшской, и 28 числа двинулись къ пещелищу московскому, въ числѣ ста тысячъ человекъ (Т. XII, стр. 294). Непріятель отступилъ къ Китаю и Кремлю. Ляпуновъ сталъ на берегахъ Яузы, князь Дмитрій Трубецкой съ атаманомъ Заруцкимъ противъ Воронцовскаго Поля, ярославское и костромское ополченіе у Воротъ Покровскихъ, Измайловъ у Сретенскихъ, князь Литвиновъ-Мосальскій у Тверскихъ, внутри обожженныхъ стѣнъ Бѣлаго-Города. Тутъ, на завоеванныхъ кучахъ пепла, водрузивъ знамена, войны и воеводы съ торжественными обрядами дали клятву: не чтить ни Владислава царя, ни бояръ московскихъ правителями, служить церкви и государству до избранія государя новаго, не крамольствовать ни дѣломъ, ни словомъ, — блюсти законъ, тишину и братство, ненавидѣть единственно враговъ отечества, злодѣевъ, измѣнниковъ, и сражаться съ ними усердно. Битвы начались. Дѣлая вылазки, осажденные дѣвись несметности Россіянъ и еще болѣе умнымъ распоряженіемъ Ляпунова (Примѣч. 742 къ XII тому. Историографъ ссылается на *Дневникъ Машкельвича* и на *Рукоп. Филар.*), который въ битвѣ 6 апрѣля стяжалъ имя *львообразнаго* стратига: его звучнымъ голосомъ и примѣромъ одушевляемые, Россіане кидались паше на всадниковъ, рѣзались человекъ съ человекомъ и, втѣснивъ непріятеля въ крѣпость, ночью заняли берегъ Москвы-рѣки и Неглинной (Томъ XII, стр. 295). Тогда измѣнники и самъ Госьяскій снова преступили къ Ермогену съ увѣщаніями, чтобъ онъ велѣлъ Ляпунову и сподвижникамъ его удалиться. «Пусть удалится Ляхи!» отвѣчалъ патріархъ. Грозилъ ему злою смертію. Старецъ указывалъ имъ на небо, говоря: «боюся Единого, тамъ живущаго!» Къ-несчастью, между воеводами господствовало несогласіе. Рѣшились торжественно избрать начальника; но, вмѣсто одного, выбрали трехъ: вѣрныя Ляпунова, чиновные мятежники тушинскіе князь Дмитрія Трубецкаго, грабители-казаки атамана Заруцкаго (Томъ XII, стр. 296). Сіи ратные триумферы сдѣлались и государственными: ибо войско представляло Россію. Они писали указы въ города: Казань, стѣлаась

своего заблужденія, снова присоединилась къ отечеству и выслала дружины къ Москвѣ; области Низовыя и *Поморскія* (такъ назывались земли сѣверной части Россіи, отъ Балаго и Ледовитаго Моря. Примѣч. 635 къ XII Тому) также. Пришелъ и Саяга съ своими тайками и занялъ Поклонную Гору, объявляя себя другомъ Россіи. Ему не вѣрили; предложенія его выслушали, но отвергнули (Томъ XII, стр. 297). Онъ вступилъ въ неравный бой и удалился къ Переяславу, чтобъ грабить внутри Россіи. Вслѣдъ за нимъ Ляпуновъ отрядилъ нѣсколько легкихъ дружинъ: Саяга разбѣжалъ въ Александровской Слободѣ. Между-тѣмъ, Лахи, громкими восклицаніями, звономъ колоколовъ, стрельбою изъ пушекъ и ружей праздновала, въ Кремль и Китай, счастливую вѣсть о скоромъ прибытіи къ нимъ гетмана съ сильнымъ войскомъ—вѣсть еще несправедливую, которая рѣшила Ляпунова и товарищей его не медлить. 22 мая начался приступъ къ Китаю-Городу (Томъ XII, стр. 298): Ляпуновъ, вездъ первый (стр. 299. Исторіографъ ссылается на *Дневникъ Машкѣвича*); и Трубечкой, послѣ жаркаго кровопролитія, очистилъ весь Бѣлый Городъ, взялъ укрѣпленія на Козьмѣи Болотѣ, башня Никитскую, Алексѣевскую, Ворота Тресвятскія, Чертольскія, Арбатскія. Черезъ пять дней сдался имъ и Дѣвичій Монастырь съ двумя ротами Ляховъ и плтью стами Нѣмцевъ. Въ то же время Ляпуновъ (Рукопись Филарета. Примѣч. 759 къ XII Тому) сдѣлалъ укрѣпленія за Москвою-Рѣкою и велѣлъ стрѣлять изъ нихъ въ Кремль, пренативовалъ сношенію осажденныхъ съ Сигизмундомъ (Т. XII, стр. 299). Король стоялъ подъ Смоленскомъ, отправилъ въ Литву пословъ нашихъ, несогласившихся писать къ Ермогену, воеводамъ и войску *объ умилѣніи кровопролитія* (стр. 300), хвалился, въ письмахъ къ боярамъ московскимъ, своею милостію къ Россіи, благодарилъ за ихъ вѣрность и *непричастіе къ бунту Ермогена и Ляпунова* (*) (Т. XII, стр. 301), возобновлялъ неудачные приступы. Уже двадцать мѣсяцевъ продолжалась осада Смоленска; осталась едва пятая доля защитниковъ, не столько отъ ядеръ, пуль и сабель непріятельскихъ, сколько отъ трудовъ и болѣзней; бѣглець, Андрей Дедишинъ, указалъ Ляхамъ слабое мѣсто крѣпости, новую стѣну, лѣзанную въ осень на-скоро и непрочно. Сію стѣну безпрестанною пальбою обрушили, и въ полночь (3 іюня 1611 г.) непріятель вломился въ крѣпость. Доблій Шеннъ еще сражался, среди развалинъ и пылавшихъ зданій, но слезы жены, юной дочери и сына малолѣтняго склонили его сдать Потопцому (Т. XII, стр. 301—303). Восхищаясь своимъ блестящимъ успѣхомъ, Сигизмундъ уехалъ въ Варшаву: тамъ Жолкѣвскій представилъ ему державнаго пльничка, несчастнаго Шуйскаго. Въ это время, воеводы

(*) Учинилось намъ вѣдомо, по вражью дѣйству и умыслу лихихъ людей.— писалъ король къ боярамъ московскимъ, въ апрѣлѣ 1611 года,—которые не хотѣли видѣти въ христіанствѣ покою и тишины, учла быти въ Московскомъ Государствѣ въ годѣхъ многая смута, что будто мы государь сына своего на ваше Государство дати не хотимъ, а хотимъ будто Московскаго Государства достигати къ Польшѣ и къ Литвѣ, и после того, по силке і по умышленію Ермогена Патриарха Московскаго съ Прокопиемъ Ляпуновымъ, почала на Москвѣ во всякихъ людехъ быти великая смута и проч. *Собраніе Госуд. Грамотъ*, Ч. II, стр. 340.

московскаго сана могли бы одолеть упорную защиту Гостыевского, если бы они действовали съ единодушною ревностію; но съ Ляпуновымъ и съ Трубецкимъ сидѣлъ въ советѣ и начальствовалъ въ битвахъ атаманъ Зарудкій, сильный числомъ и дерзости своихъ казаковъ — разбойниковъ, дозволявшій имъ опустошать селенія, жечь грабежомъ, какъ бы въ землѣ неприятельской (стр. 309) и посягавшій на царство! Марша была въ рукахъ его: онъ обыскалъ ей возсѣсть Лжедмитріева сына-младенца на престолъ и, въ качествѣ правителя, властвовать съ нею! Лицемерно приставъ къ Трубецкому и Ляпунову, Зарудкій дружелюбно сносился съ Гостыевскимъ, обманывалъ Россіяны и Ляховъ, искалъ единомышленниковъ въ пользу Лжецаревича Іоанна, между людьми чиновными, и находилъ. Ковъ огласился, надлежало обуздать беззаконія, и Ляпуновъ одинъ, безъ слабаго Трубецкаго, сдѣлалъ, что всѣ дворяне, дѣти боярскія и люди служивые написали челобитную къ триумвирамъ о собраніи Думы Земской, требуя уставовъ для благоустройства и казни для преступниковъ (Т. XII, стр. 310. Исторіографъ ссылается, въ Прилѣжч. 792, на *Лѣтоп. о Митреж.* и на *Никон. Лѣтоп.*). Уставная грамота (смотри выше) утвердила власть триумвировъ, но предписала имъ правила. Тогда Ляпуновъ занялся главнымъ дѣломъ: вопросомъ, гдѣ искать *лучшаго* царя для одушевленія Россіи? Подобно Мстиславскому, страшась видѣть соотечественника на престолѣ, окруженнаго родственниками и клеветами, врагами и завистниками, онъ остановилъ мысль свою на иноземцѣ державнаго племени и, ненавидя Ляховъ, обманувшихъ насъ, питавшихъ къ намъ вражду, рѣшился испытать соседственныхъ Шведовъ (Т. XII, стр. 313). Кексгольмъ находился въ рукахъ ихъ. Ляпуновъ отправилъ къ генералу Делагарди воеводу Бутурлина, князя Троекурова, думнаго дворянина Собакина и дѣла Васильева. Переговоры начались въ ставѣ шведскомъ, близъ Хутынской Обители. Делагарди требовалъ, прежде всего, въ залогъ нашей искренности, денегъ и крѣпостей: Оршкя, Ладога, Ямы, Копорья, Ивана-Города, Гдова. Наученный обманомъ Сигизмунда, Ляпуновъ не думалъ дѣлиться Россіею съ Шведами, соглашался, однакожъ, впустить ихъ въ Невскую Крѣпость и видать имъ нѣсколько тысячъ рублей изъ казны Новгородской, если они поспѣшатъ къ Москвѣ, чтобъ вмѣстѣ съ вѣрными Россіянами очистить ея престолъ отъ тѣни Владиславовой, для Филиппа (сына короля шведскаго), (Т. XII, стр. 316 — 317). Все зависѣло отъ Делагарди, какъ прежде отъ Сигизмунда, и Делагарди сдѣлалъ то же, что Сигизмундъ: предпочелъ городъ державѣ! По тайному совѣту легкомысленнаго Бутурлина, шведскій генералъ вломился ночью, съ 15 на 16 іюля, въ Новгородъ и заключилъ (17 числа) отъ имени Карла IX съ митрополитомъ Исидоромъ и воеводою бояриномъ княземъ Одоевскимъ договоръ, которымъ они, отъ имени Новагорода, признали короля своимъ защитникомъ и покровителемъ, а сына его царемъ великимъ княземъ владимірскимъ и московскимъ, съ тѣмъ, чтобъ Швеція общими силами противилась Сигизмунду и наследникамъ его; а Делагарди, третью статью, *обязывалъ и Государство Московское признать своимъ покровителемъ короля шведскаго и наследниковъ его*, обычай, что въ такомъ случаѣ Карлъ IX дастъ сына своего въ цари (т. XII, стр. 319 — 324). Бутурлину, участвоващій въ ограбленіи Новагорода, возвратился

въ станъ московскій въ то время, когда онъ представлялъ уже не Россію вооруженную, а мятежное скопище людей буйныхъ, между которыми честь и добродетель въ слезахъ и въ отчаяніи укрывались! Одинъ Россіянинъ былъ душею всего, и палъ, казалось, на гробъ отечества (стр. 325). Хиппники, унижаемые Ляпуновымъ, пылали злобою и замыслили убійство въ надеждѣ угодить многимъ личнымъ непріятелямъ сего величаваго мужа. Первое покушеніе обратилось ему въ славу: 20 казаковъ, иннутыхъ воеводою Плещеевымъ въ рѣку за разбой близъ Угряшской Обители, были спасены ихъ товарищами и приведены въ станъ московскій. Сдѣлался мятежь: грабители, вступаясь за грабителей, требовали головы Ляпунова. Видя остервененіе злыхъ и холодность добрыхъ, онъ, въ порывѣ негодованія, съѣлъ на коня и выѣхалъ на рязанскую дорогу, чтобъ удалиться отъ недостойныхъ сподвижниковъ. Казаки догнали его у Симонова Монастыря, но не дерзнули тронуть: напротивъ того, убаждали остаться съ ними. Онъ ночевалъ въ Никитскомъ Укрѣпленіи, гдѣ въ слѣдующій день явилось все войско: кричало, требовало, слезно молило именемъ Россіи, чтобъ ея главный поборникъ не жертвовалъ ею своему гнѣву. Ляпуновъ смягчился, или одумался: занялъ прежнее мѣсто въ станѣ и въ советѣ, одолевъ враговъ, или только углубивъ ненависть къ себѣ въ сердца ихъ (Т. XII, стр. 326. Исторіографъ, въ 818 примачаніи, осымается на *Никон. Летоис.* и на *Летоис. о Мятеежахъ*). Мятежь утихъ; возникъ гнусный къбъ, съ участіемъ и вѣшняго непріятеля. Имѣя тайную связь съ атаманомъ-триумвиромъ (*Заруцкимъ*), Гоевскій изъ Кремля подалъ ему руку на гибель чело-вѣка, для обоихъ страшнаго: выѣздъ умыслили и написали, именемъ Ляпунова, указъ къ городскимъ воеводамъ о немедленномъ истребленіи всѣхъ казаковъ въ одинъ день и часть. Сію подложную, отнятую, будто-бы, у гонца бумагу, представилъ товарищамъ атаманъ Заварзинъ: рука и печать казались несомнительными. Звали Ляпунова на сходъ; онъ медлилъ; наконецъ, увѣренный въ безопасности двумя чиновниками, Толстымъ и Потемкинымъ, явился среди шумнаго сборища казаковъ; выслушалъ обвиненія; увидѣлъ грамматику и печать, сказалъ: «писано яе мною, а врагами Россіи»; свидѣтельствовался Богомъ; говорилъ съ твердостью; смыкалъ уста и буйныхъ, не усомысливъ единственно злодѣевъ: его убили, и только одинъ Россіянинъ, личный непріятель Ляпунова, Иванъ Ржевскій, сталъ между нихъ и ножами, ибо любилъ отечество, не хотѣлъ пережить такого убійства, и великодушно пріимъ смерть отъ изверговъ (Т. XII, стр. 327. См. *Летоис. о Мятеежахъ*): жертва единственная, но драгоценная, въ честь героя своего времени, главъ возстанія, животворца государственному, по его великая тѣнь, уже примиренная съ закономъ, является лучезарно въ преданіяхъ исторіи, а тѣло, искаженное злодѣями, осталось, можетъ-быть, безъ христіанскаго погребенія и служило пищою врагамъ, въ упрекъ современникамъ неблагодарнымъ, или малодушнымъ, и къ жалости потомства (Ист. Гос. Росс., т. XII, стр. 328)! Слѣдствія были ужасны. Не умѣвъ защитить мужа силы, достойнаго стратига и *властителя* (такъ называютъ Ляпунова и въ *Рукописи Филаретовой*: «всего московскаго воинства властель». См. 742 Примач. къ XII тому Ист. Гос. Росс.), войско пришло въ неописанное смятеніе; надежда, довѣренность, мужество, устройство

исчезли. Злодѣйство и Заруцкій торжествовали; грабительства и смертоубійства возобновились не только въ селахъ, но и въ станѣ, гдѣ неистовые казаки, расхитивъ имѣніе Ляпунова и другихъ, умертвили многихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ. Многіе вояны бѣжали изъ полковъ, думая о жизни болѣе, нежели о чести, и вездѣ распространили отчаяніе; лучшіе, благороднѣйшіе искали смерти въ битвахъ съ Лядами... Въ сіе время явилася Сапѣга отъ Переяслава, а Госьвскій сдѣлалъ вылазку: напали дружно и снова взяли все отъ Аленскавской Башни до Тверскихъ Воротъ, весь Бѣлый-Городъ и весь укрѣпленія за Москвою-рѣкою. Россіане вездѣ противились слабо, уступивъ малочисленному неприятелю и Монастырь Давидіи. Сапѣга вошелъ въ Кремль съ побѣдою и съ запасами. Хотя Россія видѣла еще знамена на печи столицы, но чего могла ждать отъ войска, коего гравыми главами оставались тушинскій лжебояринъ (князь Трубецкой) и злодѣй, сообщникъ Маринны, ввязъ съ измѣнниками, атаманомъ Просовецкимъ и другими, не воинами, а разбойниками и губителями?» (Т. XII Истор. Госуд. Росс., стр. 329. Исторіографъ, въ Примѣчаніяхъ 821, 822 и 823, ссылается на *Аврамъ Пашчина*, *Никол. Лытописъ* и на *Дневникъ Машковска*).

И г. Полевой называетъ (на стр. 35 «Бесѣды») эти подвиги Ляпунова *не подвизами поборника правды, не дѣлами мужа государственнаго!* Говорить (на стр. 36), что *Ляпуновъ не былъ героемъ своего времени, главою возстанія, животворящимъ государственнымъ!* Что онъ (стр. 35) *умѣлъ только смѣло поибкнуты!* Что востерпимая гордость *отератила отъ него сердца волю* (стр. 35); а на стр. 22 упоминаеть, что *никто не скрывалъ скорби о погибелѣ Ляпунова; что торесто оплакивали его и честно похоронили на погостѣ церкви Благовѣщенія (которая, по придѣльной церкви во имя пророка Ілїи, болѣе извѣстна подъ именемъ церкви Ілїи Пророка на Воронцовскомъ Поля). Ненавидѣли и скорбили о погибелѣ, торесто оплакивали злодѣя, каковымъ г. Полевой представляетъ Ляпунова, умѣшало только смѣло поибкнуты!* Какъ согласить эти обвиненія съ слѣдующимъ повѣствованіемъ г. Полеваго (стр. 22 и 23), что «событія въ таборѣ московскомъ «увеличили скорбь о Ляпуновѣ; вскаръ исчезъ послѣдній порядокъ; войско «только грабило и буйствовало. Поляки выгнали Русскихъ изъ Бѣлаго-Города. Многіе изъ воеводъ присягнули московскому самозванцу, а Заруцкій сыну Маринны. Русскій таборъ представлялъ позорное зрѣлище разврата, пьянства, игры, злодѣйства.» Этими словами не соплетаетъ ли г. Полевой, въ явное себѣ противорѣчіе, вѣнецъ хвалы Ляпунову, мужу, какъ описываетъ онъ его, *не государственному, не потребному сыну Россіи, созданію, достойному дружицъ презрительныхъ его современниковъ* (стр. 30 «Бесѣды»), *умѣшему только смѣло поибкнуты* (?) Но не одинъ г. Полевой бранить Ляпунова: бранили его и угодики сѣвизмундовы, болре князя Мстиславскій, Кураинъ, Лыковъ съ товарищами: «А то вы всѣ сами разумѣете і вѣдите» писали они въ январь 1612 года къ костром-

(*) Г. Полевой пишетъ (стр. 29 «Бесѣды»), что «могила Ляпунова давно была известна, и непонятно почему исторіографъ изъявлялъ горестъ о невозданіи почести праху его, когда у него въ рукахъ была лѣтописъ, гдѣ говорится о мѣстѣ погребенія Ляпунова».

скимъ воеводамъ, склоняя ихъ на свою сторону: «Божью милость надъ Великимъ Государемъ нашимъ Его Царскимъ Величествомъ (*Владиславомъ*), «и Его Государскую правду и счастье: которой былъ большой заводца «Прокоей Ляпуновъ, отъ котораго большая крестьянская кровь начала «литься и Московское Государство до конца пустошится, и того ть во- «кры, которые с нимъ были в томъ воровскомъ заводе, Івашка Заруцкой «с товарищи, убили, и тѣло его держали собакамъ на снаденъе на пло- «щади три дни» (Собр. Гос. Грам. Ч. 2, стр. 584). — Исторіографъ при- держался этого засвидѣтельствованія бояръ-очевидцевъ.

Въ заключеніе, приведу отзывъ о Ляпуновѣ современника его *Кобър- жицкаго*, человека враждебнаго Россіи. Повѣствуя (въ *Исторіи Влади- слава*) объ убіеніи Ляпунова и забывая ненависть послѣдняго къ Поля- камъ, онъ называетъ его самымъ мужественнымъ и сильнымъ воеводою русскимъ, который съ тѣлесною красотою соединялъ заботливость въ дѣ- лать, заслужилъ въ народѣ славу искуснаго и опытнаго полководца.

Судь человеческій судить только то, что было, но не то, что могло быть.

Д. ВАНТЫШЪ-КАМЕНСКІЙ.

5 сентября
1842 года.

ПОСЛѢДНЕЕ ПУТЕШЕСТВІЕ ДЮМОН-Д'ЮРВИЛЯ КЪ ЮЖНОМУ ПОЛЮСУ И ВЪ ОКЕАНІЮ, ВЪ 1837, 1838, 1839 И 1840 ГОДАХЪ (*).

I.

ИЗСЛѢДОВАНИЕ МАГЕЛЛАНОВА-ПРОЛИВА.

Первые два тома описанія этого путешествія вышли въ свѣтъ. Не смотря на плачевную кончину Дюмон-д'Юрвиля, сочиненіе будетъ продолжаться по его собственнымъ рукописямъ, просматриваемымъ и, въ случаѣ надобности, пополняемымъ офицерами экспедиціи. Спѣшимъ отдать нашимъ читателямъ отчетъ въ томъ отдѣлѣ путешествія, который напечатанъ. Этотъ отдѣлъ самъ собою разнится отъ цѣлаго сочиненія, ибо содержитъ въ себѣ изслѣдованіе Магелланова-Пролива и первое плаваніе въ антарктическія страны. Такимъ образомъ, очень-удобно можно обозрѣвать эти два тома отдѣльно, прежде чѣмъ выйдутъ остальные.

Въ 1837 году, черезъ полтора года послѣ окончанія и изданія своего перваго путешествія вокругъ свѣта на *Астролябии*, д'Юрвиль, тогда капитанъ корабля, томимый жаждою моря, которая безпрестанно одолеваетъ моряковъ, просилъ и получилъ отъ правительства начальство надъ второю кругосвѣтною экспедиціей. На этотъ разъ дѣло шло уже не объ одномъ пополненіи гидрографіи мало-извѣстныхъ частей Океаніи: въ планъ путешествія входило проникнуть въ страны южнаго полюса, и сколько-возможно-дальше изслѣдовать этотъ міръ свѣговъ и тумановъ. Инструкція предписывала командиру также осмотрѣть и описать Магеллановъ-Проливъ.

Задача была нелегкая. Одно плаваніе въ южныхъ льдахъ могло бы уже испугать экспедицію. Возвращеніе по Океаніи давало предпріятію страшные размѣры. Капитанъ д'Юрвиль не колеблясь принялъ это трудное и опасное порученіе. Если повѣзка къ полюсу утратила его на минуту, онъ не замедлилъ ободриться при мысли, что послѣ этого подвига ему уже нѣ въ чемъ будетъ завидовать славному Куку.

Два корветты, *Астролябія* и *Усердная* (*la Zélée*), отдавы въ его распоряженіе; товарищами путешествія назначены молодые люди, полные страсти къ путешествіямъ и свѣдѣній. Въ первый разъ еще правительство вздумало поручить спеціальному ученому физиологическое изученіе чело-вѣческихъ породъ, которыя будутъ встрѣчены путешественниками; выборъ д'Юрвиля палъ на доктора Дюмутъе, который по глубокимъ своимъ френо-

(*) Voyage au Pôle Sud et dans l'Océanie, sur les corvettes l'Astrolabe et la Zélée, exécuté pendant les années 1837, 1838, 1839, 1840, sous le commandement de M. J. Dumont D'Urville. Paris, 1849. 2 vol.

логическимъ сѣдѣніемъ удивительно-способенъ къ такому труду. Съ одной стороны, антропологическія наблюденія г. Дюмутѣ, съ другой, на-да-на-начатое изученіе океаническихъ языковъ самого начальника экспедиціи, должны были сдѣлать сколь-возможно-полнымъ описаніе народовъ, живущихъ на земляхъ Тихаго-Океана. Этнографія воспользовалась бы результатомъ этой морской кампаніи, и это было бы совершенно-новымъ пріобрѣтеніемъ; ибо со времени Перона, котораго сочиненіе до-сихъ-поръ еще въ памяти у всехъ географовъ и натуралистовъ, океаническія племена не были изучаемы съ наблюдательностью, ведущею къ важнымъ ученымъ выводамъ.

Астролябія и *Усердная* отплыли 7 сентября 1837 года, и скоро прошли Гибралтарскій-Проливъ, направляясь на Канарскіе Острова. Остановка на несколько дней въ Тенерифѣ позволила офицерамъ совершить восхожденіе на знаменитый пикъ. Такъ-какъ этотъ эпизодъ путешествія не представляетъ ничто особенно-важнаго, то мы минуемъ его подробности. Въ продолженіе переезда изъ Тулона до Канарскихъ Острововъ, сдѣлано много важныхъ опытовъ на борту обомъ судовъ. Во-первыхъ, рѣшена безполезность скопелескопа, инструмента, изобрѣтеннаго г. Араго и которому, благодаря свойствамъ турмалиана, приписывали-было способность показывать предметы, находящіеся на довольно-значительной глубинѣ въ морѣ. Многіе вріемы доказали, что простымъ глазомъ видѣть можно на дальнѣйшемъ разстояніи, чѣмъ помощью скопелескопа: — законное и удачное мщеніе г-ну Араго за его страшныя нападки на командира *Астролябіи*! Другой инструментъ, изобрѣтенный г. Біо, для доставанія морской воды на различныхъ глубинахъ, также, послѣ многихъ безплодныхъ попытокъ, оказался рѣшительно-безполезнымъ:—еще мечь Институту! Чтoby повѣрить силу давленія на различныя существа, употребили спускъ отвѣсной бичевки на 800 брассовъ глубины. Къ концу отвѣса привязали холщяный мѣшокъ, заключавшій въ себя герметически-закупоренную бутылку, куски дерева и минераловъ. Бутылка, по вынутіи, оказалась раздавленной въ-дребезги. Минералы, каковы золото, серебро, мѣдь, желѣзо, олово, свинецъ, цинкъ и такія вещества, какъ каучукъ и сургучъ, не были слѣшкомъ пропитаны водою, не смотря на огромное давленіе, во 156 разъ сильнѣйшее давленія атмосферы. Выпущено дерево оказалось гораздо-тяжелѣе, чѣмъ было до погруженія. Такъ пихта, вѣсившая 19 грам. 30 до опыта, послѣ него вѣсила 45 грам. 93; орѣшина отъ 11 грам. 82 первоначальной тяжести, дошла до 23 грам. 59; дубъ, отъ 14 грам. 30 поднялся до 26 грам. 60; и т. д. Въмѣстѣ съ однимъ изъ офицеровъ *Астролябіи*, мы полагаемъ, что подобныя опыты могли бы показать степень солености глубокихъ слоевъ моря, и повести къ важнымъ заключеніямъ о подводныхъ морскихъ потокахъ. Средство было бы очень-просто: достаточно бы опустить въ море кубической кусокъ дерева, предварятельно взвѣшенный, дать ему совершенно навштаться водою, и, вынувъ, свѣсить снова; разница между результатами перваго и втораго взвѣшаванія дала бы вѣсъ поглощенной жидкости. Высушенное на солнцѣ и совершенно-очищенное отъ всосанной воды дерево взвѣсить бы опять, и разность между новой тяжестью и тяжестью поглощенной жидкости указала бы степень солености.

Опыты падъ подводною температурою моря дали вообще результаты сходные съ известными уже, разумна прогрессивное пониженіе температуры сораазмѣрно глубинѣ. На счетъ этихъ первыхъ опытовъ, какъ и всѣхъ, происходившихъ во время экспедиціи корветтъ, скажемъ однажды навсегда, что имъ не слѣдуетъ приписывать важности болѣе, чѣмъ какую они дѣйствительно имѣютъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, средства, доселѣ употребляемыя для измѣренія подводныхъ морскихъ температуръ, такъ недостаточны, что могутъ производить только невѣрные результаты. Отъ обыкновеннаго термометра, которымъ пользовались Соссюръ и путешественникъ Перонъ, до горизонтальнаго термометра съ подвижнымъ указателемъ, употребленнаго Ла-Бешемъ при опытахъ въ швейцарскихъ озерахъ, отъ вертикальнаго термометра съ *minima* и *maxima*, называемаго *термометрографомъ*, до сварядовъ, изобрѣтенныхъ для предотвращенія сладствій давленія, всѣ употребительные термометры только умножаютъ трудности рѣшенія задачи о морскихъ температурахъ и потокахъ. Въ термометрографѣ, инструментъ обыкновенно употребляемый, подвижной указатель неизбежно сдвигается съ надлежащей точки сотрясеніями, происходящими при вытаскиваніи лота, всегда очень-затруднительномъ. Сверхъ того, огромное давленіе водяныхъ слоевъ имѣетъ сладствіемъ сжатіе инструмента, и это сжатіе, дѣйствуя на ртуть, дѣлаетъ ошибочнымъ указаніе; часто также инструментъ ломается. Но даже и въ томъ случаѣ, еслибъ давленіе не измѣнило его значительно, подвижность указателей и ихъ перемѣщеніе отъ сотрясенія дѣлали бы опыты по-крайней-мѣрѣ весьма-сомнительнымъ. Наконецъ, покривленіе отвѣса въ подводныхъ опытахъ также служить причиною ошибочности, потому-что нельзя знать до какой глубины опустился термометрографъ. По всему этому надобно заключать, что изъ многочисленныхъ опытовъ, доселѣ дѣланныхъ, можно извлечь только весьма-неопредѣленные рѣшенія задачъ, и что ученые и моряки трудились очень-много для результатовъ очень-малыхъ.

Есть однако термометры, которые по-видимому не представляютъ многихъ изъ означенныхъ неудобствъ. Изобрѣтенный Вальферденемъ термометръ съ водоотливомъ вѣрно показываетъ *minimit* и *maximit* температуры, и поднятіе инструмента послѣ погруженія ни въ чемъ не нарушаетъ подлиннаго результата опыта. Самыя сотрясенія, вмѣсто того, чтобъ быть причиною нарушенія, служатъ существеннымъ условіемъ успѣха. Сверхъ того, обертка, окружающая термометръ, есть по-видимому дѣйствительное средство противъ давленія по причинѣ эластичности стекла. Наконецъ, г. Вальферденъ придумалъ способъ исправить покривленіе отвѣса и съ точностью опредѣлить перпендикулярную глубину за пределами, достигаемыми помощію зрисиона лота.

Жаль, что инженеры экспедиціи не взяли съ собою инструментовъ г. Вальфердена, хотъ бы для того только, чтобъ торжественно опредѣлить ихъ достоинство. Ученая комиссія, посланная въ моря Гренландіи и Шницбергена, подъ начальствомъ г. Гемара, запаслась этими термометрами и употребила ихъ съ наилучшимъ успѣхомъ. Прибавимъ, что важныя опыты, дѣланные въ гринельскомъ артезианскомъ колодезѣ помощію инструментовъ, о которыхъ мы говоримъ, показали, что съ ними можно

достичь едва не баснословной жарности въ наблюденіяхъ надъ самымъ температурой.

Сказавъ это, мы уже не возвратимся къ опытамъ надъ подводною морскою температурою, произведеннымъ въ теченіе кампаніи *Астролби* и *Усердной*, — опытамъ, дѣланымъ съ большимъ тщаніемъ и трудомъ, и слѣдственно, очень-достойнымъ уваженія, но къ несчастію бесполезнымъ отъ несовершенства способовъ.

Зная, что благопріятнѣйшее, по мнѣнію многихъ путешественниковъ, время года для плаванія въ водахъ южнаго полюса еще не наступило, д'Юрвилль рѣшился начать кампанію осмотромъ Магелланова - Пролива, вмѣсто того, чтобъ назначить его послѣ поездки ко льдамъ. Въ слѣдствіе такого рѣшенія, послѣ суточной остановки въ Рио-Жанейро, гдѣ высадили заболѣваго грудью офицера, корветты поплыли къ южной оконечности американскаго материка. 12 декабря 1837 года онѣ обошли Мысъ Девидъ, и быстро миновавъ узкій Мысъ Донгенессъ, вступили въ знаменитый проливъ, столь давно и притомъ несправедливо-пользовавшійся привилегіею пугать мореплавателей.

Будучи открытъ въ 1520 году Магелланомъ, проливъ, носящій имя этого славнаго мореходца, былъ подробнѣе осмотранъ только въ послѣдніе годы. Испанцы, прежде всѣхъ прошедшіе черезъ него, увеличивши множествомъ рыбныхъ гаваней, ими встрѣченыхъ, и видомъ зеленыхъ льсовъ, поражавшихъ ихъ взоры, составили очаровательныя его описанія, чтобъ склонить мадритское правительство основать колонію на этихъ отдаленныхъ водахъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, тамъ заведено было поселеніе въ 1581 году; но этотъ опытъ не удался, какъ дальше увидимъ. Нѣсколько попытокъ, предпринятыхъ въ семнадцатомъ вѣкѣ, повлекло за собою только плачевныя событія и кораблекрушенія, которыхъ горькая память хранится въ морскихъ летописяхъ Англіи, Испаніи, Франціи и Голландіи, — и Магеллановъ-Проливъ былъ совершенно покинутъ. Ему начали предпочитать проходъ мимо мыса Горна, особливо со времени открытія Лемурова-Пролива, отдѣляющаго Огненную-Землю отъ Земли-Штатовъ. Непуганые непогодами, отъ которыхъ пострадало въ Магеллановомъ-Проливѣ нѣсколько худо-построенныхъ и еще хуже управляемыхъ кораблей, мореходцы лучше рѣшались выдерживать бури открытаго моря, чѣмъ пускаться въ почти-неизвѣстныя имъ воды страшнаго пролива. Только въ нынѣшнемъ столѣтіи, нѣкоторыя суда, особливо китоловныя, предпочли путь по проливу объѣзду мыса Горна. Когда мореходцы, проходившіе этимъ путемъ, дали менѣе-страшное извѣстіе о плаваніи черезъ Магеллановъ-Проливъ, англійское правительство рѣшилось сдѣлать точную и полную гидрографію этого пролива, чтобъ опредѣлить удобства и затрудненія въ плаваніи съ востока на западъ, и обратно. Такое важное порученіе возложено было на капитана Перкер-Кинга, который, съ 1826 года, употреблялъ на исполненіе его нѣсколько лѣтъ, и замѣненъ былъ капитаномъ Фиц-Роемъ, столь же отличнымъ офицеромъ. Плодомъ этихъ двухъ экспедицій было собраніе картъ, которыя, не смотря на недостатки метода, употребляемаго англійскими моряками, показываютъ самымъ удовлетворительнымъ образомъ расположеніе безчисленныхъ каналовъ, омыва-

ющихъ съ одной стороны берега Патагоніи, съ другой печальныя острова Огненной-Земли.

Д'Юрвиллю предстояло повѣрить труды Кинга и Фид-Роа, составить натуральную исторію пролива, и пополнить извѣстія, существующія на счетъ Патагоновъ и обитателей Огненной-Земли. Къ-несчастью цѣль могла быть достигнута только отчасти.

Входъ въ Магеллановъ-Проливъ, со стороны Атлантическаго Океана, открывается между 52° 24' и 52° и 38' южной широты; ширина его около 10 миль. Все протяженіе пролива, считая его многочисленныя изломы, — 130 миль ('). На сѣверъ, проливъ идетъ вдоль берега Патагоніи, омывая его въ некоторыхъ частяхъ безъ глубокихъ разрывовъ, нѣдъ составляя значительныя углубленія; на югъ, онъ образуетъ безконечное множество излучистыхъ протоковъ, вьющихся по дробному архипелагу Огненной-Земли. Простой гидрографическій осмотръ этихъ водъ потребовалъ бы довольно-значительнаго времени; ибо нужно изучить не одинъ собственно-такъ называемый проливъ: для пользы судовъ, которыя могутъ быть загнаны бурей въ боковыя протоки, слѣдуетъ еще предаться такимъ же разысканіямъ и трудамъ въ побочныхъ каналахъ главнаго пролива. Трудъ мелочный, продолжительный, однообразный, но полезный въ высшей степени. Экспедиція не могла кончить его вполне: ей не достало времени; къ-тому же, это изслѣдованіе должно было составить только эпизодъ путешествія Дюмон-д'Юрвила.

Корветты прошли первое отверстіе пролива, обогнули Островъ-Елисаветы, обозрѣли Мысъ Валентина на оконечности Доусонова Острова (Огненной-Земли), и сдѣлали первую остановку въ Голодной-Пристани, главнымъ якорномъ мѣстѣ пролива. Мѣстность эта была двойнѣ-интересна для оенцеровъ *Астралабін* и *Усердлой*. Во-первыхъ, тутъ была основана испанская колонія, о которой мы уже упоминали (*), и любопытно было открыть ея слѣды, или по-крайней-мѣрѣ, удостовѣриться, существуютъ ли еще они. Во-вторыхъ, выгоды гавани, пособія, какія представляютъ воды и окрестныя лѣса экипажамъ, вѣщающія пристанища въ этомъ пустынномъ мѣстѣ, стоили изученія и опредѣленія. Такимъ образомъ, стояніе кораблей въ Голодной Пристани длилось нѣсколько дней, въ-теченіе которыхъ труды всякаго рода производились съ удивительною дѣятельностію. Геологи и натуралисты собрали богатую жатву любопытныхъ предметовъ. Касательно слѣдовъ колоніи, основанной Сармьенто, доказано, что ихъ уже нѣтъ, и даже нельзя опредѣлить мѣста испанскаго селенія. Въ оенцерахъ мѣсто это оставило только пріятныя впечатлѣнія, потому-что Голодная-Пристань—одинъ изъ живописнѣйшихъ пунктовъ Магелланова-Пролива. Лѣса тамъ роскошны, и экипажи могутъ обильно снабжаться рыбою, мяскою и водою. Прежде снятія съ якоря, начальникъ положилъ въ ящикъ,

(*) У Малъбрѣна 180 миль.

(*) Этотъ опытъ колонизаціи имѣлъ самый плачевный конецъ. Большая часть Испандевъ померла съ голода (откуда и взялось названіе Голодной-Пристани). Оставшіеся въ живыхъ услаивались, во тщетно, добраться до поселеній Южной Патагоніи. Изъ всѣхъ этихъ несчастныхъ уцѣлѣлъ одинъ, который, черезъ нѣсколько времени по смерти товарищей, привезъ былъ на англійское судно.

служащій почтовой конторою, свои депеши во Францію. Предусмотрительность мореплавателей въ-самомъ-дѣлѣ устроила на этомъ дикомъ мѣстѣ средство пересылать письма по назначенію. Столбъ, съ прикрѣпленнымъ на верху предметомъ, виднымъ на довольно-большомъ разстояніи, указываетъ мимоидущимъ судамъ присутствіе ящика, содержащаго депеши ихъ предшественниковъ по плаванію въ проливъ; и всякій капитанъ, положивъ свои посылки въ ящикъ, беретъ тѣ изъ находящихся тамъ, за которыя его назначеніе позволить ему взяться. Нѣтъ примѣра, чтобъ какой-нибудь мореходецъ измѣнилъ довѣренности своихъ собратьевъ.

Изъ Голодной-Пристаня, экспедиція отплыла въ западную часть пролива, обогнула мысъ Фроуардъ, составляющій южную оконечность американскаго материка, и направилась на Пор-Галланъ, ядя въ близкомъ разстояніи вдоль береговъ Огненной-Земли. Во время этого краткаго переезда, экипажи поражены были роскошью панорамы, раскрывавшейся передъ ихъ взорами. «Мысъ Фроуарда» говоритъ д'Юрвиля: «есть высокая гора въ-формѣ конуса, округленнаго на вершинѣ, круто-поднимающаяся изъ самаго нѣдра волнъ до удивительной высоты. Надъ ней господствуютъ одно-ко острые пики, которые покрыты вѣчными снѣгами, и которыхъ бока, часто облеченные песчаномъ, совершенно голою землею, съ красноватыми или синеватыми отбѣнками, свидѣтельствуютъ о частыхъ обвалахъ, увлекающихъ, конечно, со снѣгомъ и поверхностью покрываемой имъ почвы. На всемъ южномъ архипелагѣ, принадлежащемъ къ Огненной-Землѣ, земли, еще болѣе ненадежныя, представляютъ самыя странныя формы: то острые пирамиды, то округленные куполы, то колокольни или сосцы, сложенные по-двое, иногда трехгранные пики, часто, наконецъ, уродливые длинныя ряды зубцовъ; все это перемежано съ глубокими и темными рывинами. На вершинахъ снѣгъ гуще, и растительность болѣе-чахлая принимаетъ цвѣтъ упылый, желтоватый, совершенно-похожій на цвѣтъ блѣлыхъ листьевъ. При разсматриваніи этихъ чудныхъ случайностей почвы, воображеніе невольно переносится къ одному изъ тѣхъ переворотовъ земнаго шара, котораго мощныя усилія вѣроятно раздробили южный конецъ Америки и дали ему форму тѣснаго архипелага, названнаго Огненной-Землею. Но какого дѣятеля употребила природа для достиженія этихъ результатовъ? Огонь, воду, или простое перемѣщеніе полюсовъ? До-сихъ-поръ, вопросъ остается нерѣшеннымъ».

Еслибъ корветты посѣтили Каваль св. Гавріила, открывающійся на югъ отъ мыса Фроуарда, экипажи увидѣли бы зрѣлища еще болѣе-величавыя, и полюбовались бы еще болѣе-привычательнымъ образчикомъ красоты Огненной-Земли. Перкер-Кингъ, посѣщавшій всѣ эти протоки, такъ описываетъ Проливъ-св.-Гавріила: «Берега, до порта Уатерфалль, покрыты громадными ледниками, содержащими, отъ мѣста до мѣста, великолѣпные водопады, которые числомъ и высотой превосходятъ всѣ извѣстные. На пространствѣ девяти или десяти миль, считается слишкомъ полтораста водопадовъ, низвергающихъ свои кипучія воды въ проливъ, съ перемѣной высоты отъ пятисотъ до двухъ тысячъ англійскихъ футовъ. Нѣкоторые изъ этихъ потоковъ прикрыты навѣсомъ деревьевъ, отбѣняющихъ берега ихъ; но дошедъ до половины спуска, они вдругъ предстаютъ взору,

будто прдая изъ среды этихъ густыхъ лѣсовъ. Другіе соединяются при концѣ своего теченія, и вмѣстѣ впадаютъ въ море посреди тучи брызговъ. Разнообразныя и прихотливыя формы этихъ каскадовъ, контрастъ ихъ съ темными листьями деревьевъ, покрывающихъ бока горъ; гора Боклэндъ, которой вершина, облеченная вѣчнымъ снѣговымъ покровомъ, поднимается въ воздухъ наподобіе красиваго обелиска; бѣлыя тучи, останавливающіяся на челѣ этихъ водоканическихъ высотъ, — все представляетъ взорамъ зрѣлище, котораго красоты передать невозможно. Въ цѣломъ мѣрѣ это, можетъ-быть, природной сцены, равняющейся по живописности и величавости съ тою, которая видна въ этой части Магелланова-Пролива».

Повторивъ въ Пор-Галланъ тѣ же труды, какіе производились въ Голодной-Пристани, д'Юрвилъ, принимая въ расчетъ позднѣйшее время года и пору отплытія въ полярныя страны, предпринялъ обратный путь, чтобы выйти изъ пролива тамъ же, гдѣ вошелъ въ него. Больше трети столь удачно-начатаго дѣла оставалось еще исполнить, и часть пролива, отъ которой отказывались, была не меньше достойна изученія, какъ и та, которую посѣтили. Въ-самомъ-дѣлѣ, начиная отъ Пор-Галлана, проливъ суживается и становится труднѣе для плаванія. На сѣверномъ его берегу открывается родъ внутренняго моря, называемаго Отвѣй-ватеръ, а немногу подалеже обширный заливъ Хаудтегуа, которые оба любопытно бы изслѣдовать хотя при входѣ въ нихъ. Сверхъ-того, важно было повѣрить точность наблюденій Кинга надъ потоками и вѣтрами, господствующими при западномъ входѣ въ заливъ. Это достойный сожалѣнія пробѣлъ въ столь полезномъ предпріятіи; и тѣмъ болѣе можно сожалѣть о немъ, что, по всей вѣроятности, правительство французское долго не займется довершеніемъ трудовъ, начатыхъ въ проливѣ офицерами *Астролябим* и *Усердной*. Впрочемъ, вина падаетъ тутъ не на д'Юрвила, котораго стѣснела краткость времени, а на морское министерство, которое, по непростительной небрежности, протянуло вооруженіе корветтъ и слишкомъ мѣсяцемъ замедлило отправленіе экспедиціи.

Послѣдняя остановка судовъ была въ гавани Пекетъ, недалеко отъ Острова-Елисаветы. Тамъ экспедиція впервые увидѣла Патагоновъ. Народъ этотъ доставилъ офицерамъ интересный предметъ для наблюденія. Отъ-того эта часть описанія путешествія д'Юрвила — любопытнѣйшая во всемъ томъ.

Кто не знаетъ басень, распространенныхъ о Патагонахъ-прежними мореплавателями, чудесныхъ исторій, всегда рассказывавшихся объ этихъ мнѣныхъ исполинахъ Америки? Странно, что между-тѣмъ, какъ большая часть задачъ, касающихся до различій человеческого рода, была изслѣдуема и рѣшаема, Патагоны, предметъ столь жаднаго любопытства, оставались неизвѣстными въ Европѣ. Лишь нѣсколько лѣтъ прошло, какъ стали знать, чему вѣрить на-счетъ роста, характера и нравовъ этого дикаго народа. Алькидъ д'Орбиньи, проживъ нѣсколько мѣсяцевъ у сѣверныхъ Патагоновъ, могъ изучить разныя колѣна этого племени въ физиологическомъ и нравственномъ отношеніи. Кингъ и Фид-Рой, пришедъ послѣ китолова Уиддла, наблюдали южныя поколѣнія. И такъ, ученымъ *Астролябим* и *Усердной* оставалось только подбирать кое-что на этомъ полѣ, уже прой-

денномъ ихъ ловкими прелмъстниками. Во всякомъ случаѣ, наблюденія ихъ заслуживаютъ особаго упоминанія.

Прежде, чѣмъ перескажемъ подробности о Патагонахъ, находящіяся въ первомъ томѣ сочиненія д'Юрвиля, представимъ читателямъ необыкновенное разнообразіе противорѣчивыхъ показаній, поочередно ходившихъ на-счетъ роста этого народа.

Въ 1520 году, Магелланъ, по словамъ Пагафетты, историка его путешествія, говорить: «Наши головы едва доставали имъ по поясъ».

Въ 1526 году, Лоайза (Loaysa) говорить о тринадцати пальмахъ вышины.

Въ 1578 году, Дрэкъ утверждаетъ, напротивъ, что есть Англичане выше самаго высокаго Патагона.

Въ 1579 году, Сармьенто приписываетъ обитателямъ Патагоніи ростъ трехъ варръ, то-есть около девяти футовъ.

Въ 1592 году, Англичанинъ Кэвендишъ ограничивается замчаніемъ, что эти Индійцы высоки и крѣпки.

Въ 1593 году, Ричардъ Гоукнисъ представляетъ ихъ настоящими исполинами.

Въ 1615 году, Голландцы Лемеръ и Шоутенъ, разсчитывая по скелетамъ, найденнымъ на берегахъ Патагоніи, увѣряютъ, что туземцы должны быть отъ десяти до одиннадцати футовъ ростомъ.

Въ 1670 году, Нербордъ (Narborough) и Вудъ даютъ имъ ростъ обыкновенный.

Въ 1704 году, Кармонъ считаетъ его въ десять французскихъ футовъ.

Въ 1745 году, отцы Кардіаль и Квироса, миссіонеры, подтверждаютъ мнѣніе Нербордъ и Вуда.

Въ 1764 году, Биронъ назначаетъ семь англійскихъ футовъ, или около шести футовъ семи дюймовъ французскихъ.

Въ 1766 году, Дюкло Гюйбъ и Лажиродэ приписываютъ самымъ малымъ Патагонамъ ростъ пяти французскихъ футовъ и семи дюймовъ.

Въ 1767 году, Бугенвилъ даетъ наименьшимъ пять футовъ десять дюймовъ французскихъ. Товарищъ его путешествія, Коммерсонъ, идетъ даже: онъ полагаетъ ростъ Патагоновъ отъ пяти футовъ восьми дюймовъ до шести футовъ четырехъ дюймовъ.

Въ томъ же году, Уоллисъ и Картрé объявляютъ, что мѣряли одного изъ самыхъ высокихъ Патагоновъ и получили въ результатъ шесть англійскихъ футовъ семь дюймовъ, или съ-небольшимъ шесть футовъ французской мѣры; но присовокупляютъ, что наибольшее число Патагоновъ было не выше пяти футовъ десяти дюймовъ, то-есть, среднимъ числомъ, пять футовъ пять дюймовъ французскихъ.

Еще въ томъ же году, іезуитъ Фалькнеръ говорить, что эти Американцы рѣдко имѣютъ семь англійскихъ футовъ вышины, и что большая часть ихъ не выше шести англійскихъ футовъ, стало-быть, меньше шести французскихъ футовъ.

Въ 1820 году, Готьё, сваряжатель китоловныхъ судовъ, упоминаетъ о ростъ шести французскихъ футовъ.

Въ 1834 году: капитанъ Кингъ мѣрялъ ростъ нѣсколькихъ туземцевъ

и нашелъ его отъ пяти футовъ десяти дюймовъ до шести футовъ англійскихъ.

Въ 1839 году, д'Орбigny, окончательно рѣшившій вопросъ, положилъ ростъ самыхъ высокихъ Патагоновъ въ пять французскихъ футовъ одиннадцать дюймовъ, а средній ростъ въ пять футовъ четыре дюйма.

И такъ, извѣстно, что Патагоны высокаго роста; какъ бы то ни было, настоящій ихъ ростъ далеко не оправдываетъ смѣшныхъ сказокъ, написанныхъ и распространенныхъ путешественниками.

Извѣстіе д'Юрвилля согласно почти вполне, какъ увидимъ, съ извѣстіемъ д'Орбigny.

Вотъ подробности, которыя находимъ въ его рассказѣ:

«Когда большой ботъ спущенъ былъ поутру съ офицерами, толпа туземцевъ верхомъ уже собралась на берегу близъ мѣста высадки: очень-дружески приняли они гостей. Потомъ, видя, что ботъ готовъ воротиться, многіе изъ нихъ кинулись въ него, чтобъ завлечь намъ визитъ. Большаго труда стоило заставить ихъ выйти вонъ. Только трое получили позволеніе остаться въ ботъ.

«Пріѣхавъ, они сразу взошли на бортъ, представились довърчиво и безъ замѣшательства, и вели себя прилично. Одинъ изъ нихъ былъ человекъ лѣтъ сорока-пяти, другой лѣтъ двадцати-пяти или тридцати; наружность третьяго показывала не больше двадцати или двадцати-двухъ лѣтъ. Кроткіе, мирные и ласковые, они старались какъ-можно-лучше отвѣчать на вопросы, которыми ихъ осыпали; они спокойно и смиренно разсматривали предметы, которые имъ показывали, не изъявляя большой жадности владѣть ими и не обнаруживая никакой наклонности къ воровству...

«Средній ростъ ихъ есть, кажется, 1 м. 732 мм.; одинъ изъ нихъ былъ 1 м. 760 мм.; во они широки въ плечахъ, не будучи, однако, мускулисты; члены ихъ полны, округлы, соразмѣрны, нѣмного замѣчательно-нзлыя оконечности. Для дикарей, столь дурно-одѣтыхъ, кожа ихъ гладка, мягка и только желтовата, да и то больше отъ неопрятности и отъ-того, что обыкновенно открыта на воздухъ, чѣмъ отъ природнаго сложенія. Волосы у нихъ черныя, длинныя, не густыя, висятъ сзади и подбираются спереди повязкою. Лицо открыто, очень-широко въ нижней части и служено кверху, потому-что лобъ чрезвычайно низокъ, узокъ и сбагаетъ назадъ. Физиономія обыкновенно спокойна и безъ выраженія, иногда только оживляется простодушной улыбкою, какъ-будто свидѣтельствующей о кроткомъ характерѣ этихъ людей. Узкіе, продолговатыя, мало-открытыя глаза напоминаютъ монгольскій типъ; скулы довольно выдаются; носъ приплюснутъ, скорѣе малъ, чѣмъ великъ; ротъ, какъ и подборокъ, умеренный. Бороды и волосъ на тѣлѣ мало. Осанка вообще вялая, безпечная и лѣнивая. Ничто не обнаруживаетъ въ нихъ силы, проворства и гибкости. Смотри на нихъ сидящихъ, стоящихъ, или идущихъ, скорѣе можно принять ихъ за женщинъ восточнаго серала, нежели за дикарей, столь близкихъ къ природному состоянію.

«Национальная одежда ихъ — широкій плащъ изъ кожъ гваяковъ, лисницъ, или дикихъ кошекъ, опротно выдубленныхъ и краѣе спитыхъ вѣсть. У некоторыхъ исподъ украшенъ рисунками, красиво-выгисенными.

Сверху носятъ они родъ «артука», поддерживаемаго повязкою вокругъ поясницы. На одномъ изъ нихъ, подъ плащомъ, былъ полный европейскій нарядъ: верхнее платье, жилетъ, панталоны и картузъ; не доставало только обуви. Вероятно, онъ получилъ это отъ какого-нибудь Европейца, выняннвъ на кожи. Какъ бы то ни было, подобно дикарямъ Океаніи, онъ, казалось, очень гордился своимъ нарядомъ, который шелъ къ нему гораздо-меньше, нежели національный костюмъ.»

Почти вся офицеры и ученые экспедиціи писали объ одномъ и томъ же, а д'Юрвиллю пришла счастливая мысль приложить къ своему тексту отрывки изъ журналовъ своихъ спутниковъ. Приводимъ рассказъ г. Дюбуэ, лейтенанта *Усердной*:

«Едва очутился я среди этого племени, какъ началъ съ величайшимъ вниманіемъ разсматривать знаменитыхъ Патагоновъ, которыхъ столько желалъ видѣть, — народъ исполиновъ, о которомъ никогда распушено было столько басень, и котораго ростъ, по другимъ противорѣчивымъ показаніямъ, былъ ниже средняго. Поразила меня сначала въ нихъ не столько ростъ, котораго я не встрѣчалъ ниже пяти футовъ и пяти или шести дюймовъ, а часто выдалъ въ пять футовъ восемь, девять и десять дюймовъ, но никогда выше, — сколько ихъ чрезвычайная плечистость, широкая и большая голова, члены плотные и крѣпкіе. Шея у нихъ немного-коротка; они слегка-сутуловаты и имѣютъ округлыя формы; но хотя полнота мѣшаетъ мускуламъ обрисовываться, тѣмъ не менѣе они кажутся крѣпки. Голова, очень-большая, лишена соразмѣрнаго мозговаго развитія; однакожь они, кажется, не глупы. Скулы у нихъ выдаются; широкое лицо способствуетъ черепу казаться не столь огромнымъ. Лицо кругло и плоскато: глаза слегка косы, какъ у Китайцевъ, не лишены выраженія, но обваруживаютъ больше кротость, нежели другое свойство. Волосы черные, длинные, прямые, связанные на головѣ; зубы отличаются близкою; цвѣтъ кожи мѣдно-красный, какъ у всѣхъ туземцевъ Америки, безъ различія климата. Ноги и руки пропорціональны; но голени кажутся слабаваты, что объясняется родомъ жизни, протекающей по-большой-части на лошади, или въ лежань. Все это, вмѣстѣ взятое, образуетъ красивую породу людей сильныхъ и крѣпкихъ.

«Начальникъ ихъ, высокій, красивый Индеецъ лѣтъ тридцати, который, не смотря на видимую ограниченность своей воли, все-таки имѣлъ на нихъ нѣкоторое вліяніе, показалъ намъ ихъ военный костюмъ и одѣлся въ него при насъ. Костюмъ этотъ состоялъ изъ какой-то рубашки съ рукавами, сдѣланной изъ бычьей кожи, очень-плотной и очень-крѣпкошпайтой, которая, закрывая почти все тѣло, могла замѣнять отчасти кирасу и отражать по-крайней-мѣрѣ слабѣйшіе удары. На головѣ у него была большая шляпа съ округлой тульею въ видѣ каски, покрытая мѣдными пластинками, и украшенная густымъ султаномъ изъ страусовыхъ перьевъ. Этотъ старшина, котораго звали *Конгуэръ* (имя, полученное имъ отъ Англичанъ), носилъ свой тяжелый костюмъ красиво, не смотря на его обременительность. Онъ вооружился коньеземъ, вертѣлъ имъ съ замѣчательной ловкостью и показалъ намъ образчикъ ихъ сраженій. По росту, атлетическимъ формамъ, крѣпкимъ мѣшцамъ, его можно бы принять за одного

изъ тѣхъ героевъ, которыхъ Гомеръ описываетъ настоящими гигантами, устрашавшими обыкновеннаго врага сколько мужествомъ, столько и громадностью. Сожравъ полусырую часть гванака, Конгуэръ показалъ намъ, что онъ еще болѣе походитъ на нихъ аппетитомъ и достоинствомъ могъ возлечь на пирахъ ихъ.

«Женщины, окончивъ свои работы, собрались въ палатки; онѣ показались намъ не такъ красивы, какъ мужчины. Нарядъ ихъ былъ почти такой же, какъ у мужчинъ, такъ-что мы часто смѣшивали ихъ съ мужчинами. Платье ихъ, изъ той же матеріи, отличался только тѣмъ, что было застегнуто на груди, и такимъ образомъ давалъ свободное движеніе рукамъ. Лица у нихъ были вообще расписаны охрою и жиромъ неодинаково; но я заметилъ многихъ, которыя расписали себѣ лица поперечными черными и красными чертами, выведенными тщательно, кокетливо и производившими довольно-странное впечатлѣніе... Вся эти женщины оказались большими охотницами до прикрасъ, какъ то до бусъ и стелларуса; но, подобно мужчинамъ, предпочитали имъ краску. Около палатки вѣтлось множество дѣтей, для которыхъ особенно матери выпрашивали у насъ ожерелья и вышали имъ на шею и на руки. Дѣти были почти голы; небольшой лоскутокъ кожи прикрывалъ имъ только плеча; ни одна изъ нихъ, однакожъ, не зябъ, хотя холодъ былъ тогда довольно-чувствителенъ, ибо вѣтеръ очень-сильно дулъ съ югозапада. Мужчины, женщины, и дѣти показались намъ безпрестанно занятыми прожорливой ядоумисляющею какогото корня, обильно росшаго въ окрестности, и котораго питательное начало казалось весьма-скудно. Этотъ корень и родъ красныхъ ягодъ, собираемыхъ на кустарничкахъ, похожихъ на тѣ, какіе видѣли мы по всему берегу, были преимущественно ихъ обыкновенной пищею.»

Г. Дегрѣ, секретарь начальника экспедиціи, послѣ нѣсколькихъ подробностей, которыя недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ привести здѣсь, такъ говоритъ о патагонскомъ нарѣчіи: «Они рѣдко разговариваютъ между собою и говорятъ тихо, никогда не кричатъ; почти всегда улыбаются и часто смѣются гортаннымъ смѣхомъ. Произношеніе ихъ совершается по-большой-части горлономъ; ново-греческія буквы: *δ*, *γ*, *θ*, арабская *т* часто попадаются въ ихъ словахъ; но буква *к* употребляется еще чаще; они произносятъ ее почти ежеминутно, такъ же, какъ короткое придыханіе передъ звуками, которые мы выражаемъ гласными, отъ-чего слова раздѣляются на-двое. Такъ *лес*, вода, произносится *ле-хе*, или *ле-ехъ*; *отшель*, глаза, *отт-ла*»

Экспедиція не долго пребыла въ гавани Секетъ, и потому не могла столько наблюдать нравы туземцевъ. Офицеры ограничились только помѣщеніемъ въ своихъ запискахъ свидѣній, переданныхъ имъ двумя Европейцами, найденными у Патагоновъ и принятыми на бортъ *Астролабна*. «Законъ возмездія» говоритъ г. Купманъ, пичманъ корабля: «не свѣдѣнь у Патагоновъ. Одинъ Индѣецъ сказывалъ мнѣ, что когда случается убійство, то разсматриваютъ, важны ли его причины; въ такомъ случаѣ, все кончено. Если вождю не покажутся онъ довольно-уважительными, убійца изгоняется изъ племени, иногда бываетъ умерщвленъ вождомъ. Когда воинъ умираетъ» прибавляетъ тотъ же офицеръ: «вся живи»

въ его шатры переходятъ въ другіе. Вождь дѣлитъ между ними важнѣйшую утварь покойнаго, какъ то: ножи, сабли, ножицы; остальное — лошади, собаки, кожи, шатры, убивается или предается огню на могилѣ умершаго. Могилы это есть простая дыра въ землѣ, сдѣланная такъ, чтобъ тѣло находилось въ сидячемъ положеніи, вмѣстѣ лежачаго; посадивъ, его засыпаютъ землею.»

Еще одну черту нравовъ замѣтили морскія: вольность Патагоновъ и равнодушіе ихъ мужей. Не оказывая ни малѣйшей ревности, мужчины, по видимому, готовы были предлагать своихъ женъ путешественникамъ, а женщины, казалось, усердно добивались чести имъ нравиться.

Г. Дювутьбѣ, френологъ экспедиціи, хотѣлъ-было вымѣрять нѣскольکو патагонскихъ череповъ и подвергнуть ихъ ученому изслѣдованію. Къ несчастью, краѣомѣръ былъ у него украденъ одною Патагонкою во время ночлега подъ индійскимъ шатромъ, и онъ не могъ исполнить своего намеренія.

Мы упоминали о Европейцахъ, найденныхъ у Патагоновъ. То были Англичанинъ, по имени Барлейнъ, и Швейцарецъ, нѣкто Нидергаузеръ, взятыя д'Юрвилемъ въ гавани Пекетъ послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ пребыванія въ этомъ уныломъ краю. Нидергаузеръ былъ родомъ изъ Берна, гдѣ отправлялъ ремесло часовщика, поѣхалъ въ Нью-Йоркъ, не успѣлъ тамъ выгодно пристроиться — и нанялся къ одному промышленнику тюленьей дѣлать масло и собирать меха въ магелланическихъ странахъ. Онъ съ шестью товарищами оставленъ былъ на одномъ изъ острововъ Огненной-Земли для ловли, до возвращенія корабля; только по прошествіи четырехъ мѣсяцевъ подвели имъ свѣстныхъ припасовъ, и снова оставили продолжать ихъ тяжелую и скучную работу; но въ этотъ разъ судно не воротилось, и семеро тюленьихъ охотниковъ были предоставлены собственнымъ средствамъ въ краю почти-необитаемомъ. Въ утломъ челнокѣ попытались они перебраться на материкъ; послѣ плаванія столь же медленнаго, сколько опаснаго, имъ удалось войти въ проливъ западнымъ его отверстіемъ, и чрезъ нѣсколько дней они достигли гавани Пекетъ. Тамъ пятеро изъ нихъ рѣшились продолжать путь, полагаясь на счастье; двое остальныхъ, Нидергаузеръ и Барлейнъ, предпочли остаться у Патагоновъ, которые оказали имъ усердное гостепрїимство: дали жень, платье и пристанище въ своихъ шатрахъ. Однакожъ, шесть или восемь мѣсяцевъ такого жалкаго существованія жестоко подѣйствовали на тѣло этихъ двухъ несчастныхъ, и когда пристали корветты, они были такъ тощи и худы, что сначала ихъ приняли-было за природныхъ жителей Огненной-Земли, ибо почти у всѣхъ уроженцевъ этого архипелага прежалкая наружность. Командиръ согласился принять авантюристовъ на корабль и употребилъ въ дѣло сжиганія, какия они приобрѣли въ патагонскомъ языкѣ.

Секретарь д'Юрвилля рассказываетъ, что между тамошними же Патагонами жилъ одинъ Бразильянецъ, который, проведши нѣсколько времени на Мадуискихъ Островахъ, гдѣ занимался ремесломъ *gancho*, попалъ на сѣверный берегъ Магелланова-Пролива и остался тамъ, не стараясь возвратиться въ отечество. Кончилось тамъ, что онъ отождествился съ своими хозяевами до такой степени, что его можно было принять за природнаго

Патагона. Онъ даже совершенно позабылъ испанскій языкъ, впрочемъ сего съ большимъ трудомъ. Этотъ человекъ, принявшій такое состояніе въ странѣ негостепріимной, послѣ жизни въ образованномъ обществѣ и подъ благотвореннымъ небомъ, — явленіе довольно-примѣчательное. Что касается до забвенія роднаго языка, это фактъ, который, при всей видимой необыкновенности, тѣмъ не менѣе довольно-обыточенъ. Въ числѣ прочихъ примѣровъ, помнимъ, мы читали въ путешествіи д'Орбиньи, что одинъ Французъ, котораго встрѣтилъ онъ во внутренней провинціи Коріентесъ, забылъ отечественный языкъ до того, что не понималъ изъ него ни слова.

Экспедиція покинула гавань Пекеть и отплыла къ восточному отверстию пролива, не выдвѣвъ или по-крайней-мѣрѣ не изучивъ, со всей надеждою основательностью, обитателей Огненной-Земли. Еще достойный сожалѣнія пробывъ въ отношеніи этнографическомъ и филологическомъ! Фуэгійское племя (race fuégienne) во многихъ отношеніяхъ достойно было внимательнаго изученія. Племя это, тощее и слабое, существенно различается отъ патагонскаго, отлнчно отъ него физическимъ образованіемъ, языкомъ, обычаями; и такое несходство тѣмъ удивительнѣе, что Фуэгійцы отъ Патагоновъ отдѣляются только морскимъ рукавомъ въ полмилію широты, по некоторымъ мѣстамъ. Еще же страннѣе, что по словарю, собранному капитаномъ Книгомъ, два главныхъ племенія Огненной-Земли говорятъ совершенно-различными одно отъ другаго нарѣчіями. Мы знаемъ, что, по наблюденіямъ Гумбольдта и Фатера, въ Америкѣ есть первообразныя языки, совершенно-различныя корнями и сходныя между собою мѣлкими формами и физономіей; знаемъ, что въ американскомъ нарѣчій столько должно смотреть на отдѣльныя слова, сколько на построеніе и содержаніе речей. Во всякомъ случаѣ, нельзя не согласиться, что поразительное несходство въ словахъ двухъ языковъ, употребляемыхъ однимъ и темъ же народомъ, — фактъ примѣчательный, особенно, если дѣло идетъ о двухъ племенахъ, которыхъ разделяетъ чрезвычайно-узкое пространство моря, и которыхъ привычка къ мореплаванію и одинаковый образъ жизни, позволяютъ находиться въ безпрестанныхъ сношеніяхъ.

Къ какой латинской американской породы принадлежитъ фуэгійское племя? Никто еще серьезнымъ образомъ не касался этого вопроса, кромѣ д'Орбиньи, который, видѣвъ на съворѣ Патагоніи одного жителя Огненной-Земли, утверждаетъ, что этотъ народъ слѣдуетъ отнести къ племени аравакційскому, обитающему на западной сторонѣ Андъ, а Патагоны должны принадлежать къ отрасли пампейской (patrúben). Не скажемъ ничего о Патагонахъ; но касательно Фуэгійцевъ усомнимся въ истинѣ такого этнографическаго распределенія. Не только гармонія, отличающей аравакційскій языкъ, нѣтъ въ нарѣчіяхъ Огненной-Земли, чрезвычайно-гортанныхъ и жесткихъ; но въ нихъ еще есть существенная разница. Физиологическія изслѣдованія также сильно противорѣчатъ системѣ д'Орбиньи, ибо въ отношеніи физическаго образованія, фуэгійскія племена похожи на Алковъ или Араваковъ только ростомъ: Правда, Бори-де-Сен-Венъ сажъ, въ своемъ «Зоологическомъ Опытѣ о Человѣческомъ Родѣ» (Essai zoologique sur le genre humain), ошибся, относивъ Фуэгійцевъ къ черной породѣ, населяющей Ван-Дименову Землю; но если мнѣніе этого натурали-

ства можно относительно цвѣта, то съ другой стороны должно сказать, что длиннота и тонкость членовъ Фузгійцевъ, ихъ раскатыстая походка, страшная физіономія, удивительно сближаютъ ихъ съ народами Великаго-Океана.

Изученіе и изслѣдованіе фузгійскаго племени тѣмъ желательнѣе, что до-тѣхъ-поръ нельзя будетъ рѣшить, простиралось ли азіатское переселеніе, полагавшее Малгбрѣномъ, на основаніи сдѣланнаго лѣтисчисленія, за Чили, въ магелланическія страны. Изданіе патагонскихъ словарей г. д'Орбилья и адмирала д'Юрвилля позволитъ поверить эту дѣталь до Магелланова-Проліва; но нельзя будетъ продолжать изслѣдованія до Огненной-Земли, которая останется вѣнъ обзора до-тѣхъ-поръ, пока не сдѣлается известіе.

Экспедиція покинула проливъ послѣ двадцати-семи-дневнаго пребыванія. Во время этой краткой кампаніи, замѣчены всѣ свойства сѣверныхъ береговъ до Пор-Галлана, начерчено съ десятокъ картъ бухтъ и гаваней, собраны драгоценныя матеріалы для науки, именно: множество образцовъ по натуральной исторіи, геологій и ботаникѣ. Начальникъ самъ лично занимался флорою пролива, и собралъ богатую жатву для пополненія бывшихъ уже во Франціи магелланическихъ гербаріевъ. Д'Юрвилль былъ свѣдущій ботаникъ, какъ то достаточно свидѣтельствуесть «Флора Малунскихъ Острововъ», изданная имъ въ 1825 году, въ-сладчайшій кругосвѣтнаго путешествія его на корветтѣ *la Coquille*, подъ начальствомъ капитана Дюперрѣ. Во всѣхъ отношеніяхъ собраніе растений, сдѣланное въ проливѣ командиромъ *Астролабии*, заслуживаетъ большаго уваженія.

Послушаемъ мнѣніе д'Юрвилля о выгодахъ и неудобствахъ плаванія изъ одного океана въ другой черезъ Магеллановъ-Пролівъ. Вотъ, что говорить онъ: «Магеллановъ-Пролівъ непременно сдѣлается обыкновеннымъ мѣстомъ прохода для кораблей, потому-что нѣтъ никакого сравненія между тѣмъ и безопаснымъ плаваніемъ по каналу и труднымъ и опаснымъ объездомъ около мыса Горна. Этотъ послѣдній путь совершенно покинутъ, кто станетъ плыть изъ Тихаго-Океана въ Атлантическій. По всему надобно думать, что скоро выгоды эти будутъ понаты Англичанами, шотландскими похитителями въ цѣломъ свѣтѣ». Годъ три назадъ, капитанъ Дюб Сильи, командиръ корветты *Ариамы*, въ своемъ отчетѣ морскому министру превозносилъ выгоды Магелланова-Проліва. — «Гдѣ можно найти, говорилъ онъ, проливъ столь глубокой, столь длинной, столь способный къ плаванію, и въ-нѣсть столь сжатый, представляющій такое большое число естественныхъ гаваней, рейдовъ удобныхъ и надежныхъ? Всюду въ обиліи превосходная вода и дерево, дѣчь, рыба, раковины, — всѣ средства продовольствія, какія только можетъ доставить страна добола невоздѣланная и почти-необитаемая». Сравнивая эти два свидѣтельства съ показаніями офицеровъ *Астролабии* и *Усердой*, естественно приходимъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: проходъ изъ Атлантическаго въ Великій-Океанъ черезъ проливъ представляетъ только одну выгоду — безопасность; требуетъ времени столь же долгаго, какъ и объездъ мимо Мыса Горна; въ каналѣ господствуютъ юго-западные вѣтры и бываютъ таинственныя, особенно лѣтомъ, весьма жестоки; восточный и сѣверо-восточный

вѣтры, будучи благопріятнѣе всѣхъ другихъ, наносятъ погоду мрачную и дождливую, которая значительно затрудняетъ плаваніе въ столь узкомъ пространствѣ; но великое число гаваней, находящихся на обѣихъ берегахъ, вознаграждаетъ за эту невыгоду. И такъ нѣтъ никакой причины предпочитать путь мимо мыса Горна для прохода изъ Атлантическаго-Океана въ Южное-Море. Что же касается до возвращенія въ Атлантичeskій-Океанъ, то вѣчего и говорить въ его похвалу, зная, что въ направленія съ запада на востокъ проливъ бываетъ удобенъ почти весь годъ, и что плаваніе по нему очень-легко. Еслибъ была въ проливѣ европейская колонія, неудобства путешествія съ востока на западъ немедленно исчезли бы, потому-что тогда мореплаватели находили бы услужливыхъ лоцмановъ, которые проводили бы ихъ по изгибамъ канала, да сверхъ того, были бы удивлены, что въ случаѣ несчастія тутъ же найдутъ себѣ убѣжище и съѣстные припасы. Оснуется ли когда-нибудь такая колонія? По словамъ д-ра Юрвилля и Дюбузэ, на это нѣтъ никакого матеріальнаго препятствія. Все заставляетъ думать, что поселеніе, заведенное въ Голодной-Пристань, не только успѣло бы удержаться, но еще пришло бы въ цвѣтущее состояніе черезъ нѣсколько лѣтъ. Климатъ мѣста очень-сносенъ и представляетъ большое сходство съ климатомъ нѣкоторыхъ сѣверныхъ частей Европы, каковы Шотландія и Данія. Почва тамъ плодородна; мѣса и морскія воды могли бы доставлять жителямъ обильную и разнообразную пищу, въ случаѣ недостатка надлежащаго продовольствія. Наконецъ, колонистамъ вѣчего бы страшиться туземцевъ, живущихъ въ окрестности, потому-что Патагоны самый кроткій и миролюбивый народъ въ свѣтѣ. Французская колонія, основанная Бугенвилемъ на Малуинскихъ Островахъ, начинала-бы процвѣтать, когда версальскій кабинетъ разсудилъ уступить этотъ архипелагъ Испаніи. А климатъ этихъ острововъ столько же, если не больше, суровъ, какъ и климатъ Магелланова-Пролива. Почему же бы европейскому поселенію не удержаться на какомъ-нибудь мѣстѣ этого канала?

Англія вѣрно первая подастъ тутъ примѣръ, какъ подаетъ его всегда въ подобныхъ дѣлахъ, къ стыду прочихъ морскихъ державъ. Известно, что многіе офицеры британскаго флота предлагали лондонскому кабинету завести колонію на магелланическихъ земляхъ. Доказательствомъ, что такое предложеніе согласуется съ давнишнимъ планомъ ихъ правительства, служитъ всегдѣшнее стараніе Англіи удержать за собою обладаніе Малуинскими Островами, которые господствуютъ надъ проходомъ мимо Мыса Горна, по Проливамъ Лемерова и Магелланову. Нельзя объяснить себѣ настойчивости Англичанъ въ сохраненіи этого архипелага иначе, какъ допустить, твердо-задуманный планъ сдѣлать изъ него передовую стражу новаго англо-американскаго королевства, или по-крайней-мѣрѣ опоры колоніи, основанной на южной оконечности Новаго-Свѣта. Посредствомъ обладанія Мысомъ-Доброй-Надежды и Вандименовымъ-Островомъ, составляющими оконечности двухъ частей свѣта при южныхъ полярныхъ моряхъ, Великобританія держитъ въ своихъ рукахъ ключи отъ Атлантическаго и Тихаго Океановъ. Оконечность Южной-Америки есть третій господствующій пунктъ южнаго полушарія; вмѣстѣ съ двумя прочими, она замыка-

есть всѣ пути, которыми могутъ совершаться кругосвѣтные плаванія и торговля. Когда Англичане утвердятся въ Магелланіи, то, при помощи принадлежащихъ имъ промежуточныхъ пунктовъ, каковы Острова св. Елены и св. Маврикія, они въ состояніи будутъ держать великія моря земнаго шара въ такомъ же надзорѣ и зависимости, въ какомъ Гибралтаръ, Мальта и Корфу держатъ Средиземное-Море. Тогда владычество на всѣхъ моряхъ будетъ уже вполне принадлежать одной Англіи!

II.

ПЛАВАНІЕ ВО ЛЬДАХЪ.

Географы признаютъ Голландца Гуэритка первымъ мореходцемъ, проникшимъ въ южныя полярныя страны, въ 1600 году. Судно, на которомъ находился этотъ плаватель, составляло часть эскадры, бывшей подъ начальствомъ Симона де-Кордъ. Отбитый вѣтромъ отъ эскадры, онъ загнанъ былъ подъ 64 градусъ южной широты, гдѣ открылъ земли, оказавшіяся потомъ островами Новой-Южной-Шетландіи (New-South-Shetland).

По прошествіи почти двухъ столѣтій, въ 1770 году, Кергеленъ, посланный въ тѣ же моря, не достигъ цѣли своего путешествія, и воротился въ Европу, открывъ только землю, носящую его имя.

Почти въ то же время знаменитый Кукъ получилъ опасное порученіе перенестись подъ самыя дальнія градусы южной широты, какого только можно будетъ достигнуть, и такимъ образомъ объехать земной шаръ, держась сколь-можно ближе антарктическихъ странъ. Неустрашимый мореходецъ съ честью выполнилъ порученіе, открылъ Сандвичеву-Землю, и проникъ до $71^{\circ} 15'$ южной широты черезъ меридіанъ 100° запада. По основательнымъ замечаніямъ д'Юрвиля, вѣроятно, англійскій капитанъ, самъ того, не подозревая, зналъ южный материкъ, котораго существованіе предполагалъ.

Съ 1774 до 1819 года, ни одна держава не рѣшалась возобновить предпріятіе Кука. Основываясь на болѣе или менѣе вѣроятныхъ гипотезахъ, всегда подозревали, что существуетъ полярный материкъ, но не старались открыть его. Наконецъ, 19 февраля 1819 года, Англичанинъ Смитъ, капитанъ купеческаго корабля, увидѣлъ Новую-Южную-Шетландію. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, Бренсвиллъ увидѣлъ тѣ же самыя земли, и достигъ до 56° широты.

Въ томъ же году, русскому капитану Беллингсгаузену поручено было съ двумя судами обозрѣть эти почти-неизвѣстныя страны. Въ первую свою поѣздку къ полюсу, достигъ онъ до $69^{\circ} 30'$, не замѣтивъ никакой земли; во вторую же, проникъ до 70° , и продолжая путь на востокъ отъ мѣста, гдѣ Кукъ нашелъ свободный проходъ, открылъ подъ $69^{\circ} 30'$ два острова, которымъ далъ имена Александра I-го и Петра I-го.

Между-тѣмъ какъ Беллингсгаузенъ оканчивалъ свои поиски, Американецъ Пальмеръ (Palmer), капитанъ небольшого рыболовнаго судна, открылъ землю, которой оставилъ свое имя, и которая прежде на англійскихъ картахъ означалась подъ названіемъ *Земли-Троицы*. Тотъ же мореходецъ, вмѣстѣ съ Англичаниномъ Пуллемъ, къ извѣстнымъ уже остро-

вать этихъ печальныхъ вѣдъ прибавилъ Новые-Южные-Орландскіе Острова (New-South-Orkney).

Только для счета должно упомянуть о путешествіи Американца Моррелла (Mottell), который въ 1820 году будто бы проникъ до 70 градуса южной широты, но который послѣ уличенъ былъ во лжи.

Исследование Уиддла также было подозрѣваемо въ неточности; но все доказываетъ, что это обвиненіе несправедливо. Уиддль, простой человекъ, занимавшійся тюленьимъ промысломъ, но безстрашный мореплаватель, прибылъ въ антарктическіе льды въ теченіе января 1823 года, и могъ безпрепятственно достигъ 74 градуса широты подъ меридіаномъ 36° 40'. Следовательно, онъ тремя градусами зашелъ дальше капитана Кука. Это было большою удачею; потому и путешествіе Уиддла падвало много шума между мореплавателями и учеными.

Путешествіе капитана Генриха Форстера, совершенное въ 1829 году, было не очень важно, и признано полезнымъ только въ ученомъ отношеніи.

Наконецъ, англійскій капитанъ Бискоз, посланный въ тѣ же воды въ 1830 году, дошелъ до 68° 51', и открылъ землю Эндерби подъ 66° 2' южной широты и 42° восточной долготы. Во вторую свою поѣзду, Бискоз увидѣлъ островъ, который назвалъ островомъ *Аделаиды*, и болѣе значительную землю, лежащую подъ 64° широты и 68° долготы. Земля эта, которую онъ назвалъ землею *Грааме*, больше известна подъ ея собственнымъ именемъ.

Мы сдѣлали перечень исследованийъ антарктическаго полюса для того, чтобъ показать, какъ экспедиціи въ эту часть свѣта были рѣдки и недостаточны, особливо въ сравненіи съ морскими кампаніями въ полярныя страны северныя. Между-тѣмъ, какъ на северъ предпринималось семидесятъ путешествій — то для отысканія знаменитаго прохода на западъ, то для открытія новыхъ земель и достиженія полюса, — до сихъ поръ едва можно насчитать десятокъ путешествій на югъ. Всякому известна причина этой разницы: плаваніе въ южныхъ льдахъ гораздо труднѣе плаванія въ странахъ арктическихъ. Не то, чтобъ холодъ на северъ былъ слабѣе, чѣмъ на югъ, — отнюдь нѣтъ; но онъ не такъ ровенъ, и льды, будучи подвижны, позволяютъ кораблямъ, въ извѣстныя времена года, заходить даже къ полюсу. На югъ, встрѣчаются льды даже подъ такими широтами, куда бы, казалось, они не должны были доходить, и мореплаватели иногда съ 62 или 63 градуса бываютъ останавливаемы непроходимою преградою. Откуда же такая подвижность въ северныхъ льдахъ? Вотъ вѣроятная ея причина:

Если великое протяженіе земель, прилегающихъ къ арктическому полюсу, благопріятствуетъ образованію огромнаго количества льдовъ, то съ другой стороны оно же условливаетъ значительное развитіе теплоты: Когда солнце освѣщаетъ boreальныя страны, то лучи этого свѣта истребляютъ отъ отраженія, производимаго землей, силу, которой они не могли бы, еслибъ падали только на море. Многіе плаватели видали, въ гренландскихъ моряхъ, въ некоторые дни года, что смола растапливалась и тѣла съ кораблей отъ дѣйствія чрезвычайной теплоты. То же обширное протяженіе земель позволяетъ отражать, дующимъ изъ экваторіальныхъ странъ,

или по крайней мѣрѣ, въ широкую часть, достигая до странъ, покрытыхъ льдами, и эти теплыя дуновенія могущественно дѣйствуютъ на массы замерзающей воды, Сверхъ-того, великое число рѣкъ, берущихъ истокъ въ теплыхъ странахъ, впадаютъ въ арктическія моря, и смѣшивая свои воды съ водами заливовъ, въ которыхъ онѣ исчезаютъ, нечувствительно возвышаютъ температуру, вода, гдѣ образуются морскіе льды. Отъ всѣхъ такихъ обстоятельствъ, вмѣстѣ взятыхъ, происходитъ, гр., что сѣверныя льды бывають, подвержены причинамъ такия, которыя, почти всегда столь сильны, что могутъ измѣнять ихъ формы и объемъ. Это еще на во. Въ сѣверныхъ моряхъ есть потоки, которыя проходятъ огромныя пространства съ востока на западъ, и которыхъ стремительность возрастаетъ по мѣрѣ сжатія материковъ, между коими онѣ, принуждены двигаться. Эти потоки суть вѣрныя разрушители, для льдовъ, которые зами накопляютъ вдоль береговъ. Сила ихъ неодолима, и какъ-скоро солнечныя лучи, совокупно съ дѣйствіемъ вѣтровъ, начинаютъ растоплять ледяныя поверхности, онѣ далеко уносятъ ихъ отрывки, оставляя свободныя пространства тамъ, куда за нѣсколько дней плаватель не могъ проникнуть.

Ничего подобнаго нѣтъ въ краяхъ южныхъ. Земля тамъ лежитъ удаленно и удалена отъ всякой страны, имѣющей теплый климатъ; море также занимаетъ обширнѣйшее пространство, и потому солнце не можетъ тамъ, какъ на сѣверѣ, смягчать температуру лучистостью нагрѣтой земли. Съ другой стороны, материкъ, пользующійся экваторіальными жарами, не можетъ посылать къ южному полюсу вѣтровъ, дуящихъ на ихъ поверхности. Какъ Америка и Африка, отщипываются на южъ узкими полосами, и Ван-Дименова-Земля, продолжающая къ томъ же направленію Азію, имѣетъ разрывы ничтожныя въ сравненіи съ размерами окружающаго ее океана, то и выходитъ, что теплыя вѣтры доходятъ до южныхъ полярныхъ странъ, охлажденные обширными пространствами моря, которыя онѣ прошли, чтобы туда достигнуть. Нѣтъ рѣкъ, которыя могли бы нагрѣвать массу замерзающей воды. Потоки, по отсутствію всякой могучей движущей причины, не могутъ быть столь сильны, какъ потоки сѣвернаго пояса. Отсюда меньшая возможность видоизмѣненія и холода льдовъ около южнаго полюса; отсюда, следовательно, также гораздо-большія трудности плаванія въ этой оконечности, земнаго шара, чѣмъ по морямъ сѣвернымъ. Разница въ подвижности льдовъ, объясняется безуспѣшностью большей части попытокъ проникнуть подъ ледяныя южныя широты, тогда-какъ сѣверъ могъ въ сколько разъ быть послѣдуемъ даже за 83-й градусъ широты.

Препятствія, полагаемыя усиліямъ человека, природою, были самымъ сильнѣйшимъ побужденіемъ для мореходцевъ и ученыхъ. Нетерпѣніе такъ и другихъ, не могло укротиться послѣ счастливаго путешествія Уилда и удачной экспедиціи Бископа. Всякая великая морская нація пожелаала ознакомиться съ южными полюсомъ, который какъ-будто захотѣлъ открыть свои тайны, простому католону, неимѣвшему на то никакой оффиціальной обязанности. Франція, Англія и Соединенные-Штаты почти въ одно время назначили экспедиціи въ антарктическія страны. Франція подала примѣръ, и Домон - Дюроу досталась честь начать этотъ новый рядъ попытокъ для открытія материка, о которомъ столь давно мечтали.

Главнымъ назначеніемъ д'Юрвиля было — плыть по слѣдамъ Уиддла, и рѣшить, точно ли внутри ледянаго пояса, образовавшагося около острововъ, лежащихъ подь 60° и 70° широты, есть свободное пространство моря, по которому англійскій католовъ могъ безпрепятственно плыть до 74° 15'. Разрѣшивъ этотъ вопросъ, начальникъ экспедиціи долженъ былъ изслѣдовать антарктическія моря, устремляя преимущественно свои розыски на рѣшеніе задачи о существованіи южнаго материка.

Вышедъ изъ Магелланова - Пролива, экспедиція осмотрѣла весь берегъ Огненной-Земли до Лемерова - Пролива, — трудъ важный, который былъ пренебреженъ капитаномъ Кингомъ, и который выполнилъ со всею тщательностію г. Венсендонъ-Дюмуленъ, инженеръ *Астролябіи*. Наконецъ корветты востерали землю изъ виду, и пустились къ югу. 15 января 1838 года экипажи замѣтили первые плывучіе льды: «Эти льды, первые поразившіе наши взоры, были вѣсти разсматриваемы съ живѣйшимъ любопытствомъ, и сдѣлались предметомъ множества наблюденій. Матросы, при такомъ непривычномъ зрѣлищѣ, почувствовали, казалось, нѣкоторую робость. Дѣйствительно, это былъ авангардъ страшнаго врага, съ которымъ готовились они сражаться, и ничто не могло имъ ручаться, что они уцѣлѣютъ въ жестокихъ съ нимъ сшибкахъ». Нужно замѣтить, что суда находились еще только подь 59 градусомъ южной широты.

Съ этой минуты, количество льдовъ, разсыпанныхъ на пути двухъ кораблей, съ-часу-на-часъ возрастало. Однакожь корветты плыли свободно, и все давало право думать, что онѣ достигнутъ отдаленныхъ широтъ. Многіе достигли даже надеждою проникнуть далье Уиддла. Офицеры и матросы были исполнены радости и одушевленія.

Прошло шесть дней съ перваго появленія льдовъ. Наступило 22-е января. Командиръ легъ спать, надѣясь, при помощи попутнаго вѣтра, достигнуть на другой день 65 градуса. Но въ три часа съ половиною, его разбудила, объявляя, что проходъ запертъ. Онъ бросается на палубу, и въ-самомъ-дѣлѣ видитъ, что передъ *Астролябіей* возвышается ледяная преграда. То была уже страшная ледяная поверхность, твердая опояска, которую плователи ожидали встрѣтить гораздо-дальше!

При видѣ этой глыбы, капитанъ ощутилъ тѣмъ живѣйшее безпокойство, что ему вдругъ пришла въ голову мысль о неуспѣхѣ. Но первое впечатленіе скоро разсѣялось, уступивъ мѣсто заботамъ. Д'Юрвиль понялъ, что ему осталось одно средство: плыть вдоль окранны ледянаго пространства, держась къ востоку, и искать канала, гдѣ могла бы пройти корветта. Между-тѣмъ, какъ суда слѣдовали вдоль ледянаго берега, офицеры могли вдоволь налюбоваться страннымъ и великолѣпнымъ зрѣлищемъ, открывавшимся передъ ихъ удивленными взорами. «Зрѣлище это, говоритъ д'Юрвиль, сурово и величественно; оно выше всякаго описанія, и плавающая воображеніе, наполняетъ сердце невольнымъ ужасомъ. Нигдѣ чело-вѣкъ съ такою живостию не испытываетъ убѣжденія въ своемъ бессиліи. Очамъ его раскрывается новый міръ, но міръ неподвижный, печальный и безмолвный, гдѣ все грозитъ ему уничтоженіемъ. Тамъ, еслибъ онъ имѣлъ несчастіе быть предоставленъ самому-себѣ, ни одно пособіе, ни одно утѣшеніе, ни одна искра надежды не усладили бы его послѣднихъ минутъ...

До предельнъ горизонта, на востокъ и на западъ, простиралась огромная равнина ледяныхъ глыбъ, всякихъ формъ, нагроможденныхъ и беспорядочно натыканныхъ другъ-на-друга, въ родъ того, какъ мы видѣли на поверхности большой рѣки, когда наступаетъ минута вскрытія. Средняя вышина ихъ не превосходила 4 или 5 метровъ; но на этой мерзлой равнинѣ торчали тамъ-и-сямъ глыбы гораздо-большія, изъ которыхъ нѣкоторыя доходили до 30 и 40 метровъ вышины и имѣли сразмѣрный объемъ. Они казались высокими зданіями города, построеннаго изъ бѣлаго мрамора или альбаstra. Берега ледянаго пространства обыкновенно хорошо очерченны и обрублены въ видъ стѣны; но иногда они расколоты, разбиты; и образуютъ небольшіе и неглубокіе каналы, гдѣ могли бы плавать мелкія суда, но куда съ трудомъ вошли бы наши корветты. Тогда сосѣдніе льды, тревожимые и вращаемые валами, находятся въ непрерывномъ движеніи, которое необходимо ихъ скоро разрушаетъ. Обыкновенный цвѣтъ этихъ льдовъ сѣроватый, въ слѣдствіе почти-постояннаго тумана. Если же случается, что туманъ пропадаетъ, и солнечные лучи могутъ обвѣщать спелу, то происходятъ истинно-чудесныя оптическія явленія. Словно большой городъ воздымается среди инея съ своими домами, дворцами, укрѣпленіями и колокольнями. Иногда передъ глазами будто красивая колонія, съ звѣнками, деревьями и веселыми рожицами, осыпанными легкимъ снѣгомъ. Глубочайшее безмолвіе царствуетъ посреди этихъ мерзлыхъ равнинъ; жизнь имѣетъ представителей только въ нѣсколькихъ глубинахъ, вьющихся безъ шума, или китахъ, которыхъ тяжелое и глухое дыханіе по времени нарушаетъ это безотрадное однообразіе». Въ другой мѣстѣ капитанъ такъ дополняетъ свое описаніе ледяной равнины: «Удивительное множество окружавшихъ насъ льдовъ представляло видъ благоустроеннаго города съ палатами, куполами, шпицами, арками и мостами въ развалинахъ. По временамъ, когда солнечные лучи падали, подъ надлежащими углами, на блестящія стѣны этихъ кристалльныхъ глыбъ, она казались окнами множества дворцовъ, отражающими первые огни восходящаго солнца. Мы не могли налюбоваться великолѣпными явленіями, и раздумывали, что это было бы предметомъ дивной панорамы, еслибы можно было вѣрно его представить».

Однакожь корветты повернули къ сѣверу и отправились обозрѣвать Южные-Оркадскіе Острова. Не достигнувъ еще этихъ острововъ, они очутились между двухъ краевъ ледяной равнины, которая открылась передъ ними; но имъ удалось выбраться въ открытое море. Офицеры наблюдали глыбы по истинѣ удивительныя формою и величиною. «Одна изъ нихъ, говоритъ д'Юрвилль, казалась огромною колокольней въ 76 метровъ высоты; другая, которую прошли мы только на разстояніи полумили подъ вѣтромъ, походила сначала на большую круглую цитадель, съ боками совершенно-отвѣсными и гладкими какъ зеркало; когда мы находились въ приличномъ положеніи, пробованна въ ея стѣнахъ показала намъ, что она была рѣшительно пуста внутри, и тогда казалась обширнымъ амфитеатромъ со ступенями; въ 40 метровъ вышины и слишкомъ 300 въ діаметръ; такъ что напомнила мнѣ исполинскій Колизей Рима».

Подобно большей части мореходцевъ, адмиралъ д'Юрвилль думаетъ, что

ледяныя горы образуются при берегахъ земли, а не въ открытомъ морѣ, гдѣ постоянное движеніе волнъ должно препятствовать смерзанію. Образованіе однажды, глыбы во время вскрытія или въ слѣдствіе какого-нибудь потрясенія отрываются отъ береговъ и уносятся въ средину океана. Тамъ, если море спокойно, она становится центрами и точками опоры для доувучихъ льдинъ, которыя, набираясь мало-по-малу, составляютъ наконецъ огромныя ледяныя пространства. Такимъ образомъ архипелаги и материка производятъ толстыя льдины, а она — ледяныя пространства. Мнѣнію повидимому, основательное; однакожь оно только гипотеза, и слѣдственно не можетъ возвыситься до достоинства теоріи. Впрочемъ, таковы всѣ системы на счетъ образованія морскихъ льдовъ: достоинство ихъ чисто отъносительное. Что же касается до мнѣнія, которое, по одному тому, что морскіе льды даютъ прѣсную воду, утверждаетъ, будто льды эти образуются исключительно при устьяхъ рѣкъ, то оно давно признано ложнымъ. Прѣсность воды изъ ледяныхъ горъ не доказываетъ образованія на берегу рѣкъ; она происходитъ отъ необъяснимаго доседа феномена превращенія. Эти ледяныя острова образуются на самомъ морѣ, — фактъ вѣднѣе доспоримый.

Экспедиція не могла пристать къ Южнымъ-Оркандскимъ-Островамъ до множества окружающихъ ихъ льдовъ. Она поплыла въ сѣверо-восточномъ направленіи, возвратилась подъ 58 градусъ 40' широты, потомъ, повернувшись на югъ, снова пошла къ тому поясу, гдѣ встрѣтила ледяное пространство. Оно оказалось подъ 62 градусомъ широты; но на этотъ разъ начальникъ экспедиціи и офицеры, рѣшившись подвергнуться опасностямъ борьбы со льдами, смѣло пустились въ первый открывшійся передъ ними проливъ. 4 февраля 1838 года, въ полдень, корветты дерзко ринулись въ узкій проходъ, образованный параллельными берегами ледянаго острова, двѣнадцать миль, гдѣ для ледяныя стѣны, которыя, раздѣляясь по утрамъ, дали имъ проходъ, закрываются за ними и отнимутъ всякую надежду возвратиться тамъ попутемъ; слѣдовательно, надо было открытой силою пролагать себѣ путь сквозь безчисленныя льдины, останавливавшія ходъ кораблей. Началась страшная борьба между судами и доувучими глыбами, между человекомъ и природою. Въ описаніи путешествія капитана Джона Росса есть мѣсто, которое можетъ дать понятіе о положеніи корабля, принужденнаго сражаться съ движущимися льдами; «Вообразите, говоритъ англійскій мореплавецъ, ледяныя горы, которыя влечетъ въ узкій проходъ вътеръ для быстрого теченія, которыя сталкиваются, подобно встрѣтившимся скаламъ, съ громавыми трескомъ, отрываютъ одна отъ другой огромныя куски, разбавляютъ одна другую, и, потерявъ наконецъ равновѣсіе, падаютъ въ море, выплескивая волны и поднимая вихри, между-тѣмъ какъ ледяныя горы, наткнувшись на эти массы или на эти скалы, летятъ изъ моря обломками, на нихъ же обрушающимися, и такимъ образомъ увеличиваютъ смѣтеніе и шумъ, который отъ того происходитъ, и котораго описать невозможно. Не легко, въ самомъ дѣлѣ, знать и чувствовать свое безсиліе при подобномъ случаѣ. Нѣтъ минуты, когда бы можно угадать, что будетъ въ слѣдующую минуту. Нѣтъ шага, который бы не могъ быть послѣднимъ. Если окружающій насъ шумъ, дошестіе, сумятица отвлекаютъ вниманіе и не позволяютъ

ему ни на чужбѣ, оставаться среди такого смятенія, оно должно однакожь безпрестанно быть на - сторожѣ, чтобъ воспользоваться первою минутою, кака предстанетъ для избавленія опасности. Не смотря на это (а тутъ-то труднѣйшая задача), вѣчно дѣлать, не за что приняться, и хотя одна уже видъ окружающаго движенія побуждаетъ моряка къ дѣятельности, хотя онъ насилу можетъ подавить инстинктъ, заставляющій его помышлять о сохраненіи себя въ минуту опасности, ему должно вооружиться терпѣніемъ, будто постороннему зрителю, и покорно ждать участи, которой нельзя ни перемѣнить, ни предвидѣть». Таковы были опасности, грозившія экипажамъ *Астролябіи* и *Усердной* среди льдовъ замерзшаго пространства.

Корветты скоро очутились въ бассейнѣ, въ два миля шириною. Со всѣхъ сторонъ видѣли они только непрерывную ледяную стѣну. Путешественники были рѣшительно заперты.

Для начальника экспедиціи такое положеніе должно быть полно ужаса и безпокойства. Горестная судьба, угрожавшая его спутникамъ, отвѣтственность на немъ лежавшая, скорбь видѣть свои усилія покидаемыми счастьемъ, должны были наполнить сердце капитана д'Юрвилля самыми мучительными чувствами. Надобно было однако нисколько не обнаруживать собственныхъ ощущеній, сохранять непоколебимое хладнокровіе, и ободрять экипажи обѣихъ кораблей поведеніемъ, чуждымъ безпокойства и смущенія. Командиръ не уналъ духомъ. Онъ удивлялъ всѣхъ своею бодростью и твердостью. Уже одного благороднаго выполненія тягостнаго долга въ такомъ критическомъ обстоятельствѣ достаточно бы для доказательства превосходства его ума и характера. Прибавьте, что и товарищи его приключеній обнаружили неустрашимость, долженствовавшую облегчать начальнику бремя его положенія. Въ обѣихъ экипажахъ незаметно было ни малѣйшей боязни; офицеры весело поздравляли другъ-друга съ отъѣгомъ и дрались за широкимъ пуншевыми чашами, зажженными для празднованія этого достопамятнаго дня. Начальство обѣихъ корветтъ дѣлало другъ другу визиты, и самая откровенная веселость господствовала при этихъ свиданіяхъ. Французскій характеръ выказывался у большей части этихъ людей, которыхъ судьба поставила лицомъ-къ-лицу съ ужасными опасностями (*).

Первою марою, принятою командиромъ, было прикрѣпить оба судна ко льдинамъ. Онъ, конечно, не предвидѣлъ ужасовъ ночи. Проснувшись внезапно, часовъ въ одиннадцать вечера, онъ услышалъ смутный шумъ, въ которомъ сперва не могъ дать себѣ отчета. «То слышались ему рѣзкіе и жестокіе удары, сопровождаемые сильными потрясеніями, издававшими звукъ подобный звуку большаго барабана, какъ-будто корветта натыкалась на скалы; то продолжительныя дрожанія, по-видимому столь необыкновенныя, что можно бы подумать, будто мощная сила обрываетъ и до-

(*) Англичане, подъ командою капитана Перри, показали столь же удивительную твердость. Принужденные зимовать въ приполярныхъ сѣверныхъ странахъ, подъ вѣсна-далекою широтою, они вдували, для развлечения, устроить, при свѣтѣ непрерывныхъ сумерѣкъ, маленькій театръ и играть итшавскую комедію. Матросы охотно забавлялись отнимъ представленіями, хотя ртутнорый термометръ показывалъ въ зѣлѣ сѣвѣтѣ 44. 80 градусомъ ниже нуля.

«имаетъ вся ея обшивки. Надо быть самому при подобной сценѣ, чтобъ «понять, какое странное впечатлѣніе производила она. Впрочемъ, при- «бавляетъ адмиралъ, черезъ минуту размышленія, я повѣлъ, что провес- «шисъ сквозь бассейнъ, гдѣ я прикрѣпился, *Астроллабъ* наткнулась на ко- «вецъ на льды, гдѣ сдѣлалась подвержена нападению льдинъ, которыя «вѣтеръ влекъ быстрее ея самой. Ударяясь объ ея киль, твердѣйшія и «свободнѣйшія изъ нихъ производили рѣзкіе и мгновенные удары; дли- «ннѣйшія и въ то же время наиболѣе-гѣсннми сосѣдними льдинами, усиль- «но скользи въдо ея боковъ, причиняли страшное треніе, которое будто «рвало ее на части».

Утромъ д'Юрвилль попытался выйдти изъ засады, въ которую попался; повернулъ носъ *Астроллабъ* къ сѣверу, и старался открытою силой разрушить ледяную ограду, за которою видѣлось море. Ринувшись въ всю быстротую въ первое представившееся ей отверстіе, корветта сѣло начала борьбу съ пловучими глыбами; но скоро остановилась передъ препятствіями, сопротивлявшимися ея ходу. Тогда матросы сошли на ледъ, и стали помогать судну выбираться изъ западни. Вооруженные пиками, ломанами, заступами, они съ величайшимъ усиліемъ разбивали ледъ; и когда проходъ становился сколько-нибудь свободенъ, тянули корветту руками, и такимъ образомъ она подавалась нѣсколько шаговъ впередъ. Можно вообразить себѣ всю тягость, всю утомительность и даже опасность такой работы. Вдругъ увидѣли на льду тюленей; всѣ наперерывъ омы передъ другими кинулись ловить ихъ, и передавать добычу натуралистамъ. Нѣсколько человекъ съ *Усердной* горячо преслѣдовали уродливыхъ амфибіи. Между-тѣмъ, какъ они забавлялись на мѣстѣ, куда вышлн стрѣль тюленя, корветта, несомая вѣтромъ, быстро удалялась. Капитанъ Жатинъ видѣлъ матросовъ, старавшихся принести добычу и незанятыхъ въ пространство, которое отдѣляло ихъ отъ корабля. Они кричали имъ, чтобъ они бросили тюленей и лодку, и воротились пѣшкомъ по льду, заграждавшимъ имъ проходъ. Но они не слушались. Между-тѣмъ, положеніе ихъ становилось чрезвычайно-критическимъ. На борту корветты всѣ трепетали страхомъ и печалью, при видѣ пятерыхъ человекъ, подвергавшихся опасности остаться безъ помощи среди этихъ ужасныхъ пустынь. Но охотники не робѣли. Таща бечевою лодку и тюленей, они все-таки пробирались по ледянымъ глыбамъ. *Усердная* замедлила ходъ своей, и, пройдя, съ несомыханными усиліями, пространство около осьми сотъ метровъ, пятеро матросовъ достигли напоследокъ своего судна, при рукоплещеніяхъ всехъ товарищей. Корветты однако уже не поддавались впередъ. Вѣтеръ переизмѣнился и сдѣлался противнымъ. Столько трудовъ и усталости потеряны были напрасну! Собранные на советъ офицеры подали мнѣніе воротиться по тѣмъ же слѣдамъ. Черезъ нѣсколько минутъ корветты опять были уже въ своей тюрьмѣ.

Въ нѣсколько слѣдующихъ дней и ночей тѣ же безпокойства, тѣ же опасенія. Ничто не переизмѣнилось вокругъ судовъ. Ледъ становился даже плотнѣе и, образовавъ около корветтъ, готовъ былъ скоро совершенно окружить ихъ. Путешественники начинали предаваться грустнымъ размышленіямъ объ ожидающей ихъ участи, если имъ придется оставаться нѣсколь-

ко мѣсяцевъ посреди льдовъ. Экипажъ *Усердной* казался особенно встревоженнымъ перспективою опасности; однакожь офицеры, особливо же безстрашный капитанъ Жакино, сохранили всю свою энергію, и похлелся помогать начальнику до конца, что бы ни случилось. Положеніе командира было ужасно; но онъ умѣлъ скрывать свои чувства и внушать окружающимъ надежду, которой самъ можетъ-быть уже не имѣлъ.

Вступивши въ ледяное пространство 4 февраля въ полдень, а было уже 9 число; и такъ минуло пятеро сутокъ опасностей, жестокаго утомленія и нравственной муки! Наконецъ, пользуясь благоприятнымъ обстоятельствомъ, командиръ отдалъ приказъ сниматься съ якоря. Парыли вновь и снова старались одолѣть преграду, грозно предстоявшую корветтамъ. Истинно любопытно было, говорить д'Юрвиллю, видѣть неровный и урывчатый ходъ *Астролябии*. Всего чаще останавливаемая вдругъ, послѣ одного изъ своихъ порывовъ, слишкомъ-плотными льдами, она качалась и вырвалась въ продолженіи всколькихъ секундъ, потомъ, нацѣль порожнее мѣсто, кидалась въ это новое отверстіе. Въ эти минуты, она казалась смыщеннымъ животнымъ, которое, будучи принуждено бѣжать отъ преслѣдованія сквозь густой кустарникъ, попробовавъ ринуться сперва туда и сюда, и нацѣль потомъ удобное мѣсто, продолжаетъ бѣгъ свой. Въ другой разъ, не могши найти выхода, корабль страшно нагибался на бокъ, будто чаемого отъ стремленія своихъ парусовъ; ибо вѣтеръ скоро сильно поослаждалъ, и мачты несколько разъ грозили рухнуть на палубу. Тогда надобно было прибѣгать къ бабелтовамъ, и проворно подбирать весь паруса. Но самыми критическими минутами были тѣ, когда корветта, ринувшись всю диллю, была увлекаема, почти-неизбѣжнымъ образомъ, прямоюю на какую-нибудь глыбу, объ которую носовая часть ея неминуемо должна была разбиться. Тогда дѣйствіе руля, часто стѣсненнаго льдами, было совершенно-недостаточно; надлежало прибѣгать къ переднимъ и заднимъ парусамъ и быстро ими распорядиться, смотря по обстоятельствамъ.

Борьба была ужасна, но кратковременна. Въ четыре часа вечеромъ, корветты, все избитыя, достигли предѣла ледянаго пространства. «Спаслись!» была общій крикъ на обоихъ судахъ, и командиръ затрепеталъ отъ радости, увидѣвъ, что *Астролябия* и *Усердная* побѣдоносно пѣяли въ прозрачныхъ волнахъ. Человекъ восторжествовалъ надъ природою!

Однакожь первая часть предложенной д'Юрвиллю задачи была еще не решена: еще не знали, свободенъ ли былъ пунктъ, по которому могъ пройти Уиддль. Въ слѣдствіе того, экспедиція, ознакомившаяся теперь со льдами, направилась вдоль ледянаго пространства, около котораго и шла до 14 февраля. Наконецъ она достигла 33 градусовъ 11' западной долготы, и 62 градусовъ 3' южной широты. Тутъ она находилась именно на пути, по которому плылъ англійскій китоловъ въ 1823 году. Горестъ экипажей достигла высшей стѣпени, когда они увидѣли, что проходъ запертъ неразскаемыми льдами. И такъ Уиддль встрѣтилъ самымъ благоприятнымъ обстоятельствомъ и былъ вспомоествуемъ чрезвычайно-тихимъ временемъ года, слѣдовавшимъ за жестокою зимою. Французскіе мореходцы были не такъ счастливы, и благородныя услія ихъ сокрушились о непредвидѣнную

препону. После этого уже ничего не оставалось предпринять, дальше на югъ; экспедиція вернулась и направилась къ западу.

Во время всего этого осмотра ледяного пространства, особенно же во время пребыванія во льдахъ, капитанъ д'Юрвилль постоянно показывалъ себя достойнымъ столь труднаго и столь тягостнаго порученія, какое было возложено на него. Не смотря на удручавшія его физическія страданія, бодрость, энергія и присутствіе духа не покидали его ни на минуту. Слутники его единогласно воздаютъ честь характеру и талантамъ истинно-высокимъ, которые обнаружилъ онъ въ этихъ необычайно-критическихъ случаяхъ. Мы съ удовольствіемъ прочли отрывокъ изъ дневника капитана Жакино, искуснаго командира *Усердной*, гдѣ этотъ офицеръ протосердечно выражаетъ удивленіе къ отличному поведенію своего начальника. Это свидѣтельства, которыхъ не могутъ ослабить никакія нелѣпыя и предосудительныя выходы.

Скорбь командира *Астролябии* заставила его почти обвинять во лжи Уиддла. Ничто однако не давало ему права на подобное заключеніе. Если французскую экспедицію остановили льды, изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобъ англійскій мореходецъ встрѣтилъ то же препятствіе. Напротивъ, успѣхъ усилій капитана Джемса Росса, который прошлаго года проникъ до 78° 15' южной широты, победоносно доказываетъ истину словъ Уиддла. Французамъ просто не посчастливилось! Замѣчательно, что тотъ же злой геній, который принуждалъ д'Юрвилля воротиться назадъ тамъ, гдѣ другой нашелъ себѣ легкій путь, преслѣдовалъ его во всѣхъ его морскихъ кампаніяхъ, и не отставалъ до самой смерти, столь плачевной.

20 февраля, экспедиція опять увидѣла группу Южныхъ-Оркадскихъ-Острововъ. Г. Венсендонъ-Дюмуленъ, отличившійся во все время путешествія *Астролябии* усердіемъ и талантомъ, пополнилъ географію этого южнаго архипелага.

По близости Южныхъ-Оркадскихъ-Острововъ, д'Юрвилль замѣтилъ огромныя пловучія кипы того исполинскаго *фукуса*, котораго стволы взумала Кука своей чудесной лавою. Противоположность, какую въ отдѣленныхъ широтахъ представляютъ растительное царство земное и растительное царство подводное, ведетъ къ тому физиологическому закону, что когда огромныя растительныя формы исчезаютъ на материкахъ, то переходятъ въ воду (*).

Плывя все къ западу, экспедиція увидѣла Островъ-Слононый и Островъ-Кларенци, составляющіе часть Новыхъ-Южныхъ-Шетландскихъ-Острововъ, архипелага пустаго, покрытаго вѣчными льдами, подобно всемъ землямъ этого пояса. Подвигаясь потомъ къ юго-западу, она увидѣла землю, не означенныя ни на одной картѣ. Это было ее первымъ открытіемъ въ приполярныхъ странахъ. Земля эта идопредѣленно гласилась на юго-западъ, между 63 и 64 градусами южной широты. Ее назвали *Землею-Луи-Филиппа*. Другая, замѣченная на восточной сторонѣ, получила названіе *Земли-Принца-Жуанвильскаго*. Наконецъ обширное отверстіе, отдѣляющее Землю Луи-Филиппа отъ Земли-Троицы, наименовано *Каналомъ-Герцога-Орлеанскаго*.

(*) *La Pile, Flore de Terre-Neuve.*

Покинувъ воды, гдѣ сдѣланы эти открытія, корветты пошли осмотрѣть западную оконечность Южныхъ-Шетландскихъ-Острововъ. Потомъ, по чрезмѣрной усталости экипажей, командиръ рѣшился воротиться въ Чилийскую Гавань, для почивокъ и для доставленія своимъ спутникамъ отдыха, сдѣлашагося уже необходимымъ.

Результаты этой первой поездки во льды можно вкратцѣ обозначить такимъ образомъ: предпріятіе на югъ неудачное, но положительно подтвердившее существованіе ледяной преграды на мѣстѣ, пройденномъ Уэдделемъ; весьма-точный чертѣжъ, сдѣланный г. Дюмулономъ всего пространства ледянаго острова, вдоль котораго плыли корветты; обзоръ Южныхъ Оркадовъ и Острововъ-Новой-Южной-Шетландіи; открытіе земель Луи-Филиппа и Принца-Жуанвильскаго, открытіе, стоящее проплытія нѣсколькими лишними градусами къ полюсу; наконецъ, многочисленныя наблюденія физическія, магнетическія и метеорологическія, и любопытныя образчики до естественной исторіи, — вотъ плоды этого тяжкаго плаванія въ южныя приполярныя страны. Оно было не безплодно, но этого едва-ли можно было для д'Юрвилля. Убѣдившись въ неуспѣхѣ своей первой попытки, онъ рѣшился сдѣлать вторичное помышленіе обзрѣть тѣ же страны; но съ осмотра Океаніи; но на этотъ разъ онъ хотѣлъ пуститься къ полюсу съ другой точки. Этого намѣренія не доверили ему нѣкоторые изъ подчиненныхъ, опасаясь, чтобъ нѣкоторые изъ нихъ, устрешенные съжимъ еще воспоминаемъ понесенныхъ тягостей, не испугались новой поездки во льды, и чтобъ экспедиція такимъ образомъ не разстроилась въ самомъ началѣ.

Впрочемъ, безуспѣшность путешествія къ полюсу могли заставить капитана сожалѣть разве только о невыполненіи одного изъ специальныхъ пунктовъ инструкціи. Тутъ просто дѣло самолюбія, а утѣшиться въ такомъ случаѣ легко. Смотра съ точки полезности, неудача, разумѣется, гораздо-маловажна; ибо открытіе южнаго материка было бы только ученый интересъ; для мореплаванія и торговли оно не значило бы ничего для почти ничего. Что за выгоду можетъ доставить мореходству совершенное знаніе безплодныхъ земель, постоянно-окруженныхъ непроходимыми льдами и такими густыми туманами, что мореплаватели, всего чаще, замѣчаютъ эти земли только тогда, когда готовы на нихъ наткнуться, — странъ безлюдныхъ, пустынныхъ, и сверхъ того удаленныхъ отъ всякаго обыкновеннаго пути? Торговля также почти-ничего не выиграетъ отъ разрѣшенія вопроса. Въ самомъ дѣлѣ, тюлени, обитавшіе въ этихъ странахъ, въ нѣсколько лѣтъ такъ переведены англійскими и американскими промышленниками, что стали весьма-рѣдки; ихъ даже почти ужъ нѣтъ въ архипелагахъ Южныхъ-Оркадскихъ и Южныхъ-Шетландскихъ-Острововъ. Китовъ, правда, находятъ очень много въ соседнихъ полярному кругу моряхъ; но порода, называемая *солоникомъ*, единственная, которой ищутъ китоловы по обилію получаемому отъ нея жира и по легкости, съ какой ее бьютъ, столько жъ рѣдка, какъ и тюлени, по-крайней-мѣрѣ въ пустыняхъ, пройденныхъ экспедиціей. И такъ одна наука приобрѣла бы что-нибудь отъ полнаго узнанія южнаго материка; но и тутъ великіе вопросы магнетизма и общей физики земнаго

шара не могут ожидать очень-яркаго свѣта отъ открытія этой отдаленной земли.

Извѣстно, впрочемъ, что адмиралъ д'Юрвиль сторицею вознаграждалъ себя при концѣ кампаніи открытіемъ *Земли-Адели*, составляющей часть материка, исканнаго съ такимъ любопытствомъ. Но не станемъ покамѣстъ говорить о послѣдней части путешествія корветтъ, и отложимъ до изданія послѣдняго тома описанія подробности этой удачи.

Астролябія и *Усердная* вошли, 6 апрѣля 1838 года, въ Чилийскій Портъ Талкагуано. Скорбуть, этотъ страшный врагъ моряковъ, свирѣпствовалъ на судахъ, особливо на *Усердной*, гдѣ оставалось не больше десятка человѣкъ здоровыхъ. Пора была пристать къ землѣ, чтобъ вылечить больныхъ, да и закрыть раны корветтъ, столь жестоко поврежденныхъ льдами.

Слѣдующіе томы поведутъ насъ въ Океанію. Мы отдадимъ въ нихъ отчетъ, какъ скоро они выйдутъ въ свѣтъ. Въ числѣ результатовъ, которые намъ придется исчислять, поставимъ на первомъ мѣстѣ результаты любопытныхъ трудовъ г. Дюмутѣ. Черепа и бюсты, снятые этимъ искуснымъ френологомъ, — совершенная новость въ антропологическомъ отношеніи. Они прольютъ яркій свѣтъ на фзіологію океаническихъ племенъ и на соединенные съ тѣмъ этнологическіе вопросы, особливо когда можно будетъ ихъ сравнить съ лингвистическими свидѣніями, собранными самимъ адмираломъ д'Юрвилемъ. Записка, читанная въ Академіи Наукъ г. Серромъ, касательно этой части результатовъ экспедиціи, показываетъ всю важность, какую должны имѣть для науки наблюденія и коллекціи г. Дюмутѣ.

Описаніе, составленное адмираломъ д'Юрвилемъ, ясно, просто, часто живописно, вездѣ увлекательно. Оно очищено отъ всякаго ученаго разглаживанія, и написано больше для свѣтскихъ людей, чѣмъ для ученыхъ по ремеслу. Начальникъ экспедиціи понялъ, что приличнѣе было предоставить спутникамъ достоинство ученыхъ подробностей, а самому ограничиться простой исторической частью путешествія. Плодомъ этого мнѣнія была книга, которую всякій прочтетъ съ удовольствіемъ, что рѣдко случается съ сочиненіями о подобномъ предметѣ. Почти вся описанія путешествій бывають написаны тяжело и не нравятся читателю сколько сухостію разсказа, столько жъ и смѣшеніемъ матеріаловъ. Этого недостатка не было бы, еслибъ на каждое судно, посланное съ ученымъ назначеніемъ, брали историографа, обязаннаго исключительно заниматься исторіею путешествія, подъ надзоромъ командира. Берутъ же рисовальщиковъ: почему бы не брать писателей? Еслибъ въ шницбергенской экспедиціи не было между спеціальными людьми отличнаго литератора, вѣрно публика никогда бы не узнала Исландіи и другихъ странъ, посѣщенныхъ экипажемъ *Изисканія* (la Recherche). Еслибъ Перонъ, будучи превосходнымъ натуралистомъ, не былъ вмѣстѣ и краснорѣчивымъ писателемъ, путешествіе его вѣроятно было бы давно забыто.

Избѣгаемъ здѣсь всякихъ біографическихъ подробностей о Дюмон-д'Юрвилѣ. Удерживаемся отъ панегириковъ, и хотимъ представить покойнаго адмирала только тѣмъ, чѣмъ онъ действительно былъ, то-есть неустрашимымъ морякомъ, искуснымъ ботаникомъ, отличнымъ филологомъ и превосходнымъ начальникомъ экспедиціи. Этихъ неоспоримыхъ титуловъ достаточно, кажется, чтобъ оправдать его славу, снискавшую больше народности послѣ страшнаго проишествія, столь неожиданно и столь жестоко прервавшаго дня несчастнаго командира *Астролябіи*.

СОВРЕМЕННАЯ ХРОНИКА РОССИИ.

ОБОЗРѢНІЕ СОВРЕМЕННАГО ДВИЖЕНІЯ РУССКАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И РАСПОРЯЖЕНІЙ ПО ГОСУДАРСТВЕННОМУ УПРАВЛЕНІЮ ЗА ІЮЛЬ 1842 ГОДА.

I. ГОСУДАРСТВЕННЫЯ УЧРЕЖДЕНІЯ. (ИЗМѢНЕНІЕ И ДОПОЛНЕНІЕ СОСТАВА И ПРАВЪ ИХЪ).

— Въ Высочайшемъ указѣ, за собственноручнымъ Государя Императора подписаніемъ, данномъ Правительствующему Сенату 4 іюня, изображено: «для ограниченія усиліявшагося, во вредъ нравственности и здоровью жителей, непомернаго употребленія горячихъ напитковъ въ губерніяхъ и областяхъ, гдѣ существуетъ вольная оныхъ продажа, считая необходимымъ принять мѣры противъ размноженія числа мѣстъ раздробительной продажи сихъ напитковъ и възстѣ противъ сбыта оныхъ по цѣнамъ слишкомъ-низкимъ, Мы признали заблаго утвердить составленныя на сей конецъ министромъ финансовъ и въ Государственномъ Советѣ рассмотрѣныя правила о продажѣ горячихъ напитковъ по опредѣленнымъ цѣнамъ и положеніе объ акцизѣ съ мѣстъ раздробительной оныхъ продажи, и препроводя все сіе въ Правительствующій Сенатъ, повелеваемъ: 1) Означенныя постановленія, во всѣхъ поменованныхъ въ нихъ губерніяхъ и областяхъ, привести въ дѣйствіе съ 1 января 1843 года, съ тѣмъ, чтобы къ тому же сроку, въ теченіи двухъ послѣднихъ мѣсяцевъ выпившаго года, взяты были и учреждаемыя нынѣ свидѣтельства на мѣсто раздробительной продажи горячихъ напитковъ. 2) Въ тѣхъ случаяхъ, когда малороссійскіе казаки и войсковые обыватели изъявятъ желаніе, и въ слѣдствіе составленныхъ мірскихъ приговоровъ будутъ просить о дозволѣніи раздробительную продажу горячихъ напитковъ въ селеніяхъ ихъ откупать на откупъ съ публичныхъ торговъ, разрѣшить министрамъ государственныхъ имуществъ давать таковыя дозволенія съ тѣмъ, во-первыхъ, чтобы въ селеніяхъ, гдѣ, вмѣстѣ съ казаками и войсковыми обывателями, живутъ и крѣстьяне помѣщичьи, либо принадлежащіе другимъ ведомствамъ, означенная мѣра допускаема была непаче, какъ съ общаго на оную согласія владельцевъ и тѣхъ ведомствъ, и, во-вторыхъ, чтобы пѣз откупной суммы, слѣдующей въ пользу войсковыхъ обывателей и казаковъ, вносима была въ казну причитающаяся съ нихъ вѣшняя пошлина, а остатокъ за тѣмъ обращался для употребленія на ихъ же потребности, въ общественный сборъ. 3) По вниманію къ настоящему положенію казаковъ и

войсковыхъ обывателей, акцизный съ принадлежащихъ имъ заведеній и мѣсть раздробительной продажи горячихъ напитковъ сборъ, равно какъ и половину установленныхъ за нарушение правилъ о продажѣ вина по определенной цѣнѣ штрафовъ, предоставить, впредь до повелѣнія, также въ пользу ихъ обществъ, обращая акцизный сборъ на удовлетвореніе общественныхъ расходовъ, уплату винной пошлины, взносъ текущихъ податей и пополненіе недоимокъ, а штрафныя деньги въ хозяйственный капиталъ, по дальнѣйшимъ о томъ распоряженіямъ министра государственныхъ имуществъ.»

— Высочайше повелѣно: распространить на облигаціи Польскаго Казначейства 3-й серіи силу Высочайше утвержденнаго 8 марта 1839 года Мнѣнія Государственнаго Совѣта (опубликованнаго въ указѣ Правительствующаго Сената отъ 8 апрѣля 1839 года) о приѣмѣ въ залогъ по казеннымъ подрядамъ и поставкамъ и къ учету въ Коммерческомъ Банкѣ и конторахъ онаго облигацій первыхъ 2-хъ серій.

— Въ Именномъ Высочайшемъ указѣ, данномъ Правительствующему Сенату, изображено: указомъ даннымъ Правительствующему Сенату въ 11 день октября 1835 года, определено основаніе россійской метрической системы и въ слѣдствіе того приготовлено, подъ наблюденіемъ особой комиссіи, полное собраніе образцовъ россійскихъ мѣръ: длины, емкости жидкихъ и сыпучихъ тѣлъ и вѣса, которыя хранятся въ особомъ устроенномъ въ Санктпетербургской Крѣпости несгараемомъ зданіи, вмѣстѣ съ собраніемъ мѣръ и вѣсовъ главнѣйшихъ иностранныхъ государствъ, официально засвидѣтельствованныхъ. Съ упомянутыхъ образцовъ во всѣ губернія разосланы вывѣрочныя съ подлежащею точностію копіи аршина, фута, ведра и четверика. Сверхъ того, изданы сравненія съ россійскими: а) разныхъ иностранныхъ мѣръ и вѣсовъ и б) разныхъ мѣстныхъ мѣръ и вѣсовъ, кромѣ Закавказскаго Края. За сими распоряженіями, при надлежитъ принять нынѣ рѣшительныя мѣры къ повсемѣстному употребленію въ государствѣ однихъ россійскихъ мѣръ и вѣсовъ, и утвердивъ составленное на сей конецъ министромъ финансовъ и въ Государственномъ Совѣтѣ разсмотрѣнное положеніе, повелѣваемъ: 1) Положеніе сіе привести въ дѣйствіе съ 1-го января 1845 года во всѣхъ частяхъ Имперіи. 2) Постоянное наблюденіе за сохраненіемъ по всему государству единообразія въ вѣсахъ и мѣрахъ возложить на Министерства Финансовъ и Внутреннихъ Дѣлъ. Министерству Финансовъ, по Департаменту Горныхъ и Соляныхъ Дѣлъ, предоставляются: храненіе нормальныхъ образцовъ, въ вѣдомствѣ Санктпетбургскаго Монетнаго Двора состоящихъ, и проваждество дѣлъ по приготовленію и исправленію копій съ оныхъ; разрѣшеніе вопросовъ по части метрологіи, вывѣрки вновь-приготовляемыхъ вѣсовъ и мѣръ и клейменіе оныхъ. Наблюденіе же за вѣрностію находящихся въ употребленіи вѣсовъ и мѣръ, пресѣлованіе тѣхъ, у которыхъ будутъ найдены вѣсы и мѣры незаконныя, или невѣрныя, наказаніе виновныхъ и другія по сему предмету полицейскія распоряженія входятъ въ обязанности Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. 3) Надзоръ за устроеннымъ въ Санктпетербургской Крѣпости зданіемъ, въ которомъ помѣщены

россійскіе нормальныя мѣры и вѣсы и собраніе иностранныхъ. поручить Монетному Двору, который обязанъ пешись какъ о надлежащемъ охраненіи сего зданія, такъ и о поддержаніи оного въ исправности. 4) На сей конецъ опредѣлить въ видѣніи Монетнаго Двора особаго надъ упомянутымъ зданіемъ смотрителя, на ответственности котораго должны лежать содержаніе сего зданія въ должномъ порядкѣ и сохраненіе въ наличности нормальныхъ мѣръ и вѣсовъ и всѣхъ другихъ помѣщаемыхъ тамъ вещей. Смотрителю сему назначить, изъ суммъ Государственнаго Казначейства, жалованье въ 300 р. сер. и на квартиру 150 р. сер. въ годъ. 5) Для надзора за сохраненіемъ въ надлежащей исправности россійскихъ нормальныхъ мѣръ и вѣсовъ и собраніе мѣръ и вѣсовъ, иностранныхъ, назначить особаго ученаго хранителя изъ членовъ Академіи Наукъ, или другихъ лицъ, занимающихъ спеціальныя въ метрологіи свѣдѣнія, возложивъ на обязанность его, сверхъ помѣнутаго надзора: а) повѣрку копій основныхъ образцовъ и мѣръ, доставленныхъ отъ казенныхъ палатъ, градскихъ думъ или ратушъ, въ случаѣ сомнѣнія о вѣрности сихъ копій, отъ времени или другихъ обстоятельствъ повредившихся; б) исправленіе, чрезъ известныхъ механиковъ, копій вѣсовъ и мѣръ, которыя утратили свою точность; в) изготовленіе чрезъ таковыхъ же механиковъ вѣрнѣйшихъ копій россійскихъ мѣръ и вѣсовъ, еслибы оказалась въ нихъ надобность; г) представленіе мнѣній о всѣхъ могущихъ встрѣтиться по части метрологіи вопросахъ или случаяхъ, которые будутъ требовать особенной вѣрности въ измѣреніи и которыхъ мѣстныя начальства не будутъ въ состояніи разрѣшить, и д) всѣ другія занятія по видамъ ученымъ. 6) По доставленіи отъ ученаго хранителя вѣсовъ и мѣръ мнѣній по вышеприведеннымъ дѣламъ, и вообще по вопросамъ, которые могутъ встрѣтятся по части метрологіи, окончательное разрѣшеніе оныхъ предоставлять Академіи Наукъ, или назначать для того каждый разъ особыхъ экспертовъ. 7) Помѣнутаго ученому хранителю состоять въ непосредственномъ видѣніи министра финансовъ, которому предоставляется и избраніе его. На жалованье ему, независимо отъ получаемыхъ имъ по другимъ ведомствамъ окладовъ, назначить 1,200 руб. и на могущіе случиться расходы 300 руб. въ годъ, а всего 1,500 р. сер., которые отпускать также изъ Государственнаго Казначейства. 8) Расходы на содержаніе зданія, въ которомъ помѣщены нормальныя вѣсы и мѣры, заимствованы, съ разрѣшенія министра финансовъ, изъ оборотнаго капитала Монетнаго Двора. 9) Расходы на исправленіе въ какихъ-либо случаяхъ нормальныхъ мѣръ и вѣсовъ, или разосланныхъ по губерніямъ копій съ оныхъ, производить съ разрѣшенія министра финансовъ, изъ свободныхъ суммъ, остающихся отъ ассигнованій по горнымъ сметамъ. 10) Для предохраненія нормальныхъ мѣръ и вѣсовъ отъ всякаго, въ случаѣ какаго-либо непредвидѣннаго происшествія, взмѣненія или утраты, равно и для того, чтобъ образцы сими мѣръ во всякое время подлѣ рукой, по поводу могущихъ возникнуть въ губерніяхъ вопросовъ, копій съ оныхъ, подобныхъ тѣмъ, которыя разсылаются по губерніямъ, передать въ Правительствующій Сенатъ, въ Министерства: Военное, Морское и Внутреннихъ Дѣлъ, въ Академію Наукъ и въ Санктпетербургскій Монетный Дворъ; потребную же на пригодноленіе

сидя крѣпій огуномъ, простирающуюся до 2,443 руб. хер., отпустить изъ Государственнаго Кавказскаго.

— Въ Высочайшемъ указѣ, данному Правительствующему Сенату 9 июня, изображено: «По отдаленности и мѣстнымъ неудобствамъ жизни въ губерніяхъ и областяхъ сибирскихъ, а также въ Губерніяхъ: Астраханской, Оренбургской и Вятской и Области Кавказской, и въ уѣздахъ Вологодской Губерніи: Яренскомъ, Устьсысольскомъ и Сольвычегодскомъ, и Архангельской: Кольскомъ, Кемскомъ и Мезенскомъ, Мы признали за благо для гражданской въ сихъ мѣстахъ службы, установить частію вновь, а частію въ замѣнъ существовавшихъ донынѣ разнообразныхъ положеній, некоторыя особенныя преимущества, изъ-за чѣмъ того утвердивъ разсмотрѣнное въ Государственномъ Советѣ и у сего прилагаемое общее о таковыхъ преимуществахъ положеніе, повелеваемъ Правительствующему Сенату сдѣлать нужныя къ обнародованію и исполненію оного распоряженія и имѣть съ тѣмъ предписать къ руководству слѣдующее: 1) Издаваемъ настоящаго положенія замѣняются все прежнія по сему предмету постановленія, исключая только мѣстъ и чиновъ, въ самомъ томъ положеніи особо помѣнованныхъ, и Закавказскаго Края, для котораго остаются въ своей силѣ существующія нынѣ правила; 2) Отнынѣ впередъ во все назначенныя выше губерніи и области, чиновники и канцелярскіе служители могутъ быть посылаемы, съ определенными въ настоящемъ положеніи пособіями и преимуществами, не вѣдче, какъ по предварительномъ сношеніи съ тамошними главными мѣстными начальствами, или по ихъ требованію. Отправляющіеся же туда по собственному желанію, безъ требованія или согласія тамошнихъ начальствъ, ни на какое со стороны казны вспомошествованіе права не имѣютъ, и до действительнаго вступленія тамъ въ службу никакимъ особымъ преимуществомъ не пользуются. 3) Особенныя преимущества, положеніемъ симъ установленныя, предоставляются тѣмъ лишь чиновникамъ, которые поступаютъ въ должнѣсти, положенныя по росписанію гражданской службы не выше VI-го класса. Но преимущества сіи, исключая сокращеніе сроковъ, въ §§ 26 и 28 положенія определенное, не относятся вовсе: а) къ лицамъ, которые переходятъ изъ одного помѣнованнаго въ семъ указѣ мѣста въ другое; б) къ переходящимъ въ отдаленныя или малонаселенныя мѣста изъ губерній или областей, съ ними смежныхъ, кромѣ случая, когда въ Губернію Олонецкую поступаютъ чиновники и канцелярскіе служители изъ Губерніи Санктпетербургской, а въ Восточную Сибирь изъ Западной; по прослуженіи въ послѣдней не менѣе шести лѣтъ; 4) Все изложенныя здѣсь преимущества исполняются гражданской службѣ вообще по восьмѣ-ля отдаленности, съ сохраненіемъ притомъ для чиновниковъ учебной части Министерства Народнаго Просвѣщенія существующихъ особыхъ о провоздѣствѣ имъ пенсій правилъ. 5) Классныя чиновники, служащіе въ помѣнутыхъ мѣстахъ по управленіямъ морскому и военно-сухопутному, пользуются другими предоставленными имъ на основаніи военныхъ законовъ преимуществами.»

— Въ Высочайшемъ указѣ 24-го июня изображено: «Утвердивъ, по заключенію учрежденнаго нами особаго комитета, предположеніе о постройкѣ поставленнаго моста черезъ рѣку Неву, Мы признали за нужное потребо-

ную на сію постройку сумму, по невозможности покрыть столь значительный расходъ обыкновенными доходами здѣшней столицы, занять изъ кредитныхъ установлений, а для уплаты процентовъ и погашенія самого займа на 37-ми-лѣтнихъ правилахъ, согласно мнѣнію членовъ означеннаго комитета отъ купечества, по разсмотрѣніи дѣла сего въ Государственномъ Совѣтѣ, повелеваемъ: 1) со всѣхъ привозимыхъ къ санктпетербургскому порту иностранныхъ товаровъ взимать, сверхъ существующей теперь тарифной пошлины, прибавочный сборъ по $1\frac{1}{4}$ проц. съ пошлиннаго рубля; 2) взиманіе сего прибавочнаго сбора вачать съ 1-го января будущаго 1843 года, распространявъ оный и на всѣ привозные товары, которые къ тому сроку останутся въ пакгаузахъ Санктпетербургской Таможни неочищенными пошлиною.

II. ГУБЕРНСКІЯ УЧРЕЖДЕНІЯ. (Измѣненіе и дополненіе состава и правъ ихъ).

— Высочайше повелѣно: опредѣленную положеніями льготу отъ платежа процентнаго сбора на постройку въ городахъ повинность для вновь-возведенныхъ каменныхъ строеній на 10 лѣтъ, для деревянныхъ на каменномъ фундамента на 6 лѣтъ, и для деревянныхъ базъ каменнаго фундамента на 4 года, распространить и на строенія, возобновляемыя после пожаровъ.

— Въ слѣдствіе представленія объ издержкахъ на погребеніе умершихъ пензенскихъ людей повелѣно: а) погребеніе тѣхъ незвѣстныхъ людей, находимыхъ мертвыми въ жилищъ или умирающихъ въ полицейскихъ пощеніяхъ, возложить на обязанность гражданскихъ земскихъ полицій; б) для покрытія необходимыхъ при сихъ случаяхъ издержекъ, отпускатъ изъ казны такую же сумму, какая, по составляемымъ ежегодно въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ табелямъ, назначается приказу общественнаго призванія за погребеніе умирающихъ въ больницахъ оваго арестантовъ; в) предоставить полиціи употреблять деньги изъ казенныхъ суммъ, съ возвратомъ потомъ изъ уезднаго казначейства.

— Въ разрѣшеніе вопроса, должно ли постановленнымъ Св. Зак. Т. 4, въ ст. 615 правилами, воспрещающимъ военскимъ чинамъ, уволеннымъ отъ службы на инвалидное содержаніе, давать обывательскія квартиры, руководствоваться и въ отношеніи нижнихъ чиновъ, состоящихъ при инвалидныхъ командахъ на казенномъ содержаніи, Высочайше повелѣно: означеннаго воспрещенія на нижнихъ чиновъ не распространять, такъ какъ прежнее повелѣніе 1825 года, на которомъ упомянутое постановленіе основано, относилось собственно до однихъ офицеровъ; нижніе же чины, причисляемые къ инвалиднымъ командамъ, по старости лѣтъ и увѣчно бывъ лишены средствъ снискивать себѣ пропитаніе собственными трудами и немня родственниковъ, остаются на полномъ отъ казны содержаніи; а слѣдовательно и безъ отвода имъ обывательскихъ квартиръ, паравъ съ прочими нижними чинами, обойтись не могутъ.

— Именнымъ Высочайшимъ указомъ въ 24-й день іюня даннымъ, повелѣно: 1) Оренбургскую Межевую Контору закрыть, предоставивъ Правительствующему Сенату сдѣлать все нужныя по сему предмету распоряженія; 2) окончательное размѣщеніе Оренбургской Губерніи провозвести Ме-

жевой Канцелярии посредством собственных ея землемеров, и 3) пишущую остаться, по упраздненіи упомянутой Конторы; сумму обратитъ, по другому Высочайшему указу, въ сей же день состоявшемуся, на содержаніе Межевой Канцеляріи, въ новомъ ея составѣ, съ тѣмъ, чтобъ за удовлетвореніемъ сихъ издержекъ, излишекъ отъ означенной суммы былъ оставленъ въ сметѣ Министерства Юстиціи, для отнесенія, на счетъ оного, въ послѣдствіи, содержанія новыхъ межевыхъ конторъ и другихъ, необходимыхъ по межевой части расходовъ.

— Высочайше утверждены штаты Московской Канцеляріи для усиленія способовъ ея, и притомъ именнымъ Высочайшимъ указомъ въ 24-й день іюня повелѣно: 1) Штаты сей привести нынѣ же въ полное дѣйствіе, обративъ на покрытіе подлежащихъ по оному расходовъ: во-первыхъ, всѣ суммы, ассигнуемыя по сметѣ Министерства Юстиціи, какъ на членовъ и прочее содержаніе Межевой Канцеляріи, такъ и на состоящихъ при ней упраздненныхъ Межевыхъ Конторъ: Саратовской, Вятской и Екатеринбургской и закрываемой нынѣ Оренбургской; во-вторыхъ, всѣ другія свободныя суммы на устройство межевой части на той же сметѣ предназначеныя, а равно и въ указѣ 12 ноября 1841 года помѣнованныя; а въ третьихъ, имѣющую остаться, по упраздненіи Оренбургской Межевой Конторы, сумму, поступивъ въ распределеніи сей послѣдней на томъ основаніи, какъ въ вышеприведенномъ указѣ постановлено. 2) Для большей постепенности въ землемѣрныхъ должностяхъ, раздѣлить оныя на три разряда: VIII-го, IX-го и X-го классовъ и за сими наименованіе старшихъ и младшихъ землемѣровъ замѣнить званіемъ 1-го, 2-го и 3-го разрядовъ, а помощниковъ землемѣровъ положить: старшихъ въ XII-мъ классъ. 3) Выпускаемыхъ изъ Константиновскаго Межеваго Института воспитанниковъ предоставить межевому начальству, въ случаѣ неимѣнія вакантныхъ мѣстъ помощниковъ землемѣровъ, определять въ званія сія сверхъ штата, съ производствомъ жалованья изъ суммъ неполнаго комплекта; но вмѣстѣ съ тѣмъ прекратить уже содержаніе тѣхъ 33-хъ сверхштатныхъ помощниковъ землемѣровъ, которыхъ доселѣ позволено было имѣть при Межевой Канцеляріи.

III. Постановленія относительно службы гражданской.

— Высочайше повелѣно: постановленное въ 3-мъ пунктѣ § 30 Высочайше утвержденного въ 30-й день января 1839 года положенія о коррумпціи лѣсничихъ правило на счетъ присвоенія лѣсничимъ и подлѣсничимъ чиновъ: первымъ отъ подпоручика до штабс-капитана, а послѣднимъ отъ прапорщика до поручика отменить, а вмѣсто сего определять въ оныя должности ефендеровъ, отъ прапорщика до штабс-капитана включительно.

— Прогонныя деньги членамъ Строительныхъ Комиссій и прочимъ чиновникамъ, командируемымъ по дѣламъ земства, возвращено отарсать на земскіе сборы, какъ и допущено по самымъ сметамъ земскихъ повинностей, удостоеннымъ Высочайшаго утвержденія.

— Разрѣшено: чиновника для иностранной переписки, состоящаго при главномъ командирѣ Черноморскаго Флота и Портовъ, по особому Высо-

чайшему повелѣнію, включить въ штатъ Канцеляріи Главнаго Командира, 16 декабря 1831 года Высочайше утвержденный.

IV. Законы гражданскіе.

— По вопросу относительно провозводства дѣлъ между государственными крестьянами и частными лицами о денежных претензіяхъ и движимыхъ имуществѣхъ, постановлено: 1) Дѣла по искамъ обществъ государственныхъ поселенъ на частныхъ лицахъ и взаимно сихъ послѣднихъ на обществахъ, о денежныхъ претензіяхъ и вообще о движимомъ имуществѣ, поступаютъ въ суда первой степенни во вторую безъ всякаго по цѣвѣ тажбы ограниченія. Но въ гражданскихъ палатахъ тѣ изъ сихъ дѣлъ, по которымъ искъ составляетъ менѣе 600 р. сер., рѣшаются окончательно, если съ таковымъ рѣшеніемъ согласится мѣстная палата государственныхъ имуществъ, и въ семъ случаѣ дѣло не представляется уже начальнику губерніи, развѣ онъ самъ того потребуетъ, заявивъ требованіе сіе до постановленія еще окончательнаго въ гражданской палатѣ оправданія. При означенномъ выше согласіи обѣихъ палатъ, и при согласіи губернатора, когда онъ въ разсмотрѣніе дѣла входилъ, рѣшеніе приводится въ исполненіе безъ переноса въ Сенатъ; если же заключеніе градской палаты не будетъ принято палатою государственныхъ имуществъ, или, въ указанномъ случаѣ, начальникомъ губерніи, то дѣло черезъ сего послѣдняго представляется министру государственныхъ имуществъ, отъ котораго зависить или согласиться съ рѣшеніемъ, или внести дѣло въ Сенатъ съ своимъ заключеніемъ. 2) Вся дѣла сего рода на сумму свыше 600 р. сер. представляются начальникомъ губерніи въ Сенатъ, съ его мнѣніемъ, порядкомъ следственнымъ.

СОБЫТІЯ ВЪ ОТЕЧЕСТВѢ ЗА ПОЛЪ 1842 ГОДА.

Народное просвѣщеніе. По всеподданнѣйшему докладу Министра Народнаго Просвѣщенія Высочайше повелѣно: 1) Надзоръ Министерства Народнаго Просвѣщенія надъ всеми еврейскими учебными и научными заведеніями, раввинскими школами, клаузами, и другими, какого бы они наименованія ни были, въ которыхъ Евреи занимаются какъ ученымъ толкованіемъ закона своего и книгъ священныхъ, такъ и обученіемъ или воспитаніемъ юношества, учредить на общихъ основаніяхъ, по учебной части существующихъ, 2) Для ближайшаго содѣйствія видамъ правительства, учредить временно въ Санктпетербургѣ комиссію изъ четырехъ раввиновъ, т. е., по одному изъ каждаго генерал-губернаторства, въ которыхъ проживаютъ Евреи, по назначенію министерства и по предварительному соглашенію съ мѣстными генерал-губернаторами. 3) Комиссію именовать комиссіею, Высочайше учрежденною для Образованія Евреевъ въ Россіи. Устройство въ ней внутренняго порядка и дѣлопроизводства вѣдствовать Министерству Народнаго Просвѣщенія. 4) По означеніи трудовъ Комиссіи, закрыть оную, съ назначеніемъ членамъ ея вознагражденія по усмотрѣнію министерства, изъ тѣхъ же источниковъ, которые предназначаются на устройство еврейскихъ училищъ.

— По устройству въ сельскихъ обществахъ приходскихъ училищъ повелѣно: 1) Сельскія приходскія училища въ казенныхъ селеніяхъ учреждать на основаніи общаго учебнаго устава 1828 года и согласно съ учрежденіемъ о управленіи государственныхъ имуществъ т. I, ст. 171 и 172 и т. II ст. 163—166, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ мѣстнаго управленія, сохраняя притомъ вліяніе училищнаго начальства въ мѣрѣ, определенной училищнымъ уставомъ. 2) Ученіе въ приходскихъ училищахъ возложить: а) на мѣстныхъ священниковъ, если въ приходѣ ихъ будетъ болѣе одного, или если это представится удобнымъ по обстоятельствамъ самаго прихода; б) на дячковъ и причетниковъ, когда они призваны будутъ способными къ тому, подъ непосредственнымъ одинакожь наблюденіемъ и руководствомъ приходскаго священника, и наконѣцъ; в) на учениковъ, уволенныхъ изъ семинарій, но не получившихъ еще мѣста при церквахъ, подъ такимъ же наблюденіемъ священника. 3) Училища учреждать въ тѣхъ приходахъ, которые населены всключительно государственными крестьянами и гдѣ, по отзыву епархіальныхъ архіереевъ, избраны будутъ способными къ тому духовныя лица; 4) Объ открытіи каждаго приходскаго училища, палаты государственныхъ имуществъ должны уведомлять директоровъ училищъ по принадлежности, а въ концѣ года доставлять имъ перечневыя вѣдомости о сихъ учебныхъ заведеніяхъ, съ показаніемъ числа учителей и учащихся. 5) Устройство помѣщеній или наемъ таковыхъ, а равно расходы на первоначальное обзаведеніе и содержаніе училищъ отплати на счетъ общественнаго сбора.

Промышленность. Въ «Мануфактурныхъ и Горнозаводскихъ Извѣстіяхъ» сообщали, что для облегченія и удешевленія перевозки золотодержащихъ песковъ отъ мѣстъ добычи къ фабрикамъ, въ екатеринбургскомъ заводскомъ округѣ была устроена переносная желѣзная дорога. Нынѣ пишутъ, что еще одна такая дорога устроена въ означенномъ округѣ на николаевскомъ пріискѣ, на разстояніи 115-ти сажень. Вывѣстъ съ тѣмъ, сдѣлана желѣзная дорога въ нагорнскомъ золотопесчаномъ рудникѣ, гдѣ пески залегаютъ на глубинѣ $4\frac{1}{2}$ саж. отъ земной поверхности. Она проведена къ андреевской золотопромывальной фабрикѣ на $65\frac{1}{2}$ саж. по капитальной штольнѣ, и на $17\frac{1}{2}$ саж. по главному штреку, перпендикулярному штольнѣ. Устройство этихъ дорогъ весьма-значительно уменьшаетъ число рабочихъ рукъ, такъ, что при обвѣхъ фабрикахъ сберегается до $109\frac{1}{2}$ поленишковъ въ сутки, и отъ этого, полагая, по существующимъ штатамъ, поленщику 39 коп., сберегаются въ теченіе рабочаго года до 5500 руб. на ассигнаціи.

— Химику Карлу Шлиппе выдана привилегія на способъ добыванія сырной кислоты изъ сырныхъ коалченонъ безъ предварительнаго отдѣленія изъ нихъ сыры и безъ употребленія особаго горючаго матеріала.

Благотворительность. Въ Галерной Гавани, 1 числа іюля, въ высокотожественный день рожденія августѣйшей Покровительницы детскихъ приютовъ, открытъ дѣтскій приютъ, уже третій на Васильевскомъ Островѣ. Въ сей же день открытъ и въ Харьковѣ дѣтскій приютъ на первый случай для 30-ти человекъ обоаго пола дѣтей.

ОБОЗРѢНІЕ СОВРЕМЕННОГО ДВИЖЕНІЯ РУССКАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И РАСПОРЯЖЕНІЙ ПО ГОСУДАРСТВЕННОМУ УПРАВЛЕНІЮ ЗА АВГУСТЪ 1842 ГОДА.

I. ГОСУДАРСТВЕННЫЯ УЧРЕЖДЕНІЯ. (Измѣненіе и дополненіе состава и правъ ихъ.)

— Въ слѣдствіе представленія министра государственныхъ имуществъ о необходимости усилить общую журнальную часть его канцеляріи, Высочайше повелѣно: 1) Къ положенному по Высочайше-утвержденному 26 декабря 1837 года штату Министерства Государственныхъ Имуществъ помощнику общаго журналиста канцеляріи министра, получающему содержаніе наравнѣ съ старшими помощниками столоначальниковъ, прибавить еще другаго съ содержаніемъ, положеннымъ младшимъ помощникамъ столоначальниковъ, т. е. съ жалованьемъ по 285 р. 92 к. и столовыми по 57 р. 18 к. сер. въ годъ; 2) Въ-слѣдствіе того, помощниковъ сихъ наименовать: перваго, получающаго высшій окладъ, старшимъ, а вновь-прибавляемаго младшимъ; 3) соотвѣтственно сему, оставить старшаго помощника въ томъ классѣ и разрядѣ по должности, пенсіи и мундиру, въ какихъ оныя положены росписаніемъ, приложеннымъ къ штату министерства, отвести назначаемаго нынѣ младшаго помощника по должности къ XII классу, по пенсіи къ VIII, по мундиру къ X разрядамъ; 4) полагаемыя на содержаніе младшаго помощника всего 343 р. 10 к. сер. въ годъ, производить изъ суммы, положенной по штату на усиленіе канцеляріи чиновниками, впредь до окончательнаго составленія и утвержденія штата Министерству.

— Въ данномъ 1 іюля Санктпетербургскому Опекунскому Совету Высочайшемъ указѣ за собственноручнымъ Государя Императора подписаніемъ изображено: «Желая распространить кругъ благотворительныхъ учрежденій, Санктпетербургскому Опекунскому Совету подвѣдомственныхъ, устройнемъ особаго заведенія для призрѣнія и воспитанія сиротъ женскаго пола, принадлежащихъ къ званіямъ духовному, купеческому и мѣщанскому, въ соотвѣтствіе Сиротскому Институту обер-офицерскихъ дочерей, при Санктпетербургскомъ Воспитательномъ Домѣ состоящему, Мы при-

Т. XXIV.—Отд. III.

знали за благо преобразовать для сей цѣли Александринскій Сиротскій Домъ, который, при новомъ его предназначеніи, Ея Императорское Величество, любезнѣйшая Супруга Наша, принимаетъ подъ Свое покровительство, въ сей радостный для сердца Нашего день совершившагося по благодати Божіей двадцатипятилѣтія счастливаго Нашего супружества. Утвердивъ прилагаемые у сего уставъ и штатъ Александринскаго Сиротскаго Дома, повелеваемъ Санктпетербургскому Опекунскому Совету потребную на содержаніе оаго дома сумму, двадцать-девять тысячъ пятьсотъ-сороквосемь рублей серебромъ отпускать ежегодно изъ общихъ доходовъ; въ видѣщее же доказательство отеческаго Нашего попеченія объ участи сиротъ, Мы жалуемъ Александринскому Сиротскому Дому, одновременно, сто тысячъ рублей ассигнаціями изъ суммъ государственнаго казначейства.»

— Даннымъ 9 іюля Правительствующему Сенату Высочайшимъ указомъ повельно: 1) въ портахъ российскихъ, прусскіе купеческіе корабли уравнять съ русскими по платежу корабельныхъ сборовъ, съ условіемъ подобнаго уравненія въ портахъ Пруссіи, исключая, впрочемъ, изъ сего правила каботажное судоходство, которое предоставляется однимъ российскимъ подданнымъ. Равнымъ образомъ, въ портахъ Великаго Княжества Финляндскаго допустить таковое уравненіе прусскихъ судовъ съ финляндскими, коль скоро, по дальнѣйшему соглашенію, финляндскіе корабли будутъ пользоваться въ прусскихъ портахъ правами, предоставленными туземнымъ судамъ; 2) для вѣдшаго облегченія торговли, учредить, на основаніи прилагаемыхъ у сего штатовъ, двѣ новыя таможни 3-го класса въ Кретангенъ и Новомъ-Мѣстѣ (Нейштатъ), съ тѣми правами, которыя предоставлены Горждовской Таможни, при чемъ министръ финансовъ не оставитъ распорядиться, чтобъ сіи таможни были открыты не позже 1 января будущаго 1843 года; 3) для удобства пограничныхъ сношеній, возлагается на министра финансовъ открыть, кромѣ таможенъ, еще три удобныя пункта для перехода черезъ прусскую границу, съ предоставленіемъ ему назначить въ-послѣдствіи еще сверхъ оныхъ, въкоторыя другіе подобныя пункты по мѣрѣ удобства и надобности; 4) распорядиться, чтобъ въпрѣдъ земскіе исправники пограничныхъ съ Пруссіею уѣздовъ выдавали русскимъ подданнымъ, въ томъ надобность въѣзжающимъ, на переходъ въ Пруссію и возвращеніе оттуда, какъ черезъ таможни, такъ и черезъ особыя переходныя пункты, съ поименованіемъ оныхъ, виды на трое сутокъ, на простой бумагъ, безъ всякаго платежа, съ соблюденіемъ, впрочемъ, полицейскихъ и таможенныхъ мѣръ осторожности; 5) въ случаѣ желанія прусскаго правительства, для оживленія порубежныхъ сношеній, учредить по особому соглашенію нѣкоторыя рыночныя мѣста на самой границѣ, для распродажи опредѣленныхъ предметовъ сельской и ремесленной промышленности, съ возвращеніемъ пошлинъ съ товаровъ, непроданныхъ на сихъ рынкахъ; 6) для вѣдшаго облегченія торговли вышеозначенными и некоторыми другими предметами уменьшить съ нѣкихъ товаровъ таможенныя пошлины, и въ нѣкоторыхъ вовсе оныя снять, на основаніи прилагаемой у сего особой росписи; 7) таможнямъ въ Полайгенъ, Таурогенъ и Юрбургъ предоставить право очистки всѣхъ позволенныхъ по общему

европейскому тарифу товаровъ, исключая сахарнаго песку, рома, арака, Французской водки, шалей турецкихъ и кашемирскихъ, также золотыхъ и серебряныхъ издѣлій, съ предоставленіемъ привознымъ товарамъ права складки на 6 и 8 мѣсяцевъ, подобно какъ въ Санктпетербургѣ. Впрочемъ, если въ уздахъ сосѣднихъ съ прусскими владѣніями будетъ устроенъ какой-либо сахарный заводъ, то дозволить и привозъ сахарнаго песку определеннымъ количествомъ, съ платежомъ установленной на оный пошлины; 8) Таможню Брест-Литовскую возвести въ 1-й классъ, на основаніи прилагаемаго у сего штата, и предоставить оной тѣ же права, какъ означеннымъ въ предъидущемъ пунктѣ тремъ таможнямъ, пра чемъ она обязывается допускать къ транзиту въ Одессу съ узаконенными залогими всѣ товары, привозимые изъ Пруссіи черезъ Царство Польское; 9) по истеченіи привилегіи Компаніи Любскаго Пароходства, прусскимъ подданнымъ предоставить одинаковое право съ российскими, къ участию въ предпріятіяхъ пароходныхъ сообщеній между портами обонхъ государствъ.

— По докладу Святейшаго Синода Высочайше повелѣно: учредить, съ 1 января 1843 года, въ Области Кавказской и Черноморіи особую епархію третьяго класса, съ назначеніемъ содержанія изъ казны, равною съ епархіями сего класса, и именовать архіерея ея кавказскимъ и черноморскимъ, а Новочеркасской Епархіи—донскимъ и новочеркасскимъ.

— Къ штату Контроля Министерства Императорскаго Двора, Высочайше подтвержденному въ 5 день сентября 1839 года, прибавлены одинъ старшій и два младшихъ помощниковъ контролера и одинъ канцелярскій служитель первато разряда.

— Устройство Санктпетербурго-московской желѣзной дороги присоединено къ Главному Управленію Путями Сообщенія и Публичными Зданіями въ томъ уваженіи, что непосредственно къ кругу обязанностей сего управленія принадлежитъ предпріятіе сооруженіе, какъ въ настоящее время, при совершеніи онаго, такъ и въ-послѣдствіи, при дальнѣйшемъ его въ Имперіи развитіи. Въ-слѣдствіе сего, Высочайше повелѣно: 1) для распоряженій по сооруженію означенной дороги и вообще для управленія и исполненія всего, до желѣзныхъ дорогъ относящагося, образовать въ Главномъ Управленіи Путями Сообщенія и Публичными Зданіями особый департаментъ, которому и именоваться *Департаментомъ Желѣзныхъ Дорогъ*. 2) Департаменту сему присвоить составъ по особому штату, впредь до дальнѣйшаго усмотрѣнія и опредѣленія всѣхъ его дѣйствій и обязанностей. 3) При департаментѣ семъ, на время сооруженія Санктпетербурго-московской желѣзной дороги, собственно для разсмотрѣнія предположеній, проектовъ и смѣтъ, по части технической и искусственной, имѣть временную комиссію; 4) комиссіи сей состоять изъ особаго числа членовъ по Высочайшему указу, главноуправляющему путями-сообщенія и публичными зданіями данному; 5) порядокъ дѣйствій учреждаемаго департамента, его права, обязанности, отвѣтственность и отчетность, подчинять общимъ правиламъ, для прочихъ департаментовъ Главнаго Управленія Путями Сообщенія и Публичными Зданіями установленнымъ; во дѣла устройства Санктпетербурго-московской желѣзной дороги, власть главноуправляющаго превышающія, вносить ему въ Комитетъ Санктпетербурго-Московской Же-

лазной Дороги, указомъ 1 февраля сего года учрежденный; б) дѣла по сему комитету производить въ Департаментѣ Железныхъ Дорогъ, и директору сего департамента быть и управляющимъ дѣлами комитета; 7) за сѣмъ строительную комиссію санктпетербурго-московской желѣзной дороги и канцелярію сей комиссіи и комитета упразднить, а чиновниковъ канцелярій перечислить въ Департаментъ Железныхъ Дорогъ.

— Высочайше-утверждено положеніе о черноморскомъ казачьемъ войскѣ, по которому оно въ военномъ и гражданскомъ его устройствѣ получаетъ новое образованіе. Положеніе сіе, имѣя главною цѣлю упрочить благосостояніе войска въ общихъ и частныхъ видахъ, и посему, объѣмая всѣ предметы къ управленію и благоустройству онаго относящіяся, раздѣляется на четыре части: первая опредѣляетъ общій составъ черноморскаго казачьяго войска, его обязанности и преимущества; вторая заключаетъ военное и гражданское управленіе въ совокупности, третья содержитъ военное управленіе въ особенности, и четвертая—гражданское управленіе въ особенности.

II. Губернскія учрежденія. (Измѣненіе и дополненіе состава и правъ ихъ.)

— Срокъ для ярмарки въ городъ Николаевскъ, Саратовской Губерніи, назначенъ вмѣсто первой, въ третью недѣлю великаго поста.

— Высочайше-утверждено положеніе для управленія заведеніями общественаго призрѣнія въ городъ Вильнѣ. По сему положенію, въ городъ Вильнѣ учреждается Попечительный Советъ. Онъ подчиняется Министерству Внутреннихъ Дѣлъ, отъ котораго получаетъ разрѣшенія по дѣламъ, до управленія ввѣренными ему заведеніями относящимся. Вдѣлню сего совета поручается: а) Госпиталь св. Іакова, на форштадтѣ Лукшанахъ; б) госпиталь на улицѣ Савичъ; в) Домъ для Умалюшенныхъ; г) воспитательное заведеніе подъ названіемъ *Младенецъ Іисусъ*; д) Еврейскій госпиталь. Вдѣлню попечительнаго совета могутъ подлежать и другія благотворительныя заведенія, если въ-послѣдствіи признано будетъ нужнымъ поручать ему управленіе оными. Также предоставляется совету вновь учреждать заведенія, цѣли общественаго призрѣнія соответствующія, по изрѣ способовъ и мѣстной потребности, съ разрѣшенія высшаго начальства. Попечительный советъ управляетъ заведеніями посредствомъ попечителей. Онъ составляется изъ членовъ, подъ председательствомъ мѣстнаго военнаго губернатора или генерал-губернатора. Виленскій гражданскій губернаторъ, или, въ отсутствіе его, исправляющій его должность, и также губернский предводитель дворянства, попечители заведеній и градскій глава — суть члены попечительнаго совета.

— Для производства городскихъ работъ въ городъ Керчь-Еникаль, учреждается арестантская полу-рота гражданскаго вѣдомства въ составѣ 80-ти арестантовъ, во всемъ на правилахъ, существующихъ для подобныхъ ротъ новороссійскаго края.

— Высочайше разрѣшено: учредить сберегательную кассу при Омскомъ Приказѣ Общественаго Призрѣнія, на основаніи Высочайше-утвержденнаго 30 октября 1841 года устава.

— Въ-судьствіе ходатайства генерал-губернатора Восточной Сибири, Высочайше разрѣшено: 1) на ежегодное добавочное содержаніе презуса и трехъ ассессоровъ Красноярской Военно-судной Коммисіи назначить примарно первому 210, а послѣднимъ по 60, всего 390 руб., да на канцелярскіе расходы по 30 р., а вообще 420 руб. сер. въ годъ, которые и отвѣсть на счетъ 4-хъ-рублевой съ частнаго золота полата; 2) распределеніе этой суммы предоставлять усмотрѣнію генерал-губернатора Восточной Сибири. 3) На годовое содержаніе аудитора Красноярской Коммисіи назначить изъ того же 4-хъ-рублевого сбора 210 р. сер., и 4) на случай надобности предоставить главному управленію горному, распространить все означенныя выше издержки на одинаковомъ основаніи и на подобныя красноярской военно-судной коммисіи, въ Томскъ и Иркутскъ.

— Въ-судьствіе представленія министра внутреннихъ дѣлъ въ Комитетъ Министровъ о мѣрахъ къ искорененію въ Санктпетербургѣ безпорядковъ и злоупотребленій при продажѣ съѣстныхъ припасовъ, Государь Императоръ, по положенію Комитета 4 числа августа, Высочайше повелѣть соизволилъ: 1) Для наблюденія въ здѣшней столицѣ за продажою съѣстныхъ припасовъ по таксъ, назначить четырехъ *торговыхъ смотрителей*, по избранію купеческаго общества, изъ лицъ, извѣстныхъ честностію и заслуживающихъ полнаго довѣрія. Для удобнѣйшаго надзора, раздѣлить между ними городъ на четыре участка, именно: къ первому отвѣсти двѣ первыя Адмиральтейскія и Литейную Части, ко второму прочія Адмиральтейскія и Нарвскую, къ третьему Московскую, Каретную и Рождественскую, и къ четвертому Васильевскую, Петербургскую и Выборгскую. 2) Торговыхъ смотрителей выбирать на годъ, причисливъ ихъ должность къ 8-му разряду, съ правомъ пошенія мундира на общемъ основаніи, и предоставивъ купеческому обществу назначить имъ приличное жалованье. 3) Подъ личною отвѣтственностію они обязаны наблюдать, чтобъ съѣстные припасы, для которыхъ издается такса, продавались не иначе, какъ указаго вѣса и мѣры и по цѣнѣ, определенной таксою. Для сего смотрители имѣютъ входить во все торговыя заведенія, подлежащія ихъ наблюденію, и если обнаружатъ обманъ, то, пригласивъ въ свидѣтели одного или двухъ сосѣднихъ торговцевъ, составляютъ журналъ объ открытомъ злоупотребленіи и за общимъ подписаніемъ представляютъ вмѣстѣ съ уликами, какія найдутся, въ Городскую Думу. 4) Дума немедленно повѣряетъ донесеніе смотрителя съ представленными уликами, а въ случаѣ надобности отражаетъ и своего члена для изслѣдованія на мѣстѣ. Если по несомнѣннымъ доказательствамъ торговецъ уличенъ въ обманъ, то подвергается наказанію по журнальному постановленію Думы, которая сообщаетъ о томъ Управѣ Благочинія для зависящихъ отъ нея распоряженій и доноситъ военному генерал-губернатору. 5) Градская Дума во всякое время, сама и чрезъ своихъ членовъ, на основаніи Высочайше утвержденного положенія Комитета Министровъ 19 мая 1842 года, наблюдаетъ за продажою съѣстными припасами и за дѣйствіемъ торговыхъ смотрителей. 6) За обманъ всякаго рода при продажѣ съѣстныхъ припасовъ, для которыхъ издается такса, подвергать уличеннаго торговца денежному штрафу: въ первый разъ 30 руб. сер., а во второй вдвое противъ того, съ обращеніемъ каждый разъ по-

ловины взъисканныхъ денегъ въ пользу города, а другой въ пользу открывателей; при обнаруженіи обмана въ третій разъ, торговое заведеніе закрывать, и ввновному воспрещать торговлю въ городъ, какъ лицу неблагонамъренному. Объ этомъ постановленіи объявить нынѣ же торговцамъ, подъ росписками.

— Разрѣшено учредить въ городъ Одоевъ двѣ ярмарки: первую въ день св. великомученика Георгія, 23 числа апрѣля, срокомъ на 9-ть дней, вторую въ день скорбящей Божіей Матери, 24 октября, срокомъ на 6-ть дней.

III. Постановленія относительно службы гражданской.

— При утвержденіи проекта штата миссіи и консульствъ нашихъ въ Турціи, Высочайше повелано: 1) Должность консула въ Турціи (за исключеніемъ консула въ Яссахъ, отнесеннаго уже къ VI классу) перечислить изъ VIII въ VII-классъ, по росписанію должностей по классамъ. 2) Должности по миссіи и консульствамъ въ Турціи, невошедшія въ общее росписание, а также тѣ, которыя состоятъ въ несоответственныхъ разрядахъ, отнести къ нижеслѣдующимъ классамъ: къ V—советника и перваго драгомана миссіи; къ VI—старшаго секретаря и помощника перваго драгомана миссіи; къ VII—младшихъ секретарей миссіи и помощника управляющаго Коммерческой Канцеляріею въ Константинополь; къ VIII—старшаго секретаря Коммерческой Канцеляріи, секретарей и старшихъ драгомановъ всѣхъ вообще генеральныхъ консульствъ въ Турціи и консульства въ Яссахъ; къ IX—младшаго секретаря Коммерческой Канцеляріи и младшихъ драгомановъ всѣхъ вообще генеральныхъ консульствъ въ Турціи и консульства въ Яссахъ, и къ X—драгомановъ, состоящихъ при вице-консульствахъ; и 3) пребывающимъ въ Турціи генеральнымъ консуламъ, консуламъ и вице-консуламъ, вмѣсто консульскаго мундира, присвоить мундиръ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

— Должность секретаря Дворянскаго Полка, для полученія пенсіи, причислена къ 6 му разряду росписанія пенсіонныхъ окладовъ, наравнѣ съ правителями дѣлъ кадетскихъ корпусовъ, въ томъ вниманіи, что обязанности ихъ одинаковы.

— Членамъ и чиновникамъ состоящей при варшавскихъ Правительствующаго Сената департаментахъ Герольдіи присвоены мундиры, установленные для чиновъ состоящей при Правительствующемъ Сенатѣ Герольдіи Имперіи.

IV. Постановленія относительно состояній.

— По возникшему вопросу о дополненіи закона относительно порядка возведенія въ почетное гражданство, мнзніемъ Государственнаго Совѣта, Высочайше-утвержденнымъ, постановлено: къ 4 пункту 370-й ст. Закон. о Сост. (т. IX) присовокупить слѣдующее примѣчаніе: лица, переходившія изъ 1-й или 2-й гильдіи въ 3-ю, не прежде могутъ быть удостоиваемы почетнаго гражданства, какъ пробывъ, по выходѣ изъ 3-й гильдіи, вновь 10 лѣтъ сряду въ 1-й, или 20 лѣтъ сряду же во 2-й гильдіи.

V. Законы гражданскіе

— Въ-слѣдствіе представленія объ ограниченіи числа дѣлъ, поступающихъ въ ликвидационныя комиссіи, Высочайше повелѣно: 1) Вновь заводимыя дѣла по конфискованнымъ имѣніямъ въ судебныхъ мѣстахъ вести по порядку, установленному для дѣлъ, сопряженныхъ съ казеннымъ интересомъ, не вводя въ ликвидационныя комиссіи. 2) Въ ликвидационныхъ комиссіяхъ оставить дѣла, требующія ликвидаціи и о выдѣлахъ. 3) Остальныя неразсмотрѣнныя въ комиссіяхъ дѣла, относящіяся до ликвидаціи конченныхъ, или вообще неимѣющихъ съ ними никакой связи, передать изъ комиссій, для производства и дальнѣйшаго хода по правиламъ по дѣламъ, сопряженнымъ съ казеннымъ интересомъ, въ надлежащія присутственныя мѣста, возложивъ распределеніе по онымъ тѣхъ дѣлъ, по принадлежности, на генерал-губернаторовъ, и 4) изъ дѣлъ, въ судебныхъ мѣстахъ остающихся, передать въ ликвидационныя комиссіи на прежнемъ основаніи и по наступленіи очереди, только тѣ дѣла, которыя имѣютъ связь съ ликвидаціею, производимою въ сяхъ комиссіяхъ, а всѣ прочія, не вводя въ оныя, предоставить тому порядку, какой существуетъ для дѣлъ частныхъ лицъ съ казною.

— По вопросу, какъ считать въ общихъ собраніяхъ кредиторовъ несостоятельнаго должника большинство ихъ голосовъ, постановлено: при общихъ собраніяхъ кредиторовъ несостоятельнаго должника большинство голосовъ ихъ считается не по числу лицъ, сѣмъ голоса подающихъ, а по количеству долговой суммы.

— Силу и дѣйствіе изложенныхъ II-й кн. III Разд. въ гл. VIII ст. 842 Зак. Гражд. правилъ о ввѣдѣ во владѣніе недвижимыми имуществомъ и о срокъ выкупа оныхъ повелѣно распространить въ той же степени и на Бессарабскую Область.

VI. Законы уголовныя.

— Въ-слѣдствіе представленія министра финансовъ Высочайше-повелѣно: 1) Съ 1843 года, въ обѣихъ столицахъ и въ тѣхъ губернскихъ городахъ, въ которыхъ находится наиболѣе табачныхъ фабрикъ и домашнихъ заведеній, опредѣлить особыхъ акцизныхъ надзирателей и помощниковъ при казенныхъ палатахъ, и въ Санктпетербургѣ, по значительности табачной промышленности, при Департаментѣ Мануфактуръ и Внутренней Торговли, на основаніи особаго штата. 2) Подтвердить корчемнымъ и таможеннымъ засѣдателямъ при земскихъ судахъ въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ они назначены (Св. Зак. т. V и VI, ст. 70 и 620), и вообще городскимъ и земскимъ полиціямъ, мѣстнымъ управленіямъ удѣльному и казенныхъ крестьянъ, волостнымъ и сельскимъ начальствамъ на томъ же основаніи, какъ и по патейному сбору (т. V, ст. 615, 617 и проч.), объ искорененіи, въ мѣстахъ, имъ подвѣдомыхъ, корчемства и неправильной промышленности табакомъ. 3) Акцизные надзиратели и помощники, а равно полиція, какъ само-по-себѣ разумѣется, должны руководствоваться изданными и издаваемыми о надзорѣ правилами. 4) Въ обѣихъ столицахъ опредѣлить, по мѣрѣ надобности, служителей изъ отставныхъ нижнихъ воинскихъ чиновъ, которые должны имѣть на груди знаки съ надписью: «Корчемная стража»

по акцизу съ табаку». 5) Изъ штрафовъ и конфискаціонныхъ суммъ, въ пользу казны поступающихъ, отдѣлать половину въ особый капиталъ при Департаментѣ Мануфактуръ и Внутренней Торговли, на томъ же основаніи, какъ постановлено въ Св. Зак. т. V, ст. 725 о взъисканіяхъ по части питейнаго сбора. Изъ этого капитала, по усмотрѣнію министра финансовъ, выдавать награжденіе мѣстнымъ чиновникамъ, отличившимся при открытіи корчемства, или неправильной продажи табаку.

— Принимая въ соображеніе, что, по силѣ XXX ст. Всемилостивѣйшаго манифеста 16 апрѣля 1841 года, взъисканія, наложенныя на разныхъ лицъ, на основаніи 543, 544 и 930 ст. VIII т. Св. Уст. Лѣснаго, за неклепменіе лѣсовъ, должны быть слагаемы, въ томъ уваженіи, что взъисканія сіи со штрафами за неуплату билетовъ по роду своему между собою сходствуютъ, постановлено: разрѣшить таковыя взъисканія, за дѣйствія по 1840 годъ сдѣлюющія, и въ недомкѣ числящіяся, со счета сложить.

СОБЫТІЯ ВЪ ОТЕЧЕСТВѢ ЗА АВГУСТЪ 1842 ГОДА.

Народное просвѣщеніе.—Высочайше-утверждено предположеніе Святейшаго Правительствующаго Синода объ учрежденіи въ городѣ Казани духовной академіи, съ назначеніемъ отпуска суммъ изъ духовно-учебныхъ капиталовъ.

— По случаю быстрого развитія гальванопластики и многообразнаго примѣненія оной въ художествахъ, фабрикахъ и ремеслахъ, учреждается при Санктпетербургской Рисовальной Школѣ для вольво-приходящихъ особенное отдѣленіе для преподаванія первыхъ началъ практическаго употребленія гальванопластики, какъ то: правилъ формировки моделей, практическое устройство гальванопластическаго аппарата, употребленіе онаго для фигуръ, барельефовъ, украшеній, снятія эстамповъ, на мѣди вырѣзанныхъ, и другіе предметы и по удобности приемы для золоченія посредствомъ гальванопластической струи. Въ отдѣленіе принимаются художники, мастера, подмастерья, ремесленники и нѣкоторые изъ лучшихъ воспитанниковъ Рисовальной Школы, вообще изъ людей извѣстныхъ и добродѣтельныхъ. Отдѣленіе открывается съ 12 августа сего года, съ котораго времени начнется въ ономъ обученіе гальванопластикъ, но не болѣе десяти человекъ въ одно время, по порядку явки ихъ. Курсъ ученія продолжится отъ четырехъ до пяти недель, по средамъ и субботамъ, отъ шести до восьми часовъ пополудни, такимъ образомъ, что по окончаніи каждаго курса тотчасъ начнется новый и поступать въ классъ записавшіеся по старшинству.

— Государь Императоръ пожаловать соизволилъ Варшавскому Учебному Округу собраніе книгъ на руссійскомъ и иностранныхъ языкахъ до 12,000 томовъ, въ видѣ дополненія къ Высочайшему дару 1840 года.

— Въ-слѣдствіе ходатайства наказнаго атамана войска донскаго, Высочайше-повелѣно: 1) Для преподаванія сельскаго хозяйства и практическаго

счетоводства учредить въ войскѣ донскомъ шесть реальныхъ классовъ, при войсковой гимназiи и окружныхъ училищахъ: новочеркасскомъ, хоперскомъ, устьмедвѣдцкомъ и первомъ и второмъ донскихъ, съ тѣмъ, чтобъ въ классахъ этихъ было преподаваемо: въ гимназiи, въ небольшомъ объемѣ, сельское хозяйство и практическое счетоводство; въ Новочеркасскомъ Окружномъ Училищѣ—практическое счетоводство; въ остальныхъ окружныхъ училищахъ одно практическое счетоводство. 2) Преподаванiе сихъ наукъ возложить: а) въ классахъ Новочеркаскаго и Устьмедвѣдцкаго Окружныхъ Училищъ на особыхъ учителей, съ производствомъ жалованья по 143 руб. сер. въ годъ каждому, пзъ суммъ, жертвуемыхъ торговымъ обществомъ и отставнымъ штабс-ротмистромъ Серебряковымъ; б) въ классахъ гимназiи и Хоперскаго и Втораго Донскаго Окружныхъ Училищъ, — на учителей математическихъ наукъ, съ назначенiемъ имъ прибавочнаго жалованья изъ войсковыхъ суммъ: въ гимназiи, за преподаванiе сельскаго хозяйства, по 57 руб. 14 коп., а практическаго счетоводства по 50 руб.; въ окружныхъ училищахъ по 85 руб. 80 коп., всего по 278 руб. 74 коп. сер. въ годъ; в) въ классахъ Перваго Донскаго Окружнаго Училища также на учителя математическихъ наукъ, съ производствомъ прибавочнаго жалованья по 85 руб. 80 коп. сер. въ годъ, изъ суммъ, жертвуемыхъ дворянствомъ перваго донскаго начальства.

— Въ торжественный день рожденiя Государыни Императрицы въ Иркутскѣ совершилось освященiе закладки знанiя для Института Благородныхъ Дѣвицъ, перваго заведенiя сего рода въ Иркутскѣ и во всей Сибири.

Благоустройство. — Открыты для судоходства вновь-устроенные шлюзы на новомъ устьѣ Ладожскаго Канала въ городѣ Новой-Ладогѣ. Къ построенiю сего важнаго въ торговомъ отношенiи сооруженiя приступлено въ 1840 году. Имъ замѣнены прежнiе шлюзы, стѣны которыхъ отъ ветхости наклонились, отъ-чего камеры сдѣлались такъ узки, что барки и другiя большаго размѣра суда не могли проходить. Сiе огромное и великолѣпное государственное сооруженiе состоитъ изъ трехъ камеръ, каждая между воротами длиною въ 24 сажени, шириною въ 4 сажени 2 фута, бассейна отъ Волхова длиною въ 35½ сажень и бассейна отъ шлюзовъ до стараго устья длиною въ 161 сажень. Нижнiя части стѣнъ шлюзовъ обложены кругомъ гранитнымъ камнемъ въ два ряда; остальныя части плитныхъ стѣнъ обложены кирпичомъ-железнякомъ, толщиною до шести футовъ, осмолены, покрыты напитаннымъ въ смоль войлокомъ и обшиты также высмоленными досками. Сверхъ стѣнъ, наложенъ гранитный корпусъ и барьеръ; возлѣ кордова плитный троттуаръ шириною въ полторы сажени; среднiе устои или быки покрыты тѣсаною лещадною плитою. Берега бассейновъ обложены гранитнымъ камнемъ, покрытымъ гранитнымъ корловомъ, и по сторонамъ устроено шоссе шириною въ три сажени. Чтобъ имѣть понятiе о важности шлюзовъ, ограничивающихъ Ладожскiй Каналъ въ городахъ Новой-Ладогѣ и Шлиссельбургѣ, упомянемъ только о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ. До открытiя, въ прошедшемъ году, вновь-построенныхъ двухъ каменныхъ шлюзовъ на Новомъ Устьѣ Ладожскаго Канала въ Шлиссельбургѣ, отъ впуска въ каналъ съ рѣки Волхова до впуска на

рѣку Неву, караванныя барки находились въ каналѣ до двухъ недель, тяжелогрузныя суда до трехъ, и лѣсные плоты, сплоченные въ гонки узаконенной длины и ширины, до одного мѣсяца. Присемь платилось за тягу по каналу каждаго легкаго судна до 12 руб., тяжелогрузнаго до 18 руб. и лѣсной гонки до 36 руб. сер. Въ нынѣшнемъ же году, когда пропускъ судовъ въ Шлиссельбургъ чрезъ новыя шлюзы ускорился, каждый разрядъ судовъ и лѣсныя гонки проходятъ каналъ втрое скорѣе и платятъ вдвое дешевле. Прежде сего перевозныя суда совершали съ большимъ трудомъ два рейса (оборота) между Санктпетербургомъ и мѣстами нагрузки на рѣкахъ Волховъ, Сяси, Свири и впадающихъ въ нихъ рѣкахъ; въ нынѣшнемъ году, они совершила уже три рейса и, вѣроятно, совершатъ четвертый, а потому цѣна за провозъ дровъ съ означенныхъ рѣкъ до столицы значительно уменьшилась, чему много способствовало предпринятое въ прошедшемъ году и нынѣ продолжающееся углубленіе Ладожскаго Канала въ мѣстахъ, гдѣ онъ наиболее обмелѣлъ отъ наносной земли. Оно доставило возможность пдти судамъ съ большою осадкою въ воду, а вмѣстѣ устранило накопленіе судовъ и тѣсноту въ каналѣ, причинившія замѣшательства, сопряженныя съ поврежденіемъ судовъ. Съ открытіемъ новыхъ шлюзовъ въ Новой-Ладогѣ уничтожится существованіе простаю судовъ на рѣкъ Волховъ, при дружномъ подходѣ вышнѣволоцкихъ каравановъ и судовъ съ системъ тихвинской и маринской. На Новоладожской Пристанн скопилось до восьмисотъ судовъ и до четырехъ тысячъ лѣсныхъ плотовъ, которые впускаются въ каналъ съ соблюденіемъ строгой очереди; по недостатку шлюзовъ, суда и лѣсные плоты, приходшіе послѣдними, проставали, въ ожиданіи очереди, по двѣ и по три недели; нынѣ же, при открытіи новыхъ шлюзовъ, впускъ въ каналъ ускорится въ два съ половиною раза, слѣдовательно, такихъ простоевъ не будетъ, и успѣхъ судоходства увеличится, а вмѣстѣ съ тѣмъ значительно уменьшится цѣнность доставки товаровъ, въ-особенности дровъ и лѣсовъ.

Благодѣтельность.—Тверской 2-й гильдіи купецъ Григорій Богдановъ предложилъ въ сегоднее пожертвованіе Демидовскому Дому Прізернія Трудящихся тысячу рублей и сверхъ того пожертвовалъ тысячу рублей ассигнаціями одновременно. — Въ Минскѣ, въ торжественный день рожденія Государыни Императрицы, открытъ дѣтскій пріютъ.

IV.

ДОМОВОДСТВО, СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ВООБЩЕ.

ЗАПИСКИ ПЕНЗЕНСКАГО ЗЕМЛЕДѢЛЬЦА О ТЕОРИИ И ПРАКТИКѢ СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА.

ЧАСТЬ II.

(Продолженіе.)

§ 22.

КАКОЕ ХОЗЯЙСТВО АВТОРЪ НАЗЫВАЕТЪ «ПОДОЗРИТЕЛЬНЫМЪ». ПРИ УВЕЛИЧЕННОЙ ЗАПАШКѢ МОЖНО ДОВОЛЬСТВОВАТЬСЯ МАЛЫМИ УРОЖАЯМИ. ТЕМПЕРАТУРА ИМѢЕТЪ ГЛАВНОЕ ВЛІЯНІЕ НА РАСТИТЕЛЬНОСТЬ.

Возьмемъ еще примѣръ, который вмѣстѣ съ тѣмъ объяснить, что я разумно подъ словомъ «подозрительное хозяйство». — Неудобряемая пахатная поля помѣщика истощились отъ непрерывныхъ посѣвовъ колосовыхъ хлѣбовъ (это истощеніе можно вездѣ встрѣтить, особенно въ имѣніяхъ среднихъ губерній). Помѣщикъ не только это видитъ, но и знаетъ, что, удобривъ ихъ навозомъ, онъ возвратитъ, на некоторое время, потерянную ими тучность. Но чтобъ удобреніе земли произвело полное, благотворное вліяніе на посѣвы — въ средней помосѣ, на порядочную почву, надобно положить на каждую экономическую десятину (3,200 кв. сажень) отъ 150 до 200 возовъ (каждый въ 12 пудъ) *добраго* навоза, или плохаго отъ 300 до 400 возовъ.

Добраго навоза нѣгдѣ взять, когда скотоводство, по нашимъ азіатскимъ расчетамъ, должно быть содержимо патріархально (о при-
Т. XXIV.—Отд. IV. 1/2

чинахъ такого содержанія уже было говорено). Но плохаго вывѣтрѣвшагося навоза въ деревнѣ пропасть.

Запахивается у этого помѣщика на каждое тягло, по малоземелью, только по одной десятинѣ въ поле; но вывезти по 300 или 400 возовъ на каждую десятину одного изъ его трехъ полей, въ наше кратковременное лѣто, въ глубокую осень, или сначала марта до весенней пашни, не имѣетъ онъ средствъ, потому-что, какъ уже было замѣчено, во все лѣтнее время продолжаются полевая работа, для которыхъ помѣщикъ имѣетъ не болѣе 65 дней, работая полною своею барщиною; а въ послѣдующее время домашнія подыжки, ужасная грязь и гололедица, зимою глубокіе снѣга, морозы, молотьба и вывозка произведеній на продажу, почти всегда на отдаленные рынки, весною распутица — не дадутъ времени вполне исправить эту работу. Слѣдовательно, опять нуженъ денежный капиталъ для того, чтобъ наймомъ вывезти отъ 300 до 400 возовъ навоза на десятину. Кладя по 15 копеекъ возъ и по 10 возовъ на подводу, если поля близки, — чтобъ человекъ съ лошадыю выработать въ день самую меньшую плату, 150 копеекъ, надобно положить на каждую десятину, безъ обработки, на одно одобреніе, отъ 45 до 60 рублей.

Хорошо-удобренная и вовремя-посѣянная десятинна ржи даетъ, въ хорошій хлѣбородный годъ, 15 четвертей. Вычтя $2\frac{1}{2}$ четверти на расходъ и сѣмена, остается на продажу $12\frac{1}{2}$ четвертей.

Цѣны на хлѣбъ зависятъ у насъ, какъ уже сказано, всегда отъ мѣстности, урожая и, что всего важнѣе, отъ *требованій*. Полагая мѣстнѣе не сѣвернѣе 53° градуса широты, можно каждой четверти положить сложную цѣну на пристаняхъ, рынкахъ, или винокуренныхъ заводахъ, отъ 5 до 6 рублей ассигн. Слѣдовательно, если предположить, что надо отвезти свое произведеніе часто за 100 и болѣе верстъ, каждая десятинна дастъ выручки отъ $62\frac{1}{2}$ до 75 рублей (*). Но расходы помѣщика не ограничиваются одною платою за вывозку удобренія на его поля. Обработка земли, уборка десятины, высушка сноповъ, молотьба и отвозъ не даромъ ему обходятся. Оцѣниваются эти работы: 1) тѣмъ капиталомъ, который заплаченъ за мѣстнѣе; 2) тѣмъ количествомъ земли, которое дается каждому тягловому крестьянину отъ господина; 3) денежнымъ капиталомъ, который былъ употребленъ на хозяйственныя постройки, и 4) тѣми денежными расходами, которые ежегодно бываютъ: а) на поддержаніе строеній; б) на жалованье употребленнымъ по хозяйству должностнымъ людямъ; в) на мелочныя домашнія надобности; г) на помощь крестьянамъ и е) на непредвидимые несчастные случаи. Вся эти статьи составятъ расходъ на десятину, засѣянную рожью, самымъ скуднымъ счетомъ до 25 рублей, а вмѣстѣ съ суммою, употребленною на удобреніе, — отъ 70 до 85 рублей. Слѣдовательно, въ виду скорѣе убытокъ, нежели барышъ. Ука-

(*) Если бы возразили, что этихъ цѣвъ теперь нѣтъ, то можно отвѣчать, что и урожай подобный нѣтъ.

жуть, можетъ-быть, на будущія выгоды, которыя получатся въ слѣдующіе годы отъ земли уже удобренной. Онѣ, конечно, неотразимо могутъ придти въ руки земледельца; но не надобно позабывать, что у нашихъ помѣщиковъ лежащихъ капиталовъ нѣтъ, или есть, но очень-мало; а у земледельца они и быть не могутъ. Весь его капиталъ состоитъ въ землѣ, дешевой сбруѣ, орудіяхъ, и личной досужливости; эта досужливость въ сельскомъ хозяйствѣ у насъ требуетъ скорого возмездія; она не можетъ зарывать чистыхъ денегъ въ землю, въ чаяніи будущихъ благъ, какъ бы будущія выгоды ни были велики и несомнѣнны.

Но могутъ случиться неурожанъ, съ 1831 года такъ часто насъ посѣщающіе и происходящіе отъ засухи, непрерывныхъ дождей, наскомыхъ, преждевременныхъ морозовъ и снѣга, и долголежащихъ снѣговъ. Вся эти неблагоприятные случаи, принадлежности сѣверо-восточнаго нашего климата, если не столько же пагубны для растительности на тучной и отлично-воздѣланной почвѣ, какъ на тощей, то конечно слишкомъ-достаточны для того, чтобъ уменьшить урожай вполнину, т. е. на удобренной десятинѣ до $7\frac{1}{2}$ четвертей, а на неудобренной до $4\frac{1}{2}$; другими словами: съ тучной почвы снимется самъ-пять, а съ тощей самъ-третей, полагая по полторы четверти сѣмень на экономическую десятину. Вычтя эти полторы четверти сѣмень и расходъ зерна, который въ такой годъ долженъ непременно увеличиться, потому-что нѣкоторую часть крестьянъ надобно будетъ кормить господскимъ хлѣбомъ, — на продажу, съ тучной десятины едва останется 4 четверти, которыя, если продадутся даже по 15 рублей, все-таки дадутъ только 60 рублей (*). При этихъ расчетахъ, при сильномъ удобриваніи и отличномъ воздѣлываніи почвы — гдѣ вѣроятная возможность считать на прибыль, и возможно ли жертвовать денежнымъ капиталомъ на шаткое и мало-прибыльное производство? Если она бываетъ, то ужъ конечно такъ рѣдко, что весь расчетъ вѣроятія на противной сторонѣ. А если вѣроятная надежда опиралась на прибыль, то нашлись бы у помѣщиковъ денежные капиталы на этотъ задатокъ, — и прибыль получалась бы непремѣнно. Такого-то рода хозяйство Пензенскій Земледѣлецъ почитаетъ «подозрительнымъ».

(*) Пензенскій Земледѣлецъ основалъ расчетъ на ржи, потому-что обыкновенно она служитъ мѣриломъ цѣвъ и расчетовъ, да притомъ рожь всегда значительно-дороже яровыхъ хлѣбовъ, исключая пшеницы, проса и гороха. Но эти послѣдніе хлѣба составляютъ произведеніе особыхъ мѣстностей, гдѣ по-большой-части весьма-рѣдкое народонаселеніе, владѣя большими пространствами земли, еще не помышляло о удобреніи почвы, и гдѣ, какъ уже сказано, господствуетъ Азія во всемъ значеніи этого слова. Къ-тому еще, не надобно позабывать, что у насъ общіе правила и расчеты для всѣхъ мѣстностей нѣтъ: у каждой свое. Такъ и тутъ говорятъ о тѣхъ только мѣстностяхъ, гдѣ воздѣлывается преимущественно рожь, греча и овесъ, т. е. гдѣ почвы черноземныя и ржанныя. Тутъ пшеница, горохъ и просо не считаются въ числѣ выгодныхъ посевовъ.

Съ другой стороны, дайте этому же помѣщику столько земли, чтобъ онъ могъ запахивать на тягло, въ каждомъ полѣ, вместо одной, двѣ десятины: тогда ему гораздо-выгоднѣе получать въ неурожайный годъ съ двухъ десятинъ его тощей почвы и неотчетливо-обработанной по $4\frac{1}{2}$ четверти, нежели съ одной удобренной и хорошо-обработанной по $7\frac{1}{2}$; ибо тогда капиталъ, назначенный на удобрѣніе, превратится въ лишнюю десятину земли, которая во многихъ мѣстностяхъ стѣить не дороже ея удобрѣнія; работа при воздѣлываніи земли уменьшится, да и хлѣба будетъ собираться болѣе, потому-что съ двухъ неудобренныхъ десятинъ получится 9 четвертей, т. е. по аутору четвертями болѣе, нежели съ одной удобренной. Рассчетъ этотъ въ пользу увеличенной запашки на неудобренныхъ поляхъ гораздо-сильнѣе выказывается, если случится посредственный и, особенно, хорошій урожайный годъ; ибо хорошая температура, если не совершенно, то много поправить тощую почву и неотчетливую обработку. Впрочемъ, въ нашемъ сѣверовосточномъ климатѣ, можно утвердительно сказать, что изъ всей суммы различныхъ вліяній на растительность, $\frac{9}{10}$ принадлежатъ температурѣ, съ которой можно спорить въ огородѣ, саду, или въ рѣвѣ, въ теплицѣ и оранжерей, но не на площадяхъ, занимающихъ нѣсколько миллионѣвъ десятинъ. Следовательно, утѣчненіе почвы и отчетливая обработка у насъ не всегда дѣйствительное средство для выгоднаго хозяйства.

Впрочемъ, разсужденіе мое клонится единственно къ тому, что только сильное и дорого-стѣящее удобрѣніе и отчетливо-сложная обработка земли дорогими орудіями, подобная той, которую мы видимъ въ огородныхъ хозяйствахъ Западной Европы, убыточна для большей части нашихъ помѣщиковъ и крестьянъ, владеющихъ значительнымъ количествомъ земли. Живущіе въ малоземельѣ необходимо должны удобривать свои поля, и должны это сдѣлать, но не такими дорогими приѣмами, какъ это дѣлается въ Бельгій, Англіи, Германіи и Франціи, хотя въ этихъ малоземельныхъ мѣстностяхъ и при такой обработкѣ земли, *хлѣбопашество уже перестаетъ служить главною опорю для благосостоянія жителей.*

§ 23.

Въ сѣверномъ климатѣ и на ржаныхъ почвахъ нѣтъ возможности замѣнить обыкновенные наши посѣвы другими болѣе-цѣнными.

Не смотря на всѣ доказательства, которыя подкрѣпляютъ мое мнѣніе о томъ, что главныя основанія нашего сельскаго хозяйства переменить нельзя, можетъ-быть, захотятъ все-таки улучшить. Почему жь и не хотѣть ихъ! Зачѣмъ довольствоваться теми выгодами, которыя имѣемъ? Надобно имѣть въ виду и тѣ, которыя имѣть

можетъ. Все должно идти впередъ. Основываясь на этомъ последнемъ правилѣ, можетъ-быть скажутъ: зачѣмъ же сѣять малоцѣнные хлѣба: развѣ нѣтъ другихъ растений дороже ржи, овса и гречи? Какия же? — Пшеница, горохъ и просо на ржаныхъ почвахъ, въ сѣверной полосѣ, да и въ большей части средней, очень-дурно родятся; а тамъ, гдѣ эти хлѣба рождаются хорошо, то-есть въ полосахъ болѣе-южныхъ, или на почвахъ известковатыхъ, они сѣются безъ искусственнаго удобренія и отчетливой обработки, и произведеніе ихъ огромно, потому-что тамъ, при помощи способной почвы, искусственное удобреніе и тщательная обработка земли замѣняется 40—50-ю десятинами земли, на каждое тѣло; т. е. такимъ огромнымъ количествомъ земли, которое даетъ рѣшительную возможность обходиться безъ всякаго удобренія, посредствомъ выгонной системы. Между-тѣмъ, и эти цѣнные хлѣба не болѣе дадутъ денежной выручки, потому-что всѣ хлѣба имѣютъ не относительную цѣну, но сравнительную; т. е. если пшеница, горохъ, просо дороже ржи, овса и гречи, за то первыхъ хлѣбовъ обыкновенно собирается съ нивы гораздо-менѣе, или для нихъ обработка земли становится дороже. Слѣдовательно, для всѣхъ годовыхъ выручки уравниваются. Конопля, капуста, картофель, морковь, рѣпа и табакъ — огородныя произведенія; слѣдовательно, посѣвъ ихъ приличенъ только весьма-тѣсному народонаселенію и отчасти въ климатъ болѣе-умѣренномъ, нежели тотъ, въ которомъ лежатъ наши среднія и сѣверныя губерніи. Не сурепица ли, — основываясь на блестящихъ надеждахъ барона Унгернъ-фон-Штернберга? — Во-первыхъ, эти надежды еще только на бумагѣ и послѣ пятилѣтняго хозяйства, судя по отчетамъ г. барона Унгернъ-фон-Штернберга, не только ни въ одномъ отношеніи не осуществились, но, кажется, останутся и навсегда надеждами. Во-вторыхъ, я твердо увѣренъ, что если бы въ нѣкоторые годы, увеличившіеся доходы (разумѣется, не въ томъ видѣ, какъ ихъ предполагаетъ г. баронъ) и оправдали принятое имъ устройство хозяйства, со всѣмъ тѣмъ рѣшительно утверждаю, что основаніе этихъ доходовъ ненадежно, какъ въ-отношеніи сурепицы, такъ и въ-отношеніи меринсовъ (Эти двѣ статьи г. баронъ Унгернъ-фон-Штернбергъ принялъ за основаніе будущихъ своихъ колоссальныхъ доходовъ, которыхъ мы, обще съ Шехерезадой, отъ души ему желаемъ).

На счетъ посѣва сурепицы и дальнѣйшей ея обработки, вотъ мое мнѣніе: озимая сурепица не вынесетъ нашей зимы; о ней — и говорить нечего. Яровую, сколько мнѣ извѣстно, сѣютъ помѣщики и крестьяне въ нашемъ околоткѣ очень-давно. Отъ увеличившагося числа фабрикъ, съ нѣкотораго времени и посѣвъ ея увеличился до того, что на рѣдкомъ полѣ, въ нашихъ мѣстахъ, не встрѣтишь сурепицы. Между-тѣмъ, послѣ снятія зеренъ, дальнѣйшая ея обработка, здѣсь, уже перешла къ крестьянамъ. У нихъ заведено множество маслобоекъ, но селамъ и деревнямъ. При такомъ ходѣ этого окончательнаго производства, его ни одному помѣщику заводить не-

лзя, потому-что масло обойдется ему дороже, нежели крестьянину. Цѣны на сурепицу и масло поднялись только съ 1839 года, по случаю неурожая. Обыкновенный урожай сурепицы, смотря по году, отъ $3\frac{1}{2}$ до 8 чегвертей съ неудобренной десятины. Цѣна ей въ урожайные годы отъ 6 до 7 рублей; но когда урожай плохъ, цѣна возрастаетъ до 15-ти рублей. Тогда и на масло цѣны возвышаются. Въ началѣ 1841 года, цѣна сурепицы была 7 рублей, маслу отъ 4 руб. 50 копеекъ до 5 рублей. Следовательно, выручка отъ каждой десятины сурепицы все около 50 рублей, немного-болѣе, немного-менѣе. Но еслибъ она немного и превышала ржаную, ненадобно забывать, что сурепица, у насъ, какъ и горохъ, чрезвычайно истощаетъ землю, что всегда, къ ущербу хозяина, оказывается на послѣдующемъ урожаѣ. Между-тѣмъ, если посѣвъ сурепицы и дальнѣйшая ея обработка, въ 500 верстахъ отъ Москвы, главнаго рынка, перешла къ крестьянамъ, которые ее производятъ и обрабатываютъ простыми и дешевыми средствами (*), отъ-чего цѣны на зерно и масло подешевѣли до послѣдней возможности, можно ли надѣяться получать постоянную, да еще и огромную прибыль отъ такого же производства, на которое предварительно истраченъ огромный денежный капиталъ, и оно производится искусственными, дорогими приемами, хотя бы такое заведеніе было 300 верстъ ближе нашего къ главному рынку и произведеніе отпускалось въ нѣскольکو-лучшемъ качествѣ? Конечно, ни огромной, ни постоянной прибыли ожидать нельзя, а можетъ случиться только временная и частная прибыль, и притомъ чѣмъ огромнѣе, тѣмъ непостояннѣе — отъ того, что, при огромной прибыли, явится немедленно совмѣстничество, которое, у насъ, по всемъ такого рода производствамъ, можетъ быть сильнѣе, нежели гдѣ-нибудь. Если бы въ Тульской же Губерніи помѣщики, заведя тоже маслобойни, засѣвали сурепицею только въ десять разъ болѣе того количества земли, которое засѣваетъ г. баронъ Унгернъ-фон-Штернбергъ, то ручаться можно, что не было бы возможности продавать все получаемое масло, или оно такъ подешевѣло бы, что въ виду были бы одни убытки, потому-что количество произведенія превосходило бы требованіе, какъ теперь подобное обстоятельство случилось съ винокуренными заводами и къ чему должны быть готовы овчарные заводы — если не помѣшаютъ этой несчастной будущности эпидемическія болѣзни и засухи на югъ, тѣмъ болѣе, что наше фабричное суконное производство тонкихъ шерстей, при совершенно-новыхъ для него элементахъ, еще не укоренилось на новомъ своемъ пепелищѣ (**).

(*) Обработка четверти сурепицы стѣитъ крестьянину около 150 коп., считая коммерціальнымъ счетомъ.

(**) Въ двѣнадцати верстахъ отъ Пензы находится малоземельное село Безсоновка, состоящее изъ 1,500 душъ. Вся въ немъ живущіе крестьяне, поймавъ Суры и въ поляхъ сѣютъ лукъ и, продавая его зеленью и луковками, какъ въ этой мѣстности, такъ и въ дальнихъ разстояніяхъ отъ жилищъ своихъ, основываютъ на немъ все свое благосостояніе. Возьмись за эту же

§ 24.

Теорія можетъ бытьъ точна, но приложение ея къ практикѣ убыточно. Со времени Олега, у насъ не измѣнилась ходъ дѣлъ въ некоторыхъ отношеніяхъ.

Всѣ эти расчеты доказываютъ, что-еслибъ теорія сельскаго хозяйства была точна и учила насъ трансцендентально, какъ улучшить какую бы то ни было отрасль сельскаго хозяйства, — все рядомъ съ теоріею стоитъ хозяйственный расчетъ, который весьма-легко,

промышленность еще три-четыре такихъ селенія, всѣ выгоды безосновскихъ крестьянъ немедленно руются. Такъ у насъ, да и вездѣ, когда произведеніе превышаетъ требованіе.

Равнообразно и меринсы по таблицѣ барона Унгернъ-фон-Штернберга никакъ не расплодятся; а еслибъ и расплодились, въ этомъ мѣстѣ, лежащемъ на самой возвышенной точкѣ великороссійскихъ губерній, полъ 54 градусомъ широты (слѣдовательно въ климатъ очень суровомъ), то далеко нельзя будетъ содержать 30,000 головъ и прокормить ихъ домашними средствами. Кажется, отъ этой причины, должно будетъ это предполагаемое имъ количество уменьшить, и не мало. При уменьшеніи скота, слѣдовательно, и навоза будетъ недостаточно на удобреніе огромныхъ полей, не говоря уже о нѣтъшеихъ силѣ, поерелствомъ которой эти огромныя площади должны быть удобрены. Она, въ свою очередь, едва ли будетъ тоже достаточна. Въмѣстѣ съ тѣмъ, какъ бы ни были первоначально-заведенные меринсы отличны, они далеко не будутъ давать по 12 рублей съ каждой головы годовой выручки. (Эти оба заключенія, впрочемъ, оправдались въ полной мѣрѣ его же послѣдними отчетами).

Такую выручку до 1837 года некоторые помѣшники, въ томъ числѣ и Пензенскій Земледѣлецъ, получали. Нынче прошли эти счастливыя времена; вездѣ заведены меринсы; шерсть сильно упала въ цѣнѣ, отъ-того, съ одной стороны, что ея болѣе производятъ, нежели требуютъ; слѣдовательно, тонкія шерсти уже не рѣдкій товаръ; съ другой стороны, отъ-того, что случались сильныя банкротства между московскими фабрикантами. Между-тѣмъ, вездѣ есть не только прекрасныя стада, но гораздо-прежде заведенныя, очиненныя сильнѣйшимъ бракомъ, чего ба, оиъ Унгернъ-фон-Штернбергъ, увеличивая свое стадо вѣтъ припомомъ, дѣлать не можетъ; слѣдовательно, шерсть его стада будетъ годъ-отъ-году хуже и хуже; да и требованіе на шерсть высокой тощины, у насъ, какъ и вездѣ, очень-малое, и цѣны на нихъ стали очень низки — какъ потому - что юная наша фабрикація еще не искусна, такъ и отъ-того, что большая часть гг. фабрикантовъ, предпринявъ заведенія сверхъ силы своихъ капиталовъ, вѣщественныхъ и невѣщественныхъ, не имѣтъ средствъ производить товары лучшаго разряда, по такимъ цѣнамъ, которыя были бы сходны для покупателей и вмѣстѣ приносили бы фабрикантамъ прибыль, хотя ихъ производство охранено отъ иностраннаго со-вѣстничества сильными пошлинами.

По моему мнѣнію, вотъ по-большой-части отъ-чего это случается. Всякое заведеніе такого рода требуетъ двухъ капиталовъ: первый для постройки пухныхъ строеній и принадлежностей фабрики, если работы не раздѣлены, и вѣтъ собственно-фабричнаго народонаселенія, какъ у насъ. Это капиталъ *осельдмй*. Второй, *оборотный*, долженъ быть ассигнованъ на покупку матеріа-

а у нас почти повсемѣстно, не допускаетъ дѣлать улучшеній, предписываемыхъ западною теоріею, потому-что выручки не окупятъ тѣхъ пожертвованій, которыя истратятся на улучшенія, предписываемыя теоріею.

Чтобъ эта аксіома была понятнѣе, представимъ примѣры въ другихъ отношеніяхъ, которые доказали бы, что большая часть сложных и искусственныхъ производствъ, даже независимо отъ сѣвернаго нашего климата, намъ невыгодны, — потому, съ одной сторо-

ловъ, плату рабочимъ, должностнымъ лицамъ и на расходы. Этотъ капиталъ долженъ быть такъ силенъ, чтобъ могъ вести заведеніе въ должномъ порядкѣ два года, потому-что ходъ торговли заставляетъ всякаго значительнаго фабриканта продавать свой товаръ въ 8-ми и 12-ти-мѣсячные сроки. Следовательно, денежныя его выручки не могутъ къ нему доходить прежде этого времени. Тогда фабриканту можно у насъ рассчитывать на 10%, какъ бы его заведеніе ни было велико, потому-что пошлины на иностранный товаръ, лучшей изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ фабриканты очень-довольны 5%, защищаютъ его отъ иностраннаго совмѣстничества.

У насъ, купецъ, торговавшій, на-примѣръ, полушубками или другими предметами, неимѣющій ни малѣйшаго понятія о фабричномъ дѣлѣ, о требованіяхъ публики, важилъ капиталъ. Вздумалось ему быть сукошнымъ фабрикантомъ,—онъ не поведетъ этому дѣлу поучиться, даже не пригласится на всѣмъ ступенямъ этого производства. Вздумалъ, загадалъ, да и къ дѣлу, съ русскимъ проворствомъ, торопливостію, безотчетливостію и, что всего важнѣе: «было не было, во что бы ни стало, а фабрикантомъ буду». На заведеніе оное издержитъ весь наличный капиталъ, развѣ оставитъ на плату рабочимъ. Всѣ нужные матеріалы оные купитъ въ кредитъ. Тутъ оные за обиды и страхъ платитъ по 12%, да потому-что покупаетъ не на чистыя деньги, по-крайней-мѣрѣ лишняго столько же, — итого 24% лишняго.

Произведеніе готово; но его, какъ выше сказано, нельзя иначе продать, какъ въ сроки. Следовательно, оные остаются до получения выручки совершенно безъ денегъ. Тутъ повеловъ оные приставаетъ къ займамъ, и опять платитъ 6% за время, да 6% за страхъ, итого 12%. Вотъ ужеросло на недостававшій у него капиталъ, который иногда бываетъ сильнѣе первобытнаго, до 36%. Между-тѣмъ, не всегда огромное производство имѣетъ постоянный сбытъ, не всегда фабрикантъ попадаетъ на исправнаго плательщика, особенно когда произведеніе его дорого. Случись остановка въ платежахъ,—то и другое часто случается,—опять затрудненія, опять расколы, увеличивающіе дѣлу на произведеніе, которое, по расчету фабриканта, должно было ему дать милліоны. Эти милліоны въ свою очередь настраиваю его вообразительности и расколы, не придавъ однакоже умаляя и той хозяйской распорядительности, которая, съ одной стороны, устрояетъ всему вѣрный учетъ, съ другой обращаетъ въ пользу всѣ остатки, весь, такъ-сказать, соръ фабрики. Итогъ тотъ, что такому фабриканту по-большой-части надобно вкладывать до 40% на свой товаръ болѣе противъ того, кто возьмется за то же производство искусно, хозяйственно, собственнымъ капиталомъ покроетъ всѣ издержки и будетъ имѣть предметъ получать не рубль на рубль, какъ наши фабриканты, но отъ 6% до 10%. Всякія дѣвы на всѣ произведенія нашихъ фабрикъ, кажется, довольно оправдываютъ эти соображенія; а при сравненіи дѣвъ иностранныхъ товаровъ съ нашими, эти 40% вездѣ явно замѣтны. Отъ-того, полагать надобно, сукошныя фабрики у насъ не уморемались, какъ бы имъ следовало; отъ-

ны, что не въ-избру они дорого намъ, бѣднымъ сѣвернымъ жителямъ, обходится, и несравненно-дороже, нежели иностранцамъ; съ другой—потому-что тотъ же результатъ получился у насъ можетъ, въ тысячу случаякъ, простыми, несовершенными и дешевыми способами, или приемами.

Между Дубовки и Качалинской Стапиды, на 60-ти верстахъ, между Волгою и Дономъ, проходитъ торговый путь, соединяющій сѣверъ съ югомъ. Этотъ пунктъ одинъ изъ важнѣйшихъ въ Имперіи. Казалось, чего бы нужнее и легче на 60-ти верстахъ сдѣлать желѣзную дорогу, которая, во-первыхъ, укоротила бы время перевозки, во-вторыхъ, замѣнила бы удобнѣе тысячи возчиковъ и воловъ, на это употребляемыхъ. Пожалуй, можно еще сказать, руководствуясь нерусскимъ толкомъ, что поперечная дорога, или дорогъ, на этомъ пространствѣ, занимая 5, верстъ, прелегала бы полосой много на 30 саженьяхъ ширины. Слѣдовательно, 25,000 десятинъ осталось бы свободными для хлѣбопашества, скотоводства, и пр. Но хозяйственный расчетъ уничтожить всякій порывъ къ этому европейскому усовершенствованію, которое не только не можетъ быть у насъ усовершенствованіемъ, но было бы дѣломъ убыточнымъ во всѣхъ отношеніяхъ. Это легко доказать слѣдующими вопросами и отвѣтами. Какія главныя тяжести провозятся по этому пути? Чугунъ, желѣзо, льнои товаръ и хлѣбъ. Чтѣ стѣитъ перевозка? Отъ 5 до 10-ти коп. съ пуда. Можно ли будетъ по желѣзной дорогѣ перевозить дешевле? Напротивъ, гораздо-дороже. Слѣдовательно, усовершенствованіе и уменьшеніе атого пути, для торговли, посредствомъ желѣзной

того, мы видимъ такъ часто, что одна фабрика рушится, другой возникаетъ. Нынѣче, однаже, больше первыхъ, нежели вторыхъ. Кто тутъ виновать? Мудрое и благотворное наше правительство убѣждено въ неоспоримой истинѣ, что безъ фабрикъ не можетъ быть народъ денежно-богатъ—оно и мало есть способъ завести ихъ, оградило первоначальное устройство отъ чужеземнаго, опытнаго совѣстничества высокими пошлинами на всѣ наши фабричныя произведенія, и при всемъ томъ мы не умѣемъ пользоваться дарованными выгодами.

Исчисленныя причины, повидимому, также ясно выказываютъ, отъ-чѣго фабриканты не въ состояніи платитъ производителямъ за высокія шерсти на-стоящую цѣну и почему шерсть должна идти чрезъ вторыя руки во-вольво-торговцевъ, чтѣ для овчарныхъ заводчиковъ понижаетъ ея цѣну значительно, и возвышаетъ, какъ сказано, для фабрикантовъ. Отъ этихъ обстоятельствъ торговля шерстными товарами не распространилась во внутренности Имперіи, какъ бы ей распространиться можно и должно было, т. е. наши фабрики не взяли того размѣра, который причлечетъ внутреннему требованію, и до тѣхъ-поръ его не пріймутъ, пока произведенія ихъ, на внутреннихъ рынкахъ, не будутъ продаваться сходными для покупателя цѣнами. Все это въ совокупности грозитъ понизитъ выгоды овчарныхъ заводчиковъ значительно, особенно въ средней полосѣ Имперіи, преимущественно тѣ, которыя разотчѣны на шерсти высокаго достоинства, потому-что иностранныя фабрики, на которыхъ метили много овчарныхъ заводчиковъ, нынѣче изъ шерстей низкаго качества начали дѣлать суаи высокой доброты.

дороги, несбыточно. Европеецъ, знакомый съ нашими расчетами, спроситъ, какая причина столь дешеваго извоза? Вотъ она: этотъ путь, подь 40 градусомъ широты, лежитъ въ такой степи, гдѣ народонаселеніе едва примѣтно. Слѣдовательно, земля на этомъ пространствѣ принадлежитъ всѣмъ, кто имѣетъ въ ней нужду для подножнаго корма своему скоту, въ—продолженіи 6 или 7 мѣсяцевъ въ году.

Для перевозки кладей, употребляются волы, запряженные деревянною упряжью въ фуры, желѣзомъ не окованныя, не окрашенныя, просто сдѣланныя. Такая фура съ парюю воловъ стоитъ нынче отъ 200 до 220 рублей.

Перевозкою занимаются Малороссіане изъ приволжскихъ селеній, которые на этомъ пути живутъ 6 или 7 мѣсяцевъ въ году подь своими фурами, питаются домашними своими произведеніями—хлѣбомъ и пшонною кашницею со свинымъ саломъ,—вездѣ гдѣ имъ случится остановиться на необозримой степи, для того, чтобъ покорить своихъ воловъ. Весь скарбъ такого возчика состоитъ изъ двухъ рубахъ съ портами, полушубка, кафтана, одной пары сапоговъ, что на немъ, или только поршиней, шапки, да трубки съ домашнимъ же табакомъ. Выручаютъ они посредствомъ каждой пары воловъ отъ 200 до 250 рублей въ 6 — 7 мѣсяцовъ, которые замѣняютъ цѣлый годъ.

Вотъ причины, почему перевозка такъ дешева. Приемы и расчеты тутъ не перемѣнились со временъ Олега: и въ его время перетаскивали ладьи на колесахъ по землѣ; и нынче точно также перевозятъ барки съ грузомъ изъ Дубовки въ Качалинскую Станицу сухопутно, на волакѣ. И тогда южный житель пытался кашницею съ саломъ, существовалъ 6 — 7 мѣсяцевъ въ году подь открытымъ небомъ, одѣвался какъ нынче одѣвается, и закаленный жаромъ и стужею громилъ своихъ сосѣдей и прибывалъ шить своего верховнаго владыки къ стѣнамъ изнѣженнаго и дряхлѣющаго Константинополя; и нынче мы были гостями и побѣдителями у воротъ Константинополя и наложенною также данью смирили кичливость, или былы миротворцами—защитниками...

Эти древніе обычаи во многихъ отношеніяхъ не измѣнились въ неизмѣримой Россіи, и еще долго-долго не измѣнятся, тѣмъ не мѣсто здѣсь вычислять ихъ. Лучше повторимъ читателю, что изъ всѣхъ производствъ техническихъ, заведеній или устройствъ, гдѣ основнымъ также служитъ раціональное хозяйство, у насъ по-большой-части истинно-выгодны только тѣ, которыя отпускаютъ товаръ самой плохой и низкой руки, или устроены самыми простыми, дешевыми средствами, преимущественно для такихъ народныхъ потребностей, которыя производителю обходятся дешево, а потребителями всегда и вездѣ покупаются на чистыя деньги; которыя позволяютъ съ малыми капиталами заводить большія производства, и наконецъ, которыя не требуютъ особеннаго искусства и привычки къ этому искусству, точности, постоянства и усиленнаго терпѣнія, т.

е. тѣхъ нравственныхъ качествъ, которыя между русскими людьми рѣдки.

Послѣ всѣхъ этихъ практическихъ соображеній, обратимся къ теоріи сельскаго хозяйства—главной цѣль этихъ «Записокъ».

§ 25.

Ошибочныя примѣненія теоріи сельскаго хозяйства къ практическому производству.

Раскройте наши знаменитыя творенія о сельскомъ хозяйствѣ и прочтите ихъ: чудо да и только! Съ одной стороны, не имѣя понятія о нашихъ климатахъ, не изуча вліянія температуры, не зная во что обходится произведеніе и по чему продается, не постигнувъ происходящихъ отъ того различныхъ устройствъ, приемовъ и расчетовъ, которые служатъ основаніемъ сельскому хозяйству, — одинъ хочетъ, чтобъ тамъ, гдѣ оно не обѣщаетъ никакихъ выгодъ и гдѣ живетъ богаче, торговое народонаселеніе, занималось ово скотоводствомъ и земледѣліемъ (*), да еще съ тѣмъ, чтобъ уничтожить паровыя поля и независимо отъ объема пашни, высаживать цѣлыя клинья картофеля, рвную, морковью, бобами; чтобъ эти клинья удобрять мергелемъ, известью, пережженою глиною, пудретомъ, компостами, какъ-будто и то и другое дѣла выгодныя въ сѣверномъ климатѣ, который не допускаетъ насъ в 6 или 7 мѣсяцевъ въ году до полевыхъ работъ,—полезныя по существующимъ у насъ цѣнамъ на произведенія сельскаго хозяйства, гдѣ объемъ его отоцелъ такъ далеко отъ мелкихъ иностранныхъ фермъ и ихъ огородныхъ приемовъ, или гдѣ мѣстное произведеніе обходится дороже купленнаго!—Другой указываетъ намъ на силу каждаго удобренія, расчитываетъ плодотвореніе почвъ послѣ каждаго посѣва, ссылаясь на слабые опыты, сдѣланные въ чуждыхъ для насъ климатахъ и при условіяхъ совершенно-различныхъ. Третій советуетъ употреблять тѣ изъ дорогостоящихъ сложныхъ машинъ и хлѣбопашенныхъ орудій, которыя выдуманы единственно безотчетливою роскошью, въ богато-убранныхъ кабинетахъ, и безъ которыхъ вездѣ обходиться можно. Четвертый укоряетъ насъ за частыя посѣвы, какъ-будто-бы мы не знаемъ, что, высѣвая отъ 10 до 13-ти четвериковъ ржи на экономическую десятину, получаемъ плодъ только въ обильные годы отъ двухъ (**).

(*) Этотъ примѣръ тоже почерпнуть изъ «Библіотеки для Читателя». Онъ стоитъ предложенной кмѣ-то желѣзной дороги отъ Таганрога до Астрахани, которая, вѣроятно, будетъ нужна для переезда Калмыковъ изъ одного гочевья въ другое.

(**) Въ столь неблагоприятномъ сѣверномъ климатѣ, какъ нашъ, для искусственной растительности, частый посѣвъ дѣлается по слѣдующимъ причинамъ: 1) если стоитъ сухая температура во время посѣва; 2) если земля то-

Плкий, рукопроводящий, антропоидею, подвигая войну на животво ржи и овса, проповедуя, что оно слишком-тяжело, особенно для мужчинъ, хоть бабамъ—де оно легче, отъ-того, ято у нихъ ноги короче (!), какъ-будто мы, влады столь же искривно косою, какъ и серпомъ, не умѣемъ и приловчиться къ нашей родной работѣ, съ которой родились и умремъ. Шестой проповѣдуетъ посѣвъ клевера, который въ рѣдкихъ мѣстахъ у насъ можетъ входить въ сѣвообороты; для корма овецъ предлагаетъ торицу, ни на что намъ не нужную въ тѣхъ хозяйствахъ, гдѣ овцеводство даетъ существенныя выгоды, или учить насъ кормить и содержать скотъ во весь 12 мѣсяцевъ въ году, въ конюшнѣ, заводить электоральной породы меринесовъ и содержать ихъ по-саксонски въ Крыму, или южныхъ степяхъ; вѣдвись разсчеты, касающіеся до скотоводства, сосредоточены въ выгодной возможности содержать скотъ отъ 10 до 11 мѣсяцовъ въ году на подножномъ корму и на дешевомъ пастбищѣ, а такое содержание вовсе неприлично меринесамъ, посящимъ электоральную шерсть.

шв. 3) когда посѣвъ поздно начинается; 4) когда запахиваются зерна глубже обыкновенному. Потомъ берутся въ соображеніе 5) насекомыя, въспомни, особенно на не оченъ-тучныхъ почвахъ, посѣвы; 6) ранніе морозы и сѣтъ; 7) двадцатиградусные морозы въ дообръ безъ сѣтъ; 8) подсыжная вода; 9) сухая весна и вообще неблагопріятная температура, и наконецъ 10) качество зеренъ, потому-что и при хорошемъ общемъ наливѣ не все зерна могутъ дать нужную нищу молодому растенію. Вся эти неблагопріятныя обстоятельства требуютъ у насъ непременно усиливать количество зеренъ для посѣва. Сверхъ того, опытный хлѣбопашецъ всегда имѣетъ въ виду, что частый, до известной степени, посѣвъ не испортитъ дѣла. Съ частыми озимями справиться легко: осенью ихъ выбьютъ скотомъ; весною можно частыя мѣста скосить; да и это послѣднее средство рѣдко приходится употреблять, потому-что сильное растеніе уничтожаетъ слабое, по общему закону природы. Но когда посѣвъ окажется рѣдкимъ, тогда никакія средства не могутъ помочь бѣдѣ. Впрочемъ, и мы съемъ оченъ-рѣдко рожь, но только на весьма-тучныхъ, новыхъ земляхъ, глубоко-рыхлыхъ, во время влажной и теплой температуры, когда посѣвъ начинается въ июль, зерна зарываюся не сохонъ, а только борошою, или распашникомъ (cultivateur), и когда для посѣва назначенная сухая, сѣвная рожь таетъ въ четверикъ отъ 1 пуда до 5—6 фунтовъ. Тогда на то же пространство (экономическая десятина 3,200 кв. саж.), на которое въ первомъ случаѣ высѣваемъ 12 или 13 четвериковъ, выбрасываемъ не болѣе 7 или 8. Чтобы вполне убѣдиться, сколь рѣдкій посѣвъ обыкновенно губителенъ, надобно спросить тѣхъ, которые копали подъ несчастный этотъ урочъ. Пусть они скажутъ по совѣсти, если можно, во что онъ имъ обошелся. Я, съ своей стороны, признаюсь, что заплатилъ за него гораздо-болѣе 100,000 рублей. Вся бѣда сдѣлалась отъ-того, что въ 12 четверикахъ 12,000,000 ржаныхъ зеренъ, а на тучной нивѣ не болѣе 2,000,000 растеній. Слѣтъ варенья, а математика плохая.

Огородная обработка земли, конечно, требуетъ для посѣва меньшаго количества зеренъ; но видъ нашей площади:молей не подходитъ подъ огородную категорию. Въ огородахъ, въ некоторыхъ случаяхъ, и особенно въ теплицахъ, или оранжереяхъ, можно принимать искусственныя мѣры противъ климата, темпе-

Съ другой, «Курсы Сельскаго Хозяйства» опредѣляютъ названія для различныхъ сѣвооборотовъ, доказывая различіа между «полевой системой» и «плодоперемѣнной», «плодосмѣнной», какъ-будто не всякій сѣвооборотъ плодoperемѣнный и не всѣ они полевые. Казалось бы, чего легче и понятнѣе всѣ сѣвообороты называть двухъ, трехъ, четырехъ, или болѣе лѣтними. Да это, видно, слишкомъ-просто, и безъ систематическихъ, высокопарныхъ словословіи будетъ всякому понятно. Примеры сѣвооборотовъ предлагаютъ намъ одинъ другаго бесполезнѣе, убыточнѣе и всегда съ мѣстностію, сбытомъ и климатомъ несогласные. Не имѣя еще точнаго понятія о безчисленно-различномъ составѣ почвъ, о настоящемъ вліяніи ихъ составныхъ частей на разнородную растительность, и причинахъ, породившихъ, порождающихъ и упрочивающихъ различные эти составы, не зная ихъ химическаго и механическаго сдѣленія, находящагося, полагать надобно, въ прямомъ отношеніи съ плодородіемъ, или безплодіемъ почвы, принялись раздѣлять систематически эти безчисленно-различныя почвы на «первобытные разряды» по ихъ «составамъ» (!?). Не постигая еще точнаго и многосложнаго вліянія температуры и атмосферы на зарожденіе и перерожденіе растений, ростъ и развитіе посѣвовъ, не изслѣдовавъ основательно вредныхъ и полезныхъ для того условій, предлагаютъ намъ одностороннія замѣчанія, по-большой-части въ практическомъ быту бесполезныя, или понятія совершенно-ложныя, и называютъ ихъ непреложными правилами, законамъ. Наконецъ, не вникнувъ въ составъ иностранныхъ хозяйствъ, не понимая причинъ, породившихъ ихъ устройство, не замѣтивъ, что Тэеръ, Сниклеръ, Домбаль, Шверць, Петри, и проч., опредѣляя правила для устройства и хода сельскаго хозяйства, не могли имѣть въ виду нашего климата и нашихъ расчетовъ, въ примѣръ намъ ставятъ «раціональныя» хозяйства Французскія, англійскія и Фламандскія, «которыми», увѣряютъ насъ, будто «гордится просвѣщенная Европа», чего подлинно никогда не бывало, потому,

ратуры и другихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ. Тутъ, равно какъ и въ климатѣ, для растительности болѣе-способномъ, можно и должно посѣвъ дѣлать рѣже; но на обширныхъ площадяхъ это невозможно: здѣсь $\frac{9}{10}$ вѣроятностей для успѣха въ рукахъ Провидѣнія. Во Фландріи, гдѣ климатъ благопріятнѣе для растительности, гдѣ яровые посѣвы начинаются въ мартѣ, а осенніе въ сентябрѣ, когда земледѣльцы могутъ пользоваться тѣми дождями, которые обыкновенно илутъ во время равноденствія, конечно, должно сѣять рѣже. По этой же причинѣ, и у насъ на югѣ посѣвы обыкновенно дѣлаются не такъ часто. Просвѣщенный и основательный нашъ хозяинъ, г. Ребровъ, словамъ котораго можно во всякомъ случаѣ вѣрить, увѣдомляетъ, что около Кумы, въ Кавказской Области, сѣютъ на указную десятину среднимъ числомъ озимой пшеницы и яровой отъ 4 до 5 мѣръ, у насъ 8; озимой ржи отъ 3 до 4, у насъ отъ 7 до $8\frac{1}{2}$; ячменя яроваго и полбы 6, у насъ $10\frac{1}{2}$; проса отъ $\frac{3}{4}$ до 1, у насъ $1\frac{3}{8}$; горчицы 1, у насъ $1\frac{3}{8}$; маку 5 фун., у насъ $7\frac{1}{2}$; льну отъ 4 до 5 четвериковъ, у насъ 11.

Т. XXIV.—Отд. IV.

1/2

во-первыхъ, что истинное просвѣщеніе ничѣмъ и никогда не гордится; во-вторыхъ, что просвѣщеніе не можетъ гордиться тѣми успѣхами, которые, безъ его посредства, водворены единственно толкомъ, сметливостію и искусствомъ такого народонаселенія, которое столь же далеко отъ истиннаго просвѣщенія, какъ и всякое другое.

Примѣры посѣвовъ, вошедшихъ въ составъ сѣвооборота и сами сѣвообороты, въ учебной книгѣ, конечно, быть должны, но съ ясными и полными указаніями, въ какой мѣстности и въ какомъ объемѣ тѣ или другіе могутъ быть полезны, или вредны, какъ въ-отношеніи качества почвы и растительности, у насъ всегда зависящей отъ температуры, такъ и по всѣмъ расчетамъ хозяйскимъ, хотя по этому послѣднему предмету трудно быть ученію опредѣлительному; вѣдь у насъ мѣстности столько же разнообразны, какъ границы и объемы владѣній, въ-отношеніи качества и количества земли и числа рукъ; а потому посѣвы, покосы, или выгоны, входящіе въ составъ сѣвооборотовъ, зависятъ отъ мѣстныхъ расчетовъ, у насъ безчисленно-разнообразныхъ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

ЗАПИСКИ ПЕНЗЕНСКАГО ЗЕМЛЕДѢЛЬЦА О ТЕОРИИ И ПРАКТИКѢ СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА.

ЧАСТЬ II.

(Окончѣніе.)

§ 26.

Есть ли у насъ систематическое дѣльное руководство для сельскаго хозяйства, или дѣльныя статьи, помѣщаемыя въ періодическихъ изданіяхъ? Благотворное вліяніе агрономическихъ обществъ на сельское хозяйство. Назидательныя творенія иностранцевъ могутъ быть полезны только весьма-опытнымъ хозяевамъ.

Исчислить странные вопросы и отвѣты, указать на лжеученіе по всѣмъ предметамъ, входящимъ въ составъ сельскаго хозяйства, у насъ во многихъ книгахъ разбросанные, невозможно, да и нѣтъ нужды; между-тѣмъ, есть ли у насъ какое-нибудь напечатанное систематическое дѣльное руководство для сельскаго хозяйства, которое вместе съ тѣмъ объяснило бы его составъ и расчеты? Нѣтъ и сто разъ нѣтъ. Потому-то, приложивъ къ этому недостатку избытокъ смѣшно-ошибочныхъ правилъ нашей книжной теоріи, Пензенскій Земледелецъ утверждаетъ, что не только сносно учебной книги для сельскаго хозяйства у насъ еще не написано, но по главнымъ его предметамъ, это ученіе, большею частію, имѣетъ опору для насъ бесполезную, или убыточную.

Я не считаю въ числѣ учебныхъ руководствъ дѣльныя статьи, помѣщаемыя въ «Трудахъ Вольнаго Экономическаго Общества», равно въ другихъ періодическихъ изданіяхъ, также записки многихъ помѣщиковъ, какъ напримѣръ, весьма-полезныя записки г. Майера; не отрицаю благотворнаго вліянія «Листковъ Южнаго Общества Сельскаго Хозяйства» и «Журнала Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства»—не на расчеты наши и главныя основанія сельскаго хозяйства, которыхъ измѣнить нельзя, но на сношенія между хозяевами, особенно этимъ последнимъ журналомъ основанныя, посредствомъ которыхъ зачали объясняться наши расчеты и спорныя статьи, выказываться по всѣмъ предметамъ любо-

пытныя или дѣльныя улучшенія, хозяевами предпринятая, или уже исполненныя, и всегда Московскимъ Обществомъ Сельскаго Хозяйства поощряемыя, при заботливой готовности быть во всѣхъ отношеніяхъ полезнымъ всѣмъ вообще и каждому помѣщику-хозяину; что неоднократно Общество и выполняло съ пріятною для всѣхъ и каждого готовностію, которая производила во многихъ случаяхъ истинную и несомнѣнную пользу.

Изъ дѣльныхъ сочиненій по сельскому хозяйству мы имѣемъ только переведенныя творенія Тэера и Синклера. Въмѣстѣ съ «La Maison Rustique du XIX siècle» это настольныя книги для всякаго мыслящаго хозяина. Но и онѣ, въ практическомъ быту, для молодаго неопытнаго помѣщика, какъ уже сказано, съ одной стороны недостаточны и неприличны, потому-что ходъ описанныхъ въ нихъ хозяйствъ не подчиненъ нашимъ возможностямъ, нашему устройству, климатамъ и расчетамъ; съ другой, объемъ предметовъ сельскаго хозяйства, т. е. такого дѣла, которое надобно стараться привести въ ремесло, слишкомъ-отвлеченъ и сложенъ. Между-тѣмъ, слѣпо-пріложенное ученіе, которое мы видимъ въ этихъ знаменитыхъ иностранныхъ твореніяхъ, нашему практическому производству можетъ принести болѣе вреда, нежели пользы, хотя теорія, опирающаяся на науки естественныя, сколько можетъ она опираться на нихъ, практическія соображенія, касающіяся до иностраннаго хозяйства и многіе умозрительные предметы, относящіеся до общаго, всѣмъ странамъ и народамъ приличнаго, обработаны въ этихъ твореніяхъ возможно-полнымъ, отчетливымъ и во многихъ отношеніяхъ превосходнымъ образомъ; въ-слѣдствіе чего изученіе правилъ, соображеній и наставленій, въ нихъ начертанныхъ, конечно можетъ быть полезно, но только весьма-опытнымъ и мыслящимъ хозяевамъ, которые имѣютъ возможность, отстраня все, нашему хозяйству вредное, или неудобное, пользоваться только тѣмъ, что можетъ быть полезно въ кругу ихъ дѣятельности, по практическому ли производству, по административной ли части, или для общихъ хозяйскихъ соображеній (*).

Во многихъ отношеніяхъ Синклеръ, Домбаль и особенно глубокомысленный Тэеръ могутъ быть наставниками; но надобно знать

(*) Многолѣтній и отчетливый трудъ С. А. Маслова и похвальное пріятіе почтеннаго г. Ширева передали намъ «Рациональное Хозяйство Тэера». Но приложения къ нему «Примѣчанія» не восполняютъ недостатка, отдавая должную справедливость безкорыстному труду покойнаго и почтеннаго Ник. Ник. Муравьева и его пламенному стремленію на пользу общую, всегда и всеми образованными людьми много уважаемому, найдеть, изъ необходимо-нужныхъ примѣненій западной теоріи къ нашему сельскому хозяйству, только ясно и постоянно, но слишкомъ-общими выраженіями высказанное мнѣніе, что это западное хозяйство мы въ образецъ принять не можемъ (Смотри предисловіе Н. Н. Муравьева къ II-й части). Эта, впрочемъ особая мысль, всѣмъ опытнымъ хозяевамъ давно известна.

вменно по какимъ предметамъ. А для того, чтобъ извлечь пользу изъ твореній этихъ знаменитыхъ хозяевъ-писателей, надобно прежде изучить наши отношенія сельскаго хозяйства. Тогда въ твореніи Тэера легко можно будетъ найти подтвержденіе принятыхъ нами некоторыхъ правилъ, о которыхъ онъ говорилъ умоарительно и не распространялся потому-что писалъ не для Россіи, а для своего отечества, гдѣ добываются выгоды отъ сельскаго хозяйства другими правилами, приемами, устройствомъ и расчетами. Но какъ изучить всѣ различныя отношенія нашего сельскаго хозяйства? Книгъ объ этомъ предметѣ, систематически-написанныхъ, у насъ нѣтъ; теоріи, излагаемые ученымъ обрядомъ имѣютъ основаніе иноземное, намъ неприлично: — какъ же узнать гдѣ и на какихъ правилахъ должно быть устроено у насъ выгодное сельское хозяйство? По моему мнѣнію, рѣшить эту задачу очень легко, ибо, частно, эти правила, равно какъ и нужные для того устройства, приемы и расчеты — многими, не только помѣщикамъ, но и крестьянамъ извѣстны; следовательно, надобно узнать мнѣніе на этотъ счетъ дальновидныхъ, опытныхъ нашихъ сельскихъ хозяевъ, особенно въ средней полосѣ, осмотрѣть и изучить устройство ихъ хозяйствъ и обогатиться сметливою и дѣятельною ихъ опытностію. Въ этомъ отношеніи, агрономическое путешествіе по Тульской, Орловской, Рязанской, Тамбовской, Саратовской, Пензенской, Симбирской и Казанской Губерніямъ, равно какъ и по многимъ южнымъ; гораздо-болѣе принесетъ пользы молодому хозяину, нежели обзоръ, дѣлаемый въ Германіи, Фландріи и Англіи. Тутъ въ каждомъ уездѣ найдутся просвѣщенные въ точной наукѣ слѣдъ помѣщики, всегда готовые ясно и весьма-поучительно изложить причину каждаго ихъ дѣйствія, или приема; следовательно, многому можно научиться.

§ 27.

Для сельскаго хозяйства нельзя написать курса. Нужны руководства для различныхъ мѣстностей.

Конечно, составъ учебной книги для сельскаго нашего хозяйства труденъ; по моему мнѣнію, предпринять весьма-сложное и необыкновенныхъ соображеній требующее дѣло, т. е. составленіе для великороссійскихъ губерній, не «Курса Сельскаго Хозяйства», котораго ни одинъ еще ученый человекъ, какъ бы онъ ни былъ ученъ и опытенъ, по всѣмъ предметамъ сельскаго хозяйства не напишетъ и врядъ-ли написать можетъ, но нѣсколькихъ руководствъ, приспособленныхъ къ различнымъ нашимъ мѣстностямъ, — предпринять это дѣло, говорю, тогда только можно будетъ, когда всѣ способы и недостатки этихъ мѣстностей, какъ въ первой частн этихъ «Записокъ» было сказано, зависящіе отъ климата и почвы земель, всѣ

соображенія, на которыя должны опираться хозяйскіе расчеты и вообще устройство хозяйства, вѣрно будутъ разсчитаны и описаны; когда сложное разнообразіе нашихъ хозяйствъ приведено будетъ въ ясность, и когда все это составителю руководства извѣстно будетъ какъ опытному, просвѣщенному хозяину и безкорыстно трудолюбивому челоуѣку.

§ 28.

Разнообразная сложность нашихъ хозяйствъ. Такого разнообразія въ хозяйствахъ Западной Европы нѣтъ. Въ помѣщичьемъ управленіи оно увеличивается. Неприятности помѣщичьяго управленія. Разрушительный климатъ для построекъ. Наши архитектурныя книги. Затрудненія при сбытѣ произведеній. Трудно одному челоуѣку имѣть потребный запасъ для написанія правилъ сельскаго хозяйства. Удальное Училище. Благодѣтельное его вліяніе.

Разнообразіе нашего сельскаго хозяйства, о которомъ уже нѣсколько разъ говорено, и сложный его составъ, пронтекающій какъ отъ климата, такъ и отъ особеннаго, только намъ приличнаго, или у насъ существующаго хода дѣлъ, ничего не имѣютъ подобнаго въ хозяйствахъ Западной Европы. И замѣтьте притомъ, что всякая мѣстность разнообразитъ хозяйство по-своему, что и быть должно на неизгнримоиъ пространствѣ имперіи.

На-примѣръ, во многихъ мѣстностяхъ надобно прясть, ткать и вѣсть съ тѣмъ сидѣть хлѣбное вино по-нашему, а не по-англійски, имѣть поташный заводъ, бочаровъ, кузнецовъ, слѣсарей, мѣдниковъ, мельниковъ, машинистовъ; по всѣмъ этимъ предметамъ, следовательно, руководство должно давать ясныя и основательныя наставленія. Но прежде всего сельскому хозяину-помѣщику нужно необходимо знать административную часть хозяйства и тѣ законы, на которые опираться должно управленіе имѣніемъ—и то и другое совершенно различныя отъ иностранныхъ законовъ и управленія.

И этого мало: намъ надобно произведенія хозяйства *умѣть продавать*, соображаясь съ коммерческими расчетами и внутреннимъ ходомъ торговли сельскими произведеніями. Въ этомъ отношеніи, надобно, особенно сельскому хозяину, во многихъ случаяхъ хватать на-лету хозяйскую выгоду, часто для того только, чтобъ добыть себѣ хлѣбъ насущный. Одни эти послѣднія соображенія у насъ до того спутаны, разнообразны и измѣнчивы, что систематическое ихъ изученіе можно будетъ прикладывать къ различнымъ мѣстностямъ только въ нѣкоторыхъ извѣстныхъ случаяхъ. — Тутъ безъ мѣстной опытности и большой сметливости хозяину обойтись нельзя.

Чтобъ убѣдиться въ справедливости всего, что тутъ на-счетъ сбыта произведеній сказано, возьмемъ въ примѣръ зиму 1840-1841 годовъ. Съ перевозимья, всѣ помѣщики Пензенской и Тамбовской Губерній могли продать рожь отъ 22 до 24 рублей, какъ многіе и продали. Между-тѣмъ, къ концу февраля, опоздавшіе принуждены были отдавать ее за 13 и 14 рублей. Разница ужасная, особенно при неурожаѣ! Отъ-чего же сдѣлался въ карманъ ихъ такой сильный недочѣтъ? — Отъ-того, что тѣ помѣщики, которые выжидали цѣнъ еще высшихъ, основываясь на повсемѣстномъ весьма-плохомъ урожаѣ ржи; не знали, что хлѣбная торговля приняла другое направленіе; что для сѣвера у насъ не будетъ требованія, потому-что на Камь можно было купить хлѣбъ сходнѣе. Мѣстное требованіе, поддерживаемое обыкновенно винокуренными заводами, на этотъ разъ должно было сдѣлаться гораздо слабѣе; требованіе народонаселенія этихъ губерній—худъ ли урожай, или хорошъ—всегда ничтожно, потому-что народонаселеніе состоитъ почти все изъ сельскихъ жителей-хлѣбопашцевъ, запасующихъ себя годовое продовольствіе; сверхъ того, при сильномъ неурожаѣ ржи, каковъ подлинно и былъ, народу этому покупать дорогой хлѣбъ нѣ на что. Онъ въ такомъ случаѣ прокармливается овсомъ и гречею, а за неимѣніемъ того и другаго, лебедю, которою подлинно, на этотъ разъ, во многихъ селеніяхъ кормились люди и скотъ.

Всѣхъ этихъ затрудненій и такого разнообразія въ хозяйствахъ Западной Европы нѣтъ. Тамъ фермеръ, или владѣлецъ-хлѣбопашецъ, нанялъ работниковъ, платитъ имъ поденщину, или годовое жалованье—и только. У насъ помѣщики дѣйствуютъ собственными крестьянами; права его ограничены законоположеніями и не вездѣ одинаковыми. Отъ этого одного обстоятельства операциі его сдѣлались вдвойнѣ-сложнѣе: онъ долженъ пеѣщись о своемъ хозяйствѣ и крестьянскомъ, присовокупляя къ тому судъ и расправу. Что можетъ быть сложнѣе и непріятнѣе послѣднихъ двухъ предметовъ? Хозяйственныя постройки (*) у насъ если не многосложнѣе и не

(*) Иностранныя руководства для сельскаго хозяйства, подручныя по дешевымъ цѣнамъ для всѣхъ сословій, наполнены планами, фасадами и профилями сельскихъ строевій, приспособленныхъ къ ихъ климату, произведеніямъ и устройству хозяйства. Мы этого пособія лишены совершенно. Изъ множества архитектурныхъ книгъ, которыя богаются Витрувіемъ и Витрувіемъ, руководствуются греческимъ, или итальянскимъ вѣсами, нѣтъ ни одной, которая сколько-нибудь могла бы служить приличнымъ руководствомъ для сельскихъ построекъ. Вы хотите построить въ своемъ имѣніи для себя домъ, конюшню, службы, основываясь на газетныхъ объявленіяхъ, или пріятельскихъ журнальныхъ отзывахъ, выписываете архитектурную книгу, платите за нее, по обыкновенію нашему, вдесятеро дороже, нежели чего она стѣитъ—не по достоинству, котораго оценивать деньгами нельзя (да и слава Богу, тутъ не приходится) но по тому, во что обошлось издашіе,—получаете; раскрываете, и остается вамъ засвидѣтельствовать, что во всемъ расхваленномъ

огромные, за то всегда не такъ прочны, отъ климата особенно въ средней и сѣверной полосахъ имперіи; между-тѣмъ, цѣль построекъ, относительно къ нимъ хозяйскіе расчеты и употребленныя на постройку капиталы ничто не имѣютъ общаго съ иностранными. Тамъ сельскій хозяинъ не обязанъ имѣть окна для сушки въ снѣгахъ всей жатвы, не обязанъ строить огромныхъ помѣщений для сѣбраннаго хлѣба, котораго количество несравненно-менше; не обязанъ носить кафтана изъ домашняго сукна, рубахи изъ домашняго хол-

произведенія неудобство спорить съ варварскимъ вкусомъ, — а вездѣ пареоны, пантеоны, виллы и уроливаго устройства коттичи; вездѣ, гдѣ нужно и не нужно, всѣ пять ордеровъ стоять чинно; не забыты въ экстраординарныхъ случаяхъ и пестумскій съ рустинками; вездѣ открытыя галлереи, мезонины, сквозные бельведеры, чтобъ всѣ эти эстетическія (полагать надобно) украшенія скорѣе гнали сами и гнали строенія; вездѣ широкія итальянскія, или египетскія плоскія крыши, для того, чтобъ наносило и держалось на нихъ по-ѣсколько сотъ пудъ снѣгу; вездѣ бездна дорогихъ матеріаловъ для мадаго помѣщенія; вездѣ забыты хозяйственныя удобства; вездѣ старались жертвовать полезнымъ приятному—но не успѣли, потому-что для перваго не доставало хозяйской опытности, трудолюбія и терпѣнія, а для втораго много требуется, и прежде всего зародышъ того врожденнаго искусства, для котораго умные люди написали особенную науку, назвавъ ее эстетикою; эта наука столько же способна влиять эстетическій вкусъ въ того, кто съ нею отъ природы въ разлазѣ, сколько наши «Курсы Сельскаго Хозяйства» сотворить сметливаго и опытнаго хозяина. Но какіе употреблять въ нашемъ климатѣ матеріалы, какъ приготовить ихъ дешевыми, домашними способами, какъ узнавать ихъ прочность, или неспособность, какіе хозяйственныя способы принимать, чтобъ строеніе было прочно, тепло, сухо и помѣстительно,—всѣ эти главные необходимыя условія, какъ-будто для дѣла постоновія, оставлены безъ вниманія; а если сочинители и касаются этихъ предметовъ, то отбываются общими выраженіями. Но когда дѣло дошло до мельницы, плотины, магазива, выкуреннаго завода, рѣги, овина, печки—есть планы, профили, фасады и даже модели въ продажѣ—только эти дивныя произведенія всѣмъ и каждому изъ хозяевъ извѣстны, равно-какъ извѣстны и всѣ ихъ непростительные недостатки, изъ которыхъ главнѣйшіе состоятъ въ томъ, что они не приспособлены ни къ климату, ни къ обычаямъ, ни къ расчетамъ нашимъ. Что остается въ такомъ случаѣ дѣлать неопытному хозяину? Выясать или принимать опытнаго человека, перенерститься, заключить съ нимъ условіе и быть утѣрену, что изъ десяти такихъ построекъ, девять сдѣлаются съ важными недостатками, влекущими за собою потерю времени, работы и денегъ, если долговременная опытность не научила хозяина, какъ въ нашемъ климатѣ и по нашимъ расчетамъ должно строиться. И этого мало: надобно самому помѣщику присматривать за всеми работами, отъ утра до вечера, для того, чтобъ работникъ или подрядчикъ, руководствуясь обыкновеннымъ «какъ-нибудь» и во всѣхъ отношеніяхъ совершеннаю безотчетливостію, безсовѣстью не портилъ дѣла. По всѣмъ этимъ предметамъ хозяинъ долженъ быть у насъ не только самъ архитекторомъ, механикомъ, печникомъ и проч., но и инспекторомъ, и всегда строиться соображаясь единственно съ своимъ смысломъ и опытностію.

Истинное благодѣаніе сдѣлаетъ для нашихъ хозяевъ тотъ, кто составитъ ру-

ста, ѣздить на телегѣ и употреблять сбрую своими руками сдѣланную, какъ это водится у насъ во многихъ мѣстахъ, гдѣ жители не имѣютъ возможности, посредствомъ земледѣлія и скотоводства, снабжать себя нужнымъ черезъ продажу произведеній этой промышленности. Въмѣстѣ съ тѣмъ, по милости тѣснаго народонаселенія, частыхъ мѣстечекъ и городовъ, и говоря вообще, хорошихъ сообщеній, на каждыхъ 5—10 верстахъ, всякій фермеръ имѣетъ въ виду рынокъ, гдѣ онъ на чистыя деньги можетъ все сбывать, не ломая себя, подобно намъ, головы надъ вопросомъ, гдѣ и кому продать произведеніе; можно ли успѣть поставить его туда, гдѣ покупаютъ; найдутся ли возчики; не случится ли недостатка въ лошадяхъ у крестьянъ; не помѣшаютъ ли осенняя и вешняя распутицы, зимнія ухабы и вьюги; можно ли надѣяться своевременно получить уплату за поставленное произведеніе; не будетъ ли при приѣмѣ какихъ-нибудь затрудненій и обстоятельствъ, которыя 10 процентовъ убавятъ изъ цѣны проданнаго произведенія; въ какую мѣру или всѣмъ продавать, какими деньгами получать уплату: разнородною ли иностранною монетою, которая не вездѣ принимается въ уплату, ассигнаціями, билетами Государственнаго Казначейства, депозитными билетами, серебряными рублями, или серебромъ-мелочью, потому-что курсъ этихъ различныхъ денегъ, хотя съ 1839 года пересталъ измѣняться по частному произволу, но все еще отъ-того, какими деньгами получена уплата, получившій можетъ потерпѣть некоторый убытокъ, что всего важнѣе; не пропустить того дня, часа, въ который произведеніе можно продать выгодно, потому-что малѣйшее упущеніе, въ этомъ случаѣ, можетъ причинить хозяйну значительную потерю. Коротко сказать: русскій хозяинъ всѣ дѣйствія свои долженъ подчинить не только зрѣло-обдуманнѣмъ расчетамъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и мимолетнымъ, въ Западной Европѣ неизвѣстнѣмъ соображеніямъ, для которыхъ нужна истинно-русская сметливость, которую изучить по книжному ученію нельзя (объ этомъ было уже говорено): это даръ Провидѣнія, и имъ-то надѣлены щедрою рукою мы, Русскіе, отъ-того, можетъ-быть, что мы болѣе другихъ народовъ вмѣемъ нужду въ сметливости.

Возможно ли одному человѣку имѣть такой огромный запасъ познаній, на которыя у насъ должно опираться сельское хозяйство?

ководство, гдѣ законы, на которыхъ должны опираться такого рода сельскія постройки, были бы объяснены вѣрно и понятно. А вѣдь это не мудрено было бы сдѣлать? Но тутъ архитектура, механика, виротехнія и гидравлика еще недостаточны; шарлатанство же, равно-какъ иностранные образцы и поверхностные взгляды, могутъ быть полезны только тѣмъ, кто въ виду имѣетъ не полезнымъ трудомъ, но изданіемъ книжки добыть *денегу*.—Сверхъ этихъ наукъ нужна опытность, приспособленная къ нашимъ климатамъ, нашимъ расчетамъ, работникамъ, сельскимъ способамъ и капиталамъ, и постоянное, безкорыстное терпѣніе и трудолюбіе.

Но, положимъ, что нашлось бы чудо памяти, другой Пикъ-де-ла-Мирандоль, который, охватя необыкновенными своими способностями весь миръ наукъ, вошедшихъ, какъ подсобное средство, въ составъ сельскаго хозяйства, вооружась необыкновеннымъ терпѣніемъ и прилежаніемъ—равносильными истинному самоотверженію, написалъ бы сельскому хозяйству дѣльную теорію для какой-нибудь мѣстности—этого мало, повотряю: надобно автору уметь приложить эту теорію къ дѣлу и учить другихъ приложенію, для чего ему самому необходимо должно быть опытнымъ практикомъ. Этотъ-то камень преткновенія на всѣхъ путяхъ, которымъ слѣдуетъ практика, если она захочетъ имѣть пособіемъ теорію, встрѣчается и заставляетъ труженника останавливаться, а предприимчиваго остроумца, или ни въ чемъ не сомнѣвающагося невѣжду сбиваться съ настоящаго пути, или увлекаться за тридевять земель въ тридешатое царство; отъ-того одно книжное ученіе не только по предметамъ сельскаго хозяйства, но и вообще по всѣмъ отраслямъ человѣческихъ познаній, къ полезной цѣли приводитъ подлинно «немногихъ». Я не говорю о той теоріи сельскаго хозяйства, которая имѣетъ основаніемъ корыстолюбивые виды: она, съ запасомъ шарлатанства, подъ личиной общей пользы, нерѣдко достигаетъ своей цѣли (*).

Не говорю о примѣрахъ послѣдняго рода, взглянемъ на скромный

(*) По моему мнѣнію, самый благодѣтельный результатъ, при изученіи сельскаго хозяйства, у насъ оказался въ Удѣльномъ Училищѣ, основанномъ близъ Петербурга. Тутъ вышедшій изъ училища крестьянинъ остался крестьяниномъ, но образованнымъ, дѣтельнымъ, полезнымъ себѣ, отечеству, и вмѣстѣ сдѣлался прекраснымъ примѣромъ для подражанія. Европа не представила еще такого примѣра образованія, да и трудно ей представить: надобно для этого имѣть способы, силу и могущество Царя Русскаго, который тутъ, въ видѣ нашего перваго, главнаго и августѣйшаго помѣщика, не жалѣя никакихъ издержекъ, повелѣлъ въ особенномъ заведеніи сосредоточить и наставить молодыхъ избранныхъ людей на добро и пользу. Курсъ ученія 250 учениковъ, введенный Министерствомъ Удѣловъ въ этомъ заведеніи, превосходить, особенно тѣмъ, что нравственность—фундаментъ знанія, и что учащиеся болѣе заставляютъ разсуждать о предметахъ ихъ ученія, давая этому разсужденію правильное, ясное и весьма-простое направленіе. Между-тѣмъ, молодой ученикъ необремененъ ни одною лишнею идеею, не только учевіемъ, — и вмѣстѣ съ тѣмъ ни что не забыто изъ того, что въ его быту знать ему нужно. Министерство разсылаетъ своимъ питомцевъ во весь край Имперіи, водворяетъ ихъ на мѣстахъ жителства, обзаводитъ полною рукою и снабжаетъ всѣми пособіями, которыя, по мѣрѣ ихъ образованія, нужны-имъ. Истинно-просвѣщенная и благодѣтельная мѣра эта теперь въ обширной Имперіи конечно еще мало замѣтна; но въѣлъ и первоначальное построеніе Петербурга не произвело большаго вліянія на Россію; теперь же Петербургъ не оконъ въ Европу, какъ многіе его называютъ, но нашъ кормилецъ: всякаго рода избытки наши направляются туда по водѣ и сушѣ. Такъ и водвореніе образованныхъ крестьянъ со-временемъ должно измѣнить обычан, быть и приемы сельскихъ жителей, во многіяхъ отношеніяхъ, къ лучшему.

трудъ г. Усова «Курсъ Земледѣлія съ приложеніемъ къ полеводству». Съ должнымъ вниманіемъ къ этому труду, со всѣмъ уваженіемъ къ автору, нельзя не сказать, что заглавіе его «Курса» обьщаетъ болѣе для хозяина, нежели подлинно въ «Курсъ» находится — именно потому-что не только выгоднаго приложенія теоріи къ практикѣ тутъ нѣтъ, но читатель, узнавъ этотъ «Курсъ Земледѣлія», не получитъ дѣльнаго понятія о выгодномъ хозяйствѣ. Между-тѣмъ, и г. Усовъ вездѣ опирается на системы полеводства иностранныхъ, нашему климату не способныя, по расчетамъ невыгодныя, и на шаткія гипотезы, прикрытыя химіею, ботаникою и физикою, т. е., на громкія слова, не вполне-освященныя опытностію. Осторожныя и дѣльныя, но слишкомъ-общія его сужденія на счетъ приложенія системъ полеводства къ различнымъ мѣстностямъ, въ послѣднихъ трехъ §§ помыщенныя, не искупаютъ этого главнаго недостатка его курса, который имѣетъ, конечно, свою полезную сторону, но и эта сторона по-крайней-мѣрѣ уравнивается промахами какъ въ общихъ сужденіяхъ, такъ и частныхъ (*). Три послѣдніе параграфа «Курса Земледѣлія» г. Усова заключилъ вотъ чѣмъ: «Опредѣленіе выгодъ системы сѣвооборота должно относиться къ статьѣ общаго управленія хозяйствомъ»; другими словами: выгоды эти основаны на приложеніи теоріи къ практикѣ. Англичане, Бельгійцы, Французы, жители всей Германіи имѣютъ для всѣхъ мѣстностей это пособіе, по всѣмъ предметамъ, вошедшимъ въ составъ ихъ сельскихъ хозяйствъ. Почему же намъ не имѣть этого приложенія? Г. Усовъ, какъ человекъ просвѣщенный, имѣя понятіе о разнообразіи нашихъ хозяйствъ, постигъ, что трудно его составить; въ-слѣдствіе этого, ограничиваясь общими сужденіями, онъ, конечно, не вышелъ изъ предѣловъ благоразумія, но вмѣстѣ съ тѣмъ не показалъ намъ примѣровъ, которыми русскіе хозяева должны слѣдовать, а между-тѣмъ это обьщано заглавіемъ его «Курса».

§ 29.

Когда и въ какихъ отношеніяхъ мы будемъ имѣть возможность принять практическіе приемы и расчеты иностранныхъ.

Здѣсь, кажется, довольно доказательствъ тому, что иностранное ученіе, даже дѣльное, по всѣмъ практическимъ приемамъ намъ не го-

(*) Эти промахи я всегда готовъ указать. Но «Записки» мои не для того пишутся, чтобъ выказывать ошибочныя сужденія и ложныя понятія, которыя, начиная съ самого меня, всѣмъ людямъ общи. Напротивъ, если когда-нибудь онѣ будутъ изданы во всеобщее извѣстіе, я желаю, чтобъ онѣ обратили вниманіе нашихъ учителей, и преимущественно г. Усова, на ошибочное направле-

дится, а по расчетамъ не приходится, и что мы, русскіе помещики, конечно со словъ «Курса Сельскаго Хозяйства», «Земледельца» и пр. и пр. прилагать его къ нашимъ хозяйствамъ не будемъ до-тѣхъ-поръ, пока не измѣнится въ пользу новаго хозяйства весь ходъ стараго; или короче сказать, когда повсемѣстно въ Россіи не будетъ, какъ въ нѣкоторыхъ частяхъ Западной Европы, приходится на душу по одной десятинѣ пахатной земли, — съ тѣмъ условіемъ, чтобъ значительная часть хлѣбопашцевъ, поселившись въ городахъ, перешла въ мѣщанство, купечество, или занялась единственно руководными промыслами, совершенно отъ хлѣбопашества и скотоводства отдѣльными; чтобъ число городовъ нашихъ увеличилось и народонаселеніе ихъ распространилось; устроились бы сообщенія не столь тѣсные и долговременныя; да сверхъ-того еще, чтобъ *перемѣнился нашъ климатъ*, что вѣроятно не такъ-то скоро случится—и чтобъ произведенія сельскаго хозяйства вездѣ и всегда продавались соразмѣрно оцѣненному труду, заботѣ и положеннымъ капиталамъ — чему, при всей сметливости нашихъ хозяевъ, трудно быть; или хотя бы только торгъ этими произведеніями не былъ подчиненъ нѣкоторой зависимости, какъ это во многихъ мѣстностяхъ иногда случается, тѣмъ болѣе, что потребность продовольствія для войскъ и винокуренныхъ заводовъ, составляющая значительную часть въ итогъ всего покупаемаго количества земныхъ произведеній, не рѣдко основываетъ имъ цѣны.

§ 30.

Для какихъ предметовъ можно писать курсы. Наука въ приложеніе. Расточительное хозяйство. Собственно хозяйство наука безконечная и умозрительная. Только нѣкоторые отдѣльные его предметы могутъ изучаться теоретически. Нормальныя руководства. Кто можетъ написать руководство съ приложеніемъ. Всякая наука посредствомъ книжнаго ученія должна быть приведена въ ремесло. Гг. агрономы силятся изъ ремесла сдѣлать науку. Собственно-теоретическое книжное ученіе нигдѣ сколько-нибудь значительной пользы сельскому хозяйству не принесло. Споровка, сметка, да догадка обходятся безъ физики, химіи, ботаники и зоологій. Ученый и неученый. Кому книжное ученіе въ пользу. Системы въ практическомъ быту. Къ чему онѣ привели сельское хозяйство. Довольно одного ученаго агронома на каждый уѣздъ.

Можно написать курсъ, какъ я выше сказалъ, для многихъ предвѣ, данное ученію о сельскомъ хозяйствѣ. Если же эти записки указываютъ мѣстами, сверхъ ошибочной теоріи, на зазорное самохвальство, имѣющее опорю превратно-понимаемый чужой трудъ, и особенно на шарлатанство, къ которому, а твердо знаю, не причастенъ г. Усовъ, такъ это сдѣлалось единственно по необходимости, весьма для меня непріятной.

метовъ сельскаго хозяйства отдѣльно, но не вообще для сельскаго хозяйства, потому-что курсъ какой-либо науки долженъ опираться на систему неизмѣнную, основательно-доказанную и вообще принятую. Тамъ можно написать курсъ для садоводства, лѣсоводства, огородничества, тѣмъ болѣе, что теорія этихъ предметовъ довольно-полна, отчетливо объяснена и уже составлена; равно для механики, архитектуры, географіи и даже физики, химіи и пр. и пр. Но собственно сельское хозяйство, т. е. *примѣненіе выгоднѣйшихъ соображеній къ дѣлу сельскаго хозяйства*, по необъятной сложности своей и по безчисленнымъ разнообразнымъ мѣстнымъ примѣненіямъ, будетъ всегда предметомъ болѣе-опытнымъ и только-что умозрительнымъ, нежели точнымъ и прикладнымъ, и достоинствомъ малаго числа людей, если мы будемъ имѣть притязаніе на весь его объемъ, въ чемъ я не вижу никакой надобности, потому-что и близко удовлетворить этому стремленію не найдется возможности. Следовательно, всегда и вездѣ будетъ трудно привести въ систему всѣ условія, упрочивающія сельское хозяйство, особенно у насъ, гдѣ эти условія неизслѣдованы, столь разнообразны и известны только частно.

Изъ множества учебныхъ книгъ, показавшихся въ XIX столѣтіи въ Европѣ, безъ противорѣчія самыя дѣльныя и возможно-полныя: «Практическое и Умозрительное Земледѣліе» Синклера, «Основанія Рациональнаго Хозяйства» А. Тэера, и новѣйшее «*La Maison Rustique du XIX siècle*», о которыхъ я говорилъ уже. Ни Синклеръ, ни Тэеръ, положившіе начало полезному ученію о многихъ предметахъ, вошедшихъ въ составъ сельскаго хозяйства, ни общество французскихъ агрономовъ, составившее послѣднее руководство для французскихъ сельскихъ хозяевъ, не осмѣлились назвать свои творенія «Курсомъ Сельскаго Хозяйства», который написать, по моему мнѣнію, возмѣтается нынче и для насъ, при томъ незрѣломъ состояніи наукъ, входящихъ въ составъ его и при неизслѣдованныхъ началахъ, на которыя опирается наше хозяйство, — только тотъ, кто не постигъ, изъ какихъ предметовъ состоитъ оно и въ какомъ состояніи находится вообще теорія этой до безконечности сложной науки, — коротко сказать, кто занимался сельскимъ хозяйствомъ на досугъ, въ четырехъ стѣнахъ своего кабинета, или на кафедрѣ, руководствуясь только своимъ воображеніемъ и памятью — чего и было бы довольно для какихъ-нибудь стихшковъ, повѣстцы, или «Фантастическаго Путешествія», — но не для изложенія правилъ сельскаго хозяйства, гдѣ каждое слово должно опираться на фактъ, многолѣтними опытами освященный, каждую мысль доказывать неоспоримыми доводами, ясными, простыми и краткими.

Можетъ-быть, скажутъ: наука вездѣ одна и та же, а приложеніе зависитъ отъ толка и сметливости прилагателя. Пусть онъ дѣлаетъ ей приложеніе въ-шору и къ-мѣсту.

Кажется, здѣсь довольно практическихъ доказательствъ тому, что преподаваемая у насъ теорія сельскаго хозяйства не что иное, какъ

схоластическое словословіе, безъ котораго легко обойдтись проходившему обыкновенный университетскій курсъ ученія; а практическое ея приложеніе—неумѣстный, опрометчивый и ложный сколокъ съ иностраннаго ученія, дѣлающій болѣе вреда, нежели пользы нашему хозяйству и особенно вредящій тѣмъ, что породилъ и порождаетъ несприличное нашему климату и расчетамъ хозяйство, такъ справедливо названное у Сниклера «расточительнымъ земледѣліемъ». Да и можетъ ли быть иначе? Иностранцы не знаютъ нашихъ расчетовъ, а наши агрономы не заботились узнать ни нашихъ, ни ихъ расчетовъ. Слѣдовательно, теорія сельскаго хозяйства для насъ не написана. Но еслибъ и сотворилось это чудо въ наше время, то все-таки приложенію надобно точно такъ же учить, какъ и науку; для чего практическое мѣстное ученіе необходимо, да и прямо вѣдетъ къ цѣли. Иначе—on mettra la charge devant les boeufs, чему, кажется, прижъровъ довольно.

Я сказалъ, что изучаться могутъ умозрительно, или теоретически только нѣкоторые отдѣльные предметы, вошедшіе въ составъ сельскаго хозяйства. Для нихъ-то нужны руководства нормальныя, которыя имѣли бы опорою правила положительныя, ясныя и простыя, безъ математики математически-доказанныя. Тутъ нельзя допускать безотчетныхъ системъ, отвлеченнаго словословія, или гипотезъ, только-что вѣроподобныхъ. Все это можетъ быть удѣломъ челоуѣка ученаго, или агронома, любителя сельскаго хозяйства, но не хозяина-практика, который не долженъ терять времени и денегъ на отвлеченности, точно такъ же, какъ и на мнимыя улучшенія, потому-что они заманчивы для всякаго мыслящаго челоуѣка, отнимаютъ нужное время для соображеній хозяйскихъ, отъ присмотра за исполненіемъ этихъ соображеній, и вообще влекутъ за собою не прибыль, а убытки.

Конечно, въ нѣкоторомъ отношеніи, сельское хозяйство можетъ опираться на многія науки, слѣдовательно, оно можетъ почитаться въ числѣ сложныхъ наукъ; но надобно желать, чтобъ у насъ обратили на него вниманіе люди дѣльные, хозяева опытные и наконецъ, пожалуй, люди ученые, и составили бы не курсы сельскаго хозяйства, но руководства съ приличными разными мѣстностями примѣненіями, для неопытныхъ молодыхъ хозяевъ. Это благотворное событіе не можетъ быть плодомъ труда одного лица; хотя бы запасъ безкорыстія, опытности и познаній былъ, въ этомъ лицѣ, необыкновенный,—такое учебное руководство для сельскаго хозяйства должно быть написано такъ, чтобъ въ немъ было все, что необходимо знать сельскому хозяину, и ни одного слова болѣе. Это гораздо-труднѣе исполнить, нежели написать пространный курсъ, гдѣ физика, химія, ботаника и зоологія вездѣ будутъ опорою; поверхностныя выписки изъ иностранныхъ изданій займутъ всю прозаическую часть; а измѣненія, новизны, догадки и отвлеченности наполняютъ поэтическую.

Тѣерь сказалъ, что сельское хозяйство можно изучать какъ нау-

ку. Я уже говорилъ въ 1-й части «Записокъ», почему это опредѣленіе болѣе нежели неопредѣлительно-ошибочно. Но хоть бы это и такъ было, кажется, назначеніе всякой науки для какого-либо дѣла, или производства состоитъ въ томъ, чтобъ передать учащемуся опытность въ малый періодъ времени и упростить ее до конечной степени; другими словами, обратить науку въ ремесло. Такъ, напр., до Карамзина познаніе русской исторіи было только наукою (*), и самую трудную, на которую надобно было посвящать многіе годы. Явился Карамзинъ, — не говорю о философскомъ взглядѣ на исторію — это не мое дѣло, твѣи болѣе, что эта канва такъ длинна и широка, что въки, и каждый по своему, на ней шить будутъ, и все не ушьютъ ея неизмѣримой площади, — явился, говорю, Карамзинъ, и исторія русскаго государства сдѣлалась ремесломъ, для котораго нужна стала только память и нѣкоторое прилежаніе — по-крайней-мѣрѣ для насъ, непосвященныхъ въ таинственные судьбы прошлыхъ, темныхъ временъ. Теорія сельскаго хозяйства идетъ совершенно-противоположнымъ путемъ: гг. ученые агрономы сходятся изъ ремесла сдѣлать науку, которую съ каждымъ годомъ развиваютъ все болѣе и болѣе, и, слѣдовательно, съ каждымъ годомъ она дѣлается сложнѣе и сложнѣе. Да и теперь уже сдѣлалась она достоинствомъ только ученыхъ, посвятившихъ всю свою жизнь созерцанію, въ тиши кабинета. Что же будетъ далѣе? Какъ хотите судите, гг. агрономы, но такое ученіе обвѣщаетъ, право, мало пользы; потому-то и не диво, что собственно-теоретическое агрономическое ученіе нигдѣ сколько-нибудь значительной пользы еще не принесло сельскому хозяйству. Куки, Фелемберги, Тэеры, Домбали, Синклеры и еще, можетъ-быть, десятковъ ученыхъ не опровергають этого мнѣнія. Это капля въ морѣ, если поставить вмѣстѣ съ ними безграмотныхъ, или мало-грамотныхъ мастеровъ своего дѣла—отъ зажиточнаго нашего крестьянина до богатаго арендатора включительно. Считите, сколько въ хозяйственномъ быту на одного ученаго и громко-славнаго агронома найдется искусныхъ, безграмотныхъ хозяевъ? — Конечно, мильионы. Право, «горшки не боги дѣлають»; практическія пауки недавно славны, а люди давно живутъ. Всѣ они были ли грамотными и учеными, или только отъ нихъ и свѣтъ свѣтомъ сталъ? Мудрено повторить, особенно на-слово. Называйте меня вандаломъ, пожалуй; но поживите поближе съ безграмотными, да замѣтите ихъ споровку, сметку, да догадку—вы увидите, что безъ химіи, физики, ботаники, зоологіи, да политической экономіи, многіе изъ нихъ, съ перваго взгляда, опредѣлятъ вамъ, въ самыхъ сложныхъ и затруднительныхъ дѣлахъ, соображеніяхъ и обстоятельствахъ, какъ и почему должно сдѣлать такъ, а не иначе; или отъ-чего это дурно, а то хо-

(*) Очевидно, почтенный авторъ «Записокъ» придаетъ здѣсь «науку» свое, особенное значеніе. *Ред.*

рошо. Скажете: исключенія изъ общаго порядка; а «за ученаго все-таки двухъ неученыхъ даютъ»? Я такъ думалъ до 50-ти лѣтъ моей жизни, а послѣ раздумалъ! Впрочемъ, и вдвое дать за ученаго немудрено—вездѣ за пріятное платять вдвое, нежели за полезное. Однакожь русскіе люди понимаютъ эту пословицу двояко. Многие думаютъ, что въ ней слово «ученый» значитъ *проученый*. Между-тѣмъ, пословица, относясь къ тому княжному ученію, у котораго рѣчь идетъ, была бы справедлива и въ буквальный смыслъ, еслибъ подлинно это ученіе было, во всякомъ случаѣ, синонимомъ преждевременной опытности, ума и способности. Того-то и нѣтъ въ *практическомъ* быту, или случается очень-рѣдко; отъ-того ли, что естественныя и политическія науки по новизнѣ своей не могли еще быть во всѣхъ отношеніяхъ дѣльно приложены къ безчисленнымъ фазамъ практическаго быта, въ которомъ человекъ и общество существуютъ; или потому-что приложенія дѣлаются невпопадъ. Впрочемъ, немудрено случиться и тому и другому, тѣмъ болѣе, что начертать правила для приложенія и дѣльно ихъ приложить, можетъ только человекъ съ высокимъ разумомъ и съ большою смеліюстію, и притомъ человекъ дѣятельный, трудолюбивый, пожалуй, и ученый; особенно же тотъ, кто, изучивъ половину науки, другую самъ постигъ. Кому надобно передать ее отъ альфы до омеги, кто затверждаетъ ее посредствомъ памяти, а изучаетъ только необыкновеннымъ прилежаніемъ, тотъ закрой книгу и брось ее въ печь: въ ней не найдешь оныхъ пособій для *практической дѣятельности*, которую прошу читателя не смѣшивать съ другими принадлежностями человѣческаго быта.

Конечно, между людьми безграмотными, способныхъ, искусныхъ и дѣловыхъ мало; за то между многоучеными, говорятъ, еще меньше; поэтому утверждаютъ, что у первыхъ умъ свѣжѣе и простое, одностороннее, прямое понятіе о дѣлѣ не перекрещивается въ нихъ соображеніемъ съ «завиральными идеями», высшими и общими взглядами; и потому еще станется, что, вмѣсто системъ, безграмотные, но смѣшленные люди, руководствуются только здравымъ смысломъ. У много-ученыхъ часто умъ заходитъ за разумъ, или воображеніе руководствуется часто системою, а не разумомъ. Попугаемъ быть, право, не мудрено, особенно тому, кто усидчивъ, да памятливъ.

Странное дѣло, всѣ ученые и просвѣщенные люди, кажется, согласны въ томъ, что человекъ разумнѣйшее твореніе. Какъ же это случилось, что они же не даютъ ему того инстинктивнаго чувства собственности своей пользы, которое неразлучно съ комаромъ и орломъ, съ бобромъ и слономъ. А вѣдь это такъ, — потому-что кабинетные агрономы хотятъ насъ увѣрить, будто, не взирая на курсовъ физики, химіи, ботаники, зоологіи и пр. и вообще агрономы, нельзя быть дѣльцимъ и себѣ-полезнымъ хозяиномъ. Въ этой увѣренности я вижу врача, который, отвергая помощь природы, непременно хочетъ, чтобъ излеченіе больнаго случилось по принятой имъ сп-

ствѣ и прошло сквозь рядъ сложныхъ лекарствъ, приготовленныхъ въ колбахъ и ретортахъ.

Въ нашъ матеріальный вѣкъ, мы силимся изъ всего и для всего соорудить систему на какихъ бы то ни было подмосткахъ, и для того обобщаемъ тѣ понятія, которыя были, будутъ и должны остаться въ тѣсномъ кругу спеціальными, частными, мѣстными, или въ общемъ вѣчно-подвижными; вѣчно-колеблемыми измѣняющимся ходомъ практическихъ дѣлъ, или столько же непостояннымъ общественнымъ мнѣніемъ, тогда какъ ни провидѣть, ни измѣнить и даже во многихъ отношеніяхъ направить человекъ не въ-состояніи ни тѣхъ, ни другихъ. Эти системы, основанныя на общихъ понятіяхъ, въ практическомъ быту, какъ я сказалъ, только путаютъ частности и дѣлаютъ человека, привыщаго смотреть на людей, свои дѣла и занятія свысока, котораго, между-тѣмъ, судьба обрекла въ частной заботѣ обнимать радіусомъ своимъ кругъ едва-замѣтный, — совершенно-неспособнымъ идти по прямому пути къ предназначенной частной цѣли. Да и нельзя въ одно время собственнымъ частнымъ трудомъ добывать себѣ хлѣбъ насущный и вмѣстѣ съ тѣмъ пещись о пользѣ общественной, которая еще въ рукахъ Провидѣнія, а не человека.

Посмотрите, къ чему приведено общими системами и ученіемъ сельское хозяйство. Писали, писали, и наконецъ дописались до того, — и не болѣе, какъ въ 30—40 лѣтъ, — что жизни человека не достанетъ пройти теорію съ толкомъ. А теорія эта, по убѣжденію опытныхъ и умныхъ людей — еще въ дѣтствѣ. Чтѣ же будетъ далѣе? Раскройте, нечего сказать, глубокомысленное твореніе «*La Maison Rustique du XIX siècle*»: въ немъ тысячи статей, и большая часть изъ нихъ зрѣло обдуманна, но сокращены, или изложены поверхностно. Но на чемъ все это зданіе основано? на наукахъ естественныхъ, политическихъ, математическихъ, технологическихъ, и пр. Между-тѣмъ, въ два столбца болѣе 2000 страницъ, въ четырехъ большихъ томищахъ — и все дѣла, говорятъ, для сельскаго хозяйства нужныя, необходимыя, къ которымъ, для нашихъ хозяйствъ, еще бы слѣдовало прибавить, по крайней-мѣрѣ, столько же, потому-что Россія — шестая часть свѣта, гдѣ всѣ климаты, исключая тропическаго, всѣ недостатки съ избытками перекрещиваются; гдѣ тѣснота народонаселенія, съ привольнымъ патріархальнымъ просторомъ живутъ рука-объ-руку; гдѣ югъ служить сѣверу, а сѣверъ югу; гдѣ по обличью, вѣрѣ, обычаямъ и занятіямъ обитающіе на этомъ неизмѣримомъ пространствѣ народы столько между собою различны, какъ ихъ одежда, досужество и бытъ. Слѣдовательно, въ нашемъ отечествѣ есть и то, чтѣ есть и въ другихъ государствахъ Западной Европы, да и найдется много кое-чего такого, чего нигдѣ не увидишь и не услышишь. Но не-уже-ли и вправду сельскому хозяину, чтобъ быть настоящимъ хозяиномъ, все, чтѣ въ сказанномъ твореніи только для Французовъ написано, и чтѣ еще для насъ написать должно — все это надобно пройти, выучить (*lernen*), затвердить и изучить (*studii-*

ген) и посвятить на это головоломное ученіе, скажемъ мало—20 лѣтъ цвѣтущей жизни, и наконецъ, къ 40 годамъ постичь эту теорію отъ альфы до омеги, для того, чтобъ опять начинать учиться съ практики? Сто разъ правъ г. Майеръ, сказавъ, «что ученаго агронома весьма бы достаточно имѣть по одному въ уѣздѣ»—и то на опытной фермѣ, или хуторѣ, гдѣ онъ имѣлъ бы законное право получать доходовъ мало, а тратить денегъ на опыты и расходы—много.

И. САВУРОВЪ.

NB. Третья часть «Записокъ Пензенскаго Земледѣльца» будетъ напечатана въ первыхъ книжкахъ «Отечественныхъ Записокъ» 1843 года.

ЗАДАЧИ, ПРЕДЛОЖЕННЫЯ УЧЕНЫМЪ КОМИТЕТОМЪ МИНИСТЕРСТВА ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ИМУЩЕСТВЪ, ДЛЯ КОНКУРСА НА 1842 — 43 ГОДЪ.

I.

Въ последнее время многіе изъ просвѣщенныхъ хозяевъ, убѣдившись въ истинѣ, что для усовершенствованія у насъ сельскаго хозяйства необходимо ввести разнаго рода коренныя измѣненія и улучшенія въ хозяйствѣ крестьянъ, высказывали свои о томъ мысли въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. Въ то же время, при распространеніи грамотности между крестьянами, замѣтнѣе стала проявляющаяся болѣе и болѣе необходимость въ составленіи собственно для крестьянъ руководства къ практическому познанію правилъ сельскаго хозяйства. Для объясненія по возможности перваго изъ сихъ предметовъ, требующаго критическаго разсмотрѣнія его со всѣхъ сторонъ, и для удовлетворенія настоятельной нужды во второмъ, Ученый Комитетъ Министерства Государственныхъ Имуществъ приглашаетъ: *написать разсужденіе—о настоящемъ состояніи хозяйства у крестьянъ—земледѣльцевъ, съ объясненіемъ причинъ, экономическихъ и нравственныхъ, препятствующихъ развитію его, и съ указаніемъ средствъ къ отращенію оныхъ; и вмѣстѣ съ тѣмъ составить краткое, но ясное наставленіе, заключающее въ себѣ основныя правила земледѣлія, доступныя понятіямъ и средствамъ крестьянъ, и приуроченныя къ одной изъ трехъ полосъ Россіи: средней, сѣверной и южной или степной.*

Вопросъ сей можетъ быть раздѣленъ и на двѣ части, и каждая можетъ быть обработана и представлена въ Комитетъ отдѣльно. Во всякомъ случаѣ, желательно, въ-отношеніи къ первой, чтобъ всѣ разсужденія и выводы были основаны на фактахъ, подлежащихъ сомнѣнію, и подкрѣпленныхъ, гдѣ слѣдуетъ, числовыми показаніями и расчетами; а въ-отношеніи къ последней, чтобъ изложеніе было сколько можно просто, безъ излишняго многословія и безъ особенной натянутой поддѣлки къ престонародному тону.

II.

Всякому, кто знакомъ съ существенными основаніями сельскаго хозяйства, извѣстно, что скотоводство, и въ-особенности двѣ его отрасли: разведеніе лошадей и рогатаго скота, составляютъ необ-

ходящее условіе процвѣтанія земледѣлія. У насъ, говоря вообще, только въ южныхъ степныхъ губерніяхъ оно существуетъ какъ особая, въ некоторомъ смыслѣ, отдѣльная отъ земледѣлія, отрасль промышленности. И тамъ количество и качество скота зависятъ не столько отъ рачительнаго ухода за нимъ, сколько отъ обилія естественныхъ пастбищъ. Но въ средней и сѣверной полосахъ скотоводство тѣсно, неразрывно связано съ земледѣліемъ; успѣхи послѣдняго идутъ объ-руку съ успѣхами перваго.

Министерство Государственныхъ Имуществъ, обративъ вниманіе на улучшеніе породы крестьянскихъ лошадей, собирало отъ разныхъ мѣстъ и лицъ нужныя по сему предмету свѣдѣнія (*). Желая пынѣ подвергнуть болѣе-разностороннему обсужденію коренныя основанія вопроса: *въ чемъ состоятъ причины упадка въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крестьянскихъ лошадей и какія могутъ быть употреблены удобнѣйшія средства къ улучшенію оныхъ*,—Ученый Комитетъ Министерства Государственныхъ Имуществъ предлагаетъ написать по сему предмету разсужденіе.

Сіе разсужденіе естественно должно раздѣляться на двѣ части: въ первой необходимо объяснить причины, почему лошади у крестьянъ дурны, и почему даже тамъ, гдѣ мѣстныя удобства и какія-либо случайности были причиною заведенія въ прежнія времена улучшенныхъ породъ лошадей, эти породы постепенно измѣняются, и лошади дѣлаются хуже, какъ напримѣръ клеперы въ остзейскихъ губерніяхъ, обвинскія лошади въ Вятской Губерніи, и проч.?

Во второй части должны быть изложены техническіе способы улучшенія крестьянскихъ лошадей, и между прочимъ: а) посредствомъ сводныхъ конюшенъ или заведеній общественныхъ жеребцовъ, изъ мѣстной ли породы или изъ другихъ, свойствами своими

(*) Въ нѣкоторыхъ мнѣніяхъ объяснено:

1) Что причина перерожденія хорошихъ крестьянскихъ лошадей произошла единственно отъ извѣстнаго въ крестьянскомъ быту обычая пускать лошадей на пастбу, безъ раздѣленія пола и возраста, чрезъ что молодая кобыла и жеребцы случаются сами, не достигнувъ возраста для случки необходимаго и, будучи сами хотя сильной и хорошей породы, даютъ приплодъ слабый и малорослый, и такимъ образомъ постепенно содѣлываются неспособными къ труднѣйшъ крестьянскимъ работамъ.

2) Дабы устроить указанную причину дурнаго состоянія крестьянскихъ лошадей и улучшить породу оныхъ, необходимо: ввести у крестьянъ правила степнаго коннозаводства, т. е. учредить такой порядокъ, чтобъ при выпускѣ на паству табуны были раздѣляемы на три разряда: въ первомъ должны пастись матки, достигшія 4-хъ лѣтъ, и старье, къ коимъ для случки припускать жеребцовъ, по свойству кобылъ выбранныхъ, и отнюдь не моложе 5-ти лѣтъ; во второмъ табуны кобылы молодая, къ случкѣ еще неспособная, и наконецъ въ третьемъ жеребцы и меривы. Для устроенныхъ такимъ образомъ крестьянскихъ табуновъ купить степныхъ жеребцовъ, которые были бы къ сорту кобылъ, но соединяли бы въ себѣ силу, плотность и сухость, сообразно свойству матокъ. Жеребцовъ таковыхъ возможно купить въ сложности по 100 руб. серебромъ.

могущихъ удовлетворять разнообразныя потребности крестьянскаго быта; б) посредствомъ улучшенія содержанія и вообще правильнаго ухода за матками и жеребятами; при семъ желательно, чтобы объяснено было въ какихъ мѣстахъ выгодно воспитаніе жеребятъ и къ какихъ покупная лошадь прійдется дешевле, подкрѣпивъ заключеніе числовыми расчетами; в) посредствомъ мѣръ поощрительныхъ, состязаній и премій, и на какихъ основаніяхъ онѣ могутъ быть установлены?

Кромѣ вопроса о лошадяхъ, Ученый Комитетъ Министерства Государственныхъ Имуществъ предлагаетъ такимъ же образомъ написать разсужденіе: *о причинахъ недостаточнаго состоянія разведенія и содержанія рогатаго скота, преимущественно тамъ, гдѣ онъ содержится для удобренія полей, и о средствахъ, какія могутъ быть употреблены для улучшенія сей отрасли хозяйства, доступныхъ настоящимъ способамъ и понятіямъ крестьянъ.* Желательно, чтобы при семъ случая были изложены отличительныя свойства настоящей породы крестьянскаго рогатаго скота, а равнымъ образомъ, чтобы критически было изслѣдовано мнѣніе нѣкоторыхъ хозяевъ, что въ сѣверныхъ и среднихъ губерніяхъ улучшенная порода рогатаго скота, которая бы давала болѣе масла, мяса и сала, не окупить издержекъ и не доставить прибыли хозяину.

Срокъ для присылки отвѣтовъ на предлагаемыя выше задачи назначается не далѣе 1-го августа 1843 года.

За разрѣшеніе котораго-либо изъ вышеизложенныхъ вопросовъ,

3) Черезъ шесть или даже и менѣе лѣтъ, когда порода лошадей симъ средствомъ видимо улучшится, приступить къ учрежденію при волостныхъ правленіяхъ или въ главныхъ селеніяхъ, какъ по разстоянію признается удобнымъ, сводныхъ конюшенъ для ручвой случки. Въ сихъ конюшняхъ имѣть жеребцовъ не степныхъ уже, но заводскихъ и приличныхъ къ молодымъ улучшеннымъ маткамъ, приплодившимся отъ степныхъ жеребцовъ. Заводскіе жеребцы такого сорта могутъ быть покупаемы на частныхъ заводахъ, не дороже 200 руб. серебромъ.

Такимъ образомъ установлена будетъ постепенность улучшенія, въ конноводствѣ необходимая, и какъ степные жеребцы не требуютъ особеннаго надзора и къ вольной случкѣ привычны, то крестьяне, сохраняя въ началѣ почти-прежній порядокъ своего коннозаводства, увидятъ вскорѣ полный успѣхъ улучшенія, и чрезъ-то постигнутъ пользу и случныхъ конюшенъ.

Но какъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ крестьяне, по роду своей промышленности, имѣютъ и нынѣ лошадей лучшей предъ прочими породы, равномерно есть губерніи, представляющія по мѣстному своему положенію болѣе удобства къ разведенію хорошихъ лошадей, то въ таковыхъ губерніяхъ возможно начать улучшенія прямо съ учрежденія сводныхъ конюшенъ при волостныхъ правленіяхъ или въ селеніяхъ, и какъ отъ сего именно ожидать должно скорѣйшаго улучшенія, то число случныхъ заводскихъ жеребцовъ усилить сколько возможно болѣе.

вполнѣ-удовлетворяющее всѣмъ требованіямъ программы, опредѣляются въ награду большія золотыя медали, въ 150 червоцевъ.

Сочиненія, которыя наиболее приблизятся къ симъ требованіямъ, вознаграждаются золотыми медалями меньшаго размѣра, въ 50 червоцевъ каждая.

За сочиненія, которыя, не удовлетворяя всѣмъ требованіямъ программы, будутъ однакоже найдены заслуживающими вниманіе, полагаются въ награду серебряныя медали.

Имена сочинителей, удостоенныхъ наградъ, будутъ включены въ годовой отчетъ Его Императорскому Величеству по Министерству Государственныхъ Имуществъ, и объявлены чрезъ официальное припечатаніе въ разныхъ газетахъ.

Отвѣты на задачи могутъ быть писаны на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ и должны быть доставлены къ назначенному сроку въ Ученый Комитетъ Министерства Государственныхъ Имуществъ, безъ подписи авторовъ. Каждая рукопись имѣть быть снабжена какимъ-либо девизомъ, который долженъ находиться и на оберткѣ приложенной къ сочиненію запечатанной записки, содержащей имя, званіе и мѣсто жительства автора.

Сочиненія, неустоенныя награды, хранятся въ Ученомъ Комитетѣ, безъ распечатанія приложенныхъ при нихъ записокъ, или возвращаются автору, если онъ того пожелаетъ, но не иначе, какъ по предъявленіи избраннаго имъ девиза.

Если по истеченіи года авторъ такого сочиненія не объявитъ желанія получить оное обратно, то запечатанная записка, содержащая означеніе его имени, сжигается въ присутствіи Комитета.

КРИТИКА.

РЪЧЬ О КРИТИКѢ, произнесенная въ торжественномъ собраніи Императорскаго Санктпетербургскаго Университета, марта 25-го дня 1842 года, экстраордин. профес., докторомъ философіи, А. Никитенко. Санктпетербургъ. 1842.

СТАТЬЯ I.

Духъ анализа и изслѣдованія—духъ нашего времени. Теперь все подде-
нить критикѣ, даже сама критика. Наше время ничего не принимаетъ безусловно, не вѣритъ авторитетамъ, отвергаетъ преданіе; но оно дѣйстви-
тельнѣе таковъ не въ смыслѣ и духъ про-
шедшаго вѣка, который, почти до кон-
ца своего, умѣлъ только разрушать,
не умѣлъ созидать; напротивъ, наше
время алчетъ убѣжденій, томится го-
лодомъ истины. Оно готово принять
всякую живую мысль, преклониться
предъ всякимъ живымъ явленіемъ; но
оно не спѣшитъ имъ на встрѣчу, а
спокойно ожидаетъ ихъ къ себѣ, безъ
страсти и увлеченія. Боясь разочаро-
ванія, оно боится и очаровываться на-
скоро. Какъ-будто враждебно смо-
тритъ на насъ, закаленный въ буряхъ
ученій и событій вѣкъ, на все порое,
которое претендуетъ замѣнить ему
неудовлетворяющее его старое; но эта
враждебность есть въ сущности толь-

ко благоразумная осторожность, плодъ
тяжелыхъ опытовъ. Нашъ вѣкъ и во-
схищается какъ-будто холодно; но
эта холодность у него не въ сердцѣ,
а только въ манерѣ; она признакъ не
старости, а возмужалости. Скажемъ
болѣе: эта холодность есть сосредото-
ченность внутренняго восторга, плодъ
самообладанія, умѣющаго видѣть все-
му настоящее мѣсто и настоящія гра-
ницы, равно презирающаго и искус-
ственную, на-живую-нитку смѣтан-
ную *золотую середину*—этого идола
посредственности, и фанатическое
увлеченіе крайностями, этой болѣзни
одностороннихъ умовъ. И это пока-
жется намъ очень-естественнымъ, ко-
гда вспомнимъ, что послѣднія по-
ловины прошедшаго и еще-некончив-
шаяся половина настоящаго вѣка мо-
гутъ многие изъ своихъ дней называть
вѣками: такъ много въ-продолженіи
ихъ было испытано и пережито чело-
вѣчествомъ. Юноша на все бросаетъ

ся горячо и опрометчиво: ему ничего не стоит пасть на колени, воздѣть руки горь и обоготворить то, къ чему черезъ минуто онъ будетъ или холоденъ, или враждебенъ. Мужъ, искусенный опытомъ, не скоро поддается увлеченію: онъ сперва хочетъ изслѣдовать и повѣрить, онъ начинаетъ съ сомнѣнія, и если что выдержитъ его строгое, холодное изслѣдованіе, то уже не на-мигъ овладѣетъ его любовью и уваженіемъ. Возмужалый чѣловѣкъ доволенъ чувствомъ, и не хлопочетъ, чтобъ это чувство замѣчали другіе: онъ дорожитъ имъ для него-самого, и скорее постарается скрыть его, чѣмъ обнаружить. Юноша все любитъ для восторга, и восторгъ давить и рветъ грудь ему, если онъ не сообщитъ его другимъ. На языкъ вѣкъ много надо, и весьма-справедливыхъ. Дѣйствительно, это вѣкъ какой-то нерышимости, разъединенія, индивидуальности, вѣкъ личныхъ сграстей и личныхъ интересовъ (даже умственныхъ), вѣкъ перехода, вѣкъ, котораго одна нога уже переступила за порогъ невѣдомаго будущаго, а другая осталась на сторонѣ отжившаго прошлаго, и который оборачивается то назадъ, то впередъ, не зная, куда двинутся. Все это правда; но въ то же время, правда и то, что этотъ вѣкъ уже такъ опытенъ, такъ уменъ, такъ много помнитъ и знаетъ, что не можетъ рѣшиться играть роль падалина средняго вѣкова, жить мечтами и ломать копыя за невѣдомую красоту, или, подобно донъ-Кихоту, увѣрить себя въ несравненной красотѣ какой-нибудь безобразной Дульсинен, за неимѣніемъ въ наличности красоты дѣйствительно-существующей.

Да, прошли безвозвратно блаженные времена той фантастической эпохи челоѣчества, когда чувство и фантазія давали ему отвѣтъ на все его вопросы, и когда отвлеченная идеальность составляла блаженство его жизни. Миръ возмужалъ: ему нуметь не пестрый калейдоскопъ воображенія, а микроскопъ и телескопъ раума, обни-

жающій его съ отдаленнымъ, дѣлающій для него видимымъ невидимое. *Дѣйствительность*, — вотъ дозвугъ и послѣднее слово современнаго міра! Дѣйствительность въ фактахъ, въ мнѣніяхъ, въ убѣжденіяхъ чувства, въ исключеніяхъ ума, — во всемъ и вездѣ дѣйствительность есть первое и послѣднее слово нашего вѣка. Онъ знаетъ, что лучше на картѣ Африки оставить пустое мѣсто, чѣмъ заставить ~~мѣстакъ~~ Нигерь изъ облаковъ, или изъ радуги. И сколько отважныхъ путешественниковъ жертвуетъ жизнью изъ географическаго факта, лишь бы доказать его дѣйствительность! Для нашего вѣка, открыть песчаную пустыню, дѣйствительно-существующую, болѣе-важное пріобрѣтеніе, чѣмъ ~~увѣрить~~ существованію *Эльдорадо*, котораго не выдала ничья смертная ома. Онъ знаетъ, что въ песчаной степи дѣйствительно-существующей, болѣе видно всемогущество Творца и величіе природы, чѣмъ во всѣхъ эльдорадо, существующихъ только въ праздномъ воображеніи мечтателей. Нашему вѣку не нужно шутовскихъ бубенчиковъ, пріятныхъ заблуденій, ребяческихъ погрешекъ, отпадныхъ, утѣшительныхъ джей. Если бы лопъ предсталъ передъ нимъ въ видѣ юной и прекрасной женщины съ улыбкою ~~малаала~~ ея въ свои роскошныя обѣтія, а вѣтъ въ видѣ страшнаго остова смерти, жгущаго на гигантскомъ когѣ съ кося въ рукахъ: онъ отвергся бы, презрительно и ненавистно, отъ обаятельнаго ~~призрака~~, и бросился бы въ мертвыя обѣтія острова... Ему лучше окупить себя въ дѣйствительныхъ обѣтіяхъ страшной смерти, чѣмъ снѣгать въ свои руки призракъ, долженствующій исчезнуть въ первомъ же ему прикосновеніи... Это совсѣмъ не снѣгидизмъ: это, напротивъ, обоимъ стѣнѣмъ ногтины, и ~~ран~~ можетъ быть страшна только и ограниченность индивидуальнаго челоѣка, а сама-въ-себѣ есть вѣчная прота и вечное ближество. Смерть ~~цѣль~~ отдавается въ ~~молитвѣ~~ и

ищетъ ея; нашъ вѣкъ—весь вопросъ, весь стремление, весь исканіе и тоска по истинѣ... Онъ не боится, что его обманетъ истина, но боится дѣя, которую человѣческая ограниченность часто принимаетъ за истину.

И однакожъ, человѣкъ всегда стремился къ познанію истины; следовательно, всегда мыслить, изслѣдовать, повѣрять. Такъ; но его изслѣдованіе не было свободно: оно всегда находилось подъ вліяніемъ его непосредственнаго созерцанія, или зависѣло отъ авторитета чувства и заранѣе-принятыхъ началъ. Если же когда-нибудь изслѣдованіе освобождалось отъ авторитета и преданія, то враждебно разрушало полноту непосредственной жизни, не замѣняя ее полнотою новой жизни. Такъ въ Греціи сначала всѣ явленія действительности, фантастически-представлявшіяся людямъ, и объясняемы были фантастически же. Умъ явно находился подъ преобладающимъ вліяніемъ фантазии и чувства. И эта фантастическая действительность не выдержала разлагающей философіи Сократа: она пошатнулась, рухнула и погребла философа подъ своими развалинами. Въ фантастическіе средіе вѣка философія была чѣмъ-то въ родѣ кабастики, химія—алхиміей, астрономія—астрологіей, исторія—романомъ, географія—волшебною сказкою. Въ XVI и XVII вѣкахъ умъ началъ вступать въ права свои, постепенно завоевывая у чувства и фантазии принадлежавшія ему области. Въ XVIII вѣкѣ, онъ одержалъ надъ ними рѣшительную побѣду, нанесъ имъ послѣдній ударъ. Но эта побѣда и показала ему, что одианъ и самъ-посебь онъ долженъ страшиться собственной силы, которая увлекла бы его къ исключительности и односторонности. И потому, въ XIX вѣкѣ, разумъ обнаружилъ стремленіе къ примиренію съ чувствомъ и фантазіею; онъ призналъ ихъ права, но какъ подчиненныхъ ему союзниковъ, которые должны дѣйствовать подъ его преобладающимъ вліяніемъ. И теперь

разумъ во всемъ ищетъ самого-себя, и только то признаетъ действительнымъ, въ чемъ находитъ самого-себя. Этимъ наше время резко отличилось отъ всѣхъ прежнихъ историческихъ эпохъ. Разумъ все покорилъ себѣ, надъ всемъ воспребладать! Для него уже ничто не есть болѣе само-себѣ цѣль, но все должно отъ него получить утвержденіе своей самостоятельности и действительности. Сомнѣніе и скептицизмъ уже болѣе не враги ему; призываніе его въ отчаяніе на пути сознанія истины, но его орудія, средства, помогающія ему въ сознаніи истины.

Мы скажемъ, что разумъ тогда только признаетъ известную истину, ученіе, или явленіе, действительными, когда находитъ въ нихъ себя, какъ содержаніе въ формѣ. Для этого, ему только одинъ путь и одно средство—разъединеніе идеи отъ формы, разложеніе элементовъ, образующихъ собою данную истину, или данное явленіе. И это дѣйствіе разума отнюдь не отвратительный анатомическій процессъ, разрушающій прекрасное явленіе для того, чтобъ опредѣлить его значеніе. Разумъ разрушаетъ явленіе для того, чтобъ оживить его для себя въ новой красотѣ и новой жизни, если онъ найдетъ себя въ немъ. Отъ процесса разлагающаго разума умираютъ только такія явленія, въ которыхъ разумъ не находитъ ничего своего, и объявляетъ ихъ только эмпирически-существующими, но не действительными. Этотъ процессъ и называется «критикою». Многие подъ критикою разумъ или охужденіе разсмаатриваемаго явленія, или отдѣленіе въ немъ хорошаго отъ худаго—самое пошлое понятіе о критикѣ! Нельзя ничего ни утверждать, ни отрицать на основаніи личнаго произвола, непосредственнаго чувства, или индивидуальнаго убѣжденія: судъ предлежитъ разуму, а не лицамъ, и лица должны судить во имя обще-человѣческаго разума, а не во имя своей особы. Выраженія: «мнѣ нравится, мнѣ не нравится»

ся) могутъ имѣть свой вѣсъ, когда дѣло идетъ о кунякахъ, вивкахъ, рисакахъ, гончихъ собачкахъ и т. п.; тутъ могутъ быть даже свои авторитеты. Но когда дѣло идетъ о явленіяхъ исторіи, науки, искусства, нравственности, — тамъ, вслѣдѣ я, которое судить самовольно и бездоказательно, основываясь только на своемъ чувствѣ и мнѣніи, напоминаетъ себѣ несчастнаго въ домѣ умалишенныхъ, который, съ бумажкою короною на головѣ, величаво и благоусиленно править своимъ вообразимымъ народомъ, казнитъ и милуетъ, объявляетъ войну и заключаетъ миръ, благо-вѣстно ему на мнѣшастъ въ этомъ невѣрномъ завитѣи. Критиковать — значитъ искать и отирывать въ частномъ явленіи общія законы разума, во которыми и чрезъ которые оно могло быть, и определять степень живаго, органическаго соотношенія частнаго явленія съ его идеаломъ. А такъ какъ бываютъ явленія вполне-выражающія общее въ частномъ, идеаль въ вещномъ, и бываютъ явленія, только въ известной степени выражающія вѣд единство частнаго съ общимъ, и бываютъ явленія только претендующія на это единство, въ самомъ же дѣлѣ совершенно-чуждыя ему; следовательно, и критика не только безусловно хвалитъ, или только похваляется и пображничаетъ, но иногда ограничивается одною похвалою. У насъ, на Руси, особенно, критика подучила въ глазахъ массы превратное понятіе: критиковать — для многихъ значитъ ругать, а критика одно и то же съ ругательскою статью. Мало того: критикомъ называютъ и сатиру и пасквили, а въ провинціи, въ среднихъ кругахъ общества, критикою называютъ пересуды, сплетни и злоязычіе. Понимать такимъ образомъ критику все равно, что правосудіе смѣшивать только съ обвиненіемъ и карою, забывая объ оправданіи. Равнымъ образомъ, критика не ограничивается однимъ искусствомъ, хотя ей има и употребляется больше только въ-отношеніи къ искусству. Критика происходитъ отъ грече-

скаго слова, означавшаго «судить»; следовательно, въ обширномъ значеніи, критика есть то же, что «сужденіе». Поэтому, есть критика не только для произведеній искусства и литературы, но и критика предметовъ науки, исторіи, нравственности, и пр. Лютеръ, на-пр., былъ критикомъ папизма, какъ Боссюэтъ былъ критикомъ исторіи, а Вольтеръ критикомъ феодальной Европы.

Критика всегда соответствуетъ явленіямъ, о которыхъ судить: поэтому, она есть сознаніе действительности. Такъ, на-пр., что такое Буало, Баттѣ, Лагарнь? Отчетливое сознаніе того, что непосредственно (какъ явленіе, какъ действительность) выразилось въ произведеніяхъ Корнеля, Расина, Мольера, Лафонтена. Здѣсь искусство создало критику, и не критика создала искусство; но то и другое вышло изъ одного общаго духа времени. То и другое — равно сознаніе эпохи; но критика есть сознаніе само-свое, а искусство — сознаніе не-средственное. Содержаніе того и другаго — одно и то же; различіе только въ форма. Въ этомъ-то обстоятельстве и заключается важность критики, особенно для нашего времени, которое по преимуществу мыслитъ и судитъ, следовательно, критикующее время. Въ критикѣ нашего времени, больше, чѣмъ въ чемъ-нибудь другомъ, выразился духъ времени. Что такое само искусство нашего времени? — Сужденіе, анализъ общества; следовательно, критика. Мыслительный элементъ теперь олице-дѣлся даже съ художественнымъ, — и въ нашего времени мертво художественное произведеніе, если оно изображаетъ жизнь для того только, чтобъ изображать жизнь, безъ всякаго могучаго субъективнаго побужденія, имѣющаго свое начало въ преобладающей думѣ эпохи, если оно не есть вопль страданія, или двоярамбъ восторга, если оно не есть вопросъ, или отвѣтъ на вопросъ: Удивляться ли, послѣ этого, что критика есть самостоятельная царица современ-

наго умственного міра? Теперь, впрочемъ о томъ, что скажутъ о великомъ произведеніи, не менѣе важно само великаго произведениа. Что бы и какъ бы ни сказали о немъ, — поварьте, оно прочтется прежде всего, возбудитъ страсти, умы, толки. Иначе и быть не можетъ: намъ мало наслаждаться — мы хотимъ знать; безъ знанія для насъ нѣтъ наслажденія. Тотъ обманулся бы, кто сказалъ бы, что такое-то произведеніе наполнило его восторгомъ, если онъ не отдалъ себя отвѣта въ этомъ наслажденіи, не изследовалъ его причинъ. Восторгъ отъ непонятаго произведенія искусства — мучительный восторгъ. Это теперь выражается не только въ отдаленныхъ лицахъ, но и въ массахъ:

Въ Россіи; пока еще существуетъ только критика искусства и литературы. Это обстоятельство придаетъ ей еще большій интересъ и большую важность. Литературныя мнѣнія разносятся у насъ скоро и быстро, и каждое находитъ себѣ послѣдователей. Можно сказать безъ преувеличенія, что пока еще тольکو въ искусствѣ и литературѣ, а следовательно, въ эстетической и литературной критикѣ, выражается интелектуальное сознаніе нашего общества. Поэтому, насколько не должно казаться страннымъ, что почтенный профессоръ, официально избранный быть органомъ годичнаго торжества ученаго заведенія, избралъ предметомъ своей рѣчи — критику. Нельзя было избрать лучшаго предмета, вопроса болѣе-современнаго и болѣе-близкаго къ жизни. И нѣтъ пріятнѣе зрѣлища, какъ то, что у насъ наука сближается съ жизнью и обществомъ, перестаетъ быть чѣмъ-то въ родѣ элевзинскихъ таинствъ, отпращиваемыхъ, въ добавокъ, на латинскомъ языкѣ, понятномъ лишь оратору да еще десяти человѣкамъ изъ нѣсколькихъ сотъ, присутствующихъ на торжественномъ собраніи. Немецкіе пріятно и то, когда органами ученаго сословія и ученаго общества бываютъ люди, умѣющіе соединить интересы

предмета и основательность, глубокость взглядовъ съ живымъ, краснорѣчивымъ изложеніемъ. Этотъ умѣемъ вполне обладаетъ авторъ рѣчи, подавшей намъ поводъ къ этой статьѣ. Рѣчи г. Никитенко, какъ и все, что онъ выводитъ изъ-подъ его пера, полны мыслей и смѣланныхъ особенною красотою выраженій. Каждый имеетъ свое убѣжденіе, и потому не каждый безусловно согласится съ г. Никитенко во всемъ, что составляетъ основаніе, или частности его идей; но каждый, какъ и не соглашаясь съ нимъ, вполне прочтетъ ихъ съ тѣмъ вниманіемъ и уваженіемъ, которыя могутъ возбуждаться только мыслями, выходящими на размышленіе, поразительнымъ умъ. Паралель или явная ложь не могутъ возбудить критическаго спора (ибо критика есть сужденіе, сравненіе явленія съ его идеаломъ), но могутъ возбудить опроверженіе; критическіе споры могутъ возбуждаться только мажедами. Опровергаютъ то, что считаютъ ложью; спорятъ о томъ, что оба стороны, несмотря на ихъ противорѣчіе, уважаютъ. Опровергающей мнѣніе считаетъ себя безусловно-правымъ; спорящій старается быть правымъ, не почитаетъ побѣду столько же возможнымъ и для противной стороны, какъ и для самого-себя. Судь побѣдамъ предоставляется обществу и времени.

У насъ такъ мало является по части критики (сужденія) достойнаго даже опроверженій, не только спора, что мы вдвойнѣ обрадовались рѣчи г. Никитенко: какъ прекрасному произведенію мысли и краснорѣчія, которое обратило бы на себя вниманіе во всякой литературѣ, — и какъ случаю поговорить о двѣхъ. Сверхъ-того, предметъ рѣчи профессора такъ близокъ нашему сердцу, что для насъ поговорить о немъ, по такому достойному поводу, — истинное наслажденіе.

Съ порухъ же стрѣлъ «Речи» поражаютъ читателя и блещетъ ея значеніемъ, и ея живые мотивы, такъ-сказать,

животрепещущие, интересом, современности.

«ММ. ГГ!» Удостоявая благоклоннаго участія скромное наше торжество въ наукѣ; вы конечно въ правѣ требовать отъ насъ не только общирнаго, а также и чуждымъ, убавленнаго результата въ общему делу, но и допущеннаго въ томъ, что касается науки и словесности, которые подлежатъ сама жизни и сама собою, какъ членамъ живаго организма — общества. Университетъ не можетъ быть чуждъ ни одного изъ возвышенныхъ интересовъ и движеній общественныхъ: ибо ему въправо принадлежать и направлять силы доктринальныя, приемышия, и доброты, и чуждыя. Самое возвышенное и совершенное общество, которое не можетъ быть иначе, какъ представлять себѣ общество, сарказмы и откуды несутъ къ ея стороне, прямо въ дань истории и великимъ судьбамъ народа. Здесь то складается тотъ прекрасный союзъ въ чинахъ всеобщихъ истинъ съ живыми силами вещей, который ищетъ въ жизни событий, а въ другихъ вводитъ себя вѣщахъ, смысле и законности.

Ораторъ разсматриваетъ критику только въ отношении къ искусству, и определяетъ ее «судомъ разума надъ творчествомъ».

«Но (говоритъ онъ) какъ же разумъ осмѣливается присвоить себѣ право суда и приговора надъ августѣйшею, первоначальною властью міра, совершающею жизнь и судьбу ея? Что значатъ бланная, безкровная и безплотная понятія предъ яркимъ и звучнымъ могуществомъ событий? То, что родитъ только тѣни, дерзаетъ состязаться съ силою, воздвигающею вещи?... И какъ взглянуть въ видръ волканъ; или въ лице селену, чтобы саркоить у нихъ? Завѣдо въ неаризивныя тревога-вѣстия, буда-дывающыя закономъ тѣготныя, зачѣмъ это сіяние? или оказать имъ, вѣда атому бытъ бы такъ, а тому иначе. Судны слова тамъ, гдѣ нѣтъ имъ другаго отъава, аромъ жизни или смерти».

«И точно, есть творчество неподвластное еру» и «трагическое, комическое, героическое, идиотское... У насъ чѣтъ различающаго смысла, дѣ требованія, и дешевинъ, нѣтъ ни теорій, ни идеаловъ недо-

стижимыхъ; что есть, то и должно бытъ, и должно бытъ такъ, какъ есть. Каждая степенъ развитія, каждый моментъ въ явленіяхъ природы содержитъ въ себѣ безъ недостатка все ея; все нѣтъ подбожество, почти другія и почти большія ея ува; не маютъ блага. Мисаго рашиинуа въ явнѣ, благахъ ростомъ: драсоты, ил неожиданно пріидѣ, юномеская вѣдомъ своимъ предъ хладнымъ дыханіемъ свѣтра — законъ природы, одинаково и окончателно выполняеа, тамъ въ законномъ развитіи отдельнаго организма, здѣсь въ законныхъ послѣдствіяхъ превозмогающей силѣ — и нѣтъ другаго приговора событію, нѣтъ: «оно свершилось».

Съ этимъ нельзя вполне согласиться, и вотъ на какомъ основаніи: луз, или разумъ, произведшіи природу, выше природы, следовательно, можетъ судить ее. Сужденіе не всегда состоитъ въ томъ, чтобъ произвести приговоръ судимому предмету, рѣшивъ: «вотъ этому бытъ бы такъ, а тому иначе», но часто состоитъ въ оправданіи предмета такъ, какъ онъ есть, въ признаніи, что онъ хорошъ только такъ, какъ есть, и другимъ бытъ не можетъ. «Что значатъ бланная, безкровная и безплотная понятія предъ яркимъ и звучнымъ могуществомъ событий? То, что родитъ только тѣни, дерзаетъ состязаться съ силою, воздвигающею вещи?... Такъ говоритъ ораторъ, но сама природа — что же она такое, если не самая эти бланная, безкровная и безплотная понятія, воплотившіяся въ живые образы, — изъ міра возможности и идеаловъ перешедшія въ міръ действительности?... Понятія родятъ не тѣни — тѣни родятъ только ложь; весь міръ, вся жизнь есть явленный образъ этихъ понятій. И какъ же разуму не дерзнуть состязаться съ силою, имъ же самимъ рожденною? Какъ духу уступать первенство имъ живущей и имъ дышавшей матеріи? Еслибъ разумъ, суда о природѣ, т. е. приводя для себя въ сознаніе ея же собственные законы, ею выраженные, сталъ доходить до заключеній, что вотъ это не такъ, а то могло бытъ иначе, — онъ этимъ прѣ-

шелъ бы въ противорѣчїе съ самимъ-собою, оторвался бы отъ самого-себя и изрекъ бы страшный приговоръ надъ самимъ-собою. Природа, есть, ничто мертвое, несуществовавшее само для себя: только духъ человечестїи знаетъ, что она есть, что она полна жизни и красоты; что въ ней скрыта глубокая мудрость; только духъ человѣческій знаетъ все это, и блаженствуетъ въ своемъ знанїи. Зеркало отражаетъ въ себя стаяшіе противъ него предметы, но не видитъ ихъ, и для него все равно, отражаетъ лихъ, или лїтъ; важность и неважность такого вопроса существуютъ только для человѣка. Умри на землѣ человечество — и земли больше не будетъ, хотя бы она и осталась такою, какъ еще и лунашею, чѣмъ была при человечествѣ: ее не будетъ, кому-то не кому будетъ знать, что она есть. Даже нельзя безусловно думать, чтобы духъ, или разумъ только видѣлъ себя въ природѣ, а не дѣйствовалъ на нее. Разумъ не скажетъ: зачѣмъ листья растений зелены? имъ следовало бы быть голубыми; зачѣмъ дубъ высокъ, а роза въ низокъ? и т. п. Она знаетъ, что такъ должно быть, что дѣйствующія силы природы неизмѣнны; она не предполагаетъ измѣняться; но, сообразуясь съ ними и дѣйствуя черезъ нихъ на, она измѣняется климаты, осушаетъ болота и тундру, утолщаетъ песчаныя степи, и на тѣ и другія призываетъ богатство и роскошь растительной природы, велитъ течъ водѣ тамъ, гдѣ ее не было, и каналами соединять разлѣченныя природою моря, озера и рѣки; цвететъ, влечетъ къ себѣ, лучше, красивѣе и благоуханнѣе цвѣтка, дико-растущаго, вода и вѣтеръ поворотно работаютъ на его машинахъ, несутъ и падатъ; па-ты съ быстротою молніи востѣ его во сущѣ: и по морю; обезоруженные грѣны мигнутъ его жилища и заданїя; онъ побѣдилъ и время и пространство; онъ царь природы, повелѣвающій ею въ неизмѣнномъ и предвѣчномъ духѣ собственнаго закона. Советъ-многъ видѣтъ ораторъ въ конусѣхъ, чѣмъ

въ природѣ. Съ этимъ, опять нельзя безусловно согласиться. Впрочемъ, дѣло можетъ быть принято и такъ и иначе, смотря по тому, съ какой стороны на него взглянешь. Дѣйствительно, каждое произведеніе природы, на какой бы ступени ея мы стояли оно, совершенно въ отношенїи къ самому себѣ, тогда-какъ произведенїа искусства, часто самыя совершеннѣйшія, заключаютъ въ себѣ какую-то примѣсь временнаго и случайнаго, что тердетъ свое достоинство въ глазахъ потомства. Но это означаетъ скорѣе превосходство, чѣмъ низкую степень искусства въ отношенїи къ природѣ: это значитъ, что искусство развивается свободно, а природа неподвижно заключена въ математическія законы своего существованїа. Свободное можетъ ошибаться, несвободное никогда не ошибается; и потому, животные чужды заблужденїю, ошибокъ и пороковъ, которымъ подверженъ человекъ. Притомъ же, преходящее въ созданїяхъ искусства есть ошибка не творческаго луда художника, а времени, въ которое оно дѣйствовало. То, что мы отвергаемъ въ такихъ произведенїяхъ, отвергаемъ не какъ ошибку искусства, но какъ утратившее свою силу начало, бывшее некогда истиннымъ; следовательно, отвергаемъ форму не за форму, а за ее содержанїе. Сознательное творчество не можетъ не быть выше бессознательнаго. И если въ природѣ явилась мудрость Божїа, то развѣ не она же является и въ дѣйствїяхъ разумной воли человека, и развѣ человекъ творитъ великое отъ себя и собою, а не Богомъ и черезъ Бога?... Только въ неразумныхъ дѣйствїяхъ своей воли дичность человѣческая является самостоятельно и отпавшею отъ божественнаго источника, въ которомъ ее жизнь и сила; но тогда-то она и является ничтожною, случайною, безомысленною и удивленною.

«Творчество человѣческое есть только безпрерывно-повторяемое покушенїе осуществлять безконечную идею изшества — идею полноты и совершен-

ства жизни», говорит ораторъ. Опре-
длѣненіе справедливое, но, сѣмъ ду-
мать, не совсѣмъ полное и удовлетво-
рительное. Во-первыхъ, идеи «полно-
ты и совершенства жизни» не должны
быть смѣшиваемы съ идеєю «изящ-
ства» и «красоты», особенно если эта
«полнота и совершенство жизни» не
опредѣлены ничѣмъ, даже эпитетомъ.
Во-вторыхъ, изящество и красота еще
не все въ искусствѣ. Мы сами были
нѣкогда жаркими послѣдователями идеи
красоты, какъ не только единаго и са-
мостоятельнаго элемента, но и единной
цѣли искусства. Съ этого всегда на-
чинается процессъ постиженія искус-
ства, и красота для красоты, само-
цѣльность искусства; бываетъ всегда
первымъ моментомъ этого процесса.
Миновать этотъ моментъ—значитъ ни-
когда не понять искусства. Остаться
при этомъ моментѣ—значитъ односто-
ронно понять искусство. Все живое
движется и развивается; понятіе объ
искусствѣ не алгебраическая формула,
всегда мертво-неподвижна. Заключая
въ себя много сторонъ, оно требуетъ
развитія во времени каждой изъ нихъ,
прежде, чѣмъ дастся въ своей полно-
тѣ и цѣлостности. Подвигнуться впе-
редъ въ сознаниіи, отъ низшей его сту-
пени перейти къ высшей, не значитъ
измѣнять своихъ убѣжденій. Убѣ-
жденіе должно быть доброго нѣтъму
только, что оно истинно, а совсѣмъ
не потому что оно *даже*. Какъ-скоро
убѣжденіе человека перестало быть въ
его разумнѣи истиннымъ, оно уже
не должно называться его своимъ;
иначе онъ принесетъ потиу въ жер-
тву пустому, ничтожному самолюбію;
и будетъ называть «своимъ» ложь.
Людей послѣдняго разряда довольно на
бѣломъ свѣтѣ; они заставляютъ себя
насилно вѣрить тому, чему вѣрили
прежде свободно и чему теперь уже
имъ не вѣрится. Они думаютъ унизить-
ся, отказавшись отъ одного убѣжденія
въ пользу другаго, забывая, что это
другое есть истина, и что истина вы-
ше человека. Другое дѣло переходить
отъ убѣжденія къ убѣжденію въ след-

ствіе вышнихъ разсчетовъ, эстетиче-
скихъ побужденій: это низше и подло...
Что красота есть необходимое усло-
віе искусства, что безъ красоты нѣтъ
и не можетъ быть искусства—это ак-
сіома. Но съ одною красотою искус-
ство еще не далеко удалитъ, особенно
въ наше время. Красота есть необо-
димое условіе всякаго чувственного
проявленія идеи. Это мы видимъ въ
природѣ, въ которой все прекрасно,
исключая только тѣ уродливыя явле-
нія, которыя сама природа оставила
недовольными и спрятала ихъ во
мракѣ земли и воды (моллюски, черви,
инфузоріи, и т. п.). Но нѣтъ мало кра-
соты эмпирической действительности:
любимъ ея, мы все-таки требуемъ
другой красоты; и отказываемъ въ
названіи искусства самому точному на-
пированію природы, самой удивной
поддѣлкѣ подъ ея произведенія. Мы
называемъ это ремесломъ. Какая же
та красота, которой жаждаютъ нашъ
духъ, неудовлетворяющійся красотой
природы, и которой мы требуемъ отъ
искусства? Красота міра идеальна,
міра безлотаго, міра разума, гдѣ
отъ-вѣтъ заключены все прототипы
живыхъ образовъ, откуда исходятъ все
реально-существенное. Следовательно,
красота есть дщерь разума, какъ
Афродита—дщерь Зевеса. Не у Гре-
ковъ, не смотря на это величавая
красота разуму, красота болѣе, чѣмъ
у какого-нибудь другаго народа, ни-
ла самостоятельное, абсолютное значе-
ніе: Они все сдержали подъ преобла-
дающимъ вліяніемъ красоты, и у нихъ
было искусство, по преимуществу
нѣтънее цѣль красоту—назвѣ. Впро-
чемъ, и сами Греки отдавали красо-
ту отъ другихъ сторонъ бытія и обо-
жествляли ее только въ идеальномъ об-
разѣ Афродиты. Красота Зевса есть
красота паротвеннаго величія міро-
державнаго разума; красота другихъ
боговъ также выражаетъ, и еще не-
кую-нибудь идею, крокъ красоты. Что
же касается до нихъ людей, въ чьихъ пре-
красныхъ образахъ выразилось чужое
содержаніе эллиновъ жизни, куда во-

дана и религия, и нравственность, и наука, и мудрость, и история, и политика, и общечеловечность. Красота безусловная, абсолютная, красота как красота, выражалась только в Аеродетъ, которую вполне могло выражать только здание. Следовательно, даже и о греческомъ искусствѣ нельзя сказать безусловно, чтобъ цѣлью его было одно воплощеніе изящества. Сохраненіе каждой греческой трагедіи есть нравственный вопросъ, эстетически-религиозный.

Христіанство нанесло разительный ударъ безусловному обожанію красоты, какъ красоты. Красота мадонны есть красота нравственнаго міра, красота дѣвственной чистоты и материнской любви; ее могла выразить только живопись, но ужь никакимъ образомъ не могла выразить бѣдная скульптура. Конечно, какое нравственное выраженіе не придайте дурному лицу, оно отъ этого все-таки не будетъ прекраснѣе лицомъ, и потому красота греческая вошла и въ новое искусство, но уже какъ элементъ, подмешанный другому элементу началу, следовательно, она стала уже скорее средствомъ, чѣмъ цѣлью искусства. Только это слово «средство» не должно понимать, какъ что-то внѣшнее искусству, но какъ единую, ему присущую форму правленія, безъ которой искусство невозможно. Съ другой стороны, искусство безъ разумнаго содержанія, имѣющаго историческій смыслъ, какъ выраженіе современнаго сознанія, можетъ удовлетворять развѣ только записныхъ любителей художественности по старому преданію. Нашъ вѣкъ особенно враждебенъ такому направленію искусства. Онъ решительно отрицаетъ искусство для искусства, красоту для красоты. И тотъ бы жестоко обманулся, кто думалъ бы видѣть въ представителяхъ новаго искусства какую-то отдѣльную касту артистовъ, основывающихъ себя свой собственный фантастическій міръ, среди современной имъ действительности. Вальтеръ Скоттъ, своими романами, рѣшилъ за-

дачу связи исторической жизни съ поэтикою. Онъ живописецъ среднѣхъ вѣковъ, равно какъ и всѣхъ эпохъ, которыми онъ изображалъ; онъ вводитъ насъ въ тайники ихъ семейной, домашней жизни. Онъ столько же романистъ и поэтъ, сколько и историкъ. Поэтому неудивительно, что историческій критикъ, Гизо, не написавшій не только ни одного романа—даже ни одной повѣсти, съ признательностію ученика называетъ Вальтера Скотта своимъ учителемъ. Дать историческое направленіе искусству XIX вѣка—значило гениально угадать тайну современной жизни. Байронъ, Шиллеръ и Гёте—это философы и критики въ поэтической формѣ. О нихъ всего менѣе можно сказать, что они поэты, и больше ничего. Правда, Гёте, въ сладствіе своей уже слишкомъ-нѣмецкой природы и аскетическаго образа возрѣнія на міръ, Гёте еще могъ бы подходить подъ идеалъ поэта, который поэтъ, какъ птица, для себя, не требуя ничего вниманія (лишь печатаетъ свои пѣснопѣнія для людей); но и онъ не могъ же заплатить дань духу времени; его «Вертеръ» есть не что иное, какъ вопль эпохи; въ его «Фаустѣ» заключены всѣ нравственные вопросы, какіе только могутъ возникнуть въ груди внутренняго чловека нашего времени; его «Прометей» дышитъ преобладающимъ духомъ вѣка; многія изъ его мелкихъ дѣрическихъ пьесъ суть не что иное, какъ выраженіе философскихъ идей. Изъ великихъ поэтовъ современности, Куперъ болѣе другихъ держится въ чистотѣ художественной сферѣ, потому только, что гражданственность его юнаго отечества еще не выработала изъ себя элементовъ для современной поэзіи. Впрочемъ, какъ живой чловекъ, а не птица, поющая для себя, Куперъ взялъ возможно-полную дань съ жизни Северо-Американскихъ Штатовъ: содержаніе «Шіона» составляетъ борьба его отечества за независимость; въ «Американскихъ Пуританахъ», въ «Эва Эффингемъ» и другихъ романахъ, онъ касается разныхъ сторонъ

невыоформившейся гражданственности страны-будущаго.

Духъ нашего времени таковъ, что величайшая творческая сила можетъ только изумить на время; если она ограничится «птичьимъ пѣніемъ», создастъ себѣ свой міръ, неимѣющий ничего общаго съ историческою и философическою действительностію современности; если она воображаетъ, что земля недостойна ея, что ея мѣсто на облакахъ, что міровія страданія и надежды не должны смущать ея таинственныхъ исповѣдній и поэтическихъ созерцаній. Произведенія такой творческой силы, какъ бы ни громадна была она, не войдутъ въ жизнь, не возбудятъ восторга и сочувствія ни въ современникахъ, ни въ потомствѣ. Возьмемъ, для подтвержденія этой истины, современную французскую литературу. Викторъ Гюго, Бальзакъ, Дюма, Жанезъ, Сю, де-Вивьи, конечно, не громадные таланты, особенно пятеро послѣднихъ; но все же это люди замѣчательно-даровитые. И что же? — они не успѣли еще и состариться, какъ ихъ слава, занимавшая всю читающую Европу, умерла уже. Первый еще пользуется старинною славою, не прибавляя къ ея увлѣвающимъ лаврамъ ни одного свѣжаго лепестка; а другіе стали во Франціи то же самое, что у насъ теперь нѣкие право-описательные и нравственно-сатирическіе сочинители: — горе-богатыри, модели для каррикатуры, мишень для насмѣшекъ критики. Отъ-чего же эти французскіе литераторы такъ скоро выписались? — Отъ-того, что съ однимъ естественнымъ талантомъ недалеко уйдешь: талантъ имѣетъ нужду въ разумномъ содержаніи, какъ огонь въ маслѣ, для того, чтобъ не погаснуть. А эти люди или сами не знали, что пѣли и изъ чего хлопотали, за отсутствіемъ всякихъ живыхъ интересовъ, или съ добродушною искренностію — результатомъ безсознательности и мелкости ихъ натуръ, выдавали пороки современнаго общества за добродѣтели, заблужденія — за мудрость, и гор-

дились тѣмъ, что это презрѣнное общество вышло въ нихъ; достойныхъ выразителей. Послѣ нихъ явились другіе даровитые люди — Оульбъ, Пернаръ, и пр. Но что же? — чужая порока, написанную тѣмъ или другимъ изъ этихъ новыхъ гениевъ, какъ удивляетесь необыкновенному таланту риска, мастерской рисовкѣ характеровъ, живости изображеній; читаете съ наслажденіемъ, и — забываете завтра же, какъ мушкетеръ, о которомъ помянуть только тогда, когда слышишь его. Отъ-чего это? — Отъ-того, что у этихъ людей нѣтъ ни взгляда на жизнь, ни кровныхъ убѣжденій, состарившихъ вѣрованіе души и сердца, ни доктрина, ни началъ; отъ-того, что они пишутъ для того только, чтобъ писать, какъ птицы поютъ для того, чтобъ только пѣть. Въ нихъ нѣтъ ни любви, ни ненависти, ни сочувствія, ни вражды къ обществу, съ которымъ они связаны только вѣнчаніемъ узамъ, а не духовнымъ родствомъ, основнымъ на насоевъ къ идеѣ жизни и общества. Общество, въ свою очередь, смотритъ на нихъ, какъ на своихъ потѣшниковъ и забавниковъ; не любя, не посямля, не уважая и не презирая ихъ; оно кричитъ о нихъ, пока они для него новы, и тотчасъ же забываетъ, какъ скоро они наскучатъ ему и какъ-скоро явятся другіе потѣшники и забавники съ новыми выдумками и фокус-покусами. Не такое зрѣніе представляетъ собою гениальная жещина, извѣстная подъ именемъ Жоржа-Занда. Это, безспорно, перла поэтическая слава современнаго міра. Каковы бы ни были ея началъ, съ ними можно не соглашаться, ихъ можно не раздѣлять, ихъ можно возлечь ложками; но ея самой нельзя не уважать, какъ человека; для котораго убѣжденіе есть вѣрованіе души и сердца. Отъ-того, многія изъ ея произведеній глубоко западаютъ въ душу и никогда не отлучиваются изъ ума и памяти. Отъ-того талантъ ея не слабѣетъ ни въ старости, ни въ дѣтственности, но кипитъ и растетъ.

И — что еще болѣе доказываетъ истину нашего убѣжденія — всѣ *такіе* таланты замѣчательны еще и какъ характеры, нравственныя, энергическіе, горячій нравъ такъ же безформаленъ, какъ глубокое и ослѣпленіе ихъ созданія, трепетаніе симпатію къ человѣчеству, любвию къ истинѣ. И это очевидно: только птица поетъ отъ того, что ей поется, не сочувствуя ни горю, ни радости своего птичьяго пламени... И какъ горько думать, что и между людьми, при рожденіи помазаньями свыше: словомъ вдохновенія, есть различіе: одни счастливы, если имъ поется, они выше челоѣчества, выше своихъ страждущихъ братьевъ, тѣсно обращающихся къ нимъ полныя нольбы и ожиданія очн; они живутъ въ себя, они въ душѣ своей умѣютъ находить радости и утѣшенія, и этотъ одоодидированный эгоизмъ называетъ жизнью въ непродолащемъ и атомомъ, чуждомъ мелкой современности...

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что искусство подчинено, какъ и все нивое и абсолютное, пропесу историческаго развитія, и что искусство ншого времени есть выраженіе, осуществленіе въ изданныхъ образахъ современнаго сознанія, современной души философа и цѣли жизни, о путяхъ челоѣчества, о вѣчныхъ истинахъ бытія...

Переходя собственно къ критикѣ, нить къ главному предмету рѣчи, краснорѣчивый ораторъ дѣлитъ критику на три разряда: на *личную*, *аналитическую* и *философскую*, или по преимуществу *художественную*.

Намъ кажется, что личная критика, судя по тому значенію, какое ей даетъ авторъ, есть не родъ и не видъ, а злоупотребленіе критики. Личную критику можно раздѣлить на два рода — *искреннюю* и *пристрастную*. Первая иногда заслуживаетъ вниманія. Она принадлежитъ тѣмъ критикамъ, которые, не зная ни о современномъ состояніи теоріи изящнаго, ни объ отношеніи искусства къ обществу, все

выводятъ изъ себя, опираясь на собственные возрѣннхъ и собственномъ, непосредственномъ чувствѣ и вкусѣ. Это критика добродушнаго невѣжества, которое думаетъ, что съ него начался міръ, и что прежде него ничего не было. Если такой критикъ челоѣкъ съ природнымъ, хотя и неразвитымъ умомъ, съ чувствомъ и душою, — въ его критикахъ могутъ встрѣчаться проблески здравыхъ мыслей, горячаго чувства, но сбитыя ные со множествомъ парадоксовъ, лживо-остывшихъ основаній, давно-забытыхъ заблужденій (ибо челоѣкъ, все выводящій изъ себя, не можетъ сказать и новаго заблужденія); все у него неопредѣленно и сбивчиво. Таіе критики иногда встрѣчаются между плодовитымъ и мелкимъ народомъ флетонистовъ; они возбуждаютъ искреннее сожалѣніе къ своимъ парализованнымъ чрезъ невѣдѣніе дарованиямъ. Если же критикъ, основывающійся на личныхъ убѣжденіяхъ, при невѣжествѣ своемъ, еще и челоѣкъ ограниченный, — то берите его скорѣе въ фельетонисты газеты, гдѣ великіе писатели судятся со стороны грамматикъ и опечатокъ, и, ради всего святаго, удержайте ихъ болше въ объявленіяхъ о табачныхъ и кандитерскихъ лавочкахъ, о жоженщикахъ и водоочистительныхъ машинахъ. Это литературная тля, о которой не стоить и говорить...

Разсуждая о *личной* критикѣ, ораторъ разуметь исключительно *лично-пристрастную* критику, которую онъ характеризуетъ сильно, энергически, живописно, но слишкомъ обшнимъ чертами, — чему причиною, разумется, оффиціальныи характеръ торжества, подавшаго поводъ къ рѣчи, который не долженъ былъ допустить ничего такого, что могло бы послужить поводомъ къ намеку или примѣненію. Если рыцарей добродушной, искренней личной критикѣ, отличающейся вдругъ и невѣжествомъ и ограниченностью, мы назвали *тлею*, то вѣнзлей пристрастно-личной критики можно называть саранчою литературною. Здѣсь

тѣмъ умѣе такой критикъ, тѣмъ вреднѣе онъ для вкуса неустановившагося общества; его литературному безстыдству и наглости нѣтъ никакихъ преградъ, и онъ безнаказанно можетъ издѣваться надъ публикою, утѣрпя ее, что умъ «надуваетъ» человечество; что добродѣтель есть полезный предрассудокъ; что Сократъ былъ тонкій плутъ, «вадушій» Грековъ своимъ мнимымъ демономъ, прославляя имъ посредственность и наглою ложью удивляя истинные таланты, или говоря о своихъ талантахъ и своихъ добродѣтеляхъ, о невѣжествѣ, злобѣ и глупости своихъ враговъ, и т. п. Впрочемъ, такимъ критикамъ и такой критикъ, вѣрно, будутъ не по сердцу многія строки въ энергической филиппикѣ г. Никитенко. Мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи выписать вѣскодько изъ этихъ строкъ, которыя можно назвать диейрабмомъ благороднаго негодованія:

«Но какъ! неужели для такой критики есть мѣсто въ литературѣ и сочувствіе въ обществѣ? Неужели эта юродивая дщерь сглазотъ прихоти и эгоизма осмѣливается, сама собою, безъ полномочія науки, безъ доказательнаго признанія, безъ искры любви къ святому дѣлу совершенствованія человеческого — неужели осмѣливается она присвоить себѣ сладчайшіе атрибуты судьбы въ искусствѣ, называться критикою, выйти изъ дымаго логовища умовъ невѣжественныхъ и празднословныхъ на свѣтъ и небезопасно произносить свои незаконные приговоры, раздавать поддѣльные лавры, поразать карамъ? Что жъ лавать общественное мнѣніе? Однимъ ударомъ своего побдоноснаго презрѣнія оно могло бы стереть съ лица литературы эту джекритику, хищницу чужаго достоянія, принадлежащаго уму, званію и таланту. Но общественное мнѣніе въ дѣлѣ искусства у насъ еще такъ юно, и потому скромно и застенчиво. Шаткое въ основныхъ понятіяхъ искусства, которыхъ еще не успѣло себѣ усвоить, оно робко склоняется предъ великимъ смѣлымъ натискомъ высокоумія и самоуверенности; рѣзительный тонъ въ тѣлахъ его есть сильнѣйшее логическое доказательство истины, а насмѣшка признакъ ея, который до того великъ, что для

него нѣтъ ничего великаго. Удивительно ли, что личная критика вовсе не занимается искусствомъ и поражаетъ одна личность? Здѣсь судья не подлежитъ никакой отвѣтственности: ибо кто будетъ пересуживать ихъ сужденія? Пусть говорятъ оно все, что хотятъ: нѣтъ погубить, потому что для тахъ, у кого нѣтъ личнаго убѣжденія, все равно принять его изъ однихъ устъ, или изъ другихъ. Какой соблазнъ! Какъ широко отворятся въ литературу двери широкимъ мелкимъ страстямъ, которыя невозможности развитія естественны были бы развѣ только повелить ихъ на снѣгъ дѣтъ общества, а теперь дерзкою почто выходить изъ своихъ кровеносныхъ убожницъ, воспользоваться, какъ черемъ, на-самымъ вершинамъ юнаго, тогдакото расцвѣтшаго искусства и истощаютъ его живительныя соки. У всякаго безъ сомнѣнія есть враги, друзья, покровители: гдѣ какъ не въ критикѣ удобнѣйшій случай заковать врага позоромъ самымъ глубокимъ, самымъ вожделѣннымъ для ненависти, потому что онъ падаетъ на самую изжитѣйшую часть человеческого самолюбія — на умственную славу, друзьякъ омакъ услугу, на требующую никакихъ жертвъ, потому что она всею стоитъ изъ словъ, и покровителямъ пренебрежи дѣтъ глубокой мести, не каждакъ дѣгою даже порога ихъ приходякъ? Личная критика для того и сдѣлана, чтобы, подвизаюмъ литературы, говорить о своихъ надеждахъ, о своихъ великихъ дарованіяхъ, о своей книжной торговлѣ, друзьякъ и недругахъ, о всемъ, что не составляетъ литературы. Къ чему жъ ей и стариннѣйкъхъ приобритенію уваженія публики? Не публика столь снисходительна, что не требуетъ уваженія, а гдѣто даже проситъ неуваженія къ себѣ. Къ великимъ дѣламъ искусства? Но тогда не была бы она личною, тогда старалась бы она возвыситься до чистыхъ идей красоты и истины, она стала бы дѣйствовать въ духѣ разума — и погибла бы. Известно, что разумъ уважаетъ только интересы всеобщіе, гармонію силъ, правду, законность: малѣйшія зломны тонуть, какъ пылаки, въ широтѣ его безмѣрнаго горизонта.»

Картина, къ несчастію, весьма вѣрная дѣйствительности, не смотря на общность ея чертъ! Теперь, безъ сомнѣнія, интересно будетъ для читателя узнать, какъ понимаетъ ораторъ истинную критику, которую онъ дѣ-

леть на *аксиоматическую* и *философскую*, или по преимуществу *художественную*.

« Не только, мн. гг., истинная критика, опираясь божественного разума, приводит нас в гармонию человеческое свободное творчество со всеобщим и необходимым порядком вещей, предводительница вечных законов искусства, мысль, пронзительно судя торжественный и всеародный над далью, предводительница приговора потомства, драгоценная награда дарования, мера великодушная бездарности, стража народного вкуса. Приняв на себя характер аналитический, она исследует стихии, которыми омыта красота в готовых произведениях таланта, и условия ее развития. Она рассматривает писателя со стороны его гоним, направления, взгляда на вещи; рисует картину общества, отношение к нему писателя, степень принимаемого им участия в движениях современной мысли и жизни. Обращаясь къ самому произведению, аналитическая критика рассматривает его содержание, располагает образы на их элементы, обличает пружины, которыми авторъ действует для достижения своей цели, и изясняет, какъ зреть, чужь питалась основная, заветная мысль его создания, что принадлежит въ ней его свободному художническому воззрению на вещи, и что принадлежит наряду случайныхъ обстоятельствъ, волновавших его душу. Благая аналитическая критика знает, какія изъ этихъ понятій могутъ осуществляться только въ рассмотрении произведений, сделавшихся уже достояниемъ истории, и какія должно прилагать къ искусству современному. Здесь мы читаете, такъ сказать, отчетъ самой природы о томъ, какъ она поступает въ важнейшей части своей экономии — въ творчество устроенномъ. Ничто не можетъ сравниться съ занимательностью подобныхъ изысканий. Вы вводите въ святилище глубочайшихъ тайнъ человеческой природы; вы присутствуете при самомъ рождении тѣлальной мысли; встречаете ее потому на рубежѣ при переходѣ изъ идеального мира въ действительный; передъ вами движутся все силы, образующія надидное создание, — и таланта писателя, и духъ времени, и духъ общества; въ вашихъ глазахъ слагаются стихии его въ этотъ удивительный нравственный организмъ, коему суждено вмещать въ себя чистѣйшую жизнь

— жизнь красоты, следовательно, истинны и добра.

« Аналитическая критика, однакожъ, не удовлетворяетъ еще цели искусства. Мы знаемъ, какъ образовалось творение, но не знаемъ, что такое самое творение. « Вы, возразятъ мнѣ, видите его предъ собою раскрытымъ со всѣхъ сторонъ, объясненнымъ — чего жъ болзе? — Такъ! Но у каждого извѣстнаго произведенія, кромѣ отношеній къ художнику, эпохѣ, народу и проч., есть еще одно отношеніе, очень важное — это отношеніе къ идее красоты. Вѣдь оно для нея и существуетъ; все творческая операция, которая аналитическою критикою такъ хорошо намъ раскрыта, именно для нея и предпринята. Прекрасно ли и почему прекрасно то, что произвело искусство? Этихъ вопросовъ она не рѣшаетъ.

« Все начинающаго человеческого творчества подлежатъ двумъ законамъ: закону частныхъ соотношеній съ вещами и закону идей. То, чему назначено занять мѣсто между первыми, входитъ въ дружескій союзъ съ ними, участвовать въ исторіи, то должно и действовать въ духѣ ихъ судьбы и потребностей. Но высокое дѣло разума и воли не было бы разумнымъ и свободнымъ, еслибы оно не соединялось также узамъ съ тѣмъ, что выше вещей — съ основнымъ ихъ началомъ, съ родовой своей идеей. И отъ кого же, какъ не отъ нея дѣло получаетъ опредѣленный характеръ, неугладливую естественную характеръ, неугладливую естественную? Одно становится заслугой въ наукѣ, потому что его направляетъ идея истинны, другое приобретаетъ значеніе въ искусствѣ, потому что его оживотворяетъ идея красоты. Критика, руководимая идеей истины по пути анализа, возмущается впрочемъ къ идее извѣстнаго и становится вполнѣ художественною. При святѣ ея разбираемое творение, безъ великаго вліянія дѣла, безъ униженій, само собою займетъ прилично ему мѣсто въ литературѣ, и если оно падетъ на пути къ славе, то падетъ не отъ оскорбленій, а отъ истины, которая посвятила ему въ лицо и показало на немъ людямъ клеймо бездарности. Между тѣмъ, съ произведеніемъ истиннаго таланта вы живете въ способе соединиться съ тѣлными узамъ: оно изслѣдовано глубоко и верно со всѣхъ сторонъ; вотъ и извѣстная его сторона, вотъ вѣжные, тонкіе, едва уловимые, но можетъ быть и самые занимательные изгибы красоты, которыми писатель озабочилъ свою идею — они могли отъ васъ ускользнуть; зоркое око критики

ихъ различаетъ и даетъ имъ доступны-ми; наслаждайтесь тѣмъ, чего собственный вашъ взглядъ не успѣлъ удовольи, и будьте благодарны руководству, доподлинному ва-ще упущенію. Критика наперстница иску-ства, посвященная въ глубочайшія его тай-ны; въ то же время она органъ общества, концы оно принимаетъ прекрасные дары искусства и несетъ ихъ къ своему сердцу. Высоко и достопамятно ея назначеніе! Дѣя-могущественнѣйшія силы — искусство и духъ общественный, опираются на ея му-дрость и правоту: одно вварляетъ ей драго-цѣннѣйшее свое достоинство — славу, другой — честь и достоинство своихъ чувствованій.

Но въ каждомъ произведеніи искусства есть недостатки: что дѣлаетъ съ ними кри-тика? Вотъ ея правило: знать только одни недостатки — тѣ, которыхъ изобличеніе мо-жетъ служить урокомъ въ истинѣ, или за-щиткою противъ заблужденій. Съ помощію анализа, она особенно отличаетъ ошибки, или невірное направленіе вкуса, бывшія плодомъ злѣя — и не караетъ безщадно пи-сателей, често служившихъ искусству въ духъ своего времени, за то, что они не пред-упредили хода судьбы и не дѣйствовали по идеямъ, которыхъ не было. Она каждо-му воздастъ по заслугамъ — относительному достоинству свое, безусловному свое и не забываетъ, что если потомство умнѣе про-шедшаго, которое оно судитъ, то въ свою очередь оно будетъ имѣть также потомство. и горе тѣмъ, кои не умѣли сдѣлать всего и не умѣли прощать той же вины другимъ!...

Нельзя не согласиться въ сущности ее. всѣмъ этимъ. Дѣйствительно, кри-тика *аналитическая*, какъ называется ее ораторъ, или *историческая*, какъ называютъ ее во Франціи и Германіи, необходима. Миновать ее, особенно теперь, когда вѣкъ принялъ рѣшитель-но историческое направленіе, значило бы убить искусство, или, еще скорѣе, опшдить критику. Каждое произве-деніе искусства непременно должно разсматриваться въ-отношеніи къ эпо-хѣ, къ исторической современности, и въ отношеніяхъ художника къ обще-ству; разсмотрѣніе его жизни, харак-тера, и т. п. также можетъ служить часто къ уясненію его созданія. Съ другой стороны, невозможно упускать изъ виду и собственно-эстетическихъ требованій искусства. Скажемъ болѣе:

опредѣленію степени эстетическаго достоинства произведенія должно быть первымъ дѣломъ критики. Когда про-изведеніе не выдержитъ эстетическаго разбора, оно уже не слѣдуетъ историче-ской критикѣ; ибо, если произведеніе искусства чуждо животреннѣйшимъ историческаго содержанія, если въ немъ искусство было само себѣцѣлю, — оно все-еще можетъ имѣть хотя од-ностороннее, относительное достоин-ство; но если, при живыхъ современ-ныхъ интересахъ, оно не одинокимъ но печатью твердотѣла и свободнымъ видоизмѣненіемъ, то въ историческомъ отноше-ніи не можетъ имѣть никакой цѣн-ности, и самая живность его интере-совъ, будучи выражена насильственно въ чуждой имъ формѣ, будетъ бесмы-сленна и нежна. Изъ этого прямо вы-ходитъ, что не для чего и раздѣлять критику на разные роды, а лучше, признавъ одну критику, отдать въ ея завѣдываніе всѣ элементы и стороны, изъ которыхъ слѣдуетъ дѣйствитель-ность, выражающаяся въ искусствѣ. Критика историческая безъ эстетиче-ской, и наоборотъ, эстетическая безъ исторической, будетъ одностороння, а слѣдовательно, и ложна. Критика дол-жна быть одна, и разносторонность взглядовъ должна выходить у нея изъ одного общаго логоника, изъ одной системы, изъ одного соображенія иску-ства. Это и будетъ критикою нашего времени; въ которой многослѣдность элементовъ ведетъ не къ дробности и частности, какъ прежде, а къ единству и общности. Что же касается до сло-ва «аналитическій», — оно происходитъ отъ слова «анализъ», означающаго раз-боръ, разложеніе, которые составя-ютъ свойство всякой критики, каки бы ни была она, историческая, или худ-ожественная.

Настъ спросить: каковы образцы въ одной и той же критикѣ могутъ орга-нически слиться два различныхъ воз-зрѣнія, историческое и художествен-ное? или: какъ можно требовать отъ поэта, чтобы онъ, въ одно и то же время, свободно сдѣлывалъ своему до-

тотъ же, и сдѣлалъ духу современности, не сдѣлалъ изъ ея заколдованнаго круга? Этотъ вопросъ весьма легко рѣшить и теоретически и исторически. Каждый челоѣкъ, а следовательно, и народъ, испытываетъ на себѣ неизбѣжное вѣдѣніе времени и мѣстности. Съ молокомъ матери всасываетъ онъ въ себя тѣ начала, ту сумму понятій, которою живетъ окружающее его общество. Отъ-этого, онъ дѣлается Французомъ, Нѣмцемъ, Русскимъ, и т. д.; отъ-этого онъ, родившись, ша-примѣръ, въ XII вѣкѣ, благочестиво убѣжденъ, что самое святое дѣло лечь на кострехъ людей, думающихъ такъ, какъ не всѣ думаютъ, а родившись въ XIX вѣкѣ, онъ религиозно убѣжденъ, что никого не должно лечь и рвать, что дѣло общества не мститъ наказаніемъ за проступокъ, а исправить наказаніемъ преступника, чрезъ что удовлетворится оскорбленное общество, и выполнится святой законъ христіанской любви и христіанскаго братства. Но челоѣчество не вдругъ же перескочило отъ XII вѣка къ XIX-му: оно должно было прожить цѣлые шесть вѣковъ, въ продолженіи которыхъ развивалось, въ своихъ моментахъ, его понятіе объ истинномъ, и въ каждомъ изъ сихъ шести вѣковъ это понятіе принимало особенную форму. Вотъ эту-то форму философія и называетъ *моментами* развитія общечеловѣческой истины; а этотъ-то *моментъ* и долженъ быть пульсомъ созданій поэта, ихъ преобладающею страстію (паэссомъ), ихъ главнымъ мотивомъ, основнымъ аккордомъ ихъ гармоніи. Нельзя жить въ прошедшемъ и прошедшимъ, закрывъ глаза на настоящее: въ этомъ было бы что-то неестественное, ложное и мертвое. Отъ-чего европейскіе живописцы средних вѣковъ писали все мадонны да святыхъ? — Отъ-того, что религиозность христіанская была преобладающимъ элементомъ жизни Европы того времени. Послѣ Лютера всѣ попытки къ восстановленію религиозной живописи въ Европѣ были бы тщетны. «Поэ-

сдѣлать намъ: если нельзя выйти изъ своего времени, то не можетъ быть и поэтовъ не въ духъ своего времени, а следовательно, дѣчего и вооружаться противъ того, чего быть не можетъ?» — Нѣтъ, отвѣчаемъ мы: это не только можетъ быть, но и есть, особенно въ наше время. Причина такого явленія—въ обществахъ, которыхъ понятія диаметрально-противоположны ихъ дѣйствительности, которыхъ учатъ въ школахъ дѣтей своихъ такой нравственности, за которую надъ ними же теперь смѣются, когда тѣ выйдутъ изъ школы. Это есть состояніе безрелигиозности, распадаенія, разединенія, индивидуальности и—ея необходимаго слѣдствія—эгоизма: къ-несчастью, слишкомъ резкія черты нашего вѣка! При такомъ состояніи обществъ, живущихъ старыми предавленіями, которымъ болѣе не вѣрять, и которыя противоположны новымъ истинамъ, открытымъ наукою, выработавшимся изъ историческихъ движеній,—при такомъ состояніи обществъ иногда самыя благородныя, самыя даровитыя личности чувствуютъ себя отдѣленными отъ общества, одинокими, и тѣ изъ нихъ, которыя послабѣе характеромъ, добродушно дѣлаются ярецами и проповѣдниками эгоизма и всѣхъ пороковъ общества, думая, что такъ видно должно быть, что иначе быть не можетъ, что не нами-де началось, не нами и кончится; другіе, и это, увы! часто лучшіе,—убѣгаютъ вовнутрь себя, съ отчаяніемъ махнувъ рукою на эту оскорбляющую чувство и разумъ дѣйствительность. Но это средство къ спасенію ложное и эгоистическое: когда на улицѣ пожаръ, должно бѣжать не отъ него, а къ нему, чтобъ, вмѣстѣ съ другими, искать средствъ и трудиться братски для потушенія его. Но многіе, напротивъ, изъ этого эгоистическаго и малодушнаго чувства сдѣлали себѣ начало, доктрину, правило жизни, наконецъ догматъ высокой мудрости. Они имъ горды, они съ презрѣніемъ смотрятъ на міръ, который, изволите видѣть, не

стоять ихъ страданій и ихъ радостей; заставъ въ разубранномъ теремѣ своего фантастическаго замка и смотря изъ него сквозь распѣчяныя стекла, они поютъ себя какъ птицы... Боже мой! *человѣкъ дѣлается птицею!* Какое истинно-овидіевское превращеніе! Къ этому еще присоединилась обаятельная сила нѣмецкихъ воззрѣній на искусство, въ которыхъ дѣйствительно много глубокости, истины и свѣта, но въ которыхъ также много и нѣмецкаго, флистерскаго, аскетическаго, анти-общественнаго. Чтѣ же изъ этого должно было выйти?—Гибель талантовъ, которые, при другомъ направленіи, оставили бы по себѣ въ обществѣ яркіе слѣды своего существованія, могли бы развиваться, идти впередъ, мучать въ силахъ. Отсюда происходитъ это размноженіе микроскопическихъ гевіевъ, маленькихъ великихъ-людей, которые дѣйствительно обнаруживаютъ много таланта и силы, но пошумяютъ, пошумятъ, да и замолкнутъ, скончавшись вмалѣ еще вреждѣ своей смерти, часто во цвѣтъ лѣтъ, въ настоящей порѣ силы и дѣятельности. Свобода творчества легко согласуется съ служеніемъ современности: для этого не нужно принуждать себя, писать на темы, насмловать фантазію; для этого нужно только быть гражданиномъ, сыномъ своего общества и своей эпохи, усвоить себѣ его интересы, слить свои стремленія съ его стре-

мленіями; для этого нужна симпатія, любовь, здоровое практическое чувство истины, которое не отдѣляетъ убѣжденія отъ дѣла, сочиненія отъ жизни. Чтѣ вошло, глубоко запало въ душу, тѣ само-собой проявится во внѣ. Когда челоѣкъ сильно потрясенъ страстію, исключительно занятъ одною мыслию,—все, о чемъ онъ думаетъ днемъ, повторится у него въ снахъ. Пусть же творчество будетъ прекраснымъ сномъ, въ роскошныхъ выдѣлкахъ своихъ повторяющимъ святые думы и благородныя симпатіи художника! Въ наше время талантъ, въ чемъ бы онъ проявлялся—въ практической ли общественной дѣятельности, или въ науцѣ и искусствѣ, долженъ быть добродѣтелю, или гибнуть въ себѣ-самомъ и черезъ себя-самого. Человѣчество дошло наконецъ до такихъ убѣжденій, которыхъ *нечистые люди*, уже изъ собственныхъ видовъ, чтѣбы не осудить себя, не рывшатся произнести и выговорить. Они знаютъ, что общество ихъ не повѣрило бы, ибо въ нихъ-самихъ увидѣло бы лучшее опроверженіе ихъ идей...

Высказавъ наше воззрѣніе на искусство и критику, и разсмотрѣвъ «Речь», подавшую поводъ къ этой статьѣ, —мы, въ слѣдующей статьѣ, сдѣлаемъ историческое обзореніе русской критики, отъ начала ея до нашего времени.

РѢЧЬ О КРИТИКѢ, произнесенная въ торжественномъ собраніи
Императорскаго Санктпетербургскаго Университета, марта 25-го
дня 1842 года, экстраординар. профес., докторомъ философіи, А. Ни-
китенко. Санктпетербургъ. 1842.

Статья II.

Историческое обозрѣніе русской критикѣ.

Обозрѣть исторически ходъ и раз-
витіе русской критикѣ—значитъ обо-
зрѣть, въ общихъ чертахъ, исторію
русской литературы, ибо, какъ мы
уже сказали въ первой статьѣ, содер-
жаніе критикѣ, какъ сужденіе, есть
то же самое, что и содержаніе лите-
ратуры, какъ судимаго; вся разница
въ формѣ. Художникъ и литераторъ
выражаютъ свое понятіе объ искус-
ствѣ и литературѣ непосредственно,
самыми твореніями своими; критикъ
выражаетъ свое понятіе объ искусствѣ
и литературѣ чрезъ посредство мы-
сли, сознательно. Въ этомъ случаѣ,
искусство и литература идутъ объ-
руку съ критикою, и оказываютъ вза-
имное дѣйствіе другъ-на-друга. Если
новый гений открываетъ міру новую
сферу въ искусствѣ и оставляетъ за
собою господствующую критику, на-
нося ей тѣмъ смертельный ударъ; то,
въ свою очередь, и движеніе мысли,
совершеняющееся въ критикѣ, пригото-
вляетъ новое искусство, опережи-
вая и убивая старое. Такое явле-
ніе было въ Германіи, гдѣ лите-
ратурный переворотъ совершился не
чрезъ великаго поэта, а чрезъ умна-
го, энергическаго критика—Лессинга.
Такъ называемая романтическая шко-
Т. XXIV.—Отд. V.

ла, или юная литература Франціи, во-
друзила свои побѣдоносныя знамена
на завоеванной ею у псевдо-классици-
зма почвѣ, едва-ли не болѣе при по-
мощи критикѣ, чѣмъ собственными
усиліями. Жавенъ, въкогда столь даро-
витый, а теперь столь пустой «Белье-
товный крикунъ», горячо сражался
противъ мертвой литературы имперіи
еще прежде, чѣмъ написалъ свой ро-
манъ «Мертвый Осель и Гильоти-
нированная Жевщина». И этотъ со-
юзъ искусства съ критикою со-дня-на-
день становится тѣснѣе и неразрыв-
нѣе. Отъ-того, теперь искусство ста-
новится мышленіемъ въ образахъ, а
критика—искусствомъ.

Русская литература была не пло-
домъ развитія національнаго духа, а
плодомъ реформы. Хотя Петръ-Вели-
кій ничего не писалъ и не издавалъ,
подобно Екатеринѣ II, но тѣмъ не ме-
нѣе онъ такъ же творецъ русской ли-
тературы, какъ и творецъ русской
цивилизациі, русскаго просвѣщенія,
русскаго величія и славы, словомъ—
творецъ новой Россіи. Написать исто-
рію русской литературы, не сказавъ
ни слова о Петрѣ-Великомъ,—это все
равно, что написать о происхожденіи
міра, не сказавъ ни слова о Творцѣ

мира. Русь до Петра кипела дикими и нестройными силами: его всемогущее «да будетъ!» водворило порядок и гармонию въ этомъ хаосѣ, дало борющимся въ немъ элементамъ определенную форму и указало имъ цель. Уже болѣе вѣка прошло послѣ смерти Великаго; но Русь все еще движется отъ него, следовательно, и чрезъ него. Русь уже давно не та; Петръ не узналъ бы ея, еслибы могъ взглянуть на нее изъ своего гроба. Русь уже не та, но и не другая. Такъ широколиственный дубъ совсѣмъ не тѣ, чтѣ жолудь, изъ котораго онъ вышелъ; но онъ все же дубъ, а не береза, и не другое дерево; все же онъ вышелъ изъ жолудя, и безъ жолудя не могъ бы быть.

Реформа Петра вообще была искусственная, ибо совершилась не въ сѣрѣ русской жизни и не ея собственными средствами, а посторонними посредствомъ чуждой ей жизни. Однакожъ, это можетъ не нравиться только раскольникамъ и староверамъ; въ глазахъ же людей, умѣющихъ проникать въ глубь явленій, это-то самое и свидетельствуетъ о колоссальности гения творца новой Россіи. Правда, можно много острого и забавнаго наговорить, на-примѣръ, о русскихъ мужикахъ, вдругъ, экспромптомъ, превращенныхъ въ подобіе царскихъ и прусскихъ солдатъ, съ вышитыми бородами, съ пучками на затылкахъ, въ смѣшныхъ мундирахъ XVIII вѣка, объ этихъ солдатахъ, которые съ трудомъ заучивали на память маленькую военную терминологию, мудреные немецкіе чины и званія; сверхъ-того, нарвская битва могла служить прекраснымъ фактомъ противъ преобразованій, но за то, битва подъ Леснымъ заставляетъ раздумывать, прикусить языкъ, какъ выразительно говорится по-русски; а полтавская битва лучше всякихъ доказательствъ, теоретическихъ и философскихъ, доказываетъ, что у гения своя логика, свой здравый смыслъ, свое основаніе-

іе действительности, которая чѣмъ менѣе подходитъ подѣ сужденій толпы, тѣмъ истиннѣе и действительнѣе. Реформа, по-видимому, часто измѣняла, по-видимому, состоявшая только въ формахъ, могла казаться странной не только для Русскихъ, бывшихъ ея жертвою, но и для тогдашней Европы; теорія и практика, умовѣе и опытъ — все повидимому было противъ нея. Несчастное ирискіе дало походило на порывъ урагана, слухи о сошла картечный дождь; оно всѣхъ убедило въ невозможности улучшеній — всѣхъ, кромѣ самого реформатора. Но подѣ Леснымъ обстоятельства перемѣняются и для непріятеля настаетъ прологъ трагедіи, а при Полтавѣ разъярилась и самая трагедія.

Такимъ же точно образомъ, много умаго и остроумнаго можно наговорить о новыхъ гражданскихъ литератахъ, которыми нѣчего было выразить собою; о введенныхъ имъ типографіяхъ, которыми нѣчего было печатать; о изданныхъ специальныхъ учебныхъ заведеніяхъ, когда еще нѣгдѣ было учиться грамотѣ; о проектѣ Академіи Инокъ, когда еще не было приходскихъ и уездныхъ училищъ; словомъ, обо всемъ этомъ неестественномъ разбитіи сверху внизъ, не снизу вверхъ, съ крыши къ фундаменту, не съ фундамента къ крышѣ. А между-тѣмъ, это-то и положило прочное основаніе русскому просвѣщенію, ибо прежде всего дало учителей, безъ которыхъ ученики не могутъ учиться. Какое бы ни было наше просвѣщеніе, на какой бы ступени ни стояло оно и теперь, но надо быть слѣпымъ, чтобъ не видѣть, что оно все развивается, все идетъ впередъ. Иначе, какъ бы могли у насъ явиться и полководцы, и моряки, и инженеры, и врачи, и математики? Давно ли было время, когда безъ иностранцевъ мы не могли стоять были сдѣлать шагу? А теперь, мы нуждаемся въ Европѣ, но уже не въ иностранцахъ; намъ надо идти за успѣхами въ Европѣ, а не за успѣхами въ Европѣ, а не

крестьян и промышленности, но не выискивать отсюда людей для заведения того и другого и третьего, какъ было прежде. Если же мы и теперь иногда нуждаемся къ иностранцамъ и приглашаемъ ихъ къ себѣ, то такіе случаи уже кажутся теперь исключеніями изъ общаго правила.

Не жите дальнаго, умнаго и остраго можно наговорить (да и было уже довольно наговорено) о русской литературѣ, возникшей не изъ потребности общества, а изъ слѣпнаго подражанія иностранцыи литературамъ. И чего бы, въ самомъ дѣлѣ, можно было ожидать отъ этого сколада, списка, отъ этой доши съ чужихъ образцовъ, отъ этого мертваго, бездушнаго, слѣпнаго подражанія и передразниванія чужихъ мыслей и чужихъ формъ? А между-тѣмъ, мы гордимся именами (конечно, еще немногими) національныхъ и самостоятельныхъ поэтовъ — Крылова, Пушкина, Грибоедова, Гоголя, Лермонтова... А между-тѣмъ, наша литература имѣла на общество великое и благотворное вліяніе, какъ живой источникъ гуманическаго, человѣчественнаго образованія...

Страшно дѣло! какъ же такіе живые слѣдствія могли выйдти изъ такой мертвой, чисто-внѣшней, отвѣченно-формальной реформы? Здѣсь въ томъ-то и дѣло, что должио бдиорукіи, ограниченныя люди, да развѣ еще раскольники и старожары, наборники ложно понимаемой народности и ликаго невѣжества, могутъ видѣть въ реформѣ Петра одно внѣшнее и формальное. Люди мыслящіе, способные проникать взоромъ своего разума въ сокровенную глубь вещей, очень-хорошо видѣтъ, что Петръ старался не объ одномъ внѣшнемъ европеизмѣ, что онъ былъ столько же думоцкимъ, сколько и матеріальнымъ реформаторомъ. Его великій, изначальнѣйшій духъ былъ источникомъ его преобразовательной дѣятельности, — онъ давалъ реформу прежде всего съ себя-самого. Неумолимый къ другимъ, онъ былъ еще безпощаднѣе къ самому-себѣ. Поставивъ идею правосудія вы-

ше дѣльнаго прощала, онъ готовъ былъ бы самого-себя отдать подъ уголовный судъ, еслибъ могъ умышленно поступить неправо въ дѣлѣ государственной правды. Поставивъ идею государства выше дѣльнаго значенія, онъ бодро и неуклонно прошелъ длинную и тяжкую дѣстиду чиновачалія, былъ солдатоу, юнгоу, и съ такоу страстію подчинялся повиновенію, съ какою въ его возрастѣ предаются обаянію властвовачалія. Счастію Россіи, ея будущности придець онъ въ жертву своего сына, говоря, что лучше чужой да достойный, чѣмъ свой недостойный... Онъ искушалъ своихъ сановниковъ, проса у нихъ себѣ мѣста, слѣдовавшее достойнѣйшему его по службѣ, и сказалъ, что лучше имъ, отказавшимъ ему въ просьбѣ... Говора о Петрѣ, многіе видѣтъ въ немъ больше реформатора, и забываютъ колоссацко-нравственнѣй и религіознѣй духъ, котораго вся жизнь была страстнѣмъ служеніемъ идеѣ. А паеосъ къ идеѣ есть живой источникъ, изъ котораго не могутъ не вытекать живые результаты. Еслибъ Петръ былъ только необыкновенно-умный человекъ, только политическій, а не религіозно-нравственнѣй дѣйствователь, его реформа не имѣла бы такихъ великихъ слѣдствій. Глубокое религіозно-нравственное начало, составлявшее основу его духа, въ соединеніи съ исполнскоу гениальностью, — вотъ что оплодотворило и оживило реформу Петра, дало ей силу, прочность и жизнѣнность... Но объ этомъ можно было бы написать цѣлую книгу; здѣсь мы говоримъ только вскользь, какъ о предметѣ, который имѣетъ отношение къ главной мысли нашей статьи и не составляетъ ея прямаго содержанія. Обращаемся къ русской литературѣ, чтобъ отъ не ищевѣдти къ русской критикѣ.

Русская литература началась такъ же, какъ и русская цивилизация — подражаніемъ, слѣпымъ усвоеніемъ формъ. Подобно цивилизации, ея движеніе и развитіе состояли въ стремленіи къ самоцѣтности и національ-

ности, и каждый успехъ ей былъ шагомъ къ этой цѣли. Русская поэзія сперва проблеснула въ басняхъ Крылова, которыхъ форма была заимствованная и подражательная, но въ которыхъ, не смотря на то, русскій языкъ и русскій практическій умъ нашли средство развернуться широко, свободно и непринужденно. Но басня есть только роль поэзіи, и притомъ созданный XVIII вѣкомъ, а не самая поэзія. Русская поэзія началась собственно съ Пушкина. Утверждая это, мы нисколько не думаемъ унижать блестящіе таланты, предшествовавшіе нашему поэтическому Протее. Безъ нихъ не было бы и его, или, по крайней мѣрѣ, онъ былъ бы далеко не тѣмъ, чѣмъ былъ. Каждый изъ этихъ талантовъ былъ для нашей литературы шагомъ впередъ; и неполнота ихъ успѣха заключалась не въ слабости дарованія, а въ незрѣлости общества, еще не могшаго выработать никакого содержанія для самобытной поэзіи. Пушкинъ былъ первый русскій поэтъ въ смыслѣ художника. Природная поэтическая сила Державина выше поэтической силы, напри- мѣръ, Ватюшкова; но какъ художникъ, Ватюшковъ несравненно-выше Державина. Державинъ, этотъ богатырь русской поэзіи, былъ связанъ духомъ своего времени, которое понимало поэзію не иначе, какъ торжественною одою на какой бы то ни было случай—на побѣду, или просто на иллюминацію, и которое было уверено, что поэзія «сладостна и пріятна какъ лимонъ вкусный лимонадъ». Оно требовало отъ поэзіи высокопарности—и больше ничего; оно исключало изъ нея это внутреннее, субъективное начало, которое, въ послѣдствіи, господствовало въ русской поэзіи, подъ неопредѣленнымъ именемъ элегическаго тона, и безъ котораго нѣтъ истинной поэзіи. Душа Державина была поэтическая и уже по сему самому не чуждая этого внутренняго, субъективнаго, задушевнаго и сердечнаго начала; и оно у него часто про-

торгалось, но какъ-бы проталки его во- ла, ибо, по духу своего времени, онъ не давалъ ему воли и простора; стараясь постоянно держаться въ напряженной торжественности. Прибавьте къ этому, что въ это время языкъ русскій былъ крайне-необработанъ, вращался въ тяжелыхъ славяно-латинскихъ формахъ, въ которыхъ заколебъ его Ломоносовъ; о гармоніи и пластикѣ, словомъ, виртуозности стиха, никто тогда не имѣлъ и малѣйшаго понятія; усвоенія прилагательныхъ, числительныхъ словъ, наклоненій реченій; были узаконены самою пятиткою того времени подъ именемъ «поэтическаго волюнтерства». И вотъ почему Державинъ, будучи столь великимъ явленіемъ въ исторіи русской поэзіи и литературы, мертвъ для современнаго общества; поэзія же его стала теперь предметомъ изученія записныхъ литераторовъ, а не предметомъ наслажденія для общества, которое какъ-бы едва знаетъ о Державинѣ, и то изъ пятитки, по которымъ когда-то учились въ лѣта своего дѣтства. Есть люди, которые, даже не читая Державина, почитаютъ такой взглядъ на него оскорбленіемъ его имени и чести русской литературы. Но неужели и въ-самомъ-дѣлѣ значить унижать Державина, говоря, что его огромный талантъ явился въ неблагоприятное для развитія время? Не думайте! И не-уже-ли можно унижать великаго человека, поставивъ его въ историческую зависимость отъ времени, отъ которой не освобождался ни одинъ гений съ-тѣхъ-поръ, какъ существуетъ міръ? Едва ли!... Державинъ— великій талантъ для всякаго времени; но великій поэтъ онъ— только для своего времени; а для нашего— едва ли онъ какой-нибудь поэтъ; потому-что для насъ мертвы и идеальны поэтичность и самая форма его поэзіи. Это уже не наша вина; да и не его; конечно. И мы не винимъ его; а только судимъ о немъ; пусть же судятъ и насъ, а не делаютъ безъ вины виноватыми. — Жуковский знаетъ въ русскую поэзію

идею дойти самый адементъ, котораго не доставало поэзии Державина: мечтательная грусть, унылая мелодія, задумчивость и сердечность, фантастическая настроенность духа, безвыходно поврежденнаго въ самомъ себѣ, — вотъ преобладающій характеръ поэзии Жуковскаго, составляющій и ея индивидуальную прелесть и ея недостатки, какъ всякой неполноты и всякой односторонности. Жуковский диаметрально противоположенъ Державину, — и хотя содержаніе и тонъ поэзии Жуковскаго суть экзотическія растенія въ отношеніи къ русской поэзии, переселенцы съ чуждой почвы, изъ-подъ чуждаго неба, однако, вопреки догадкамъ и крикамъ поборниковъ дардовности въ поэзии, Жуковский поэтъ не одной сядей эпохи: его стихотворенія всегда будутъ находить откликъ въ новыхъ поколѣніяхъ, приготавлиющихся къ жизни и еще только мечтающихъ о жизни, но не знающихъ ея. Не можемъ сказать, способствовало ли какое-нибудь внѣшнее обстоятельство къ обращенію юнаго Жуковскаго, еще ученика въ Благородномъ Падсіонѣ при Московскомъ Университетѣ, къ нѣмецкой и англійской поэзии; но во всякомъ случаѣ духъ времени былъ главною причиною этого обращенія. Псевдо-классическая поэзія Франціи XVII и XVIII вѣковъ уже не могла безусловно нравиться никому, по крайней мѣрѣ XIX вѣка, и оно должно было искать другихъ источниковъ эстетическаго наслажденія. Нѣмецкая литература тогда уже дѣлалась, извѣстною самой Франціи; въ Россіи, она могла цѣлнать только немногихъ людей, знакомыхъ съ ея языкомъ. Не знаемъ, къ сожалѣнію, когда написана Державиннымъ его передѣлка одной шиллеровой пьесы (въ роствѣ, съ французскаго перевода, или подражанія), названная имъ «Арфою»; не знаемъ также и времени передѣлки извѣстной пьесы Гёте Дмитріевымъ (тоже, должно быть, съ французскаго перевода, или подражанія), названной имъ «Размышленіемъ до случая

громая: знакъ, что темные слухи о Шиллерѣ и Гёте доходили еще и до патриарховъ нашей поэзіи, и что въ лицѣ Жуковскаго, съ малолѣтства знакомаго съ нѣмецкимъ языкомъ, наша литература слѣдила естественный шагъ впередъ, обратившись къ новому и болѣе-жизненному источнику питанія — къ нѣмецкой поэзии. Что же касается до англійской литературы, съ нею наша была знакома еще до Жуковскаго; самъ Карамзинъ писалъ о ней въ своемъ путешествіи, даже перевелъ монологъ Лира во время бури и отрывокъ изъ Оссіана; но о Шекспирѣ, не смотря на то, знали черезъ Французовъ, какъ о варварѣ, и почетными именами англійской литературы считались Поупъ, Аддисонъ, Драйденъ, Томсонъ, Грей, Юнгъ, Мильтонъ, Фильдингъ, Ричардсонъ, Стернъ. Жуковский первый перевелъ, своимъ крѣпкимъ и звучнымъ стихомъ, нѣсколько (впрочемъ, очень мало) англійскихъ балладъ и написалъ въ ихъ духъ свою («Эолову Арфу»), чѣмъ вѣрно перенесъ романтическій характеръ англійской поэзии. Когда уже англійская поэзія сдѣлалась знакома русской публикѣ и черезъ журнальные толки и прозаическіе переводы, — Жуковский далъ большую прочностъ и дѣйствительностъ этому знакомству своими переводами изъ Вальтера Скотта, Байрона, Мура, Сутя и пр. Это оригинальное (уже по одному тому, что новое) направленіе, эта обязательная сила и богатство содержанія, замѣстиванныя Жуковскимъ у его нѣмецкихъ и англійскихъ образцовъ, поставили его на высокую чреду между русскими поэтами, какъ самобытнаго поэта, а не переводчика. Прибавьте къ этому неизмѣримое пространство, раздѣляющее языкъ и стихъ Жуковскаго отъ языка и стиха Державина. Причина этого явленія заключается не въ одной силѣ превосходнаго таланта пѣвца Минваны, но и въ историческомъ развитіи русской литературы: между Державиннымъ и Жуковскимъ стоятъ Карамзинъ и Дмитріевъ, которымъ

такъ много обязаны русскій языкъ и русская версификація. Батюшковъ внесъ въ русскую поэзію совершенно новый для нея элементъ: античную художественность, которой, кромѣ его, были чужды все наши поэты—до Пушкина. Душа Батюшкова была по преимуществу артистическая. Онъ сочувствовалъ древнимъ, превосходно перепелъ нѣсколько антологическихъ пьесъ, любилъ образовательныя искусства, съ страстью писалъ оживписи. Преобладающій цвѣтъ его поэзій—артистическая жажда наслажденія прекраснымъ, идеальный эпикуреизмъ; но эта жажда часто растворяется у него вроткою меланхоліею, легкой и свѣтлою грустію. И потому мечтательность у него замѣняется задумчивостію, фантазмъ—радужными образами фантазій; читая его, вы чувствуете себя на почвѣ дѣйствительности и въ сферѣ дѣйствительности. Кажется, какъ-будто въ гразіозныхъ созданіяхъ Батюшкова русская поэзія хотѣла явить первый результатъ своего развитія, примиреніемъ дѣйствительнаго, но одностороннаго направленія Державина, съ односторонне-мечтательнымъ направленіемъ Жуковского. Этотъ результатъ не былъ удовлетворителенъ, потому ли, что талантъ Батюшкова не былъ для этого довольно могучъ, глубокъ и многостороненъ, или потому что онъ слишкомъ увлекался вліаніемъ французской литературы XVIII вѣка, и больше любилъ и зналъ итальянскую, чѣмъ нѣмецкую и англійскую словесность, хорошо былъ знакомъ съ латинскою, и, кажется, не зналъ греческой поэзій. По той или другой причинѣ, или по обѣимъ вмѣстѣ, но въ Батюшковѣ есть что-то неполное, недоконченное; идеи его не глубоки, содержаніе его поэзій вообще блѣдно; самый языкъ обилуетъ усвѣщеніями и вольностями, а художественность часто борется съ риторикою. Батюшкову дѣйствительно не доставало гениальности, чтобъ освободиться изъ-подъ вліанія своей эпохи. Несчастливая болѣзнь парализовала его талантъ и

дѣятельность именно передъ тѣмъ временемъ, когда на небосклонѣ русской поэзій взошло съ великою свѣтлостью, которое не могло бы не имѣть на него сильнаго и благотворнаго вліанія... Мы говоримъ о Пушкинѣ, поэзія котораго была поверженіемъ всѣхъ усилій, достиженіемъ всѣхъ стремленій, плодомъ и результатомъ всего искусственнаго развитія русской поэзій. Да, Пушкинъ—первый, даже и по времени, поэтъ русскій: ибо все, что въ предшествовавшихъ ему поэтахъ было или отдѣльными силами, или односторонними элементами, или только усиленіемъ, или стремленіемъ, — въ немъ явилось какъ разрешенная загадка, какъ уже обрѣтенное слово, какъ исполненіе, какъ единство, полнота и цѣлость разнообразнаго и многосторонняго. Въ Державинѣ часто проблескиваетъ русская натура, русская душа: Пушкинъ вездѣ и во всемъ національно-русскій поэтъ. Пареніе, возвышенность, сила, — все, что у Державина вспыхиваетъ по-временамъ, часто заливаемое тотчасъ же прѣсною водою риторики, у Пушкина горитъ свѣтлымъ, чистымъ и ровнымъ пламенемъ безъ треска, дыма и чада. Грусть составляетъ одинъ изъ основныхъ звуковъ въ аккордѣ поэзій Пушкина, и потому она придаетъ ей задумчивость, сердечность, мягкость, *влажность* (если можно такъ выразиться, говоря о противоположномъ *сухости* качества), а не преобладаетъ надъ нею: это грусть души великой, знающей свою силу; въ ней нѣтъ ничего общаго съ уныніемъ—болѣзнію слабыхъ душъ. Кромѣ того, въ грусти Пушкина такъ много русскаго, того самого, что такъ сильно овладѣваетъ душою въ протичной и разгульной русской пьесѣ. И такъ какъ эта грусть составляетъ только одинъ звукъ въ аккордѣ поэзій Пушкина, а не цѣлый аккордъ, — то поэзія Пушкина и чужда всякой неподготовленности, всякой односторонности. Фантастическое иногда является и въ поэзія Пушкина, но оно у него естественно, такъ какъ является въ

самой действительности: вспомните *сон Татьяны*, балладу «Женихъ». Что же касается до фантазма, его нѣтъ и признаковъ въ поэзи Пушкина: душа Пушкина была такъ крепка и здорова, что не могла подчиниться этому близостиному направленію. А между тѣмъ, хотя и трудно показать слѣды мѣнянія Жуковскаго на Пушкина (ибо почти в себѣ поэзи послѣднѣго слишкомъ-дѣйствительны и чужды всего отвлеченнаго, туманнаго и неопредѣленнаго); однакожь нельзя отрывать, чтобъ Жуковскій не имѣлъ вліянія на Пушкина, когда тотъ самъ называетъ его «наставникомъ, пастуномъ и хранителемъ своей вѣтхой музы». Не менѣе, если еще не болѣе, любилъ Пушкинъ сладостные стихи Батюшкова: вліяніе этой любви ярко замѣтно на первыхъ произведеніяхъ Пушкина. И не могло быть иначе: Пушкинъ былъ по-преимуществу артистическая натура; следовательно, Батюшковъ былъ ему родственнѣе всѣхъ другихъ русскихъ поэтовъ. Но, что такое стихи Батюшкова, пластика и виртуозность его поэзи, перель стихомъ, пластикомъ и виртуозностію поэзи Пушкина! Какъ поэзи Батюшкова, поэзи Пушкина вся основана на дѣйствительности; но какаѣ же безконечная разница въ объемѣ, глубокости и значеніи той и другой поэзи! Ужь нечего и говорить о томъ, что поэзи Батюшкова чужда національности, тогда какъ поэзи Пушкина по преимуществу русская. Все, что прежніе поэты имѣли каждый порознь, все это Пушкинъ имѣлъ одинъ, имѣя еще много и своего, чего ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ; всѣмъ, что обладало прежними поэтами, — всѣмъ этимъ спокойно владалъ Пушкинъ. Вотъ почему мы отъ него ведемъ русскую поэзію и называемъ его первымъ русскимъ поэтомъ. Это совсѣмъ не значитъ, чтобъ до него не было поэтовъ, и притомъ еще достойныхъ вниманія, уваженія, любви, извѣстности и славы; но значитъ только, что въ нихъ выражались постепенныя условія рус-

ской поэзи, начиная отъ Кантемира и Ломоносова—изъ искусственной и подражательной сдѣлаться естественною и самобытною, стремленіе изъ книжной сдѣлаться живою, общественною, сблизиться съ жизнью и обществомъ; а въ Пушкинѣ выразились торжество и победа этихъ усилій и стремленій. Пушкинъ—художникъ въ полномъ значеніи этого слова; это его преобладающее значеніе, его высочайшее достоинство и, можетъ-быть, его недостатокъ, въ-слѣдствіе котораго онъ чѣмъ болѣе становился художникомъ, тѣмъ болѣе отклонялся отъ современной жизни и ея интересовъ, и принималъ аскетическое направленіе, наконецъ охолодившее къ нему общество, которое долговѣе безусловно обожало его. Кажется, въ этой натурѣ не было капли прозаической крови, но все былъ чистый огонь поэзи. Къ чему ни прикасался онъ—всему давалъ поэтическое образы, полныя жизни и очарованія, всему, даже самымъ уже по существу своему прозаическимъ предметамъ. Его стихъ—это скульптура, живопись и музыка вмѣстѣ. Къ нему безусловно можно приложить его же собственные стихи объ Овидіи:

Имѣлъ онъ пѣсень дивный даръ
И голосъ, шуму водъ подобный...

Никто такъ не былъ связанъ исторически съ преданіями русской литературы, какъ Пушкинъ. Онъ изучалъ старинныхъ писателей, которыхъ теперь никто не читаетъ; онъ бралъ эпитафии изъ Хераскова и Княжнина. Изъ лицейскихъ его стихотвореній (за напечатаніе которыхъ нельзя довольно возблагодарить издателей трехъ послѣднихъ томовъ его сочиненій) видно, что онъ былъ ученикъ не только Державина, Дмитріева, Жуковскаго и Батюшкова, но и даже своего В. Пушкина,—и первые дѣтскіе опыты его являютъ въ немъ стихотворца первыхъ годовъ текущаго столѣтія, хотя онъ родился только въ послѣдній годъ прошлаго. Особенно-любопытны и поучительны тѣ изъ его лицейскихъ

пресъ, которая онь котомъ передъ-
даль: какое искусство иногда однимъ
словомъ, однимъ эпитетомъ передъ-
даль стихъ такъ, что его не узнаешь!
Какой тонкой художественный тактъ
въ знаніи того, что можно оставить
безъ перемъны, что надо переправить,
и изъ чего нельзя ничего сдѣлать! У-
дивительно ли, что этотъ человекъ
какъ-будто перестрѣлъ вновь и языкъ
и версификацію, съ такимъ успѣхомъ
уже перестроенные Карамзинимъ и
Дмитріевымъ, Жуковскимъ и Батюш-
ковымъ! Стихъ Пушкина—это въко-
вчяный образецъ, неумирающій типъ
русскаго стиха: не было и не будетъ
лучшаго. Искусство какъ искусство,
поэзія какъ поэзія на Руси—это дѣ-
ло Пушкина. Безъ него не было бы у
насъ поэзіи; и это потому, что онь
былъ слишкомъ поэтъ, слишкомъ ху-
дожникъ, можетъ-быть, въ ущербъ
своей великости въ другихъ значені-
яхъ. И вотъ почему—повторяемъ—
отъ него ведемъ мы русскую поэзію и
называемъ его первымъ, даже по вре-
мени, русскимъ поэтомъ...

Такъ думаемъ мы о развитіи рус-
ской поэзіи и русской литературы:
ея исторія, по нашему мнѣнію, есть
исторія ея усилій отъ искусствен-
ности и подражательности перейти къ
естественности и самобытности, изъ
книжной сдѣлаться живою и обществен-
ною. Это продолжается и теперь, но
уже въ другой сферѣ—въ сферѣ «воз-
веденія въ перлъ созданія прозы жи-
вля». И скоро наступитъ время, ког-
да совсѣмъ рѣшится эта задача и ко-
нчится эта работа. Уже и теперь за-
явлено новое требованіе отъ искусства
— требованіе разумнаго содержанія,
которое соответствовало бы историче-
скому духу современности. И уже
являлся-было на Руси новый великій
поэтъ, въ первяхъ, еще юныхъ и не-
зрѣлыхъ произведенійхъ котораго
проявлявали полнота и богатство
глубокаго содержанія; при художествен-
ности формъ, достѣпной предъимиа
Пушкина; но преждевременная смерть

незапно рушила надежды, которахъ
не было конца и мѣры...

Прекрасное погнбло въ пыльномъ цвѣтѣ:
Таковъ удѣлъ прекраснаго на свѣтѣ!

Таковъ, въ-особенности, приближи
мы, удѣлъ замчатѣльнѣйшихъ рус-
скихъ талантовъ...

Повторяемъ: такъ думаемъ мы о
развитіи русской поэзіи и литературы,
и такъ многіе могутъ теперь думать
объ этомъ предметѣ. Въ этомъ слу-
чѣе, мы дали нашимъ читателямъ
фактъ объ одной сторонѣ современной
русской критики. Дай Богъ, чтобъ
это была сторона *свѣтлая*! Чтѣ же до
темной,—ея грустною картинною мы
заклѣчимъ нашу статью... Теперь же
перескажемъ, какъ думали современ-
ники о фазисахъ русской литературы,
которыя мы слегка означили. Это бу-
детъ исторію русской критики.

Исторія русской критики та же,
что и исторія русской поэзіи и ли-
тературы: постепенное стремленіе въ
эха господствующихъ въ Европѣ из-
внѣй перейти въ самобытнѣй взглядъ
на искусство. Посему, русская кри-
тика такъ же носитъ въ себѣ элемен-
ты всевозможныхъ чужихъ националь-
ностей, какъ и русская поэзія. Пре-
жде, а отчасти и теперь, это, съ одной
стороны, можно ставить ей въ недо-
статокъ; но со временемъ, изъ этого
недостатка выйдутъ великія следствія.
Мы уже и теперь не можемъ удовле-
творяться ни одною изъ европейскихъ
критикъ, замѣчая въ каждой изъ нихъ
какую-то односторонность и исклю-
чительность. И мы уже имѣемъ неко-
торое право думать, что въ нашѣ
солютъ и примирителъ все эти одно-
сторонности въ многостороннее, ор-
ганическое (а не пошлое *эклизиастиче-
ское*) единство. Можетъ-быть, и на-
значеніе нашего отечества, въ нашѣ
великой Руси состоятъ въ томъ, чтобъ
слить въ себѣ все элементы всемір-
но-историческаго развитія, доселѣ по-
ключительно являвшася только въ
Западной Европѣ. На этомъ условіи,
на общааніи этой великой будущности

наша скромная роль учениковъ, подражателей и перенимателей не должна казаться ни слишкомъ-смирненною, ни слишкомъ-незавидною... На томъ же основаніи, не будемъ отчаяваться и за нашу критику, видя, что она часто бросается изъ крайности въ крайность и падаетъ то чепорнымъ аббатомъ XVIII вѣка, то взмеченнымъ буршею, съ длинными растрепанными волосами на плечахъ, съ трубкою во рту и дубиною въ рукѣ, то неистовою выхажкою юной французской литературы, съ восторженною рѣчью, блуждающими взорами, бѣшенными движеніями; не будемъ отчаяваться, видя ее въ развоцвѣтней мантін, спитой изъ разныхъ лоскутковъ... Лучше порадуемся; что въ ней есть жизнь и движеніе; что она кипитъ и пѣнится... Дайте время, она отстетъ... Пока не установилось еще искусство, критика не можетъ быть готова: нашей въ особенности много еще нужно фактовъ, много опытности, чтобъ возмущать, обривнуть и получить собственную, оригинальную «физиономію»...

Сначала, у насъ самовластно царилъ критика французская. Украшенное подражаніе пришло: вотъ начало, прежде всего усвоенное отъ Французовъ XVIII вѣка нашею критикою; отъ себя прибавили она къ нему своего собственного — искаженный языкъ, тяжелый и шероховатый стиль и «шпятичесія вольности». Все это дѣлалось во имя господина-Буало, который весьма бы удивился, еслибъ могъ узнать, какъ у насъ проказили во имя его. Впрочемъ, и у насъ были люди болѣе или менѣе понявшіе глубоко французскую теорію искусства, какова бы она ни была. Изъ нихъ всѣхъ примѣчательнѣе Мерзляковъ; но о немъ мы еще будемъ говорить въ своемъ мѣствѣ, а теперь выйдемъ съ начала.

Первый «святскій» поэтъ на Руси былъ Кантемиръ — сатирикъ. Какъ литературы искусственная и подражательная, русская литература не могла начаться съ другаго какого-либо рода поэзіи, кромѣ сатиры. Причина

этого, сверхъ того, заключалась и въ историческомъ положеніи русскаго общества. Борьба вѣшняго, формально-понимаемаго европеизма съ роднымъ, въками взлетаннымъ азіатскимъ варварствомъ, не могла не вызвать сатиры. Въ-слѣдствіе этого, сатирическое направленіе Кантемира не было ни случайнаю, ни вредно, но было необходимо и чрезвычайно-полезно. Отъ-того оно и укоренилось въ нашей литературѣ. Отсюда же можно объяснить, почему Сумароковъ въ массѣ общества имѣлъ гораздо-большій успѣхъ, чѣмъ Ломоносовъ — человекъ неизвѣрно высшій Сумарокова. Направленіе перваго было болѣе-ученое и книжное, а втораго болѣе-жизненное и общественное. Сумароковъ, желая быть «россійскимъ господиномъ-Вольтеромъ», писалъ во всѣхъ родахъ; онъ же былъ и первымъ русскимъ критикомъ, ибо первый, такъ или сякъ, выражалъ печатно свои понятія объ искусствѣ и литературѣ. Это онъ сдѣлалъ въ предисловіи къ своему «Димитрію Самозванцу», и въ отдѣльныхъ журнальныхъ статьяхъ, ибо Сумароковъ былъ и журналистомъ — издавалъ «Трудолюбивую Пчелу»... О чемъ не писало, т. е. о чемъ не высказывало своего мнѣнія живое, раздражительное, безпокойное самолюбіе этого человека! Перелистывать, отъ нечего дѣлать, его прозаическія статьи — истинное наслажденіе: столько въ нихъ добродушнаго, давняго, въющаго лукомъ того давно прошедшаго для насъ времени, давно-умершаго общества! Прозаическія статьи Сумарокова столько же интересны и забавны, сколько случайны и тяжелы его вздорныя трагедіи. Самую интересную сторону литературной дѣятельности Сумарокова составляетъ ея водеическое направленіе, источникомъ котораго былъ его раздражительно-самолюбивый характеръ, все относившій къ себѣ и все выводившій изъ себя. Это самое и заставляло его хвататься за все. Онъ рашительно почиталъ себя *россійскимъ господиномъ-Вольтеромъ*, и кромѣ себя и *господина-Вольтера* никого

не хотѣлъ знать, ничего не признавалъ авторитета. Онъ писалъ къ нему о разныхъ литературныхъ предметахъ, и получая лестные отвѣты состорожи еврейскаго оракула XVIII вѣка, еще болѣе узырлся въ своемъ гени и своей всебъемлемости.

Здѣсь мы не считаемъ лишнимъ сдѣлать перечень всему, что написалъ Суворовъ: *переложенній вѣдомое* — 158; *оды духовнаго содержания* — 33; *торжественныя оды* — 33; *разныхъ оды* — 36; *вздорники оды* (пародіи на Ломоносова) — 5; *трагедій*: — 9 («Хоревъ», «Гамлетъ», «Сивакъ и Труворъ», «Артистова», «Семира», «Янополькъ и Аннина», «Вышеславъ», «Дмитрій Самозванецъ», «Метиславъ»); *одну драму* («Пустьинскій»); *два оперы* («Альцеста», «Цезарь и Прокрисъ»); *одну прологу* («Новыя Лавры»); *одну балету* («Прѣбънице Добродѣтели»); *комедій* — 12 («Опекуна», «Лихонякъ», «Три брата совѣстники», «Яловитій», «Нарцисъ», «Придакое обманомъ», «Чудовища», «Тресотивичъ», «Пустая Ссора», «Рогоносецъ по воображенію», «Мать Совѣстница Дочери», «Вздорщина»); *притчей* — 378; *сатиръ* — 10; *эпистолъ* — 7; *эклогъ* — 66; *идиллій* — 7; *пѣсень и хороговъ* — 126; *алегій* — 27; *тансовъ* — 4; *сонетовъ* — 9; *эпиграммъ, апитафій, надризаловъ, загадокъ, надписей и разныхъ мелкихъ стихотвореній* — 216. Это по части стихотворства! А вотъ и по части прозы: «Слово похвальное о государѣ императорѣ Петрѣ Великомъ». «На день коронованія св. величества императрицы Екатерины II», «Е. И. В., государю великому князю Павлу Петровичу»; «Е. И. В. государынѣ Еларинѣ Алексевнѣ, императрицѣ и самодержицѣ всероссійской»; «На открытіе императорской Санктпетербургской Академіи Художествъ», «На заложеніе Кремлевскаго Дворца», «О любви къ ближнему», «На день востества на престолѣ Е. В., государынѣ императрицы Екатерины II»; «Мнѣніе по свидѣнію о

Французскихъ трагедіяхъ»; «Краткая московская летопись», «Первый главный скрывающій бунтъ», «Краткая Исторія Петра Великаго», «Нѣкоторыя статьи о добродѣтели», «Основаніе любомудрія», «О российскомъ духомъ красноречія», «О переподданіи и созданіи Москвы», «Истолкованіе личныхъ именъ, я, ты, онъ, мы, вы, они», «О несогласіи», «О разности между пылкимъ и острымъ разумомъ», «О неестественности»; «Россійскій Владеенъ», «О разумномъ человеческомъ по мнѣнію Локка», «О типографскихъ наборщикахъ», «О несправедливостяхъ основанійхъ», «Разговоры мертвыхъ»; *писемъ*: «О красотѣ природы», «О большихъ басняхъ», «О гордости», «О скорости и медленности», «О жестокости», «Четыре оцѣта», «Объ остроумномъ словѣ», «О тѣни романовъ», «О некоторой зараздельной болѣзни», «О думномъ дѣлѣ», «Сокъ счастливое общество», «О констахъ», «Письмо»; «Разговоръ въ царствѣ мертвыхъ между Александромъ и Геростратомъ», «Разговоръ въ царствѣ мертвыхъ: Кортецъ и Монтедучи»; *Благость и милосердіе доброты героямъ*, «О истребленіи чужихъ словъ изъ русскаго языка», «О стихотворствѣ Камчадаловъ», «О коронныхъ словахъ русскаго языка», «Части 3. изъ 1 рчи Смотрителя (въ прозѣ, переводъ изъ какого-нибудь англійскаго зрителя Spectator)»; «Пришествіе на нашу землю и пребываніе на ней Микромегала; изъ сочиненій г. Вольтера», «Письмо къ артиллеріи г. подполковнику Петру Богдановичу Тютчеву», «Къ полдечему, писцу или писарю, то-есть къ такому человеку, который пишетъ, не зная того, что онъ пишетъ», «Къ несмысленнымъ речемъ», «Сонъ», «Сонъ», «Сонъ», «Блуждѣ», «Переводъ писема г. Сумарокова, писанаго имъ же на немецкомъ языкѣ къ пріятелю», «Переводъ видстои руссійскимъ ратникамъ, писанной на французскомъ языкѣ г. Сентидола», «О казни», «Господину Царю, могъ нашъ бывшій разговоръ», «Издъ Вели-

жрѣя глѣна Ю», «Противурчїе г. Притчасу», «О всегдашней ревности въ продажѣ товаровъ», «Разговоръ между ученикомъ и старою женщиною», «Разговоръ Иркинуса и Касандръ», «Предложеніе разумнымъ Россїанамъ о принятїи новаго исчисленїа времени», «О путешествїяхъ», «О молѣ», «О правописанїи», «Примчанїе о правописанїи», «Наставленїе ученикамъ», «О стопосложенїи», «Критика на оду», «Разсмотренїе одъ г. Ломоносова», «Отвѣтъ на критику», «О происхожденїи росейскаго народа», «Пененїи и Писмена», «О новой «илософической соитѣ», «Къ добру или худу человекъ рождается», «О безбожїи и безчеловѣчїи», «О слова мораль», «О почтенїи автора къ приказному роду», «О происхожденїи слова царь», «О суетварїи и лицемерїи», «О пребыванїи въ Москвѣ Монбрана», «Странное облыкновенїе», «О критикѣ», «О домостроительствѣ», «Переводъ съ французскаго языка изъ чужестраннаго журнала мѣсяца апрѣля 1755 года, стран. 114 и слѣдующїи, напечатаннаго въ Парижѣ: Синавъ и Труворъ росейскаго трагедїа, сочиненная стихимъ г. Сумароковымъ», «Наставленїе младенцамъ: мораль, исторїа и географїа» (итого 88 статей).

Мы не безъ намѣренїа привели здѣсь этотъ полный переченьъ сочиненїи Сумарокова. Такая дѣятельность изумительна въ человекъ того времени! Голы и здравый смыслъ давно уже произнесли свой судъ надъ поэтическими произведенїями Сумарокова: ихъ теперь невозможно читать, не смотря на то, что современники имъ восхищались. Однакожъ никакъ нельзя презирать и трудомъ современниковъ, обязаннѣйшихъ сочиненїямъ Сумарокова своею грамотностїю и—что особенно важно—своею склонностїю въ благородному наслажденїю чтенїемъ и театромъ. Слѣдовательно, поэтическія сочиненїа Сумарокова, и ко будучи читаемїи, должны остаться навсегда «янтюмъ исторїи русской литературы и образованїа русскаго общества: Что

же касается до собственно-литературныхъ статей Сумарокова, оныя чрезвычайно-интересны и для нашего времени, какъ живая отголосекъ давно-прошедшей для насъ эпохи, одной изъ интереснѣйшихъ эпохъ русскаго общества. Сумароковъ обо всемъ судилъ, обо всемъ высказывалъ свое мнѣніе, которое было мнѣніемъ образованнѣйшихъ и умнѣйшихъ людей того времени. Плохой поэтъ, но порядочный по своему времени стихотворецъ, характеръ мелкій, завистливый, хвастливый, задорный и раздражительный, —Сумароковъ все-таки былъ человекъ умный и притомъ высоко-образованный въ духѣ того времени. И потому въ его прозаическихъ статьяхъ много «янтювъ о состоянїи общества и духѣ его эпохи. Въ нихъ онъ является критикомъ въ многостороннемъ значенїи этого слова, какъ судїа не только искусства и литературы, но и мнѣній и нравовъ современнаго ему общества. Посему, говоря о русской критикѣ, мы никакъ не могли обойти первого (по времени) ея представителя—Сумарокова. Мы должны взглянуть, хотя мимоходомъ, на тѣ изъ его сочиненїи, гдѣ онъ является критикомъ и полемиическимъ мыслителемъ. И мы убѣрены, что послѣ нашихъ указанїи, многіе захотятъ покороче познакомиться съ прозаическими сочиненїями Сумарокова и пожалуютъ, что они изданы Новиковымъ безъ толку, безъ плана, съ страшными опечатками и искаженїями смысла, безъ примѣчанїи, и что теперь никому нѣтъ въ силѣ всѣхъ сочиненїи Сумарокова какъ слѣдуетъ, и главное—съ необходимыми поясненїями и примѣчанїями. Вообще, надо замѣтить, что компактные дешевыя изданїа старинныхъ русскихъ писателей, играющихъ въ глазахъ своихъ современниковъ болѣе или менѣе важную роль, были бы очень полезны для литераторовъ, которымъ необходимо знать основательно исторїю отечественной литературы и роднаго языка. Въ царствованїе Екатерины было много пишущаго народа и однако немногіе пользовались огром-

ною известности: знать, что въ нихъ было нечто соответствовавшее ихъ эпохѣ и удовлетворявшее ея требованіямъ. Пусть вкусъ эпохи бываетъ иногда ложенъ, но эпоха всегда важна для человека, и самыя заблужденія ея всегда представляютъ любопытный и поучительный фактъ для мыслителя. Смѣшно и жалко видѣть безплодныя усилія старичковъ прошлаго вѣка возстановить славу кормильцевъ ихъ юности на счетъ славы новыхъ талантовъ; смѣшно и жалко видѣть, какъ они сидятся: соблазнить новое поколѣніе умершею поэзіею прошедшаго; но въ то же время, можно уважать имена труженниковъ, которые своими сочиненіями, каковы бы они ни были, размножали въ обществѣ число грамотныхъ людей, возбуждали въ немъ любовь къ благороднымъ наслажденіямъ, и способствовали къ произведенію того, что называется «публикою» и безъ чего невозможно никакая литература. Такимъ образомъ, желательно было бы видѣть издашіе въ одинаковомъ форматѣ, компактное и дешевое, не только Ломоносова (старинныя и неопытныя, притомъ и не совсѣмъ - полныя изданія котораго составляютъ теперь библиографическую рѣдкость), или Державина (Смирнинское изданіе котораго такъ неудачно и такъ бесполезно, ибо въ немъ пьесы расположены по родимъ, а не по времени ихъ явленія), или Фонвизина (который издавъ г. Сааевымъ довольно толковито, но безъ переводовъ этого писателя), или Озерова (котораго всѣ изданія уже устарѣли); но и Кантемира, и Тредьяковскаго, Поговскаго, Сумарокова, Хераскова, Муравьева, Петрова, Боглаповича, Книжнина, Кострова, Плавильщикова, Ильина, Иванова, Макарова и другихъ; еще желательное, чтобъ все это было издаваемо съ примѣчаніями и поясненіями, какъ издаютъ свои отарическія писателей Французы.

Мы обратимъ вниманіе только на тѣ статьи Сумарокова, въ которыхъ видны понятія того времени объ искусствѣ, или которыя, при полемиче-

скомъ тонѣ, характеризуютъ общество его времени.

Первое мѣсто между этими статьями Сумарокова должно занимать его предисловіе къ «Димитрію Самозванцу». Тонъ этого предисловія самый полемическій и устремленъ противъ такъ-называвшейся у насъ старину «слезной комедіи», что называлась въ Европѣ мелодрамою. Известно, что мелодрамы были въ старинномъ говорѣ въ XVIII вѣкѣ, и тогдашніе судьи и теоретики искусства столько же не терпѣли ихъ, сколько любила ихъ та часть публики, которая цѣнила литературныя произведенія по мѣрѣ доставляемаго ими наслажденія, а не по пиктикѣ Буало. Сумароковъ, въ свою очередь, не могъ не ненавидѣть ихъ, и одна изъ нихъ «Евгенія», переведенная какимъ-то московскимъ чиновникомъ, имѣла значительный успѣхъ на сценѣ, что еще болѣе возставило противъ нея ревниваго ко всякому чужому успѣху Сумарокова. Въ его филиппикѣ противъ этой драмы выказывается и понятіе объ искусствѣ знатоковъ того времени, и нравы общества, и характеръ самого Сумарокова. Выписываемъ ее вполнѣ, тѣмъ болѣе, что она не велика:

Слово публика, какъ изгдѣ и г. Вольтеръ изъясняется, не знаменуетъ цѣлаго общества, но часть малую оного: то есть людей знающихъ и вкусъ имущихъ. Если бы я писалъ о вкусѣ диссертацию, я бы сказалъ то, что такое вкусъ, и изъяснилъ бы оное; но здѣсь дѣло не о томъ. Въ Парижѣ, какъ извѣстно, невидѣть не надо, какъ и вездѣ; ибо вселенная по большаго части ни исполнена. Слово чернь принадлежитъ низкому народу, а не слово подлой народъ; ибо подлой народъ суть каторжники и прочіи презрѣныя творья, а не ремесленники и земледѣльцы. У насъ сіе имя всѣмъ тѣмъ дается, которые не дворяны. Дворянствъ! великая важность! Разумный священникъ и проповѣдникъ величества божіаго, или кратко богословъ, естествословъ, астрономъ, риторъ, живописецъ, скульпторъ, архитекторъ и прочее по сему оному положенію члены черни. О несчастная дворянская гордыня! достой-

или превратить въ порупианъ! Неблизкая черта
 есть невзрачность, хотя бы они и великия чин-
 ны были. Бонифацио презрѣо, и дедки бы
 свой родъ, отъ Зенаро и Юлиано, которыхъ
 никогда не бывало; отъ сына Филиппова
 побдителя или паче разорителя вселен-
 вой, отъ Юлія Цесаря утвердившаго сла-
 ву римскую, или паче разрушившаго оную.
 Слово публики и тамо, гдѣ гораздо много
 ученыхъ людей; не значить ничего. Лю-
 довикъ XIV далъ Нарвису золотой вѣкъ во
 словъ отометевъ; но по смерти его вкусъ
 шло по малу стать вичесать. Не исчезъ
 еще; ибо видимъ мы оного остатокъ въ г.
 Вольтера и во другихъ французскихъ пи-
 сателяхъ. Трагедіи и комедіи во Франціи
 пишутъ; но не видно еще ни Вольтера, ни
 Молиера. Ввелся новый и пакостный родъ
 слезныхъ комедій: ввелся тамъ; но тамъ не
 исторгнуты стмена вкуса Расинова и Мо-
 лиерова: а у насъ по театру почти еще и
 начала вѣтъ; такъ такой скаредный вкусъ,
 а особливо вкузу великія Евтеримъ не
 признававши. А дабы не внуистъ оного,
 писалъ я о театрахъ драмахъ къ г. Вольте-
 ру; но они, въ сіе краткое время впол-
 зли уже въ Москву, не смѣя появиться въ
 Петербургъ: нашли всенародную похвалу
 и рукоплесканіе, какъ скаредно ни пере-
 ведена Евгения, и какъ нагло актриса подъ
 именемъ Евгеніи бахтанту ни изображала:
 а сіе рукоплесканіе переводчикъ оныя дре-
 вы, какой-то подъячій, до небесъ возно-
 сить, соплетая зрителямъ похвалу и утвер-
 ждая вкусъ ихъ. Подъячій сталъ судією
 Нарвеса и утвердителемъ вкуса московской
 публики!... Конечно скоро преставленіе
 свѣта будетъ. Но неужели Москва болѣе
 повѣритъ подъячелу, нежели г. Вольтеру
 и мнѣ: и неужели вкусъ жителей москов-
 скихъ сходнее со вкусомъ сего подъячелу!
 Подъячелу соплетать похвалы вкуса кня-
 жичей и господичей московскихъ, толь
 малозначство; коль не пристойно лаять, хо-
 тя и придворному, мои писни, безъ моей
 воли, портить, печатать и продавать, или
 противъ воли еще пребывающаго въ жи-
 зни автора портить его драмы, и за порчу
 собирать себѣ деньги, или съязвавши-
 ся видѣть Сенару, сидѣть вокалъ самаго
 оркестра: и грызть орехи, и думать, что
 когда въ влодѣ деньги заплачены въ позо-
 рище, можно въ партеръ въ кулички бѣт-
 ся, а въ ложахъ рассказывать исторію сво-
 сѣмичицамъ проигранію, и грызть орехи;
 можно и дома грызть орехи: а публико-
 вать газету весьма малозначица; можно и

въ театре; ибо такими талочни ка: хо-
 му довольно времени пишутъ. Многие въ
 Москвѣ зрители и зрительницы не для во-
 ле на позорище вѣдять, дабы имъ слы-
 шать невужныя имъ газеты; а грызевіе ореховъ
 не приносятъ имъ удовольствія, ни
 зрителямъ разумнымъ, ни актерамъ, ни
 трудившемуся въ удовольствіе публики ав-
 тору: его служба награжденія, а не нака-
 занія достойна. Вы путешествователи, быв-
 шіе въ Парижъ и Лондонъ, скажите! гры-
 зуть ли тамъ во время представленія дра-
 мы орехи; и когда представленіе въ ку-
 щемъ жаръ своею, слытъ ли поссера-
 шихся между собою пьяныхъ кучеровъ,
 ко тревогъ всего партера, ложъ и театра.
 Но какъ то ни есть: я жалю, что не имѣю
 копію съ посланнаго къ г. Вольтеру пись-
 ма, бывъ тогда въ крайней разстройкѣ,
 и крайне боленъ, когда князь Колдовскій,
 отъѣзжавшій къ г. Вольтеру, по письму ко
 мнѣ захвѣлъ: я отдать мой подлинникъ,
 ниже ево на было переписавъ; однако от-
 вѣтное письмо сего отличнаго актора и
 следственно отличнаго и знатока, нѣсколь-
 ко моихъ вопросовъ заключаетъ: а особли-
 во что до скаредной слезной комедіи ка-
 сается. А ежели ни г. Вольтеру, ни мнѣ
 кто въ этомъ повѣрять не хочетъ; такъ я
 похвалю и такой вкусъ, когда щи съ са-
 харомъ кушать будутъ, чай пить съ солью,
 кое съ чеснокомъ: и съ молочною сово-
 куплять панаиду. Между Талин и Мельпо-
 мены различіе таково, каково между днд и
 ноци, между жара и стужи, и какая между
 разумными зрителями драмы и безумными.
 Не по кодачеству голосовъ, но по качеству
 утверждается достоинство вещи: а каче-
 ство имѣетъ основаніе на истинѣ.

Достойной похвалы неужли не умалитъ!
 А то не похвала, когда неужли хвалитъ!

За тѣмъ слѣдуетъ письмо Вольтера
 въ подлинникъ. Вотъ слова Вольтера
 касательно мелодрамы: «Со временъ
 «Ренара, который былъ рожденъ съ
 «истинно-комическимъ гоніемъ и олицъ
 «нѣсколько приблизился къ Мольеру, я
 «насъ были только одна чудина. Ав-
 «торы, неспособные написать даже по-
 «средочной шутки, хотѣли писать съ
 «медіи, чтобъ только приобрести деньги
 «сти. Не имѣя достаточной силы ума,
 «чтобъ сочинять трагедіи, ни довольно
 «всѣлоути, чтобъ писать комедіи, —

«они не угадали добиться извѣстности и славы между лажнами. Тогда они начли выставлять трагическія прошекетствія подѣ иташанскими ииесами. Говорятъ, будто въ этихъ пьесахъ есть интересъ и будто они возбуждаютъ вниманіе зрителя, если хорошо играютъ; можетъ быть; впрочемъ, я никогда не могъ ихъ читать; но утверждать, будто актѣры производятъ извѣстную иллюзію. Это незаконно-средненнимъ пьесы — яи трагедія, яи комедія; когда нѣтъ лошадей, то считаешь себя счастливымъ, если можешь вѣхать на мулахъ».

Похваставшись письмомъ Вольтера, Сумароковъ оканчиваетъ свое предисловіе слѣдующимъ разсмотрѣніемъ содержанія «Евгенія»:

«Содержаніе сей слезной комедіи есть слѣдующее. Молодой, худо воспитанный и нечестосердечный графъ изъ Лондона распалился красотою дочери нѣкоего небогатаго дворянина, и велѣлъ своему слугѣ себя съ нею обвѣнчать: она оброчталась, а онъ возвратился въ Лондонъ и помолвивъ жениться на какой-то знатной двинцѣ, собирается на это сочетаніе; первая его супруга прѣехала въ его домъ: свѣдала, что ожитель ея съ другою бракомъ сочетается: бѣгаетъ растрепавъ волосы: она плачетъ, отецъ сердится: въ домъ иной плачеть, иной хохолетъ: наконецъ сожнтель ея сей повѣся и обманщикъ достойный висѣлицы за поруганіе религіи и дворянской дочери, которую онъ плутовски обманулъ, обманываетъ другую невесту, знатную двинцу: вводитъ изъ бездѣльства въ бездѣльство: отказываетъ невестѣ, и вдругъ переизмѣнивъ свою систему опять женится вторично на первой своей женѣ; но кто за такого гнуснаго человѣка поручится, что онъ на завтра еще на комъ-нибудь не женится, ежели правительство и духовенство его не истребятъ. Сей мерзкой повѣся не слабости и заблужденію подверженъ, но безсовѣстности и злодѣянію».

Изъ самого этого изложенія видно, что пьеса «Евгенія» самая моральная: повѣся рассказываетъ и бранитъ заглаживающаго свой проступокъ; но сама критикъ наказъ не хочетъ простить ему ружомосеканій московской публи-

ки, а укоряетъ ея, ищетъ въ ней моды. Онъ даже ругнулъ порочить и иитриссу, и то, что она славномъ хорошо играла роль Евгенія. Такие критики не рѣдкость и въ наше время...

Выраженія: «Неужели Москва болѣе повѣритъ подлѣчному, нежели г. Вольтеру, и миль» и «А смѣли на г. Вольтеру, ии миль кто въ этомъ поговаритъ не захочеть» и пр., показывають достаточно, какъ думалъ Сумароковъ о самомъ себѣ. Въ выходную его самолюбій есть какая-то наивность и достолюбезность: это не столько наглое самохвальство, сколько тщаніе въра въ свою великость. Въ этомъ отношеніи, особенно забавна его статья «Отвѣтъ на критику», которая начинается такъ: «Не надлежало бы мнѣ отвѣтствовать на сочиненію прѣятнѣв меня г. Т. критику; ибо я въ ней кромѣ брани ничего не нашель; однако надо его потѣшить и что-нибудь «на то написать, чтобъ онъ не подумалъ, что я его такъ много уничтожю, что ужъ и отвѣчать не хочу». Вотъ нѣсколько возраженій Сумарокова на эту критику, хорошо характеризующихъ вообще критику того времени:

«Не двалось говорить онъ (арторъ критики), что поступка нашего автора, безъири сходствуетъ съ нѣкоторъ его волевою, съ движеніемъ очей, съ обращеніемъ языка и съ біеніемъ сердца. О какомъ онъ говоритъ біеніи сердца, того я не внимаю, въ прочтемъ сія возмодная критика очень преслава!»

«Не думаетъ ли онъ, — говоритъ онъ обо мнѣ, чего онъ самъ стоить, и что онъ имѣетъ тотъ, противъ коверга онъ имѣетъ еяи снусталъ свосвольную въ лицеи: свосвольну?» — Думаю.

Привода въ критикѣ онъ стрелу изъ которой оды г. Л. не удивляю, онъ что авторъ надреплующи называетъ дѣлами, хета то и совершенно итѣсно, что авторъ надреплующи олами называетъ дѣлами; онъ подумалъ, что то сказано о людяхъ. А строга сія очень ясна.

Привалался онъ къ тисогрѣсденію дѣлн погрѣшности, какъ будто калѣ дѣлалъ. Надлежало написать уиловать, ея, а онъ

кою вычтено удобствъ себѣ, и высто
удобствъ вычтено удобствъ: какъ же по-
думать, чтобъ поруко ошибку кто-нибудь
сдѣлать могъ, кто хотя немного о стило-
твореніи слышалъ, а другую, кто хотя на-
сидѣлъ во Русскіи языгъ.

«И хотя оды свойство, говорить онъ,
но ищию автору, что она

Влетаетъ къ небсамъ, свергается во адъ,
И мчится въ быстротѣ во всѣ края все-
лenny,

Врата и пути всадъ живють отворенны.

Видитъ нехъ девять мнѣхъ смисловъ.
Одну отъ сіе не значить, чтобъ съ со-
нхъ не въ створѣхъ, какъ угорлой ко-
нхъ». Я какъ угорала кошка не сухю,
а поддому, изъяснхю, какъ угорлой ко-
шихъ, промъ его сочиненій ни въ какой
критикъ мѣста не нахожу.

Говоритъ онъ о мнѣ моими стихами:

Нать тайны никакой безумственно пи-
сать,
Искусство, чтобъ свой слогъ неправо
предлагать,

Чтобъ мнѣхъ творца воображалось ясно,
И речи бы текли свободно, и согласю.

Ие второй мнѣ девять мнѣхъ смисловъ.
Я не знаю, къ кому сіи стихи, ко мнѣ или
къ кому больше приличествуютъ. Пѣсенка:

Поють птички
Со синички,
Хвостомъ машуть и лисички.

Пилю на суку
Морску суку,
Держись червѣй и знай штуку.

Кажется мнѣ не дутче мнѣхъ сочиненій.

Изъ послѣдняго возраженія ясно вид-
но, что г. Т., написавшій на Сумаро-
кова такую громкую критику, есть ни
кто иной, какъ профессоръ аловенціи,
а паче всего хитростей политическихъ,
бессмертный Василій Кирилловичъ
Тредіаковскій.

Этими, эта, это, за (вмѣсто) сей, сія,
снѣ, ивнѣ (почтимо) я за вольность, что въ
оныхъ мнѣхъ нехъ, а въ трагедіяхъ, въ
нѣкоторыхъ мѣстахъ полагать можно, ибо
нѣкоторые слова не чужестранныя и непростона-
родныя: да я жъ владу (употребляю) ихъ
очень радо.

Вместо брани, есть вольность
же, такъ же смисловъ, и прочее: а
брани есть и весьма вольность владу;

ибо хотя браніи и правнхнхъ, смнхн
бранихъ; аднхо высто бранихъ оспра-
щиво бранихъ еще употреблхныя, не
жели брани: влду, влду бранихъ я эдѣхъ
ехъ удобность ево положилъ мнѣхъ. А я
употреблхню съ тахнми же слдую рече-
нхми, какъ и правнхамъ: правнхнхъ сло-
ва дѣлають чистоту, а употреблхными
слова нѣхъ склади грубость выгонхють, на
примвръ: Я люблю сего, и ты любнхъ
другова есть правнхно, но грубо. Я люб-
лю этого, а ты другова. — Отъ употребл-
нхя и нахнхнхъ трехъ слоговъ то и смѣе
слышнхсъ прхвнхле. Вотъ дѣла чего я смѣе
далду, а не отъ нахнхнхъ, какъ глхнахъ на
меня г. Т. говорить изволхтъ.

Кладеть въ пороки, что я пишу оныхъ
за нахи; но прихвнхо ли положхтъ въ ротъ
двнхцъ семхвдхцати лѣтъ, когда она въ
крайнѣй съ любовнннхкомъ разговархветъ
страсти, между нѣхнхныхъ словъ нахи, а
оныхъ слово совершенно употреблхтельное,
и ежели не писатъ оныхъ за нахи, такъ и
котохнй, котораъ, которое, надобно от-
ставхть и вмѣсто того употреблхтъ къ пре-
великому себѣ похвхшеству. не употреби-
тельныя выхъ слова мнѣхъ, лжѣ и смѣе, ко-
торыхъ хорошо слышнхсъ въ церковныхъ
нашнхъ кнхгахъ, и очень будутъ дурны,
не только въ любовныхъ, но и въ герой-
скихъ разговорахъ.

Особенно примѣчательны въ этой
антикритикѣ Сумарокова слдующіи
слова объ авторѣ критики, т. е. Тре-
діаковскомъ: «Меня онъ лучше всѣхъ
«не любить, за нѣкоторыя въ одной мо-
ей эпистолахъ стихи и за комедію, ко-
торая онъ беретъ на свой счетъ. Пу-
скаей ево беретъ, а я въ томъ, что не-
къ нему это сдѣлано, клхсться прича-
сны не имѣю. Я то писалъ такъ, какъ
«вездѣ писать позволено, хотя бѣ то и
«о немъ было: однако я не говорю, что
«то о немъ писалъ, можетъ - быть о
«немъ, а можетъ-быть и не о немъ». Здѣсь дѣло идетъ о комедіи «Тресотниусъ», въ которой подъ именемъ
педагга Тресотниуса дѣйствительно
выведенъ Тредіаковскій, и въ которой,
какъ во всѣхъ комедіяхъ Сумарокова,
нѣтъ ни яравовъ времени, ни характе-
ровъ, ни комхзмъ, ни остроумія, ни
правдоподобія, ни здраваго смисла:
Вотсственно, что Тредіаковскій осо-

еще напасть на комедию, въ которой увидать павлиль на себя.

Жестоко злобась и браня меня, говоритъ она, кто *Tresottimus* мой изъ Гольберга. Качить же образомъ подъ именемъ *Tresottimus* находить онъ себя, ежели сія комедія взята изъ Гольберга; или онъ думаетъ, что у нихъ такой же Русской не знающій педантъ былъ, какой подъ именемъ *Tresottimus* у меня представляеть. А наипаче Брамарбасъ, по характеру своему взятъ изъ Терентіева Евуха, который комикъ не только грешскихъ комиковъ былъ подражателемъ, но почти переводчикомъ. Чтожъ имя Брамарбаса взято изъ Гольберга, и въ томъ онъ ошибается; ибо гольберговъ оицерь въ немецкомъ переводѣ сими называлъ именемъ, а въ дацкомъ подлинникѣ, онъ не Брамарбасомъ называется.

Хорезъ, говоритъ онъ, взятъ весь изъ Корнелія, Расина и Вольтера, а наипаче изъ Расиновой Федры. Это не правда; а что есть въ ней подражанія, а стиховъ пять-шесть есть и переводныхъ, что я и укрываю не имѣлъ замѣренія; для того, что то ни мало не стыдно. Самъ Расинъ, сей великій стихотворецъ и преславный трагикъ, въ лутчія свои тагедіи взялъ подражаніемъ и переводомъ изъ Еврипида въ *Ифигенію* *** стиховъ, въ *Федру* *** стиховъ, чего ему никто не поставитъ въ славу, да и ставить невозможно.

Гамлетъ мой, говоритъ она, не знаю отъ кого услышать, переводить съ французской прозы Англиской Шекспировой Трагедіи, въ чемъ онъ очень ошибся. Гамлетъ мой, кромѣ монолога въ окончаніи третьяго дѣйствія и Клавдіева на колѣни паданія, на Шекспирову трагедію едва, едва походитъ.

Епистола моя о Стихотворствѣ, говоритъ она, вся Волюва, а Боало взялъ изъ Горация. Нѣтъ: Боало взялъ не все изъ Горация, а я не все взялъ изъ Боало. Кто захочетъ мою епистолу сравнить съ Боалыми о Стихотворствѣ правилами; тотъ ясно увидитъ, что я изъ Боало можетъ быть не больше взялъ, сколько Боало взялъ изъ Горация, и что нѣчто изъ Боало взято, я въ томъ и заператься никогда не хотѣлъ.

Отъ Вольтеровыхъ двухъ стиховъ, которые я почти перевелъ и положить въ трагедію Хрреса, въ преместоную г. Т. вступилъ ярость, двавонъ протѣя восмишленія, и протѣя неистовства: а дѣло все

состоитъ, что въ печати не въ томъ мѣстѣ поставлена запятая.

Кромѣ языка и тона, тутъ и весь кодексъ искусства въ литературѣ того времени: взятъ цѣликомъ изъ него, сюжетъ чужаго сочиненія, перевести цѣлыя мѣста изъ него, — это не считалось похищеніемъ и не умалало цѣны произведенія. И такъ дѣлалось не у однихъ у насъ: Французы нещадно обворовывали Грековъ, Римлянъ, Англичанъ и Испанцевъ, и изъ этого доррства не думали дѣлать тайны. Поэзія была сборомъ общихъ мѣстъ; ей можно было и учиться и выучиваться; собственно талантъ, какъ даръ природы, составляло стихотворство, а не поэзія. Чтобы писать стихи, особенно съ рифмами, нужно, если не таланта, то способности, по - крайней - мѣрѣ; чтобы выдумать сюжетъ поэмы или драмы, думно было только знать, въ подлинникъ, или переводъ, произведенія иностранныхъ поэтовъ: бери цѣликомъ и копируй — это значило «сочинять». Даже подражать рабски отечественнымъ писателямъ значило быть поэтомъ наравнѣ съ тѣми, которые въ состояніи были сами изобрѣтать. И въ смыслѣ поэзіи, какъ сбора общихъ мѣстъ, Сумароковъ былъ совсѣмъ не плохой поэтъ для своего времени, на которое, поэтому, онъ и не могъ не имѣть сильнаго вліянія. Онъ зналъ хорошо французскій и немецкій языки, былъ хорошо воспитанъ и образованъ въ духъ своего времени; и будь у него не много побольше влусу, не много меньше самолюбія, да владалъ онъ русскимъ языкомъ хоть такъ хорошо, какъ владалъ имъ Ломоносовъ, — то, при своемъ жизненномъ и общественномъ направленіи, онъ рѣшительно затмилъ бы всѣхъ писателей своего времени и былъ бы, въ отношеніи къ тому времени, дѣйствительно необыкновеннымъ и достойнымъ серьезнаго изученія явленіемъ. Въ статьѣ Сумарокова «О пребываніи въ Москвѣ Монарха» есть пренанвно-выражающее мѣсто о «занимствованіяхъ». Ахъ, ахъ! Монархъ — не знаемъ; дѣло только въ

тошъ, что онъ, какъ образованный Французъ, хорошо былъ приидать въ лучшихъ московскихъ домахъ, и скоро обратилъ на себя общее вниманіе сменю болтовнею о томъ, что въ Россіи нельзя достать хорошаго бургонскаго вина, что честныхъ людей вѣтъ и быть не можетъ на свѣтѣ. Но больше всего взбѣсилъ онъ Сумарокова разговорами «о бездѣльствахъ г. Вольтера и г. маркиза Даржиниса и о вѣвѣжествъ послѣдняго». — «А разговаривалъ онъ больше всѣхъ со мною (говоритъ Сумароковъ), думая искоренить мое къ г. Вольтеру и къ г. Даржинису почтеніе. А не сбивъ меня съ моей дороги, солгалъ на меня, будто я говорилъ, что г. Вольтеръ окрадываетъ стихотворцевъ, чего онъ отъ меня никогда не слыхалъ. А погражаніе въ которому стихотворцу безславіе не прикоснеть. И я самъ изъ сочиненій г. Вольтера, г. Расина и г. Корнелия не такъ замѣтывалъ, что изъ одной моей трагедіи, которая на французской переведена языкъ, вѣсѣмъ довольно видно, а говорилъ я только то, что одна изъ новыхъ г. Вольтера трагедій, съ одной моей трагедіей очень сходна. Изъ сего не слѣдуетъ, что я возвышалъ себя и поносилъ г. Вольтера, котораго трагедіи по достоинству ихъ, похвалу себѣ у всей Европы заслужили».

«Мнѣніе во свидѣніи о французскихъ трагедіяхъ» есть настоящая критическая статья, кажется, писанная, по догадкѣ Новикова, къ Вольтеру. Форма критики затѣйлива въ духъ того времени, какъ то показываетъ и ея заглавіе и это маленькое предисловіе къ ней:

Разныя обстоятельства отвратили меня глочно отъ театра. Легче было мнѣ разлаться съ Талією, нежели съ прелюбезною Юсю Мелльмомевою; но я вынѣ и о ней редко думаю: не для того, что она мнѣ противна, но что она мила: а о той любовницѣ, которая мила, паче жизни, по заслуженіи вспомявати мучительно. Но кто отъ мучительнаго свидѣнія спастися можетъ? Востревожилъ меня сонъ, и извлекъ

Т. XXIV.—Отд. V.

изъ очей моихъ, во время своего продолженія, слезы. Былъ я свидѣніемъ на театральныхъ представленіяхъ парижскихъ, и видѣлъ нѣкоторыя трагедіи такъ живо, какъ на яву.

За тѣмъ, Сумароковъ начинаеть съ «Цицны» Корнелия, излагая, какія онъ, во время представленія, имѣлъ чувства и разсужденія. Потомъ слѣдуютъ замѣтки, что такой - то - де стихъ «преславенъ», и такой-то «скарденъ», что такой-то монологъ хорошъ, только дологъ, такое-то мѣсто «преизячиво», а такое-то «гнусно и подло»: Сумароковъ, какъ русскій человекъ, сильно выражался! Но почему онъ одно находить хорошимъ, а другое дурнымъ,—этого въ наше время никто не пойметъ: такъ переменчивы времена! Хвала особенно четьрехстиха изъ «Федры» Расина, нашъ критикъ восклицаетъ: «Едино сіе явленіе соплело бы вѣчныя Расину лавры, еслибъ онъ и ничего болѣе не писалъ!» Разбирая вольтерова «Брута», критикъ говоритъ: «Первое явленіе прекрасно. Во второмъ явленіи сіи стихи вкусъ нашъ назначали (*слѣдуетъ выписка семи стиховъ*). Брутъ перервалъ Аратовуртъ по Вольтерски. Все явленіе достойно Вольтера и Музъ самихъ: Сіе явленіе не одну забаву приоситъ и не одни цвѣты, но пользу и плоды. Франція, Европа и Парижъ должны много Вольтеру, за нововведенный вкусъ, и къ удовольствію сердца и разума нашего. Остатокъ дѣйствія весь хорошъ. Первое явленіе Второго дѣйствія въ отъ жара любовнаго нѣсколько отдерживаете, роль искусства Авторскаго, дабы любопытство зрителей умножено, и сердце послѣ сильно поражено было». Далѣе, онъ нашелъ такіа красота въ «Брутѣ», что говоритъ: «Восхищеніе и пораженіе симъ явленіемъ моего сердца, препятствуетъ устамъ моимъ изобразити чувствіе души моей, и жертвовати похвалою Французскому Софоклу, Расинову, Метастазіеву и можеть-быть и моему совѣстнику, которому я еще болѣе долженъ, всенелюбна Расину».

Мяніе о «Заирѣ» Вольтера такъ добродушно-оригинально, или, можетъ-быть, такъ ловко и хитро выражено, что его нельзя не выписать вполнѣ:

Первое Явленіе прекрасно, вкуса щегольскава. Второе прекрасно. Остатокъ дѣйствія хорошъ. Второго Дѣйствія Первое Явленіе, хорошо, а паче многократно Христіанъ. Второе Явленіе хорошо. Третіе Явленіе писано весьма хорошо и Христіанъ крайне жгостно. Не плакали во время Явленія одни только везежи и Денсты: одни по причинѣ, а другіе по другой, хотя послѣдніа были и тронуты, свидавіемъ и разительными обстоятельствами отца и дочери. Сія Трагедія весьма хороша, но я, по несчастію моему, окруженъ былъ беззаконниками, которыя во все время кощунствовали, и ради того, вступающія въ очи мои слезы, не вытекали на лицо мое. Видно, что сію сочиняя Дриму Авторъ, о томъ нивѣлъ попеченіе, дабы Христіанскій Законъ утвердити въ сердцахъ нашихъ, и отвлечи беззаконниковъ, сихъ заблужденныхъ людей, отъ естественнаго Богопочитанія, которыя не приѣмлютъ Священнаго Писанія. И ежели сія Драма съ прямымъ успѣхомъ передъ Денстами представлена будетъ; такъ и Драма Магометъ въ Константинополѣ понравится. Брутъ когда нибудь можетъ войдти больше въ моду въ Парижѣ; ибо изъ Монархіи республика дѣлается. А Заиръ никогда изъ моды не выдетъ; Христіанскій Законъ не исчезнетъ никогда, по словамъ вочеловѣчншагося Бога. Вы дѣлали великое по общему Христіанскому мнѣнію, дѣло, проповѣдывая и утверждая Христіанство; хотя и думаютъ безбожники, что вы сею прекрасною Трагедіею отвлекаете людей отъ истиннаго Богопочитанія, и уже зараженныхъ людей, еще заражаете. Ежели бы вы были Денстъ; такъ бы я въ пѣчюю остался невѣдѣнъ, ради чего вы сію Трагедію сочинили. А зная, что вы Христіанинъ вѣдаю и то, что вы ее сочинили, умножаю нашу по Христіанству вѣрность.

Послѣ одного стиха въ «Альзирѣ» критикъ нашъ былъ восторженъ, а восторженный партеръ восплескалъ громко и троекратно. Въ IV актѣ, сочиненномъ самою Мельпомевою, критику не понравилось то, что Альзира, въ предъидущихъ дѣйствіяхъ «ругавшарся европейскому о чести разсудку»,

тутъ говорить о томъ въ другомъ совѣствѣ духѣ. «Я хвалю васъ безстрастно, такъ безстрастно говорю, что мнѣ это крайне не нравится; а рѣчи и Альзиры и Замира божественны».

Критика заключается разборомъ «Меропы», и послѣднія строки этого разбора могутъ служить и гешимъ в характеристикою всей критики:

«Нечего отличати: все прекрасно въ сей Трагедіи, по сіе время: придемъ къ Четвертому Явленію Третьяго Дѣйствія: Музы его писали. Чего оно достойно, и чувствую, но словами изобразить не могу. Остатокъ Дѣйствія прекрасенъ. Четвертое Дѣйствіе все весьма прекрасно. Второе Явленіе несравненно. Четвертое Явленіе Пятаго Дѣйствія несравненно, и все Дѣйствіе прекрасно. Альзира, Цинана и Атали кажется мнѣ должны уступить первенство Меропъ и Федръ. Сія дѣя Трагедія будутъ пѣчною честію своимъ Авторамъ и Мельпоменъ, и вѣчною славою Франціи, Европѣ, и всему роду человѣческому».

Точно подписи учителя на тетрадкахъ школьничковъ: не дурно, порочно, изрядно, хорошо, очень-хорошо, отлично-хорошо, прекрасно, превосходно!.. Но это - то и называлось тогда критикою, и, право, Сумароковъ въ чѣмъ не хуже многихъ знаменитыхъ критиковъ въ Европѣ того времени...

«Переволъ съ Французскаго языка изъ чужестраннаго журнала мѣсяца Апрѣля 1755 года, стран. 114 и слѣд. напечатаннаго въ Парижѣ. Синава и Труворъ Россійская трагедія сочиненная Стихами господиномъ Сумароковымъ»—есть не что иное, какъ разборъ «Синава и Трувора», напечатанный въ парижскомъ журналѣ, переведенный самимъ же Сумароковымъ, и, можетъ-быть, имъ же и написанный. Статья эта заключается слѣдующими строками:

Въ прочтенъ кажется, что Господинъ Сумароковъ, прежде нежели обогатилъ Россійскій театръ сею трагедіею, нивѣлъ за что ему Россія тѣмъ большее благоденствіе привносить должна. Сколь вы остроумны отъ природы, сколь вы блестящете естественныя ея дарованія

одъ въ семь сочиненіи; однако можетъ быть не столь сильно, не столь съ правдою сходственно изобразилъ бы онъ любовь и ревность, есть ли бы никогда не читалъ *Расима* и *Шекспира*. Что жъ? Должно ли сгнаться такого училища? Самыя лучшія сочиненія сихъ Авторъ, служили бы только къ тому, чтобъ въ отчаяніе привести стихотворцевъ послѣдующихъ звѣвъ, ежели бы по крайней мѣрѣ не позволено было подражанію. Представимъ себѣ Андрюху, Федру, Отелла, Ромеа и Юліетту, то увидимъ ясно, что древніе трагичи неизчерпавши всей матеріи о сихъ двухъ, или лучше сказать, о сей единственной страсти: но всякъ признаетъ, что выше упомянутые два великіе мужи не оставили ничего, чтобъ послѣ нихъ будущіе, какъ въ что новое могли предложить. И такъ, когда Авторъ все силы свои на то употребляетъ, чтобъ писать такимъ же образомъ, какими они; то чѣмъ ближе онъ къ ихъ слогу приходитъ, тѣмъ большую себѣ похвалу вмѣсто строгаго истязанія заслуживаетъ. Тотъ былъ бы весьма несправедливъ, кто бы не приносилъ должной похвалы Господню Сумарокову за то, что онъ красоты чужестранныхъ стихотворцевъ не только умѣлъ познать и почитать, но и употребитъ оныя въ свою пользу. Достойное поруганіе невѣжество многихъ мыслящихъ писателей подвергается сему осужденію для того, что они пріобрѣтывъ окрадывая или грабятъ другихъ авторовъ или единовременныхъ и единовременцевъ, наполняютъ безстыднымъ образомъ свои сочиненія чужими мыслями и словами, не вѣдая въ чемъ состоитъ разумное подражаніе. Еще меньше можно винить Господня Сумарокова въ томъ, что содержаніе его трагедій сходственно со многими Францускими. Двухъ братьевъ, алюбившихся въ одну особу находимъ мы въ нѣкоторыхъ самыхъ лучшихъ трагедіяхъ, которыя до сего времени остались на театрѣ, наприкладъ: въ *Родогунѣ*, *Никомидѣ*, *Митридатѣ*, *Британикѣ*, *Радомистѣ* и прочихъ: однако никакого другаго сходства не сыщется въ нихъ съ *Синавомъ* и *Труворомъ*. Въ чемъ можно легко увѣриться слыча оную со всеми вышеписанными.

Неизвѣстный намъ древній преданіи, на которыхъ можетъ быть однихъ основава вся Россійская Исторія до припятія Россіянами Христіанской вѣры. Авторъ въ упоминаетъ ничего, откуда онъ взялъ сію матерію, для того и намъ не можно знать, есть

ли въ исторіи какіе слѣды приключеній изображенныхъ имъ въ его трагедіи, или содержаніе ея совсѣмъ вымышленное. Обнадеживаютъ васъ, что сія Господина Сумарокова драма въ отечествъ его великій успѣхъ имѣла, и мы не сомнѣваемся, что и на другихъ театрахъ не задлаеть она ни малѣйшаго ущерба чести Авторовой, по крайней мѣрѣ отечеству стихотворца славу принесетъ, какъ проповѣдшему на савтъ тиаго стихотворца, который живымъ приимромъ показывается о успѣхахъ наукъ вѣденныхъ Петромъ-Великимъ и процвѣтающихъ подъ покровительствомъ Августѣйшей Его Дщери.

Критики Сумарокова на Ломоносова составляютъ самую забавную сторону авторства Сумарокова. Замѣтивъ въ одѣ погрѣшность (не всегда истинную), Сумароковъ иногда очень-ясно даетъ знать, что онъ такихъ погрѣшностей избѣгать старается, на - примѣръ: *«Межь льдистыми юрами!»* межъ льдистыми дѣлаетъ выговору великую трудность, что (чего) я весьма обѣгать стараюсь». Замѣчаніе его на два первые стиха одной оды Ломоносова можетъ дать понятіе о цѣлой критикѣ:

Возлюбленная тиш. за,
Блаженство сель, градѣвъ ограда.

Градѣвъ ограда, сказать не можно. Можно молвить, селенія ограда, а не ограда града; градъ отъ того и имя свое имѣетъ, что онъ огражденъ. Я не знаю, сверхъ того, что за оградъ града тишина. Я думаю, что ограда града войско и оружіе, а не тишина. Городъ имѣетъ въ родительномъ падежѣ множественнаго числа городовъ, а градъ градѣвъ, а не градѣвъ; для того, что въ именительномъ падежѣ множественнаго числа, городъ имѣетъ званіе городъ, а градъ грады, а не градъ и не грады.

Все это отчасти и справедливо; но самъ Сумароковъ, въ своихъ стихахъ, даетъ еще болѣе чудовищные факты подобнаго терзанія и коверканія языка и смысла.

Особенно оригинальна статья Сумарокова «Разсмотрѣніе одѣ г. Ломоносова». Въ ней нѣтъ никакихъ разсужденій, даже никакого приступа: все дѣло въ ней рѣшается цифрами, та-

нимъ образомъ: «*Строфы прекраснѣйшія*: (слѣдуютъ римскія цифры для означенія одъ и обыкновенныя цифры для означенія строфъ); *строфы прекрасныя*: (цифры); *строфы весьма хорошия*: (цифры); *строфы хорошия*: (цифры); *строфы изрядныя*: (цифры); *строфы, по моему мнѣнію, требующія большаго исправленія*: (цифры); *строфы в которыхъ я ничего не юворю*: (цифры).

Ноэтимъ не оканчивается смѣшное въ соперничествѣ Сумарокова съ Ломоносовымъ: есть у Сумарокова отдѣльная статья подъ названіемъ «*нѣкоторыя строфы*»; она вся состоитъ изъ 12-ти строфъ, изъ которыхъ, попеременно, надъ одною стоитъ «его», а надъ другою «моя». Слѣдующее же предисловіе объясняетъ эту странную загадку:

Мнѣ уже прискучили слышати всегдашнія о г. Ломоносовѣ и о себѣ (т. е. обо вѣхъ) разсужденія. Слово громкая ода къ чести автора служить не можетъ: да сіе же объясненіе значить галиматію, а не великолѣпіе. Мнѣ приписываютъ вѣжностъ: и сіе изъясненіе трагическому автору чести не приноситъ. Можетъ ли лирической авторъ составити честь имени своему громомъ! и можетъ ли представленный въ драмѣ Геркулесъ бити въжою Сильвіею и Амариллою воздыхающимъ у Тасса и Гваринія! Во стихахъ г. Ломоносова многое для почерпанія лирическимъ авторамъ сыщется: а я имъ советую взирати на его лирическія красоты и отдѣляти хорошее отъ худова. Г. Ломоносовъ со мною нѣсколько лѣтъ имѣлъ хорошее знакомство и ежедневное обхожденіе, и нѣдавно слыхалъ я отъ него, что онъ самъ часто гнушался, что нѣкоторые его громкимъ называли. Его достоинство въ одахъ не громкость. А что имъ объ этомъ долго говорить, и я прилагаю здѣсь предисловіе, и нѣкоторые къ чести его строфы, для сравненія съ моими, а не толкованія. О преимуществѣ себѣ я публичку не прошу; ибо похвалы въпрошенныя гадки: а естли и г. Ломоносову дастся и въ одахъ преимущество, я объ этомъ тужить не стану: желалъ бы я только того, чтобы разборъ и похвалы были основательны. Въ прочемъ я свои строфы распорядилъ, какъ распо-

ряжали Мальгерберъ и Руссо (Жанъ Батистъ) и всѣ вышедшіе лирики; а г. Ломоносовъ етова не наблюдалъ; ибо наблюденіе сею, какъ чистота языка, гармонія стопосложенія, изобильныя рѣчи, разномѣреніе негласныхъ литеръ, не привыкшимъ писателямъ толкаго стоить затрудненія, коликую приносятъ они сладость. Наконецъ: во надгробной надписи г. Ломоносова изображено, что онъ учитель поэзіи и красворчія: а онъ ни кого не училъ и ни кого не выучилъ; ибо г. Ломоносова чести не въ риторикѣ его состоятъ, но въ одахъ. Потому и ево и мои стихи увидать и судать намъ будутъ, или паче письма наши; но потовки могутъ, или должны будутъ подумать, что и я по себѣ ему надгробной надписи былъ ево ученикъ: а я стихи писалъ еще тогда, когда г. Ломоносова и имени не слыхала публика. Она же въ Германіи писати начала, а въ Россіи, не вѣсть отъ него не только наставленія, но иже зная его по слуху. Г. Ломоносовъ меня нѣсколькими лѣтами былъ по старе; но изъ того не слѣдуетъ сіе, что я ево ученикъ, о чемъ я не трогая ни мало чести сево стихотворца предудвадмляю потовковъ, которыхъ и г. Ломоносова и меня не скоро увидать: а особливо радъ того, что и языкъ нашъ и поэзія наша исчезаютъ: а зараза пинтичества весь російскій Парвассъ невольно охватила: а я истребленія оному предвидѣти не могу, жалва, что прекрасный нашъ языкъ гибнетъ. А что въ прочемъ дог. Ломоносова надлежитъ; такъ я, похвали ево, думаю только о живности его духа инаго во строфахъ его. *Великій былъ бы онъ мужъ во стихотворствѣ, ежели бы онъ могъ выжимати оды свои, а во прочіи поэзіи не вдавался.*

Вотъ какъ! Сумароковъ не любилъ шутить тамъ, гдѣ чья-нибудь слава могла бросать тѣнь на его славу. Въ длинной статьѣ своей «О правописаніи» онъ безпрестанно придирается къ Ломоносову, съ профессорскимъ тономъ какого-то неоспоримаго преимущества перелъ нимъ. Нападая на употребленіе буквы *e* вмѣсто буквы *i*, достоинъ вмѣсто достоинъ, бывшей, вмѣсто бывшій, Сумароковъ не безъ основательности замѣчаетъ, что «сіе нововведенное правило, не имѣетъ основанія, ни на свойствахъ языка, ни на древнихъ книгахъ, ни на употребленіи: а

единственно на произволеніи г. Ломоносова и на почтении къ нему его почитателей, или паче сказать на семь правилъ, что г. Ломоносовъ былъ академикъ; такъ полагаютъ основаніе на академіи, хотя онъ не составлялъ академіи, но былъ ея членъ; и ни академія, ни Россія того не утвердила да и утверждати того Академіи не можно: ибо ова въ наукахъ, а во въ словесныхъ наукахъ упражняется». Далѣе, Сумароковъ жалуется, что Ломоносовъ ввелъ въ некоторыхъ словахъ провинціальное произношеніе, какъ на-прим., *лпта*, вмѣсто *льта*, *градбѣ*, вмѣсто *градбѣ*, и что «многіе не размышляя, таковыя его ошибки принявъ украшеніемъ шитическимъ, и употребляютъ оныя къ безобразію нашего языка, что г. Ломоносову яко провинціальному уроженцу простительно, какъ рожденному еще и не въ городѣ, и отъ поселенъ; но протчимъ, которыя рождены не въ провинціяхъ и не отъ поселенъ, сіе извинено быть не можетъ». — «Но (прибавляетъ онъ) дабы не подумали, что я о происхожденіи г. Ломоносова въ ругательство ему вспоминаю; такъ насъ не благородство, но Музы на Парнассѣ возводятъ; ибо благородство есть послѣднее качество нашего достоинства, и тѣ только много о немъ думаютъ, которыя другою достоинствомъ не имѣютъ». — Изъ ответа Ломоносова Сумарокову о причинѣ замѣненія буквы *ѳ* буквою *ф*, видно, что Ломоносовъ не находилъ нужнымъ вступать съ нимъ въ серьезныя объясненія: «Эта-де литера стоитъ подпершия, следовательно бодрѣе». — «Отвѣтъ надвоченъ, но не важенъ замѣчаетъ Сумароковъ. Говоря о томъ, что въ предлогѣ *при*, употребляемомъ слитно съ глаголами, должно сохранять букву *и*, не перемѣняя ея на *і*, Сумароковъ прибавляетъ: «Г. Ломоносовъ годъ цѣлый мнѣ въ семь противурѣчалъ, и признавъ по размысливанію точныя обстоятельства, мое мнѣніе съ великимъ утверждалъ жаромъ; но не успѣлъ писемно со мною въ ономъ согласиться, или по ча-

стнымъ со мною не до краснорѣчій и не до языка касающимся распрямъ, не хотѣлъ согласиться до времени: какъ овъ покритиковалъ у меня не знаю за что шаръчѣе *днесъ*, и не нашелъ друга къ тому реченія, зачалъ употреблять вмѣсто *нынѣ*, *нынѣ*; во *нынѣ* не знаменуетъ той краткой точности: а *нынѣ* не можно вмѣсто *нынѣ* писать; ибо тѣ претворати въ ѳ писатели вольности не имѣютъ, хотя они и стихотворцы; ибо и имъ дозволяется вѣчто, а не все, да и то что рѣчи немало не обезображиваетъ. Да и на что *нынѣ*; ибо *нынѣ* ево тоже изображаетъ какъ и *нынѣ*: а краткость одного слога не стоитъ труда искуснато римотворца». — Дѣйствительно, Ломоносовъ *нынѣ*, вмѣсто *нынѣ*, такъ же вельпо, какъ и Сумароковы *ми* и *ти*, вмѣсто *меня* и *тебя*. Вообще, говоря о другихъ, Сумароковъ перѣдко бываетъ и основателемъ и справедливымъ: Такъ, на-прим., жалуясь на постепенную порчу языка, онъ приводитъ разительныя примѣры этой порчи, какъ-то употребленіе «*февраль*» вмѣсто «*февръ*», «*продлубъ*» вмѣсто «*прорубъ*». Но зато, видитъ иногда гибель тамъ, гдѣ нѣтъ даже и опасности, и часто противорѣчить самому-себѣ; такъ на-прим., съ одной стороны, требуя, чтобы, для сохраненія кореннаго происхожденія словъ, писать *приятный* вмѣсто *пріятный*, съ другой стороны не хочетъ, чтобы предлогъ *возъ*, соединяясь съ глаголами, сохранялъ коренную свою букву *з*, и вооружается противъ этого со всемъ комизмомъ своей запальчивости. «Но бывало ли отъ начала міра въ какомъ-нибудь народѣ такое въ писаніи скаредство, каково мы нынѣ дожили! *Возтокъ*, *източникъ*, *превозходительство!* Конечно, паденіе нашего языка скоро будетъ, когда такая вельпица могла быть воспріята!»

Замѣчательно, какъ фактъ того времени, что Сумароковъ за искаженіе русскаго языка жалуется на Малоросіянъ, и не только писателей, но и на пѣвчихъ, которые, вмѣсто *во вѣки вѣковъ*, писали и пѣли *во вѣки вѣковъ*,

вмѣсто *Тебѣ Господи—Теби Господи*, и т. п. «Не подумаетъ ли кто (прибавляетъ Сумароковъ), что я вооружаюсь противъ ученыхъ Малоросіянъ: нѣтъ; дай Боже, чтобъ не только мы, но хотя наши потомки изъ Малороссіи другаго Теофана имѣли! Есть дѣято во краснорѣчїи хулова, но сколько напротивъ того и славы его имени, и славы нашихъ временъ!»

Послѣ забавно-энергической выходки противъ *возтока, източника, и перевозимельства*, Сумароковъ дѣлаетъ слѣдующее не менѣ забавно-энергическое воззваніе къ Ломоносову:

О Ломоносовъ, Ломоносовъ! Что бы ты сказалъ, когда бы ты по смерти своей сямъ кривописаніемъ увидѣлъ напечатаны свои сочиненія! Сіе тебѣ въ возмездіе, что ты участныя имѣя со мною распри, часто мнѣ противоборствовалъ и во правописаніи, и въ другомъ, касающемся до нашего языка, въ чемъ мы прежде нашихъ участныхъ споръ и распрей всегда согласны были: и когда мы другъ отъ друга совѣты принимали, ругаясь несмысленнымъ писателямъ, которыхъ тогда еще мало было, и переводу Аргенды. Не было бы у меня болѣе съ тобою распрей, ежели бы въ твоѣ время столько врали на Руси. Были врали и при жизни твоей, но было ихъ и мало, и были они по скромнае: а нынѣ они умножились за грѣхи своихъ прародителей: и такъ пишутъ они, чтобы имъ и стѣнъ стыдиться надлежало; а они и просвѣщенныхъ людей не стыдятся. Жаль того, что со вракъ не положено пошлivity: а изъ стихотворцевъ не берутъ въ рекруты; ибо полка два изъ нихъ легко составить можно: а когда изъ всѣхъ и сочинителей и переводчиковъ набирать рекрутовъ; такъ въ одинъ мѣсяць цѣлая великая армія на сраженіе будетъ готова; но ежели они таковыя будутъ солдаты, каковыя писатели; такъ не прогонимъ ни визира, ни возьмемъ Бендеры.

Замѣчательна выходка Сумарокова противъ перевода Треляковскаго ролленевой исторіи: «Вотъ (говоритъ онъ) ожидаемая польза отъ умноженія сочиненій и переводовъ, которыми насъ невѣжки обогащаютъ! Вредно ободряли прадеи похвалами, чтобъ они больше

врали; ибо не писавъ худо, нельзя писать и хорошо; во враки должно ли издавать на свѣтъ? Древняя исторія неопытнаго Роллина, въ переводѣ нашемъ, подаетъ читателю, не знающему чужихъ языковъ, и которое ему познаніе, къ малому просвѣщенію, безъ другихъ знаній, и ко прогнанию скуки: *а языкъ нашъ какъ морская заражаетъ лза»*.

Вообще, эта статья такъ и дышетъ своею современностію и личностію Сумарокова: въ ней, онъ и его время какъ бы олицетворились и лично бесѣдуютъ съ ними. Кому тутъ не достается, кто не забывается! И писатели, и женщины, и подьячіе!.. «Женщины наши (говоритъ критикъ) по большей части никакова правописанія не соблюдаютъ, и пишутъ какъ въ попало, на-приимъ, *матушка мая залубушка пажалуй аттишка мне душа мая идь ты кумила вчерашней градитурь*, а вногд и *гарнитулъ*».—Противъ безграмотности подьячихъ, по длиннотѣ филиппики, и выписать нельзя: когда Сумароковъ заговаривалъ объ этомъ *крапивою зельм*, объ этомъ *хамовомъ якорльм* (какъ онъ называлъ подьячихъ), его сатирическое негодованіе всегда лилось рвкою, затоплявшею берега свои.

Слѣдующее мѣсто представляетъ для нашего времени особенно интереснѣйшій фактъ старинной нашей литературы:

Силы (ударенія надъ словами) писываю и я, долго того держался, хотя и несправдливо, дождался кого себя въ изверженіи оныхъ сотоварища, во г. Козницкїи и г. Мотоншъ люди и во правописаніи и во грамматикѣ и во краснорѣчїи, которыхъ я никогда ненависти моея къ силамъ не открывалъ, сами предварили меня, дабы обещачати въ ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ, называемыхъ Трудолубивою Пчелою, своимъ извергнуть: что мы и дѣлали: а сіе не въ началѣ того изданія начати. О, ежели бы и то принято было, въ чемъ также будучи узнавъ мое мнѣніе предварилъ меня вногд г. Польтника, человекъ несаусный, *чтобы собственныи прилагательныи именами не писати большими литерали*, напра-

російское войско и проч. Я не знаю, далеко ли еще и то, что мы большими литератами все свои страницы излишно шпикуютъ: а по правописанію нашему, большіе литеры становились только послѣ точекъ, во началъ сочиненія, и должны еще становиться при каждой строкѣ въ началѣ стиха.

Статья «О стопосложеніи» изобилуетъ комически-смѣшными выходами Сумарокова противъ Ломоносова.

Г. Ломоносовъ зналъ недостатки сладкорѣчія: то есть, убожество речей, затрудненіе, отъ неразности литеръ, выговора, нечистоту стопосложенія, темноту склада, рушеніе грамматики и правописанія, и все то, что възному упорно слуху и неповрежденному противно вкусу; но убѣгая сей великой трудности, не находя ко стопосложенію и довольно имѣя къ одной только лирической поэзіи способности: а при томъ опираясь на безразборныя похвалы, вмѣсто исправленія стопосложенія, его болѣе и болѣе портила: и ставъ почти порчи сей образецъ, не хуля того и во Арухъ, чѣмъ онъ самъ былъ наполненъ, открылъ легкій путь ко стихотворенію; но путь сей на парнасскую гору не возводитъ. У г. Ломоносова во строкахъ его много еще достойнаго осталось, хотя, что, или лучше сказать, хотя и все недостаточно: а у преемниковъ его иногда и запаха стихотворнаго не видно. Что г. Ломоносовъ былъ неисправный и непроворный стопослагатель, его я не пустыми словами, но неопровергаемыми доводами покажу; и всю мою истину увидятъ ясно: что ему много и самому часто говорено было. Жаль того, что въ всякое время мы были съ нимъ приятели, и ежедневныя собесѣдники: и другъ отъ друга здоровыя принимали соизвѣстия, а самъ тогда тонкости стопосложенія не зналъ; но послѣ долговременною приобрѣлъ себѣ истинное о немъ понятіе практикою..... А сповѣди обезображивали и самыя дутчія г. Ломоносова строфы, къ великому мнѣ о немъ сожалѣнію: ибо онъ только и г. Поповскій нашему парнасу истинную честь, отъ начала Россіи, что до стиховъ надлежитъ, и приносилъ. И есть ли бы г. Ломоносовъ не разстроивался со мною; не въ такомъ бы состояніи видѣли мы російское красноречіе, удающееся день отъ дня и грозящее увянуть на долго. Я ему еще подпора: на некоторыя духов-

ныя и такія люди, каковы г. Козицкій, Матюшинъ и имъ равнозначащіе, ежели есть такіе.

Статья «О истребленіи чужихъ словъ изъ русскаго языка» можетъ быть отнесена къ любопытнѣйшимъ фактамъ исторіи русскаго языка: ова доказываетъ, что вторженіе въ нашъ языкъ французскихъ словъ и оборотовъ отнюдь не было слѣдствіемъ реформы Карамзина, ибо еще до него было въ самомъ сильномъ разлитіи. Сумароковъ смѣется надъ словами: *фрукты, сервизъ, антишамбера, камера, сюртукъ, супъ, гвернанта, аманта, дама, вальтъ, атуть* (kozyрь), *раа* (король), *мокероватьсѣя, эложъ* (похвала), *принцъ, бурса, туалетъ, пансисъ* (залучивъ), *корреспонденція, кушмистръ, томъ, эдичія, жемъ* (т. е. гений; подъ жемъ Сумароковъ понималъ остроуміе), *бонсанъ* (здравый смыслъ; Сумароковъ переводитъ *разсужденіе*), *эдокація, манификъ, деликатно, пассія*. Однакожь если многія изъ этихъ словъ вывелись изъ употребленія, зато многія и остались; гевій языка умѣе писателей, и знаетъ, что принять и что исключить. Въроятно были употребительны и такіе фразы, если Сумароковъ надъ ними смѣется: «Я въ дистракціи и дезеспере; аманта моя сдѣлала мнѣ инфиделите; а я а ку сюръ противъ ривали моего буду реванжироватьсѣя».

Какъ о чертѣ смѣшнаго и добродушно-наглаго самохвальства Сумарокова, нельзя не упомянуть о его вывозѣ проѣздить за границу два года и потомъ описать свое путешествіе. «Каково мое перо (говоритъ онъ), о томъ и по хулымъ переводамъ все ученѣйшія въ Европѣ знаютъ и ту мнѣ похвалу соплетаютъ, которая превосходитъ желаніе авторовъ и тѣхъ народовъ, въ которыхъ науки созрѣли и утвердились. И что я Россіи сдѣлалъ честь моими сочиненіями, въ томъ я всѣхъ ученѣйшихъ людей во всей Европѣ свидѣтелями имѣю». За два года и четыре мѣсяца онъ просилъ у

правительства, кроме своего жалованья, 12,000 рублей, «которые деньги по изданіи моего путешествія возвратятся въ казну съ излишкомъ; ибо 6000 экземпляровъ продаваясь по три рубля, 18,000 рублей, а потомъ она въ всегдашнее время продаваться будетъ, и такъ казнѣ убытка не будетъ». — «Еслибъ такимъ перомъ, каково мое, описана была вся Европа; не дорого бы стало Россіи, ежели бы она и 300,000 на это безвозвратно употребила. Я прошу о семъ не для себя, но для пользы моего отечества, а мой собственный прибытокъ изъ того только одна честь имени моему».

Эклоги Сумарокова таковы, что ихъ теперь странно видѣть въ печати. Всѣ онѣ оканчиваются одинаково, въ родѣ этого:

О лютый Периландра!.. невнимность из-
чезаетъ:

Вручаюсь тебѣ... Пастухъ на все дер-
заетъ.

Не спорить Туллія, гоня упрямо прочь,
И въ изступленіи препровождаетъ ночь,
Въ веселіи пробывъ со пастухомъ безъ
спора,

Доколь не взшла на пастырь къ нимъ
аврора...

И несмотря на это, Сумароковъ и не думалъ быть соблазнительнымъ, или неприличнымъ; а напротивъ, онъ хлопоталъ о нравственности, и былъ увѣренъ, что эпога такой ужъ родъ поэзіи, который, по сущности своей, требовалъ такихъ сюжетовъ и съ такими развязками. Онъ посвящаетъ свои эпоги «прекрасному руссійскаго народа женскому полу», и въ этомъ посвященіи такъ излагаетъ теорію эпоги, какъ рода поэзіи:

Я вамъ, прекрасная, сей мой трудъ посвящаю: а ежели кому изъ васъ подумается, что мои эпоги наполнены назвѣнно любовію; такъ должно знати, что недостаточная (не полная?) любовь не была бы матерію поэзіи: сверхъ того должно и то вообразити, что въ дни златаго вѣка не было ни бракосочетанія, ни обрядовъ къ оному принадлежащихъ: едина вѣжность только препровождена жаромъ и вѣр-

ностью была основаніемъ любовнаго блаженства. Говорятъ о воровствѣ, о убійствѣ, о грабежѣ, о лбедничествѣ беззастовно во всякихъ бесѣдахъ; не уже ли такіе разговоры благородные рѣчей любовныхъ? А особливо когда не о скотской и не о непостоянной говорится любви. Въ эпогахъ мнѣхъ возмущается вѣжность и вѣрность, а не злопрістойное сластолюбіе, и нѣтъ таковыхъ рѣчей, кои бы слуху были противны. Презрѣнна любовь ищущая едва сластолюбіе во основаніи: презрѣнны любовники, устремляющіеся обманывать слабыхъ женщинъ: подвержены некоторому повоешнію и женщины, въ обманѣ давшіяся: презрѣнно неблагородное сластолюбіе: но любовныя вѣжность и вѣрность отъ начала міра были почтенны и до скончанія міра почтенны будутъ. Любовь источникъ и основаніе всякаго дыханія: а въ добавокъ сему источникъ и основаніе поэзіи: такъ можно ли сочиняти эпоги, естли пѣть ужаснется глупыхъ предвареній и неуксусныхъ кривотолкованій. А вы, прекрасная, помните только то, что неблагопрістойная любовь и непостоянство стыльны, несносны, вредны и пагубны, а не любовь, и что любовію наполненныя эпоги и основанныя на вѣжности, подпертой честностію и вѣрностію, читательницамъ соблазна, точною чертою, принести не могутъ; хотя и нѣтъ никакова блага, изъ котораго бы не могло быти злоупотребленія. Что почтеніе правосудія; по колько въ него происходитъ ябедъ и крючкотворствій, а слѣдовательно утисненій и погубелъ роду человѣческому? И что почтеніе, эпоги ли составлять, наполненныя любовнымъ жаромъ и пишемыя хорошимъ складомъ, или тяжбыя ябедниковъ письма, наполненныя плутовствомъ и складомъ писаннымъ скарденнымъ?

Оставьте въ сторонѣ старинный языкъ и выикните въ мысль этого предисловія: она была мыслию вѣка. Дезульеры, Геснеры и Флоріаны писали свои эпоги и идилліи именно по этой теоріи. Они изображали дѣйствительность, которой никогда и нигдѣ не бывало. Они воображали, что точно былъ золотой вѣкъ невнимности, не внимая того, что состояніе невнимности есть то же, что состояніе животности, какъ то доказываютъ всѣ дикія племена Африки, Америки и Австра-

лин. Этими-то мнимо-невинными людьми придавали они сладенькія чувствованія своего времени, и были вполне увѣрены, что изображаютъ пасторальную жизнь, и что ихъ Дафнисы, Мевалики, Титиры, Коридовы, Аглаи, Хлон, Амариллы и Галатеи суть лица живыя и невинныя, тогда какъ это просто общія риторическія мѣста, какъ и вся поэзія (а не литература въ обширномъ смыслѣ) XVIII вѣка. У Сумарокова вполне достало ума и способности понять это искусство общихъ мѣстъ и воспользоваться имъ для своего времени.

Истинный критикъ своего времени, Сумароковъ судитъ обо всемъ — о добродѣтели, о философіи, о грамматикѣ, о поэзии, о стасивительной системѣ запретительной торговли, о большихъ бѣсѣдахъ, чтеніи романовъ, и проч. и проч. Часто у него попадаютъ мысли хотя не глубокия, но заранѣе и тѣмъ болѣе полезныя для общества его времени. Можно написать цѣлую статью о его войнѣ противъ подьячихъ: Боже мой, гав и какъ ни пытались, ни позорили ихъ этотъ неутюженный биецъ! Говоря о подьячихъ, Сумароковъ становится и жолчень, и остеръ, и вдохновененъ! Ненависть къ этому гнусному отроку (говоря его выраженіемъ) была живою струною его души; и кто же не согласится, что источникъ этой ненависти былъ благороденъ, а ея проявленіе не могло не принести пользы обществу: дидактическое направленіе въ поэзии самобытной есть признакъ антипоэтическаго характера народа; во въ поэзии подражательной, бывшей плодомъ реформы, нововведеніемъ, какова была, въ своемъ началѣ, поэзія русская, дидактическое направленіе есть признакъ жизненности, социальности, и полезно какъ для общества, такъ и для самого искусства: ибо общество потому только и приняло за нее, что увидѣло въ ней *поученіе*, дѣйствительно-полезное для него. Когда дидактическая поэзія источила все свое содержаніе и не могла идти далѣе, противъ нея явилась

реакція, заговорили о поэзии, какъ о творчествѣ, какъ о цѣли самой-себя, а между-тѣмъ привычка къ чтенію, къ занятію поэзіею, благодаря ея дидактическому направленію, была уже сдѣлана. Послѣ этого не трудно было отвергнуть дидактическую поэзію, какъ ложную и враждебную истинному искусству. Но это, какъ мы покажемъ въ слѣдующей статьѣ, сдѣлалось не вдругъ, а постепенно. Сперва позволили поэзии воспѣвать геройскіе подвиги и победы, не увольняя ее отъ обязанности поучать; потомъ, стали позволять ей, между прочимъ, быть выразительницею прихотей фантазіи, и наконецъ, рали граціи и обаятельности формъ, воспѣвать и шалости чувства, и пѣнистое вино, и веселыя пирушки, и сладостную лѣнь. Уже послѣ этого провозгласили, къ крайнему соблазну литературныхъ старовѣровъ, что искусство есть само-себѣ цѣль, что поэзія въ себя цѣли не имѣетъ и не должна имѣть. Такъ-какъ въ этой мысли заключается значительная часть истины, и такъ-какъ, не перейдя черезъ нее, нельзя было понять идеи искусства, какъ особой и самостоятельной сферы сознанія, то эта мысль и овладѣла свѣжими умами до того, что ее довели до односторонности и исключительности, а слѣдовательно, и до неаппости. Теперь критикъ предостойтъ новая задача—примирить свободу творчества съ служеніемъ историческому духу времени, съ служеніемъ истинѣ.

Итакъ, дидактическое направленіе Сумарокова было полезно для современнаго ему общества. Въ этомъ отношеніи его эпистолы и сатиры имѣютъ свою относительную цѣнность. Не смотря на грубый языкъ, цинизмъ выраженій, для *многихъ* было весьма-полезно и поучительно въ тотъ зарожившій спѣсью барства вѣкъ читать; на-прим., такіе стихи:

Сію сатиру вамъ, дворяни, привошу:
Ко членамъ первымъ я отечества пишу.
Дворяня безъ меня свой долгъ доволы
знать;

Но многія одно дворянство вспоминають,
Не помня, что отъ баба рожденныхъ и
отъ дашъ,

Безъ включенія всѣхъ праотець Адамъ.
На то ль дворянъ мы, чтобъ люди рабо-

А мы бы ихъ труды по знатности глотали?
тали?

Какое барина различье съ мужикомъ?
И тотъ, и тотъ земля одушевленный
комъ.

И если не ясный умъ барскій мужикова,
Такъ и различія не вижу никакова.

Мужикъ и пьеть и вьсть, родился и
умреть,
Господскій такъ же сынъ, хотя и сла-

ще жреть,
И благородіе свое не рѣдко славить,
Что цѣлый полкъ людей на карту онъ
поставить.

Ахъ, должно ли людемъ скотинѣ обла-

дать?
Не жалко ль? можетъ быкъ людей быку
продать?

Въ числѣ эпистолъ, мы находимъ и слѣдующія: «Любовь къ отечеству есть первая добродѣтель», «Къ неправеднымъ судимъ», «О русскомъ языкѣ», «О стихотворствѣ» (передѣлка L'Art Poétique Буало) и «Наставленіе хотащимъ быти писателями». Во всемъ этомъ видѣнъ или критикъ искусства и литературы, или критикъ нравовъ. Въ томъ и другомъ Сумароковъ особенно примѣчательнъ, какъ представитель своего времени. Не изучивъ его, нельзя понимать и его эпохи. Если бъ кто вздумалъ написать историческій романъ, или историче-

скую новѣсть изъ тѣхъ временъ, — изученіе Сумарокова дало бы ему богатые факты объ обществѣ того времени; а что такое историческій романъ, какъ не исторія общества въ известную эпоху? Да; предметъ исторіи — человечество, или народъ; предметъ историческаго романа — общество. Постепенность развитія идей въ обществѣ представляетъ собою картину въ высшей степени интересную. На само искусство нельзя смотреть только въ сферѣ самого искусства, безъ отношенія къ жизни: такой взглядъ можетъ быть вногдѣ веренъ, но онъ всегда одностороненъ, особенно въ отношеніи къ искусству въ Россіи. Повторяемъ: наша поэзія, наша литература — плодъ реформы Петра Великаго, какъ ваша цивилизація. Начавшіяся формами безъ жизни, они постепенно стремились къ жизни и самобытности, и достигли наконецъ того и другаго чрезъ историческій процессъ. Сумароковъ былъ однимъ изъ замѣчательныхъ фактовъ этого процесса, — что и заставило насъ говорить о немъ подробно. Въ слѣдующей статьѣ, мы постараемся обозначить постепенность процесса формировавія и развитія нашей поэзіи и литературы отъ знаменитой войны шихови-стовъ съ карамзинистами до болѣе знаменитой войны классицизма съ романтизмомъ. Мы думаемъ, что это значить показать ту сторону исторіи нашей литературы, на которую еще никто не обращалъ вниманія.

VI.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

АВГУСТЪ.

288) СЪМЕРКИ. *Сочиненіе* Евгенія Баратынскаго. Москва. Въ тѣмъ. А Семана, при Императорской Медико-Хирургической Академіи. Въ 12-ю д. л. 88 стр.

Въ этой книжкѣ содержатся стихотворенія г. Баратынскаго, писанныя имъ послѣ нападѣн въ двухъ томахъ собранія стихотвореній въ 1835 году. Эти, послѣднія, стихотворенія были разсланы въ разныхъ журналахъ: Московскомъ Наблюдателѣ, Отеч. Запискахъ и пр.; изданныя теперь отдѣльно, они могутъ служить дополненіемъ къ означенному собранію стихотвореній г. Баратынскаго 1835 года. Это обстоятельство даетъ намъ поводъ поговорить въ особой статьѣ о всей поэтической дѣятельности такого замѣчательнаго лица въ русской литературѣ, какъ г. Баратынскій, — что мы и

сдѣлаемъ въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ «Отеч. Записокъ».

289) Христианъ II и Густавъ-Ваза, *драматическій очеркъ въ четырехъ актахъ*. Соч. А. (?) Лажечникова. Спб. Въ тѣмъ. А. Бородина и К°. 1842. Въ 8-ю д. л. 119 стр.

Мы говорили уже объ этой драмѣ въ предъидущей книжкѣ «Отеч. Записокъ», говоря о «Дагеротипѣ»: теперь остается дополнить, что драму г. Лажечникова желающіе могутъ приобрѣтать мимо «Дагеротипа». Дѣ еще разъ не мѣшаетъ дополнить, что или буква А передъ фамилією г. Лажечникова въ заглавіи поставлена ошибкою, вмѣсто И, или что эта драма не есть сочиненіе даровитаго автора «Ледянаго Дома», «Новика» и «Басурмана». И то и другое можетъ быть весьма-важно.

290) Осенние Цвѣты. Стихотворенія М. Демидова. *Въ двухъ отдѣленіяхъ. Санктпетербургъ. Въ тип. Штаба Военно-учебныхъ Заведеній. 1842. Въ 8-ю д. л. 78 стр. Съ эпиграфомъ: «Восенинъ и партикулярный портной изъ Парижа Фелоръ Прохоровъ». Выписка изъ одного губернскаго города.*

291) Вечерніе Досуги. Стихотворенія М. Демидова. *Въ двухъ отдѣленіяхъ. Санктпетербургъ. Въ тип. Штаба Военно-учебныхъ Заведеній. 1842. Въ 8-ю д. л. 62 стр. Съ эпиграфомъ: «0X0=0». Таблица умноженія.*

292) Завѣтныя Думы. Стихотворенія М. Демидова. *Въ двухъ отдѣленіяхъ. Санктпетербургъ. Въ тип. Штаба Военно-учебныхъ Заведеній. 1842. Въ 8-ю д. л. 57 стр. Съ эпиграфомъ: «Полиъ впередъ, дирекція на середину, рысью, маршъ!». Командныя слова.*

Какое огромное богатство поэтическаго запаса! «Осенніе Цвѣты», и «Вечерніе Досуги» и «Завѣтныя Думы», и все это, для большаго эффекта, въ двухъ отдѣленіяхъ, и притомъ, съ изящными, глубокознаменательными эпиграфами. Русская поэзія снова оживаетъ въ лицѣ г. Демидова, — и если нельзя сказать, чтобъ въ г. Демидовѣ Россія приобрѣла новаго Пушкина, или новаго Лермонтова, то съ достовѣрностію и утвердительно можно сказать, что Россія приобрѣла въ немъ новаго — г. Тимоеева... «Какого же это г. Тимоеева?» — спрашиваютъ насъ изумленные читатели: «мы не помнимъ никакого г. Тимоеева... Какъ не помните? (отвѣчаемъ мы) Да того самого, что печаталъ въ «Библіотекѣ» и пѣсни, и элегіи, и поэмы, и мистеріи... А! мистеріи! мистеріи! теперь вспоминаемъ! эти мистеріи такъ забавляли насъ...» — хоромъ говорятъ намъ обрадовавшіеся читатели. Чтобъ еще болѣе усилить ихъ радость, напомнимъ имъ, что этотъ г. Тимоеевъ былъ провозглашенъ «Библіотекою» прамымъ на-

слѣдникомъ таланта Пушкина, и что этотъ г. Тимоеевъ издалъ свои пѣсни, элегіи, поэмы и мистеріи въ четырехъ томахъ, съ своимъ портретомъ. Гдѣ теперь этотъ г. Тимоеевъ, или гдѣ теперь эти четыре тома съ пѣснями, элегіями, поэмами, мистеріями и портретомъ г. Тимоеева, — мы также не знаемъ, какъ не знаетъ и публика. Это горестное обстоятельство повергло было насъ въ унылыя размышленія о суетѣ поэтической славы въ семъ тревожномъ мірѣ, о непрочности патентовъ на безсмертіе, выдаваемыхъ нѣкими поэтамъ пріятельскими журналами, и о многомъ другомъ; мы готовы были даже предаться отчаянію, которое было такъ сильно, такъ сокрушительно, что чуть-было не заставило насъ пуститься отыскивать четыре безъ вѣсти пропавшіе тома съ пѣснями, элегіями, поэмами, мистеріями и портретомъ г. Тимоеева, или, въ случаѣ неудачи, отыскать по крайней-мѣрѣ тѣ книжки «Библіотеки», въ которыхъ г. Тимоеевъ провозглашенъ былъ прамымъ наследникомъ таланта Пушкина... какъ вдругъ — о радость! — мы вспомнили о лежащихъ передъ нами трехъ тоненькихъ книжкахъ стихотвореній г. Демидова, въ которыхъ каждая такъ удобно раздѣлена на два отдѣленія, снабжена такими затѣйливыми, остроумными и глубокомысленными эпиграфами... Мы поскорѣ разрвали ихъ, начали перелистывать, заглянули туда-сюда (сердце говорило намъ, что насъ ожидаетъ что-то радостное) — хорошо, прекрасно, превосходно! Но, Боже великій! — это что въ «Осеннихъ Цвѣтахъ»? — цѣлая поэма! Название ея — «Любимый Мальчикъ»; она посвящается поэтотъ «его мальчишкамъ-друзьямъ, Васинь(ь)къ и Сережъ»; въ ней съ мальчикомъ разговариваютъ, русскими стихами съ рифмами Соловей, Стрекоза, Волна въ рѣкѣ, Цвѣтокъ... Такъ! это не поэма! предчувствіе не обмануло насъ: это — мистерія!.. Но дайте — «Комета!» Слушайте:

Возсталъ съ воженъ на брата брата,
Вездѣ господствуетъ развратъ,
Порокъ, предательство, грабѣжъ,
И въ людяхъ правды нѣтъ—все ложь.

Затѣмъ «Хоръ нечистыхъ духовъ» поетъ какой-то романсъ о томъ, что золото горитъ, блещетъ, и что для сердца оно—магнитъ. Потомъ является обсерваторія, а на ней астрономъ съ телескопомъ въ рукахъ. За обсерваторіей является *бдѣная крестьянская изба, мальчикъ дѣвочка и старикъ*; за ними—*нечистая, мрачная и холодная комната, съ скупцомъ*; далее—*площадь, сидѣлецъ изъ одной лавочки, сидѣлецъ изъ другой лавочки, господинъ А и господинъ Б; палецъ изъ балагана*.— все это заключается «хоромъ небесныхъ силъ». Рѣшительная мистерія! Но не ею оканчивается все: есть еще мистерія подъ названіемъ «Талисманъ», и еще мистерія—«Картина», съ художникомъ,—все какъ у г. Тимофеева. Слѣдующая пьеса, не смотря на свою краткость и лаконизмъ, тоже принадлежитъ къ разряду мистерій:

Гордость.

«Пойду—и покорю себя моря и сушу,
И царства свѣлыя и грады, все разрушу!
Мнѣ миръ сей малъ!» сказалъ одинъ гордецъ.
«Завтра въ бой! Пусть свѣтъ меня узнаетъ,
Я богъ! безсмертный богъ! — Юпитеръ мой отецъ!»
Сказалъ и умеръ. День свѣтаета.
А гдѣ онъ, тотъ *глупецъ*?

Тотъ «глупецъ» долженъ быть не кто другой, какъ Александръ Македонскій... Но не удивляйтесь, что величайшій геній и герой древности—глупецъ: таково свойство мистерій; въ нихъ умные представляются дураками, а дураки умными. Потому-то онъ и мистерія!

Одно только странно показалось намъ въ стихотвореніяхъ г. Демидова. Всякая повѣя есть плодъ душевныхъ силъ поэта, а душевныя силы заключаются въ движеніи, жизни, върова-

ніяхъ и убѣжденіяхъ. Господинъ же Демидовъ, кажется, давно уже изжилъ всю свою жизнь и лишился всѣхъ своихъ душевныхъ силъ, какъ это ясно видно изъ слѣдующихъ стиховъ, разсѣянныхъ въ разныхъ его стихотвореніяхъ.

Вотъ, на-прим., что говоритъ онъ о страстяхъ, безъ которыхъ поэту нельзя писать, какъ нельзя кораблю плыть безъ вѣтра:

Я ихъ не вижу. Уже протекли,
Исчезли лѣта молодая,
А съ ними потухли, пропали, прошли
Желанья и страсти былыя.
Угасли мечтавья подъ гнетомъ тоски;
Но часто онѣ оживаютъ,
Въ вѣвкахъ, какъ и прежде; *по этимъ елькамъ*
Ужъ тѣмъ же ирробеемъ напылаютъ.

Или—и это еще ужаснѣе:

Увы! друзья! я юность *промоталъ*,
Я бросилъ въ грязь *алмазы одошкостей*,
Я и мечты свои и чувства растерялъ.
На пыльномъ торжествѣ суесть и заблуденій.

Я для грядущаго въ *младенчество* было
Не собиралъ, увы! ни опытовъ, ни знаній,
И вынъ, одряхлѣвъ и *тѣломъ* и *умомъ*,
Не рау, мои друзья, *плодовъ воспитанній*.

Въ пирахъ *промчалася* она, моя весна,
Трудъ беззаботному гулякъ былъ на-ве(въ)домъ;

И жизнь кончается, увы! *озарена*
Только (читай: *только*) *эпохами* межъ чаемъ и обѣдомъ.

Отъ елка я отсталъ (замѣтно!): *чужой* между своихъ,
Я въ одиночествѣ жизнь *скучную* кончаю,

И этихъ новыхъ мнѣній итъ (читать?)
И новыхъ думъ не понимаю.

И мнѣ былая жизнь печальна и тяжка,
Минуете поступки безъ значенья:
Минуеша тоска, увы! одна тоска
Чѣмъ старѣ, тѣмъ сильнѣй въ моемъ *воображеніи*...

Прерываемъ на мигу пьесу, чтобы замѣтить, что два послѣдніе стиха суть весьма-удачное подражаніе двумъ стихамъ Пушкина:

Но какъ было, печаль минувшихъ дней
Въ моей душѣ, чѣмъ старѣй, тѣмъ силь-
нѣй.

Такихъ весьма-удачныхъ подража-
ній весьма-много въ стихотвореніяхъ
г. Демидова, и притомъ подражаній
не одному Пушкину, но и Дельвигу и
другимъ, въ-особенности же Полежае-
ву... Теперь кончимъ пьесу:

Хотя еще въ груди подъ смолотою лу-
стою,

Виситъ огонекъ, но безъ тепла и си-
лы;

Хотя еще и есть въ душѣ моей мечта,
Но ужъ холодна, какъ выходишь ноготы.
О други! есть, да, есть ужасная печаль,
Ее вамъ высказать и личности не ста-
нетъ:

Она какъ ледяной, изурбаванной стѣлѣ,
Грудь бадьюю пронзаетъ и ширалитъ.

Но, не смотри на это по-истинѣ бѣд-
ственное положеніе поэта, въ его сти-
хотвореніяхъ встрѣчаются красоты
вѣчныя и неумирающія. Всѣхъ ихъ
не выпишешь — такъ ихъ много; но
сталь, которая *ширалитъ* бѣдную
грудь, напоминаетъ удивительную кра-
соту въ одномъ стихотвореніи г. Де-
мидова: ее мы не можемъ невыписать.
Вотъ она:

Что ния?—звукъ, пороховой бураки,
Волна средь волнъ, песчинка въ массѣ
міра,

Мусатова курительный табакъ,
Или Гамлетъ великаго Шекспира!

Непонятно — и высоко: непонятно
потому-что высоко, и высоко потому-
что непонятно!...

Но лучше всего намъ понравились
двѣ вещи во всѣхъ трехъ книжкахъ
стихотвореній г. Демидова: во-пер-
выхъ, эпиграфъ къ «Вечернимъ Досу-
гамъ» — $0 \times 0 = 0$, что, вѣроятно, зна-
читъ: «нуль, помноженный на нуль,
дастъ въ произведеніи нуль»: во-вто-
рыхъ, вотъ эти стихи:

Нать, нать! сегодня вдоковенсье
Не омараетъ ледяной умъ;
И нать въ моемъ стихотвореніи
Ни сильныхъ чувствъ, ни новыхъ думъ!
Иди жь въ огонь, ты, груда несчастный,

Дня горбатое мое,
Да не уаждитъ сазтъ безстрастнымъ
Въ тебѣ убожество твое!
Какъ скучно! (Веч. Дос., стр. 6.)

Эти стихи до того намъ понравились,
что мы невольно повторяли ихъ по
прочтеніи каждаго изъ стихотвореній
г. Демидова...

Рѣшительно, если Библиотека для
Чтенія права, что г. Тимоеевъ былъ
прямымъ наследникомъ таланта Пуш-
кина, то мы еще правѣе, утвержда-
емъ, что г. М. Демидовъ прямой наслед-
никъ и таланта и славы г. Тимоеева.

293) Наслѣдство Комедіанта,
или Имперія и Возстановленіе.
(L'homme aux trois culottes).
Романъ Поль-де-Кока. Санктпетер-
бургъ. 1842. Въ тѣл. Н. Греча. Двѣ ча-
сти. Въ 12-ю д. л. Въ I-й части 346, во
II-й — 355 стр.

Поль-де-Коку вздумалось, по-свѣдому,
охарактеризовать, въ романѣ, три зна-
менитыя эпохи французской исторіи
последняго времени — Республику, Им-
перію и Возстановленіе, — и онъ пре-
взходно это сдѣлалъ, если смотреть
на дѣло съ его точки зрѣнія. Впро-
чемъ, о содержаніи этого романа было
уже говорено въ XVI томѣ «Отеч. За-
писокъ», въ отдѣлѣ *Иностранной Ли-
тературы* (стр. 7). Переводъ вообще
сносенъ; наданіе сдѣлано по-человѣче-
ски: бумага и печать порядочныя, и
вмѣсто четырехъ тощенькихъ уродли-
выхъ частицъ, читатели получаютъ двѣ
убористо и четко-напечатанныя части
въ форматъ, котораго длина и ширина
соотвѣтственны толщинѣ. Словомъ, это
одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ переводовъ
романовъ Поль-де-Кока, которые еще
можно брать въ руки тѣмъ, кто не мо-
жетъ читать по-французски.

294) Черный Грובъ или Кровавыя
Земля. Кіевское повѣрье XVII вѣка. Из-
даніе второе. Москва. Въ тѣл. Лам-
режисъ. 1842. Въ 12-ю д. л. 99 и 79 стр.

Книга, которой, какъ можно налѣ-
гаться по всему, суждено бессмертіе въ

россійской» литературу. Отличается всѣми похвальными качествами, которыми такъ нравятся издѣтнаго рода публикѣ въ «Гуакахъ», «Милордахъ» и другихъ тому-подобныхъ неподражаемыхъ твореніяхъ, она, конечно, до тѣхъ-поръ не будетъ имѣть недостатка въ читателяхъ, пока не выведутся на Русь полуграмотные люди, читающіе книги по складамъ; — а такіе не въискательные читатели едва-ли когда переведутся. И такъ, мы смѣло общаемъ «Черному Гробу» такую же продолжительную жизнь, какую, благодаря неважеству, пользуются уже у насъ «Гуаки» и «Милорды», и нисколько не улявнися, если встрѣтимъ не только третья, даже десятое изданіе такого творенія. Жалеемъ, что скромность автора не позволила ему откровенно напечатать свое имя на заглавномъ листкѣ: по всѣмъ правамъ, и оно, виѣстѣ съ твореніемъ, должно бы перейти къ потомкамъ и сохраниться до позднѣйшаго времени.

295) Сказка объ *Иванѣ Разувалѣ, о прекрасной Людмилѣ, приамской царевнѣ, объ алмазномъ замкѣ, о чудномъ мостѣ, двадцатилетомъ змѣѣ и о волшебникѣ Колдораки.* Въ *сольныхъ стихахъ.* Соч. И. Руссо. Санктпетербургъ. Въ томъ. А. Сычева. Въ 12-ю д. л. 95 стр.

Хотя нелѣпое заглавіе и типографія г. Сычева сами-по-себѣ удовлетворительно опредѣляютъ достоинство этой книжонки, однако мы все-таки вынуждемъ изъ нея нѣсколько *сольныхъ стиховъ* (т. е. *алюжы*, ибо, по мнѣнію сочинителя этихъ пустынь, *сольные* и *алюжіе* стихи — одно и то же), чтобъ читатели сами могли видѣть, каково это новое «макарьевское» произведеніе:

Время шло и шло не мало,
Лѣтъ пятнадцать миновало;
Сынъ растетъ не по годамъ,
Не по днямъ, а по часамъ.
Парень всамъ былъ такъ хорошъ.
Переросъ отца Игнаша,
Да ума въ немъ, *воля ваша*,
Не найдется ни на грошъ.

Именно, ни на грошъ — ни въ Игнашѣ, ни во всей этой книжкѣ.

296) *Русскіе въ доблестяхъ своихъ въ снрѣ, снрности и въ любви своей къ престолу и отечеству.* Соч. Сергѣя Глинки. Санктпетербургъ. 1842. Въ томъ. А. Сычева. Дво книжки. Въ 8-ю д. л. Въ 1-й книжкѣ 56, во 2-й — 62 стр.

Предметъ и содержаніе этихъ книжекъ заслуживали бы, по своей важности, лучшей бумаги, лучшей типографіи и лучшей изложениа. Но, по русской поговоркѣ: «чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ», г. Глинка «предъявилъ» (говоря его любимымъ словомъ) какъ могъ и что могъ россійской публикѣ въ ея пользу и назиданіе. Если публика узнаетъ о существованіи этого «предъявленія», то, вѣроятно, будетъ за него благодарна усердному сочинителю; если же не узнаетъ — ловкіе книгопродавцы распродаютъ ее виѣстѣ съ пѣсенниками и снрениками романами. Въ томъ и другомъ случаѣ, книга не пропадетъ.

297) *Объ Отношеніи Семейнаго Воспитанія къ Государственному. Рѣчь произнесенная въ торжественномъ собраніи Императорскаго Московскаго Университета, 25 іюня 1842 года, ординарнымъ профессоромъ русской словесности, докторомъ филологіи и членомъ Педагогическаго Института Стенаномъ Шелыревскимъ.* Москва. Въ Университетской тип. 1842. Въ 8-ю д. л. 89 стр.

Рѣчь, или, — какъ называется ее самъ авторъ — слово, исполненное многихъ высокихъ мыслей и сильныхъ ораторскихъ движеній. Мысль, которую ораторъ полагаетъ въ основаніе своего слова, и которая, какъ онъ говоритъ, «глубоко запала ему въ душу», весьма проста и естественна: она состоитъ въ томъ, что идеалъ совершеннаго воспитанія «въ настоящую минуту, въ нашъ отечествѣ особенно», заключается въ неразрывной связи семейнаго съ государственнымъ. Это прекрасно, и это все мы знаемъ. Но

насъ сбиваетъ съ толку способъ, принятый авторомъ для раскрытія передъ нами этого положенія, и логика, которою онъ руководствовался при изложеніи своихъ мыслей объ этомъ предметѣ. Сказать, въ чемъ, по его мнѣнію, состоитъ идеалъ современнаго воспитанія въ нашемъ отечествѣ, ораторъ тотчасъ прибавляетъ: «сію-то мысль постараюсь раскрыть передъ вами, сначала путемъ мышленія, послѣ — путемъ исторіи». Въ слѣдствіе такого дѣленія, вся рѣчь автора дѣйствительно распадается на двѣ отдѣльныя половины, изъ которыхъ въ одной, на основаніи выводовъ, слѣданныхъ знаменитѣйшими нѣмецкими педагогами, излагается идеалъ современнаго воспитанія, а въ другой дѣлается историческій обзоръ воспитанія у важнѣйшихъ народовъ древняго и новаго міра. Положимъ, что та и другая половина, взятая въ отдѣльности, представлены ораторомъ въ совершеннѣйшемъ видѣ. достойномъ современнаго состоянія вопроса; положимъ, что въ той и другой части, разсматриваемыхъ порознь, нѣтъ ни значительныхъ пропусковъ, ни странныхъ парадоксовъ, ни произвольно-составленныхъ понятій; но прежде, чѣмъ мы станемъ читать или слушать это двойное изложеніе одного и того же предмета, мы еще спросимъ у оратора: къ-чему же это произвольное дѣленіе? зачѣмъ вамъ путь исторіи, когда вы хотите говорить о современности? къ-чему послужить вамъ этотъ длинный — длинный переборъ всѣхъ націй на земномъ шарѣ, съ подробными ровъсканіями о семейномъ бытѣ у каждаго народа, когда вы сами избрали себѣ задачу — представить идеалъ *современнаго* воспитанія, и притомъ въ особенности въ своемъ отечествѣ? Знаемъ, что почти каждый народъ смотритъ на воспитаніе съ своей точки зрѣнія, и что, подобно съ тѣмъ, у каждаго народа воспитаніе принимало свой особенный, національный характеръ; знаемъ, что, коснувшись разъ этого предмета,

можно говорить много, безконечно-много, такъ-что и конца не будетъ нашему многоглаголанію, особенно если вы отъ природы довольно-словоохотливы; но, Бога-ради, къ-чему все это? какъ это выжется съ вашею тѣмою, которую вы сами избрали для себя съ полною свободою и высказали намъ съ такою опредѣленностью? Или вы, можетъ-быть, хотѣли *кстати*, пользуясь случаемъ, рассказать намъ множество прекрасныхъ вещей, которыя вы очень-хорошо знаете, и которыя мы рисковали бы никогда не узнать въ противномъ случаѣ? Пусть и такъ; соглашаемся въ то, что, ревнуя къ нашей пользѣ, вы не могли лучше сдѣлать, какъ сказать намъ двѣ отдѣльныя рѣчи, изъ которыхъ въ одной тотъ же самый предметъ былъ бы разсмотрѣнъ съ исторической точки зрѣнія, а въ другой — съ философской. Но мы опять въ недоумѣніи: мысль свою вы раскрываете *сначала* путемъ мышленія, а потомъ уже путемъ исторіи: почему же не наоборотъ? Мы такъ привыкли начинать всѣ наши познанія съ опыта и представлять себѣ прошедшее предшествующимъ настоящему, что, при всемъ нашемъ желаніи вѣрить въ логику вашихъ мыслей, не можемъ не видѣть въ вашей рѣчи превращенія самаго обыкновеннаго логическаго порядка. Если вы рѣшили намъ вопросъ «путемъ мышленія», то къ-чему еще слушать намъ другое рѣшеніе, которое, конечно, должно сказать намъ то же самое; къ-чему возвращаться далеко назадъ и снова дѣлать, можетъ-быть, еще дальнѣйшій путь, чтобъ прійти опять къ тому же самому пункту? И точно ли это будетъ рѣшеніе, второе раскрытіе той мысли, которую вы разъ уже раскрыли путемъ мышленія? Нисколько! это будетъ только предисловіе, поставленное на мѣстѣ заключенія: виѣ мышленія однимъ путемъ исторіи вы можете объяснить намъ всѣ подробности воспитанія въ прежнія времена и ничего не сказать о современныхъ тре-

бываніяхъ воспитанія; тогда вы снова должны будете обратиться къ оставленному вами пути мышленія и еще разъ повторить то, что вы уже сказали прежде, во время вашего путешествія по первому изъ двухъ извѣстныхъ вамъ путей. Просимъ сообразить при этомъ, какой хаосъ частей долженъ быть въ цѣломъ сочиненіи при такомъ способѣ изложенія. Мы нарочно заглядывали во вторую половину рѣчи оратора, чтобъ видѣть, какіе неизданными искусствомъ умъ оный выйдти изъ этого затруднительнаго положенія, и нашли въ ней ни больше, ни меньше, какъ нѣсколько отдѣльныхъ, коротенькихъ извѣстій не о воспитаніи, а о семейномъ бытѣ Евреевъ, Китайцевъ, Египтянъ, Грековъ и проч., — извѣстій, не связанныхъ между собою никакою общемою мыслию, и потому нисколько непомогающихъ раскрытію главной мысли. За то, конечно, въ этой части слышно множество блестящихъ открытій, доказано, напримеръ, ясно какъ день Божій, что семейная жизнь въ Германіи находится въ плачевномъ состояніи (стр. 57), что древніе Славяне могли гордиться, въ отношеніи къ семейному быту, даже передъ образованными Римлянами и Греками (стр. 61), и разное иное тому подобное; но это частности, — а мы искали связи между главными мыслями.

Плохо знаемъ мы условія краснорѣчія академическаго: можетъ-быть, оно и позволяетъ такого рода отступленія отъ общаго порядка вещей, которыя мы въ простотѣ нашей называемъ не-правильностями. Но мудроно кажется намъ, какъ могъ ораторъ не замѣтить, что два избранные имъ пути нераздѣльны одинъ отъ другаго, и что путь исторій есть также путь мысли, конечно уже прошедшей, отжившей, но все же мысли, и что на основаніи, положенномъ этою прошлою, отжившею мыслию, утверждается зданіе новой, современной. Отдѣлять одно отъ другаго, дѣлать изъ одного два «пути», и

построенія такъ-называемаго чистаго мышленія предпосылать даннымъ исторіи, значить тѣ же, что сначала стровить воздушные замки, а потомъ полагать имъ солидное основаніе.

Но, остановившись на дѣленіи, мы отвлеклись отъ предмета. Рѣчь нашего оратора, мы уже сказали, изобилуетъ многими высокими мыслями и движеніями истинно-ораторскими. Самое же важное, неотъемлемое достоинство сочиненія составляетъ слогъ его. Любители истиннаго слогу не найдутъ здѣсь развѣ только одного изъ существенныхъ признаковъ, по которымъ они отличаютъ слогъ отъ не-слога, то-есть буквъ у, которую они вооружаютъ всѣ русскіе родительные падежи. Все прочее въ своемъ видѣ. Фраза господина-Шевырева изящна, умна, оборотлива; это фраза ученая, дышащая мыслию, фраза, которая сама есть мысль. Тѣ, которые будутъ имѣть удовольствіе читать рѣчь, сами увидятъ, какъ много такихъ фразъ разсыпано въ цѣломъ сочиненіи, начиная съ первой страницы, гдѣ говорится о «мирной субботѣ покоя и торжества», и до послѣдней.

298) Описание Древнихъ Русскихъ Монетъ. *Прибавленіе третье. Съ изображеніемъ шестидесяти монетъ. Москва. Въ тип. Селивановскаго. 1842. Въ 8-ю д. л. 67 стр.*

Русской нумизматикѣ, столько уже обязанной трудамъ почтеннаго г. Черткова, съ успахомъ разрабатывающаго эту важную и до него почти нетронутую часть, представляется новый случай благодарить дѣятельнаго своего спосібнника: послѣднее прибавленіе къ «Описанію Древнихъ Русскихъ Монетъ» есть новое важное завоеваніе, новый шагъ впередъ въ этой, до-сихъ-поръ еще мало очищенной области. Здѣсь описаны и объяснены нѣкоторыя вновь открытыя монеты Княжествъ — Московскаго, Тверскаго, Рязанскаго, нѣкоторыхъ князей удалыхъ (звенигородскаго, Можайскаго и проч.) и мо-

неты неизвестны. Особенно замѣчательны изображенія монетъ, съ величайшею отчетливостію сдѣланныя художникомъ Тромониннымъ, который въ своемъ искусствѣ, кажется, не имѣетъ у насъ соперниковъ.

299) Поучительныя Слова *протоіера* Сергія Соколовскаго. Москва. Вѣ тѣм. Лазаревыхъ Ист. Восточ. Языковъ. 1842. Вѣ 8-ю д. л. 122 стр.

Если бы эта книга и не отличалась особеннымъ краснорачіемъ, то по предмету и цѣли своей могла бы найти себѣ множество читателей.

300) Общій Отчетъ, представленный Его Императорскому Величеству по Министерству Народнаго Просвѣщенія за 1844 годъ. Санктпетербургъ. Вѣ тѣм. Академіи Наукъ. 1845. Вѣ 8-ю д. л. 109 стр.

Министерство Народнаго Просвѣщенія, продолжая, въ теченіи 1841 года, съ равнымъ успѣхомъ и дѣятельностью заботиться о постепенномъ развитіи и усовершенствованіи многочисленныхъ заведеній, вѣранныхъ его управленію, занималось, сверхъ того, преобразованіемъ важной отрасли университетскаго преподаванія.

Двѣ медико-хирургическія академіи, въ Москвѣ и Вильнѣ, учрежденныя съ специальною цѣлію и состоявшія подъ надзоромъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, не имѣя болѣе прежняго назначенія, съ 1839 года были присоединены къ числу учебныхъ заведеній, подвѣдомственныхъ Министерству Народнаго Просвѣщенія. Въ послѣдствіи, оказалось необходимымъ дать имъ другое, полезнѣйшее направленіе. Заведенія эти много вы-

играли отъ присоединенія ихъ къ университетамъ, въ которыхъ студенты должны находить средства приобретать возможно-болѣе обширныя и разнообразныя познанія. По разсмотрѣніи всего, относящагося къ этому образованію во временномъ медицинскомъ комитетѣ, открывшемъ свои засѣданія въ началѣ года, рѣшено было, чтобъ Виленская Медико-Хирургическая Академія, замѣщенная уже, такъ сказать, факультетомъ медицинскимъ, учрежденнымъ въ прошломъ году при Университетѣ св. Владиміра въ Кіевѣ и отъ-того сдѣлавшаяся лишнею, была совершенно закрыта. Большая часть библіотеки и другихъ коллекцій этой академіи перенесена уже въ Кіевъ, куда не замедлятъ перевестись и остальное; низшіе классы уже закрыты, и въ нихъ не принимаются болѣе воспитанники; только высшіе классы остаются еще открытыми до совершеннаго окончанія курса наукъ всѣми находящимися въ академіи студентами. Подобныя же мѣры приняты въ Московской Медико-Хирургической Академіи, которую назначено присоединить къ тамошнему университету; низшіе классы тамъ также закрыты, а молодые люди, желающіе посвятить себя изученію медицины, должны уже обращаться въ Московскій Университетъ. Въ слѣдствіе этихъ распоряженій, число воспитанниковъ въ сихъ заведеніяхъ должно было уменьшиться значительно; между-тѣмъ, какъ число молодыхъ людей, озабочивающихся своею образованіемъ въ университетахъ, замѣтно возрастало, что видно изъ слѣдующей сравнительной таблицы состоянія этихъ заведеній въ продолженіи двухъ послѣднихъ лѣтъ:

	1840.	1841.		
	Число чиновниковъ и преподавателей.	Число студентовъ.	Число чиновниковъ и преподавателей.	Число студентовъ.
Университеты.				
Санктпетербургскій	59	433	58	503
Московскій	82	932	97	925
Дерптскій	66	530	64	504

Харьковский	79	468	77	451
Казанский	74	237	81	275
Св. Владимира (въ Киевѣ)	55	140	55	200
Итого 415		2,740	432	2,858

Медико-Хирургическія

Академія:

Московская	54	416	53	289
Виленская	40	381	24	100
Итого 94		797	77	389

Что касается до заведеній, занимающихъ первое мѣсто послѣ университетовъ, какъ то: Главный Педагогическій Институтъ въ Санктпетербургѣ и три лиція, то вотъ итоги, какіе они представляютъ въ теченіи двухъ лѣтъ, о которыхъ говоримъ мы:

	1840.		1841.	
	Число чиновниковъ и преподавателей.	Число учащихся.	Число чиновниковъ и преподавателей.	Число учащихся.
Главный Педагогическій Институтъ	43	168	47	148
Ришельевскій Лицей	25	52	29	81
Демядовскій —	20	33	20	39
Князя Безбородки	15	19	18	49
Итого въ лиціяхъ 60		104	67	169
Итого по всѣмъ заведеніямъ перваго разряда	612	3,809	629	3,564 (*)

Число лицъ, получившихъ какъ различныя ученые степени, такъ болѣе или менѣе ограниченное право занимать должности хирурговъ, дантистовъ, ветеринаровъ, фармацевтовъ и проч. въ теченіи года простиралось до 845; въ это число входятъ студенты, окончившіе курсъ наукъ, и другія

(*) Въ библіотекахъ, при этихъ заведеніяхъ, въ концѣ 1841 года, находилось слѣдующее число книгъ: Въ Университетахъ: — Санктпетербургскомъ — 28,880 томовъ; Московскомъ — 69,410 томовъ; Харьковскомъ — 39,805 том.; Казанскомъ — 36,421 томъ; Дерптскомъ — 68,426 том., Киевскомъ — 56,367 том. — Въ Педагогическомъ Институтѣ — 8,841 томъ; въ лиціяхъ: Ришельевскомъ — 8,848 том., Демядовскомъ — 5,644 тома; князя Безбородки — 6,777. — Сравнивая эти числа съ прежними, приведенными въ отчетахъ за 1840, 1839 и 1838 годы, найдемъ, что всѣ эти библіотеки получили значительное приращеніе въ продолженіи прошлаго года, такъ же, какъ и въ предыдущихъ годахъ. То же должно разумѣть и о другихъ коллекціяхъ университетскихъ, какъ-то: музеяхъ естественной исторіи, минц-кабинетахъ, собраніяхъ астрономическихъ и другихъ сварадовъ, въ которыхъ нѣкоторые сдѣлались очень замѣчательными, особенно астрономическія обсерваторіи при университетахъ Дерптскомъ, давно уже прославившемся, Казанскомъ и Киевскомъ, приобретаемъ превосходное собраніе инструментовъ, сдѣланныхъ въ мастерскихъ Ушнейдера и Фрауэнгофера, въ Мюнхенѣ. Многія другія библіотеки, находящіяся въ вѣдѣніи Министерства Народнаго Просвѣщенія, также обогатились новыми пріобрѣтеніями и въ нихъ число книгъ слѣдующее: въ Императорской Публичной Библіотекѣ въ Петербургѣ (вмѣстѣ съ рукописями) — 434,567 томовъ; въ Библіотекѣ С. П. Б. Академіи Наукъ — 100,475 томовъ, въ Библіотекѣ Румянцева Музеума — 32,750 томовъ, въ Публичной Варшавской Библіотекѣ — 62,299 томовъ.

лица, подвергавшіяся предписаннымъ законами экзаменамъ.

Вообще, дѣйствія университетовъ не были ни менѣ живы, ни менѣ богаты результатами, въ сравненіи съ предшествовавшими годами. Занимаясь непрерывно расширеніемъ области наукъ, многіе профессора предпринимали путешествія для обозрѣнія малозвѣстныхъ частей нашего обширнаго отечества, или же за границу, для обозрѣнія замѣчательнѣйшихъ общественныхъ заведеній и богатѣйшихъ коллекцій. Между прочимъ, двумъ молодымъ ученымъ Казанскаго Университета, гг. Березину и Диттелю, даны позволеніе и средства для усовершенствованія въ языкахъ арабскомъ, персидскомъ и турецко-татарскомъ, предпринять трехлѣтнее путешествіе по Европейской Турціи, Малой Азіи, Персіи, Сиріи и Египту. Сверхъ-того, Казанскій Университетъ продолжаетъ издавать свои «Записки», составляющія четыре тома въ годъ.

Въ отчетахъ за прошедшіе годы мы имѣли случай обратить вниманіе читателей на особенное попеченіе Министра о равнѣнн преподаванія техническихъ наукъ во всѣхъ частяхъ Россійской Имперіи. Съ 1839 года, для

Гимназій	74)
Уѣздныхъ училищъ	442	
Приходскихъ	1,021	
Частныхъ школъ и пансіоновъ	481 (*)	
Итого	2,018 училищъ	

съ 16,896 учащимися.

съ 80,594 учащимися.

Въ предъидущемъ году

считалось 1,981

— 97,561 — — —

а, вѣсть съ университетами и другими высшими учебными заведеніями, о которыхъ говорено выше,

въ 1840 году 1,995 заведеній

съ 101,370 учащимися.

— 1841 — 2,032

— 101,054 — — —

Въ Санктпетербургскомъ Учебномъ Округѣ успѣхи, въ теченіи послѣднихъ лѣтъ, были самыя замѣчательныя; въ немъ, не только число учебныхъ заведеній увеличилось съ 1833 года 2 гимназіями, 3 уѣздными, 49

этой цѣли сочтено нужнымъ образовывать, при извѣстномъ числѣ гимназій и уѣздныхъ училищъ, спеціальныя отдѣленія, похожія на заведенія, извѣстныя въ Германіи подъ названіемъ *реальныхъ школъ* (Real-Schulen) и назначенныхъ для доставленія воспитанникамъ средствъ пріобрѣтать свѣдѣнія необходимыя для торговли и промышленности. Первые школы такого рода открыты были въ томъ же году въ Москвѣ, Тулѣ, Курскѣ и Вильнѣ при гимназіяхъ, въ Ригѣ и Керчи при уѣздныхъ училищахъ; въ 1841 году оказалась возможность приступить къ образованію новаго заведенія въ этомъ родѣ при Архангельской Гимназій. Сверхъ-того, публичныя лекціи о точныхъ наукахъ, примѣненныхъ къ землѣдѣлю и промышленности, продолжались въ разныхъ университетахъ Имперіи.

Число низшихъ учебныхъ заведеній увеличилось въ теченіи прошлаго года въ первыхъ восьми учебныхъ округахъ одною гимназіею, 4 уѣздными и 38 приходскими училищами, и представляло въ концѣ періода, объемлемаго этимъ отчетомъ, слѣдующіе итоги:

(*) Въ предъидущемъ году было ихъ 486.

Здѣсь, какъ во всей Имперіи, быстрые успѣхи такого множества заведеній, устроенныхъ въ столь короткое время, были облегчаемы многочисленными пожертвованіями дворянства и купечества въ разныхъ губерніяхъ, оцѣниваемаго по достоинству благодѣтельные виды правительства. Благодаря денежнымъ приношеніямъ дворянства, преемственнаго даже надежды правительства, представилась возможность основать при 45 гимназіяхъ въ различныхъ городахъ внутренней Россіи *благородные пансіоны* — заведенія полезныя, которыми родители, живущіе въ деревняхъ, могутъ взвѣрять своихъ дѣтей и въ которыхъ бѣднымъ людямъ предоставлено безденежное содержаніе. Такъ, напр., дворянство Минской Губерніи въ теченіи прошлаго года назначило капиталъ въ 15,000 рубл. сер. на построеніе дома для благороднаго пансіона при Минской Гимназіи, а проценты съ такой же суммы, положенной въ одномъ изъ кредитныхъ установленій, на содержаніе извѣстнаго числа дѣтей бѣдныхъ дворянъ.

Изъ числа учебныхъ заведеній, основанныхъ частными людьми, нѣкоторыя обязаны своимъ происхожденіемъ также благотворительности частныхъ лицъ. Сюда принадлежитъ особенно школа для молодыхъ бѣдныхъ дѣвицъ, основанная въ столицѣ Ея Свѣтлостію, Принцессою Ольденбургскою. Нельзя также умолчать о другомъ счастливомъ обстоятельстве: Евреи, столь многочисленные въ западныхъ губер-

ніяхъ Россіи, начинаютъ наконецъ принимать благодѣтельныя намѣренія правительства и подражаютъ примѣру другихъ классовъ общества; въ Вильнѣ и Гольдингенѣ, въ Курляндіи, основаны двѣ элементарныя школы на счетъ послѣдователей закова монсеева, для дѣтей-Евреевъ, равно какъ шесть другихъ въ Польшѣ.

Между заведеніями, сравненными съ гимназіями, заслуживаетъ вниманіе во многихъ отношеніяхъ Московскій Лазаревыхъ Институтъ Восточныхъ Языковъ, основанный на иждивеніи частнаго лица, г. камергера Лазарева. Суммы, опредѣленныя на содержаніе этого заведенія, дали, въ прошломъ году, возможность устроить два новыя класса, равно какъ особенное отдѣленіе, въ которое будетъ принято до 20 учениковъ, назначаемыхъ въ духовное званіе армянскаго исповѣданія.

Остается упомянуть еще о девятомъ учебномъ округѣ—Варшавскомъ. Тамъ приведенъ въ дѣйствіе новый уставъ для школъ, основанныхъ частными лицами; одно изъ тѣхъ училищъ, которыя мы означили выше подъ названіемъ *реальныхъ*, основано въ Варшавѣ, а курсы, открытыя при Санктпетербургскомъ и Московскомъ Университетахъ, представляютъ польскому юношеству средства изучать, въ общемъ курсѣ университетскаго преподаванія, права своего отечества. Вотъ сравнительное состояніе, въ теченіи двухъ послѣднихъ лѣтъ, учебныхъ заведеній въ этомъ округѣ:

	Число за- веденій.	Число уча- щихся.	Число за- веденій.	Чис. уча- щихся.
1. Специальныя училища.				
Дополнительные Педагогическіе Курсы	1	126	1	178
Институтъ Сельскаго Хозяйства въ Мармонтѣ	1	90	1	115
Реальная Гимназія	"	"	1	325
Институтъ первоначальныхъ учителей въ Ловичѣ	1	63	1	54
Училище Раввиновъ	1	160	1	175
2. Общія учебныя заведенія.				
Гимназій	10	4,042	10	3,886

Общедовыхъ училищъ	21	3,132	21	2,847
Воскресныхъ ремесл. училищъ . .	69	7,159	74	6,842
Начальныхъ училищъ	936	42,573	941	40,758
Еврейскихъ училищъ	6	279
	1,036	56,942	1,052	54,612
3. Частныхъ заведеній	195	4,660	185	5,400
Итого	1,235	62,050	1,242	60,859

Такимъ-образомъ, во всей Россійской Имперіи и Царствѣ Польскомъ число учебныхъ заведеній, подвѣдомственныхъ Министерству Народнаго Просвѣщенія, въ 1841 году, простиралось до 3,274, а число учащихся въ нихъ — до 161,919.

Что касается до трудовъ Санктпетербургской Академіи Наукъ, Археологической Комиссіи и пр., мы отдавали о нихъ отчеты въ отдѣлѣ Смѣси, подъ названіемъ «Засѣданія Ученыхъ Обществъ въ Россіи и Чужихъ Краяхъ».

301) Труды Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества, 1842 годъ. Третъ перекл. С. Петербургъ. Въ тип. Фишера. Въ 8-ю д. л. IV и 238 стр. Съ рисунками.

Изъ предисловія узнаемъ мы, что впредь Общество будетъ издавать труды свои каждую третью по одной книжкѣ отъ 10 до 12 листовъ. Нельзя не порадоваться такому намѣренію. — Вотъ содержаніе 1-й книжки:

1) Отчетъ о дѣйствіяхъ Общества въ 1841 годъ, изъ котораго между прочимъ видно, что Общество поставило себя на ту ногу, на которой подобныя учрежденія существовать должны. И такъ, надежды наши при извѣстіи о избраніи новаго предсѣдателя и секретаря сбылись въ полной мѣрѣ; послѣдствія должны быть полезны для успѣховъ нашего хозяйства и для славы Общества.

2) Взглядъ на полуостровъ Крымъ въ земледѣльческомъ и промышленномъ отношеніи, члена Шмальца, безъ сомнѣнія и звѣстнаго нашимъ агрономамъ. Нынѣшнее его сочиненіе есть не болѣе, какъ краткій, обзоръ но оно достойно поддерживаетъ знаменитость,

заслуженную профессоромъ Альтгустгофской Земледѣльческой въ Ливелдин Школы.

Этими не хотимъ мы однакожь сказать, чтобъ была согласна во всѣхъ многочисленныхъ статьяхъ твореніи почтеннаго сочинителя; на-примѣръ: мы думали бы для разведенія точечнеобходимыхъ лѣсовъ въ Таврической Губерніи вообще черенки тополей перевозить осенью и рано весною, отводъ не разрывая, но цѣлыми вѣтвями, у которыхъ завязавшіе въ дорогѣ концы отрывывать прочь, а остальное на мѣстѣ уже, помочивши около сутокъ въ водѣ, раздроблять для садки; при томъ не слѣдуетъ забывать опытовъ уже сланныхъ въ Южной Россіи о разведеніи красной ветлы или шелуги вѣлангуса.

Всего болѣе несогласны мы съ извѣстіемъ г. Шмальца относительно населенія Крыма колонистами, вызванными изъ прусскихъ областей, и еще съ тѣмъ, чтобъ сдѣлать ихъ хозяевами, а классъ работниковъ (въ которыхъ почтенный авторъ тоже чувствуетъ большую нужду), кажется, склоненъ онъ составить изъ русскихъ сельскихъ жителей, вызванныхъ изъ другихъ губерній, какъ должно догадываться.

На это замѣтимъ, что изъ Германіи и изъ Европы вообще, ежегодно переселится въ Америку огромное количество людей всякаго рода, безъ малѣйшихъ изъ тѣхъ поощреній, которыя Россія имъ такъ щедро оказываетъ. О жалкой участи большей части этихъ людей въ Америкѣ неоднократно были мы случай читать извѣстія въ журналахъ и мѣстныхъ описаніяхъ, которыя доказываютъ, что положеніе изъ

не дѣлается лучше, хотя они только того и ищутъ тамъ, чтобъ быть работниками. Къ-чему же эти претензіи на особія хозяйства? и чему научать, по части садоводства, дѣланія вина, разведенія шёлка, жители Пруссіи, подобнымъ производствомъ на роднѣхъ своей незанявшіеся? По-нашему, всего было бы ближе и надежнѣе вызвать въ некоторое число семействъ въ губерній, въ которыхъ жители наиболѣе занимаются садоводствомъ, на-примеръ: Туляковъ, Владимірцевъ, Вявниковцевъ, Гороховцевъ, Курчанъ, Дорогобужцевъ и пр. и пр., поселить ихъ въ Крыму, съ привилегіями и правами колонистовъ; дать имъ хорошія печатныя руководства по части выдѣлкія, шелководства и проч., поручить ихъ особому надзору Общества Сельскаго Хозяйства Южной Россіи; для нагляднаго ученія, между ими поселить семьи по двѣ Нѣмцевъ, вызванныхъ не изъ Пруссіи, а съ береговъ Рейна, Неккера или Дуная; для лучшаго образованія дѣтей ихъ, учредить школу садоводства, гдѣ преподавалось бы разведеніе шёлка, табака, гармалы, крапа, polygonum tinctorium и пр. и пр., вмѣстѣ съ правилами съемки на планъ, иввеллированія, строенія шлязовъ (для поливки), производства строеній изъ сырцоваго кирпича, изъ плетня, обмазаннаго глиною, и пр. и пр. Все это было бы удобнѣе, дешевле и полезнѣе, нежели наполнять Крымъ иностранцами, которыхъ тамъ и безъ того слишкомъ много и, слѣдовательно, обрусить ихъ трудно; а обрусить непременно-вужно.

3) О пользѣ заведенія рыбныхъ прудовъ. Надобно было бы намъ обратиться на этотъ предметъ давно болѣе вниманія.

4) Забѣчаніе объ искусственномъ осажженіи воздуха въ ульяхъ (съ рисункомъ).

5) Опыты объ употребленіи жидкостей для закалки стекла въ Россіи.

Надѣмся, что публика окажетъ участіе, принимаемое ею въ полезномъ начинаніи или возобновленіи прежняго

журнала Санктпетербургскаго Экономическаго Общества.

. 302) Описаніе Олонецкой Губерніи въ историческомъ, статистическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ, составленное В. Дашковымъ. Спб. Въ тип. Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. 1842. Въ 8-ю д. л. 222 стр.

Особенной похвалы заслуживаютъ сочиненія, имѣющія цѣлю ознакомленіе Русскихъ съ ихъ великимъ отечествомъ, части котораго такъ разнообразны, такъ непохожи одна на другую, и для узнанія которыхъ у насъ мало средствъ. Но еще-большей похвалы заслуживаютъ такіа сочиненія, когда они составляются такъ хорошо, полно и удовлетворительно, какъ сочиненіе г. Дашкова. Книга издана опрятно; къ ней приложены: литографированный видъ Петрозаводска и — что удвоиваетъ цѣну книги — вѣрно-составленная и хорошо-отпечатанная карта Олонецкой Губерніи.

303) Картины Русской Живописи. Выпускъ третій. Гравюра: Явленіе Христа Магдалинѣ, съ картины Иванова. Санктпетербургъ. 1842. Въ 8-ю д. л. 32 стр. (Цѣна каждому выпуску 50 к. сер.; при полученіи выпуска вносятся деньги за слѣдующій).

Гравюра «Явленіе Христа Магдалинѣ», приложенная при этомъ третьемъ выпускѣ «Картинъ Русской Живописи» сдѣлана превосходно. Скорбное, плачущее лицо Магдалины, на которомъ замѣтны слѣды долговременныхъ, глубокихъ страданій, и которое такъ поражало всѣхъ знатоковъ живописи въ превосходной картинѣ нашего знаменитаго художника Иванова, присланной изъ Рима нѣсколько лѣтъ назадъ, — сохранило въ гравюрѣ всѣ черты свои, всю энергію, всю прелесть. Смотря на эту гравюру, можно получить полное поватіе о высокомъ художественномъ достоинствѣ картины. Чистота и отчетливость авглійской гравировки не оставляютъ ничего желать большае.

Въ третьемъ выпускѣ помѣщена статья г-на Кукольника «Русская Живописная Школа», служащая продолженіемъ первой его статьи о томъ же предметѣ, помѣщенной въ первомъ выпускѣ «Картинъ».

Выпуски четвертый и пятый, говорятъ, выйдутъ на-дняхъ. Гравюры для нихъ давно уже получены изъ Лондона.

304) Римскіе Папы, *ихъ церкви и юсударство въ XVI и XVII столѣтіяхъ*. Сочиненіе Леопольда Ранке. Переводъ съ нѣмецкаго. Берлинъ. 1834. Спб. Въ тип. Ильи Глазунова и К°. 1842. Въ 8-ю д. л. 480 стр.

Нельзя не поразиться, что такое глубокое европейское сочиненіе переведено наконецъ на русскій языкъ, хотя и не вполне; но нельзя тутъ же не пожалѣть, что оно переведено языкомъ тяжелымъ, неопредѣленнымъ, сбивчивымъ, иногда неправильнымъ; а издано хотя и красиво, но со множествомъ опечатокъ, съ набойчатою пестрою безъ нужды, вопреки орфографіи, щедрою рукою насыпанныхъ прописныхъ буквъ. Однакожъ спасибо и за то! Русскому, незнающему иностранныхъ языковъ, лучше прочесть такое глубокое твореніе въ какомъ-нибудь переводѣ и какъ-нибудь изданное, чѣмъ совсѣмъ не читать его. Мы поговоримъ о немъ въ отдѣлѣ критики, въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ «Отеч. Записокъ».

305) Девница Ново-Болгарскаго Образованія. Сочиненіе Василія Априлова, *изданное имъ на своемъ издательствѣ въ пользу Габровскаго Училища. Часть первая. Одесса. Въ юродской типографіи. 1841. Въ 8-ю д. л. 146 и XXII стр.*

Цѣль этой книжки — познакомить Русскихъ съ возникающимъ просвѣщеніемъ родственнаго намъ болгарскаго племени. Цѣль похвальная и вполневая отчасти недурно. Въ книжкѣ есть интересныя факты. Просвѣщеніе Болгаръ пока еще не отличается сли-

шкомъ-большимъ свѣтомъ; но другъ человечества не можетъ не порадоваться и одному началу благаго дѣла. Въ этомъ случаѣ, вопросъ не о Болгарахъ и не о Славянахъ, а о людяхъ. Всѣ люди должны быть братьями людямъ. Изъ-за большихъ не слѣдуетъ не любить меньшихъ. Если эти меньшіе уже слишкомъ-жалы, такъ-что едва запечутъ кое-что, можно ихъ не слушать; но зачѣмъ же не порадоваться, что они начинаютъ лепетать и тѣмъ даютъ надежду, что, можетъ-быть, будутъ когда-нибудь и говорить? Вотъ, наприм., стихи — дѣло другое: если они плохи, имъ вѣчего радоваться. Если же они внушены какимъ-нибудь благороднымъ чувствомъ, какъ напр., признательностию, — воздадимъ должную похвалу чувству, а стихи все-таки назовемъ дурными. Одно другому не мѣшаетъ. Намъ рѣшительно не нравится «Рыданіе на смертьта Ю. И. Венелина». Вотъ для примѣра отрывокъ:

Плачете, рыдайте,
Всы болгарски чада,
Изгубихме вѣчно
Юрья Венелина,
Нашъ премудрый братъ!...

Но па вѣчный споменъ
Въ нашите сердцата
Неговото име
Ше бы безсмертно
Ако и умрелъ.

Впрочемъ, и то сказать: можетъ-быть, эти стихи и хороши для людей, знаемыхъ съ болгарскимъ языкомъ и болгарскимъ вкусомъ въ поэзіи, — не споримъ. — Учитесь, учитесь, добрые, почтенные Болгары! До того же времени, постарайтесь внушить своимъ поклонникамъ и вообще всѣмъ славянофиламъ побольше вѣжливости и человечности. Кто больше интересуется литературою Франціи, Германіи и Англии, нежели болгарскими букварями, на тѣхъ они смотреть, какъ на злодѣевъ и изверговъ, какъ Испанцы смотрѣли на лютеранъ, которыхъ, въ своемъ невѣжественномъ фанатизмѣ, называли

еретиками. Наши Испанцы, т. е. ваши ревнители, хоть сейчас готовы были бы учредить инквизицію для истребленія духа европолюбія и для распространенія духа азіелюбія и обскурантизма, т. е. мраколюбія. Одинъ изъ нихъ (мы забыли его неизвѣстное и темное въ литературѣ имя) недавно напечаталъ на насъ, въ московскомъ журналѣ, именно по поводу книжки г-на Априлова, ужасную филиппику, обвиняя насъ въ равнодушіи къ ученымъ государствамъ, находящимся подъ владычествомъ Турціи, и въ любви къ нѣмецкимъ гелертамъ. Прочитавъ это «предъявленіе», мы воздали хвалу Богу, что живемъ въ XIX - мѣ вѣкѣ, а то сгорѣли бы намъ на кострѣ. Въ самомъ дѣлѣ, добрые Болгары, насъ уличили въ страшномъ преступленіи: мы, видите, какъ-то сказали, что Турки — народъ, образующій собою государство, а Болгаре — только племя, не образующее собою никакого политическаго общества, и что въ этомъ-то и заключается причина турецкаго владычества надъ вами, какъ *историческаго права, которое есть сила*. Досталось же за это и намъ, и нѣмецкимъ гелертамъ! Вспомнить страшно! Если у всѣхъ *славянскихъ* гелертовъ такой крутой нравъ и такая инквизиціонная манера раздѣльваться съ русскими литераторами, которые не хвалятъ ихъ сочиненій, то русскимъ литераторамъ придется также избѣгать всякаго съ ними столкновенія, какъ вы избѣгаете его съ турецкими кадіями... Да! просвѣщайтесь, добрые Болгары! дай вамъ Богъ успѣховъ! Даже пишите стихи, если ужъ не можете безъ нихъ обходиться; только, Бога ради, берегитесь защитниковъ, которые роняютъ васъ своимъ заступничествомъ и вредятъ вамъ больше Турковъ.

306) Полное Наставленіе, какъ должно ходить за больными, или учебная книга для руководства фельдшерамъ, сердобольнымъ вдовамъ, повиваль-

нымъ бабкамъ и другимъ лицамъ, посвящающимъ себя хожденію за больными обою пола, въ больницахъ и частныхъ домахъ. Сочиненіе Федора Зауера, штабъ-лекаря Надвор. Сов. и пр. Часть вторая. Санктпетербургъ. Въ тип. Н. Греча. Въ 8-ю д. л. XVI и 391 стр.

О выходѣ первой части этого сочиненія было говорено въ 4-й книжкѣ «Отеч. Записокъ» 1841 года. Не распространяясь теперь о пользѣ книги г. Зауера, представимъ обзоръ содержанія второй ея части. Она состоитъ изъ шести главъ: I. О кровопусканіи. Вскрытіе артерій, вѣнь; производство кровопусканія изъ вѣнь въ локтевомъ сгибѣ, ручной кисти, на ногѣ, шеѣ и пр. При этихъ операціяхъ показаны также всѣ необходимыя предосторожности и приведены случаи, когда должно употреблять ланцетъ или шнеперъ. При описаніи кровопусканія, производимаго пиявцами, весьма кстати присоединена естественная исторія лямъ, транспорта и болѣзни пиявиць; также нельзя не одобрить, что г. Зауеръ научаетъ, какъ должно разводить пиявиць: это, конечно, покажется страннымъ тому, кто не знаетъ, чего стоить подъ часъ пиявицы. Описаніе скарификаціи (насѣчекъ) и кровопусканія рожками очень-удовлетворительно, и показываетъ, что авторъ знаетъ это дѣло до *pes plus ultra*. — II. О прививаніи предохранительной оспы. Нельзя не быть признательнымъ г. Зауеру за обстоятельное изложеніе этого предмета; ибо сколько люди ни увѣрены въ пользѣ оспопрививанія, но доселѣ все еще остается оно почти незнакомымъ для многихъ. — III. Общія наставленія фельдшерамъ и хожатымъ, какъ должно обращаться съ больными относительно душевнаго ихъ состоянія, какъ наблюдать за ихъ припадками во время бдѣнія и сна, и какъ доносить объ этомъ врачу, и что должно наблюдать относительно покоя и движенія больныхъ. Польза этого наставленія очевидна. — IV. Правила, какія наблюдать должны фельдшера и

хожатые при различных болезненных состояниях. Эти правила вовсе не лишни даже для самых врачей, хотя г. Зауеръ, по свойственной ему скромности, предлагает свои наставленія лишь фельдшерамъ. Болезни, исчисляемыя въ этой главѣ, суть: рожа, ожогъ, отморозъ, раны вообще, и въ частности раны а) порѣзанныя и порубленныя; б) колотыя, с) ушибенныя и разорванныя; д) огнестрѣльныя, и е) отравленныя, ядовитыя. Ушибы, грыжа и выпаденіе внутренностей, переломы костей, вывихи, кровотечения изъ естественныхъ полостей тѣла. Наставленіе касательно беременных, когда онѣ ожидаютъ наступленія родовъ и касательно родильницъ, равно какъ и дѣтей, весьма отчетливо и не лишне для каждаго, кромѣ фельдшеровъ и хожатыхъ. Далѣе, интересны въ этой главѣ наставленія, какъ спасать жизнь людямъ внезапно-павшимъ въ смертныя случаи, именно: помощь подаваемая *замерзшимъ, погосмишимся и удавнившимся, задохшимся глазами или испорченными воздухомъ, пораженнымъ молніею, обожженнымъ, обварившимся, мертво-пальнымъ, отравленнымъ и пр.* Пространно изложены правила, какъ пособлять людямъ въ обморокъ и смертоподобіи, въ апоплексическомъ ударѣ и падучей болѣзни, авторъ даетъ наставленіе, какъ должно ходить за выздоравливающими. Прибавивъ къ этому, что наблюдать за больнымъ въ періодъ его выздоровленія труднѣе, нежели думатьъ объ этомъ. — V. Попеченіе объ умирающихъ и умершихъ. Здесь укажемъ особенно на § 643, въ которомъ говорится о погребеніи. — VI. Правила, соблюдаемыя при хожденіи за больными, которые одержимы заразительными и прилипчивыми болѣзнями. Опредѣливъ, что такое прилипчивыя и заразительныя болѣзни, авторъ различаетъ заразу отъ миазмы и раздѣляетъ заразы на а) постоянныя, б) летучія, с) бывающія въ одно и то же время постоянного и летучаго свойства, и д) заразы непре-

пьяныя и временныя. Весьма-хорошо объяснена воспринчивость или расположеніе къ заразѣ и показаны общія и особенныя правила или наставленія, какъ должно предохранять себя отъ заразительныхъ и прилипчивыхъ болѣзней.

Вообще книга г. Зауера содержитъ въ себѣ правила нелишнія для врачей, и даже заслуживаетъ почетное мѣсто въ ихъ библіотекѣ. Это вадешекунтъ, въ которомъ можно найти необходимое наставленіе. Судя по заглавію книги г. Зауера, думаешь, что она приспособлена только къ повятію лицъ, которыя поучать хотѣлъ авторъ, но въ-самомъ-дѣлѣ, это пространное изложеніе врачебныхъ предметовъ, ежедневно встрѣчающихся въ больницахъ и частныхъ домахъ. Совѣстный и стинно-полезный трудъ! Г. Зауеръ заслуживаетъ совершенную признательность своихъ собратій-врачей; но мы надѣемся, что еще болѣе будутъ благодарны ему друзья человѣчества.

307) ПРАКТИЧЕСКАЯ ФАРМАКОЛОГИЯ, или *лекарства съ описаніемъ ихъ физическими свойствами, химическою составомъ, дѣйствіемъ на человѣческое тѣло, приема, формы, болѣзней, въ коихъ каждое лекарство оказалось полезнымъ, и съ приложеніемъ рецептовъ лучшихъ практическихъ врачей. Составлено докторомъ медицины, Императорской Московской Медико-Хирургической Академіи докторомъ-профессоромъ, членомъ Физико-Медицинскаго Общества при Московскомъ Университетѣ, надворнымъ совѣтникомъ Козьмою Лебедевымъ. Москва. Въ тип. Лазаревыхъ Инст. Вост. Языковъ. 1842. Тетрадь первая (А—Суд). Въ 8-ю д. л. IV и 240 стр.*

По выходѣ слѣдующихъ тетрадей мы дадимъ отчетъ объ этомъ сочиненіи.

308) МОСКОВСКІЙ АДРЕСЪ-КАЛЕНДАРЬ, для жителей Москвы, составленъ по официальнымъ документамъ и сендѣтіямъ К. Нистремомъ. Томъ III.

Москва. В тип. С. Селивановскою. 1842. В 8-ю д. л. 287 стр.

В этомъ томѣ заключаются алфавитные списки неслужащихъ чиновниковъ и купцовъ всѣхъ гильдій.

309) Истинная Ворожея. или истинная книжка для прекраснаго пола, посвященная любителямъ и любительницамъ (?!), служащая къ невинному увеселенію и къ пріятному превращенію времени, замѣляющая собою всѣ оракумы, кабалистики (.) астрологии и прочія гаданія. Москва. В тип. Смирнова. 1842. В 64-ю д. л. 36 стр.

• Винковая дама. Злая невѣрная женщина сдѣлаетъ вамъ много непріятностей. Она будетъ имѣть съ вами ссору и поссоритъ васъ съ другими. — Злая северная дама!

310) Краткій Отчетъ о состояніи Московскою Дворцовою Архитектурнаго Училища за 1840 и 1841 годы, и Рѣчи, произнесенныя на актѣ 1842 года, августа 5-го. Москва. В тип. А. Семеева. 1842. В 4-ю д. л. 26 стр.

Рѣчей двѣ: одна имѣетъ предметомъ — «Вліяніе мѣстнаго климата на сооруженія», другая — «О вкусѣ въ архитектурѣ у разныхъ народовъ». Московское Дворцовое Архитектурное Училище, какъ извѣстно, подвергается теперь коренному преобразованію: слѣдственно, «Отчетъ» и «Рѣчи» относятся къ прежнему его состоянію. Разумвется, взгляды и мысли «Рѣчей» принадлежатъ не учащимся, произносившимъ ихъ, а тѣмъ отъ кого они все это слышали: и такъ замѣтимъ, кому о томъ вѣдать надлежитъ, что отличія въ стиляхъ, какъ начала архитектуры, могли образоваться только во времена младенчества народовъ, во времена непосредственности и ихъ уединенія. Но по мѣрѣ того, какъ народы сближались между собою, отличія сглаживались, и заимствованное съ кореннымъ такъ сдѣвалось, что трудно было различить ихъ между собою. Хотя вообще полагаютъ, что типомъ греческой архитектуры были перво-

начальныя деревянныя востройшия, однако жъ, есть ли что балаганное въ Царевновѣ аеинскомъ? Скорѣе въ колоннахъ его заимѣчается типъ египетскій, каменный, слѣдовательно, типъ чуждый, заимствованный, но тѣмъ не менше прекраснѣй! Греки, конечно, все выдумывали и создавали сами, по все заимствованное такъ проникалось ихъ духомъ, такъ сдѣвалось съ ихъ собственными элементами, что оно становилось кореннымъ, національнымъ, греческимъ. Даже скучные богги египетскіе, переселясь въ Грецію, зажили пріятваючи!

Римлянъ упрекаютъ за то, что они, при своей самобытности, не создали своей архитектуры. И спасибо имъ! Въмѣсто дѣтскаго лепетанья, они начали съ того, чѣмъ кончили Греки. и примѣняли греческіе элементы къ своимъ потребностямъ, къ своей національности. значительно расширили предѣлы архитектуры. То же самое сдѣлала Италия, а за ними и вся Европа. Неужели европейскіе народы, усвоивъ древнее просвѣщеніе, дѣлали это безотчетно, безъ всякаго сознанія, не умѣя отличить блага отъ чернаго, негоднаго отъ полезнаго? И справедливо ли думать, что вся Европа стала безразличной Итальянкой въ архитектурѣ? Столько же справедливо, какъ называть Французами всѣхъ тѣхъ, кто говоритъ по-французски, или носить французскій костюмъ. Не смотря на тождество частей человѣческаго тѣла, есть однакожъ у всякаго народа, у всякаго челоуѣка своя фizioномія, своя осанка, свой отличительный характеръ. И потому національность можетъ, кажется, обойтись безъ вѣтушковъ на воротахъ, безъ овчинныхъ шубъ, кислой капусты и квасу?...

311) Энциклопедія Русскаго городского и сельскаго Хозяйства-Архитектора, садовода, земледѣльца, мебельщика и машиниста. Составилъ П. Фурмановъ. Со 164 листами чертжей. Гравировала К. Терехова.

Спб. Вь тип. Штаба Отд. Корпуса Внутр. Стражи. 1842. Четыре части. Перья дѣл въ 8-ю д., третья и четвертая въ 4-ю д. л. 168, 105, XXIII и XI стр. (Цѣна 7 р., съ перес. 8 р. сер.).

Кто знаетъ, какъ трудно издавать на Руси книги съ чертежами по части строительнаго искусства и механики — тому съ перваго взгляда покажется, что г. «свободный художникъ» Фурманъ сдѣлалъ прекрасный подарокъ гг. городскимъ и сельскимъ хозяевамъ-архитекторамъ: за 7 р. с. онъ даритъ имъ двѣ книжки текста и двѣ тетради чертежей. Но подобныя компиляціи у нашихъ помѣщиковъ много: всѣ онѣ — сборъ нѣсколькихъ практическихъ правилъ безъ всякой системы, старинныя взгляды на искусство построеній, и безконечныя разглагольствія о томъ, что такое дверь, лѣстница; тирады о прелестяхъ сельской жизни, поэзіи садовъ, и пр. Таковы всѣ наши «опыты сельскаго домостроительства», «руководства къ произведенію построекъ» и проч. и проч.

Сочиненіе г. Фурманна принадлежитъ къ этому же разряду книгъ; текстъ его безпрестанно отстываетъ отъ дѣла, толкуетъ о прелести дачь, «которую развѣ только люди съ очерствѣлымъ сердцемъ не постигаютъ» (ч. I. стр. 29-30); или что «нѣтъ ничего пріятнѣе пѣнія птиць *населюющихъ сады*» (II ч. стр. 29) и «какъ пріятно наблюдать за этими миленькими обитателями *воздуха*»... По мнѣнію г. Фурманна, птичка въ клеткѣ и сорванный цвѣтокъ совершенно теряютъ свою природную прелесть (Часть II, стр. 30)...

Съ легкой руки Дюрана (извѣстный курсъ архитектуры) преподаватели и составители архитектуръ пустились доказывать, что человекъ сначала обиталъ въ пещерахъ, потомъ срубилъ деревья и ставилъ ихъ наклонно, дѣлалъ мебель изъ хвороста и соломы, какъ прилично хорошему архитектору; нельзя читать безъ улыбки подобное «вступленіе» въ архитек-

туру у г. Фурманна, занимающее 8 страницъ: тутъ у него и пещеры, гдѣ люди укрывались отъ вѣтрей, «часто назъ этихъ же пещеръ ими вытѣсненныхъ»: тутъ вдругъ появились коматы (необъяснено, какъ), сухіе листья — диванъ, столы, стулья — печь. Наконецъ «провидѣніе вѣчно благотворное, вѣчно справедливое во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, для поддержанія законовъ равновѣсія, на которыхъ основанъ весь міръ, дало одному силу, другому умъ — и здѣсь-то послѣдній чудеснымъ образомъ дополняетъ какъ-будто забывчивость самой природы!!!» — и такъ далѣе.. Подобная «исторія архитектуры» не новость на русскомъ языкѣ; этой погрѣшности не избѣгъ и опытный архитекторъ нашъ г. Сивезъ, у котораго, впрочемъ, эти идеи выражены гораздо-проще, и выкупаются другими достоинствами книги.

Другое сходство сочиненія г. Фурманна съ упомянутыми нами можно видѣть въ опредѣленіяхъ. Русскія архитектуры «говорятъ: окно служитъ для доставленія свѣта, двери бываютъ внутреннія и наружныя, первыя служатъ для... и проч.; лѣстницы служатъ для сообщенія верхняго этажа съ нижнимъ... Такія опредѣленія, но еще въ ужающей подробности, вы найдете у г. Фурманна (прекрасно на-прим. у него опредѣленіе дачи)... Поменьшей мѣрѣ три четверти двухъ толенькихъ крупно-напечатанныхъ книгъ г. Фурманна заняты подобными отступленіями, такъ что собственно техническая часть его можетъ быть перепечатана на одномъ листѣ самымъ крупнымъ шрифтомъ. По верхъ многоглаголанія — на трехъ страницахъ, отъ 11-й до 14-й втораго тома: «Искусственные Сады»; тутъ и геніи и поэты, и бѣдняки, и герои, отличавшіеся на полѣ брани; тутъ найдете, что старецъ будетъ счастливъ и вамъ обязанъ будетъ счастьемъ счастья своего (стр. 13), и проч. и проч.

Въ 1-й части представлена примѣрная смета не на основаніи извѣстныхъ

«Урокныя Положенія на вѣс работы» а такъ, какъ ее дѣлаютъ наши гг. *вольные* архитекторы и которымъ «хозяинъ» обыкновенно «на слово вѣрить». Тутъ мы нашли исчисленіе разныхъ издержекъ «оптомъ» и разныхъ издержекъ въ частности...

Собственно-технической части въ текстѣ, какъ уже сказано, немного: двѣ страницы о построеніи стѣнъ и фундаментовъ (стр. 116 и 117) — эгомъ важномъ вопросѣ архитектуры. Г. Фурманнъ говоритъ, что бревна срубовъ надо «скоблить» снаружи (стр. 116) и полахъ — другомъ важномъ вопросѣ, — одна страница (121), да на слѣдующей описаніе двухъ-трехъ примѣровъ. О дверяхъ — полстраницы, и то занято больше опредѣленіемъ, что такое двери внутреннія и наружныя, — а построеніе дверей дѣло важное въ плотничномъ искусствѣ. Такимъ же образомъ описаны окна, *перила*, крыши (все съ подробными опредѣленіями) — старинная система устройства печей, трубъ, и пр. — Второй томъ заключается описаніемъ наружныхъ признаковъ матеріаловъ, признаковъ часто — обманчивыхъ (не знаемъ, почему альбастръ производить кипѣніе отъ кислоты?): матеріалы лучше описаны даже въ курсѣ г. Эльшера. Есть нѣсколько словъ о землянѣ, орудіяхъ и мебелихъ.

Таковъ текстъ г. Фурманна. Двѣ тетради чертежей составлены ужасно небрежно, по выбору, безвкусію; выгравированы нѣ-скоро, съ грубыми ошибками.

На русскомъ языкѣ нѣтъ почти ни одной хорошей архитектуры (да и иностранцы этимъ не очень хвалятся), за то есть превосходныя собранія архитектурныхъ чертежей: мы имѣемъ отчетливо-перепечатаннаго Шинкеля, имѣемъ превосходное собраніе двухъ-сотъ рисунковъ, изданное отъ начальства военныхъ поселеній для руководства при частныхъ постройкахъ въ губерніяхъ, имѣемъ много другихъ собраній образцовыхъ фасадовъ и плановъ. «Архитекторъ XIX

Столтійа» о которомъ было въ свое время говорено въ О. З., взявъ часть рисунковъ изъ Шинкеля, другую часть перепечаталъ изъ Allgemeine Bauzeitung, германскаго журнала, известнаго всѣмъ инженерамъ. Это прекрасное собраніе чертежей, изданное покойнымъ Ширяевымъ, — истинная драгоценность для желающихъ строиться. — Чертежи г. Фурманна гораздо-ниже всего этого... У него есть дома безъ крышъ (чер. 66, 67): вѣроятно онъ *чертилъ* ихъ *снаружи* и не знаетъ, что фасады есть вертикальная проекція зданія, а не перспектива его, что если онъ желаетъ *рисовать* фасадъ, то долженъ представить и другіе бока его и постепенность удаленія. — Впрочемъ, что г. Фурманнъ не знаетъ искусства рисованія, можно видѣть на чер. 132, гдѣ звѣзды на куполѣ идутъ гирляндами! — Любо смотрѣть на чертежи 62 (Ш часть), гдѣ парашетъ стоитъ на карнизѣ! Еще лучше чертежи 70-й и 71-й; что за карнизъ! что же сверхъ карниза — Господь знаетъ... Десятью подобныхъ грубыхъ ошибокъ найдутся въ чертежахъ г. Фурманна... А что за вкусъ! Посмотрите на чертежъ 112 (Ш часть) и множество другихъ. — Не говоримъ уже о небрежности гравіра, какого-то К. Теребенева, выставленнаго въ заглавномъ листѣ: у него антаблемнты, карнизы такіе, что ни одинъ кондукторъ такъ не начертитъ; карнизъ — часто — треть колонны!..

Мы никогда не кончили бы, еслибы стали исчислять всѣ нецѣпности этой пустой книжки. Рѣшительно можемъ сказать, что эта «Энциклопедія» не принесетъ никакой пользы *хозяйствамъ*, у которыхъ, какъ говоритъ г. Фурманнъ, есть кому строить. По чертежамъ его ничего не выстроишь; а если кто и выстроитъ, то послѣ и самъ не будетъ радъ своему строенію.

Изданіе книги опрятно; но двѣ тетради чертежей, какъ сказано, весьма-плохи. Что же касается до стоящихъ въ заглавіи: «садового», «земле-мѣра», «мебельщика» и «машини-

ста, — то по этимъ частямъ книга г. Фурманна больше можетъ доставить свѣдѣній своимъ читателямъ, нежели по архитектурѣ.

312) **Подо́бный Практиче́скій спосо́бъ Пригото́вленія Искусственны́хъ Наво́вовъ, или Компостовъ, свойственны́хъ различны́мъ почвамъ, климату и засѣваемы́мъ на нихъ растеніямъ; время ихъ пригото́вленія и унаво́живанія ими полей подь коло́совыхъ, огородны́хъ, стручковы́хъ, товарны́хъ и маслоносны́хъ растеній и удобренія различны́хъ кормовы́хъ травъ, съ показаніемъ числа возовъ на указную десятину. Книга для пощичны́хъ и крестьянскы́хъ запашекъ. Санктпетербургъ. Въ тип. Штаба Отд. Корп. Внутр. Стражи. 1842. Въ 12-ю д. л. 22 стр. (Цѣна 50 к. с.)**

Судя по обширности безграмотнаго заглавія, иной подумаетъ, что это большая книга, въ которой подробно излагаются различные способы пригото­вленія компостовъ. Ничего не бывало! Это тоненькая брошюра, на 22-хъ страничкахъ, въ которой сельскіи хозяинъ не отыщетъ ничего для себя новаго, а развѣ найдетъ все старое, избитое, но выраженное довольно-без­толково. По всему замѣтно, что эта книжонка — не болѣе, какъ книгопро­давческая спекуляція.

313) **Русская Исторія. Н. Устрялова. Часть пятая. Повалъ Исторія. Санктпетербургъ. Въ тип. Эксп. Загот. Государства. Бумаг. 1841 (1482). Въ 12-ю д. л. 234 стр. (Цѣна за весь пять частей 5 р. сер., отдѣльно 1 р. с., въ сов. за фунтъ).**

Этотъ частію оканчивается учебникъ, начатый г-мъ Устряловымъ въ 1837 году. Въ ней заключается царствованіе Императора Александра отъ войны 1812 года. Собственно исторія занимаетъ только двѣ трети книги; остальная треть наполнена двумя приложе­ніями, которыя сочинитель составилъ изъ давно-изданной диссертациі своей «О Системѣ Прагматической Русской Исторіи» и тоже давно-напечатанной

брошюры своей «Исследование Вопро­са, какое мѣсто въ русской исторіи должно занимать Великое Княжество Литовское».

314) **Краткая Россійская Исто­рія для низшихъ учебны́хъ заведеній. Санктпетербургъ. Въ тип. Импер. Академіи Наукъ. 1842. Въ 8-ю д. л. 83 стр.**

Автору этой книжки должны быть очень-благодарны учащіе и учащіяся. Въ маломъ объемѣ онъ успѣлъ собрать всѣ замѣчательные, рѣзкіе факты рус­ской исторіи и изложить ихъ просто, удобоповятно, безъ фразъ и разгла­гольствій. Книжка его съ успѣхомъ можетъ замѣнить собою «Краткую Россійскую Исторію» г-на Кайдакова, по которой, какъ давно уже доказано, ничему нельзя выучиться. Но, не смот­ря на искусство свое выбирать суще­ственное и наиболѣе-нужное для пер­воначальнаго ознакомленія съ русскою исторіею, авторъ не забѣлъ общаго всѣмъ нашимъ преподавателямъ недо­статка. Изъ 83-хъ страницъ, составляющихъ его книжку, онъ 58 занялъ исторіею до Петра-Великаго, и только 25 удѣлил исторіи послѣ Петра. Мы думали бы, что еслибъ, на-оборотъ, большую часть своей книги посвятилъ онъ исторіи Россіи съ 1700 года, книга его имѣла бы еще болѣе достоинства. Для анекдотической исторіи всѣхъ Рюриковъ, Святославовъ, Ярославовъ, право, довольно было бы и двухъ страничекъ — въ краткомъ учебникѣ. Дѣтямъ надобно представлять наиболѣе-рельефное, наиболѣе-жизненное, оста­вляя туманныя частности для поадыш­шаго ихъ возраста.

315) **Краткая Всеобщая Географія Константина Арсеньева. Семнадцатое изданіе, вновь исправленное. Спб. Въ тип. Императорской Академіи Наукъ. 1842. Въ 8-ю д. л. 276 стр. (Цѣна 3 р., съ перес. 4 р. сер.)**

Доселѣ лучшее руководство къ гео­графіи изъ всѣхъ русскихъ сочиненій по этой части. И потому нисколько не удивительно, что оно дошло до семнад-

цатаю изданія: честь, вполне заслуженная!

316) Всевобщая Географія, соч. Г. Ф. Бланка. Переводъ съ нѣмецкаго. (Съ четвертаю изданіемъ). Въ трехъ томахъ. Томъ I. Спб. Въ тип. Илль Глазунова и К°. 1842. Въ 8-ю д. л. 183—707 стр.

Это продолженіе, или второй выпускъ труда, о которомъ мы говорили уже. Внимательно просмотрѣвъ это продолженіе, мы остались при томъ же мнѣніи о русскомъ переводѣ и изданіи географіи Бланка. Географія эта полна, обширна, составлена дѣльно, умно, съ истинно-нѣмецкою аккуратностію въ дѣлахъ такого рола. Переводъ могъ бы быть гораздо-лучше, все-таки не будучи отличнѣмъ. По-крайней-мѣрѣ, исключеніе нѣкоторыхъ канцелярскихъ фразъ не сдѣлало бы его хуже. Изданіе крайне-дурно: бумага толстая, сѣрая, чуть не оберточная, опечатокъ бездна, а отъ изобилія прописныхъ буквъ рябитъ въ глазахъ. Словомъ, такая книга стоила бы и лучшаго перевода и хотъ сколько-нибудь сноснаго изданія.

Этимъ выпускомъ оканчивается первая часть (всѣхъ будетъ три). Кроме предельныхъ понятій, астрономическихъ и до математической и физической географіи относящихся первый томъ содержитъ въ себѣ географію Пиренейскаго Полуострова, Франціи, Британскаго Королевства, Нидерландъ, Швейцаріи и скандинавскихъ государствъ, съ краткою политическою исторіею каждой изъ этихъ земель. Аналитическаго ала авита нѣтъ; но, должно думать онъ будетъ приложенъ при третьемъ томѣ; если же его совсѣмъ не будетъ, то книга потеряетъ половину своей цѣны, о чемъ мы не преминемъ поговорить въ свое время.

317) Краткая Всевобщая Географія, принятая для руководства въ школахъ Московскаго Учебнаго Округа. Соч. Штейна. Переведена съ нѣмецкаго

девятнадцатаю изданіемъ и исправлена по новѣйшимъ извѣстіямъ Э. Соколовымъ. Изданіе третье. Москва. Въ универс. тип. 1842. Въ 8-ю д. л. 509 стр.

Третье изданіе въ короткое время: ясный знакъ, что книга полезна. Она принята за руководство въ училищахъ Московскаго Учебнаго Округа.

318) Обзоръ Пяти Частей Свѣта въ географическомъ, физическомъ и политическомъ отношеніяхъ, служащее объясненіемъ физической и политической карты земнаго шара, изображенною на двухъ полушаріяхъ. Составилъ и издалъ И. Эйнерлингъ. Спб. Въ тип. Конрада Вишебера и сына. 1842. Въ 12-ю д. л. 187 стр.

Должно быть, это вторая часть, или продолженіе какого-нибудь труда г-на Эйнерлинга: говоримъ, должно быть, потому-что въ концѣ книжки есть оглавленіе перваго выпуска, хотя въ заглавіи нынѣ-изданной книжки и не означено, что это вторая часть, или второй выпускъ. Впрочемъ, сама книжка гораздо-лучше своего страннаго заглавія. Ее можно назвать однимъ изъ лучшихъ руководствъ по части географіи, на русскомъ языкѣ.

319) Упраженія въ Древней Исторіи для младшихъ классовъ воспитательнаго общества благородныхъ дворянъ, составленныя А. Аникіевымъ. Спб. Въ тип. Штаба Отдѣльнаго Корпуса Внутренней Стражи. 1842. Въ 8-ю д. л. 87 стр.

Г. сочинитель этихъ Упраженій называетъ ихъ, въ предисловіи, «разсказами», которыхъ цѣль будто-бы — «ознакомить дѣтей съ именами нѣсколькихъ примѣчательнѣйшихъ людей и нѣкоторыми происшествіями древняго свѣта, а чрезъ то приготовить ихъ къ слушанію систематическаго курса исторіи». Все это очень-хорошо: худо только, что тутъ нѣтъ никакихъ «разказовъ», а есть одни сухіе отрывочные перечни историческихъ событій, перемежанныхъ съ историческими сказками (объ Энеѣ, и

проч.). Дѣтей можно знакомить съ историческими именами и событіями не иначе, какъ чрезъ обширные и оживленные рассказы, которые заинтересовали бы ихъ вниманіе; плохую же компиляціею, или выборкою изъ исторіи г. Кайданова можно только отбить у дѣтей всякую охоту къ занятію исторіею.

320) Курсъ Чистой Математики, составленный по порученію Беллэвена, профессорами математики: Аллезомъ, Билли, Пуиссаномъ и Бурдо. Съ французскаго перевелъ, значительно измѣнилъ и пополнилъ П. Погорѣльскій. Изданіе четвертое. Москва. Въ университетской типографіи. 1842. Въ 8-ю д. л. 95 стр.

Книга, извѣстная преподавателямъ математики. О ней такъ часто говорили, что на этотъ разъ весьма-достаточно простаго извѣщенія о появленіи четвертаго ея изданія.

321) Жизнь и Приключенія Робинсона Крузо, описанныя имъ самимъ. Соч. Д. Дефо. Новый переводъ съ англійскаго П. А. Корсакова. (Выпускъ второй). 161—320 стр. Цѣна каждаго выпуска 1 р. сер., съ перес. 1 р. 50 к. сер., — всего сочиненія 5 р., съ перес. 6 р. сер.)

Переводъ «Робинсона Крузо», соч. Дефо, безостановочно подвигается впередъ: въ предъидущей книжкѣ «Отеч. Записокъ» говорили мы о первомъ выпускѣ — теперь является второй. Повстрѣяемъ: это книга чрезвычайно-полезная для дѣтей, по содержанію и духу своему, а прекрасное изданіе и 200 превосходныхъ полициажей всего лучше могутъ пріохотить дѣтей къ чтенію. Русскій переводъ весьма-хорошъ, какъ этого и должно было ожидать отъ такого опытнаго литератора, какъ г. Корсаковъ. Цѣна книги очень-дешева, если взять въ расчетъ изящество изданія и необходимыя для него значительныя издержки. Разумѣется, для бѣдныхъ такія роскошныя изданія не по силамъ; но еще дороже для нихъ

плохая компиляція Кампе, напечатанная на сѣрой бумагѣ, съ двумя полтипажами, и стоящая два рубля серебромъ.

322) Подарокъ Прилежнымъ Дѣтямъ, или азбука для обучающихся русскому, французскому и нѣмецкому языкамъ. Состав. Эрнестомъ Гольдомъ. Переводъ съ четвертаго изданія. Изданіе второе. Москва. Въ тип. Лазар. Инст. Восточн. Языковъ. 1842. Въ 8-ю д. л. 68 стр.

Довольно-хорошая азбука, напечатанная опрятно и чисто, чего никогда почти не водится за русскими азбуками.

323) Русская Хрестоматія, или отборныя сочиненія русскихъ писателей въ прозѣ и стихахъ. Третье изданіе. Спб. Въ тип. Ильи Глазунова и К°. 1842. Въ 8-ю д. л. 744 стр.

Сборъ, или лучше сказать, сборъ отчасти хорошихъ, но больше посредственныхъ и плохихъ стихотвореній, расположенныхъ по родамъ, т. е. оды съ одами, сатиры съ сатирами, и т. д., отъ-чего Пушкинъ попадаетъ въ содѣяство Богдановичу, Дельвигъ — Каписту и т. д. Безобразный и чудовищный сборъ этотъ напечатанъ на толстой оберточной бумагѣ.

324) Руководство къ Изученію Русской Словесности, содержащее въ себѣ основныя начала изящныхъ искусствъ, теорію красноречія, пѣстику и краткую исторію литературы, составленное профессоромъ Императорскаго Царскосельскаго Лицея Императорскаго Училища Правовѣдѣнія Петромъ Георгіевскимъ. Въ четырехъ частяхъ. Изданіе второе, исправленное и дополненное. Санктпетербургъ. Въ тип. И. Глазунова и К°. 1842. Въ 8-ю д. л. 71, 92, 169 и 216 стр.

Въ мірѣ умственномъ такъ же есть свои аномаліи, какъ и въ физическомъ. Особенно-богата ими русская учебная литература. У насъ есть удивительная «Всеобщая Исторія», надъ которою образованные люди улыбаются вотъ

уже, кажется, около двадцати, если не больше, лѣтъ, и которая все-таки продолжается — себя втихомолку расплываться новыми изданиями. Но особенно почастливилось на аномалии русской учебной литературы по части теорій и исторій искусствъ и литературы. Это уже даже и не аномалии: это просто чудовища и чудища, въ сравненіи съ которыми всякое безобразіе есть красота. Какъ бы ни дурна была всеобщая исторія, все же она говоритъ о фактахъ, дѣйствительно-бывшихъ, все же изъ нея можно узнать хоть нѣсколько именъ историческихъ, все же въ ней нельзя Александра Македонскаго назвать китайскимъ императоромъ, а Перикла турецкимъ пашою. Теорія изящнаго, напротивъ, даетъ каждому возможность говорить, что на умъ взбредеть, называть свѣчу собакою, а лулу пирогомъ — полная свобода! благо за подобныя вещи пошлѣе не берутъ, а иногда еще и деньги даютъ. Наши учебники по части теорій и исторій изящнаго тѣмъ уродливѣе и неаппетитнѣе, что по-большой-части пишутся людьми добраго стараго времени, когда толковали только о трехъ единствахъ, о подражаніи украшенной природы, а въ примѣръ высокаго приводили «c'est moi» и «qu'il faut être». Но если эти господа остались верны своему времени, они были бы меньше смѣшны, тѣмъ болѣе, что въ такомъ случаѣ ихъ совсѣмъ не читали бы, и о нихъ совсѣмъ не было бы слышно. Но вотъ горе: застигнутые врасплохъ новымъ временемъ, пережившіе уже и великую войну классицизма съ романтизмомъ, — они увидѣли себя въ горькой и тяжелой необходимости смѣшать свои старыя понятія съ новыми, признать авторитеты. Изъ этого вышла такая дикая смѣсь книгъ, что трудно и характеризовать ее; она напоминаетъ собою дикарей Океана, которые, въ слѣдствіе вліянія на нихъ англійской цивилизаціи, стали ходить въ европейской одеждѣ, прищипля сабли къ юбкамъ, надѣвая воен-

ный мундиръ безъ нижлаго платья, или сапоги безъ всякой другой одежды.

Все сказанное отнюдь не должно относиться къ безподобному «Руководству» г. Георгіевскаго. Оно по истинѣ *безподобно*, ибо нѣтъ ничего подобнаго ему въ цѣломъ мірѣ. Въ немъ нѣтъ ни классицизма, ни романтизма, ни старыхъ, ни новыхъ понятій. Оно составлено особеннымъ образомъ и по особенному, неслыханному въ мірѣ источнику — по рецензій 230 и 231 *ММ* «Сѣверной Пчелы» 1836 года, — какъ добродушно признается, въ предисловіи, самъ г. сочинитель этого безподобнаго руководства!... Рассмотримъ же это безподобное «Руководство къ Изученію Русской Словесности».

Рассмотримъ прежде всего заглавіе книги: оно такъ же безподобно, какъ и вся книга.

«Руководство къ изученію русской словесности, содержащее въ себѣ *основныя начала изящныхъ искусствъ, теорію краснорѣчія и краткую исторію литературы* (какой?)». Какимъ образомъ «основныя начала изящныхъ искусствъ и теорія краснорѣчія» сдѣлались «русскою словесностью»? Они должны составлять предметъ эстетики, а не русской словесности, предметъ которой, какъ самое названіе ея показываетъ, есть русское слово, русскій языкъ. Сочинитель толкуетъ въ своемъ «Руководствѣ» о *живописи, зодчествѣ*, и даже *садоводствѣ*: по теоріи первыхъ двухъ искусствъ есть предметъ эстетики, а не русской словесности, а теорія садоводства есть полезное знаніе для садовниковъ, но не для учениковъ класса русской словесности.

Теперь не угодно ли взглянуть на «основныя начала изящныхъ искусствъ»? На первой страницѣ, въ выноскѣ, есть мысль, поражающая своею глубокостію и новостію. Она состоитъ изъ болѣе ли менѣе, какъ въ томъ, что «подъ художникомъ должно разумѣть собственно такъ называемаго художника, артиста и поэта». Хорошія мысли и другихъ неволью заставля-

ютъ вылауживать хорошія мысля: это мы испытали на себѣ, и по примѣру г. Георгіевскаго рѣшительно утверждаемъ, что «подъ сапожникомъ должно разувѣть собственно такъ-называемаго сапожника, чеботаря и иногда башмачника». Послѣ этого интересно знать, какъ г. Георгіевскій опредѣляетъ искусство. Слушайте! слушайте! «Подъ искусствомъ разувѣють способность, или *навыкъ* (!...) *посредствомъ упражненія* (!...) производить какой-либо предметъ, по извѣстнымъ правиламъ, съ извѣстною цѣлю». Не правда ли, подъ это опредѣленіе удивительно-хорошо подходитъ искусство тачать сапога?..

Живопись есть искусство, представляющее предметы на гладкой поверхности посредствомъ рисовки и красокъ. Какъ хорошо это опредѣленіе схватило идею живописи! Жаль только, что оно забыло о *свѣтло-тѣнн...*

«Подъ *музыкаю мытъ* разувѣють искусство производить и соединять звуки пріятнымъ для слуха образомъ. Если это опредѣленіе г. Георгіевскаго вѣрно, то пѣтухъ никогда не будетъ хорошимъ музыкантомъ, а соловей и канарейка — отличные музыканты.

Говоря о природѣ, которой подражаютъ изящныя искусства, объяснивъ это слово. Природа артистовъ и *стихотворцевъ* весьма обширна; она заключаетъ въ себѣ четыре міра: міръ *дѣйствительный*, т. е. физическій, нравственный и гражданскій, котораго мы сами составляемъ часть; потомъ міръ *историческій*, населенный великими тѣнями и великими происшествіями; далее міръ *баснословный*, мифологическій, въ которомъ обитаютъ боги и герои; наконецъ міръ *идеальный*, или возможный, въ которомъ нѣтъ ни людей, ни дѣйствій, но есть время, мѣсто, пища и обстоятельства для тѣхъ и другихъ (?!!..). — Аристотанъ осмѣивалъ Сократа при другихъ — это міръ дѣйствительный; трагедія: *Дмитрій Донской* взята изъ исторіи; трагедія: *Медея* взята изъ баснословія; *Кій*, *Синаевъ* и *Труворъ* взяты изъ

высшихъ героическихъ, или баснословныхъ преемъ. *Скукой Пальта* и *Тартюфъ* Мольера взяты изъ міра возможнаго, или идеальнаго. — Вотъ то, что вообще называется для художника *природою*..»

Именно то самое! Поняли ли вы тутъ хоть что нибудь, читатели? — Мы, признемся, ровно ничего не поняли. По нашему искреннему мнѣнію, это даже не то, что называется пустословіемъ — мы не видимъ тутъ даже желанія прикрыть фразами отсутствіе мысли; это — извините за откровенность — просто сумбуръ! Какимъ образомъ подобныя пошлости Сумарокова, какъ *Кій*, *Синаевъ* и *Труворъ*, могли попасть въ книгу, систематически-разсуждающую о началахъ изящнаго? Откуда это раздѣленіе природы на четыре міра? Развѣ міръ историческій не есть міръ дѣйствительный, а міръ воображаемый? И не-уже-ли комедіи Аристофана потому взяты изъ дѣйствительнаго міра, что онъ при другихъ, а не единый съ собою осмѣивалъ Сократа?... Но намъ совѣстно говорить о такихъ пустякахъ и упивательно опровергать ихъ... А между-тѣмъ вся эта толстая книга, состоящая изъ 548 страницъ въ 8-ю долю листа, биткомъ набита подобными дивами. Желая угодить всѣмъ и никого не обидѣть, сочинитель всѣхъ равно пожаловалъ въ геніи: онъ съ равнымъ уваженіемъ и равною любовію упоминаетъ о Херасковѣ и о Пушкинѣ, о Сумароковѣ и Грибоѣдовѣ, о Шекспирѣ и о г. Хильфлицковѣ, о Вальтерѣ Скоттѣ и баронѣ Брамбесѣ. Съ такимъ же безпристрастіемъ повторяетъ онъ, не вникая въ смыслъ мнѣнія и Батте, и Ньмцевъ, и Вестника Европы, и Московскаго Телеграфъ, и гг. Толмачева, и Кознакскаго, и Платона съ Аристотелемъ. И все это произошло не изъ эклектическаго желанія помирить различныя ученія, а изъ того, что сочинителю всѣ мнѣнія равны, ибо онъ не вралъ себѣ въ толкъ ни одного изъ нихъ. Исполать!

КНИГИ, ИЗДАННЫЯ ВЪ РОССІИ НА ИНОСТРАННЫХЪ ЯЗЫКАХЪ.

24) *ETINCELLES ET CENDRES. Poésies par Mademoiselle Elise d'O....*
 ...ff. Москва. Въ тип. А. Семена.
 1842. Въ 8-ю д. л. 189 стр.

Съ вѣдоѣрчивостію, свойственною всемъ начинающимъ, или въ первый разъ являющимся передъ публикою, смотритъ авторъ на свои стихотворенія. По представленіямъ, весьма-естественнымъ въ его положеніи, авторъ, кажется, не ожидаетъ, чтобъ нашлось хотя одно сердце, которое отозвалось бы на призванный голосъ его со-сторонны, и спѣшитъ посвятить произведенія своей музы брату, въ надеждѣ обезпечить себя хотя однимъ вѣрнымъ читателемъ, котораго бы заставляли быть снисходительнымъ, если не внутрення достоинства стихотвореній, то общія съ авторомъ воспоминанія прежнихъ лѣтъ дѣтства и юношества. Такія опасенія были бы очень-спасительны для нашей литературы, еслибъ они чаще приходили на умъ тѣмъ изъ нашихъ многочисленныхъ производителей стиховъ, которые принадлежатъ къ другой, болѣе-тщеславной половинѣ человѣческаго рода, нежели та, къ какой принадлежитъ авторъ «*Etincelles et Cendres*»; но на этотъ разъ, думаемъ мы, подобныя опасенія, если не совершенно - излишни, то вѣрно очень-преувеличенны. Намъ бы хотѣлось разувѣрить въ нихъ автора. Мы всегда вѣрили и вѣримъ, что есть сердце женщины — не то, о которомъ толкуется въ одной нововозобрѣтенной московской книгѣ, называемой «романъ г. Воскресенскаго», а настоящее женское сердце — полное жизни и чувства, любящее, страдающее, доѣрчивое, вѣчно-сгорающее любовью и вѣчно-жаждущее любви, и есть поэзія женскаго сердца, вѣжная, страстная, уопительная, благоухающая. Рѣдко, очень-

Т. XXIV.—Отд. VI.

рѣдко такое сердце изливается въ поэтическихъ откровеніяхъ; но счастливъ тотъ, кто, встрѣтивъ разъ въ жизни такое сердце, прійметъ въ себя его чистѣйшія изліянія, вызоветъ изъ глубины его лучшія откровенія женской души: ибо изъ нихъ онъ можетъ составить себѣ роскошнѣйшій поэтической букетъ, котораго аромат на-долго обвинетъ все существо его, проникнетъ всѣ чувства и отзовется въ самомъ сердцѣ, если только это сердце еще не утратило способности любить и понимать поэзію. Мы подозрѣваемъ, сердце автора «*Etincelles et Cendres*», хранить въ себѣ обильный запасъ такихъ откровеній. Въ книгѣ, правда, ихъ немного; но часто, совершенно-неожиданно, сверкаютъ и блещутъ яркія искры, которыя заставляютъ сильно подозрѣвать въ ихъ источникѣ присутствіе не огня, а пламени страсти и вдохновенія. Изъ всѣхъ стихотвореній, напечатанныхъ въ «*Etincelles et Cendres*», мы возьмемъ себѣ, можетъ-быть, только два или три; но и за нихъ наша полная признательность автору! Это чистѣйшая, безпримѣсная поэзія женской души, которая почерпаетъ свои вдохновенія не изъ книгъ, а прямо изъ источника — изъ жизни, полной любви и страданія. Одно изъ нихъ, лучшее въ цѣломъ собраніи, мы рады въ десятый разъ перечитать съ нашими читателями. Вотъ оно:

«*Oh! fixe un jour, un jour de pure ivresse,
 Dans les ténèbres de ma nuit!..*

*Allume un phare au sein de ma détresse,
 Que son rayon me calme et me sourit!*

*Accorde un jour, un seul à ma démeure!
 Jour tout entier passé à ton côté!*

*Tout frémissant des joies de ta présence,
 Tout rayonnant des feux de ta beauté!*

1/2

Oh! fixe un jour, empreint de ces délices,
Que ton regard apporte à mon regard!
Et hâte-toi pour que tes vains caprices
N'en marquent un qui viendrait lui trop tard!

Oh! fixe un jour, pour que soumise et douce
Ta froide main languisse dans ma main,
Pour que mes pleurs en tombant sur ton sein,
Jettent leurs feux au coeur qui me repoussent!

Pour que son front succombant au vertige,
Trouve en ses bras un appui protecteur;
Pour que je meure affaisée sur ton coeur;
Tel que le lys qui tombe de sa tige!

Oh! fixe un jour avant que ma paupière
Ne soit crispée sous le froid de la mort;
Et que la loi de l'immuable sort
Ne t'offre en moi qu'une horrible poussière.

Oh! fixe un jour, afin que mon baïsme
Atteigne encor ton visage adoré!
Et que ma mort soit l'étoile soudaine
Qui se dissipe en un reflet doré!

Это молитва любящаго сердца, и мы напрасно старались бы объяснить всю невыразимую прелесть этого стихотворенія, все это неуловимое благоуханіе, которое вѣетъ почти надъ каждою куплетомъ. Тѣ, которые приѣдутъ на себя трудъ прочесть все стихотвореніе, поймутъ и безъ нашихъ словъ, что составляетъ его особенную поэзію.

Мы не называемъ другихъ пьесъ, которыя особенно можно рекомендовать въ этомъ собраніи: опытный глазъ легко отличить ихъ самъ собою, какъ скоро нужно будетъ выбирать; но предвѣряемъ въ ономъ: не читайте двухъ русскихъ стихотвореній, которыя по какому-то случаю также попали въ

эту книжку; они вѣрно принадлежать другому, неизвѣстному писателю, который не имѣетъ ничего общаго съ авторомъ «*Étincelles et Cendres*».

25) *CONSIDÉRATIONS SUR LE PROCÈS DE MARIE-CAPELLE VEUVE LAFARGE, contenant les preuves juridiques de son innocence, pour faire suite à l'histoire de son procès. Traduit du russe par un Russe. Москва. Вѣтн. А. Семена. 1842. Вѣ 8-ю д. л. 56 стр.*

Переводъ весьма-замѣчательной статьи о процессѣ Лафаржъ, напечатанной въ одномъ изъ русскихъ журналовъ прошлаго года. Переводчикъ сдѣлалъ весьма-доброе дѣло для тѣхъ, которые не могутъ читать по-русски, передавъ хорошими французскими языкомъ эту статью, представляющую замѣчательный образецъ яснаго и самостоятельнаго анализа въ дваѣ такъ запутанномъ и неопредѣленномъ. Желаемъ, чтобы этотъ переводъ нашелъ себѣ читателей, особенно между иностранцами, которыхъ всего болѣе долженъ занимать предметъ этого разсужденія.

26) *EVANGELISCHES ERBAUUNGSBUCH. Ein Gebett-Kommunion- und Gesangbuch von Dr. Karl Sederholm. Zweite Auflage. Москва. Вѣ 12-ю д. л. 1842. 312 стр.*

Изданіемъ этой полезной книги докторъ Зедергольмъ предполагаетъ восполнить отсутительный недостатокъ христіанскаго назиданія для своей многочисленной паствы, разсѣянной во многихъ, смежныхъ съ Москвою, губерніяхъ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗВѢСТІЕ.

Вся литературные интересы, всѣ журнальные вопросы сосредоточены теперь на Гоголя. Можно сказать безъ преувеличенія, что «Мертвыя Души» оживили погруженную въ апатію со-

временную русскую литературу. Большая часть журналовъ, по весьма-понятнымъ причинамъ *сореанованія* (ибо ихъ издатели сами романисты и новеллисты, словомъ — «сочинители»), боль-

шая часть журналовъ, справедливо и основательно испугавшаяся успѣховъ поэмы Гоголя, употребляетъ все средныя ей средства къ униженію перваго поэтического таланта въ современной русской литературѣ. Остальная часть журналовъ — или просто отдаетъ должную дань достоинству новаго творенія Гоголя, или, сверхъ того, принимаетъ на себя обязанность выводить на свѣжую воду нападателей. У насъ такъ немного журналовъ, что не нужно объяснять читателямъ, какой журналъ именно играетъ ту или другую роль въ отношеніи къ Гоголю, который, между тѣмъ, не читая русскихъ журналовъ, спокойно живетъ-себѣ въ Римѣ, гдѣ была написана имъ первая часть «Мертвыхъ Душъ» и гдѣ, вѣроятно, будетъ написано имъ еще не одно твореніе, долженствующее привести многихъ сочинителей въ совершенное отчаяніе, варантѣ возбуждающее самыя живыя опасенія за ихъ умственное здоровье. Въ предъидущей книжкѣ «Отеч. Записокъ» мы говорили объ одной восторженной московской брошюрѣ, явившейся по поводу «Мертвыхъ Душъ»: кто знаетъ, не явится ли и еще несколько брошюръ pro и contra? Такого свойства всего великаго, далеко-выдающагося изъ-подъ уровня обыкновенности: оно производитъ движеніе, возбуждая и обожаніе и ненависть, восторженныя рукоплесканія и ожесточенный крикъ, преувеличенныя похвалы и брань. И если что-нибудь можетъ вредить такому великому явленію въ литературѣ, такъ ужъ конечно исполненное дѣтскаго энтузіазма и дѣтской добродушной искренности удивленіе, видящее въ твореніи не то великое, которое въ немъ есть дѣйствительно, а то великое, котораго въ немъ совсѣмъ нѣтъ. Что же касается до ожесточенной брани, — тѣмъ неосновательнѣе она, тѣмъ болѣе служить въ пользу и прославленіе творенія, которое силится она унижить и загрязнять собою. «Герой Наше-го Времени» Лермонтова имѣлъ за-

мѣчательный успѣхъ, какъ все, что ни появляется въ Россіи ознаменованнаго печатью высшаго таланта; но успѣхъ этого превосходнаго творенія былъ бы безъ сомнѣнія, еще блестяще и прочнѣе, еслибъ не имѣлъ несчастія нигдѣ не встрѣтить себя ожесточенныхъ нападокъ, и еслибъ не имѣлъ несчастія встрѣтить написанную слогомъ афешишъ похвалу въ одномъ захоlustѣ газетной литературы, откуда бы и должны были раздаться хулительные вопли оскорбленной самолюбивой посредственности. «Мертвыя Души» избѣжали подобнаго несчастія, и зато успѣхъ ихъ напоминаетъ собою успѣхъ первыхъ произведеній Пушкина. Мы здѣсь разумѣемъ не матеріальный успѣхъ, хотя и достоверно знаемъ, что «Мертвыя Души» скоро нельзя будетъ достать ни въ одной книжной лавкѣ, не смотря на то, что онѣ печатались въ большомъ числѣ экземпляровъ, — но успѣхъ нравственный, состоящій въ томъ, что «Мертвыя Души» со-дня-на-день болѣе и болѣе раскрываются передъ глазами публики, во всей безконечности и глубокости ихъ идеальнаго значенія, со-дня-на-день болѣе и болѣе приобрѣтаютъ себѣ почитателей и приверженцевъ даже между людьми, немогшими оцѣнить ихъ сразу, при первомъ чтеніи, и со-дня-на-день болѣе и болѣе становятся живою новостію минуты, вмѣсто того, чтобъ постепенно отступать въ архивъ рѣшенныхъ дѣлъ и старыхъ, потерявшихъ свой интересъ новостей... Трудитесь же, почтенные сочинители, пишете новыя брани на «Мертвыя Души» и ихъ знаменитаго творца, чтобъ выше и выше еще становились они, и безъ васъ уже высоко-ставшіе!..

Между-тѣмъ, какъ «сочинители» бранятъ «Мертвыя Души» и Гоголя, а литераторы хвалятъ ихъ и спорятъ о нихъ, — что же дѣлаетъ русская читающая публика? — То же самое, что и всегда дѣлала она съ сочиненіями Гоголя. Не смотря на незрѣлость образованія нашего общества, допускающую

его иногда обольщаться и увлекаться мишурными явлениями, въ немъ есть какое-то чутье, которое замѣняетъ ему недостатокъ развитія, и которое заставляетъ его окончательно становиться на сторонѣ только истинно-прекраснаго и великаго. «Вечерозъ на Хуторъ» разошлось два изданія; «Арабесокъ» и «Миргорода» уже нигдѣ нельзя достать; передъ выходомъ, весною нынѣшняго года, втораго изданія «Ревизора», за экземпляръ перваго желавшіе имѣть его платили по 25-ти рублей ассигнаціями. И теперь, чтобъ собрать всѣ сочиненія Гоголя, даже еслибъ можно было купить ихъ по объявленнымъ цѣнамъ, нужно заплатить *сорокъ три* рубля асс. («Вечера на Хуторъ», «Арабески» и «Миргородъ» — каждое сочиненіе по 12-ти рублей, и новое изданіе «Ревизора» 7 рублей). Но и тутъ еще будете имѣть не все, если не приобрѣли того года «Современника», въ которомъ напечатаны повѣсти «Носъ» и «Коляска», и драматическая сцена «Утро Дѣловаго Человѣка», да «Москвитянина» за нынѣшній годъ, гдѣ напечатаны «Римъ». — Итакъ, спѣшимъ извѣстить русскую читающую публику, что это неудобство на-счетъ приобретѣнія сочиненій ея любимаго писателя скоро будетъ устраниено. Къ декабрю мѣсяцу текущаго года выйдетъ собраніе сочиненій Гоголя въ *четыре*хъ томахъ, красиво и изящно-изданныхъ. Въ *первомъ* томѣ войдутъ «Вечера на Хуторъ» въ двухъ частяхъ, съ предисловіемъ къ каждой, какъ было при второмъ ихъ изданіи. *Второй* томъ будетъ состоять изъ «Миргорода», въ которомъ

повѣсти «Старосвѣтскіе Помѣщичи» и «О томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ» напечатаны безъ всякихъ поправокъ и измѣненій; повѣсть «Вій» съ исправленіями, а «Тарасъ Бульба» совершенно-передѣланной, чуть не вдвое обширнѣе прежняго, ибо авторъ развилъ въ немъ многія подробности, о которыхъ въ первомъ изданіи только слегка было намекнуто, какъ наприим., любовь Андриіи и прекрасной Польки, и проч. Въ *третьемъ* томѣ, кромѣ повѣстей, помѣщенныхъ въ «Арабескахъ»: «Невскій Проспектъ», «Записки Суворова» и «Портретъ» (последнія совершенно передѣлана), — войдутъ помѣщенные въ «Современникѣ» 1836 года повѣсти «Носъ» и «Коляска», напечатанныя въ «Москвитянинѣ» эпизодическій рассказъ «Римъ», и новая, еще нигдѣ — не напечатанная повѣсть «Шинель» — одно изъ глубочайшихъ созданій Гоголя. Въ *четвертомъ* томѣ помѣстятся: «Ревизоръ», комедія въ пяти актахъ, съ новыми противъ втораго изданія поправками автора и съ примѣчаніемъ его о первомъ представленіи этой пьесы; «Женитьба», *новая* комедія въ двухъ дѣйствіяхъ, нигдѣ — не напечатанная; драматическія сцены: «Утро Дѣловаго Человѣка» (напечатанная въ «Современникѣ»), «Тяжба», «Записки Сцены», «Разъѣздъ послѣ представленія новой комедіи», «Свѣтскія Сцены», «Игроки» (последнія шесть еще нигдѣ не были напечатаны).

Все изданіе заключить въ себя *большую* ста печатныхъ листовъ.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

СЕНТЯБРЬ.

325) Сочиненія Платона. *Переведены съ греческаго и объяснены профессоромъ Санктпетербургской Духовной Академіи Карповымъ. Часть II-я. Санктпетербургъ. Въ тип. Император. Академіи Наукъ. 1842. Въ 8-ю д. л. 385 стр. (Цѣна 3 р. сер. за обѣ части.)*

Во второй части Сочиненій Платона также еще нѣтъ самого Платона, какъ не было и въ первой: герой той и другой части — великій учитель Платона, Сократъ. Но въ этой части, Сократъ являетъ уже съ другой, болѣе интересной для всѣхъ, нежели для немногихъ, стороны своей. Въ первыхъ трехъ разговорахъ мы видѣли только блестящаго Сократа, который обезоруживалъ хитросплетенную ложь софистовъ, ихъ же собственнымъ оружіемъ — диалектикою, но который не высказывалъ своихъ убѣжденій и идей, довольствуясь тѣмъ, что изобличалъ пустоту и ничтожество софистическаго лжеумудрованія. Въ слѣдующихъ же пяти разговорахъ — «Хармида», «Эвтерода», «Менонъ», «Апологию Сократа» и «Критонъ», изъ которыхъ состоитъ эта вторая часть, мы видимъ мыслителя и мудреца Сократа, знакомима съ его высокою мудростью, совершенною глубочайшаго нравственнаго и жизненнаго содержанія. Эта

мудрость всѣмъ доступна и всякому понятна, кто только жаждетъ мудрости: ибо Сократъ, какъ истинный Грекъ, есть мудрецъ, а не философъ. Между этими двумя словами большая разница. Мудрецовъ могла произраждать только древность, гдѣ вся стихія жизни была слита въ органическое цѣлое и единое, гдѣ жрецъ, ученый, художникъ, купецъ, воинъ, прежде всего былъ человекомъ и гражданиномъ; гдѣ гуманическое начало развивалось въ человекѣ прежде всего, гдѣ воспитаніе было столько же развитіемъ тѣла, сколько и духа, на томъ основаніи, что только въ здоровомъ тѣлѣ можетъ обитать и здоровая душа; гдѣ мыслить значило въровать, и въровать значило мыслить; гдѣ дѣять нравственное убѣжденіе значило быть всегда готовымъ умереть за него; гдѣ наука и искусство не отлѣпались отъ жизни, и образъ мыслей отъ образа жизни; гдѣ гражданинъ былъ участникомъ и въ правленіи и въ жрецествѣ; гдѣ воинъ, въ мирное время, учился мудрости и наслаждался искусствомъ; а ученый, артистъ и ораторъ, во время войны, сражался за отечество и умиралъ за него; гдѣ правдики были столько же религіозными, сколько эстетическими, общественными, государственнымъ и національнымъ... Гре-

ция въ-особенности была такою страшною въ древности, и только она могла произвести такого мудреца, какъ Сократъ, который поучалъ мудрости бесѣдуя съ народомъ на площадяхъ, въ собранияхъ, въ торжествахъ, въ темницахъ, — вездѣ, гдѣ могъ сойдтись, въ встрѣтяться съ человѣкомъ... Наше время — время не мудрецовъ, а философовъ, не людей, а книжниковъ, ученыхъ... Это потому, что многосторонніе и безконечно-разнообразные, въ сравненіи съ древностію, элементы новой жизни досихъ-поръ еще не примирились и не слились въ единое и цѣлое. Въ наше время, всѣ — или штатскіе, или военные, или мѣщане, купцы, художники, ученые, земледѣльцы, все, что угодно — только не «люди»; только «человѣкъ» священно и велико только на словахъ да въ книгахъ, а въ жизни о немъ никто не заботится, никто не спрашиваетъ... Въ юности мы учились всѣмъ наукамъ, исключая той, которая научаетъ каждого быть человѣкомъ. Званіе такое-то можетъ въ наше время избавлять отъ обязанности знать что-нибудь внѣ его сферы; званіе ученаго, напримеръ, позволяетъ быть трусомъ, блѣднѣть и прятаться при звукѣ оружія. Но всего грустнѣе, что не только знаніе, но даже всемирная слава философа, у насъ, не только избавляетъ отъ обязанности считать себя въ какихъ бы то ни было кровныхъ связяхъ съ обществомъ и народомъ, но еще какъ-бы поставляетъ въ обязанность считать для себя за честь быть выше общества и современности... Отъ-того-то въ наше время нѣтъ философа, пока на кафедрѣ — Промеѣей, рѣшительный Промеѣей; слушаешь и дивишься, какъ одинъ человѣкъ можетъ вмѣстѣ въ себя столько мудрости, столько знанія!.. Но прійдите въ домъ къ этому Промеѣю: все же нѣтъ, какое превращеніе! Филистеръ, мѣщанинъ, человѣкъ, котораго вся поэзія жизни ограничена какою-нибудь кухаркою-женою, трубною ка-

стера и кружкою пива... На кафедрѣ — ему, кажется, только и бесѣдовать бы что съ богами; а въ жизни, это одинъ изъ почтеннѣйшихъ членовъ бургер-клуба... На кафедрѣ, это герой истины, готовый защищать ее, логическими построениями, противъ всей вселенной; а въ жизни — это человѣкъ, хорошо вытвердившій правило «не дѣло сторона», и живущій въ ладу со всякою дѣйствительностію, равно счастливый при всякихъ обстоятельствахъ. Удивительно ли, что философія въ наше время производитъ только школьныя партіи, и что жизнь такъ же не хочетъ ее знать, какъ и она не хочетъ знать жизнь?.. А художникъ нашего времени?.. Онъ живетъ въ прошедшемъ, поетъ, какъ птица, и влюбно птицѣ перепархиваетъ съ земли на вѣтку, ища мѣстечка, гдѣ бы ему было получше... Не такова была древность — эта великая школа людей и души, гдѣ самыя женщины были героинями своихъ обязанностей, и; будучи жеманами и матерями, умѣли быть и гражданинами, гдѣ художники и ученые были не птицами и не подданами, а титанами, хранителями Прометеева огня національной жизни... Тамъ слово было дѣломъ, и дѣло было словомъ, мысль — фактомъ, и фактъ — мыслью. Зато, въ Греціи, на-примѣръ, «Гомера знали не одни ученые, а цѣлый народъ»; Пиндару и Коринну рукоплещали на Олимпѣ на олимпійскихъ играхъ; Геродотъ, на тѣхъ же олимпійскихъ играхъ (а не въ собраніи общества любителей словесности), читалъ Элиадамъ исторію славы борьбы изъ съ Асією, а юноша — Фукидидъ планалъ; «слушали вѣщаго старца... Сократъ; обильнѣйшіе неслугодарными дѣтьми» въ жеманствѣхъ ума, передъ лицомъ всего народа вытравиваетъ профессоръ; «протѣ судія — народу отрывокъ» изъ своего Эдипа... А между тѣмъ; «Греки» не знали великаго искусства иконопочтенія, которымъ мы столько гордимся, забывая, что у насъ большая часть знающихъ-то грамотъ читаетъ тол-

ко преис-куренты да объявленія о продажахъ и подрядахъ.

Верилъ и не думалъ — это еще значить что-нибудь для человека; но знать и не верить — это ровно ничего не значить. Совзательная вера и религиозное знаніе — вотъ источникъ живой дѣятельности, безъ котораго жизнь хуже смерти. А между-тѣмъ, сколько людей въ наше время безъ памяти рады, что они — скептики, и что они верятъ только въ то, что чѣмъ больше въ гармакѣ денегъ, тѣмъ веселѣе быть скептикомъ!.. Только въ такое несчастное время могутъ существовать люди, которыхъ ремесло состоитъ въ томъ, чтобы гнѣшить праздную толпу, кувыркаясь передъ нею на капагѣ, въ нарядѣ паяца, въ колпакѣ съ бубенчиками, и которые готовы донашивать, для ея потѣхи, что Сократъ былъ умный паутъ, который морочилъ Аенниязъ своихъ демоновъ, внутренно сибѣясь надъ ними, какъ-будто бы Сократъ былъ забавникъ-журналистъ, или шутъ... Эти скептики, по себѣ-самимъ судяще о великихъ людяхъ, еди дотѣшники толпы, — съ своимъ собственнымъ нѣтъ безстыдствомъ, готовы донашивать, что Сократъ и чашу-то съ пикутою выпилъ изъ желанія шлутовать и гнѣшиться... Для низкихъ натуръ ничего нѣтъ пріятнѣе, какъ истить за свое ничтожество, бросая грязью своихъ воздвѣній и мнѣній въ святое и великое жданіе. А бессмысленная толпа, дикая, чернѣе-жесточенная чернь, за то-то и удивляется, отмахъ гаераидъ, принимая ихъ вычестъ и дерзость за знаніе и умъ.

Кстати о Сократѣ и о чашѣ съ пикутою, которая прекратила дни мудреца и праведника: въ разговорѣ Критонъ и Платонъ представляетъ Сократа бесѣдующимъ въ темницѣ съ ученикомъ его, Критономъ. Критонъ уговариваетъ Сократа бѣжать, Сократъ доказываетъ ему, что не можетъ этого сдѣлать, не отрѣшиться отъ своего собственного ученія, и не занимавъ безчестіемъ всей своей жизни. Критонъ говоритъ, что не хорошо, если толпа

подумаетъ, что Сократъ больше пожадѣлъ денегъ, для подкупленія стражи, чѣмъ друзей своихъ,

Сокр. Но что намъ такъ заботиться о народной молвѣ, добрый Критонъ! Люди честнѣйшіе, которыхъ мнѣніемъ надобно особенно дорожить, будутъ думать, что дѣлу надлежало сдѣлаться такъ, какъ оно могло сдѣлаться.

Крит. Но вѣдь ты видишь, Сократъ, что необходимо заботиться и о народной молвѣ: настоящее именованіе событіе показывается, что толпа можетъ производить не маленькое, а дѣйствительно величайшее зло, когда кто-нибудь бываеъ оклеветанъ передъ нею.

Сокр. Да и надобно, Критонъ, чтобы она могла производить величайшее зло, дабы имѣть силу и для произведенія величайшаго добра: тогда было бы хорошо. Но теперь она не въ состояніи сдѣлать ни того, ни другаго, ни умнаго, ни глупаго, а дѣлаетъ, что случится.

Какая глубокая социальная мысль заключена въ этихъ словахъ Сократа! Именно, общественное мнѣніе поному и дѣлаетъ силу убавить часто доброе и безфункционированія, чтобы быть въ состояніи водить должное и великому подвигу: нужно ему быть просвѣщеннымъ, чтобы имѣть силу дѣлать одно доброе и великое; но будучи невѣжественно, оно управляется вѣтромъ случая, и само-не-себѣ не можетъ дѣлать ни умнаго, ни глупаго, ни добра, ни худъ...

Въ «Критонѣ» выражено понятіе Сократа о законахъ, и объ отношеніяхъ къ нимъ гражданина. Какъ послѣдній доводъ противъ Критона, Сократъ олицетворяетъ законы и заставляеъ ихъ такъ говорить ему, еслибъ онъ бѣжалъ:

«Сократъ, что ты это задумалъ? Видно предпринимать поступкомъ умышляешь, сколько отъ тебя зависишь, придѣлать побѣду и нашу законныхъ и чуждому обществу? Развѣ, по твоему мнѣнію, те общество можетъ еще существовать и не нарушиться, въ которомъ судебныя опредѣленія не имѣютъ никакой силы; въ которомъ они терпятъ свою важность и искажаются людьми частными!» — — — Сократъ! не удивляйся нашимъ речамъ,

мо отвечать; ты будь привыкь предлагать вопросы и давать ответы. Скажи-ка: за какую вину или общественную ошибку погубить нас? Во-первых, не мы ли родили тебя? Не через нас ли твой отец женился на твоей матери и далъ тебе жизнь? Говори же, порадишь ли ты за нас—нибудь недостатки ты из насъ — законы, которыми скрепляются брачныя узы? — Не поражаю, сказалъ бы я. — А ты, которые заведываютъ воспитаніемъ и образованіемъ рожденнаго и подъ управленіемъ которыхъ образовалъ самъ ты? Развѣ законы, заставляющіе сими дѣлами, не хорошо предписали, чтобы твой отецъ научилъ тебя музыкѣ и гимнастикѣ? — Хорошо, отвѣчалъ бы я. — Конечно; но получать бытіе, воспитаніе и образованіе; можно ли тебя, по-первыхъ сказать, что ты я не потомукъ рабъ и не рабъ? Можешь ли сказать это и за себя и за своихъ предковъ? А если такъ, то думаешь ли, что твои и наши права равны? Думаешь ли, что когда мы рѣшимся предписать тебѣ какое-нибудь дѣло, — ты имѣешь право противодействовать нашимъ предписаніямъ? Да твои права не равнялись и праву твоего отца, и праву господина; бываю она была у тебя; ибо, страсно, тебѣ не позволено было подвергаться страданію, слышать брань, протворять, принимать побои, бить, и многое тому подобное. Уже ли же позволительно тебѣ это дѣлать въ отношеніи къ отечеству и законамъ, такъ что, когда мы, опираясь на свое право, намѣреваемся погубить тебѣ, ты рѣшишься, сколько отъ тебя зависитъ, погубить насъ — законы и отечество, и говоришь, что твой поступокъ справедливъ. — Совершишь ты, развѣдатель истинны и добродетели? Такова-то двоя мудрость! Ты забываешь, что отечество почитанье и матери, и отца, и всѣхъ предковъ; что оно достоинствѣ, священнѣе, выше ихъ и передъ богами, и передъ людьми умныи; что передъ нимъ должно благодарить и, когда оно гнѣвается, покорствоваться и угождать ему, богамъ, чужь отцу; что повелѣвать ли ему дѣлать, — надобно или угворить его, или дѣлать, предписывать ли страдать, — надобно страдать, притомъ, молча. Пусть оно бьетъ, выдѣлаетъ оковы, ведетъ на войну для рабъ и смерти, надобно исполнять. — И вотъ справедливость: не уклоняться, не отсутывать, не оставлять своего мѣста, но и на войнѣ, и въ судѣ, и когда дѣлать то, что повелѣваетъ общество и отечество; или

уже показать ему, а въ чемъ состоитъ существо справедливости. Нисколько же и въ отношеніи къ отцу и матери, и отечеству, а въ отношеніи къ отечеству, оно единственно. Что скажешь на это, Критонъ? И правду ли говорить, законы, или дѣла?

Крит. Да, кажется.

Сокр. Смотри же, Сократъ, продолжали бы законы, истинны ли слова наши, что, намѣреваясь совершить противъ насъ настоящей поступокъ, ты не правъ. Родивъ, воспитавъ, образовалъ тебѣ и давъ тебѣ, какъ и прочимъ тридцатилѣтнѣ, все существованіе отъ насъ пристрастно, ты обязанъ публично предоставлять на наше злодѣяго Аонина выдержать, исполнить, узнать дѣла общества и насъ — законы, и, если кому не нравилась, вѣдь свое ницество и удалиться, куда угодно. Въ этомъ случаѣ ни который изъ насъ — законовъ не препятствуетъ и не запрещаетъ намъ, если хотите, переселиться въ колхиды, или египетъ или въ иныя мѣста, а отсюда перенести въ какое угодно мѣсто и взять свое ницество. Не диво, а вѣдь, вѣдь, мы разсматриваемъ судныя дѣла и управляемъ обществомъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, остается, тотъ у насъ почитается уже такимъ человекомъ, который далъ намъ согласие на самомъ дѣлѣ — исполнять все, что бы ни было приказано, и если онъ не исполнитъ, то мы признаемъ его страсно виноватымъ и поэтому, что оскорбляетъ насъ, инакъ возмездиемъ, и потому, что совершившись случается насъ, и не случается и не покаривается намъ, что мы въ чемъ-нибудь поступимъ худо. Между тѣмъ, какъ съ нашей стороны только предлагается, а не предписывается строго исполнять то, что приказываемъ, только позволено одно намъ дѣлать — или доказать намъ, или возмездиемъ — или не дѣлать ни того, ни другого. Отныне же обязанъ исполнять повелѣніе и ты, Сократъ, какъ скоро совершишь то, что задумалъ, — будешь и ты не только не менѣе прочихъ Аонинцевъ, но еще болѣе, чѣмъ они. А если бы я спросилъ тебя, почему это такъ? — то они, можетъ быть, справедливо бы укорили меня и сказали: потому, что ты далъ имъ это обѣщаніе предъ почтительно предъ другими Аонинцами. Оны сказали бы: Сократъ! угаси ослѣпленныя домысленныя, что и ты, и общество — тебѣ правды, ибо, ты, дѣлать, не дѣлать бы здѣсь отлученъ отъ всѣхъ Аонинцевъ, если бы не имѣлъ столь же отлич-

наго расположения, къ месту своего жительства. Ты никогда не оставлял города даже и для общественных праздниковъ, разв только ходилъ на Исти; никогда не отпралялся въ другія мѣста, разв срѣжаться; иногда же предпринималъ и путешествія, навѣ дѣлалъ много. У тебя не было охоты возмѣкнуться съ мнѣми обществу и мнѣми законамъ; мы и наша общетва удовольствовали тебя. Вотъ какъ ты предпочиталъ насъ и соглашался управляться нами! Да и дѣтей родилъ здѣсь, потому что здѣшнее тебѣ нравилось. Притомъ, во время самаго судопроизводства, если бы тебѣ хотѣлось, изъ твоей власти было бы обречь себя на казнь; и тогда ты сдѣлалъ бы то же самое: въ обществѣ, что теперь предпринимашь противъ его воли. Между тѣмъ, когда ты показывалъ видъ, будто не оскорбляешься, если тебѣ надобно умереть, и говорилъ, что смерть предпочитаешь ссылке: а теперь и такъ словъ своихъ не стыдишься, и насъ—законы не совѣстишься, но умышляешь намъ погибель; теперь ты дѣлалъ то, что дѣлалъ бы самый жестокий рабъ, возмущенно равняешься божать, вопреки условіямъ и согласію управляющимся нами. Я такъ, сперва отвѣчая, правду ли мы говоримъ, утверждаю, что ты общался сдѣлать намъ, хоть не словомъ, такъ дѣломъ, или не правду? Что скажешь на это, Критонъ? Не приходится ли согласиться?

Крѣт. Необходимо, Сократъ.

Сокр. Значитъ, ты нарушаешь законъ чести отъ твоихъ условій, сказали бы они; и забываясь о своихъ согласіи, которое дакъ и по во дѣйствию обманъ, и не хотѣю, что шло мало, вредны для физическаго. Въ продолженіи семидесяти лѣтъ, тебѣ должно было бы удавиться, если бы мы не правились, или, если бы твоѣ согласіе казалось несправедливымъ. Такъ нѣтъ, ты не предпочелъ ли Лакедемона, ни Крита, которые всѣмъ разв признавали благоустроеннымъ; и никакого праго эллинскаго или варварскаго общества: ты разв оставалъ свое отечество, чѣмъ хронимъ, сѣдине и другіе чужды. Оправданно, что твѣ болѣе, нежели прочимъ Афинянамъ, являлись—наше общество и мы законы; ибо кому поправилось бы общество безъ законовъ? И вотъ теперь однако ты не стоишь въ своихъ обязанностяхъ?—Нѣтъ, Сократъ; нѣтъ-то ты поблужался и не увидишь нѣтъ общества, чтобы сдѣлаться предметомъ ошамъ. Разсмотри-ка хорошень-

ко: совершила свое преступленіе и умолившись отъ своего долга, какое благо доставилъ ты себѣ, или друзей твоихъ? Что друзья твои подвергнутся также необходимости бѣжать и лишиться отечества, или потерять имущество,—это почти вѣрно. А самъ ты?—положи въ перинѣхъ придешь въ которое-нибудь изъ ближайшихъ обществъ, въ Фиды или Мегару, потому—то оба они отличаются благоустройствомъ; но туда явились ты, Сократъ, какъ врагъ ихъ учрежденій; и тѣ, на которыхъ возложено иречеіе о сихъ обществахъ, будутъ смотрѣть на тебя съ недоумѣніемъ, какъ на разрушителя законовъ. Значитъ, твой поступокъ только подтвердитъ мнѣніе судей, что ихъ приговоръ надъ тобою, должно бы, справедливъ; ибо кто нарушаетъ законы, тотъ безъ сомнѣнія можетъ показаться развратителемъ юности и глупковъ. Положимъ опять, что ты постарайся, богата общетва, благоустроенныхъ и людей порядочныхъ: но дѣлая это, стоишь ли тебѣ жить на свѣтѣ? Приближался къ имъ, разв тебѣ не стыдно будетъ собственныхъ ихъ словъ?—и какихъ словъ, Сократъ!—такихъ, которыя ты говорилъ здѣсь, что добродѣтель и справедливость, политическія учрежденія и законы—для людей весьма важны. Не-уже-ли не думаешь, что тогда Сократъ явится человекомъ презрѣннымъ? И вѣдомо. Положимъ также, что, выравнившись изъ этикъ мѣстъ, ты придеши въ Фессалию, къ Критоновымъ знакомымъ; тамъ-то уже величайшее нестройство и своеволіе; тамъ, можетъ быть, не безъ удовольствія будутъ слушать, какъ забавно бѣжалъ ты изъ темницы, завернувшись въ какой-нибудь плащъ, или одѣвшись въ шубу, либо во что другое, по обычаю бѣглецовъ, и такимъ образомъ измѣнивши свою наружность. Но и тамъ ужели никто не скажетъ, что ты, въ старыхъ дѣлахъ, доживая, по всей вѣрности, небольшой остатокъ своего времени, дерзнулъ такую скользящую дорожку усильно искать жизни и преступить вѣдкіе законы?—Можетъ быть, если никто не оскорбитъ: а не то,—услышишь, Сократъ, много и такого, что недостойно тебя. Ты будешь жить, приворовываясь ко всемъ людямъ и служа имъ. Да и что тебѣ дѣлать въ Фессалии, если не пировать, прихавъ туда будто на балъ? А тѣ рѣчи о справедливости и другихъ добродѣтеляхъ—куда дѣвуются у васъ? Но представилъ, что твоѣ жизнь будетъ посвящена воспитанію и образованію

дѣтей? Такъ что жь? Они воспитаются и образуются, перешедши ли въ Фессалию и сдѣлавшись иностранцами, чтобы и этимъ быть обязанными тебѣ? или, не подвергаясь такому переселенію и воспитываясь при твоей жизни, получать лучшее воспитаніе и образованіе въ твоёмъ отсутствіи, то есть, когда объ нихъ будутъ заботиться друзья твои? Но если твои друзья принять ихъ на свое попеченіе, по отшествіи твоёмъ въ Фессалию; то почему не поспекуси о нихъ по отшествіи твоёмъ въ преисподнюю? И вѣдомо;—какъ скоро ты, которые называютъ себя твоими друзьями, искренно хотятъ услужить тебѣ. Такъ, Сократъ, повинулся намъ—воспитателямъ твоимъ, не ставъ выше справедливости ни дѣтей, ни жизни, ничего другаго, чтобы сошедши въ преисподнюю, мочь въ свое оправданіе сказать все это властямъ ея. Твой постунокъ, видишь, и здѣсь не общается ничего хорошаго, справедливаго и святаго, какъ тебѣ, такъ и твоими ближними, и по пришествіи туда не встрѣтить тебѣ ничѣмъ хорошимъ. Если ты теперь отойдешь, то отойдешь обиженымъ—не отъ насъ—законовъ, а отъ людей: напротивъ, если уйдешь и такъ постыдно воздашь обиду за обиду, зломъ за зло, нарушивъ свои обещанія и договоръ съ нами и сдѣлавъ зло тѣмъ, которые менѣе всего виноваты, то—есть, себѣ, друзьямъ, отечеству и намъ; то во время твоей жизни будемъ гавзаться на тебѣ мы, а послѣ неблагосклонно примутъ тебѣ наши братья—законы преисподней, зная, что ты, сколько отъ тебѣ зависяло, умышлялъ на нашу погубель. Не вѣрь же Критону болѣе, чѣмъ намъ, и не дѣлай того, что онъ говоритъ.

Вотъ слова, любезнѣйшій другъ, Критонъ, которыя я, кажется, слышу, какъ наступленныя жрецы слышатъ флейту! Звуки этихъ словъ такъ поражаютъ меня, что я и не могу выслушать ничему другому. Звай же, что ты напрасно бы говорилъ, если бы сталъ утверждать что—нибудь противъ настоящаго моего мнѣнія. Впрочемъ, если можешь сказать болѣе, говори.

Крит. Нѣтъ, Сократъ, не могу.

Сокр. Такъ перестань, Критонъ; сдѣлаемъ то, къ чему ведетъ Богъ. (Стр. 306—316).

Вотъ какъ мыслялъ и чувствовалъ Сократъ—этотъ тонкій плутъ, этотъ лживый «мадувало», тѣшившійся надъ легковѣріемъ Афинянъ!.. И какъ его

мышленіе было его вѣрою,—онъ мученической смертью утвердилъ справедливость своего религіознаго сознанія. Наудать доктрину Сократа, изложивъ ея въ бесѣдахъ, преніяхъ, какъ самъ онъ вылагалъ ее,—значитъ не только просвѣщать свой разумъ свѣтомъ истины, но и утвердить свой духъ въ вѣрѣ въ истину, приобретать божественную способность дѣлаться жрецомъ истины, готовымъ все приносить въ жертву ей и прежде всего—самого себя.

Вотъ почему, насколько не увлекался и не преувеличивая дела, но видя его совершенно-чуждымъ, каково оно есть дѣйствительно, — мы смѣло можемъ сказать, что г. Карповъ, если онъ кончитъ изданіе своего перевода, совершитъ подвигъ столько же гражданскій, сколько и ученый. Это великая заслуга передъ обществомъ, это безцѣнный подарокъ его настоящему и будущему: Наученіе классической древности въ новѣйшей Европѣ положено краеугольнымъ камнемъ публичнаго воспитанія юношества, — и въ этомъ видна глубокая мудрость. Есть люди, которые кричатъ: за чѣмъ намъ нѣтъ спасенія безъ Грековъ и Римлянъ? за чѣмъ непременно изучать греческій и латинскій, а не санскритскій, или не арабскій языкъ, если ужъ безъ древнихъ языковъ нельзя обойтись? — За тѣмъ, милостивые государи, что связь новѣйшей Европы съ Индією и Аравією гораздо-отдаленнѣе, нежели съ Грецією и Римомъ. То родство въ двадцатомъ колѣнѣ, а это родство—близкое, кровное. Изученіе классической древности преобразовало Европу, свергло тысячелѣтнія оковы съ ума человеческого, способствовало освобожденію отъ инквизиціи и тому подобныхъ челоуколюбивыхъ и кроткихъ и вѣрѣ въ спасенію душъ. Законодательство римское замѣнило, въ новѣйшей Европѣ, феодальную тиранию правомъ, на разумъ основаннымъ. Древняя Греція и Римъ — страны духа, аперые освобожденные отъ деспотическаго вла-

дьявельства природы, преславитель котораго Авія. Тамъ, на этой классической почвѣ, развились сѣмена гуманности, гражданской доблести, мышления и творчества; тамъ начало всякой развѣшной общественности, тамъ всѣ ея первообразы и идеалы. Правда, тамъ общество, освобождая челоѣка отъ природы, слишкомъ и докорило его себѣ. За то, среднѣвка ужь слишкомъ освободила его отъ общества, и впала въ другую крайность. Теперь настаетъ время примиренія этихъ двухъ крайностей, во имя *среднѣства-сѣжкоз* и *древляю мира*; сдѣловательно, Греція и Римъ и теперь еще живутъ и дѣйствуютъ въ насъ, къ нашему благу и нашему преуспѣванію въ осуществленіи на дѣлѣ *идеальной истины*, которая одна только истинна, ибо всякая эмпирическая истина — ложь.

Переводъ г. Карпова именно такой, какого только нужно желать въ наше время: вѣрный и точный до буквальности, носящій на себѣ отпечатокъ того языка, съ котораго онъ сдѣланъ; но отъ-того русскій языкъ въ немъ нисколько не наивасилованъ и не лишенъ своей естественности. Переводъ назачный богѣе обогатилъ бы нашу литературу, чѣмъ познакомилъ бы насъ съ Платономъ. Такой переводъ можетъ быть важенъ для насъ только послѣ перевода г. Карпова; но и тогда мы читали бы его *texte en regard* съ переводомъ г. Карцова, имѣя послѣдній подъ рукою, какъ-сказать, для поѣрки перваго. Честь и слава челоѣку, скромно, въ тиши кабинета, наединѣ, совершающему свой трудъ, который былъ бы истиннымъ подвигомъ для цѣлаго ученаго общества! Не-уже-ли этотъ трудъ не поддержится публикою? — Страшно и подумать объ этомъ...

326) Шекспиръ. *Съ англійскою Н. Кетчера. Выпускъ десятый.* Генрихъ VIII. Москва. 1842. Въ тип. Николая Степанова. Въ 8-ю д. л. 160 — 286 стр.

Теперь всѣ сомнѣнія на счетъ материальнаго успѣха прекраснаго предпріятія г. Кетчера разрѣшились са-

мыми дующими образомъ: оно, малѣе успѣшно и непремѣнно дойдетъ до своего окончанія, за что мы смѣло ругаемся, зная твердость и постоянство въ трудѣ переводчика Шекспира. Публика поддержала его, и за нимъ дѣло не станетъ. *Одинадцатый* выпускъ, заключающій въ себѣ «Комедію Ошибокъ», скоро выйдетъ; *дванадцатый*, заключающій въ себѣ «Макбета», совсѣмъ готовъ къ печати.

327) *Наши, писанные съ натуры Русскими. Выпускъ дванадцатый.* Н. Я. Соч. ***вой. 101 — 120 стр. (Цѣна этого выпуска 60 коп., сер.).

Статья «Наша» служитъ новымъ доказательствомъ, что русскія дамы могутъ писать — по-крайней-мѣрѣ не хуже русскихъ мужчинъ... Русская няня изображена тутъ вѣрно и живописно. Какъ и слѣдуетъ, она является въ статьѣ ангеломъ-хранителемъ дитяти, любитъ его, безразвательно, страдаетъ его страданіями, радуется его радостями. Впрочемъ, это только одна сторона русской няни, любящей до самоотверженія, но и необразованной, и грубой, и переполненной всевозможными предрассудками черни. Жаль, что даровитая писательница только слегка коснулась другой стороны няни, едва намекнувъ, какъ няня балуетъ дѣтей глупымъ потворствомъ и грубымъ заступничествомъ передъ гвернантами, на которыхъ, за ихъ справедливую строгость къ дѣтямъ, уже вышедшимъ изъ-подъ ея надзора, ворчать и злыто за-глаза и въ-глаза. Тутъ можно было бы нарисовать широкую картину, какъ няня, всегда балуя младшихъ на-счетъ старшихъ, овлабляетъ послѣднихъ чувствомъ несправедливости, и изъ тѣхъ и другихъ ангело-подобныхъ существъ подготавливаетъ исподоволь существа совсѣмъ не похожія на ангеловъ... А впрочемъ, она ихъ любитъ страстно и нѣжно, только бессознательно, какъ любятъ животныя и люди невѣжественные, какъ любятъ коровы телатъ, а куры цыплатъ,

как любить русскія няни порученныхъ ихъ заботливости чужихъ дѣтей... Потому не ѣшало бы замѣтить, какъ эти няни портятъ воображеніе дѣтей страшными разсказами о привидѣніяхъ и тому подобныя вздорахъ, которые сильно впечатлѣваются въ юный мозгъ и, въ слѣдствіе этого, часто одолеваютъ расунокъ взрослыхъ людей... Еще замѣтимъ, что никакъ нельзя согласиться съ мыслию сочинительницы статьи, будто бы нянею, въ смыслѣ ангела-хранителя дѣтей, обязаны мы только крѣпостному сословію. Причина любви старухъ къ дѣтямъ лежитъ въ натурѣ человѣка: старость вездѣ и всегда другъ дѣтства, а дѣтство другъ старости. Дня любить свою «бабу» (т. е. мать отца или матери) едва ли не болѣе, чѣмъ мать свою, ибо первая — такъ какъ для нея нѣтъ уже въ жизни никакихъ другихъ интересовъ — занимается имъ съ какою-то неизъяснимою преданностью.

Изложеніе и вообще языкъ статьи «Няня» — просто прелесть; всѣ подробности такъ вѣрно схвачены съ натуры, такъ мастерски перенесены на бумагу, что, читая, будто видишь все на самомъ дѣлѣ. Какъ, на-прим., хорошо вотъ это:

Больше всего досаждаютъ ей старшія дѣти, которыя, играя у стола въ углу комнаты, не смотря на всѣ ея просьбы и угрозы, шумятъ и спорятъ.

«Анна Александровна», говоритъ няня строгимъ голосомъ, обращаясь къ старшей дѣвчкѣ лѣтъ пяти, большой проказницѣ: «Бога ты не боишься!.. сестрица почи-ваетъ... Не шуми, а не то я тебя...»

Не успѣла она выговорить слова, вдругъ — или дѣти не поладили между собою, или нечаянно — только оловянный сервизъ полетѣлъ со стола на полъ. Въ эту минуту стовѣтъ взглянуть на испуганную няню!

«Безстыдница!» шепчетъ она и, вооруживъ гребенкою одну руку, сжавъ въ кулакъ другую, летитъ съ распущенными волосами на дѣтей.

«Убью на мѣстрѣ!» говоритъ няня, при-бѣгаясь къ маленькой Анютѣ, которая какъ цыпленокъ отъ коршуна, прижалась къ спинкѣ своего стульчика, приподнявши

надъ головою оба ручки въ защитну, и лепечетъ умоляющимъ голосомъ: «Миленькая, миленькая, не я, право, не я...»

«И не я — прерываетъ мальчикъ — сер-визъ самъ упалъ.» Но няня, не слуша-ишь, схвативъ обоихъ за руки и вытисну-ла въ другую комнату, ворча имъ вслѣдъ: «Видь вы сдѣлали сестру уродомъ; ахъ ты, Господи! прости мнѣ мои согрѣшенія!» — продолжаетъ она, осторожно запирая за нею двери, — наказаніе Божье съ этими дѣтми: долго ль до бѣды!»

Но можно ли позарить ея жесокосер-дїю? Она готова за каждую мръ дѣлѣ ду-шу отдать, и даже старшія, отъ которыхъ она немного отсталка, ей во сто разъ до-роже самой-себя. Когда, во время сна Ми-шенъки, она сидитъ у окна, съ очками на носу, и штопаешь чулки, надо видѣть, ка-кое негодованіе изображается на ея лицѣ, если до нея долетаютъ угрозы Нанки и Анюты или Бѣдо.

Няня потряхиваетъ головою и бормочетъ про-себя: «Охъ ужъ эта мнѣ проклятая чу-ховка! вишь какъ она ихъ мучитъ! Сло-во за душу тянетъ... и барынь-то охотъ давать дѣтей ей въ руки.»

Но шумъ въ соседней комнатѣ увели-чивается, и наконецъ Анюта входитъ къ нянѣ вся въ слезахъ. «Это что?» вскри-киваетъ няня: «стыдись, сударыня!.. сты-дись плакать», продолжаетъ она, смгичивъ голосъ.

«Миленькая няня, Шарлотта Карлова все бранится», жалобно отвѣчаетъ малютка.

«Оттого, что ты ее не слушаешься», про-должаетъ няня, припима на себя ментор-скій видъ. «Умичтожь себя, сударыня, прекрати ты свой характеръ». Потомъ, вынимая изъ кармана какую-то дѣшево ле-жащую въ немъ конфетку, она, отерши слезы Анюты, говоритъ: «На-ко, зашь горе, горемичная ты моя; ну, чортъ бы ее озлял твою губернатку... На-ко, по-сомъ сладкаго».

Если на бѣду Шарлотта Карлова, вло-дя въ эту минуту, требовала, чтобы Аню-та шла за нею, Агаѣя Семеновна не мо-жетъ воздержаться, чтобы не сдѣлать ей выговора съ досадою. «Какъ вамъ не сты-дно, Шарлотта Карловна! всегда дѣти раз-дразните; и что она вамъ сдѣлала?.. У не-я сидитъ умашенька, а лишь попадетъ къ вамъ, такъ и пошла жалобы, да слезы... Дѣти кабы своеравна была, а въ ней гу-бности ни на снѣ пороха нѣтъ».

Съ этими словами она вынимаетъ изъ

картина: табакеру и, поюнная табачокъ съ разстайками, говоритъ вполголоса уходящей Нивки, которая по-нмецки что-то обидяется Анютъ: «Толкуй ты тутъ! А у самой ни дожки, ни плошки. Нищей взяли въ домъ! Давно ль такъ спѣсива стала?.. Двѣскать мамзель, а такая же холопка какъ нашъ братъ...»

Да, это янд, живая русская янда! Скажите, много ли у насъ литераторовъ, которые бы такъ же умѣли изображать равныя стороны нашей общественной! Право, для спасенія чести современной русской литературы, безвременно погибающей отъ нравственно-сатирическихъ шмелей и другихъ дрянныхъ и докучныхъ насѣкомыхъ, одно только средство. — просить дамъ, чтобъ онѣ побольше писали по-русски...

Касательно же изданія «Нашихъ» вообще, вотъ что при этомъ выпускѣ объявляетъ издатель ихъ, книгопродавецъ Я. А. Исаковъ:

«Согласно съ желаніемъ, изъявленнымъ многими изъ подписчиковъ, продолжал изданіе *Нашихъ* полными статьями, безъ раздѣленія каждой на нѣсколько выпусковъ, мы, *шесть*, понизили значительно цѣну въ двухъ отношеніяхъ, *во-первыхъ*: украшеніемъ текста, чрезъ увеличеніе въ немъ числа выѣстокъ, составляющихъ важнѣйшую издержку, *во-вторыхъ*: уменьшеніемъ платежа, не смотря на значительное увеличеніе расхода. Такимъ образомъ, сообразно съ намѣреніемъ первоначально принятымъ нами, *будемъ* мы дѣйствовать и впередъ; по-прежнему умноживъ числа подписчиковъ, удостоверяющаго, что изданіе наше все болѣе и болѣе обращаетъ на себя вниманіе публики, мы будемъ всегда облегчать ей способы приобрѣтать оное.

«Дѣятельно изготовляются и въ скоромъ времени будутъ выпущены одна за другою статьи: *Уральскій казакъ*, В. И. Даял; *Извѣстїе*, ...; *Знахарь*, Основьяпенко; *Дачники*, Башуцкаго. Сей новый порядокъ изданія *былъ* единственною причиною нѣкотораго замедленія въ выходѣ двѣнадцатаго выпуска.»

328) Картинки Русскихъ Нравовъ. *Книжка III и IV. Спб. Въ тип. Journal de St. - Pétersbourg. Въ 52-ю*

р. л. *Въ III-ей книжкѣ 54, въ IV-ой 94 стр.* (Цѣна за обѣ книжки 1 р., съ перес. 1 р. 25 к. чер.).

«Картинки Русскихъ Нравовъ» продолжаютъ и, кажется, будутъ продолжаться: стало-быть, на нихъ есть охотники... Да и почему жь не быть? — книжки маленькія, миньютюрныя, красиво-напечатанныя, съ миленькими оберточками и съ миленькими картинками; цѣна, по красавости изданія, довольно — умѣренная: какъ же, послѣ этого, не покупать, особенно когда, по части книжнаго товара, рашительно нѣчего покупать? Но текстъ — каковъ-то текстъ? — спросить насъ. Э! да что же думаетъ о текстѣ, когда дѣло идетъ о красивенькихъ игрушкахъ? Тутъ текстъ совсѣмъ-постороннее дѣло, гнѣвъ болѣе, что его никто не станетъ и читать, любуясь картинками. А сколько людей покупаютъ такія хорошенькія вещицы для дѣтей, вмѣсто игрушекъ! Дѣти же составляютъ самую невзыскательную публику и, при картинкахъ, готовы восхищаться всякимъ текстомъ. Издатель «Картинокъ Русскихъ Нравовъ» очень-хорошо это поняли и печатаютъ все, что попало, лишь бы было къ чему прилѣпить картинку.

Третья книжка «Картинокъ Русскихъ Нравовъ» заключаетъ въ себѣ «Петергофскій Праздникъ», стихотвореніе, въ трехъ пѣсняхъ, г. Мятлева, автора «Курдюковой». Тутъ, по-прежнему, весь юморъ состоитъ въ смѣшеніи нижегородскаго съ французскимъ, и это, по-прежнему, многой находятъ и острыми, и замысловатыми, и повѣщескими. Что касается до насъ, мы нѣсколько не удивляемся такому вкусу, особенно при современномъ состояніи русской литературы.

Четвертая книжка заключаетъ въ себѣ «Невскій Пароходъ» прозаическую статью г. А. Греча. Эта статья насъ особенно порадовала: изъ нея мы узнали, что если русская литература гордилась доселѣ знаменитымъ сочинителемъ, г. Н. Гречемъ, то впередъ она будетъ гордиться не мѣнѣе знаменитымъ

сочинителемъ, г. А. Гречемъ, и что, по отношенію къ таланту, одинъ въ другомъ не упреть... Удивительна эта статья «Невскій Пароходъ!» Сколько въ ней новаго, оригинальнаго, какой игривый юморъ, какое остроумное наложеніе, сколько глубокихъ идей! Вотъ, наприм., начало:

«Прогуливаясь по плавательнымъ аллеямъ Царскаго Села или Каменнаго Острова, прислушиваясь къ шуму фонтановъ въ Петергофѣ, или *улаждала полудикую природу Парголовъ занимательною бесѣдою*, захотѣтъ ли П(п)етербургскія дамы и дѣвицы взглянуть на книжечку, въ которой имъ *принимается рассказывать* про Петербургъ, про городъ!»

«*Улаждала полудикую природу Парголовъ занимательною бесѣдою*, — какъ это хорошо сказано, и какое дивное открытіе заключается въ этихъ словахъ! Парголовская природа, въ отличіе отъ пароселеской и всякой другой, которая глуха и безчужденна для всякихъ бесѣдъ, и занимательныхъ и незанимательныхъ, — парголовская природа одарена способностью, подобно существамъ разумнымъ, улаждать себя занимательною бесѣдою петербургскихъ дамъ и дѣвицъ!.. Послѣ этого, очень-естественъ вопросъ сочинителя: захотятъ ли петербургскія дѣвицы взглянуть на книжечку, въ которой имъ *принимается рассказывать* такіа чудеса?.. Въ другомъ мѣстѣ, сочинитель восклицаетъ: «Есть ли на свѣтѣ что ужаснѣе прощанія? *Успрлеме васъ, разлука выдумана демономъ!*» Глубокая, оригинальная мысль, и какъ патетически выражена она!.. Но главное достоинство этой статейки составляетъ точность, съ какою въ ней означены часы прихода и отхода пароходовъ на Англійской Набережной. Вѣрность описаній мѣстности также изумительна: Англійская Набережная помѣщена сочинителемъ именно тамъ, гдѣ она въ самомъ дѣлѣ находится; Нева, въ статьѣ сочинителя, и широка и глубока; по дорогѣ къ Кронштаду, съ-права виднѣтся берегъ Финляндіи, а съ-лѣва — дачи петергоесской дороги, и нако-

нецъ самъ Петергофъ, — словомъ, все, какъ оно есть въ-самомъ-дѣлѣ...

Картины прекрасны — обѣ этой спора нѣтъ; но вотъ что страннѣе во всѣхъ картинахъ всѣхъ изданій такого рода: фигуры и фазіономы въ нихъ крѣпко сбиваются на иностранцы, за исключеніемъ развѣ будочниковъ, таможенныхъ и извозчиковъ... Очевидно, что въ числѣ нашихъ талантливыхъ рисовальщиковъ еще нѣтъ ни одного Гоголя, а все гг. Булгарны, А. Гречи и тому подобныя правососдатели и юмористы...

329) Сплитин. *Переписка жителю луны съ жителемъ земли, издаваемая дворничомъ Кукарнику. Сиб. Вѣстн. Штаба Отдѣльн. Корп. Внутр. Стражи. 1842. Вѣ 4-ю д. л. Тетради I и II 28 стр.* (Цѣна каждой тетради 20 коп. серебр.)

Мысль этой брошюры очень-остроумна; но исполненіе — такъ, ни то, ни сѣ. Послѣ исторіи двухъ пріятелей, рассказанной ни хорошо, ни худо (что гораздо-хуже, нежели просто-худо), слѣдуютъ письма въ луку. Что же въ этихъ письмахъ? — Все и ничего. Вотъ *лемылокъ* сужденіице о «Мертвыхъ Душахъ»: бездоказательная и неопредѣленная похвала съ корытенкою выпискою изъ поэмы; потокомъ, реестръ *новыя* книгъ, изъ которыхъ нѣтъ (какъ напр. первый томъ «Материаловъ для Статистики Россійской Имперіи») вышли еще въ 1830 году; затѣмъ, старые анекдоты, переведенные изъ старинныхъ французскихъ хрестоматій, и теперь столько же незабавные, сколько и новые; одинъ анекдотъ перепечатанъ изъ «Сѣв. Пчелы»; наконецъ замѣтка на одинъ современный журналъ, каковой-то «Маякъ», который не знаемъ гдѣ издается и даже издается ли гдѣ-нибудь въ-самомъ-дѣлѣ; почему, боясь объявить ложный фактъ, не рассказываемъ содержанія замѣтки, тамъ болѣе, что, судя по ея же словамъ, этотъ журналъ, если онъ действительно существуетъ, въ высшей стѣ-

и ни безграмотенъ и негѣтъ, такъ-что
нѣтъ можно считать мистификацію.

Вотъ и все, изъ чего состоитъ «Сплет-
ня». Если слѣдующія тетради будутъ
учше, мы готовы сказать о нихъ до-
рое слово; а пока русская литература
и нихъ ровно ничего не выигрываетъ.
Въ этому замѣтимъ еще, что «Сплет-
ня» не даются довольно-сироманно и
реисполнены множествомъ нестерпимыхъ
опечатокъ, если только это опе-
татки, а не орфографическія ошибки.

330) Мать-Испанка. *Драматиче-
скіе представления. Спб. 1842. Въ 8-ю д.
62 стр.*

Радужному хлѣбосольству сочини-
ли показалося мало, что онъ уго-
дилъ насъ своимъ носильнымъ издѣ-
льемъ на сценѣ Александринскаго-Те-
тра: онъ вторично угощаетъ насъ
въ печатной брошюрѣ. Это угоще-
е напоминаетъ извѣстную прекра-
ую басню нашего несравненнаго ба-
опсца — «Демьянову Уху».

331) Последний Хеакъ. *Поэма В.
това. Спб. Въ тип. Императ. Акаде-
и Наукъ. 1842. Въ 8-ю д. л. 66 стр.*

На русскомъ языкѣ есть удивитель-
ная поэма; ея имя: «Гуакъ, или непо-
тебная вѣрность». Подобно «Гон-
мъ Кордаунскому», она писана про-
зою, съ присовокупленіемъ, впрочемъ,
нѣсколькихъ романсовъ съ рифмами:
В. Зотовъ, въ своемъ «Послѣднемъ
актѣ», очень-счастливо подражалъ ей
говѣ, въ вымыслахъ и въ идеяхъ, и
въ только для ббльшаго эффекта рѣ-
силъ, вмѣсто прозы, размахнуться
стихами. Онъ посвятилъ свое стихо-
тное издѣліе памяти Пушкина, Мар-
скаго и Лермонтова, которые — сча-
тницы! — не прочтутъ его и не пожа-
туть о насъ, его прочитавшихъ...

Этого слѣдуетъ, что смерть не со-
тъ зло, и что въ ней есть своя хо-
ая сторона... По-крайней-мѣрѣ,
нѣ — величайшее зло для тѣхъ, кто,
жно намъ, не только долженъ чи-
тъ, между-прочимъ, все выходящее

на задвѣтъ дворъ російской словесно-
сти, но еще и писать о прочитанномъ.
Г. В. Зотовъ рѣшительно грозитъ са-
дѣться однимъ изъ тѣхъ, чѣмъ каж-
дый порознь были и суть гг. Орловъ,
Сивоговъ, Кузничовъ, Славинъ, и проч.
Театральныя нысы его пока еще тихо
падаютъ; но онъ неутомимо изготав-
ляетъ ихъ, и есть надежда, что, вѣна-
бивъ руку, сравнится, наконецъ, съ
знаменитѣйшими нашими драматур-
гами: гг. Полевымъ, Коровиннымъ, Со-
коловымъ, и проч. Что же касается до
поэмъ въ стихахъ и вообще до всякихъ
стиховъ, мы посоветовали бы г. В. Зо-
тову совѣтъ бросить писать ихъ: со
смерти Лермонтова, стиховъ почти во-
все не читаютъ, и, кромѣ насъ да само-
го сочинителя стиховъ, г. В. Зотова, —ни-
кто читать не будетъ. Драмы — другое
дѣло: кто пришелъ въ театръ, тотъ бу-
детъ ихъ слушать хоть въ-просонкахъ.

332) Тоскана и Римъ въ 1838 и
1839 годахъ. *Письма изъ Италіи, со-
чиненіе М. Пужула. Перев. В. В. Спб.
1842. Въ тип. III Отдѣленія Собств.
Е. И. В. Канцеляріи. Въ двухъ частяхъ.
Въ 8-ю д. л. Въ I-й части 232, во II-й —
243 стр. (Цена за обѣ части 2 р. сер.,
съ перес. 2 р. 50 коп. сер.)*

Всѣ путешествія бывають довольно-
скучны въ описаніяхъ, потому-что о-
писаніе — самая скучная вещь въ свѣ-
тѣ. Хорошо-написанное путешествіе
истинная рѣдкость. Причина очевид-
на: кромѣ обладанія литературнымъ та-
лантомъ, путешественнику надо быть
еще человекомъ современнымъ, въ
высшемъ и благороднѣйшемъ значе-
ніи этого слова, умѣющимъ помодчать
о томъ, о чемъ и безъ него тысячу
разъ было говорено, что безъ него
знаютъ всѣ наизусть, и умѣющимъ от-
крыть въ странѣ новыя, никѣмъ пре-
жде незамѣченныя стороны, или по-
крайней-мѣрѣ взглянуть на нихъ ина-
че, чѣмъ другіе глядали. Г. Пужула
не принадлежитъ къ числу такихъ пу-
тешественниковъ: это обыкновенный
«говоритель», который о чемъ угодно

будетъ говорить краснѣ и плавно, котораго рѣчь послушать хорошо, въ другой — слышно, а читать — почти невозможно. Онъ случайно нанялъ свое путешествие, сопровождая по Италіи друга своего Мишу, который поѣхалъ въ Италію для поправленія своего здоровья и тамъ умеръ. Съ-гора и отъ-не-чара дѣлалъ, г. Пужуа принялся за свои письма о Тосканѣ и Римѣ; изъ этихъ писемъ вышла довольно-толстая и огромно-сучная книга, которую кто-то прекрасно перевелъ на русскій языкъ. Переводъ изданъ весьма-оправно.

333) Историческое Описание Одежды и Вооруженія Россійскихъ Войскъ, составленное по Высочайшему повелѣнію. Часть вторая. Санктпетербургъ. Въ Военной типографіи, 1842. Въ-листъ. 208 и XXX стр.

— Рисунокъ Историческому Описанію Одежды и Вооруженія Россійскихъ Войскъ, составленному по Высочайшему повелѣнію. Часть вторая. Санктпетербургъ. Литографировано въ Департаментъ Военныхъ Поселеній. 1842. Въ-листъ. 44 рисунковъ.

Это колоссальное предпріятіе, начатое по Высочайшему повелѣнію и такъ успѣшно совершаемое старшимъ адъютантомъ г. дежурнаго генерала Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества, А. В. Висковатовымъ, идетъ впередъ безостановочно. Мы говорили уже о первой части этого изданія, вышедшей въ концѣ прошлаго года; теперь появится вторая его часть, нисколько неуступающая первой ни въ отношеніи къ достоинству текста, ни въ отношеніи къ точности, вѣрности и ясности рисунковъ. Въ ней заключается подробное описаніе одежды и оружія русскіхъ войскъ, съ присоединеніемъ свѣдѣній о знаменахъ, знакахъ отличій и артиллерійскихъ орудіяхъ, въ царствованіи Петра-Великаго, Екатерины I-й, Петра II-го и Анны Іоанновны. Такимъ-образомъ здѣсь

включены первые сорокъ лѣтъ, XVIII вѣка, и именно та эпоха, изъ которой Россія вообще и русскіхъ войскъ из-особенности, когда Русь, оторвавшись отъ своей азіатской жизни и принявъ въ себя элементы европейской цивилизаціи, начала перерабатывать ихъ, усвоить себя и нѣрѣдко бороться съ ними. Одну изъ сторонъ этой любопытнейшей переходной эпохи составляютъ перемены, которымъ подвергалось русское войско какъ въ образѣ жизни своей и управленія, такъ и въ своемъ наружномъ видѣ. Лучшимъ, совершеннѣйшимъ пособіемъ для изученія этой стороны тогдашней русской жизни останется навсегда нечтенный трудъ г-на Висковатова. Съ неутомимымъ вниманіемъ отмѣчаясь онъ слѣды малѣйшихъ измѣненій, введшихся въ теченіи этихъ сорока лѣтъ въ костюмъ и вооруженіе русскаго войска. Ничто не забыто, ничто не пропущено имъ; осмотрѣна всякая мелочь, упомянуто всякое незначительное отступленіе отъ прежняго, и все это объявлено простымъ, точнымъ, но весьма-правильнымъ языкомъ, съ уваженіями на источники въ «Приложеніяхъ». Этихъ-приложеній — 125. Тутъ вы найдете чрезвычайно-любопытныя выписки какъ изъ разныхъ русскіхъ актовъ, нѣкому неизвѣстныхъ, еще не напечатанныхъ и хранящихся въ архивахъ, такъ и изъ книгъ, орудящихъ матеріалами для исторіи Россіи отъ 1700 до 1740 года. Авторъ провелъ все, что только относится къ этой эпохѣ, на русскомъ, французскомъ, латинскомъ и немецкомъ языкахъ; онъ приводитъ выписки и изъ Корба, и изъ Голе, и изъ Бергольца, и изъ де-Бройна, и др. Подробныя и чрезвычайно-заманчивыя описанія его объясняются литографированными изображеніями, которыхъ при этой части сто-тридцать — семь, и которыя сами составляютъ большой отдѣльный томъ in-folio. Къ нимъ приложены прекраснѣ-сдѣланные портреты Петра Великаго, Екатерины I-й, Петра II-го

и Анны Ивановны, снятые съ портретовъ, находящихся въ Императорскомъ Эрмитажѣ.

Всѣ рисунки отличаются точностію, чистотою отдѣлки и изяществомъ. Какъ и въ первой части, эти рисунки суть не только простыя, строгія, отчетливыя изображенія отдѣльныхъ частей одежды и вооруженія, но и цѣлыя картины, состоящія изъ фигуръ вполне олюстрированныхъ, — часто по двѣ, по три, по четыре фигуры на одномъ листѣ. Для дополненія картинъ, здѣсь, вмѣстѣ съ фигурами, представлены равныя виды шестъ, достопамятныхъ въ описываемую эпоху. Такъ, на-пр., вы увидите тутъ часть города и крѣпости Нарвы, воеванной русскимъ войскомъ въ 1704 году; мазанковое строеніе на берегу Невы, на мѣстѣ нынѣшней Дворцовой Набережной, въ томъ видѣ, въ какомъ оно было въ первые дни существованія Петербурга; домъ Петра-Великаго въ Екатерининскомъ Саду, въ Ревельѣ; замокъ Иваньгородъ; крѣпость Мариенбургъ (въ Лифляндіи), знаменитую тѣмъ, что здѣсь взята въ плѣнъ воспитанница пастора Глюка, будущая Императрица Екатерина I-я; часть Петербургской Страны, съ Соборомъ св. Троицы, гостиницъ, дворомъ, мазанковыми коллегіями и домомъ, служившимъ для жительства Петру при основаніи Петербурга; крѣпость Ямбургъ; часть кремлевской станы и Арсенала, въ Москвѣ; главный фасадъ залы, построенной въ 1724 году въ Петербургскомъ Лѣтнемъ Саду для бракосочетанія цесаревны Анны Петровны съ герцогомъ голштинскимъ; часть петербургскаго Адмиралтейства, церкви Исаакія и домъ князя Меншикова; пушечный литейный анбаръ; Сухарева Башня, въ Москвѣ; часть дворца въ Московскомъ Кремлѣ, и пр. и пр. Все это, придавая разнообразіе и занимательность рисункамъ, даетъ, вмѣстѣ съ гравюрами, и понятіе о тѣхъ мѣстахъ, которыя были сценами историческихъ событій того времени.

Изданіе, по-прямому, великолѣпно!

Бузага, приѣтъ, бордюры, окаймляющіе каждую страницу текста, — все это образецъ типографическаго изящества.

Душевно желаемъ, чтобы публика обратила вниманіе на эту превосходную книгу, соединяющую въ себѣ и ученый трудъ и вѣдущую красоту, что весьма рѣдко у насъ встрѣчается. Для образованнаго же военнаго чина это изданіе необходимо, какъ источникъ пользы и удовольствія. Въ то же самое время оно можетъ служить украшеніемъ всякой, какой угодно великолѣпной библіотекѣ.

384) Сказанія Князя Курбскаго. Изданіе второе, исправленное и дополненное. Н. Устрялова (имъ?). Санкт-петербургъ. 1842. Въ тип. Импер. Академіи Наукъ. Въ 8-ю д. л. XLII и 306 стр.

Г. Устряловъ издалъ «Сказанія Князя Курбскаго» въ 1833 году, взявъ за основаніе текста списокъ, хранившійся въ Патриаршей Библіотекѣ. Это изданіе все раскуплено. Теперь онъ сдѣлалъ второе, для котораго сварилъ первое съ двумя рукописями XVII вѣка, полученными имъ отъ г. Малиновскаго и изъ Археографической Коммиссіи. Сверхъ-того, онъ дополнилъ свѣдѣнія о пребываніи Курбскаго въ Литвѣ, опросивъ его съ женою и потомствѣемъ его, по матеріаламъ, входящимъ въ Литовской Метричкѣ. Весь вышедшій нынѣ томъ состоитъ изъ трехъ частей: въ первой помѣщена «Исторія Іоанна Грознаго», разсказываемая Курбскимъ; во второй — Переписка Курбскаго съ Іоанномъ; въ третьей — Письма Курбскаго къ разнымъ лицамъ. Въ началѣ тома находится небольшая статья «О жизни и сочиненіяхъ князя Курбскаго», въ которой вы нисколько не увидите, до какой степени можно давать вѣру разсказамъ Курбскаго, тогда какъ читатель имѣлъ бы полное право требовать, чтобы издатель опредѣлялъ степень этой достовѣрности (по-крайней-мѣрѣ, по личному своему усмотрѣнію)

обстоятельствам, принадлежащими тому времени и относящимися лично до Курбского. Въ концѣ книги приложена «Прилѣчанія», «Синодикъ Іоанна Грознаго», «Акты Дятловской Метрицы», «Слодарь иностранныхъ и старинныхъ речевей», и «Указатель». Съ одной стороны, это второе изданіе полнѣе перваго, съ другой — не такъ полно: въ немъ сокращенъ планъ осады и взятія Казани и сделаны неудобопонятныя, ибо въ немъ, вмѣсто названій русскихъ войскъ, поставлены цифры, которыя неясны въ самомъ «Изъясненіи Плана»; также нѣтъ бывшихъ при первомъ изданіи снимковъ съ синодика Іоанна Грознаго, съ рукописи Патриаршей Библиотеки, и проч., хотя помѣщены, по-прежнему, портретъ Іоанна Грознаго и гербъ князя Курбскаго.

335) Опытъ Теоріи Стратегіи. Сочиненіе полковника Языкова (автора «Теоріи Военной Географіи и приложенія оной къ избранію пунктовъ для сооруженія крѣпостей»). Санктпетербургъ. Въ тип. Путь Сообщ. и Публичн. Зданій. 1842. Три части. Въ 8-ю д. л. Въ 1-й части IV и 90, во II-й — 131, въ III-й — 76 стр.

Г. полковникъ Языковъ уже извѣстенъ въ военной литературѣ своимъ сочиненіемъ «Теоріи Военной Географіи», которое удостоилось одобренія со стороны знаменитыхъ военныхъ людей, было переведено на нѣмецкій языкъ и, изданное въ Берлинѣ, благожеланно принято въ Германіи. Продолжая съ равностію двадцатилѣтнее занятіе любимымъ предметомъ, г. Языковъ выступаетъ теперь на подрище военной литературы съ новымъ трудомъ, который, еще до появленія своего въ свѣтъ, въ прошломъ 1841 году, былъ одобренъ покойнымъ графомъ Толемъ, имя котораго знаменито и славно въ дѣлѣ военного искусства.

Раздѣливъ свое сочиненіе на три части, авторъ налагаетъ въ первой: «Предварительныя Показанія о Страте-

гій»; во второй: «Сводъ Стратегическихкихъ Истинъ», предвещающій рсмотрѣнію вопроса о употребленіи оруженныихъ силъ на театрѣ войны въ третей: «Сводъ Стратегически Истинъ», относящихся къ разсмотрѣнію вопроса объ употребленіи оруженныихъ силъ на театрѣ войны».

Въ первой части налагается взглядъ автора на теорію стратегіи. Такъ-же этотъ взглядъ отличается изложеніемъ строго-отчетливымъ и яснымъ, то предметъ становится интереснымъ даже для людей, чуждыхъ ему по роду занятій. Что же касается до вопроса о возможности теоріи стратегіи какъ науки, — безъ всякаго сомнѣнія это вопросъ общій, вопросъ чисто-универсальный, равно для всѣхъ интересныи, и го только интересуютъ ученые вопросы. Авторъ начинаетъ съ обзорѣ исторіи теоріи стратегіи. Первое назло ей положено Лойдомъ, который сратилъ особенное вниманіе на наследованіе нравственныхъ причинъ сферѣ военныхъ соображеній. Это предметъ наследованъ имъ въ своей «Философіи Войны». Лойдъ изложилъ также некоторыя основныя поименованія о физическихъ причинахъ, дающа направленіе механическимъ дѣйствіямъ арміи, и объяснилъ зависимость движеній арміи отъ заготовленныхъ пасовъ для снабженія дѣйствующихъ силъ. Бюлова, распространяюща мысль до односторонности, на первой исключительно основанъ всерію стратегіи. Генералъ Жюмина тилъ вниманіе на выгоды наиболѣе сосредоточенія военныхъ массъ въ ктѣ дѣйствія, и развилъ, эту мысль основаніи историческихкихъ фактовъ складованія Жюмини, насчетельнонія нравственныхъ причинъ на ныя дѣйствія, представляюща несудовлетворительныя дѣйствія. Сочиніе о стратегіи эрц-герцога Бюлова и Жюмини; кроме того, глубже и подробнѣе Лойда изложилъ вопросъ о зависимости воен-

дѣйстви отъ свойства земной поверхности, т. е. горъ, рѣкъ, и т. п. Стратегическія сочиненія Кохландера, Декера, Роуля, генерала Окушева и другихъ суть развитіе этихъ трехъ основаній, впервые трактованныя учеными образомъ Лейбницъ, Вюловыиъ и Жюини.

Изъ этого обобщенія историческаго развитія теорій стратегіи видно, что стратегія всегда основывалась на какомъ-нибудь одностороннемъ началѣ: Генералъ Клаузевицъ, въ своемъ сочиненіи «О Войнѣ» (von Kriege), первый сдѣлалъ попытку объяснить совокупное мнѣніе на военныя дѣйствія различными причинами, — и хотя онъ не достигъ своей цѣли, однакожь трудъ его былъ не безполезенъ для развитія теорій стратегіи, и уже одна мысль — *рассматривать стратегическія соображенія по элементамъ*, пролила большой свѣтъ на весь составъ теорій стратегіи.

Авторъ рассматриваемой книги также долженъ занимать свое мѣсто въ исторіи стратегіи, какъ науки. Въ «Теоріи Военной Географіи», онъ отдалъ много въ отношеніи къ высшимъ военнымъ соображеніямъ, и сдѣлалъ приложеніе своей теоріи къ разрѣшенію одного изъ важнѣйшихъ стратегическихъ вопросовъ — къ избранію пунктовъ для сооруженія крепостей. Въ этомъ новомъ своемъ сочиненіи, въ «Опытѣ Теоріи Стратегіи», онъ рассматриваетъ все элементы стратегическихъ дѣйствій, и такимъ образомъ даетъ ей метивное значеніе науки, вѣдущей общія начала и единство. Предоставляемъ людямъ военнымъ рѣшить, до какой степени успѣлъ г. Языковъ въ достиженіи своей цѣли; но уже одна цѣль обнаруживаетъ въ немъ истиннаго теоретика и систематическаго ученаго. Если военное искусство есть выраженіе разума, а не слѣпой случайности, оно должно имѣть свою теорію; которой разнообразіе и многообразность элементовъ должно быть

выведены изъ одного начала и соединены подъ единство. Никакая стратегія не научитъ искусству побѣждать, которое присуще таланту и гению; но она должна имѣть свойство утвердить талантъ и гений. Наука никогда и ни въ чемъ не давала человѣку тога, въ чемъ отказала ему природа; но наука всегда бываетъ союзницею искусства и сообщаетъ ему силу и прочность. Ошибка всѣхъ противниковъ теорій имѣла въ томъ и состоитъ, что они думаютъ, будто теорія можетъ дѣлать полководцевъ, администраторовъ, художниковъ; нѣтъ, ея дѣло — образовывать ихъ. И если гений, въ какой бы сферѣ ни дѣйствовалъ, дѣйствовать не наобумъ, не наудачу, а разумно — значить, въ его дѣйствіяхъ, дѣла въ разнообразны онъ, есть общія начала. Открыть эти начала и привести въ систему трудно, но не невозможно; а чѣмъ болѣе труда, тѣмъ больше славы!

336) Политическая и Военная Жизнь Наполеона. Сочиненіе (11) Генералъ-Адъютанта, Барона Жюини, переведенное съ французскаго Генеральнаго Штаба капитаномъ Лидерсомъ. Часть шестая. Санктпетербургъ. Въ тип. Штаба Омд. Корпуса Инжен. Стрелки. 1842. Въ 8-ю д. л. 561 стр.

Изданною нынѣ шестую частію оканчивается переводъ этого творенія; давно уже знаменитаго въ Европѣ и ставшаго извѣстнаго его издателю и объяснителю, — а не «сочинителю», какъ сказано въ заглавіи, — барону Жюини. Эта книга есть сочиненіе Наполеона, а не барона Жюини: Последняя глава ея носитъ вотъ какой титулъ: «Партія вооружаются противъ меня. Вторичное отрѣченіе мое: Я предлагаю разбить Пруссаковъ; ниѣ откажутся». Я вѣтъ англійскими крѣпостями...

Этимъ и окончилась жизнь великаго чловека въ действительности. Все, что было далѣе, было не жизнь, а предсмертная агонія, прекратившаяся 6го мая 1821 года. Переводчикъ; г. Лидер-

ворств, приобрѣлъ благодарность всей образованной публики добросовѣстными исполненіемъ труда полезнаго, доставляющаго русской литературѣ книгу весьма замѣчательную по важности подробностей и полнотѣ историческихъ фактовъ.

337) Горный Словарь, составленный Григоріемъ Спасскимъ, оберъ-берг-инженеромъ 5-го класса и кавалеромъ, и проч. Часть вторая. О — С. Москва. Въ тип. Н. Степанова. 1842. Въ 8-ю д. л. 272 стр.

Продолженіе дѣльной книги, въ которой видны обширныя и опытныя знанія автора. Есть небольшіе недостатки, о которыхъ упоминали мы при выходѣ первой ея части; но вообще нельзя не рекомендовать этого добросовѣстнаго, полезнаго труда, за который многіе и многіе скажутъ автору большое спасибо.

338) О Средствахъ Улучшенія Пенниковой Промышленности, во всемъ ея отрасляхъ. Составлено А. Бутовскимъ и напечатано по приказанію министра финансовъ. Санктпетербургъ. 1842. Въ тип. Департамента Финансовъ Торголи. Въ 8-ю д. л. 200 стр. Съ приложеніями.

У насъ, гдѣ видна общественная польза, тамъ видны и дѣйствія правительства; такъ пенниковая промышленность обратила на себя вниманіе г. министра финансовъ, по приказанію котораго издана книга, выше означенная.

При этомъ случаѣ не должно забывать, что въ Европѣ разводится вновь выведенное изъ Новой-Зеландіи растеніе *phormium tenax*, которое будто бы можетъ замѣнять ленъ и пеньку. Въ «Bulletin Universel des Sciences et de l'Industrie», на 1828 г., Agriculture мѣсяць январь № 1, стр. 10, приведено сочиненіе М. В. Салисбори (1825 г.), изъ котораго видно, что *phormium* съ успѣхомъ разводится въ Ирландіи. Надобно бы знать, точно ли *phormium*

равенъ добротой лену и пенькѣ? точно ли очень дешево? нельзя ли его и у насъ разводить? и др. и пр. О канатахъ, изъ него выткать, было довольно писано и въ недавнѣйшихъ журналахъ; но въ дѣлѣ такой важности нужно точное удостовѣреніе, на опытахъ основанное, чрезъ сравненіе надѣлій изъ пеньки, льна и *phormium*.

Пока будемъ надеяться, что разказы журналистовъ несовсѣмъ основательны и что надобность въ пенькѣ не уменьшάζεται.

339) Красильное Искусство, по новейшимъ иностраннымъ опытамъ, для употребленія въ большое и малое судно. с(С)ъ присовокупленіемъ способовъ окрашивать великую полимилую матерію въ желаемый цвѣтъ. Съ приложеніемъ образцовъ (что?). Москва. Въ тип. Лазаревскаго Института Восточныхъ Языковъ. 1842. Въ 12-ю д. л. 34 стр.

Подобная безграмотная книжка уже явилась года съ два тому назадъ. Почему на заглавномъ листѣ не выставлено: второе изданіе, про то вѣдаетъ издатель. Не смотря на это, мы и теперь скажемъ то же, что говорили тогда: книга годная для полуграмотныхъ, которые, подобно ей, пишутъ: алмазскій, или даже алмазскій.

340) Правила Тѣмъ Рыбачествыхъ Лошадки. Сочиненіе Сергія Шиванина. Москва. 1842. Въ тип. Н. Степанова. Въ 12-ю д. л. 44 стр.

Книга, написанная анатономъ для котораго рѣшительно незначающа литература. Это горладо-называютъ такъ-называемыхъ литературныхъ сочиненій, изъ которыхъ исключена литература.

341) Священная Исторія. Свѣд. Въ тип. А. Бородинъ и К°. 1862. Въ 8-ю д. л. 546 стр.

342) Краткая Священная Исторія Ветхаго и Новаго Завета, изданная Андреевскою Собою сѣвѣнн-

комъ Василюмъ Полянскимъ. Изданіе третіе. *Исправленное и дополненное.* Спб. Въ тип. Штаба Отдѣльн. Корпуса Внутренней Стражи. 1842. Въ 12-ю д. л. 73 стр.

Первая изъ этихъ книгъ заключаетъ въ себѣ только исторію ветхаго завета, и есть полнѣйшая и наилучшимъ образомъ составленная изъ всѣхъ священ-ныхъ исторій, до-сихъ-поръ издававшихся на русскомъ языкѣ. Внѣшнее достоинство книги соотвѣтствуетъ вну-треннему.

• Краткая Священная Исторія Ветхаго и Новаго Завета • г. Полянскаго со-ставлена въ вопросахъ и отвѣтахъ. Она въ семь разъ короче предыдущей; слѣдственно, нельзя и требовать отъ нея тѣхъ же достоинствъ. Но она вы-ходить нынче третьимъ изданіемъ; слѣдственно, достигаетъ своей цѣли.

343) Чтенія для Умственного Развитія Малолѣтнихъ Дѣтей и обогащенія ихъ познаніями. Составлены Егоромъ Гугелемъ. Шестое изда-ніе, исправленное и дополненное. Санкт-петербургъ. Въ Военной тип. 1842. Въ 8-ю д. л. 155 стр.

Шестое изданіе давно-извѣстной книги, составленной инспекторомъ классовъ Сиротскаго Института въ Гаг-чиѣ, г. Гугелемъ, и принятой за руко-водство въ этомъ заведеніи. Мы надѣ-емся въ непродолжительномъ времени сообщить читателямъ замѣчанія наши объ оригинальной методѣ обученія, введенной г-мъ Гугелемъ и о руково-дствахъ, для нея изданныхъ.

344) Дѣтская Учебная Книж-ка (.) или Новая Азбука, составлен-ная изъ картинокъ, съ поясненіемъ оныхъ. Изданіе второе. Спб. 1842. Въ тип. Штаба Военно учебныхъ Заведеній. Въ 16-ю д. л. 158 стр.

• На безлюдья и Ома дворянствъ • говоритъ русская пословица. Въ смы-слѣ этой пословицы, мы готовы при-знать «Новую Азбуку» довольно-хоро-шею азбукою, стало-быть, лучшею изъ Т. XXIV. — Отд. VI.

всѣхъ, потому-что вся другія крайне-дурны. Картинки въ этой «Новой Аз-букѣ» очень-недурны, а для русской азбуки даже очень-хороши. Языкъ текста довольно-плохъ.

345) Арифметика. Учебное руко-водство для учетликовъ Маринской Шко-лы Практическаго Земледѣлія и Ремесла, Графини С. В. Строгановой. Санктпе-тербургъ. Въ тип. Фишера. 1842. Въ 8-ю д. л. 92, 28 и 12 стр.

Книга — чисто для спеціальнаго упо-требленія и довольно-порядочно со-ставленная, хотя и можно указать на нѣкоторые недостатки, на-примѣръ, при объясненіи понятія о числѣ, гдѣ вовсе упущено изъ виду объясненіе чиселъ дробныхъ и смѣшанныхъ. Са-мое опредѣленіе числа, что такъ важно для начинающихъ учиться счисленію, здѣсь не генетическое, какъ бы дол-женствовало быть, и потому понятіе числа представляется какъ-то про-извольнымъ. Впрочемъ, относительное достоинство книги для ея недалекой практической и столь полезной цѣли неоспоримо. Изъ дѣйствій арифмети-ческихъ тутъ только дѣйствія съ цѣлы-ми числами отвлеченными и веществен-ными; намъ казалось бы этого недоста-точно: умѣнье обращаться съ числами дробными не только не лишнее, но оно даже необходимо для предполагаемаго образованія земледѣльцевъ и масте-ровъ, воспитывающихся въ Практи-ческой Школѣ. Сверхъ дѣйствій ари-метическихъ, тутъ сообщаются поня-тія геометрическія, сколько ихъ нужно для простаго измѣренія полей. Въ ста-тейкѣ объ измѣреніи полей, состави-тель руководствуется нѣмецкимъ учеб-никомъ для сельскихъ школъ. Къ осо-беннымъ выгодамъ книги принадле-жить довольно-большое собраніе прак-тическихъ задачъ съ отвѣтами на нихъ. Къ менѣе-значительнымъ недостат-камъ ея можно отнести слабую отда-лку ея диалогической формы, которая была бы здѣсь полезнѣе всякой дру-

гой, но только под условіемъ большаго естественности и полноты.

346) **Маршеидерское Искусство. Учебное руководство съ чертежами, для воспитанниковъ Школы Горнозаводскихъ Наукъ Графини С. В. Строгановой. Санктпетербургъ. Въ тип. Е. Фишера. 1842. Въ 8-ю д. л. 31 стр.**

347) **Провибное Искусство. Учебное руководство для воспитанниковъ Школы Горнозаводскихъ Наукъ Графини С. В. Строгановой. Санктпетербургъ. Въ тип. Е. Фишера. 1842. Въ 8-ю д. л. 34 стр.**

Какъ «Арметика» назначена для Маршинской Практической Школы Земледѣлія и Ремеслъ, графини Строгановой, такъ и эти двѣ книжки имѣютъ свою специальную цѣль — служить руководствомъ для преподаванія провибнаго и маршеидерскаго искусствъ въ Горнозаводской Школѣ графини Строгановой. Привороженные къ способамъ и потребностямъ учащихся, для которыхъ именно и составлены, онѣ вѣроятно достигаютъ своей цѣли.

348) **Практическое Руководство къ Шведскому Языку, изданное Яковомъ Лангевы(о)мъ. Гельсингфорсъ. Въ тип. Г. О. Васенуса. 1842. Въ 8-ю д. л. 154 стр.**

Едва-ли кто-нибудь узнаетъ хоть тѣнь шведскаго языка по этой книжонкѣ. Судите сами: вся она состоитъ изъ 134 страницъ, изъ которыхъ 64 заняты спискомъ какихъ-то шведскихъ именъ существительныхъ, съ переводомъ ихъ на русскій, а 40 наполнены спискомъ кое-какихъ глаголовъ, тоже съ переводомъ на русскій; затѣмъ на 6 страницахъ слѣдуютъ нарѣчій, предлоги и союзы въ томъ же видѣ, и наконецъ на 20 страницахъ «разговоры» — самая бесполезная вещь, безполезнѣ означенныхъ именъ, глаголовъ, нарѣчій, и пр. Итого 130 страницъ. Слѣдственно, все «Практическое Руководство» должно заключаться на

остальныхъ 4-хъ страницахъ? Очень-хорошо! Видно и въ Гельсингфорсѣ пронашло умѣнье петербургскихъ и московскихъ книгопромышленниковъ издавать книги съ заманчивыми заглавьями...

349) **Самоучитель Нѣмецкому (аю?) Языку(а?) (,) или легкое средство узнать этотъ языкъ безъ руководства. Изданіе второе. Спб. Въ тип. А. Сычева. 1842. Въ 12-ю д. л. 123 стр.**

Эта пустая книжонка съ безграничнымъ заглавіемъ лжетъ безъ милосердія. Во-первыхъ, безъ руководителя нельзя легко узнать никакого языка; во-вторыхъ, нельзя узнать языка изъ книжонки въ 123 странички въ 12-ю д. л., и притомъ дурно-составленной; в-третьихъ, учиться прованосить слова чужаго языка, написанныя русскими буквами, значить навсегда погубить свой выговоръ, тѣмъ болѣе, когда, какъ въ этой книжонкѣ, нѣмецкія слова перевернута русскими буквами, наприм.: *der Bürste* — *ди бюрсте*; въ-четвертыхъ, изданіе второе — ложь для привлеченія покупателей; въ-пятыхъ, изъ типографіи г. Сычева не можетъ выйти книга, которая, по своимъ внутреннимъ и внѣшнимъ достоинствамъ, годилась бы на что-нибудь другое, кромѣ завертыванія свѣчей и мыла въ «апошешныхъ» лавкахъ.

350) **Начальные Правила Русской Грамматики, изданныя Николаемъ Гречемъ. Изданіе девятое. Санктпетербургъ. Въ тип. издателя. 1842. Въ 8-ю д. л. 144 стр.**

Грамматики г. Греча, краткія и пространныя, теоретическія и практическія, сокращенныя и полныя, сдѣланы теперь похожи на учебныя исторіи г. Кайданова. Онѣ претерпѣли столько изданій и перенесли столько поражений, что публика привыкла считать ихъ чѣмъ-то въ родѣ литературныхъ инвалидовъ, и сколько по привычкѣ, столько и по состраданію къ старости и увѣчью, покупаетъ ихъ.

Критика, по той же причинѣ, отказалась говорить о нихъ. Да что бы сказала она о нихъ тогда? Все сказано! Для чего бы стала она нападать на нихъ? Что онѣ плохи изъ рукъ вонъ — это и такъ знаютъ всѣ виѣстѣ и каждый порознь. Исправиться же онѣ не могутъ, потому что слишкомъ стары, а въ старости — известное дѣло — способности деревеняютъ и покрываются плесенью. Впрочемъ, намъ обѣщана большая статья — разборъ всѣхъ, почему бы то ни было, замѣчательнѣйшихъ грамматикъ. Какъ нарочно для этой статьи неожиданно вышли въ свѣтъ «Филологическія Наблюденія протоіерея г. Павскаго надъ составомъ Русскаго Языка» (*), кото-

ры, какъ твореніе глубокое, исполненное совершенно — новыхъ идей и взглядовъ на русскій языкъ, дадутъ обѣщанной намъ критикѣ и путеводную нить и факель для указанія новаго пути въ недоступномъ и загражденномъ мусоромъ вданіи русской грамматики.

книгою г. Павскаго, о которой до сихъ поръ еще ничего не сказали; но этому причиною не невниманіе, а скорѣе уваженіе къ глубокомысленному труду ученаго филолога. Въ слѣдующей книжкѣ «Отеч. Записокъ» мы постараемся познакомить нашихъ читателей съ сущностію сочиненія г. Павскаго, столь важнаго для теоріи русскаго языка и въ грамматическомъ и въ филологическомъ отношеніяхъ.

(*) Кстати: мы очень виноваты передъ

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЯ И ЖУРНАЛЬНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Изданіе «Картинъ Русской Живописи» идетъ своимъ правильнымъ, аккуратнымъ ходомъ. На дняхъ вышелъ четвертый выпускъ, въ которомъ помѣщена прекрасная гравюра съ картины Венеціанова «Причащеніе Умирающей», и рассказъ г. Кукольника «Староста Меланья», написанный по поводу этой гравюры. — Картина Венеціанова имѣетъ большое достоинство по типической вѣрности лицъ, составляющихъ изображенную имъ сцену. Сюжетъ взятъ изъ крестьянской жизни. Молодая крестьянка, и въ болѣзни сохранившая прекрасныя черты лица, готовится принять святое причащеніе. Сельскій священникъ подошелъ съ дарамъ къ ея постели; группа крестьянъ и крестьянокъ окружаетъ умирающую съ выраженіемъ глубокой скорби и благоговѣнія; на первомъ планѣ стоитъ сельскій дьячокъ въ своемъ оригинальномъ костюмѣ и колѣнопреклоненная старуха, можетъ-быть, мать больной,

молящаяся со всѣмъ экстазомъ души вѣрующей. Обѣ эти фигуры, виѣстѣ съ фигурою священника, превосходны. О выполненіи гравюры говорить нечего: она дѣлана однимъ изъ искуснѣйшихъ художниковъ Лондона. — Въ пятомъ выпускѣ издатели обѣщаютъ гравюру съ картины Воробьева «Іерусалимъ», бывшую однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній на послѣдней выставкѣ Академіи Художествъ.

Подписка на «Картинъ Русской Живописи» продолжаетъ приниматься, по-прежнему, въ Конторѣ Отечественныхъ Записокъ, или лучше, въ книжномъ магазинѣ А. И. Иванова, состоящемъ при этой Конторѣ (*).

(*) Цѣна каждому выпуску 50 к. сер.; за 12 выпусковъ вдругъ вносится 5 р. с.; за пересылку каждыхъ трехъ выпусковъ 25 к. сер.

Кстати о книжном магазинѣ А. И. Иванова. Читатели вѣрно помнятъ, какъ рекомендовали мы г. Иванова, для выписки книгъ и періодическихъ изданій, преимущественно передъ прочими книгопродавцами, и какъ за это возставали на насъ нѣкоторые газетѣры, привыкшіе властвовать въ русской книжной торговлѣ, давать ходъ тому, кому имъ нужно, и бросать тѣнь на тѣхъ, кто не искалъ ихъ покровительства. Но, увы, миновалось это блаженное старое, хоть и недавнее, время! Голосъ этихъ господъ потерялъ свою силу; публика разгадала ихъ, и пропускаетъ мимо своего слуха и похвалы ихъ и порицанія. Впрочемъ, намъ вообще весьма-мало дѣла до всего этого; насъ нисколько не интересуютъ успѣхи или неуспѣхи того или другаго изъ книгопродавцевъ. Даже съ самаго начала изданія «Отечественныхъ Записокъ», мы рѣшились не подчинять своего журнала ихъ вліянію, не входя въ сношенія, имѣвъ передъ глазами множество опытовъ того, къ чему приводятъ издателей книгъ и журналовъ эти непріятныя сношенія: мы тогда же рѣшились учредить свою собственную контору для пріема подписки на журналъ и для доставленія его подписавшимся. Большая часть журналистовъ подписывались въ то время надъ этою новостію, — а теперь всѣ подражаютъ намъ, заводя свои конторы то при типографіяхъ, то при какой-нибудь одной книжной лавкѣ, такъ-что ни на одинъ журналъ не принимается подписка «во всѣхъ книжныхъ лавкахъ», какъ объявлялось нѣкогда. Для управленія Конторою Отечественныхъ Записокъ, немного спустя послѣ начала нашего журнала, избрали мы г. Иванова. Видя, какъ онъ ведетъ дѣла ея, замѣтивъ въ немъ на опытъ честность, дѣятельность, и усердіе къ исполненію принятыхъ обязанностей, мы посовѣтовали ему — завести, на собственный его счетъ, продажу книгъ при конторѣ, и тогда же извѣстили о томъ читателей. Къ г. Ива-

нову начали поступать требованія съ разныхъ сторонъ, и онъ исполнялъ ихъ честно, немедленно, въ точности. Публика обрадовалась, что нашла наконецъ комиссіонера, который, получая деньги, не оставляетъ требованій безъ отвѣта, и высылаетъ именно то, что отъ него просятъ, а не то, что послать почитаетъ для себя выгодно. Довѣріе къ г. Иванову начало возрастать быстро; благодарственные письма посыпались къ нему съ разныхъ сторонъ, и многіе до такой степени убѣдились въ его честности, что присылаютъ теперь значительныя суммы денегъ, прося его выслать книгъ или періодическихъ изданій только на извѣстную часть ихъ, а остальное удержатъ у себя впредъ до будущихъ требованій: — довѣріе весьма-лестное, которымъ всякій книгопродавецъ можетъ похвалиться. Г. Ивановъ сносится теперь со всеми концами Россіи; многія учебныя заведенія исключительно къ нему обращаются за книгами; многія редакціи оффиціальныя и частныя журналовъ исключительно ему вѣрнули подписку на свои изданія; многіе издатели просятъ его принять на себя исключительную продажу книгъ ихъ, — и наконецъ онъ удостоился чести сдѣлаться *Коммиссіонеромъ Второю Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи*, по продажѣ Полнаго Собранія Законовъ и «Свода», и *Коммиссіонеромъ Императорскаю Вольную Экономическаю Общества*. Каждый изъ этихъ титуловъ могъ быть достигнутъ немногими книгопродавцами, а оба вмѣстѣ могутъ считаться почетною, торжественною и такъ-сказать оффиціальною наградою дѣятельности и добросовѣстности. — Теперь г. Ивановъ увеличилъ свои книжныя магазинъ, отдѣлалъ его блестящимъ образомъ, завелъ въ немъ строгій порядокъ, какъ въ отношеніи своихъ счетовъ, такъ и въ отношеніи къ перепискѣ съ иногородными читателями, чего у насъ почти никгдѣ не дѣлывалось. — и если онъ не ослабнетъ въ своей неутомимой дѣятельности

(а этого мы имеемъ полное право надеяться), то скоро займетъ одно изъ первыхъ мѣстъ между русскими книгопродавцами. При нынѣшнемъ жалкомъ состояніи русской книжной торговли, это — отрадное явленіе, и намъ тѣмъ болѣе пріятно указать на него читателямъ, что, вѣстѣ съ тѣмъ, мы выполняемъ долгъ признательности передъ г-мъ Ивановымъ за усердные труды его по управленію конторкою нашего журнала.

Теперь, какъ уже открытъ книжный магазинъ его, публика можетъ адресовать свои требованія по выпискѣ книгъ, не въ Контору Отечественныхъ Записокъ, какъ было въ прошломъ и нынѣшнемъ году, но надписывать прямо «*Въ Магазины Русскихъ Книгъ А. И. Иванова*», продолжая, впрочемъ, присылать свои требованія на журналъ нашъ, по-прежнему, *въ Контору Отечественныхъ Записокъ*, которая хоть и находится въ томъ же самомъ магазинѣ и подѣ управленіемъ А. И. Иванова, но зависитъ, вѣстѣ съ тѣмъ, и отъ редакціи этого журнала, тогда какъ книжный магазинъ исключительно принадлежитъ А. И. Иванову.

Въ предъидущей (9-й) книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» на стр. 18—20 Библиогр. Хроники, помѣщенъ разборъ «Энциклопедіи Русскаго Городскаго и Сельскаго Ховяина, Садовода, и проч.» составленной П. Фурманномъ; на дняхъ мы получили отъ извѣстнаго нашего архитектора, г-на Свѣзева, письмо, которому не имѣемъ права не дать мѣста въ своемъ журналѣ. Вотъ оно:

«Милостивый государь! Прочитавъ въ «Отеч. Запискахъ» справедливую оцѣнку «Энциклопедіи» какого-то г-на Фурманна, я замѣтилъ только одно упущеніе со стороны рецензента, который умолчалъ о томъ, что проекты русскихъ церквей скопированы г-мъ Фурманномъ съ проектовъ, изданныхъ г. профессоромъ Тоновъ, — и какъ изъ Т. XXIV.—Отд. VI.

уродованы, Боже мой! Да такъ, что не вѣришь глазамъ, что живешь въ Россіи и въ XIX столѣтіи... Такимъ же образомъ онъ поступилъ и съ моимъ «Руководствомъ къ Архитектурѣ» и даже буквально выписывалъ изъ него, когда не мечталъ объ удовольствіяхъ на дачѣ, о журчаніи ручейка, о *свѣжей прелесть полей и лѣсовъ*; а чертежи, помѣщенные на листахъ 86, 87 и 88, можно сказать, *срываны* изъ моей архитектуры. Я не могу прибрать здѣсь другаго болѣе-яснаго выраженія, потому-что г. Фурманъ, на стр. XI введенія, говоритъ только объ англійскихъ, французскихъ и немецкихъ сочиненіяхъ, которыми руководствовался въ составленіи *русской* энциклопедіи, а о русскихъ сочиненіяхъ не сказалъ ни слова. Что же касается до собственныхъ архитектурныхъ свѣдѣній г. Фурманна, то о нихъ тотчасъ можно уразумѣть, взглянувъ на листъ 70 (часть III). Немногіе поймутъ, что тутъ представлено подѣ названіемъ корниза, а это просто — архитектура вверхъ ногами!

Послѣ того, мнѣ больно было подвергнуться общему съ г. Фурманномъ упреку, выраженному въ рецензії вашей такимъ образомъ: «Полобная исторія архитектуры не новость на русскомъ языкѣ; этой погрѣшности не избѣгъ и опытный архитекторъ нашъ г. Свѣзевъ, у котораго, впрочемъ, эти идеи выражены гораздо-проще.» Но какъ я отъ этихъ идей давно уже отказался, и въ послѣднемъ изданіи моей архитектуры вы не встрѣтите и слѣдовъ ихъ, то и прошу васъ покорнѣйше, милостивый государь, помѣщеніемъ письма моего въ вашемъ журналѣ, предоставить честь облажанія этими идеями одному г. Фурманну. Пусть онъ съ ними, для постройки русскихъ дачъ, выбираетъ климатъ сухой и теплый («Энцикл.», часть I, стр. 40) и краситъ соломенные крыши масляною краскою (стр. 73); пусть бьютъ онъ у него и *фонтанами* и *водометами* (ч. II, стр. 18); пусть поютъ *жаворонками* и *соловьями*, которые тотчасъ заведутъ

ся во всякомъ саду, лишь стоить только строго запретить предприимчивымъ и жестокимъ мальчишкамъ разарать птичьи гнѣзда (стр. 28)...

• Съ истиннымъ почтеніемъ, и проч.

И. В. Свизевъ.

11 сентября 1843.
Москва.

Посредникъ, *газета промышленности, хозяйства и реальныхъ наукъ*, издаваемая С. М. Усовымъ, будетъ выходить и въ слѣдующемъ 1843 году, по прежнему плану и на прежнихъ у-

словіяхъ. Въ продолженіе трехлѣтняго существованія этой газеты, читателямъ онакопились уже съ содержаніемъ ея. Цѣль «Посредника» — знакомить читателей со всѣми новыми и полезными, что происходитъ въ кругу положительныхъ наукъ, хозяйства, ремеслъ и мануфактуръ. — Подписка принимается у издателя, въ редакціи «Земледѣльческой Газеты», въ Газетной Экспедиціи С. Петербургскаго Почтамта и въ магазинѣ А. И. Иванова, въ домѣ Петро-Павловской Церкви на Невскомъ Проспектѣ. Цѣна съ пересылкою 4 р. 30 коп. серебромъ, или 15 руб. ассигнаціями за годовое изданіе.

VII.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

ГЕРМАНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Вотъ замѣчательнѣйшія произведе-
нія нѣмецкой литературы по части
исторіи, эстетики и изящной словес-
ности, вышедшія въ недавнее время:

LEBENS BILDER AUS DEM BE-
FREIUNGSKRIEGE. 1. Ernst Friedrich
Herbert Graf von Münster. Erste Ab-
theilung. — Zweite Abtheilung. Urkun-
denbuch. Iena, 1842. (Картины Жи-
зни изъ войны за независимость.
1. Эрнстъ Фридрихъ Гербертъ графъ
фон-Мюнстеръ, 1-е и 2-е отдѣ-
леніе).

Нѣмцы весьма-худые политики. Ихъ
ученое обращеніе съ политикою —
не что иное, какъ бесплодная, не-прак-
тическая профессорская мудрость. Ка-
ждый профессоръ строитъ себя спеку-
лятивную систему, не думая о томъ,
подходятъ ли подъ нее люди, его со-
временники. Упреки эгоизма, такъ ча-
сто повторяемый германскими дипло-
матами, совершенно основателенъ.
Но какъ помочь злу? Какъ дости-
гнуть познанія людей и свѣта, если
все дѣлается втайнѣ? Для здраваго по-
литическаго взгляда необходимо по-
знаніе исторіи, но не одной исторіи
греческаго и римскаго міра, Египтянъ
и Евреевъ, а преимущественно исто-
ріи новѣйшаго времени, и въ особен-
ности новѣйшей исторіи своего отече-
ства. Не довольно знать всѣ выигран-
ныя или проигранныя сраженія, всѣ
заключенные договоры и т. п., — все
это составляетъ только скелетъ исторіи.
Надо познать силы, которыя приводи-

ли все въ движеніе, побужденія, до-
брыя и худыя, которыя, борясь меж-
ду собою, управляли ходомъ дѣлъ, — на-
конецъ людей, которые имѣли наибо-
лѣе положительное или отрицательное
вліяніе на событія, — словомъ, надо по-
стигнуть внутреннюю, скрытую дѣя-
тельность исторіи, обращеніе соковъ,
развитіе болѣзней и средства врачеванія,
живую жизнь, которую нельзя
изучить по одному скелету. Когда это
знаніе сдѣлается доступнымъ для вся-
каго, тогда только Германія въ состоя-
ніи будетъ выйти изъ тумана теоре-
тическихъ умствованій, неимѣющихъ
основанія въ практической существен-
ности, и никогда предающихъ живаго
изображенія дѣйствительности. Эта
живая сторона исторіи, это участіе
лицъ и идей, до-сихъ-поръ въ Герма-
ніи — тайна дипломатовъ. Они пере-
шоптываются въ гостинныхъ; несвя-
щенные узнаютъ другъ друга по
одному незначительному слову, а ме-
жду-тѣмъ большая и образованнѣйшая
часть германскаго народа остается не
посвященною въ эти таинства.

Какая разнища въ этомъ отношеніи
Франдузы и Англичане! Найдите въ
нихъ новѣйшей исторіи одно событіе,
одно лицо, которое не было бы раз-
смотрѣно со всѣхъ сторонъ, изслѣдова-
но, разбанатамировано до послѣд-
ней возможности. Жизнь всякаго че-
ловѣка, замѣчательнаго своимъ по-
ложеніемъ или своею дѣятельностью,
раскрыта передъ глазами цѣлой націи.

Его добродѣтели и пороки, дарованія и недостатки, дѣятельность и бездѣйствіе, борьба съ вѣдшими обстоятельствами, причины его торжества или пораженія — все это извѣстно, изъ всего этого можно почерпнуть опытность, идеи и нормы для своихъ собственныхъ поступковъ. По-этому-то, въ моральномъ образованіи Германцы далеко отстали отъ другихъ просвѣщенныхъ націй; имъ не достаетъ живой морали, простирающейся изъ знамія мнувшаго и настоящаго.

Но наконецъ и въ Германіи показывается начало литературы *записокъ*; наконецъ и въ Германіи историческое правосудіе хочетъ, хоть и немного-поздно, проложить себѣ дорогу. Все политическое состояніе Германіи основывается на славныхъ войнахъ противъ Наполеона. Съ этимъ долженъ согласиться всякій, даже дипломатъ. По-этому весьма естественно, что Германцы хотятъ знать, чья вина ввергла ихъ въ унижительное состояніе, предшествовавшее войнамъ за независимость.

Гагнерово • *Участіе въ Политикѣ* • (Antheil an der Politik) и арентовы • *Воспоминанія* • (Erinnerungen u. s. w.) суть прекрасныя начинанія для будущей литературы записокъ, которая составляетъ собственно верно новѣйшей исторіи. Разсматриваемое нами сочиненіе достойно занять мѣсто на ряду съ ними. Если въ немъ не видно такого же моральнаго характера автора, какъ въ двухъ первыхъ, ва то оно заключаетъ въ себѣ множество писемъ, замѣчаній и т. п. лучшихъ и благороднѣйшихъ характеровъ, принимавшихъ наибольшее участіе въ войнахъ за освобожденіе и въ установленіи вышшняго устройства Германіи. Книга эта будетъ много содѣйствовать тому, чтобъ Германцы приучились къ правосудію; она показываетъ, чѣмъ Германія обязана нѣкоторымъ лицамъ, и въ чемъ виноваты передъ нею другія.

Книга эта названа по имени покой-

наго графа фон-Мюнстера, вѣроятно потому только, что Мюнстеръ подалъ поводъ къ сочиненію и излаію ея. Безыменный авторъ, котораго, впрочемъ, легко узнать (Фрейгерръ фон-Гормайръ, находившійся прежде въ австрійской службѣ и извѣстный уже своими историческими трудами), ничего не говоритъ въ предисловіи о томъ, какъ онъ получилъ матеріалы, изъ которыхъ составилъ свою книгу; но содержаніе ея объясняетъ это, и, кажется, мы не ошибемся, растолковавъ происхожденіе этого сочиненія слѣдующимъ образомъ: графъ фон-Мюнстеръ при жизни еще избралъ себѣ біографа, который, по смерти его, достойнымъ образомъ передалъ бы потомству память о немъ. Съ этою цѣлію, онъ позволилъ біографу пользоваться своею перепискою и другими бумагами, относящимися къ современной исторіи. Эти-то письма составляютъ главное содержаніе книги и имѣютъ весьма отдаленную связь съ лицомъ Мюнстера. Впрочемъ, такъ-какъ письма эти не могли быть издавы безъ біографіи Мюнстера, то авторъ и помѣстилъ ее въ началѣ. Онъ даже не покушался сдѣлать Мюнстера средоточіемъ всей эпохи и всѣхъ событій, къ которымъ относятся приложенные документы, и за это мы должны благодарить автора, ибо подобная попытка навѣрное не удалась бы. Не будемъ также упрекать его въ томъ, что біографія Мюнстера носитъ на себѣ характеръ апологіи, ибо конечно это необходимое слѣдствіе обязанностей, возложенныхъ на автора довѣренностію Мюнстера, которыхъ онъ не хотѣлъ преступить. Впрочемъ, этой причинѣ должно приписать, что характеръ Мюнстера не обрисованъ рѣзкими чертами, такъ, что біографія эта не даетъ о немъ яснаго понятія. Всѣ прочіе характеры, какъ тѣ, которые описываются авторомъ, такъ и тѣ, которые сами представляютъ себя въ своихъ письмахъ, обозначены гораздо тверже и явственнѣе; только герой,

именем котораго названа книга, остается блѣднымъ и безцѣпнымъ.

Мюнстеръ, во время наполеоновскихъ войнъ, былъ министромъ и совѣтникомъ принца-регента Англии (въ послѣдствіи короля Георга) по дѣламъ Германіи. Поэтому, всѣ патріоты Германіи обращались къ нему и употребляли его посредничество для полученія денегъ, войскъ, заступничества и т. п. Англии. Отъ этого его огромная переписка съ значительнѣйшими лицами эпохи. Какъ заявлялъ врагъ Наполеона, онъ былъ ревностный ходатай за выгоды Германіи.

На вѣскомъ конгрессѣ онъ участвовалъ въ качествѣ ганноверскаго полномочнаго посланника-министра и имѣлъ большое вліяніе на дѣла Германіи, ибо во всѣхъ - почти случаяхъ имѣлъ на своей сторонѣ голосъ Англии.

Название *аристократа* лучше всего характеризуетъ Мюнстера. Онъ имѣлъ добродѣтели и пороки этого сословія. Къ добродѣтелямъ принадлежатъ чувство собственнаго достоинства, мужество, любовь къ отечеству. Она обязываютъ достаточно его упорную борьбу противъ Наполеона и французскаго владычества, и его сопротивление признавать права средняго сословія. Онъ защищалъ преимущества дворянства и вовсе не думалъ о правахъ остальнаго народа.

Поэтому, дѣлаемое авторомъ сравненіе Мюнстера съ Штейномъ совершенно неосновательно. «Оба были исполнены дворянской гордости», говоритъ онъ: это правда, но каждый въ своемъ родѣ. Штейнъ былъ прежде вольный имперскій рыцарь (Reichsritter) и былъ благодаренъ своему происхожденію за совершенную свободу, за высокое положеніе, которое оно доставило ему въ свѣтъ. Штейна нельзя представить себѣ сыномъ деревенскаго пастуха, или чѣмъ-либо подобнымъ. Этого чувства независимости, этого свободнаго взгляда на событія невозможно было достигнуть въ то время, а можетъ быть нельзя и теперь человеку,

рожденному въ это высокаго круга, даже благороднѣйшему и богатѣйшему. Стѣсненность несвободнаго положенія необходимо должна имѣть вліяніе на поступки и даже на характеръ челоѣка. Политикъ-плебейнинъ будетъ всегда имѣть или слишкомъ-много робости, или слишкомъ-много фанатизма, и его гораздо-легче подкупить тѣмъ или другимъ образомъ. Поэтому, Штейнъ цѣнилъ свое происхожденіе, ибо оно служило основаніемъ его благородно-свободнаго характера; но цѣлю всѣхъ его помысловъ и дѣйствій было доставить благоденствіе каждому гражданину, каждому крестьянину... Онъ ненавидѣлъ привилегіи и допускалъ перское достоинство въ такомъ только случаѣ, если оно основано на моральныхъ качествахъ и на благородствѣ характера.

Напротивъ - того, Мюнстеръ былъ аристократъ-эгоистъ. «Передняя втирается въ гостиную» - вотъ какъ онъ характеризовалъ духъ времени, который ненавидѣлъ. Между-тѣмъ, какъ Штейнъ хотѣлъ, чтобъ вся нація составляла одну гостиную, въ которой господствовалъ бы тонъ любви, свободы и справедливости, Мюнстеръ старался исключить изъ нея всѣхъ нерожденныхъ въ высшемъ кругу.

Впрочемъ, должно сказать, что вообще характеристика лицъ, являющихся въ разсматриваемомъ нами сочиненіи, вѣрна и поучительна, — и какихъ лицъ! Вся мнзнія, вся страсти, всѣ направленія умовъ, отъ возвышеннѣйшихъ до превратнѣйшихъ, котора въ-продолженіи полуѣка волновали Германію, имѣютъ здѣсь своихъ представителей; каждое направленіе своего поборника. Идеи являются здѣсь не какъ мертвыя буквы, но какъ живые существа. Передъ глазами нашими раскрывается страшная борьба противоположныхъ интересовъ; мы видимъ бѣшеніе сердца и перевѣсъ всемірной исторіи, и конечно всякій, прочтя эту книгу, получитъ болѣе-свободный

взглядъ на свѣтъ и на современныя событія.

Sophokles. *SKIN LEVEN UND WIRKEN. Nach den Quellen dargestellt von Ad. Schöll.* 1842 (Софоклъ. Его Жизнь и Дѣянія. А. Шёлля).

Пока еще не появилось твореніе, которое назъ трагедій Софокла развило бы его взглядъ на искусство, книга Шёлля заключаетъ въ себѣ все, что можно было собрать относительно вѣстной жизни и дѣйствій великаго поэта. Всѣ сдѣланные до сего времени опыты біографіи Софокла основывались на отрывистыхъ, скудныхъ и часто противорѣчащихъ извѣстіяхъ, сохраненныхъ послѣдними обработывателями исторіи древней литературы. Авторъ думаетъ найти въ сохранившихся трагедіяхъ, и даже въ отрывкахъ, гораздо-обильнѣйшій источникъ не только для познанія его поэтическаго гевія, но и для біографіи его. Онъ надѣется, что непредубѣжденное наученіе Софокла, почерпнутое изъ него-самого, и изслѣдованіе тѣхъ мѣстъ въ его драмахъ, гдѣ проявляется наиболѣе его время и его положеніе, отличаетъ его твореніе отъ слишкомъ-ограниченнаго взгляда прежнихъ біографовъ Софокла, и оправдываетъ то, что въ немъ встрѣтится новаго и противорѣчащаго принятымъ мнѣніямъ.

HANDBUCH DER KUNSTGESCHICHTE. *Von Franz Kugler,* 1842 (Руководство къ Исторіи Художества).

Между множествомъ вышедшихъ какъ въ Германіи, такъ и въ другихъ странахъ пособій для изученія исторіи искусствъ, руководства профессора Куглера неоспоримо занимаютъ первое мѣсто. Не говоря о внутреннемъ достоинствѣ его «Руководства къ Живописи» и его послѣдняго творенія, которое будетъ понято только ревностнѣйшими и добросовѣстнѣйшими любителями, не говоря объ остроуміи, съ которымъ онъ открываетъ нить родства между предметами, по-видимому чуждыми другъ-другу, объясняетъ загодичное и заставляетъ обращать вни-

маніе на мелочи, — одна уже наружная обработка ставитъ сочиненія Куглера наряду съ первоклассными. Мы говоримъ о его умѣньѣ въ краткомъ обзорѣ предмета, почти подавляющаго своею огромностію выбрать и помѣстать именно то, что должно быть въ ручной книгѣ, и не пускаться въ глубокомысленныя изъясненія, ясно представлять результаты съ ихъ причинами, и чѣмъ ставить всякаго читателя въ возможность идти одному далѣе и углублять или отгѣрнуть его мнѣніе, и наконецъ, при вселѣ обиліи содержанія, счастливо умалчивать о многомъ. Въ книгахъ, предназначенныхъ для ежедневнаго употребленія, достоинства эти неопцѣнены. Они часто доставляли незаезженный успѣхъ твореніямъ другихъ народовъ, потому-что сочиненія Нѣмцевъ, гораздо-основательнѣйшія, не имѣли этихъ вѣншихъ достоинствъ. За то сочиненію, въ которомъ онѣ, какъ въ послѣднемъ твореніи Куглера, соединены съ самостоятельнымъ, основаннымъ на непреложныхъ началахъ сужденіемъ, которое, однакожь, не столько занимаетъ распространеніемъ теоретическихкихъ положеній, сколько ихъ приложеніемъ, съ опытною и знаніемъ дѣла, приобрѣтенными упражненіемъ, — можно предсказать варный и заслуженный успѣхъ.

При множествѣ существующихъ уже пособій для изученія художествъ Греціи и Рима, нельзя упрекать автора въ томъ, что онъ обозрѣваетъ ихъ слишкомъ-бѣгло. Впрочемъ, это отдѣленіе его книги наименѣе-удовлетворительно. Любимый предметъ его — кажется, *романтическое искусство* (четвертое отдѣленіе), котораго начало онъ относитъ къ тому времени, когда христіанская вѣра сдѣлалась государственною въ Римской Имперіи, и конецъ къ окончанію среднихъ вѣковъ. Здѣсь богатство матеріаловъ требовало ясности и свѣжести изложенія, котораго можно было достигнуть только глубокимъ изученіемъ и совершеннымъ знаніемъ предмета. Хотя приводимые имъ ца-

таты показываютъ, что онъ изучалъ прежнія творенія, но и подобное изученіе полезно только въ опытныхъ рукахъ. Въ-особенности онъ заслуживаетъ благодарности тѣмъ, что въ отдѣленіи о византийскомъ стилѣ архитектуры онъ первый сдѣлалъ подробно обоарніе древнихъ константинопольскихъ владій.

Въ 12-й главѣ, гдѣ говорится о художествахъ мухамеданъ, авторъ съ большою осмотрительностію показываетъ развитіе острокопечнаго свода (ogive) въ памятникахъ мухамеданской архитектуры, ограничивая значеніе его тѣмъ, чѣмъ этотъ сводъ дѣйствительно былъ у мухамеданъ, т. е. наружною архитектурною формою, которая никогда не служила основаніемъ ближайшаго, органическаго отношенія между сводомъ и водпорею (Stütze). Онъ никогда не былъ у нихъ началомъ, распространяемымъ на всѣ части здания. Все достоинство мухамеданской архитектуры ограничивается совершенствомъ орнаментовъ.

Профессоръ Куглеръ тщательно отличаетъ отъ римскихъ и византийскихъ формъ тѣ, которыя развились изъ германскаго духа, и которыя онъ называетъ романскими стилями. Этому стилю посвящена 13-я глава. Его національное намѣненіе въ разныхъ странахъ объяснено авторомъ удачно-выбранными примерами, которые показываютъ его особенную любовь къ этому стилю. Въ 19-й главѣ, авторъ переходитъ къ германскому стилю. Тутъ передъ нами лежалъ ужасающее множество матеріаловъ, но ловкимъ разграниченіемъ онъ умѣлъ сдѣлать поле удобобозрительнѣе.

Исторія новѣйшаго искусства составляетъ четвертое отдѣленіе и весьма-основательно начинается пробужденіемъ ученаго сознанія во всѣхъ направленіяхъ жизни, и особенно пробужденіемъ ученой критики. Эта ученость подѣйствовала на всѣ роды художествъ и начала, изъ одного раиѣе, изъ другаго позднѣе, прежній

характеръ. Но вмѣстѣ съ этимъ возрожденіемъ, искусство, до тѣхъ неравнѣльное, начало, кажется, распадаться на свои атомы; искусство породило новѣйшія искусства. Въ каждомъ художественномъ твореніи начало проявляться болѣе индивидуальности; но стремленіе сравниться съ древними, или даже превзойти ихъ, отняло у архитектурныхъ произведеній ихъ характеръ. Въ-отношеніи къ живописи, авторъ имѣлъ уже много предварительно-приготовленнаго въ своемъ «Руководствѣ къ Исторіи Живописи». Но и здѣсь онъ много исправилъ и дополнилъ.

Хорошіе реестры и систематическое расположеніе предметовъ дѣлаютъ эту книгу весьма-удобною для употребленія, и авторъ самъ полагаетъ, что она можетъ-быть полезна въ путешествіяхъ. Можно надѣяться, что каждый путешественникъ заисается ею, и новое изданіе скоро доставитъ автору случай исправить нѣкоторыя недостатки, пополнить неполноты, и прибавить то, что онъ самъ приобрѣлъ новаго послѣ ея изданія.

DIE KUNST DER DRAMATISCHEN DARSTELLUNG in ihrem Zusammenhange wissenschaftlich entwickelt von Dr. H. T. Röttscher. Berlin, 1841 (Искусство Драматическаго Представленія, соч. Рётшера).

До-сихъ-поръ еще многіе подѣ-торіею какого-либо искусства. понимаютъ рядъ правилъ, удобныхъ къ непосредственному приложенію, которыя, смотря по болѣе или менѣе-высшей точкѣ зрѣнія, усваиваются учеными или отвергаются съ глумлою гордостію. Книга Рётшера, отнюдь не заключаетъ въ себѣ подобнаго собранія правилъ, но есть первый и весьма-удачный опытъ ученаго развитія понятія объ искусствѣ драматическаго представленія, показывающій, какъ идея невидимо придаетъ жизнь каждой части художественнаго произведенія. По-этому, сценической артистѣ не найдеть въ этой книгѣ совѣтовъ, которые могъ бы тотчасъ же приложить

къ практикѣ, начинающій не найдетъ въ ней руководства, которое бы указало ему лучшую методу, какъ упражняться и совершенствоваться въ искусствѣ. Напротивъ, тутъ только собраны матеріалы и указанія для подобнаго руководства; учебная же книга должна слѣдовать совершенно по другому пути, нежели философское развитіе идеи. Главная задача сценическаго искусства состоитъ въ томъ, чтобъ придать живую плоть драматической поэзіи, а средства ея — всѣ физическія и нравственныя способности артиста. Ихъ-то должно образовать и дисциплинировать такъ, чтобъ онѣ всегда и вездѣ были послушны волѣ художника. Но именно эти необходимыя, предварительныя, соединенныя съ большими трудностями упражненія нигдѣ не пренебрегаются столько, какъ въ сценическомъ искусствѣ, и ввѣдъ диллетантизмъ и художество не граничатъ такъ близко другъ-съ-другомъ. Средства представленія суть *слова и демонація*. Поэтому первый предметъ, приготовительнаго наученія — образование голоса, безукоризненный выговоръ и пріятность произношенія. Но голосъ не всегда долженъ быть одинаковъ: его надо модулировать, и артисту необходимо приучиться возвышать и понижать его, дѣлать сильнѣе и слабѣе, быстрѣе и протяжнѣе и т. п. Далѣе, удареніе придаетъ значеніе рѣчи, логическое дѣлаетъ ее понятною, символическое олицетворяетъ голосомъ идеи, порожденныя въ насъ словами. Наконецъ, только речемъ, все равно въ прозѣ или стихахъ, дѣлаетъ рѣчь художественнымъ цѣлымъ. Ровнымъ шагомъ съ воспитаніемъ органа слова должно идти образованіе краснорѣчія тѣлодвиженій. Отъ элементарныхъ условій мимики авторъ постепенно переходитъ къ труднѣйшимъ ея задачамъ — выражать или различіе возраста, темперамента, народности, или различный состояніи души, какъ мечтательность, суицидальность и т. п. Наконецъ, мимическій артистъ долженъ идти еще да-

лѣе въ своемъ образованіи — къ представленію человеческихъ наклонностей и страстей. Только послѣ всѣхъ этихъ предварительныхъ наученій дѣлается возможнымъ совершенно-вѣрное представленіе характерной роли. Авторъ развиваетъ одно искусство во всей его увлекательной красотѣ, во всемъ его возвышенномъ достоинствѣ. Искусство всегда имѣло весьма-немного благородныхъ поклонниковъ, которымъ оно было свѣтлыишкомъ жизни, вѣчною цѣлію всѣхъ ихъ усилій. За ними тянется рядъ посредственныхъ дарованій въ выходящей прогрессіи до бессмысленныхъ подѣлщиковъ искусства. Такъ было всегда, и есть еще до-сихъ-поръ въ драматическомъ искусствѣ. Для весьма-немногихъ сочиненіе Ретшера будетъ истиннымъ сокровищемъ, объясняя имъ собственныя ихъ идеи и опыты; для прочихъ же оно всегда останется книгою съ самою печатмю. Но и кромѣ избранныхъ художниковъ, сочиненіе это, повѣваю, найдетъ много читателей между несвѣдущими въ таинство искусства и занимающимися имъ только теоретически.

Der Missionar. Ein Roman von A. von Sternberg. Leipzig. 1842. (Миссіонеръ. Романъ А. фон-Штерберга).

Религія — ариаднина нить, плущая черезъ лабиринтъ событій различныхъ частей свѣта, и въ лицѣ миссіонера отражается стремленіе нашего вѣка къ истинной формѣ вѣры. Поэтому, романъ Штерберга вѣроятно найдетъ сочувствіе въ читающей публикѣ.

Цинцендорфъ, одушевленный истиннымъ усердіемъ къ вѣрѣ, основываетъ общество геритутеровъ; но это не мѣшаетъ многимъ лицамъ бранъ и жестокимъ стать подъ его знамена. По смерти Цинцендорфа, дѣлами общества управляетъ дочь его, графиня Елизавета Брюсъ, хотя она вовсе не наслаждалась мечтательностью своего отца; и хотя образъ ея взрваніи во многихъ су-

щественныхъ пунктахъ не согласуется съ понятіями общества. Она жила въ Парижѣ, любитъ его и наконецъ принимаетъ посѣщеніе цѣлаго общества тамошнихъ друзей своихъ, которыхъ страсть къ удовольствіямъ и образъ мыслей, разумѣется, лежатъ въ набожнаго, ограниченнаго круга идей геригутеровъ. Графъ Ипполитъ, женихъ Елизаветы, напитокъ инѣиіями Вольтера и Руссо, и сама она такъ привыкла къ нимъ, что не пугается сатирическихъ выходокъ противъ понятій ея секты. Герой романа, молодой Калистъ, влюбленный въ Елизавету, съ ужасомъ замѣчаетъ въ ней эту переѣву, и думаетъ, что она не вѣруетъ въ Бога. Это открытіе поколебало его собственную вѣру: его мучатъ сомнѣнія, и онъ бѣжитъ отъ людей въ лѣса, отказавшись отъ возложеннаго на него обществомъ порученія — отправиться миссіонеромъ на Островъ св. Оомы. Но увѣщанія Іоанна Ваттевила и одно слово Елизаветы опять привели его въ себя: онъ покоряется уставамъ общества и принимаетъ посланіе на Островъ св. Оомы.

Лица общества обрисованы очень хорошо съ своими разнообразными характеристиками — отъ восторженной религіозной мечтательности до притворнаго ханжества лицезровъ, и многія черты изъ общественной жизни братства схвачены, кажется, съ натуры. Ученый, Петръ Либоріуотъ, ненавидитъ доктора Арнеяльда за то, что тотъ приписываетъ себѣ первое правильное объясненіе одного латинскаго мѣста: вслѣдствіе разъ, идя къ причастію, онъ жается въ этомъ грѣхѣ и первый бросается въ объятія примиреннаго врага своего. Исповѣдь, но понятіямъ геригутеровъ, есть *любкое умноженіе самого-себя*. Старая бабка миссіонера, Либбуса, душа которой раздѣлена между ревностію къ религіи и любовію къ внуку, — одно изъ замѣчательнѣйшихъ лицъ общества.

На Островѣ св. Оомы, Калистъ находитъ тиранство и жестокость между

колонистами, притворство и лицемеріе между мораскими братьями, и Негровъ въ цѣпяхъ тяжкаго рабства. И здѣсь всѣ лица также хорошо обрисованы авторомъ; богатый колонистъ Нуре Штрумъ, сестра его Ульрика, мораскіе братья Франкиръ и Фроммъ Байлеръ, которые, не смотря на свое краснорѣчіе, не пользуются общимъ уваженіемъ, маленький Негръ, Цоксъ, Миха, молодая Негритавка и старый Негръ-философъ Ерикъ.

Своими изроченіями и задачами миссіонеры, миссіонеръ навлекаетъ на себя неудовольствіе черныхъ, и наконецъ усылается далѣе въ Канаду.

Въ сопровожденіи молодой Негритавки Миха, онъ проходитъ густые лѣса и степи; америкацкая война за независимость подвергаетъ его многимъ опасностямъ; раненый, онъ встрѣчается съ Вашингтономъ, Мортонномъ и Лафайеттомъ, въ ту самую минуту, когда они получили извѣстіе, что Франція признала независимость Американскихъ Штатовъ. Далѣе, Калистъ попадаетъ въ плѣнъ къ Индійцамъ; но письмомъ къ царю лѣсовъ, которое онъ всегда носилъ на груди, спасаетъ его отъ вѣрной смерти: его приводятъ въ мазонскій храмъ, гдѣ 13 мужей, съ закрытыми лицами, обѣщаютъ ему покровительство и принимаютъ въ свой кругъ. Ему кажется, что онъ узнаетъ въ нихъ героевъ свободы Америки. Они называютъ себя мужами истины, ихъ лозунгъ — Америка, ихъ знамя — Богъ.

При удаленіи съ Острова св. Оомы, Калисту предстояло еще одержать трудную победу надъ своимъ сердцемъ; онъ любитъ Миху, и надеется найти въ ней взаимную любовь; она сама принимаетъ за любовь чувства уваженія къ нему и рѣшается слѣдовать за нимъ въ Европу. Но когда Ноксъ грозитъ самоубійствомъ, она колеблется и Калистъ самъ несетъ ее съ корабля и отдаетъ ее сопернику. Этотъ поступокъ побѣдилъ наконецъ упорство стараго Негра Бри-

ка, и онъ принимаетъ христіанскую вѣру.

Авторъ переноситъ дѣйствіе въ Парижъ, и представляетъ революціонныя неистовства якобинцевъ, триумфъ бюста Вольтера, и многія кровавыя сатурналіи. Калистъ встрѣчается съ Елизаветою, которая уже замужемъ за графомъ Иполитомъ; но, не смотря на то, духовная связь ея съ Калистомъ продолжалась, и они были въ постоянной перепискѣ.

Тщетно Калистъ уговариваетъ ее оставить Парижъ, гдѣ она окружена опасностями. Наконецъ удается ему спасти ее изъ рукъ разъяренной черни, показавъ знаки масонскаго ордена. Мужъ ея убитъ; она свободна и любить Калиста, но онъ самъ отвращается отъ нея.

• Миха похитила у него земную любовь, Елизавета заставила его отказаться отъ небесной. Онъ желалъ и надѣялся не того, чего она желала и надѣялась. Женщина, исполненная идей смѣлыхъ и гордыхъ, возвышеннаго честолюбія, непошрнной гордости, эта женщина, какъ ни велико ея земное величіе, не могла быть его женою. Какъ юноша, онъ съ восторгомъ видѣлъ въ этой прекрасной, пламенной душѣ свой образъ, но какъ мужъ, съ испытанною любовью къ Богу въ сердцѣ, онъ отвернулся отъ этого зеркала, отъ символа чистаго, благороднаго, но только земнаго величія. •

Такимъ образомъ молодой нашъ герой встрѣтилъ во время своей страннической жизни многообразныя вѣрованія и религіозныя понятія; онъ читалъ стремленіе къ истинѣ, начертанное въ сердцахъ людей иногда ясными письменами, иногда чудными іероглифами. Мечтательность графа Цандендорфа и смѣлый скептицизмъ Парижанина графа Иполита; слѣпой фанатизмъ его бабки Либуссы и сила вѣры его друга Ватвилля; языческая философія Негра Ерика; наконецъ маскарадъ масонскаго храма, — во всемъ этомъ онъ ви-

дѣлъ вариациі на одну и ту же тему, которая есть стремленіе къ истинѣ.

Возвратясь на родину, Калистъ, на гробѣ Либуссы, повѣряетъ другу своему Ватвиллю свое намѣреніе оставить общество.

• Всѣ формы кажутся мнѣ устарѣлыми, говоритъ онъ: «никогда еще, можетъ-быть, вѣра небесной любви не была такъ дѣятельна, какъ въ наше время, но наше упорство налагаетъ старыя формы на новыя откровенія и даетъ намъ воспользоваться благостію небесъ.»

Романъ оканчивается, оставляя героя неудовлетвореннымъ, ибо прибытіе съ Острова св. Фомы миссіонера съ женою, въ которыхъ Калистъ узнаетъ своего ученика Нюкса и некогда любимую имъ Мику, не можетъ сдѣлать его счастливымъ и довольнымъ.

Характеръ героя выдержанъ хорошо; его восторженность носить на себѣ отпечатокъ истинны; его мечтательность благородна и соотвѣтствуетъ его характеру и положенію; участіе къ нему не ослабѣваетъ, если даже мы на время терпимъ его изъ виду. Въ описаніяхъ также видно особенное дарованіе автора; чуждая природа Америки, вечернія бесѣды геригутеровъ и парижскія гостинны изображены живо и вѣрно. Все сочиненіе пробуждаетъ важныя думы, касается вопросовъ, которые близки каждому сердцу. Различныя мнѣнія развиты безъ пристрастія и предубѣжденія, что ни сколько не отнимаетъ у сочиненія занимательности, хоть иногда и даетъ замѣчать въ изображеніяхъ недостатки чувства и страсти.

Der Congress von Vevona. Ein Roman von Julius Moser. Berlin. 1842. (Вѣронскій Конгрессъ. Романъ соч. Юліа Мозера).

Отъ историческаго романа обыкновенно ожидаютъ изображенія одного или нѣсколькихъ лицъ, принадлежащихъ исторіи, или какого-либо замѣчательнаго историческаго событія. Но

как исторія весьма-рѣдко представляеть всѣ подробности съ такою точностію, съ какою поэту необходимо вывести ихъ въ своемъ твореніи, то хорошій романъ въ этомъ смыслѣ чрезвычайна-труденъ, и только немногіе писатели въ нѣкоторыхъ своихъ сочиненіяхъ приближались къ идеалу его. Есть два пути избѣжать эту трудность, которымъ обыкновенно и слѣдуютъ. Иные, не обращая вниманія на исторію, произвольно создаютъ для историческихъ лицъ характеры, совершенно - несоответствующіе дѣйствительности, и стараются внѣшними украшениями, описаніями одежды, оружія, нравовъ и какихъ-либо замѣчательностей прошедшаго времени придать роману видъ истины. Поверхностныя разысканія древности, безъ ученаго взгляда, доставляли обильные матеріалы для подобныхъ описаній. Другіе, напротивъ, не преступая должнаго уваженія къ исторіи, стараются обработать историческую сторону такъ точно и отчетливо, какъ только возможно дилетанту, не искажаютъ вымыслами событій и характеровъ главныхъ лицъ, но окружаютъ только это верно ихъ разсказами, вымышленными дѣйствующими лицами. Въ такихъ романахъ, смотря по способностямъ автора, историческая часть отдѣляется болѣе или менѣе отъ политической, и иногда такъ рѣзко, что онѣ составляютъ два отдѣльныя цѣлыя, насильственно-связанныя между собою. Есть еще третій путь, который до-сихъ поръ избирали весьма-немногіе: онъ требуетъ отъ поэта званія исторіи и творческую силу поэтическаго генія, но зато онъ ведетъ къ удовлетворительному результату. Въ послѣдніе тридцать лѣтъ многіе историки старались дополнить изображенія великихъ людей, предлагая подробныя отдѣльныя описанія событій ихъ эпохи, въ которыхъ они играли наиболѣе-важную роль. Авторъ историческаго романа долженъ поступать наоборотъ; не восходя къ лицамъ, управлявшимъ судьбами событій, онъ можетъ описы-

вать только одни дѣйствія. Этому пути слѣдовалъ авторъ разсматриваемаго нами сочиненія, въ которомъ, не смотря на слово *романъ*, большая часть читателей ожидаетъ найти *романъ историческій*. Эти читатели удивятся, что всѣ вѣнценосцы, находившіеся въ 1822 году въ Веронѣ, что ихъ совѣтники и знаменитые министры вовсе не являются на сцену; объ иныхъ едва упоминается, другіе быстро проходятъ передъ глазами читателя, и только о весьма - немногихъ собраны нѣкоторыя черты, извѣстныя каждому образованному человѣку изъ другихъ сочиненій. Но за то романъ этотъ наполняетъ прекрасно-развитая исторія частнаго семейства (тогдашняя борьба Грековъ за независимость была еще дѣломъ приватнымъ, незаслуживавшимъ вниманія высокой европейской политики). Этотъ семейный кругъ, эти характеры, обрисованные рѣзко и вѣстѣ нѣжно, разрушеніе такого счастья этого семейства, быстро-распространяющіяся въ цѣлой націи идеи и вѣрности, — все это, хоть не непосредственно, но тѣмъ не менѣе живо представляетъ эпоху той политики, которой сильнѣйшія желанія черезъ двадцать лѣтъ оказались мечтами. Это-то непрямое описаніе тамъ, гдѣ непосредственное изображеніе государей и ихъ министровъ необходимо было бы невѣрно и безцвѣтно, особенно отличаетъ отъ другихъ историческихъ романовъ романъ Мозена, замѣчательный, сверхъ-того, отличнымъ языкомъ, за что нельзя не поблагодарить автора. Въ заключеніе вспомнимъ одну драму, которая теперь столько же дѣйствуетъ на душу, какъ дѣйствовала пятьдесятъ лѣтъ назадъ, при первомъ представленіи — мы говоримъ о шиллеровой *Коварство и Любовь*, которая представляетъ тѣсный кругъ гражданской жизни на мрачномъ политическомъ фондѣ; не смертію любящихся, но ужаснымъ ниспроверженіемъ всѣхъ человѣческихъ отношеній, эта *политическая драма до-сихъ-поръ* такъ сильно дѣйствуетъ на душу.

Янко, DER UNGARISCHE ROSS-PIEKT. *Roman in Versen, von Karl Beck. Leipzig. 1842.* (Янко, Венгерскій Цыганъ. Романъ въ стихахъ, сочиненіе Карла Бека).

Это стихотвореніе г. Бека не только исполнено идеей и чувствомъ, но въ немъ являются такіе люди, какихъ мы видимъ въобществѣ. Стихотвореніе это недикая лирическая охота по вершинамъ горъ и макушкамъ деревъ, но полная, окруженная исторія названныхъ лицъ, которую авторъ назвалъ романомъ. Но этотъ романъ въ стихахъ. Отъ поэта, какъ и Бекъ, нельзя требовать, чтобъ онъ вдругъ взялся за прозу и написалъ дватри тома, наполненные происшествіями и разсужденіями. Ему необходимо пѣть; этого требуетъ его природа, которой онъ долженъ слѣдовать и которую онъ долженъ развить въ себѣ исторически и эпически. Онъ сдѣлалъ уже большой шагъ впередъ, и его послѣднее стихотвореніе Янко-служить этому неоспоримымъ доказательствомъ.

Авторъ назвалъ свое стихотвореніе романомъ, и, судя по содержанію его, весьма-основательно, ибо оно составляетъ связный разсказъ, съ введеніемъ, завязкою, катастрофами и заключеніемъ. Фабрика въ могъ бы вытянуть изъ него романъ въ три тома съ увлекательными сценами, ужасными починными похождениями и прекрасными описаніями; но сама-по-себѣ исторія эта очень проста.

Нѣмецкій трактирщикъ, изъ Баваріи, продаетъ все свое имущество и оставляетъ отечество потому, что сынъ его, беззаботный студентъ, сдѣлался демагогомъ, и что полиція и юстиція начали беспокоить его. Онъ поселеникъ золотой Венгріи, вмѣсто баварскаго пива продаетъ ароматное венгерское, и очень доволенъ своею судьбою. Онъ живетъ не одинъ; онъ привезъ съ собою дѣвчушку-сироту, которую взялъ вмѣсто дочери. Молодой Цыганъ, Янко, освобо-

ждаетъ отца и дочь изъ рукъ разбойниковъ, сватается и дается счастливымъ женихомъ Маріи Но Марія любить не его, дикаго сына пустыни, а молодого графа. Они объяснились во время одной шумной крестьянской свадьбы; Янко, на другой день, долженъ идти въ степь ловить лошадей, а между-тѣмъ графъ вступаетъ въ его права. Янко, возвратившись изъ степи ранѣе, нежели его ожидали, застаётъ преступниковъ мѣсть и осыпаетъ ихъ угрозами и проклятіями. Это заставляетъ его опять бѣжать въ степь, ибо онъ грозилъ топоромъ магнату. И Янко не совсемъ невиненъ: вина, тяготѣющая надъ Маріею, тяготѣетъ и надъ нимъ. Онъ безжалостно бросилъ молодую Цыганку, которая пожертвовала ему всѣмъ и любить его съ тою же восторженной вѣрностію, какъ онъ Марію. Она его добрый и злой гений; она предостерегаетъ его отъ опасностей, ходитъ и лѣзетъ его. Янко не отказывается отъ Маріи; онъ хочетъ овладѣть ею силою, но пандуры графа отражаютъ его. Наконецъ, Янко возвращается съ расклянемъ, но Маріи уже нѣтъ. На берегу пруда нашли ея платокъ и покрывало, и всѣ считаютъ ее святою, вѣщиною жертвою несправедливой вѣсти, но Янко узнаетъ, что она тайно живетъ въ замкѣ графа, который намѣренъ ухватить съ нею въ далекія страны. Сговорившись съ однимъ Цыганомъ, обиженнымъ еще отцомъ графа, онъ прокрадывается въ замокъ, поджигаетъ его, и когда пламя начинаетъ уже обхватывать зданіе, Янко является передъ любовниками и раздробляетъ топоромъ голову обольстителя. Марія падаетъ безъ чувствъ. Янко, по совету Цыгана, сдѣлался разбойникомъ, ибо ему ничего не оставалось болѣе; но разбойникомъ венгерскимъ, ужасомъ жестокихъ магнатовъ и героемъ въ глазахъ народа. — Этимъ кончается исторія. Еще узнаемъ мы, что Марія не пошлась, но далеко отъ Венгріи произвела на свѣтъ мальчика,

и потому цѣла здоровьемъ и красотою. Янко же :

Sein Name war dem Volke werth,
Am Galgen hing er bleich und nackt,
Die scharfen Herren frass sein scharfes
Schwert.

Наконецъ онъ былъ пойманъ, заключенъ въ оковы, и

Am Galgen hing er bleich und nackt,
Bis ihm die Raben das Fleisch zerhackt;
только вѣрная Цыганка похитила ночью одну его руку и сохранила ее до своей смерти.

По этому сухому разсказу содержания, оно многимъ, можетъ-быть, покажется грубымъ и незанимательнымъ; и потому, мы должны предварить читателя, что онъ найдетъ въ романѣ хотя несколько-дикое, но тѣмъ не менѣе прекрасное стихотвореніе, которое завладѣетъ его вниманіемъ и не отпустить его прежде конца. Многимъ читателямъ только и нужно. Работа этого грубаго, или если угодно, обыкновеннаго предмета, стоитъ гораздо-выше самого предмета и облагораживаетъ его. Она имѣетъ рѣшительный лирическій характеръ, даже разсказы автора неволью переходятъ въ пѣніе, и нельзя не удивляться, что ему такъ удалось всѣ трудныя описанія, рязкіе характеры и психологическіе прогрессы. У него ничто не остается неопредѣленнымъ. Янко, герой романа, — могучая, добродушная перво-бытная натура, исполненная огня и живости; образъ его, нисколько не идеализированный, заслужитъ живое участіе каждаго читателя. Другими красками, но съ такою же ясностію и съ такимъ же чувствомъ нарисованъ образъ Маріи; характеръ добраго, слабаго отца, хорошо обозначенъ весьма-немногими чертами. Въ изображеніи Цыганки нельзя не допустить не много коловства. Но какъ многіе пред-ставили бы преступнаго магната тираномъ и деревнямъ злодѣемъ, между-тѣмъ, какъ у Бека онъ нисколько не хуже другихъ богатыхъ, могущественныхъ сластолюбцевъ, которые не щадятъ ничего для удовлетворенія своихъ страстей, и которые, сверхъ-

того, имѣютъ на своей сторонѣ теплое чувство и взаимную любовь своей жер-твы. Такъ просто и естественно психологическое развитіе этого стихотворенія.

Но главный интересъ его составляеть иѣстность. Авторъ описываетъ свое отечество, Венгрію, ослѣпительными красками, съ любовью, но безъ лести; картины его бросаются въ глаза своею необыкновенною живостію. Все, что мы знали до-сихъ-поръ о степяхъ Венгріи изъ другихъ поэтовъ, — на-примѣръ изъ некоторыхъ стихотвореній Александра Виртембергскаго или немногихъ твореній Ленау, блѣднѣетъ передъ описаніями Бека. Эта свободная, независимая пастушеская жизнь, о которой образованный Европеецъ едва можетъ составить себѣ понятіе, ея радости и лишенія, этотъ кочующій народъ Цыганъ, ихъ музыканты, ихъ шивочная жизнь, упорство венгерскаго крестьянина, который, впрочемъ, въ присутствіи своего господина становится послушнымъ рабомъ, ихъ попойки, восторженные пляски, наконецъ бой съ звѣрми и ловля дикихъ лошадей, — все это интересно въ высшей степени. Скучное существованіе венгерскаго пастуха описано съ такою подробностію, что мы даже знаемъ, что онъ получаетъ въ годъ пять гульденовъ жалованья; знаемъ также, что онъ никогда не перемѣняетъ рубашки, ибо у него она одна: для прочности онъ вапитываетъ ее жиромъ, который запекается на солнцѣ. Всякому, съ перваго взгляда, покажется понятнымъ, почему подобный сынъ степей не понравился иѣжненькой, бѣленькой Нѣмочкѣ.

Наконецъ, стихотвореніе Бека не менѣе богато иѣжными цѣстами. Онъ съ рѣдкимъ чувствомъ описываетъ доверчивую, дѣтскую душу Маріи, и подобныя картины предметовъ самыхъ обыкновенныхъ, начертанныя живыми, блестящими красками, заставляютъ насъ съ нетерпѣніемъ ждаль слѣдующей ступени развитія поэта, когда венгерское вино и полу-

дикіе сыны пустыни уступать въ его твореніяхъ мѣсто образованнымъ, или даже историческимъ лицамъ.

GÖTTE UND KLOPSTOCK, von Ferdinand Pfeiffer. Leipzig. 1842. (Гёте и Клопштокъ, соч. Фердинанда Пейфера).

Это собраніе отрывковъ, напечатанное изъ бумагъ, оставшихся послѣ рано-умершаго молодого писателя, содержитъ въ себѣ, во-первыхъ, краткую, въ антигезахъ изложенную параллель между Гёте и Клопштокомъ, при чемъ, такъ же какъ и у Гервинуса, Клопштокъ становится слишкомъ въ тѣни; тезы эти суть, по-большей-части, или остроумныя сужденія, или наблюденія, послѣднія часто весьма-вѣрныя. За сими слѣдуютъ, какъ приложенія, относящіяся въ особенности къ Клопштоку, и подробно объясняемыя авторомъ: переписка Гёте съ Клопштокомъ, весьма-любопытная, не смотря на свою краткость (она состоитъ только изъ трехъ писемъ); извлеченія изъ письма одного еще живущаго семидесяти-лѣтняго друга Клопштока, касательно его характера и сужденій; письма изъ Оттенсена, заключающія въ себѣ свѣдѣнія о странахъ, гдѣ жили многіе извѣстные поэты Сѣверной Германіи (въ томъ числѣ Фоссъ, Штольбергъ, Клаудиусъ и др.) и написанныя вообще живо и занимательно. Далѣе сужденія современниковъ о Гёте и Клопштокѣ, изъ перваго времени ихъ славы: весьма-любопытныя сближенія, хотя все это большею частію извѣстно уже изъ другихъ сочиненій; наконецъ нѣсколько отрывковъ объ ороеграфіи Клопштока, и его письмо къ министру Роланду. Книжка эта вѣроятно написана авторомъ болѣе для досужнаго чтенія, нежели для назиданія, и въ такомъ случаѣ совершенно достигаетъ своей цѣли.

GRAF SAINT GERMAIN. Von Ph. O. von Münchhausen. Göttingen. 1842. (Графъ Сен-Жерменъ, соч. Ф. О. фон-Мюнхгаузена).

На какихъ-то водахъ составилось

общество, съ тою цѣлю, чтобъ сокращать себѣ время разсказами. Между членами этого общества есть одно таинственное лицо, называющее себя графомъ Дункельманомъ, собственно графъ Сен-Жерменъ; впрочемъ, онъ не играетъ важной роли. Въ числѣ разсказовъ есть и хорошіе и худые; разнообразіе тона, хоть онъ и не всегда совершенно соответствуетъ предмету, говорить въ пользу очевидно еще-молодого автора. Первый разсказъ, содержаніе котораго заимствовано изъ революціи 1789 года, нашель строгихъ критиковъ даже въ нѣкоторыхъ членахъ общества; впрочемъ, никто изъ нихъ не замѣчалъ, что по слогу своему онъ скорѣе написанная повѣсть, нежели изустный разсказъ. Въ другихъ разсказахъ, этотъ недостатокъ замѣтенъ менѣе. Но не смотря на эти несовершенства перваго произведенія, талантъ автора много общается въ будущемъ. Серьезное изученіе формъ скоро возведетъ его въ сферу искусства изъ состоянія дилеттанта.

NATURGESCHICHTE DES DEUTSCHEN STUDENTEN. Von Plinius dem Jüngsten. Mit Federzeichnungen von I. G. Apelles. Leipzig. 1842 (Естественная Исторія Нѣмецкаго Студента, соч. Плинія Самаго Младшаго, съ рисунками I. Г. Апельеса).

• Мало остроты и много самодовольства. — вотъ какой эпиграфъ можно дать этой книжкѣ, которой названіе вѣроятно взято съ французскихъ физиологій. Видно, что это сочиненіе стоило большихъ трудовъ автору; онъ разсказываетъ довольно-сносно все до-стоприимѣтельное, относящееся къ его предмету, и этимъ можно бы еще быть довольнымъ; но онъ силится придать остроту и юморъ своему разсказу, и это его несчастье, потому-что онъ не проникнуть своимъ предметомъ, какъ ни восторженно онъ впрочемъ восхваляетъ поэзію студенческой жизни. Наибольшей-части онъ останавливается на внѣшностяхъ; внутреннее, глубокое

развитіе братства изъ студенческой жизни, есть, кажется, для автора (*terra incognita*), а между-тѣмъ это только и придаетъ прелесть поэзіи. Негрубая же наглость и самодовольное щегольство оригинальными вышестоящими студенчества составляли всегда достоинство истиннаго нѣмецкаго студента! Нужно большое поэтическое дарованіе, чтобъ изобразить настоящій студенческій бытъ въ его оригинальномъ юморѣ и во всемъ моральномъ значеніи; простыя наблюденія и разсужденія могутъ дать только весьма-слабый его очеркъ. Еще можно бы пожелать, чтобъ эта книжка была написана не въ такомъ самодовольномъ модномъ тонѣ.

W. WAIBLINGERS *BEWAHNTE WERKE, mit des Dichters Leben, von H. v. Kanitz. Zweite Gesammt-Ausgabe, mit Kupfern. 4 Bd. Hamburg. 1842* (Полныя Сочиненія В. Вайблингера, съ описаніемъ автора, Г. фон-Каница).

Пріятно видѣть, какъ великія дарованія Вайблингера, слишкомъ-равно

умершаго въ своемъ второмъ отечествѣ, Италіи, находятъ, послѣ смерти его, заслуженное уваженіе, что доказывается необходимостію втораго изданія его сочиненій. Не будучи еще эстетически-совершенными, творенія его показываютъ богатый, самобытный духъ, который, къ-сожалѣнію, рано былъ подавленъ неблагоприятными обстоятельствами, вызванными, впрочемъ, по большей части самимъ поэтомъ, и наконецъ похищенъ у Германіи преждевременною смертію. Вышедшій нынче первый томъ содержитъ въ себѣ чрезвычайную-любопытную биографію его, и первое отдѣленіе его поѣздки Британцы въ Римѣ, написанной съ необыкновенною волнотой фантазіи и съ глубокимъ знаніемъ жизни. При выходѣ слѣдующихъ томовъ, мы будемъ имѣть случай говорить о его замѣчательнѣйшихъ твореніяхъ. При каждомъ томѣ будетъ одна гравюра; къ первому приложенъ портретъ Вайблингера.

К. ЛИННЕРТЪ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗВѢСТІЕ.

Я. А. Исаковъ получилъ на-дняхъ изъ Парижа нѣсколько экземпляровъ только-что вышедшей тамъ книги подъ названіемъ: *Un Million de Faits. Aide-Mémoire Universel des Sciences, des Arts et des Lettres, par J. Aicard, Desportes, Paul Gervais, Léon Lalande, Ludovic Lalande, A. Le Pileur, Ch. Martins, Ch. Vergé et Young*, (Миліонъ Фактовъ. Памятная книжка Наукъ, Искусствъ и Словесности, составленная Ж. Экарромъ, Депортомъ, Полемъ Жервѣ, Леономъ Лаланномъ, Людовикомъ Лаланномъ, А. Ле Пилеромъ, Ш. Мартеномъ, Ш. Вержѣ и Юнгомъ). Эта книга — истинное сокровище для справокъ. Она напечатана въ форматѣ французскихъ романовъ брюссельскаго изданія (въ 12-ю д. л.) и не толще, на-примѣръ, маленькаго французскаго лексикона г-на Олдекопа; но въ ней помѣщено 1500 столбцовъ мелкой печати, не считая 170

столбцовъ Азбучнаго Указателя и Аналитическаго Оглавленія. На этихъ столбцахъ, въ систематическомъ порядкѣ, — а не въ алфавитномъ, какъ обыкновенно дѣлается въ лексиконахъ, — помѣщено краткое, но полное изложеніе главнѣйшихъ предметовъ наукъ математическихъ: ариметики, алгебры, геометріи простой, аналитической и начертательной, исчисленія коллечества безконечно-малыхъ, исчисленіе вѣроятностей, механики и астрономіи; — естественныхъ наукъ: метеорологіи и физики земнаго шара, общей физики, химіи, минералогіи и геологіи, зоологіи, ботаники; — наукъ медицинскыхъ: анатоміи и физиологіи человека, гигиены; — наукъ политическихъ: политической ариметики и статистики; — промышленности: земледѣлія, технологии (искусства и ремесла), коммерціи; — военныхъ наукъ, философіи, литературы, художества, палеографіи, геральдики, нумизматики, хроно-

Т. XXIV.—Отд. VII.

1/2

логии и истории, филологии, географии, биографии, миеологии, педагогики и законодательства. — Таким образом, в таком объеме карманной книжки вмещена здесь целая энциклопедия всех наук и знаний! Честь и хвала французской предприимчивости, догадливости и трудолюбию! Подобное облегчение способно учиться и просвещаться — истинная заслуга предъ человечествомъ.

— Хотя статьи расположены по предметам, трактатами, в которых каждый цикл наук излагается в связи, непрерывно, однакожь, весьма-легко найти, кому что надобно, взглянувъ въ - Алфавитный Указатель - и по немъ отыскавъ страничку, гдѣ находится искомое собственное имя, терминъ, или статья. Поэтому *Un Million de Faits* можетъ замѣнять собою и систематическую энциклопедию и энциклопедическій лексиконъ. Безъ сомнѣнія, такая книга должна быть настольною, не только у ученаго, литератора, но и у всякаго образованнаго человека, который читаетъ что-нибудь и, читая, размышляетъ о читаемомъ.

— Въ той же книжной лавкѣ Я. А. Исакова получены послѣдние-вышедшія тетради великолѣпнаго изданія: *Moeurs, Usages et Costumes de tous les Peuples du Monde* (Нравы, Обычай и Costume въ всехъ Народовъ Земнаго Шара), составляемаго г. Далли, профессоромъ исторіи и географіи, и печатаемаго въ Брюсселѣ. Эта прекрасная книга будетъ состоять изъ 200 тетрадей. Содержаніе ея составляютъ историческія и географическія свѣдѣнія о народахъ земнаго шара, и описаніе ихъ въ отношеніи политическомъ (правительство, законы, казна, войско, дворцы и пр.), общественномъ (жилища, мебель и домашняя утварь, бракъ, воспитаніе, языкъ, науки и литература, земледѣліе, промышленность, торговля, мореплаваніе, публичныя празднества, театры, игры, похороны) и религиозномъ (храмы, священнослужители, религиозныя церемоніи). Все это будетъ сопровождено 200 раскрашенными рисунками, которые должны останавливать на себя вниманіе читателя и индивидуализировать въ глазахъ его народъ, описываемый въ текстѣ книги. Издатель почерпалъ свои свѣдѣнія въ безчи-

сленномъ множествѣ книгъ и періодическихъ изданій. Библіотека Брюссельскаго ученаго Филиппа Вандермелена, въ которой находится богатое собраніе путешествій - во всѣ страны свѣта, предоставлена была въ пользу издателя, и они сдѣлали ее главнымъ источникомъ для своей любопытной и хорошо-составленной компиляціи. — Каждую ведѣлю является по двѣ тетради, содержащія въ себѣ 16 страницъ текста и двѣ превосходно-раскрашенныя литографированныя картинки. Всѣ 200 тетрадей составятъ книгу въ 5 томовъ, напечатанныхъ на веленовой атласистой бумагѣ, и равняющемся 15 томамъ обыкновенной печати. Каждая тетрадь стѣдитъ 15 копеекъ серебромъ, такъ-что все изданіе обойдется въ 30 рублей серебромъ, — каждый томъ въ 6 рублей серебромъ. Цѣна маловажная для такого великолѣпнаго, истинно-роскошнаго изданія. — Теперь получено всего-на-все 52 тетради; слѣдственно, болѣе четвертой части изданія. Въ этихъ тетрадяхъ описаны весьма-подробно Китай съ подвластными ему странами, Аннамская Имперія (около Китая), Сiamъ, Тана-Малайя (земля Малайцевъ) и Индія (статья огромная). Вообще, это книга чрезвычайно-интересная, составленная умно, занимательно, безъ излишнихъ разглагольствій, но и безъ излишней легкости, какъ обыкновенно дѣлаются подобныя компиляціи.

Мы съ удовольствіемъ увидѣли на обѣихъ этихъ изданіяхъ имя нашего русскаго книгопродавца Я. А. Исакова, котораго парижскіе и брюссельскіе издатели избранили своимъ комиссіонеромъ въ Россію, и объявили о томъ во всеуслышаніе цѣлой Европѣ. Едва-ли не въ первый разъ еще встрѣчается имя русскаго торговца на оберткѣ заграничной европейской книги; а какъ-то неуривычно для глазъ видѣть на иностранной оберткѣ надписи: «à St.-Petersbourg, chez Jssakoff, libraire-éditeur, Gostinoy-Dwor (вмѣсто Dwor), № 22», но тѣмъ неменѣе приятно сознавать, что русскій честный, дѣятельный книгопродавецъ пользуется такимъ кредитомъ за границею, и что иностранцы вѣрятъ ему болѣе, чѣмъ своимъ соотечественникамъ-иностранцамъ же, торгующимъ въ Петербургѣ.

VIII.

С М Ъ С Ъ .

СЪДАНІЯ УЧЕНЫХЪ ОБЩЕСТВЪ
ВЪ РОССИИ И ЧУЖИХЪ КРАЯХЪ.

I.

ИМПЕРАТОРСКАЯ САНКТПЕТЕРБУРГСКАЯ АКАДЕМІЯ НАУКЪ.

Г. *Брандт* читалъ доносеніе о лекціи млекопитающихъ и птицъ, посланной въ подарокъ зоологическому музею Академіи г-мъ Выстровымъ, изъ Мезена. Между птицами есть таковыя, которыхъ доселѣ не находили въ роуъ, или которыя, по-крайней-мѣрѣ, считаются въ ней большою рѣдкостью. Число присланныхъ предметовъ простирается до 102.

— Въ засѣданіи 24 іюня, г. *Фрицъ* сообщилъ замѣчаніе, касательно ла г. *Зинина* объ органическихъ осливахъ; именно, что соединеніе, оному г. *Зининъ* далъ названіе *бенцима*, считая его новымъ органическимъ основаніемъ, есть не что иное, въ вещество уже известное подъ именемъ *амиліны*. По своимъ свойствамъ, равно какъ по составу своимъ ей, бенцима такъ сблизается съ янью, что не остается никакого ненія въ тождествѣ этихъ двухъ веществъ.

— Г. *Дорн* продолжалъ свои со- р. XXIV. — Одн. VIII.

общенія касательно грамматики афганскаго языка.

II.

ПАРИЖСКАЯ АКАДЕМІЯ НАУКЪ.

Въ засѣданіи 6-го іюля, г. *Романѣ* читалъ мемуаръ о молокѣ. Изслѣдованія вещества столь важнаго по своимъ многочисленнымъ приложеніямъ всегда полезны, особенно, когда дѣло идетъ о трудѣ хорошо-соображенномъ и оканчивающемся верными и ясными заключеніями.

Молоко всѣхъ животныхъ, производящихъ это вещество, есть, какъ известно, жидкость бѣлая, нѣсколько жирная, въ которой, при спокойномъ состояніи, отдѣляется на поверхности слой болѣе густой, составляющей то, что называется сливою. Сливки служатъ для дѣланія масла; и само молоко, отъ соприкосновенія съ воздухомъ, скоро испытываетъ измѣненіе, въ состояніи котораго сгущается въ массу, называемую свернувшимся молокомъ.

Что такое сливки? какъ изъяснить образованіе масла? и что это за вещество, имѣющее способность сгущаться само-собою и производить свернувшееся молоко.

Микроскопическія изиснанія зна-

чительно прояснили эти вопросы съ нѣкотораго времени; однако, есть еще нѣкоторые темные пункты, въ-разсужденіи которыхъ изслѣдователи несогласны между собою. Такъ, еще нельзя изъяснить себѣ совершенно способа образованія масла, ни того состоянія, въ которомъ сгущающееся само-собою caseum находится въ молокъ; строеніе такъ-называемыхъ шариковъ молока также не раскрыто. Г. Романѣ предпринялъ разрѣшить нѣкоторые изъ этихъ вопросовъ.

Если взять каплю молока, и, положивъ ее на стекло, раздавить въ легкой и прозрачный слой, помощію другаго стекла, положеннаго сверху, другими словами, если положить немного молока между двумя стеклами, и потомъ разсматривать его помощію микроскопа, увеличивающаго предметы въ триста разъ, то можно видѣть, что эта жидкость состоитъ изъ множества маленькихъ круглыхъ частицъ, различной величины, прозрачныхъ въ центрѣ и похожихъ на маленькіе перлы, плавающіе въ жидкости; эти частицы суть то, что называется шариками молока. Какое свойство этихъ шариковъ, и какой ихъ составъ?

Всѣ эти шарики составляютъ жирное вещество молока, и они-то, будучи легче жидкости, въ которой погружены, поднимаются вверхъ и образуютъ сливки. Шарики молока обнаруживаютъ всѣ признаки жирныхъ веществъ: растворяются въ спиртѣ, и проч. Отъ нихъ-то молоко получаетъ свой тусклый бѣлый цвѣтъ; и въ-самомъ-дѣлѣ, если отдалить шарики чрезъ процеживаніе, то молоко сдѣлается жидкостью прозрачною, какъ вода, или слегка-бѣловатою.

Но эти шарики просто ли жирное вещество въ состояніи крайняго раздѣленія? составлены ли они изъ масла въ чистомъ состояніи, или содержатъ въ себѣ какое-нибудь другое вещество? не представляютъ ли они, на-примѣръ, перепончатой оболочки, которая заключала бы жирное вещество внутри себя, подобно пу-

зырку растений, содержащему въ себѣ масло? или, еще, нѣтъ ли въ этой оболочкѣ слѣдовъ клетчатой ткани или другаго сложнаго и органическаго строенія?

Если мы призовемъ на помощъ анатомію, то она будетъ въ пользу этого послѣдняго мнѣнія, защищаемаго г-мъ Распалемъ. Но должно сознаться, что невозможно доказать съ очевидностію существованіе клетчатой ткани или оболочки, средствами доселѣ-употребленными. Никакой химической агенты, никакой способъ анализа не позволяетъ замѣтить и отдалить двѣ отличныя части въ шарикахъ молока, содержащее и содержимое, часть перепончатую и часть жирную, такъ-что тѣ наблюдатели, которые хотятъ или не далѣе фактовъ, считаютъ шарики молока простыми частицами маслястаго вещества въ состояніи чрезвычайнаго раздѣленія.

Этотъ вопросъ, по-видимому мелочной, весьма-важенъ въ изъясненіи способа, какъ производится масло въ маслянойной кадкѣ. Въ-самомъ-дѣлѣ, доселѣ неизвѣстно, какимъ образомъ отъ бѣненія, продолжающагося извѣстное время, вдругъ образуется масло, и всѣ масляныя частицы, бывшія прежде разсыянными въ сливкахъ, соединяются въ плотную массу. Совершенно доказано, что образованіе масла не зависитъ ни отъ дѣйствія воздуха, ни отъ вліянія другаго вѣшняго агента; въ пустотѣ масло производится такъ же, какъ на воздухѣ, и ничто не препятствуетъ этому соединенію шариковъ въ массу, когда температура прилична этому.

Г. Романѣ изъясняетъ это явленіе раздраженіемъ перепончатыхъ оболочекъ шариковъ, подверженныхъ ударенію; жирное или масляное вещество, будучи такимъ образомъ выведено наружу, скопляется и производитъ собственно - называемое масло. Авторъ доходитъ до этого заключенія чрезъ рядъ опытовъ и весьма-благоуспѣшнѣе; такъ, давленіе шариковъ между двумя поверхностями, скользя-

шими тѣсно одна по другой, производить, говорить онъ, разрывъ перепончатой оболочки и соединеніе жирныхъ частицъ. Г. Романѣ опирается также на различіи въ цвѣтѣ между молокомъ и масломъ, чтобъ доказать существованіе оболочки; если бы, говорить онъ, масляное вещество не было заключено въ бѣлую кѣтку, то молоко было бы желто, какъ само масло, подобно тому, какъ это усматривается на крови, которой шарики сообщаютъ свой собственный красный цвѣтъ.

Не оспаривая значительности этихъ фактовъ и многихъ другихъ, приводимыхъ г-мъ Романѣ, нельзя не замѣтить, что существованіе перепончатой оболочки не доказано очевидно, то-есть, что не могли еще сдѣлать эту оболочку чувствительною при помощи какого-нибудь агента, способнаго отличить ее отъ содержимаго вещества, или прямо отдѣлить, такъ, чтобъ полъ микроскопомъ съ одной стороны была оболочка, а съ другой масляное вещество; и нельзя понять, почему бы не дойти до этого доказательства помощью реактива, могущаго окрасить, или растворить одно изъ этихъ веществъ, не дѣйствуя на другое. Что касается до бѣлизы молока въ сравненіи съ желтымъ цвѣтомъ масла, то это различіе можетъ быть изъяснено состояніемъ крайняго раздѣленія вещества, котораго частицы такъ малы и такъ слабо окрашены, что нельзя видѣть ихъ цвѣтъ, если онъ не въ массѣ; и притомъ, какъ понять совершенную прозрачность шариковъ молока, если они покрыты оболочкою столь темною, что она закрываетъ желтый цвѣтъ масла?

Сгущеніе молока, о которомъ мы говорили выше, можетъ быть изъяснено дѣйствіемъ вещества, имѣющаго видъ творога и извѣстнаго подъ именемъ *казеумъ*.

Въ какомъ состояніи казеумъ находится въ молокѣ? Это особенное, азотное вещество, которое свободно сгущается подобно фибринѣ крови. Растворенъ ли казеумъ въ молокѣ, какъ

фибрина растворена въ крови? или онъ находится въ состояніи твердомъ, какъ молочные шарики собственно-называемые, о которыхъ мы сейчасъ говорили? Этого пунить также очень - важно для изъясненія свойствъ молока и явленій, которыя оно представляетъ.

Кромѣ шариковъ собственно-называемыхъ, нѣтъ ли въ молокѣ частицъ другаго рода, чрезвычайно-мелкихъ, даже невидимыхъ, которыя принадлежатъ казеуму? Это мнѣніе поддерживаетъ г. Кевенъ, сдѣлавшій замѣчательныя изысканія о молокѣ. Онъ думаетъ, что часть казеума, содержащагося въ молокѣ, находится въ твердомъ состояніи, подъ видомъ шариковъ, которыхъ, правда, онъ не видалъ ни въ какомъ молокѣ, но думаетъ, что нашелъ ихъ въ молокѣ ослицы. Трудно однакоже допустить присутствіе, въ жидкости, частицъ твердыхъ, опредѣленныхъ, которыхъ однакоже нельзя видѣть при помощи инструментовъ, увеличивающихъ предметы въ пятьсотъ и въ шестьсотъ разъ, и въ особенности частицъ, которыя, не смотря на эту чрезмѣрную мелкость, не проходятъ сквозь сѣдло. По-крайней-мѣрѣ, это такой фактъ, котораго нельзя доказать въ настоящемъ состояніи науки, и можно сказать, что матерія, раздѣленная до такой степени, что она становится недоступною для всѣхъ нашихъ способовъ, сливается для насъ съ матеріею растворенною.

Правда, въ некоторыя свойства молока не согласуются съ фактомъ простаго и совершеннаго растворенія казеума въ этой жидкости, подобнаго растворенію сахара въ водѣ; но можно очень-хорошо понять эти свойства, не прибѣгая къ предположенію твердыхъ и невидимыхъ частицъ, немогущихъ проходить чрезъ поры бумаги, которыя пропускаютъ однакоже частицы гораздо-болѣе крупныя. Мы гораздо-лучше понимаемъ разныя явленія, представляемыя молокомъ, принимая въ соображеніе то, что мы знаемъ о казеумѣ и о некоторыхъ другихъ подоб-

ныхъ органическихъ веществахъ, которыхъ состояніе неопредѣленно, и которыя находятся въ непрерывномъ движеніи превращенія. Это обстоятельство служитъ также изъясненіемъ происхожденія масла подѣ влияніемъ маслѣбленія; и для этого мы не имѣемъ нужды допускать съ г. Романѣ существованіе невидимой оболочки въ молочныхъ шарикахъ.

Доказано уже, что казеумъ отчасти растворенъ въ молокѣ; это фактъ несомнѣнно принадлежащій наукѣ. Другая же часть казеума находится ни въ твердомъ, ни въ жидкомъ состояніи, а въ срѣшемъ, которое можно называть состояніемъ вязкимъ. Въ этомъ-то вязкомъ казеумѣ, ни совершенно-твердомъ, ни совершенно-жидкомъ, захвачена большая часть масляныхъ шариковъ и слой сливокъ составленъ изъ этихъ шариковъ, связанныхъ съ казеумомъ. Отъ этого происходятъ очень-странная и повидимому неизъяснимая особенность слоя сливокъ, на которую наблюдатели, кажется, не довольно обращали вниманія. Извѣстно, что слой сливокъ происходитъ отъ поднятія, на поверхность молока, жирныхъ шариковъ, которые стремятся вверхъ по причинѣ своей удальной легкости; но такъ-какъ не всѣ шарики доходятъ до верхней части жидкости, и большая часть ихъ остается такъ-сказать на дорогѣ, по причинѣ своей тяжести, то спрашивается, какимъ образомъ сливки составляютъ слой явственный и рѣзкій, вмѣсто того, чтобъ постепенно ослабввать, какъ это должно бы быть, если бѣ онѣ происходили только отъ скопленія молочныхъ шариковъ, расположившихся въ порядкѣ своей плотности? Это происходитъ отъ-того, что не одни молочные шарики содѣйствуютъ составленію слоя сливокъ; этотъ слой, тусклый, темный, совершенно-опредѣленный, происходитъ отъ соединенія жирныхъ шариковъ, связанныхъ и смѣшанныхъ съ вязкимъ казеумомъ, который они увлекли, поднимаясь на поверхность жидкости, и который по-

степенно сгущается болѣе и болѣе. Остальные шарики плаваютъ въ жидкости ниже сливокъ, располагаясь въ порядкѣ своей тяжести, когда молокѣ оставлено въ мѣстѣ свѣжемъ и спокойномъ; они сообщаютъ жидкости цвѣтъ, котораго бѣлизна и тусклость постепенно уменьшаются, идучи сверху къ низу. Это особенно замѣтно, когда наблюдаешь молокѣ въ длинномъ и узкомъ стекляномъ стаканѣ.

Расположеніе казеума, какъ мы его описали, изъясняетъ, почему это вещество не могло быть примѣчено помощію самыхъ сильныхъ оптическихъ инструментовъ; въ-самомъ-дѣлѣ, оно не представляетъ ни предѣловъ, ни краевъ, отражающихъ свѣтъ. Съ другой стороны, знаа, что казеумъ вязокъ, мы понимаемъ, почему онъ не можетъ проходить чрезъ цѣдило. Не менѣе важно для насъ то, что происходитъ въ операціи маслѣбленія, имѣющей цѣлю произведеніе масла, — то-есть эта мгновенность отвердѣнія вещества, послѣ котораго числа ударовъ, которая всегда обращала вниманіе наблюдателей, и которую они изъясняли различно, то дѣйствіемъ воздуха, то какими-нибудь химическими соединеніями, и проч. Удареніе дѣйствуетъ, въ этомъ случаѣ, освобождая масляные шарики отъ вязкой жидкости, въ которой они погружены, и позволяя этимъ частицамъ скопиться въ массу, послѣ того, какъ онѣ вышли наружу.

Такъ по-крайней-мѣрѣ можно познать составъ молока и изъяснить разныя явленія, которыя оно представляетъ. Въ заключеніе всего, эту жидкость можно считать родомъ эмульсіи, въ которой растворены соли, особенный сахаръ и особенное азотное вещество (казеумъ), способное сгущаться само-собою, подобно фибринѣ крови, и въ которой плаваютъ шарики жираго или маслянаго вещества, одни свободные, другіе покрытые массою казеума, находящагося въ состояніи срѣднемъ между твердымъ и жидкимъ, именнѣ въ состояніи вязкомъ.

Мемуаръ г. Романѣ озаглаивается

физиологическими соображеніями касательно дѣйствій самопоглощенія молока у животныхъ, которые перестаютъ кормить грудью своихъ дѣтенышей, и послѣ того начинаютъ скоро жирѣть. Это служитъ новымъ доказательствомъ питательныхъ свойствъ молока, и намекомъ на превращеніе молочныхъ шариковъ въ кровяные.

— Г. Катражъ читалъ мемуаръ объ *эдуардіяхъ*, новомъ родѣ животныхъ изъ класса животнo-растений, который онъ нашелъ на островахъ Шосѣ, составляющихъ маленькій архипелагъ въ Ламаншѣ.

— Г. Гриуби, продолжая свои микроскопическія изысканія о болзненнхъ произведеніяхъ, изслѣдывалъ признаки особенной болзнии, свойственной дѣтямъ, и которой дали названіе *тигуетъ*. Эти маленькія былия точки, которыя покрываютъ губы, языкъ, внутренность рта и заражаютъ иногда часть пищеварительнаго канала грудныхъ дѣтей, происходятъ, по мнѣнію г. Гриуби, отъ развитія одного растенія изъ рода микроскопическихъ грибовъ, подобнаго тому, которое тотъ же наблюдатель нашелъ въ болзненнхъ наружныхъ нечистотахъ. Такимъ образомъ, между-тѣмъ, какъ, съ одной стороны, нѣкоторыя болзнии происходятъ отъ развитія паразитныхъ животныхъ среди органовъ, съ другой умножаются примѣры того, что въ нѣкоторыхъ болзняхъ у животныхъ, и даже у человѣка, появляются произведенія растительнаго свойства.

Замѣчательно, что болзнь, называемая *тигуетъ*, появляется особенно въ томъ случаѣ, когда дитя питается молокомъ въ недостаточномъ количествѣ, или дурнаго свойства.

— Г. Бабинѣ сообщалъ новый фактъ о дождѣ, шедшемъ среди совершенной и безоблачной погоды.

— Г. Леонъ Дюфуръ представилъ перечень своего большаго труда о двукрылыхъ насѣкомыхъ (мухахъ). Это сельмой отдѣлъ огромнаго класса животныхъ, который г. Дюфуръ предпринялъ изучать вполне, въ анатомическомъ и фи-

зиологическомъ отношеніяхъ. Въ этихъ маленькихъ животныхъ столь много сложнаго устройства, г. Дюфуръ показываетъ существованіе всѣхъ органовъ, которые отличаютъ животныхъ, занимающихъ самое высокое мѣсто въ зоологической лѣствицѣ; начиная съ нервной системы до органовъ пищеваренія, воспроизведенія, движенія, дыханія, отдѣленія влаги, и проч., все есть въ удивительной организаціи насѣкомыхъ. Г. Дюфуръ не допускаетъ, подобно нѣмецкимъ и нѣкоторымъ французскимъ физиологамъ, присутствія въ насѣкомыхъ системы сосуловъ, назначенныхъ для разнесенія по тѣлу питательной жидкости, между-тѣмъ, какъ эта система есть у высшихъ животныхъ; по его мнѣнію, въ насѣкомыхъ не кровь ищетъ воздуха, чтобъ прійти въ соприкосновеніе съ нимъ въ легкихъ; а напротивъ воздухъ распространяется во всѣхъ частяхъ тѣла этихъ животныхъ и разнести повсюду свое живительное начало.

Къ техническимъ описаніямъ въ своемъ мемуарѣ авторъ присовокупляетъ любопытныя соображенія о роли, которую играютъ въ природѣ эти мнѣріады насѣкомыхъ, назначенныя, вѣроятно, для очищенія воздуха отъ всѣхъ гнилыхъ веществъ, происходящихъ отъ разложенія животныхъ и растеній, и возвратитъ жизни эти органическіе элементы, которые не замедлили бы заразить атмосферу, если бы они не были непрерывно схватываемы и поглощаемы роями мухъ, которыя питаются ими. Когда подумаешь, въ-самомъ-дѣлѣ, что, по замѣчанію, нисколько - непреувеличенному, одного знаменитаго натуралиста, левъ не скорѣе пожираетъ трупъ лошади, нежели какъ это сдѣлало бы порожденіе трехъ мухъ, то нельзя не приписать насѣкомымъ, которыхъ мы считаемъ тварями безпокойными, важнаго назначенія въ совокупности творенія.

— Г. Пти написалъ Академіи, чтобъ опровергнуть мнѣнія, изложенныя г.

Плюомъ въ его донесеніи о трудахъ г. Леруа-д'Этіола касательно растворенія камешковъ мочевого пузыря. Въ свое время, мы отдали отчетъ объ этомъ донесеніи; г. Плюзъ не только не былъ противъ мнѣнія о раствореніи камешковъ посредствомъ вишневой воды, но еще доказывалъ, что употребленіе щелочныхъ водъ можетъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, опредѣлить каменную болѣзнь. Тенеръ г. Птіі оспариваетъ этотъ образъ мыслей, опираясь на изысканія г. Лоншана, изъ которыхъ слѣдуетъ, что послѣ употребленія щелочныхъ водъ, урина не содержитъ въ себѣ ни фосфорнокислой, ни углекислой извести.

— Въ запискѣ 13 іюня, г. Лебланъ представлялъ мемуаръ о составѣ воздуха, заключающаго въ мѣстахъ, населенныхъ людьми. Этотъ предметъ тамъ болѣе заслуживаетъ вниманіе, что онъ интересуется множествомъ публичныхъ заведеній и гигиену вообще, и всякому пріятно видѣть счастливыя усилія одного почтеннаго физика сдѣлать здоровыми школы и дѣтскіе пріюты помощію хорошо - соображеннаго провѣтриванія. Должно проинкнутъ наконецъ въ эти общія и постоянныя причины болѣзней, которыя окружаютъ людей въ большихъ городахъ, устраненіемъ которыхъ врачи или ученые нерѣдко пренебрегаютъ. Изученіе воздуха, во всѣхъ домашнихъ и метеорологическихъ обстоятельствахъ, въ которыхъ онъ дѣйствуетъ на здоровье, представляется болѣе нежели богатую ученую задачу: тутъ есть многочисленныя приложения, полезныя для человечества. Особенно подобныя изслѣдованія легки въ настоящее время, когда химія дѣлаетъ довольно-надежныя средства узнать то, что есть посторонняго въ воздухе, которымъ мы дышимъ.

Изученіе воздуха въ его отношеніяхъ къ организованнымъ существамъ двухъ царствъ, къ явленіямъ растительности и къ явленіямъ жизни животной, нынче особенно должно занимать физика, химика и физиолога. Роль, которую играетъ воздухъ въ природѣ, безмѣрна,

теорія расширительной жизни и знаніе послѣдовательныхъ превращеній, чрезъ которыя переходятъ элементы, назначенные для питанія существъ, равно: метеорологія, наука самая полезная для человека и самая несовершенная, имѣютъ нужду въ точныхъ понятіяхъ о составѣ воздуха. Но, если даже не брать этого предмета во всемъ его объемѣ и общности, все-таки онъ представляетъ много интереса, имѣетъ приложенія еще болѣе близкія, если мы включимъ его въ предѣлы, ближе касающіеся насъ, въ анализъ воздуха, которымъ мы дышемъ въ нашихъ жилищахъ и въ нашихъ собраніяхъ, и ограничимся изученіемъ воздуха, испорченнаго произведеніями нашей промышленности или поглощаемого животными, называемыми нами на слугеніе.

Доселѣ смотрѣли на изученіе этого предмета какъ на не заключающее въ себѣ особенной важности; это обстоятельство, въ соединеніи съ несовершенствомъ ученыхъ способствъ, употреблявшихся прежде, дѣлало изысканія о составѣ воздуха почти-недоступными. Конечно, уже обращалъ вниманіе на испорченность воздуха въ мѣстахъ, населенныхъ большимъ числомъ людей или животныхъ, собранныхъ въ тѣсномъ пространствѣ; пытались подвергать анализу воздухъ театральнаго зала, гошпиталей и конюшенъ, но всегда доходили только до результатовъ отрицательныхъ и незначительныхъ. Достаточно напомнить, что прежніе химики ничего не нашли въ заразительномъ воздухѣ одного стока нечистоты, остававшагося долгое время закрытымъ и недоступнымъ, в котораго очистка стоила жизни многимъ работникамъ.

Болѣе ли знаемъ мы въ настоящее время, и умѣемъ ли уловить эти летучія начала, которыя заражаютъ болѣзнію наши органы въ нѣкоторыхъ больницахъ, или въ мѣстахъ, гдѣ животныя вещества находятся въ состояніи разложенія? Должно созваться, что обонаніе въ подобныхъ случаяхъ еще очень-часто бываетъ реактивомъ

болѣе чувствительнымъ, нежели всѣ реактивы химика, и мѣзмы болѣею частію ускользають отъ поисковъ анализа. Не смотря на то, можно сказать, что наука сдѣлала шагъ впередъ, потому-что она можетъ уловить различія и показать замѣтныя перемѣны, въ свойствахъ ли то началъ испорченнаго воздуха, или въ ихъ пропорціяхъ. Одинъ ученикъ г-на Дюма, слѣдуя направлению, полученному имъ отъ этого химика, занялся изысканіями о составѣ воздуха, взятаго въ различныхъ обстоятельствахъ жизни, и трудъ г. Леблана, представленный имъ Академіи, даетъ уже нѣкоторыя свѣдѣнія, полезныя для важнаго вопроса объ улучшеніи воздуха въ обитаемыхъ мѣстахъ.

«Хотя вообще извѣстно» говорить г. Лебланъ, «что люди, собранные въ одной залѣ, и животныя, помѣщенные въ одномъ столбѣ, портятъ воздухъ, который ихъ окружаетъ, но объ этомъ предметѣ составляли себѣ понятіе столь неточное въ отношеніи къ степени, до которой портится воздухъ въ подобныхъ условіяхъ, что нѣтъ конечно профессора химіи, который бы на своихъ лекціяхъ не дѣлалъ каждый годъ анализа воздуха помощью эдіометра, и не находилъ бы его состава нормальнымъ, хотя опыты были производимы надъ воздухомъ залы, наполненной слушателями».

Напротивъ, новые способы г. Дюма и Бусенго, употребленные г. Лебланомъ, показываютъ, что воздухъ комната, залъ собранія, больницы, почти всегда различается въ своемъ составѣ отъ чистаго воздуха, взятаго среди открытаго поля; первый обыкновенно содержитъ въ себѣ болѣе угольной кислоты и менѣе кислорода.

Исчисливъ разныя причины, которыя могутъ портить воздухъ закрытаго помѣщенія, г. Лебланъ излагаетъ результаты своихъ собственныхъ изысканій. Его анализы были дѣланы въ лабораторіи г. Дюма; въ большей части случаевъ, г. Лебланъ бралъ количество и кислорода, и азота, и уголь-

ной кислоты, помощію извѣстныхъ способовъ, недавно-введенныхъ гг. Дюма и Бусенго. Въ другихъ опытахъ, авторъ ограничивался опредѣленіемъ количества угольной кислоты, помощію способа, который, за нѣкоторыми исключеніями, похожъ на способъ вдыханія г. Брюниера.

Послѣ того, авторъ представляетъ нѣкоторыя общія соображенія и практическія заключенія, которыя вытекають изъ его опытовъ.

Не отвергая, что разныя причины дѣлають ограниченную стѣною атмосферею нездоровую, авторъ утверждаетъ, какъ фактъ опыта, что пропорція угольной кислоты, которая находится въ мѣстахъ обитаемыхъ и закрытыхъ, и которая всегда чувствительна для анализа, возрастаетъ съ нездоровостью воздуха, и почти можетъ служить мѣрою ея. Чѣмъ количество угольной кислоты болѣе, тѣмъ возобновленіе воздуха необходимѣе. Когда отъ дыханія эта пропорція достигаетъ 1 на 100, то люди не могутъ болѣе оставаться въ такой атмосферѣ, не чувствуя въ скоромъ времени замѣтной тягости; провѣтриваніе становится необходимо, чтобъ дыханіе пришло въ свое нормальное состояніе.

Опыты провѣтриванія, сдѣланные независимо отъ всякой предварительной теоретической идеи, показываютъ, что количество воздуха, необходимое для человѣка въ часъ, есть отъ 6 до 10 кубическихъ метровъ, чтобъ его дыханіе было совершенно-свободно и правильно. Это результатъ многочисленныхъ изысканій. И анализъ показываетъ, что при провѣтриваніи, доставляющемъ отъ 10 до 20 кубическихъ метровъ въ часъ на человѣка, воздухъ, вышедшій изъ комнаты, можетъ еще представлять пропорцію угольной кислоты, заключающуюся между 2 и 4 тысячными.

Чистота воздуха въ провѣтриваемой комнатѣ можетъ зависѣть не отъ одного его количества, доставляемаго въ опредѣленное время; то, какимъ образомъ входитъ и выходитъ воздухъ, нмѣ-

еть также влияние на его химическое состояние. Лучший способ провѣтриванія — тотъ, въ которомъ выдыхаемый воздухъ уносится восходящимъ движениемъ, препятствующимъ ему возвратиться въ слой атмосферы дышанія. Этимъ начоломъ, кажется, руководствовались англійскіе архитекторы въ расположеніи средствъ провѣтриванія, введенныхъ ими въ залъ парламента; тамъ отверстія для входа и выхода воздуха гораздо-болѣе многочисленны, нежели въ другихъ мѣстахъ.

Такъ какъ вообще стараются брать свѣжій воздухъ, назначенный для провѣтриванія, при самой низкой температурѣ, то съ этой стороны полезно получать его изъ погребовъ, углубленныхъ въ землю. Но въ такомъ случаѣ надо предварительно увѣриться, не содержитъ ли въ себѣ воздухъ погреба угольной кислоты болѣе обыкновенной пропорціи, которая неизбежно находится въ самомъ чистомъ воздухѣ. Мѣстные обстоятельства могутъ иногда заставить ожидать, и безъ помощи анализа, что воздухъ погреба содержитъ въ себѣ слишкомъ-много угольной кислоты.

Предоставляя другимъ исканіе усовершенствованій, могущихъ еще быть введенными въ способы провѣтриванія, г. Лебланъ ограничивается показаніемъ пользы, которую можно извлечь изъ опредѣленія количества угольной кислоты для узванія, въ данное время и въ данномъ мѣстѣ, химическаго состоянія воздуха; это будетъ роль реактива, могущаго дать показанія полезныя для лучшаго соображенія способовъ провѣтриванія.

Числа, допущенныя г. Пемлѣ, почти согласны съ результатами, полученными г-мъ Дюма касательно дѣйствій человеческого дышанія на воздухъ. Въ самомъ-дѣлѣ, основываясь на данныхъ г. Дюма, находятъ, помощію вычисленія, что 3 кубическихкія метра воздуха чрезъ дышаніе одного человѣка въ часъ пріобрѣтаютъ 4 тысячныхъ угольной кислоты, или что 6 кубическихкіхъ метровъ воздуха пріобрѣтаютъ 2 тысячъ

этого газа. Но пропорція угольной кислоты не всегда такъова на практикѣ, по причинѣ неравнаго распределенія свѣжаго воздуха въ провѣтриваемыхъ комнатахъ. Такъ, въ одной залѣ собранія, пропорція угольной кислоты въ воздухѣ, выходящемъ чрезъ трубу, оказалась вдвое или втрое болѣе, нежели какъ показывало вычисленіе, предполагага воздухъ совершенно-чистымъ при его входѣ, и допуская, что онъ проходитъ только одинъ разъ чрезъ легкія человѣка. Провѣтриваніе доставляетъ въ этой залѣ 18 кубическихкіхъ метровъ на человѣка въ часъ, и пропорція угольной кислоты оказалась 0,0025. И такъ, когда провѣтриваніе будетъ самое слабое, можно ожидать, что въ воздухѣ найдется до 5 тысячныхъ угольной кислоты. Заключимъ изъ этого, говорить г. Лебланъ, что 5 тысячныхъ угольной кислоты, образовавшейся въ залѣ отъ дѣйствія дышанія, есть количество, составляющее предѣлъ, котораго не должно переходить. Въ лѣтнее время, даже провѣтриваніе, доставляющее отъ 16 до 18 кубическихкіхъ метровъ, можетъ быть недоста-точно.

Чтобы дышаніе не было стѣснено, нужно по-крайней-мѣрѣ 6 кубическихкіхъ метровъ воздуха въ часъ на человѣка. Прикладывая эту мѣру къ расположенію, принятому во многихъ залахъ собранія, можно видѣть, что ихъ пространство гораздо-ниже необходимаго предѣла. Такъ, напримѣръ, въ одной залѣ, гдѣ собирается и свободно помещается около тысячи человѣкъ, чрезъ часъ пребыванія публики находить, что воздухъ потерялъ $\frac{1}{20}$ своего кислорода, который замѣнился угольною кислотою. Перемена этого рода, вмѣстѣ съ возвышеніемъ температуры и сырости воздуха, изъясняетъ, отчего происходитъ тягость, которую чувствуетъ собраніе, когда состояніе погоды не позволяетъ держать окна открытыми; каждый человѣкъ въ такой залѣ, вмѣсто шести кубическихкіхъ метровъ воздуха въ часъ, не имѣетъ и одного метра на свою долю.

Г. Лебланъ доказываетъ, что способъ провѣтриванія гг. Пеклѣ и Дювуара очень-хорошъ. Театръ Комической Оперы, гдѣ приложенъ этотъ способъ, имѣетъ всегда хорошей воздухъ. Итакъ, это образецъ, которому полезно слѣдовать въ публичныхъ зданіяхъ, назначаемыхъ для значительныхъ собраний.

Въ госпиталяхъ были залы, въ которыхъ большой едва имѣлъ на свою долю 2 кубическихъ метра воздуха въ часъ. Но когда узнаны были результаты изысканій г. Леблана, то совѣтъ госпиталей тотчасъ предписалъ мѣры улучшенія воздуха. То же было въ некоторыхъ дѣтскихъ приютахъ и первоначальныхъ школахъ, въ которыхъ нездоровая атмосфера теперь уступила мѣсто воздуху чистому и постоянно-возобновляемому, благодаря способу гг. Пеклѣ и Дювуара.

По замѣчанію г. Леблана, во всякомъ мѣстѣ, гдѣ двери и окна затворены, и гдѣ не дѣлается насильственного провѣтриванія чрезъ трубу, произведенія дыханія скопляются, и возобновленіе воздуха чрезъ естественныя скважины дверей и оконъ незначительно. Много, если дѣйствіе этихъ скважинъ ослабляетъ половинную испорченность воздуха. И такъ, когда затворенная комната не будетъ провѣтриваема, то должно, при построеніи, опреязлить ея вмѣстимость на тѣхъ основаніяхъ, которыя даетъ опытъ для того, чтобы дыханіе не было стѣсняемо. Напримѣръ, спальня, въ которой пятьдесятъ человекъ остаются въ-продолженіе 8 часовъ, должна имѣть 50 метровъ длины, 8 ширины и 6 вышины такъ, чтобы на каждаго человека въ ночь приходилось по 50 кубическихъ метровъ воздуха. По истеченіи этого времени, провѣтриваніе необходимо.

И такъ, не должно надѣяться на естественное провѣтриваніе нашихъ комнатъ; напротивъ, должно употребить провѣтриваніе искусственное. Это особенно надобно рекомендовать вышшимъ архитекторамъ, которые и не подозреваютъ, что человекъ, проводя 8 часовъ въ своей спальнѣ,

имѣетъ нужду въ 64 кубическихъ метрахъ воздуха, то-есть, что ему нужна комната въ 4 метра ширины, въ 4 метра длины и въ 4 вышины. Это очень-рѣдко наблюдается въ вышнихъ домахъ; и потому должно употреблять средства, способствующія возобновленію воздуха.

Г. Лебланъ старался дать себѣ отчетъ въ причинахъ, почему зажженные уголья столь убійственны для дыханія, и увѣрился, что лишеніе чувствъ, въ слѣдствіе угара, нисколько не зависитъ отъ угольной кислоты, которая образуется во время горенія угля, или что, по-крайней-мѣрѣ, этотъ газъ принимаетъ лишь слабое участіе въ дѣйствіи угара. Когда, въ этихъ обстоятельствахъ, человекъ лишится чувствъ, свѣча еще горитъ, что, повидимому, доказываетъ годность воздуха для дыханія; но подвергая анализу этотъ воздухъ, сдѣлавшійся убійственнымъ, г. Лебланъ нашелъ, что онъ содержитъ въ себѣ угольную окись. И онъ доказываетъ посредствомъ опытовъ надъ животными, что $\frac{1}{100}$ угольной окиси, и даже менѣе, дѣлаетъ внезапно воздухъ смертоноснымъ.

Такимъ образомъ изясняются столь извѣстныя дѣйствія горенія угля, и очевидно, что опасности этого рода должны быть принимаемы въ соображеніе при построеніи снарядовъ, служащихъ для нагрѣванія. Человекъ и животныя могутъ переносить, не погибая, довольно-значительныя количества угольной кислоты въ воздухѣ, которымъ они дышатъ; отъ этого они испытываютъ только тяжесть, которая на свѣжемъ воздухѣ скоро проходитъ, если пропорція угольной кислоты была не слишкомъ-велика; но малѣйшій слѣдъ угольной окиси достаточно, по увѣренію г. Леблана, для того, чтобы произвести самыя тяжкія припадки, которые немедленно дѣлаются смертельными. И такъ, отяжелѣніе головы и лишеніе чувствъ отъ угара есть настоящее отравленіе угольною окисью—фактъ, котораго доселѣ никто не подозревалъ.

Въ-отношеніи къ содержанію домашнихъ животныхъ, г. Лебланъ также постановилъ числа, опредѣляющія крайніе предѣлы количества воздуха, необходимаго для этихъ животныхъ. Нужно неменѣе 20 кубическихъ метровъ воздуха для лошади въ часъ, чтобъ она находилась въ тѣхъ же гигиеническихъ условіяхъ, какъ человекъ въ комнатѣ хорошо-проевѣтриваемой. Это число, столь отдаленное отъ того расположенія конюшенъ, которое обыкновенно употребляется, стоитъ того, чтобъ возбудить серьезное вниманіе лицъ, имѣющихъ въ своемъ распоряженіи, или подъ своимъ вѣдѣніемъ, значительное число лошадей. Эти лица знаютъ, какъ часто лошади погибаютъ отъ дурнаго ихъ помѣщенія, и какимъ опасностямъ подвержены сами люди отъ появленія и распространенія лошадиной болѣзни, известной подъ именемъ сапа.

Если, наконецъ, обратить вниманіе на расположеніе мастерскихъ, въ которыхъ помѣщается большое число рабочихъ, то невольно поражаетесь вредными слѣдствіями излишняго желанія узкоумить дрова. Мастерскія, обыкновенно дурно-проевѣтриваемыя, изъ опасенія, чтобъ тепло не выходило скоро изъ комнаты, становятся такимъ образомъ гнѣздомъ болѣзней и медленнаго расслабленія, гдѣ человеческая природа мало-по-малу унижается въ физическомъ отношеніи, подобно какъ она нерѣдко портится тамъ въ нравственномъ.

Такъ химія, вступившая въ новую эру, стремится слѣжаться наукою непосредственно-полезною для важнѣйшихъ общественныхъ потребностей. Мемуаръ г. Леблана свидѣтельствуетъ объ успѣхѣ науки въ этомъ направленіи.

— Гг. Фланденъ и Данжѣ, продолжая свои изысканія о поглощеніи ядовитыхъ веществъ и о средствахъ открывать ихъ слѣды въ случаяхъ отравленія, представили новый мемуаръ, имѣющій предметомъ сурьму. Авторы отдаютъ справедливость трудамъ г.

Ореиды, который первый открылъ путь къ этимъ изысканіямъ, показывая, какимъ образомъ можно находить ядъ даже въ тканяхъ органовъ. Подобно ему, они доказываютъ, что ядовитыя вещества могутъ быть поглощаемы органами; но авторы идутъ еще далѣе, постановляя условія этого поглощенія, которыя они обозначаютъ общимъ выраженіемъ *localisation des poisons*. Они утверждаютъ, что по закону организма, органы поглощаютъ не всякій родъ яда безразлично, а только извѣстные ихъ роды; одинъ ядъ обрабатывается, на примѣръ, преимущественно на печень; другой имѣетъ болѣе сродства съ другою тканью, или съ другою частью тела. Такъ, сурьма поражаетъ особенно печень, и тамъ-то должно искать ее, не обращая вниманія на то, чрезъ желудокъ ли была она принята, или чрезъ обнаженную кожу, или въ паряхъ чрезъ дыханіе, или иначе; напротивъ, въ томъ мѣстѣ, куда сурьма была принята прямо, чрезъ сколько времени нѣтъ никакихъ слѣдовъ ея. Въ случаяхъ отравленія сурьмою, ея не находятъ ни въ легкихъ, ни въ мускулахъ, ни въ костяхъ.

Если дальнѣйшія изысканія подтвердятъ эти факты, то откроется новый путь для физиологическихъ опытовъ и въ особенности для изслѣдованій судебной медицины, въ случаяхъ отравленія, потому-что изысканіе должно быть тогда обращено преимущественно на такой или другой органъ, смотря по роду яда.

Авторы также доказали, что сурьма легко исчезаетъ въ уринѣ, что противно свойствамъ мышьяка. Вообще, гг. Фланденъ и Данжѣ, въ изысканіяхъ своихъ надъ сурьмою имѣли въ виду изучить затрудненія, которыя рождаются отъ примѣся этого вещества къ мышьяку, и отдѣлить ихъ, въ анализахъ, одно отъ другаго. Двѣ причины заставили ихъ изучать сурьму послѣ мышьяка, о которомъ они уже представили Академіи мемуаръ въ прошломъ году: 1) употребленіе сурьмянаго рвотнаго, столь обыкновенное въ

случаяхъ отравленія, въ особенности мышьякомъ; 2) многочисленныя точки сходства, которыя сурьма и мышьякъ представляютъ въ отношеніи химическомъ и токсикологическомъ.

Оказалось, что можно открыть самыя слабыя количества сурьмы въ анализахъ судебной медицины, подобно тому, какъ это было уже доказано въ отношеніи мышьяка.

Г. Фланденъ и Данжé описываютъ, наконецъ, способы, которые служили имъ для показанія присутствія сурьмы въ жидкостяхъ, употребленныхъ для этой цѣли.

— Г. Бравé сообщилъ результаты своихъ наблюденій надъ явленіями сумерекъ. Онъ выходилъ на вершину Фольгорна, возвышающагося на 2683 метра надъ уровнемъ моря, чтобъ изучить эти явленія.

Атмосфера начинаетъ принимать розовый цвѣтъ до видимаго астрономическаго заходженія солнца, когда центръ послѣдняго находится почти на 1° высоты надъ горизонтомъ. Дуга, которая ограничиваетъ это пространство краснаго цвѣта, появляется на горизонтѣ въ минуту видимаго заходженія, потомъ переходитъ на zenithъ, спуска 25 или 30 минутъ въ нашихъ климатахъ, и употребляетъ столько же времени, чтобъ достигнуть западнаго горизонта.

Розовый цвѣтъ случайно можетъ оставаться видимъ долѣе часа заходженія этой дуги: тогда онъ не что иное, какъ отраженіе перваго явленія.

Способность отражать къ наблюдателю красныя лучи, которые освѣчаютъ атмосферу при заходженіи солнца, принадлежитъ только нижнимъ слоямъ атмосферы до вертикальной высоты десяти тысячъ метровъ. Этотъ предѣлъ становится ниже къ полярнымъ кругамъ, и вѣроятно выше къ экватору; онъ измѣряетъ высоту противосумеречнаго сегмента. Уголъ этого сегмента притупленъ дѣйствіемъ сильнаго поглощенія, которое солнечныя лучи испытываютъ въ самыхъ нижнихъ слояхъ атмосферы. Это

отраженіе красныхъ лучей происходитъ отъ водяныхъ паровъ, которые находятся въ смѣшеніи съ воздухомъ, вѣроятно, полъ видомъ водяныхъ шариковъ или лдяныхъ иголъ, носящихся безъ порядка и несобравшихся въ облака.

Что касается до обыкновенныхъ астрономическихъ сумерекъ, то г. Бравé находитъ, что кривая линія, которая ограничиваетъ часть атмосферы, прямо освѣщенную солнцемъ, и отдѣляетъ ее отъ первыхъ сумерекъ, замѣтити на горахъ, нежели на равнинахъ. Въ свѣтлую ночь можно даже слѣдить, съ высокой горы, за фазами обращенія второй кривой линіи, то есть той, которая отдѣляетъ первые сумерки отъ вторыхъ. Высоты атмосферы, по наблюденію этихъ двухъ явленій, почти равны между собою.

— Г. Гальдá представилъ мемуаръ, вмѣющій предметомъ опытыя изслѣдованія чувства зрѣнія.

Глазъ доставляетъ намъ ясное изображеніе предметовъ, составленное параллельными лучами сходящимися и расходящимися; никакой оптической инструментъ не имѣетъ этой способности, если не дѣлать надлежащей перемѣны въ расположеніи и устройствѣ его частей. Думая объ этомъ, невольно спрашиваешь себя: какаа причина столь чуднаго свойства глаза? Весьма-многіе физики, занимавшіеся этимъ вопросомъ, смотрѣли на глазъ, какъ на оптическій инструментъ, и думали, что онъ долженъ испытывать въ расположеніи своихъ частей измѣненія, подобныя тѣмъ, которыя человекъ вводитъ въ оптическіе инструменты, чтобъ получить ясное изображеніе предмета. Но когда дѣло доходило до опредѣленія мѣста, гдѣ совершаются эти измѣненія, то физики тотчасъ разились въ своихъ мнѣніяхъ: одни полагали эти измѣненія въ роговой плевѣ, другіе приписывали ихъ перемѣщенію хрусталика.

Г. Гальдá разсматриваетъ сперва гипотезу измѣненій въ формѣ роговой плевы, и доказываетъ неточность это-

го мнѣнія слабостию мускуловъ, которымъ приписываютъ произведеніе измѣненій. Блага, заключающаяся въ глазномъ шарѣ, почти нисколько неспособна сжиматься, и перепонки, вмѣщающія ее, очень-жестки. Мускулы глаза расположены весьма-неблагоприятно для движевій роговой плевы, и вовсе не имѣютъ точки опоры, необходимой для давленія. Самая сила мускуловъ такъ слаба, что не можетъ производить измѣненія въ формѣ роговой плевы; она такъ слаба, что роговая плева тотчасъ принимаетъ молочный цвѣтъ, когда давленіе на нее равно одному килограмму съ половиной; это, впрочемъ, есть лишь часть давленія, необходимаго для произведенія малѣйшей перемѣны въ выпуклости перепонки. Этому мнѣнію можно еще противопоставить прямое наблюденіе помощію микроскопа, котораго увеличительная сила есть 25 въ діаметрѣ, и котораго ось, будучи расположена въ направленіи касательной къ выпуклости роговой плевы, непременно обличила бы перемѣны въ формѣ глазной плевы, еслибъ оны существовали при послѣдовательномъ видѣніи предметовъ близкихъ и отдаленныхъ; потому-что, если допустить измѣненія въ выпуклости роговой плевы отъ 1 до 2 миллиметровъ, какъ думаютъ некоторые физики, эти измѣненія въ микроскопѣ должны бѣ были показаться отъ 25 до 50 миллиметровъ.

Еще прямѣе гипотеза измѣненій роговой плевы опровергается опытъ мѣ, состоящимъ въ томъ, чтобъ принять въ зрительную трубку изображеніе предметовъ, отраженное поверхностью этой перепонки. Такъ какъ величина этихъ изображеній зависитъ отъ степени выпуклости, отражающей поверхности, то очевидно, что постоянство въ размѣрѣ изображенія доказываетъ постоянство въ степени выпуклости роговой плевы, то-есть неизмѣняемость ея формы.

И такъ, причину яснаго видѣнія предметовъ должно искать въ хрусталикѣ, ко-

торый соединяетъ въ себѣ всѣ свойства чечевицеобразныхъ стеколъ, производимыхъ искусствомъ, и кромѣ того имѣетъ одно свойство, которое отличаетъ его отъ всѣхъ оптическихъ инструментовъ. Г. Гальдѣ, послѣ многочисленныхъ опытовъ, увѣрился, что хрусталикъ собираетъ параллельные лучи, сходящіеся или расходящіеся, въ одинъ фокусъ, но это въ извѣстныхъ предѣлахъ для направленія лучей. Результаты, полученные авторомъ въ присутствіи свѣдящихъ постороннихъ лицъ, полагаютъ конецъ сомнѣнію касательно того, что хрусталикъ есть главная причина яснаго видѣнія.

— Г. Россиньонъ прислалъ мемуаръ о развитіи клетчатки (клетчатой ткани) въ растеніяхъ. Крахмалъ, говорить онъ, можетъ въ растеніяхъ превратиться въ клетчатку, не проходя черезъ состояніе сахарнаго вещества; особенно это превращеніе ускоряется дѣйствіемъ свѣта; тогда изъ крахмального вещества выходитъ одновременно твердая ткань листьевъ. Все это происходитъ во время промѣненія. Клетчатая ткань, происходящая отъ превращенія крахмала въ клетчатку, растетъ отъ центра къ окружности. Клетчатка, въ свою очередь, можетъ, въ некоторыхъ случаяхъ, перейти въ состояніе крахмала.

Подземные стволы, которые иногда ошибочно почитаются корнями, содержатъ въ себѣ мозгъ. Этотъ мозгъ заключаетъ въ себѣ значительное количество крахмала, доколѣ подземный стволъ не произвелъ наружнаго ствола. Въ отпрыскахъ подземныхъ стволъ, крахмалъ превращается въ клетчатку, которая составляетъ клетчатую ткань стволъ во второмъ періодѣ промѣненія, то-есть, когда подземный стволъ дѣйствуетъ только какъ корень. Сахарное вещество, находящееся въ корнѣ лакрицы, не есть произведеніе превращенія крахмала; оно нисколько не содѣйствуетъ питанію растенія, и лучшимъ доказательствомъ этого служитъ то, что старые стволы

заключаютъ въ себя столько же сахарнаго вещества, сколько новыя.

Когда подземный стволъ далъ цвѣты, листья и проч., то онъ дѣйствуетъ только какъ корень, и не содержитъ въ себѣ болѣе мозга. Двухлѣтніе корни содержатъ въ себѣ крахмалъ въ первый годъ; но во второмъ періодѣ ихъ существованія крахмалъ переходитъ въ стволъ, въ состояніи клѣтчатки. Въ наибольшей части случаевъ, мозгъ ствола растений содержитъ крахмалъ, который служитъ для питанія отпрысковъ, переходя въ состояніе клѣтчатой ткани. Мозгъ существуетъ въ большомъ количествѣ только въ молодыхъ отросткахъ; мозговой каналъ исчезаетъ въ толстыхъ вѣтвяхъ и въ толстомъ стволѣ.

Мозгъ имѣетъ въ высочайшей степени растительную способность. Отъ этого-то нѣкоторые растенія, какъ, напримѣръ, виноградная лоза, ива и пр., могутъ воспроизводиться такъ легко, когда отрзаютъ вѣтвь отъ растенія, и садятъ ее отдѣльно.

Еслибъ, вмѣсто крахмала, мозгъ сохранилъ въ себѣ декстрину, сахаръ, амилану, и пр., то его физиологическая роль отъ этого не перемѣнилась бы. Мозгъ есть пища отпрысковъ, положенная растеніемъ въ запасъ, чтобъ на слѣдующій годъ снова украситься листьями, цвѣтами и плодами.

— Г. Бодуэнъ сообщилъ извѣстіе объ одномъ акустическомъ явленіи, которое онъ имѣлъ случай наблюдать въ одной прачечной въ Исси, близъ Парижа. Пробовали машину, устроенную для выжатія воды изъ бѣлья, послѣ мытья. Этотъ снарядъ состоитъ изъ мѣднаго пустаго цилиндра, въ которомъ вертится весьма-быстро другой цилиндръ, концентрической съ первымъ и также пустой; вѣшная стѣнка послѣдняго просверлена большимъ числомъ дыръ, черезъ которыя центробѣжная сила выбрасываетъ воду, напITYвающую бѣлье. Движеніе, сообщаемое этому снаряду, такъ быстро, что оно можетъ простираться до двадцати оборотовъ въ секунду. Когда отняли покрывку, которою снарядъ бываетъ

обыкновенно снабженъ, кто-то вздумалъ вертѣть его пустой, и тогда тотчасъ услышали звуки, которые становились выше и выше, по мѣрѣ того, какъ движеніе шло быстрее. Доселѣ нѣтъ еще ничего необыкновеннаго; но присутствовавшіе были крайне изумлены, когда машина, будучи предоставлена самой-себѣ, стала производить звуки, которые, вмѣсто того, чтобъ понижаться нечувствительно и постепенно вмѣстѣ съ скоростію движенія, образовали интерваллы гаммы. Такъ, давши *si*, машина продолжала нѣкоторое время давать эту же ноту, не смотря на уменьшеніе скорости своего движенія, только съ ослабѣвающимъ напряженіемъ звука; потомъ вдругъ звукъ переходилъ въ *la*, и, что еще страннѣе, въ ту самую минуту, когда звукъ такимъ образомъ понижался цѣлою степенью, его напряженіе усиливалось, но потомъ ослабѣвало, оставаясь всегда на *la*, доколѣ звукъ не перешелъ вдругъ въ *sol*, потомъ въ *fa*, и проч. Важность этого явленія состоитъ въ томъ, что звуки, произведенные такимъ образомъ, сохраняютъ постоянно диатоническую прогрессию. Впрочемъ, этотъ фактъ еще долженъ быть подтвержденъ комиссіею Академіи.

— Г. Араго читалъ свою статью о солнечныхъ затмѣніяхъ вообще и въ особенности о солнечномъ затмѣніи 26 іюня 1842 года. Передъ отправленіемъ своимъ на югъ Франціи, для наблюденія этого послѣдняго явленія, онъ счелъ полезнымъ указать астрономамъ на пункты, которые преимущественно должны обратить ихъ вниманіе. Г. Араго предлагаетъ наблюдать особенно физическую сторону явленія.

Таблицы солнца и луны показываютъ, что среднимъ числомъ можно видѣть на всей землѣ 70 затмѣній въ 18 лѣтъ: 29 лунныхъ и 41 солнечное. Никогда въ годъ не бываетъ болѣе 7 затмѣній, и никогда не бываетъ ихъ менѣе 2. Когда число затмѣній въ годъ уменьшается до 2, то они оба солнечныя. Во всякій періодъ 18 лѣтъ быва-

еть, среднимъ числомъ, 28 централь-ныхъ солнечныхъ затмѣній, то-есть такихъ, которыя могутъ слѣдаться по обстоятельствамъ кольцеобразными или полными, но такъ какъ полоса земли, вдоль которой затмѣніе можетъ быть видимо въ томъ или другомъ видѣ, очель-узка, то въ данномъ мѣствѣ полныя или кольцеобразныя затмѣнія суть явленія весьма рѣдкія. Галилей нашелъ въ 1715 году, что съ 20 марта 1140, то-есть въ-продолженіе 575 лѣтъ, въ Лондонѣ не было ни одного полного солнечнаго затмѣнія. Послѣ затмѣнія 1715 года, въ Лондонѣ не видали никакого другаго. Въ Монпелье, гдѣ обстоятельство благоприятно для наблюденія явленій этого рода, полное солнечное затмѣніе было 1 января 1386, 7 июня 1415, и 12 мая 1706. Въ Парижѣ, въ-продолженіе XVIII вѣка, видали только одно полное затмѣніе, именно въ 1724 году. Въ XIX вѣкѣ, еще не было подобнаго явленія въ этомъ горѣ, и не будетъ. Будетъ только кольцеобразное затмѣніе въ Парижѣ 9 октября 1847.

Солнечныя затмѣнія случаются только въ дни новолунія. Только въ эти дни луна можетъ стать между землею и солнцемъ, и скрыть отъ насъ болѣе или менѣе значительную часть этого огромнаго и свѣтоноснаго шара. Когда, въ минуту наибольшей силы затмѣнія, луна закрываетъ лишь известную часть солнечнаго круга, то говорятъ, что затмѣніе есть частное; но когда, въ подобную минуту, она скрываетъ отъ насъ все протяженіе солнца, то затмѣніе называется полнымъ. Наконецъ, когда, въ-продолженіе затмѣнія, случается, что луна отбрасывается вся на солнце, не покрывая его вполне, или закрываетъ отъ насъ центральную часть солнца, оставляя открытыми его края, такъ-что луна представляется чернымъ кругомъ, который обведенъ свѣтлымъ кольцомъ, то затмѣніе называется кольцеобразнымъ. Такъ-какъ луна и солнце находятся не на равномъ разстояніи отъ земли, то на-

блюдатели, находящіеся на различныхъ пунктахъ, отбрасываютъ, дѣйствіемъ своего зрѣнія, эти два небесныя тѣла не на одни и тѣ же пункты неба. Вотъ отъ-чего одно и то же затмѣніе бываетъ полное въ однихъ мѣстахъ, и лишь частное въ другихъ.

Свидѣтельства о полныхъ затмѣніяхъ, бывшихъ до христіанской эры и послѣ нея, не убѣдили знаменитаго латскаго астронома Тихо-Браге. Основываясь на нѣкоторыхъ измѣреніяхъ углового діаметра, сдѣланныхъ помощію простаго зрѣнія, и по-видимому показывавшихъ ему, что діаметръ луны никогда не можетъ казаться съ земли столь великимъ, какъ діаметръ солнца, Тихо-Браге возмѣшалъ даже сомнѣнія касательно дѣйствительности явленія, которое имѣло тогда свидѣтелями тысячи людей. Онъ не допуская разсказа Клавіуса о полномъ затмѣніи, которое было наблюдаемо въ Коимбрѣ въ 1560, ни даже разсказа о затмѣніи, случившемся въ Торгау въ 1598 году. Небольшое число лѣтъ было достаточно для того, чтобъ доказать, до какой степени ложныя измѣренія ввели въ заблужденіе Тихо-Браге. Въ 1605 случилось большое солнечное затмѣніе, которое въ Неаполь было полное въ-продолженіе нѣсколькихъ минутъ. Съ-тѣхъ-поръ, наблюдаемыя были полныя солнечныя затмѣнія въ 1706, въ 1715, въ 1724 въ 1778 и въ 1806. И такъ, астрономы не подвержены опасности обмануться. Затмѣніе 26 июня 1842 дѣйствительно должно быть полное во всѣхъ мѣстахъ, для которыхъ это значитъ по вычисленію. Если въ XVII-мъ вѣкѣ нѣкоторыя эфемериды предсказывали для Рима, 12 іюля 1681, полное затмѣніе, въ-продолженіе котораго, однакожъ, только три четверти солнца были закрыты, то это была ошибка таблицъ и также лицъ, вычислявшихъ явленіе. Въ настоящее время, нельзя опасаться подобныхъ ошибокъ; предсказанія начала и конца этого явленія теперь точны даже до

нѣсколькихъ секундъ, между-тѣмъ, какъ въ 1706 таблицы луны заключали ошибки, простиравшіяся до 4 и до 5 минутъ.

Г. Араго дѣлаетъ нѣкоторыя сообщенія касательно свѣтлаго круга, которымъ луна всегда бываетъ обведена во время полнаго солнечнаго затмѣнія. Этотъ кругъ умѣряетъ темноту, которая наступаетъ послѣ совершеннаго исчезновенія солнца, какъ это замѣтилъ еще Плулархъ во время полнаго затмѣнія, бывшаго въ 98 году христіанской эры. Нѣкоторыя странности являютъ въ ту минуту, когда края луны находятся на малыхъ расстояніяхъ отъ краевъ солнца и внутри пространства, соотвѣтствующаго солнечному кругу; западный край луны тогда кажется иззубреннымъ подобно пилѣ; зубцы скоро растутъ въ величинѣ и отдѣляются одинъ отъ другаго, но ихъ число уменьшается; потому всѣ они исчезаютъ вдругъ. Подумаешь, что между краями двухъ небесныхъ тѣлъ существуетъ клейкое черноватое вещество, пристающее къ извѣстнымъ пунктамъ солнца, и которое движеніе луны вытягиваетъ до мгновеннаго разрыва. Въ-продолженіе движенія восточнаго края луны къ западному краю солнца, явленія происходятъ въ обратномъ порядкѣ.

Иногда въ-продолженіе солнечнаго затмѣнія, былъ замѣчаемъ слабый свѣтъ на поверхности луны. Лувиль рассказываетъ, что во время полной темноты, въ 1715, онъ видѣлъ въ Лондонѣ, на лунѣ, вспышки свѣта, подобныя тѣмъ, которыя происходятъ отъ воспламененія пороха, посыпаннаго слѣдомъ. Эти вспышки были мгновенныя и звѣявшія какъ молніи; онѣ показывались то въ одномъ мѣстѣ, то въ другомъ, но особенно къ восточному краю. Въ 1806, Ферреръ видѣлъ, помощію телескопа, столбъ дыма, который выходилъ изъ западной части луны.

Темнота въ-продолженіе полныхъ солнечныхъ затмѣній не такъ велика, какъ можно было бы думать, еслибъ

мы захотѣли вѣрить повѣствованіямъ, которыя очевидно носятъ печать преувеличенія, всегда производимаго страхомъ. Напримѣръ, историки затмѣнія 1560 конечно далеко перешли границы истины говоря, будто послѣ исчезновенія солнца стало такъ темно, что нельзя было ходить, и будто мракъ былъ такъ же глубокъ, какъ ночью. Лучшее средство дать понятіе о темнотѣ, бывшей въ-продолженіе древнихъ полныхъ солнечныхъ затмѣній, состоитъ въ томъ, чтобъ привести число и величину звѣздъ, которыя были видны простому глазу. По этому признаку, затмѣніе Агаеокла, бывшее за 310 лѣтъ до Рождества Христова, было темноты исключительной, потому-что звѣзды видѣлись тогда во всѣхъ сторонахъ. Въ-продолженіе затмѣнія 1706, Пантадъ и Клапиесъ видѣли простымъ глазомъ Венера, Меркурія, Сатурна, и другія звѣзды, которыя не поименованы. Въ 1715, Галлей замѣтилъ до 22 звѣздъ. Лувиль говоритъ, что въ-продолженіе затмѣнія 1715 можно было различать черты писанія, хотя не такъ ясно, чтобъ читать. Впрочемъ, въ 1806, Ферреръ замѣтилъ, что послѣ совершеннаго исчезновенія солнца, въ воздухѣ и на землѣ было свѣтлѣе, нежели во время полнолунія. Когда затмѣніе достигаетъ извѣстной степени, земные предметы кажутся окрашенными особеннымъ образомъ. Въ Монпельѣ, въ 1706, они казались сперва оранжеваго цвѣта, потомъ краснаго, подходящаго къ винному. Въ 1715, Галлей также замѣтилъ, что въ ту минуту, когда луна закрыла десять двѣнадцатыхъ солнечнаго діаметра, видъ и цвѣтъ неба начали измѣняться: синій лазоревый цвѣтъ сдѣлался багровымъ.

Много говорили и писали о дѣйствіяхъ, которыя внезапный переходъ отъ дня къ ночи производитъ на животныхъ. Риччиоли рассказываетъ, что во время полнаго затмѣнія, бывшаго въ 1415, видѣли въ Богеміи птиць, падавшихъ мертвыми отъ страха. Въ

1560 сдѣлали то же замѣчаніе. Въ 1706, въ Монпельѣ, летучія мыши порхали какъ при наступленіи ночи; куры и голуби поспѣшно укрывались; птицы, пѣвшія въ клеткахъ, замолкали и скрывали свою голову подъ крыло. Лувиль рассказываетъ подобное о затмѣніи 1715 года. «Лошади» говорятъ онъ: «которые въ то время «были на работѣ или шли на большіхъ дорогахъ, легли и не хотѣли «идти далѣе.»

Послѣ подробнаго описанія солнечнаго затмѣнія, г. Араго выставляетъ на видъ пункты, на которые наблюдатели должны обращать особенное вниманіе, чтобъ для науки вышла изъ ихъ трудовъ наибольшая возможная польза. Свѣтлый кругъ долженъ быть болѣе всего предметомъ внимательнаго наблюденія. Центръ этого круга на лунѣ или на солнцѣ? Въ этомъ отношеніи, отзывы наблюдателей несогласны между собою. Галлей и Лувиль нашли, что центръ круга совпадалъ съ центромъ луны; напротивъ, Маральди и Ферреръ утверждаютъ, что центръ круга есть всегда центръ солнца. Если первое изъ этихъ мнѣній справедливо, то свѣтлый кругъ, который обнимаетъ темное тѣло луны, не будетъ уже солнечная атмосфера, и должно будетъ искать доказательствъ существованія этой атмосферы въ другихъ явленіяхъ. И такъ, въ началѣ и въ концѣ полной темноты, наблюдатель долженъ измѣрять широту свѣтлаго круга на востокъ и на западъ, и также въ другихъ направленіяхъ. Эти измѣренія могутъ быть произведены помощію инструментовъ съ отраженіемъ, или подозривыхъ трубъ умѣренной увеличительной силы, имѣющихъ въ фокусѣ известное число неподвижныхъ нитей, расположенныхъ на разстояніи минуты между собою. Каждое изъ этихъ средствъ наблюденія имѣетъ свои выгоды, смотря по блеску круга и чистотѣ его вѣшняго очертанія.

Правда ли, какъ говоритъ Уллоа, что кругъ показывается только спустя пять или шесть секундъ послѣ начала

полнаго затмѣнія, и что онъ исчезаетъ за четыре или за пять секундъ до окончанія темноты? Правда ли, какъ замѣтилъ Галлей въ 1715, что на открытомъ воздухѣ свѣтлый кругъ не дѣлаетъ тѣни? Этотъ кругъ представляетъ прорѣзы, или нѣтъ? Любопытно изслѣдовать, долинамъ или горамъ луны соответствуютъ исходные пункты расходящихся лучей круга? Полезно также наблюдать образъ появленія зубцовъ, представляемыхъ луною во время прикосновенія ея круга къ кругу солнца со внутренней стороны. Въ настоящее время, не знаютъ еще ничего точнаго касательно числа секундъ, которое отдѣляетъ появленіе зубцовъ отъ исчезновенія черныхъ параллельныхъ чертъ. Подобная численная повѣрка могла бы вести въ послѣдствіи къ открытію физической причины этого страннаго явленія.

Сѣверо-западная часть луны должна быть наблюдаема съ особеннымъ стараніемъ. Уллоа думалъ, что луна въ этой части имѣетъ дыру насквозь; онъ воображалъ, что свѣтлый пунктъ, замѣченный въ 1778 году, былъ не что иное, какъ весьма-малая часть солнца, виднмая сквозь узкое отверстіе луны. Лалаандъ вычислилъ, что для удовлетворенія вѣсьмъ обстоятельствамъ наблюденія испанскаго адмирала, отверстіе должно находиться на разстояніи 15 лѣтъ отъ касательной къ краю луны, проходящей чрезъ землю: результатъ, изъ котораго Лалаандъ потомъ заключилъ, что отверстіе луны должно имѣть 109 лѣтъ длины. Итакъ, только стеченіе обстоятельствъ чрезвычайно-рѣдкихъ, только совершенно-особенное движеніе кругообращенія луны можетъ сдѣлать, чтобъ столь дивная дыра была въ вѣвѣстный день направлена прямо къ данному мѣсту. Но слабая вѣроятность подобнаго случая не должна препятствовать внимательному наблюденію сѣверо-западнаго края спутника земли.

Въ каждомъ мѣстѣ должно опредѣлить число и величину звѣздъ, которыя становятся видимы для глазъ въ-

продолженіе затмѣнія, и стараться усмотрѣть пятна луны помощью ночной подзорной трубы.

Легкій посторонній цвѣтъ, который атмосфера и земные предметы принимаютъ въ то время, когда большая часть солнца закрыта, кажется, заставляетъ думать, что тогда вмѣстѣ съ известнымъ количествомъ блага свѣта приходятъ намъ отъ солнца нѣкоторые элементарные лучи, красные, оранжевые, желтые, отдѣльно отъ другихъ лучей. Это разложеніе блага свѣта можетъ произойти отъ его раздробленія о край луны, и въ этомъ случаѣ окружность послѣдней должна казаться радужною. Всегда ли существуетъ эта радуга? Не начинается ли она быть чувствительною и наводитъ примѣтный цвѣтъ на земные предметы только въ ту минуту, когда ея ширина достигла известнаго отношенія къ ширинѣ сегмента, оставшагося видимымъ и бѣлымъ? Это вопросъ, который остается рѣшить. И для этого должно избѣгать употребленія цвѣтныхъ стеколъ при наблюденіи солнечныхъ затмѣній. Необходимо, чтобъ астрономы прибѣгли къ такимъ сочетаніямъ стеколъ, которыя оставляли бы свѣту всю его естественную близину. Если, будучи занятъ другими сторонами предмета, астрономъ оставитъ любителямъ наблюденіе цвѣта, который атмосфера и земные предметы принимаютъ во время солнечнаго затмѣнія, то онъ долженъ предостеречь ихъ противъ дѣйствія контрастовъ. Присутствіе какого-нибудь искусственнаго свѣта можетъ сообщить предметамъ, освѣщеннымъ прямо луннымъ кругомъ и второстепенно атмосферою, цвѣта, неизмѣющіе дѣйствительности. Подобныя внушенія не могутъ быть лишними теперь, когда такъ часто забываютъ, что предметъ бѣлый можетъ казаться одѣвленнымъ по противоположности, напримѣръ зеленымъ, если вблизи находится сильный красный свѣтъ. Г. Араго уже защищалъ это мнѣніе противъ г. Пулье въ то время,

Т. XXIV.—Отд. VIII.

когда разсуждали о ночныхъ телеграфгахъ.

Въ-продолженіе затмѣнія, луна отбрасывается чернымъ цвѣтомъ на солнце и въ истинной своей формѣ; следовательно, часть солнца, остающаяся видимою, всегда ограничена двумя отсѣками окружности круга. Въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ встрѣчаются эти двѣ дуги, изъ которыхъ одна темная, а другая свѣтлая, онѣ составляютъ углы, которые называютъ *рогами*.

Помощію наблюденія должно надѣяться дойти до какихъ-нибудь понятій касательно атмосферы луны, если эта атмосфера существуетъ. Газы и пары всегда останавливаютъ часть свѣта, который чрезъ нихъ проходитъ. Если спутникъ земли дѣйствительно имѣетъ атмосферу, то большое черное пятно, которое онъ образуетъ, отбрасываясь на солнце, должно быть окружено параллельно нѣкоторымъ родомъ полутѣни. На всемъ протяженіи этой полутѣни, свѣтъ солнца будетъ нѣсколько ослабленъ. Астрономы, для наблюденія этого ослабленія, не довольно пользуются присутствіемъ продолговатыхъ свѣтлыхъ пятенъ, которыми покрыта поверхность солнца. Нельзя ли думать, что край луны движется вдоль одного изъ нихъ? Легко будетъ рѣшить, то ли напряженіе свѣта въ части солнца, ближайшей къ черному кругу луны, какъ въ остальныхъ частяхъ. Малѣйшее искривленіе лучей солнца, происходящее отъ преломленія ихъ въ предполагаемой атмосферѣ луны, будетъ такимъ образомъ также замѣчено.

Сенека говоритъ, что Посидоній, во время одного полнаго солнечнаго затмѣнія, видѣлъ комету. Это наблюденіе относятъ къ 462 году до нашей эры. Въ этотъ годъ дѣйствительно было въ Аѳинахъ полное затмѣніе. Въ 418 году по Р. Х., въ царствованіе Θεοδοσία, также, говорятъ историки, замѣчена была комета въ-продолженіе полнаго солнечнаго затмѣнія.

— Въ зазданіи 20 іюня, г. Дюма представилъ отчетъ о трудѣ г. Бушар-

ла, имѣющимъ предметомъ фибрину. По прежнимъ изслѣдованіямъ элементарнаго состава азотныхъ веществъ организациі известно, что бѣлковина кровяной влаги, бѣлковина яйца и растительная бѣлковина имѣютъ всегда одинъ и тотъ же составъ; что казеумъ представляетъ тотъ же составъ, какъ бѣлковина, взять ли его въ молоко, или въ растеніяхъ; что фибрина, взятая какъ въ крови, такъ и въ растеніяхъ, всегда заключаетъ въ себѣ болѣе азота и менѣе углерода, нежели бѣлковина или казеумъ; что, наконецъ, въ миндаляхъ, въ горохѣ, въ бобахъ и пр. существуетъ г. вещество, подобное казеуму по своимъ свойствамъ, но заключающее въ себѣ еще болѣе азота и менѣе углерода, нежели фибрина.

Когда фибрина очищена отъ всякаго вещества, растворимаго въ кипячей водѣ, то она выходитъ по своему составу тождественна съ бѣлковиною и казеумомъ. Новыя и важныя замѣчанія г. Бушардъ изъясняютъ это обстоятельство совершенно. Фибрина, очищенная отъ жирныхъ веществъ, состоитъ изъ трехъ непосредственныхъ началъ въ различныхъ пропорціяхъ. Это, во-первыхъ, вещество тождественное съ чистою бѣлковиною и жидкое; оно заключено въ ткань, составленную изъ желатины и вещества, представляющаго всѣ свойства верхней кожицы тѣла.

И такъ, вотъ два основныя начала животной ткани, желатина и кожаца, которыхъ присутствія не допускали въ крови, и которыя оказываются существующими въ этой жидкости.

Далѣе, г. Бушардъ доказываетъ, что основная жидкость, которую находятъ въ яичномъ бѣлкѣ, въ кровяной влагѣ, въ вытяжкѣ зеренъ, въ казеумѣ молока животныхъ, — одна и та же. Это всегда бѣлковина, смѣшанная или соединенная химически съ землистыми веществами, или съ щелочными солями, или съ веществами, известными подъ названіемъ жирныхъ. Прибавляя пропорцію кислоты истинно-ничтожную, можно тотчасъ разрушить это

вѣсмерное соединеніе, и тогда растворъ бѣлковиннаго вещества представляется, во всѣхъ исчисленныхъ обстоятельствахъ, съ свойствами тождественными, съ химическими реакціями совершенно - одинаковыми, съ дѣйствіемъ поляризованнаго свѣта тѣмъ же, именно съ уклоненіемъ всегда въ лѣвую сторону и пропорціонально количеству раствореннаго вещества.

И такъ, химическое тождество казеума, вытяжки и бѣлковины, находящейся въ яичномъ бѣлкѣ или въ кровяной жидкости, доказано. Развѣ только сдѣлать предположеніе, недопустимое по мнѣнію г. Бушардъ, что вода, едина имѣющая кислую реакцію, имѣетъ довольно силы, чтобы превратить, при обыкновенной температурѣ, вся эти тѣла въ одно и то же вещество.

— Академія получила сообщеніе въ которыхъ изъ послѣднихъ трудовъ г. Савара, умершаго тому назадъ около года. Предметъ мемуара, представленнаго въ настоящій разъ, есть вліяніе упругости на звуки струнъ.

Г. Саваръ заключаетъ, что для полученія числа сотрясеній, которыя производить натянутая струна, должно разсматривать ее въ двухъ различныхъ состояніяхъ. Сперва предполагаютъ струну немнѣющую упругости, но натянутую; потомъ ее предполагаютъ не натянутою, но имѣющею упругость. Сумма квадратовъ числа сотрясеній, взятыхъ при каждомъ изъ этихъ предположеній, равна квадрату числа сотрясеній, которыя совершитъ струна, когда она будетъ и натянута и имѣть упругость. Объ этомъ послѣднемъ числѣ должно сказать то же, что о равносильной звуку силѣ перпендикулярныхъ между собою.

Такъ-какъ этотъ законъ остается постояннымъ для всякаго напряженія струны, начиная съ того, которое равно нулю, до того, которое разрываетъ струну, то онъ можетъ служить для опредѣленія момента, когда молекулярныя силы готовы уступить. Все, что авторъ могъ замѣтить въ этомъ

отношеніи, состоитъ въ томъ, что сотрясенія становятся болѣе и болѣе легкими, и производятъ звукъ тѣмъ болѣе сильный и чистый, чѣмъ грузъ, натягивающій струну, значительнѣе. И такъ легко понять, что эти качества звука достигаютъ высшей своей степени передъ моментомъ разрыва струны.

Это наблюдение ведетъ къ слѣдующему заключенію. Когда грузъ очень великъ, то упругость прибавляетъ лишь небольшое число сотрясеній къ тѣмъ, которыя производятъ натягиваніе; она тогда становится слялою относительно чрезвычайно-слабою, и только тогда звукъ получаетъ всю свою чистоту, какъ мы уже сказали. Съ другой стороны, известно, что металлическіе прутья даютъ звуки весьма-чистые; и въ этомъ случаѣ, напротивъ, дѣйствуетъ одна упругость. И такъ, нельзя ли думать, что свойства звука зависятъ отъ сочетанія двухъ силъ, и что звукъ тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ одна которая-нибудь изъ этихъ силъ имѣетъ менѣе вліянія? Если это такъ, то, чтобъ получить чистые звуки отъ струны, должно употреблять такіа струны, которыя имѣютъ наименѣе упругости и въ то же время могутъ быть натянуты сильно. Таковы струны кишечныя; въ-самомъ-дѣлѣ, онѣ даютъ звуки гораздо-болѣе пріятные, нежели струны металлическія.

— Г. Шофаръ, аптекаръ въ Гаврѣ, сообщилъ Академіи извѣстіе о недавно-сдѣланномъ имъ открытіи, которое очень-важно для моряковъ.

Извѣстно, что смола, употребляемая для конопаченія судовъ, имѣетъ ту невыгоду, что растопляется отъ солнечнаго жара и открываетъ доступъ водѣ, которая, процѣживаясь въ трюмъ, причиняетъ поврежденія и иногда взнуруетъ матросовъ, принужденныхъ часто ее выкачивать. Эта смола обращается въ совершенно-жидкое состояніе при температурѣ 80° стоградусаго термометра. Напротивъ, составъ, изобрѣтенный г. Шофаромъ, становится жидкимъ только при

температурѣ 200°. Сверхъ того, этотъ составъ имѣетъ большую гнбкость и крѣпко пристаеъ къ дереву и къ вакаль. Отъ холода онъ никогда не дѣлается способнымъ истереться въ порошокъ, потому-что не заключаетъ въ себѣ никакого летучаго масла, подобнаго тому, которое находится въ смоль.

Составъ г. Шофара дѣлаеъ также непромокаемыми всякія тѣлаи. Наконецъ онъ обходится дешевле смолы.

Изобрѣтатель назвалъ свой составъ *минеральнымъ каучукомъ*.

Коммиссія Академіи должна рѣшить, имѣетъ ли этотъ составъ всѣ свойства, приписываемыя ему изобрѣтателемъ.

— Г. Страуссъ прислалъ Академіи трактатъ сравнительной анатоміи, теоретической и практической. Авторъ смотритъ на свое сочиненіе какъ на простое руководство, назначаемое для начинающихъ учиться зоологіи. Между тѣмъ, можно сказать, что это трудъ оригинальный, изложенный съ большою строгостію и имѣющій высокое достоинство; словомъ, сочиненіе г. Страусса — драгоценное пріобрѣтеніе для науки.

— Въ засѣданіи 27 іюня, Академія получила сообщеніе неизданнаго мемуара покойнаго Пуассона, которымъ этотъ знаменитый математикъ занимался за нѣсколько времени до своей смерти. Этотъ мемуаръ, имѣющій предметомъ математическую теорію свѣта, присланъ изъ Безансона сыномъ автора, служащимъ въ артиллеріи. Заглавіе мемуара свидѣтельствуетъ, что г. Пуассонъ намѣренъ былъ читать его самъ своимъ сочленамъ, но смерть не позволила ему исполнить это намѣреніе. Мемуаръ озаглавленъ авторомъ такъ: *Mémoire sur les apparences des corps lumineux en repos et en mouvement*; par M. Poisson, lu à l'Académie le... 1839.

Академія положила, что эта рукопись, послѣдній трудъ одного изъ знаменитѣйшихъ ея членовъ, будетъ напечатана въ собраніи ея мемуаровъ,

и что благодарность будет изъявлена г. Пуассону-сыну за сообщеніе, имъ сдѣланное.

— Г. Эдмондъ Бекрель представлялъ мемуаръ о составѣ солнечнаго изображенія, получаемаго помощію призмъ. Авторъ увѣрился, что химическаго дѣйствія нѣтъ въ тѣхъ самыхъ пунктахъ солнечнаго изображенія, въ которыхъ находятся черныя линіи Фраунгофера. Продолжая эти изысканія, г. Бекрель нашелъ, что далѣе фіолетовыхъ лучей есть еще перерывы въ лучахъ; глазъ не можетъ видѣть этихъ перерывовъ, но химическое дѣйствіе доказываетъ ихъ существованіе. И такъ, за предѣлами видимаго солнечнаго изображенія, есть безчисленное множество новыхъ черныхъ чертъ, которыя составляютъ продолженіе чертъ Фраунгофера.

Химическое солнечное изображеніе, то-есть, совокупность солнечныхъ лучей, имѣющихъ способность дѣйствовать на известныя чувствительныя вещества, простирается далѣе крайнихъ фіолетовыхъ лучей, на разстояніе, которое иногда равно половинѣ длины свѣтлаго солнечнаго изображенія.

Нѣкоторые солнечные лучи производятъ въ известныхъ тѣлахъ явленія фосфорическія, и въ томъ же солнечномъ изображеніи существуютъ лучи, которые истребляютъ то, что произвели первые. Г. Араго напомнилъ, что этотъ странный фактъ былъ уже замѣченъ Либкомъ, но онъ оставался затаяннымъ въ одномъ плохомъ сочиненіи Гёте.

Замѣчательно, что фосфорическое дѣйствіе солнечнаго изображенія имѣетъ два maximum, изъ которыхъ одно находится около крайнихъ фіолетовыхъ лучей, а другое еще далѣе. Дѣйствіе, которымъ возбуждается фосфорическое явленіе, останавливается въ лучахъ наименѣе-преломляемыхъ около черты β ; но съ этой черты, составляющей предѣлъ лучей синихъ, до лучей красныхъ и горладо-далѣе, находятся лучи, которые совершенно изглаждаютъ фос-

форическое, возбужденное другими лучами, и даже препятствуютъ самымъ чувствительнымъ веществамъ, каковы стрістый кальцій и стрістый барій, принять фосфорическое отъ дѣйствія теплоты.

Эти факты показываютъ, что въ солнечномъ изображеніи, далѣе лучей видимыхъ, существуютъ лучи темные, которые имѣютъ способность производить свѣтъ, потому-что нѣкоторые вещества становятся фосфорическими подъ ихъ явленіемъ, и что, съ другой стороны, лучи свѣтлые, какъ то красные, желтые, зеленые, синіе, дѣлаютъ эти вещества темными. Послѣ этихъ странныхъ фактовъ, нельзя не сказать, что въ нынѣшней физикѣ нѣтъ ничего темнѣе свѣта.

Въ концѣ своего мемуара, г. Бекрель уведомляетъ, что теперь онъ занимается изысканіями о лучистомъ теплотворѣ и опредѣленіемъ чертъ теплотворнаго изображенія солнца. По мнрѣ изысканій физиковъ, составъ солнечнаго свѣта становится болѣе-и-болѣе многосложенъ, и всего вѣроятнѣе, что труды г. Бекреля не изяснятъ этого предмета, а только покажутъ въ немъ новыя трудности.

III.

Парижское Авростатическое Общество.

Подъ этимъ именемъ недавно образовалось въ Парижѣ общество, имѣющее предметомъ изученіе атмосферной физики.

Метеорологія, или атмосферная физика, есть наука едва зарождающаяся; но состояніе теперешнихъ познаній и опытныхъ способовъ позволяетъ приступить съ пользою къ обработкѣ этой науки. Еще не достаетъ фактовъ, чтобъ составить ее, и одинъ наблюдатель, въ своемъ кабинетѣ, не можетъ собрать ихъ, при тѣхъ средствахъ, которыми онъ можетъ располагать безъ участія другихъ. Очевидно, что изученіе метеорологіи, науки

чрезвычайно-важною для потребностей общественныхъ, требуетъ содѣйствія большаго числа ученыхъ, соединившихся въ общество, и направляющихъ свои изысканія къ одной цѣли.

Подобныя общества пытались составить и составляли въ - самомъ - дѣлѣ много разъ. Между-прочимъ, Коттъ въ концѣ прошлаго столѣтїа, успѣлъ сдѣлаться центромъ ученыхъ сообщеній по этой части, которыя онъ оставилъ по себѣ въ цѣлости, и которыми ученые доселѣ пользуются съ благодарностію.

Пора возобновить подобное общество, составивъ его въ большемъ размѣрѣ, соответственно нынѣшней степени наукъ. Это потребуетъ конечно особыхъ заведеній, подобныхъ тѣмъ, которыя существуютъ въ разныхъ мѣстахъ для изученія земнаго магнетизма, и которыя только правительству въ состояніи основать.

Но между фактами, относящимися къ составу атмосферы и къ физическимъ явленіямъ, въ ней совершающимися, есть такіе, которые доступны для обыкновенныхъ средствъ изслѣдованія, и которые весьма-важны для наукъ, при нынѣшнемъ ихъ состояніи. Сюда относятся: составъ воздуха въ различныхъ странахъ атмосферы и на различныхъ ея высотахъ, электрическое состояніе слоевъ воздуха и облаковъ, постепенное пониженіе температуры, направленіе вѣтровъ, степень влажности высшихъ слоевъ атмосферы, и проч.

Многіе отличные ученые уже занимаются изученіемъ этихъ предметовъ; они предпринимаютъ путешествія, чтобъ повѣрить разные факты, считавшіеся доселѣ несомнѣнными, какъ, на-примѣръ; составъ воздуха, взятаго въ странахъ атмосферы, отдаленныхъ отъ земнаго шара; въ особенности гг. Дюма и Буссенго вступили на это поприще.

Одинъ физикъ, весьма-извѣстный своими изысканіями объ электричествѣ, съ давняго времени посвящаетъ себя изученію этого смѣлаго дѣятеля

въ его отношеніяхъ къ атмосфернымъ явленіямъ. Г. Пельтѣ предпринялъ рядъ систематическихъ наблюденій касательно воздушной физики, и онъ представилъ, въ отдѣльныхъ сочиненіяхъ, результаты своихъ наблюденій. Недавно, въ *Annales de Chimie et de Physique*, помѣщенъ новый мемуаръ г. Пельтѣ объ электрическихъ явленіяхъ атмосферы и о средствахъ изучать ихъ опытнымъ образомъ. Авторъ изслѣдуетъ самыя высшіе вопросы этой новой науки съ такимъ знаніемъ дѣла, и основываетъ свои мнѣнія на опытахъ столь точныхъ, что онъ, можно надѣяться, успѣетъ наконецъ положить основанія истинно-ученой метеорологіи. Должно отдать справедливость этому ученому; находясь въ положеніи скромномъ, не имѣя никакого мѣста, онъ не страшится ни пожертвованій, ни трудовъ, чтобъ исполнить свое ученое призваніе. Г. Пельтѣ не только построилъ у себя на свой счетъ обсерваторію и снабдилъ ее всеми инструментами, среди которыхъ онъ проводилъ дни и часто ночи, во всякую погоду и во всякое время года, но еще готовится теперь къ путешествію на Фольгорнъ, съ цѣлію вопрошать атмосферу посредствомъ своихъ превосходныхъ снарядовъ.

Конечно, изъ подобныхъ трудовъ, и изъ многихъ другихъ, о которыхъ мы не говоримъ, не можетъ не выйти открытій важныхъ въ теоретическомъ отношеніи и полезныхъ для приложеній.

Но въ изысканіяхъ этого рода, обсерваторіи и самыя высокія горы недостаточны. Есть атмосферныя явленія, которыхъ нельзя изучать ни на какомъ пунктѣ въ соприкосновеніи съ землею, и для которыхъ необходимо подняться въ высшую область атмосферы. Таковы, на-примѣръ, электрическія дѣйствія атмосферы, которыя не обнаруживаются для жителя земли, и которыхъ нельзя наблюдать, доколѣ остаешься на поверхности земли, имѣющей, какъ извѣстно, сильное вліяніе на атмосферное электричество; таковъ же законъ постепеннаго пониженія

температуры въ воздухѣ, котораго нельзя изслѣдывать, оставался въ соприкосновеніи съ предметами, выпускающими теплотворъ. Для такихъ-то изслѣдованій, и для многихъ другихъ, которыхъ необходимости мы, можетъ-быть, и не подозреваемъ въ настоящее время, должно прибѣгнуть къ аэростатическимъ восхожденіямъ, исполненнымъ со всеми пособиями науки въ нынѣшнемъ ея состояніи, и со всѣмъ совершенствомъ опытныхъ способовъ.

Доселѣ мало употребляли аэростатъ, какъ инструментъ ученый и какъ средство изучать тѣ части атмосферы, гдѣ совершаются столь любопытныя и иногда столь страшныя явленія. Со времени достопамятнаго восхожденія гг. Біо и Гь-Дюсаиа, и особенно со времени восхожденія послѣдняго до высоты семи тысячъ метровъ, ничего не предпринимали серьезнаго для пользы науки. Инструментъ, изобрѣтенный Монгольфье, служилъ только для забавы публики, а не для попытокъ рѣшить столь занимательную для воображенія задачу воздушнаго плаванія. Сколько усилій и пожертвованій всякаго рода было сдѣлано понапрасну для осуществленія этой идеи, можетъ-быть, химерической! Нельзя не пожалѣть, что столько денегъ и трудовъ не было употреблено лучше на рѣшеніе вопросовъ атмосферной физики, которыхъ польза гораздо-прямѣе и вѣрнѣе. Нѣтъ сомнѣнія, что въ продолженіе сорока лѣтъ, съ-тѣхъ-поръ, какъ стали употреблять аэростаты, метеорологія была бы подвинута далеко.

Чего теперь требуютъ науки, это не одно и не два аэростатическія восхожденія. Ограничиваться малымъ числомъ опытовъ, значило бы повторять то, что было сдѣлано очень хорошо гг. Гь-Дюсакомъ и Біо. Должно предпринять дѣльный рядъ воздушныхъ путешествій, чтобъ исполнить программу опытовъ методическихъ, помощію усовершенствованныхъ инструментовъ, которыми теперь могутъ располагать ученые, и сообразно

съ новыми понятіями, которыя вошли въ науку. Всякій фактъ, чтобъ имѣть вѣсъ и быть допущену въ число пріобрѣтеній науки, долженъ быть подтвержденъ много разъ многими наблюдателями, и нѣтъ опыта, который не имѣлъ бы нужды быть повтореннымъ, сколько бы онъ ни былъ простъ. Что же должно сказать, когда дѣло идетъ о наблюденіяхъ многосложныхъ, о явленіяхъ общихъ, которыя совершаются среди элемента мало-извѣстнаго, и котораго, вѣроятно, касаются не хладнокровно лица, поднимающіяся въ первый разъ въ атмосферу! Только поставивъ много разъ эти высшія страны можно собрать достаточное число фактовъ, для составленія атмосферной физики.

Итакъ должно желать, чтобъ аэростатъ сдѣлался въ рукахъ физиковъ инструментомъ обыкновеннымъ, изъ котораго они, безъ сомнѣній, извлекали бы много пользы, привыкнувъ обращаться съ нимъ и находя его всегда въ своемъ распоряженіи. Это желаніе выразили нѣкоторые парижскіе ученые, назадъ тому годъ, предлагая составить аэростатическое общество по подпискѣ, потому-что средства отдельныхъ лицъ недостаточны для всѣхъ издержекъ, которыя неизбѣжны въ подобныхъ опытахъ, повторяемыхъ часто. Это предложеніе было принято нѣкоторыми друзьями наукъ; число подписчиковъ, сперва слишкомъ-ограниченное, для составленія прочнаго общества, снабженнаго всеми необходимыми инструментами, нашлось однакоже достаточнымъ, чтобъ предпринять первую попытку.

Извѣстный воздухоплаватель, г. Дюпки-Делькуръ, предложилъ обществу свой снарядъ и самого-себя для исполненія ученаго воздушнаго путешествія. Чобъ избѣжать довольно-значительныхъ издержекъ на приготовленіе чистаго водорода, получаемаго помощію сѣрвой кислоты, желѣза и воды, рѣшились наполнить шаръ газомъ, производимымъ чрезъ разложеніе воды на раскаленныхъ угольяхъ. Кроме

экономія, этотъ способъ представлялъ еще ту выгоду, что можно было собрать газъ въ большой газометръ, служащій для освѣщенія, и держать его тамъ до того времени, когда приступать къ самому опыту. Но надо знать, что газъ, получаемый такимъ способомъ, есть смѣсь водорода, угольной кислоты, угольной окиси, и пр.; онъ не такъ легокъ, какъ чистый водородъ, и требуетъ шара большой вмѣстимости, чтобы поднять тяжесть человека и инструментовъ, приготовленныхъ для опыта. Это была невыгода, потому-что въ ученыхъ восхожденіяхъ, путешественники имѣютъ въ виду не то, чтобы пройти большое пространство не поднимаясь высоко, какъ Гринъ поднимался въ своемъ путешествіи изъ Лондона въ Нассау, а напротивъ то, чтобы достигнуть возможно-высшихъ слоевъ атмосферы. Но общество рѣшилось удовольствоваться на первый разъ недалеюю попыткою, зная, что потребуется послѣ того много другихъ воздушныхъ путешествій, и желая лишь положить начало своимъ опытамъ. Чтобы вознаградить до нѣкоторой степени тяжесть газа, положили увеличить вмѣстимость шара.

Что касается до программы опытовъ и наблюденій, которые надлежало сдѣлать, то она была весьма-проста. Собраніе инструментовъ, доставленное г. Пельтё, состояло изъ барометровъ, термометровъ, психрометровъ (для измѣренія сырости) и электрометровъ. Кроме того, тутъ были пустые стеклянные шары, на-крѣпко закупоренные, въ которыхъ г. Дюпюи-Делькуръ долженъ былъ привести воздухъ изъ высшихъ странъ атмосферы, для анализова г. Дюма. Условились, что между-тѣмъ, какъ г. Дюпюи-Делькуръ будетъ дѣлать наблюденія во время своего путешествія въ атмосферѣ, г. Пельтё будетъ производить соотвѣтственные наблюденія на поверхности земли.

Весь шаръ, совершенно-нагруженный, весилъ 300 килограммовъ. Извѣстно, что сила восхожденія и без-

опасность воздухоплавателя зависятъ отъ баласта, который онъ выбрасываетъ по мѣрѣ того, какъ хочетъ подняться выше и выше, но котораго онъ всегда долженъ сохранить известную часть, чтобы умѣрить быстроту своего спуска и избѣжать паденія, облегчая мало-по-малу грузъ шара.

19 іюня, около девяти часовъ утра, г. Дюпюи-Делькуръ поднялся въ своемъ аэростатѣ, въ прекрасную погоду, въ присутствіи небольшого числа ученыхъ и любопытныхъ. Въ минуту отправленія открылось, что газъ былъ тяжеле, нежели какъ ожидали; г. Делькуръ не усомнился лишить себя большей части песка, бывшаго въ его ладьѣ, и убавилъ его количество до того, что совершенно необходимо. Посвящая себя полнѣй науки, онъ смѣло отправился съ тридцатью фунтами баласта, при рукоприкладіяхъ зрителей.

Достигши известной высоты, г. Дюпюи-Делькуръ почувствовалъ припадки головной боли отъ дѣйствія газа, который выходилъ чрезъ щель изъ нижней части шара. Этотъ газъ, какъ мы уже сказали, былъ не чистый водородъ, а смѣсь водорода съ угольною окисью, которой убійственное дѣйствіе на дыханіе недавно доказано г. Лебланомъ. Г. Дюпюи-Делькуръ скоро лишился чувствъ, и не могъ болѣе заниматься управленіемъ своего шара. Тогда шаръ самъ собою сталъ опускаться къ землѣ, такъ, что воздухоплаватель не могъ употребить средства, приготовленные для умѣренія быстроты спуска; но къ-счастью, шаръ спустился тихо, и легъ покойно среди засѣянаго поля, въ двухъ льѣ отъ Парижа. такъ, что г. Дюпюи-Делькуръ не испыталъ никакого потрясенія.

Пришедъ мало-по-малу въ чувство при помощи людей, работавшихъ въ полѣ, г. Дюпюи-Делькуръ вышелъ изъ своей ладьи и сталъ заниматься приведеніемъ своихъ инструментовъ въ безопасность; но поселяне, привлеченные этимъ зрѣлищемъ, бросились на шаръ и стали неосторожно

дергать матерію, изъ которой онъ былъ составленъ. Тогда сдѣлался широкій разрывъ въ шаръ, и г. Дюпюи-Делькуръ вдругъ очутился погруженнымъ въ атмосферу газа, обильно выходящаго черезъ щель. Онъ узналъ безъ чувствъ и оставался безъ движенія нѣсколько часовъ въ сосѣдней фермѣ, куда перенесли его. Старанія врача возвратили ему чувство, и прекратили головную боль и рвоту, которыя онъ испытывалъ.

Это страшное событіе, которое легко могло сдѣлаться гибельнымъ, служить весьма-замѣчательнымъ подтвержденіемъ недавнихъ опытовъ г. Леблана о дѣйствіяхъ угольной окиси, изъ которыхъ слѣдуетъ, что одна сотая этого газа, будучи смѣшана съ воздухомъ, достаточна для того, чтобъ убить животное. Можно сказать, что это одинъ изъ важнѣйшихъ результатовъ восхожденія г. Дюпюи-Делькура. Опасность, которой онъ подвергался, прошла, но большая часть его инструментовъ была разбита людьми, которые, въ своемъ нетерпѣивіи разсмотрѣть шаръ, забыли всякую осторожность.

Мы сказали выше, что газъ, наполнившій шаръ, оказался, во время отпущенія, тяжеле, нежели какъ могли ожидать по опытамъ, слѣваннымъ за нѣсколько дней передъ тѣмъ. Это произошло отъ смѣшенія витшняго воздуха съ газомъ черезъ скважины газометра, и служить новымъ примѣромъ стремленія различныхъ газовъ смѣшиваться между собою черезъ самыя тѣсныя отверстія. Въ настоящемъ случаѣ, смѣшеніе должно было сдѣлаться тѣмъ неизбежнѣе, что газъ оставался восемь дней въ газометрѣ.

По причинѣ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ это восхожденіе, оно не могло принести всѣхъ плодовъ, которыхъ отъ него ожидали. Впрочемъ, небольшое число наблюденій, которыя могли быть сдѣланы во время этого непродолжительнаго путешествія до той минуты, когда воздухоплаватель лишился

чувствъ, имѣютъ дѣйствительный интересъ и способны поддержать ревность членовъ аэростатическаго общества.

Г. Дюпюи-Делькуръ, прежде нежели лишился чувствъ, записалъ три наблюденія. Сравнивая ихъ между собою и съ тѣми, которыя въ то же время были дѣланы на поверхности земли, можно видѣть, что первое наблюденіе было взято на высотѣ 671 метра, второе на 885 метрахъ, а третье на 1051 метрѣ. Въ минуту отпущенія, температура, близъ поверхности земли, была 23°. Три наблюденія воздухоплавателя дали 17°, 18° и 19°. И такъ, отъ пункта отпущенія до высоты 671 метра, температура понизилась на 6°; потомъ она поднялась снова на 2° между высотами 671 и 1051 метра. Это возвышеніе температуры не есть явленіе рѣдкое въ атмосферѣ, и теперь умѣютъ изъяснить его.

Въ-отношеніи къ электричеству, электрометръ, который наблюдали на поверхности земли въ продолженіе воздушнаго путешествія г. Дюпюи-Делькура, показывалъ 5 градусовъ положительнаго электричества, между тѣмъ, какъ ни въ первомъ, ни во второмъ наблюденіи воздухоплаватель не открылъ никакихъ слѣдовъ электричества, и только въ третьемъ наблюденіи онъ нашелъ 5 градусовъ отрицательнаго электричества. Изъ молчанія электроскоповъ въ первыхъ двухъ наблюденіяхъ должно заключать, что воздухоплаватель въ то время находился среди массы паровъ съ положительнымъ электричествомъ, которые, дѣйствуя одинаково во всѣхъ направленіяхъ, не могли произвести никакой перемѣны въ инструментахъ чувствительныхъ только къ высотѣ дѣйствій. Изъ третьяго наблюденія, давашаго 5 градусовъ отрицательнаго электричества, должно заключать, что воздухоплаватель былъ тогда надъ предѣлами нижнихъ слоевъ паровъ съ положительнымъ электричествомъ, и что онъ тогда находился въ атмосферѣ, въ

ровъ съ электричествомъ отрицательнымъ.

Когда воздухоплаватель перешелъ въ эту послѣднюю атмосферу, то повышение термометра было явленіе весьма-естественное. Въ-самомъ-дѣлѣ, г. Пельтье давно доказалъ, что сгущеніе паровъ отрицательныхъ возвышаетъ температуру гораздо-болѣе, нежели сгущеніе паровъ положительныхъ, и что причина возвышенія температуры въ наблюденіи г. Дюшон-Делькура была дѣйствительно эта, въ томъ нѣтъ никакого сомнѣнія, потому-что въ то время господствовала въ атмосферѣ совершенная тишина, и пары начинали сгущаться, что и доказали дожди, вскорѣ за тѣмъ послѣдовавшіе.

Наблюденія г. Дюшон-Делькура подтверждаютъ мнѣніе г. Пельтье объ электрической противоположности между земнымъ шаромъ и атмосферой. Повторяя и дополняя съ давняго времени опыты Соссюра и Эрмана, г. Пельтье дошелъ до заключенія, что земной шаръ есть тѣло имѣющее сильное напряженіе отрицательнаго электричества, и что воздушное пространство, не имѣя этого напряженія въ равной степени, дѣйствуетъ какъ тѣло съ электричествомъ положительнымъ. Подъ вліяніемъ этой электрической противоположности между землею и атмосферой, пары, каждый день образующіеся на поверхности водъ и улетающіе въ воздухъ, имѣютъ электричество отрицательное, какъ сама земля. Но какъ-скоро пары, достигнувъ известной высоты, помещаются между землею и воздушнымъ пространствомъ, то испытываютъ вліяніе формаго шара, какъ тѣла съ отрицательнымъ электричествомъ. Въ слѣдствіе этого, низшая часть паровъ становится положительною, а высшая отрицательною. Все это оправдывается вполне наблюденіями, которыя г. Дюшон-Делькуръ успѣлъ сдѣлать въ продолженіе своего воздушнаго путешествія.

Ревностнѣшіе изъ членовъ аэро-

статическаго общества надѣются, что оно со-временемъ сдѣлается многочисленнѣе, и расширивъ кругъ своихъ дѣйствій, принесетъ великую пользу наукѣ и обществу.

IV.

Парижское Общество Поощренія.

Г. Пазенъ читалъ донесеніе о способахъ, изобрѣтенныхъ г. Кульманомъ для предотвращенія осадковъ солей, растворенныхъ въ водѣ, на стѣнахъ паровыхъ котловъ. Для этой цѣли употребляли картофель, обломки жести, глину, и пр. Г. Кульманъ употребляетъ съ большою пользою углекислую соду, чтобы разложить сернистую и углекислую известь, и превратить эти соли въ рыхлую массу, которую потомъ не трудно извлечь изъ котла. Другіе предложили для той же цѣли употреблять какое-нибудь гра-сильное вещество, какъ напримѣръ кампешское дерево, и по этому поводу вышло между членами общества преніе, которое впрочемъ не привело ни къ какому рѣшительному заключенію.

— Г. Комбъ представилъ донесеніе объ опытахъ освѣщенія на далекое разстояніе посредствомъ способа г. Голева. Устремляя струю сжатого кислорода и зенра на кусокъ магnezія, зажигаютъ эту струю, и магnezія раскаляется. Когда положили магnezію въ фокусъ параболическаго зеркала, то яркость свѣта была такъ велика, что предметы, находившіеся на разстояніи 600 метровъ, были совершенно освѣщены. Опытъ удался очень-хорошо, и можетъ-быть этотъ способъ употребать наморь, для предотвращения столкновенія пароходовъ.

— Г. Оливье представилъ донесеніе о циркулѣ гг. Гамава и Гемпеля, служащемъ для начертанія эллипсисовъ. Безъ помощи фигуры нельзя понять механизма этого инструмента, который, по отзыву г. Оливье, лучше

всѣхъ придуманныхъ доселѣ для той же цѣли.

— Г. Бюшъ читалъ доведение о фабрикаціи фальшивыхъ драгоценныхъ вещей по способу г. Мурея. Эти вещи — радкаго совершенства, не смотря на то, что ихъ дѣлаютъ безъ помощи машинъ; но для этого нужна особенная ловкость работы и особенное вниманіе. Берутъ мѣдную вещь, золотятъ ее, и потомъ даютъ ей послѣднюю форму помощью особенной, весьма-любопытной работы. Эти вещи составляютъ предметъ значительной торговли.

— Г. Шевалье представилъ свои замѣчанія о способѣ г. Пелигѣ узнавать, не смѣшаны ли сахарный песокъ съ крахмальнымъ сахаромъ. Употребленіе щелочей окрашиваетъ растворъ въ случаѣ смѣси, и напряженіе произведеннаго цвѣта позволяетъ судить, съ большимъ приближеніемъ, о пропорціи примѣшаннаго крахмальнаго сахара. Г. Шевалье желаетъ сдѣлать этотъ способъ столь практическимъ, чтобъ имъ могли пользоваться сами покупатели, которыхъ часто обманываютъ. Авторъ представляетъ таблицу, въ которой цвѣтъ, производимые примѣсью различныхъ количествъ крахмальнаго сахара, показаны столь рѣзко, что этотъ способъ дѣйствительно можетъ считаться полезнымъ.

*

ПОѢЗДКА ВЪ КИТАЙ. (Статья седьмая) (*). *Первый китайскій министръ. — Быстрое возвышеніе и паденіе сановниковъ. — Медицинскія понятія Китайцевъ.*

Наше знакомство въ Пекинѣ мало — по — малу распространялось. Слава медина и искусство живо-

(*) Шестая статья напечатана въ XXI-мъ томѣ «Отеч. Записокъ» (№ 3, 1842).

писца, находившихся при миссіи, привлекали къ намъ разныхъ особъ не только изъ средняго, но и изъ высшаго круга. Даже министры и князья царской крови удостоивали подворье наше своими посѣщеніями. Такою честью въ Китаѣ не пользовался еще ни одна миссія. Впрочемъ, Китайцы люди дальновидные, и потому успѣхи врача и художника были не одинаковы: какой-нибудь вельможа, получивъ портретъ и отдаривъ художника черезъ посланнаго, почиталъ все дѣло конченнымъ; съ докторомъ было не такъ: выздоровѣвшій одиѣ разъ, могъ захворать вторично, и потому всѣ старались поддержать съ нимъ дружественныя отношенія. Каждый избавленный отъ болѣзни стараніемъ медика тотчасъ являлся лично для засвидѣтельствованія своей благодарности, потомъ присылалъ подарки, состояшіе, смотря по времени года, изъ мѣховъ, шелковыхъ матерій и разныхъ каменныхъ вещей. Денегъ ни докторъ, ни художникъ рѣшительно не принимали, не смотря на неоднократныя и весьма-значительныя суммы, имъ присылаемыя. Взять деньги у Китайца значитъ сдѣлаться его вассаломъ и потерять всякое право на его дружбу и даже на уваженіе; отказавшись же отъ денегъ, они возвысились въ глазахъ Китайцевъ и собственное достоинство и достоинство всѣхъ лицъ, составлявшихъ миссію, и приобрѣли намъ право на всѣ знаки уваженія и расположенія отъ китайской аристократіи. Это расположеніе продолжалось весьма-долго. *Сун-ши-е*, китайскій приставъ нашей миссіи, бывший короткимъ нашимъ пріателемъ, получилъ выгодное мѣсто въ провинціи, гдѣ и пробылъ до трехъ лѣтъ. Смерть матери вызвала его въ столицу, и тутъ овъ явился уже не бѣднымъ чиновникомъ, какимъ знали мы его до отъѣзда, но богатымъ вельможею, котораго окружалъ весь блескъ китайской роскоши. Полуоборванный слуга, сопровождавшій его три года назадъ, былъ замѣненъ пятью вершья-

камнѣ, одѣтыми въ шелковыя платья и сидѣвшими на прекрасныхъ коврахъ; а бѣлая извозчичья таратайка — дорогимъ экипажемъ, запряженнымъ красивымъ и быстрымъ муломъ. Не смотря на такую перемену, онъ, послѣ окончанія глубокаго траура, прїѣхалъ къ намъ съ визитомъ, и прежнія дружескія отношенія наши нисколько не измѣнились. Старый нашъ прїятель хотѣлъ имѣть своей портретъ, и художникъ нашъ охотно взялся нарисовать его. Хотя въ то время года не носили еще мѣховъ, однакожъ Сун-ши-е привезъ съ собою богатое соболье платье, надвѣваемое шерстью вверхъ (*да-гуа-цзы*), и переодѣвшись у насъ, былъ нарисованъ въ этомъ нарядѣ. Портретъ дѣйствительно былъ сдѣланъ такъ хорошо, что Сун-ши-е видѣлъ въ холстѣ второго себя, и въ восхищеніи спѣшилъ похвастать передъ знакомыми своимъ чудеснымъ прїобрѣтеніемъ.

Такъ распространилась слава нашего живописца. Многія изъ самыхъ значительныхъ лицъ изъявили желаніе имѣть свои портреты, и какъ художникъ соглашался писать только въ своей квартирѣ, то желавшіе должны были сами прїѣзжать въ наше подворье. Замѣчательнѣйшимъ лицомъ между прїѣзжавшими былъ первый министръ *Чан-линь*, человекъ пожилой, но бодрый, отличавшійся важностью пріемовъ и сановитостью. Сун-ши-е заблаговременно увѣдомилъ насъ о желаніи министра, и въ назначенный день богатый портретъ сановника, окруженный огромною свитою, остановился на переднемъ дворѣ нашемъ, гдѣ Сун-ши-е и всѣ миссіонеры встрѣтили его при выходѣ изъ носилокъ; Сун-ши-е сталъ на оба колѣна, а мы отдали обыкновенный китайскій поклонъ, *цзо-и*, т. е. подняли сложеныя руки ко лбу, опустили почти до земли и снова подыняли вверхъ съ пріятною улыбкою. Министръ поднялъ Сун-ши-е, взявъ его за обѣ руки, а намъ отдалъ *цзо-и* и пошелъ въ назначенный покой. Усѣвшись въ кресла, министръ обратился къ намъ и просилъ также садиться.

По обычаю, гостю тотчасъ подали чай, а красивѣннѣйшій его прислужникъ поднесъ ему трубку, и на-минуту вошло общее молчаніе. Отдавъ трубку, министръ оглянулся вокругъ и, обращаясь къ прислужнику, сказалъ: «Мальчикъ мой развѣ не прїѣхалъ?» — Сейчасъ будетъ, отвѣчалъ слуга, и бросился изъ комнаты. О какомъ мальчикѣ, думаете вы, спрашивалъ почтенный сановникъ? О своемъ родномъ сынѣ, которому было лѣтъそろрокъ, и который занималъ мѣсто помощника обер-полиціймейстера, имѣя чинъ, соответственный у насъ генеральскому. Ужъ прошу не прогнѣваться: такъ обыкновенно въ Китаѣ отцы относятся о лѣтахъ, не смотря на на лѣта, ни на званіе ихъ. Вскорѣ явился и *Гуй-да-жень*, сынъ министра, окруженный также многочисленною свитою и провожаемый отъ одной будимъ до другой двумя будочниками, бѣгущими по обѣимъ сторонамъ улицы, каждый въ форменной шапкѣ на головѣ и съ кнутомъ въ рукахъ, для очищенія дороги. Нужно прибавить, что прочія части костюма на будочникѣ зависятъ рѣшительно отъ его произвола, такъ-что лѣтомъ, во время жаровъ, будочникъ безъ церемоніи снимаетъ съ себя даже и рубахи, оставаясь только въ одномъ исподнемъ платьѣ, повсегда въ шапкѣ и вѣрѣменно съ кнутомъ. Едва-только *Гуй-да-жень* вошелъ въ дво рь нашего подворья; гдѣ мы дожидались его, какъ будочники нашего подворья подвели его кучеру связку (цянъ) мѣдной монеты, по рублю серебромъ на наши деньги. Таковъ обычай: гдѣ только полиціймейстеръ, или помощникъ его, выйдетъ изъ экипажа, будочники той улицы обязаны тотчасъ поднести кучеру связку цянъ. Когда *Гуй-да-жень* вошелъ въ комнату, то всѣ, кромѣ министра, встали, и какъ сынъ не можетъ сидѣть въ-присутствіи отца, а намъ неловко было сидѣть, когда гость стоитъ, то всѣ мы должны были, въ-продолженіе по-крайней-мѣрѣ двухъ часовъ, оставаться на ногахъ. Разговоръ министра былъ вовсе невтересенъ: сначала онъ

разспрашивалъ о причинахъ, почему миссія наша стала пріѣзжать въ Китай, отъ-чего при миссіи находятса монахи и свѣтскіе; но всѣ эти вопросы были дѣлавы, кажется, болѣе изъ желанія о чемъ-нибудь говорить, нежели изъ любознательности, или какихъ-нибудь дипломатическихъ цѣлей, и когда его попотчивали нюхательнымъ табакомъ, онъ тотчасъ перемѣнилъ разговоръ и съ такимъ же участіемъ началъ разспрашивать о сортахъ европейскихъ табаконъ, о способъ ихъ приготовления, глубокомысленно замѣтя, что европейскій табакъ, привозимый въ Кантонъ, очень-хорошъ.

По окончаніи перваго сеанса, министръ подошелъ къ полотну, на которомъ портретъ былъ только подмалеванъ, и, вида грубое и рѣзкое изображеніе своего лица, не смотря на увѣренія Сун-ши-е, что послѣ портрета прійметъ совершенно-другой видъ, поморщился весьма-замѣтно и ухвалъ отъ насъ крайне-недовольнымъ. Черезъ нѣскольکو дней назначенъ былъ второй сеансъ, къ которому художникъ подготовилъ портретъ столько, что оригиналъ въ, ожидавшій найдти то же самое изображеніе, которое оставилъ въ послѣдній разъ, примѣтно былъ удивленъ и обрадованъ такою перемѣною. Послѣ втораго сеанса, сходство сдѣлалось еще разительнѣе, и министръ ухвалъ вполне-довольный художникомъ, объявивъ, что онъ хочетъ быть написанъ сидящимъ на диванѣ, съ поджатыми ногами, въ богатомъ верхнемъ платьѣ (*да-чуа-цзы*), пожалованномъ ему императоромъ, и въ дорогоемъ жемчужномъ ожерельѣ, также жалованномъ и надѣваемомъ на шею въ торжественные дни. Всѣ эти вещи были присланы къ художнику, который съ манкена перенесъ наряды на полотно, постаравшись тщательно отдѣлать фиолетовый атласъ и яркаго цвѣта круги съ штымы драконами. Къ новому сеансу костюмъ былъ готовъ; а послѣ сеанса, портретъ такъ походилъ на подлинникъ, что министръ не звалъ, что ему дѣлать отъ радости: онъ то подходилъ

къ картинѣ, то снова отходилъ отъ нея, то приближался къ ней снова, то слѣва, и не могъ постигнуть, какъ глаза картины не переставутъ его преслѣдовать. Признаюсь откровенно: надобно было имѣть слишкомъ-много присутствія духа, чтобы не расхохотаться, смотря на почтеннаго сановника. Желая выразить свое удовольствіе, Чан - ливъ тотчасъ же послѣ этого сеанса прислалъ художнику и начальнику миссіи совершенно-одинакіе подарки, состоявшіе изъ бараньихъ и лисьихъ мѣховъ для кафтановъ, шелковыхъ матерій, кистей тоже шелковыхъ, и мѣховыхъ околышей для шапокъ. Цѣнность всѣхъ подарковъ простиралась до пятихотъ рублей серебромъ. Когда портретъ, совсѣмъ-готовый, покрытый лакомъ и вставленный въ золотую раму, былъ отосланъ къ министру, художникъ и начальникъ миссіи еще получили въ подарокъ незначительныя камешныя вещицы, которыя Китайцы разставляютъ на столахъ для украшенія.

Сун-ши-е по старому знакомству навѣщалъ насъ довольно-часто; онъ надеялся, по прошествіи траура, опять получить мѣсто свое въ провинціи; но императоръ не соблаговолилъ послать его, а оставилъ въ Пекинѣ безъ особеннаго назначенія. Нѣскольکو лѣтъ поддерживалъ онъ свои знакомства съ вельможами, надѣясь рано или поздно добиться своей цѣли; но неожиданное происшествіе разрушило всѣ его надежды. Дознались какимъ-то образомъ, что одинъ принцъ крови частенько посѣщалъ загородный женскій монастырь и предавался тамъ разнымъ запрещеннымъ удовольствіямъ, какъ то: курилъ опиумъ, и прочее... Его тамъ схватили, стали судить, забрали монахинь и стали допрашивать. Отшельницы показали въ отвѣтахъ своихъ что не одинъ князь, но и многіе другіе заѣзжали къ нимъ; въ число виновныхъ попался и нашъ добрый и достойный всякаго уваженія Сун-ши-е. Его долго томили въ тюрьмѣ, и наконецъ, лишивъ чиновъ, со-

слали въ Маньчжурію. Узнавъ о его несчастіи, миссіонеры послали ему, по китайскому обычаю, фень-цзы. Сун-ши-е, получивъ это денежное пособіе, не могъ удержаться отъ слезъ и совнавался намъ, что одни только Русскіе остались его истинными друзьями, и не покинули въ бѣдъ; все же китайскіе вельможи, такъ радушно принимавшіе его въ счастіи, совершенно позабыли. Виновиный князь былъ лишень княжескаго достоинства, которое, вмѣстѣ со всемъ имѣніемъ, перешло къ меньшому брату, а прочіе участники въ запрещенныхъ пиршествахъ сосланы, подобно Сун-ши-е, въ Маньчжурію.

Интересна также судьба другаго нашего китайскаго знакома, *Цзи-сы-е*. Изъ незначительнаго чиновника въ одномъ изъ присутственныхъ мѣстъ Пекина, *Цзи-сы-е*, въ теченіи нѣсколькихъ дней, сдѣлался первымъ придворнымъ докторомъ, а въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ однимъ изъ первыхъ сановниковъ государства. *Цзи-сы-е*, имѣя довольно свободнаго времени, прочиталъ нѣсколько медицинскихъ книгъ, разумѣется, китайскихъ, и весь кругъ его знакомыхъ составилъ высокое мнѣніе о его медицинскихъ познаніяхъ. Не думайте, что легко быть китайскимъ медикомъ: онъ не имѣетъ права разспрашивать своего пациента о припадкахъ болѣзни, если хочетъ сохранить репутацію знающаго медика; удостоиваясь же приглашенія отъ какой-нибудь знатной пациентки, не можетъ даже видѣть лица ея, а долженъ довольствоваться тѣмъ только, что ему сквозь занавѣску протянуть объ руки и позволить пощупать пульсъ. Надо замѣтить, что при этихъ случаяхъ даже кисти рукъ закрываются платкомъ отъ нескромныхъ взглядовъ. Пощупавъ пульсъ въ одной рукѣ и потомъ въ другой, китайскій медикъ уже долженъ знать все относительно своего больнаго и его болѣзни, и долженъ однимъ приемомъ кончить все дѣло. Если послѣ первыхъ приемовъ больной почувствуетъ себя хуже, или ес-

ли ему покажется, что докторъ прописалъ не то лекарство, котораго требовала болѣзнь, онъ тотчасъ посылаетъ за другимъ докторомъ, и готовъ въ одинъ день перемѣнить трехъ и четырехъ, и отъ каждаго изъ нихъ взять по рецепту, а подчасъ и по приему лекарства. Едва-только докторъ прописалъ рецептъ, какъ Китаецъ — они почти все читаютъ медицинскія книги — спроситъ у него, что прописано, и чѣмъ, по мнѣнію доктора, онъ болѣвъ. Докторъ, если онъ человекъ ловкій, можетъ предварительно кое-что вывѣдать; въ противномъ случаѣ, ему придется говорить и лечить, что называется, на-обумъ.

Одинъ разъ китайскій императоръ обѣлся кушанье, приправленныхъ горьчичными пряностями, и почувствовалъ внутри сильную боль. Пособія приворныхъ медиковъ были безуспѣшны, и расстройство желудка *Сына Неба* произвело во всемъ дворцѣ страшную суматоху. *Цзи-сы-е*, разспросивъ о причинѣ болѣзни императора, сказалъ своему брату, который былъ близокъ по мѣсту къ особѣ государя, что онъ могъ бы избавить отъ недуга повелителя поднебесной имперіи. Слова *Цзи-сы-е* были тотчасъ переданы вдовствующей императрицѣ; а та, сокрушаясь болѣзнію сына и не видя ему никакого облегченія отъ придворныхъ медиковъ, настояла, чтобъ *Цзи-сы-е* былъ призванъ во дворецъ для пользованія государя. Лекарство, имъ данное, тотчасъ же уничтожило сильную желудочную боль, и императоръ, щедро осыпавъ его своимъ милостіями, произвелъ его за столь удачное леченіе въ придворные медики. И такъ, *Цзи-сы-е*, прожившій уже половину жизни, не думая и не гадая быть докторомъ, вдругъ долженъ былъ принять на себя важную, но вмѣстѣ съ тѣмъ и опасную обязанность лечить самого императора и все его семейство. Чтobъ поддержать себя на этомъ сколькомъ мѣстѣ, сметливый Китаецъ тотчасъ началъ заискивать случаями сблизиться тѣснѣе съ нашимъ

медикомъ, чтобъ попользоваться отъ него медицинскими свѣдѣніями. Вѣ-самомъ-дѣлѣ, онъ въ скоромъ време-ни достигъ своей цѣли, и сталъ та-кимъ пріателемъ съ русскимъ докто-ромъ, что часто не отпускалъ его по цѣлой недѣлѣ изъ своего загороднаго дома, гдѣ проводилъ весенніе и лѣтніе мѣсяцы. Разумѣется, что учиться основательно и систематиче-ски медицинѣ, какъ наукѣ, ему уже было и поздно и, при недостаткѣ не-обходимыхъ пособій, невозможно; о-накожь онъ пріобрѣлъ нѣсколько прак-тическихъ свѣдѣній и всегда счастли-во умѣлъ ими пользоваться при лече-ніи высокихъ особъ. Такимъ образомъ, онъ постоянно заслуживалъ благово-леніе императора, и былъ возведенъ въ самое короткое время изъ мелкихъ чиновниковъ въ предсѣдателя палаты иностранныхъ дѣлъ, потомъ сдѣлался чѣмъ-то въ родѣ нашего генерал-адъ-ютанта, и наконецъ поручена была ему должность градоначальника столи-цы—мѣсто, сходствующее съ нашимъ генерал-губернаторскимъ. Надобно прибавить, что прежде полученные мѣста оставались за нимъ же. Го-да три Цзи-сы-е восходилъ по лѣстни-цѣ почестей съ одной ступени на дру-гую, наживая себѣ огромное состоя-ніе средствами хотя и не законными, но на которыя смотрятъ въ Китаѣ сивозъ пальцы. По мѣрѣ того, какъ состояніе его увеличивалось, усили-валась и страсть къ взяточничеству, —и вотъ случай, бывшій причиною его паденія. Въ Пекинѣ пріѣхалъ ур-гивскій кутухта и сталъ развѣзжать по улицамъ столицы въ золотыхъ во-силькахъ, на чтѣ было дано право его предшественнику. Полиція замѣтила ему, что онъ пользуется не своимъ правомъ; кутухта же возразилъ, что онъ перерожденецъ, и слѣдовательно долженъ пользоваться тѣми же пре-имуществами, какъ и его предшествен-никъ. Но полиція отвѣчала, что толь-ко душа его перешла въ другое тѣло, прежнее же тѣло умерло, и стала требовать настоятельно, чтобъ онъ

оставилъ почестъ, ему не принадле-жавшую. Тщеславный кутухта, не же-лая лишиться такого важнаго преиму-щества и унизиться въ глазахъ Мон-головъ, прибѣгнувъ къ самому обы-кновенному и самому убедительному средству: онъ щедрою рукою отсы-палъ Цзи-сы-е, и полиція замолчала. Обо всемъ этомъ Юй-ши, соглашаясь злоупотребленій, завидовавшіе быстро-му возвышенію Цзи-сы-е, донесли по-дробно императору, который тотчасъ же лишилъ его всѣхъ должностей, и посадивъ въ тюрьму, велѣлъ судить строжайшимъ образомъ. Какъ-только Цзи-сы-е провадалъ о своемъ несча-стіи, немедленно прислалъ въ наше посольство электрическую машину, колбы, реторты и всѣ вещи и снар-яды, относящіеся къ европейской ме-дичинѣ, и также подарки, полученные имъ отъ доктора, опасаясь, что судъ, отбирая его имѣніе, причтетъ ему въ новую вину сношенія съ иностранца-ми. Въ скоромъ времени имѣніе его было конфисковано въ пользу казин; а самъ онъ сосланъ на житье въ отдаленную провинцію.

Мы сказали уже, какимъ уважені-емъ и какою довѣренностію пользова-лся докторъ нашей миссін между Ки-тайцами; но за то какихъ усилій сто-ило ему побѣдить ихъ манеру лечит-ся и обычай только слегка исполнять предписанія доктора, измѣняя ихъ по своему усмотрѣнію. Одна изъ кита-йскихъ книжекъ, страдавшая сильной водяною, обратилась наконецъ къ по-собію нашего медика. Приготовивъ довольно-сильную микстуру, онъ при-казалъ принимать по три дошки въ день, замѣтивъ притомъ, что лекарство очень-сильно, и потому приказаніе должно быть исполнено въ точности. По прошествіи двухъ дней (изъ осто-рожности микстура была пригото-влена только на два дни) докторъ об-ящался снова извѣстить больную. Че-резъ нѣсколько часовъ отъ китяи прискакалъ верховой съ извѣстіемъ, что госпожѣ послѣ пріема лекарства сдѣлалось очень-дурно. Медика не

было дома, онъ возвратился вечеромъ и тотчасъ отправился къ больной, не понимая причины такой перемены. Что же сдѣлала княгиня, получивъ лекарство? Она разсудила, что принимать по одной ложкѣ и долго и не такъ дѣйствительно, а потому выпила всю банку разомъ. Къ-счастью, натура княгини была такъ сильна, что все дѣло кончилось благополучно, и больная поплатилась только сильнымъ потрясеніемъ во всемъ организмѣ и не менте-сильнымъ страхомъ за самую жизнь; но по простествіи нѣсколькихъ часовъ лекарство произвело скорое и благотворное дѣйствіе. Докторъ нашелъ ее въ опасности и даже почти совершенно-облегченною отъ болѣзни. Подобные случаи повторялись много разъ, потому-что китайскіе медики вѣютъ обыкновеніе давать лекарства огромными порціями, и больные никакъ не хотятъ понять, что болѣзни ихъ могутъ быть исцѣлены двумя, тремя ложками, или небольшими щепотками порошка. Приглашенный къ одной больной, также княжизъ, нашъ медикъ нашелъ нужнымъ дать ей обыкновенный пріемъ ревеню, но какъ больная очень-часто уже прибѣгала къ этому средству и притомъ въ большихъ порціяхъ, о чемъ онъ не зналъ, то лекарство не подѣйствовало, и на другой день медика нашего встрѣтили замѣчаніемъ о преимуществахъ большихъ китайскихъ пріемовъ передъ европейскими. Докторъ, узнавъ причину неуспѣха, общіаля прислалъ новое лекарство несравненно въ меньшемъ количествѣ, ругаясь, что оно будетъ дѣйствительно. Онъ взялъ самый маленькій кусочекъ сахару, растеръ съ каплею кротоннаго масла и раздѣливъ на двѣ части, составилъ такимъ образомъ едва-замѣтный порошокъ. Больная и окружавшіе ее съ недоувѣрчивостію разсматривали новое лекарство во и лицахъ ихъ выражалось сомнѣніе, недоувѣрчивость и едва-ли не презрѣніе, но лекарство было принято и совершенно оправдало слова доктора. Еще труднѣе было заставить

Китайца соблюдать діету: едва только онъ начиналъ поправляться и чувствовалъ возрожденіе аппетита, какъ принимался со всеусердіемъ за свои обыкновенныя кушанья, даже старался ѣсть больше обыкновеннаго и выбиралъ блюда пожирнѣе, чтобъ скорѣе поправиться и растолстѣть послѣ болѣзни. Чѣмъ больной былъ богаче и знатнѣе, тѣмъ труднѣе было съ нимъ сладить. Родные и доувѣренные прислужники наперерывъ старались закормить его, полагая въ обильной пищѣ самое лучшее средство возстановить силы больнаго.

Когда одинъ изъ главныхъ кутухтъ Пекина, жившій въ желтой кумирнѣ (Хуан - сы), добрый нашъ пріятель, сильно занемогъ, онъ обратился, какъ и всегда обращался, къ нашему доктору, который немедленно явился къ нему и сталъ лечить. У больнаго начиналась горячка, и обнаруживался довольно-сильный бредъ; докторъ долженъ былъ приняться за средства скорыя и рѣшительныя. Находившіеся при кутухтѣ ламы, которые обыкновенно бываютъ всегда Монголы или Тибетцы, отличались своимъ невѣжествомъ и даже глупостію, и потому докторъ не могъ и не хотѣлъ возложить на нихъ прісмотръ за больнымъ и выполненіе медицинскихъ предписаній. При больномъ былъ племянникъ, умный и ловкій Китаецъ, — и къ нему-то обратился медикъ, давъ ему подробное наставленіе въ какое время, смотря по припадкамъ, и въ какомъ количествѣ давать больному даять лекарство. — Не надѣясь на свою память, Китаецъ въ каждое посвщеніе доктора исписывалъ листа по два бумаги, но при всемъ томъ никогда не могъ выполнить въ точности предписаній доктора, частью оттого, что путался въ своихъ подробныхъ замѣткахъ, а частью оттого, что его сбивали съ толку окружашіе ламы. — Въ-теченіе цѣлой недѣли, докторъ не могъ оказать больному никакого пособія; а между-тѣмъ болѣзнь все усиливалась. Видя, что усердіе его ни

къ чему не служить, докторъ предложилъ больному обратиться ко мнѣ съ просьбою, чтобъ я переехалъ въ кумирню и наблюдалъ за точнымъ выполнениемъ всѣхъ предписаній его; въ противномъ случаѣ онъ не ручался за успѣшное леченіе. Кутухта тотчасъ прислалъ спрашивать меня своего племянника и нѣскольکو Монголовъ, а съ ними, изъ особеннаго уваженія, былъ приславъ его вѣкшажъ, въ который, кромѣ самого кутухты, никто не смѣетъ садиться. Изъ любви и состраданія къ больному и изъ дружбы къ его племяннику, я согласился выполнить ихъ просьбу, и тотчасъ же переехалъ въ Хуан-сы, гдѣ и пробылъ болѣе двухъ недѣль, пока не миновалась опасность.

Въ первый же день моего прибытія, кутухта объявилъ ламамъ, что онъ предоставляетъ себя въ полное мое распоряженіе, и чтобъ, безъ моего позволенія, никто изъ нихъ не смѣлъ ему давать что-либо. Самъ же больной безъ малѣйшаго возраженія принималъ отъ меня всякое лекарство, и ничего не предпринималъ безъ предварительнаго совѣщанія со мною. Онъ до того привыкъ слушаться словъ монаховъ, что когда докторъ спрашивалъ его, хочется ли ему ѣсть,—онъ обращался ко мнѣ съ вопросомъ: хочется ли ему ѣсть? Докторъ спрашивалъ: въ которой части живота онъ чувствуетъ боль? Кутухта же спрашивалъ меня: «что? въ которой сторонѣ «я чувствую боль?»—Цѣлыя двѣ недѣли больной не ѣлъ ничего почти, и это обстоятельство чрезвычайно тревожило не столько его самого, сколько приближенныхъ къ нему ламъ, и они безпрестанно спрашивали меня, чтобъ я заставилъ кутухту поѣсть чего-нибудь хотя противъ воли, и опасались, что онъ умретъ безъ пищи. Время его леченія провелъ я нескучно: какъ-только больной началъ оправляться, онъ бѣздовалъ со мною по нѣскольکو часовъ о разныхъ дѣльныхъ и ученыхъ предметахъ; особенное вниманіе обращалъ онъ на географическія и статистиче-

скія свѣдѣнія о Европѣ и другихъ частяхъ свѣта. О несправедливости мнѣнія Китайцевъ, что земля составляетъ плоскость, посреди которой лежитъ Китай; онъ зналъ еще до меня и смѣялся надъ нимъ; со мною же онъ вдавался въ подробности о разныхъ государствахъ и рассуждалъ очень умно о правахъ, обычаяхъ, торговлѣ народовъ азіатскихъ. Особенно хорошо онъ зналъ Индію. Когда же и обращался къ нему съ вопросами о монгольской религіи и перерожденіи, кутухта отдавался неудовольствительными отвѣтами, объясняя мнѣ, вместо сущности дѣла, подраздѣленіи своихъ боговъ и богослужебные обряды...

Дэ-Минъ.

*

ЛИТЕРАТУРНЫЙ РАЗГОВОРЪ, ПОСЛУШАННЫЙ ВЪ КНИЖНОЙ ЛАВКѢ.

Какихъ ни вымыслилъ пружинъ,
Чтобъ мужу бую умудриться:
Не можно въкъ носить личинъ,
И истина должна открыться!

Державинъ.

«А! это вы? наслы-то мы съ вами встрѣтились! Ну, что, какъ? Здоровы ли? что новаго?»... Такъ одинъ молодой человѣкъ, давно уже сдѣланный въ книжной лавкѣ, съ книжкою «Библиотека для Чтенія» въ рукахъ, привѣтствовалъ другаго, только-что вошедшаго въ лавку, съ живостію бросивши къ нему на встрѣчу и съ жаромъ пожимая ему руку. Этотъ молодой человѣкъ давно уже поглядывалъ на меня, съ явнымъ желаніемъ заговорить со мною,—должно быть о статьѣ, которую читалъ. Эта статья, казалось, живо занимала его, потому-что онъ и улыбка, и смѣялся; по-временамъ съ устъ его слетали неопредѣленные восклицанія. Онъ даже заговаривалъ со мною!

погодъ; но я, не любя заводить знакомствъ (ибо у насъ на Руси развѣняться съ незнакомымъ человѣкомъ двумя-тремя фразами о погодѣ, значить иногда нажить пріятеля и «моншера»), отдался отъ него неопредѣленнымъ «да» и т. п. Тѣмъ живѣе была радость молодого человѣка, при видѣ знакомаго, съ которымъ онъ давно не видался, и которому могъ излить ощущенія, возбужденныя въ немъ статьяю. У нихъ сейчасъ же завязался живой разговоръ, который показался мнѣ столбъ интереснымъ, что я почелъ не излишнимъ довести его до свѣдѣнія публики. Описаніе наружности и характера обонихъ персонажей этой маленкой сцены нисколько не послужило бы къ ея уясненію, и потому замѣтимъ только слегка, что молодой человѣкъ, встрѣтившій съ такою живою стію своего знакомаго, былъ нѣсколько вертлявъ, говорилъ скоро и громко, какъ-бы у себя дома, а лицо его казалось совершеннымъ выраженіемъ легкости и добродушія; знакомый же его отличался отъ него какою-то холодною важностію въ рѣчи и въ манерахъ. Чѣмъ лучше слѣдить за ихъ разговоромъ, назовемъ перваго господиномъ А., а другаго господиномъ Б.

А. Что новаго?—Да вѣдь вы знаете, что я всегда запасался имъ отъ васъ же. Вы, кажется, что-то читали въ «Библіотекѣ для Читенія»?

Б. Ахъ, да!—статію о «Мертвыхъ Душахъ». Чудо, прелесть! Въ нихъ мѣстахъ хотя и вздоръ, но зато, какое во всемъ остроуміе! Такой статія давно не бывало! Вотъ ужъ можно сказать: *писано жемчю...*

А. Да, правда...

Б. Жаненъ! Рвительный Жаненъ!

А. Ну, ужъ вотъ этого-то я и не скажу. Жаненъ—болтунъ; чрезвычайный успѣхъ его основанъ на легкости и на отсутствіи всякихъ твердыхъ и глубокихъ нравственныхъ началъ въ обществѣ, для котораго онъ болтаетъ нѣмного совѣтъ не то, что болталъ вчера, а завтра будетъ болтать совершенно противное тому, что болталъ

вчера: но Жаненъ все-таки болтунъ остроумный, и, при другомъ обществѣ, онъ могъ бы сдѣлать изъ своего таланта лучшее, благороднѣе употребленіе. Но каковъ бы ни былъ Жаненъ и теперь, его болтовня всегда блещетъ умомъ и остроуміемъ, хоть и совершенно-вышними, и отличается *тономъ порядочныхъ людей*. Остроуміе Жанена заключается совсѣмъ не въ томъ, чтобы, выписавъ изъ разбираемаго романа нѣсколько фразъ, плоскихъ потому именно, что онъ вложенъ авторомъ въ уста изображаемаго имъ человѣка дурнаго тона, приписать эти фразы самому автору и воскликнуть: *такіе периоды настояціе свитлусы!* Истинное остроуміе, хотя бы и легкое и мелкое, не искажаетъ умышленно предмета, чтобы возбудить во что бы то ни стало грубый смѣхъ площадной толпы: оно находитъ смѣшное въ своей манерѣ видѣть предметы, не урода ихъ.

Б. Это, пожалуй, и такъ; да вѣдь дѣло-то въ успѣхъ, и *bien riga qui riga le dernier!* Осудить такое остроуміе могутъ многіе съ большою основательностію; а острить такъ сами едва-ли могли бы, еслибъ и хотѣли.

А. По-крайней-мѣрѣ, нужно для этого большая рѣшительность. Попробуйте выдумать на кого угодно смѣшную нелѣпицу—всѣ расхохочутся, и никто не захочетъ наводить справки, правду вы сказали, или ложь. Повторяйте такія выдумки чаще и насчетъ всѣхъ и каждого: васъ будутъ презирать, а слушать и смѣяться не перестанутъ. Но всему есть мѣра и границы. Одно и то же надѣдаетъ, а выдумывать цѣлую жизнь разнообразнаго литературнаго лжи невозможно, и какъ-скоро замѣтятъ, что вы повторяете самого-себя, то перестанутъ и смѣяться, начнутъ звать. Это я говорю не по отношенію къ журналу, а какъ общую истину, которая удобно прилагается ко многимъ житейскимъ дѣламъ.

Б. Такъ вы совершенно отказываете въ остроуміи рецензіямъ «Б. для Ч.»?

А. Нѣсколько. Когда она не увле-

кается пристрастіемъ, а главное, остричь надъ тѣмъ, что действительно ей подъ-силу, и о чемъ серьезно не стоить сказать и двухъ словъ,—ея рецензии бывають очень-забавны. Такъ, наприм., нельзя было не улыбнуться, читая въ «Б. для Ч.» разборъ, или лучше сказать, надгробную рѣчь надъ прахомъ умершихъ прежде своего рожденія стихотвореній какого-то г. Бочарова. Но когда *такое же* остроуміе прилагается ею къ предметамъ высшаго значенія, которые почему-то всегда не по сердцу этому журналу, тогда оно по-необходимости становится плоскимъ и скучнымъ. Важное само-по-себѣ нельзя сдѣлать смѣшнымъ.

Б. Но что вы говорите, а въ статьѣ о «Мертвыхъ Душахъ» много ѣдкости...

А. Прибавьте—безсильной, для предмета, слишкомъ-высоко въ-отношеніи къ ней стоящаго. Я не вижу ровно ничего остроумнаго ни въ сближеніи плохихъ стихотвореній площаднаго писака съ поэмою Гоголя, ни въ томъ, что рецензентъ называетъ «поэмами» разныя медицинскія сочиненія. Все это мнѣ кажется очень-плоскимъ. Разберите-ка этотъ разборъ съ начала до конца, по порядку. Что это такое?—Послушайте: «Вы видите меня въ такомъ восторгѣ, въ какомъ еще не видали. Я пыхчу, трепещу, прыгаю отъ восхищенія...» Пока довольно; остановимся на «пыхтѣніи» рецензента. «Пыхчу» есть настоящее время глагола «пыхтѣть», который значитъ то же, что «тяжело дышать». Но послѣднее выраженіе употребляется въ-отношеніи къ людямъ, а первое въ-отношеніи къ лошадамъ и коровамъ. Видите ли: явное незнаніе русскаго языка?.. Если же слово «пыхтѣть» и употребляется въ-отношеніи къ людямъ, то не иначе, какъ въ унизительно-комическомъ тонѣ, для выраженія волненія крови и жолчи, производимаго страстаніи, какъ-то: пристрастіемъ, и т. п... Итакъ, что же хорошаго въ рецензії, которая почти началась словомъ «пыхчу»? — Но будемъ слѣдить далѣе за «пых-

тѣнемъ» аристарха. Ему не понравилось, что Гоголь назвалъ свое сочиненіе «поэмою»,—и вотъ онъ засталяетъ своихъ читателей, «свидѣтелей его бѣшеннаго восторгу», спрашивать у него, пыхтящаго рецензенту, какимъ размѣромъ писана поэма, давая тѣмъ знать, что онъ, въ своемъ эстетическомъ пыхтѣніи, написанной прозою поэмы не признаетъ «поэмою». Все это, действительно, очень-забавно и возбуждаетъ смѣхъ, но только совсемъ не надъ авторомъ поэмы, а развѣ надъ пыхтящею рецензиею. И мнѣ кажется, что я уже слышу громкій хохотъ свидѣтелей ея бѣшеннаго восторгу, отъ-того, что въ поэмѣ нѣтъ никакого размѣру, а можетъ, и отъ смѣшной претензії пыхтящаго рецензенту преобразовать правописаніе язику, который чуждъ ему, и котораго духу онъ совсемъ не знаетъ. Выписка первой страницы поэмы исполнена пустыхъ придигокъ къ слогу, изъ которыхъ главная состоитъ въ томъ, что Гоголь лучше его, пыхтящаго рецензенту, знаетъ употребленіе родительнаго падежу и не хочетъ слѣдовать его медлительной орфографіи. «Поэтъ» (восклицаетъ или «пыхтитъ» рецензентъ) «поэтъ—существо всемірное; онъ выше времени, «пространствъ и грамматик!» Можетъ-быть, это восклицаніе, или это «пыхтѣніе» и очень-остроумно, а главное, очень-ново и оригинально; но только оно подтверждаетъ мое убѣжденіе въ волненіи «Б. для Ч.»: не она ли, вотъ уже ровно *десятымъ* годъ, смеется-ся смѣется надъ грамматикою и доказываетъ, что эта наука изобрѣтена педантами и дураками? А теперь ей пригодилась, видно, и грамматика: она теперь глубоко уважаетъ эту науку, такъ встаетъ повернувшуюся ей подъ-руку, чтобы было чѣмъ швырнуть въ страшнаго для нея писателя, какъ нѣкогда, съ гораздо-большимъ успѣхомъ, швырялъ ею г. Гречъ въ распорядителя «Библиотекѣ для Читенія». И вотъ, для доказательства своей силы въ русскій грамматикѣ, рецензентъ сдѣлалъ упо-

требить слово «запаховъ», какъ онъ употребляетъ слово «моги», «мечтъ» и т. п. Въ выраженіи Гоголя: «пока-мѣстъ слуги управлялись и возились», онъ подчеркиваетъ слово «возились», давалъ тѣмъ знать, что оно, почему-то, будто-бы, не хорошо, а почему именно, это пока секретъ рецензенту, который онъ, вѣроятно, когда-нибудь откровенно «свидѣтелямъ его бѣшеннаго восторгу.» Впрочемъ, всѣхъ его *подчеркиваний* не перечесть: они многочисленны и разнообразны. Но вотъ слѣдуетъ самое убѣдительно доказательство, какъ силенъ нашъ рецензентъ въ русскомъ языкѣ — послушайте: «Во всѣхъ словенскихъ языкахъ, какіе я знаю, *носъ* имѣетъ въ родительномъ падежѣ *носа*, а *шумъ*, *вѣтеръ* и *дымъ* имѣютъ *шуму*, *вѣтру*, *дыму*.» Скажите, Бога ради: что это такое: шутка, мистификація, или просто—«пыхтѣнье»? Я не знаю, да и знать не хочу, какъ въ польскомъ или другомъ славянскомъ языкѣ, склоняются въ родительномъ падежѣ слова: *носъ*, *шумъ*, *вѣтеръ* и *дымъ*; но какъ природный Русскій, знаю достоверно, что слова эти въ русскомъ языкѣ принимаютъ въ родительномъ падежѣ окончаніе равно и *а* и *у*, а когда которое именно, на это нѣтъ постоянного правила, но это слышитъ ухо природнаго-Русскаго, слышитъ — и никогда не обманывается. Всякій Русскій скажетъ, какъ у Гоголя: «Волосъ, вылезшій изъ носу», и ни одинъ Русскій не скажетъ: «Волосъ, вылезшій изъ носа.» Точно также, должно говорить *порывы вѣтра*, а не *порывы вѣтру*. И такъ, знаніе другихъ языковъ не послужило рецензенту облегченіемъ въ знаніи языка русскаго, и онъ, съ-горя, вздумалъ перекривать русскій языкъ на свой ладъ, и, не зная его, принялся учить ему Русскихъ!..

Б. Однакожъ, согласитесь, что языкъ у Гоголя часто грѣшитъ противъ грамматики.

А. Соглашаюсь; а вы, за это, со-

гласитесь, что не рецензенту же «**Б.** для Чт.» упрекать его въ этомъ. Я далекъ отъ-того, чтобъ ставить Гоголю въ защиту неправильность языка, которая тѣмъ досаднѣе, что у него она явно происходитъ не отъ незнанія, а отъ небрежности, отъ нерасположенія потрудиться лишнюю четверть часа надъ написанной страницей. Но у Гоголя есть вѣчто такое, что заставляетъ не замѣчать небрежности его языка,—есть *слозъ*. Гоголь не пишетъ, а рисуетъ; его изображенія дышатъ живыми красками дѣйствительности. Видишь и слышишь ихъ. Каждое слово, каждая фраза рѣзко, опредѣленно, рельефно выражаетъ у него мысль, и тщетно бы хотѣли вы придумать другое слово, или другую фразу для выраженія этой мысли. Это значитъ имѣть *слозъ*, который имѣютъ только великіе писатели, и о которомъ разсуждать такъ же не дѣло «**Б.** для Чт.», какъ и разсуждать о русскомъ языкѣ, котораго она не знаетъ, что можно доказать изъ каждой ея страницы, на-полненной всяческихъ обмолвокъ противъ духа языка, ошибокъ противъ его грамматики, барбаризмовъ, соледизмовъ и, въ-особенности, полоинизмовъ.

Б. Это совершенная правда: г. Грець давно это доказалъ въ своей брошюрѣ — помините?... Я вѣдь и самъ вижу, что грамматическія-то обвиненія всѣ выдуманы; но рецензентъ такъ смѣло колетъ ими и такъ смѣшно умѣетъ ихъ выставлять, что тѣмъ болѣе дивнисься его неподражаемому остроумію... Впрочемъ, если грамматическія нападки рецензента для васъ и ложны, и пусты, и скучны, перестанемъ говорить о нихъ, перейдемъ къ другимъ пунктамъ обвиненій, которые, надѣюсь, будутъ посущественнѣе. Мнѣ любопытно узнать, что-то вы на нихъ скажете.

А. Да что же и говорить мнѣ, если вся рецензія устремлена противъ слогу?..

Б. Нѣтъ, не противъ одного слога,

но и противъ дурнаго тона сочиненія, такъ нестати названнаго «поэмою», противъ странной претензиі автора видѣть представителей и героевъ русской жизни въ людяхъ низкихъ и глупыхъ; противъ высокаго мнѣнія о самомъ-себѣ со стороны автора, который, по таланту, не можетъ стать на ряду даже съ Поль-де-Коккомъ... Что касается до меня, я со всѣмъ этимъ соглашаюсь только въ-половину, потому-что, какъ хочеть «Б. для Ч.», а по моему мнѣнію, и Гоголь чего-нибудь да стоитъ. И потому, повторяю: я держусь середины...

А. Что рецензентъ насмѣхается надъ словомъ «поэма» въ приложеніи къ «Мертвымъ Душамъ», это происходитъ отъ-того, что онъ не понимаетъ значенія слова «поэма». Какъ видно изъ его намековъ, поэма непременно должна воспѣвать народъ въ лицѣ ея героевъ. Можетъ-быть, «Мертвые Души» и названы поэмою въ этомъ значеніи; но произнести какой-нибудь судъ надъ ними, въ этомъ отношеніи, можно только тогда, когда выйдутъ двѣ остальные части поэмы.

Б. Рецензентъ самъ говоритъ объ этомъ въ концѣ рецензиі...

А. Да, но сперва разругавъ за это поэму, въ началѣ и серединѣ рецензиі... Что касается до меня лично, я пока готовъ принять слово «поэма», въ-отношеніи къ «Мертвымъ Душамъ», за равнозначительное слову «твореніе». Въ этомъ значеніи, всякое произведеніе поэзіи есть поэма — и ода, и пѣсня, и трагедія, и комедія. Но не въ этомъ дѣло, а въ томъ, что, опираясь на слово «поэма», стоимъ въ главнѣйшій сочиненія Гоголя, рецензентъ очень-наивно и очень-невинно смѣется бросить на автора не совсѣмъ-прохладную тѣнь неуваженія, будто-бы, къ русскому обществу, котораго репутациія такъ дорога сердцу рецензенту, незнающаго русскаго языка и русской грамматики... Иначе, какъ же вы поймете «тонкіе» намеки рецензенту на то, что авторъ «Мертвыхъ Душъ» будто-бы «при каждомъ не-

благовидномъ случаѣ наводитъ речъ на Русскихъ». Какой же этотъ «неблаговидный случай»? — Авторъ преситъ у читателей извиненія за то, что знакомитъ ихъ съ Петрушкою и Селифаномъ, людьми Чичикова, «знал по опыту, какъ неохотно они знакомятся съ низкими сословіями». Но чтобъ уяснить это съ умысломъ затѣянное рецензентомъ дѣло, — вотъ «Мертвые Души» — я прочту вамъ изъ нихъ все это мѣсто, изъ котораго рецензентъ взялъ только то, что нужно было ему для его цѣли. Выслушайте:

«Таковъ уже русскій человекъ: страсть омытая заняться съ тѣмъ, который бы хотя одинокъ чиномъ былъ его выше, и шепочное знакомство съ гривомъ или княземъ для него лучше всякихъ тысячь дружескихъ отношеній. Авторъ даже омысается за своего героя, который только коллежскій совѣтникъ. Надворные совѣтники, можетъ-быть, и познакомятся съ нимъ, во тѣ, которые подобрались уже къ чинамъ генеральскимъ, тѣ, Богъ вѣсть, можетъ-быть, даже бросятъ одинъ изъ тѣхъ прерзительныхъ взглядовъ, которые бросаются гордо человеконъ на все, что ни пресмыкается у ногъ его, вѣдъ, что еще хуже, можетъ-быть, пройдутъ убійственнымъ для автора мѣткимъ».

Итакъ, очевидно, что авторъ, съ свойственнымъ ему юморомъ, и притомъ очень деликатно, кольнулъ слабость нашего общества къ знакомству съ чинами и отличіями, а не людьми. Во-первыхъ, это правда; во-вторыхъ, это особенно не унижаетъ Русскихъ передъ другими народами, особенно, напр., передъ Нѣмцами, которые отчаянно болѣе чинованіемъ, хотя и далеко обогнали насъ въ цивилизаціи и просвѣщеніи; въ-третьихъ, Петрушка и Селифанъ послужили для автора только предлогомъ къ нападеніямъ на чинованію, и онъ совсѣмъ не думалъ упрекать русское общество за то, что оно не хочеть заняться съ учереями и лавками. Судите же, по-слѣдствію, изъ какого *сильнаго* источника вытекло негодование рецензентомъ по-русскан рецензента, негодование, по-

торымъ такъ преесполнены эти его строки:

«Помилуйте! вскрикиваетъ почтеннѣйшій (господворскій эпитетъ!) читатель, не отделивъ пальцевъ отъ своего почтеннѣйшаго носа (острота!), который онъ имѣетъ обыкновение зажимать отъ такнахъ *седуховъ* (острота и грамматическая ошибка!): что вы это, съ вашими поэтомъ, при каждомъ *неблагозвучномъ* случаѣ, *наводите рѣчь на Русскихъ! Въ чемъ и за что вы безпрерывно изъ обвиняете? Да они очень хорошо дѣлаютъ, что не хотѣтъ знакомиться съ вашими нечестными героини, отъ которыхъ я самъ принужденъ поминутно закрывать носъ и глаза рукою. Если порядочные Русскіе не охотне сближаются съ людьми низкаго сословія, причиною этого должны быть распространенный между ними благородный вкусъ къ изяществу, опрятности, образованнымъ ощущеніямъ, а не мнѣишій народный пороки, не всеобщая спесь, не безразсудная гордость. *Надѣ чьимъ вы тутъ насмѣхаетесь? Куда направите свои эпитеты!* (не по-русски!) *Страсть зазваться!... Да чтобы по случаю Петрушки, упрекать цѣлый народъ въ страсти зазнаваться* (у Гоголя: зазнаться съ тѣмъ, кто хотя однимъ чиномъ выше — это рецензентомъ выключено, а глаголъ «зазнаться» поворочень на глаголъ «зазнаваться»!...) *надо предположить, будто весь народъ ничѣмъ не лучше этого зрubaго и грязнаго человека и только понапрасну, изъ гордости, не узнаетъ въ немъ себя равнаго!* Но это не правда. Вы систематически унижаете русскихъ людей. Я (о!...) этого не люблю, и не хочу слушать. Я самъ обожаю чистоту. Ваши зловоишныя картины поселяютъ во мнѣ отвращеніе...»*

Итакъ, скажите же: гдѣ у Гоголя все это есть, и о томъ ли, то ли говорить онъ, на что возсталъ рецензентъ? Нѣтъ, это уже не «пыхтѣнье»: это что-то въ родѣ придирокъ известнаго рода...

Б. Оно такъ; я не скажу, чтобъ это было хорошо; но зато, какъ зло, какъ ловко, мастерски!..

А. Да, видно, что мастеръ своего дѣла. Но объ этомъ довольно: по од-

ному судите и обо всемъ, тѣмъ болѣе, что нашъ рецензентъ умѣетъ быть взрѣнь себя.

Б. Ну, а на-счетъ дурнаго тона, садныхъ картинъ, грязныхъ изображеній — что вы скажете на-счетъ всего этого? Право, «Мертвыя Души» какъ-будто писаны для сидѣльцевъ въ мучныхъ лавкахъ...

А. И однакожъ ихъ читаетъ и ими восхищается высшій свѣтъ и не находитъ въ нихъ дурнаго тона, плоскостей и сальности. Авторитетъ большаго свѣта, въ этомъ случаѣ, безусловно неоспоримъ. Въ нападкѣ рецензента на дурной тонъ «Мертвыхъ Душъ», я узнаю того же опытнаго мастера отнять неприятели ему литературныя репутаціи. Правда, къ этому орудію противъ Гоголя не разъ прибѣгали уже и другіе обожатели и знатоки хорошаго тона, еще задолго до появленія бонтовно «пыхтающей» рецензии. И хотя эти другіе ратовали съ тою же цѣлю и въ-слѣдствіе тѣхъ же причинъ, однако они были искреннѣе въ своихъ нападкахъ на дурной тонъ, потому-что, въ простотѣ мѣщанской свѣтскости, они не шути считаятъ неприличнымъ то, что въ большомъ свѣтѣ нисколько не считается неприличнымъ. Но нашъ рецензентъ очень-хорошо понимаетъ, что и для чего онъ дѣлаетъ. Хорошо зная невинную слабость среднихъ круговъ русскаго общества слишкомъ заботиться о приличіяхъ невѣдомаго и недоступнаго имъ большаго свѣта, онъ не пропуститъ случая попробовать ухватиться за эту чувствительную струну.

Б. Я вижу, что даже и поклонники Гоголя не чужды замашки нападать на цѣлое общество...

А. Нисколько. Франція, въ-отношеніи къ свѣтской общественности, безъ всякаго сомнѣнія, первое государство въ мірѣ. Однакожъ, и тамъ центръ свѣтскости и высшаго тона находится въ Парижѣ, и именно, въ двухъ пунктахъ: въ послѣднемъ убѣжищѣ легитимизма, Сен-Жерменскомъ Пред-

мѣстѣ, и въ новой мѣщанской аристократіи, при дворѣ. Вся прочіе слои общества суть только болѣе или менѣе вѣрные отраженія этихъ первообразовъ свѣтской общественности. Смѣшно и нелѣпо было бы видѣть униженіе всего общества въ весьма-обыкновенной и правдивой фразѣ, что *исключительный* хорошій тонъ царствуетъ въ высшемъ петербургскомъ кругу, и что средніе круги общества часто добровольно дѣлаются смѣшными, считая и себя «болышимъ свѣтомъ» и стараясь копировать съ образца, который они видятъ издали, на гуляньяхъ и въ каретахъ, проѣздомъ по улицѣ. Нѣтъ никакого униженія, когда вамъ скажутъ (если вы этого не знаете сами), что нигдѣ нѣтъ столько пустыхъ претензій, изысканности, чопорности, а следовательно, и дурнаго тона, какъ въ этихъ среднихъ кругахъ, почему-то считающихъ себя въ какихъ-то отношеніяхъ съ «болышимъ свѣтомъ», который для нихъ есть истинная terra incognita. Такъ-какъ въ нихъ нѣтъ ничего своего, то все чужое, которымъ дышать они, переходитъ у нихъ въ карикатуру: развѣзность и свобода высшаго общества — въ наглость, приличіе — въ чопорность, вѣжливость — въ церемонность, любезность — въ гостинодворскій тонъ. Я именно говорю о среднихъ кругахъ. Если вы знаете хорошо нашихъ помѣщиковъ, согласитесь со мною, что между ими нѣредко встрѣчаются прекрасныя исключенія: въ ихъ домахъ вы не найдете того, что называется «высшимъ свѣтомъ», но найдете благородный тонъ, благородную простоту обращенія, истинную образованность, которая такъ рѣдка и въ «высшемъ свѣтѣ». Въ нихъ есть *свое*, отъ того они и не пародируютъ другихъ; они берутъ отъ большаго свѣта свое, не принимая отъ него чуждаго имъ, или несоответствующаго ихъ средствамъ и положенію. Наше общество еще такъ молодо, такъ еще не установилось и не приняло общаго характера, что такіа прекрасныя исключенія

представляются только въ семействахъ, въ отдѣльныхъ домахъ, а не въ целомъ сословіи, пестромъ и разнохарактерномъ. И причина такихъ прекрасныхъ исключеній состоитъ именно въ томъ, что дома, о которыхъ я говорю, имѣютъ свое собственное значеніе и не принадлежатъ къ тону, что называется «средними кругами»: это аристократія нашихъ провинцій. Подъ среднимъ кругомъ должно разумѣть преимущественно чиновничество столицъ и губернскихъ городовъ—это плодородное поле, съ котораго даже и низше таланты, чѣмъ талантъ Гоголя, собираютъ такую обильную жатву. Вотъ ихъ-то и нѣтъ въ виду рецензія. Но что же плоскаго и грязнаго находитъ рецензентъ у Гоголя?—Портреты Петруши и Селѣфана, *запахъ* (говора его не-русскимъ языкомъ), описаніе двора Коробочки, въ которомъ слышны съ семействомъ, рывшаяся въ кучу сора и мимоходомъ завшая цыпленка, особенно-непріятно подѣйствовала на его свѣтскую разборчивость. Что же бы сказалъ онъ, прочитавъ известную басню Крылова, гдѣ свинья играетъ главную роль... «Грязь на грязи!» восклицаетъ «почтеннѣйшій», чистоплотно рецензентъ...

Б. Однакожъ, вы вѣрно не находите изысканія подобныя картины?

А. Напротивъ, именно нахожу изысканію эту грязь, «возведенную въ перлъ созданія», нахожу ее въ мильонъ разъ изыщнѣе сусальной позолоты поэтовъ средняго круга общества, поэтовъ чиновническихъ и губернскихъ. Картина быта, дома и двора Коробочки—въ высшей степени художественная картина, гдѣ каждая черта свидѣтельствуетъ о гениальномъ взмахѣ творческой кисти, потому-что каждая черта запечатлѣна типическою вѣрностью дѣйствительности и живо, ослѣзительно воспроизводитъ цѣлую сферу, цѣлый міръ жизни, во всей его полнотѣ.

Б. Ну, хорошъ же этотъ міръ! Поздравляю съ такою жизнію!

А. Не злыщайте — чѣмъ богаты,

твѣтъ и рады! Поэзія есть воспроизведе-
ніе дѣйствительности. Она не выду-
мываетъ ничего такого, чего бы не
было въ дѣйствительности; она только
идеализируетъ явленія дѣйствительно-
сти, возводя ихъ къ общему значенію,
что и значить «возводить въ перлъ со-
зданія». Всякая другая поэзія—пустое
фантазерство, вздоръ и пустяки, спо-
собныя забавлять людей ограниченныхъ
и необразованныхъ. И потому мѣрка
достоинства поэтическаго произведенія
есть вѣрность его дѣйствительности.

Б. Но не-уже-ли-же въ русской
дѣйствительности нѣтъ ничего лучше
и благороднѣе Петрушки, Селифана,
Коробочки, Собакевича, Чичикова и
тому подобныхъ героев и героинь? .

А. Безъ всякаго сомнѣнія, есть; и
авторъ совсѣмъ не думалъ своими
«Мертвыми Душами» утверждать про-
тивное. Онъ только взялъ себѣ извъ-
стную сферу жизни, дѣйствительно су-
ществующую—вотъ и все. Упрекать
его за это — все равно, что упрекать
Лафонтена и Крылова, зачѣмъ они пи-
сали басни, а не оды, упрекать Моль-
ера и Фонвизина, зачѣмъ они писали
комедія, а не трагедіи. Стекла (по
прекрасному выраженію Гоголя), озни-
рающія небесныя свѣтила и насѣко-
мыхъ равно велики. А какое же вы
имѣете право упрекать естественныя
тѣла, что онѣ изучаетъ инфузорій,
какъ-будто въ природѣ нѣтъ твореній,
болѣе-благородныхъ? Сверхъ того, на-
до еще сказать, что, находя лица, из-
ображенныя Гоголемъ, особенно-без-
правственными и глупыми, довольно
ребячески преувеличаютъ дѣло и гру-
бо его понимаютъ. Эти лица дуры по
воспитанію, по невѣжественности, а
не по натурѣ, и не ихъ вина, что со
два смерти Петра-Великаго прошло
только 116, а не 300 лѣтъ. Не-уже-
ли въ иностранныхъ романахъ и повѣ-
стяхъ вы встрѣчаете все героев до-
бродѣтели и мудрости? Ничего не бы-
вало! Тѣ же Чичиковы, только въ дру-
гомъ платьѣ: во Франціи и въ Англии,
они не скупаютъ мертвыхъ душъ, а
подкупаютъ живыя души на *свободныхъ*

парламентскихъ выборахъ! Вся разли-
ца въ цивилизаціи, а не въ сущности.
Парламентскій мерзавецъ образова-
ннѣе какого-нибудь мерзавца нижняго
земскаго суда; но въ сущности оба они
не лучше другъ друга. Люди съ божес-
твенною искрою въ душѣ вездѣ рѣдки,
— и я первый пламенно желаю, чтобы
Гоголь иногда дарилъ насъ изображе-
ніями и такихъ личностей, тѣмъ болѣе
желаю, что теперь только одинъ онъ и
можетъ изображать ихъ. Но я не счи-
таю себя въ правѣ требовать, чтобы
онъ изображалъ то, а не это, или ста-
вить ему въ вину, что онъ изобража-
етъ то, а не другое.

Б. Но воля ваша, а такія слова,
какъ: *свинтусь, скотоводъ, подлець,*
ветюкъ, чортъ знаетъ, наидитъ и
тому подобныя—такія слова видѣть
въ печати какъ-то странно.

А. А слышать, или самому гово-
рить каждый день не странно?.. Но
авторъ «Мертвыхъ Душъ» нигдѣ не
говоритъ самъ, онъ только заставляетъ
говорить своихъ героев, сообразно
съ ихъ характерами. Чувствительный
Маниловъ у него выражается языкомъ
образованнаго въ мѣщанскомъ вкусѣ
человѣка; а Поздревъ—языкомъ *исто-
рическаго челоювка*, героя ярмарокъ,
трактировъ, попойекъ, дракъ и кар-
тѣжныхъ проделокъ. Не заставитъ же
ихъ было говорить языкомъ людей
высшаго общества! Что же касается
до слова «подлецъ», авторъ употре-
бляетъ его и отъ своего лица, какъ
люди порядочнаго тона употребляютъ,
кромѣ этого словъ, слова: *воръ, раз-
бойникъ, плутъ, взяточникъ, казно-
крадъ, завистникъ, лжеецъ, клевет-
никъ*, и т. п. И я, право, не понимаю,
что неприличнаго въ словѣ *подлецъ*, и
чѣмъ оно непристойнѣе, на-примѣръ,
словъ *предатель, низкопоклонникъ*,
и проч. Дѣло не въ *словѣ*, а въ *то-
нѣ*, въ какомъ это слово произ-
носится. Иной любезникъ чиноуни-
ческаго или гостинодворскаго круж-
ка говорить все въжливости, одна
другой тоньше и делкатнѣе, а все
кажется, будто онъ отпускаетъ такіа

выраженія, за которыя выводитъ под-руки изъ собраній; а порядочный чело-вѣкъ выражается рѣзко, называется вещь ихъ настоящими словами—*ошь оонью, подлѣца подлѣцомъ*, и между-тѣмъ разговоръ его все-таки испол-ненъ благородства и достоинства, приличія и хорошаго тона. Правда, Гоголь иногда касается такихъ сто-ронъ общественности, которыя подъ перомъ нѣмыхъ писателей были бы просто невыносимы и для обонянія, и для слуха, и для взора; но какъ Го-голь не копируетъ дѣйствительности, а «возводитъ ее въ перлъ созданія», какъ его юморъ спокоенъ, мягокъ и благороденъ, не смотря на свою силу, цѣпкость и глубину, то въ его со-зданіяхъ никогда и ничего не бываетъ низкаго и тривіальнаго. Онъ владѣетъ тайною великаго таланта обращая въ чистое золото все, къ чему ни прико-снется. Скажите по совѣсти, встрѣ-чали ли вы въ его сочиненіяхъ хотя одну картину грубой чувственности, написанную съ желаніемъ самому на-любоваться ею и, возбужденіемъ не-чистаго восторга, приобрести себѣ бѣльшее число читателей? Гдѣ, уга-жите, рисуетъ онъ грязь для грязи, по страсти къ цинизму — замашка, до-вольна-любимая, впрочемъ, добрымъ и талантливымъ Поль-де-Кокомъ, съ которымъ такъ не въ-попадъ, такъ натянута, вздумала равнять Гоголя рецензія? Гоголь и Поль-де-Кокъ — это имена, между которыми столько же общаго, какъ между именами Воль-тера и какого-нибудь барона Брам-беуса. Кстати: я знаю одного писате-ля, хоть и плохо по-русски пишу-щаго, но во многомъ подходящаго на Поль-де-Кока, по-крайней-мѣрѣ, со стороны цинизма, если не со стороны знанія языка, таланта, сердечной те-плоты. Это — баронъ Брамбеусъ... Вотъ его такъ можно обвинять въ дур-номъ тонѣ, въ плоскостяхъ, въ сально-стяхъ, въ явномъ незнаніи русскаго язы-ка и русской грамматики, при талантѣ, котораго силу составляетъ смѣлость, да иногда блѣстки вѣшняго, поверх-

ностнаго ума. И подобное обвѣшеніе можно подрѣзывать фактами, противъ которыхъ нечего будетъ сказать ни вамъ, ни всякому другому, ни даже барону Брамбеусу. Если вы забыли его несчастныя «Фантастическія Пу-тешествія», какъ забыла ихъ русская публика, бросившаяся-было на нихъ сна-чала слишкомъ-горячо, по опрѣметчи-вости, столь свойственной всему мо-лодому, — то вамъ стоить только пере-листовать ихъ, чтобъ передъ вами возникла цѣлая галлерей картинъ, одна другой неумѣтве, одна другой спиртуознѣе, до того, что передъ ни-ми всякіе другіе «запахи» должны утратить свою рѣзкость. Да вотъ вста-ти—со мной одна изъ тетрадей лите-ратурныхъ матеріаловъ, которые я собираю для составленія исторіи рус-ской литературы. Я вѣдь и зашелъ сюда именно потому, что мнѣ нужно навести кое-какія справки на счетъ критики «Б. для Ч». Я не буду вамъ разрывать всей этой кучи, чтобъ не заставить васъ зажимать, или, какъ выражается рецензія, «закрывать рукою» вашу «почтеннѣйшій» носъ; я только напомину вамъ бѣгло кое-что, и прежде всего то мѣсто, гдѣ баронъ проваливается черезъ Этиу къ анти-подамъ и попадаетъ прямо въ антр-ша танцовавшей губернаторши, кото-рая жметъ его колѣнками, душитъ, а онъ, за это, кусаетъ ее за мягкую та-жестъ, наполняющую его ротъ (1)... Чтобъ—хорошо?.. А его чистоплотные рассказы о «тихомъ, роскошномъ, пу-ховомъ тѣльцѣ дѣвушекъ, въ коро-тенькихъ розовыхъ юбочкахъ» (2); о свѣтлой похотливой кожѣ преданныхъ на жертву жаднымъ взорамъ пухлень-кихъ грудей и плечъ» (3); о «постели двухъ юныхъ любовниковъ, только-что оставленной ими по утру въ живо-писномъ безпорядкѣ, еще дышащей

(1) «Фант. Пут. барона Брамбеуса» стр. 307—309.

(2) «Биб. для Читенія» 1834 г., т. I, стр. 4—5.

(3) Ibid. стр. 61.

вожническою теплою ихъ сердець, среди холодныхъ уже слѣдовъ перваго изрыва ихъ любви» (4); о душѣ пустыниши, «забирающейя за пестрые прозрачныя платочки его слушательницъ, чтобъ играть съ нихъ блаженною грудью и шекотать ихъ подъ сердцемъ» (5); о «бѣлой, жирной ногѣ мандаринши», на которой влюбленный насвоямыя (т. е. блохи) утопають въ небесномъ блаженствѣ» и котрыхъ мандаринша должна была всякій вечеръ ловить у себя подъ рубашкою» (6). Какъ вы думаете: вѣдь право недурно?... Да то ли еще есть у «почтеннѣйшаго» барона! Вспомните-ка его «Большой выходъ Сатаны», гдѣ чортъ сидитъ на воронкѣ, обороченной вверхъ острымъ концомъ и роскошно повертывающа на этомъ эстетическомъ съдалицѣ, въ-слѣдствіе оплеуки, данной ему сатанкою... А тонъ, выраженія г. барона? О, это верхъ свѣтскости! Напримѣръ: «Если есть счастье на свѣтѣ, то не ивдѣ, какъ въ шараварахъ» (7); или: «иную бабу можно считать своею деревнею, которая приноситъ 150,000 годоваго дохода» (8); или: «если бѣ людей дѣлами невозможно иначе, не такъ поспѣшно и съ должнымъ вниманіемъ, они были бы гораздо умнѣе» (9); или: «Лестницы, види только задѣ души въ глазахъ сильныхъ людей, не разбирають и лобызають все, что имъ ни выставишь» (10)... Помните ли его статью «Юная Словесность», гдѣ юная словесность дѣзетъ къ нашему барону въ домъ а шумитъ, безчислится, ломаетъ утварь, раскишаетъ всю собственность и принадлежность счастья» (11)? Баронъ объявляетъ чита-

телямъ, что у него есть баронесса, «образующая вмѣстѣ съ нинѣ широкою и плотную массу чловѣчества», которому онъ хочетъ спасти отъ нападеній «юной словесности», для чего и «пробуетъ треснуть ей въ лобъ колодой картъ». Юная словесность «стрѣляетъ раскаленными ядрами по бастіону супружества»; потомъ «бурсурманна (т. е. юная словесность) изравняла взаимное довѣріе супруговъ». Баронъ пыхтитъ и кричить: «Не поддадимся! о, коварная словесность! о, мерзкая словесность!.. Ахъ, распухница!» Баронесса «срывается ночью съ постели»; «повалилась на землю; грызеть въ бѣшенствѣ камень», а юная словесность «всаиваетъ кашканна кровью, пыхтитъ и качается въ своей грязной лужѣ» и проч. Право, хорошо! Что жъ не смѣжете, не хочете, или, по-крайней-мѣрѣ, не пыхтите отъ во-сторгу?... Что жъ вы не восклицаете: «какіе свитусы, какіе скотоводы эти нечистоплотные періоды, эти зловонныя картины»?.. Что такое исторія, какъ наука?—«Жеманная и придирная баба» (12)... Что такое историческій романъ? — «Плодъ соблазнительнаго прелюбодѣянна исторіи съ воображеніемъ» (13)... Что такое сочинитель «Мазепы» (плохаго романа, теверъ забытаго)? — «Наздвникъ, который въ полночь лѣзетъ къ критикѣ въ разбитое окно, вооруженный острымъ гусинымъ кияломъ» (14)... Теперъ, не угедно ли полюбоваться философическими афоризмами столько же глубокомысленнаго, сколько и эстетическаго барона? — «Воздухъ есть сухая вода» (15); «камень, гранитъ—тоже жидкость, во которой мы уже не можемъ укусить нашими зубами» (16); «Земная планета — атомъ приведеннаго въ броженіе теплотворомъ яичнаго

(4) «Фант. Пут.» стр. 199.

(5) «Новоселье», ч. II, стр. 217—218.

(6) Ibid. стр. 168.

(7) «Новоселье», ч. II, стр. 204.

(8) «Виб. для Чтенія», т. I, отд. I, стр. 97.

(9) «Новоселье», ч. II, стр. 146.

(10) Ibid. стр. 148.

(11) «Виб. для Чтенія», т. III, отд. I, стр. 54—59.

(12) Ibid. Т. II, отд. V, стр. 42.

(13) Ibid. стр. 14.

(14) Ibid. стр. 44.

(15) «Виб. для Чтенія», т. II, отд. I, стр. 145.

(16) Ibid. стр. 146.

желтка около первого зародыша цыпленка» (17)... «Что такое я сам?» спрашивает баронь, и тотчасъ весьма-удовлетворительно рѣшаетъ этотъ любопытный вопросъ: «Я тоже жидкость, маленькая мѣра жидкости, сгущенной до известной степени, вылитой по особенному образцу, зажатой внутри искрою небеснаго огня» (18)... Не хотите ли образчика баронскаго слогу?— «Эта бѣдная Зеленада... Она просто жертва неопредѣленности нашего быта! Живая утопленница зыблнхъ его формъ, окруженная неизбежною погнбелюю, еще борющаяся съ волнами страшнаго хаоса и въ лицѣ погнбелн (?) хватающаяся за подмытые утесы, которые обрушаются и дробятся въ ея рукахъ! Уже наша образованность обманула ее призракомъ супружескаго счастья; уже смолела ея существованіе въ своей пастн, и бросила его (?) безъ всякой доски въ омутъ домашняго наслія» (19)... Хорошо!.. Но довольна! Я боюсь васъ утомить чтеніемъ этихъ отрывковъ изъ моей тетрадки, которая, увѣряю васъ, очень-любопытна, и если не пыхтнть сама, то заставить порядкомъ попытѣть ннхъ романистовъ, критиковъ и рецензентовъ... Посудите сами о богатствѣ собраннхъ мною фактовъ: все, что я успѣлъ прочесть вамъ, ограничивается «Фантастическими Путешествіями», «Новосельемъ» и тремя первыми томами «Биб. для Чтенія» за 1834 годъ... Слышите ли: только! Сколько же еще богатыхъ источниковъ! О, я надѣюсь написать прелюбопытную исторію русской литературы!..

Б. Вотъ эта книга по мнѣ! Страхъ люблю полемику! Даетъ лицу для споровъ и средство взглянуть на предметъ съ разныхъ сторонъ.

А. Это будетъ не полемика, а исторія... Но мы отклонились отъ предмета вашего разговора — пыхтющей ре-

(17) Ibid.

(18) Ibid стр. 146.

(19) Ibid. стр. 161.

цензіи. Она очень ошиблась — не въ томъ, что вздумала равнять Гоголя съ Поль-де-Кокомъ, и даже унижать перваго передъ послѣднимъ, но въ томъ, что могла думать, будто не найдется челоузка, который растолковалъ бы ей, что у нея подъ рукою есть писатель, совершенно подходящий подъ ея обвиненія и болѣе-годный для параллели съ Поль-де-Кокомъ... Хорошо понимая, что успеха «Мертвыхъ Душъ» не останутся ей, пыхтющая рецензія приписываетъ необычайный успѣхъ этого превосходнаго художественнаго произведенія грязности и сальности, смѣло и храбро навязаннымъ ею. Жалкія усплія, безсильные извороты! Этакъ можно объявлять развъ только успѣхъ какаго-нибудь барона Брамбеуса и какой-нибудь «Библиотеки для Чтенія», которыхъ судьба вначалѣ была такъ блестяща, и теперь такъ печальна! Баронъ давно уже забытъ и тщетно пытался напомнить о себѣ публикѣ длиннымъ разглагольствованіемъ о «Двѣ Чудной» (публика отъ «Двѣхъ» заснула, а о баронѣ не вспомнила); а «Библиотека» быстро подвигается, засыпая сама и усыпая своихъ читателей, къ берегамъ томной Леты... Передъ смертню жизнь вспыхиваетъ ярче, какъ огонь, готовый погаснуть въ лампадѣ: и вотъ вамъ причина эвергіи пыхтющей рецензіи... Въ-самомъ-дѣлѣ, баронъ трудился, пыхтѣлъ, написалъ новый романъ, попытался, напечатать его полонину, разманить имъ вниманіе публики, но, увы!—публика уже не та! Съ-тѣхъ-поръ, какъ «Б. для Ч.» успѣла ей наскучить этою мудростюю, которая по плечу толпѣ, этимъ скептицизмомъ, который удивляетъ и озадачиваетъ только слабоумныхъ и невѣждъ, этимъ остроуміемъ, которое поддерживается искаженіемъ истины и повторяетъ себя одними и тѣми же шуточками, — съ-тѣхъ-поръ публика прочла «Капитанскую Дочку» и по-смертныя произведенія Пушкина, познакомилась въ театрѣ съ «Ревизоромъ», заучила наизусть стихи Лер-

монтова, и много раз перечла его «Героя Нашего Времени»... Какой шаг вперед! Удивительно ли, что эта публика даже не дочла до конца «Девы Чудной» и назвала ее «двухъ случайною»?.. Что дѣлать барону?—Тщетно «Библиотека для Чтенія» громко провозгласила г. Кукольника гениемъ, великимъ поэтомъ, какъ провозглашала она въкогда г. Тимофеева и многія другія посредственности, не страшныя, не опасныя ни ей, ни барону Брамбесу: ничто не помогло! Публика даже не стала читать ни «Эвелины де Вальероль», ни «Двухъ Призраковъ», ни «Альба и Альоны»; а на расхват раскупила «Мертвыя Души»—произведение писателя, о которомъ если «Б. для Ч.» и упоминала, то всегда съ презрѣніемъ и насмѣшками... Такъ въкогда публика забыла «Большой Выходъ Сатаны» и не прочла «Похожденіи Одной Ревижской Души», потому что сильно заинтересовалась какою-то повѣстью о *ссорѣ Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ*... Постой же, мы его! . И вотъ является пыхтящая рецензія, гдѣ превосходное художественное произведеніе названо «нечистоплотнымъ твореніемъ», глубочайшій и могущественнѣйшій юморъ—плоскостью, благородное сознание поэта въ чувствѣ собственнаго значенія въ родной ему русской литературѣ—бредомъ папыщеннаго тщеславія, и гдѣ, къ довершенію всего, содержаніе, ходъ дѣйствій, словомъ, все представлено въ ложномъ, изношенномъ видѣ, умышленно перетолковано въ дурную сторону, подвержено мелкимъ придиркамъ и мелочной критикѣ, побирающей мелкими обмолвками противъ языка и грамматики... Посмотримъ, поможетъ ли горю это salto mortale критической добросовѣстности и отчаянной отваги... Посмотримъ, чѣмъ кончился споръ, если онъ уже и не кончился... Гоголь, разумеется, и не увидѣтъ объ этихъ отчаянныхъ вылазкахъ на его поэтическую славу (онъ, кажется, человекъ совсѣмъ нелюбопытный до многого, что дѣлается въ рус-

ской литературѣ); поэтому, естественно, онъ будетъ отвѣчать только новыми своими произведеніями, отъ которыхъ нѣмые романисты-рецензенты запихнутся на смерть...

Б. Я впрочемъ радъ этому разговору. Я люблю видѣть вещи со всѣхъ сторонъ. Сегодня же пойду къ С^{***} и къ Л^{***}, и буду съ ними спорить противъ «Б. для Ч.» за Гоголя. Это ихъ удивитъ, а мнѣ доставитъ много удовольствія. Впрочемъ, вы все-таки не убѣдили меня. Разговоръ не то, что статья. Говорить можно все, а вотъ еслибъ вы напечатали статью, гдѣ бы также смѣло опровергали рецензію «Б. для Ч.», какъ смѣло и рѣшительно она отдѣлала «Мертвыя Души» и Гоголя: тогда другое дѣло! Однакожъ я теперь не совсѣмъ согласенъ и съ «Библиотекою». Мнѣ кажется, что надо держаться середины...

А. Именно такъ. Середина всего годится, по-крайней-мѣрѣ, для успѣха такихъ литературныхъ произведеній и такихъ журналовъ, которые судьбою поставлены на середину. Побольше такихъ умѣренныхъ людей, какъ вы, — и они всегда будутъ процвѣтать, смѣняя другъ друга, умирая индивидуально, но не переводясь какъ роды и виды... Но, пора объѣдать. Прощайте.

ТЕАТРАЛЬНАЯ ХРОНИКА.

РУССКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Производительный геній нашихъ доморощенныхъ драматурговъ наконецъ совсѣмъ истощился. Даже публика Александринскаго Театра — эта самая довольная и невзыскательная изъ всѣхъ публикъ въ мірѣ — наконецъ начинаетъ понимать, что «на своихъ не далеко уѣдешь». Что жъ тутъ дѣлать, особенно бѣднымъ бенефициантамъ?—Съ горя, они рѣшились на поступокъ от-

чашиный: ставить на сцену старыя пьесы, снова тормошить ветхія кости покойника-классицизма. Публика Александринскаго Театра, тоже съ горя, рвнилась смотреть эти пьесы, которыя, впрочемъ, для нея совершенная новость, и которыя скоро ей наскучать не хуже самодѣльныхъ и передѣльныхъ водевилей, какъ-скоро она къ нимъ поприсмотрится... Боже мой! какъ быстро все идетъ на Руси! Давно ли, кажется, владычествовалъ въ нашей литературѣ и на нашей сценѣ французскій псевдо-классицизмъ! Давно ли кончались ожесточенные бои за романтизмъ противъ классицизма, и за классицизмъ противъ романтизма! И вотъ уже на пьесы Расина и Мольера смотреть въ театрѣ, какъ на пьесы новыя, о которыхъ только журналисты и литераторы знаютъ, что онѣ старыя. Впрочемъ, причиною этого не одинъ быстрый ходъ потока мѣтній, но и невнимное незнаніе всего, что дѣлалось вчера и чего уже не дѣлается нынѣ. Публика Александринскаго Театра — особая публика, подобной которой не найти ни въ древнемъ, ни въ новомъ мірѣ. Это публика безъ преданій, безъ корня и почвы: она составляетъ или изъ того временно-набѣгающаго на Петербургъ народонаселенія, которое сегодня здѣсь, а завтра Богъ-знаетъ гдѣ, или изъ того дѣльнаго люда, который ходитъ въ театрѣ отдохнуть отъ протоколовъ и отношеній, и которому, послѣ канцелярскаго слога, лучше всего на свѣтѣ слогъ «Сверной Пчелы», юморъ «Библиотеки для Чтенія» и тонкая игра водевильнаго остроумія. Гдѣ жъ всѣмъ этимъ людямъ помнить, что было назадъ тому лѣтъ двадцать? И такъ, дайте имъ не только Расина и Мольера, но даже и «Волшебный Носъ» г. Писарева: пока для нашего дѣловаго люда это будетъ ново, онъ останется всѣмъ этимъ очень-доволенъ, и будетъ съ важностію разсуждать, отъ-чего «Ифигенія въ Авлидѣ» такъ хороша, а между-тѣмъ молвить ко сну...

Итакъ, пересмотримъ сперва ста-

рыя «возобновленные» пьесы, а отъ нихъ обратимся къ новой самодѣляющей, передѣляющей и переводимъ съ французскаго.

27) Ифигенія въ Авлидѣ. *Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, соч. Расина, переводъ М. Лобанова.*

Какая знаменитая трагедія — эта «Ифигенія»! Какое великое имя — тотъ Расинъ! Герои, цари, жрецы, полководцы, иаперсники, иаперсницы, вѣстники, александрійскіе стихи, важная выстука, пѣвучая декламация — все это чудо, прелесть, очарованіе! И если мы во всемъ этомъ не видимъ природы, смысла, толка, страстей, чувствъ, мыслей, поэзии — виноваты не Расинъ, а нашъ современный вкусъ, развращенный, сбитый съ истиннаго пути поэтами новаго времени, которые увидѣли высочайшій идеалъ искусства въ пьяномъ ликарѣ Шекспирѣ. И Буало былъ правъ, говоря Расину: «пиши — я ручаюсь за потомство!» Почему же Буало могъ знать, что вкусъ потомства такъ исказится, сдѣлается до того нелѣпнымъ, что потребуетъ отъ поэзии истинны, вдохновенія, чувства, идеи, дѣйствительности? Почему же могъ знать Расинъ, что Буало ошибется, думая, что «потомство» ввѣчно будетъ ходить въ пудренныхъ парикахъ, въ фижмахъ, въ шитыхъ кафтаныхъ, въ чулкахъ и башмакахъ съ пряжками? — Мы, съ своей стороны, тоже не виноваты, что въ маркизовъ-меценатовъ давно прошелъ, и что, не губя своей репутаціи честнаго человѣка, нельзя уже налѣтъ ничьей лаврен, чтобы сподобиться блаженства съестъ на нижнемъ концѣ стола знатнаго барина, и за это писать его женѣ мадригалы, а ему поздравительные стихи въ высокочортственый день именинъ его. — Итакъ, въ правы — и Расинъ, который писалъ такіа прекрасныя трагедія, и Буало, который такъ громко хвалилъ ихъ, и г. Лобановъ, который такъ много перевелъ ихъ, и мы, которые такъ протѣжно зваемъ отъ нихъ и такъ крѣпко снимвъ послѣ нихъ.

Въ предъидущей книжкѣ «Отецъ Записокъ» мы, по поводу изданной г. Поляковымъ «Физиологіи Влюбленнаго», удивлялись похвальному самолюбію русскаго чловѣка, который ни въ чемъ не хочетъ уступить ни Нѣмцу, ни Французу, и который сейчасъ же, съ топоромъ и скобелю, не только сдѣлаетъ то же, что другіе дѣлаютъ посредствомъ машинъ, но еще и коровитъ выдать свое издѣліе за нѣмецкое или французское. Одинъ изъ бенефициантовъ Александринскаго Театра, узнавъ (изъ «Репертуара» г. Песоцкаго), что на французскомъ театрѣ Расинъ снова въ страшномъ ходу, не задумался нисколько воскресить на сценѣ Александринскаго Театра изящные переводы г. Лобанова и поставилъ въ свой бенефеисъ «Ифигенію въ Авлидѣ». Онъ даже прискалъ для этого и свою, доморощенную *mademoiselle Rachel*, которая къ парижской относится точно такъ же, какъ переводные стихи г. Лобанова къ оригинальнымъ стихамъ Расина, стихамъ звучнымъ, плавнымъ, гармоническимъ, а мѣстами и поэтическимъ, писаннымъ языкомъ свѣтскимъ, безъ усъчевій, безъ «пѣвическихкихъ вольностей», безъ «сикъ» и «оныхъ», безъ «токовъ слезныхъ», и безъ стиховъ, въ родѣ слѣдующихъ:

Кула, родятель мой, стремительно сплывишь?

Ужель отраднхъ дочь обвѣтій ты ливишь?

Вообще, постановка или возстановка подобимыхъ допотопныхъ рѣдкостей очень забавна, заставляя однихъ хвалить ихъ зѣвая, другихъ — принимать ихъ за водевилы и за оперы, гдѣ все сплошь поютъ; но жаль, что она положительно вредна, даже губительна для молодыхъ спеническихъ артистовъ, ибо портитъ ихъ дикцію и жестикуляцію, приучая ихъ и говорить и двигаться не по-человѣчески. Отъ классическихъ пьесъ пострадало уже на Руси не одно замѣчательное дарованіе, и только немногіе могучіе таланты, воспитанные на классическихъ трагедіяхъ, могли осво-

бодиться, и то не безъ утраты силъ, отъ манерности и бездушности однообразности въ игрѣ. Впрочемъ, это нисколько не относится къ превосходному таланту Александринскаго Театра — г. Толченову 1-му, который, въ роли Агамемнона, былъ, по своему обыкновенію, неподражаемо-хорошъ. Будь у насъ такихъ талантовъ съ дюжиною — и Расинъ, Корнель, Вольтеръ воскресли бы на Руси еще лучше, чѣмъ въ Парижѣ!

28) ШКОЛА ЖЕНЩИНЪ. *Комедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, соч. Мольера, переводъ П. И. Хмѣльницкаго.*

29) КРИТИКА НА «ШКОЛУ ЖЕНЩИНЪ». *Комедія въ одномъ дѣйствіи, соч. Мольера, переводъ съ французскаго Г. Н. П.*

Вотъ, что касается до возобновленія Мольера на тощей сценѣ русскаго театра, — это другое дѣло! Ужъ, конечно, смотреть комедію Мольера — болѣе умное и благородное занятіе, нежели отхлопывать себѣ руки и кричать безъ умолку при грубыхъ двусмысленностяхъ самодѣльныхъ, передѣльныхъ и переводныхъ водевилей, или при патетическихъ сценахъ топорной работы самодѣльныхъ и передѣльныхъ драмъ... Правда, Мольеръ, какъ сатирической живописецъ нравовъ чуждаго намъ общества и далекой отъ насъ эпохи, можетъ существовать для насъ только какъ фактъ исторіи ново-европейской литературы, на сценѣ же не имѣетъ для насъ никакого значенія, никакого смысла; но, повторяемъ, лучше же что-нибудь дѣльное въ какомъ бы то ни было отношеніи, чѣмъ рѣшительно-бездѣльное во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ. Мольеръ былъ чловѣкъ съ огромнымъ талантомъ; но, при сужденіи о немъ, надо знать, въ чемъ заключался этотъ талантъ, въ чемъ его значеніе, и гдѣ его границы и мѣсто. Французы безъ дальнихъ околичностей говорятъ и пишутъ: «Шекспиръ и Мольеръ! Мольеръ и Шекспиръ!», какъ-будто это

два родные брата, тогда какъ въ самомъ-то дѣлѣ ихъ родство самое дальнее. Мольеръ не былъ то, что называется «художникомъ»; его комедіи не произведенія строгаго искусства; въ нихъ нѣтъ никакихъ неумирающихъ, вѣчныхъ красотъ; но имя Мольера тѣмъ неменше велико и почтенно, а его комедіи любезны и дороги для патріотическаго чувства Французовъ. И если Французы не правы въ томъ, что не по достоинству превозносятъ Мольера и дерзаютъ, въ слѣпоту національной гордости и эстетической ограниченности, ставить его наравнѣ съ тѣмъ, кто такъ же не имѣетъ себѣ равнаго между поэтами, какъ нашъ Петръ между царями — съ Шекспиромъ, то все-таки Французы правы въ своей любви, въ своей признательной памяти къ Мольеру, неохлажденныхъ ни общественнымъ измѣненіемъ, ни успѣхами новой своей литературы. Да, они правы, забывъ Корнеля и Расина, и помня Мольера. Мольеръ былъ воспитателемъ французскаго общества, въ самый интересный моментъ его развитія, когда оно, при Людовикѣ XIV, окончателно разставшись съ грубыми формами среднихъ вѣковъ, начало новую жизнь — жизнь ума, анализа, критики. Комедіи Мольера — сатиры въ драматической формѣ, сатиры, въ которыхъ рѣзкое, остроумное перо его предавало на публичный позоръ невѣжество, глупость и подлость. И потому, въ его комедіяхъ нѣчего искать творческой концепціи, глубоко задуманныхъ характеровъ; потому, въ нихъ мало дѣйствія, ходъ неестественъ, а развязка похожа на обыкновенные *coups de théâtre*; потому же, въ нихъ являются такъ однообразно и благородные отцы, и резонеры и, вездѣ и всегда, любовники, какъ двѣ капли воды похожіе одинъ на другаго. Дѣйствующія лица комедій Мольера — олицетворенные пороки и добродѣтели, а самыя комедіи — вариация на извѣстныхъ нравственныхъ тѣмъ. Но въ чемъ посредственность бываетъ просто отвратительна, въ томъ самомъ гений

часто находитъ для себя удобныя средства для выполненія благихъ цѣлей: комедіи Мольера, не смотря на недостатки, условливаемые самою сущію ихъ, какъ драматическихъ сатиръ, не суть холодныя аллегоріи, но живыя беллетрическія произведенія, нерѣдко блестящія искрами поэтическаго вдохновенія. Онъ имѣлъ сильное вліяніе на современниковъ, следовательно, имѣютъ историческое значеніе. Человѣкъ, который могъ страшно поразить, передъ лицомъ лицемернаго общества, ядовитую гадру ханжества — великій человѣкъ! Творецъ «Тартюфа» не можетъ быть забытъ! Прибавьте къ этому поэтическое богатство разговорнаго французскаго языка, которыми пренеполнены комедіи Мольера; вспомните, что многіе выраженія и стихи изъ комедій Мольера обратились въ пословицы, — и вы поймете признательный энтузіазмъ Французовъ къ Мольеру. Присовокупите къ этому еще его поэтическую судьбу, его благородный характеръ. Но опять-таки, вѣчныхъ безотносительныхъ и безусловныхъ красокъ въ комедіяхъ Мольера нѣтъ. Его поэзія принадлежитъ не къ чистожудожественной сферѣ; онъ былъ поэтъ социальный въ духѣ своего времени, — а его время, надо сказать, было крайне неблагоприятно для поэзии, которая, помня свое божественное происхожденіе, не любитъ ливрен. Комедіи Мольера если еще и могутъ даваться теперь, то не иначе, какъ для публики самой образованной, которая приходила бы въ театръ смотреть не просто комедію, но историческую комедію, приходила бы видѣть воскресшимъ перелъ своими глазами давно-умершее общество, съ его вѣрваніями, нравственными началами, съ его пороками и добродѣтелями, словомъ, со всеми особенностями его существованія — отъ образа мыслей до костюма. Но у васъ, что прикажете у васъ дѣлать Мольеру? Развѣ смѣшить праздную толпу?...

Что мы сказали вообще о недостаткахъ рода комедій Мольера, то осо-

бенно выразилось въ «Школѣ Женщинъ». Вся завязка основана на томъ, что одинъ человекъ носить два имени, и потому невольно дѣлается повѣреннымъ юноши, который знаетъ его только подъ однимъ именемъ и который влюбленъ въ его невесту. Дѣйствіе происходитъ на улицѣ, и притомъ ночью. Развязка дѣлается чрезъ то, что называлось у древнихъ *deus ex machina*. Гдѣ жъ тутъ комедія, гдѣ тутъ характеры? И, не смотря на то, тутъ много комическаго, много вѣрнаго въ положеніяхъ дѣйствующихъ лицъ. Цель комедіи самая человѣческая—доказать, что сердца женщины нельзя привязать къ себѣ тиранствомъ, и что любовь — лучшій учитель женщины. Какое благородное вліаніе должны были имѣть на общество такіа комедіи, если ихъ писалъ такой человекъ, какъ Мольеръ!.. О вы, обожаемые мною самородные и доморощенные русскіе драматурги! Читая Мольера, потрудитесь отдѣлать въ немъ отъ всего прочаго его общее, идеальное значеніе, и, оставя безъ вниманія все, принадлежащее странѣ и времени, постарайтесь подражать ему въ томъ, что равно присуще всѣмъ странамъ и всякому времени!.. Тогда, можетъ-быть, вы перестанете ставить на сцену такіа пьесы, въ которыхъ нѣтъ никакой страны, никакого времени, никакой цѣли и никакого... смысла; въ которыхъ изображается не то, что есть, или что можетъ быть, но то, чего и нѣтъ, и не было, и никогда быть не можетъ!..

Критика на «Школу Женщинъ» есть не что иное, какъ литературный споръ о «Школѣ Женщинъ», завязавшійся въ салонѣ. Это — пьеса, явно написанная на случай, пьеса, которая въ свое время могла имѣть важное значеніе, но теперь, кромѣ книжнаго и историческаго, никакого значенія имѣть не можетъ, особенно на сценѣ. Богъ-знаетъ, для чего ее дали! Въ этомъ разговорѣ особенно замѣчательно, что живо-задѣтое самолюбіе завистликовъ, глупцовъ, неждъ и негодаевъ особенно шапало на комедію Мольера

за дурной тонъ и неприличныя слова и выраженія... Люди всегда одни и тѣ же!..

30) **Неровный Бракъ** (*съ куплетами*). Драма въ одномъ дѣйствіи, соч. Скриба. Переводъ К. В.—ра. Куплеты П. С. Федорова.

Не знаемъ, право, почему надъ именемъ этой пьесы стоитъ въ афишѣ: «въ первый разъ». Пьеса эта была уже когда-то играна на русской сценѣ; следовательно, это старая шутка, которой содержаніе нечего и рассказывать, тѣмъ болѣе, что оно извѣстно каждому образованному Петербургу по французскому театру. Глядя на эту пьесу въ Александринскомъ Театрѣ, мы сперва было-стали, какъ и всѣ, смотреть на сцену; но это занятіе очень-скоро намъ наскучило, и мы погрузились въ невыразимо-сладостное мечтаніе о дивной игрѣ г-жи Алланъ въ роли жены негоціанта Рикбура, о благородной, исполненной глубины и нѣжности чувства игрѣ г. Брессана въ роли Жоржа, объ исполненной грубаго, но истиннаго чувства, искусной игрѣ г. Дюфура въ роли негоціанта Рикбура... Потомъ мы снова взглянули на сцену, и увидѣли... не то, о чемъ мечтали... Отъ этого обыкновеннаго обстоятельства намъ вдругъ захотѣлось пройтись по корридору, за креслами, и когда мы воротились, *въ первый разъ* даваемый «Неровный Бракъ» уже кончился, и мы дали себѣ слово, при первомъ же случаѣ, опять посмотреть на Михайловскомъ Театрѣ «*La famille de Riquebourg, ou le mariage mal assorti*»...

31) **Волшебный Носъ**, или Талисманъ и Финики. *Волшебная опера-водевиль въ пяти дѣйствіяхъ, передѣланная съ французскаго* А. Н. Писаревымъ.

Поконный Писаревъ принадлежалъ къ числу тѣхъ дарованій, которыя очень-сильны въ мелочахъ, — обстоятельство, которое, вѣроятно, и причиною того, что онъ теперь забытъ. Не смотря на это, всѣ наши тепере-

шнѣ водевилысты, вѣсть взятые, не стѣять одного Писарева. Вотъ какъ женалежо на Руси безсмертѣ водевилыста! Кстати замѣтить, что можно было бы возобновить изъ сочиненій Писарева что-нибудь получше этого фарса, забытаго назадъ тому лѣтъ пятнадцать, считая со дня его перваго появленія на московской сценѣ.

32) Мать-Испанка. *Драматическое представленіе въ трехъ отдѣленіяхъ, соч. Н. А. Полеваго.*

Когда за дѣло берется мастеръ, дѣло выходитъ хорошо. Бенефисныя пьесы обыкновенно пишутся для привлеченія большой толпы въ театр—цѣль, для которой сочинители не щадятъ эффектовъ ни въ сюжетѣ, ни даже въ заглавіи пьесъ. О сюжетѣ сейчасъ; но сперва полюбуемся названіемъ пьесы: «Мать-Испанка». Не правда ли, у васъ сейчасъ возникаютъ въ воображеніи кинжалы, яды, убійства, самоубійства? Ну, какъ не идти въ театр! Но постоитъ—это еще не все. Пьеса, или *драматическое представленіе* (Вильямъ Шекспиръ и г. Полевой никогда не называютъ своихъ драматическихъ опытовъ ни драмами, ни трагедіями, но всегда «драматическими представленіями»—привилегія гениевъ!) состоитъ изъ трехъ отдѣленій, изъ которыхъ каждое носитъ особенное названіе: 1-е — «Андалузская Роза», 2-е — «Тайна матери», 3-е — «Судъ Совѣсти!» Бѣгите, скачите, спѣшите достать билетъ! Но постоитъ—еще слово: не все! не все! Слушайте: *1-жа Дюръ и 1. Смирновъ 2-я такъовать будутъ менуэты!* Эти слова читатель слышитъ уже на дорогѣ къ театру, пыль взвилась—и онъ уже не слышитъ насъ, лета стремглавъ... Подлинно, *дѣло мастера боится!*.

Филиппъ IV, король испанскій, влюбляется въ дочь герцогини Медина-Сидовія до того, что хочетъ на ней тайно обвѣнчаться, отпавъ ее у жениха. Герцогиня объявляетъ королю, что ея дочь—сестра его, плодъ любви ея съ отцомъ короля. Послѣ разныхъ колебаній между любовью и ревностью, ко-

роль прощаетъ жениха своей возлюбленной, обнажившаго шпагу на королевскаго любимца, велитъ ему сейчасъ же обвѣнчаться съ дочерью герцогини и обвѣнчаться же вѣтъ въ Индію, куда назначаетъ его вицееромъ. Тогда герцогиня объявляетъ королю, что она солгала ему, для спасенія дочери отъ несчастія, а его, короля, отъ преступленія. Король прощаетъ ее, и дѣло оканчивается благополучно.

Все это очень-хорошо; но худо одно — что эта мать-Испанка такъ же похожа на Испанку, какъ и на Шведку, и на Нѣмку, какъ на женщину всякой другой націи; вся пьеса проникнута чѣмъ-то въ родѣ... не то дѣтскости, не то старчества: все въ ней дѣлается *по щучьему велѣнію, по моему прошенью...* Короля пожираетъ злобная страсть, которую онъ побуждаетъ, и этого самого короля водитъ за носъ негодный Оливарецъ, котораго сочинитель представилъ шутомъ и плутомъ: несообразность! Потомъ сочинитель заставляетъ двухъ шутовъ и дураковъ представлять, одного — камергера, другаго — французскаго посла, и по его волѣ, они должны вести между собою разговоры, нисколько неотвѣсачиися къ пьесѣ и до того исполненные дурнаго тона, что этихъ двухъ господъ скорѣе можно принять за истопниковъ, нежели за придворныхъ: еще несообразность! Испанскій дворъ напоминаетъ собою гостей Сквозника-Дмухановскаго, въ пятомъ актѣ «Ревизора»: третья несообразность! Во всей пьесѣ испанскаго нѣтъ въ виду, кромѣ именъ дѣйствующихъ лицъ. Характеры... но кто же и требуетъ характеровъ отъ бенефисныхъ пьесъ, и притомъ уже извѣстныхъ сочинителей! Отсутствіе характеровъ въ этомъ «драматическомъ представленіи» очень-удачно вознаграждено *менуэтомъ*, а пьеса спасена отъ преждевременной смерти искусною игрою г. Каратыгина.

33) Учитель. *Комедія-водевилъ въ двухъ дѣйствіяхъ. Соч. В. З.*

Молодой человекъ съ душою и сердцемъ, съ умомъ и образованіемъ, ко-

щель до брадствецной необходимости быть домашнимъ учителемъ въ провинціи. На сценѣ балъ. Гости и гости оскорбляютъ учителя своими мѣтвѣями и грубостію, и они же считаютъ себя оскорбленными имъ и требуютъ, чтобъ его прогнали. Какимъ-то образомъ въ дочери своего хозяина, сговоренной за стараго проныру и негодая, доктора Муса, онъ узнаетъ свою возлюбленную. Чобъ вызвать ее, онъ играетъ на фортепьяно любимую ея пѣсню, и когда Марья Ивановна входитъ, онъ поздравляетъ ее, съ бокаломъ въ рукъ, а она, какъ водится, «ахъ!» да и въ обморокъ. Докторъ оказывается дурнымъ человѣкомъ: онъ обманомъ обобралъ дяда Гладина и тѣмъ лишилъ Гладина наслѣдства. Гладинъ при всѣхъ уличаетъ его; тотъ — просьбу. Хоодаковъ (хозяинъ дома) не знаетъ, что и дѣлать: всѣ съ нимъ разсорились за учителя, а онъ не имѣетъ духу отказать ему отъ дому. Но Гладинъ, послѣ эффектной сцены съ своею возлюбленною, рѣшается у всѣхъ просить извиненія — и у самого Муса, который преклоняется на миръ тѣмъ, что Марья Ивановна обѣщаетъ выйдти за него замужъ. Въ пѣсѣ нѣтъ истины, но есть что-то похожее на вѣроятность; въ куплетахъ и нѣкоторыхъ монологахъ Гладина замѣтно чувство; во пѣса такъ дурно сложена, такъ въ ней много самыхъ ребяческихъ эффектовъ, что она не могла не упасть сразу, хотя и заслуживала бы лучшей участи. Видно, что сочинитель еще слишкомъ-молодъ, а принялся за дѣло, которое требуетъ опытности и званія жизни.

34) Обойщикъ. *Драма въ трехъ дѣйствіяхъ*, соч. Баара и Дюмануара.

Г. Дюваль женится на Элизѣ Дидьѣ. У него есть сынъ Артуръ, ремесломъ обойщикъ, котораго онъ признаетъ своимъ сыномъ только наединѣ съ нимъ. Артуръ обожаетъ своего отца со всѣмъ жаромъ простаго и искренняго сердца. Призванный въ домъ невѣсты для отдѣлки комнатъ, онъ нечаянно узнаетъ,

что невѣста отца его любить другаго. Между-тѣмъ, отецъ его обвинчался. Въ эту минуту является и любовникъ. Г. Дюваль, ничего не подозревая, приглашаетъ его къ себѣ на дачу. Но Артуръ сторожитъ за нимъ и перехватываетъ его письма къ своей махихѣ. Разъ, г. Дюваль увидѣлъ изъ саду, что жена его позволила цаловать свои руки какому-то мужчине. Артуръ, боясь сдѣлать несчастнымъ отца своего, открывъ ему все, даетъ любовнику средство скрыться, — и г. Дюваль застаетъ своего сына въ комнатѣ съ женою. Онъ выгоняетъ его съ проклятіемъ — и тѣмъ-но Артуръ клянется въ своей невинности, на колѣняхъ умоляетъ не лишать его любви родительской. Наконецъ, Артуръ перехватываетъ письмо любовника къ одному изъ его пріятелей; изъ этого письма видно, что онъ обманывалъ г-жу Дюваль мнимою любовью, чтобъ, уговоривъ ее бѣжать съ нимъ, воспользоваться ея деньгами для поправленія своихъ разстроенныхъ мотовствомъ дѣлъ. Артуръ доставляетъ это письмо г-жѣ Дюваль и идетъ драться съ г. Мориньи (любовникомъ), убиваетъ его и, раненный, возвращается въ объятія отца, который публично признаетъ его своимъ сыномъ. Эта прекрасная по мысли и хорошо-изложенная пѣса и у насъ шла очень-недурно, благодаря игрѣ самого бенефицианта, г. Максимова 1-го, г. и г-жи Каратыгиныхъ и г. Мартынова.

35) Выборы, или За споромъ дяло стало. *Водевиль въ одномъ дѣйствіи*, соч. Г. Н. П.

Максимъ Кузьмичъ Ведерниковъ — человекъ съ слабымъ характеромъ, а жена его, Матрена Аванасьевна, женщина съ сильнымъ характеромъ, и потому онъ ее боится больше смерти. Племянница ихъ, Наташа, любитъ г. Шумскаго, а тетущка хочетъ отдать ее за г. Бульбасова. Матренинъ Аванасьевичъ хочетъ, чтобъ ея мужъ былъ выбрапъ въ предводителя, а мужъ ея готовъ быть чѣмъ ей угодно, лишь бы она его не бранила. Бульбасовъ обѣщается хлопотать на выборахъ въ

пользу Ведерникова — и обманываетъ, а Шумскій въ пользу его самъ отказывается отъ предводительства. Наташа, между-тѣмъ, дѣйствуетъ такъ, какъ-будто ей пріятно выйти за кого ни прикажетъ тетюшка, для чего мистифируетъ своего возлюбленнаго мнимую холодностію, а съ Бульбасовымъ обходится до времени, какъ съ женихомъ, и такимъ образомъ проводить всѣхъ и достигаетъ цѣли своихъ желаній. Будь у сочинителя хоть крошечка тадапта, оны сдѣлалъ бы изъ этого сюжета прекрасный водевиль; но какъ «таковаго» не имѣется, а къ-тому же оны вовсе не знаетъ, какъ совершаются выборы, то и вышла на сценѣ препустая пьеса.

36) Сынъ Милльонера. *Водевиль въ трехъ отдѣлахъ, сюжетъ заимствованъ изъ французской повѣсти того же названія.*

На воды ждуть сына милльонера; матушки не дремлютъ и дочкамъ звать не велятъ. По ошибкѣ, совсѣмъ-другаго принимаютъ за сына милльонера, въкоего г. Ласточкина, который влюбленъ въ Александру Петровну, дочь Софьи Алексѣевны Сердечной. Ласточкинъ никакъ не можетъ понять, отъ-чего всѣ мужчины лезутъ къ нему въ друзья, а женщины такъ и вѣшаются ему на шею. Дѣла его съ Александрою Петровною пошли хорошо; но когда матушка ея узнаетъ, что оны не сыновъ милльонера, запрещаетъ ей любить его. Ласточкинъ заболѣлъ, и его возлюбленная рѣшается войти къ нему въ комнату: оны забылся въ креслахъ, и во снѣ произноситъ ея имя: — глупо-сентиментальная сцена. Въ концѣ водевиля любовники, по обыкновенію, женятся. За исключеніемъ приторно-изъвнхъ сценъ любви, грязныхъ двусмысленностей, которыми, впрочемъ, ужасно аплодировали и кричали «фора» — водевиль не дурень.

37) Супружеское Счастье, или Старый Холостякъ.

Двѣ четы супруговъ обольщаютъ своего пріятели, стараго холостяка, блаженствомъ супружеской жизни,

чтобъ женить его на дочери Петра Ивановича (фамилии не означено на афишкѣ). Видя, какъ счастливо его пріятели живутъ съ женами, холостякъ было и развѣжился; но жены не вытерпѣли — брань, крикъ, чуть не драка съ мужьями, а холостякъ давай Богъ ноги отъ супружескаго счастья. Водевиль на сценѣ забавень.

38) Капитанъ второго ранга и Жена первой статьи. *Комедія — водевиль въ одномъ дѣйствіи, передѣланная съ французскаго Г. Н. П.*

Капитанъ Алышовъ бѣжалъ изъ Риги отъ своей жены, по причинамъ крутости ея характера. Черезъ нѣсколько лѣтъ, поселившись въ Петербургъ въ собственномъ домѣ, оны скучаетъ, по по совету своего управляющаго, беретъ къ себѣ въ компаньонки бланную дѣвушку, живущую въ его домѣ съ своею матерью. Въ дѣвушкѣ, оны узнаетъ свою дочь и, черезъ нее, опять сходится съ грозною своею супругою.

39) Дѣвушка Назаръ Андреевичъ. *Водевиль въ одномъ дѣйствіи, соч. Скриба, передѣланный съ французскаго П. С. Федоровымъ.*

Дѣдушка Назаръ Андреевичъ до того любитъ своихъ внуковъ, что они дѣлаютъ изъ него, что хотятъ. Однѣ изъ нихъ, видя, что соперникъ отбываетъ у нихъ любезную, велитъ дѣдушкѣ за нее свататься и чуть не женить его на ней. Этого водевиля, какъ видно, совершенно во французскихъ нравахъ; перерядившись же въ русскіе нравы, оны превратился въ фарсъ, который игра г. Мартыновъ сдѣлала очень-забавнымъ.

40) Барабанщикъ, *водевиль въ одномъ дѣйствіи, передѣланный съ французскаго.*

Содержаніе этой пьесы до того запутано, безтолково и натянута, что мы на другой же день забыли, что такое въ ней представлялось.

41) Фортункинъ, или Мужъ съ мѣста, другой на мѣсто. *Водевиль въ одномъ дѣйствіи, передѣланный съ французскаго Д. Ленскимъ.*

Промотавшійся Фортункинъ живеть въ гостиницѣ; но кредиторы заста-вили его убраться вонъ. Номеръ его завали прѣзжіе, мужъ съ женою. Въ нѣхъ отсутствіе является Фортункинъ (видно номеръ не былъ запертъ) и ложится спать. Горничная Лелевыхъ принимаетъ его за барина, и проситъ у него позволенія отправиться въ ма-скарать; изъ-за завѣсовъ кровати, оныя отпускаетъ ее, и она уходитъ съ своимъ любовникомъ, цирюльникомъ Тетеревымъ. Прѣзжаетъ Лелева—за-бавная сцена, прѣзжаетъ Лелевъ — другая, и т. д. Весь водевилъ заба-вешъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ И ЖУРНАЛЬНЫЕ ЗАМѢТКИ.

Все согласны, что русская литера-тура довольно-небогата, такъ-что охот-никамъ до русскихъ книгъ просто вѣчего читать, если они хотятъ читать только одно хорошее. Въ 1840 году вышелъ «Герой Нашего Времени», а въ 1842 году вышли «Мертвыя Души». Если включить сюда пять-шесть пове-стей въ журвалахъ и альманахахъ.— вотъ и все по части прозы... Кто бу-детъ спорить, что для прочтенія *всего этого* немного нужно времени? Въ 1840 году вышли стихотворенія Лер-монтова, а въ 1841—42 году, отъ дня смерти поэта почти до настоящей ми-нуты, напечатаны въ «Отеч. Запи-скахъ», кромѣ небольшихъ пьесъ, от-рывки изъ «Демона» и поэма «Бояринъ Орша»; если включить сюда вышед-шія въ вышнемъ году стихотворе-нія г. Майкова, да еще пять-шесть стихотворныхъ пьесъ, разсѣянныхъ по журналамъ и альманахамъ, вотъ и все, — что явилось примѣчательнаго по части стиховъ въ послѣдніе два года!.. Опять никто не будетъ спорить, что для

прочтенія *всего этого* нужно слиш-комъ-мало времени... Репертуаръ рус-ской сцены — эта арена гг. Куколь-нича, Полеваго, Ободовскаго, Коров-кина, Соколова и многихъ другихъ, — репертуаръ русской сцены предста-вляетъ собою то засохшее поле, на ко-торомъ ни былинки, то, послѣ дол-гихъ проливныхъ дождей, покрытую грибами и дождевиками поляну... Во-обще, наша драматическая литерату-ра хуже всякой другой нашей лите-ратуры; о ней не стѣбало бы даже и говорить. Но все это дѣло весьма-по-правимое, и притомъ легко-поправи-мое. Удивляемся, какъ никому не при-шло въ голову этого простаго сред-ства, и только одна «Сѣверная Пче-ла» могла придумать его. Въ 42 № этой газеты напечатано, между про-чимъ, слѣдующее:

«Хладнокровіе къ русской литературѣ и русскимъ художествамъ, грѣхъ противу русской народности, слѣдовательно и про-тиву патриотизма. Вы скажете намъ: да виноваты ли мы, что за границею пишутъ лучше (*чѣмъ — idem?*), что водевилъ Скри-ба лучше нашихъ, что драмы Дюма и Ви-ктора Гюго занимательнѣе (*чѣмъ?*), что ро-маны Евгенія Сю, Бальзака и Жоржъ Зандъ превосходнѣе (*чѣмъ?*), что *Les Français peints par eux-mêmes* лучше *Нашихъ?*.. Быть мож-жетъ, не споримъ. Но если въ годовыхъ своихъ расходахъ вы полагаете тысячу рублей на вистъ и тысячу рублей на не-предвидимыя мелкія издержки, определите, *пожалуйста*, хотя *платесть рублей на русскія книги! Не читайте сами, если они вамъ не нравятся, но отсылайте ка-ждую зиму въ деревню, въ вашу деревен-скую библіотеку. Пусть они лежатъ тамъ спокойно. Придетъ время, и вашъ потомокъ воздастъ вамъ за это честь и ква-лу! — Вамъ скучно въ русскомъ театрѣ — итъ пужды! появляйтесь тамъ въ представленіе каждой новой русской пьесы, особенно оригинальной—это принесетъ большую пользу искусству! Пьесы пишутся по публикѣ, и когда люди высшего вкуса и образованія стануть появляться въ русскомъ театрѣ, пьесы будутъ взыщиве.»*

Какъ жаль, что подъ этою прекрас-ною статью не подписано имени ея

сочинителя, которое, такимъ образомъ, не перейдетъ въ потомство и не приобрететъ заслуженнаго имъ безсмертія! Какой проектъ, Боже мой, какой проектъ! Какъ онъ простъ и удобно исполнимъ! А между-тѣмъ какіе великіе результаты должны изъ него выйдти! Литература процветаетъ, т. е. потомки прочтутъ книги, которыя не стоили вниманія современниковъ, и будутъ обязаны живѣйшею благодарностію собирателямъ этихъ драгоценныхъ библиотекъ... Увидя, что и высшее общество зянуть звать и спать на представленія новыхъ русскихъ, особенно оригинальныхъ, пьесъ,—наши драматурги вдругъ приобретутъ и талантъ, и вкусъ, и умъ, и чувство приличія, и знаніе жизни, словомъ, все, чего они съ такою истинно-достойною удивленія рѣшимостію досихъ-поръ не хотая приобрести... Помилуйте, да такой проектъ больше всякой книги заслуживаетъ демидовскую премію!.. Честь и слава газетъ, гдѣ печатаются такіе дивные проекты!..

—

Что такое патриотизмъ и патриоты—всякій знаетъ; но не всякій знаетъ, что патриоты раздѣляются на два разряда. Одни получаютъ имя патриотовъ за свои заслуги, отъ общества и отъ исторіи, какъ получили его Мининъ, Пожарскій, Сусанинъ и другіе, не дожидаясь приговора общества, которое часто бываетъ завистливо, и исторіи, которая всегда бываетъ медленна. Другіе сами себя провозглашаютъ патриотами, потому что громче другихъ говорятъ о любви и ревности ко всему отечественному. У насъ въ литературѣ теперь особенно много развелось патриотовъ втораго разряда. Между ними даже есть люди, неумѣющіе безъ ошибки противъ языка написать двухъ строкъ по-русски, но тѣмъ не менѣе, въ своей патриотической ревности затѣвующіе преобразование русскаго слога. Дру-

гіе, прижавшись за-какого-нибудь опытнаго корректора, кое-какъ повнаострились писать русскимъ складомъ, за что даже стяжали себѣ славу «сочинителей» на всѣхъ толкучихъ рынкахъ, гдѣ, между прочимъ хламомъ, продаются, и порознь и мѣшками, книги, которыя не пошанъ въ ходъ изъ книжныхъ лавокъ, или которыя прежде бойко шли, но потомъ, какъ говорится, вдругъ оборвались. Третьи, чтобы сдѣлать для всѣхъ явше свой патриотизмъ, пишутъ языкомъ времени Кошкина, прамѣромъ русскихъ мужиковъ и бабъ уличаютъ Бога-знаетъ въ чѣмъ Гоголя и французскихъ романистовъ, которые, разумѣется, ничего объ этомъ не знаютъ, а потому и не могутъ исправиться. Вообще, эти третьи всѣхъ интереснѣе. Россія не сходитъ съ ихъ пера, и, читая ихъ писанія, не знаешь, чему больше дивиться: тому ли, что они, подобно мужъ Крылова, хлопочутъ о томъ, что и безъ ихъ хлопотъ хорошо идетъ; тому ли, что они пишутъ для такого класса людей, который, по неванію грамоты, не можетъ читать ихъ, или, наконецъ, той навной сиромности, съ которою они даютъ знать, какъ крѣпко залегла у нихъ на сердца мысль о благосостояніи всего отечественнаго... Одинъ изъ этихъ господъ недавно далъ совѣтъ русскимъ образованнымъ классамъ, чтобы они посылали своихъ дѣтей учиться русскому языку въ крестьянскія избы!!.. Впрочемъ, дѣло рѣшеное, что тяжелые труды, часто не вполне вознаграждаемые современниками, составляютъ принадлежность только патриотовъ перваго разряда; патриоты же втораго разряда всегда вездѣ благоденствовали, и должно-быть, на нихъ метилъ Крыловъ этими чудесными стихами:

А смотришь: по маленьку
То домикъ выстроитъ, то купитъ деревенку...
—

Исторія о ножичкѣ (*фактъ для будущаго историка русской литературы*). Въ 63 № «Сверной Пчелы» вышедшаго года помѣщено, между прочимъ, письмо гг. Аниѣева, Страхова и Вагина, мастеровъ села Павлова, къ какому-то Ивану Ильичу. Письмо это напечатано подъ названіемъ «Защита добрыхъ русскихъ мастеровъ» и заключаетъ въ себя возраженіе на статью о селѣ Павловѣ, напечатанную въ «Живописномъ Обзорѣи». Оно оканчивается слѣдующими, равно любопытными и для современниковъ и для потомства, строками:

«.....Милостивый государь Иванъ Ильичъ, мы и рѣшились васъ покорнѣе попросить этимъ письмомъ, взять на себя трудъ увидѣться съ его высокоблагородіемъ Фаддеемъ Введенковичемъ Булгаринымъ, какъ ревностнымъ защитникомъ и любителемъ всего отечественнаго, и попросить его, не помѣстить ли онъ хотя небольшой статейки, въ защиту нашихъ издѣлій противъ Живописнаго Обзорѣи, въ Сверной Пчелѣ, *всегда открытой и безпристрастной естъницѣ о селѣ произведеніяхъ отечественныхъ, которую мы около десяти лѣтъ постоянно читаемъ и перечитываемъ, а въ особенности статьи г. Булгарина, всегда въ особенномъ удовольствіи.*»

При семъ г. Булгаринъ *предъявляетъ* въ выноскѣ слѣдующее:

«Литературные мои противники могутъ обвинить меня въ тщеславіи, самолюбіи и въ чемъ угодно (*sic!*) за то, что я не вычеркнулъ изъ письма лестныхъ для меня выраженій. Подвергаюсь охотно всѣмъ упрекамъ и насмѣшкамъ журналовъ, но эта похвала русскихъ грамотныхъ мастеровыхъ такъ для меня лестна, такъ радуется меня и утѣшаетъ, что я не променяю ея на цѣлыя печатные листы журнальной похвалы, и на самые кудрявые французскіе или русскіе комплименты (*разумѣется, если бы таковы имѣлись!*) Больше всего дорожу я мнѣніемъ русскихъ людей, смотрящихъ на вещи и дѣла безпристрастно! Наши судьи оны, а не литературныя партіи!.. Справьтесь, любезные мои противники, есть ли одинъ русскій грамотный человѣкъ, заглядывающій въ печатное, который бы не звалъ: *О. Б.?*»

Выписавъ выноску, или *предъявленіе* г. Булгарина, выпишемъ и конецъ письма грамотныхъ и безпристрастныхъ цѣнителей г. Булгарина, мастеровыхъ села Павлова:

«Мы препровождаетъ при семъ карманный ножичекъ (*), сдѣланный на имя г. Булгарина однимъ изъ малозвѣстныхъ еще мастеровъ нашихъ, Иваномъ Хотиннымъ; онъ теперь человекъ молодой, но общается въ себя, въ послѣдствіи, по издѣлію, многое. Этотъ ножичекъ и теперь, какъ по чистотѣ отдѣлки, такъ и по прочности въ закалкѣ стали, можетъ стать въ соперничество съ лучшими иностранными издѣліями этого рода, и въ четвере ихъ дешевле. Мы просимъ покорнѣе господина Фаддее Введенковича, принять его какъ доказательство, что у насъ въ Павловѣ, фабрикація такихъ издѣлій не только не уменьшается, но по времени болѣе и болѣе совершенствуется и распространяется. Въ издѣліи на васъ, имѣемъ честь быть, и проч.»

Изъ этого любопытнаго факта для будущаго историка русской литературы мы выводимъ много утѣшительныхъ и отрадныхъ слѣдствій. Исчислимъ нѣкоторые изъ нихъ:

I. Самые лучшіе и безпристрастные цѣнители литературныхъ заслугъ суть грамотные мастеровые; они же и самыя ревностные читатели «Сверной Пчелы», а въ особенности статьи г. Булгарина всегда съ особеннымъ удовольствіемъ они читаютъ и перечитываютъ.

II. Вниманіемъ грамотныхъ мастеровыхъ г. Булгаринъ дорожитъ больше, чѣмъ литературными отзывами (вѣроятно потому-что отъ послѣднихъ ему уже нѣчего ожидать, тогда какъ отъ первыхъ, по новости для нихъ этого дѣла, онъ можетъ еще кое-чего надѣяться).

(*) • Ножичекъ этотъ получилъ я съ благодарностію, и берегу какъ вещь драгоценную, потому что онъ подаренъ мнѣ цѣлымъ миромъ села Павлова! Отказать я даже не смѣю, и сознаюсь, что этотъ пятирублевый подарокъ дороже мнѣ весьма многого драгоценнаго! *О. Б.*»

III. Вся грамотные люди, заглядывающіе въ *печатное*, знаютъ, что такое *Ф. Б.*

IV. Ножичекъ подаренъ г. Булгарину не тремя, или четырьмя мастеровыми села Павлова, какъ значится изъ письма, а *цѣлымъ міромъ села Павлова*, какъ увѣрваетъ г. Булгаринъ своихъ читателей и цѣвителей (т. е. грамотныхъ мастеровыхъ), и что, по этому, онъ, г. Булгаринъ, будетъ хвастать этотъ ножичекъ, какъ вещь драгоценную, хоть онъ и стоитъ всего какихъ-нибудь пять рублей.

V. Мы увѣрены, что черезъ какихъ-нибудь много-много сто лѣтъ «драгоценный ножичекъ» будетъ продаваться дороже пера, которымъ Наполеонъ подписалъ въ Фонтенбло свое отреченіе отъ престола.

Исторія о Митрофанушкѣ въ *Дунѣ* (*Еще матеріалъ для будущаю историка русской литературы*).

Въ 73 № «Сверной Пчелы» напечатана, между прочимъ, слѣдующая *литературная* статья:

«Позволивъ книгопродавцу И. Т. Лисенкову перепечатать въ трехъ частяхъ сочиненія мои изъ разныхъ журналовъ, я обещала ему къ четвертой части написать разсказъ, подъ заглавіемъ: *Митрофанушка въ Дунѣ*, но до сихъ поръ этого новаго сочиненія г. Лисенкову не доставилъ, а потому и прошу всѣхъ подписавшихся у него на четвертую часть моихъ сочиненій избавить его, Лисенкова, отъ всякой ответственности. Я же принимаю на себя публично священный obligation *выставить* четвертый томъ къ низвѣвшему лѣту, въ удовлетвореніе гг. подписавшихся. При семъ долгомъ считаю объяснить на счетъ этого замедленія, въ которомъ я *безъ вины виновата*. Рукопись не только была написана, но даже *процензирована*, и по несчастному случаю *утрачена*. Что тутъ дѣлать? Писать вновь то, что уже было написано однажды, припоминая преждее? Кто знакомъ, хотя нѣсколько, съ трудомъ воображенія, тотъ знаетъ, какъ это тяжело! Мучительнѣйшей попытки нельзя изобрѣсть для головы литератора, какъ повтореніе однажды уже конченной ра-

боты! — Между тѣмъ, г. Лисенковъ завелъ со мною процессъ, какъ это было видно изъ Полицейскихъ Вѣдомостей, и дѣло остановилось. Теперь прошу всѣхъ и каждого подождать спокойно *шестя лѣтъ*, и четвертая часть будетъ готова. Снѣмъ отвѣчаю на всѣ вопросы, запросы и требованія! *Нельзя же истолочъ мозги литератора въ моты, и слѣчь пирогахъ*. Дѣло ума — дѣло невольное. *Нейдесть въ голую мысль, такъ и пушечнымъ ядромъ не взорвешь ее*. *Ф. Булгаринъ.*»

Изъ этого «предъявленія» мы не выводимъ никакихъ слѣдствій: дѣло ясно само-по-себѣ. Можно замѣтить разнѣ, что это обещаніе съ шестинедѣльнымъ срокомъ напечатано 2 апрѣля, теперь сентябрь, — а «Митрофанушки» все еще нѣтъ!

Свѣтскость рѣшительно свѣдалась мавіею нѣкоторыхъ сочинителей. Не то, чтобы они были люди свѣтскіе, или находились въ какомъ-нибудь соприсношеніи, прямомъ или косвенномъ, съ тѣмъ, что называется «большимъ свѣтомъ»: нѣтъ, совсѣмъ не то! Ихъ уваженіе къ свѣтскости гораздо-выше и безкорыстнѣе: это что-то въ родѣ рыцарскаго обожанія красоты, которой никто изъ нихъ и не видалъ, во за честь которой каждый изъ нихъ готовъ переломить копье со всякимъ, осмѣливающимся сомнѣваться, что ихъ Дульцинея не первая красавица въ мірѣ. Впрочемъ, они стараются привлечь изъ своего безкорыстнаго обожанія кое-какія выгоды. Когда является твореніе поэта, на смерть убивающее произведенія этихъ «свѣтскихъ сочинителей», — они, эти «свѣтскіе сочинители», сейчасъ поднимаютъ совсѣмъ не свѣтскій крикъ и ссылаются художественную вѣрность дѣйствительности въ великомъ твореніи выставить грязными картинками, вѣрность натурѣ и характерамъ изображаемыхъ лицъ — площадными словами, которыя будто-бы поэтъ употребляетъ отъ самого-себя, по страсти своей къ цинизму. Нельзя, однакожъ, во всѣхъ

этихъ напакахъ видѣть умышенное искаженіе истины, неблагонамѣренную цѣль: напротивъ, многіе изъ нихъ удвѣляютъ своею искренностію. Дѣло въ томъ, что наши «свѣтскіе сочинители» смѣшиваютъ свой собственный кругъ общества съ большимъ свѣтомъ, котораго имъ и во свѣ не случилось видѣть. Къ какому же кругу общества принадлежать эти «свѣтскіе сочинители»?—Къ тому самому, который такъ превосходно выведенъ Гоголемъ въ IX-й главѣ «Мертвыхъ Душъ», гдѣ такъ гениально изображены «пріятная во всѣхъ отношеніяхъ дама» и «просто-пріятная дама». Впрочемъ, въ IX-й главѣ это общество представлено въ дѣйствіи, а общая характеристика его находится въ VIII-й главѣ, изъ которой, кстати, выишемъ здѣсь нѣсколько строкъ: «Дамы города N отличались, подобно многимъ дамамъ петербургскимъ, необыкновенною осторожностію и приличіемъ въ словахъ и выраженіяхъ. Никогда не говорили онѣ: я высморкалась, я вспотѣла, я плюнула, а говорили: я облегчила себѣ носъ. я обошлась посредствомъ платка. Ни въ какомъ случаѣ нельзя было сказать: этотъ стаканъ, или эта тарелка вовлеть. И даже нельзя было сказать ничего такого, что бы плѣдало намекъ на это, и говорили вмѣсто того: этотъ стаканъ не хорошо ведетъ себя, или что-нибудь въ родѣ этого» (306 стр.). Трудно было бы и вообразить, что говорятъ дамы города N о «Мертвыхъ Душахъ» Гоголя; но нѣкоторые «свѣтскіе сочинители» своими рецензіями удачно и удовлетворительно рѣшили эту задачу. Въ то время, какъ высшій свѣтъ, почти нечитающій русскихъ книгъ (по причинамъ, которыхъ по совѣсти нельзя не одобрить), читаетъ «Мертвыя Души» и восхищается ими, не находя въ нихъ ни одного слова, котораго бы нельзя было прочесть громко въ обществѣ,—они, бѣдняжки, т. е. наши «свѣтскіе сочинители» такъ и рвутся отъ негодованія на произведеніе Гоголя за грязность его картинъ и выраженій.

Вотъ, что недавно прочли мы, по поводу этого:

«Мы слышали, будто въ здѣшней столицѣ учредилось дамское общество, въ которомъ запрещается говорить по-французски, и возлагается обязанность изъясняться непременно по-русски, разумеется, съ Русскими. За каждое французское слово должно платить штрафъ, въ пользу бѣдныхъ по пятачку, а за неправильную русскую фразу по гривеннику. Еслии вѣсть эта справедлива, поздравляемъ русское общество съ этимъ благороднымъ предположеніемъ! Господа писатели, держите ухо (с)остро! Что вы представите нашимъ дамамъ? Въ одной здѣшней газетѣ, новый романъ г. Гоголя называютъ образцовымъ твореніемъ, не знаемъ въ шутку, или серьё(з)о(ѣ)зно, а сколько при чтеніи этого романа придется заплатить гривенниковъ штрафа!!! А за лѣзныя картины его, что платить? Повторяемъ: гг. писатели, помните, что у насъ есть дамы!» (Свѣ. Ичела, 1842, № 143).

По тому статейки, можно заключить съ достовѣрностію, что ея свѣтскій сочинитель, говоря о дамахъ, явно намекаетъ на «пріятную во всѣхъ отношеніяхъ даму» и «просто-пріятную даму». Это еще болѣе подтверждается слѣдующими строками въ той же газетѣ, которая отличается истинно-изысканнымъ тономъ: призывая русскую публику, изъ патріотизма, покупать плошія книги, свѣтскій сочинитель восклицаетъ: «Что значитъ челоѣчество безъ просвѣщенія? Извините, господа, что *разболтались!* Чѣмъ полна душа, того не удержишь! Лишь тронуть — лѣтается черезъ край! О, любезный мой языкъ русский, *длѣдушка* славянскихъ нарчій! О, милая русская литература! какъ мы не вспоминать объ васъ, когда у васъ такъ немного истинныхъ друзей!...» Боже ты мой! что за свѣтскосты!

Одинъ сочинитель вздумалъ исчислить, сколько разъ былъ онъ браненъ въ другихъ журналахъ, и началъ—720 разъ!.. Кстати, онъ утверждаетъ, будто «Отеч. Записки» составили противъ

него вооруженный союзъ... Смѣшная и забавная выходка! Желая очистить русскую литературу отъ подобныхъ жалкихъ явленій, «Отеч. Записки» неумолимо преслѣдуютъ ихъ, но не бранью, а правдою, и больше выписками собственннхъ словъ такихъ сочинителей, чѣмъ возраженіями на нихъ. 720 разъ разбравенный сочинитель держался до-сихъ-поръ тѣмъ, что его выводили на свѣжую воду только московскіе журналы, мало имѣвшіе хоиз въ Петербургъ; именно отъ-того, что теперь за нимъ смотрять въ петербургскомъ журналѣ, онъ и потерялъ послѣдній кредитъ между сколько-нибудь образованными людьми, и радъ, бѣдняжка, что его хоть ма-стеровые-то еще читають и хвалять... Это полагаетъ надежду, что «Отеч. Записки» скоро совсѣмъ перестанутъ обращать на него свое вниманіе, которое, впрочемъ, и теперь обращаютъ онъ рѣдко, именно, только по случаю его выдумокъ на нихъ. Между-тѣмъ, онъ самъ, о чемъ бы ни заговорилъ, всегда привяжется къ «Отеч. Запискамъ». Боясь ихъ вліянія на публику, онъ, при изданіи всякаго новаго своего пачканья, просить «Отеч. Записки» разбранить его... Что это значитъ? — А вотъ что: по его мнѣнію, весьма основательному, сказать о его сочиненіи правду, значить разбранить его; зная же впередъ, что къ «Отеч. Запискамъ» нельзя зайти ни съ которой стороны, и что онъ непременно скажутъ всю правду, нашъ сочинитель показываетъ видъ, что похвала «Отеч. Записокъ» опасиве для его книги или статьи, чѣмъ порицаніе... Принявъ такую политику, онъ каждый разъ, какъ готовится напечатать гдѣ-нибудь свои новыя погудки на старый ладъ, просить «Отеч. Записки» бранить его; а «Отеч. Записки» каждый разъ снисходительно исполняютъ его униженныя просьбы.

Въ 158 № «Сѣверной Пчелы», какъ образчикъ безсмыслицы, выставляютъ

слѣдующее мѣсто изъ статьи «Отеч. Записокъ» о «Мертвыхъ Душахъ»:

«Величайшимъ успѣхомъ и шагомъ впередъ считаемъ мы со стороны автора то, что въ «Мертвыхъ Душахъ» вездѣ ощущаемо и, такъ-сказать, осязаемо проступаетъ его субъективность. Здѣсь мы разумѣемъ не ту субъективность, которая, по своей ограниченности или односторонности, искажаетъ объективную действительность изображаемыхъ поэтомъ предметовъ; но ту глубокую, всеобъемлющую и гуманную субъективность, которая въ художникѣ обнаруживаетъ человека съ горячимъ сердцемъ, симпатическою душою и духовно-личною самостію, — ту субъективность, которая не допускаетъ его съ апатическимъ равнодушіемъ быть чуждымъ міру, ни рисуемому, но заставляетъ его проводить черезъ свою душу жизнь явленія антипнаго міра, а черезъ то и въ нихъ вдыхать душу живу... Это прѣобладаніе субъективности, проникая и одушевляя собою всю поэму Гоголя, доходитъ до-высокаго лирическаго паюса, и осязательными волнами охватываетъ душу читателя даже въ отступленіяхъ, какъ на-прим., тамъ, гдѣ онъ говоритъ о завидной долѣ писателя, «который изъ великаго омота ежедневно возвращающихся образовъ избралъ одинъ немногія исключенія; который не измѣняя ни разу возвышеннаго строя своей лирик. не ниспускался съ вершины своей къ бѣднымъ, ничтожнымъ своимъ собратіямъ и, не касаясь земли, весь повергался въ свои далеко-отторгнутые отъ нея и возвышенныя образы»; или тамъ, гдѣ говоритъ онъ о грустной судьбѣ «писателя, державшаго вызвать наружу все, что ежеминутно передъ очами, и чего не зрять равнодушныя очи, всю страшную, потрясающую тину мелочей, опутавшихъ нашу жизнь, всю глубину холодныхъ, раздробленныхъ, повседневныхъ характеровъ, которыми казнить наша земля, подчасъ горькая и скучная дорога, и крѣпкою силою неумолимаго рывца державшаго выставить изъ выпукло и ярко на всеародныя очи: или тамъ еще, гдѣ онъ, по случаю встрѣчи Чаичкова съ главнѣншею его блондинкою, говоритъ, что «вездѣ, гдѣ бы ни было въ жизни, среди ли чорствыхъ, шероховато-бѣдныхъ, неопратно-плѣснѣющихъ, низменныхъ рядовъ ея, или среди однообразно-хладныхъ и тучно-опратныхъ сословій высшихъ, вездѣ, хоть разъ, встрѣ-

тятся на пути человеку являясь, непохожее на все то, что случилось ему видеть дотоле, которое хоть раз пробудитъ въ немъ чувство, непохожее на тѣ, которыя суждено ему чувствовать всю жизнь: вездѣ, поперегъ какимъ бы то ни было печаламъ, изъ которыхъ плетется жизнь наша, весело прочмится блестящая радость, какъ иногда блестящій экипажъ съ золотою упряжью, картинными конями и сверкающимъ блескомъ стенокъ, вдругъ неожиданно прочмится мимо какой-нибудь заглохнувшей бланой дереушки, певцадвѣшей ничего, кромѣ сельской телеги—и долго мужики стоять, зѣвая съ открытыми ртами, не надевая шапокъ, хоть давно уже унесся и пропалъ изъ виду дивный экипажъ... Такихъ мѣстъ въ поэзіи много—всѣхъ не выписать. Но этотъ паосъ субъективности поэта проявится не въ однихъ такихъ высоко-лирическихъ отступленіяхъ: овъ проявляется безпрестанно, даже и среди разсказа о самыхъ прозаическихъ предметахъ, какъ, на-прим., объ извѣстной дорожкѣ, проторенной забубеннымъ русскимъ народомъ... Его же музыку чувствуетъ внимательный слухъ читателя и въ восклицаніяхъ, подобныхъ слѣдующему: «Эхъ, русскій народецъ! не любятъ умирать своєю смертью!..»

Все это въ «Сѣверной Пчелѣ» выписано безъ отличенія выраженій нашихъ отъ выраженій Гоголя, отличенныхъ въ нашей статьѣ обыкновенными знаками. Затѣмъ слѣдуетъ къ намъ просьба, растолковать, что значить «ослазимо проступаетъ его субъективность», какая это субъективность, которая искажаетъ объективную дѣятельность, что значить «человѣкъ съ горячимъ сердцемъ и духовно-личною самостію». На всѣ эти вопросы мы не можемъ дать отвѣта «Сѣверной Пчелѣ» по слѣдующей причинѣ: для людей чему-нибудь учившихся, всѣ эти выраженія должны быть очень-ясны; тѣмъ же, кому учиться и образовываться трудно или невозможно, вѣчего и толковать того, что безъ ученія и образованія понимасмо быть не можетъ. Что значить (продолжаетъ «Пчела») «великій омутъ ежедневно вращающихся образовъ», (ужь помянно попалъ въ омутъ!—

остроумное восклицаніе «Пчелы»), что значить: «потрясающая тина мелочей» (ну, право, тина!—еще остроумное восклицаніе «Пчелы»).» Вотъ на этотъ вопросъ мы можемъ дать «Пчелѣ» удовлетворительный отвѣтъ, который понять ей будетъ легче, чѣмъ кому-нибудь другому: «Великимъ омутомъ ежедневно вращающихся образовъ» и «потрясающею тиною мелочей» поэтъ называетъ ту сторону жизни, которая прѣжде всякой другой охватываетъ человека, и изъ-подъ обаянія которой освобождаются только немногіе избранныки Провидѣнія. Эта омутовая и тинная сторона жизни преобладаетъ вездѣ—въ журналистикѣ также. Представимъ себѣ, для примѣра, такое изданіе, гдѣ бы писалось только о мелочахъ жизни—о табачныхъ лавочкахъ, кандитерскихъ, водочистительныхъ машинахъ, печатались бы похвалы дурнымъ книгамъ и бездарнымъ сочинителямъ, унижалось бы всякое дарованіе, всякій заслуженный успѣхъ; гдѣ какой-нибудь рецензентъ, еще вчера, на-примѣръ, падавшій до-ногъ передъ Пушкинымъ, завтра разругалъ бы лучшее его созданіе, провозгласилъ бы ему совершенное паденіе; вчера расхвалилъ до небесъ плохую драму своего пріятеля, возвеличивъ его именемъ Шиллера, завтра завопилъ бы передъ публикою: «пѣса дрянъ, а что а ее хвалилъ — виноватъ: сагаадегіе, пріязнь, теа сипра, теа тахіта сипра... Вотъ въ такомъ бы изданіи выразилось то, что Гоголь называетъ «великимъ омутомъ ежедневно-вращающихся образовъ» и «потрясающею тиною мелочей»... Но «Пчела» еще спрашиваетъ: что значать у Гоголя «чорствые, шорохото-бѣдныя, неспрятно-пльснѣючіе, низменныя ряды осмизни» и «однообразно-хладныя и скучно-опрятныя высшія сословія». Неужели и это надо толковать «Пчелѣ»? Смѣшно было бы толковать то, что и безъ толкованія ясно какъ $2 \times 2 = 4$. А если кому пріятно играть роль помѣшцы Коробочки, которую Чичи-

ковъ назвалъ дубинноголовою, то у насъ, право, нѣтъ никакой охоты толковать такимъ «коробочкамъ», что такое *Мертвая Душа*...

Въ № № 177 и 178 «Сѣверной Пчелы» помѣщена юристическая статья г. Ѳ. Булгарина въ родѣ овидіевыхъ превращеній. Г. Булгаринъ обращается, въ статейкѣ, въ смилицу, рябчика, или въ стрижа, и попадаетъ въ желудокъ осла, гдѣ, съ свойственнымъ ему юморомъ, открываетъ множество злыхъ соколовъ, и проч. Въ заключеніе, онъ говоритъ, будто бы въ Петербургѣ «Отеч. Записки» переводятся съ языка для него непонятнаго, на языкъ понятный, и, если слухъ не лживъ, просятъ своего корреспондента прислать къ нему переводъ «Отеч. Записокъ». Изъ этого ясно видно, какъ сильно г. Булгаринъ интересуется «Отеч. Записками», какъ сильно хочется ему ихъ читать, и какъ ему больно, что онъ не въ состояніи ихъ понимать. Мы, съ своей стороны, желая г. Булгарину пользы и удовольствія, очень рады извѣстію о переводѣ «Отеч. Записокъ» на языкъ, болѣе ему понятный, который онъ называетъ языкомъ русскимъ; только боимся одного, чтобъ онъ не были переведены по грамматикѣ г. Греча, на какое-нибудь *мазурское*, или *литовско-бѣлорусское нарѣчіе*... Тогда мы торжественно отречемся отъ переведенныхъ такимъ образомъ «Отечественныхъ Записокъ».

Въ «Москвитинѣ» и «Русскомъ Вѣстникѣ» напечатанъ *Гороскопъ Петра-Великаго*. Редакторъ послѣдняго журнала упрекаетъ въ небрежности, съ которою «Москвитинѣ» перевелъ съ латинскаго этотъ *будто-бы* драгоценный памятникъ старины. Мало того: онъ обвиняетъ въ неуваженіи къ этой «рѣкости» почтеннаго московскаго профессора и астронома, Д. М. Перевощикова, который сказалъ о гороскопѣ, что «нельзя дѣлать примѣчаній на бредъ, заслуживающій

одно только презрѣніе», и что «всякое разсужденіе о гороскопахъ унижаетъ тѣхъ людей, которые занимаютъ такимъ взоромъ». Редакторъ «Русскаго Вѣстника» говоритъ, по этому случаю: «Такъ можетъ думать астрономъ и математикъ, но отнюдь не поэтъ, не историкъ и не философъ». Мы, съ своей стороны, долгомъ считаемъ вступить за честь *поэзіи, исторіи и философіи*, къ области которыхъ напрасно относить такіа негѣпости, какъ гаданье на свѣткахъ и всякое колдовство и гороскопы. Правда, поэзія прежде, съ юношескою мечтательностію, любила эти заблужденія младенчествующаго человѣческаго ума; съ-тѣхъ-поръ, какъ она подросла и возмужала, она почитаетъ себя за честь быть органомъ разума, а не слабоумія, не невѣжества. Исторія тоже смотрѣла съ уваженіемъ, какъ на что-то таинственное, на все, въ чемъ не было смысла; но это было давно, когда еще исторія походила на легенду и на сказку. О философіи нечего и говорить: заставлятъ ее интересоваться плодами невѣжества и дикости, вѣсто того, чтобъ уничтожать ихъ, значить не имѣть ни малѣйшаго понятія о содержаніи и цѣли философіи. Скажутъ, что, можетъ-быть, у «Русскаго Вѣстника» своя философія: а! въ такомъ случаѣ, нѣтъ и спору—всякому свое; только зачѣмъ же было не оговориться, что-де *нашей* поэзіи, *нашей* исторіи и *нашей* философіи? Противъ *вашихъ*—мы ни слова...

*

ПИСЬМА ИЗЪ-ЗА ГРАНИЦЫ.

Письмо XII (*).

Испрुकъ, 12 августа 1849 года.

Не могу понять, какъ есть на свѣтѣ люди, которые могутъ писать письма

(*) Одинадцатое письмо напечатано въ XXIII-мъ томѣ «Отеч. Записокъ» (кн. 7, 1849).

лтомъ съ Рейна и прилежащихъ къ нему государствъ. Это все равно, что на бадю думать о типографической ошибкѣ, замѣченной утромъ въ статьѣ, или бесѣдовать съ докторомъ о пользѣ и вредѣ ламповыхъ и свѣчыхъ испареній. Съ іюня мѣсяца по всему протяженію Рейна, отъ Кельна до Майнца, загорается праздникъ, звѣздами которому служатъ Эмсъ, Висбаденъ, и, подалѣе, Баденъ-Баденъ и Киссингенъ. Съ іюня мѣсяца начинается этотъ приливъ иностранцевъ, волна за волной, который походить на переселеніе народовъ, съ тою только разницею, что вмѣсто массъ дѣйствуютъ тутъ частности въ невообразимомъ смѣшеніи: языки, фізіономіи, понятія и даже различные отгѣнки понятій, какъ деньги стекаются со всѣхъ концовъ Европы, — и всюду принимаются. Я снустилъ здѣсь русской полумперіалъ и мѣняе, что не худо бы имѣть деревеньку въ сихъ мѣстахъ. Съ іюня мѣсяца подъ каждымъ кустомъ гремитъ музыка, за каждымъ обзюмъ дѣтаютъ пробки шампанскаго, и вѣтъ такой горы, по которой не ползъ бы то Англичанинъ, то художникъ, то французскій *сompis-voeuageur*, то нѣмецкій студентъ съ котомкой за плечами и палкой въ рукахъ. Кому не случалось въ это время взбираться, какъ говорятъ, на недосигаемую высоту къ четвероугольной башнѣ съ провалившимися сводами, къ обломку стѣны, который иззали кажется продолженіемъ утеса, къ ряду окошекъ, въ которыя нельзя уже и заглянуть отъ немнѣня подонъ, иногда къ остатку камина, къ неясному гербу, къ трещинѣ, составлявшей некогда отверстіе темницы или ублиетки, — во всему, что называется руинами замка, и думать: вотъ я иду туда, гдѣ витаютъ орлы, поэты да профессоры исторіи, а между-тѣмъ встрѣтить цѣлое женское семейство, взобравшееся прежде васъ, сохранившее въ этой небесной позѣздкѣ неприкосновенность щегольскаго костюма и наполняющее всю циклопическую по-

стройку говоромъ и смѣхомъ: — вѣрная эмблема Рейна въ эту эпоху. А эти города: Эмсъ, Висбаденъ, и проч. — столицы космополитизма, которые, кажется, не принадлежать уже никому, принадлежа всемъ, и какъ-будто одобрительно помаваютъ головой сближенію всѣхъ народовъ и будущему скорому уничтоженію ихъ родовыхъ отличій. Сволько въ нихъ шума и сосредоточенной общественной жизни, которая отъ этого пріобрѣтаетъ немаловажное значеніе! Особенно-важны они для насъ въ томъ отношеніи, что сдѣлались живыми геральдическими книгами русскаго дворянства. Я видѣлъ въ Баденѣ доктора, который зналъ почти всѣ дворянскія фамиліи Россіи, а въ томъ числѣ и мою. Добрый докторъ! Тебѣ принадлежит мое первое воспоминаніе и ты будешь стирать первое пятно, которое покажется на благородныхъ легкихъ моихъ... Не праздники, не балы, не фейерверки этихъ волъ составляютъ ихъ главную прелесть, а легкость, съ какою приводятъ они человѣка въ непосредственное соприкосновеніе съ обществомъ Европы, со многими важными людьми ея и съ безчисленнымъ количествомъ характеровъ: это ихъ заслуга. Но одно изъ двухъ: либо смотрѣть на всѣ стороны, либо писать. Наслаждаться и описывать вмѣстѣ — невозможно. Известно, что лучшіе мемуары оставлены намъ людьми старыми или недовольными. Я ни то, ни другое: особливо я очень доволенъ собой. Вотъ почему мнѣ странно кажется, когда кто пишетъ на Рейнѣ, точно какъ-будто нѣтъ передъ нимъ зеленыхъ горъ, величественной рѣки, превосходнаго вина, любезныхъ людей!..

Да, нельзя писать изъ окрестностей Рейна! Прійдетъ ли на умъ порядочному человѣку взяться за перо во Франкфуртѣ, когда кругомъ города разлегся густой садъ съ безчисленными вилами, дачами и домиками, которые дышатъ такимъ выраженіемъ благосостоянія, что мнится, будто изъ

каждаго свѣтлаго окошечка ихъ выгладываетъ по банкиру, — когда надо гулять по тѣсной, грязной, но живописной Жидовской Улицѣ, гдѣ всѣ дома съ проходами, какъ-будто на случай внезапнаго нападенія, откуда прямо съ чернаго порога люди переходятъ въ великолѣпныя палаты, выводя съ собою неподозрѣваемые капиталы, гдѣ живетъ еще доселѣ мать Ротшильдовъ, и гдѣ всѣмъ торгуютъ, — когда, наконецъ, надо обзрѣть залу, гдѣ короновались германскіе императоры, посмотреть на картину Лессинга въ галлерей (Эцелино въ темницѣ), на Ариадну Данекера (въ Бекманскомъ Саду) и помечтать передъ двумя верхними окошечками желтаго домика въ улицѣ Гроссе-Хирш-Грабенъ: тамъ написаны были «Гецц фонъ Берлихингенъ» и «Вертеръ»! — За Франкфуртомъ являются передъ вами Дармштадтъ, Карlsru, Стутгартъ. Вы скажете: да что же смотрѣть въ этихъ новыхъ столицахъ, которыя еще обстроиваются и которыя, появившись случайно, хотятъ принарядиться по подобію великолѣпныхъ сестеръ своихъ — другихъ европейскихъ столицъ, и дѣлаютъ невообразимо-широкія улицы, безъ народонаселенія, и протягиваютъ монотонную цѣпь домовъ, безъ роскоши магазиновъ и промышленнаго блеска, которые прикрывали бы недостатокъ въ нихъ искусства? Такъ; но отъ Дармштадта идетъ знаменитая *Бергштрассе*, у подошвы Оденвальда — дорога, которая съ одной стороны коронуется горами съ ихъ римскими башнями и феодалными замками, а съ другой прикасается къ необозримымъ плодотытымъ полямъ, и идетъ она такъ до-тѣхъ-поръ, пока, круто повернувъ, открываетъ рѣку Неккаръ, Гейдельбергъ ярко отгнѣняющійся на зеленой стѣнѣ горнаго хребта, и великолѣпнѣйшую руину замка на одномъ уступѣ его. Никогда не видаль я ничего подобнаго этому замку временъ возрожденія. Такъ мощна была его постройка, такъ дѣйствительно вся сѣть украшеній наружныхъ вырѣзана въ камнѣ, такъ все въ немъ

архитекторъ рассчитывалъ на вѣчность, что, кажется, стоило бы только вставить окна да положить крышу — и вышелъ бы тотчасъ дворецъ, которому мало подобныхъ въ Европѣ. И о Карlsru замѣтили вы справедливо^(*); но въ Карlsru засѣдаетъ та баденская палата, которая свела палатскія пренія съ профессорскою декламациею и педагогическимъ разглагольствіемъ до живаго и настоящаго разсужденія, вносъ такимъ образомъ новый элементъ въ нѣмецкую жизнь. Явленіе это тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что оно не подготовлено журнализмомъ и неподдерживается имъ, и такимъ образомъ существованіе Идштетиновъ, Пейцеровъ и проч. — есть чисто самородное существованіе. Рѣчи ихъ, мнѣнія и оппозиція не фальшивы, не представляютъ лицамъ того оптическаго обмана, какой такъ часто встрѣчается во Франціи и Англіи и происходитъ отъ духа партій и корыстныхъ расчетовъ самого оратора, а напротивъ, каждое замѣчаніе есть ихъ собственная жизнь, часть собственной ихъ натуры, какъ и должно было случиться въ отечествѣ Шиллера. Да и о Стутгартѣ намекъ вашъ не безъ основанія; но въلدно же было узнать, почему Виртембергія называется *раемъ писателей*; надо же было открыть, что въ деревенькахъ ея, лежащихъ въ чашѣ садовъ и фруктовыхъ деревьевъ, существуютъ свои писатели, издаются вѣдомости, пишутся книги, являются стихотворцы; что все болѣею частію и не выходитъ изъ околотка, между тѣмъ, какъ столица въ литературномъ движеніи и умственномъ гостепримствѣ (вы понимаете, какое это гостепримство) соперничаетъ съ Лейпцигомъ. Наконецъ, за Стутгартомъ лежитъ Ульмъ, съ великолѣпнымъ своимъ готическимъ соборомъ, въ которомъ рѣзной по дереву хоръ походитъ на эпическую поэмю, а за Уль-

(*) Это относится къ письму, полученному авторомъ въ отвѣтъ на предыдущія его письма, здѣсь напечатанныя. *Ред.*

зомъ некогда-вольный городъ Аугсбургъ, съ его площадью, гдѣ происходило знаменитое *confession d'Augsbourg*, ратушею, золотой залой и 4 печами ея мастера, Николая Фохтса, которые составляютъ стравицу въ исторію искусства XVII столѣтія. Въ довершеніе всего и какъ послѣднее слово поэтики по Рейну, стоитъ въ безплодной и нездоровой долиня городъ Мюнхенъ. Въ замѣну изгнанныхъ изъ него умышленныхъ интересовъ, настроены дворцы, церкви и галлерей; но тяжело строить въ нашъ вѣкъ! Кажется, все уже высказано въ архитектурѣ, и художнику только остается взять въ образецъ старый памятникъ, очистить въ немъ всю рѣзкости, сгладить всѣ углы, и приноровить всего его къ нашему современному расположенію къ миниатюрѣ и уютности. Такъ здѣсь замѣтилъ я *облагороженныя* и уменьшенныя подобія памятниковъ, видѣнныхъ мною въ другихъ странахъ во всемъ ихъ величіи и энергіи. Я видѣлъ Базилику, которая напомнила мнѣ Базилику Лоренцо и св. Павла въ Римѣ; Глиптотеку, которая напомнила мнѣ строенія Помпей; дворецъ и библіотеку, которые напомнили мнѣ палаццо Пити и палаццо Риккардо, во Флоренціи; Лювигсъ-Кирхе, которая напомнила мнѣ романскій соборъ Бонны; капеллу всѣхъ святыхъ, которая напомнила мнѣ византійскую часовню королевскаго дворца въ Палермѣ и великолѣпный соборъ Мовреала въ часъ разстоянія отъ Палермо... Такъ въ Мюнхенѣ образовалась для меня радуга счастливейшихъ воспоминаній; одинъ конецъ ея упирался въ Гентъ и Брюгге, а другой переходилъ Альпы, огибался надъ всей Италіей и пропадалъ въ голубыя, фосфорическія волны Средиземнаго Моря. До письма ли было тутъ, сами разсудите!

Нѣтъ, нѣтъ! Я положилъ добратся до какого-нибудь царственнаго захолустья, до какой-нибудь веледѣльной личи, и тогда въ тишинѣ, какъ рыцарь Жуковского, вспоминающій о далекой

Палестинѣ подь вывезенной имъ пальмой,—написать въ поученіе вивукамъ повѣсть моихъ страствованій. Съ симъ умысломъ, изъ Мюнхена поѣхалъ я въ Зальцбургъ и Тироль, а тутъ, когда я очутился на Кёниг-зее, омерзъ, лежащемъ въ трехъ часахъ ѣзды отъ Зальцбурга, запертомъ со всѣхъ сторонъ скалами и усиненномъ такъ, что слышна капля, падающая съ вынутаго изъ воды весла, а дикіе олени на непреступныхъ высотахъ стоятъ смотрять на васъ,—тутъ высоко поднялась грудь моя и вылетѣлъ изъ нея богатырскій вздохъ, отъ котораго въ старинные годы задрожали бы горы, а вынѣ только Тиролька, правившая лодкой, остановилась, посмотрѣла нѣсколько на меня внимательнѣе, и слова принялась за работу. По-прежнему, ѣзжу я въ разныя стороны, спускаюсь въ долины, чтобъ съ береговъ ручья, kloкочущаго безъ усталости во все протяженіе свое, посмотреть на эти волны горъ, недвижно какъ-то назирающія со всѣхъ сторонъ на васъ, или взбираюсь на горы, чтобъ съ перваго обвала взглянуть на этотъ зеленый оазисъ, который, въ чудномъ безпорядкѣ деревень, тополей, мостовъ, мельницъ, лежитъ на днѣ,—но все это безъ торполивости, безъ судорожнаго любопытства и безъ мучительнаго желанія захватить глазами какъ-можно-болѣе горизонта, какъ-можно-болѣе пространства, что чувствуется обыкновенно въ другихъ странахъ. Тихо и цѣлонуременно улыбаюсь я каждой Тиролькѣ, которая проходитъ мимо въ костюмѣ, сдѣлавшемся, благодаря нашимъ театрамъ, эмблемою устарѣлаго порока, жму руку всѣмъ молодымъ съ острокошечной шляпой и зеленымъ въ ней перемъ, читаю за завтракомъ «Молитвы святому Непомуку», которые принадлежатъ столовой дѣвушкѣ, и проч. и проч.—усиленно стараюсь, словомъ, прожить хоть недѣлку чисто, идиллически,—и успѣваю. Вы видите по письму... Гдѣ же можетъ прійдти желаніе писать изъ одного благороднаго желанія писать? Гдѣ,

какъ не въ благословенномъ Тироля, пишется легко, не-хотя, сладко, любовно, даже наперекоръ другу, который, по полученіи письма, будетъ, какъ кобылица кавказскаго тавра, коситься на него пугливымъ окомъ...

Базель, 16-го августа н. с.

...«Пугливымъ окомъ» — съ симъ словомъ сѣлъ я въ почтовую карету и пріѣхалъ къ Констанцкому Озеру, прорѣзалъ его на пароходѣ до Констанца, а отсюда тѣмъ же способомъ прибылъ въ Шафгаузенъ, осмотрѣлъ паденіе Рейна, переночевалъ, и теперь въ Базель, ожидая особенныхъ мною заказанныхъ башмаковъ для путешествія по горамъ. Какъ тишивъ величественной Тироля обязанъ въ первой половинѣ письма, такъ теперь башмакамъ, нивьющимъ попать горделивыя вершины Оберлама, Риги, Бернарда — окончаніемъ его. Я такъ живо помнилъ страницу Карамзина о рейнскомъ водопадѣ, что въ осмотрѣ своемъ старался наблюдать тотъ самый порядокъ, какому онъ слѣдовалъ (позднее осуществленіе одного изъ самыхъ раннихъ, юношескихъ моихъ мечтавій); но не только политическое состояніе Европы измѣнилось съ того времени, какъ странствовалъ молодой нашъ путешественникъ, даже измѣнился и водопадъ. Много утесовъ сбросилъ онъ уже съ себя, сравнилъ много скалъ (смотри виды водопада въ концѣ прошедшаго столѣтія, и видъ его въ 1840 году) и если что одинаково отразилось въ *сю* (Карамзина) и *моемъ* глазѣ, такъ это клубы пены, да еще влажныя облака водяной пыли, освѣщенной солнечнымъ сіяніемъ. Я спросилъ также у лодочника, нѣтъ ли гдѣ такого же водопада, и, увы! не могъ онъ намекнуть мнѣ о Ниагарѣ, Америкѣ, а просто отвѣчалъ: «нигдѣ нѣтъ такого». И такъ, пропало даже и поколѣніе умныхъ лодочниковъ съ Карамзина, какъ пропадаютъ письма на почтѣ (весьми-неприятная потеря), какъ пропадаютъ все на свѣтъ... Но возвратимся къ Германіи.

«Пугливымъ окомъ». Хорошо! Что всего болѣе поражаетъ однакожъ путешественника, такъ это слѣдующее: Германія укрѣпляется; куда ни осмотришься, вездѣ строятся крѣпости: на Рейнѣ, въ Раштадѣ, Ульмѣ, Тироля, и еще существуетъ множество новыхъ предположеній. По временамъ, изъ официальныхъ газетъ раздаются крики: «укрѣпляйтесь! укрѣпляйтесь!» Такъ одно политическое обстоятельство обратило Германію къ самой-себѣ и къ началамъ, на которыхъ можетъ быть основана твердо ея матеріальная и нравственная сила. Позитивное религиозное ученіе, давно уже существовавшее въ Мюнхенѣ и немнѣвшее сильнаго вліянія, явилось какъ современная необходимость и получило великолѣпное развитіе въ Шеллингѣ. Одни изъ противниковъ профессора отказываютъ ему въ правѣ вывести изъ старой своей философіи какое-либо чистое понятіе о божествѣ; другіе въ собственной своей системѣ находятъ средства положительнаго примиренія, что доказывается переходомъ Маргренке къ такъ-называемой правой сторонѣ гегелианства, торжественно возглашенномъ журналами. Замѣчательно, что докторъ Салатъ, принадлежавшій вмѣстѣ со многими мюнхенскими профессорами къ первому разряду, въ доказательство невозможности соединенія стараго взгляда Шеллинга съ новымъ, приводитъ между прочимъ разговоръ съ нимъ Н. А. Мельгунова, напечатанный въ «Отечествен. Запискахъ» и гдѣ творецъ Natur-philosophie сказалъ: «основаніе моея новой системы то же — только я слѣдалься могуущественнѣе». Баллада Улава, пропикнутая такимъ духомъ любви къ германскому рыцарству (вспомните *Вятку*, перев. Жуковскаго), сдѣлалась, по той же причинѣ, болѣе, чѣмъ когда-либо, источникомъ вдохновенія для художниковъ, и крайнею границею этого направленія можетъ быть сочтено появленіе аристократической партіи, которая говоритъ о необходимости возстановленія всей старой феодальной

отрасли властителей, и не без таланта поддерживают это мнѣніе писателями своего класса, какъ, на-примѣръ, княземъ Сольмс - Лихъ. Иногда думается, что всѣ вопросы, которые казались на школьной скамейкѣ на-вѣки рѣшенными, снова положены на столъ, какъ старое дѣло, забытое секретаремъ. Объ оппозиціи всему этому, появляющейся тамъ и сямъ и также считающей въ средѣ своей многихъ уважаемыхъ людей—писать нечего: это дѣло безъ прелестей новизны; аргументы всѣ извѣстны.

А впрочемъ, чѣмъ болѣе смотрю я, тѣмъ болѣе вижу, что никогда—о, никогда!—не были такъ переищваны шашки, какъ въ нашъ вѣкъ: теченіемъ обстоятельствъ часто люди находятъ нѣтъ защиты во врагахъ, неожиданныхъ обидчиковъ въ пріятеляхъ, слабые берутъ съ сознаниемъ сторону сильныхъ, сильные добровольно привносятъ нѣтъ-нужные жертвы, и все это ради торжества собственныхъ началъ—*principes*. Конечно, это только наружный хаосъ, имѣющій тайные, но правильные законы: изучать ихъ надо много терпѣнія. Изъ всего этого выйдетъ мѣтко, но это нѣчто выйдетъ тогда, когда человекъ современный будетъ мирно опочивать подъ уголкомъ деревенской церкви, или за крапивою монастырской ограды... И такъ я вотъ что дѣлаю: вслѣдъ за чистымъ, кристальнымъ романсомъ Уланда, который походить на живопись по стеклу, читаю энергическое проглаіе Анастасія Грюна, который составляетъ оборотъ мезали и какъ-будто дополненіе старо-рыцарскаго направленія швабскаго поэта. Когда устаешь за нами воображеніе, я перехожу къ Рюккерту, и въ роскоши его стиха и восточныхъ образовъ забываю все одностороннее или раздражающее современности; а чтобъ окрѣпить послѣ расслабительнаго дѣйствія этой поэзіи, похожей на сонъ въ полдень, подъ шумъ водопада какой-нибудь волшебной алгамбры—есть карета, есть Тироль, Шварцвальдъ, Альпы, француз-

скія газеты, и мало-ли еще что. Вамъ извѣстно, до какой высокой степени развитъ здѣсь духъ критицизма и эстетическаго анализа: почти нѣтъ журнала, въ которомъ, при разборѣ литературнаго произведенія, не выставлено было бы прозорливо, ярко, во всеоружіи, противорѣчіе, существующее между предметомъ и истиннымъ о немъ понятіемъ—разумѣется, съ точки зрѣнія рецензента. Когда дѣлается тяжело это неумѣренное приложеніе идеалъ къ мимоидущимъ вещамъ, что такъ сильно поразило меня при выѣздѣ изъ Франціи—я обращаюсь къ уличнымъ, такъ-сказать, Нѣмцамъ и наблюденію этой странной природы, распадающейся на двѣ столь несомнѣнными половини. Вы не можете себя представить, какъ позабавилъ меня, послѣ длинной статьи «Аугсбургскаго Журнала» о празднкѣ въ Киссингенѣ, Нѣмецъ, который везъ на животѣ черезъ всю Германію кѣтку съ двумя канарейками, купленными въ Остенде и отличавшимися отъ обыкновенныхъ канареекъ только хвостикомъ. Особенно хорошо наблюдается эта добродушная порода арміивѣвыхъ дѣтей въ длиннѣхъ. Какъ-только кондукторъ заперъ дверь, и лошади съ упоромъ двинули тяжелую карету—въ этомъ желтомъ ларцѣ образуется любопытный развѣвъ свѣдѣній. Всѣ пассажиры съ некоторымъ родомъ скромности спрашиваютъ другъ у друга: «Откуда вы съ вашего позволенія... будетъ-ли позволено мнѣ... откуда вы?» Вслѣдъ за этимъ, тотчасъ обнаруживается выгода дробнаго дѣленія Германіи и польза характеристическихъ отличій разныхъ ея племенъ, ибо всѣ уже знаютъ, какъ и о чемъ другъ съ другомъ говорить, лишь только узнаютъ, гдѣ кто родился. Вестфалець льститъ славянскій національности Богемца и защищаетъ утѣшительное мнѣніе, что племя его должно обновить Германію; Богемець съ робостію поддвигается подъ токъ воинственнаго Пруссаса, объявляя его сторожемъ настоящей цивилизаціи; Пруссакъ, съ свойственнымъ ему остро-

уиѣмъ, спускаться до понятій аѣнскаго обитателя, признавая необходимость народных театровъ; добродушный Виець съ примѣрнымъ самоотверженіемъ опровергаетъ похвалы, ему воздаваемыя, и проч. Разъ встрѣтилъ намъ Жидъ. На обыкновенное «откуда вы?», онъ очень неграмматически отвѣчалъ: «Цюрихскій Еврей». Никто однакожь не сконфузился; тотчасъ объявили, что всѣ Жиды музыканты — какъ Мейерберъ, философы — какъ Менделсонъ, фельетонисты — какъ Бѣрне. Мнѣ еще ни разу не случалось избѣжать роковаго «откуда вы?». — Я отвѣчалъ всегда, какъ Каратыгинъ въ «Ермакъ» г-на Хомякова, помолчавъ съ минутой и таинственнымъ голосомъ: «Я — Русскій!» Такъ мало это всегда казалось тучетворящему дымопускателю, пытающему меня, что онъ всегда прибавлялъ: «откуда именно: изъ Петербурга, или Москвы?» — Я никакъ понять не могъ и до сихъ поръ не понимаю разумности и необходимости этого вопроса. Сперва отвѣчалъ я на удачу, но теперь привелъ это дѣло въ вѣкторнаго рода систему. Если спрашивать молодую и холостую челоѣкъ — такъ изъ Петербурга, а если женатый, имѣющій дочерей — такъ изъ Москвы. Этакъ, кажется, приличнѣе.

Нѣсколько словъ о искусствѣ въ Германіи.

Я былъ въ Дюссельдорфѣ — столицѣ новаго возрѣнія на живопись, въ слѣдствіе котораго все, что называется смѣлостію кисти, бойкостью исполненія и порывами сильной фантазіи, объявлено не живописью, а распутствомъ живописи; важнѣйшимъ же долгомъ ея считается простота сочиненія, вѣрность выраженія и сохраненіе той индивидуальности, которая принадлежитъ каждому характеру, психологически-разобранному, и которая дѣлаетъ, что въ картинѣ, какъ и въ природѣ, не можетъ быть двухъ схожихъ лицъ, какъ и двухъ схожихъ характеровъ. Я обошелъ всѣ мастерскія дюссельдорфскихъ художниковъ, и здѣсь слышу только о чудной картинѣ Лес-

синга; *Гуссъ передъ Констанцимъ Соборомъ* (недавно видѣлъ я и самую залу собора). Картина эта будетъ имѣть знаменитость европейскую по окончаніи ея, и я очень радъ, что могу первый сказать вамъ о томъ, что вы услышите въ тысячекратномъ повтореніи. Гуссъ, изурешный, кажется, болѣе повдающею его идеей, нежели тѣлесными страданіями, съ видномъ глубочайшаго убѣжденія развиваетъ свое ученіе передъ соборомъ кардиналовъ, властей, тюремщиковъ и разныхъ исполнителей, и тутъ прошелъ молодой живописецъ (я его видѣлъ — высокій мужчина 33 лѣтъ, въ которомъ особенная застѣнчивость какъ-то противрѣчитъ съ почти-байровскимимъ выраженіемъ лица), прошелъ всю лѣтвицу страстей челоѣческихъ, начиная съ простаго любопытства до холоднаго разсужденія, зараждающагося участія и сильной ненависти, давъ каждой страсти одно только ей свойственное положеніе, такъ-что каждое лицо можетъ служить,azole отдѣльно, типомъ отдѣльной страсти. Это, можетъ-быть, и недостатокъ картины, ибо такимъ образомъ выходитъ она на какой-то чудный горельефъ, или скорѣе, на эмальнѣе, чѣмъ на картину. Само собой разумѣется, что второстепенные таланты при этомъ направленіи впадаютъ въ особенную сухость, а не-поэтическое желаніе подражать наивности и добродушію старыхъ мастеровъ производятъ манеру. Также замѣтна въ школѣ и дѣвная наклонность къ холодной аллегоріи, произведшая боннскіе фрески Гейенберга и франкфуртскую картину Овербека.

Совсѣмъ не такъо направленные въ Мюнхенѣ. За исключеніемъ «Страшнаго Суда» Корнелиуса и вѣнцтійскихъ подражаній Гесса — все тамъ нестро, ярко и золотисто. То, что называется благородною нестротой, за которымъ такъ хорошо спасается недостатокъ творческой способности и которая такъ на руку приходится беззалавной эрудіціи — изгнано, совершенно изгнано. Помпхромія, или наружная раскраска

камня, въ-ходу, а внутри каждого здания, будь оно церковь, дворецъ, галерея, вѣтъ мѣста, гдѣ бы не было картинъ, арабески, роскоши лѣпныхъ работъ и ослабляющаго блеска свѣжыхъ красокъ. Особенно поражаетъ внутренность королевскаго дворца, гдѣ всѣ стѣны и потолки, въ мастерскомъ распредѣленіи творческими руками Каульбаха, Циммермана, Гецевберга, Шлотгауера и проч., покрыты сценами изъ произведеній германскихъ и дривнихъ поэтовъ. Такъ, въ приемной комнатѣ, Бюргеръ рассказываетъ страшныя свои повѣсти; Гёте, въ сосѣдней комнатѣ, отдаетъ на созерцаніе торжественныя минуты «Фауста», «Эгмонты», «Геца»; Шиллеръ, въ библиотекѣ, снова создаетъ всѣ свои баллады и снова переживаетъ всѣ моменты своей творческой дѣятельности; а тамъ, далѣе, Авакренъ, въ столовой залѣ, гомеровскій гимнъ, горельефы Торвальдсена въ спальнѣ, и вся эта непрерывная цѣпь поэтическихъ воспоминаній стараго и новаго времени великолепно заключается Зигфридомъ Нибелунгеновъ, могущественнымъ ликомъ его родныхъ и тѣми происшествіями пѣсней, которыя какъ-будто связываютъ древній распадающійся римскій міръ съ новымъ міромъ христіанской Германіи.—Совершенно подавляемый впечатлѣніями, которыя вѣютъ съ волшебныхъ этихъ стѣнъ, вышелъ я изъ дворца, и, отошелъ въ-скольکو шаговъ, оглянулся назадъ, какъ Орфей; но дворцовый лакѣй зашаргалъ мою Эврилику огромнымъ ключомъ... не навсегда, разумеется, но надолго еще.

Я хотѣлъ еще написать вамъ о Розенштейнѣ, загородномъ замкѣ виртембергскаго короля, о Глейсвехеймѣ, загородномъ замкѣ баварскаго короля, и о состояніи скульптуры въ Германіи; но уже много написано, да и охота прошла. Прощайте.

А—въ.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

— Въ Парижѣ вышла въ свѣтъ новая книга подъ названіемъ: *De l'industrie en Belgique, 2 тома*. Изъ этого сочиненія видно, въ какой степени развита промышленность и народное богатство въ такомъ маленькомъ государствѣ, какъ Бельгія. Въ 1839 году было тамъ въ дѣйствиіи 69 плавильных доменъ, которыя доставляли въ годъ 88,000 тоннъ (каждая въ 20 центнеровъ) желѣза; $\frac{3}{100}$ части всего пространства Бельгіи употреблены для разработки каменнаго угля, которымъ уже пользуются жители 626 лѣтъ. Въ 1839 году въ Бельгіи выкопано изъ земли $3\frac{1}{2}$ мильона тоннъ каменнаго угля, изъ которыхъ лишь мильионъ вывезенъ за границу, цѣною на 40 мил. франковъ. Въ томъ же году издѣлій бумажной пряжи выработано на 42 мил., полотна на 64 мил., сукна и другихъ шерстяныхъ издѣлій на 42 мил. франковъ (3000 ткацкихъ становъ выдѣлываютъ въ годъ 122,285 аршинъ сукна всякихъ сортовъ); винныя заводы выкурили джина и водки на 16 мил. фран.; кожевенные выдѣляли кожъ на 27 мил. фран.; писчей бумаги на 9 мил. франк.

— *Валгалла*, или храмъ славы, сооружавшійся по повелѣнію короля баварскаго, теперь совершенно оконченъ, и въ немъ поставлены уже двѣсти бюстовъ знаменитыхъ Германцевъ, къ которымъ его величество самъ сочинилъ надписи. Валгалла безъ сомнѣнія самое величайшее изъ всѣхъ зданій, существующихъ нынѣ въ Германіи. Оно поставлено на крутомъ утесѣ въ 304 фута вышиною, на лѣвомъ берегу Дуная, близъ города Донаусгауфена, въ двухъ часахъ пути отъ дороги, ведущей въ Регенсбургъ, противъ живописныхъ развалинъ древняго замка Гауфбурга, который находится на высотѣхъ противоположнаго берега. Валгалла служитъ основаніемъ три террасы, возвышающіяся одна надъ другою; оныя циклопической архитектуры и составлены изъ огромныхъ

цѣльныхъ камешныхъ массъ, соединенныхъ между собою безъ всякаго цемента. Зданіе это имѣетъ форму Партеона афинскаго акрополиса; подобно Партеону, оно принадлежитъ къ древнему дорическому ордену, и фризь его украшенъ триглицами. Пятьдесятъ-два колонны въ 5 футовъ и 9 дюймовъ въ діаметръ, образуютъ передній и задній портики. На фронтонахъ изображены эпизоды битвы, въ которой Арміній побѣдилъ Вара и освободилъ Германію отъ римскаго ига; на каждомъ фронтонѣ болѣе 40 рельефныхъ фигуръ, величиною отъ шести до четырнадцати футовъ; это единственные изъ новѣйшихъ фронтоновъ, гдѣ фигуры совершенно-рельефны или совершенно-круглы. Отъ подножія утеса широко бѣлаго мрамора лѣстница, раздѣляющаяся два раза на двѣ отрасли, ведетъ къ портику главнаго фасада Валгаллы. Вокругъ внутренней ограды храма имѣетъ фризь въ 292 фута протяженія; онъ украшенъ скульптурными фигурами, представляющими самыя замѣчательныя событія изъ древней германской исторіи отъ времени мнѣческихкихъ или геронческихкихъ до эпохи святаго Бонифація, который былъ первымъ проповѣдникомъ Евангелія въ этой странѣ. Валгалла имѣетъ 228 фут. длины, 108 ф. ширины и 59 футовъ вышины, не считая фронтона. Она была сооружаема по указанію короля Лудвига, знаменитымъ архитекторомъ Леонамъ-Клентце, которому Мюнхенъ обязанъ лучшими своими зданіями, напримеръ: пинакотекка, соборъ, музей, большой театр и друг. Фронтонъ сдѣланъ Штигелмайеромъ, а большой внутренней фризь моделированъ въ Римѣ Вагверомъ. Король намѣренъ самъ освятить Валгаллу. Церемонія эта назначена въ началѣ сентября.

— Въ Мюнхенѣ для моделей баталическихкихъ живописцевъ дѣлаютъ лошадей изъ папки съ деревяннымъ остовомъ внутри; такія модели могутъ держать на своемъ хребтѣ взрос-

лаго человека; онѣ принимаютъ всѣ положенія, которыя нужно копировать живописцу. Многие мюнхельскіе художники заказали себѣ сдѣлать несколько такихъ моделей, для своихъ рабочихъ кабинетовъ.

— Въ Лондонѣ инструментальный мастеръ Билъ выдумалъ новаго устройства фортепьяно, названное имъ эвфониконъ (euphoniakon), которое, не смотря на свой полный и красивый звукъ, представляетъ очень уютную и красивую мебель въ комнатѣ. Закрытое, оно похоже на обыкновенный карточный столъ, но съ тою разницею, что басовыя струны устроены сверху стола, что этому инструменту даетъ также видъ арфы. Эвфониконъ имѣетъ тройную резонансовую дека, и изобретатель утверждаетъ, что такой инструментъ, подобно скрипкѣ, чѣмъ старѣе, тѣмъ лучшѣ.

— Въ газетѣ «the Times» недавно помѣщены были отрывки изъ донесенія капитана Джемса Росса, командира корабля «l'Erèbe»; донесеніе это прислано имъ изъ Вандименовой-Земли (Nobart-Town, 7-го апрѣля 1841) и адресовано ва нима секретаря адмиралтейства. Изъ приводимыхъ здѣсь выписокъ видно, что знаменитый англійскій мореплаватель съ успѣхомъ продолжаетъ рядъ своихъ блистательныхъ открытій.

12 декабря 1840 года, во время шлюпы «l'Erèbe» и «Тегтеуг» оставили Аукландскіе Острова и направили путь свой къ югу. Девятнадцать дней спустя, т. е. 1 января 1841 года, оба шлюпа проникли въ антарктической кругъ. Намѣреніе командира экспедиціи было держаться къ полюсу съ юго-запада, а не прямо съ юга. Плавающія ледяныя горы, вильяны уже Американцами и Французами, показались ему не столь ужасными, какъ описывали ихъ его прелественники. Неблагоприятныя обстоятельства мешали, однакоже, въ продолженіи нѣсколькихъ дней попыткѣ пройти сквозь льды. Января 5-го миновалъ онъ благополучно льды и, прошедъ нѣсколько

миль, продолжалъ плыть къ югу, не встрѣчая особенныхъ препятствій. Густые туманы, противные вѣтры, сильныя волненія и свѣжныя ураганы затрудняли путь его до 8 числа; но утромъ 9-го, прошедъ пространство около двухсотъ миль между льдовъ, «Egêbe» и «Тегтеуг» достигли наконецъ совершенно-свободнаго моря и направили путь отъ юго-запада къ магнитному полюсу.

Утромъ 11-го, подь 70° 41' южной широты и 172° 36' восточной долготы, путешественники увидѣли землю на пространствѣ около 100 миль, таянущуюся по направленію обоихъ судовъ, между ими и полюсомъ. Открытіе это возбуждало сначала въ капитанъ Россъ нѣкоторыя сожалѣнія, потому-что оно должно было помѣшать ему достигнуть одной изъ важнѣйшихъ цѣлей его экспедиціи.—Онъ продолжалъ однакоже держать въ этой землѣ, которую описываетъ слѣдующимъ образомъ:

«То были, говорятъ онъ, огромныя отвѣсныя горы отъ 9 до 12,000 футовъ вышины, совершенно-покрытыя вѣчнымъ свѣгомъ; великолѣпныя ледники спускались съ ихъ вершинъ до самаго моря на пространствѣ нѣсколькихъ миль. По мѣрѣ того, какъ мы приближались къ нимъ, глазныя нашия открывались мѣстами голые гранитныя утесы;—мы взяли тогда направленіе къ небольшой бухтѣ, надѣясь тамъ выйти на берегъ; но ледяныя груды были такъ многочисленны и волны такъ сильны, что мы должны были отказаться отъ своего намѣренія и держаться къ юго-западу, чтобъ отыскать тамъ болѣе-безопасное мѣсто для высадки. Утромъ 12 января я сошелъ напонецъ на берегъ одного острова, вмѣстѣ съ капитаномъ Крозьеромъ и офицерами обоихъ судовъ, и мы приняли эту землю во владѣніе именемъ ея величества королевы Викторіи.

«Островъ, на который мы вышли, состоитъ весь изъ вулканическихъ утесовъ, отъ которыхъ я набралъ множество обломковъ. Онъ лежитъ подь 71° 56' южной широты и 171° 7' восточной долготы.

«Замѣтивъ, что восточный берегъ материка склонялся къ югу, а западный къ северу, я полагаю сначала, что, проник-

нувъ на югъ такъ далеко, какъ только было возможно, я пройду магнитный полюсъ, который, по нашимъ наблюденіямъ, долженъ находиться подь 76 градусомъ, и что, держась потоиъ къ западу, обойду такимъ образомъ полюсъ кругомъ. И такъ мы плыли въ виду и по направленію этого магнитнаго материка, и 23 января достигли 74° 15' на югъ, или самой высокой южной широты, до которой когда-либо доходили предшествовавшіе намъ мореплаватели, или, лучше сказать, доходила только одна изъ нихъ, соотечественникъ нашъ капитанъ Джемсъ Уиндль.

«Не смотря на южныя вѣтры, густые туманы и снѣгъ, который не переставалъ падать, мы сняли видъ этого берега съ юга, и 27-го вышли на берегъ другаго острова, лежащаго подь 76° 8' восточной долготы; и состоявшаго, подобно первому, изъ вулканическихъ утесовъ.

«Въ слѣдующій день, на самомъ разсвѣтѣ, увидѣли мы огромную гору, возвышавшуюся на 12 футовъ отъ поверхности моря, и извергавшую пламя и несметное количество дыма.—Волканъ этотъ мы назвали Горю Эреба; онъ лежитъ подь 77° 32' южной широты и 167° восточной долготы. Съ востока, возвышается онъ надъ потухшимъ кратеромъ, который мы назвали Горю Ужаса (Тегтеуг). Материкъ сохранилъ свое южное направленіе, и мы продолжали плыть въ виду его до того пункта, гдѣ послѣ полудня того же дня, были остановлены ледяною преградой, которая начиналась у одного мыса материка и тянулась ESE.

«Эта удивительная преграда въ 150 футовъ, превосходила вышиною своею самыя высокія мачты нашихъ судовъ и совершенно скрывала отъ нашихъ взоровъ все предметы, бывшіе за нею, за исключеніемъ свѣжныхъ вершинъ горнаго хребта тянушагося къ ESE, подь 79° южной широты.

Капитанъ Россъ плылъ вдоль этой ледяной преграды къ востоку до 9 февраля и удостоверился, что она простиралась слишкомъ на 300 миль. Непреходимые льды остановили его, и онъ съ большимъ трудомъ продолжилъ себѣ путь чрезъ узкій каналъ, позволившій ему проникнуть такъ далеко. Безъ снѣговаго вѣтра, онъ былъ бы затертъ льдинами. Надобно замѣтить, что въ 1½ миль отъ этой ледяной стѣны зовдѣ показывалъ 318

сажень, а термометръ 20 градусо́въ выше нуля.

Экспедиція направила путь свой къ западу и 15 февраля находилась подъ 76° южной широты; но она не могла подойти къ полюсу ближе какъ на 160 миль. Не смотря на это, многоцѣленные наблюденія, которыя были дѣланы экипажами обоихъ судовъ на разныхъ пунктахъ, позволили капитану Россу опредѣлить настоящее положеніе магнитнаго полюса, почти съ такою же точностью, какъ бы это могло быть слѣдано, еслибъ ему удалось достигнуть самого полюса.

Новыя попытки къ высадкѣ остались безуспѣшны, и потому капитанъ Россъ долженъ былъ ограничиться описаніемъ береговъ открытаго имъ материка (позваннаго именемъ англійской королевы Викторіи) отъ 70° до 76-го градуса широты. Февраля 25 оны убѣдились, что земля эта оканчивалась высадкой подъ 70° 40' южной широты и 165° восточной долготы. Въ послѣдніе дни февраля и въ теченіе всего марта, оны плавали въ этихъ водахъ, для того, чтобы окончить и дополнить свои наблюденія. Только 4 апрѣля направили оны путь къ Землѣ Вандимесовой, въ портъ Гобарт-Тоунъ.

Капитанъ Россъ оканчиваетъ доиссненіе свое увѣдомленіемъ, что въ продолженіи всего плаванія, т. е. почти въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ, на обоихъ судахъ, составляющихъ экипажъ экспедиціи, не было ни одного больного.

— Въ Парижской Королевской Библиотекѣ недавно найдена славянская (чешская) рукопись, заключающая въ себѣ многія богословскія диссертаціи Юаши Гусса. До сего времени думали, что это кроатская рукопись. Кажется, она писана въ началѣ XV столѣтія.

— Французскій генералъ Пегриѣ открылъ въ Африкѣ городъ поъ названіемъ Тебесса, известный въ древности Тевеста (Thevesta), на крепостныхъ стѣнахъ котораго и до-сихъ-поръ явственно сохранились древнія латинскія надписи. Тевеста была рим-

ская грѣбость, заключающая въ себѣ до 40,000 жителей, судя по ея оставшимся развалинамъ. Нынешній городъ не имѣетъ болѣе 1500 жителей.

— Въ лиможскомъ городскомъ архивѣ, ученый археологъ г. Ардавъ отыскалъ рукопись XVI-го столѣтія, въ которой подробно описано искусство живописи на эмали, секретъ котораго, равно какъ и живописи на стеклѣ, давно потерявъ для насъ. Г. Ардавъ, разсмотрѣвъ эту драгоценную рукопись, послалъ ее потомъ на севрскій фарфоровый заводъ, гдѣ могутъ на опытъ повторить справедливость описанныхъ ею секретовъ живописи на стеклѣ и эмали.

— Г. Мельхиоръ Тиранъ, членъ общества французскихъ антикваріевъ, путешествуетъ уже нѣсколько времени по Испаніи для ученыхъ изслѣдованій по части исторіи и древностей. Онъ увѣдомилъ недавно французское правительство, что ему удалось собрать изъ разныхъ архивовъ Испаніи множество манускриптовъ, нѣкимъ доселѣ неизвѣстныхъ и касающихся до исторіи арабовъ XII, XIII и XIV столѣтія, о царствованіи Филиппа II, Карла II и о эпохѣ войны за насѣдство. Но самымъ важнымъ изъ прибрѣтеній этого антикварія считается инквизиціонный архивъ, состоящій изъ 6000 документовъ, найденный въ домѣ главнаго инквизитора.

— Французскій врачъ и аптекаръ г. Пакьѣ, нашелъ, что морская вода (которую надобно черпать особо-устроеннымъ ведромъ въ глубинѣ моря, на три часа ѣзды отъ береговъ) весьма полезна для употребленія больныхъ, какъ питье, и гораздо-дѣйствительнѣе многихъ обыкновенныхъ лекарствъ, наприм. въ англійской болѣзни, чесоткѣ, въ разныхъ сыпяхъ и чирьяхъ, также въ обструкціяхъ живота, и др.

— Изъ послѣдней оффиціальной переписи видно, что въ 12 округахъ Парижа живетъ до 30,000 семействъ, веимѣющихъ вѣрнаго ежедневнаго пропитанія, или 70,000 лицъ, т. е. 1

нищій на 12 жителей. Между этими бадьями считается до 15,000 чело­вѣкъ такихъ, которые, при всей крайней вужь своей, стыдятся про­сить поаянiя (pauvres honteux).

— Подобно съѣзду германскихъ на­тураллистовъ, медиковъ и музыкан­товъ, назначенъ въ нынѣшнемъ году съѣздъ архитекторовъ въ Лейпцигъ. Въ слѣдующемъ году эги господа бу­дутъ имѣть свой торжественный въѣздъ въ Берлинъ.

— Въ англійской морской артил­леріи сдѣлано недавно важное улуч­шеніе. Въ коронады лѣваго и пра­ваго борта корабля имѣютъ параллель­ное направленіе и находятся въ со­прикосновеніи посредствомъ провод­ной проволоки съ вольтовымъ бата­реею. Капониръ, поставленный въ сре­динѣ палубы, нацѣливаетъ выстрѣль въ самый центръ неприятельскаго ко­рабля, и въ одинъ мигъ стрѣляетъ изъ всехъ орудій такимъ образомъ, что если попало въ цѣль одно ядро, то и все прочія туда же влетаютъ. Это новое устройство англійской артил­леріи имѣетъ 1:00 вѣроятностей про­тивъ 100 другихъ европейскихъ на­родовъ, и 2,000 противъ 100 кит­айской артилеріи.

— Въ одномъ изъ послѣднихъ за­сѣданій Французской Палаты Перевъ, было предложено напечатать вновь полное собраніе сочиненій Лапласа. При этомъ случаѣ баронъ Дюпешъ сказалъ похвальное слово знаменитому французскому математику и присоеди­нилъ свое желаніе къ желанію Ком­мисіи Палаты Депутатовъ, чтобъ пра­вительство приняло на себя тоже из­даніе въ одинаковомъ форматѣ твореній всехъ известныхъ математиковъ Франціи прежняго времени.

— Одинъ путешественникъ, имѣвъ случай видѣть всю внутренность фран­цузскаго банка, рассказываетъ слѣду­ющее: «Серебряная монета хранится тамъ въ бочкахъ, которыми напол­нены огромные погреба банка. Каж­дая бочка вмѣщаетъ въ себя 50,000

франковъ 5-ти франковою монетою и вѣситъ 600 фунтовъ. Я видѣлъ до тысячи бочекъ съ серебромъ, лежа­щихъ одна на другой. Прохода между этими сокровищами, мы приближа­лись къ подвалу съ каменнымъ сво­домъ и чугунинымъ поломъ, гдѣ ле­жали большіе свинцовые ящики, гер­метически-закупоренные. Каждый я­щикъ заключалъ въ себя 2,000 мѣш­ковъ, а въ каждомъ мѣшкѣ было по 1,000 франковъ. Цѣ некоторыя ящики стоить уже такъ слишкомъ сорокъ лѣтъ не­открытыми, и директоръ банка ска­зывалъ мнѣ, что они можетъ-быть останутся тамъ еще 100 лѣтъ безъ употребленія. Деньги, закупоренныя въ свинцовыхъ ящикахъ, совершенно со­хранились отъ сырости и отъ переменъ погоды. Лѣстница, ведущая въ банкъ, такъ узка, что по ней можетъ только проходить одинъ человекъ съ фона­ремъ, что нарочно устроено для без­опасности сокровищъ. Также у са­мага входа въ подвалы навалено мно­жество песку, чтобъ въ случаѣ край­ней опасности, когда нападающіе взду­маютъ осадить и ограбить банкъ, можно было засыпать пескомъ вслѣд­ствии до самаго потолка. Директоръ сказывалъ, что нападающіе должны будутъ работать два дня, чтобъ вы­грести весь песокъ и проложить до­рогу къ деньгамъ, предполагая, что они уже овладѣютъ всеми здашями банка. Въ одномъ подвалѣ хранятся богатые оклады Ротшильдовъ и дру­гихъ капиталистовъ. Безполезно было бы вымѣрять толщину и длину золо­тыхъ слитковъ, которые, какъ дрова, наложены до самаго потолка свода. Частные люди также хранятъ свои сокровища въ этой крѣпости. Я ви­дѣлъ тамъ, между прочимъ, шкатулку съ брилльантами и прочими драго­цѣностями одного русскаго креза, въ которой добра на 7 миліоновъ талеровъ.»

— Нѣкто Ольдгемъ сдѣлалъ для ан­глійскаго банка весьма-замысловато­составленную машину, которая печатаетъ нумера на ассигнаціяхъ. Ма-

пина печатаетъ нужные нумера отъ 1 до 100,000 со всею возможною точностію, и весьма-быстро; она очень была бы полезна во всѣхъ заведеніяхъ подобнаго рода въ Европѣ.

— Бременскій Сенатъ издалъ недавно новый законъ для защиты переселенцевъ изъ Германіи въ Сѣверную Америку, которые до-сихъ-поръ часто бывали жертвою обмана корыстолюбивыхъ корабельщиковъ. Теперь путь изъ Бремена въ Америку стоитъ гораздо-дешевле, чѣмъ изъ Кёнигсберга до Петербурга. Каждый пассажиръ корабля за весь путь до Нью-Йорка платитъ только 20 талеровъ.

— Одинъ французскій морской офицеръ изобрѣлъ ночной телеграфъ, который состоитъ изъ кубическаго ящика; каждая сторона его имѣетъ три локтя въ квадратъ. Обращенная къ ближайшему телеграфу сторона ящика имѣетъ пять дыръ, которыя освѣщаются снаружи и закрываются клапанами, по мѣрѣ надобности. Разныя комбинаціи съ этими освѣщенными отверстіями служатъ для означенія буквъ и цѣлыхъ словъ.

— Нѣкто Гесмартъ, сельскій экономъ и химикъ въ Нюрнбергѣ, изобрѣлъ, въ - слѣдствіе пятнадцатилѣтнихъ трудныхъ опытовъ, новое газовое освѣщеніе, которое онъ достаетъ изъ колоніяльнаго и свекловичнаго сахара, съ примѣсью другихъ дешевыхъ матеріаловъ. Сахарный газъ горитъ гораздо-свѣтлѣе маслянаго и угольнаго и притомъ обходится дешевле послѣдняго. Если это изобрѣтеніе на дѣлѣ окажется полезнымъ, то потребленіе въ Европѣ сахара скоро утроится.

— Изобрѣтеніе, подобное лагерротипу, сдѣлано недавно однимъ адвокатомъ и книгопродавцемъ Винтеромъ, въ Христіаніи, съ тою только разницею, что вѣшніе предметы въ камер-обскуръ изображаются не на серебряной доскѣчкѣ, но просто на велевевой бумагѣ; какъ рисунокъ. Этотъ способъ весьма-удобенъ для сниманія самыхъ вѣрныхъ копій съ гравюръ, резаныхъ на мѣди и на стали, живо-

графическихъ рисунковъ съ растеній, съ цвѣтовъ и пр. Виды, снятые съ природы, и портреты разныхъ лицъ по способу Винтера принимаютъ на бумагѣ красновато-коричневый, фиолетовый и оравжевый тонъ; следовательно, не имѣютъ мертвеннаго колера лагерротипныхъ. Изобрѣтатель намѣренъ открыть свой секретъ публикѣ, когда на него сберетъ достаточное число преумерантовъ. Подписная цѣна 3 спеіес-талера, и Винтеръ каждому подписчику общаетъ сообщить нужное число инструментовъ для этихъ опытовъ, которымъ назначена самая умеренная цѣна.

— Въ одной нѣмецкой политической газетѣ сказано, что кремнекислое или есть лучшее средство для чистки всякихъ шерстяныхъ матерій, меринаго коленкора и даже шелка, которые должно мыть въ горячей водѣ, положивъ на 12 мѣръ ее $\frac{1}{4}$ фунта поманутаго вещества, которое очищаетъ самыя вѣжные колера въ матеріяхъ и дѣлаетъ ихъ какъ-будто совершенноновыми, только-что вышедшими изъ апрапетыры.

— Въ Германіи опытные архитекторы, для предупрежденія частыхъ пожаровъ, совѣтуютъ строить отлогія крыши домовъ или даже горизонтальныя, какъ на востокъ. На отлогой крышѣ дома гораздо-способнѣе обливаться водою горящее сосѣднее строеніе, и притомъ домъ, неимѣющій стропиль, не такъ легко можетъ загорѣться отъ ближайшаго къ нему строенія. Пламя внутри каменнаго дома съ отлогою крышею безъ стропиль можетъ гораздо-скорѣе погаснуть само собою, если во время пожара заколотить на-глухо окошки и двери горящаго дома.

— Въ некоторыхъ цѣстахъ Африки, напримѣръ въ Барнабѣ, Елибѣ, масле подобное нашему коровьему, растетъ на деревьяхъ. Такого рода дерево похоже на американскій дубъ, а плодъ его на оливку; изъ ядра его выдѣлать молочное вещество, послѣ сбраиваемое въ масло. Оно держится свѣ-

же безъ соли въ продолженіи года, на видъ бѣлье коровьяго масла, жирнѣе и гораздо вкуснѣе его.

— Прорытіе цѣпи Альпійскихъ Горъ и соединеніе Италіи съ Франціею посредствомъ желѣзной дороги принадлежить, конечно, къ числу самыхъ колоссальныхъ и смѣлыхъ проектовъ новѣйшаго времени; этотъ проектъ скоро получить дѣйствительное начало. Французскія газеты увѣряютъ, что туннель будетъ сдѣланъ по близости Мон Сени, потому-что это самое удобное мѣсто въ Альпахъ для продолженія дороги.

— Въ Мюнхенѣ, нѣкто Изерингъ объявилъ въ «Allgemeine Zeitung», что онъ изобрѣлъ новый способъ сообщать свѣтописнымъ картинкамъ Деггера всѣ цвѣта и оттѣнки, которые видны въ природѣ; слѣдовательно, его свѣтописные виды будутъ уподобляться лучшимъ пейзажнымъ картинкамъ.

— Въ Афинахъ недавно открыто, что корень растенія *Affodil*, котораго цвѣты очень похожи на лилію, даетъ превосходное сахарное вещество, и что изъ него можно добыть въ десять разъ больше лучшаго сахара, чѣмъ изъ обыкновенной свекловицы. Растеніе *Affodil* воится въ великомъ множествѣ и въ дикомъ состояніи во всей Греціи.

— Мы говорили уже о изобрѣтенной въ Сѣверной Америкѣ наборной машинѣ, которая замѣняетъ собою типографскаго наборщика. Такая машина есть теперь въ Гентѣ, въ типографіи «Фениксъ». Она имѣетъ видъ клави-корда, и стѣбитъ только тронуть клавиши, чтобъ вышли буквы въ линейку (*compositeur*) для составленія словъ и рченій. Буквы спускаются по сѣтвѣ жолобковъ, сдѣланныхъ въ мѣдной доскѣ, имѣющей наклонное положеніе, и становятся головками кверху въ линейку (*compositeur*), гдѣ образуютъ длинную прямую ленту, и обязанность наборщика состоитъ только въ томъ, чтобъ ихъ разделять на строки и страницы. Буквы предварительно

разставляются мальчиномъ, головками вверхъ, въ особые фальцы (*coulisse*), находящіеся сверху машины; маленькой двигатель (*rousseur*), приделанный въ боку ихъ, и находящійся въ сообщеніи съ клавишами, выталкиваетъ буквы изъ фальцевъ (*coulisses*) въ особенное отверстіе, изъ котораго онъ уже входитъ въ наклонные жолобки, какъ сказано выше. Эта машина, называемая *панотипъ* (*Panotype*), очень ускоряетъ и облегчаетъ трудъ въ наборѣ типографическомъ, и будетъ надѣянъ введена въ употребленіе въ королевской бриссельской типографіи.

— Одинъ французскій статистикъ, сличая число пожаровъ во Франціи съ 1833 года по 1842-й, нашелъ, что въ послѣднее время пожарные случаи очень умножились; ибо въ 1833 году было во Франціи 3,639 пожаровъ, а въ 1842 насчитано ихъ уже 4,876. Также и въ Лондонѣ, не смотря на отличное устройство пожарной команды, въ 1833 году было 458, а въ 1841 606 пожаровъ. Статистикъ полагаетъ между прочимъ, что учащеніе пожаровъ происходитъ отъ множества деревянной мебели, которою наполняются безъ лишней нужды комнаты, отъ дымовыхъ трубъ и бороновъ, которыхъ по нѣскольку проводятъ въ одну главную трубу, отъ слишкомъ легкой постройки домовъ, и наконецъ отъ учрежденія страховыхъ отъ огня компаній, ибо владельцы, застраховавъ свои дома, не принимаютъ уже нужныхъ предосторожностей отъ огня, и не слишкомъ некутся о своей собственности.

— Французскій министръ публичнаго обученія разослалъ всѣмъ префектамъ, ректорамъ академій и инспекторамъ школъ брошюру: «О всегдшнемъ содержаніи чистаго и здороваго воздуха въ училищныхъ классахъ и спальняхъ». Въ этой книгѣ говорится о новой системѣ устройства комнатныхъ печей, которыя поддерживаютъ нечувствительно постоянную перемѣну воздуха въ классныхъ залахъ, и между тѣмъ очень сберегаютъ то-

вливо. Авторъ брошюры—генерал-инспекторъ Пекле (Peclet). Въ слѣдующей книжкѣ нашего журнала сообщимъ описание этихъ общеполозныхъ печей.

— Бѣдность и голодъ—ужасно распространяются во многихъ фабричныхъ городахъ Англiи. Нищiе, не имѣя насущнаго хлѣба, тысячами живутъ на поляхъ подъ открытымъ небомъ и питаются дикими кореньями и разною падалюю. Въ Глазгоу 19,000 нищихъ записаны въ разныхъ приходахъ, чтобы получать порщи пищи; въ Лидсѣ 10,000 человекъ. Въ Вигамъ множество семействъ спятъ по цѣлымъ днямъ въ постеляхъ и не видятъ дневнаго свѣта, будучи увѣрены, что голодъ не такъ терзаетъ ихъ въ лежащемъ положенiи. Въ Лондонѣ сто тысячъ нищихъ каждый день вочуютъ на мостовой, въ оврагахъ, сухихъ канавахъ и пр., питаются остатками зелени, выброшиваемыми изъ кухонь богачей, а между-тѣмъ на балъ какого-нибудь герцога, лорда, маркиза истрачивается полмиллиона фунт. стерлинговъ.

— Во Францiи считается теперь 2,100,000 собакъ разныхъ породъ, которыя съѣдаютъ, среднимъ числомъ, каждая ежедневно хлѣба на 10 сантимовъ; слѣдовательно, въ годъ это огромное населенiе потребляетъ хлѣба на 75,000,000 франковъ. Если шложить на каждую собаку пошлину по 3 фран., то бюджетъ Францiи увеличится ежегодно 6,300,000 франковъ, чѣмъ нельзя пренебрегать, при нынѣшнемъ положенiи финансовыхъ дѣлъ.

— Парижскiя газеты наполнены множествомъ анекдотовъ о покойномъ герцогѣ орлеанскомъ, который за свой брѣтскiй нравъ и ласковое со всеми обхожденiе былъ очень любимъ простымъ народомъ. Однажды въ Луэ онъ осматривалъ ливейшя войска, и по окончанiи манѣвровъ сошелъ съ лошади. Въ эту минуту толпа чернаго народа окружила принца, подивъ альбастрчикъ такъ близко подошелъ къ нему, что вылезли ему рукавъ и полу мундира. Свита принца оттолк-

нула назадъ неучтивца; во принцъ, замѣтивъ такое обхожденiе своихъ офицеровъ, сказалъ: «Зачѣмъ вы его толкаете? развѣ онъ не такой же человекъ, какъ и я? Останься возлѣ меня, друг мой», и началъ отряхивать съ рукава и поля мундира известковую пыль. Толпѣ очень понравилось это простое обхожденiе наследника французскаго престола.

— Когда у знаменитаго французскаго химика Дави умерла жена, страстно имъ любимая, то онъ, не желая трупъ ея отдать червямъ на съѣденiе, сжегъ его на кострѣ по обычаю индiйскихъ браминовъ. Послѣ того онъ тщательно собралъ въ урну драгоценный пепелъ, и съ помощiю химическаго процесса превратилъ его въ кусокъ чистѣйшаго кристалла, вырѣзалъ изъ него перстень, и носилъ на рукѣ до самой своей кончины.

— Въ Римѣ есть обычай, который свидѣтельствуемъ великое благочестiе и смиренiе главы католической церкви, папы. Когда какой-нибудь преступникъ приговоренъ къ смертной казни, папа постится до самаго полудня и теплыми молитвами старается примирить съ Богомъ душу грѣшника, который долженъ заплатить своею жизнью за проступокъ, сдѣланный имъ противъ общества. Если злодѣй не хочетъ принять покаянiя, то св. отецъ продолжаетъ свой постъ и молитвы, и въ такомъ случаѣ казнь откладывается до вечера; тогда зовутъ колоколовъ во всѣхъ церквахъ приглашаетъ всѣхъ жителей Рима присоединить свои мольбы къ теплымъ молитвамъ папы объ обращенiи преступника на путь истинной вѣры.

— Правосудiе въ Испанiи давно уже сдѣлалось источникомъ всевозможной несправедливости, важныя судей, и взятокъ. Оно большею частiю находится въ рукахъ особаго сословiя, которое въ Испанiи называется *skriguanos* (присяжный писарь). Эти скриваносы исполняютъ должностъ протозолистовъ, нотариусовъ и могущественно располагаютъ жизнью и смер-

тiю, свободою или заключенiемъ того, кто имѣлъ несчастiе попасть въ когти испанской юстици и не зналъ какъ съ нею стороваться. Ни революцiя, ни возстановленiе, ни народная война со времени смерти Фердинанда VII, не могли истребить на испанской землѣ этого крапивнаго съмени. Г. фонъ Арнимъ, путешествовавшiй въ прошломъ году по Испавiи, описываетъ между прочими слѣдующiй случай. Испанцамъ запрещено носить при себѣ кинжалы и ножи, кромѣ тѣхъ, которыми рѣжутъ они хлѣбъ. Кто-то зарѣзалъ своего соперника ножомъ. Преступника схватили и привели для допроса къ присяжному скриваносу, который обязанъ былъ ввести въ протоколъ означенное происшествiе; по главный пунктъ допроса состоялъ въ томъ: какимъ пожемъ съблано преступленiе: тѣмъ ли, которыми рѣжутъ хлѣбъ, или другимъ. Въ первомъ случаѣ, преступникъ подвергался только тюремному заключенiю на нѣсколько лѣтъ, а во второмъ смертной казни. Скриваносъ писалъ молча протоколъ, покуда не дошелъ до слова *cultielle* (ножь). Тутъ онъ остановился. Подсудимый понялъ эту паузу, и сунулъ въ его руку нѣсколько пиастровъ. Слово *cultielle* опять раздалось въ ушахъ преступника: и онъ долженъ былъ удвоить взятку; но скриваносъ, недовольный тѣмъ, опять остановился съ длинною паузою, покуда третья взятка не заставила его написать въ протоколъ: «*cultielle per contact rap*» (ножь которымъ рѣжутъ хлѣбъ). «Докладъ много значитъ» говоритъ обер-ферстеръ Нидерландъ въ пьесѣ «Охотники». Означенный преступникъ, благодаря сметливости протоколиста, присужденъ былъ за свое злодѣйство только къ тюремному заключенiю.

— Одинъ берлинскiй продавецъ картинъ имѣеть похвальный обычай ходить каждый день по лавочкамъ мелкихъ торгашей, продающихъ всякую всячину: старую мебель, лоскутья, опорки и пр. — Ему посчастливилось недавно открыть въ лавкѣ лоскутника

старую запыленную картину. Опытный глазъ знатока тотчасъ узналъ, что эта грязная вещь цисава рукою испанскаго Рафаэля, Мурильо. Онъ купилъ картину за 3 талера, вычистилъ ее дома и покрылъ лакомъ; тогда только знатоки примѣтили, что это одно изъ лучшихъ творенiй гениальнаго живописца, и дирекцiя Берлинскаго Музеума предложила счастливому покупщику за эту картину 2000 талеровъ; но купецъ просилъ за нее 600 Фридрихсдоровъ. Между тѣмъ лоскутникъ увидѣлъ, что онъ выпустилъ изъ рукъ сокровище почти даромъ. Онъ побѣжалъ къ продавцу картинъ, и умолялъ его по-крайней-мѣрѣ дать ему 100 талеровъ награды за такую важную потерю. — Наше дѣло уже кончено, ты получилъ за свою картину 3 талера, слѣдовательно, я тебѣ ничего не долженъ, сказала купецъ и выпроводилъ за двери лоскутника. Бѣдняку посоветовали обратиться къ одному адвокату, чтобъ сколько возможно поправить это дѣло. Начался процессъ о картинѣ Мурильо; изъ процесса оказалось, что эту вещь прода купцу не самъ лоскутникъ, но несовершенно-лѣтняя его дочь, а потому судъ присудилъ возвратитъ картину прежнему ея владѣльцу, съ полученiемъ отъ него обратно 3 талеровъ. Тщетно купецъ предлагалъ бѣдному лоскутнику 200 талеровъ вознагражденiя за картину, — лоскутникъ не соглашался. Черезъ двѣ недѣли послѣ того, баронъ Р... купилъ картину у лоскутника за 800 Фридрихсдоровъ. Лоскутникъ съ-тѣхъ-поръ получилъ непреодолимую охоту покупать неждъ, гдѣ только можно, за копейный размазепаный холстъ въ рамахъ, но произведенiя Мурильо попадаютъ еще рѣже на рынкахъ, чѣмъ случаются въ судахъ такiе странные процессы о картинахъ.

— Ужасный бичъ острова Мартиники—безъ сомнѣнiя, отравы людей ядомъ. Искусство отравленiя дошло до высочайшей степени совершенства, благодаря Неграмъ. Они отравляютъ

такимъ образомъ, что рассчитываютъ смерть на известный день, черезъ три мѣсяца, черезъ шесть, по истеченіи года, и никогда не ошибаются въ своемъ расчетѣ. Чѣмъ они отравляютъ—это никому неизвѣстно. Орфилъ и Распайль тщетно стряпали бы въ своихъ ретортахъ, и даже аппаратъ Марша ничего бы не изслѣдовалъ въ этихъ адскихъ отравленіяхъ. Разныя туземныя растенія даютъ ядъ Неграмъ, которые одни знаютъ тайну, гдѣ надобно находить его. Правительствомъ ссылаютъ отравителей обыкновенно на работы въ Порторико, — тамъ только и прекращаются подобыя злодѣйства. Негры не отравляютъ людей изъ мести или злобы, ибо они кормятъ не рѣдко ядомъ собственныхъ дѣтей, братьевъ, сестеръ, своихъ пріятелей и добрыхъ ихъ господъ, къ которымъ они сердечно привязаны. Отравители занимаются своимъ адскимъ дѣломъ съ быстротою молніи и умерщвляютъ иногда въ дѣнь вочи 30 быковъ, 20 лошаковъ, 100 овецъ и отъ 10 до 12 Негровъ, своихъ товарищей. Это случается вездѣ на Мартиникѣ и по-вѣсколку разъ въ годъ. Иногда ядъ, данный Негромъ, цѣлѣе полгода мучить избранную жертву и потомъ уже прекращаетъ жизнь. «Въ Пор-Рояль въ семействѣ господина Калео видѣлъ я (пишетъ одинъ туристъ) прекрасную дѣвочку 11 лѣтъ, которая была мила какъ ангель. Я сказалъ матери, страстно любившей дочь свою, нѣсколько пріятныхъ словъ на счетъ этого ребенка. Но мать, указывая на блѣдность и худобу ея, отвѣчала со слезами: «моя Лаура 6 мѣсяцевъ уже какъ отравлена старою Негритянкою». И дѣйствительно, вскорѣ послѣ того прелестная Лаура умерла отъ извурительной лихорадки въ-слѣдствіе отравленія.»

— Въ Луизианѣ дубли вошли въ большую моду; тамъ бьются на шпагахъ, сабляхъ, напистолетахъ и карабинахъ въ 25 шагахъ. Разумается, въ той странѣ надобно быть отчаяннымъ

и ловкимъ поединщикомъ, чтобъ заслужить названіе брамербаса: тамъ каждый человекъ болѣе или менѣе умѣетъ обходиться съ оружіемъ. Нѣкто Г***, журналистъ и вѣстѣ сильный дуэлистъ, приобрѣлъ себя неограниченное право говорить каждому въ глаза горькую правду и писать про всѣхъ свободно. Однажды онъ напечаталъ въ своемъ журналѣ, что г-нъ Л**, Французъ, хорошей бретаньской фамилии, имѣетъ весьма-непохвальную привычку занимать деньги и не платитъ своихъ долговъ. На другое утро Французъ пришелъ къ журналисту и сказалъ ему: «Ваша статейка, напечатанная на мой счетъ, очень мнѣ не нравится; если вы завтра повторите ее въ слѣдующемъ номерѣ газеты, то я рѣшусь публично дать вамъ пощечину». — Какъ, мнѣ? закричалъ журналистъ, поблѣднѣвъ отъ гнѣва. — «Именно». — Ну, такъ вы опоздали: статья о васъ уже отдана въ типографію сегодня вечеромъ, а я никогда не просматриваю корректуры моего журнала: — «Дождитесь же завтра меня на биржѣ.» — Вы меня непременно тамъ найдете — отвѣчалъ журналистъ. На другой день къ 12 часамъ собралось на биржѣ множество жителей Нью-Йорка. Г. ожидалъ Л. посрединѣ залы. За пять минутъ до 12 часовъ вошелъ туда Л. съ часами въ рукѣ. Въ это время густая толпа любопытныхъ окружала антагонистовъ. Прошло 12 часовъ; Г** приближается къ Л. — Я предупреждаюсь, сказалъ журналистъ: — что буду стрѣлять, если вы осмѣлитесь поднять на меня руку. При этихъ словахъ Г** направилъ на своего противника пистолетовъ съ взведенными курками. Французъ сдѣлалъ такой угрозы, не имѣя даже въ рукахъ простой палки. «И такъ, вы вооружились; слѣдовательно, боитесь безоружнаго.» Французъ размахнулся и далъ жаркую пощечину своему противнику. На эту выходню былъ отвѣтомъ выстрѣлъ — но промахъ. Л. ударилъ журналиста по другой щекѣ. Опять

выстрѣлъ. При третей пощечинѣ Г. схватилъ книжалъ и нанесъ нѣсколь-ко ранъ противнику, который между тѣмъ все билъ его по щекамъ. Наконецъ, при четырнадцатомъ ударѣ книжаломъ, журналистъ положилъ на мѣстѣ несвободнаго Француза. Зрители преспокойно смотрѣли на эту кровавую драму.

— Нигдѣ такъ худо не обезпечено состояніе учителей въ народныхъ школахъ, какъ во многихъ странахъ Германіи, а между-тѣмъ въ рукахъ этихъ бѣдныхъ тружениковъ находится судьба и будущность образованія народнаго. Одинъ баварскій ландратъ Обер-Поальца и Регенсбурга пишетъ, что въ подвѣдомственномъ ему округѣ есть множество учителей народныхъ школъ, которые получаютъ жалованья въ годъ не болѣе 200 флориновъ, не имѣя никакихъ постороннихъ доходовъ. Нѣкоторые изъ этихъ педагоговъ во время вакацій ищутъ даже работы простыхъ землекоповъ при общественныхъ каналахъ.

— Въ Лондонѣ показываютъ выставку разныхъ любопытныхъ китайскихъ предметовъ, состоящихъ изъ разнаго оружія, утварей, машинъ и наконецъ изъ 50 человѣческихъ фигуръ въ натуральную величину, представляющихъ всѣ сословія Китайцевъ отъ мандарина до нищаго. Выставка устроена въ обширной залѣ въ 225 футовъ длиною.

— Въ Виндзорскомъ Замкѣ есть рѣвкость, которая доказываетъ чрезвычайное терпѣніе и искусство Китайцевъ придавать растеніямъ и корнямъ ихъ разныя фантастическія формы и видъ звѣрей и животныхъ. Въ этомъ замкѣ растетъ китайское дерево въ три фута длиною и въ соразмѣрную вышиину, представляющее совершенно-похожую фигуру льва. Это растеніе имѣетъ четыре лапы, хвостъ, голову и густую гриву. Какимъ средствомъ Китайцы заставляютъ корни деревъ принимать такія формы, — это остается пока для евро-

пейскихъ садовниковъ непроницаемою тайною.

— Начальникъ пожарной команды въ Парижѣ, Поленъ, издалъ весьма полезную книгу подъ заглавіемъ «*Nouveau manuel des sapeurs pompiers, ou l'art de prevenir et d'arreter les incendies*». Онъ между прочимъ совѣтуетъ въ каждомъ батальонѣ арміи образовать одну роту для пожарныхъ случаевъ, и обучить ее обхожденію съ гасительными снарядами. Солдатъ, выслуживъ свой срокъ въ пожарной ротѣ, можетъ послѣ съ великою пользою быть употребляемъ въ каждой благоустроенной пожарной командѣ.

— Извѣстный англійскій дипломатъ маркизъ Лондондерри издалъ недавно въ свѣтъ свое путешествіе по Германіи, Испаніи и Турціи. Ему особенно не нравится пребываніе въ Константинополѣ. «Не совѣтую никому изъ лондонскихъ гастрономовъ (говоритъ онъ) быть въ Стамбулѣ: всякое мясо и дичина тамъ очень безвкусны. Масла для чая нигдѣ не сыщешь; вмѣсто сливокъ, подаютъ вамъ только козье молоко. Хлѣбъ всегда кисель и невкусенъ, потому-что тѣсто мясятъ Турки не на дрожжахъ. Виноградныя привозныя вина дороги и нехороши, а воды изъ прудовъ нельзя пить, не пропустивъ ее прежде чрезъ машину. Хороша только тамъ рыба, но и за этой привизіей надобно посылать далеко. Во всемъ городѣ нѣтъ ни манежей, ни залъ для баловъ; единственное движеніе — ходить пѣшкомъ по скверной мостовой. Надобно, подобно Туркамъ, погрузиться въ лѣность и совершенную бездѣйственность, если кто хочетъ жить въ Константинополѣ».

— Въ Индіи водится большая птица, называемая *адьютантъ*. Названа она такъ потому-что очень любитъ солдатъ, живущъ съ ними всегда вмѣстѣ въ городахъ, и удаляется отсюда, когда гарнизонъ перемѣщается на другія квартиры или въ поле на бивуаки. Адьютантъ имѣетъ важную

военную поступь, и долго стоитъ на одномъ мѣстѣ, приподнявъ одну ногу, какъ журавль на сторожѣ. Эта птица очень прожорлива, и англійскіе солдаты шутятъ съ нею иногда очень-неосторожно. Одинъ артиллеристъ въ Калькуттѣ, взявъ баранью кость, набилъ ее порохомъ, привязалъ къ ней длинный штапикъ и бросилъ на драку ставъ адъютантовъ. Одна изъ птицъ тотчасъ проглотила кость и поднялась съ нею въ воздухъ, но въ эту минуту загорѣлась проводная нитка и бѣднаго адъютанта разорвало на тысячу кусковъ. Артиллеристу однакоже не прошла даромъ эта злобная шутка: начальство приказало его высечь розгами, по закону, за напрасное мученіе животныхъ.

— Въ средней части Африки есть нѣсколько черныхъ государей, которые до дурачества пристрастились къ европейской одеждѣ и воображаютъ, что трехугольная шляпа и короткое исподнее платье возвышаютъ ихъ въ глазахъ народа. Король Габона, Діонисъ, имѣетъ особую манію одѣваться французскимъ маркизомъ временъ Людовика XV. Одинъ марсельскій канитавъ пригласилъ короля Діониса въ себя на корабль, и монархъ явился къ нему въ парадномъ своемъ костюмѣ: въ напудренномъ старинномъ парикѣ, сверхъ котораго торчала трехугольная обложечная позументомъ шляпа: узкіе короткіе панталоны едва влѣзали на геркулесовскія его лягвен; на ногахъ надѣты были шелковые чулки безъ подвязокъ, снущенные широкими складками до самихъ башмаковъ; атласный бѣлый жилетъ, вышитый золотомъ, выказывалъ полуоткрытую черную грудь монарха; ибо его величество никогда не носитъ рубашки; сверхъ жилета надѣтъ былъ шелковый французскій кафтанъ, а при белрѣ вписала кавалерійская сабля. Матросы расхохотались во все горло, увидѣвъ эту каррикатурную фигуру; король вообразилъ, что смѣхъ матрозовъ есть знакъ особеннаго къ нему

уваженія, и гордо расхаживалъ на па-лубѣ, стуча своею саблею. Но такъ какъ узкое исподнее платье и чулки очень беспокоили короля и мѣшали свободнымъ движеніямъ, то онъ безъ лишней церемоніи скинулъ все, и остался только въ верхнемъ платьѣ, которое составляло пресмѣшной контрастъ съ нижнею половиною его тѣла, совершенно-голаго. — Негритянскому королю Дагону пришло на мысль нарядить черную свою гвардію во французскую кирасирскую форму, ибо его увѣрили Европейцы, что кирасирскія латы не можетъ пробить никакая ружейная пуля. Король вообразилъ, что его гвардія въ такомъ вооруженіи будетъ непобѣдима и совершенно заколдована противъ ружейныхъ выстрѣловъ. На этотъ конецъ онъ поручилъ одному Испанцу сдѣлать для него въ Марсели сотню кирасирскихъ амуницій со всеми принадлежностями. Комиссіонеръ исполнилъ порученіе короля и прислалъ ему изъ Марсели полную кирасирскую экипировку на сто человѣкъ. Король Дагонъ приказалъ для пробы надѣть кирасю и амуницію одному изъ своихъ Негровъ, и полагая, что онъ въ этомъ облаченіи совершенно-непредимъ, подобно Ахиллеси, выстрѣлилъ въ него изъ карабина на разстояніи трехъ шаговъ. Черный кирасиръ какъ снапъ повалился на землю и, разумѣется, больше уже не вставалъ на ноги.

— Англійскія газеты рассказываютъ слѣдующій случай, ручаясь за достоверность его: одинъ почтенный старецъ, гражданинъ Лондона, гуляя въ своемъ саду, остановился передъ сибиринкомъ, изъ котораго пчелы свиралисы вылетать целымъ роемъ. Въ эту минуту онъ обѣлпилъ все лицо старика, и набилъ ему въ ротъ и поздри. Страшное мученіе предстояло ему отъ этихъ насѣкомыхъ, и онъ не смѣлъ пошевелиться съ мѣста, да и, къ несчастію, не было никого вблизи, кто могъ бы освободить его отъ угрожавшей ему опасности. Онъ простоялъ въ этомъ

ужасномъ положеніи около трехъ минутъ: жаръ отъ пчелъ былъ невыносимъ, и старикъ чуть не пришелъ въ бѣшенство. Въ эту критическую минуту, онъ осторожно схватился за шляпу, и поднялъ ее надъ головою. Пчелиной матки понравился этотъ новый родъ улья, и въ ту же минуту всѣ пчелы послѣдовали за нею и устали въ шляпѣ; хитрость старика совершенно удалась: онъ вышелъ изъ сада цѣлъ и невредимъ со шляпою, наполненною пчелами, которую торжественно показалъ своимъ друзьямъ.

— У книгви Меттернихъ, какъ рассказываетъ маркизъ Лондондерри, есть похвальный обычай, которому не худо подражать и въ другихъ столицахъ Европы. Она приняла за правило у всѣхъ посѣщающихъ ее иностранныхъ гостей и особенно дипломатовъ, просить ихъ портретовъ, которые они должны заказывать въшскимъ живописцамъ. Разумется, никто не отказываетъ этой прелестной женщины въ столь лестной для нихъ собственнаго самолюбія просьбѣ; а книгви между-тѣмъ собрала уже три огромные фоліанта портретовъ всѣхъ почти извѣстныхъ и знаменитыхъ людей Европы. Всѣ портреты написаны въ миньютурѣ и отличаются поразительнымъ сходствомъ съ оригиналами.

— Одинъ Американецъ въ Питерборгѣ поссорился съ своею женою, привязалъ ее къ кресламъ и зажегъ этотъ костеръ. Пламя въ минуту обхватило платье несчастной жертвы, и она сгорѣла въ ужасныхъ мученіяхъ. Мужъ старался доказать предъ следственнымъ судомъ, что жена его сгорѣла отъ собственной неосторожности; но мѣры имъ взятыя для собственной безопасности, послужили явною уликою въ преступленіи.

— Перепечатаніе (контрафакція) англійскихъ книгъ въ Америкѣ составляетъ весьма прибыльный промыселъ для тамошнихъ книгопродавцевъ и типографшиковъ. Только-что явится въ Англии какое-нибудь интересное сочи-

неніе, въ Америкѣ немедленно сотни рукъ начнутъ перепечатывать его. Недавно новый романъ Бальвера «Zanoni», котораго экземпляръ стоить въ Лондонѣ полгинеи, перепечатавъ, въ газетѣ «the New World», въ одномъ испанскомъ листѣ въ 36 колоннъ, въ числѣ 2000 экз., и каждый листъ этого журнала пуścić въ продажу по 12½ сантимовъ. Такая контрафакція совершенно убиваетъ отечественную литературу самихъ Американцевъ: книгопродавцы вовсе не покупаютъ рукописей у своихъ сочинителей, потому-что и безъ того могутъ доставать за бездѣлицу лучшія сочиненія Англичанъ и наживать отъ нихъ себѣ большіе барыши.

— Въ Сѣверной Америкѣ есть особое сословіе людей, которые промышляютъ ложною присягою, и за вѣсколько долларовъ готовы свидѣтельствовать въ честию самаго отъявленнаго плута. Пѣкто Бредли обокралъ почтовую казну въ Union-Town-Post, и въ этомъ дѣлѣ былъ обвиненъ неопровержимыми доказательствами; но Бредли подкупилъ 200 свидѣтелей, которые въ Питерборгѣ показали подъ присягою, что онъ честнѣйшій человекъ въ мірѣ.

— Брауенбургскій курфирстъ Фридрихъ III (въ-послѣдствіи прусскій король Фридрихъ I) обложилъ всѣ парики своихъ подданныхъ податью, и откупъ на нихъ отдалъ Французу Лавердогеню. Всѣ парики безъ исключенія привосимы были въ королевскую штемпельную камеру, гдѣ таксировали ихъ 6-ю процентами и потомъ прикладывали къ каждому вазенную печать. Этотъ откупъ по причинѣ многихъ интригъ и утайки пошливъ былъ отмененъ въ 1702 году; такса на парики возвысилась, смотря по чину и званію людей, которые ихъ носили. Министры и военныя особы до генерал-майорскаго чина платили за свои парики по 3 талера ежегодно, совѣтники разныхъ палатъ 2, адвокаты и канцелярскіе служители 1½, придворные ла-

кен $\frac{5}{8}$ и наконецъ купцы, мѣщане и ремесленники $\frac{1}{2}$ талера.

— 18-го сентября папа исполнитса 77 лѣтъ. Онъ 11 лѣтъ занимаетъ уже престолъ св. Петра. Святѣйшіи Коллегіумъ составляютъ теперь 60 кардиналовъ, 6 кардиналовъ-епископовъ, 43 кардинала-священника и 11 кардиналовъ-дьяконовъ. Самый старшій изъ кардиналовъ—кардиналъ Руффа, которому теперь 87 лѣтъ; самый младшій, кардиналъ Шварценбергъ, 33 лѣтъ. Годы всѣхъ кардиналовъ, взятые вмѣстѣ, составляютъ 3580 лѣтъ.

— Въ королевскомъ Монетномъ Музеумъ въ Парижѣ (Musée Monétaire) между можествомъ монетъ и медалей находятса одинъ экземпляръ медали, которую Наполеонъ приказалъ выбить по-секрету на покореніе Англии. Известно, что высадка французскихъ войскъ изъ берега Англии была любимымъ планомъ Наполеона, и онъ хотѣлъ увѣковѣчить эту будущую победу заранѣе приличною медалью. На правой сторонѣ медали представлено грудное изображеніе Наполеона; на оборотѣ Геркулесъ, удушующій въ крѣпкихъ своихъ рукахъ исполина Антея. На закраинѣ медали вырзаны слова: «Descente en Angleterre, frappée à Londres 1804». Медаль эта вырзана была въ Парижѣ, и выбита въ числѣ двухъ экземпляровъ, изъ которыхъ въ музеумъ сохранился только одинъ экземпляръ. Штемпель медали былъ истребленъ въ послѣдствіи по особому приказу Наполеона.

— Для истребленія веснушекъ на лицѣ особенно рекомендуютъ слѣдующія снадобья: сокъ изъ молодого винограда, также свѣжую землянику, которую надобно размять, и въ этомъ видѣ прикладывать къ лицу на ночь. Но лучшимъ средствомъ для истребленія веснушекъ германскіе врачи почитаютъ молочный сокъ, выжатый изъ стеблей свѣже-сорванныхъ листьевъ фигового дерева.

— Къ величайшимъ рѣдкостямъ, которыя случились во время послѣдняго солнечнаго затмѣнія, принадле-

жить слѣдующее: въ одной деревнѣ, лежащей на берегу Этца, 8 июля н. с., спустя нѣсколько часовъ послѣ затмѣнія, курица свесла яйцо, на которомъ природа какъ-будто бы выгравировала солнце съ покрывшемъ его луною тѣнью.

— Лондонская газета «the Globe» уведомляетъ публику о смерти одной весьма-почтенной курицы, которая жила на свѣтѣ 35 лѣтъ и свесла во время полезной своей жизни 8910 яицъ. Англійскія газеты вѣроятво находятъ любопытнымъ такіа известія?..

— Англичанинъ Гоу имѣлъ большое состояніе и женился на молоденькой и хорошенькой миссъ Жюли Маллетъ. Въ день свадьбы, Гоу, сидя за обѣдомъ съ молодою супругою, сказалъ окружавшей его роднѣ: «велики никогда слишкомъ полагаться на любовь и вѣрность женщины», потомъ прибавилъ, что онъ долженъ отправиться теперь въ городъ по своему дѣлу, и тотчасъ послѣ обѣда ушелъ изъ дому. Черезъ нѣсколько часовъ послѣ того, жена получила отъ него письмо, въ которомъ онъ ее уведомлялъ, что по весьма-важному дѣлу уѣхалъ въ Голландію. Г-жа Гоу думала, что отсутствіе мужа не будетъ продолжительво, но ошиблась, ибо прошло сразу семнадцать лѣтъ, и о немъ не было ни слуху, ни духу. Но Гоу между-тѣмъ вовсе не выѣзжалъ изъ города и навѣлъ въ концѣ той же улицы, гдѣ жила его жена, квартиру, перемѣнилъ свою фамилію и оставался въ совершенной незнакомости въ Лондонѣ, гдѣ поселился не задолго до своей женитбы. По близости дома жены его, была кофейня, которую часто посѣщалъ Гоу. Однажды онъ прочелъ въ газетахъ слѣдующее: «Госпожа Гоу, являющая правительство объ участи безвѣсти пропавшаго ея мужа, проситъ судъ войти въ ея положеніе и распорядиться по законамъ оставшимся послѣ негемъвѣствіемъ». Г. Гоу съ любопытствомъ читалъ въ газетахъ о ходѣ собственнаго своего процесса, который кончился въ пользу его жены. Прошло

послѣ того еще нѣсколько лѣтъ, и г-жа Гоу нашла квартиру у какого-то Затта, съ которымъ познакомился въ ноябрѣ г. Гоу, и занялъ у него въ домѣ также комнату. Эта комната была обѣстѣнута съ кабинетомъ г-жи Гоу; мужъ ея каждый день слышалъ о чемъ разговаривала его жена съ своею сестрою. Однажды утромъ г-жа Гоу, сидя за чаемъ съ сестрою, получила безлименное письмо погородской почтѣ, въ которомъ приглашали ее на другой день вечеромъ явиться въ Сен-Джемскомъ Паркѣ, въ известномъ мѣстѣ. Прочитавъ письмо, она подала его сестрѣ. Сестра, рассмотрѣвъ внимательно почеркъ, съ удивленіемъ воскликнула: «да это письмо отъ твоего мужа!» Оставленная жена, любившая искренно своего мужа, упала въ обморокъ. Она согласилась на другой день идти въ Сен-Джемскій Паркъ, на интересное свиданіе. Не прошло десяти минутъ, какъ явился передъ глазами ея давно-пропавшій г. Гоу. Онъ безъ замѣчательства и очень-хладнокровно началъ говорить съ нею, какъ-будто бы время разлуки ихъ продолжалось только одинъ день. Не знаешь въ какой степени эта супружеская сцена подѣйствовала на нѣжныя нервы госпожи Гоу. Но какъ бы то ни было, супруги живутъ теперь счастливо и согласны въ Лондонѣ, и чудакъ Гоу отказался отъ своей мысли, будто бы итъ на свѣтѣ честныхъ женщинъ.

— Весьма-замѣчательный случай былъ недавно въ Перуджіо между двумя отличными дуэлистами, маркизомъ Ф. и княземъ П. Они выстрѣлили изъ пистолетовъ другъ въ друга въ одно мгновеніе; пули противниковъ, ударясь одна объ другую, совершенно сплюснулись и упали на землю по срединѣ дистанціи.

— Въ прошедшемъ году англійскій театръ лишился лучшей изъ своихъ актрисъ, миссъ Фенинъ Кемблъ, которая вышла за мужъ за богатаго американскаго купца Ботлера. Вскорѣ за тѣмъ, судьба похитила со сцены сестру этой артистки, Аделанду Кемблъ,

вышедшую за мужъ за богатаго Испанца, маркиза де Каза Баргуаллеса-и-Сартаріо, который имѣетъ обширныя помѣстья около Кадикса и въ Мексикѣ, получая съ нихъ дохода 200,000 талеровъ. У него есть также нѣсколько деревень въ Южной Франціи и Италіи; слѣдовательно, онъ можетъ жить въ старомъ и новомъ свѣтѣ какъ у себя дома.

— Въ пломбьерскихъ купальняхъ, (гдѣ недавно была герцогиня орлеанская), ванны женскія отъ мужскихъ разделяются только тонкою деревянною перегородкою. Въ отдаленіи мужчинъ играетъ музыка; купающіеся поютъ въ воду, играютъ въ карты и даже танцуютъ. Еще замѣчательнѣе купальня въ Лейкѣ (Louèche), гдѣ дамы и кавалеры купаются вмѣстѣ; тѣло ихъ до головы герметически-закутано въ фланель, и только головы купающихся торчатъ поверхъ воды. Предъ каждою головою плаваетъ доска, на которой купающійся вѣст и пьетъ какъ за обыкновеннымъ столомъ и играетъ въ карты ловко и спокойно, ибо каждый сидитъ въ водѣ на креслахъ, которыя легко передвигаются во все стороны. Кресла привязаны ремнями.

— Одинъ Нѣмецъ, учитель ариметики, жившій долгое время въ Парижѣ, сдѣлалъ слѣдующее исчисленіе датъ замѣчательнѣйшихъ происшествій Франціи.

1794. Паденіе и казнь Робеспьера.

1794.

1815. Низверженіе Наполеона.

1815.

1830. Отреченіе отъ престола Карла X-го.

1830.

1842. Смерть герцога орлеанскаго.

1842.

1857. ???.

— Въ «Journal de Francfort» напечатано объявление объ одной дѣвицѣ, которая ищетъ мѣста гувернанты въ Германіи: «Une jeune demoiselle de la Suisse, qui ne parle point l'Allemand.» Рейвъ-вестфальская газета сдѣлала на это объявление слѣдующее замѣчаніе: «Можно ли такъ нагло смѣяться надъ здравымъ смысломъ Германцевъ, которые будто-бы поставляютъ въ особенное достоинство незнаніе нѣмецкаго языка, при воспитаніи ихъ дѣтей.» Но такого рода объявленія часто встрѣчаются въ нѣмецкихъ газетахъ. У насъ они неужы, потому-что мы и безъ того можемъ быть увѣрены, что публикующіеся въ нашихъ газетахъ гувернанты ни слова не знаютъ по-русски; иначе онъ не осмѣлился бы и публиковать о себѣ.

— Въ Парижскомъ Théâtre Français играютъ съ большимъ успѣхомъ новую пьесу подъ заглавіемъ: «le Veuvage». Въ этомъ водевилѣ главное дѣйствующее лицо—г. Менаръ, который жалуется, что женщины не даютъ ему ни минуты покоя, и любовныя свои сѣти расстилаютъ ему на каждомъ шагѣ. Онъ между прочимъ поетъ слѣдующіе куплеты, которые очень нравятся публикѣ:

On me poursuit chez moi, dans la rue on m'arrête;

Pourquoi? Pour me jeter une femme à la tête,

On m'invite à dîner, c'est pour me faire voir

Une beauté sans dot, que l'on voudrait pourvoir.

Suis-je au bal? C'est bienpis, à ma droite se place

Une fille un peu mûre, une Agnès est en face.

À ma gauche une veuve; ton pauvre Ménard,

Se voit de tous côtés traqué comme un renard,

Puis viennent les mamans, les tantes, les cousines,

De prétendus amis les voisins, les voisines,

Et que sais-je? Un éssaim d'officieux maudits.

— Англійскій писатель Джонъ Перри сказалъ однажды: «Совѣтую всѣмъ страдающимъ сплинномъ читать каждый день страницу газетныхъ объя-

вленій». Это новаго рода лекарство конечно покажется русской публикѣ позорительнымъ, или просто мистификаціею, потому-что мы привыкли читать въ газетахъ лакоинческія извѣстія о пропажѣ собакъ, продажѣ лошадей, экипажей и пр. о ищущихъ мѣста управителей, экономокъ и т. д. Но Джонъ Перри не шутитъ и въ самомъ дѣлѣ находитъ интересныя объявленія англійскихъ газетъ. Беремъ для пробы, хоть на примеръ газету «the Times» отъ 3 августа сего года. Подъ рубрикою разныхъ объявленій въ ней напечатано слѣдующее: «Одно почтенное семейство, любящее болѣе всего comfort, ищетъ себѣ повара, но съ условіемъ, чтобъ онъ строго исполнялъ все обряды англійской церкви, и былъ въ полномъ смыслѣ слова христіанномъ». — «Одна богатая леди желаетъ воспитывать и образовать на свой счетъ молодого лжестельмена». — Если Луиза" согласна возвратиться къ своимъ друзьямъ въ Лондонъ, то они примутъ ее съ радостію и забудутъ все прошедшее». Въ этихъ не многихъ словахъ заключаются, можетъ-быть, цѣлая повесть, романъ или драма. — Г. Граутъ, живущій въ Оксфордской Улицѣ, извѣщаетъ г. К. Д. Каутербери, что онъ слава Богу здоровъ, но несесель, потому-что у него украли часы въ театрѣ». — «Капитанъ Уокеръ (Regent Street) имѣетъ честь извѣстить миссъ Г" Ф", что она ему очень понравилась за гулянья въ Гайдпаркѣ. Зантра около обѣда пройдетъ онъ мимо ея квартиры съ лорнетомъ въ правой рукѣ и съ платкомъ въ левой. Миссъ Г" можетъ узнать капитана по особой свойственной ему улыбкѣ». — «Если Джонъ Стратфордъ, въ приходѣ Дувтана, въ-теченіе недѣли не возьметъ у меня своихъ гончихъ собакъ, то я ихъ продамъ, ибо даромъ кормить чужихъ собакъ не обязанъ. Куперь Эльтонъ». — Если прочесть до конца громадный листъ газеты, то подобныя ликованья найдется больше сотни. Не весело ли это, въ-самомъ-дѣлѣ?

ЗАСѢДАНІЯ УЧЕНЫХЪ ОБЩЕСТВЪ.

I.

ПАРИЖСКАЯ АКАДЕМІЯ НАУКЪ.

Въ засѣданіи 11-го іюля, г. Годишо читалъ весьма-важный мемуаръ о *физиологич. и развитіи органовъ растений*. Это великая задача, и рѣшеніе ея, хотя бы и могло быть оспариваемо въ нѣкоторыхъ пунктахъ, заслуживаетъ тѣмъ болѣе вниманія, что настоящій мемуаръ есть плодъ долговременныхъ изысканій автора.

Давно уже чувствуется нужда въ томъ, чтобъ науки привели въ порядокъ многочисленныя факты, которые онѣ собираютъ съ пол-вѣка, и вышли наконецъ изъ исключительнаго направленія матеріальныхъ подробностей, чтобъ возвыситься до своей истинной цѣли, то-есть, до систематическаго устройства и обобщенія фактовъ. Особенно по нѣкоторымъ отраслямъ науки надобно, чтобъ какой-нибудь свѣтлый умъ, обинная ихъ общимъ взглядомъ, связалъ между собою всѣ разблѣвныя ихъ части и далъ имъ тѣло и жизнь. Безъ сомнѣнія, было время, когда теорія должна была уступить мѣсто изысканію фактовъ; но не справедливо думать, что теорія составляется сами собою, что онѣ приходятъ естественнымъ образомъ вслѣдъ за многочисленными фактами, которые каждый день вносятся изыскателями въ число пріобрѣтеній науки. Для составленія системы, нужна рука могучая: матеріалы знанія могутъ быть приведены въ порядокъ только по плану архитектора.

Но, говоря о духѣ системы, безъ котораго не можетъ быть науки, мы разумемъ не эти универсальныя системы, которыя обнимаютъ всю природу, и которыя выходятъ совсѣмъ-готовыя изъ легкаго и живаго воображенія, всегда способнаго поставить блестящее сравненіе на мѣсто основательнаго умствованія, и удовольствоваться замысловатымъ образомъ, когда дѣло идетъ о точныхъ знаніяхъ.

Виде и въ настоящее время есть люди, которые мечтаютъ объ универсальныхъ системахъ. Въ упрекъ этимъ системамъ, этимъ гипотезамъ, которыя хотятъ изъяснить все, можно сказать—не то, чтобъ онѣ были ложны, а то, что онѣ бесполезны, ибо по самой своей общности; могутъ быть толкованы произвольно, но не служатъ къ предузнанію и къ вычисленію ни одного частнаго факта. Изобрѣтатели подобныхъ системъ оболочаютъ сами себя, принимая за законъ образъ, по которому они представляютъ себѣ болѣе или менѣе поэтически составъ и великія явленія міра. Они не чувствуютъ, что есть различіе между всеобщимъ тяготѣніемъ Ньютона и ихъ системами: имѣя въ виду, что великій законъ Ньютона опирается на такомъ основаніи, которое даетъ возможность предвидѣть и вычислять факты, между тѣмъ, какъ универсальныя теоріи суть только фигуры, символы, изъ которыхъ нельзя извлечь никакихъ ученыхъ выводовъ. Образъ можетъ представлять воображенію совокупность явленій, но онѣ не даютъ нашему уму понятія о ихъ значеніи. и, следовательно, онѣ—одна изъ безчисленныхъ формъ, подъ которыми можно изображать природу. Такимъ-образомъ, можно смотрѣть на міры, и въ частности на землю, то какъ на тѣла удивительныя, то какъ на существа живущія, въ которыхъ совершаются явленія болѣе или менѣе подобныя тому, что происходитъ въ животныхъ собственно-такъ-называемыхъ, или дѣлать другія поэтическія сравненія, которыя, положимъ, будутъ согласоваться съ фактами; но не продвинуть науки впередъ ни на шагъ. Подобныя странныя идеи не имѣютъ ничего общаго съ наукою: наука должна ихъ опровергнуть какъ не служащія къ предвидѣнію никакого факта.

Между науками, наиболѣе-нмѣющими являющую въ систематическомъ устройствѣ и въ общемъ ученіи, наука растений должна быть упомянута прежде всѣхъ, или, по-крайней-мѣрѣ, потребность подобаго направленія въ ней

ощутительна не менше, какъ въ извест-
ныхъ частяхъ физики и химии. Мы раз-
умѣемъ здѣсь не ботанику собственно-
такъ-называемую, то-есть, классифика-
цію растений по естественнымъ отно-
шеніямъ, которыми связываются раз-
личные отдѣлы этихъ существъ ме-
жду собою: эта задача уже давно рѣ-
шена, и можно сказать, ботаника, въ
томъ видѣ, который ей дали многіе
знаменитые натуралисты, въ-особенно-
сти Жюлье, есть наука столь совер-
шенная, сколько-возможно, и даже мо-
жетъ служить образцомъ другимъ на-
укамъ въ-отношеніи къ классификаціи.
Но законъ образованія и развитія ор-
гановъ растений, механизмъ отравле-
нія этихъ органовъ, покрыты еще глу-
бокимъ мракомъ, и наука въ этомъ от-
ношеніи не представляетъ ни твер-
дыхъ началъ, ни совокупности несо-
мнѣнныхъ фактовъ. На первый взглядъ
кажется, что такъ-какъ растения до-
ступны для опытовъ, нежели живот-
ные, то механизмъ ихъ отравленій,
который притомъ проще, нежели у жи-
вотныхъ, долженъ быть болѣе-извѣ-
стенъ; однакожъ, не такъ на дѣлѣ, и
достаточно подумать нѣсколько объ
этомъ предметѣ, чтобъ видѣть, какія
препятствія окружаютъ изученіе фи-
зіологіи растений; этихъ препятствій мы
не встрѣчаемъ, когда дѣло идетъ о
животныхъ.

Г. Годшѣ, въ мемуарѣ своемъ,
очень-хорошо показывается это разли-
чіе. Вотъ, что онъ говоритъ о физио-
логіи растений, сравнительно съ фи-
зіологіею животныхъ:

«Можно ли сравнивать физиологію расте-
ній съ физиологіею животныхъ? Не ду-
маю. Въ животныхъ совершенныхъ, и, мо-
жетъ-быть, во всѣхъ, есть органы очень-
ясные, которыхъ механизмъ въ настоящее
время совершенно-извѣстенъ, но которыхъ
отравленія, должно сознаться, извѣстны
гораздо-меньше; такъ, у животныхъ есть
сердце, артерій и вены для кровообраще-
нія, легкія для дыханія, желудокъ для пи-
щеваренія, мозгъ и нервы для ощущенія.
Вся опытовъ открыла свойства и отно-
шенія этихъ органовъ и ихъ отравленій.

«Нельзя сказать того же о физиологіи ра-
стений. Здѣсь мы еще доселѣ принужде-
ны спрашивать себя: какіе органы у ра-
стений, и какія ихъ отравленія?

«Можно ли сказать, что въ растенияхъ
есть отравленія физиологическія и въ то
же время нѣтъ отравленій органическихъ,
и, следовательно, органогенетическихъ? Эти
вышнія различія, вообще принятая, ко-
торая я самъ принужденъ былъ допу-
стить временно, не произвольны ли, и имѣ-
ютъ ли смыслъ?»

Въ этомъ первомъ трудѣ, который
служитъ введеніемъ въ рядъ мемуа-
ровъ, болѣе-подробныхъ, объ основ-
ныхъ вопросахъ науки растений, г.
Годшѣ сперва обозрѣваетъ превраще-
нія извѣстныхъ частей растений от-
вѣкъ въ другія, лепестковъ въ листья,
тычинокъ въ лепестки, въ листья,
листья въ плоды, и пр.,—превраще-
нія, которыя роза представляетъ всѣ
въ одной себѣ; потомъ авторъ заклю-
чаетъ, что аналогія первоначальной
организации различныхъ придаточныхъ
частей растений достаточно доказы-
вается ихъ общимъ происхожденіемъ
и легкостью, съ которою онѣ привя-
ваются, соединяются и превращаются
одна въ другія, такъ-что теперь уже
можно начертать планъ разныхъ ор-
ганизаций и постановить законы, ко-
торымъ слѣдуютъ части растений,
соединяясь между собою.

«Какъ-скоро дознана истина, что всякая
придаточная часть въ растенияхъ есть
лишь часть существа отдѣльнаго, хотя при-
витого на главъ растенія, живущая сперва
своею особною жизнью, и послѣ жизни
общей, одушевляющею все дерево; дру-
гими словами, какъ-скоро дознано, что
самыя большія деревья, равно какъ самое
малое растеніе, происходятъ отъ соеди-
ненія множества мелкихъ, которыя без-
препятственно развиваются и возобновляю-
тся, и которыя, налагаясь одно на дру-
гое и соединяясь своими частями, уве-
личиваются въ вышину и ширину массу;
этихъ большихъ деревьевъ и таинныхъ ор-
ганомъ умножаются ихъ растительныя силы,
—какъ-скоро эта истина доказана, то зако-
ны растительной органогенезиса и физиологіи
значительно прясвѣляются и упрощаются.

«Въ растеніяхъ, выходящихъ самую многосложную организацию, жизнь не требуетъ этого множества органовъ, которое представляютъ животныя, даже самыя простыя и наименѣе-совершенныя. Теперь доказано, что жизнь существуетъ вездѣ въ самой малѣйшей части растенія, въ отдельной простой клѣточкѣ, подобно какъ въ цѣломъ растеніи и въ величайшемъ деревѣ. Доколѣ цѣлое растеніе, или его отдельныя части, находятся въ надлежащихъ условіяхъ свѣта, теплоты, влажности и, вѣроятно, симметрии, они сохраняютъ жизнь.»

Г. Годишъ, сообщая своему изложенію форму сомнѣній, идетъ путемъ предположеній; именно, онъ предполагаетъ, что живущая растительная клѣточка, какъ, на-примѣръ, малѣйшій отрывокъ листа или всякой другой части растенія, поставленная въ обстоятельства самыя благоприятныя для растительности, можетъ продолжать жить, расти, и наконецъ превратиться въ полное растеніе, принадлежащее къ той же группѣ, отъ которой произошла клѣточка, и даже именно къ тому же виду.

«Въ этой источной клѣточкѣ, жизнь, какъ бы ни была дѣятельна, кажется медленною или остановленною, почти какъ въ зародышѣ засушеннаго зерна. Однако, не смотря на это, клѣточка стремится непрерывно къ цѣли, которую назначила ей природа, то-есть, къ сохраненію и распространенію своего вида, къ совершенству своего естественнаго типа и къ образованію растенія, представляющаго этотъ самый типъ въ сокращенномъ состояніи. Въ этой отдельной клѣточкѣ, живущей независимо отъ однородныхъ съ нею растительныхъ частей, или замѣствующей у нихъ, по причинѣ сопряженности съ ними, только часть возбуждающей влаги, жизнь усиливается чрезъ дѣйствіе перепонки, которой назвачено поглощать окружающіе питательные соки и выработать ихъ.»

«Клѣточка, одушевленная питаніемъ, наполняется жидкостію отъ дѣйствія этой силы, которую назвали силою поглощенія, но которая доселѣ еще не изъяснена. Жидкость, наибольшая въшншми дѣятельнаи подѣ вліяніемъ перепонки, организуется подѣ видомъ шариковъ, котораи клѣточекъ, и эти клѣточки, связанныя слѣдующимъ це-

ментомъ, составляютъ лишь одну массу, одаренную общемо жизнію. Въ то же время, какъ эти маленькіе шарики превращаются въ клѣточки и соединяются въ одну массу, образуются межклеточныя пространства, каналы, трубочки, сосуды, различныя новыя тѣла, и помѣщаются между ними. Здѣсь начало сосудистаго растенія и обращенія сока. Въ этомъ состояніи, организованная клѣточка составляетъ первоначальное растеніе, въ его простѣйшемъ видѣ.»

Мы не можемъ слѣдить за авторомъ въ изложеніи законовъ соединенія и группированія органовъ, которыхъ обнаруженіе начинается, какъ-скоро на вершинѣ перваго простаго сосудистаго листа образуется второй, третій, потомъ большое число листьевъ. Должно изучать эту теорію въ самомъ мемуарѣ. Г. Годишъ слѣдитъ за развитіемъ и соединеніемъ органовъ въ нихъ различныхъ степеняхъ образованія, и поясняетъ все примѣрами.

Теперь предположимъ съ авторомъ, что клѣточка, вмѣсто того, чтобъ жить отдельно, находится среди какой-нибудь живущей части растенія: жизнь скоро истощилась бы и погасла въ этой части растенія, еслибы она имѣла только страдательную жизненность тканей, и еслибы не образовался въ ней возбуждательный органъ. Но какъ-скоро клѣточка одушевляется и стремится къ произведенію одного или многихъ органовъ, жизнь какъ-бы пробуждается въ жидкостяхъ, какъ и въ тканяхъ; жидкости приходятъ во взаимное сообщеніе и распространяются по всемъ направленіямъ вокругъ этого возбуждающаго тѣла; такимъ образомъ, часть ствола, корня, плода, листа или цвѣта можетъ жить только клѣточною жизнію, до-тѣхъ-порѣ, пока одна изъ ея клѣточекъ не превратилась въ возбуждающее тѣло; но какъ-скоро растеніе составилось — жизнь отравленій распространится въ тканяхъ, которыя безъ того остались бы на степени клѣточной жизни. Это ученіе не имѣетъ недостатка въ доказагельствахъ. Если, на-примѣръ, срубить дерево, разсѣкая

его стволъ въ поперечномъ направленіи ниже вѣтвей, то это дерево неминуемо погибнетъ, если не дастъ въ скоромъ времени видныхъ или сокрытыхъ отрпысковъ; если же оно произведетъ ихъ, то «физиологическая жизнь, приостановленная на некоторое время, пробуждается съ новымъ дѣятельностію, и тогда со-временемъ образуются сильныя вѣтви какъ-бы изъ ничего, и покроются листьями, которыхъ корешки распространяются по поверхности всѣхъ деревянистыхъ тканей ствола, существовавшихъ уже прежде. Въ этомъ случаѣ, старыя ткани, одушевленные новыми, могутъ соединиться съ ними посредствомъ естественнаго привитія и еще долго будутъ существовать органическою жизнью, которая сообщена имъ. Такимъ образомъ поддерживается жизнь въ растеніяхъ; новыя недѣлимые привходятъ, чтобъ оживить и питать старыя, которыхъ органы являлись большей частью своей физиологической силы, и которыя безъ того имѣли бы только одностѣнное существованіе, свойственное травянымъ растеніямъ.

Всѣ обыкновенныя явленія растительности могутъ быть взяты въ примѣръ этого факта, который одинъ заключаетъ въ себя всю исторію разсаживанія, прививанія и другихъ искусственныхъ способовъ разведенія растеній.

Это весьма-замѣчательный законъ развитія растеній, у которыхъ жизнь, не подчиняясь общему центру и не завися отъ какого-нибудь органа или члена, принадлежать, такъ-сказать, каждой изъ частицъ, изъ соединенія которыхъ состоятъ эти существа, и можетъ быть пробуждена и поддерживаемая развитіемъ первоначальныхъ кѣлочекъ, въ которыхъ, какъ въ зародышахъ, сокрыта производительная сила. Послѣ этого нѣтъ ничего легче, какъ изъяснить разсѣваніе растеній на поверхности земнаго шара. Въ-самомъ-дѣлѣ, если допустить, что какава-нибудь часть растенія, на-примѣръ малѣйшій от-

рывокъ листа, можетъ произвестъ новое растеніе, то ничто не препятствуетъ, такъ-сказать, странствовать всѣмъ растеніямъ отъ одного прѣдела земли до другаго; всѣ атмосферныя силы будутъ содѣйствовать произведенію этого дѣйствія: вѣтры, бури, облака, — потому-что всѣ они будутъ слушать средствомъ къ перенесенію этихъ зародышей изъ одного мѣста въ другое.

Послѣднее предположеніе г. Голшдъ, которое еще очевидно, касаясь развитія зародыша.

Каковы бы ни были явленія, изъ которыхъ состоитъ оплодотвореніе, и какія бы понятія ни составляли себѣ ученье о развитіи зародыша, несомнѣнно, что онъ первоначально состоитъ въ отдельной кѣлочкѣ, висящей на оконечности длинной нити. Не есть ли это подтвержденіе предъидущихъ предположеній? Это очевидный примѣръ кѣлочекъ свободной, отдельной, живущей въ мѣстѣ благоприятномъ для ея развитія; съ другой стороны, это примѣръ кѣлочекъ зависимой, еще соединенной съ плодотворною массою. Съ-этихъ-поръ не встрѣчается болѣе трудностей, потому-что здѣсь начинаютъ наблюденія явныя и положительныя, факты очевидныя и неоспоримыя.

Въ-самомъ-дѣлѣ, если взять за исходный пунктъ кѣлочку, содержащую въ себѣ зародышъ, то нѣтъ ничего легче, какъ слѣдить за различными періодами ея развитія, до-тѣхъ-поръ, пока она достигнетъ состоянія совершеннаго зародыша.

— Г. Буржрѣ читалъ мемуаръ о предметѣ анатоміи и физиологии, служащемъ съ давняго времени предметомъ споровъ, и еще доселѣ вѣршеиномъ. Дѣло идетъ о внутреннемъ строеніи легкихъ, съ которымъ связаны вопросы объ отправленіяхъ этого органа, о дыханіи, о болезняхъ ткани легкихъ и о происхожденіи въ нихъ желвачковой матеріи. Можно составить себѣ различныя понятія, если не о самомъ отправленіи легкихъ и о свойствахъ болѣ-

шей, которыя их заражаютъ, то по-крайней-мѣрѣ о мѣстѣ, гдѣ именно совершается химическій процессъ ды-ханія и объ исходномъ пунктѣ жел-вакопъ, смотря потому, будемъ ли мы смотрѣть на легкія какъ на органъ, образованный изъ коздреватой ткани, которая состоитъ изъ каналовъ, пере-путанныхъ между-собою безъ порядка и впадающихъ одна въ другую, или будемъ считать этотъ органъ происхо-дящимъ отъ правильнаго раздѣленія воздушныхъ каналовъ, развѣтвляю-щихся на другіе каналы болѣе-и-болѣе тонкіе, подобно вѣтвямъ дерева, и оканчивающихся непроходимымъ дномъ, которымъ и образуется легочный пу-зырекъ.

Эти двѣ теоріи доселѣ раздѣляютъ анатомистовъ; но большая ихъ часть держится второй, которую особенно подкрѣпилъ г. Базенъ своими опы-тами. Г. Буржрѣ, напротивъ, при-знаетъ первую теорію.

— Г. Буржрѣ представилъ также анатомическій разборъ селезенки, это-го таинственнаго органа, объ отпра-вленіяхъ котораго доселѣ неизвѣстно ничего положительнаго. Посредствомъ разсѣченія и уточненнаго наблюденія, авторъ открылъ въ ткани селезенки составительные элементы жездъ, соб-ственно-такъ-называемыхъ.

— Укажемъ еще на мемуаръ г-на Мандля *объ анатомическомъ соста-вѣ нервной системы*, чтобъ дать за-мѣтить нынѣшнее направленіе фран-цузскихъ натуралистовъ, рѣшительно предавшихся микроскопическимъ из-слѣдованіямъ внутренняго строенія органовъ.

Г. Мандль доказываетъ, что вообще нервы оканчиваются подъ видомъ уш-ка, въ какой бы періодъ жизни ни бы-ло разсматриваемо животное тѣло. Передъ окончаніемъ нерва, его элемен-тарныя фибры расходятся, чтобъ со-ставить истинное ушко. Эти наблюде-нія всего удобнѣе дѣлать надъ про-зрачнымъ хвостомъ годовастиковъ.

— Г. Дювернуа представилъ моно-графію рода землеройки, *вогахъ*, Ав-

торъ излагаетъ систематическую есте-ственную исторію рода и пятнадцати новыхъ видовъ этого микроскопическа-го млекопитающаго.

— Г. Готье - де - Клобри прислалъ мемуаръ о *новыхъ химическихъ про-изведеніяхъ картофеляйнаго масла*, *huile de patate*, которое г. Кагуръ считалъ особымъ родомъ алкоголя. Те-перъ, кажется, доказано, что это ма-сло не существуетъ совсѣмъ-образо-ванное въ картофелѣ, но что оно есть произведеніе разложенія крахмальнаго вещества и многихъ другихъ органи-ческихъ веществъ. Г. Готье-де-Кло-бри утверждаетъ, что это масло про-изводится въ перегонкѣ свековичнаго меласа и также въ броженіи виноград-ныхъ выжимокъ. Это послѣднее на-блюденіе было сдѣлано и въ Мон-пелье г. Байромъ, который, съ своей стороны, дошелъ до тѣхъ же резуль-татовъ, какъ и г. Готье-де-Клобри.

— Въ засѣданіи 18-го іюля г. Реньёръ извѣстилъ Академію о новыхъ и чрез-вычайно-замѣчательныхъ *усовершен-ствованіяхъ въ светописномъ иску-ствѣ*, сдѣланныхъ въ Берлинѣ г. Мозеромъ. Сробщая свои открытія г-цу Реньёръ, берлинскій физикъ поручаетъ ему довести ихъ до свѣдѣнія Париж-ской Академіи.

Всѣмъ памятно то изумленіе, ко-торое возбуждено было не только ме-жду учеными, но и во всѣхъ классахъ общества явленіемъ дагерротипа. Ни-чего не постигали въ этихъ страныхъ опытахъ, изъ которыхъ выходило из-ображеніе вѣдшихъ предметовъ, на-чертанное самимъ свѣтомъ, съ такою точностію, на-какую рука человѣческая не можетъ имѣть притязанія. Въ этихъ опытахъ было что-то таинствен-ное, чудесное, превышавшее самыя необыкновенныя человѣческія изобрѣ-тенія; никто не зналъ, какимъ обра-зомъ умъ челоѣка могъ дойти до подобныхъ результатовъ, и какъ онъ могъ даже предположить себѣ такую задачу.

И однакожъ изобрѣтеніе гг. Ньед-са и Дагерра въ то время было весь-

ма-далеко отъ того, чѣмъ оно стало теперь. Успѣхи, которые сдѣладо это искусство со времени своего появленія, истинно - невероятны; и свѣтскіе люди едва знаютъ о нихъ. Мы не хотимъ здѣсь представлять обзора всѣхъ усовершенствованій, которые испыталъ дагерротипъ; чтобъ дать о нихъ понятіе, достаточно указать на выигрышъ въ быстротѣ времени, съ которою теперь получаютъ свѣтописныя изображенія. Этотъ выигрышъ не менѣе двадцати-деяти на тридцать; то-есть изображенія, которые прежде требовали полчаса времени, получаютъ теперь въ одну минуту; и часто даже въ пятнадцать секундъ. Понятно, сколько такая быстрота исполненія представляетъ выгоду для снятія изображеній съ предметовъ подвижныхъ и измѣняющихся.

Этими усовершенствованіями дагерротипъ обзавѣ важнымъ измѣненіемъ, введеннымъ въ расположеніе стеколь оптическаго снаряда и въ выборъ чувствительныхъ веществъ, употребляемыхъ для принятія впечатлѣній свѣта. Нельзя не удивляться всему, что было придумано замысловатаго для сохраненія свѣту всей его силы при переходѣ сквозь стекла снаряда, и особенно для составленія веществъ, имѣющихъ самую утонченную чувствительность, на которыхъ бы малѣйшій лучъ свѣта дѣйствовалъ мгновенно. Въ этомъ отношеніи, открытіе г. Физо занимаетъ первое мѣсто, и можно думать, что ничево въ лучшѣ слоя брома, которымъ онъ имѣлъ счастливую мысль покрыть слой йода, употребленный Дагерромъ. Впрочемъ, г. Физо этимъ способомъ достигъ послѣдняго предѣла свѣтописныхъ дѣйствій; серебряная доска, покрытая парами йода, потомъ предоставленная вліянію легкаго испаренія брома, можно-сказать, столько же чувствительна къ дѣйствию свѣта, какъ самъ глазъ: ничто не приближается столько къ чувствительности глазной свѣтчатой оболочки, какъ диска, приготовленная такимъ образомъ. Вышніе предметы

производить на нее впечатлѣніе мгновенное; какъ на живую свѣтчатую оболочку органа зрѣнія.

Впрочемъ, г. Физо былъ особенно-счастливъ въ усовершенствованіяхъ дагерротипа; все, чего онъ коснулся, было улучшено съ рѣдкимъ искусствомъ. Ему-то обязаны мы употребленіемъ хлористаго золота, которое имѣетъ свойство скрывать изображеніе, давая ему прочность; небожающуюся прикосновенія постороннихъ предметовъ; и сообщать ему эти вѣжныя отбѣнки, которыхъ безъ того оно не имѣло бы. Тотъ же физикъ изобрѣлъ способъ воспроизводить дагерротипныя изображенія при помощи гальванопластики. Теперь г. Физо занимается другими изслѣдованіями, относящимися къ тому же предмету, и можно надѣяться, что онъ обогатитъ это новое искусство другими усовершенствованіями, равно драгоцѣннымъ.

Успѣхи, которые сдѣладо свѣтописное искусство, значительно увеличили трудность снимать изображенія, потому-что самыя мелочныя предосторожности сдѣлались необходимы для достиженія той степени совершенства, которой должно искать вывъ. Понятно, что опытъ, который дѣлается въ нѣсколько секундъ, требуетъ величайшаго вниманія и величайшей тщательности, потому-что одна лишняя или опущенная секунда, въ дѣйствиіи ли паровъ брома на доску, или въ пребываніи ея въ камер-обскурѣ, уничтожаетъ произведенный эффектъ. Отъ-того-то появляется столько дурныхъ или посредственныхъ изображеній, которые даютъ ложное понятіе о настоящемъ состояніи свѣтописнаго искусства. Весьма-немногіе знаютъ, что это искусство можетъ произвестъ въ рукахъ нѣкоторыхъ любителей.

И что же! Все, что мы сейчасъ вспомнили, не можетъ дать понятія о явленіяхъ почти-чудесныхъ, сообщенныхъ вывъ Академіи Наукъ однимъ изъ ея членовъ, отъ имени одного иностраннаго ученаго, подъ ругательствомъ гг. Энке и Гумбольдта, кото-

рые повторили и повторили новые опыты. Эти меры предосторожности не бесполезны, чтобъ дать достоверность такимъ фактамъ, которые могли бы почтяться грезами, если бы они не были подтверждены учеными, имѣющими авторитетъ.

Главная операція дагерротипа состоитъ, какъ известно, въ томъ, чтобъ предоставить серебряную доску дѣйствию чувствительныхъ паровъ, каковы пары йода и брома, потомъ въ камер-обскуръ, гдѣ вѣншіе предметы производятъ на этой доскѣ изображеніе, сперва невидимое и становящееся видимымъ только подъ вліяніемъ паровъ ртути, которому подвергаютъ доску. Такими основными операціями, помѣзаны г. Дагерромъ. Въ послѣдствіи найдено, что изображеніе можетъ произвестись на одномъ словѣ йода, безъ помощи ртути, если оставить доску въ камер-обскуръ на долгое время, или если, покрывъ доску чрезъ нѣсколько времени краснымъ стекломъ, выставить на солнце. Однѣ берлинскій физикъ, г. Мозеръ, повторивъ этотъ опытъ и сдѣлавъ много изысканій, нашелъ, что продолженное вліяніе красного стекла производить превращеніе дѣйствій свѣта, то-есть, тогда тѣни замѣняются свѣтлыми частями, и наоборотъ. Подъ желтымъ же стекломъ, доска, покрытая йодомъ и востоявшая въ камер-обскуръ въ продолженіи времени, достаточнаго для того, чтобъ принять дѣйствіе паровъ ртути, представляетъ сперва естественное изображеніе съ тѣнями и свѣтлыми частями на ихъ надлежащемъ мѣстѣ, но потомъ вскорѣ она являетъ превращенное изображеніе, въ которомъ порядокъ цвѣтовъ нарушенъ. По увѣренію г. Мозера, фиолетовый и синій лучи солнца дѣйствуютъ такъ, что производятъ изображенія прямая, или, какъ онъ ихъ называетъ, положительныя, съ тѣнями и свѣтлыми частями на ихъ надлежащемъ мѣстѣ; напротивъ, другіе лучи, какъ красный и желтый, имѣютъ обратное свойство.

Но это не все; и зотъ что еще болѣе удивительно и неслыханно. Известно, что если, начертавъ на полированномъ стеклѣ какія-нибудь буквы или знаки, дохнуть на него, потомъ стереть все тщательно и снова дохнуть на стекло, то знаки появятся, какъ были прежде, и такъ далѣе, почти до неопредѣленнаго числа разъ. Это необыкновенное свойство стекла быть столь чувствительнымъ къ впечатлѣніямъ самыхъ слабыхъ веществъ, какова влага дыханія, простирается гораздо далѣе, нежели предполагалось; слѣдуетъ только положить на поверхность зеркала какой-нибудь рисунокъ или вырѣзанную бумагу, потомъ дохнуть на зеркало, чтобъ видѣть, какъ, по отнятіи бумаги и по испареніи влаги съ стекла, рисунокъ возстановляется весьма-чисто дѣйствіемъ новаго дыханія; а что производитъ влага дыханія, то могутъ произвести всякія другіе пары.

Серебряныя доски, покрытыя йодомъ, имѣютъ свойство если не подобное, то по-крайней-мѣрѣ такое, которое можно сравнивать съ свойствомъ стекла въ-отношеніи къ чувствительности; если на доску, приготовленную такимъ образомъ въ темнотѣ, положить какой-нибудь вырѣзанный рисунокъ на нѣсколько минутъ, то она бываетъ такъ чувствительна, что пары ртути возстановляютъ на ней тотъ же рисунокъ, какъ-будто-бы эта доска была подвергнута дѣйствію свѣта.

Даже чистыя металлическія доски, безъ всякаго слоя брома или йода, или какого-нибудь другаго чувствительнаго вещества, принимаютъ также впечатлѣніе предметовъ, которые будутъ положены на ихъ поверхность въ самой глубокой темнотѣ, до такой степени, что пары дыханія или какіе-нибудь другіе дѣлаютъ видимымъ изображеніе совершенно-очерченное.

Наконецъ, что составляетъ верхъ чудесности этихъ фактовъ, — дѣйствіе, о которомъ мы сейчасъ говорили, не имѣетъ даже сумды въ сопряженіи:

венія; оно производится также на разстояніи, какими бы то ни было предметами, какъ доказываютъ слѣдующіе опыты. Г. Мозеръ поставилъ въ темнотѣ полноразночную серебряную доску; потомъ, на маломъ разстояніи отъ ея поверхности, помѣстивъ металлическую медаль, каменю или другой гравированный камень; чрезъ нѣсколько времени, медаль или камень сдѣлала на серебряной доскѣ чистый отпечатокъ, который достаточно было подвергнуть дѣйствию какихъ-нибудь паровъ, чтобы сдѣлать его чувствительнымъ.

Эти любовитные опыты безъ сомнѣнія скоро будутъ повторены физиками. Съ другой стороны, толкованія и теоріи, впрочемъ, также не замедлятъ явиться.

— Г. Делессеръ прислалъ Академіи слѣдующій отрывокъ письма г. Делила изъ Монпелье, о солнечномъ затмѣніи 26-го іюля:

«Прекрасное зрѣлище полнаго солнечнаго затмѣнія, бывшаго нынѣшнимъ утромъ, часъ спустя по восхожденіи солнца, заставляло меня писать къ вамъ. Я старался начертать въ этомъ письмѣ изображеніе двухъ звездъ въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ представлялись во время затмѣнія, и именно въ продолженіе двухъ минутъ, когда луна совершенно закрывала солнечный дискъ. Можно было наблюдать ихъ простымъ глазомъ, безъ всякаго утомленія. Когда, въ слѣдствіе движенія луны, дискъ ея пересталъ быть центральнымъ на дискѣ солнца, то живой свѣтъ солнца показался въ открытой его части внезапно, какъ сверляющее пламя. Въ продолженіи полнаго затмѣнія можно было видѣть нѣсколько звездъ на горизонтѣ.

«Въ жители города были видны своихъ домовъ съ самаго ранняго утра. Погода была совершенно благоприятна. Въ продолженіе полнаго затмѣнія, свѣтъ былъ сумеречный и совершенно позволялъ людямъ видѣть и узнавать другъ друга. Дискъ луны былъ окруженъ свѣтлыми лучами».

— Г. Ловшанъ сообщилъ свои изысканія о фосфорной кислотѣ и о фосфорнокислыхъ соляхъ. Авторъ старается доказать, что составъ фосфор-

ной кислоты не таковъ, какъ думаютъ химики, и что въ фосфорнокислыхъ соляхъ кислорода, кислоты только въ два раза болѣе, нежели кислорода оснoвания, а не въ два раза съ половиною.

— Г. Буржрѣ продолжалъ чтеніе своего мемуара о внутреннемъ строеніи легкихъ у человека и вообще у млекопитающихъ. Описавъ возлущенный волосной снарядъ, онъ занялся кровеноснымъ волоснымъ снарядомъ и показалъ физиологическое согласіе двухъ снарядовъ между собою. Эта вторая часть мемуара г. Буржрѣ интересна не менѣе первой въ отношеніи къ анатоміи и физиологіи органа дыханія.

— Въ засѣданіи 25-го іюля, г. Рейдъ читалъ длинный мемуаръ о *сравнительномъ изученіи чихотки въ человѣкѣ и въ другихъ животныхъ*. Мысль изучать болѣзнь сравнительнымъ образомъ въ различныхъ разрядахъ животныхъ, начиная съ человѣка до низшихъ классовъ, въ которыхъ болѣзненные элементы теряютъ свои отличительные признаки, по мѣрѣ того, какъ самыя органы видоизмѣняются и удаляются отъ типа органовъ высшихъ животныхъ, — эта мысль нова, если не сама въ себѣ, то по крайней мѣрѣ въ своемъ общемъ приложеніи. Такими трудами г. Рейдъ полагаетъ основаніе истинной сравнительной патологіи, столь же полезной для физиологіи, которой она составляетъ необходимое дополненіе, какъ и для исторіи самыхъ болѣзней.

Независимо отъ общей точки зрѣнія, съ которой авторъ обнялъ свой предметъ смѣлымъ и обширнымъ взглядомъ, его мемуаръ отличается основательною ученостью, которая темъ замѣчательнѣе, что становится со дня на день рѣже между врачами. Этотъ трудъ такъ же богатъ новыми фактами, какъ и учеными взглядами.

Сравнительное изученіе чихотки, которымъ занимается г. Рейдъ, — предметъ достойный всего вниманія врачей и друзей человечества. Вѣдомомъ-дѣлѣ, стоить труда рассмотреть со всехъ сторонъ эту болѣзнь,

которая дѣлаетъ болѣе опустошеній, нежели вся эпидемическія болѣзни.

Разсмотрѣвъ внимательно ходъ этой страшной болѣзни въ человѣкѣ, съ ея начала до конца; описавъ подробно разныя явленія, которыми сопровождается развитіе такъ - называемаго желвака, равно разрушеніе, которое онъ производитъ въ органахъ и особенно въ легкихъ, врачи должны бы были предпринять наблюденія въ большомъ размѣрѣ, чтобъ изяснить общія причины этой болѣзни, ея отношенія къ общественнымъ и мѣстнымъ условіямъ жизни, и противопоставить ей совокупность средствъ столь же общихъ, какъ и самыя ея причины.

Удивительны равнодушіе и безпечность, съ которыми люди смотрятъ на опустошенія, производимыя чахоткою; тысячи дѣтей погибаютъ каждаго гола отъ этой болѣзни, и между-тѣмъ врачи большую частію не только не заботятся о приложеніи къ человѣку отдѣльно пособій медицины, но даже не стараются измѣнить условія, которыя наиболѣе благопріятствуютъ развитію чахотки. Изученіе причинъ болѣзни столь обыкновенной, и особенно изясненіе средствъ противъ нея—великая задача; дѣло идетъ здѣсь о томъ, чтобъ изяснить условія общественной жизни и измѣнить ихъ, распространяя довольство тамъ, гдѣ господствуютъ лишенія и нищета, превышающія всякое пособіе человѣческое. Но эта задача не со всѣхъ сторонъ такъ трудна, и не должно терять надежду рѣшить ее, по-крайней-мѣрѣ отчасти. Что касается особенно дѣтей, легко выставить на видъ недостатки вытѣшней общественной гигиены и нѣкоторыхъ заведеній въ самомъ Парижѣ, назначенныхъ для сохраненія дѣтей. Въ этомъ большомъ городѣ, который такъ богатъ средствами всякаго рода, нѣтъ бдительнаго присмотра за дѣтьми, которыхъ въ весьма-большомъ числѣ отдають на вскармленіе. Пропорція смертности этихъ дѣтей истинно-ужасна; и тѣ изъ нихъ,

которыя остаются въ живыхъ, весьма-часто заражаются началами болѣзней, повреждающихъ въ самомъ источникѣ жизни, здоровье и крѣпость будущихъ поколѣвій.

Парижскія общественныя заведенія, назначенныя для сохраненія дѣтей, не имѣютъ главныхъ условій, необходимыхъ для достиженія цѣли. Эти заведенія, по-видимому столь великодушныя, столь благоустроенныя, удовлетворяютъ только зрѣнію и этотъ родъ административной регулярности, которою, кажется, часто дорожатъ болѣе, нежели сущностію дѣла. Стоитъ только узнать положеніе дѣтей, чтобъ опѣнить эти заведенія, которыя составляютъ предметъ удивленія для людей, непроникающихъ далѣе поверхности. Напримѣръ, въ воспитательномъ домѣ, не смотря на всю заботливость врачей, посвящающихъ себя этимъ бѣднымъ созданіямъ, смерть—правило, а выздоровленіе—исключеніе. И дѣйствительно, что можетъ сдѣлать искусство врача противъ болѣзней въ такомъ возрастѣ, для котораго медицина знаетъ такъ мало пособій, когда часто нѣтъ даже кормилицъ для дѣтей, раждающихся съ воспаленіемъ въ легкихъ или съ болѣзнію во внутренностяхъ? Какъ не умирать этимъ дѣтямъ даже во время выздоровленія, когда ихъ питаютъ супомъ и кашницею, а не даютъ пищи самой лучшей для дѣтскаго возраста; то есть молока кормилицы? Лучше было бы отложить въ сторону всякія лекарства и дать хорошихъ кормилицъ дѣтямъ, которыя страдаютъ еще болѣе отъ бѣдности своихъ родителей, нежели отъ случайныхъ болѣзней. Подобныя условія жизни приготовляютъ самымъ естественнымъ образомъ развитіе чахотки и множества другихъ болѣзней, вторгающихся такъ легко въ слабое дѣтское тѣло. Г. Рейѣ доказываетъ въ своемъ мемуарѣ, что дурная пища и дурное помѣщеніе—причины, самымъ дѣйствительнымъ образомъ производящія чахотку въ человѣкѣ, и вычисляетъ цифрами, что въ одномъ

Наринтъ можно спасти отъ смерти три или четыре тысячи детей посредствомъ исповненія самыхъ простыхъ правилъ общественной гягены.

Что еще остается сдѣлать для изученія чахотки, въ ея общихъ причинахъ и въ отношеніяхъ къ общественнымъ и мѣстнымъ условіямъ, то г. Рейдъ предпринималъ сдѣлать въ животныхъ, чрезъ сравнительное изученіе хода этой болѣзни и обстоятельствъ ея развитія въ различныхъ классахъ животныхъ. Этотъ трудъ тѣмъ болѣе замѣчательнъ, что результаты подобныхъ долговременныхъ и трудныхъ исследованийъ не могутъ поражать съ перваго взгляда обыкновенныя умы, оспособныя понимать только факты ограниченныя, оцѣнивать определенное новое произведеніе, и затрудняющіеся всякій разъ, какъ умъ болѣе обширный возвышается до соображенія общихъ явленій. При вытѣшшемъ тѣсномъ и, можно сказать, мелочномъ направленіи наукъ, ученые не видятъ ничего новаго въ трудѣ, когда не находятъ въ немъ какого-нибудь доселѣ неизвѣстнаго отдѣльнаго факта, какого-нибудь произведенія химическаго анализа, и готовы не признать никакой заслуги изобрѣтенія въ человѣкѣ, который обозрываетъ общимиъ взглядомъ многочисленные факты, болѣе или менѣе извѣстные, или только поощрѣваемые, проникаетъ въ нихъ, разбираетъ и представляетъ истинное ихъ значеніе; какъ-будто въ фактахъ нѣтъ ничего, кромѣ ихъ матеріальной части, какъ-будто значеніе ихъ и ихъ взаимныя отношенія не составляютъ истинно-ученой точки зрѣнія, для которой часто бываетъ нужно болѣе ума и сужденія, болѣе познаній и даже изобрѣтательности, нежели для открытія самыхъ этихъ фактовъ. Впрочемъ, мемуаръ г. Рейдъ столько же богатъ подробными фактами, сколько философскими взглядами и новыми соображеніями.

Метода сравненія, говоритъ г. Рейдъ, приложенная къ изученію животныхъ, оказала чрезвычайную услугу наукъ

органическихъ существъ, потому-что она основала великую идею животнаго ряда, идею обильную, которая заключаетъ въ себѣ идею отношенія, сцѣпленія и подчиненія. Это та же метода сравненія, которая уже доставила столь драгоценныя матеріалы физиологій, и которая особенно можетъ дать этой наукѣ основанія ея развитія на будущее время; потому-что эта метода разбираетъ явленія сложныя, которыхъ никакое искусство не могло бы разложить, и, по самому своему свойству, она постоянно сближаетъ наблюденіе самое строгое съ обобщеніемъ самымъ смѣлымъ, и подчиняетъ ихъ одно другому.

Патологія, взятая сама-въ-себѣ и независимо отъ всякаго приложенія къ врачебному искусству, можетъ также служить для проясненія физиологическихъ вопросовъ. Будучи разсматриваема съ теоретической точки, патологія есть не что иное, какъ постоянный опытъ, которому подвергается живущее тѣло, и въ этомъ смыслѣ она — необходимое дополненіе анатоміи и физиологій, безъ котораго нельзя составить себѣ понятія объ истинной природѣ животныхъ.

Что сравненіе организмовъ значитъ для анатоміи, что сравненіе отправленияхъ въ животномъ царствѣ значитъ для физиологій, то сравненіе болѣзней между видами, между классами животныхъ значитъ для патологій. Изученіе этого предмета, по мнрѣ того, какъ оно будетъ подвигаться впередъ, дастъ понятія тѣмъ болѣе положительныя, чѣмъ болѣе они будутъ общи. Патологическая анатомія, симптоматологія и отношенія этихъ наукъ между собою, — все должно чрезъ то проясниться, и даже самая физиологія, которой главная цель состоитъ въ томъ, чтобы объяснить связь между органами и отправлениями.

Съ давняго времени совѣтовали заниматься изученіемъ сравнительной патологій. Знаменитый врачъ Багдманъ изъявлялъ желаніе, чтобы изучали болѣзни животныхъ, съ цѣлію прояснить

и усовершенствование изучение болезней человека. Эта мысль нашла ученых-исследователей и пламенных ревнителей в некоторых из членов Парижской Академии Наук. Открыты были новые пути; изданы важные сочинения; но ничего не было сделано в школах для того, чтобы распространить эту науку. Медики изучали болезни в человеке, а ветеринарный врач в домашних животных; тот и другой не только оставляли в стороне болезни многих животных, но и не могли сравнивать—одни болезни человека с болезнями животных, другой болезни животных с болезнями человека.

Давно уже г. Рейе предпринимала сделать это сравнение и очертить круг сравнительной анатомии, прерванный во многих пунктах. Общие идеи, которые мы изложили выше, и которые составлялись в его ум по мере того, как он подвигался в своем труде, теперь служат ему путеводною нитью. Представляем здесь самые любопытные отрывки из его мемуара.

Животные в диком состоянии подвержены многим болезням, и в особенности тьма, которая происходит от присутствия чужеродных насекомых. Я не знаю, подвержены ли они в известной пропорции чахотке; но могу утверждать, что рассматривая довольно-большое число животных, убитых или пойманных на охоту, ни у одного из них я не нашел желваков ни в легких, ни в других органах. Доктор Русь уверяет, что эта болезнь неизвестна также между Индейцами Северной Америки. Но и эта, может-быть, в двух первых классах позвоночных, ни одного животного, которое, будучи обращено в домашнее или плевное состояние, не могло бы быть заражено чахоткою. Этот результат наблюдения очень-различен от того, до которого достиг знаменитый врач Сталь: он утверждал, что, между животными, чахотку подвергать только баран.

«Впрочем, чахотка не в одинаковой степени обыкновенна у животных, вышедших из дикого состояния. Человек и обезьяны, переведенные в наши страны и живущие в плену, подвержены чахотке

более всех животных. Известно, как опустошения эта болезнь производит в больницах, и можно также очень-часто встречать ее у обезьян. Последний факт давно замечен профессором парижского заведения Jardin des Plantes.»

Рассматривая развитие чахотки в животных, автор входит в подробности, которых мы не можем здесь поместить. Приведем только то, что относится к важнейшим домашним животным, каковы лошади и коровы.

«Между животными, отыгивающими жвачку, чахотка особенно обыкновенна у дойных коров, содержащихся в больших городах. Чтобы изяснить этот факт, должно взять во внимание не только свойство коров, их постоянное пребывание в хлеву, но еще и то, что от них требуют слишком-много молока, продолжая доить их около года, вместо шести или семи месяцев, как следовало бы. Это вредное влияние слишком-продолжительного лишения молока было замечено также в человеке. Случается, что кормилица яркаго сложения делается чахоткою, когда кормит грудью двух младенцев вдруг—своего и того, который ей взрывает, или еще, когда она продолжает кормить грудью даже известных лет, соразмерных с ее силами.»

«Вопреки весьма-обыкновенному мнению, развитие чахоточных желваков у однокопытных животных есть факт весьма редкий, не смотря на то, что некоторые из них, как лошади и осел, подвержены самым сильным трудам, самым непостоянным переменам температуры, и иногда недостаточной или дурной пище.»

«Степень обыкновенности чахотки у человека, рассматриваемого по племенам, мало известна. Негры мало подвержены этой болезни в своем отечестве; но перешедши жить в другой климат, они подвержены ей чаще, нежели белые. Примером этого может служить большая смертность, господствовавшая прежде между Неграми, которых перевозили как рабов на север Соединенных Штатов.»

«Это вредное влияние перемены климата, которое еще более усиливается от перемены пищи, замечено даже на некоторых животных, переведенных с севера на юг. Многие северные олени, приведенные

въ Голландію, Англію, Францію, умерли — одни отъ перелома въ желудкѣ, другіе отъ воспаления, или отъ желваковъ въ легкихъ.

Сравнительное изученіе чахотки у человѣка и у животныхъ показываетъ, что діагностика поврежденія легкихъ не равно легка въ различныхъ классахъ и видахъ одушевленныхъ существъ, что самое мѣсто образованія чахоточныхъ желваковъ не одно и то же въ легкихъ у человѣка и у животныхъ двухъ первыхъ классовъ позвоночныхъ; что вишній видъ желваковъ измѣняется во многихъ родахъ млекопитающихъ, и что многія поврежденія, которыя у человѣка обнаруживаются въ—слѣдствіе чахотки, не имѣютъ той же причины у другихъ животныхъ.

Вотъ нѣкоторыя краткія замѣчанія, которыми г. Рейе оканчиваетъ свой мемуаръ:

• У обезьянъ и нѣкоторыхъ птицъ, переведенныхъ въ жаркихъ странахъ въ наши; чахотка очень—обыкновенна и встрѣчается чаще другихъ болѣзней.

• Чахотка, редкая у однокопытныхъ животныхъ, обращенныхъ въ домашнее состояніе, еще рѣже у плотоядныхъ. Однако, не смотря на крѣпкое сложеніе и животную пищу, многія плотоядныя, какъ домашняя кошка, и особенно левъ, тигръ и проч., будучи переведены въ наши страны, могутъ получить чахотку.

• Та же рѣдкость чахотки замѣчается у хищныхъ птицъ. Какъ—бы по противоположности, домашняя собака между плотоядными, и лошадь между однокопытными гораздо—менѣе подвержены чахоточнымъ желвакамъ, нежели раку:—болѣзнь, о которой Камперъ думалъ, что она не встрѣчается между животными. У отпрыгающихъ жвачку, и въ—особенности у быковъ, чахотка часто сопровождается образованіемъ малыхъ чужеродныхъ въ мѣзъ внутренности.

• Наклонность печени къ тучности обыкновенно свидѣтельствуетъ о чахоткѣ въ человѣкѣ и объ общей дородности у птицъ.

• Поврежденія костей, замѣчаемыя у чахоточныхъ обезьянъ, и въ—особенности у обезьяны новаго свѣта, кажется, подобны поврежденіямъ, вадутно и разнотчѣнно костей у чахоточныхъ и золотушныхъ дѣтей,

Подобныя поврежденія замѣчаются у плотоядныхъ животныхъ, перевезенныхъ изъ жаркихъ странъ въ наши.

• Обыкновенности воспаденія легкихъ и рѣдкости чахотки у домашней собаки заставляютъ, по—видимому, думать, что между этими двумя болѣзнями нѣтъ связи; однако мы видимъ противное на доброй коровѣ и ослицѣ, у которыхъ появленіе желваковъ почти—всегда совпадаетъ съ хроническимъ и прогрессирующимъ воспаленіемъ легкихъ.

• Чахотка наследственна, во почти никогда не приличива.

• Поврежденіе дыхательнаго горла и легкихъ имѣетъ не одно и то же значеніе у человѣка и у другихъ животныхъ. У перваго они почти всегда служатъ признакомъ легочной чахотки; у обезьянъ они свидѣтельствуютъ объ общей желвачной болѣзни; у однокопытныхъ почти всегда доказываютъ присутствіе сапа.

• На подреберной плесѣ чахоточнаго человѣка можетъ образоваться плесень, подобно тому, какъ иногда бываетъ плесень у птицъ, страдающихъ чахоткою или другимъ поврежденіемъ органа дыханія. Плесень, какъ извѣстно, состоитъ изъ скопленія нѣкоторыхъ, самыхъ низшихъ растений, и образованіе этихъ растений въ чахоточномъ животномъ всегда—явленіе вторичное.

Изъ этихъ фактовъ авторъ извлекаетъ нѣкоторые общіе выволы, которыя и оканчиваетъ свой мемуаръ:

• Непрерывность, которую анатомія и физиологія доказываютъ въ животныхъ, подтверждаетъ и патологія. Именно въ—слѣдствіе сходства организаціи, чахотка полагается въ столь многихъ разрядахъ позвоночныхъ животныхъ, и только когда организаціи значительно повязается въ степени своего совершенства, признаки желвачной болѣзни перестаютъ быть для насъ замѣтны.

• Главнѣйшая причина образованія чахотки у животныхъ есть пльзное или домашнее состояніе, или, говоря болѣе общинъ образомъ, значительная и продолжительная перемѣна въ естественныхъ условіяхъ существованія. Олень, взятый съ сѣвера, и обезьяна, приведенная съ юга, будучи обращены челоурикомъ въ плѣнь, въ равной степени способны получать ту же болѣзнь, не смотря на противоположность ихъ пред-

нихъ условій жизни. На одной линіи съ этою причиною, въ отношеніи къ ея силѣ, можно поставить дурную пищу и дурное помѣщеніе, которыя такъ легко производятъ въ человѣкѣ желвачную чахотку. И такъ, пльвное и домашнее состояніе для животныхъ, бѣдность и утомленіе для человѣка, — вотъ самыя действительныя причины чахотки.

Наконецъ, въ этомъ длинномъ ряду жалкихъ поврежденій, разнообразныхъ по ихъ вѣщному виду, но всегда одинаковыхъ въ сущности у животныхъ, даже отдаленныхъ между собою въ отношеніи къ организаціи, можно видѣть, что чахотка есть общій конецъ, къ которому клонятся различныя возмущенія въ питаніи. Наука должна быть теперь такъ сильна, чтобъ могла предупреждать образованіе болѣзни, для излеченія которой она совершенно-бессильна, исключая рѣдкіе случаи.

— Г. Сабинъ представилъ мемуаръ о земномъ магнетизмѣ. Авторъ вводитъ въ большія подробности о *магнитныхъ наблюденіяхъ, сдѣланныхъ на морѣ офицерами судовъ Бѣде и Теттегъ*, во время ихъ путешествія въ землю Мергелевъ. Эти наблюденія, сдѣланныя на различныхъ пунктахъ, представлены подъ видомъ таблицъ, и ихъ согласіе съ неоднородными линіями, проведеными по наблюденіямъ г. Дюло и представленными авторомъ отдѣльно, выставлено на видъ съ вѣрными поясненіями.

Наблюденія доказываютъ болѣе и болѣе, что возмущенія въ уклоненіи и въ направленіи земнаго магнетизма всеобща и оказываются современно на всемъ пространствѣ Европы; они существуютъ также въ Канадѣ и Соединенныхъ Штатахъ Америки; но тамъ они не такъ замѣчательны, какъ въ Европѣ.

Хотя въ Европѣ магнитныя возмущенія вообще параллельны, однакожь наблюденія показываютъ большую разницу между движеніями магнитной стрѣлки въ Петербургѣ, Усалѣ и Копенгагенѣ. Разница между магнитными направленіями въ Петербургѣ съ одной стороны, и въ Дублинѣ и Геттингенѣ съ другой, еще значительнѣе.

Это заставляетъ подозревать, что причинны, производящія эти возмущенія, могутъ-быть, находиться близъ Петербурга.

Графическая проекція магнитнаго движенія въ различныхъ мѣстахъ Европы слѣдуетъ почти всегда одному ходу; напротивъ, въ Сѣверной Америкѣ и на Островѣ Св.-Елены графическія магнитныя проекціи не сходствуютъ съ европейскими и даже различны другъ-отъ-друга. Вниманіе, которое въ послѣдніе годы стали обращать на явленія земнаго магнетизма, заставило значительно умножить наблюденія, такъ, что въ настоящее время, изслѣдованія, имѣющія цѣлю опредѣлить состояніе магнетизма земнаго шара, производятся почти въ одно время на всѣхъ доступныхъ пунктахъ поверхности земли. При помощи этихъ наблюденій, физики надѣются извѣстать свойство и причины магнитныхъ возмущеній.

Уже заведены магнитныя наблюденія Англичанами на Островѣ Св.-Елены и на Мысѣ Доброй-Надежды. Энциклопедія скоро проникнетъ во внутренность Африки, которая сдѣлалась теперь доступною. Французы завели подобныя же наблюденія въ Сѣверной Африкѣ, Испанцы въ Кадицѣ, а Египтяне въ Каирѣ.

Въ Америкѣ основаны магнитныя обсерваторіи въ Торенто, Филадельфіи, и скоро появятся новыя на другихъ пунктахъ этой части свѣта.

Для изслѣдованія причинъ магнитныхъ возмущеній на сѣверѣ Азіи, русское правительство учредило рядъ обсерваторій, которыя простраются отъ Петербурга до Ситхи, отъ 39° 19' до 284° 35' восточной долготы. Многія изъ этихъ обсерваторій уже въ дѣйствіи, и скоро земной шаръ покроется новыми магнитными обсерваторіями.

— Г. Гервель также сообщилъ выходы своихъ извѣстаній о *земномъ магнетизмѣ*. По его мнѣнію, должно извѣстить разныя состояніями, чрезъ которыя перешла кора земли, тепло-

проводимости; и термизмъ лучистой теплоты земнаго шара, причину, по которой магнитные полюсы различны отъ полюсовъ географическихъ. Мѣстными обстоятельства, въ которыхъ совершился ходъ охлажденія почвы, равно какъ возвышеніе температуры земной коры на некоторыхъ пунктахъ, которое можетъ происходить отъ электро-химическихъ силъ, дѣйствующихъ внутри земли, или отъ развитія жизни на ея поверхности, суть причины того, что въ продолжительные промежутки времени должны были произойти періодическія измѣненія въ уклоненіи стрѣлки на многихъ мѣстахъ, какъ это замѣчено въ Швеціи, гдѣ съ 1580-го года до 1818 го уклоненіе перешло многими градусами на востокъ и потомъ многими градусами на западъ, и гдѣ должно было произойти въ то же время, съ доказаннымъ поднятіемъ земли, увеличеніе теплоты почвы. То же должно сказать о Гренландіи, гдѣ замѣчено, еще за двѣсти лѣтъ, что съ пониженіемъ морскихъ береговъ произошло уменьшеніе теплоты почвы и также уменьшеніе уклоненія стрѣлки на западъ.

Дневныя измѣненія въ уклоненіи магнитной стрѣлки, кажется, происходятъ только отъ дѣйствія солнца, потому что когда солнце находится въ магнитномъ меридіанѣ даннаго мѣста, земная температура, увеличивающаяся, должна здѣсь ослабить дѣйствіе электро-магнитной силы земли, между-тѣмъ, какъ дѣйствіе этой силы должно увеличиться въ странахъ, лежащихъ на западъ отъ меридіана, въ которыхъ холодеетъ. Такимъ образомъ, уклоненіе магнитной стрѣлки увеличивается съ теплотою земли, доволъ, наконецъ, къ вечеру, обыкновенное охлажденіе почвы не произведетъ противнаго дѣйствія.

Точно также годичными переменами температуры поверхности земли, зависящими отъ дѣйствія солнца; можно объяснить легкія измѣненія, которые испытываетъ магнитная стрѣлка во временахъ года. Наидѣльнѣе, съ-

верное сіяніе есть не что иное, какъ явленіе электрической и необходимое слѣдствіе токовъ, господствующихъ между полюсами земли и атмосферой, въ слѣдствіе электрическаго разряженія въ той или въ другой; такимъ образомъ, легко понять адіаніе сѣвернаго сіянія на движенія магнитной стрѣлки.

— Г. Бабинѣ сообщилъ новый и любопытный фактъ по части метеорологической оптики. Извѣстно уже по изысканіямъ г. Араго, что безоблачная атмосфера, освѣщенная солнцемъ, когда оно не высоко, представляетъ пунктъ, въ которомъ вовсе нѣтъ поляризаціи свѣта; этотъ пунктъ, вмѣсто того, чтобы быть невысоко, находится почти на 30° выше пункта горизонта, противоположнаго солнцу. Г. Араго справедливо приписываетъ это явленіе дѣйствію свѣта, отраженнаго разными освѣщенными частями атмосферы. Теперь г. Бабинѣ открылъ другой нейтральный пунктъ, котораго теорія та же, и который находится выше солнца почти на столько же, какъ нейтральный пунктъ г. Араго, когда солнце близъ горизонта. Многіе наблюдатели подтвердили эти факты по случаю солнечнаго затмѣнія 26-го іюня нынѣшняго года. Г. Бабинѣ предполагалъ наблюдать, не будетъ ли неравенство освѣщенія атмосферы во время затмѣнія имѣть дѣйствіемъ пересѣченіе нейтральнаго пункта, замѣченнаго г-мъ Араго, въ вертикальнаго плана противоположнаго солнцу, которое должно было тогда находиться на небольшой высотѣ надъ горизонтомъ. Для предварительныхъ попытокъ для этого наблюденія, 21-го іюня въ вечеру, когда атмосфера была совершенно-чиста, г. Бабинѣ замѣтилъ, что, по заходженіи солнца, нейтральный пунктъ, противоположный солнцу, значительно поднимался въ атмосферу, между-тѣмъ, какъ тотъ пунктъ, который находился выше солнца, значительно понижался, хотя мѣтѣе, нежели сколько поднимался первый. Это явленіе остается еще неизъясненнымъ.

— Г. Лессонъ объявилъ, что имъ открыты въ скляку кристаллическія формы, отличныя отъ тѣхъ, которыя были замѣчены доселѣ, и которыя насчитываютъ до 96. Эти новыя кристаллы свѣга представляютъ звѣздочки съ шестью лучами, имѣющія въ своей серединѣ кругъ, пустой внутри.

Сверхъ того, г. Лессонъ наблюдалъ кристаллы, образующіеся во время замерзанія воды въ графинѣ. Эти кристаллы чрезвычайны — тонки и имѣютъ видъ трубочекъ, у которыхъ на концѣ нечто похожее на маленькій шарикъ, пустой внутри. Авторъ приписываетъ произведеніе этихъ трубочекъ дѣйствию воздуха, который выходилъ, во время замерзанія воды, на ея поверхность въ видѣ пузырьковъ, растягивавшихся въ длину на пути своемъ.

Любопытно было бы, говоритъ г. Лессонъ, изучить различныя кристаллическія формы льда, которыя представляютъ то ромбоэдры, то шестистороннія призмы, то совершенныя осмисторонники.

Какая причина этихъ различныхъ образовъ кристаллизаціи? Это доселѣ остается неизяснимымъ, подобно самому расширенію воды при замерзаніи.

— Г. Грюби представилъ новыя изысканія о чужездннхъ животныхъ, образующихся иногда въ лягушкахъ. Этотъ фактъ не подлежитъ теперь никакому сомнѣнію. Но всего любопытнѣе въ немъ у г. Грюби подробности о замерзаніи лягушекъ. Взавъ у г. Тилорье, немного угольной кислоты, превращенной въ твердое состояніе, онъ заморозилъ часть кожи животной лягушки на протяженіи квадратнаго сантиметра; эта часть кожи замерзла до такой степени, что сдѣлалась совершенно жесткою и ломкою, такъ что г. Грюби ожидалъ автонова огня отъ сильнаго холода въ животномъ съ холодною кровью. Но лягушка совершенно ожила, какъ-скоро замороженная ея часть приняла температуру окружающаго ее воздуха. Г. Грюби повторилъ тотъ же опытъ, надѣ

глазомъ лягушки; всѣ части ея глаза онъ заморозилъ тѣмъ же средствомъ и въ той же степени; однако живность своей способности въ глазахъ возобновилась съ тою же скоростію и отъ той же причины. Эти опыты, кажется, подтверждаютъ мнѣніе нѣкоторыхъ натуралистовъ, что на сѣверѣ пресмыкающіяся могутъ быть подвержены дѣйствию самой низкой температуры и сдѣлаться ломкими какъ кожа лягушки, о которой мы говорили, не теряя отъ этого жизни; жизненные свойства въ нихъ возобновляются по-мѣрѣ того, какъ вѣшняя температура позволяетъ имъ органамъ дѣйствовать по-прежнему.

— Г. Гюйонъ, членъ ученой коммисіи въ Алжирѣ, прислалъ ноту о степени распространенія и лечебннхъ частотки въ Сѣверной Африкѣ. Въ древнія времена, эта страшная болѣзнь была тамъ очень-обыкновенна, но теперь примѣры чахоточныхъ рѣдки. И въ этой странѣ, подобно какъ въ другихъ, люди достаточные подвержены чахоткѣ гораздо-менѣе, нежели бѣдные.

Жители Сѣверной Африки не употребляютъ воды цистервъ, не смотря на ея прозрачность и прохладность; они думаютъ, что это послѣднее свойство даетъ водѣ цистервъ способность предрасполагать къ чахоткѣ. Въмѣсто того, они употребляютъ воду фонтановъ, которая всегда болѣе или менѣе мутна послѣ дождя.

Между средствами, которыя употребляютъ жителями противъ чахотки, г. Гюйонъ приводитъ фонтанель и прикладываніе особаго рода пластыря, въ составъ котораго входитъ толченая корица. Въ тѣхъ мѣстахъ пустыни, гдѣ растетъ фиштаквовое дерево, жители подвергаютъ чахоточныхъ дѣйствию теплоты, проехолашей отъ горѣнія зажженныхъ молодыхъ отростковъ этого дерева, котораго всѣ части содержатъ въ себѣ нѣкоторое ароматное вещество въ большомъ количествѣ. Въ другихъ мѣстахъ Сѣверной Африки, кладутъ болыаго въ углубленія, одманна въ

поскъ, нагриваемомъ естественнымъ или искусственнымъ образомъ, для того, чтобъ возбудить испарину.

— Г. Мальгенъ представилъ статистику хирургическихъ операцій въ парижскихъ госпиталяхъ съ 1836-го года до 1841-го. Эти свѣдѣнія значительно ослабляютъ общее мнѣніе о совершенствѣ, до котораго дошла хирургія въ настоящее время. Изъ труда г. Мальгена видно, что изъ 852-хъ чело-вѣкъ, надъ которыми дѣланы были операціи, 332 умерли; это составляетъ пропорцію смертности почти 2 на 5. И еще въ этомъ исчисленіи раз-умѣются только операціи неважныя.

— Г. Плюзъ сообщалъ новый хи-мическій фактъ, что синеродистый по-тассій имѣетъ свойство возстановлять всѣ металлы, которые возстановляетъ самъ потассій. Это открытіе можетъ быть весьма-полезно для прикладной химіи.

— Г. Валѣ сообщилъ ноту о втроят-ности существованія подземнаго озера, сообщающагося съ Женевскимъ Озе-ромъ.

— Г. Флюранъ представилъ Акаде-міи сочиненіе свое «Examen de la Phé-nologie». Авторъ разбираетъ ерено-логическое ученіе Галла, Шпурпгей-ма и Бруссѣ. Весь духъ его сочиненія выражается въ слѣдующемъ афоризмѣ: «Я пишу противъ дурной философіи, и напоминаю хорошую».

II.

Британское Ученое Общество.

Последній ученый конгрессъ, со-званный въ Манчестеръ, былъ столько же многочисленъ и блестящъ, какъ и предшествовавшіе. Къ ученымъ, при-бывшимъ со всѣхъ концовъ Англіи, присоединились теперь ученые ино-странные, и особенно германскіе, рус-скіе, итальянскіе и сѣверо-американ-скіе. Вотъ замѣчательнѣйшія сооб-щевія, сдѣланныя конгрессу.

Г. Брюстеръ представилъ резуль-таты *оптическихъ наблюдений*, кото-рыя онъ сдѣлалъ помощію призмъ, вы-

шедшей изъ мастерской знаменитаго Фраунгофера. Г. Брюстеръ нашелъ, что призматическое солнечное изобра-женіе простирается даже предъломъ, показанныхъ Фраунгоферомъ; такъ, онъ увидѣлъ въ фразунгоферовой ли-ніи А шестнадцать линій, распо-ложенныхъ столь близко одна подле дру-гой, что трудно было различить ихъ. Дѣйствія, полученные отъ разныхъ горючихъ веществъ, были не однако-вы: линіи изображенія были болѣе или менѣе ясны. Свѣтлыя линіи Фраун-гофера были видимы почти со всякимъ пламенемъ, и особенно съ пламенемъ тѣхъ горючихъ веществъ, которыя со-держатъ въ себѣ соду; но одни изъ этихъ лучей были болѣе-рѣзки съ та-кими веществами, другіе съ другими. Въ опытахъ надъ свѣтомъ звѣздъ, имѣющихъ извѣстный цвѣтъ, особен-но звѣздъ синяго и краснаго цвѣта, г. Брюстеръ нашелъ, что ихъ призматиче-ское изображеніе не представляетъ лучей того цвѣта, который имѣетъ звѣзда, такъ-что нельзя изъяснить краснаго, оранжеваго и проч. цвѣта звѣздъ иначе, какъ только отсутстві-емъ другихъ лучей, необходимыхъ для того, чтобъ сдѣлать свѣтъ бѣ-лымъ. Сближая всѣ эти новые факты съ тѣми, которые были результатомъ изысканій, возбужденныхъ появле-ніемъ лагерротипа, легко можно ви-дѣть, какъ они ускользаютъ отъ всѣхъ теорій, составленныхъ доселѣ касат-ельно свойству свѣта и его видо-измѣненій.

— *Электричество*— дѣятель столь же мало извѣстный въ своей при-родѣ, какъ свѣтъ. Наблюденіе, со-общенное г. Валькеромъ, служитъ но-вымъ подтвержденіемъ этому. Сбли-зивъ между собою полюсы витей силь-ной батареи и перекрестивъ ихъ такъ, чтобъ они не касались другъ друга, а оставляли маленькій проме-жутокъ, г. Валькеръ увидѣлъ блестя-щій токъ свѣта, который непрерывно переходилъ чрезъ небольшой слой воздуха, разделявшій нити; тогда по-ложительная нить, начиная съ пункта

перекрещенія до свободнаго конца своего, раскалилась до такой степени, что сдвинулась мягкою и согнулась, между-тѣмъ, какъ отрицательная нить сохранила свою холодную температуру. Когда погружали одну изъ нитей въ перегнанную воду, то отъ положительной нити вода всегда становилась теплѣе, нежели отъ отрицательной.

— По части химіи прежде всего привлекаетъ вниманіе мемуаръ г. Либиха объ *органической химіи, въ приложеніи ея къ физиології и патології*. Жалѣемъ, что не можемъ пока представить разбора этого новаго труда знаменитаго германскаго химика.

— Г. Блейтъ представилъ извѣсканія о *примовлети сѣрной кислоты на заводахъ*. Авторъ доказываетъ, что негодность этой кислоты для растворенія индиго происходитъ не отъ примѣси къ ней азотной кислоты, какъ обыкновенно думаютъ, а отъ химическаго соединенія сѣрной кислоты съ окисью азота; именно, это соединеніе, образовавшись, растворяется въ сѣрной кислотѣ, имѣющей плотность не менѣе 1,5. Изъ этого наблюденія г. Блейтъ выводитъ легкій практическій способъ исправлять сѣрную кислоту; должно лишь разбавить ее количествомъ воды вдвое-большимъ, и потомъ сгущать чрезъ перегонку до тѣхъ-поръ, пока она достигнетъ густоты 1,84. Сгущаясь, сѣрная кислота освобождается отъ азотнаго соединенія. Отсюда слѣдуетъ, что, для полученія годной сѣрной кислоты на заводахъ, должно извлекать ее прежде, нежели она достигнетъ плотности 1,84 и даже, для безопасности, еще меньшей.

Зная, какое огромное количество сѣрной кислоты употребляется для растворенія индиго въ красильномъ искусствѣ, нельзя не чувствовать важности извѣсканій г. Блейта.

— Г. Добене обратилъ вниманіе на *средства узнать въ данной почвѣ или въ данной горной породѣ присутствіе веществъ органическаго происхожденія*.

Нѣкоторые вещества, какъ фосфорнокислая известь, могутъ сообщить почвѣ новыя свойства въ земледѣльческомъ отношеніи, хотя бы они были смѣшаны съ нею въ небольшомъ количествѣ. Итакъ, весьма-важно открыть ихъ присутствіе химическими средствами. Г. Добене, подвергнувъ анализу пятьдесятъ образчиковъ различныхъ камней съ основаніемъ извести, нашелъ, что, между-тѣмъ, какъ растворы бѣлаго мрамора, напри- мѣръ каррарскаго, не даютъ осадка чрезъ прибавленіе азотокислаго серебра, растворы известковыхъ камней третичной формации, хотя бы эти камни были на видъ бѣлы и чисты отъ всякой примѣси, даютъ осадокъ чрезъ прибавленіе этого реактива. Последняго рода камни суть тѣ, которые содержатъ въ себѣ фосфорнокислую известь, происходящую отъ остатковъ животныхъ, исчезнувшихъ при переворотахъ земли.

— Г. Нассъ, изъ Марбурга, представилъ результаты анализа *крови и костей домашнихъ животныхъ*. Самый важный выводъ этого труда состоитъ въ томъ, что сложеніе животнаго тѣмъ слабѣе и животное тѣмъ болѣе подвержено болѣзнямъ, чѣмъ кровь его заключаетъ въ себѣ менѣе желѣза и болѣе углекислыхъ щелочей и фибрины. Другое заключеніе автора состоитъ въ томъ, что въ костяхъ, во время болѣзни, количество желативы и углекислой извести уменьшается, а количество фосфорнокислыхъ солей не испытываетъ никакой перемѣны.

— Г. Джонъ Дэви обратилъ вниманіе фабрикантовъ на необходимость не простираť *очищенія газа*, добываемаго изъ каменнаго угля для освѣщенія, слишкомъ-далеко, потому-что въ этомъ случаѣ можно отдѣлать летучее вещество, *hydrocarbon*, которое значительно содѣйствуетъ яркости пламени.

— По части *геології* было представлено много сочиненій. Особенно замѣчательны мемуары: г. Оуэна о западныхъ странахъ Сѣверной Америки,

и г. Агассиза о ископаемыхъ рыбахъ девонской системы.

Г. Оуэнъ доказываетъ, что въ Сѣверной Америкѣ замѣчается та же послѣдовательность горныхъ породъ и тѣ же органическія произведенія, какъ въ Европѣ, только въ гораздо-большемъ размѣрѣ. Изъ этого авторъ выводитъ заключеніе, что тѣ же условія повсюду произвели тѣ же дѣйствія и тѣ же измѣненія въ органическихъ существахъ.

— Г. Агассизъ предлагаетъ новую классификацію рыбъ девонской системы. Всѣ эти рыбы, которыхъ нѣтъ ни одного рода и ни одного вида въ другихъ системахъ, имѣютъ величину незначительную въ сравненіи съ тѣми, которыя встрѣчаются въ формаціяхъ позднѣйшихъ. Ихъ длина рѣдко превышаетъ два фута. Не смотря на различія, которыя представляютъ эти рыбы, рассматриваемыя по родамъ и видамъ, онѣ имѣютъ замѣчательное наружное однообразие; но особенно поражаетъ, при дальнѣйшемъ изученіи ихъ, первоначальная разность типовъ у существъ, принадлежащихъ къ столь древней формаціи. Это безъ сомнѣнія одинъ изъ самыхъ рѣшительныхъ фактовъ, которые можно противопоставить теоріи послѣдовательнаго превращенія видовъ, по которой всѣ существа, живущія и жившія на земномъ шарѣ, произошли отъ небольшого числа первообразныхъ формъ. Итакъ, результатъ наблюденій г. Агассиза клонится къ подтвержденію того, что въ эпоху каждой новой формаціи появлялись и новые виды животныхъ.

— Гг. Гуттонъ и Рью представили новыя доказательства того, что *каменный уголь есть произведеніе древнихъ растений*. Рассматривая, помощію микроскопа, тоненькія пластинки каменнаго угля, г. Гуттонъ увидѣлъ, что внутреннее строеніе этого вещества представляетъ клѣточки, расположенныя такъ же, какъ въ растеніяхъ; а г. Рью, помощію несовершеннаго пережженія каменнаго угля, сдѣлалъ это

строеніе видимымъ даже для простаго глаза.

— Большая часть сообщеній по части зоологіи относилась къ чуждымъ животнымъ. Такъ, г. Блакгуль наблюдалъ видъ *мшесмона*, который садится на паука, питается его сосаки и наконецъ убиваетъ его; г. Муръ наблюдалъ чуждаемое животное, которое садится на лосося.

— Г. Аалдеръ читалъ описаніе трехъ новыхъ видовъ *моллюсковъ* изъ рода *Eolis*. Тотъ же ученый объявилъ, что онъ открылъ существованіе гиль въ родѣ *Doris*. Наконецъ, въ предѣлахъ огнаго онъ замѣтилъ сотрясенія изъ всѣхъ тѣмъ, которыя заставляютъ думать, что въ этомъ моллюскѣ отпривленіе дыханія раздѣлѣно по всему тѣлу.

— По части ботаники замѣчательно лишь донесеніе г. Стриденды объ опытахъ, производимыхъ въ Оксфордѣ надъ *прозябаніемъ и растительною жизнію зеренъ*. Зерна семидесяти видовъ растеній, принадлежащихъ къ различнымъ родамъ и разрядамъ, были завернуты въ бумагу и положены въ горшки съ землею, имѣющею только одно отверстіе, и покрытыя слоемъ мелкаго песка; это были зерна, лежашія въ гербаріяхъ лѣтъ пять со времени ихъ снятія съ растеній. Вышло, что большая ихъ часть, достигавши такъ, какъ мы сказали, не оказали никакихъ признаковъ растительности. Послеъ этого, всякій можетъ судить, какое взростіе заслуживаютъ разказы тѣхъ лицъ, которыя говорятъ, что они видѣли, какъ зерна, найденныя въ египетскихъ гробницахъ, растутъ, будучи брошены въ землю.

— Отдѣленіе медицинскіхъ наукъ было самое скудное на манчестерскомъ конгрессѣ. Большое число медицинскихъ журналовъ, которые тотчасъ дѣлаютъ известною малѣйшую новостъ; послѣдностію, съ которой сами врачи, какъ въ Англіи, такъ и въ другихъ странахъ, пускаютъ въ ходъ идеи едва-зародившіяся, — всѣ эти причины не позволяютъ важнымъ трудамъ достигнуть зрѣлости въ рукахъ той

самого лица, которое их начало. И такъ, недостатокъ хорошихъ оригинальныхъ трудовъ, представляемыхъ нынѣ врачами ученымъ обществамъ, не можетъ быть принять за признакъ невысокаго совершенства или застоя ихъ науки; скорѣе можно сказать, что то же самое случится, если умъ и не случилось, со всеми другими практическими науками.

III.

Парижская Академія Нравственныхъ и Политическихъ Наукъ.

Г. Лабудѣ читалъ историческія изслѣдованія о *правѣ наследства женщинъ* у различныхъ народовъ въ средніе вѣка.

У народовъ германскаго происхожденія собственность доставалась не отцу, а семейству. Женщина всю жизнь свою была подъ покровительствомъ, или, лучше сказать, подъ опекою своего отца или мужа, и когда выходила замужъ, то приданое приносила жениху. Эти обычаи, которые вѣроятно зашли въ Северную Европу изъ Греціи, были измѣнены римскимъ вліяніемъ. Съ завѣщаніями ввелись дары на случай вступленія въ замужество; гражданское состояніе женщины значительно улучшилось, но онѣ всегда были лишены правъ политическихъ. Въ одиннадцатомъ вѣкѣ, естественный законъ переселилъ законъ политической; феодалыя помѣстья стали переходить и къ женщинамъ, съ правомъ набирать войско и чеканить монету. Отсюда до права на престолъ оставался одинъ шагъ. По этому, у большей части народовъ, женщины стали безъ труда восходить на престолъ. Во Франціи же вышло иначе, и авторъ приписываетъ это различіе сохраненію германскаго обычая. Саллическій законъ утвердилъ навсегда этотъ обычай.

— Г. Бальби представилъ стати-

стическія свѣдѣнія о войскахъ важнѣйшихъ европейскихъ государствъ.

ПѢЗДКА ВЪ СИЦИЛІЮ И МАЛЬТУ, ВЪ 1842 ГОДУ.

5-го апрѣля, мы съѣли на пароходѣ Францискъ I, который долженъ былъ объѣхать всю Сицилію, побывать въ Мальтѣ и черезъ три недѣли возвратиться въ Неаполь.

Я нашелъ на пароходѣ около 60 пассажировъ десяти различныхъ націй, среди которыхъ Русскіе были en minoritè, а именно: я одинъ.

Въ 3 часа мы свѣялись съ якоря и едва обогнули мысъ Кампанелло, какъ почувствовали вліяніе неблагоприятнаго моря: общая веселость мгновенно исчезла, палуба ежеминутно пустѣла, а въ каютахъ начали раздаваться дикіе звуки мучениковъ болѣзни, передъ которой скоро смирился и я. Рассказываютъ, что эта болѣзнь дѣлаетъ человека равнодушнымъ ко всякой опасности; на этотъ разъ я повѣрилъ тому.

Во все время нашего перѣзда, противный вѣтеръ, волненіе моря и наши страданія не прекращались ни на минуту. Въмѣсто 16 часовъ, которые судилъ нашъ капитанъ, мы употребили 25 часовъ, чтобъ добраться до Палермо.

Извѣстіе, что мы находимся въ виду Палермо, придадо намъ нѣсколько бодрости: нѣкоторые изъ страдальцевъ (и въ томъ числѣ я) блѣдные, растрепанные вышли на палубу. Мы увидѣли себя уже въ Палермскомъ Заливѣ, заключеннымъ слѣва пирамидальнымъ мысомъ Зафарано, а справа обширнымъ, далеко вдавшимся въ море мысомъ Галло; въ глубинѣ, Палермо широко и красиво раскинулось по преграднои долини, усыянной домами и цѣлымъ лѣсомъ садовъ; долина заключена со всѣхъ сторонъ живопис-

ною дѣпью горъ, изъ которыхъ одна, на право, обращаетъ невольное вниманіе красотою формы и своею возвышенностію: это Monte Pellegrino, древняя Эркта, трехлѣтнее убѣжище Амилкара Карагеяннина въ первую пуническую войну (*) и нынѣ знаменитая часовнею св. Розалія, покровительницы Палермо. Эта гора совершенно отдѣлялась отъ другихъ, и представляла огромный утесъ, съ трехъ сторонъ медлстунный утесъ. Со стороны города вѣетъ по немъ широкой, бѣлой половою дорога; она терялась въ это время въ облакахъ, которыми была увѣнчана древняя Эркта. Едва мы бросили якорь, множество лодокъ окружило насъ; въ одну минуту лодчиники взобрались на пароходъ, вырвали другъу-друга не только вещи пассажировъ, но даже самихъ пассажировъ; крики увеличивались безпрестанно и наконецъ превратились въ драку... Я привыкъ уже къ подобнымъ сценамъ въ Италіи и ждалъ терпѣливо, пока часть пассажировъ уѣдетъ и тревога утихнетъ; но вдругъ ко мнѣ подбѣжалъ лодчиникъ, пробормоталъ мнѣ что-то по-сицилійскіи и, не дождавшись отвѣта, одною рукою выхватилъ изъ-подъ меня чемоданъ, другою вырвалъ мой дорожный мѣшокъ и перебросилъ все черезъ бортъ въ свою лодку, и я по неволѣ, и не безъ затрудненія со стороны другихъ лодчиниковъ, долженъ былъ сойдти туда же. На берегу ожидали насъ таможенные чиновники, *факимы* (**) и нищие. Первые очень-неловки медлили открывать наши чемоданы въ ожиданіи отъ насъ по два тарина (***)

(*) Полибій, Кн. I. Гл. XIII.

(**) *Факимы*—чрезвычайно многочисленны въ Сициліи и во всей Италіи. Это бѣдные люди, которые не имѣютъ опредѣленнаго занятія, а ищутъ всюду случая, чтобы заработать копейку. Неаполитанскіе *лазерони* принадлежатъ къ этому же разряду.

(***) *Таринъ* все то же, что неаполитанскій *карминъ* и немного болѣе нашего гривенника. *Гранъ*,—десятая часть тарина или карлина.

которые мы дали съ радостію, и вещи наши остались безъ осмотра; но едва-только таможенные чиновники отступились отъ нашихъ мѣшковъ и чемодановъ, какъ *факимы* бросились на нихъ какъ голодные собаки и съ шумомъ раздѣляли добычу: то, что свободно могъ нести одинъ человекъ, они несли вдвоемъ или втроемъ; убѣждать ихъ было бесполезно, и мы спѣшили слѣдовать за ними, чтобы не потерять изъ виду вещей нашихъ. Предшествуемые толпою навьюченныхъ *факимовъ* и окруженные множествомъ нищихъ и совершенно-голыхъ мальчишекъ, мы вошли въ готическія городскія ворота *Porta Felice*; но наши испытанія еще не кончились: въ воротахъ часовые остановили наше шествіе, требуя отъ насъ по нѣскольку *гранъ* за пропускъ. Расплатившись съ этими послѣдними нищими, мы добрались наконецъ до гостинницы, которая, къ-счастію, была недалеко. Точно такія же сцены повторялись съ нами во всѣхъ городахъ Сициліи. Но, надо признаться, немногимъ лучше и во всей Италіи: я не знаю народа, который бы былъ такъ жаденъ къ деньгамъ и такъ безстыденъ къ нищенству, какъ Италіяны и Сициліяны: всѣ протягиваютъ руку, всѣ просятъ милостыни... И чѣмъ болѣе на югъ, тѣмъ хуже: въ Неаполѣ нищенство въ чрезвычайной-высокой степени, но въ Сициліи оно достигаетъ *pes plus ultra*.

Основаніе Палермо теряется во временахъ баснословныхъ; некоторые сицилійскіе историки, основываясь на какой-то халдейской надписи, относятъ основаніе этого города ко временамъ первыхъ патриарховъ, но всѣ соглашаются въ томъ, что Палермо одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ Сициліи. Нынешній городъ обширенъ и красивъ (особенно издалека), но неопрятенъ, какъ всѣ города Италіи и Сициліи. Двѣ прамыя, широкія улицы, *Strada Nuovo* и *Toledo*, раздѣляютъ городъ на четыре почти-равныя части; множество зданій арабской и испанской архитектуры, террасы вместо

крышь, и глубокіе, выгнутые решетчатые балконы придаютъ ему видъ совершенно-оригинальный.

Церкви Палермо вообще красивы и богаты мраморами, мозаиками и живописью, но далеко не въ такой степени, какъ чудные храмы Венеціи, и часто среди богатства поражаютъ своимъ безвкусіемъ. Самая красивая наружностью и самая обширная, — это соборъ, почти въ концѣ Толедо. Архитектура его чисто-арабская. Воздвигнутый въ 1185 г., онъ не былъ оконченъ, и въ-послѣдствіи настроили надъ нимъ римскій куполъ, который безобразитъ все зданіе. Внутреннія украшения богаты, но безкусны и нисколько не соотвѣтствуютъ наружному величію: два королевскіе саркофага изъ краснаго порфира, напоминающіе ватиканскій саркофагъ Елены, мраморная каедрa, нѣсколько прекрасныхъ статуй и барельефовъ Гаджины, чрезвычайно-богатый престолъ и еще болѣе-богатая колоннада изъ лапис-лазули, вотъ что обращаетъ на себя вниманіе внутри этого огромнаго зданія.

Недалеко отъ собора, между Porto Nuovo и Porto Castro — королевскій дворецъ, бывшій крѣпостью во времена Норманновъ. Самое замѣчательное въ немъ — небольшая церковь, сооруженная въ 1129 г. и совершенно-покрытая превосходными мозаиками, византийской работы. Комнаты дворца пусты; только въ одной изъ нихъ лежатъ какъ живые два прелестные, бронзовые *овна*, найденные въ Сиракузахъ и носящіе, не знаю почему, прозваніе архимедовыхъ.

Къ числу замѣчательностей Палермо безъ сомнѣнія принадлежатъ катакомбы монастыря капуциновъ. Я много видѣлъ катакомбъ, но ни одна (исключая, впрочемъ, ужаснаго подземелья св. Стефана, въ Вьяѣ) не произвела на меня такого тяжелаго впечатлѣнія. Мы сошли въ подземелье; старый капуцинъ съ многочисленною свитою пошелъ отворить намъ желѣзныя двери, и мы очутились въ обширныхъ

хорошо-освѣщенныхъ галлерейхъ. Въ бокахъ этихъ галлерей устроены, въ нѣсколько рядовъ, ниши, и въ каждой нишѣ стоитъ мертвецъ въ капуцинской одеждѣ. Но не думайте, чтобъ это были одни скелеты, — нѣтъ, это высушенные трупы, у которыхъ сохранены мускулы, кожа и даже какое-то страшное выраженіе лица; руки ихъ связаны крестомъ на груди, голова повисла на бокъ, у иного торчитъ еще клокъ бороды, другой оскалилъ зубы... Какія ужасныя лица!... Шесть обширныхъ галлерей наполнены такими муміями; одна изъ галлерей определена женщинамъ, которыхъ трупы одѣты даже съ нѣкоторою роскошью; на полу стоитъ множество гробовъ различной формы и величины, съ гербами и надписями; тутъ покоятся также высушенные трупы богатыхъ жителей Палермо; родственники хранятъ ключъ отъ гроба у себя и приходятъ иногда открывать его, чтобъ поплакать или надѣть на трупъ новое платье. Я немало удивился, когда увидѣлъ подъ нѣкоторыми совершенно-сухими трупами надпись, что эти монахи умерли въ 1841 г. На мой вопросъ, капуцинъ указалъ мнѣ въ стѣнѣ нѣсколько желѣзныхъ дверей, замаскированныхъ извѣстью, и сказалъ мнѣ, что тамъ сушатся свѣжіе трупы, и что черезъ 6 или 8 мѣсяцевъ они будутъ совершенно готовы на выставку. Сколько я могъ понять изъ его разсказа, это дѣлается слѣдующимъ образомъ: у свѣжаго трупа вынимаютъ внутренность и дѣлаютъ въ кожѣ нѣсколько подрѣзовъ; въ такомъ видѣ *вѣшаютъ* трупъ въ плотно-закупренномъ подвалѣ; жиръ и мясо опадаютъ чрезъ подрѣзы, трупъ сохнетъ; черезъ 6 мѣсяцевъ вынимаютъ его, покрываютъ весьма легкимъ слоемъ извести, — и трупъ готовъ!

Такія же галлерей, только въ гораздо меньшемъ размѣрѣ, видѣлъ я на общемъ кладбищѣ Палермо. Это кладбище состоитъ изъ обширнаго квадрата, посаженнаго кипарисами и пересѣченнаго широкими параллельными

кашавами; нѣсколько канавъ заложено на глухо тесанымъ камнемъ: тутъ покоятся слишкомъ 30,000 палермитанъ, погибшихъ въ 1831 г. отъ холеры. Остальные канавы прикрыты 52 плитами съ подписью мѣсяца и недѣли, въ которыя онѣ открываются для принятія труповъ. Удивительно неуваженіе, съ которымъ погребаютъ мертвыхъ въ Сициліи и почти во всей Италіи! Трупъ привязываютъ веревкой, безъ всякихъ обрядовъ спускаютъ его въ общую канаву, раскачиваютъ и бросаютъ какъ-попало. Можно себѣ представить каковъ порядокъ въ этомъ царствѣ мертвыхъ! «Что же дѣлаете вы, когда канава полна?» спросилъ я у монаха. «Кости выгребаютъ и отвозятъ въ море», отвѣчалъ монахъ, «или на сахарный заводъ», прибавилъ мой проводникъ. И самое замѣчательное этого кладбища—его страшная, ветхая церковь, съ которою связано грозное воспоминаніе *сицилійскихъ вечерець*. Въ этой церкви собирались знатнѣйшіе Французы, и въ 1282 г., въ третій день свѣтлага воскресенія, ни одинъ изъ нихъ не вышелъ изъ нея живымъ.

Изъ этого царства смерти я поведу васъ въ царство жизни: въ истинно-роскошные сады Палермо. Въ три дня я пробѣжалъ ихъ болѣе десяти, но нѣкоторые особенно восхитили меня; къ числу сихъ послѣднихъ принадлежить публичный садъ Villa Giulia, или Флора, расположенный на берегу моря и превосходно содержимый. Широкая, густая лимонная и апельсиновая аллея, обширные, роскошные цвѣтники, множество фонтановъ, прелестный видъ на море, все дѣлаетъ этотъ садъ самымъ пріятнымъ гуляньемъ, особенно для жителей свѣтговъ и степей. Возлѣ Флоры—ботаническій садъ, чрезвычайно-богатый рѣдкими растеніями, но находящійся въ ужасномъ запущеніи. На другомъ концѣ города замѣчательнъ садъ люка Сера-ди-Фалько, и въ особенноти прекрасенъ садъ князя Бутера, нынѣ принадлежащій нашей Русской, Шуваловой; это

обширная, богатая оранжерея на чистомъ воздухѣ: какое множество самыхъ рѣдкихъ цвѣтовъ, самыхъ прелестныхъ растеній!

Я сказалъ уже, что слѣды мавританскаго владычества лежатъ на многихъ зданіяхъ Палермо; но кромѣ этого, въ предмѣстіяхъ города удѣлило еще два чисто-мавританскіе замка: это замокъ Куба и замокъ Зиа. Первый, на дорогѣ въ Монреаль, занятъ казармой и уже приходитъ въ разрушеніе, но второй, въ предмѣстіи Оливуцо, къ-счастью, попалъ во владѣніе богатаго Палермитанина и сохранился во всемъ своемъ дивномъ величіи. Форма его—обширная, четырехсторонняя башня, съ высокими зубцами, съ широкими готическими окнами и плоскою крышею. Тонкія, мраморныя колонны поддерживаютъ своды парящихъ стѣнъ, среди которыхъ бытъ фонтанъ въ два мраморные бассейна; повсюду мраморъ и мозаики, повсюду слѣды роскоши и востока! По широкой, мраморной лѣстницѣ вошла мы на верхнюю террасу замка и наслаждалась оттуда восхитительнымъ видомъ: замокъ окруженъ лѣсонамъ цвѣтущихъ и зеленѣющихъ садовъ, сквозъ которые блѣютъ загородные домики; на второмъ планѣ Палермо, Монреаль, горы, которая такъ живописно опоясываютъ долину палермскую, наконецъ море и яркое солнце Сициліи... Если справедливо, что Зиа или Циза значить по-арабски *мѣсто наслажденія* (luogo di delizia), то замокъ вполне заслуживаетъ это названіе.

Палермо имѣетъ много благотворительныхъ заведеній, но все они съ наружнымъ великолѣпіемъ соединяютъ внутреннюю нечистоту и неустройство. Впрочемъ, надо сдѣлать одно исключеніе, и исключеніе истинно-блестящее: это домъ умалишенныхъ, заведеніе, дошедшее до высшей степени совершенства, благодаря просвѣщенному челоуколюбію прежнаго директора его, барона Пизани, и вытѣшнаго, кавалера Дорера. Зданіе обширно, красиво и содержится съ голландскою

опротивостью. Директоръ встрѣтилъ насъ на дворѣ и съ чрезвычайной любезностью показалъ все заведеніе. Каждый умалишенный (которыхъ теперь 150 чел.) имѣетъ особую комнату, которая служитъ ему ночлегомъ и тюрьмою въ наказаніе; днемъ они имѣютъ гуляютъ или работаютъ. Въ заведеніи устроено нѣсколько мастерскихъ, въ которыхъ умалишенные учатся разнымъ ремесламъ и даже живописи и валянію; всѣ почти внутреннія работы исполняются умалишенными: въ саду мы нашли двухъ, которые сажали цвѣты; въ кухнѣ нѣсколько несчастныхъ помогаютъ повару готовить кушанье; иные шьютъ бабшмаи, другіе рисуютъ съ своихъ товарищей портреты; женщины (въ другомъ отъеленіи) вяжутъ чулки или ткутъ полотна; разумется, все это дѣлается подъ самымъ бдительнымъ надзоромъ. Умалишенные вымостили всѣ внутренніе дворы мозаикомъ, разрисовали стѣны фресками; въ комнатахъ картины и въ саду нѣсколько деревянныхъ и каменныхъ группъ сдѣланы также ими; они же сдѣлали прекрасный, обширный гротъ, устроили прехорошенькій театръ въ готическомъ вкусѣ. Однажды попытались заставить ихъ играть комедію на этомъ театрѣ; но эта комедія чуть не превратилась въ трагедію, и съ тѣхъ-поръ они ходятъ туда только плясать. «Занятія и непрерывныя развлечения суть лучшія средства къ излеченію этихъ несчастныхъ» сказалъ намъ директоръ. И вотъ доказательство: онъ показалъ намъ статистическую книгу заведенія, изъ которой мы увидѣли, что среднимъ числомъ изъ 100 умалишенныхъ излечивается 45, и эта пропорція увеличивается ежегодно. Принимая въ заведеніе новаго больного, они стараются имѣть краткую его біографію, чтобъ знать причины сумасшествія, и, сообразуясь съ ними, поступать съ больнымъ; эти свѣдѣнія, которыя, къ сожалѣнію, не всегда можно имѣть, чрезвычайно-важны и значительно способ-

ствуютъ успѣху леченія. Самыя частыя причины нравственнаго сумасшествія суть слѣдующія: семейныя несправности, нищета, религиозный фанатизмъ и любовь или ревность; всѣ другія причины находятся въ несравненно-меньшей пропорціи. Въ 1837 г., во время холеры, многіе лишились ума, воображая, что они отравлены. Я посетилъ нѣсколько водобныхъ заведеній въ Германіи и Италіи, но нигдѣ не нашелъ такого порядка, такого оригинальнаго и вместе успѣшнаго устройства ихъ, какъ въ Ospicio dei Matti, въ Палермо.

Палермо столько разъ былъ взятъ и разрушенъ разными народами, что въ немъ не осталось слѣдовъ древнихъ зданій. На Горѣ-Пеллегрино развалины замка, котораго основаніе приписываютъ Сатурну или Хаму (потому что многіе сицилійскіе историки утверждаютъ, что Хамъ и Сатурнъ — одно и то же), и нѣсколько обломковъ дорическихъ колоннъ, остатки древняго Солунта, на мысѣ Заарапо, — вотъ все, что палермскія окрестности представляютъ любителю древностей. Но за то, всѣ эти окрестности чрезвычайно-богаты прелестными видами. Въ этомъ отношеніи, особенное вниманіе заслуживаетъ гора Пеллегрино. Видъ оттуда обширенъ и одинъ изъ лучшихъ въ Сициліи, — и это много! На западъ открывается круглый заливъ Каstellамаре и Мысъ св. Вита, на сѣверъ море и острова Липари, на востокъ и югъ, сначала Палермо въ своей богатой долинѣ, потомъ безчисленныя горы Сициліи и наконецъ Этна, которой сѣвѣная вершина бѣлится какъ громадное облако. Часовня св. Розаліи богата мозаиками, мраморами и драгоценными камнями; но лучше всего статуя святой, изъ прекраснаго бѣлаго мрамора, облеченная въ платье изъ кованаго золота. Мы много рассказывали о праздникѣ св. Розаліи, который бываетъ ежегодно отъ 11 до 15 іюля, и, судя по рассказамъ, этотъ праздникъ чрезвычайно-великопѣнь. Прѣздомъ къ развалинамъ Солунта,

мы заѣхали въ фантастическій замокъ кн. Палогонія, Богарію. Замокъ этотъ окруженъ и наполненъ чрезвычайнымъ множествомъ статуй и украшеній; но всѣ эти статуи и украшения не похожи ни на что существующее въ природѣ: это порожденія разстроеннаго воображенія дѣла нынѣшняго владѣльца. Старикъ употребилъ часть своей жизни и своего огромнаго богатства на приобретение и сооруженіе этихъ уродовъ, которые напомнили мнѣ отчасти чудный сонъ изъ «Онгина»; но воображеніе кн. Палогонія превзошло воображеніе великаго поэта: вотъ, на-прим., львиная голова на гусиной шеѣ, съ туловищемъ ящерицы, съ козьми ногами и лисьию хвостомъ; далѣе на человѣческомъ туловищѣ съ птичьими ногами нѣсколько звѣриныхъ головъ, и проч. Внутренность замка соответствуетъ наружности: потолки изъ разноцвѣтныхъ и зеркальныхъ стеколъ, вырванныхъ самыми странными формами, колонны изъ чашекъ, чайниковъ, соусниковъ, горшковъ и проч.; но все это чрезвычайно-грубо и глупо, и не заставляетъ даже улыбнуться. Изъ палермскихъ окрестностей, я посѣтилъ еще Аббатство св. Мартина, находящееся въ горахъ, въ семи миляхъ отъ города (*). Дорога идетъ непрерывно возвышаясь въ ущельѣ каменистыхъ горъ; у подножія ихъ разбросаны минаральныя и оливковыя деревья; на вершинѣ ихъ, гдѣ пасутся стада козъ подъ надзоромъ пастуха, окутаннаго чернымъ бурнусомъ; изъ разселеній торчатъ огромныя алоэ и уродливыя индійскія фиги; тишина и уединеніе совершенныя и даютъ понятіе о древней монашеской жизни, когда монахи были истинными отшельниками отъ міра, а монастыри ихъ хранилищами науки и искусства. Въ горахъ застигла насъ гроза; лошаки наши заупрямились, и мы принуждены были пѣшкомъ совершить остальное путеше-

(*) Сицилійская миля, такъ же, какъ неполитанская, составляетъ 52-ю часть градуса экватора.

ствіе. То, что увидѣлъ я, не совсѣмъ соответствовало моему ожиданію: обширное Аббатство св. Мартина похоже болѣе на прекрасный дворецъ въ новомъ вкусѣ, нежели на горный, смиренный монастырь. Богатые бенедиктинцы приняли насъ радушно, осушили и напоили хорошимъ виномъ, и по великодушій мраморной лѣстницѣ ввели насъ въ монастырь. Библіотека богата книгами и древними рукописями; въ музей особенно замѣчательно нѣсколько чрезвычайно-древнихъ пунтическихъ медалей, найденныхъ въ окрестностяхъ Палермо. Церковь обширна; огромный органъ ея считается вторымъ послѣ органа бенедиктинцевъ Катаніи. Лучшія картины: «Іоаннъ, проповѣдующій въ Пустынѣ», Флорентина Паладино и въ особенности «Благовѣщеніе» Петра Новелли; — Гавриилъ живо-хорошъ! Въ его лицѣ такъ много торжества бытъ провозвѣстникомъ Іисуса, и вмѣстѣ такъ много смиренія передъ Матерью Спасителя.

Разставаясь съ Монастыремъ св. Мартина, упомяну кстаті о монастыряхъ Сициліи; ихъ чрезвычайно-много: на 2 милліона жителей, находящихся въ Сициліи, считаютъ около 50-ти тысячъ духовенства различныхъ орденовъ. Орденъ бенедиктинцевъ одинъ изъ самыхъ многочисленныхъ и самыхъ богатыхъ; они имѣютъ значительныя владѣнія земель, обложенныя, впрочемъ, 30% подати. Замѣчательно, что, не смотря на богатство монастырей и чрезвычайную нищету народа, монастыри Сициліи (за исключеніемъ весьма немногихъ и то самыхъ бѣдныхъ), не имѣютъ благотворительныхъ заведеній.

Мы пробили три дня въ Палермо; на четвертый день парохоль нашъ отправился въ Трапани, въ 48 миляхъ отъ Палермо, а я съ тремя товарищами рѣшился взать туда сухимъ путемъ для того, чтобъ видѣть хоть немного внутреннюю Сицилію и посмотрѣть развалины Сегеста.

Во всей Сициліи только три каменныя дороги: изъ Палермо въ Трапани

и въ Катанію, и изъ Катаніи въ Мессину. Всѣ остальные сообщенія состоятъ изъ узкихъ тропинокъ, которыя вьются по горамъ и оврагамъ, будучи пересѣкаемы множествомъ ручейковъ, которые отъ малѣйшаго дождя превращаются въ быстрые потоки и прекращаютъ сообщенія. По этимъ тропинкамъ ѣздятъ или верхомъ, или въ носилкахъ, прикрѣпленныхъ на спинахъ двухъ лошаковъ, увѣшанныхъ бубенчиками. Къ-счастью, намъ предстояла одна изъ трехъ колесныхъ дорогъ. Востокъ едва загорался, когда мы выехали изъ Палермо и направили путь свой въ Монреаль, небольшой городокъ, расположенный на живописной возвышенности, въ 4 миляхъ отъ Палермо. Дорога вплоть до Монреаля идетъ среди садовъ и апельсиновыхъ рощей, между которыми множество загородныхъ домовъ и фонтановъ. Какая чудная смѣсь цвѣтовъ! Какая восхитительная долина! Мы остановились въ Монреаль, чтобъ взглянуть на соборъ и прилежащее къ нему бенедиктинское аббатство. Воздвигнутый въ 1174 г. норманскимъ королемъ Вильгельмомъ-Добрымъ, этотъ соборъ принадлежитъ къ немногимъ замѣчательнѣйшимъ памятникамъ греко-арабо-норманской архитектуры. Вильгельмъ былъ почитателемъ Грековъ; онъ призвалъ изъ Константинополя множество художниковъ; съ нимъ начинается возрожденіе искусствъ въ Сициліи; но архитектура, принявъ въ себя арабскіе и норманскіе элементы, никогда уже не могла достигнуть строгой греческой простоты. Не смотря на пестроту, соборъ въ Монреаль все-таки хорошъ. Внутри церкви множество византийскихъ мозаикъ, напоминающихъ мозаикъ св. Марка Венеціи. На лѣвѣнницѣ, ведущей изъ собора въ аббатство, превосходная картина Петра Новелли «Св. Бенедиктъ, раздающій хлѣбы»; это лучшая картина, которую я видѣлъ въ Сициліи: въ ней болѣе 20 фигуръ, и всѣ онѣ привлекаютъ къ себѣ невольное вниманіе; особенно хороша голова св. Григорія: она со-

вершенно напоминаетъ мягкость Рафаэля и силу Доменикино; въ прелестномъ старцѣ артистъ представляетъ свой портретъ, а въ женщинѣ съ двумя дѣтьми—портретъ своей дочери. Живя на сѣверѣ, мы едва знаемъ нѣсколько именъ знаменитѣйшихъ художниковъ, и не можемъ себѣ представить, какъ много второстепенныхъ, но великихъ талантовъ развило это вѣчно-голубое небо! Даже въ Италіи я не зналъ произведеній Новелли; въ Палермо я видѣлъ много картинъ его, и чѣмъ болѣе смотрѣлъ на нихъ, тѣмъ болѣе сознавалъ величіе этого художника. Лучшая изъ тѣхъ, которыя я видѣлъ, по моему мнѣнію, его «Магдалина» въ церкви S. Zita, «Благовѣщеніе» въ Аббатствѣ св. Мартина и наконецъ «Св. Бенедиктъ» въ Монреаль. Петръ Новелли, прозванный Монреалезе, жилъ въ XVII столѣтіи, и, судя по его картинамъ, принадлежитъ къ школѣ Спальолетто и Доменикино.

Мы вошли на верхнюю террасу монастыря, чтобъ взглянуть въ послѣдній разъ на Палермо и его очаровательную долину. Видъ оттуда обширенъ и прекрасенъ; впрочемъ, Сицилія такъ богата своею природою и мѣстностью, что, взошелъ на любую возвышенность, вы можете быть увѣрены, что насладитесь отсюда прелестнѣйшимъ видомъ.

Оставивъ Монреаль, мы скоро вѣхали въ ущелье, обставленное громадными, почти-голыми утесами. Дорога печальна и дика: ни одного жилища; лишь кое-гдѣ разбросаны масливы и другія растенія, которыя довольствуются самымъ ничтожнымъ количествомъ чернозема.

Между растительностью и климатомъ Сициліи и Неаполя, различіе чувствительно. Когда мы оставили Неаполь, всѣ миндальныя деревья находились еще въ цвѣту; въ Палермо народъ уже ѣстъ свѣжій миндаль, хотя ядра его еще не совершенно образовались; индійская фи́га (*cactus oruntia*), пальма-христи или резиновый кустъ (*resinus americanus*) и

другія растенія, мелкія въ окрестностях Неаполя, достигаютъ здѣсь величины толстыхъ деревь.

Прѣхавъ болѣе десяти миль, мы увидѣли наконецъ человѣческой жилища и живую природу. Мы остановились въ Партепино, довольно-большомъ и красивомъ городѣ, окруженномъ садами и прекрасно-обработанными полями; въ глубинѣ зеленѣется плодородная долина, примыкающая къ обширному заливу Кастелламаре, окруженному мысами Рамо и св. Вита; кругомъ нѣсколько городовъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ отъ 10,000 до 15,000 жителей: впереди Алькама съ полуразрушенными арабскими башенками; въ глубинѣ долины Кастелламаре; съ другой стороны, въ ущельѣ горъ Карии, древняя Гиккара, родина знаменитой красавицы Лансы, которая сводила съ ума и поэтовъ и философовъ и вдохновляла Апелеса.

Въ Партепино, мы въ первый разъ увидали сицильскіе костюмы: женщины, окутанныя съ ногъ до головы широкими, черными мантильями, которыя онѣ носятъ чрезвычайно-граціозно, прихватывая нѣсколько мантилію правой рукой и оставляя ее свободно драпироваться съ лѣвой стороны; мужчины носятъ коротенькіе черные плащи съ капишономъ, чрезвычайно-похожіе на бурнусы. Эти мрачныя одежды имѣютъ что-то печальное и вмѣстѣ поэтическое; владычество Арабовъ и здѣсь наложило слѣды свои.

Оставивъ Партепино, мы прибыли въ городъ Алькама (Al Cama) и скоро въѣхали въ обширную долину; прекрасную нѣсколькими быстрыми ручейками и безчисленнымъ множествомъ возвышенностей. Долина эта прекрасна, покрыта полями и плодovitыми деревьями, хотя и не оживлена ни однимъ жилищемъ.

Въ Сициліи, сельская жизнь почти неизвѣстна: всѣ живутъ въ городахъ; отъ-того такъ много многолюдныхъ, неопытныхъ городовъ и такъ часто случается, что, проѣхавъ 15 или 20

миль, не встрѣтишь ни одного дома. Эта привычка къ городской жизни укоренилась вѣроятно въ тѣ времена, когда Сицилія была подвержена безпрерывнымъ нападеніямъ разныхъ народовъ, изгонявшихъ другъ-друга. Тогда жители, собравъ хлѣбъ и плоды, спѣшили укрыться съ своимъ богатствомъ въ укрѣпленные города, ибо тамъ только они могли надѣяться на нѣкотораго рода безопасность; въ-последствіи, эта привычка укоренилась отъ внутреннихъ разбоевъ и наконецъ отъ совершеннаго недостатка сообщеній. Нѣтъ сомнѣній, что эта городская жизнь далеко не благоприятствуетъ развитію земледѣлія; но объ этомъ мало заботится безпечный народъ и еще болѣе безпечное правительство Сициліи.

Къ-вечеру, измученные сильнымъ жаромъ и безпокойнымъ вѣспажемъ, мы добрались наконецъ до Калатафими (Calata Fimi, крѣпость Фими), въ 30 миляхъ отъ Палермо, гдѣ назначенъ былъ нашъ ночлегъ. Въ городѣ, имѣющемъ десять тысячъ жителей, мы съ трудомъ нашли маленькую, неопытную комнатку съ гилыми досками, вмѣсто кроватей, и съ множествомъ разнаго рода насекомыхъ, и если бы не имѣли съ собой кой-какихъ запасовъ, то принужденны были бы питаться хлѣбомъ и апельсинами. Калатафими расположенъ на возвышенности, съ обширнымъ видомъ во всѣ стороны и съ развалинами сарацинскаго замка; отсюда мы въ первый разъ увидѣли вдали знаменитый храмъ Сегеста, цѣль нашей поездки. Этотъ храмъ, освѣщенный послѣдними лучами солнца, и окруженный совершенной тишиной и удивленіемъ, дивно-хорошъ!

Мы провели мучительную ночь въ нашемъ гадкомъ трактирѣ и на другой день, рано утромъ, послали нашу коляску на дорогу Трапани, и сами, сѣвъ на лошаковъ, направили путь свой къ желанному Сегесту. Спустившись съ утеса Калатафими, мы въѣхали въ ущелье горъ и потомъ въ доли-

ну, среди которой открылись передъ нами двѣ возвышенности Сегеста.

«Гдѣ же рѣка Кримизо? Гдѣ древній Симоносъ?» спрашивали мы у нашего проводника. Онъ смотрѣлъ на насъ выпуча глаза и качалъ головою. Наконецъ, съ помощію разныхъ объясненій, мы узнали, что эта знаменитая рѣка носитъ вышче названіе Санбартоломео, и что мы уже перѣехали ее, не обративъ на нее вниманіе. И можно ли было узнать Кримизо въ этомъ крошечномъ ручьѣ, который едва-едва журчитъ по каменистому дну? Этотъ-то ручей, подъ видомъ прелестной собачки, похитилъ троическую дѣву и плодомъ любви его былъ Агестъ или Эгестъ (*), основавшій Сегестъ, съ помощію Энея, оставившаго здѣсь тѣхъ изъ своихъ товарищей, которые предпочли спокойствіе невѣрнымъ обѣщаніямъ оракула. Если хотите знать нѣсколько другихъ поэтическихъ преданій о Сегестѣ, загляните въ пятую книгу «Энеиды»; тамъ увидите вы, что было, а я скажу вамъ, что есть. По главной возвышенности, гдѣ находился городъ, нынѣ осталось только множество въ безпорядкѣ разбросанныхъ камней, небольшой полукруглый, полуразрушенный театръ и прелестный видъ на горы и море. Но въ нѣсколькихъ шагахъ отъ древняго города, находится другая возвышенность, посреди которой красуется храмъ, истинный свидѣтель величія Сегеста. Строгая простота и величіе этого храма, необыкновенная легкость его 36 дорическихъ колоннъ, тишина и заустыніе, которыя окружаютъ его, — все наполняетъ душу какимъ-то невыразимымъ чувствомъ грусти и восторга. Сколько столѣтій протекло надъ этимъ чуднымъ зданіемъ, но оно сохранилось почти совершенно: кажется, ни время, ни люди не дерзнули коснуться его! Одна колонна (вторая въ главномъ фасадѣ) была разрушена, но въ 1781 г. неудачно возобновили ее; самый неопытный глазъ легко отличить

эту колонну отъ прочихъ: она совершенно лишена ихъ необыкновенной легкости. Храмъ имѣетъ по шести колоннъ въ фасадахъ и по двѣнадцати съ боковъ; четыре высокія ступени окружаютъ его со всѣхъ сторонъ; длина храма 182 фута, ширина его 68 футовъ. Колонны гладкія, но судя по многимъ неровностямъ, можно предполагать, что онѣ были поставлены вчерашъ, и въ послѣдствіи должны были получить рѣзбу, какъ почти всѣ колонны греческихъ храмовъ въ Сициліи; высота ихъ 30 футовъ, а діаметръ 6 футовъ; каждая изъ двухъ частей архитрава имѣетъ 13 футовъ длины и съ небольшимъ 4 фута высоты. Единственное украшеніе храма, четыре рельефные цѣвка, вырѣзанные на четырехъ-угольныхъ жетонахъ. Судя по многимъ неровностямъ, можно утвердительно сказать, что храмъ не былъ никогда оконченъ; но не смотря на это, онъ поражаетъ своей красотой и величіемъ. Замѣчательно, что главный фасадъ храма обращенъ на востокъ, что противорѣчитъ общему убѣжденію, что будто-бы древніе строили всѣ свои храмы на западъ. Какому божеству принадлежалъ храмъ этотъ? Основываясь на нѣкоторыхъ намекахъ Виргилія, его приписываютъ Венерѣ; но, судя по его великолѣпію, скорѣе можно предположить, что онъ принадлежалъ любимому божеству Сегеста — Діанѣ, знаменитую статую которой похитилъ алчный Верресъ (Цицеронъ прот. Вер. IV, гл. 34). Палашее солнце и мучительная жажда заставили насъ наконецъ проститься съ Сегестомъ. Мы навѣстили знаменитые горячіе источники сегестскіе, которые нимфы извлекли изъ земли для того, чтобъ обновить силы утомленнаго Геркулеса (Диодоръ, кн. IV); но, не найдя въ нихъ ничего замѣчательнаго, кромѣ ихъ поэтическаго происхожденія, продолжали путь нашъ среди горъ, гдѣ встрѣтили нѣсколько женщинъ, которыя собирали дикую зелень и корни; заглянувъ въ ихъ корзины, мы увидѣли тамъ цикорій, спаржу,

(*) Энеида, кн. V.

феполи и проч.; вотъ одна изъ причинъ безпечности Сицильяпцевъ! Сама природа доставляетъ имъ почти все нужное для нихъ скудной пищи. Наконецъ, послѣ двухъ-часовой ѣзды, гдѣ ожидали насъ остатки нашихъ палѣрмскихъ запасовъ. Чѣмъ болѣе приближались мы къ Трапани, тѣмъ страна становилась оживленнѣе: кругомъ поля и плодovitыя деревья, среди которыхъ видѣются даже кое-гдѣ фермы; впереди открывается море, украшенное Эгдскими Островами, красивый изъяди Трапани, а надъ нимъ величественная гора Эриксъ (нынѣ Сан-Джуліано); навѣво видѣется обширная Долина Марсальская, столь знаменитая своимъ виномъ, которое рѣшительно не уступаетъ мадерѣ. Приблизясь къ Трапани, мы увидѣли слѣды образованія и промышленности, которыхъ не надѣялись встрѣтить въ Сициліи: водопроводы, богатые солончакки, громады соли, шлюзы, и наконецъ самый городъ, хорошо-укрѣпленный, красиво-выстроенный, и даже довольно-опрятный. Форма песчаваго мыса, на которомъ построенъ Трапани (древній Дрепанумъ), дала поводъ къ разнымъ поэтическимъ выдумкамъ: здѣсь, говорятъ, Сатурнъ бросилъ свою косу, совершивъ ею знаменитую операцію отцу своему; здѣсь, говорятъ, Церера потеряла свой серпъ, когда, отчаянная, она искала по острову похищенную Прозерпину... Основаніе же Дрепанума, хотя приписывается Энею, но, по свидѣтельству досто-вѣрныхъ историковъ, принадлежитъ Амилкару, который въ первый годъ пунической войны свелъ союа жителей разрушеннаго имъ Эрикса. Городъ не представляетъ ничего замѣчательнаго, кромѣ поэтическихъ воспоминаній, такъ сильно и такъ вѣрно пробуждаемыхъ «Энеидою» Виргилія. Здѣсь, покниувъ пламенную Дидону, вышелъ на берегъ Эней; вотъ мѣсто, гдѣ онъ совершилъ игры въ память отцу своему Авхизу; вотъ низенькая скала (нынѣ Азинелла), въ которую Эней

воткнулъ вѣтвь зеленого дуба, какъ цѣль состязавшихся галеръ и утѣчалъ побѣдителя Клоанта (*)... Но мы спѣшили къ любимому жилищу Венеры. Высота горы Эриксъ равняется почти высота Везувіа: она имѣетъ 3,540 футовъ надъ поверхностью моря; доступъ къ ней столько же труденъ: мы употребили около трехъ часовъ, чтобъ добраться до вершины; я не смѣлъ оглянуться назадъ, чтобъ не загрузилась голова, и, опустивъ носовъ, ввѣрлся совершенно моему лощаку, который привычно шагалъ по обрушившимся камнямъ и взбирался на ужасныя крутизны... Но зрѣлище, которое представилось намъ, когда мы взбирались на вершину горы, вполне вознаградило насъ за всѣ трудности: даже съ высоты Везувіа нѣтъ такого обширнаго и разнообразнаго вида. Но что всего болѣе обрадовало меня, это то, что я увидѣлъ—Африку! Правда, послѣ большаго напряженія, я едва-едва могъ различить по краю горизонта, между моремъ и небомъ, какуто тонкую бѣловатую черту, но все-таки это Африка! Тщетно искали мы источниковъ великаго храма. Насъ привели къ самой высокой скалѣ, страшно повисшей надъ моремъ и увѣчанной зѣмкомъ, въ которомъ утвердятся преступники; огромные камни, принадлежащіе основанію храма и входящіеся подъ западную стѣною зѣмка, — вотъ единственные слѣды храма, котораго богатства были неизчислимы, а слава богини и красота жрица ея (которыхъ было слишкомъ тысяча) привлекали сюда обожателей со всѣхъ концовъ тогда-извѣстнаго міра. Хотя Виргилій и приписываетъ основаніе этого храма своему герою, но всѣ историки согласны въ томъ, что древній городъ и храмъ были основаны Эрикомъ, сыномъ Венеры и Бута; а Эней, будучи также сыномъ Венеры, только одарилъ этотъ храмъ огромными богатствами. Самая скала замѣчательна тѣмъ, что ее, для сооруженія храма,

(*) Энеида, кн. V.

будто-бы планировал Дедалъ, столь знаменитый въ исторіи художествъ (*). Венера наследовала св. Юліанъ, отъ котораго заимствовали названіе гора и вытѣшій городъ. Проводникъ нашъ пресерьёзно замѣтилъ намъ, что Сен-Джудьянъ не меньше Венеры любитъ эту гору, ибо всякій разъ, какъ она подвергалась нападенію непріятеля, Сен-Джудьянъ немедленно являлся на городской стѣнѣ въ полнѣмъ вооруженіи и одинъ прогонялъ толпы враговъ. Нынѣшній городъ невеликъ, но довольно-красивъ; о знаменитой красотѣ ерицинскихъ женщинъ я, къ сожалѣнію, не могу ничего сказать: я видѣлъ нѣсколько стройныхъ тайй, нѣсколько черныхъ глазъ, но не видѣлъ ни одного лица, кромѣ лица кривой трактирщицы, которая вовсе не походила на жрицу Венеры. Вообще, мы встрѣтили весьма-немногихъ женщинъ, и тѣ, которыхъ мы встрѣчали, были совершенно закутаны черными покрывалами и выглядывали только однимъ глазомъ. Прабабушки ихъ, вѣрно, не были такъ скрытны!—Возвращаясь, мы посѣтили, на восточной сторонѣ горы, довольно-обширную пещеру, гдѣ въ 1342 году былъ найденъ скелетъ гиганта, котораго иные почитаютъ за скелетъ царя Ерикея, а другіе — знаменитымъ циклопомъ Поли-еомомъ, основывався на довольно-темномъ мѣстѣ гомеровою «Одиссею». Мы возвратились въ Трапани поздно вечеромъ, немедленно отправились на пароходъ и съ восходомъ солнца сѣли съ якоря. Мы шли такъ близко отъ берега, что свободно могли разсмотрѣть городъ, развалины и садъ, которые украшаютъ его. Смотря на этотъ живописный берегъ, я съ невыразимымъ удовольствіемъ читалъ третью книгу «Энеиды» и удивлялся поэтической точности Вергилія. Посѣ-

щая юго-западный берегъ Сициліи, нельзя имѣть лучшаго путевода. Мы прошли мимо красивой и богатой Мирсалы, которая была бы еще богаче, еслибъ Филиппъ II, желая отнять у Варварійцевъ способъ посѣщать Сицилію, не завалилъ камнями обширнаго порта ея, по предложенію Іоанна-Австрийскаго. Далѣе видна древняя Маццара, окруженная садами и рошами; потомъ развалины знаменитаго Селинунта, жертвы гнѣва аннибалова (*): огромныя массы камней, среди которыхъ кое-гдѣ возвышается нѣсколько колоннъ,—вотъ все, что осталось отъ этого города. Тутъ мы отчалили отъ берега и скоро потеряли его изъ вида и увидѣли опять только къ-вечеру, когда остановились передъ развалинами Агригента. Перелѣтъ нами открылось обширное пространство, расположенное на полугорѣ и покрытое деревьями; изъ-за зелени всюду бѣлѣлись массы развалинъ и кое-гдѣ возвышались уцѣлѣвшіе храмы: на самой вершинѣ горы, красиво-группированный Жирженти, нѣкогда крѣпость Конако, и самая меньшая часть пышнаго Агригента.

Капитанъ совѣтовалъ намъ провести ночь на пароходѣ, увѣряя, что вечеромъ мы ничего не увидимъ и рѣшительно не найдемъ ночлега въ Жирженти, не смотря на то, что этотъ городъ имѣетъ 20,000 жителей. Почти всѣ согласились съ благоразуміемъ капитана; но я и товарищъ мой Французъ не утерпѣли до завтра и тотчасъ же отправились на берегъ. Солнце уже совершенно скрылось, когда мы сѣли на лошаковъ и, не взявъ проводника, пустились вдвоемъ куда глаза глядятъ, по камнямъ и развалинамъ. Долго блуждали мы среди этихъ великихъ остатковъ; я видѣлъ и никогда не видѣлъ такой необъятной массы развалинъ; множество зелени, тишина и таинственность ночи придавали имъ особую, невыразимую прелесть. Наконецъ, на высотѣ открылся передъ нами храмъ; судя по его удивительной

(*) Главная и великая услуга, которую обыкновенно приписываютъ Дедалу, состоитъ въ томъ, — завязать Вивекельманъ, — что онъ первый обозначилъ и раздѣлялъ ноги въ безобразныхъ массахъ, составляющихъ первоначальныя статуи Грековъ.

(*) Диодоръ, кн. XIII.

цѣлости и великолѣпію, мы тотчасъ узнали въ немъ знаменитый Храмъ Согласія (Tem. della Concordia). Я не умѣю передать вамъ впечатлѣнія, которое произвело на меня это чудное зданіе, когда я приблизился къ нему; знаю только, что мнѣ было хорошо въ эту минуту! Подошедъ къ храму, мы снова не могли надвинуться строгой простотѣ и легкости древней греческой архитектуры: 34 рѣзныя дорическія колонны безъ пьедесталей, самыя простыя карнизы, и ни одного украшенія, — а между-тѣмъ какъ это величественно! Мы привязали лошаковъ къ огромному карубовому дереву и по шести высокимъ ступенямъ вошли въ храмъ. Внутри его сохранилось святилище (cella), обнесенное 28-ю колоннами меньшаго размѣра. Варвары-возобновители соединили эти колонны между собою арками, и эта кривая линія, неизвѣстная въ древней архитектурѣ Грековъ, неприято поражаетъ взоры. Размѣръ храма нѣсколько менѣе храма Сегеста; но для совершенной цѣлости его не достаеъ только крыши, боковаго карниза и части фронтона. Сидя на ступеняхъ этого храма, мы сообщали другъ другу то, что знали о пышномъ Агригентѣ, о жителяхъ котораго Эмпедоклъ говаривалъ, что Агригентяне такъ торопятся насладиться жизнію, что будто-должны умереть завтра, и созидаютъ такія зданія, что будто-бы должны жить вѣчно (*). И правы были Агригентяне! Вся они проскользнули какъ тѣни, но духъ ихъ будетъ жить вѣчно въ этихъ дивныхъ памятникахъ ихъ величія. — Ночь давво уже окружала насъ, и пора было подумать о ночлегѣ; не зная куда вхатъ, мы пустили нашихъ лошаковъ на-удачу по первой попавшейся тропинкѣ. Скоро звукъ бубенчиковъ возвѣстивъ намъ встрѣчу, и изъ-за густыхъ маслинъ вышла Сицильянка на ослѣ, закутанная въ черную мантилію и держа на рукахъ ребенка; молодой Сицильянецъ велъ

подъ узды осла... Не доставало этой группы, чтобъ дополнить чудный ландшафтъ, который открывался передъ нами; говорю безъ прибавленія, что лучшей ландшафтъ Сальватора Ромы можетъ дать понятіе о томъ, что мы тогда видѣли. На просьбу нашу указать намъ дорогу къ ближайшему почлегу, Сицильянецъ отвѣчалъ, что ближе всего возвратиться на приставъ, куда и онъ возвращается съ женой изъ города. Мы присоединились къ нимъ. и скоро прибыли на приставъ, гдѣ провели ночь въ небольшомъ сараѣ, носящемъ названіе кофейной. На другое утро рано присоединилась къ намъ большая часть остальныхъ пассажировъ; дамы сѣли въ носилки, мужчины на лошаковъ, и обширный караванъ нашъ двинулся подъ предводительствомъ нѣсколькихъ чичероне. Мы перезвали небольшую рѣчку Драго (древній Аграгосъ), которую Греки боготворили подъ видомъ прелестнаго ребенка, и скоро приблизились къ остаткамъ древнихъ градскихъ стѣнъ. Тутъ мы увидѣли множество развалинъ древнихъ могилъ и среди ихъ болѣе-обширную и болѣе сохранившуюся могилу, известную подъ названіемъ могилы Теропа и знаменитую ужасомъ, который причинила она Кароагенцьянамъ. Въ то время, когда они, по повелѣнію Анибала, разрушали могилы, дабы привалить камни къ стѣнамъ, громъ удрилъ и разогвалъ святотатцевъ, лишь-только они приблизились къ могилѣ Теропа (*). Но, судя по великолѣпному описанію Діодора, трудно погирить, чтобъ этотъ небольшой, хотя богатый памятникъ былъ тотъ самый, тѣмъ болѣе, что нынѣшній памятникъ своей постройкою и довольно-беззкуснымъ соединеніемъ греческаго и ионическаго ордена, заставляетъ предполагать, что онъ принадлежитъ Римлянамъ. Мы въѣхали въ отверстіе, гдѣ нѣкогда были градскія ворота, называемыя Porta Aurea. Масса развалинъ поразившая насъ наканунѣ, при свѣтѣ

(*) Діогенъ Лаэртій, кн. VIII.

(*) Діодоръ, кн. XIII.

для предстала передъ нами во всей своей громадности. Недалеко отъ восточной стороны, среди оливковой рощи, обнесеной кустами алоэ, груды развалинъ плотныя и обширныя, нежели гдѣ-либо; это остатки храма Юпитера-Олимпійскаго, справедливо прозваннаго Храмомъ Гигантовъ; ни одной колонны не осталось на мѣстѣ, но каждый обломокъ свидѣтельствуетъ о его чудномъ величїи. Колонны имѣютъ 20 фут. въ окружности съ рѣзбою, въ которой свободно можетъ спрятаться человекъ; цѣльныя капители съ каріатидами въ 18 ф. высоты, — вотъ громадные матеріалы, которые составляли этотъ храмъ; смотря на нихъ, удивляешься и смѣхъ, создавшей этотъ храмъ, и смѣхъ, разрушившей его; эти громады не утрачивались бы тысячелѣтїи, и только люди могли сокрушить созданное людьми. Судя по остаткамъ нѣкоторыхъ колоннъ, можно безошибочно заключить, что онъ былъ въ два ряда: внутреннїя квадратныя, а наружныя круглыя, рѣзныя и лорчическія. По словамъ Діодора (кн. XIII), храмъ этотъ не былъ оконченъ, когда Карфагеняне разрушили его. Діодоръ утверждаетъ, что этотъ храмъ былъ величайшимъ храмомъ Сициліи и даетъ ему слѣдующіе размѣры: 340 ф. длины, 190 ф. ширины (*) и 120 высоты (не считая основанїя). Діодоръ разсказываетъ также о превосходной скульптурѣ, которая украшала портки храма; ничъ не осталось ничего изъ украшенїй, кромѣ множества членовъ каріатидъ, разбросанныхъ среди развалинъ; одинъ изъ этихъ гигантовъ, впрочемъ грубой работы, довольно-удачно собранъ антикваріемъ Полито и лежитъ на могилѣ собратїи своихъ. Навѣю видны развалины храма Вулкана и храма Кастора и Поллукса; мы оставили ихъ и направили шаги вдоль стѣны къ храму Геркулеса; этотъ храмъ Цицеронъ засталъ еще въ полномъ величїи и, описывая его, говоритъ, что онъ въ жизнь свою не видалъ ничего

премелестнѣе бронзовой статуи Геркулеса, которую хотѣлъ похитить Верресъ (*). Куда дѣвалась эта статуя? Ничъ, среди множества развалинъ стоитъ только одна колонна этого храма. Мы продолжали идти къ востоку около стѣны, въ которой множество могильныхъ отверстїй, часто расположенныхъ для цѣлыхъ семействъ. Скоро передъ нами открылся Храмъ Согласїя (**), къ которому судьба привела насъ вчера. Я уже говорилъ о немъ. При свѣтѣ солнца, онъ не теряетъ красоты, которая поразила насъ при свѣтѣ луны; онъ напоминалъ мнѣ храмъ Нептуна въ Пестумѣ, хотя уступаетъ ему нѣсколько размѣромъ (154 ф. длины, 55 ширины и 36 высоты). Оставивъ въ сторонѣ еще множество развалившихся могилъ, мы подошли къ храму Юноны Луцины, находящемуся на юго-восточномъ углу города. Этотъ храмъ расположенъ на значительной возвышенности и хотя не такъ хорошо сохранился, какъ Храмъ Согласїя, но весьма сходствуетъ съ нимъ и размѣромъ и архитектурой; передъ входомъ терраса, которая, кажется, также была обнесена колоннами и служила для молящихся, не могшихъ входить въ храмъ. Видъ съ этой террасы прелестенъ: съ одной стороны море и гористый берегъ Сициліи, съ другой — нѣсколько древнихъ храмовъ и множество развалинъ, тонущихъ въ зелени садовъ; далѣе, группы горъ и живописный Жирженти. Въ этомъ храмѣ, по свидѣтельству Діодора (**), находилась знаменитая Венера, chef-d'oeuvre Зевксиса, жившаго за 720 лѣтъ до Р. Х.; онъ первый началъ употреблять полутѣнь (clair-obscur) въ живописи и ловель ее до чрезвычайно-высокой степени совершенства. Въ храмѣ Геркулеса была его другая, не менѣе знаме-

(*) Цицеронъ противъ Верреса, кн. IV, гл. 43.

(**) Надо признаться, что всѣ названїя храмовъ агригентскихъ, и въ-особенности Храмъ Согласїя, чрезвычайно произвольны.

(***) Діодоръ, кн. XIII.

(*) Въ Діодора ширина храма назначена 60 фут., но это явно ошибка переписчика.

житая картина: Гераклъ—ребенокъ, удушающій двухъ змѣй; Плиній (*) рассказываетъ, что на лицахъ Амфитріона и Алимены, входящихъ въ комнату, ужасъ и удивленіе были выражены поразительнымъ образомъ; самъ Зевксисъ такъ высоко уважалъ эту картину, что не могъ назначить ей цѣны и подарилъ ее храму Геракла. Объ эти картины, которыя могли бы бросить такъ много свѣта на состояніе древней живописи Грековъ,—погибли!

Между-тѣмъ, солнце палило съ сицилійской силой; всѣ были утомлены долгой прогулкой по горамъ и развалинамъ. Оставалось осмотрѣть еще нѣсколько остатковъ; но насъ увѣрили, что мы уже видѣли самое замѣчательное, и мы рѣшились ѣхать въ городъ. Однако я отсталъ отъ моихъ товарищей, чтобы взглянуть на древніе хлѣбные подвалы, которые и теперь въ употребленіи во многихъ частяхъ острова: это огромныя ямы, высѣченныя въ каменистыхъ горахъ и суживающіяся къверху; хлѣбъ остается тамъ много лѣтъ плотно закупореннымъ и недоступнымъ для сырости и порчи, ибо горы эти напитаны соляными и селитряными частями. Вообще, составъ Горъ Агригентскихъ, такъ же, какъ и во многихъ мѣстахъ Сициліи, чрезвычайно-любопытенъ для геолога: это—поздраватая, известковая масса съ примѣсью песка и множества различныхъ раковинъ; всѣ зданія Агригента были построены изъ этого камня, сначала бѣлаго и довольно-мягкаго, но отъ времени приобретающаго твердость мрамора и темно-желтый цвѣтъ. Замѣчательно, что эти раковины равно находятся въ почвѣ на вершинахъ чрезвычайпо-высокихъ горъ, и по этому можно судить, какимъ переворотамъ подвергнута была Сицилія. Я въѣхалъ въ городъ въ сопровожденіи моего чичероне; Жирженти, красивый издали, расположенъ на скатѣ горы; кривыя, неопрятныя улицы поражаютъ непріятно и зрѣніе и обоняніе. Въздъ мой

напомнилъ мнѣ сцену изъ Дон-Кихота, и мнѣ показалось, что я въ Испаніи. Звуки бубенчиковъ, ржаніе ословъ и лошаковъ, крики полунагихъ мальчишекъ, нѣсколько Дульциней, выглядывавшихъ изъ-за полуоткрытыхъ ставней и колодцевъ, чрезвычайное множество мамбриновыхъ шлемовъ, украшающихъ входы въ цырюльни,—вотъ что видѣлъ и слышалъ я. Возлѣ гостиницы я нашелъ толпу любопытныхъ и моихъ спившихся товарищей, которые уговаривали хозяина дать имъ порядочныя комнаты; веселый хозяинъ, съ засаленнымъ колпакомъ въ рукѣ, кланялся, сыпалъ пословицами и выхвалялъ свою гостиницу *Козы*, въ которой осталась только одна свободная комната возлѣ кухни, ибо остальные были заняты посвятителями ярмарки. Узнавъ, что другой гостиницы въ двадцати-тысячномъ Жирженти не находится, мы покорились необходимости. Послѣ весьма-дурнаго и довольно-дорогаго обѣда въ душевной комнатѣ, приправленнаго островами и анекдотами хозяина, мы пошли на ярмарку, бѣдную, ничтожную, похожую на наши сельскія ярмарки, и потомъ осмотрѣли соборъ—единственное замѣчательное зданіе Жирженти. Соборъ этотъ, построенный королемъ Рогеромъ, обширенъ и обремененъ разнаго рода украшениями. Не знаю почему архитектура его носить названіе французской. Я не слыхивалъ о собственно-французской архитектурѣ; но если она такова, то это образецъ безвкусицы. Въ соборѣ небольшая, но прекрасная Мадонна Гвидо, богатый древній мраморный саркофагъ, служашій нынѣ баптистеріемъ, съ сценами изъ известной исторіи Ипполита и Федры, довольно-хорошаго рисунка, но плохаго исполненія и, кажется, принадлежащаго разнымъ художникамъ,—и наконецъ, замѣчательно акустическое устройство собора: все, что шопотомъ говорится въ концѣ церкви, громко повторяется надъ алтаремъ, близъ органа. Намъ рассказали случай, который открылъ это: одинъ изъ служителей при соборѣ

(*) Плиній, кн. XXXV, гл. IX.

находился близъ органа въ то время, какъ жена его исповѣдывалась; онъ былъ приведенъ въ такое негодование неожиданнѣмъ открытiемъ преступленiй жены, что не могъ утерпѣть и, вытащивъ ее изъ церкви, убилъ на площади, громкогласно повторяя ея исповѣдь.

Близъ Porta di Mazzara, мы навѣстили древнюю крѣпость Дедала. Этотъ знаменитый Афинянинъ, гонимый Миписомъ за чудную борову, которую онъ сдѣлалъ для удовольвенiя прихоти Пазифаи, слетѣлъ съ несчастнымъ Икаромъ (*). Достигнувъ Сицилiи, онъ устроилъ тутъ для Кокала обширное подземелье по образцу знаменитаго критскаго лабиринта (**). Эта крѣпость и вышшiй Жирженти, были зародышемъ великаго Агригента; Кокалъ, князь сиканскiй, заперся тамъ съ своими сокровищами еще до начала троянской войны (***), а въ 49-й олимпiадѣ (584 г. до Р. X.) гельская колонiя, завладѣвъ крѣпостью, положила основанiе Агригату (****), который, по свидѣтельству Диогена Лаэртiя, въ лучшiй времена своимъ имѣлъ до 800,000 жителей, пышность и богатство которыхъ были почти невѣроятны. Разрушеннiй и возобновленнiй много разъ Карфагенянами и Римлянами, Агригентъ наконецъ превратился въ массу развалинъ, все-еще полную величiя. Смотри на остатки древняго Агригента, тѣмъ болѣе удивляешься ихъ величiю, что жизнь его продолжалась менѣе двухъ столѣтiй (основанный 584 г. до Р. X., онъ разрушенъ Амилкаркомъ 404 г. до Р. X.). Слава Агригента поражаетъ еще сильнѣе, потому-что краткая исторiя его бѣдна великими дѣявiями, еще бѣднѣе великими людьми; если исключить Терапа, воспитателя Пиндаромъ, Агригентъ находился непрерывно подъ властiю тира-

новъ, знаменитыхъ своею жестокою стiю. 45 лѣтъ послѣ своего основанiя, Агригентъ страдалъ подъ властiю звѣрскаго Фалариса; въ то время Пинагоръ обтѣгалъ Италию и Швецию и призывалъ народы къ свободѣ; Агригентские услышали голосъ философа-либерала и свергли съ себя постыдное ярмо; ненависть ихъ къ памяти Фалариса простерлась до того, замѣчаетъ Плутархъ (*), что они законами изгнали изъ Агригента голубой дѣвѣтъ, который во времена Фалариса отличалъ его приверженцевъ. Но этотъ порывъ къ свободѣ, былъ, такъ-сказать, минутнымъ, и Агригентъ снова палъ подъ власть Терапа, Фразидея и наконецъ жестокаго Фивтiя, въ царствованiе котораго величiе Агригента потухло предъ величiемъ Карфагена!

Окрестности Агригента чрезвычайно-богаты сѣрыми рудниками. Сѣра была недавно свободной торговлей и составляла богатство Сицилiи; нынѣ этотъ источникъ почти уничтоженъ необдуманными поступками неаполитанскаго правительства, которое вздумало-было учредить монополию и отдать сѣру на откупъ какому-то Французу. Англичане вступились, ибо это было противно торговому трактату, и неаполитанское правительство вынуждено было уступить, уничтожить откупъ и заплатить Англiи около полутора милiона дукатовъ. Но чтобъ вознаградить потерю, правительство слѣдало огромный налогъ на сѣру, и вся была пала на Сицилию: вывозъ сѣры значительво уменьшился, ибо Англичане, главныя потребители, нашли между-тѣмъ другiе источники; нѣкоторые владѣльцы разорились, работники потеряли работу... Я познакомился въ Жирженти съ однимъ владѣльцемъ сѣрвыхъ рудъ; онъ жаловался намъ, что магазины его полны сѣры, съ которою онъ не знаетъ что дѣлать; палермскiе купцы даютъ ему

(*) Овидiй, кн. VIII, Прев. III.

(**) Диодоръ, кн. IV.

(***) Если вѣрить Павзанiю, за 1307 л. до Р. X.

(****) Фукидидъ, кн. VI.

Т. XXIV.—Отд. VIII.

(*) Плутархъ: *Наставленiе тѣмъ, которые управляютъ дѣлами государствъ* глава 35.

цѣну, которая едва покрываетъ издержки и провозъ.

Мы возвратились на пароходъ въ 8-мъ часу и скоро снялись съ якоря. На другой день, восходящее солнце освѣтило передъ нами съ одной стороны берегъ Сициліи, увѣчающій бѣлѣющей Этной, а съ другой острова Гоццо и Мальту. Мы прошли очень-близко отъ берега Гоццо, который имѣетъ претензію быть островомъ Калипсы и гдѣ даже показываютъ гротъ ея; но чрезвычайно-бѣдная растительность и голые утесы, которые торчатъ со всѣхъ сторонъ, далеко не напоминаютъ обѣтованнаго острова, привѣщаго Улисса и Телемака. Гоццо имѣетъ 15,000 жителей и обладаетъ богатыми и любопытными остатками древности—гигантскими развалинами финикійскаго храма. Къ-сожалѣнію, мы не имѣли времени видѣть эти развалины.

Видъ Мальты поражаетъ еще-болѣе своею дикостію: нигдѣ незамѣтно зелени и всюду бѣлые камни и утесы. Пробывъ три дня на островѣ, я увидѣлъ, впрочемъ, что островъ хорошо обработанъ, но всѣ обработанные участки обнесены высокими каменными стѣнами, и эти стѣны, по положенію острова, возвышаясь другъ-надъ-другомъ амфитеатромъ, скрываютъ зелень и болѣзненно поражаютъ взоры однообразною бѣлизною, ослѣпительною при мальтійскомъ солнцѣ... Въ городѣ, бѣлизна домовъ и укрѣпленій еще усиливаетъ это дѣйствіе, такъ-что для слабыхъ глазъ мальтійское солнце невыносимо: я безпреставно щурился и плакалъ, не смотря на то, что мнѣ было очень-весело. Валетта, расположенная на утесистомъ мысу, чрезвычайно-красива и такъ удобна, что городъ почти со всѣхъ сторонъ окруженъ гаванями. Гавань эта столь глубока, что нѣскольکو линейныхъ кораблей стояло почти около стѣнъ города, и такъ обширна, что, не смотря на безчисленное множество кораблей, судовъ и пароходовъ, она, казалось, готова была принять въ себя цѣлые флоты. Домъ Мальты, окруженные *фонариками*, не огромны,

но довольно-красивы; впрочемъ нѣтъ ни одного зданія, замѣчательнаго изществомъ архитектуры. Улицы прямыя, широкія и превосходно-вымощенныя, но только верхнія изъ нихъ доступны экипажамъ, ибо въ остальныхъ улицахъ, по положенію города, мостовой состоитъ изъ каменныхъ лѣстницъ. Строгая чистота города еще болѣе поражаетъ того, кто только-что выѣхалъ изъ Италіи и Сициліи.

Прежде всего мы обошли городъ и главныя укрѣпленія. Укрѣпленія Мальты такъ знамениты, что я не буду говорить о нихъ; и природа и искусство, кажется, истощили всѣ свои средства, чтобъ сдѣлать Валетту неприступною. Заглянули въ обширныя казармы—чистота и даже роскошь. Хлѣбные магазины удивительной величинны; мнѣ сказали, что они почти всегда заключаютъ въ себѣ пятимѣтное продовольствіе острова; эта предосторожность необходима, ибо Мальта съ наружными островами, имѣя 120,000 жителей, производитъ только на 4 мѣсяца хлѣбнаго продовольствія; въ прошлые же два года, за совершенной засухой, Мальта не произвела и того.

Зданія Валетты, наиболѣе заслуживающія вниманія въ историческомъ отношеніи: дворецъ магистровъ ордена (нынѣ завѣтъ губернаторомъ) и Соборъ св. Іоанна. Арсеналь дворца богатъ собраніемъ древнихъ орудій, но далеко не такъ обширенъ, какъ вѣнскій. Во дворцѣ, среди новыхъ, роскошныхъ мѣбелей, видны еще кое-какія софы и кресла съ потухшей позолотою, съ полинялымъ бархатомъ; залъ богатыми французскими обоями и вышивы фризы съ фресками изъ жизни рыцарей; всюду новыя украшенія борются со старыми и уничтожаютъ главный интересъ этого дворца,—интересъ воспоминаній. Картинъ довольно-много, но мало хорошихъ: цѣлый залъ посвященъ произведеніямъ мальтійскихъ живописцевъ, отличающейся яркостью красокъ и совершенной бездарностью. Въ портретномъ залѣ хороши портреты во весь ростъ Лудовиковъ XIV

XV и XVI, Георгъ III и IV и Екатерины II; изъ портретовъ магистровъ превосходенъ портретъ Виньлора, въ полномъ, богатомъ вооруженіи, работы Караваджи. Изъ прочихъ картинъ, особенное вниманіе обращаютъ: «Иисусъ, несущій крестъ», приписываемая весьма правдоподобно Гвидо; «Канѣзъ, убивающій брата», одного изъ учениковъ Гвидо, и наконецъ «Дочь и его дочь», не знаю, какого художника, но едва-ли не лучшая картина всего собранія: лицо молодой женщины, подающей кубокъ пьяному отцу, дышетъ сладострастіемъ. Обширные корридоры наполнены фресками морскихъ битвъ рыцарей; но всѣ онѣ имѣютъ интересъ относительный, и ни сколько не художественный.

Церковь св. Іоанна своими башенками напоминаетъ владычество арабской архитектуры. Знаніе обширно, но не поражаетъ величіемъ. Внутри, кроме главнаго престола, по бокамъ находится семь второстепенныхъ; это часовни семи *языковъ*, на которые раздѣлялись мальтійскіе рыцари (французскій, овернскій, прованскій, кастильскій, арагонскій, португальскій и англійскій, который, послѣ реформы Генриха VIII, не имѣлъ представителей въ рыцарствѣ и въ 1782 г. былъ замѣненъ англо-баварскимъ). Всѣ эти часовни обременены позолотою и украшеніями въ высшей степени безвкусными. За то истинно-превосходенъ полъ этой церкви; онъ весь составленъ изъ мраморныхъ плитъ, служащихъ памятниками умершимъ рыцарямъ; каждая плита обращаетъ на себя вниманіе своей красотою и роскошью; на каждой гербъ умершаго съ шпирюстаціями разноцвѣтнаго мрамора, порфира, лапсидазули и проч., и всѣ вмѣстѣ онѣ составляютъ богатѣйшій мозаикъ. Своды церкви совершенно покрыты фресками изъ жизни Іоанна; есть группы чрезвычайно-удачныя, хотя авторъ ихъ, коимбрскій священникъ Маттіа, не пользуется славой хорошаго живописца. Лучшее произведеніе живописи въ этой церкви — безъ сомнѣнія *отслѣненіе главы*, Ка-

раваджи: группа чисто-восточная; всѣ фигура палача превосходна, лицо Іоанна дышетъ резигнаціею, и чрезвычайно-счастливо освѣщено чрезъ посредство красной драпировки. Множество мраморныхъ и бронзовыхъ памятниковъ наполняютъ дерковъ, но большею-частью они сложны и обременены украшениями, свидѣтельствующими о роскоши, но не о вкусѣ рыцарей. Лучшее другихъ памятникъ Ральфа Котонера, котораго саркофагъ поддерживаютъ два превосходные невольника: Турокъ и Африканецъ; они напомнили мнѣ прекрасный памятникъ Козьмы I, въ Ливорно. Хорошъ бронзовый бюстъ Мануила Пинто; но лучшее произведеніе скульптуры находится надъ главными престоломъ: это колоссальная группа, выстѣченная изъ одного куска благаго мрамора и представляющая *крещеніе Иисуса*, — въ лицѣ Иисуса красота пластическая слишкомъ владычествуетъ надъ выраженіемъ, но зато фигура Іоанна удовлетворяетъ во всѣхъ отношеніяхъ. Двѣнадцать великихъ магистровъ покоятся въ мрачныхъ подземельяхъ собора; пылъ и паутины покрываютъ ихъ памятники; въ художественномъ отношеніи, тамъ нѣтъ ничего замѣчательнаго, но имена Иль-Адама, Ла-Валетта, оставившія чужестрѣнниками.

Мы посѣтили изъ благотворительныхъ заведеній Ospizio, или пріютъ для старыхъ и немощныхъ и Casa d'Industria (домъ трудолюбія); оба эти заведенія чистотою и порядкомъ напомнили мнѣ германскія заведенія этого рода. Каждый бѣдный въ Ospizio обходится заведенію около двухъ шелинговъ въ недѣлю; сверхъ-того, бѣдные имѣютъ свой небольшой капиталъ, составленный изъ выработанныхъ и взносныхъ денегъ. Въ Casa d'Industria молодыя дѣвушки бѣднаго и низшаго сословія учатся грамотѣ и разнаго рода ремеслу. Содержаніе ихъ и воспитаніе, которое онѣ тамъ получаютъ, можетъ-быть слишкомъ выше той сферы, изъ которой онѣ вышли и въ которую должны войти снова, оставивъ

заведеніе. Англія употребляетъ почти шестую часть мальтійскихъ доходовъ на благотворительныя заведенія острова, а именно, 15,000 ф. ст. въ годъ; не смотря на это, нищія и ропотъ противъ англійскаго правительства встрѣчаютъ вась на каждомъ шагѣ: они жалуются на Англію за пошлины на привозный хлѣбъ, жалуются, что всѣ мѣста наполнены Англичанами, которые получаютъ огромное жалованье, а Мальтійцамъ нѣтъ ни мѣсть, ни денегъ. Англичане съ своей стороны оправдываются, что пошлины на хлѣбъ необходимы для того, чтобъ поощрять скудное хлѣбопашество Мальты; что хорошее жалованье англійскимъ чиновникамъ нужно, чтобъ они могли поддерживать честь Англіи, и что Мальтійцамъ не даютъ значительныхъ мѣсть по ихъ совершенной неспособности. Я не берусь рѣшить, кто изъ нихъ правъ; но мнѣ, кажется, что и тѣ и другіе виноваты: эгоистическій характеръ Англіи слишкомъ извѣстенъ, а о неспособности Мальтійцевъ свидѣтельствуетъ ихъ исторія: Мальта, переходя изъ-рукъ-въ-руки, и всегда болѣе или менѣе угнетенная, не произвела ни одного замѣчательнаго человѣка ни въ какомъ отношеніи.

Мальтійцы не мѣшались съ Англичанами не только въ семейной, но даже и въ общественной жизни: одни обѣдаютъ въ два часа, другіе въ шесть; первые болѣею частью бѣдны и не знаютъ по-англійски, вторые богаты и не хотятъ знать ни по-мальтійски, ни по-итальянски; Мальтійцы ревностные католики, Англичане ревностные протестанты; первые подданные, вторые повелители; ничего общаго, ни малѣйшей связи между ними, и, не смотря на это, Англичане крѣпко устояли на этомъ почти-голомъ утесѣ и вѣрно не выпустятъ его изъ рукъ, хотя Англія ежегодно употребляетъ до 200,000 фунтовъ стерляговъ на содержаніе гарнизона и острова, ибо 100,000 фун. стерляговъ дохода мальтійскаго едва покрываютъ третью часть расхода.

Хотя въ Мальтѣ встрѣчается гораздо-менѣе поповъ и монаховъ, нежели въ Сициліи и Италіи, тѣмъ не мене, Мальтійцы, говорятъ, болѣе ревностные католики, чѣмъ Итальянцы. Изъ религіознымъ праздникамъ и торжествамъ нѣтъ конца. Мальтійецъ, побывавъ въ другихъ католическихъ земляхъ и возвращаясь на родину, утверждаетъ, что нигдѣ обряды католической церкви не исполняются съ такою точностью, съ такою торжественностью, какъ на его островѣ. Однимъ изъ условій Мальтійцевъ съ Англичанами было, чтобъ эти послѣдніе выстраивали положенное число ударовъ въ праздникъ главныхъ святыхъ, и въ этомъ отношеніи Мальтійцы отдають справедливость Англичанамъ, что они свято исполняютъ договоръ.

Женщины мальтійскія (по-крайней-мѣрѣ, тѣ, которыхъ я видѣлъ) очень хороши, хотя невелики ростомъ; костюмъ ихъ простъ, строгъ, но прелесть: черная юбка, чрезвычайно-открытая грудь и черная фальдетта или покрывало, которое короче сицилійскаго, но также, спускаясь съ головы, обвиваетъ станъ. Даже въ высшемъ обществѣ, костюмъ этотъ еще сохранился. Мальтійки очень-мало гуляютъ и посѣщаютъ общество, но проводятъ дни въ своихъ стеклянныхъ *фонарикахъ* (родъ крытаго балкона). Говорятъ, это затворничество произошло отъ наглости и разврата рыцарей, которые во улицѣ и въ обществѣ похищали и оскорбляли хорошеющихъ женщинъ. Костюмъ мужчинъ не имѣетъ ничего особеннаго, но онъ разительно отличается отъ итальянскаго и сицилійскаго—опрятностью. Мальтійское нарѣчіе есть смѣсь разныхъ языковъ, въ которой значительно преобладаетъ арабскій: гортанныя буквы слышны безпрестанно.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

ПОВЕДЕНІЕ ВЪ КИТАИ. (Статья восьмая) (*).—*Домы Китайцевъ.— Образъ постройки домовъ и внутреннее расположение комнатъ.— Меблировка.— Кладбища.— Императорскіе склепы.*

Справедливо замѣчаніе ученыхъ архитекторовъ, что по образу постройки домовъ у каждаго народа можно судить объ образѣ его первобытной жизни, и если въ остроковечныхъ сводахъ готической архитектуры, въ этихъ группахъ колоннъ, стремящихся къ небу, видить взоръ провидцательнаго человека подражаніе стволамъ древеснымъ и сплетшимся вѣтвямъ, то низкіе, однообразные домики Китайцевъ съ вогнутыми крышами, построенные, такъ-сказать, на-живую-нитку, асно намекаютъ на походные шатры кочующаго племени.— И до-сихъ-поръ во всемъ Китаѣ не найдешь ни одного обширнаго и великолѣпнаго частнаго зданія; вельможи и богатые граждане живутъ съ своими семействами обыкновенно въ отдѣльныхъ домикахъ, расположенныхъ по сторонамъ небольшихъ дворовъ. Каждый домикъ состоитъ изъ нѣсколькихъ комнатъ, раставленныхъ въ одну прямую линію; изъ каждой комнаты одна только дверь, ведущая на дворикъ; комнаты почти никогда не сообщаются между собою, а если и бываютъ подобныя сообщенія, то не болѣе, какъ между двумя комнатами.—Возьмите нѣсколько палатокъ, разбейте ихъ тѣсно одну подлѣ другой, такъ, чтобъ выходъ приходился въ одну сторону, покройте общую крышею съ вогнутыми краями—и вотъ вамъ китайскій домъ. Архитекторъ въ Китаѣ совсѣмъ нѣтъ, да онъ тамъ и не нуженъ. Всякій строитъ себѣ жилище, какъ строилъ его отецъ и дядь, и какъ строятъ всѣ, избѣгая только величаву и мелкія украшенія по своему произволу. Непрочность вынѣшней китайской постройки доходитъ до такой степени, что только очеви-

децъ можетъ убѣдиться въ ней: стѣны каменнаго дома, сложенныя обыкновеннымъ образомъ, могутъ простоять отъ шести до десяти лѣтъ, и не болѣе пятнадцати. Выстроеныя же съ особенною тщательностію выдерживаютъ лѣтъ тридцать и сорокъ. Должно прибавить, что только при вынѣшней диваніи, скорал, но непрочная постройка вошла во всеобщее употребленіе; напротивъ, зданія, воздвигнутыя въ прежнія времена, существуютъ до-сихъ-поръ, и по прошествіи нѣсколькихъ сотъ лѣтъ стоятъ безъ поврежденія.

Китаецъ, приступая къ постройкѣ дома, выкапываетъ на полсвершка глубины ровъ подлѣ стѣны, и безъ слою и лежней начинаетъ кладку фундамента изъ ветѣсаныхъ камней, или плитъ, а иногда изъ старыхъ кирпичей. На фундаментъ ставятся деревянные стойки, которыя вверху связываются деревянными перекладными по направлению продольныхъ и поперечныхъ стѣнъ; на перекладныхъ утверждаются стропила, и прежде, чѣмъ приступать къ кладкѣ стѣвъ, настилаютъ черепичную кровлю. Потомъ уже начинаютъ закладывать промежутки между столбами кирпичомъ. Китайскій кирпичъ готовится изъ известковистой глины безъ примѣси песка, и имѣетъ форму нашего кирпича, но обжигается весьма слабо въ печахъ, нагрѣваемыхъ стволами особеннаго тамошняго проса (гао-лянъ), котораго стволъ бываетъ вышиною въ сажень и болѣе, а толщиною въ большой палецъ. Когда обжиганіе кирпича кончилось, въ печь кладутъ нѣсколько связокъ свѣжихъ прутьевъ, и тотчасъ закрываютъ всѣ отверстія; образующійся отъ разложенія свѣжаго дерева густой дымъ сообщаетъ кирпичу темновсѣрый цвѣтъ. Если послѣдняя операція произведена неудачно, и часть кирпичей, вынутыхъ изъ печи, удержитъ красный цвѣтъ, то эти кирпичи считаются негодными, и Китаецъ не даетъ за нихъ и половинной цѣны, называя ихъ — «ханъ-чэнъ» (безобразными).—Клад-

(*) Седьмая статья напечатана въ этомъ же томѣ, стр. 26—32 «Смѣси».

на стѣнѣ производится различнымъ образомъ; простѣйшій и самый дешевый слѣдующій: работники приготавливаютъ цементъ изъ глины, размѣшивая ее съ малымъ количествомъ гашеной извести, и на толстомъ слое этого цемента изъ обломковъ кирпичей выводятъ стѣну, которая потомъ штукатуруется снаружи и внутри. Такъ какъ изъ обломковъ трудно выкласть ровныя стѣны, то онѣ всегда бываютъ бугроваты, тѣмъ болѣе, что Китайцы, оштукатуривъ стѣну желѣзнымъ гребкомъ, никогда не притираютъ ее, какъ это у насъ дѣлается. Для болѣе-прочной постройки употребляются уже не обломки, а цѣльные кирпичи, и цементомъ служить чистая известь безъ примѣси песка и глины. Известка въ Пекинѣ довольно-дорога, и потому каменщикъ беретъ ее весьма-умѣренно широкимъ желѣзнымъ ножомъ и слегка обмазываетъ ею одни только нижне края кирпичей, и кладетъ ихъ всегда вдоль.—Проложивъ рядъ кирпичей по наружной линіи стѣны, онъ прокладываетъ другой рядъ по внутренней линіи стѣны, и потомъ промежутки между тѣмъ и другимъ рядомъ, около четверти ширины, наполняетъ густою массою глины, смѣшанной съ частью извести, и скупко вытѣкаетъ кое-гдѣ обломки кирпичей.—Такія стѣны штукатурятся только свутри.—Лишь только польетъ сильный дождь, и вода проникнетъ внутрь стѣны, цементъ становится жидкимъ, и распираетъ кирпичи, отъ-чего стѣны нѣрѣдко валются и обыкновенно внутреннею стороною въ комнаты, а вѣншею на дворъ. Иногда, при болѣе-тщательной застройкѣ, кирпичи предварительно обсаются и притираются, отъ-чего кладка бываетъ ровнѣе и зданіе получаетъ большую прочность. Чтобъ вмѣстѣ съ тѣмъ сообщить ему и большую красоту, цементъ между спаями выбирается снаружи, въ видѣ ровнаго жолобка, явственно раздѣляющаго слои кирпичей; иногда же притѣртыя и притѣсанные кирпичи укладываются такъ плотно, что

незамѣтно бываетъ никакихъ швовъ, и стѣна кажется слѣванной какъ - будто изъ одной массы. Не смотря на то, что эта послѣдняя кладка считается самою прочною, вѣтеръ свободно можетъ проникать между деревянными столбами и кирпичною закладкою, которая только прислоняется къ столбамъ, оставшимся всегда съ обѣихъ сторонъ открытыми. Отъ этого неудобства Китайцы защищаются обоими, возобновляемыми по нѣскольку разъ въ-теченіи года.

Китайцы не научились еще готовить оконныхъ стеколъ и получаютъ ихъ всегда отъ Европейцевъ черезъ Кантовъ; а потому стекла чрезвычайно-дороги и употребляются только богатыми людьми, и то въ весьма маломъ количествѣ; ихъ закупаютъ бѣлой бумагою. Стекло, за которое у насъ надобно заплатить рубля два, въ Пекинѣ стѣитъ не менѣе десяти рублей. Чтобъ освѣтить сколько-возможно-болѣе комнаты, Китайцы всю переднюю стѣну обращаютъ въ окна, и потому, войдя на китайскій дворикъ, можно подумать, что онъ весь обставленъ оранжереями, тѣмъ болѣе, что у Китайцевъ нѣтъ почти никакихъ архитектурныхъ украшеній. Впрочемъ, бѣлая бумага рѣзко отличается отъ разноцвѣтныхъ узорно-рѣшетчатыхъ рамъ и поддерживающихъ стропила верхнихъ перекаланихъ, которыя всегда бываютъ выкрашены яркимъ цвѣтомъ киновари и испещрены золотыми разводами: все это составляетъ пеструю картину, довольно-пріятную для глазъ, по-крайней-мѣрѣ на первый случай, а особливо послѣ однообразныхъ заочковыхъ монгольскихъ юрть. Китайцы никогда не дѣлаютъ деревянныхъ половъ; выравнявши землю, они настилаютъ на нее квадратныя отъ 6-ти до 8-ми вершковъ кирпичныя плиты. Эти плиты бываютъ такъ же, какъ и употребляемый на кладку стѣны кирпичъ, полуобожженныя и такъ сильно вбираютъ въ себя влагу, что если выплеснуть стаканъ воды на полъ, то въ ту же минуту вода совершенно ис-

чезеть. Впрочемъ, въ дворцахъ и въ домахъ богатѣйшихъ особъ полъ выстилается особенною дорогою плятою, привозимую въ Пекинъ съ юга, которая готовится изъ промытой глины, смѣшанной съ толченымъ пескомъ и чрезвычайно-сильно обжигается. Эта плита отличается своею плотностію, твердостію и чрезвычайною гладкостію.—Стѣны, какъ мы уже сказали, облеиваются обоями. Обои всегда бьются, покрыты въ узоръ насыпною слюдою. Въ обояхъ нѣтъ большой разницы. Китайскіе обои готовятся небольшими квадратами вершковъ шести и наклеиваются чрезвычайно - искусно. Потолки также не забираются досками, но дѣлаются изъ бумаги, наклеиваемой на рѣшотки, связанныя изъ стволовъ гао-лянъ. Для этого прибавляютъ къ стропиламъ нѣсколько стволовъ, вертикально висищихъ, и къ нимъ надвизываютъ вдоль и поперегъ другіе стволы, такъ-что наконецъ изъ нихъ образуется рѣшотка, связанная на перехватахъ мочалками и сомкнутая для прочности, деревянными спичками. Подъ низъ этой рѣшотки наклеивается сначала простая бумага, а потомъ уже обои. Эта работа производится также очень-искусно, и незнающему дѣла трудно поверить, что потолокъ этотъ не составляеть плотной массы, какъ въ нашихъ европейскихъ здавіяхъ. Потолки чрезвычайно-легки и, слѣдственно, казалось бы, что они и очень-удобны; но вотъ бѣда: едва-только окончится отаѣлка потолка, какъ стада голодныхъ крысъ, пробравшись по внутренней пустотѣ стѣвъ, начинаютъ обгрызать клейстеръ, и вмѣстѣ съ тѣмъ насильно прогрызая самую бумагу потолка. Помѣстясь въ новоотдѣланныхъ для насъ комнатахъ, мы удивлены были стукотвѣю и шумомъ, происходившими на нашихъ потолкахъ, а чрезъ нѣсколько дней уже замѣтили по нѣскольку небольшихъ отверстій надъ нашими головами. Это насъ чрезвычайно удивило; но китайскій слуга, пораженный нашею непонятливостію, прехладнокровно сказалъ,

что это проѣли крысы, что надо заклеить. Черезъ часъ явился обойщикъ, и поврежденіе было исправлено; но наутро вмѣсто заклеенныхъ отверстій появились новыя, и такъ заклеиваніе продолжалось около двухъ недѣль, пока пыль не занесла всего потолка довольно-толстымъ слоемъ. Но бѣда этимъ еще не кончилась: неносныя крысы, не довольствуясь бумагою, подгрызли и самыя мочалки, которыми укрѣплялся потолокъ, и какъ вътеръ имѣеть свободный доступъ подъ черепичную кровлю, то первый порядочный порывъ его произвелъ значительныя трещины по краямъ потолка.

И эта новая бѣда, какъ случай самый обыкновенный, не удивила нашего Китайца, привыкшаго къ подобнымъ явленіямъ: онъ снова позвалъ обойщика, и это зло также было исправлено. За то, благодаря всемъ этимъ удобствамъ, китайскіе обойщики никогда не сходятъ безъ хлѣба: наступить весна, сухой воздухъ обветѣтъ сырыя стѣны домовъ, и обои, истрепавшись, повиснутъ лохмотьями по стѣнамъ: какъ тутъ не позвать блоху-цзянь; наступить лѣто, и первый косою дождь размочить и прорветъ бумагу въ окнахъ: какъ снова не обратиться къ благодѣтельной помощи его обойнаго искусства?

Недостатокъ лѣса во всемъ Китаѣ виною страшной дороговизны дерева: сосновое бревно, длиною въ три сажени, а толщиною вершковъ въ шесть, стѣдитъ въ Пекинъ до сорока рублей серебромъ и болѣе на наши деньги, а потому домовъ деревянныхъ въ Китаѣ нѣтъ, и въ капиталѣ, вздерживаемомъ на постройку, закупка лѣса составляетъ самую важную статью, не смотря на то, что новый лѣсъ употребляется весьма рѣдко, а приступающій къ перестройкѣ, или къ постройкѣ новаго дома старается всегда приобрести стойки и перекладки, уже бывшія въ употребленіи. Самыя перегородки въ домахъ дѣлаются изъ кирпича; но въ домахъ болѣе богатыхъ перегородки бывають деревянными, выкрашенныя

подъ черное, или подъ красное дерево и покрыты лакомъ; въ домахъ же богатей оны дѣлаются изъ массивнаго краснаго дерева съ тонною отчетливою резьбою въ китайскомъ вкусѣ, и составляютъ главную роскошь и великолѣпнѣе покоевъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, такая перегородка, саженъ въ двѣ длиною и аршина въ четыре вышиною стоить до тысячи тысячъ рублей и болѣе, серебромъ. Иногда эти перегородки украшаются бѣлымъ нефритомъ (бай-юй) и другими цвѣтными камнями, и тогда дѣла подобной перегородки можетъ возвыситься до неопредѣленной степени. Въ-самомъ-дѣлѣ, красота и цѣнность перегородокъ, величина и число стенокъ съ высотой и объемомъ комнаты составляютъ главное различіе между чертогами вельможъ и жилищами простолюдиновъ, потому-что Китайцы не облагиваютъ своихъ стѣнъ матеріями, не украшаютъ оконъ занавѣсками, не разстилаютъ по-полу ковровъ, и вообще не умѣютъ разнообразить жилища своихъ по-вашему.

Меблѣровка комнатъ также не отличается разнообразіемъ; почти вездѣ по стѣнѣ, противоположной дверямъ, тянется *кань*, длиною во всю стѣну, а шириною до трехъ аршинъ; онъ замѣняетъ наши диваны и составляетъ почетнѣйшее мѣсто у Китайцевъ; вездѣ табуретъ, кресла, — и маленькіе, такъ называемые чайные столики (ча-цзи-рѣ), разставляемые между табуретами и креслами, дополняютъ меблѣровку. Мы уже говорили прежде, что *кань* есть не что иное, какъ лежанка. Чтобъ не такъ было жарко сидѣть на ней, то ее обыкновенно покрываютъ сперва тростниковою циновкой, а потомъ войлокомъ, у простолюдиновъ бѣлымъ, который дешевле, а у людей болѣе-достаточныхъ — краснымъ; въ самыхъ же богатыхъ домахъ краснымъ сукномъ. По срединѣ *кана* ставится маленький столикъ на низенькихъ ножкахъ; а по сторонамъ его кладутся двѣ подушки, обгннутыя, смотря по состоянію хозяина, бумажною или дорогою шелковою ма-

теріею. Во время ночи *кань* замѣняютъ мѣсто кроватей, совершенно неизмѣстимыхъ Китайцамъ. Тогда поперегъ *кана* кладется тю-фякъ, набитый ватой и простѣганный. Толщина такого тю-фяка бываетъ не болѣе двухъ пальцевъ. Подъ голову Китаецъ кладетъ валикъ, также набитый ватой, и раздѣвшись совершенно, укрывается одеяломъ; у богатыхъ оно бываетъ по-большой-части изъ розовой кафы, отороченной у головы черною кафюю четверть на полторы. По утру тю-фякъ, валикъ и одеяло скатываются вмѣстѣ, и на весь день остаются у стѣны на томъ же канѣ, и только у богатей выносятся въ особую комнату. Кресла, табуретъ и столы, смотря по состоянію хозяевъ, дѣлаются или изъ простаго дерева подъ лакомъ, или изъ дорогаго краснаго, и тогда натираются воскомъ. Приготовление и употребленіе спиртоваго лака Китайцамъ неизвѣстно. На кресла и табуретъ кладутся подушки, обгннутыя, по состоянію хозяевъ, бумажною или шелковою матеріею. Сверхъ того, въ хорошихъ домахъ разставляются по столамъ кое-какія подлинны изъ нефрита, какъ то: приборъ для письма, и т. п., или европейскіе бронзовые часы; и послѣдніе всегда въ двухъ экземплярахъ (дуй-цзы) совершенно-одинаковой формы. Поларите Китаецу двѣ какія-нибудь вещи, хоть наприм., двое карманныхъ часовъ самой лучшей работы, но только не совершенно-одинаковыя, онъ будетъ несравненно-менѣ цѣнить ихъ, чѣмъ двое часовъ самой обыкновенной работы, но сдѣланныхъ по одному и тому же образцу. Вы, можетъ-быть, подумаете, что онъ надѣется ихъ разломъ и потому заботится о симметріи? Ни чуть не бывало. Легко случится, что онъ никому и не покажетъ разломъ двухъ экземпляровъ; но у него есть дуй-цзы, и онъ счастливъ. За дуй-цзы онъ охотно заплатитъ въ полтора раза дороже и будетъ болѣе доволенъ своей покупкою. Тутъ нѣтъ никакихъ особенныхъ причинъ, въравнѣній или предразсужковъ: это просто прихоть, немнѣ-

шая никакого основанія, какъ всѣ прихоти вообще.

Отъ жилища живыхъ перейдемъ теперь къ жилищу мертвыхъ. У Китайцевъ нѣтъ общихъ кладбищъ, какъ у насъ Европейцевъ: тамъ каждая фамилія имѣетъ свое особенное мѣсто для погребенія членовъ своего дома, и по мѣрѣ возможности старается украсить это мѣсто. Простолыни въ садить сосны и кедры, челоуѣкъ болѣе богатый обноситъ его каменною стѣною, прикиваетъ смотрителей, и, скупивъ окрестныя поля, предоставляетъ пользоваться ими сторожамъ, обзаведя, сверхъ того, этихъ людей домомъ и въсѣмъ необходимымъ для воздѣлыванія полей. Кладбища богатей и фамилій княжескихъ отличаются еще большими удобствами, если только можно такъ выразиться: ихъ ограды выше, дома и дворцы, построенныя въ оградахъ и около оградъ, огромны и великолѣпны, стражи многочисленны. Постройка надгробныхъ дворцовъ точно такая же, какъ и постройка обыкновенныхъ домовъ, но отличается болѣе прочностію. Памятники на могилахъ довольно-однообразны; бѣднѣе собираетъ на могилу нѣсколько камней, или, по нашему, простую земляную насыпь и обдѣлываетъ ее дерномъ; достаточный челоуѣкъ складываетъ изъ кирпичей подобіе гроба, поставленнаго на катафалкѣ, и ставитъ передъ нимъ высѣченную изъ камня черепаху, держащую на спинѣ болѣе или менѣе огромную каменную доску съ надписями на китайскомъ, а иногда даже и на манджурскомъ языкахъ; надписи возвѣщаютъ кто и когда погребенъ, и исчисляють разныя похвальныя качества покойнаго.

Китайцы почитаютъ такую необходимостію хоронитъ членовъ своей фамиліи на своемъ собственномъ кладбищѣ, что если кто-нибудь умереть въ самомъ отдаленномъ углу имперіи, родственники покойнаго готовы употребить свои послѣднія средства, готовы даже разориться, а уже непре-

мѣнно привезутъ трупъ его и поставятъ надъ нимъ черепаху, съ исчисленіемъ необходимыхъ достоинствъ. Самое правительство принимаетъ участіе въ дѣлахъ подобной важности, и для перевозки труповъ падшихъ на войнѣ офицеровъ, охотно отпускаетъ нужныя суммы. Само собою разумѣется, что императорскія кладбища отдѣляются съ особенною тщательностію. Едва только государь вступаютъ на престолъ, какъ тотчасъ же озабочивается выбрать мѣсто и начать отдѣлку своего кладбища. Постройка обыкновенно продолжается во все время царствованія, какъ бы оно ни было долго, и какъ эта постройка дѣло чрезвычайной важности, то смотрѣніе за работами поручается важнѣйшимъ сановникамъ, пользующимся особенною довѣренностію государя. Весьма-замѣчательно кладбище Мин-ской династіи. Верстахъ въ 30-ти отъ Пекина, въ прекрасной долинѣ избраны мѣста для погребенія всѣхъ государей второй династіи, — разумѣется, каждаго отдѣльно. Каждое кладбище огорожено высокою (саженей до 3-хъ) красною стѣною, охватывающею огромное четырехугольное пространство. Войдя въ ворота ограды, вы видите по обѣимъ сторонамъ небольшія зданія въ одну или двѣ комнаты, назваченныя для караульныхъ, а передъ самымъ входомъ огромное зданіе, въ которомъ устроивается одна только зала *Діана*, гдѣ ставится идолъ и жертвенникъ, и гдѣ совершаются религіозныя обряды, состоящіе изъ куреній, сожиганія золотыхъ и серебряныхъ бумажекъ и приношенія разныхъ хлѣбцевъ. За жертвенною залою находится самая могила, состоящая изъ землянаго холма, окруженнаго высокою глухою стѣною. Тѣло покойнаго государя проносятся въ могилу черезъ корридоръ, устроенный такъ, что сначала надо подниматься по отлогому полу, а потомъ спускаться внизъ чрезъ боковую дверь до подземнаго склепа, гдѣ ставится гробъ. Когда гробъ пронесутъ и люди воротятся, боковая дверь, ведущая изъ

корридора въ могильный склепъ, за-
творяется навсегда. Дверь эта дѣлает-
ся изъ цѣльнаго камня, на каменныхъ
же веряхъ и устроивается такъ, что
едва только ее затворяютъ, какъ огром-
ный камень, приготовленный заблаго-
временно надъ нею, заваливаетъ ее
спутря; а снаружи она закладывается
кирпичомъ, и такимъ образомъ пре-
ращается всякое сообщеніе. Впро-
чемъ, эта предосторожность имѣетъ
основаніе: вмѣстѣ съ тѣломъ покой-
наго императора, вносятся и все его
любимыя вещи, стоящія огромныхъ
капиталовъ. Мебеля, платья и все про-
чія вещи, которыя были имъ употре-
бляемы, сожигаются тутъ же на клад-
бищѣ въ день его похоронъ. Передъ
оградой могилы помѣщается черепа-
ха, держащая на спинѣ огромную до-
ску, испещренную самыми высочай-
шими похвалами. Съ наружной сторо-
ны стѣнъ располагаются зданія, въ
которыхъ живутъ чиновники и стра-
жи кладбища.

Вся такая постройка стѣитъ на на-
ши деньги милліоновъ до семидесяти.
Впрочемъ, не предполагайте найти
тутъ какія-нибудь особенныя украше-
нія, какъ то: мраморныя стѣны, богатую
позолоту, живопись, или что-нибудь
въ этомъ родѣ: вездѣ кирпичъ, жел-
тая муравленая черепица, комнаты,
оштукатуренныя простыми обоями, — и толь-
ко. Но за то иныя изъ этихъ стѣнъ сто-
ятъ болѣе 200 лѣтъ, и въ нихъ не-
замѣтно никакого поврежденія; но за
то въ жертвенной залѣ вы увидите
никогда колоны изъ цѣльнаго красна-
го дерева, въ два обхвата толщиной;
часто, для предохраненія могильныхъ
склеповъ отъ накопленія воды, про-
водятся каналы версты на двѣ дли-
ною. Последнее обстоятельство почи-
тается весьма-важнымъ. Въ-нынѣшнее
царствованіе первый министръ импе-
ратора, пользовавшійся его особенною
любовью и расположеніемъ, будучи
отраженъ для постройки кладбища и
зная страсть императора къ бережли-
вости, для сокращенія расходовъ, рѣ-
шился обойтись безъ отводнаго кана-

ла; но когда императоръ вздумалъ
осмотрѣть работы на кладбищѣ и,
йдя въ склепъ, замѣтилъ тамъ во-
ду, то до того былъ разсерженъ та-
кою злонамѣренностію министра, что
предалъ его суду и, отобравъ все его
имѣніе, отослалъ самого въ ссылку
со всемъ родомъ и племенемъ. Вооб-
ще, кладбища, какъ я уже сказалъ,
составляютъ предметъ особенной за-
ботливости; такъ, на-прим., импера-
торъ *Цинь-Лунъ*, не въ состояніи бу-
дучи отыскать такихъ гигантскихъ
колоновъ, какъ тѣ, о которыхъ я го-
ворилъ, скрѣпя сердце, рѣшился раз-
зорить нѣсколько кладбищъ миа-
скаго дивастія, замѣнивъ похищенные ко-
лоны составными и скрывъ слои подъ
густымъ лакомъ. За то *Динь Цинь-
Луна* можетъ похвалиться богатствомъ
передъ всеми прочими. Но, можетъ-
быть, вы спросите, гдѣ же тутъ ува-
женіе къ кладбищамъ, столь свято-чуж-
дымъ Китаецами. Подобный же во-
просъ сдѣлалъ императору и одинъ
изъ первыхъ его министровъ, сказавъ
Цянъ-Луну: «Какому наказанію подвер-
гается императоръ, разоряющій чужія
кладбища?» — А какому наказанію,
спросилъ въ свою очередь импера-
торъ: — подвергается за эту вину ка-
ждый Китаецъ? «Смертной казни», от-
вѣчалъ министръ. — Ну, такъ импера-
торъ долженъ подвергнуться ссылкѣ.
отвѣчалъ *Цянъ-Лунъ* и дѣйствительно
выѣхалъ изъ Пекина въ *Жэ-хэ*, тѣсѣ,
гдѣ императоры обыкновенно охотят-
ся, и прожилъ тамъ ровно годъ, свя-
тая это время временемъ ссылки.

Съ самаго дня смерти государя со-
ставляется особенный штатъ изъ нѣ-
сколькихъ генераловъ и другихъ чинов-
никовъ для присмотра за кладбищемъ
и содержанія при немъ почетнаго гар-
раула. Вся эта многочисленная свита
помыщается въ зданіяхъ, расположен-
ныхъ при кладбищѣ и получаетъ окла-
ды отъ государя до конца своей жизни.

Дэ-Минъ.

*

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛЬТОПИСЬ.

РУССКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Искусство нашихъ театральныхъ артистовъ пользоваться своими бенефисами доходитъ до нес plus ultra совершенства. Но всѣхъ бенефициантовъ, и прошедшихъ и будущихъ, перещеголялъ нѣкто г. Куликовъ. Для извѣщенія нашего удивленія къ его гевію, рѣшаемся нарушить принятый нами порядокъ Театральной Лѣтописи—перевзирать пьесы по родамъ и тяжести, а не по бенефисамъ, и начнемъ нашу статью пьесами бенефиса г. Куликова:

42) Великій Актеръ, или Любовь Дебютантки. Драма въ трехъ дѣйствіяхъ и пяти отдѣленіяхъ, соч. П. П. Каменскаго. Дѣйствіе первое. Отдѣленіе 1. Театральный Ламповщикъ и Цвѣточница. Дѣйствіе второе. Отдѣленіе 2. Гамма страстей. Дѣйствіе третье. Отдѣленіе 3. Театральный Буфетъ. Отдѣленіе 4. Уборная Актрисы. Отдѣленіе 5. Представленіе Лира на Дрюрилевскомъ Театрѣ.

43) Жены наши пропали! или Майоръ Von Vivant, соч. П. Григорьева 1-го.

44) Комедія о Войнѣ Охлопси Сидоровны съ Китайцами. Сибирская сказка, въ двухъ дѣйствіяхъ, съ пльнѣмъ и танцами, соч. Н. А. Полеваго. Дѣйствіе первое: Русская Удаля. Танцовать будутъ: г. Пишо и г-жа Левѣева по-казацки. Дѣйствіе второе; Китайская Храбрость. Танцовать будутъ: г. Шамбургскій, Свищевъ, Тимошеевъ, Волковъ и Николаевъ по-китайски. Въ 1 и 2-мъ дѣйствіи хоръ пльнниковъ будетъ пльть національнн пльни.

45) Комическія Сцены изъ новой поэмн: Мертвыя Души. Сочиненія Гоголя (автора Ревизора), составленныя Г... .

Согласитесь, такая афишка стоитъ, чтобъ ее сохранить для потомства...

Въ дочери отставной цвѣточницы на Дрюрилевскомъ Театрѣ, Фанни, знаменитый Гаррикъ признаетъ (по ея голосу) талантъ трагической актриссы, будущую Оселію, Дездемону и Корделию. Овъ приходитъ съ нею на бѣдную квартиру ея матери, въ ту самую минуту, какъ эту мать съ сыномъ Томомъ (ламповщикомъ при театрѣ) жестокая хозяйка выгоняетъ вовъ за долгъ. Гаррикъ платитъ хозяйкѣ деньги и нанимаетъ новую квартиру будущей дебютанткѣ, которая, на урокахъ и репетиціяхъ, восхищаетъ его своими успѣхами. Эвва, жена Гаррика, ревнуетъ Фанни къ мужу. Тутъ зачѣмъ-то вмѣшалось совершенно-постороннее лицо критика Джонсона, которому Эвва поврвуетъ свою бѣшеную ревность, осыпая Фанни позорною бранью. Фанни случайно подслушала этотъ разговоръ, передъ тою минутою, какъ благодѣтель приводитъ двухъ актѣровъ, а вмѣстѣ съ ними, приглашаетъ и жену свою и Джонсона быть свидѣтелями необыкновенныхъ успѣховъ его ученицы въ декламациі. Эвва уходитъ, Джонсонъ за всю; Фанни блѣдна и смущена; по просьбѣ Гаррика, Фанни начинаетъ импровизировать на собственную тему, и въ этой импровизациі высказываетъ свое ужасное положеніе. А Эвва между-тѣмъ подслушиваетъ за дверьми то, что могла бы слышать и въ комнатѣ. Гаррикъ пускается въ разсужденія о сценическомъ искусствѣ и, надо согласиться, все, что овъ говорить, умно, справедливо, и даже кстати. Впрочемъ, послѣднее качество этимъ разсужденіямъ, можетъ-быть, придала искусная игра актѣра. Эввъ становится стыдно своихъ подозрнній, и Джонсонъ, ея тѣнь и прихвостень, даетъ ей благородныя совѣты. Этимъ кончается вторая актѣ. До-сихъ-поръ, не смотря на подслушванія и ненужное лицо Джонсона, все шло хорошо; по-крайней-мѣрѣ, актѣрамъ было что дѣлать. Но съ третьяго акта, началась

путаница пустыхъ и, сверхъ-того, нисколько не сценическихъ эффектовъ. Въ «Буфетѣ», за деревяннымъ столомъ, сидятъ человекъ пять-шесть музыкантовъ, пьютъ пиво и говорятъ о дебитанткѣ и Гаррикѣ, и говорятъ именно то, что зритель и безъ нихъ хорошо знаетъ. Словомъ, тутъ вѣтъ ни буфета, ни сцены. «Уборная актрисы» — пустая комната, нисколько не похожая ни на какую уборную. Вбѣгаетъ Фанни, въ костюмъ Корделии, и говоритъ о своей безвадежной и преступной страсти къ Гаррику; Эва (съ неразличимымъ Джоисономъ) подслушиваетъ ее; вбѣгаетъ Гаррикъ, въ костюмъ Лира, и тащитъ Фанни на сцену—Эва не пускаетъ; Томъ, братъ дебитантки, по приказанію Гаррика, схватываетъ Эву и, при громкомъ хохотѣ райка, барахтается съ нею... Но вотъ последнее отдѣленіе: на сценѣ—сцена и зала Дриуриленскаго Театра; Гаррикъ, въ роли Лира, плачетъ надъ трупомъ Корделии; зававъсъ опускается, публика вызываетъ дебитантку; Гаррикъ, сбрасывая съ себя парикъ и вскакивая на ноги, подаетъ руки дебитанткѣ, поздравляя ее съ успѣхомъ дебюта. Но Фанни не встаетъ; глядятъ—она умерла! Томъ бросается ватѣло сестры, отъ него къ Эвѣ, осыпая ее упреками. Тѣмъ все и кончается. Все это не драматически и не сценически; все это неестественно и изысканно. Къ совершенію бѣды, роль Тома была сыграна плоско-комически, и трагедія была сопроваждена хохотомъ райка и улыбками партера. Разумѣется, не обошлось и безъ аплодиссмановъ и вызывовъ: таковъ уже обычай у доброй публики Александринскаго Театра...

Двое мужей, одинъ старый, другой молодой, оставляя дома женъ, рыщутъ гдѣ попало. Старый лядя хочетъ проучить ихъ. Для этого онъ отыскалъ какого-то майора, который волочитса за его племянниками и вездѣ съ ними ѣздитъ. Онъ долженъ разыграть съ ними комедію, объясняясь въ любви то съ тою, то съ другою при одномъ изъ

подслушивающихъ мужей; но онъ просто за ними волочитса, и притомъ такъ, какъ посовѣстился бы волочитса даже за горничными самъ какой-нибудь Ноздревъ. Майора игралъ авторъ водевилей, и въ этой роли очень походилъ на полковаго писаря, который любезничаетъ въ одномъ изъ тѣхъ честныхъ компанствъ, которые какъ-то странно видѣть на сценѣ. За-тѣмъ, мужья мирятся съ женами, и исправляются. Это называется «Жены наши пропали, или Майоръ bon vivant...» Намъ кажется, что къ этой пьесѣ, вместо «Майоръ bon vivant» лучше бышло такое названіе: «Выгнанный изъ службы, за пьянство и дебошъ, выросль изъ дворянъ Ерыгинъ».

Вотъ пьеса г. Полеваго — совсѣмъ другое дѣло. Это пьеса чисто-патриотическая и національная. Въ ней одна русская баба побиваетъ ухватомъ и кочергою 60,000 Китайцевъ, которые все представлены трусами, дураками и шутами. У ихъ генерала такой огромный животъ, что раёкъ «животики надорвалъ» отъ хохота. Въ первомъ актѣ есть превосходное лирическое мѣсто о достоинствѣ русскаго кулака, которому много и крѣпко рукоплескали восхищенные зрители. Прибавьте ко всему этому пѣсни, пляски и танцы,—и согласитесь, что несравненный драматическій талантъ г. Полеваго все юнзеть и юнзеть. Что касается до «Федосьи Сидоровны», то для распространенія образованія въ простомъ народѣ, ее слѣдовало бы лавать на всѣхъ лубочныхъ театрахъ по ярмаркамъ, установивъ цѣну не дешевле одной копейки серебромъ и не дороже трехъ за входъ. Тамъ она была бы ближе къ цѣли.

Какой-то г. Г... вырвалъ нѣсколько разговоровъ изъ «Мертвыхъ Душъ», перемѣшалъ и перебилъ ихъ, связавъ своими вставками, которыя хотя и состоятъ изъ нѣсколькихъ только фразъ, но отъ взятаго цѣлкомъ у Гоголя отличаются, какъ глиняный носъ, рукою горшечника навлѣпленный на лицо мраморной статуи древянаго художника.

Все это таинственный г. Г... назвалъ «Комическими сценами изъ новой поэмы Мертвыхъ Души» и смѣло отдалъ свое литературное похищеніе, недѣлю и пошло совершенное, г-ну Куликову, который и поставилъ на сцену Александринскаго Театра эти куски, безъ начала, середины и конца, а потому и безъ значенія и смысла. Такого рода явленія возмущаютъ душу... Мы знаемъ навѣрное, что Гоголь никому (а тѣмъ болѣе какому-то г. Г...) не давалъ права на такое позорное искаженіе своей поэмы, писанной совсѣмъ не для театра, а потому и неизмѣняющей на театрѣ никакого смысла.

46) Король Энцио. *Историческая драма въ трехъ дѣйствіяхъ и пяти отдѣленіяхъ, въ стихахъ, соч. Раупаха, передѣланная съ нѣмецкаго В. З. Отдѣленіе первое: Пажъ и Плявникъ. Отдѣленіе второе: Могильщикъ. Отдѣленіе третье: Локопъ. Отдѣленіе четвертое: Гробъ. Отдѣленіе пятое: Тюрьма и коновалъ.*

Сардинскій король, Энцио, въ плѣну у Боловцевъ. У него умеръ любимый пажъ, на мѣсто котораго просится переодѣтая пажомъ женщина, влюбленная въ Энцио. Энцио скоро поладилъ съ этимъ пажомъ, который назывался — Люція де Визджиоли. Она предлагаетъ слѣдующее средство къ побѣгу короля: лечь въ гробъ умершаго пажъ, и быть такимъ образомъ вышеселнымъ за городъ для погребенія (а за городомъ стоятъ уже сардинскія войска). Когда Энцио вало было ложиться въ гробъ, онъ, вѣроятно, находитъ стихи Раупаха, передѣланные г. В. З., необыкновенно-хорошими, принялся за длинную декламацию; Люція ему не уступала. Наконецъ, она хотѣла отрезать у него на память локопъ, но не успѣла: вошла могильщица (хозяйка которыхъ — жалкая пародія на могильщика въ «Гамлетѣ») былъ подкупленъ. Въ городскихъ воротахъ обманъ былъ открытъ, по причинѣ высунувшагося изъ гроба локона. Подеста, играющій въ

этой мелодрамѣ роль злодѣя, заключаетъ Энцио въ тюрьму, подъ поломъ которой есть сухой колодезь, куда Энцио и долженъ быть заключенъ на-вѣки. Съ отчаяніемъ, Энцио ввѣчается (за кулисами) съ Люціей, послѣ чего навѣки прощается съ нею; но она уговариваетъ его позволить ей раздѣлить съ нимъ его гробъ: — чувствительная сцена, въ которой словъ — что песку на морскомъ берегу! Когда супруги опустились въ подземелье, въ тюрьму вбѣжалъ злодѣй — подеста съ начальникомъ стражи, Маттео (тоже страшнымъ негодяемъ), и послѣдній опустился въ подземелье, чтобъ убить Энцио. Но вотъ врываются въ тюрьму овладѣвшіе Болоніею сардинскіе солдаты. Тогда изъ подземелья появляется эффектная группа: Энцио, держашій въ объятіяхъ мертвую Люцію и зарывавшій Маттео. Люція приняла, видите, на свою грудь ударъ Маттео и тѣмъ спасла Энцио, за что Энцио объявляетъ ее своею женою и королевою, а она, отъ этого, воскресаетъ. Подесту опускаютъ въ подземелье съ мертвецомъ Маттео, и машину, посредствомъ которой можно было опуститься туда и подниматься оттуда, уничтожаютъ.

Во всей этой пьесѣ нѣтъ ни дѣйствія, ни правдоподобія, — одни монологи, одна реторика, одни разговоры, одни слова, да ребяческіе, смѣшные эффекты. Публика слушала ее, кашляла, въ залѣ было тихо, и пьеса, за свою невинность, удостоилась самой мирной кончины.

47) Наука и Женщина. *Комедія въ двухъ дѣйствіяхъ, соч. Г... Дѣйствіе 1: Кокетство и Химія. Дѣйствіе 2: Одна свадьба вмѣсто двухъ.*

Въ этой пьесѣ выведенъ какой-то семинаристъ, въ ботфортахъ съ кисточками, въ длинномъ сюртукѣ; онъ говоритъ въ глаза женщинамъ грубости, достойныя деревенскаго пономаря, и по всему этому названъ «ученымъ». У него живетъ молоденькая и хорошенькая сиротка, и къ нему

бдѣть какая-то графиня, которая отклоняетъ какого-то Холмоградскаго, свѣтскаго молодого человека (что-то въ родѣ laquais enlimanché) жениться на сироткѣ и доводитъ «учеваго» до сознанія, что женщина необходима въ жизни, и до женитбы на сироткѣ. Прекрасная игра г-жи Каратыгиной 1-й придаѣла занимательность и прелесть этой галиматьи.

48) Тетушка и Добродѣтель!!
Водевиль въ одномъ дѣйстви, передѣланный съ французскаго (La tante mal gardée).

Наслѣдникъ имѣнія стараго дяди, женатаго на молодой женщинѣ, боясь другихъ наслѣдниковъ, не даетъ покоя своей теткѣ, присматривая за ея поведеніемъ. Старикъ имѣетъ къ ней полную довѣренность; она не рѣшается измѣнить довѣренности мужа и хочетъ проучить докучнаго присмотрщика, для чего и дѣлаетъ видъ, что имѣетъ тайныя свиданія съ молодымъ человекомъ, котораго она дѣйствительно когда-то любила. Изъ всего этого выходитъ цѣлый рядъ смѣшныхъ и забавныхъ сценъ, которыя впрочемъ нисколько не въ правахъ нашей русской жизни.

49) Солдаты и Пастухъ. *Комическая опера въ одномъ дѣйстви.*

Было уже одиннадцать часовъ, когда началась эта пьеса, послѣдняя въ бенефисъ г. Толчѣнова 1-го; а мы сидѣли въ театрѣ съ шести часовъ съ половиною, и такъ были употчиваны угощеніемъ бенефицианта, что вышли изъ театра, почитая себя въ правѣ не слушать *оперы*, исполняемой *драматическими* артистами.

50) Первый день брака черезъ 30 лѣтъ послѣ свадьбы, или Лучше поздно, Чѣмъ никогда. *Комедія въ одномъ дѣйстви, перев. съ французскаго Д. Ленскимъ.*

Молодаго графа Могальера женили на оиднадцатилѣтней дѣвочкѣ, и тотчасъ же отправили въ Бразилію; а жена его осталась въ Парижѣ. Супруги встрѣчаются черезъ 30 лѣтъ и хотятъ развестись, потому что Мо-

гальеръ хочетъ жениться на своей молодой воспитаницѣ, а г-жа Могальеръ тоже намѣрена выйдти замужъ за одного молодого человека. Но этотъ молодой человекъ любитъ воспитаницу Могальера, которая съ своей стороны тоже равнодушна къ нему. Молодые люди проводятъ старыхъ и женятся, а старые мирятся и начинаютъ жить вмѣстѣ. Роль г-жи Могальеръ у насъ прекрасно выполняется г-жею Каратыгиною 1-ю.

*

ЛИТЕРАТУРНЫЯ И ЖУРНАЛЬНЫЯ ЗАМѢТКИ.

Русская журналистика в пустыни кочерыжки (*Материал для будущаго историка русской литературы*).— Нынешній годъ ознаменованъ въ русской журналистикѣ великимъ событіемъ — войною, прошедшею изъ гибельнаго раздора между друзьями. Что передъ нею вражда Агамемнона съ Ахилломъ? Тамъ дѣло завязалось изъ пльвиницы Бризиды, здѣсь — изъ кочерыжки!

Прологъ къ знаменитой войнѣ изъ-за кочерыжки была небольшая стычка изъ-за плохой «Исторіи Петра-Великаго» г. Ламбина. Въ «Русскомъ Вѣстникѣ» была напечатана статья, гдѣ было сказано, что текстъ «Исторіи Петра-Великаго» плохъ до-вѣды, а картинка къ ней еще хуже. Статья была написана хорошо, основанія ея были дѣльны и доказательны; съ нею согласились все читавшіе и не читавшіе ее, потому что мнѣніе о внутреннемъ и вѣншнемъ безобразіи компиляции г. Ламбина и спекуляціи г. Эльснера установилось тотчасъ же по выходѣ первыхъ тетрадей этого чудовишнаго изданія. Кажется, тѣмъ бы дѣлу и надобно кончиться: но не тутъ-то было! Изданіе успѣло приобрести себѣ жаркаго защитника въ г. Булгаріи. И вотъ, въ фельетонѣ «Сѣверной Пчелы»

начался выходки противъ статьи «Русскаго Вѣстника», но не противъ, однакожь, самого «Русскаго Вѣстника»: о немъ прямо сказаво, что это едва ли не лучший изъ современныхъ русскихъ журналовъ (*хорош же долженъ быть прочіе русскіе журналы!*), что и злѣйшій врагъ г. Полеваго не упрекаетъ его въ *корыстныхъ* видахъ, но что г. Полевой не правъ, судя по одному *сведенію* о цѣлой исторіи, хотя и правъ, называя картинки рѣшительно-дурными, и что ему, г. Булгарину, гораздо больше нравятся «Параша Сибирячка» и «Уголино», чѣмъ «Елена Глинская» (*№ 69 Сѣверной Пчелы*). Не знаемъ, до какой степени помогла эта защита предпріятію г. Эльснера; но дѣло тѣмъ, т. е. ровно—ничѣмъ и кончилось. Должно думать, что обѣ стороны остались довольны, а извѣстно, что нужно большое искусство, чтобъ угодить и *нашимъ* и *вашимъ*... Но вотъ въ 75 *№* «Сѣверной Пчелы» является фельетонная статья, гдѣ, между прочимъ, г. Θ. Б. взглянулъ на русскіе журналы и газеты съ политико-экономической точки, доказывая, что нашу журналистику губить будто-бы *совѣстничество*. Изъ этого видно, что г. Θ. Б. держится системы запретительной и принадлежитъ къ приверженцамъ *монополь* (*единоторжій*, по переводу г. Шишкова). Затѣмъ слѣдуютъ жалобы на то, что какъ прежніе журналы передразнивали, формою и содержаніемъ, «Московский Телеграфъ», такъ нынѣшніе передразниваютъ, въ этомъ отношеніи, «Библіотеку для Читенія». Разумется, при сей вѣрвой оказіи, всѣхъ болѣе достается «Отеч. Запискамъ», въ которыхъ г. Θ. Б. видитъ подѣлку подъ «Библіотеку для Читенія»... «Но, говоритъ онъ: «то да не то! Оедоть да не тотъ!» И мы, вслѣдъ за нимъ, повторимъ съ гордостію: «то да не то! Оедоть да не тотъ!».. Впрочемъ, снисходительный г. Θ. Б. прощаетъ «От. Запискамъ» ихъ подражаніе «Библіотекъ»: «откуда же имъ выдумать что-

нибудь свое?» восклицаетъ онъ въ полнотѣ своего критическаго одушевленія. «*Но* (продолжаетъ онъ) *право, непростительно Н. А. Полево-му*... Теперь—слушайте, слушайте! Дѣло въ томъ, будто «Русскій Вѣстникъ» такъ же передразниваетъ «Экономомъ», какъ «Отеч. Записки» «Библіотеку». «Ну, какъ же не измѣнить программы (говоритъ г. Θ. Б. о «Русскомъ Вѣстникѣ»), когда и смиренный «Экономъ» имѣетъ успѣхъ!... *Семь-ка* пойдемъ тѣмъ же путемъ, *авось найдѣмъ!* И вотъ въ 3 *№* Русскаго Вѣстника. на сей 1842 годъ, читатели «этого журнала получаютъ то, что имъ «не было обещано въ программѣ, а именно *хозяйственныя замѣтки!*» А! вотъ въ чемъ дѣло! вотъ къ чему клонились тонкіе намеки г. Θ. Б. на вредъ журнальнаго совѣстничества, на выгоды единоторжія, и всѣ эти толки обѣ иностранныхъ и русскихъ журналахъ и газетахъ!.. Понимаемъ! Въ *хозяйственной замѣткѣ* «Русскаго Вѣстника» говорилось о новомъ средствѣ замѣнять дрова тамъ, гдѣ они, по безлѣсію, слишкомъ-дороги, *сушеными кочерыжками и стволами земляныхъ трущъ*. Если бы эта мысль была и неосновательна, можно было бы это замѣтить въ нѣсколькихъ строкахъ «Эконома», или, пожалуй, и «Сѣверной Пчелы»; но писалъ особую статью, заводитъ дѣло издаиска, начавъ его если не съ лицъ Леды, то съ иностранныхъ журналовъ и газетъ, потомъ перейти ко вреду совѣстничества и къ пользѣ единоторжія, и наконецъ представлять изъ себя обиженнаго, оскорбленнаго, и чѣмъ же?—хозяйственною замѣткою, помещенною въ смѣси журнала, гдѣ обыкновенно помещается всякая всячина:—воля ваша, а это могло произойти только изъ слишкомъ-глубокаго проникновенія философскимъ убѣжденіемъ о вредѣ *совѣстничества* и пользѣ *единоторжія!*.. Г. Θ. Б. до того огорчился *хозяйственною замѣткою* «Русскаго Вѣстника», что заключилъ свою декларацію слѣдующею вдохновенною выход-

кою: «Допускаю одинъ, много два энциклопедическіе журнала, по весь журналъ на одну статью, по одному плану, и перебивающіе одинъ другому дорогу — это, воля ваша, невыносимо! Публика подтвердила мое мнѣніе, и на нынѣшній годъ подписана весь журналъ жестоко понизилась! Tu l'as voulu, «George(s) Dandin! О. Б.» Не можемъ звать, до какой степени вѣрно это статистическое извѣстіе о пониженіи подписки на *все* журналы нынѣшняго года, — не знаемъ, потому-что не имѣли ни возможности, ни охоты повѣрять хозяйственные счеты другихъ редакцій, а въ счетахъ своей собственной видимъ нынѣшній годъ значительное противъ прошлаго приращеніе числа подписавшихся; но удивляемся промаху, который далъ г. О. Б. утверждаемъ о пониженіи подписки на *все* журналы, тогда-какъ итсколько строкъ выше онъ говорить о благосклонномъ приятии публикою «Репертуара» соединеннаго съ «Пантеономъ», и «Эконома» — трехъ журналовъ, издаваемыхъ *изъ осе вамимъ*, О. Б.!

Въ IV № «Русскаго Вѣстника» воспоследовалъ отвѣтъ «Сѣверной Пчелы». Въ немъ было очень ловко, и даже не безъ силы, замѣчено:

1) Что слово *сопситтенсе* лучше перевести словомъ *соревнованіе*, чѣмъ словомъ *совмѣстничество*, и что только одно соревнованіе можетъ поднять наши журналы, вмѣсто того, чтобъ уровить ихъ, какъ думаетъ г. О. Б.

2) Что «Библіотека для Чтенія» не имѣетъ ничего общаго, по своему плану, съ англійскими *reviews*, но скопирована съ одного московскаго журнала (извѣстнаго, по словамъ автора статьи, но не помнѣовавшаго имя; — можно, впрочемъ, догадываться, что онъ разумѣетъ «Телеграфъ»), что г. Сенковскій ни сколько не содѣйствовалъ успѣху «Библіотеки», а напротивъ, «вскорѣ заставилъ отказаться отъ участія въ ней всѣхъ литераторовъ», что монополія «Библіотеки» была вредна русской литературѣ, и что теперь

«Б. для Ч.» самый плохой изъ *всѣхъ* русскихъ журналовъ (стр. 40).

3) Что «Русскій Вѣстникъ» никогда и не думалъ измѣнять своей программы, никогда не завидовалъ успѣху «Эконома», и всегда ему радовался въ коммерческомъ отношеніи, — *свавно идетъ: смѣются, а покупаютъ!*

Затѣмъ слѣдуетъ мнѣнія *хозяйственной статьи* «Русскаго Вѣстника»; но какъ это для насъ не интересно, мы и пропускаемъ это, а лучше вполнѣ выпишемъ слѣдующія *нотации* статьи «Русскаго Вѣстника» г-ну О. Б.:

1) Безспорно, что Репертуаръ и Экономъ журналы хорошіе, потому-что самъ издатель ихъ хвалитъ, но по единогласнымъ отзывамъ Репертуаръ въ нынѣшнемъ году далеко однакоже отсталъ отъ прошлогодняго. Спросите у кого угодно. Говорятъ, что выборъ пьесъ въ немъ очень плохъ, что переводы въ немъ весьма небрежны; что онъ вовсе не исполняетъ своего общаго: быть зеркаломъ всѣрвной драматургіи, наполняться лучшими пьесами и улучшаться въ литературномъ и художественномъ отношеніи. Мнѣніе не наше. Мы въ восторгѣ отъ Репертуара, но — видъ другихъ рта не ваяжемъ.

2) Мы также въ восхищеніи отъ Эконома, но опять другіе говорятъ — видъ нади дерзкихъ такихъ судей — говорятъ, что Экономъ также далеко не исполняетъ своей программы; что будто-бы самая интересная часть та, гдѣ говорится о наукахъ, экономическая — собственно весьма — *дешать* — плоха, а технологическая такъ уже и *очень* плоха. Мы не смеемъ сами судить, но повторимъ слова другихъ. Мы слышали, на-примѣръ, какъ одинъ агрономъ сѣлся надъ аксіомами, которыя выставлены за основанія сельскаго хозяйства на стр. 26-й Эконома (листъ 56); какъ одинъ себриякъ то же подемъвался надъ иррашеніемъ шелка, шерсти и бумаги бердянскаго лазурью (Экономи листъ 53, стр. 3), и наконецъ, какъ одинъ гастрономъ хохоталъ, разсказывая о способахъ домашнихихъ *поросль* солзать дикими и *поросль* мясу *придуть* оусть кабанью (Экономи, листъ 63, стр. 88). Повторимъ, что мы сами судить не смеемъ, но сказанное нами, и еще много другихъ замѣчаній слышали отъ знатоковъ (Р. В. стр. 56).

Кроме этих двух нотаций, в остроумной и длинной статье «Русского Вестника», находится еще следующее любопытное библиографическое известие:

«Если все это правда, то остерегитесь, почтенный О. В.—Знаете ли что? Если это правда и за Репертуаром и Экономом есть грешки, то здесь полагаем мы главную причину в томъ, что противъ Эконома и Репертуара нтъ теперь никакого совиствнчества. Не только взрываютъ, но достовѣрными почитаемъ имъ, что совѣстнчество встанило бы почтеннаго О. В. еще старательнѣе и тщательнѣе заботиться о Репертуарѣ и Экономѣ и придать силъ наданымъ болѣе положительнаго и прочнаго достоинства. Вотъ почему съ удовольствіемъ слышали мы известіе, будто бы въ слѣдующемъ году появятся три повременныя новыя изданія. Одно изъ нихъ будетъ посвящено драматической словесности и сценическому искусству, а два другія, одно подъ заглавіемъ: *Практическій Журналъ земледѣлія и сельскаго хозяйства*, обшнеть технику и сельское хозяйство, а другое подъ титуломъ: *Журналъ Русской Хозяйки*, заключить въ себя статьи о кухнѣ, прачешной, погребѣ, домашнемъ хозяйствѣ, городскомъ вообще, о огородахъ, садахъ, припасахъ, запасахъ, и проч. и проч. — Все это только показывать слухи и предположенія, но мы слышали, что драматическаго журнала редакція принимаетъ на себя нѣкой-то опытный литераторъ, хозяйствсннаго: поразо практическій агрономъ, а другаго сельскаго: экономъ, при пособіи многихъ, ховѣевъ, экономовъ, пазаровъ, кладиторовъ, прачекъ, ключницъ, погребщицъ, двороваровъ, уксусниковъ, дворниковъ, и проч. Такое дѣлствіе должно порадовать почтеннаго О. В., какъ «величайшаго приверженца специальныхъ журналовъ», заставляя его въ то же время болѣе заботиться о своихъ надвнжкахъ» (Р. В. стр. 59).

Прежде, чѣмъ скажемъ, что и какъ возразилъ г. О. В. на эту статью, мы должны замѣтить, что IV № «Русскаго Вестника» необыкновенно счастливо задася г-ну О. В.—Въ отдѣлѣ «Новыя Русскія Книги», въ разборѣ «Комаровъ» г. Булгарина, мы встречаемъ си поразительныя безпристрастіемъ, и истинною строки:

Т. XXIV.—Од. VIII.

Нанъ въ допечаткѣ въ «Комаровѣ» одно; перепадки О. В. съ литературною бражію и безпрестанно подвохове, какъ о томъ, что на него, всѣ фальсифицируютъ, что всѣ на него нападающіе не враги; что большая часть изъ нихъ очень глупы; что нападенія ихъ служатъ ему въ пользу; что онъ ихъ не боится. Не мора ли перестать? Все исчисленное нами подтвердилось О. В. безпрестанно, и даже же иже не пришеется, если безпрестанно изтъ ее? Дѣло очень простое: въ О. В. нападенія — правда, а оиъ развѣ много не трогаетъ? Какъ же требовать, чтобы задѣтые молчали, если еще не было примара, чтобы О. В. оставилъ когда-нибудь безъ оглашенія самое мѣлкое и вѣткое замчаніе? Какъ погрозыть ему иголкой — онъ рубить того мѣсяца, а кто броситъ въ него клоушку? — онъ отвѣчаетъ изъ пушки, когда примомъ изъ десетки перепадокъ десять ессиды начинаются О. В.? Вопросъ о томъ, авъ ли противники О. В. не правы, думаемъ, и самъ онъ по совѣсти рѣшить отрицательно. Совершенство не дано въ удѣлъ человеку, а ошибки неизбежны; удѣлъ его: Задача о томъ, авъ ли совершники О. В. дураки, невѣжды и негодны Литературные, опять почитаемъ мы безспорно отрицательною. Если же нападки на О. В. ему не вредны, а полезны, изъ чего же заводить споры и шумъ? А что О. В. не боится нападокъ, пора публикѣ увѣрится и безъ непрестанныхъ о томъ напоминаній съ его стороны. Скажемъ откровенно: замолчи О. В., и никто не затронетъ его. Не угодно ли ему не заводить споровъ хоть полгода, хоть для опыта, для удостовѣренія въ словахъ нашихъ? Посмотрите, какъ все будетъ тихо и спокойно» (Р. В. стр. 21).

Не правда ли, что теперь очень легко можно знать содержаніе той огромной, сильной, доказательной и остроумной статьи, которую г. О. В. возразилъ на статьи противъ него въ № IV «Русскаго Вестника»? Вотъ она, эта огромная, сильная, доказательная и остроумная статья, всѣ, отъ слова до слова, со всею ея огромностію, силою, доказательностію и остроуміемъ:

«Помните ли, что въ *Русскомъ Вестникѣ* напечатанъ былъ совѣтъ топить печь въ заиѣнъ дроваъ кочерыжками и стеблами

земляных груш? Въ Сѣверной Пчелѣ было страшно замѣчено, что это — кабылщина. И вотъ Русскій Вѣстникъ, издаваемый подъ главнымъ надзоромъ *своемладца* Н. А. Полеваго, *свѣлами* разивался и выстралилъ въ вѣкъ своимъ батарей въ одного изъ выдаваемой Сѣверной Пчелы, *О*. Булыжникъ, правая за военный князь: *Вѣн, qu'ita is degerit!* — Мы также приближились, этотъ дѣвизъ, и будемъ нѣмъ честь отзвучать Русскому Вѣстнику въ отдаленной литературной статьѣ. Мало почтенному Н. А. Полевому литературной славы: онъ соблазнался славою изобретателя карболена, и изобрѣлъ кошерыжное топливо, отъ котораго вѣсъ пороха по котамъ забирается! *(видите ли — что значить страсть одиночоторакса!)* — И такъ, до свиданія, милый Русскій Вѣстникъ! *(Сѣверной Пчелы № 119)*.

Итолько? Да тутъ вничего нѣтъ, кромѣ того, что называется *chûte compréte*? дослѣдуетъ читатель. — Да чего же вы и хотите? отвѣчаемъ мы. — Противъ правды, хорошо-выказанной, нѣчего сказать... Тутъ не неволь прійдется *отдѣлываться* словами: *свѣлами, милый отъстаникъ* и т. п. А отдаленная литературная статья? — Разумѣется, ея не было, потому что не могло быть. — Но, вмѣсто ея, было вѣдь что?

Въ № 120 «Сѣверной Пчелы» извѣщается, въ *сбѣтотонъ*, *о* представленіи въ Москвѣ «Блѣны Глинской», драмы г. Полеваго.

«Дирекція (по словамъ «блѣтотона») сдѣлала все отъ нея зависящее, но не могла придать драмѣ занимательности... Парашу, Сибирячку, Парашу, давай же намъ почтенный Н. А. Полевой! На что, намъ, *некларифицирующая* Параша, Игдидидъ, намъ по сердцу: мы не спрашиваемъ, откуда и какъ *оы* почерпнула сюжетъ для сценнаго драмы, и какъ изъ крохотки и сивнаете. Было бы хорошо, а мы все прощали!... Пусть вѣтъ другіе упрекаютъ, будто мы, почтенный Н. А. Полевой, издекаете много изъ чужихъ сочиненій; мы никогда не ставемъ упрекать васъ въ этомъ, когда шеса ваша понравится публикѣ. Намъ до этого нѣтъ дѣла. Когда *ниротъ* хороши, мы не спрашиваемъ, изъ чьей муки они стечеди, и благодаримъ того, кто насъ навкоринтъ. Извѣдате, это сравненіе *эконом-*

шое, и хохи *вѣ* вѣтъ *нечью* *рактари-* нисъ на *Экономъ* (*каждый же шое*), а кригововъ *правдывать* *камо* *терминъ*, и селтъ. Мы люди не *экономичники*, *краву* *скажемъ*, а *агаты*, *выдумывать* и *указь* *никого* не ставемъ. — Сельскаго хозяйства извѣсть никогда не будетъ, почтенный Н. А. Полевой; *от* *критика* *сависитъ*, *собо-* *во* *е* *ажикритика*, *всегда* *болше* *спра-* *сти*, *и* *жель* *правды*, но *дѣ* *сцены* *мы* *человѣкъ* *золотой*, и мы вамъ *нико* *ка-* *нисемъ*!»

Вотъ *летинное* *бездриктрассіе* Г. *О*. *Б.* за *одно* *намедетъ* на *ны* *Полеваго*, а за *другое* *хвалитъ* это: *никоидетъ* *за* *критику* *его* на *О*. *Б.*; *а* *тѣлани* *и* *дрматическія* *сочиненія*!.. Это *нѣ-* *миннать* *басню* *Крылова* «*Лель* и *Барсъ*», которая *оканчивается* *эпикъ* *стихомъ*:

Кого намъ хвалить врагъ, въ томъ яр-
но проку нѣтъ.

Въ № 142 «Сѣверной Пчелы», при разбѣ-
рѣ «*Дароготина*», г. *Полемому* *дос-* *лось* *мордочно* за *его* *разектъ* «*Се-* *ментъ* *Семеновичъ* *Огурчиновъ*». Тамъ, *между* *прочимъ*, *сказано*: «Мы съ *б-* *логотовиѣмъ* читали *никогда* *разборъ* *Н. А. Полеваго* *Китайской* *Граммати-* *ки* *отца* *Іакина*, *удивляемся* *великимъ* *познанимъ* *Н. А. Полеваго* *до* *всѣхъ* *воз-* *можныхъ* *отраслей* *неодовѣснѣ* *свѣдѣній*, *и* *только* *жаль*, *вѣдѣ*, *чтобъ* *употребить* *изъ* *дало* *неооооо* *шобр-* *тотіе*, *и* *нѣкто* *карболени* *тона* *печи* *капустными* *кошерыжными* *и* *сте-* *блами* *земляныхъ* *грушъ*, *нѣмъ* *почте-* *ный* *Н. А. Полевой* *соизнуетъ* *въ* *44* *книжкѣ* *Русскаго* *Вѣстника* *на* *сѣ* *1849* *годѣ*». — Затѣмъ *сблудуютъ* *доказатель-* *ства*, *что* *г. Полевой* *написалъ* *это* *сло-* *во* «*Огурчинова*» *по* *грамматическимъ* *шормамъ* *печенежскаго* *языка*. Это, *нролите* *видѣтъ* — *маленькое*, *нечинное* *и* *шцеде* *за* *намаи* *г. Полеваго* (*под-* *дѣ* *ценные* *нѣкоторыми* *словами* *и* *звѣ-* *женіями* *г. О. Б.*, *выписанными* *кур-* *сивомъ*), *изъ* *которыхъ* *иссу* *звучитъ* *сѣ*, *что* *О. Б.* *держитъ*, *въ* *своѣхъ* *русскихъ* *писаніяхъ*, *литовско-бѣлорус-* *ской* *конструкціи*. «*А* *вы* *(прослѣд-* *ить* «*блѣтотонистъ*», *почтенный* *Н. А.*

тедь такъ и подноситъ его къ газетамъ читателя... А манера выражаться—всетаки чужбовская; но она тамъ лучше, что г. Ф. Б., брада «Мертвыхъ Души», подражаетъ ихъ героизмъ въ способъ выражаться...

За смѣхъ—концы! Вся эта повесть, которую мы рассказали, какъ фактъ и материалъ для будущаго историка русской литературы, кажется намъ, по ея содержанию, забавною и поучительною не меньше «Повести о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ». Это поразительное сходство между истинными событиями, бытостью разсказанными нами, и вымышленною повестью можетъ служить тысячу-первый доказательствомъ, какъ глубоко воспроизводитъ Гоголь, въ своихъ созданіяхъ, действительную жизнь; чѣмъ больше понимаешь ее, тѣмъ больше и выше слышишь, на каждомъ шагу, припоминать то ту, то эту повесть Гоголя, или то это, то другое изъ его повѣстей Гоголя. Тамъ два друга, вполне достойные одинъ другаго, поссорились, разрывая долготѣльную пріязнь—изъ чего же?—изъ того, что одинъ не согласился уступить себѣ ни къ чему негодное ружье за большую здоровую свинью... Здѣсь двое литераторовъ, соединившихъ взаимна пріязнью, поссорились—изъ чего же?—изъ *ничероуэскэ!*... Правда, эта пріязнь разрывалась уже не разъ, и разрывъ всегда былъ или изъ ничего, или изъ правды, сказанной однимъ изъ нихъ на-счетъ плохихъ картъ изъ плохой исторіи другаго; но все-таки пріятно, удивительно было видѣть для нашего враждующаго литературнаго міра, какъ они всегда адресовались одинъ къ другому съ похвальною умеренностію, съ явнымъ «почтеннаго» и «почтеннѣйшаго», называя другъ-друга или просто по имени и по отчеству, или въ торжественныхъ случаяхъ, даже не только по имени и отчеству, но притомъ и съ приговореніемъ фамиліи... Какъ образованные литераторы, они даже и въ спорѣ, и въ ссорѣ, не оставили

этихъ извѣстныхъ словъ: «уважаю, уважаю»; но теперь она уже не уважаетъ... Намъ кажется, что въ ссорѣ виноваты одинъ, и это, другой велъ себя въ ней и твердо, и умно, отъчаясь доволно и остро, и что, следовательно, все смѣшное остается за спорящихъ только дѣрзавца. Согласны, вполне согласны; но мы думаемъ съ убѣжденіемъ, что во всякомъ случаѣ литературнаго ссора съ пріятелемъ, ставитъ, даждяго, въ комическое положеніе, для пріятеля котораго только одно средство—избѣгать пріязни, съ сомнительными, съ которыми можно завязаться, съ которыми уже дерзавцу, или уже, уже, уже, уже, держась отъ дикъ, все... Впрочемъ, у всякаго свой образъ мыслей...

Исторія о «Мертвыхъ Душахъ» все еще продолжается: о видѣ, толку, и спорятъ въ дубинѣ, о нихъ разсуждаютъ въ журналахъ... Присудившаяся къ толкамъ и притлачивавшая печатнымъ сужденіямъ, невольно влившись материалъ для новой повести, въ томъ же родѣ... Многія печатныя сужденія такъ и смотрятъ—кто Поздравимъ, кто размазёно-Маниловымъ, узлами, сатирическими мечтателями, кто Селендомъ, разнѣредушными съ дошалами... Изъ хвалителей, каждая изобретаетъ героя по себѣ, говоря, вотъ одна личіе благополучнаго и умнаго. Одинъ изъ критиковъ не шутя провозгласилъ, что всѣ лица галки (по отношенію къ нимъ, самими, а не къ искусству), кроме... кого бы вы думали?... не отдалась!... кроме Селенды! Критикъ выдѣлитъ въ немъ консервированную русскую натуру... Въ чемъ же состоитъ эта непереносная натура?—Въ томъ, что она написана въ явномъ и въ грубомъ извѣстности, а потому что въ дошаламъ человѣкомъ притомъ, какъ...
Правда жуть! Впрочемъ, есть и другія доказательства консервированной натуры Селенды: это его готовность быть выслушаннымъ, серженомъ, съ которою онъ говоритъ о милой ему ком-

тны въ такой ему припарки... Хороша неспорченная натура!.. Впрочемъ, и этины еще не кончились доказательства въ пользу неспорченной натуры Седюкова: ко всему этому критику прибавляетъ его пріятельское обращеніе съ лошадьми!.. Теперь понимаете ли что такое неспорченная натура, по живую критика?... Теперь понимаете ли, что если кто не пьетъ сивухи, не напивается на смерть съ первыми встрѣченными и поперечными, считая его за хорошаго человека, кто не разговариваетъ съ лошадьми, и не позволяетъ выскатъ себя извѣстною милостію, по снѣгу, — горе тому: онъ неспорченная натура! вѣзъ покорился обаянію лукаваго Запада, погубилъ и душу и тѣло свое на вѣки!..

Когда вышелъ «Ревизоръ» одинъ извѣстный критикъ отказался писать о немъ, видя въ немъ грязное произведеніе; одинъ журналъ отказался печатать у себя повѣсть Гоголя «Ночь», находя ее также грязною; недавно одинъ критикъ поставилъ Гоголя въ ряду русскихъ поэтовъ, ниже г. Павлова (писателя даровитаго, но совсемъ не Гоголя). Жаль, что вѣкогда спрашивать, а то бы можно было много найти фактовъ, доказывающихъ, что иные критики съ некотораго времени совсемъ иначе заговорили о Гоголѣ, нежели какъ говорили о немъ прежде, и еще очень недавно. А между тѣмъ, посмотрите, какъ они сердятся, что другіе почили Гоголя такъ сказать то дьяг его вступленія на литературное поприще, и что осмѣлились намекнуть на это, такъ на свою собственную задницу, въ опасенія, чтобъ ихъ не смѣшивали съ повторителями чужихъ мыслей и даже словъ, за вѣрныи нѣтъ своихъ!.. Кто постоянно слѣдуетъ за «нашею литературою», тотъ знаетъ, гдѣ въ первый разъ Гоголь былъ опiewанъ. Можетъ быть, многіе знаютъ, и безъ указаній, гдѣ и кто говорилъ, и послѣ того, о Гоголѣ въ томъ же духѣ, и тѣмъ же тонѣ!.. Но чему жъ бы не замѣтить того, что

принадлежитъ имъ по праву?.. Но люди неблагодарны: вы же ихъ научите, вы же кое-какъ наконецъ долбите или что-нибудь въ ихъ вѣрныя черемы, — и они жъ, изъ это, помянутъ васъ на толкучій рынокъ, услужливо слабднвъ васъ своими же глупыми лбы, обаявъ въ самохвалствѣ, и обидѣвъ вашу фигуру тощю, казбудте это страшный недостатокъ и какъ-будто педантическая фигура съ браннымъ лушо тощей фигуры. Но, что всемо забаваетъ, чомъ изловуть ваши похвалы автору несправданнымъ, какъ бы можно было, что у нихъ есть авторъ выспрашивалъ ихъ за похвалами, отъ чужаго голоса вѣрны похвалы!.. Что касается до насъ, — объявляемъ въ всеуслышаніе, что въ писатели, которыхъ мы хвалимъ, и когда неспроекн нашихъ похвалы, и что ми хвалимъ даромъ!..

Одинъ критикъ видитъ въ Гоголѣ существо двойное или раздвоившееся: одна половина, видите ли, смеется, а другая плачетъ... Оригинальная мысль! Есть люди, которые никакъ не могутъ понять смѣха въ слезахъ, особенно же слезъ въ смѣхѣ, и хотѣтъ все дѣлать и различать механически, чтобъ иное великое явленіе какъ-нибудь сдѣлать доступнымъ своей ограниченности.

Вѣроятно, многимъ случалось видѣть людей, которые, побывавъ въ Парижѣ и возвратясь въ Россію, говорятъ при всякомъ случаѣ: «у насъ въ Парижѣ»? Такъ некоторые критики, о чемъ бы ни говорили, никакъ не могутъ обойтись безъ Итали. Одинъ изъ таковыхъ дѣлаетъ Гоголя ученикомъ Гомера, Данта и Шекспира. Признаемся, мы не видимъ въ «Мертвыхъ Душахъ» слѣдовъ изученія этихъ великихъ образцовъ. Что авторъ «Мертвыхъ Душъ» можетъ совпадать съ ними — противъ этого не споримъ; но причина этого не изученіе, а то, что поэзія не можетъ не совпадать съ поэзіею. Между всеми ими есть одно

общее, — именно то, что все они по-
эты...

Известно, толкуя вновь и вкряки, по
крайнему своему разуманию, о Сели-
фане, о дяде Митяе и дяде Милане,
обвиняет Гоголя в односторонности,
в томъ, что онъ показываетъ Рус-
скихъ только съ одной изъ сторонъ.
Критику очень удивитъ, что пья-
ный Селифан опрокинулъ бочку и
выпалъ изъ нея своего барина, а
что дядя Манай и дядя Митяй своимъ
вмешательствомъ только больше из-
путали дѣло. Критикъ твердитъ одно:
Русскій человекъ за полемъ затиетъ
Нѣмца; русскіе мужички въ до-
рогѣ очень *беспорядочны*. Последнюю
истину очень хорошо знаютъ все, у
кого въ дорогѣ ломалась ось экипажа,
или экипажу случилось завязнуть въ
грязи или загорѣ... Критикъ еще
утверждаетъ, что русскій мужикъ,
хоть и прихвастнетъ и опрокинетъ
сѣбяну, за то и «выдетъ на авось
по «облаемому мосту». Правда! но
правда и то, что много людей про-
падаетъ въ оврагахъ, рѣкахъ, на мо-
стахъ и пр., благодаря *авось*...

Но изъ всѣхъ забавныхъ мнѣній,
высказанныхъ по случаю «Мертвыхъ
Душъ», самое забавное, безъ сомнѣ-
нія, то, что фантазія Гоголя *эльбосолю-
ная*... Гоголь — видите — не потому такъ
отчетливо рисуетъ главные характеры,
и такъ ярко, одною или нѣсколькими
чертами, какъ-бы вскользь и мимохо-
домъ, изображаетъ множество второ-
степенныхъ и какъ-будто случайно
повернувшихся характеровъ, не по-
тому-что онъ вѣренъ действитель-
ности, а потому-что его фантазія
русская, стало-быть, и *эльбобольная*,
и держится пословицы: *что есть въ
печи, все на столѣ мечи*... Милая
критическая важность! Черта изъ
золотого вѣка!...

Но вотъ еще такая же *буколическая*
черта; одинъ изъ критиковъ, желая по-

хвалить Гоголя, такъ выражается о его
слогахъ: «Речь его разсыпается, какъ
сдобное тѣсто, на которое не пона-
дѣли *масла*; она дѣтается перель-
градъ, какъ переполненный стаканъ, вылитой
рукою *цѣлаго* хозяина, у котораго
вино и скатерть не по чужь, отъ того-
то и періодъ его бываетъ слишкомъ
трусне-начинистъ, какъ жирокъ у штъ-
дываго гастронома, который купилъ
безъ расчета припасовъ и не далъ
никакой *мрамикъ*... Воля ваша, а эта
кухонная похвала, должно быть, не-
приличная...

Да, много забавнаго и мало дѣль-
наго въ такомъ впечатлѣніи; но
есть и дѣльное. Въ 3-й книжкѣ «Со-
временника» на прошедшій годъ, про-
чли мы умную и прекрасно-написа-
нную статью о «Мертвыхъ Душахъ»,
означенную литерами «С. Ш.» и при-
сланную въ журналъ изъ Житомира.

«Степная Пчела», издавая (№
196) о поставкѣ на московской сценѣ
выписокъ изъ «Мертвыхъ Душъ»,
замѣчаетъ, что при нихъ «лучше бы
всего было представить въ лицахъ
драматическую картину на Мертвы
Души изъ послѣдней (8-й) книжки
Библиотеки для Читателя», и прибавляетъ,
что «это было бы и кстати,
и умно, и забавно, и дѣльно, и по-
лезно, какъ для автора, такъ и для
публики». — Многие, совершенно согла-
шаясь съ этимъ мнѣніемъ, добавляютъ,
что еще было бы лучше, послѣ дра-
матической картины на «Мертвы
Души» изъ «Библиотеки для Читателя»
представить драматическую картину
на «Библиотеку для Читателя» изъ де-
вятой книжки «Отеч. Записокъ» (*)
и что это было бы и кстати, и умно,
и забавно, и дѣльно, и полезно, какъ
для автора драматической картины на
«Мертвы Души», такъ и для пуб-
лики...

(*) Въ отдѣлѣ «Списокъ статей» Литературнаго Разбора, расположенный въ кон-
цѣ книжки, стр. 32 — 43.

Въ 200 № «С. Пчелы» г. Будапешта, издаваемый редакціею «Резервуара», доведеннаго (на оборотѣ) съ «Палаткономъ», доноситъ публикѣ, что не бывало, нѣтъ, не будетъ и быть не можетъ лучше этого изданія. Тотъ этого объявленія самый галантерейный. г. Будапештъ не называетъ русской публицы иначе, какъ: «милостивая государыня», почтеннѣйшая публицица».

*

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

— Прусское министерство наконецъ обнародовало Липмановъ секретъ дѣлать копія съ картинъ масляными красками. Изобрѣтатель составилъ описаніе всему производству и приложилъ шесть пояснительныхъ таблицъ. Дѣло въ томъ, что готовится цвѣтная масса произвольной толщины; въ ней находится картина, которую хотѣтъ оттиснуть, на мозаичскій манеръ, прокладъ ваккою массой во всю ея толстоту. Эта сухая и жесткая масса расплывается тонкою пилкою на столѣ, напризмѣрь, плитѣ, изъ которыхъ, следовательно, каждая содержитъ въ себѣ на обѣихъ своихъ сторонахъ печатаемую картину. Плитки покрываются слегка мажкомъ, и тогда на полотно, картонъ или бумагу можно снять съ нихъ столько масляныхъ оттисковъ, на сколько хватитъ цвѣтной массы. Составить же она изъ живописныхъ красокъ, нетолченыхъ въ мельчайшій порошокъ; приготовленныхъ съ масломъ, онѣ становятся весьма-скоро-засыхающимъ и твердымъ тѣломъ. Посредствомъ мелкости краски и особеннаго употребленія мелкаго безцвѣтнаго песка, также входящаго въ составъ, художникъ можетъ съ одной стороны производить въ картинѣ такое сдѣтіе тверей, что раздѣлить ихъ можно только вооруженнымъ глазомъ, а съ другой стороны

можетъ картину покрывать красками совершенно-свободно. Далѣе, эта метода представляетъ ту выгоду, что большія картины могутъ по частямъ приготовляться ддругъ нѣсколькими причученными къ тому работникамъ, ибо массы, подожженные одна къ другой и одна на другую такъ скрѣпляются, что становится одной цвѣтной массой, будто однимъ человекомъ приготовленную. Такимъ образомъ, эта метода не стѣсняетъ ни свободы составленія, ни декоратива красками, и разнится отъ производства при живописи состояніемъ, сдѣлаственно, въ томъ только, что мѣста, которыя живописецъ выполняетъ самъ кистью, по новой методѣ онъ даетъ подъ своимъ взглядомъ выполнять причученнымъ работникамъ. Потому и картины, приготовленные по этой методѣ, будутъ, какъ во всякомъ искусствѣ, соответствовать таланту и гению художника; тутъ дѣло не зависитъ ни отъ солнца, какъ въ лаггерротидѣ, ни отъ химическаго разложенія, какъ въ гальванодластикѣ, а остается чистымъ произведеніемъ художника.

— Извѣстному баварскому живописцу Корнелиусу, поручено отъ англійскаго правительства расписывать стѣны въ залахъ новаго парламента, но Корнелиусъ требуетъ, чтобъ стѣны совершенно высохли, и не раше какъ черезъ три года намѣренъ приняться за работу. Для живописи алъ фреско, первая необходимость хорошее приготовленіе известки. Въ Мюнхенѣ готовятъ известку для покрытія стѣны подъ фрески слѣдующимъ образомъ. Сперва наполняютъ яму гипсовою известью, и размѣшавъ ее порядочно, покрываютъ верхній слой на два фута чистымъ рѣчнымъ пескомъ, чтобъ воздухъ не досагалъ известки, и потомъ всю яму облаживаютъ землею. Известь въ такомъ состояніи должна сберегаться три года. Корнелиусъ приготовилъ подобнымъ образомъ известь для стѣны Церкви Св. Лудовика въ Мюнхенѣ, и не прежде началъ писать на ней фрески, какъ по прошествіи

восемь летъ. Воздѣ, гдѣ только ере-
сковыя картины пополнили отъ вре-
мени; причиною этого, помянуто Кор-
нелиусъ, была молодая известъ; равно
использованная для структуры стѣны.
На опытъ доказано, что сырость и пе-
ременная погода не имѣютъ вліянія
на ереси, и это доказывается многими
зданіями въ Генуѣ, снаружи расписан-
ными; на которыхъ ереси не помя-
нули въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій.

— Мы говорили въ этой же книгѣ
нашего журнала (Знаменія Учен. Общ.)
объ усовершенствованіи, сделанномъ
въ дисертациѣ берлинскимъ физикомъ
Мозеромъ. Вотъ еще новое усовер-
шенствованіе. Нѣкто Уитсонъ (Wheat-
son) изобрѣлъ такъ называемый сте-
рескопъ (stereoscop), посредствомъ
котораго два портрета, положенные
одинъ на другой, принимаютъ видъ
барельеа. Возьмите, напримѣръ, два
дагерротипные портрета, снимте съ
одного лица, приложите ихъ къ сте-
рескопу и смотрите на нихъ въ зер-
кало; — увидите совершенно похожій
портретъ означеннаго лица, но не плос-
кій, а рельефный. Надобно самому ви-
дѣть этотъ опытъ, чтобъ представить
себѣ ясно удивительное превращеніе
картинки въ выпуклое изображеніе.

— Одинъ англійскій журналъ извѣ-
щаетъ, что библиотека аббатства Кель-
вича, не подальше отъ Атбуерна, вла-
дѣетъ замѣчательнымъ сокровищемъ — зна-
чительнымъ собраніемъ нотъ генде-
левыхъ сочиненій, писанныхъ его соб-
ственною рукою. «Великій компози-
торъ», говоритъ журналъ, часто го-
сталъ въ Кельвичъ и отличнѣе-строй-
ный; изъ самыхъ выбранныхъ органъ,
съ его бюстомъ наверху, стоитъ еще
повыше въ тамошней залѣ. Тутъ
игралъ Гендель, и вѣтъ; можетъ быть,
ничего невѣроятнаго, что по временной
жизни его въ этомъ мирномъ мѣстѣ,
среди красотъ природы и въ сообще-
ствѣ друзей; обязанъ мы въ некоторомъ
мѣрѣ возвышеннѣйшихъ музыкаль-
ныхъ произведеній.

— Фламандскіе литераторы давали
въ дѣлѣ величавѣе празднество въ

Дивемундъ. Этотъ городъ, нѣтъ и-
вѣстно, назначилъ два богатые прима
за лучшее эпитетическое стихотвореніе и
за лучшую прозаическую статью. Пер-
вый призъ получила гентская дамъ,
г-жа Курмильс, а второй — адвокатъ
Рессе. Мы пока еще не знаемъ ничего
о фламандской литературѣ, которая,
кажется, процвѣтаетъ въ Бельгій, если
вѣрить извѣстіямъ изъ Дивемунда.

— Читатели знаютъ, что въ Гер-
маніи вышла историческая и философ-
ская біографія Канта, написанная Шу-
бертомъ, который, вмѣстѣ съ Розен-
кранцемъ, вновь издавалъ сочиненія
Канта. Фарнгагенъ фонъ-Энзе попол-
нилъ эту біографію дискурсомъ въ ре-
дактору «Elegante Welt», выходящаго
въ Лейпцигѣ. Между прочими любо-
пытными анекдотами о знаменитомъ фи-
лософѣ находимъ следующее. На объ-
ездѣ у Канта много было говорено о
политикѣ и почти не упоминалось о ли-
тературѣ; Кантъ даже ни разу не вы-
сказалъ своего мнѣнія о Гетѣ. О
Жанъ-Поль онъ говорилъ, что, про-
читавъ его одинъ разъ, можно по-
честь сумасшедшимъ; но, перечитавъ,
увидишь, что часто у этого человека
есть умъ. Онъ не любилъ ни Гердера,
ни его «Идей». Гердеръ представилъ
ему другое сочиненіе, которое Кантъ
не нравилось. Гердеръ письмомъ про-
силъ его указать на пункты, которые
слѣдуетъ переменить; но Кантъ от-
казался, объявивъ, что въ этой книгѣ
есть одинъ только пунктъ, для котораго
ложный.

— Неаполитанское правительство ра-
шлось продолжать отъискиваніе древ-
ностей въ Геркуланумѣ! Для этого
откупило земли, лежащія между Ре-
зины, Torre de l'Annunziata, Шопери
и Мизено. Землекопныя работы про-
водятся подъ наблюденіемъ особой
комиссіи, составленной изъ археоло-
говъ и архитекторовъ. Г-нъ Цанъ, ко-
торый занимался сразу сѣмъ отъ-
искиваніемъ лучшихъ и замѣчатель-
нѣйшихъ картинъ известнѣйшихъ худо-
жниковъ, составляетъ новую коллекцію
ихъ на счетъ правительства. Въ этомъ

рода живописи, онъ употребляетъ особый способъ литохроміа, которая позволяетъ накладывать краски въ порошокъ. Первые четыре опыта живописи выставлены на показъ публикѣ и заслужили всеобщую похвалу знатоковъ. Краски на картинахъ такъ же свѣжи и блестящи, какъ обыкновенныя масляныя, которыми недавно писано.

— Въ Департаментъ Па-де-Кале продолжается раскапываніе Этапля; каждый день работники отрываютъ какія-нибудь интересныя вещи. Въ продолженіи нынѣшняго года открыто болѣе 60 домовъ изъ этого проваливащагося города, и, кромѣ разныхъ ремесленныхъ инструментовъ найдено въ скользя обшудовъ съ римскими монетами. Огромныя кучи пепла доказываютъ, что этотъ городъ провалился отъ огня, и полагаютъ, что его подземныя развалины принадлежатъ древнему Кванторику (Quantoricus).

— Предположеніе о возстановленіи веймарскаго дома Гёте со всеми его собратіями, какъ національнаго памятника, близко, какъ уверяютъ, къ исполненію. Три сильныя германскіе государя способствуютъ предпріятію, и чтобы оно было истинно національнымъ, хотятъ предоставить выполненіе его Германскому Союзу. Наслѣдники Гёте согласны на это предпріятіе. Отдать монеты и древности перенести опять въ Веймаръ изъ Берлина, куда послали его два оцѣнки и составленія каталоговъ къ доктору Фришландеру. Общія каталоги обранныхъ, какъ скоро окончатся, будутъ опубликованы.

— Недавно умеръ въ Ашафенбургѣ братъ известной Беттены, *Климентъ Бретано* (род. 1777 году), писатель памятный въ нѣмецкой литературѣ по той ея отрасли, которая, подъ предводительствомъ Тика и Новалиса, развивалась независимо отъ Гёте, въ началѣ текущаго столѣтія. Последние Ю-лѣтъ жизни провелъ онъ въ Мюнхенѣ.

— 30 іюня происходила раздача наградъ во Французской Академіи. Вотъ какъ описываютъ это торжественное засѣданіе. Множество почитателей столпилось въ зданіи Института: въ числѣ присутствующихъ находился турецкій посолъ Решидъ-Паша. Въ 2 часа пополудни члены академіи вступили въ большую залу. Графъ Моле, директоръ на нынѣшній триместръ, занялъ президентскія кресла; по правую руку его сидѣлъ Сальвади, по лѣвую Вильмёнъ, министръ парижскаго просвѣщенія, исправлявшій при этомъ торжествѣ должность непримѣннаго секретаря академіи. Между прочими членами явился и воротившійся изъ Лондона Барантъ. Засѣданіе открылось рѣчью Вильмёна; гдѣ опънено достоинство литературныхъ произведеній, увѣнчанныхъ академіею. Задачаю по предмету красноречія было похвальное слово Паскаля. Премію получить Демуленъ. Пужуа за его «Исторію Іерусалима», назначена премія въ 4000 франковъ; премія въ 3000 фр. выдана двинцъ Лажолѣ за сочиненіе «Education pratique des femmes». Медаль въ 2500 фр. получилъ Потье за сочиненіе «Свѣщенныя книги Востока». Пюибюску, за ученое изслѣдованіе о вліяніи испанской литературы на французскую въ XII столѣтіи, положена премія въ 3000 франковъ. По части переводовъ съ иностраннаго важнѣйшихъ сочиненій, получилъ Бушаттѣ медаль въ 2000 фр. за переводъ «Спиритуалистической мопологии и прослогіа» Ансельма Кентерберійскаго; баронесса Карловицъ получила медаль за переводъ шиллеровой «Тринадцатилѣтней Войны»; такая же медаль лава Аври Мартёву за переводъ Платонова «Тимей», а Пьеррону за переводъ Эсхила. — Послѣ раздачи наградъ читаны отрывки изъ увѣнчаннаго похвальнаго слова Паскаля. Академики и многіе изъ почитателей сильно рукоплескали едкой критикѣ автора на Вальтера. Замѣчательно, что академія назначенное въ задачу на 1843 годѣ похвальное слово Вальтеру за благодарству-

дла перемѣнить просто на рѣчь о Вольтерѣ (discours sur Voltaire).—Въ заключеніе торжества графъ Молѣ скарзалъ рѣчь о нравственныхъ поступкахъ, награжденныхъ академією. Слѣдующій годъ такихъ наградъ выдаво два премія по 3000 франковъ, восемь золотыхъ и семь серебряныхъ почетныхъ медалей.

— Въ теченіе августа умеръ въ Вьеннѣ капитанъ Фрейснѣ, также кругосвѣтный путешественникъ, какъ д. Дюмон-д'Юрвилль. Въ теченіи четырехъ мѣсяцевъ, Франція потеряла двухъ своихъ знаменитыхъ плавателей. Фрейснѣ родился въ Монтельмарѣ 7 августа 1779 года, и вступилъ въ морскую службу въ январѣ 1794. Подобно д'Юрвиллю, онъ оказалъ важныя услуги наукъ.

— Въ Новомъ Южномъ Уэльсѣ открыли, говорятъ, около 50 англійскихъ миль къ северу отъ Кларенціи, новую рѣку, которую назвали «Ричмондомъ». Миль на 100 вверхъ отъ впаденія въ море. Страттонъ завелъ поселеніи; рѣка тамъ имѣетъ 11 футовъ глубины; вода въ ней весьма-свѣжа. Съ большими похвалами отзываются объ ея берегахъ, покрытыхъ густыми кедрами и соснами. Если это действительно новое открытіе, то оно важно особенно тѣмъ, что рѣка эта образуетъ новый путь сообщенія Сидея съ Моретом-Басемъ.

— Бывшій сербскій господарь, жившій вынужденъ въ Германіи, Милошъ, подарилъ Аленскому Университету на достройку его зданій 25,000 ратумъ, т. е. около 10,000 флоринновъ.

— Въ «Medical Gazette» описываютъ два весьма-замѣчательные гальваническіе опыта. У кошки отрезали голову, и когда кровь перестала течь изъ шеи, вынули спинной мозгъ изъ позволочной кости и впустили туда амальгаму изъ ртути, серебра и свинца; въ ту же минуту пульсовая жила начала биться у безголовой кошки, и она начала шевелиться. У другой кошки вынули изъ головы и изъ спиннаго хребта мозгъ; потомъ черепъ ея

и позволочную кость изводили амальгамой. Жизнь, казалась, одѣтъ вещь въ кошку: она, подымала голову, открывала, и жмурила глаза, и пыталась встать на ноги; приподнявшись, много, она потомъ валилась на бокъ. Это движеніе повторялось нѣскольکو разъ. Кажущееся оживленіе кошки продолжалось только двадцать минутъ; послѣ того она упала, и болѣе уже не трогалась съ мѣста.

— Знаменитый астрономъ Гершель замѣтилъ однажды въ собраніи натуралистовъ въ Манчестерѣ, что удары грома могутъ быть слышны на разстояніи 20 или 30 англійскихъ миль, но блескъ молніи можно видѣть на простванствѣ 200 миль.

— Въ Кестукии (въ Сѣверной Англій) есть огромнѣйшая мамонтова пещера, въ которой теплая температура воздуха никогда не перемѣняется, и во многихъ болѣзняхъ оказываетъ несомнѣнное облегченіе, что могутъ подтвердить до 200 большихъ американскихъ жителей, выдоронившихъ тамъ. До-сихъ-поръ эта странная пещера развѣдана на 14 миль въ длину. Въ 3 миляхъ отъ входа въ нее течетъ рѣка, въ которой водятся особаго рода безглазые рыбы, совершенно-бѣлыя и называемыя кошмами. Петели и стѣны пещеры покрыты дивными натуральными узорами разныхъ каменныхъ породъ и прѣсталавшихся, такъ что освѣщенные бенгалскими огнемъ, они представляютъ чудное, обворожительное зрѣлище, подобнае которому нѣтъ въ галамѣ света. Дѣи испанская пещера, во многихъ признакахъ, кажется, была нѣкогда обитаема, и притомъ такими людьми, которыхъ порода совершенно-исчезла съ лица земли.

— Вотъ обзорніе германскихъ университетовъ за первую половину 1842 года.—Въ Берлинѣ 146 профессоровъ и доцентовъ; въ Лейпцигѣ 97; въ Геттингенѣ 91; въ Бреславлѣ 79; въ Боннѣ 72; въ Галлѣ и Мюнхенѣ по 66; въ Гейдельбергѣ и Тибингенѣ по 62; въ Лейп 60; въ Кениге-

берга 53; въ Марбургѣ 50; въ Гиссене 47; въ Берлиѣ 46; въ Цюрихѣ 45; въ Эрлангенѣ и Килѣ по 44; въ Фрейбургѣ и Виртбургѣ по 39; въ Базелѣ и Грейсвальдѣ по 34. А вотъ *цѣлы студентскія относително къ цѣлу преподавателей*: Берлинъ: 1757 студ.; 1 преп. на 12 студ.; — Мюнхень: 1325 студ.; 1 преп. на 20 студ.; — Лейпцигъ: 884 студ.; 1 преп. на 9 студ.; — Тюбингенъ: 781 студ.; 1 преп. на 12 студ.; — Геттингенъ: 728 студ.; 1 преп. на 8 студ.; — Галле: 705, 1 преп. на 10 студ.; — Бреславль: 639 студ.; 1 преп. на 9 студ.; — Гейдельбергъ: 572 студ.; 1 преп. на 9 студ.; — Боннъ: 558 студ. 1 преп. на 8 студ.; — Виртбургъ: 485 студ.; 1 преп. на 12 студ.; — Гиссенъ: 446 студ.; 1 преп. на 9 студ.; — Йена: 414 студ.; 1 преп. на 7 студ.; — Кёнигсбергъ: 369 студ.; 1 преп. на 7 студ.; — Эрлангенъ: 303 студ.; 1 преп. на 7 студ.; — Марбургъ: 294 студ.; 1 преп. на 6 студ.; — Фрейбургъ: 273 студ.; 1 преп. на 7 студ.; — Цюрихъ: 98 студ.; 1 преп. на 2 студ.

— Читатели помнятъ, можетъ-быть, разрушительную машину англійскаго капитана Варнера, о которой мы говорили въ прошломъ году. Эта страшная, громовая все-разрушающая машина такъ же можетъ истребить многочисленное войско, какъ мильтоново знаменитое Сербанское Болото, между Даміеттою и горою Казіусъ, гдѣ утонула цѣлая армія. Хотя Варнерова машина не волею можетъ подобие болоту арміи, не сметаетъ иль съ лица земли, не оставая даже и доскутывъ на помѣбны. За несколько лѣтъ предъ симъ, говоритъ, былъ какой-то ужасный драконъ Вастлеа, который глоталъ огромныя дома, церкви и башни, такъ же легко, какъ мы глотаемъ устрицы. Но этотъ драконъ просто дракъ, въ сравненіи съ Варнеровымъ изобрѣтеніемъ, которое, если вѣрить газетамъ, стравитъ въ порошокъ цѣлыя арміи, разрушаетъ самыя неприступ-

ныя крепости, разбиваетъ цѣлыя цѣныя цѣныя слоты. Читатель, можетъ-быть, подумаетъ, что это истинная, но въ подтвержденіе сказаннаго приведемъ письмо самого капитана Варнера къ издателю газеты the Times; «М. Г. Позвольте въ вашей газетѣ отразить мнѣ на публичную выхолку, одманную на мой счетъ въ полномъ собраніи парламента. Капитанъ Пехель сказалъ публично, будто я хвастался, что могу посредствомъ своей разрушительной машины взорвать въ воздухъ всю саду гibraltarскую. Указавъ честію, что такого сумасброднаго плава азъ моею голоу никогда не приходило. Впрочемъ я долженъ съзнаться, что однажды говорилъ азъ кругу пріятелей следующее: азъ бы немного понадобилось времени, для разрушенія Гибралтара такимъ образомъ, что въ этой крепости не осталось бы ни одной живой души. Одинъ старый мой пріятель, храбрый воинъ трефальгарскій, знающій мое изобрѣтеніе, замѣтилъ такъ: я уверяю, что отъ машины г. Варнера не увидѣли бы въ Гибралтартъ не только люди, но даже и мыши.» — Ну, ужъ дальнѣе этого нельзя идти, — ultra non datur!

— Г. Гранжъ, инженеръ въ Лионѣ, изобрѣлъ для защиты пѣхоты отъ непріятельской кавалеріи особаго рода чугунныя шары со скважинами, въ которые втыкаются желѣзныя копьеобразныя спицы, что составляетъ родъ щита въ 7 фут. длиною и вышиною для обороны отъ натиска кавалеріи. Пѣхота можетъ очень легко носить съ собою означенные шары, которые не только оказываютъ большую пользу въ защитѣ лагера отъ внезапнаго нападенія непріятеля, но и въ открытомъ полѣ передъ фронтомъ пѣхоты могутъ въ минуту образовать родъ цѣпсады, черезъ который рашительно не можетъ перескочить кавалерія. Между тѣмъ, какъ первая шероуга пѣхоты ставитъ эти шары или рогаки, вторая и третья могутъ стрѣлать въ атакующаго врага.

Въ Лондонѣ много говорятъ о новомъ изобрѣтеніи какого-то Уильяма Годжа (Hodge), которое, вѣроятно, произведетъ совершенный переворотъ въ нынѣшней системѣ кораблестроенія. Г. Годжъ дѣлаетъ мѣстную клѣяку вещества, составляемаго изъ каучука, толченыхъ устричныхъ раковинъ и другихъ сладобѣствъ, которая — секретъ изобретателя. Этотъ новый родъ клея плавитъ чрезвычайную вязкость, такъ что спрессованное имъ желѣзо никогда не переломится въ склеивомъ мѣствѣ. Между прочими опытами, сдѣланными въ англійскомъ адмиралтействѣ надъ изобрѣтеніемъ, склеено было по методу Годжа треснувшее ядро, и выпущенное послѣ изъ пуши, ядро осталось цѣлымъ, не разлетѣлось на части. Англійское правительство, удовольствовавшись на дѣль въ великой пользѣ этого изобрѣтенія, купило секретъ у г. Годжа.

Самую лучшую пожарную трубу почитаютъ Англичане паровую заливательную трубу Гриссова, которая изобрѣтена въ Англии и поддѣлана въ Америкѣ. Эта машина дѣйствуетъ на пожаръ въ шесть разъ сильнѣе и лучше всѣхъ известныхъ въ Европѣ пожарныхъ трубъ. Вода въ ней не замерзаетъ. У машины, во время ея дѣйствія, прислуживаетъ механикъ кочегаръ, фурлейтъ и двѣ сильныя лошади.

Въ Саксоніи отлично приготовляютъ картофельный сыръ, который вкусомъ своимъ не уступаетъ лучшимъ голландскимъ сырамъ. Сперва варятъ въ водѣ картофель, потомъ очищаютъ его отъ шелухи и толкутъ въ иготи въ мягкую массу. На 3 фунта картофеля берутъ 1 фунтъ кислаго молока и по пропорціи соли. Приготовленное изъ этой смѣси тѣсто должно сохнутъ 3 дни, потомъ его опять месать, кладутъ въ плетеный изъ ивы корзинъ и ставятъ на сушило въ проложеніи 14 дней. Чемъ старѣе будетъ картофельный сыръ, тѣмъ онъ вкуснѣе и лучше. Черви никогда въ немъ не заводятся.

Контрбанды свѣтло распространялась нынче на французско-бельгійской границѣ при помощи большаго собака, которыхъ у контрабандистовъ считается до 80,000. Таможенни стража всегда жарко преслѣдуетъ этихъ четвероногихъ смуттлеровъ, но истребить ихъ совершенно никакъ не можетъ. Эти собаки живутъ во Франціи, гдѣ ихъ хорошо кормятъ и ласково съ ними обходятся. Иногда посылаютъ этихъ собакъ въ Бельгію, гдѣ ихъ не только морятъ голодомъ, но и секутъ безъ милосердія люди, одѣтые въ мундиръ французской таможенной стражи. Такимъ образомъ собаки терпѣть не могутъ таможенныхъ солдатъ и тщательно избѣгаютъ встрѣчи съ ними на пути, дѣлая большіе обходы. Въ Бельгіи нынѣшніе ваютъ каждой собакѣ отъ 10 до 12 фунтовъ клѣки, и выпускаютъ на волю; она съ радостію бѣжитъ на французскую границу, ибо знаетъ, что тамъ приласкаютъ и хорошо кормятъ.

По послѣднимъ оффиціальнымъ измѣреніямъ, вся Ирландія заключаетъ въ себѣ 22½ милліона акровъ земли, изъ которыхъ четвертая часть приходится подъ водою, и можетъ предначинена быть въ пахатную землю, если на обработку каждого акра употребить 40 талеровъ. По приведеніи въ дѣйствіе этого предположенія, въ Ирландіи не будетъ такого множества нищихъ, какъ нынче.

Бельмонъ — самый великій горный въ Европѣ, который вытѣршиность серпичествомъ отъ Монаста д. Пестголемъ въ Австріи; парманитъ и селъ. Въ прошедшемъ году вытѣрили тамъ 4,948 золотыхъ и 44,912 серебряныхъ чашекъ.

Въ Нью-Йоркѣ строятся пароходы въ исполнительномъ размѣрѣ, онъ будетъ ходить въ мѣсяцъ 10 мѣ, и въ каютахъ его найдутъ помѣщеніе до тысячи пассажировъ; длина ея 325 футовъ. Она строится по особой новой системѣ; вмѣсто вождя, будетъ

приспособленъ, къ чему... Другой ме-
ханизмъ.

— Французское правительство дало
одному механику привилегію на ново-
изобретенный имъ способъ ковать
лошадей. Ноги лошади, подготовлен-
ныя къ ходьбѣ по новой методѣ
однажды навсегда, уже не мнѣютъ
нужды въ кузницѣ, и каждый кузнецъ
и коноводъ можетъ налагать и отни-
мать подковы у лошади, безъ обыкно-
венной боли.

— Знаменитый французскій хи-
микъ Дюма представилъ Француз-
ской Академіи записку о новозобре-
тенномъ способѣ мощенія улицъ, въ-
сколко похожемъ на методу известна-
го Мак-Адама; но мощеніе Мак-
Адама имѣетъ то неудобство, что на
шоссе его летомъ задыхаешься отъ
пыли, а осенью же пройдеши сухо отъ
грязи. Для отвращенія всего этого
выдумалъ катокъ особаго устройства,
который такъ сильно укатываетъ и
разбиваетъ камни, что вся мостовая
составляется твердую скатую массу,
подобно дорогѣ, выстлеченной въ скаль.
Изобрѣтеніе это приписываютъ како-
му-то Шаттерману, который вымо-
стилъ по своей методѣ городъ Бук-
вейлеръ, и мостовая его отличается
особенною крѣпостью и гладкостію.

— Въ Лондонѣ, нѣкто Ахардсонъ
выдумалъ также новаго рода мосто-
вую изъ каучука съ примѣсью дру-
гихъ материаловъ, для мощенія по-
ловъ въ крыленихъ, кухняхъ, погре-
бахъ, и проч. Такой полъ не пропу-
скаетъ сырости, не падаетъ, какъ
асфальтъ, и особенно спокоенъ для
ногъ лошадей, подобно мягкой травѣ
на лугу. Богатые охотники до лоша-
дей тотчасъ узнали выгоды этого из-
обрѣтенія, и начали вымостить каучу-
комъ свои конюшни, что обходится не
дороже асфальта. Сверхъ-того, каучу-
ковый полъ не могутъ прогрызати
мыши, отъ безопасенія отъ огня и
имѣетъ, въ некоторыя другія, достоин-
ства.

— Въ знаменитой машинной фа-
брикѣ Ферберна, въ Бельгій, повѣ-

ривъ на, потрохъ огромной дѣлани,
искусственный магнитъ въ 2,000 фун-
товъ вѣсомъ. Если работнику, вонза-
детъ въ глазъ желѣзный осколокъ, то
онъ, въ ту же минуту, приближается
къ магниту, и прямо, смотритъ, на де-
ло. Магнитъ притягиваетъ къ себѣ вся-
желѣзное, не только изъ глаза, но даже
же если осколокъ вонзится въ тѣло
или кости работника. Какъ часто, на
подобныхъ заводахъ, работники лица-
ются вовсе здравія отъ желѣзныхъ оско-
лковъ и осколковъ. У Ферберна, этого
не бываетъ.

— Римскую публичку оцѣни, занима-
етъ теперь процессъ, который, про-
должался слишкомъ шесть лѣтъ, и по-
предмету своему принадлежитъ къ до-
вольно-рѣдкимъ случаямъ. Князь Сир-
миумъ приказалъ однажды продать нѣ-
своего папаца. Одескальки, въсколко
старыхъ весьма-поэредственнаго до-
стоинства картинъ. Продавецъ астам-
повъ Валатти купилъ при этомъ сли-
чай одну картину за 15 скуди, и, взгля-
сморгнувъ ее внимательно, узналъ, что
это была сильно-подряденная копія
корреджіевой «Магдалины». Ориги-
наль которой за 100 лѣтъ предъ симъ
купленъ, былъ для Дрезденской Гал-
лерей за 13,000 цехиновъ. Между-
тѣмъ, искусный върстановитель вычи-
стилъ эту замаранную копію, и уви-
дѣлъ на ней ясныя слѣды гениальной
кисти самаго Корреджіа. Валатти со-
гласился уступить, это превосходное
произведеніе одному лорду, за 7,000
лундорровъ; но князь Сирмиумъ, узнавъ
объ этомъ, наложилъ задрешеніе на
картину. Наряденная по этому слу-
чаю комиссія знатоковъ въ живописи
объявила, что эта картина имѣетъ де-
оцѣненныя достоинства, что она не
копія, но просто повтореніе Дрезден-
ской Магдалины съ малыми измѣренія-
ми, и работы самого Корреджіа. Въ
слѣдствіе этого, рѣшено было возвра-
тити картину прежнему ея владѣльцу;
но Валатти подалъ аппелляцію, про-
тивъ такого приговора въ гданскій

римский репликационный суль (Rota), который рисовал так: «Драгоценная картина, отысканная под загрязненной нарушителью; есть собственность покупателя; так было, что отысканная требовало тонкого знания техники. Но была картина видеть на себе особые знания; известные только знатокам; по которым они с первого взгляда узнают скрытое сокровище; — в таком случае приобретателю картины слвдует вознаграждение за труды». Валутти показав под присягою, что картина точно заключает в себе особый знак, известный только знатокам живописи, и потому она возвращена князю Саргину, который обязался дать Валутти вознаграждение в 2,000 лундеровъ.

— Королева Викторія приказала Клядету, вышнему лагерротипу в Аделаидной Галлерей, снять портреты со всех своих любимых верховных лошадей. Художник посредством лагерротипа снял весьма удачно эти портреты, и с этого времени вошли в Лондонъ в большую моду у британской аристократии снимать лагерротипные портреты с любимых собак, лошадей, кошек и проч.

— Английская королева большая охотница до морских прогулокъ. Бывъ еще принцессою, она несколько разъ вышла по морю на прекрасной яхтѣ «Смарагдъ». Однажды, объезжая на яхтѣ островъ Уайтъ, она застигнута была страшною бурей. Яхту начало бросать такъ мучить по волнамъ; но не смотря на это, Викторія смѣло стояла на палубѣ, любясь прелестными видами острова. Лопманъ Саундерсъ употребилъ все усиліе, чтобъ вывести яхту изъ опаснаго положенія. Другой огромный валъ окатилъ всю палубу; и Саундерсъ, видя опасность, схватилъ принцессу и увелъ ее въ каюту. Въ эту минуту съ трескомъ ринулась въ море большая мачта, подлѣ которой стояла Викторія. Изъ благодарности за спасеніе жизни, она провела Саундерса командиромъ

орой означенной яхты и во вступленіи своемъ на престолъ велела себѣ его представить. Она была вѣсна того командиромъ королевской яхты «Пижаръ», которую въ честь короля прусскаго переименовали въ «Чернатоу Орла». Саундерсъ недавно умеръ, и королева пожаловала его жене богатую пенсію.

— Изъ подарковъ, которые назначило женевское правительство понести прусскому королю, заслуживаютъ особеннаго вниманія следующие часы, усыпанные брилліантами и славянские въ видѣ булавки для галстука. Эти миньютюрные часы величайшою своею равняются мелкой монетѣ снѣтиму.

— Въ Кельнѣ механикъ Деберскъ показываетъ публикѣ своей кабинетъ рѣдкости подлѣ названіемъ: «Mitteln in minimo», въ которомъ находится слвдующія вещи: 1) Въ половинной скорлупѣ грецкаго орѣха помѣщена дамскія пессесеръ, а на лѣвѣ его портретъ короля бельгійскаго. Пессесеръ состоитъ изъ 30 вещей, между которыми особенно замѣчательны монеты и двойной перочинный ножичекъ. 2) Въ грецкомъ орѣхѣ заключена клетка, а въ ней канарейка, которая машетъ крыльями, раскрываетъ носикъ и подражаетъ живому натуральной канарейкѣ. 3) Въ миньютюрной скорлупѣ помѣщена голландская шелковая шельница, которая плететъ мелчайшіе кусочки дерева. 4) Въ половинѣ личной скорлупы устроена великолѣпная комната, устроенная сидитъ дама, играющая на немъ; моринный каминъ, съ часами; на которыхъ представленъ Наполеонъ Верхомъ. 5) Въ обыкновенной ушкѣ одышка кошки; женскія ступни у буфета и подаетъ гости рюмку на мѣра; другіе два гости играютъ на биллардѣ. Сверхъ того, стѣны комнаты украшены зеркалами, вѣнками, на потолокъ виситъ люстра, а въ углу стоятъ рюмки, стаканы, графинъ и пр. 6) Въ маленькой раковинѣ сидитъ за столомъ гасстрионъ и есть

устройства и, страбургской паштеть, записывая кушанье бутылкою портера.

7) Въ апельсиновой коркѣ плаваетъ пароходъ, который въ этомъ миниатюрномъ бассейнѣ производитъ все движеніе настоящаго парохода. 8) Заключенный въ куриномъ яйцѣ автоматъ, который рисуетъ разные предметы, и письменно отвѣчаетъ на вопросы, задаваемые ему зрителями. Все означенныя вещи сдѣланы съ удивительнымъ искусствомъ и терпѣніемъ изъ золота, серебра, стали и мѣди, и, не смотря на ихъ микроскопическую мелкость, ихъ можно разглядывать простыми невооруженными глазами.

— Жители Магдебурга недавно наслаждались рѣдкимъ зрѣлищемъ, которое представляло нѣсколько десятковъ молодыхъ людей, отличающихся въ плаваніи. Ночью нѣсколько человекъ вдругъ пустилось плавать въ рѣкѣ съ иллюминаціею, т. е. каждый пловецъ держалъ въ лѣвой рукѣ фонарь, что было очень затруднительно, ибо одна правая рука управляла въ водѣ всеми движеніями. За пловцами слѣдовали двѣ лодки—одна, наполненная музыкантами, а другая съ фейерверкомъ. Поднялась ракета и извѣстила всехъ любопытныхъ зрителей, собравшихся на берегу, что пловцы счастливо приплыли къ цѣли; первые подоспѣвшіе къ ней получили значительныя призы.

— Англійскія государственныя грамоты пишутся на пергаментныхъ свиткахъ, о величинѣ которыхъ можно составить понятіе изъ того, что одинъ статутъ, такъ называемый «Land Tax Commissioner's Act», первыхъ годовъ правленія Георга Четвертаго, имѣетъ въ длину 900 футовъ, следовательно вдвое почти больше чѣмъ внутренность церкви Св. Павла. Недавно въ немъ что-то нужно было посмотреть, и крепкій, здоровый человекъ битые три часа развертывалъ этотъ свитокъ.

— Въ Каирѣ каждое утро взятъ по улицамъ полицейскій чиновникъ, называемый «хлѣбный врачъ», въ сопровожденіи нѣсколькихъ кавассовъ,

профосса съ связкою палокъ, и нѣсколькихъ десятковъ нищихъ. Если онъ найдетъ у какого-нибудь хлѣбника маловѣсныхъ булокъ, то въ ту же минуту приказываетъ профоссу отколотить хлѣбника по пятамъ палками; потомъ продергиваетъ ему сквозь носъ крючокъ съ бичовкою, на которой привѣшавъ хлѣбъ. После этой операціи лицо хлѣбника обмазывается грязью, а весь запасъ его хлѣба раздается нищимъ.

— Въ «Edimburg Courant» сказано, что на островѣ Ман (May) рыбакъ поймалъ свѣжую акулу, длиною въ 5 футовъ, и въ пасти ея насчитали шесть рядовъ острыхъ зубовъ. Въ желудкѣ этой прожорливой рыбы нашли большую металлическую трубку, которая вѣроятно была печальнымъ остаткомъ отъ какого-нибудь давно потонушаго корабля. Въ этой трубкѣ заключалось: 34 монеты разныхъ земель и временъ, бразильскія, испанскія, китайскія; старая карта Шотландіи, доскутъ газеты: «Edimburg Evening Courant» отъ 9 сентября 1811 года, въ которомъ завернута двѣ монеты, также листъ газеты «The Courier» отъ 10 мая 1811, въ которомъ завернута печать.

— Въ торжественный день рожденія великаго могола приносили обилиемъ нововенно въ дворецъ его большіе вѣсы; на одну доску ихъ садился самъ моголь, а на другую накладывались разные драгоценности, принесенныя ему въ даръ передворцами и поданными. Чѣмъ полюбовнѣе дѣлался монархъ въ теченіе года, тѣмъ болѣе изъявляли радости его вѣроподанные; и слѣдовательно, тѣмъ богаче и многочисленнѣе были подарки. Во дворцѣ могола находилась между прочимъ «эфорова башенка, увѣшенная серебряными колоколами, и каждый Индѣецъ котораго процессъ не рѣшалъ суда въ теченіе года, имѣлъ право звонить на ней и потомъ докладывать лично о своемъ дѣлѣ моголу.

— Король Лукнова, д'Уде, недавно скончался; онъ былъ извѣстенъ въ

Европѣ сочиненіемъ большаго персидскаго лексикона, издаваго въ свѣтъ подъ названіемъ: «Семь желтыхъ Морей». Англійскій резидентъ въ Лукновѣ провозгласилъ сына д'Уде Сурияга, наследникомъ престола, и народъ согласился на это избраніе.

— Ходьба, говоритъ Джефферсонъ, самое полезное движеніе для человека. Надобно привыкать ходить пѣшкомъ какъ можно дальше. Люди вообще хвастаются, что они покорили лошади совершенно своей воли, но я полагаю, что человекъ болѣе отъ того потерялъ, чѣмъ выигралъ. Ничто болѣе не разслабило и не извѣжило человеческой природы, какъ взда на лошадахъ, особенно въ экипажахъ. Дикій Индеецъ можетъ столько же верстъ пройти въ день пѣшкомъ, сколько Европейецъ проѣхать на лошади; но индійскій пѣшеходъ не такъ легко устанетъ, какъ лучшая верховая лошадь.

— Коренные жители Суматры, живущіе въ горахъ и называющіеся Баттасами, слывуть за ужасныхъ людоедовъ. Въ разныя празднества Баттасы ѣдятъ мясо своихъ пѣшниковъ и преступниковъ. Голову несчастной жертвы покрываютъ они кускомъ холстины и ставятъ на нее блюдо съ солью и лимонами; потомъ пѣшника придираваютъ къ столбу, около котораго тѣнятся вооруженные каннибалы. Умертвля пѣшника самымъ жестокимъ образомъ, взявъ въ него дротикъ, они разрѣзываютъ тѣло его на мелкія части, потомъ немного поджариваютъ, и ѣдятъ съ приправою соли и лимоннаго сока.

— Китайскій императоръ послалъ недавно войскамъ своимъ прокламацію, изъ которой приводимъ здѣсь отрывокъ: «Въ прошедшемъ году храбрая моя армія мужественно билась шесть сутокъ сряду съ Англичанами въ Тинг-ган и переколотила несметное число этихъ безбородыхъ бандитовъ. Что же касается до прочаго войска изъ другихъ провинцій, то начальники ихъ обязаны доседа въ

нихъ мужество и смѣлость, и душевлять ихъ въ часъ битвы. Но къ чему бѣгать съ поля, когда еще не начиналось сраженіе? Рыжіе варвары вовсе неопасны; ихъ толпы немногочисленны, да и сами они слабосильны; кажется, не мудрено ихъ стереть съ лица земли. Награждать храбрыхъ и наказывать трусовъ въ войскахъ должно до строгой справедливости. Для этой дѣли посылаю я въ армію слѣдующіе знаки отличія: 50 давленныхъ перьевъ 1-го разряда, 50 свиныхъ павлиньихъ перьевъ 2-го разряда, 80 перстней, 80 ножицковъ, 75 табачныхъ бисетовъ и кремней, 60 пуговицъ 6-го ранга и 80 пуговицъ 7-го ранга.

— Англійскій морской офицеръ Френсисъ Аботъ, состоящій на половинномъ жалованьи, наскучивъ скитаться по морямъ, нашелъ наконецъ себѣ убежище на радужномъ островѣ подлѣ Ниагарскаго Водопада. Тутъ онъ построилъ хижину и жилъ совершенно отшельникомъ, отказавшись отъ всехъ тревожнейшхъ свѣта. У него былъ только одинъ вѣрный другъ — собака, да, вмѣсто мебели, флейта и гитара. Онъ каждый день часа два игралъ на флейтѣ, потомъ пѣлъ, съ аккомпаниманомъ гитары. Часто писалъ, но въ то же время уничтожалъ все писанное. Короче, онъ казался вѣрнѣ туркстамъ и живущимъ вблизи его софдамъ настоящимъ загадкою. Пустынный куладся регулярно каждый день у подошвы бурнаго водопада, и переставалъ купаться только осенью, когда начинали на рѣкѣ образовываться льдины. Онъ такъ сваялся съ бурною Ниагарою, что бросался прямо съ высокой скалы въ ея пѣнистую, разъяренную пасть, смѣло нырялъ въ разпущенныхъ волнахъ бурной рѣки и, побѣждая величайшія трудности, какъ самый смѣлый водолазъ. Два года жилъ онъ такимъ образомъ; наконецъ въ одинъ день онъ разъ шесть бросался со скалы въ страшную пучину, нырнулъ въ седьмой разъ, но, вѣроятно, усталый, уже не могъ выбраться изъ бездны и какъ говоритъ Шиллеръ:

Die Wogen, sie rauschen auf und nieder,
Den kecken Taucher bringt keine wieder.

— Бывшій англійскій генерал-губернаторъ въ Остивадѣ, лордъ Ау-клендъ, недавно воротился въ Лондонъ послѣ семилѣтняго управленія тѣмъ краемъ. Это подало одному лондонскому журналу поводъ пофилософствовать о положеніи лицъ, возвращающихся съ самовластнаго господства надъ милліонами въ скромную роль, какою играютъ они въ отечествѣ. «Британская сила характера, говоритъ онъ, и сила аристократическихъ поставленій Англій нигдѣ такъ ярко не обнаруживаются, какъ въ жизни нашихъ индійскихъ проконсуловъ. Неограниченная власть верховнаго вѣмствничества, восточно-царская роскошь, всѣ вѣнныя атрибуты могущества, какіе имѣли многіе цари, даются гдѣ на пять или на семь англійскому джентльмену. Онъ не употребляетъ ихъ для личныхъ цѣлей: они для него только довѣренное имущество; онъ слагаетъ свою высокую должность безъ сожалѣнія, и тотъ же самый человекъ, который недавно взлѣлъ на священныхъ словахъ и былъ живымъ закономъ для столь огромной части Азіи, пристаеетъ въ Портсмутъ, влѣтъ по суотгэмptonской желѣзной дорогѣ въ Лондонъ, и опять становится тѣмъ же, чѣмъ былъ прежде — частнымъ человекомъ въ своей скромной квартирѣ въ Кенсингтонѣ. Лордъ Ау-клендъ славидъ много хорошаго касательно истребленія предразсудковъ, поощренія школъ, земледѣлія и проч., но казна, которую вѣнчель онъ волною, оставлена имъ пустою, и государственныи кредитъ значительно упалъ.»

— Французскій адвокатъ — настоящая грозящая машина; онъ даже и во снѣ нерѣдко говоритъ длинныя рѣчи въ защиту своего кліента; онъ можетъ говорить сряду шесть часовъ безъ устаны и ни разу не плюнуть. При одномъ важномъ процессѣ во Франціи, адвокаты показали нес plus

ultra своего искусства говорить безпрестанно. Когда французское правительство, въ 1815, сдѣлало процессъ генералу Траро, защитники его дѣла говорили рѣчи въ ревскомъ ревизионномъ судѣ сряду пять дней и пять ночей. Во Франціи рѣшеніе и приговоръ военнаго суда не должно, по закону, откладывать ни на минуту. Траро былъ приговоренъ къ смертной казни, и дѣло состояло въ томъ, чтобъ выиграть время для жены генерала, которая должна была скакать на почтовыхъ изъ Ренна въ Парижъ, для испрошенія у короля помилованія мужу. Адвокаты смѣняли другъ друга чрезъ каждые три часа; наконецъ началъ рѣчь Бернгардъ Ренъ, главный защитникъ подсудимаго, и такъ какъ изсякъ источникъ его краснорѣчія, то онъ и вздумалъ читать передъ судьями мемуары Лалли Толендала. «Боже мой, да что вы хотите съ нами дѣлать? воскликнулъ президентъ суда: — Подождите не много, все узнаете, когда я кончу чтеніе. — Но длиннымъ мемуарамъ конца не было. Адвокатъ до того надоелъ судьямъ что они убѣдились, но начали просить, отдохнуть съ ѣмны вѣнств часокъ другой. — Что и пришло ораторакъ желаемой цѣли: онъ не равне позволилъ вступить въ совѣщаніе судьямъ о приговорѣ подсудимому, пока не узнали достоверно, что генералъ Траро получилъ прошеніе отъ короля.

— Одинъ изъ французскихъ адвокатовъ приказалъ своему молодому кліенту въ судѣ каждый разъ плакать, когда онъ ударитъ кулакомъ по каедрѣ. По несчастію; адвокатъ такъ заговорился, защищая подсудимаго, что сдѣлалъ ударъ не впопадъ; но въ эту минуту подсудимый горько залился слезами. — «Что съ тобою сдѣлалось?» спросилъ его президентъ суда. Ничего, каждый разъ, когда мой адвокатъ ударитъ кулакомъ по каедрѣ, приказано мнѣ плакать», отвѣчалъ простодушный бѣднякъ. Лонкій адвокатъ воспользовался этимъ случаемъ къ защитѣ подсудимаго. — «Теперь извольте сами разсудить, г. присяжные» ска-

залъ онъ: «спрашиваю васъ: можетъ ли войти идея обдуманнаго, хитраго преступленія въ голову таково невнимнаго и простодушнаго человека? Я ожилаю отъ васъ ршенія его участи».

— Въ Парижъ, по одному тажебному дѣлу явился въ судъ въ качествѣ свидѣтеля директоръ одной компаніи на акціяхъ, которая ссужаетъ Парижанъ столовымъ бѣльемъ за звѣстную плату. Директоръ между прочимъ объявилъ, что компанія раздаетъ каждый день до 10,000 салеттокъ и скатертей, и что ежедневно среднимъ числомъ крадутъ у нея до 400 салеттокъ, въ разныхъ домахъ.

— Молодой паренъ замѣченъ былъ парижскою полиціею нѣсколько разъ въ бродяжествѣхъ и прошеніи милостыни; его арестовали и привели въ судъ исправительной полиціи. — «Да что же мнѣ дѣлать? я не могу красть: это противъ моей натуры» отвѣчалъ подсудимый: «я всю жизнь былъ лѣвтяемъ; мой отецъ служилъ солдатомъ въ арміи, и не выучилъ меня ни чему, кромѣ того только, чтобы отдыхать подъ свѣию его собственныхъ лавровъ». — Судья. Да отецъ твой совершенно отъ тебя отказался и не хочетъ знать, что ты сынъ его. — Подсудимый. Знаю. Я на его мѣстѣ сдѣлалъ бы то же самое, хоть онъ и единственная причина моего несчастія. По смерти моей бабушки, онъ наследовалъ все оставшееся отъ нея имѣніе, и я безъ всякаго сомнѣнія сдѣлался бы богатымъ человекомъ, еслибъ родился прежде моего отца. — Судья. Будешь ли ты работать, если мы дадимъ тебѣ свободу? — Подсудимый. Скажу откровенно, нѣтъ. У всякаго человека свой комбѣкъ: у меня — непреодолимое отвращеніе ко всякому занятію. Возвращусь опять на лоно моей жены. — Судья. Да она не приметъ тебя, потому что живетъ сама на попеченіи своихъ родителей. Ты бросилъ ее и унесъ съ собою все ея пожитки. — Подсудимый. Я глава семейства; мнѣ закотилось путешествовать, а жена должна вездѣ слѣдовать

за своимъ мужемъ. Я же обобралъ бы ее; но она однажды утромъ убѣжала неизвестно куда съ драгуномъ и унесла единственный мой спиртъ въ шару сапоговъ. — Судъ рѣшилъ послать въ тюрьму на два мѣсяца этого деесправнаго лѣвтя.

— Вотъ еще одна изъ недавнихъ сценъ въ совѣтѣ военной дисциплины парижской національной гвардіи. — Президентъ, обращаясь къ подсудимому: «Господи! Равиньянъ, говорить, что въ шумѣди, находясь въ караулѣ 4 августа, и не давая покоя цѣлую ночь своимъ товарищамъ». — Равиньянъ. Что же мнѣ было дѣлать? Я не виноватъ, что эти люди не понимаютъ ни бельмеса въ музыку; у нихъ вовсе нѣтъ музыкальнаго уха; музыка мой комбѣкъ, моя атмосфера, я живу и питаюсь гармоніею, какъ мотылька мухами. — Президентъ. Да вы всю ночь пѣли безъ умолка! — Равиньянъ. У всякаго своя забава. Мои товарищи играли на караулѣ въ домино, и я имъ не мешалъ; другіе пили волю, — ну, на здоровье; я также не препятствовалъ имъ: какое же право они имѣли бы запретить мнѣ пѣть? У меня есть голосъ, и я имъ пользуюсь (*завпѣваетъ*) «Le bon Dieu m'a dit, chante, chante, revugete petit».. и — я пою, какъ умѣю. — Президентъ. Да пойте у себя дома, а не на гаубтвайтѣ. — Равиньянъ. Когда демонъ пѣніи начнетъ меня мучить, то я снѣмъ со своей, пою, что есть мочи, гдѣ ни пошло. — Капитанъ (*докладчикъ*). Осмѣлюсь доложить совѣту, что у Равиньяна было настрѣненіе мистифицировать весь караулъ. — Равиньянъ. Мистифицировать!.. Что вы разумете подъ этимъ словомъ? я даромъ выводилъ ругаламъ горло и пригласилъ ихъ на свой вокальный концертъ безъ платы, хотя бы въ другомъ мѣстѣ онъ произвелъ и большой сборъ. — Докладчикъ. Признайтесь, вы пѣли всю ночь одну и ту же пѣсню, да какую еще пѣсню, — раздражающую уши, что въ просторѣчій называется *пидлюю!* — Равиньянъ. Пидлюю! этого я не дол-

маю. Правда, я читаю одинъ только романсъ, но это объяснить не трудно, я только его и маю (*Смѣлъ въ даль.*) — Докладчикъ. Вы увидите, что это за романсъ. Одинъ товарищъ Равиньяна далъ мнѣ съ него копію. Вотъ куплетъ:

Quand les poules vont aux champs
La première va devant
La seconde suit la première,
La troisième est la dernière.
Quand les poules vont aux champs
La première va devant
La seconde...

И такъ далѣе, все одно и то же. (*Хочетъ въ даль.*) — Равиньянъ. Такъ, такъ; только надо его спѣть: я увѣренъ, куплетъ всѣмъ понравится (*посѣть*) «Quand les poules vont aux champs»... — Президентъ (*строга*). Замолчите, милостивый государь! — Советъ присудилъ Равиньяна на 11 часовъ въ заключеніе въ карцеръ. — Равиньянъ. Вотъ тебѣ разъ, да это хоть кого взбѣситъ! Заключить въ карцеръ за одинъ только романсъ. Нечего дѣлать, надобно будетъ увеличить мой репертуаръ (*смѣхъ*). При первомъ удобномъ случаѣ я спю: la Grâce de Dieu. (*Уходитъ распѣвая*) «Chin chous, chin chous»...

— Недавно въ шведскій судъ (въ Термеландъ) поступило рѣшкое казусное дѣло. Воръ повѣшенъ былъ на висѣлицѣ, по приговору уголовного суда. Мельникъ изъ окрестностей Филлипштата, проѣзжая мимо висѣлицы, замѣтилъ, что въ повѣшенномъ были еще признаки жизни. Добрый человекъ сжалился надъ бѣднымъ преступникомъ, отрезалъ петлю висѣлицы и возвративъ жизнь несчастному, привезъ его на телегѣ къ себѣ домой. Оживленный воръ, однакожь, не отсталъ отъ прежнихъ привычекъ, и при первомъ удобномъ случаѣ обокралъ своего благодѣтеля. Мельникъ, возмущенный такою неблагодарностью, рѣшился наказать вора прямо, и съ помощію своего работника вздернулъ его опять на ту же самую висѣлицу, оставивъ

трупъ на суденіе птичьимъ птицамъ. Термеландскій судъ, узнавъ объ этомъ проишествіи, взялъ мельника подъ охрану, но не рѣшаясь дать окончательный ходъ столь необыкновенному дѣлу, передалъ его въ высшій трибуналъ въ Стокгольмѣ, который приговорилъ мельника къ штрафу и заключенію въ тюрьму на нѣсколько мѣсяцевъ, чтобъ отбить у него охоту вѣшать людей по своей волѣ и быть судьею въ собственномъ своемъ дѣлѣ.

— Въ Сѣверной Каролинѣ какой-то Американецъ въ разныхъ штатахъ Союза, женился на тринадцати женахъ, которыя всѣ живы. Правительство обѣщало дать награду тому, кто арестуетъ многоженца. Одинъ шпионъ заманилъ его къ себѣ въ домъ и поручилъ своей женѣ угостить его, а самъ пошелъ за констаблемъ, чтобъ взять подъ охрану многоженца. Но этотъ молодецъ воспользовался отсутствіемъ мужа и скрылся неизвестно куда — съ его женою.

— Изъ Лозаны пишутъ о довольно смѣшномъ приключеніи, которое, однакожь, имѣло трагическую развязку. Тамъ жилъ недавно толстый, глухой и смѣшной лордъ, у котораго все земное блаженство состояло въ хорошемъ сытвомъ обѣдѣ съ ростбифомъ и нѣсколькими бутылками отличнаго рейнвейна. Жена этого джентльмена была прелестная блондура, красавица, за которую приволокнися молодой итальянскій живописецъ. Блондура леди сдѣлалась очень-задумчива, мечтательна, и начала бредить о самоубійствѣ; мужъ не зналъ чѣмъ поправить бѣду и съ горя выкурилъ въ одинъ день полсотни сигаръ, запивъ ихъ полдюжиною бутылкой рейнвейна. Между-тѣмъ леди отправлялась съ молодымъ живописцемъ разсматривать прекрасные виды швейцарскихъ ледниковъ — и пропала безъ вѣсти. Бѣдный лордъ началъ курить съ отчаяніемъ какъ паровозъ, и безпрестанно наливался рейнвейномъ. Потомъ онъ рѣшился черезъ Базель отправиться домой въ Лондонъ, чтобъ тамъ соорудить

дать великодушный маневръ въ память своей погибшей супруги. Но вообразите его удивление, когда онъ увидалъ на желѣзной дорогѣ жену свою, которая куда-то сѣвшила, подъ покровительствомъ своего друга, молодого живописца! Лордъ отпустилъ вѣсколько «годдемовъ» насчетъ жены своей, повѣхалъ на пароходѣ во Рейну, и утопился въ волнахъ его недалеко отъ Майнца.

— Нынешніе испанскіе студенты такъ же бѣдны, какъ были описаны въ «Жиль-Блазъ». Во всѣхъ испанскихъ газетахъ послѣднія страницы не рѣдко наполнены объявленіями, въ которыхъ студенты предлагаютъ свои услуги публикѣ. На-примѣръ, одинъ студентъ желаетъ въ свободные отъ ученія часы берется исправлять должность писца, на конторѣ купеческой или фабричной, говоря притомъ, что можетъ быть полезенъ въ домашнемъ быту, и замѣнять, по необходимости, цирюльника.

— Одинъ Берлинецъ слѣдующимъ образомъ объясняетъ вкусъ знаменитаго черепашьяго супа, который овариваютъ въ Лондонѣ: «еслибъ между, смоченную деревяннымъ масломъ и посыпанную перцемъ и другими пряностями, можно было протолкать въ горло человека, то подобное чувство ощутили бы вы при первой ложкѣ супа à la tortue, которымъ угостили

насъ въ одной извѣстной лондонской тавернѣ».

— Въ Нью-Йоркѣ появился силачъ, которому, по увѣренію Американцевъ, нѣтъ равнаго въ пломъ свѣтъ. Онъ называется Поль, и сдѣлалъ между прочимъ слѣдующую штуку. Привели въ циркъ двухъ сильныхъ лошадей, которыя должны были стащить съ мѣста геркулеса. Къ хомутамъ лошадей привязали ремешки постромки и слугами ими тело Поля, который легъ на крысую лѣстницу, держась за ступени ея руками и ногами. Лошадей поукали угрозами и бичомъ стащить силача съ лѣстницы, но всѣ усилія остались тщетны. Силачъ хотѣлъ повторить этотъ tour de force, но директоръ цирка не позволилъ, ибо публика могла уже увѣриться, что Поль точно первый силачъ въ свѣтѣ, хотя ему только 18 лѣтъ отъ роду.

— Извѣстный мастеръ разныхъ издѣлій изъ креноллина, Уднѣо, выдумалъ дѣлать изъ конскаго волоса дамскіе башмаки, называемые *медикрины*, которые теперь въ Парижѣ входятъ въ всеобщую моду. Онъ также дѣлаетъ для модныхъ скюртковъ и фраковъ подкладку изъ конскаго волоса, которая никогда не мнется и сохраняетъ свою выпуклую форму, слѣдовательно сообщаетъ хорошую и полную фигуру груди шелушлага фракта и даетъ пріятную округлость его талии.

М О Д Ы.

I. ДАМСКІЯ.

Теперь такая сѣнь въ нарядахъ, что навѣрное нельзя сказать, что больше въ модѣ — лѣтвіе, или осеніе костюмы. Баржевыя, кисейныя и вообще легкія матеріи смѣшиваются съ

гроденаплевыми, шерстяными и даже бархатными.

Платья дѣлаются не иначе, какъ со складками, воланами, или просто съ широкимъ рубцомъ. На кисейныхъ платьяхъ складки дѣлаются очень маленькія; но ихъ такъ много, что они по-

крываютъ всю юбку. На шелковыхъ, часто два большіе волана, обшитые или бахромой, или аграмантомъ. Лицы большимъ частью закрытыя, гладкіе, съ тремя швами напередѣ и безъ всякихъ украшеній. Открытыя лица дѣлаются очень-высоки, также гладкіе съ маленькимъ шипомъ — острымъ, или круглымъ. Ихъ шьютъ еще со сборками напередѣ; тогда тутъ необходимъ кушакъ съ длинными концами. Пелерники въ большой модѣ; онѣ носятя на открытыхъ и закрытыхъ лифахъ и доходятъ до самой талии. Рукава все еще узкіе; у иныхъ они полушироки; но это не очень-красиво. Полукороткіе рукава въ большомъ употребленіи. Они на три вершка не доходятъ до кисти, и на концѣ обшиваются широкими валенцами. Въ Парижѣ съ этими рукавами носятъ черныя бархатныя митены съ золотымъ свуркомъ и съ золотыми пуговицами; но здѣсь ихъ еще не видно.

Кардиналки (это большой косой воротникъ съ острыми концами и съ маленькимъ воротничкомъ) дѣлаются разнообразнѣе и красивѣе. Самыя старинныя украшенія воскресли для нихъ. Мы видѣли двѣ чрезвычайно-красивыя кардиналки: одна изъ бѣлой шерстяной матеріи, вышита кругомъ зеленымъ шелкомъ; а другая черная бархатная, на оранжевой подкладкѣ, обшита шелковымъ аграмантомъ, чернымъ съ оранжевымъ.

Платки и шарфы кисейные нынѣшнее лѣто были въ большомъ употребленіи; они дѣлались очень-роскошно; но все не могли побѣдять черныхъ кружевныхъ шарфовъ.

Шляпы визитныя почти всѣ съ перьями. Перья прикалываются больше на правую сторону, и такъ низко, что конецъ пера лежитъ совсѣмъ на плечѣ. Поля у всѣхъ шляпъ дѣлаются нынѣ съ острыми концами и гораздо-короче прошлагоднихъ; а тулья вавое-больше. Надобно замѣтить, что шляпы теперь надѣваются очень-низко на лобъ, такъ-что коса изъ-подъ тульи почти вся видна. Кофточки короткія и веширокія.

Т. XXIV.—Отд. VIII.

Чепчики все такіе же, какъ и прежде; только надѣваются больше на передѣ, и для этого коса зачесывается выше обыкновеннаго.

Коса безъ чепчика кладется довольно-низко и большею частью бантомъ; иногда къ ней примѣшиваются и ленты, или втыкаются двѣ золотыя шпильки на-искось.

II. МУЖСКІЯ.

Хотя мужскіе костюмы, не столько сложны въ своемъ составѣ, какъ дамскіе, не подвергаются такимъ быстрымъ, почти-ежедневнымъ измѣненіямъ, однакожъ, при переменѣ времени года, они тоже претерпѣваютъ болѣе или менѣе важныя перевороты. Такъ недавнее вторженіе пальто-простыхъ и пальто-мѣшковыхъ вытѣснило изъ области мужскихъ нарядовъ ваточныя сюртуки, бекеши и т. п., изобрѣтеніе бурнусовъ выключило въ отставку испанскіе длинныя плащи, короткіе воротники, и пр. и пр. Самый покрой фраковъ, брюкъ, жилетовъ, двѣтъ сукна, жилетныхъ и панталонныхъ матерій, пуговицы, воротники на фракахъ и сюртукахъ, — все это подвергается измѣненіямъ болѣе или менѣе важнымъ. Нынѣшняя осень и зима также не обойдутся безъ значительныхъ переменъ въ нарядахъ. Разумѣется, законодателемъ петербургскихъ мужскихъ модъ остается, по-прежнему, нашъ знаменитый портной-художникъ, *tailleur-agriste*, Г. ОЛИВЬЕ (на Невскомъ Проспектѣ, противъ Александринскаго Театра, въ домѣ *Бутримова*), который нынѣшнимъ лѣтомъ нарочно ѣздилъ въ Парижъ для того, чтобъ оттуда навести къ намъ и новыхъ покрововъ платья, и новыхъ матерій, и новыхъ мастеровыхъ отъ знаменитаго во всей Европѣ Стауба, котораго онъ имѣетъ честь быть однимъ изъ первыхъ учениковъ. Г. Оливье, по возвращеніи изъ Парижа, значительно распространилъ теперь

магазинъ свой, выставилъ на показъ публикѣ привезенные имъ товары, и вѣтъ ему отбоя отъ заказовъ, которыми осыпають его петербургскіе щеголи. Да и въ-самомъ-дѣлѣ, нельзя довольно налюбоваться всеми этими парижскими новинками. Советуемъ всякому, кто хочетъ быть одѣтъ хорошо, посоветоваться съ г-мъ Оливье и спра-

виться у него о послѣднихъ предвѣсникахъ моды. Можно быть увѣрену, что эти советы понравятся всякому образованному вкусу. Цѣны г. Оливье нѣсколько не выше цѣнъ другихъ портныхъ, между-тѣмъ, какъ самъ онъ, по искусству, выше всѣхъ своихъ петербургскихъ собратій.

— и л ъ .

ОГЛАВЛЕНІЕ

ДВАДЦАТЬ-ЧЕТВЕРТАГО ТОМА

ОТЕЧЕСТВЕННЫХЪ ЗАПИСОКЪ

НА 1842 ГОДЪ.

I. Словесность.

а) Стихотворенія:

Словену. (Изъ Гёте). А. Н.	
Струговщицова	1
Къподъзду!» Н. П. Огарева	42
Гансы къ С. В. И. Красова	43
Шумъла полвочная вьюга». А. Ф.	44
орога. Н. П. Огарева	174
ъ альбомъ автору «Курдюковой». М. Ю. Лермонтова	—
Сповѣдь. Н. П. Огарева	175
Внимаю ли порой словамъ любви». А. П. Майкова	176
Тривокъ изъ новости. Н. Тепловой	254
Кивая Вода. Барова Штраля	319
И. П. Соломирской. М. Ю. Лермонтова	320

б) Проза:

Кивая Картина. Повесть. А. Н.	3
Орасъ. Романъ Жоржа Занда. Часть вторая и последняя	45
Колесо Фортуны. Повесть Огюста Ариу	177

Охъ, Французы! Наборная повесть изъ бывшей, по-русски писанная. Графа Ф. В. Растворчича	257
---	-----

II. Науки и Художества.

Польская Конфедерационная Война. Изъ сочиненія Ф. Шмидта: «Жизнь и Походы Суверова». Статья вторая и последняя	1
Шекспиръ, какъ Человѣкъ и Дирикъ. В. П. Б—тк—на	24
Памяти Карамзина (Опроверженіе обвиненій, взводимыхъ на мнѣніе Карамзина о Ляпуновѣ). Бантышъ-Каменскаго	41
Последнее Путешествіе Дюмонд'Юрвиля къ Южному Полюсу и въ Океанію, въ 1837, 1838, 1839 и 1840 годахъ: 1) Изслѣдованіе Магелланова-Пролива; 2) Плаваніе во льдахъ	60

III. Современная Хроника Россіи.

Обзоръ современнаго движенія русскаго законодательства и распоряженій по государственному управленію за іюль и августъ 1842 года 1 и 9
Событія въ отечествѣ за іюль и августъ 1842 года 7 и 16

IV. Домоводство, Сельское Хозяйство и Промышленность вообще.

Записки Пензенскаго Земледельца о теоріи и практикѣ сельскаго хозяйства. Часть II-я. *Практическая часть сельскаго хозяйства.* §§ 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29 и 30. (Окончаніе). И. В. Савурова. 1 и 15
Задачи, предложенныя Ученымъ Комитетомъ Министерства Государственныхъ Имуществъ для конкурса на 1842—1843 годъ 31

V. Критика.

Речь о Критикѣ, произнесенная въ торжественномъ собраніи Санктпетербургскаго Университета, марта 2-5го дня 1842 года, экстра - ординарнымъ профессоромъ А. Никитенко. Статьи первая и вторая . . . 1 и 17

VI. Библиографическая Хроника.

1) Русскія книги, вышедшія въ августъ и сентябрь 1842 года:
Сумерки, соч. Е. Баратынскаго. 1
Христіанъ II и Густавъ-Ваза, соч. А. Лажечникова —
Осенніе Цвѣты, соч. М. Демидова. 2

Стр.
Вечерніе Досуги, соч. М. Демидова. —
Завѣтныя Думы, соч. М. Демидова. —
Наслѣдство Комедіанта, сочиненіе Поль-де-Кока 4
Черный Гробъ, изд. 2-е —
Сказка объ Игнашѣ Разуваѣ и проч., соч. И. Руссо. 5
Русскіе въ доблестяхъ своихъ, соч. С. Глинки —
Объ отношеніи семейнаго воспитанія къ государственному, соч. Шевырева. —
Описаніе Древнихъ Русскихъ Монетъ; приб. III 7
Поучительныя Слова протоіерея С. Соколовскаго. 8
Общій Отчетъ по Министерству Народнаго Просвѣщенія за 1841 годъ. —
Труды Импер. Вольн. Экономич. Общества 1842 года, треть первая 12
Описаніе Олонецкой Губерніи, сост. В. Дашковымъ 13
Картины Русской Живописи. Выпускъ III —
Римскіе Папы, соч. А. Ранке. 14
Девница Новоболгарскаго Образованія, соч. В. Априлова. —
Полное Наставленіе, какъ должно ходить за больными, соч. Э. Зауера, ч. II 15
Практическая Фармакологія, сост. К. Лебедевымъ 16
Московскій Адресъ-Календарь, сост. К. Нистремомъ, т. III. —
Истинная Ворожея 17
Краткій Отчетъ Москов. Дворц. Архит. Училища —
Энциклопедія Русскаго Городскаго и Сельскаго Хозяина-Архитектора, соч. П. Фурманна. —

Стр.		Стр.
20	Подробный Способъ Приготовленія Компостовъ.	
—	Русская Исторія, Н. Устрялова, часть V	
—	Краткая Россійская Исторія для низшихъ учебн. заведеній	
—	Краткая Всеобщая Географія К. Арсеньева, изд. 17.	
21	Всеобщая Географія, соч. Г. Бланка, т. I	
—	Краткая Всеобщая Географія, соч. Штейна	
—	Обозрѣніе Пяти Частей Свѣта, сост. И. Эйнерлингъ	
—	Упражненія въ Древней Исторіи, сост. А. Анкиевымъ	
22	Курсъ Чистой Математики, пер. П. Погорьльскаго	
—	Жизнь и Приключенія Робинзона Крузо. Вып. 2-й	
—	Подарокъ Прилежнымъ Дѣтямъ, сост. Э. Гольдомъ	
—	Русская Хрестоматія, изд. 3-е	
—	Руководство къ Изученію Русской Словесности, соч. П. Георгіевскаго	
29	Сочиненія Платона, ч. 2.	
35	Шекспиръ, вып. 10-й (Генрихъ VIII)	
—	Наши, вып. 12-й	
37	Картинки Русскихъ Нравовъ, книжки 3-я и 4-я	
38	Сплетни, тетр. 1 и 2-я	
39	Мать-Испанка, драм. представленіе	
—	Послѣдній Хеакъ, соч. В. Зотова	
—	Тоскана и Римъ, соч. М. Пужула	
40	Историческое описаніе одежды и вооруженія руссійск. войскъ, ч. 2-я	
41	Сказанія Князя Курбскаго, изд. 2-е	
42	Опытъ теоріи Стратегіи, соч. Языкова	
	Политическая и Военная Жизнь Наполеона, соч. барона Жомина; ч. 6-я	43
	Горный Словарь, сост. Григ. Спасскимъ. Ч. II.	44
	О средствахъ улучшенія пеньковой промышленности, состав. А. Бутовскимъ	—
	Красильное Искусство	—
	Правила для Рысистыхъ Лошадей, соч. С. Шишкина	—
	Священная Исторія	—
	Краткая Священная Исторія, изданная В. Полянскимъ	—
	Чтенія для Умственнаго Развитія Дѣтей, сост. Е. Гугелемъ	45
	Дѣтская Учебная Книжка, изд. 2-е	—
	Ариметика, изд. для Марьянской Школы гр. Строгановой	—
	Маркшейдерское Искусство, изд. для Горнозаводской Школы гр. Строгановой	46
	Пробирное искусство, изд. для той же школы	—
	Практическое Руководство къ Шведскому Языку, изд. Я. Лангеномъ	—
	Самоучитель Нѣмецкому Языку, изд. 2-е	—
	Начальныя Правила Русской Грамматики, изд. Н. Гречемъ; изд. 9.	—
	2) Книги, изданныя въ Россіи на иностранныхъ языкахъ	25
	Библиографическія и Журнальныя Извѣстія	26 и 47
	VII. Иностранная Литература.	
	Германская Литература	1
	Библиографическія Извѣстія	13

VIII. Смысь.

Засѣданія ученыхъ обществъ въ Россіи и чужихъ краяхъ:	Стр.	
1) Императорская Санктпетербургская Академія Наукъ.	1	
2) Парижская Академія Наукъ 1 и 81	81	
3) Парижское Аэростатическое Общество.	20	
4) Парижское Общество Поощренія	25	
5) Британское Ученое Общество.	96	
6) Парижская Академія Нравственныхъ и Политическихъ Наукъ	99	
Позѣдка въ Китай (статьи седьмая и восьмая). — Первый китайскій министръ. — Быстрое возвышеніе и паденіе сановниковъ. — Медицинскія понятія Китайцевъ. — Дома Китайцевъ. — Образъ постройки домовъ и внутреннее расположеніе комнатъ. — Меблировка. — Кладбища. — Императорскіе склепы. Дэ-Мина	26 и 117	
Литературный разговоръ въ книжной лавкѣ	32	
Позѣдка въ Сицилію и Мальту въ 1842 году. (Изъ писемъ къ редактору «Отеч. Записокъ»)		
Н. Сатина	99	
Театральная Лѣтопись:		
<i>Русскій Театръ въ Санктпетербургѣ:</i>		
Ифигенія въ Авлідѣ, трагедія, пер. М. Лобанова. — Школа Женщинъ, ком. Мольера, пер. П. Хмѣльницкаго. — Критика на «Школу Женщинъ», пер. Н. П. — Неровный Бракъ,		
др., соч. Скриба. — Волшебный Носъ, оп.-вод. А. Писарева. — Мать-Испанка, драм. предст. Н. Полеваго. — Учитель, ком. соч. В. З. — Обойщикъ, др. Байра и Дюмануара. — Выборы, вод. соч. Н. П. — Сынъ Милліонера, вод. — Супружеское Счастіе, ком. — Капитанъ второго ранга, ком.-вод., соч. Н. П. — Дядушка Назаръ Андреевичъ, вод., перед. П. Федоровымъ. — Барабанщикъ. вод. — Фортункинъ, вод. Д. Ленскаго. — Великій Актеръ, драма, соч. Каменскаго. — Жены наши пропали!, соч. П. Григорьева 1-го. — Комедія о войнѣ Федосьи Сидоровны съ Китайцами, сказка, соч. Н. Полеваго. — Комическія сцены изъ новой поэмы «Мертвая Душа» соч. Гоголя, составленныя Г***. — Король Энцио, драма, соч. Раупаха. — Наука и Женщина, ком. соч. Г***. — Тетушка и Добродѣтели, вод. — Солдатъ и Пастухъ, ком. опера. — Первый день Брака, ком., перед. Д. Ленскимъ	123	
Литературныя и Журнальныя Замѣтки	51 и 126	
Письма изъ-за границы. (Письмо XII): Берега Рейна и окрестные города — Тироль. — Дюссельдорфская и мюнхенская школы живописи и пр. А-ва.	58	
Разныя Извѣстія (125 статей).	65 и 135	
Моды (двѣ картинки модъ).		

НОВЫЯ ФРАНЦУЗСКІЯ КНИГИ,

полученныя въ книжномъ магазинѣ Я. А. Исакова, въ Санктпетербургѣ, въ Гостиномъ Дворѣ, № 22.

(Цѣны назначены по курсу на серебро.)

	P. K.		P. K.
РОСКОШНЫЯ ИЗДАНИЯ.		ETUDE sur André Vesale, précédée d'une notice sur sa vie et ses écrits, par Burgraeve. 1 vol. gr. in 8 Gand.	
LES PETITES MISÈRES de la vie humaine, livraisons 25 à 34. Abonnement pr. 50 livraisons.	4 30	TABLEAU SYNOPTIQUE des principaux cultes exercées par les habitants actuels de la terre, in folio. Zuric.	2 86
MOEURS, USAGES ET COSTUMES de tous les peuples du monde, livraisons 41 à 52. Abon. pr. 75 livraisons.	11 26	DU PAUPERISME et de la charité légale, par Remusat. 1 vol. in 18. Paris.	2 60
РОМАНЫ.			20
HORACE , par Georges Sand. 2 vol. in 18.	1 60	HISTOIRE DE LA VIE et des ouvrages de Spinesa, par M. Sainte. 1 vol. in 8. Paris. 1842.	2 15
MELCHIOR , par le même. 1 vol.	70	HISTOIRE DU REGNE de Louis XVI. Tome 3-e. Mirabeau et l'assemblée constituante, par Droz. Paris. 1842.	2 15
LA COUPE DE CORAIL , par mad. Melanie Woldor. 2 vol. in 18.	1 60	CURIOSITÉS D'ITALIE , par Valery. 1 vol. in 12. Paris. 1842.	90
LE MARCHAND D'ANTIQUITÉS , Ch. Dickens. 2 vol. in 18.	1 60	CARTE DE LA NAVIGATION à la vapeur dans la Manche, la mer du Nord, la Baltique, etc. présentant les lignes régulièrement parcourues, les époques de départ et d'arrivée des batiments, dressée par Piquet. Une feuille grande-aigle. Paris.	2
ROBERTINE , par mad. Banc. 1 vol.	80	HISTOIRE CRITIQUE et philosophique du Suicide, par Buonafede, trad. de l'italien. 1 vol. in 8. Paris.	1 43
ROSE HIMMEL , par M. Masson. 1 vol.	80	NOTICE sur divers appareils dynamométriques, par Morin. 1 vol. in 8. Paris.	1 43
ROBERT D'ABRISSEL , par E. Mesnard. 2 vol. in 18.	1 60		
LE MARQUIS DE JERZAY , par P. de Musset. 1 vol.	80		
LES ÎLOTS DE MARTIN-VAZ , par Edouard Corbière. 2 vol. in 18. Bruxelles. 1842.	1 60		
НАУКИ.			
UN MILLION DE FAITS , aide-memoire universel à l'usage de tout le monde. Un gros volume in 12 de 1700 colonnes avec 300 fig. intercalées dans le texte. Paris. 1842.	3 45		

P. K.	P. K.
COURS DE DESSIN industriel , par M. Normand, fils, Douliot, Krafft etc. 1 vol. in 18 et atlas in folio—	par M. Serre. 1 vol. in 8. Paris. 1 70
DES CHEMINS DE FER de l'Europe centrale, considérées comme lignes stratégiques, par Jardot. 1 vol. in 8. avec cartes. Paris. 1842. 1	DE LA PROSTITUTION et de ses conséquences dans les grandes villes, par Polton. 1 vol. in 8. Paris. 1842. 1 86
DES MACHINES A VAPEUR aux Etats-Unis d'Amerique particulièrement considérés dans leur application à la navigation et aux chemins de fer, trad. de l'anglais de Hodge D. Renwick et D. Stefenson. Un vol. in 4. et un atlas in folio. Paris. 1842. 16	TRAITÉ DE SECTIONS TENDINEUSES et musculaires dans le strabisme, la myopie, etc. par Bonnet. Un vol. in 8. avec atlas. Paris. 2 40
COURS D'ECONOMIE industrielle , par Blanqui l'ainé. 2 vol. in 8. Paris. 3 43	TRAITÉ sur la nature et la guérison des maladies chroniques, par Belliol. <i>Description des maladies de la peau.</i> 9-e édition. 1 vol. in 8. Paris. 2 15
TABLEAUX SYNOPTIQUES de chimie, par Kaepelin. in folio. Paris. 1842. 2 30	HISTOIRE DE MARIE LOUISE D'ORLÉANS , par mad. Sophie Gay. 2 vol. in 18. Bruxelles. 1842. 1 60
HISTOIRE DE FLORENCE , par Machiavelli, trad. nouv. de M. Périès. 1 vol. in 12. Paris. 1842. 90	LETTRES COCHINCHINOISES sur les hommes et les choses du jour écrites à l'empereur de la Chine, par trois mandarins de première classe. 3 vol. in 18. Paris. 60
HISTOIRE POLITIQUE de 1841,	HISTOIRE D'AUTRICHE et de Bohême, par Sundblad. 2 vol. in 12. Paris. 1 72

Господа многогородные благоволят адресоваться съ требованіями своими на имя *Якова Алексеева Исакова.*

Печатать возмолается. Старшій цензоръ Рочертъ.

**МУЗЫКАЛЬНЫЯ НОВОСТИ,
ПОЛУЧЕННЫЯ ВЪ МАГАЗИНѢ
М. БЕРНАРА.**

Въ С.-Петербургѣ, на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Чаплина, № 10.

Ассигнаціи.
Р. К.

ДЛЯ ВСЕГО ОРКЕСТРА ВАЛЬСЫ И ГАЛОПЫ.

И. Лабитцаго. Les fashionables, op. 55	12
----- Hommage au Prince Albert Galop, op. 59.	8
----- Tremolo-Walzer, op. 60	11
----- Lilien-Walzer, op. 61	11
И. Ланнера. Themis Strahlen-Walzer, op. 147	12
----- Harmonie-Ball-Tänze, op. 154	12
----- Malapou et Amazonen-Galop	10
----- Nymphen Galop	6
----- Contredanses françaises, op. 151	8
И. Страуса. Wiener Gemüths-Walzer, op. 110	10
----- Tanz-Recepte-Walzer, op. 119.	10
----- Cæcilien-Walzer, op. 120	12
----- Furioso-Galop.	8

КОНЦЕРТЫ ДЛЯ СКРИПКИ СЪ АККОМПАНИЕМАНОМЪ ОРКЕСТРА.

Ch. Beriot. 5-me Air Varié, op. 7.	7	75
----- Le Tremolo, caprice op. 30.	10	
Н. Ernst. Concertino, op. 12	24	
Т. Haumann. Variations sur l'air: Ma Céline	12	
Ф. Kalliwoda. 4-me Concertino, op. 100	22	
Ch. Lipinsky. Fantaisie et Var. sur l'Op: Les Huguenots, op. 26.	15	
Мayseder. Rondeau de Concert, op. 56	10	
Рановка. Adagio appassionato, op. 27.	5	
А. Pott. Gr. Concerto, op. 10	27	
Th. Tæglichsbeck. 2 Concerto, op. 14	12	
----- Var. sur un thème original, op. 17	10	

ЭТЮДЫ ДЛЯ ОДНОЙ СКРИПКИ.

Р. Baillot. L'art du violon, cah. 1 à 8.	18	
Beriot. Trois Caprices, op. 29	6	
Ф. Prume. Six grandes Etudes	7	50

МУЗЫКА ДЛЯ ЧАКАНА.

И. Страуса вальсы, какъ-то: Die Barggeister. Rosenblätter. Wiener Gemüths-Walzer. Myrthen-Walzer. Cæcilien-Walzer, каждый изъ этихъ вальсовъ по.	1	50
---	---	----

ДУЭТЫ ДЛЯ ФОРТЕПЬЯНО СЪ ДРУГИМЪ ИНСТРУМЕНТОМЪ.

Benedict et Tulou. Duo bril. sur la Somnambula, pour Piano et Flûte	9
Berr et Fesi 20-me fantaisie sur des motifs de l'op: Actéon, pour piano et clarinette	6
Diabelli Concordance pour piano et violon, № 26 et 27	8

	P. K.
Dessauer. 3-me Caprice pour piano et violon, op. 30	4
F. Hartmann. Fantaisie sur l'Op. Capuletti. pour piano et violon .	4
Herz et Lafont. 6 amusements pour piano et violon, chaque à . .	4 50
F. Kueken. Deux sonates faciles pour piano et violon. op. 12 . .	5
Kueffner. 35-me Potpourri pour piano et flûte	6
Kummer. Amusements pour les amateurs pour piano et violoncelle ou alto, op. 53	3

МУЗЫКА ДЛЯ ОДНОГО ФОРТЕПЬЯНО.

F. Burgmüller. Fantaisie sur l'op: Lucrezia Borgia, op. 69	4
— — — — — Gr. galop en forme de Rondeau, op. 70	3
— — — — — La prière dans le bois. Rondeau tyrolien, op. 71 . .	3
Collection d'Opéras modernes par Adam, Auber, Donizetti, etc. chaque à	4
Ch. Czerny. 6 rondeaux militaires d'après des marches favorites, op. 646, cah. 1 à 6, chaque à	2
— — — — — Impressions des opéras, 3 fantaisies sur des motifs fa- voris op. 648, cah. 1 à 3 chaque.	5
Th. Doehler. Trois morceaux bril. de salon, op. 29 chaque à . . .	4
— — — — — Fantaisie bril. sur la Beatrice di Tenda, op. 38	5
I. B. Duvernoy. Fantaisie sur le Guitarrero, op. 109	3 50
— — — — — dito sur Richard coeur de lion, op. 115	4
Heller. 4 rondos sur l'op. la Favorite, cah 1—2, chaque	3
H. Herz. 3 soeurs, 3 fantaisies sur des motifs originaux. op. 118, chaque	4 50
— — — — — Album de 1842. Ecrin des jeunes pianistes, contenant 8 morceaux	18
F. Schubert. 15 mélodies transcrites par Heller, chaque à	4

РУССКІЕ РОМАНСЫ ДЛЯ ПѢНІЯ.

Н. А. Титовъ. Дума, романсъ	1 75
Рейсигеръ. Мостикъ, романсъ	1 75
А. Алябьевъ. Два новые ромаса, слова А. Майкова:	
№ 1. Всему приходитъ свой чередъ	2
№ 2. Веселый часъ	2
П. Оелоровъ. Прости меня, любимый романсъ	1 40
М. Бернгардъ. 12 лучшихъ русскихъ народныхъ пѣсень	5 25
Любимый романсъ изъ Велисарія: Малютка племъ нося	1 75
Н. Бахметьевъ. Колыбельная пѣсня, слова Губера	1 75
Н. Дмитриевъ. Молитва. Романсъ, слова Лермонтова	1 40
В. Новиковъ. Романсъ: Я не могу ее забыть	1 75
Цыганская пѣсня: Ты не повѣришь, какъ ты мила	1 5
Гр. М. Ю. Вильгорскій. Бывало, слова Мятлева	2 62½
Любимый романсъ, черныи цвѣтъ	1 75
Осяповъ. Романсъ: Я васъ молю меня забыть	1 40

Тутъ же принимается подписка на музыкальный журналъ: «Nouvelliset, Revue musicale». Изданіе сіе содержитъ въ себѣ новѣйшія и лучшія произведенія извѣстныхъ сочинителей для фортепьяно. Подписная цѣна на весь годъ, 10 р. сер., съ пересылкою по почтѣ 12 руб. сереб. Въ этомъ же магазинѣ принимаются заказы на высылку флигелей и фортепьянъ лучшихъ мастеровъ. За превосходный тонъ и прочность инструментовъ ручается самъ Бернгаръ.

НОВЫЯ ФРАНЦУЗСКІЯ КНИГИ,

полученныя въ книжномъ магазинѣ Я. А. Исакова, въ Санктпетербургѣ, въ Гостиномъ Дворѣ, № 22.

(Цѣны назначены по курсу на серебро.)

НАУКИ.

	P. K.		P. K.
DICTIONNAIRE CLASSIQUE de l'antiquité sacrée et profane etc. par Bouillet. 2 très gros vol grand in 8. à 2 col. Paris.	5 15	trad. en français par Arnold d'Andilly. vol. gr. in 8. à 2 col. Bruxelles.	2 30
HISTOIRE DES PAPES depuis Saint Pierre jusqu' à Gregoire XVI, par M. Henrion. 2 vol. in 12. Bruxelles.	1 20	PRINCIPES du droit public maritime et histoire de plusieurs traités qui s'y rapportent, par le comte Lucchelli-Palli, trad. de l'italien, par A. de Galcani. 1 v. in 8. Paris. 1842.	1 30
HISTOIRE de la conquête de la Lombardie, par Charlemagne, sous Othon-le-Grand, par T. de Partouneaux. 2 vol. in 8. Paris 1842.	4 30	HISTOIRE DE ST. BERNARD et de son siècle, trad. de l'allemand de Neander, et augmenté par T. Vial. 1 vol. in 12. Paris. 1842.	1
HISTOIRE DES LETTRES aux cinq premiers siècles du christianisme, par Amedée Duquesnel. Tome 3. Paris.	2 15	EXERCICES PRATIQUES préparatoires au cours de la langue anglaise, par Robertson. 1 vol. in 18. Paris. 1842.	46
VIES DES PEINTRES , sculpteurs et architectes, par Giorgio Vasari, trad. de l'italien, annoté et commenté par Jeanron et Le Clanché. Tome 8. Paris. 1842. 8 volumes.	14 30	COURS DE PÉDAGOGIE ou principes d'éducation publique. 1 vol. in 12. Paris. 1842.	50
EGLISES BYZANTINES en Grèce, par Couchaud. Architecte, abon: pr. 15. livr. (10 livr. parus) de 3 planches chacune. Paris. 1842.	9 75	LE PELERIN , par le Vicomte d'Arincourt. 2 vol. in 18. Bruxelles. 1842.	1 60
REVOLUTIONS DE LA MER , par S. Adhemar. 1 vol. in 8. Paris. 1841.	50.	JOURNAL des économistes, revue mensuelle de l'économie politique, des questions agricoles etc. par Blanqui, Fazy, Rossi etc. abonnement par an (12 № №).	10
LES INDUSTRIE , metiers et professions en France. Un beau volume gr. in 8. orné de 100 dessins, par Henri Monnier. Paris. 1842.	3 15	Franc de port.	11 50
ŒUVRES de Sainte Thérèse,		SCIENCE DE FINANCES , exposée théoretiquement et pratiquement, par Jacob; trad. de l'alle., par Jouffroy. 2 vol. in 8. Paris.	6 86
		HISTOIRE DE CHARLEMAGNE et de son siècle, par Roy.	

	P. K.		P. K.
1 vol. in 12. Paris.	50	MANUEL du cours de chimie organique appliquée aux arts industriels et agricoles, par M. Payen etc. 2 vol. in 8. Paris. 1842.	6 30
GÉOGRAPHIE SACRÉE faisant connaître l'état de la Palestine depuis le temps des patriarches jusqu' à l'époque des voyages des apôtres, par Dufour. in 4; 7 cartes avec texte. Paris. 1842. etc.	2 15	RECHERCHES sur l'opération du Strabisme, par L. Boyer. 1 vol. in 8. Paris. 1842.	1 92
TABLEAUX CHRONOLOGIQUES et synchroniques d'histoire universelle, par Leclerc. 1-ère partie, in folio. Paris. 1842.	2 15	DES REMONTES de l'armée, de leurs rapports avec l'administration des haras, par le général Oudinot. in 8. Paris. 1842.	1 15
CHIMIE AGRICOLE des fumiers considérés comme engrais, par Girardin. 1 vol. in 8. Paris.	80	LES RESSOURCES DE QUINOLA , comédie en 5 actes, par Balzac. 1 vol. in 18. Bruxelles. 1842.	40
COURS ÉLÉMENTAIRE de mécanique industrielle, par Jarriz. 2 vol. in 8. avec atlas. Paris.	4 30	РОМАНЫ.	
PUBLICATION INDUSTRIELLE des machines, outils et appareils les plus perfectionnés et les plus récents, par Armengaud. 1 vol. gr. in. 8. avec atlas. in folio. Paris. 1842.. . . .	9 15	ALBERT DE SAINT-POUANCE (la noblesse de province), par le comte Horace de Villeil-Castel. 2 vol. in 18. Brux. 1842.	1 60
DE L'ÉQUITATION et des haras, par le comte de Savary. 1 gros vol. gr. in 4. avec planches. Paris. 1842.	6 43	JEROME RUDEIX , par le baron de Bazancourt. 2 vol. in 18. 1842.	1 60
		THÉRÈSE DUNOYER , par Eugene Sue. 2 vol. in 18. Brux. 1842.	1 60
		LE SPERONARE , par A. Dumas. tome 3-e. in 18. Brux. 1842.	80

На дняхъ вышелъ изъ печати 12-й выпускъ роскошнаго русскаго изданія

Н А Ш И.

Въ немъ заключается, какъ прежде было объявлено, полная статья **НЯНЯ**, соч. г-жи *** , украшенная 23 рисунками. Цѣна этому выпуску назначена 60 копеекъ серебромъ, хотя по расчету страницъ и слѣдовало бы платить за него 85 копеекъ. Статья **УРАЛЬСКІЙ КОЗАКЪ**, соч. Даля (Казака Луганскаго), **ИЗВОЩИКЪ**, князя С. П. Г... , приготовляются къ печатанію и выйдутъ въ непродолжительномъ времени. Гг. многородные вносятъ при подпискѣ на означенное изданіе шесть руб. сереб. за 14 выпусковъ, адресуя требованія на имя издателя, книгопродавца Якова Алексѣева Исакова, въ Гостиномъ Дворѣ № 22, въ Санктпетербургѣ.

Печатать позволено. Спершій ценсоръ Рочевскій.

